This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav
605
25

Sea - 25.10

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. ІЮЛЬ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Маркизъ Паулуччи въ погонѣ за тайными обществами въ Остзейскихъ губерніяхъ. ..... 5—32

II. Герцогъ Ришелье въ Россіи. П. М. Майкова. ... 33—49

III. Александръ I и Наполеонъ въ Эрфуртѣ. Гл. VI. (Окончаніе). Сообщ. В. П. Лачиновъ. ... 51—68

IV. Изъ воспоминаній Михайловскаго - Данилевскаго. 1818 г. Гл. I – III. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.... 69 -102

V. Къ біографіи Н. А. Полеваго. Сообщ. П. А. Шляпкинъ ..... 103—107

VI Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры. Гл II. А. Н. Попова. Сообщ. П. Н Цуриковъ..... 109 –124

VII. Адмиралъ Егоръ Ивановичъ Колтовской. (Краткій біографическій очеркъ) П. Голубовскаго . 125 - 138

VIII. Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго (Переписка его съ разными лицами). Сообщ. княгиня А. А. Голицина—графиня Остерманъ 139 - 163

IX. Мировой судъ въ Подоліи. (Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи). Окончаніе. Ив. Н. Захарьина (Якунина). 165—188

X. Историческія замѣтки. Г. М..... 189 – 195

XI. Русскій путешественникъ прошлаго вѣка за границею (Собственноручныя письма А. С. Шишкова 1776 и 1777 г.г.) ..... 197 –224

XII. Записная книжка „Русской Старины": «Сонъ» Стихотвореніе Аполлона Никифоровича Марина (стр. 50). — Рескриптъ Екатерины II кн. А. А. Вяземскому о формѣ одежды въ губерніяхъ для чиновниковъ и дворянства. 23-го окт 1782 г.— Объявленіе объ одеждѣ придворныхъ дамъ отъ 24-го окт. 1782 года. (108) — Желаніе Сената принести моленіе въ Казанскомъ соборѣ по случаю изгнанія непріятеля изъ Россіи. Сообщ. А. В. Безродный. (164) —Блюститель нравственности (Рапортъ казанскаго губ. прокурора Овцына министру юстиціи отъ 17 марта 1813 г.). Сообщ. А. В. Безродный (196).

XIII. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Сообщ. Л. В Евдокимовъ..... 161—176

XIV. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ адмирала Егора Ивановича Колтовскаго. Гравир. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1897.

VII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюля 1897 г.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Томъ девяносто восьмой.

Этотъ томъ Сборника содержитъ въ себѣ очень цѣнные матеріалы для біографіи императора Николая Павловича. На первомъ планѣ, по возможности, должны быть поставлены „Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія. Рожденіе и первыя два цать лѣтъ жизни (1796—1817 гг.)“, собранные, по приказанію императора Александра II, статсъ-секретаремъ барономъ М. А. Корфомъ. Трудъ этотъ, состоящій изъ предисловія и трехъ главъ, обнимающихъ собою разные періоды первыхъ годовъ жизни великаго князя Николая Павловича, былъ прочтенъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ и великими княгинями Анною и Маріею Павловнами, которые сдѣлали на поляхъ поднесеннаго экземпляра свои замѣчанія. Такимъ образомъ тѣ мѣста рукописи, противъ которыхъ не сдѣлано замѣчаній, должны считаться безусловно вѣрными, и трудъ барона Корфа, въ отношеніи достовѣрности приводимыхъ въ немъ свѣдѣній, получаетъ еще большее значеніе.

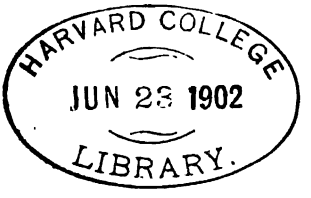
Въ предисловіи къ этимъ „Матеріаламъ“ читаемъ: „Недавно сказано, что исторіи не могутъ писать современники. Подъ перомъ ихъ, она, смотря по личному положенію, отношеніямъ и чувствамъ каждаго, вмѣсто правдивости и безпристрастія, почти всегда выходитъ или безусловнымъ хвалебнымъ гимномъ, или ослѣпленнаго страстями и предубѣжденіемъ хулою, панегирикомъ или сатирою. Но собираніе матеріаловъ для исторіи, напротивъ, должно лежать именно на обязанности современниковъ“, и далѣе: „Такъ точно изволитъ смотрѣть на сей предметъ государь императоръ Александръ Николаевичъ“.

Первый періодъ,—рожденіе и младенчество императора Николая I обнимаетъ время съ 1796 по 1802-й годъ. Еще въ началѣ апрѣля 1795 г. великій князь Павелъ Петровичъ уѣхалъ въ Гатчину и съ тѣхъ поръ почти не бывалъ уже въ Петербургѣ, даже не присутствовалъ почти ни на одномъ изъ важныхъ придворныхъ торжествъ и праздниковъ. Такъ изъ дворцовыхъ документовъ видно, что великаго князя не было при дворѣ ни 21-го апрѣля, въ день рожденія ея величества и празднованія именинъ дочери его великой княгини Александры Павловны, ни 27-го.

Императрица Екатерина II любила лично присутствовать при рожденіи своихъ внуковъ и внучекъ, но при рожденіи Николая Павловича она не присутствовала и прибыла на половину своего сына только послѣ увѣдомленія, полученнаго въ 8¾ ч. утра 25-го іюня 1796 года о томъ, что великая княгиня Марія Ѳедоровна благополучно разрѣшилась сыномъ. Это событіе произошло въ Царскомъ Селѣ, гдѣ жила императрица и куда ко времени предстоявшаго разрѣшенія переѣхала великая княгиня со своимъ супругомъ. О рожденіи великаго князя было объявлено въ Царскомъ Селѣ пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Далѣе въ этой главѣ баронъ Корфъ описываетъ крещеніе великаго князя, говоритъ о лицахъ штата новорожденнаго и преимущественно о тѣхъ, о которыхъ сохранились подробности, а именно о госпожахъ Ливенъ, Адлербергъ и Лайонъ. Послѣдняя была приглашена лично самою императрицею занять мѣсто няньки и въ теченіе семи лѣтъ была при великомъ князѣ. За это время ей не разъ случалось поступать наперекоръ приказаніямъ не только гувернантокъ и графини Ливенъ, но даже самой императрицы Маріи Ѳедоровны. Такимъ образомъ, во время болѣзней своего питомца, когда ее пугалъ какой-нибудь неожиданный поворотъ недуга, она вдругъ рѣшалась измѣнить предписанія докторовъ и взявъ на одну себя всю отвѣтственность, не предваряя о томъ ни одной изъ приставленныхъ дамъ, смѣло дѣйствовать по внушенію своего инстинкта и нѣкоторыхъ медицинскихъ познаній. Евгенія Васильевна Лайонъ до послѣднихъ дней своихъ гордилась тѣмъ, что хотя и была англичанкой, но первая учила великаго князя произносить русскія молитвы „Отче нашъ“ и „Богородицу“, первая также учила складывать персты для крестнаго знаменія. Николай Павловичъ былъ очень привязанъ къ своей нянѣ и сохранилъ свое уваженіе къ ней до самаго конца ея жизни.

Съ 1802 г. начинаютъ мало-по-малу занимать великаго князя ученьемъ, и ведется журналъ, ежедневно представляемый, въ видѣ рапорта дежурнаго кавалера, самой императрицѣ. Главный надзоръ за воспитаніемъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей былъ порученъ генералу М. И. Ламздорфу. Вовсе не понимая воспитанія въ истинномъ, высшемъ его смыслѣ, онъ шелъ прямо наперекоръ всѣмъ наклонностямъ, желаніямъ и способностямъ порученныхъ ему воспитанниковъ. Великіе князья были постоянно какъ бы въ тискахъ: они не могли свободно и непринужденно ни встать, ни сѣсть, ни ходить, ни говорить, ни предаваться обычной дѣтской рѣзвости; это была система холодныхъ приказаній, выговоровъ, наказаній, доходившихъ иногда до жестокости. Николай Павловичъ въ особенности не пользовался расположеніемъ своего воспитателя. Онъ былъ характера строптиваго, вспыльчиваго, а Ламздорфъ, вмѣсто того, чтобы умѣрять этотъ характеръ, [illegible]

P Slav 605. 25
~~Slav 25.10~~



Peirce fund

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ЗА 1891—1896 г.г.

СЪ ПЯТЬЮ ПОРТРЕТАМИ.

Третье прибавленіе къ систематической росписи «Русской Старины» изданной въ 1885 г.

Цѣна съ пересылкою: для подписчиковъ «Русской Старины» 1 руб., а для всѣхъ остальныхъ 1 руб. 50 коп.

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться въ контору редакціи журнала «Русская Старина»: Фонтанка, д. № 145.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку указателя только передъ тѣми лицами, которыя обратятся съ требованіями въ ея контору.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что Указатель напечатанъ въ *ограниченномъ* числѣ экземпляровъ.

---

*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библіографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго**, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ **1** р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

МАРКИЗЪ ПАУЛУЧЧИ

въ погонѣ за тайными обществами въ остзейскихъ губерніяхъ.

Въ настоящее время хотя и много напечатано матеріаловъ, проливающихъ свѣтъ на внутреннюю жизнь Россіи въ царствованіе Александра I-го, но они еще далеко не исчерпаны. Одною изъ интереснѣйшихъ эпохъ этого царствованія представляются двадцатые годы—періодъ обще-европейской реакціи, отразившейся и на нашемъ отечествѣ.

Давно уже извѣстно, что взгляды, привитые императору Александру I-му его воспитателемъ Лагарпомъ, шли прямо въ разрѣзъ тому общественному положенію, которое онъ занялъ, сдѣлавшись самодержавнымъ монархомъ. Требованія новаго званія, поддерживаемыя вѣковыми традиціями, были весьма трудно примиримы съ республиканскимъ складомъ идей. Тѣмъ не менѣе, въ первую половину своего царствованія, Александръ пытался примѣнять либеральные принципы, въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ,—на практикѣ. Небольшой кружокъ молодой русской интеллигенціи сочувственно на нихъ откликнулся; большинство же наврядъ-ли и могло понимать предпринимаемыя реформы; затѣмъ немало было и такихъ лицъ, которымъ всякое преобразованіе, всякое нововведеніе, выбивающее ихъ изъ наѣзженной колеи, было ненавистно.

Замершая при императорѣ Павлѣ общественная жизнь, съ восшествіемъ на престолъ его наслѣдника, снова очнулась и стала немного пошевеливаться. Нѣкоторыя ея проявленія кажутся теперь странными, какъ, напр., занятія нашихъ масонскихъ ложъ того времени, но тѣмъ

не менѣе и подобныя проявленія показывали, что мысль выпущена изъ сжимавшихъ ее тисковъ, и что ей предоставлена нѣкоторая самодѣятельность. Но черезъ какіе-нибудь два десятка лѣтъ все должно было перемѣниться.

Когда, съ паденіемъ Наполеона, улеглись бранныя тревоги, поглощавшія собою все вниманіе Европы,—естественнымъ образомъ снова выступило на первый планъ то возбужденіе умовъ, которое было наслѣдіемъ первой французской революціи. Стремленіе западныхъ правителей къ возстановленію до-революціоннаго порядка вещей встрѣтило сильную оппозицію въ распространившемся уже повсюду либеральномъ духѣ; но такъ какъ оппозиція эта не имѣла ни силы, ни возможности выражаться открыто, то сосредоточилась преимущественно въ тайныхъ обществахъ, сѣть которыхъ раскинулась по всей Европѣ.

На-ряду съ этимъ, вслѣдствіе разныхъ, болѣе или менѣе благопріятствующихъ, причинъ, сильно распространилась мода на мистицизмъ, нашедшій себѣ пріютъ отчасти въ масонскихъ, отчасти въ разныхъ піэтическихъ братствахъ. Всѣ эти общества и братства, основная цѣль которыхъ состояла въ усовершенствованіи существующаго порядка вещей, конечно были противны ярымъ реакціонерамъ, желавшимъ все поворотить на старый ладъ. Въ ихъ глазахъ подводились подъ одну категорію люди, стремившіеся къ преобразованіямъ въ политическомъ строѣ государствъ, съ тѣми, которые мечтали объ улучшеніяхъ въ бытѣ церковномъ и въ нравственномъ мірѣ человѣка. Всякое явленіе, выходившее изъ обыденныхъ, предписанныхъ рамокъ, казалось покушеніемъ на государственный переворотъ. Карбонаріевъ и піэтистовъ начали ставить чуть не на одну доску.

Съ воцареніемъ Александра I-го приливъ новыхъ идей въ Россію сталъ обильнѣе, и потому вышесказанныя явленія западно-европейской жизни повторились, до извѣстной степени, и у насъ. Появились тайныя общества, мистическія и піэтическія братства. Послѣднимъ, отчасти, покровительствовалъ и самъ государь. Масонскія ложи, напр., открывались съ разрѣшенія правительства, и состояли подъ непосредственнымъ контролемъ полиціи. Но съ тѣхъ поръ какъ Александръ I подпалъ вліянію Меттерниха и былъ смущенъ безпорядками, которые вызваны были происками разныхъ тайныхъ обществъ въ Западной Европѣ, настроеніе мыслей его—особенно со времени Лайбахскаго конгресса—сильно измѣнилось, и онъ сталъ подозрительно глядѣть на стремленіе общества ко всякаго рода самодѣятельности.

Въ близкихъ ко двору сферахъ, безъ сомнѣнія, скоро сдѣлалась извѣстною эта перемѣна въ умственномъ настроеніи властителя, и люди, враждебно относившіеся къ духу времени, не замедлили воспользоваться ею для всякихъ навѣтовъ на лицъ противной партіи и на

общества, стремившіяся (конечно, иногда ложными путями) къ самостоятельной дѣятельности на благо человѣчества. Нѣтъ причинъ думать, чтобы всеподданнѣйшія докладныя записки сенатора Кушелева [1]) были единственными въ своемъ родѣ. Но если Кушелевъ написалъ ихъ по собственной иниціативѣ, то и правительство, съ своей стороны, внушало состоящимъ на его службѣ чиновникамъ разыскивать, въ предѣлахъ ихъ административныхъ раіоновъ, всякія тайныя общества.

Что такого рода внушенія существовали—это доказывается нижеприводимыми фактами, изъ которыхъ видно, къ какого рода дѣятельности побуждали они иныхъ администраторовъ, поставлявшихъ себѣ за долгъ—во что бы то ни стало открыть какое-нибудь тайное общество и придавать громадное значеніе такимъ фактамъ, опасность которыхъ была, въ сильной степени, создана ихъ собственнымъ воображеніемъ. Слѣпая ли ненависть ко всему выходящему изъ сферы казенныхъ предписаній и разрѣшеній, желаніе ли угодить высшимъ, ложное ли пониманіе даваемыхъ имъ внушеній, простая ли ограниченность ума—трудно сказать, что́ было причиною ихъ пессимистическихъ донесеній, обращавшихъ муху въ слона.

Къ числу подобныхъ документовъ относятся три докладныя записки, представленныя императору Александру I генералъ-адъютантомъ маркизомъ П а у л у ч ч и, управлявшимъ въ началѣ 1820-хъ годовъ Остзейскими губерніями.

Казалось, какое бы подозрѣніе могло коснуться этого края, гдѣ феодальные нравы дворянства и разныя привилегіи, которыми пользуется буржуазія, служатъ ручательствомъ за консерватизмъ этихъ сословій, и гдѣ крестьяне, въ то время, конечно, не смѣли помышлять о какихъ либо самостоятельныхъ попыткахъ къ улучшенію своего быта?—Однако и эти, вполнѣ повидимому надежныя, губерніи не были оставлены въ покоѣ.

Дѣло началось съ того, что маркизомъ Паулуччи получено было письмо князя Волконскаго (отъ 15-го ноября 1820 г.), написанное, вѣроятно, по высочайшему повелѣнію, судя по близости писавшаго къ государю,—о предполагаемомъ учрежденіи въ Ригѣ новой масонской ложи и о проникновеніи въ Россію эмиссаровъ отъ разныхъ тайныхъ обществъ.

---

[1]) Напечатанныя въ мартовской и апрѣльской книгахъ „Русской Старины“, 1877 г. Томъ XVIII.

I.

Послѣдствіемъ этого письма была первая докладная записка маркиза Паулуччи, отъ 19-го декабря 1820 г.

Онъ начинаетъ ее съ заявленія себя противникомъ всякихъ тайныхъ обществъ и, затѣмъ, докладываетъ государю, что по письму князя Волконскаго наложилъ запретъ и на двѣ существовавшія въ Ревелѣ франк-масонскія ложи—единственныя въ Остзейскомъ краю—хотя оныя и существовали въ силу разрѣшенія министра юстиціи и, «по отдаленности отъ Пруссіи и Польши, не могли имѣть никакихъ злокачественныхъ результатовъ».

«Я счелъ своимъ долгомъ—пишетъ маркизъ—пригласить директоровъ помянутыхъ ложъ, для дачи обязательствъ въ прекращеніи работъ оныхъ, впредь до новаго приказанія, при чемъ внушилъ имъ, чтобы о распоряженіи этомъ они не разглашали. Съ ихъ стороны получено мною формальное заявленіе, что они поспѣшили исполнить это приказаніе, и постараются, чтобы оное сдѣлалось извѣстнымъ только тѣмъ, кого касается».

Донося объ этомъ уничтоженіи ревельскихъ ложъ, Паулуччи счелъ, однако, долгомъ выгородить остзейское дворянство и буржуазію отъ всякаго подозрѣнія въ отсутствіи легальности,—дѣлая только легкіе извѣты относительно у ч е н а г о сословія.

«Зная духъ,—говоритъ онъ,—господствующій въ трехъ губерніяхъ, ввѣренныхъ моему управленію, я могу утвердительно говорить, что если бы тамъ и существовали масонскія ложи, то онѣ никогда не обратились бы въ ложи карбонаріевъ; но при этомъ я полагаю, что многія лица изъ ученаго сословія, особенно тѣ, которыя пріѣзжаютъ изъ-за границы, чтобы поискать счастія у насъ, не преминули бы, въ случаѣ существованія открытыхъ ложъ, воспользоваться этимъ для распространенія своихъ космополитическихъ идей.

«Не лишнимъ будетъ замѣтить, что дворянство сихъ губерній смотритъ на себя вообще какъ на главную цѣль, противъ которой направлены нападки фантазеровъ-космополитовъ. Члены этого дворянства, состоя на службѣ вашего величества, отличаются своимъ усердіемъ и преданностію вашей августѣйшей особѣ; дома же, у себя, мирно занимаются своими хозяйственными дѣлами. Что касается другихъ просвѣщенныхъ классовъ общества, то только въ Ригѣ, Ревелѣ, Митавѣ и Либавѣ они довольно многочисленны для того, чтобы лица, желающія привить имъ демагогическія идеи, могли разсчитывать, что трудъ этотъ не пропадетъ даромъ. Но Рига и Ревель, пользуясь старинными преимуществами, почитаютъ себя слишкомъ счастливыми для того,

чтобы подобныя попытки могли повлечь за собою какія-либо послѣдствія. Рига, во время послѣдней войны (1812 г.), представила неоспоримыя доказательства своей преданности вашему императорскому величеству; а въ Ревелѣ, конечно, преобладаютъ тѣ же чувства, хотя благосостояніе онаго значительно уменьшилось. Митава и Либава заслуживаютъ такого же свидѣтельства по ихъ хорошему поведенію, особенно въ тѣ же пять мѣсяцевъ, въ продолженіе коихъ они были заняты непріятелемъ. Несмотря на то, что, вслѣдствіе особеннаго покровительства, оказываемаго въ послѣднее время жидамъ, буржуазія этихъ городовъ почти совершенно лишена возможности вести свою торговлю,—ихъ неудовольствіе нисколько не вліяетъ на привязанность къ правительству».

Почтивъ такимъ образомъ дворянство Остзейскихъ губерній и гражданъ городовъ: Риги, Ревеля, Митавы и Либавы, Паулуччи уже прямо переходитъ къ политической, якобы, неблагонадежности ученыхъ, пребывающихъ въ Дерптѣ (Юрьевѣ),—который онъ даже называетъ у ч е н о ю р е с п у б л и к о ю.

«Относительно управленія, господствующаго между учеными, писалъ Паулуччи, мнѣ невозможно дать такого же свидѣтельства, по той причинѣ, что они вообще проникнуты духомъ, господствующимъ въ германскихъ университетахъ, въ которыхъ многіе изъ нихъ обучались. Занимаясь безпрестанно литературными произведеніями, они первые знакомятся съ такъ называемыми возрождающимися идеями, которыми и наполнены ихъ умы. Да, впрочемъ, они и повсюду образуютъ собою партію либераловъ, вслѣдствіе зависти, питаемой ими къ привилегіямъ дворянства.

«Вообще, нечего опасаться поведенія обитателей какъ помянутыхъ четырехъ городовъ, такъ еще менѣе и другихъ городовъ, гдѣ буржуазія весьма малочисленна. Въ Либавѣ, Ревелѣ и Митавѣ общественное мнѣніе направляется дворянствомъ; что касается Риги, то смѣю льстить себя надеждою, что мое тамъ присутствіе оказываетъ подобающее дѣйствіе. Единственный городъ, который въ этомъ смыслѣ составляетъ исключеніе, есть Дерптъ (Юрьевъ). Эта ученая республика, находясь, по организаціи своей, въ полной независимости отъ губернскихъ властей, образуетъ особое государство, которое, однако, не въ состояніи прямо нарушать существующій порядокъ, но, по примѣру многихъ германскихъ университетовъ, ограничивается п о д г о т о в к о ю обучающагося тамъ юношества къ воспріятію утопическихъ идей.

«Могу по совѣсти поручиться, что общества, имѣющія въ виду, посредствомъ разныхъ махинацій, пропагандировать принципы карбонаріевъ, въ настоящее время здѣсь не могутъ имѣть никакого непосредственнаго вліянія».

Этимъ донесеніемъ и могъ бы ограничиться маркизъ Паулуччи,

тѣмъ болѣе, что она основана была, по собственнымъ его словамъ, «на точномъ изслѣдованіи нравственнаго состоянія обывателей балтійскихъ провинцій», но его смутили указанія князя Волконскаго на «несомнѣнныя извѣстія», полученныя изъ посольства нашего въ Неаполѣ, о проникновеніи, будто-бы, зловредныхъ эмиссаровъ въ названныя провинціи и объ образованіи тамъ тайныхъ сборищъ. И вотъ, Паулуччи задается мыслью такъ или иначе отыскать заговорщиковъ и указать на нихъ правительству. Для сего онъ считаетъ нужнымъ подробно развить свои взгляды на тайныя общества вообще.

Не отрицая первобытной чистоты намѣреній, которыми нѣкоторыя изъ сихъ обществъ вначалѣ руководились, онъ вслѣдъ засимъ различными примѣрами изъ исторіи, старается доказать, что всѣ они подпадали вліянію интригановъ и честолюбцевъ, пользовавшихся ими какъ орудіемъ для своихъ личныхъ преступныхъ цѣлей.

«Сильно ошиблись бы тѣ люди, — говоритъ онъ, — которые въ иныхъ ассоціаціяхъ усматривали бы только стремленіе къ добру (какъ, напримѣръ, въ библейскихъ обществахъ), между тѣмъ какъ въ другихъ видѣли бы только ядъ, ихъ проникающій. По моему мнѣнію, всѣ они [1]) стремятся къ одной цѣли—къ перемѣнамъ въ существующемъ порядкѣ, какъ политическомъ, такъ и религіозномъ; всѣ работаютъ надъ подготовкою революцій, а слѣдовательно и всѣ, безъ исключенія, не могутъ быть терпимы правительствомъ мудрымъ, не желающихъ ставить на карту свое спокойствіе и существованіе».

Упомянувъ затѣмъ о необычайномъ размноженіи тайныхъ обществъ по всей Европѣ; объ искусномъ дѣйствіи ихъ скрытыхъ руководителей, умѣющихъ извлекать для себя пользу изъ всевозможныхъ обстоятельствъ и не стѣсняющихся въ выборѣ средствъ, Паулуччи довольно неожиданно нападаетъ на учрежденіе, которому особенно покровительствовалъ самъ императоръ Александръ I.

«Изъ сказаннаго мною видно,—говоритъ онъ,—что я подозрѣваю, что библейскія общества обратились въ дѣятельное орудіе для иллюминатовъ, которымъ, посредствомъ сихъ обществъ, удастся незамѣтнымъ образомъ ввести измѣненія во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ и посѣять между народами зародыши непокорности и независимости».

Накинувъ, такимъ образомъ, тѣнь подозрѣнія и на процвѣтавшее у насъ въ то время библейское общество, маркизъ заключаетъ, что, по его мнѣнію, «е с л и извѣстія, полученныя изъ Неаполя, содержатъ

---

[1]) „Масонство всякаго рода, взаимное обученіе, библейскія общества, мистика, чрезмѣрное благочестіе, умѣренный католицизмъ принадлежатъ къ числу средствъ, которыми пользуются для уничтоженія всего существующаго". Примѣч. маркиза Паулуччи.

въ себѣ достовѣрныя указанія, то есть только одна возможность сборищъ, скрывающихъ въ себѣ политическія цѣли, а именно,—если демагогамъ удалось укрыться въ собраніяхъ, учрежденныхъ для особаго рода богослуженія.

«Хотя видимая цѣль этихъ обществъ, состоитъ въ поднятіи религіознаго культа, что̀ само по себѣ достойно уваженія, но при этомъ не безъ основанія слѣдуетъ опасаться, чтобы подъ личиною усердія и благочестія туда не проскользали эмиссары новыхъ ученій—политическихъ и религіозныхъ. Слѣдующія обстоятельства подали поводъ къ этому подозрѣнію.

«Доктрины, воспринимаемыя въ помянутыхъ обществахъ, имѣютъ отчасти такой характеръ, что не только не соотвѣтствуютъ требованіямъ гражданскаго порядка, но и могутъ побуждать невѣжественную толпу къ возстанію противъ существующихъ учрежденій и нарушенію общественнаго спокойствія. Такова, напримѣръ, доктрина, провозглашающая, что «усердныя и постоянныя молитвы могутъ омыть отъ всякаго грѣха»: она, естественнымъ образомъ, даетъ невѣждамъ поводъ вѣрить, что вслѣдствіе молитвъ всякій дурной поступокъ ихъ можетъ быть прощенъ. Такова, затѣмъ, доктрина, проповѣдующая, что надобно слѣдовать указаніямъ, заключающимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священнаго писанія, и дѣйствовать по вдохновенію, даруемому усердною молитвою. Доктриною этою легко можно злоупотреблять для оправданія всѣхъ предпріятій, подсказываемыхъ коварствомъ и жадностью, такъ какъ ни одинъ изъ членовъ ассоціацій не откажется вѣрить своему собрату, имѣя притязанія на то, чтобы и его собственному вдохновенію вѣрили. Вообще нельзя сомнѣваться въ томъ, что нѣтъ средства болѣе вѣрнаго для достиженія всякой цѣли, для осуществленія замысловъ коварства, корыстолюбія и злобы.

«Не лишнимъ будетъ замѣтить, что въ этихъ именно религіозныхъ обществахъ работаютъ надъ введеніемъ перемѣнъ въ разныхъ церквахъ, что̀, напримѣръ, видно изъ попытокъ къ соединенію церквей лютеранской и реформатской, съ цѣлью ввести разныя модификаціи между латинской и протестантской церквами, при осуществленіи которыхъ (модификацій) неминуемо возникли бы расколы и между католиками, и между протестантами. Если бы эти планы приведены были въ исполненіе и власть перешла въ руки вожаковъ, нынѣ облекающихся покровомъ благочестія, тогда увидали бы, къ какимъ цѣлямъ они хотятъ направлять толпу! Особенно подозрительнымъ должно казаться то обстоятельство, что всѣ тѣ лица, которыя въ Германіи стоятъ во главѣ религіозныхъ общинъ и отправляются въ сѣверныя страны, объявляя, что предпринимаютъ этотъ путь, п о к о р я я с ь в д о х о в е н і ю с в ы ш е, что всѣ они, безъ исключенія, продолжительное время прожи-

вали во Франціи, и именно въ Парижѣ, а это мѣсто, конечно, не изъ наиболѣе способствующихъ къ развитію религіознаго фанатизма въ иностранцахъ. Но со временъ французской революціи было много примѣровъ, что въ подражаніе мудрецамъ древней Греціи, отправлявшимся въ Египетъ для посвященія себя въ религіозныя мистеріи, новѣйшіе фанатики, желающіе посвятить себя политическимъ реформамъ, спѣшатъ ѣхать во Францію, гдѣ лица, возбудившія подозрѣнія въ своемъ отечествѣ, могутъ разсчитывать на пріютъ и покровительство».

Послѣ этихъ инсинуацій, обнаруживающихъ въ ихъ авторѣ такого человѣка, которому уже все начинаетъ казаться подозрительнымъ и грозящимъ опасностью государству, Паулуччи прямо переходитъ къ указанію на личности, заслуживающія, по его мнѣнію, особаго надзора.

«Долгомъ считаю,—говоритъ онъ,—представить вашему императорскому величеству мои подозрѣнія относительно обоихъ братьевъ Хейнлетъ (Heinlett), назначенныхъ директорами училищъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Оба они австрійскіе подданные, но давно уже проживавшіе въ Баваріи (нѣкогда главномъ гнѣздѣ иллюминатовъ). За ними потребно самое строгое наблюденіе. Называя себя «евангелическими католиками», они уже этимъ заявляютъ себя реформаторами, такъ какъ принадлежатъ собственно церкви латинской. Они, избравъ наименованіе «евангелическій католикъ», хотятъ показать, что уклоняются отъ ученія римской церкви, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вполнѣ раздѣляютъ мнѣнія и ученія церкви протестантской. Назначеніе подобныхъ сектаторовъ директорами общественныхъ учебныхъ заведеній должно имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ то, что многіе изъ учениковъ будутъ ими совращены, и что родители не въ состояніи будутъ хладнокровно смотрѣть на это.

«Если существующая въ Россіи терпимость относительно всѣхъ вѣроисповѣданій служитъ одною изъ лучшихъ похвалъ мудрости ея правительства, то нельзя же, однако, полагать, что терпимость эта можетъ доходить до покровительства всякимъ, вновь образуемымъ сектамъ; потому что, если правительство и не имѣетъ власти учреждать новыя вѣрованія, то въ его власти, такъ же, какъ и въ его интересахъ,—охранять тѣ вѣрованія, которыя въ государствѣ уже существуютъ. Если же, напротивъ того, вздумаютъ покровительствовать новымъ идеямъ въ религіи, то поселятъ смущеніе въ умахъ, что̀ весьма неполитично и вездѣ, а тѣмъ паче въ Россіи, такъ какъ у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо причинъ относиться къ этому предмету съ величайшимъ вниманіемъ.

«Замѣтнымъ образомъ распространяющаяся въ низшихъ сословіяхъ народа секта старовѣровъ, по проповѣдуемымъ ею ученіямъ, отнюдь не благопріятна для порядка и спокойствія въ государствѣ. Если кромѣ того возникнутъ расколы въ церквахъ латинской и протестантской, то

навѣрное надобно будетъ опасаться событій, нарушающихъ общественное спокойствіе.

«Я долженъ вѣрить, что министры вашего императорскаго величества слишкомъ благоразумны и просвѣщенны для того, чтобы къ нравственнымъ задачамъ относиться слегка; они, конечно, знаютъ, что если покровительствуешь лицамъ, которыя измѣняютъ своимъ священнѣйшимъ обязанностямъ, то приготовляешь самое вѣрное средство для того, чтобы тебя самого предали. Если въ предметѣ, столь важномъ какъ религія, допускать производство перемѣнъ или преобразованій, то возможно ли порицать и препятствовать желанію измѣненій и нововведеній по другимъ предметамъ.

«Съ тою откровенностью, которую ваше императорское величество такъ хорошо умѣете цѣнить, и которою я передъ вами обязанъ какъ по мѣсту, которое имѣю честь занимать, такъ и по запросу, адресованному мнѣ отъ вашего имени,—я, послѣ всего вышеизложеннаго, долженъ заключить, что, по моему мнѣнію, необходимо принять слѣдующія мѣры:

1) Воспретить по всей Имперіи всѣ тайныя общества и сборища, потому что они представляютъ орудіе, которымъ плуты такъ же легко могутъ воспользоваться, какъ и честные люди. Ваше величество, какъ въ сердцѣ своемъ, такъ и въ мудрости своей найдете средство отнять у этой мѣры всякій характеръ гоненія.

2) Ваше императорское величество благоволите повелѣть, чтобы приняты были самыя дѣйствительныя мѣры къ строжайшему наблюденію за всѣми сборищами, соединяющимися для молитвъ, — на тотъ конецъ, чтобы они не стремились къ нововведеніямъ въ религіи и чтобы не могли въ нихъ проникнуть виды политическіе.

3) Братья Хейнлетъ, профессоры Ледебуръ (Le de-Buhr) и Хенци, также Госснеръ, Уде (Uhde) и Линдель, которымъ поручено воздѣлывать дѣвственную ниву и которые всѣ называются «братьями странниками» или «Сіонскими братьями», должны подвергнуться самому тщательному надзору,—дабы съ точностью узнать не только предшествовавшія ихъ сношенія, но и тѣ, которыя они въ настоящее время имѣютъ какъ въ Россіи, такъ и за границею.

«Если лица, за которыми я, на первый разъ, прошу только строжайшаго и безпристрастнѣйшаго надзора, окажутся лишь горячими головами и энтузіастами, сердце коихъ, въ сущности, чисто,—то есть поводъ думать, что они игралище и орудіе въ рукахъ интригановъ, а въ такомъ случаѣ, заслуживая сами по себѣ сожалѣнія, они тѣмъ не менѣе опасны для порядка и общественнаго спокойствія.

«Я знаю, что донесеніе это, по важности своего содержанія, тре-

буетъ болѣе подробныхъ разъясненій; но я намѣренъ представить таковыя, когда буду имѣть счастіе лично повергнуться къ стопамъ вашего величества.

«Если я слишкомъ распространился по сему вопросу, то льщу себя надеждою, что ваше императорское величество отнесетесь къ этому съ тою снисходительностью, которую всегда мнѣ оказывали, во вниманіе къ моему усердію. Если въ тайныхъ обществахъ я усматриваю болѣе зла, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, то вы простите меня, во уваженіе важности предмета и тѣхъ опасеній, которыя внушаетъ мнѣ духъ вѣка.—Впрочемъ, я чистосердечно выразилъ мои мнѣнія, почерпнутыя изъ исторіи, которая показываетъ, что всѣ революціи производимы были тайными обществами».

II.

Во второй докладной запискѣ, помѣченной 10-мъ апрѣля 1821 года (изъ Риги), маркизъ Паулуччи предается болѣе подробному развитію своихъ взглядовъ на религіозныя общины вообще и на существующее (по его убѣжденію) въ Остзейскихъ губерніяхъ особое мистическое согласіе, которое онъ называетъ «евангелическимъ обществомъ».

Общество это, по словамъ маркиза: «доселѣ еще чуждо политической закваски, но, однако, заключаетъ въ себѣ всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться весьма вреднымъ для общественнаго спокойствія и порядка».

Прежде чѣмъ представить какіе либо аргументы противъ членовъ указываемаго имъ общества, Паулуччи опять повторяетъ свое мнѣніе о вредѣ всякихъ религіозныхъ сектъ и о той опасности, которою онѣ, подкапываясь подъ установленную въ государствѣ религію, угрожаютъ самому государственному политическому порядку.

«По всему мною изложенному—пишетъ онъ,—ваше императорское величество могли убѣдиться, что я имѣю достаточно сильныя причины къ подозрѣніямъ противъ этой религіозной секты; а между тѣмъ, не могу сомнѣваться въ томъ, что гораздо легче проникнуть въ глубочайшія мистеріи другихъ тайныхъ обществъ, нежели хотя сколько-нибудь приподнять завѣсу, прикрывающую эту секту.

«При собраніяхъ другихъ тайныхъ обществъ, въ моменты, назначаемые для подготовки умовъ къ политическимъ реформамъ, искусный наблюдатель могъ бы еще усмотрѣть, къ чему они стремятся, но всѣ

труды его будутъ безполезны въ собраніяхъ обществъ евангелическихъ, потому что всѣ подготовительныя средства, употребляемыя сими обществами, для осуществленія ихъ тайныхъ видовъ, имѣютъ совершенно особый характеръ. Въ подобныхъ собраніяхъ о всякихъ житейскихъ дѣлахъ безусловно умалчивается, и молитвы составляютъ ихъ единственное занятіе.

«Вообще, вся видимая цѣль піэтическихъ сектъ направлена только къ тому, чтобы покорить себѣ волю и разумъ человѣка и заставить его слѣпо повиноваться или собственному вдохновенію, или тому лицу, которое руководитъ имъ во спасеніе души.

«Будучи увѣренъ въ безплодности моихъ розысковъ, если основывать ихъ только на тщательномъ и тайномъ надзорѣ со стороны полиціи, я убѣдился, что мнѣ не остается инаго средства для уясненія себѣ тайныхъ крамолъ и политическихъ стремленій евангелическаго общества, какъ разсмотрѣніе корреспонденціи нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Вслѣдствіе сего я счелъ нужнымъ приказать начальнику почтъ въ Лифляндіи—вскрывать и передавать мнѣ всѣ письма, получаемыя и отсылаемыя директоромъ лифляндскихъ школъ Хейнлетомъ старшимъ, равно какъ и нѣкоторыми другими, указанными мною лицами, соблюдая, конечно, при исполненіи этого приказанія моего, величайшую предосторожность и глубочайшую тайну».

Сколь ни желательно было маркизу открыть грозящій общественному порядку заговоръ, но придуманная имъ радикальная мѣра не привела однако, къ ожидаемымъ результатамъ. Это обнаруживается нижеслѣдующимъ собственнымъ сознаніемъ его, равно какъ и выписками, представленными имъ изъ «перлюстрованныхъ» писемъ.

«Разъясненія, мною пріобрѣтенныя, — пишетъ Паулуччи, — не могутъ служить положительнымъ доказательствомъ того, о чемъ идетъ рѣчь, хотя, однако, даютъ самые основательные поводы къ заподозриванію политическихъ цѣлей. Не менѣе того, они весьма интересны въ другомъ отношеніи.

«Доказательствомъ сему можетъ служить содержаніе многихъ писемъ, которыя были мнѣ доставлены вышеозначеннымъ образомъ и копіи съ которыхъ повергаю на воззрѣніе вашего императорскаго величества.

«№ 1. Этимъ письмомъ сынъ негоціанта Таушница (въ Лейпцигѣ) удостовѣряетъ господина Хенци, находящагося въ Дерптѣ [1]),

---

[1]) „По статутамъ университета, теологическій факультетъ, въ случаѣ открытія профессорской вакансіи, имѣетъ право самъ предлагать лицо для замѣщенія оной. Тѣмъ не менѣе графъ Ливенъ заблагоразсудилъ самъ сдѣлать это замѣщеніе, и когда открылась вакансія на каѳедру экзегетики, обратил-

что миссіонеры Штейнкопфъ и Блумгардъ, предназначенные для Германіи, весьма обрадовались, узнавъ, что онъ согласенъ заняться воздѣлываніемъ окружающей его дѣвственной почвы,—а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ, что Хейнлетъ старшій, пребывающій въ Ригѣ, состоитъ въ близкой связи съ Линделемъ и Госнеромъ и что онъ весьма друженъ съ Рённебергомъ (въ Лондонѣ)».

«№ № 2, 4, 5, 17 и 18. Изъ этихъ писемъ видно, что Хейнлетъ младшій отказался принять мѣсто директора училищъ въ Курляндіи по той причинѣ, что вмѣсто 4.000 руб. ассигнаціями, онъ разсчитывалъ получать ту же сумму чистымъ серебромъ; въ этихъ письмахъ онъ (Хейнлетъ) называетъ статскаго совѣтника Пезаровіуса [1]) замѣчательно-братолюбивымъ,—разсказываетъ, что любезный ему статскій совѣтникъ Поповъ [2]) обрадовалъ его своимъ визитомъ, и что онъ имѣлъ у князя Голицына разговоръ, продолжавшійся полтора часа; что графъ Ливенъ дѣйствительно былъ сначала недоволенъ его отказомъ отъ принятія мѣста директора училищъ въ Курляндіи, но что, однако, вслѣдствіе объясненій, ему представленныхъ, кончилъ тѣмъ, что призналъ этотъ отказъ за волю Провидѣнія.—Онъ (Хейнлетъ) извѣщаетъ, что князь Голицынъ предоставилъ ему, въ видѣ пенсіи, половину его содержанія, пока онъ не получитъ мѣсто, и что, вопреки нѣкоторымъ пререканіямъ со стороны министра финансовъ, онъ получилъ право безпошлиннаго провоза вещей, какъ для него, такъ и для его брата.

«Въ этихъ же письмахъ, г. Хейнлетъ сообщаетъ о непріятностяхъ, претерпѣнныхъ многими изъ ихъ друзей въ Мюнхенѣ; онъ увѣряетъ, что Госнеръ проповѣдуетъ въ Петербургѣ по два раза въ недѣлю, съ огромнымъ успѣхомъ; что Линдель не имѣетъ желаемаго успѣха въ Одессѣ, но что князь Голицынъ доставилъ ему и протекцію, и почетъ; говоритъ, будто одесскій губернаторъ объявилъ Линделю, что по занимаемой должности принужденъ ему покровительствовать, но что, какъ католикъ, долженъ ненавидѣть его, и, наконецъ будто Линдель такъ мало былъ увѣренъ въ томъ, что не подвергнется гоненіямъ, что

ся за рекомендаціями къ тюбингенскому профессору Флатту, который и указалъ ему на швейцарскаго уроженца Хенци. Этотъ Хенци, молодой человѣкъ 24-хъ лѣтъ, совершенно неизвѣстенъ въ литературномъ мірѣ и исповѣдуетъ реформатскую религію.

„Такимъ образомъ, интересы преобладающей въ балтійскихъ провинціяхъ лютеранской церкви предоставлены въ Дерптскомъ университетѣ на произволъ лица, исповѣдующаго религію реформатскую“. Примѣч. Паулуччи.

[1]) Основателя газеты „Русскій Инвалидъ“.

[2]) Извѣстный дѣятель по библейскому обществу, послѣдователь секты Татариновой и весьма близкій человѣкъ къ князю А. Н. Голицыну.

вынужденъ былъ принять отъ полиціймейстера охранительный эскортъ изъ пяти казаковъ.

«Говоря о себѣ лично, г. Хейнлетъ младшій увѣряетъ, что во всякомъ вѣроисповѣданіи онъ съумѣетъ быть принятымъ и найдетъ для себя дѣятельность; кромѣ того, онъ упоминаетъ, что уже завязалъ сношеніе съ англичанами Патерсономъ и Хендерсономъ, но что сношенія эти прервались вслѣдствіе того, что онъ не заявилъ съ перваго же шага о своемъ искреннемъ желаніи перейти въ лютеранство, а что если бы это было сдѣлано, то они (лютеране), конечно, оказали бы ему содѣйствіе всѣми зависящими отъ нихъ средствами.

«О графѣ Ливенѣ онъ отзывается, какъ о христіанинѣ съ весьма добрымъ сердцемъ, но съ нѣсколько преувеличеннымъ предпочтеніемъ къ своей церкви.

«№№ 8, 10, 14 и 15.—Г. Хейнлетъ (рижскій) заявляетъ графу Ливену, что наставленія для школъ слишкомъ сухи, но что онъ замѣнитъ ихъ энергическими изреченіями изъ Библіи. Говоря о себѣ самомъ, онъ сравниваетъ себя съ оленемъ, преслѣдуемымъ охотниками, и благодаритъ Бога за то, что Онъ даруетъ ему силы для бѣгства. Онъ увѣряетъ, что сатана находится повсюду, особенно же въ Ригѣ; но что, впрочемъ, есть тамъ и хорошіе люди, какъ, напримѣръ, госпожа Блау, г. Вестенхольцъ и содержательница Петербургской гостиницы, т. е. все такія лица, которыя принадлежали къ сектѣ изувѣровъ, собиравшихся въ Кользенѣ [1]).

---

[1]) „Скандалы, которые около конца 1814 г. происходили въ помѣстьѣ Кользенъ (въ Лифляндіи) и о которыхъ самыя точныя подробности доведены были до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, суть послѣдствія религіознаго фанатизма, взявшаго свое начало въ мистическихъ кружкахъ, основанныхъ г-жею Крюднеръ, во время пребыванія ея въ Ригѣ, въ 1811 г., передъ отъѣздомъ за границу. Эта женщина очень хорошо изобразила свои наклонности въ романѣ „Валерія“, но, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, она съ преувеличеннымъ рвеніемъ предалась религіозному мистицизму. Желая увѣрить насъ, что посредствомъ постоянной молитвы достигла непосредственныхъ сношеній съ небесными силами, она въ 1810 г. основала въ Ригѣ тайное общество, которое по всему, что я о немъ могъ узнать, имѣло много сходнаго съ другими религіозными обществами, терпимыми еще и по сіе время, даже въ самой столицѣ. Члены этого общества занимались молитвами, колѣнопреклоненіями, пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ; тамъ читали и объясняли священное писаніе и взаимно преподавали другъ другу причастіе; тамъ утверждали, что религіозный человѣкъ можетъ, посредствомъ молитвъ, преклонить Божество къ дѣятельному и непосредственному вліянію на мірскія дѣла; что Всемогущій всегда являетъ Себя избранникамъ своимъ путемъ видѣній, вдохновеній и пророчествъ; что Онъ исцѣляетъ ихъ отъ неизлѣчимыхъ болѣзней и немедленно извлекаетъ ихъ изъ положеній самыхъ горестныхъ; что Онъ да-

«Наконецъ, онъ упоминаетъ о томъ замѣчательномъ фактѣ, что во время пожара въ предмѣстьяхъ Риги всѣ дома, принадлежащіе истиннымъ христіанамъ, были пощажены огнемъ.

«№№ 7, 11, 12.—Г. Н и ц ъ (Nietz), арендующій участокъ земли въ Лифляндіи, пишетъ нѣкоему Р е н і у с у, живущему близъ Мемеля, а равно и профессору Г о ф м а н у, въ Берлинѣ, что, по его мнѣнію, Хейнлета преслѣдуютъ въ Ригѣ, гдѣ царь тьмы укрѣпляется;—что вообще въ Ригѣ все спитъ глубокимъ сномъ и что тамъ нельзя найти вѣры въ Іисуса Христа. Затѣмъ онъ, подобно новому Іереміи, предсказываетъ, что конецъ таковаго христіанства долженъ быть ужасенъ; указываетъ на то, что въ Италіи и Испаніи кары небесныя уже начались; что плачевная исторія Франціи не вразумила насъ, и что мы подвергнемся участи іудеевъ, которые тоже не хотѣли извлекать по-

---

руетъ имъ успѣхъ во всемъ, чего они ни пожелаютъ, безъ всякой необходимости усилій со стороны самого человѣка.

„Въ началѣ декабря 1814 года многіе изъ членовъ этого тайнаго общества, которое, со времени отъѣзда г-жи Криднеръ, управлялось нѣкоею г-жею Блау, носившею титулъ „Сѣвернаго патріарха“, отправились въ помѣстье Кольвенъ, дабы вполнѣ предаться мистическимъ упражненіямъ.

„Благочестивыя упражненія эти состояли въ соблюденіи многодневнаго, строгаго поста и наложеніи на себя всякаго рода эпитемій, для очищенія отъ грѣховъ. Подготовляя себя означеннымъ образомъ, члены сего общества скоро приходили въ такое состояніе, при которомъ разумъ уже не имѣетъ силы противиться напору воображенія, возбужденнаго фанатизмомъ.

„Безобразія, долженствовавшія отъ того произойти, дѣйствительно начались съ того момента, когда г-жа Р—цъ, директриса общества, заявила о нисшедшемъ на нее свыше вдохновеніи, по которому она должна изображать собою Спасителя міра. Другіе члены, тоже по вдохновенію свыше—приняли на себя роли: апостола Петра, новаго Адама, пресвятой Дѣвы, апостола Іоанна и пр.

„Двое домашнихъ животныхъ—голубь и кошка были умерщвлены и обращены въ пепелъ, что служило символомъ изгнанія лукаваго духа прелюбодѣйства и алчности. Кровь нечаянно поранившаго себя ребенка сосали, какъ бы кровь агнца Божія. Новый Адамъ привелъ себя въ такой видъ, какъ природа его создала, и все общество послѣдовало столь святому примѣру. Домашняя прислуга получила приказаніе признавать и боготворить новоявленнаго Іисуса Христа. Наконецъ, бракосочетаніе дочери г-жи Р—цъ съ апостоломъ Іоанномъ (сапожнымъ ученикомъ Б у ш е м ъ) уже готово было совершиться, когда слухъ объ этихъ безобразіяхъ дошелъ до меня. Я прекратилъ ихъ своевременно, такъ что они не могли имѣть пагубныхъ послѣдствій.

„Сдѣлавъ всѣ необходимые розыски, я постарался обратить заблудшихся на путь истины, при чемъ всячески щадилъ ихъ. Мною приняты были мѣры, чтобы остановить распространеніе этой секты и чтобы сдѣлать ее менѣе опасною,—однако, не въ моей власти состояло уничтоженіе и послѣдняго слѣда ея, что было бы легко сдѣлать въ то время, если-бъ заблагоразсудили послѣдовать моему мнѣнію, выраженному въ рапортѣ отъ 10-го іюля 1815 г., который былъ оставленъ даже безъ отвѣта“.

ученія изъ примѣровъ, преподанныхъ судьбами Израиля. Онъ заключаетъ тѣмъ, что истинные слуги Спасителя нашего, какъ напримѣръ Госнеръ, Линдель и нѣкоторые другіе рѣдкія личности, не должны притворяться, но что они обязаны, какъ передъ высшими, такъ и передъ низшими, предъ учеными и простяками обличать общее развращеніе и его страшныя послѣдствія, если не хотятъ сами сдѣлаться отступниками отъ Высшаго Существа.

«№№ 3, 12 и 21.—Г. Хорнъ, учитель въ Эрлангенѣ, въ письмѣ къ Хейнлету, называетъ его помазанникомъ Господнимъ (Gesalbter des Herr'n).

«В е с т е н х о л ь ц ъ (тотъ самый, который красовался въ скандальномъ кольбенскомъ дѣлѣ) посылаетъ Пезаровіусу 10 тетрадей напечатаннаго въ Страсбургѣ, въ 1809 г., духовнаго журнала, содержаніе коихъ вполнѣ мистическое, а г. М о р и ц ъ, служащій при Екатеринославской колоніи, увѣряетъ, что онъ всякое воскресенье съ большимъ успѣхомъ говоритъ проповѣди въ залѣ гимназіи; что аудиторія его состоитъ изъ протестантовъ, католиковъ и менонитовъ, и что епископъ сихъ послѣднихъ просилъ добыть для него статуты евангелической общины.

«№№ 6 и 9.—Графъ Л и в е н ъ увѣдомляетъ г. Хейнлета (рижскаго), что князь Голицынъ согласился на прибавку ему (Хейнлету) содержанія и выхлопоталъ разрѣшеніе свободнаго ввоза его вещей. Онъ приглашаетъ Хейнлета къ взаимному довѣрію, какъ во имя тѣхъ отношеній, въ которыя они поставлены, такъ и въ виду значительной важности обязанностей и работъ, которыя они соединенными силами должны вызвать къ жизни [1]). Онъ говоритъ, что убѣжденъ во враждѣ, питаемой къ нему въ Ригѣ, вслѣдствіе того что онъ принадлежитъ Іисусу Христу, и что Спасителя нашего, крестящаго духомъ и огнемъ, отвергаютъ и не признаютъ; что противъ него кричатъ не потому, что онъ католикъ, но потому, что онъ исповѣдуетъ Христа, который «Іудеямъ есть с о б л а з н ъ, Еллинамъ же—б е з у м і е»; что по этой именно причинѣ онъ желаетъ, чтобы Хейнлетъ открыто заявилъ себя протестантомъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, какимъ онъ, по сердцу, его считаетъ; что, впрочемъ, онъ (Хейнлетъ) напрасно затрудняется это сдѣлать, такъ какъ церковь, къ коей онъ принадлежалъ, объявила его еретикомъ,—и что благочестивые Госнеръ и Линдель, повидимому, не склонны къ охужденію подобнаго открытаго заявленія о перемѣнѣ вѣры.

---

[1]) „Должно быть работы ихъ и точно очень важны, если между двумя лицами, вполнѣ другъ другу чуждыми, порождаютъ довѣріе и фамильярность, которыя безъ этого были бы неестественны, хотя бы только по общественному званію и по существующимъ между ними служебнымъ отношеніямъ".

*

«№ 22.—I. Р е н н е н б е р г ъ (въ Лондонѣ), который, какъ видно по письму № 1, состоитъ въ тѣсной связи съ Хейнлетомъ, Госнеромъ и Линделемъ, въ письмѣ своемъ къ профессору Хенци (въ Дерптѣ) извиняется въ своемъ долгомъ молчаніи, выставляя предлогомъ то обстоятельство, что на немъ одномъ лежитъ матеріальная часть иностранныхъ сношеній этой огромной машины (?), дѣйствія которой распространяются до концовъ земли. Онъ льститъ себя надеждою ясно доказать общему ихъ другу Ф е р б е р у всю важность вліянія Библейскаго общества на исторію нашего времени [1]); онъ замѣчаетъ, что сказанное имъ Ферберу о вліяніи слова Божія на направленіе общественныхъ и политическихъ отношеній, показалось тому чѣмъ то совершенно новымъ; наконецъ, онъ совѣтуетъ Хенци войти въ тѣсную связь съ библейскимъ обществомъ, такъ какъ черезъ него онъ можетъ сдѣлаться полезнымъ дерптской братіи, и входъ ему повсюду будетъ открытъ [2]).

«№ 23.—Письмо это посылаетъ г-нъ Х е н ц и его другу Ницу, въ Линденбергъ. Онъ извѣщаетъ послѣдняго, что надѣется скоро получить, черезъ Таушница, всѣ миссіонерскіе журналы, издаваемые въ Германіи, Швейцаріи и Англіи, и что его другъ Ренненбергъ пришлетъ ему полное собраніе всѣхъ донесеній, до сихъ поръ доставленныхъ англійскими библейскими обществами и разными церковными миссіями. Получивъ все это, онъ намѣренъ публично пригласить студентовъ къ присутствованію, одинъ разъ въ недѣлю, на лекціяхъ, въ продолженіе коихъ онъ намѣревается изложить о всемъ наиболѣе интересномъ въ царствіи Божіемъ.

«Онъ увѣряетъ своего друга, что надѣется составить небольшое миссіонерское общество, въ которомъ примутъ участіе жены дерптскихъ профессоровъ и даже нѣкоторые профессора.

«Хенци сообщаетъ своему другу, что его любезный кураторъ только что поручилъ ему одного бѣднаго, молодаго христіанина, подающаго большія надежды; что число аспирантовъ велико, но число избранныхъ мало. Онъ сообщаетъ ему также о случаѣ съ однимъ изъ его соотечественниковъ, г. Мейеромъ, покинувшимъ родителей, жену и семерыхъ дѣтей для того, чтобы послѣдовать за г-жею Криднеръ.

«Хенци повѣствуетъ о томъ, какъ г. Мейеръ, растративъ свое состояніе, кончилъ теперь тѣмъ, что открылъ глаза, и затѣмъ предается

---

[1]) „Какая прекрасная рекомендація этого общества для тѣхъ правительствъ, которыя желаютъ поддерживать порядокъ и общественное спокойствіе?!“

[2]) „Это напоминаетъ мнѣ ту эпоху, когда въ Австріи нельзя было достичь сколько-нибудь значительныхъ должностей, не будучи масономъ“.

весьма интереснымъ размышленіямъ о помянутой женщинѣ, спрашивая себя: каковы плоды ея ученія? Въ заключеніе онъ говоритъ, что во время пребыванія г-жи Криднеръ въ его отечествѣ онъ не могъ усмотрѣть другихъ плодовъ ея ученія, кромѣ внесенія безпорядка въ умы, праздности, разврата, лицемѣрія, плутовства, прикрытыхъ аффектированною набожностію, и что онъ не можетъ осуждать тѣ правительства, которыя отказываютъ въ пристанищѣ подобному апостолу. Онъ разсказываетъ также, что, во время прибыванія г-жи Криднеръ въ Дерптѣ, она вскружила голову одному студенту, впавшему въ помѣшательство [1]). Вообще, содержаніе этого длиннаго письма весьма интересно.

«№№ 19 и 24.—Письма эти отъ г. Эвальда, изъ Цеслина (въ Герингутѣ, въ верхней Лузаціи). Содержаніе ихъ доказываетъ, что тѣ мѣста, гдѣ распространяются моравскіе братья, ежегодно подвергаются поборамъ».

Изъ всей этой переписки маркизъ Паулуччи выводитъ слѣдующее заключеніе:

«Таковы, говоритъ онъ, свѣдѣнія, добытыя въ городѣ, который, по сознанію самихъ сектаторовъ, не можетъ быть однимъ изъ важныхъ мѣстопребываній означеннаго евангелическаго общества, потому что въ городѣ семъ царствуетъ духъ тьмы. Отказываясь отъ надежды раскрыть въ здѣшнихъ мѣстахъ истинную цѣль, къ которой стремится это тайное общество, я все-таки очевиднѣйшимъ образомъ увѣрился въ томъ, что у самаго подножія трона, равно какъ и при алтаряхъ греческой церкви, образовался центральный пунктъ дѣятельности, стремящейся къ возбужденію смуты и къ подкапываніо подъ ученіе всѣхъ церквей.

«Мы видимъ священниковъ-отступниковъ—каковы Линдель и Госнеръ, которые отрекаются отъ католической вѣры, не исповѣдуя открыто и вѣры лютеранской, но которые готовы принять лютеранство, если этимъ средствомъ могутъ сохранить за собою милости могущественнаго покровителя.

«Мы видимъ писателей, которые непонятными и темными фразами, почерпнутыми, впрочемъ, изъ натуральной философіи, объясняютъ таинства и догматы вѣры, какъ-бы преподанные намъ явленіями внѣшняго міра. Эти личности, на которыхъ просвѣщенные люди давно уже указываютъ, какъ на кандидатовъ въ дома умалишенныхъ, съумѣли, однако, въ этой новой алхиміи найти философскій камень для полученія пенсій, какъ, напримѣръ, Бадеръ (въ Мюнхенѣ), авторъ сочиненій: «Sätze aus der Bildungs-oder Begründungslehre des Lebens» и «Ueber den Blitz, als Vater des Lichts!»

---

[1]) „Фактъ этотъ буквально вѣренъ; юный студентъ, о которомъ идетъ рѣчь, зовется Боландъ; онъ уроженецъ м. Гробина, въ Курляндіи“.

«Небезъинтересно и то, что видишь, какъ невѣжды, неспособные къ оказанію существенной пользы и презираемые въ собственномъ отечествѣ, не только занимаютъ въ Россіи (благодаря протекціи ихъ собратій, членовъ евангелическаго общества) такія должности, къ которымъ они вовсе не способны, но получаютъ пенсіи и разныя должности, какъ, напримѣръ, братья Хейнлетъ... То же самое можно сказать и о тѣхъ, коимъ поручено доставлять сюда изъ-за границы всѣ мистическія сочиненія, каковы, напримѣръ, иностранцы: Ренiусъ и Гофманъ, и лифляндцы: Ницъ и Вестенхольцъ.

«Наконецъ, мы видимъ иностранцевъ, посланныхъ въ столицу и состоящихъ членами библейскаго общества, трудящимися надъ распространеніемъ очищенныхъ догматовъ религіи, какъ, напримѣръ, англичане: Патерсонъ и Хендерсонъ, которые, вѣроятно, не чужды и политики англійскаго правительства.

«Если, несмотря на все вышепредставленное, люди подобнаго закала дѣлаются ближайшими повѣренными первостатейныхъ сановниковъ государства; если князь Голицынъ, стоящій во главѣ господствующей церкви, и графъ Ливенъ, начальникъ всѣхъ общественныхъ учебныхъ заведеній въ балтійскихъ провинціяхъ, находятъ, что въ порядкѣ вещей назначать лицо реформатскаго вѣроисповѣданія, подобное г. Хенци, профессоромъ экзегетики въ лютеранскомъ Дерптскомъ университетѣ и довѣрять братьямъ-вѣроотступникамъ Хейнлетамъ (членамъ новой секты, не исповѣдующимъ ни католической, ни лютеранской религіи) управленіе школами двухъ губерній, покровительствуя имъ до такой степени, что при самомъ поступленіи на службу они получаютъ прибавку жалованья и пенсіи; если князь Голицынъ и графъ Ливенъ поддерживаютъ и покровительствуютъ всею своею властью миссіонеровъ, пребывающихъ въ Россіи только съ цѣлью введенія реформъ въ догматахъ церкви (каковы Линдель, Госнеръ и Хенци, тѣсно между собою связанные такъ же, какъ и ихъ собратія—англичане: Патерсонъ и Хендерсонъ, а равно и братья Хейнлеты, имѣющіе даже за границею своихъ помощниковъ, которымъ поручено доставлять имъ мистическія сочиненія); если, наконецъ, при покровительствѣ обоихъ вышеназванныхъ лицъ, вліятельныхъ въ россійской администраціи, вѣроотступникъ Госнеръ двукратно въ недѣлю говоритъ проповѣди въ столицѣ, а вѣроотступникъ Линдель, вопреки неудовольствію духовенства и публики, пользуется особеннымъ покровительствомъ, благодаря приказаніямъ князя Голицына, то какимъ образомъ послѣдствіямъ всего этого не сдѣлаться опаснымъ даже для спокойствія государства?!

«Когда Святѣйшему Синоду удастся снять покровы, скрывающіе всѣ сіи темныя продѣлки, и узнать о всѣхъ этихъ связяхъ и ихъ послѣдствіяхъ, то въ состояніи ли онъ будетъ питать довѣріе къ своему

первому представителю? Въ состояніи ли онъ будетъ снести упрекъ, произнесенный графомъ Ливеномъ, что Іисусъ Христосъ для эллиновъ—безуміе? Сочтется ли это стремленіе къ отвращенію умовъ отъ догматовъ греческой церкви менѣе опаснымъ, нежели попытки іезуитовъ пріобрѣсти нѣсколькихъ прозелитовъ, за что они, какъ и подобало, были высланы изъ столицы?

«Господствующая церковь, безъ того уже много трудящаяся въ борьбѣ со старовѣрами, которые, въ видѣ разныхъ сектъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ все болѣе успѣха среди народа, можетъ ли смотрѣть равнодушно, какъ отщепенство овладѣваетъ и самыми просвѣщенными классами, и что самыя солидныя и самыя священныя связи общественнаго порядка могутъ ослабѣть и даже совсѣмъ разрушиться? Справедливо ли предоставлять такой участи ту церковь, которая, конечно, болѣе всякой другой заслуживаетъ внутренняго спокойствія, сохраненнаго ею, благодаря удивительной вѣротерпимости, обнаруживаемой относительно другихъ вѣроисповѣданій.

«Если легко убѣдиться въ томъ, каковы должны быть результаты подобныхъ разногласій, то вѣрно тоже и то, что безъ скорыхъ и сильныхъ мѣръ къ ихъ совершенному пресѣченію мы не очень далеки будемъ отъ лицезрѣнія ихъ плачевныхъ послѣдствій, потому что во всякомъ духѣ реформъ есть извѣстная сила, которая, будучи разъ приведена въ движеніе, уже не зависитъ отъ того, чего мы желаемъ, но отъ того, чего требуетъ ходъ событій,—и тогда уже нѣтъ силъ ее остановить.

«Страннымъ должно казаться, что корифеи этого тайнаго общества находятся въ сношеніяхъ со всѣми пропагандистами и миссіями, съ моравскими братіями, съ библейскими обществами и даже съ франкъ-масонскими ложами [1]), хотя между этими корифеями существуетъ разногласіе въ мнѣніяхъ, которое нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что намѣренія у нихъ совсѣмъ иного свойства.

«Г. Хейнлетъ, находясь въ Петербургѣ и будучи недоволенъ замедленіями въ исполненіи своихъ желаній, рѣшается войти въ связь съ англичанами: Патерсономъ и Хендерсономъ; однако, онъ отказывается потомъ отъ этого намѣренія, не желая, согласно ихъ требованію, объявить себя совершенно въ пользу лютеранской религіи, и разсчитываетъ, что вслѣдствіе этого онъ не можетъ болѣе ожидать съ ихъ стороны содѣйствія, на которое разсчитывалъ. Графъ Ливенъ, увѣряя, что Госнеръ и Линдель съ нимъ согласны, приглашаетъ Хейнлета старшаго явно перейти въ лютеранство, а братъ упрекаетъ его за эту

[1]) „Статскій совѣтникъ Пезаровіусъ состоитъ мастеромъ въ одной изъ петербургскихъ ложъ“.

нерѣшительность, замѣчая, что дѣло тутъ идетъ только о перемѣнѣ внѣшнихъ формъ, которыя доставили бы ему пріемъ и попраще для дѣйствія во всѣхъ церквахъ. Соображая эти кажущіяся противорѣчія, находимъ весьма замѣчательными слова лондонскаго корреспондента г-на Ренненберга (весьма близкаго друга Госнера, Линделя и Хенци), такъ какъ онъ говоритъ, что на немъ лежатъ иностранныя дѣла «этой огромной машины», вліяніе которой распространяется до концовъ земли. Тотъ же Ренненбергъ упоминаетъ о сильномъ вліяніи библейскаго общества на исторію нашего времени и о дѣйствіи слова Божія на всѣ отношенія—гражданскія и политическія и, наконецъ, онъ совѣтуетъ своему другу, Хенци, держаться библейскаго общества для того, чтобы доставить себѣ повсюду свободный доступъ [1]).

„[1]) Въ числѣ разныхъ мѣръ, принятыхъ мною для исполненія воли вашего величества, сообщенной мнѣ 15-го (27-го) сентября, черезъ князя Волконскаго, мнѣ пришлось поручить одному лицу (надежному по своимъ правиламъ и обладающему полною моею довѣренностью) постараться открыть, существуютъ ли въ Дерптѣ тайныя общества или политическіе эмиссары, и дать мнѣ отчетъ какъ въ этомъ, такъ равно и во всемъ, что могло бы повліять на общественный порядокъ. Такъ какъ это же лицо должно было, по собственнымъ дѣламъ, побывать въ Петербургѣ, то я, полагаясь на его скромность и искусство, счелъ нужнымъ воспользоваться симъ и поручилъ ему и тамъ обратить свое вниманіе на предметы, которые входили въ инструкцію, данную ему при отправленіи въ Дерптъ.

„Изъ собранныхъ имъ свѣдѣній видно, что разныя тайныя общества, распространенныя по Европѣ, нашли доступъ и въ нашу столицу. По его показаніямъ общества эти раздѣляются на иллюминатовъ, франкъ-масоновъ, мартинистовъ, моравскихъ братьевъ и мистиковъ.

„Если секты эти точно существуютъ, то нѣтъ причины сомнѣваться, что тамъ, какъ и повсюду, онѣ подчинены кругу неизвѣстныхъ руководителей (посвященныхъ), которые стремятся къ одной цѣли, но разными путями.

„Принадлежащими къ числу иллюминатовъ считаютъ слѣдующихъ лицъ, управляющихъ библейскими обществами: великій мастеръ Кошелевъ, князь Голицынъ, кураторъ Казанскаго университета Магницкій, статскій совѣтникъ Руничъ, Поповъ, Лабзинъ и Шубертъ, авторъ брошюры „Сердце человѣческое“, въ которой, при перечисленіи всѣхъ пороковъ, забыли назвать порокъ лицемѣрія.

„Масонскія ложи составлены, приблизительно, изъ всѣхъ военнослужащихъ, особенно изъ вышедшихъ въ отставку, а также изъ многихъ чиновниковъ всѣхъ министерствъ.

„Въ числѣ мартинистовъ и моравскихъ братьевъ указываютъ на г. Кошелева, графа Ливена, тайнаго совѣтника Фитингофа, статскаго совѣтника Пезаровіуса, князя Мещерскаго, а изъ числа дамъ: княгинь Голицыну и Мещерскую, госпожъ: Татаринову, Фитингофъ и Пезаровіусъ.

„Говорятъ, что г-жа Татаринова есть директриса общества, собирающагося въ Михайловскомъ дворцѣ. Я готовъ бы былъ не вѣрить всему, въ чемъ обвиняютъ это общество, если бы подобное же заблужденіе уже не проявля-

«То, что говоритъ лифляндецъ Ницъ, рекомендуя Госнеру и Линделю давать совѣты даже высшимъ властямъ, равно какъ и его пророчества о бѣдствіяхъ, грозящихъ развращеннымъ христіанамъ, тоже заслуживаетъ вниманія.

«Впрочемъ, я отступилъ бы отъ правды, если, представляя очамъ вашего величества мои подозрѣнія относительно тайныхъ обществъ, осмѣлился оставить васъ въ неизвѣстности о томъ, что и въ балтійскихъ провинціяхъ есть лица, у которыхъ конституціонныя идеи, повсюду распространившіяся, равно какъ и извѣстія о революціяхъ, происшедшихъ въ Европѣ, распалили воображеніе до того, что они одобряютъ поведеніе солдатъ, которые, измѣнивъ своей присягѣ, самымъ священнымъ обязанностямъ и чести, присвоили себѣ право быть законодателями своего отечества. Впрочемъ, мнѣнія этихъ лицъ могутъ еще принять другое направленіе, если только будутъ разрушены тѣ пристанища, гдѣ таковыя мнѣнія могутъ получать пищу, а также и тѣ причины, которыя подаютъ наиболѣе поводовъ къ жалобамъ. Первыя (т. е. пристанища) составляютъ предметъ сего донесенія; вторыя же (т. е. причины) зависятъ, преимущественно, отъ общей администраціи и юстиціи во всемъ государствѣ, а также отъ воспитанія юношества. Ученія, разрушающія установленный политическій и религіозный порядокъ, наиболѣе преуспѣваютъ въ университетахъ и гимназіяхъ, гдѣ это тѣмъ болѣе легко для нихъ, что пылкое воображеніе юношества, сердце коего наиболѣе воспріимчиво ко всему доброму и справедливому, но которое не имѣетъ опытности, съ восторгомъ пріемлютъ новыя идеи и пристрастаются къ разсужденіямъ самымъ ложнымъ, самымъ неяснымъ, которыя, внушая юношѣ ненависть къ существующимъ учрежденіямъ и преувеличивая неразлучныя съ человѣческою природою злоупотре-

---

лось въ Пруссіи, при Фридрихѣ Вильгельмѣ II, и если бы оно не имѣло много сходства съ не менѣе скандальными сценами, происходившими въ Кольденѣ.

„Въ числѣ мистиковъ считаютъ, кромѣ иллюминатовъ, сенатора Габлица, тайнаго совѣтника Карнѣева, статскаго совѣтника Галахова, Штера, придворнаго доктора Либашица, коллежскаго ассессора Гёце и другихъ, менѣе замѣчательныхъ. Говорятъ также, что г-жа Криднеръ и Магницкій имѣютъ большое вліяніе на эту секту. Увѣряютъ также, что г-жа Криднеръ нѣсколько разъ говорила проповѣди, что г-жа Татаринова, княгини Мещерская и Голицына очень часто ее посѣщаютъ, равно какъ и князь Голицынъ, бывающій у ней, какъ говорятъ, по вечерамъ.

„Если показанія эти не буквально вѣрны, ниже основаны на фактахъ, правильно изслѣдованныхъ, то все-таки весьма прискорбно, что первые сановники государства могли подать поводъ къ подобнымъ разсказамъ; если же они вполнѣ ложны, то желательно было бы принять мѣры къ пресѣченію клеветъ, которыя могутъ имѣть лишь весьма дурное вліяніе на общественное мнѣніе".

бленія, заставляютъ его думать, что онъ предназначенъ къ возрожденію человѣчества.

«Если указанія, заключающіяся въ семъ донесеніи, равно какъ и въ донесеніи отъ 19-го минувшаго декабря, и размышленія, которыми они сопровождаются, не кажутся еще достаточными для окончательныхъ выводовъ, то осмѣливаюсь все-таки считать ихъ довольно важными и полагаю, что ваше величество не найдете излишнимъ, если я признаю необходимымъ принятіе такихъ мѣръ, которыя способны остановить зло, мною предусматриваемое.

«Исторія преподаетъ намъ два важные урока: 1) что тайныя общества имѣли всегда самое дѣятельное вліяніе при революціяхъ и при значительнѣйшихъ перемѣнахъ, происходившихъ въ государствѣ, и 2) что нѣтъ ничего опаснѣе для общественнаго спокойствія, какъ смуты, подымаемыя въ религіозныхъ понятіяхъ.

«Если событія, которыя, къ несчастью, стали нынѣ обычнымъ явленіемъ, даютъ поводъ думать, что для большинства европейскихъ державъ теперь уже слишкомъ поздно воспользоваться первымъ урокомъ, то, къ счастью, нельзя того же сказать о владѣніяхъ вашего императорскаго величества, которыя еще представляютъ счастливое исключеніе и въ которыхъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, существуютъ побужденія руководиться вторымъ урокомъ, если бы даже и не было ни одного достаточнаго повода къ предположенію, что нѣкая невидимая рука старается, для политическихъ цѣлей, воспользоваться разногласіями во взглядахъ на религію.

«Есть, конечно, много основаній надѣяться, что до сихъ поръ тайныя общества не могли еще имѣть значительнаго вліянія въ Россіи; такъ что, если бы ихъ совсѣмъ запретить и если бы общественныя учебныя заведенія перестали составлять особую область, совершенно независимую отъ мѣстныхъ властей, то не было бы болѣе причинъ страшиться вліянія даже самыхъ хитрыхъ эмиссаровъ. Мѣра эта, впрочемъ, согласовалась бы и съ политическимъ принципомъ, основаннымъ на опытѣ,—что въ администраціи никогда не слѣдуетъ допускать половинной отвѣтственности, ибо таковая только благопріятствуетъ безпорядкамъ, злоупотребленіямъ и неисполненію законовъ.

«Кровь, пролитая въ религіозныхъ войнахъ и во времена смутъ, возбужденныхъ фанатизмомъ, должна была доказать намъ, что ничего не можетъ быть пагубнѣе, какъ отвращать умы отъ догматовъ, публично проповѣдуемыхъ въ храмахъ Божіихъ, и предавать ихъ на жертву мистическихъ уроковъ, преподаваемыхъ въ собраніяхъ безстыдныхъ святошъ, или на жертву обѣщаній, угрозъ и пророчествъ энтузіастовъ, хвалящихся тѣмъ, что состоятъ въ сношеніяхъ съ силами небесными.

«Сомнѣваюсь, чтобы когда-либо существовало общество болѣе опасное

по послѣдствіямъ своей дѣятельности, нежели евангелическое согласіе (réunion évangélique), находящееся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ мистическими обществами, съ миссіями моравскихъ братьевъ, мартинистами и библейскими обществами и имѣющее связи, хотя менѣе явственныя, но не менѣе дѣйствительныя, съ обществами взаимнаго обученія, съ масонскими ложами и иллюминатами. Это евангелическое согласіе покровительствуетъ всѣмъ вышеназваннымъ обществамъ, какъ училищамъ, въ которыхъ подготовляются его новообращенные ученики и которые служатъ ему подспорьемъ. Оно, втайнѣ, обвиняетъ всѣ церкви въ ученіи, несогласномъ съ истиною, учитъ неповиновенію пастырямъ церковнымъ, подстрекаетъ къ вѣроотступничеству и, отрекаясь отъ главнаго христіанскаго принципа: терпимости и любви къ ближнему, заявляетъ, что всѣ иномыслящіе суть слуги сатаны; наконецъ—оно занимается основаніемъ новой церкви на развалинахъ всѣхъ прочихъ, уже существующихъ. Подобная, лицемѣрная и лукавая по своимъ принципамъ, секта, украшающая себя идеями реформъ, способными увлечь и уже увлекшими не одного праведника, стремится, значитъ, только къ тому, чтобы разрывать самыя могущественныя связи. Она неизбѣжно подкопается и подъ государственный строй, хотя-бы пружины его дѣятельности и не находились въ рукахъ политическихъ мечтателей

«Всѣ эти соображенія, способныя возбудить самую справедливую подозрительность правительства и основанныя какъ на современныхъ событіяхъ, такъ и на исторіи всѣхъ временъ, не могутъ не дать мнѣ п о л н а г о у б ѣ ж д е н і я въ необходимости для вашего величества принять во вниманіе, что непремѣнно нужно:

1) Чтобы всѣ собранія тайныхъ обществъ, какихъ бы ни было наименованій или цѣлей, были закрыты и уничтожены, дѣйствуя при этомъ съ тою умѣренностью, снисходительностью и благостью, которыя прирождены сердцу вашего величества.

2) Чтобы попечительство надъ общественными учебными заведеніями ввѣрены были верховной власти, отъ которой зависятъ всѣ прочія отрасли администраціи, дѣйствующей при этомъ такими мѣрами, какія я осмѣливался предлагать вашему величеству въ донесеніи моемъ отъ 19-го минувшаго декабря, за №№ 1071 и 1072.

«При выборѣ лицъ, назначаемыхъ управлять губерніями, слѣдовало бы обращать вниманіе на то, чтобы они, въ то же время, способны были наблюдать за источниками, изъ коихъ почерпается общественная нравственность, и чтобы они имѣли въ своемъ распоряженіи средства для вліянія: прямаго—на профессоровъ и наставниковъ университетовъ и гимназій, и косвеннаго—на самихъ учениковъ. Вліяніе это выразится какъ посредствомъ родительскихъ наставленій, такъ и посредствомъ протекціи, которую они могутъ оказывать молодымъ людямъ по окончa-

ніи курса наукъ. Это вашему императорскому величеству сдѣлать было бы легче, чѣмъ избирать еще соотвѣтствующее число лицъ на мѣста попечителей учебной части.

3) Надобно не только не покровительствовать сектамъ, стремящимся къ реформамъ господствующей церкви и въ другихъ вѣроисповѣданіяхъ, допущенныхъ и покровительствуемыхъ правительствомъ, — но необходимо, для общественнаго счастья и спокойствія, удалить всѣхъ тѣхъ, которые увлекаютъ къ подобнымъ заблужденіямъ, и, наконецъ,

4) Государственный интересъ требуетъ, чтобы, до полнаго удостовѣренія въ уничтоженіи всѣхъ обществъ, подвергалась особенному наблюденію (въ столицахъ и главныхъ городахъ имперіи) переписка членовъ евангелическаго общества, потому что—какъ я имѣлъ честь выше сего объяснить—это единственное средство для раскрытія ихъ тайныхъ намѣреній.

«Прямодушно повергнувъ на воззрѣніе вашего императорскаго величества все то, что̀ я считалъ соотвѣтствующимъ приказанію, переданному мнѣ черезъ князя Волконскаго (отъ 15-го минувшаго ноября), я кончаю заявленіемъ, что во всемъ мною сказанномъ не было намѣренія кого-либо оскорбить. Горе тому, кто злоупотребляетъ довѣріемъ, которое должны вселять его заслуги и должность, имъ занимаемая, для того чтобы обижать другихъ!

«Я обязанъ говорить вашему величеству всю правду. Вы этого требуете и ожидаете отъ меня. Я нападаю на заблужденія, но сожалѣю объ отдѣльныхъ личностяхъ. Государь, я представляю вамъ не легкомысленныя обвиненія. Нѣтъ!—это опасенія всего общества, это — общее дѣло государя и государства».

III.

Въ третьей докладной запискѣ, отъ 14-го іюня 1821 года, маркизъ Паулуччи, выставляя уже въ видѣ доказаннаго положенія, что піэтическія и мистическія братства столь же вредны и опасны для государственнаго порядка, какъ и тайныя общества, старается накинуть тѣнь и на то существовавшее у насъ учрежденіе, въ которомъ ничего тайнаго не было и которое пользовалось покровительствомъ императора Александра I.

Послѣ довольно многословнаго вступленія, въ которомъ разсуждается о значеніи вышесказанныхъ братствъ, Паулуччи продолжаетъ такъ:

«Ваше величество дали мнѣ поводъ думать, что вы убѣждены въ справедливости всего изложеннаго мною въ предшествовавшихъ рапор-

тахъ, за исключеніемъ лишь того, что касается б и б л е й с к а г о о б щ е с т в а, которое яко бы неспособно повести къ опаснымъ результатамъ.

«Радуясь, что не вездѣ нахожу виновныхъ, и радуясь чести, которую это приноситъ человѣчеству, я желалъ бы убѣдиться, что общества, предназначаемыя для распространенія слова Божія, не подлежатъ никакой цензурѣ. Но дѣло представляется мнѣ иначе, когда я вижу, что они не получили бы столь сильнаго развитія безъ вліянія обществъ мистическихъ, и что послѣднія испортили ихъ, отвращая отъ настоящей, благородной цѣли, и обратили въ свои орудія. Такъ понимаютъ дѣло и такъ признаются сами участники мистическихъ обществъ, какъ напримѣръ Ренненбергъ, въ письмѣ къ профессору Хенци (за № 22), рекомендуя послѣднему тѣснѣе сблизиться съ библейскимъ обществомъ, дабы получить свободный доступъ повсюду.

«Благочестивыя намѣренія, которыми руководились при первоначальномъ учрежденіи библейскаго общества, теперь, благодаря этимъ нововводителямъ, уже не служатъ достаточными гарантіями, и правительство не можетъ не опасаться весьма зловредныхъ послѣдствій для своей прочности.

«Заключающіяся въ рапортахъ моихъ замѣчанія относительно важности и цѣлей религіозныхъ ассоціацій, занимающихся своею работою и усиливающихся у алтаря церквей католической и лютеранской, даютъ поводъ полагать, что онѣ (ассоціаціи) еще болѣе опасны для государственнаго спокойствія, нежели старовѣры, число которыхъ со дня на день чрезвычайно увеличивается. Замѣчанія эти пріобрѣтаютъ еще бо́льшее значеніе, если вникнемъ въ содержаніе нижеприведенныхъ писемъ.

«№ 1. Г. Буркгардтъ (изъ Герренхута) увѣряетъ г. Кампенгаузена, что г-жа Криднеръ продолжаетъ идти избраннымъ ею ложнымъ путемъ; она большая эгоистка,—говоритъ онъ,—и нельзя себѣ представить, чтобы князь Голицынъ принялъ ее благосклонно. Онъ (Буркгардтъ) увѣряетъ, что и у братьевъ Мортимеръ она не найдетъ хорошаго пріема. Онъ хвалится успѣхомъ, одержаннымъ въ Готѣ въ томъ смыслѣ, что кандидаты на пасторскія мѣста не имѣютъ надобности быть изъ числа окончившихъ курсъ въ университетѣ; при этомъ онъ замѣчаетъ, что слѣдовало бы еще постановить, что можно сдѣлаться пасторомъ и безъ предварительнаго экзамена, такъ чтобы отнять всякое вліяніе у гражданской власти и избраніе пасторовъ предоставить вполнѣ начальникамъ общинъ.

«Коль скоро такой шагъ будетъ сдѣланъ, то между лютеранами и реформатами водворится безпоповщина (?); съ уничтоженіемъ священства, утвержденнаго правительствомъ, падутъ также многія другія постановленія и повелѣнія, которыя служатъ столько же для поддержа-

нія самыхъ существенныхъ принциповъ религіи, сколько къ сохраненію связей церкви съ общественнымъ порядкомъ; мы увидимъ тогда наставниковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе въ Ѳедосѣевской сектѣ,—напр. Госнера и Линделя, за которыми Ницъ признаетъ право проповѣдывать нравственность сильнымъ міра сего (въ письмахъ №. №. 7, 11 и 20, приложенныхъ къ донесенію моему отъ 10-го апрѣля).

«Такимъ образомъ, народы, избавленные отъ подчиненія уставамъ церкви, могутъ быть приведены туда, куда уже нѣкогда приводили ихъ Іоаннъ Лейденскій и Ѳома Мюнцеръ.

«Этимъ же самымъ письмомъ г. Буркгардтъ извѣщаетъ, что Линделю было предложено объявить свое отдѣленіе отъ общенія съ римскою церковью.

«№ 2. Баронъ Кампенгаузенъ пишетъ г. Буркгардту, что лучше бы было (въ виду могущихъ произойти отъ того послѣдствій) назначить въ Ригу, директоромъ казенныхъ училищъ, вмѣсто г. Хейнлета, какого нибудь благочестиваго лютеранина.

«Замѣчаніе это даетъ право предполагать, что члены религіозной общины не согласны между собою, такъ какъ г. Кампенгаузенъ не одобряетъ назначенія Хейнлета директоромъ школъ въ Лифляндіи, между тѣмъ какъ графъ Ливенъ, въ двухъ письмахъ (№. №. 3 и 4), побуждаетъ этого благочестиваго евангелика - католика къ благодарности князю Голицыну, какъ человѣку, которому онъ обязанъ подаркомъ въ 2.000 рублей.

«№ 5.—Извѣстіе, заключающееся въ письмѣ г. Ница къ профессору Хенци, въ Дерптѣ, о томъ, что князь Голицынъ получилъ изъ Лондона предложеніе о принятіи мѣръ, дабы вѣрующіе съ 7-ми до 8-ми часовъ утра собирались для молитвы,—извѣстіе это порождаетъ слѣдующія соображенія:

а) совершенно невозможно исполнить подобный проектъ безъ помѣхи различнымъ условіямъ общественной жизни.

б) можно смотрѣть на проектъ этотъ, какъ на попытку привести въ дѣйствіе такія общія постановленія, которыя, съ теченіемъ времени, могутъ пріобрѣсти силу закона. Надобно сознаться, что въ планѣ новой религіи ничто, повидимому, лучше не придумано, какъ это первоначальное постановленіе, которое имѣетъ много привлекательнаго, выражая собою ту возвышенную мысль, что всѣ вѣрующіе, въ одну и ту же минуту, должны возносить молитвы свои къ Верховному Существу. Какъ скоро они достигнутъ какой-либо силы, тогда мы увидимъ, какъ изъ центральнаго пункта будутъ исходить такія предписанія, которыя будутъ вполнѣ соотвѣтствовать имѣющимся въ виду цѣлямъ.

«Считаю долгомъ просить ваше величество объ извѣщеніи меня,

слѣдуетъ ли продолжать разсматривать письма лицъ, состоящихъ подъ моимъ надзоромъ въ Ригѣ, или же прекратить оное.

«По моему мнѣнію, инспектированіе писемъ въ Ригѣ можетъ идти только съ большими затрудненіями и слишкомъ поздно доставлять точныя свѣдѣнія относительно сношеній между начальниками разныхъ обществъ, мистическихъ и библейскихъ, замѣчательнѣйшіе члены коихъ желаютъ—говоря коротко—служить Богу молитвами и вѣрою, не дѣлая никакого добра, унижая и измѣняя уставы своихъ церквей, возбуждая колебанія совѣсти, смущенія и несогласія между членами сихъ церквей.

«По моему мнѣнію, для изслѣдованія всѣхъ развѣтвленій затѣваемой крамолы, самымъ вѣрнымъ средствомъ было бы инспектированіе писемъ въ самой столицѣ, если инспектированіе это можетъ быть поручено лицу вполнѣ надежному и безпристрастному.

«Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что пріобрѣтенныя доселѣ свѣдѣнія доставили уже достаточное количество доказательствъ злоупотребленія властію; обнаружили связи, если не преступныя, то, по крайней мѣрѣ, весьма неосторожныя, равно какъ и существованіе секты, большинство членовъ которой—хотя бы до сихъ поръ оно было только безсознательнымъ орудіемъ подготовляемаго зла—не въ состояніи, однако, оправдать скрытые побудительные принципы, которыми руководствуется (?).

«Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что мистицизмъ, библейскія общества, взаимное обученіе, видоизмѣненный католицизмъ и пр. и пр. не менѣе вредны для государственнаго благосостоянія, какъ и всякія другія тайныя общества, и что они предоставляютъ готовый матеріалъ для производства революцій. Это убѣжденіе мое находится въ связи съ другимъ: что революціонный духъ безспорно сильнѣе и опаснѣе теперь, нежели нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Опытъ не пропалъ для него даромъ, и вмѣсто того, чтобы выражаться въ волненіяхъ отдѣльныхъ кружковъ, онъ будетъ работать съ бо́льшею осторожностію, для возбужденія взрыва, который вмѣсто частнаго сдѣлается общимъ.

«Французская революція ни въ чемъ не сходствуетъ съ тѣмъ, что видѣли въ предшествовавшіе вѣка, и наступило наконецъ время правительствамъ убѣдиться въ томъ, что принципы, развившіе эту революцію, никогда нельзя будетъ угасить иначе, какъ принципами совершенно противоположными.

«Государь!—духъ, коимъ вы руководитесь, весьма часто оказывался искуснѣе самыхъ опытныхъ тактиковъ, глубже самыхъ ученыхъ политиковъ и справедливѣе самыхъ тонкихъ юристовъ; поэтому я на немъ основываю свою надежду, что ваше величество, мудро оцѣнивъ важность заключающагося въ моихъ рапортахъ, рѣшите также, какого рода мѣры будутъ наиболѣе соотвѣтствующими для того, чтобы поло-

жить предѣлъ крамолѣ, ведущейся въ ущербъ религіи, престолу, общественному и личному спокойствію».

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что маркизъ Паулуччи, угнетаемый призракомъ революціи, постарался извлечь изъ контролированной имъ переписки все, что̀ могло наиболѣе подтвердить высказываемыя имъ мнѣнія относительно піэтическихъ обществъ.

Причину преувеличенныхъ его опасеній (если устранимъ мысль о всякихъ постороннихъ побужденіяхъ съ его стороны) можно объяснить лишь тревожнымъ вообще состояніемъ умовъ тогдашняго общества и волненіями въ разныхъ мѣстахъ Европы.

Герцогъ Ришелье въ Россіи [1]).

Съ давнихъ временъ въ провинціи Пуату во Франціи существовала скромная дворянская семья дю-Плесси (du Plessis), отрасль которой, въ концѣ XIV-го столѣтія, переселилась въ провинцію Туренъ (Touraine) и, вступивъ въ бракъ съ однимъ изъ членовъ семейства Клерамбо (Clérembault), пріобрѣла во владѣніе прекрасный замокъ Ришелье (richelieu—означаетъ богатое мѣсто), отъ котораго и получила свою фамилію. Одинъ изъ этихъ дю-Плесси-Ришелье въ 1542 году вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Франсуазъ де-Рошешуаръ (Rochechouart) и имѣлъ, между прочимъ, сына Франсуа, будущаго отца знаменитаго министра Людовика XIII, извѣстнаго кардинала Ришелье. Умирая въ 1642 году, кардиналъ передалъ какъ замокъ Ришелье, такъ и свое герцогское достоинство своему старшему внучатому племяннику Арману Ришелье, бывшему пэромъ Франціи, начальникомъ галеръ (т. е. флота) и генералъ-лейтенантомъ королевскаго флота и войскъ въ Левантѣ (на востокѣ). Его сынъ Луи Франсуа, крестникъ короля Людовика XIV и герцогини Бургундской (родился въ 1696 году и умеръ въ 1788 г.), былъ со-временемъ маршалъ Ришелье, пріобрѣвшій громкую извѣстность своими похожденіями и другими пороками распущеннаго вѣка, въ которомъ онъ жилъ. При дворѣ регента—истинной школѣ утонченнаго разврата,—маршалъ отличался многочисленны-

[1]) При изложеніи этого очерка мы пользовались какъ 54-мъ томомъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, такъ въ особенности вновь вышедшимъ сочиненіемъ Леона Круза-Кретэ (Le duc de Richelieu en Russie et en France 1766—1822 par Léon de Crouzaz-Cretet Paris. 1897), представляющимъ собою первую полную біографію герцога Ришелье. П. М.

ми своими приключеніями и оказалъ самое гибельное вліяніе на несчастнаго короля Людовика XV, поддерживая его подъ игомъ такихъ любовницъ, какъ Шатору и Помпадуръ. Самъ маршалъ вступалъ въ законный бракъ три раза, при чемъ отъ втораго брака къ дочерью принца Гиза имѣлъ дочь и сына (герцога Фронзака). Сей послѣдній былъ самою ничтожною личностью, и только благодаря положенію своего отца, былъ сдѣланъ первымъ камеръ-юнкеромъ при дворѣ. Онъ вступилъ въ бракъ въ первый разъ съ дѣвицею Отфоръ (d'Hautefort) и имѣлъ сына графа Шинонъ (будущаго министра при Людовикѣ XVIII).

Родившись въ 1766 г. въ Парижѣ, молодой графъ Шинонъ Арманъ-Эммануилъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ лишился матери. Отецъ не въ состояніи былъ заботиться о воспитаніи своего сына. Его тетки, графиня Эгмонтъ и герцогиня Эгильонъ, старались всѣми силами доставить племяннику хорошее воспитаніе. По словамъ Шамфора, благодаря содѣйствію извѣстной актрисы того времени Софи Арну, которой герцогъ Франзакъ не въ силахъ былъ что-либо отказать, обѣимъ теткамъ удалось поручить первоначальное воспитаніе юнаго графа Шинона извѣстному въ то время аббату Лабдану (Labdan), впослѣдствіи воспитателю несчастнаго герцога Энгіенскаго (разстрѣлянnаго по приказанію Наполеона I). Восьми лѣтъ графъ Шинонъ былъ помѣщенъ въ училище Плесси (основанное кардиналомъ Ришелье) въ Парижѣ, отличавшееся всегда не только прекраснымъ и основательнымъ обученіемъ, но и строгостью принциповъ и чистотою нравовъ, господствовавшихъ въ училищѣ. Молодой Шинонъ скоро сдѣлался выдающимся ученикомъ; въ этомъ училищѣ онъ пріобрѣлъ всѣ рѣдкія и драгоцѣнныя качества, отличавшія его всю жизнь. Въ то время существовалъ обычай вступать въ бракъ въ чрезвычайно молодые годы — немедленно по окончаніи курса въ училищѣ или монастырѣ. Молодой графъ не избѣгнулъ этого обычая и, окончивъ въ 1782 году обученіе, имѣя всего около 15 лѣтъ, былъ обвѣнчанъ съ дѣвицею Розаліею Рошешуаръ [1]), которая была всего 12 лѣтъ и отличалась скорѣе безобразіемъ, нежели привлекательностью; этимъ объясняется, почему будущій герцогъ Ришелье никогда не жилъ со своею супругою, а только весьма изрѣдка навѣщалъ ее.

Въ самый день бракосочетанія молодой графъ Шинонъ, вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ Лабданомъ, отправился въ довольно продолжительное путешествіе по Европѣ, которое послужило ему не только способомъ для пріобрѣтенія разныхъ познаній и развитія своего характера, но дало возможность познакомиться съ выдающимися личностями той эпохи и установить съ ними сношенія. Въ Вѣнѣ графъ Шинонъ былъ

---

[1]) Это Розалія Рошешуаръ, двоюродная сестра графа Рошешуара, служившаго при Ришелье и оставившаго намъ любопытныя записки.

очень обласканъ императоромъ Іосифомъ II, пріобрѣлъ расположеніе извѣстнаго принца де-Линя, министра Кауница, фельдмаршала Ласси и другихъ лицъ, которыя всѣ были очарованы скромнымъ и находчивымъ французомъ, свободно говорившимъ на многихъ языкахъ.

Возвратясь въ 1784 году въ Парижъ, графъ Шинонъ поступилъ младшимъ офицеромъ въ драгунскій полкъ королевы, а на слѣдующій годъ сдѣланъ первымъ камергеромъ. Эта должность заставляла его жить при дворѣ, но онъ чуждался шумной и веселой жизни Версаля, былъ до крайности застѣнчивъ съ дамами и являлся какимъ-то строгимъ пуританиномъ при дворѣ Людовика XVI; единственно, чѣмъ онъ увлекался, было фехтованье на шпагахъ.

Вскорѣ графъ Шинонъ опять отправился путешествовать; весь 1787 годъ и отчасти 1788 годъ онъ странствовалъ по Европѣ, снова посѣтилъ Вѣну, гдѣ и узналъ о смерти своего дѣда маршала Ришелье, послѣ чего отецъ его сталъ именоваться герцогомъ Ришелье, а онъ, въ свою очередь, принялъ титулъ своего отца [1]), именно герцога Фронзака. Наступившая затѣмъ французская революція застала его въ Парижѣ. Многія лица, преимущественно изъ аристократіи, удалились изъ Франціи, и въ числѣ ихъ былъ также и графъ Ришелье, поступившій капитаномъ въ гусарскій полкъ Эстергази, стоявшій близъ Седана въ полномъ бездѣйствіи. Это было не по характеру Ришелье, который, по примѣру многихъ своихъ соотечественниковъ, желалъ поступить на русскую службу и писалъ о томъ императрицѣ Екатеринѣ II.

Въ ожиданіи отвѣта онъ предпринялъ снова путешествіе по Германіи, посѣтилъ Вѣну (гдѣ бывалъ уже нѣсколько разъ) и въ этотъ разъ очень близко сошелся съ австрійцемъ, принцемъ де-Линемъ (сыномъ извѣстнаго современника Екатерины) и французомъ графомъ Ланжерономъ [2]) и съ ними вмѣстѣ отправился въ Россію 12-го ноября 1790 года въ армію князя Потемкина.

Прибывъ 21-го ноября въ главную квартиру арміи, въ Бендеры, Ришелье встрѣтилъ тамъ своего соотечественника графа Роже Дама

---

[1]) Этотъ отецъ, герцогъ Фронзакъ, умеръ въ 1791 году и послѣ его смерти, сынъ его, прежній графъ Шинонъ получилъ титулъ герцога Ришелье и все его состояніе.

[2]) Ланжеронъ, авторъ извѣстныхъ записокъ, родился въ 1763 году, былъ въ Россіи съ 1796 года и участвовалъ въ войнѣ со Швеціею, подъ командою принца Нассау-Зингенскаго. Посѣтивъ послѣ этого снова Вѣну, Ланжеронъ опять пріѣхалъ въ Россію, участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1808—1810 годовъ, а также Отечественной войнѣ 1812 года, а затѣмъ былъ послѣ Ришелье генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края съ 1814 года. Онъ принималъ участіе въ Турецкой войнѣ 1829 года и умеръ отъ холеры въ 1831 г.

(Roger de Damas), находившагося уже въ русской службѣ. Онъ представилъ вновь прибывшихъ соотечественниковъ Потемкину, который принялъ ихъ очень благосклонно. Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Бендерахъ, волонтеры отправились къ Измаилу, который въ то время осаждали русскія войска, и вскорѣ приняли участіе въ кровопролитномъ штурмѣ 22-го декабря, окончившемся паденіемъ крѣпости. За этотъ штурмъ Ришелье получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Императрица Екатерина писала Гримму: «Всѣ съ восторгомъ отзываются о герцогѣ Ришелье. Дай Богъ, чтобы онъ со-временемъ сдѣлался для Франціи тѣмъ же, чѣмъ былъ кардиналъ, не имѣя, однако, его пороковъ. Наперекоръ національному собранію, я хочу, чтобы онъ остался герцогомъ Ришелье и способствовалъ возстановленію монархіи»[1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ штурма Ришелье возвратился въ Бендеры и, несмотря на убѣжденія Потемкина остаться въ Россіи, вернулся 25-го января 1791 года въ Вѣну и затѣмъ въ Парижъ, куда онъ долженъ былъ отправиться, чтобы послѣ смерти своего отца привести немного въ порядокъ домашнія дѣла. Несмотря на колоссальное состояніе герцога Фронзака, приносившее до 500.000 ливровъ ежегоднаго дохода, его имѣнія, по расточительности герцога и полному неумѣнію вести денежныя дѣла, оказались обремененными громадными долгами. Сынъ его прежде всего позаботился объ уплатѣ этихъ долговъ, а затѣмъ остающіеся доходы предоставилъ въ полное распоряженіе своихъ сестеръ. Отказавшись отъ всякаго участія въ этихъ доходахъ, онъ довольствовался получаемымъ содержаніемъ отъ казны.

Пробывъ короткое время въ Парижѣ Ришелье отправился въ Англію, но скоро получилъ извѣстіе, что король Людовикъ XVI требуетъ его къ себѣ. Онъ поспѣшилъ обратно въ Парижъ, гдѣ всѣ находились уже въ смятеніи, свобода и даже жизнь королевскаго семейства была въ опасности; эмигранты толпами покидали столицу и собрались въ Кобленцѣ, Майнцѣ, Аахенѣ и т. д. Послѣ самаго краткаго пребыванія въ замкѣ Куртейль у своей супруги, Ришелье, узнавъ объ арестованіи короля, немедленно прибылъ въ Парижъ, но затѣмъ рѣшился, въ августѣ 1791 года, отправиться въ Россію. Побудительныя причины этой поѣздки остаются до сего времени невыясненными; можно предполагать, что онъ не желалъ быть свидѣтелемъ тѣхъ неистовствъ и кровавыхъ сценъ, которыя стали происходить въ его отечествѣ. Какъ бы то ни было, Ришелье, не желая считаться эмигрантомъ, испросилъ себѣ 27 іюля 1791 года у національнаго собранія дозволеніе отправиться въ Россію и уже 6-го ав-

---

[1]) См. книгу Пэнго: Французы въ Россіи (Pingaud -Les français en Russie . 158.).

густа писалъ своей супругѣ изъ Дибурга, что съ горестью думаетъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя предстоятъ его дорогому отечеству.

Ришелье прибылъ въ Петербургъ и былъ представленъ императрицѣ Екатеринѣ II принцемъ Нассау-Зингеномъ [1]), которая пожаловала прибывшему чинъ полковника, удостоила приглашенія на вечеръ въ Эрмитажъ, а въ 1792 году возложила на него порученіе относительно эмигрантовъ, расположенныхъ на берегахъ Рейна. Въ это время кампанія герцога Брауншвейскаго противъ французовъ окончилась полнымъ его пораженіемъ при Вальми; всѣ французскіе эмигранты находились въ жалкомъ положеніи и претерпѣвали страшную нужду. Принцъ Конде просилъ у Екатерины II убѣжища для себя и своихъ приверженцевъ. Императрица согласилась на это и послала съ герцогомъ Ришелье 60.000 рублей золотомъ, чтобы онъ привелъ въ Россію своихъ соотечественниковъ въ числѣ 1.500 дворянъ и четырехъ тысячъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Екатерина II предполагала поселить ихъ на берегахъ Азовскаго моря по р. Бердѣ, выстроить имъ селенія или городъ и сдѣлать Ришелье—правителемъ этой колоніи; Эстергази—инспекторомъ работъ, а принца Конде—главнымъ инспекторомъ [2]). Поселяне должны были составить два пѣхотныхъ полка, которые предполагалось размѣстить въ двухъ военныхъ поселеніяхъ. Посылаемыя съ Ришелье деньги предназначались на путевыя издержки поселяющихся и ихъ содержаніе въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ [3]). Но эмигранты не согласились на это предложеніе: они не пожелали отправиться въ отдаленную и мало извѣстную страну и заниматься тяжелымъ трудомъ земледѣльцевъ. Къ тому же австрійское правительство выразило намѣреніе взять на себя полное содержаніе всего отряда принца Конде, который, въ свою очередь, предложилъ Ришелье командовать небольшимъ отрядомъ. Но герцогъ отклонилъ это предложеніе и въ качествѣ русскаго офицера генеральнаго штаба совершилъ съ австрійцами походъ 1793 и 1794 годовъ на Рейнѣ и Голландіи и составилъ, по словамъ Ланжерона, подробное описаніе военныхъ дѣйствій, сожженное, однако, вмѣстѣ съ прочими его бумагами во время чумы въ городѣ Одессѣ. Ришелье, по словамъ того же Ланжерона, находился при осадѣ: Валансьена, Конде, Дюнкирхена, а также въ различныхъ сраженіяхъ, тогда происходившихъ, всегда отличался отвагою и храбростію и

---

[1]) Этотъ принцъ Нанау-Зингенъ былъ законный сынъ принца Нассаускаго отъ законнаго брака его съ француженкою дѣвицею де Мальи (Mailly), который считался морганатическимъ, а потому сынъ никогда не пользовался титуломъ принца германской имперіи.

[2]) Пэнго—„Французы въ Россіи“, стр. 188.

[3]) См. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 54 стр., 201—208.

пріобрѣлъ большое уваженіе всѣхъ австрійскихъ генераловъ, принца Кобургскаго, Гогенлоэ, графа Клерфэ и другихъ.

Поднятіе оружія противъ Франціи было причиною, что Ришелье былъ причисленъ къ числу эмигрантовъ, а все его недвижимое имущество конфисковано въ 1792 году. Конвентъ призналъ владѣнія Ришелье народнымъ имуществомъ, въ томъ числѣ и знаменитый замокъ на берегахъ Луары, принадлежавшій когда-то кардиналу; часть этихъ земель была продана, а супруга Ришелье заключена въ темницу, изъ которой была освобождена впослѣдствіи.

Послѣ окончательнаго пораженія австрійцевъ на Рейнѣ въ 1794 году Ришелье, вмѣстѣ съ Ланжерономъ, былъ вызванъ въ Россію, куда и отправился въ мартѣ 1795 года. Проѣздомъ онъ посѣтилъ побѣдителя при Куннерсдорфѣ графа Румянцова, жившаго тогда въ своемъ прекрасномъ дворцѣ въ Ташанахъ, близъ Переяславля. Графъ чрезвычайно ласково принялъ обоихъ французовъ и предложилъ имъ поступить въ кирасирскіе полки: Ланжерону — въ Малороссійскій, а Ришелье — Военнаго ордена.

Это опредѣленіе должно было быть утверждено императрицею, что̀ и побудило Ришелье ѣхать въ Петербургъ и представиться князю Платону Зубову, въ то время всемогущему. Послѣ долгихъ ожиданій и хожденій Ришелье и Ланжеронъ были утверждены, въ 1795 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, полковниками въ означенныхъ выше полкахъ, которые были расположены въ Дубно (Волынской губерніи), и оба ревностно занялись военною службою и изученіемъ русскаго языка.

Ланжерону скоро удалось получить командованіе Малороссійскимъ полкомъ, отъ котораго отказался, въ 1796 году, прежній командиръ онаго, графъ Иванъ Разумовскій. Ришелье былъ менѣе счастливъ; прежній командиръ полка не уходилъ, и только въ 1797 году Ришелье былъ, по старшинству, произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ кирасирскаго Его Величества полка. Императоръ Павелъ требовалъ строгаго соблюденія устава военной службы; не любилъ тѣхъ, кому покровительствовала Екатерина II, и неоднократно дѣлалъ строгіе замѣчанія и выговоры Ришелье, который рѣшился, наконецъ, просить увольненія отъ службы по болѣзни. Онъ удалился въ Польшу и помышлялъ о возвращеніи во Францію, чтобы собрать хотя самые малые остатки огромнаго состоянія своего отца. Во Франціи уже наступили времена консульства, и къ эмигрантамъ относились снисходительнѣе. При содѣйствіи нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ, Колычева, указавшаго, что Ришелье не участвовалъ вовсе въ итальянскомъ походѣ, сей послѣдній получилъ разрѣшеніе пріѣхать во Францію. Прибывъ въ Парижъ 2-го января 1802 года, герцогу Ришелье предстояло прежде всего добиться исключенія изъ списка эмигрантовъ,

а затѣмъ уже хлопотать о возвращеніи ему отобранныхъ въ казну имѣній. Бонапартъ требовалъ отъ Ришелье покорности новому правительству и готовности принять амнистію; только при этомъ условіи онъ соглашался исключить Ришелье изъ списка эмигрантовъ. Ришелье отказался отъ того и отъ другаго; онъ во второй разъ покинулъ родину, свое семейство, друзей, все свое состояніе и вмѣстѣ со своимъ племянникомъ Эрнестомъ д'Омонъ и двоюроднымъ братомъ, графомъ Карломъ де-Растиньяль отправился въ Вѣну, гдѣ ожидало его письмо императора Александра I, который съ давнихъ поръ зналъ Ришелье и имѣлъ уже самое дружеское къ нему расположеніе. Это близкое знакомство, получившее свое начало при появленіи Ришелье еще при дворѣ Екатерины II, дало герцогу основаніе поздравить юнаго императора со вступленіемъ его на престолъ. Въ отвѣтномъ своемъ письмѣ, отъ 27-го іюня 1802 года, Александръ писалъ ему: «Мой дорогой герцогъ! Пользуюсь свободною минутою, чтобы отвѣчать вамъ и выразить, мой дорогой герцогъ, насколько я былъ тронутъ всѣмъ сказаннымъ вами въ вашемъ письмѣ. Вамъ извѣстны мои чувства и мое къ вамъ уваженіе, и вы можете судить по нимъ о томъ, какъ я буду доволенъ увидать васъ въ Петербургѣ и знать, что вы служите Россіи, которой можете принести столько пользы. Примите увѣреніе въ искренней моей къ вамъ привязанности [1]).

Прибывъ въ октябрѣ 1802 года въ Петербургъ, Ришелье былъ принятъ Александромъ гораздо лучше и радушнѣе, нежели самъ ожидалъ, и получилъ разрѣшеніе часто и запросто къ нему являться. При этомъ императоръ приказалъ ему выдать немедленно десять тысячъ рублей на всякіе необходимые расходы, а вскорѣ послѣ того пожаловалъ ему имѣніе въ Курляндіи, дававшее до 24.000 ливровъ дохода ежегодно. Это доставило герцогу возможность отказаться вполнѣ отъ всякаго отцовскаго наслѣдства въ пользу своихъ сестеръ. Одновременно съ этимъ Ришелье воспользовался благоволеніемъ къ нему императора, чтобы добиться своего исключенія изъ списковъ эмигрантовъ во Франціи.

Графъ Марковъ, нашъ посланникъ въ Парижѣ, ходатайствовалъ объ этомъ передъ Наполеономъ, который, какъ можно заключить изъ письма Ришелье къ Талейрану, отъ 11-го февраля 1803 года, на этотъ разъ согласился не только исключить Ришелье изъ списка эмигрантовъ, но и разрѣшилъ ему продолжать службу въ Россіи при императорѣ Александрѣ съ тѣмъ, чтобы Ришелье далъ подписку, что остается французскимъ подданнымъ, обязаннымъ по первому требованію возвратиться, въ случаѣ надобности, во Францію.

Ришелье, конечно, согласился на это и въ письмѣ къ Талейрану

---

[1]) См. „Сбор. Имп. Русскаго Ист. Общества", т. 54, стр. 217.

обѣщалъ съ своей стороны все возможное содѣйствіе какъ Франціи, такъ и всѣмъ своимъ соотечественникамъ, при отправленіи новыхъ, на него возложенныхъ, обязанностей. Въ 1803 году Ришелье былъ назначенъ губернаторомъ города Одессы, а два года спустя—генералъ-губернаторомъ всего Новороссійскаго края, состоявшаго тогда изъ трехъ губерній: Херсонской, Екатеринославской и Таврической, въ составъ которой входилъ весь Крымскій полуостровъ.

Въ рескриптѣ 30-го января (11-го февраля) 1803 года императоръ предоставлялъ герцогу: 1) осмотрѣть и вникнуть обстоятельно во всѣ части управленія въ Одессѣ и стараться приводить ихъ въ наилучшее состояніе, представляя обо всемъ, что будетъ превосходить его власть, непосредственно на его величества усмотрѣніе; 2) имѣть начальство надъ всѣми воинскими командами, въ городѣ состоящими; надъ всѣми крѣпостными и портовыми строеніями, надъ таможнею, карантиномъ, почтовою конторою, морскими чиновниками и т. д.; 3) наблюдать за скорымъ и точнымъ правосудіемъ; 4) стараться увеличить населеніе Одессы привлеченіемъ туда полезныхъ иностранцевъ; 5) наблюдать за правильнымъ употребленіемъ городскихъ доходовъ и, 6) избрать удобное мѣсто для устройства карантина [1]).

Прежнее мѣстечко Гаджи-бей (завоеванное въ 1790 году адмираломъ Рибасомъ вмѣстѣ съ графомъ Гудовичемъ) было въ то время жалкою деревнею, которая, переименованная въ 1792 году въ городъ Одессу, имѣла не болѣе 700 жителей и нѣсколько скромныхъ помѣщеній, служившихъ для таможни, карантина и склада товаровъ. Дома были большею частью глиняныя мазанки, покрытыя соломою; портовыхъ сооруженій не было вовсе, и торговля производилась въ самомъ незначительномъ размѣрѣ.

Ришелье прежде всего позаботился устроить управленіе этимъ городомъ, скоро доставившее ему необычайно цвѣтущее состояніе. Видя, что развитіе города можетъ проистекать только отъ того торговаго движенія, которое будетъ упрочено и усилено въ этомъ мѣстѣ, Ришелье предложилъ отмѣнить всякіе стѣснительные, произвольные поборы, ранѣе уже установленные съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, и учредить одинъ сборъ въ $2^1/_2$ копѣйки съ четверти вывозимаго хлѣба, расходуя этотъ сборъ на самыя необходимыя потребности города; какъ-то: на сооруженіе пристани, дорогъ, церквей, казармъ и т. д. Этотъ сборъ скоро достигъ цифры 12.000 рублей въ годъ. Съ этими деньгами, а также заимообразно отпущенными императоромъ 200 тысячъ рублями, Ришелье приступилъ къ постройкѣ двухъ портовъ, изъ которыхъ одинъ предназначался для судовъ, приходившихъ изъ разныхъ мѣстъ Чер-

[1]) См. томъ 54 „Сборн. Имп. Русскаго Ист. Общ.“, стр. VII.

наго и Азовскаго морей, а другой для иностранныхъ судовъ изъ Константинополя и другихъ отдаленныхъ мѣстъ, а поэтому подлежавшихъ карантину. Онъ улучшилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, устройство карантина, выстроилъ нѣсколько складочныхъ помѣщеній и обнесъ всю карантинную часть высокою стѣною.

Желая обратить незначительное мѣстечко въ цвѣтущій городъ, Ришелье поощрялъ всякаго желающаго строиться въ чертѣ города; онъ отводилъ безплатно мѣста для постройки, съ условіемъ застроить ихъ въ два года; давалъ денежныя ссуды, на продолжительный срокъ, подъ залогъ возводимыхъ строеній. Все это содѣйствовало тому, что въ скоромъ времени появились прямыя, широкія улицы, расположенныя по заранѣе составленному плану; онѣ были вымощены, освѣщены и усажены деревьями. Въ десять лѣтъ число обывателей достигло уже цифры 2.000; иностранцы во множествѣ переселялись въ Одессу, въ которой въ то же время устроивались обширный молъ, великолѣпныя набережныя, громадные доки и т. д.,—однимъ словомъ дѣлалось все, чтобы обратить Одессу въ первоклассный торговый городъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторъ заботился и объ удовольствіяхъ обывателей новаго города. Французъ Томонъ (Thomon) составилъ планъ театра, построеннаго въ 1808 году; нѣкто Рено учредилъ такъ-называемый р е д у т ъ, гдѣ могли собираться и танцовать до тысячи человѣкъ; тутъ же былъ ресторанъ и гостиница. Помимо этого Ришелье обращалъ большое вниманіе на различныя насажденія, которыя должны были не только украсить городъ, но и сдѣлать его болѣе здоровымъ. Мало-по-малу стали устраиваться цвѣтники, общественный и ботаническій сады и огороды, которые скоро стали снабжать своими произведеніями Россію и Турцію. Герцогъ любилъ подрѣзать деревья, поливать и прививать ихъ.

Сознавая, что наилучшимъ способомъ къ развитію возникающей торговли въ Черномъ морѣ является пониженіе таможенныхъ пошлинъ и устраненіе всякаго рода стѣснительныхъ обрядностей и поборовъ при осмотрѣ товаровъ, Ришелье неоднократно представлялъ объ этомъ въ министерство финансовъ и даже ѣздилъ самъ въ Петербургъ, гдѣ, пользуясь расположеніемъ къ нему императора, добивался разныхъ льготъ въ пользу одесскаго порта. Такъ, уже въ 1803 году пошлина на всѣ товары, привозимые и вывозимые изъ Одессы, была уменьшена на одну четвертую часть противъ опредѣленной по общему тарифу. Въ 1804 году разрѣшенъ свободный транзитъ для всѣхъ товаровъ, привозимыхъ моремъ въ Одессу и направляемыхъ далѣе, въ Молдавію, Валахію, Австрію и Пруссію. Въ то же время учрежденъ въ Одессѣ, для товаровъ, особый складъ, въ которомъ товары могли храниться 18 мѣ-

сяцевъ, не уплачивая пошлины, и выжидать покупателей на выгодныхъ условіяхъ.

Помимо этого, въ Одессѣ была открыта размѣнная касса, учетная контора и ссудное отдѣленіе банка, а также контора морскаго страхованія товаровъ. Въ 1808 году учрежденъ коммерческій судъ, для разбора различныхъ торговыхъ дѣлъ, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ французъ, сынъ графа Сенъ-При. Это учрежденіе имѣло самые полезные результаты. Иностранцы всякаго рода перебирались въ Одессу и притомъ въ такомъ числѣ, что Франція, Австрія, Испанія и даже Неаполитанское королевство сочли необходимымъ имѣть въ Одессѣ своихъ консуловъ.

Число судовъ, приходившихъ къ одесскому порту, быстро увеличивалось; въ 1802 году ихъ было всего 300, а въ 1805 году—уже болѣе тысячи. Въ такомъ же размѣрѣ увеличивались и цифры судовъ, приходившихъ къ другимъ черноморскимъ портамъ. Сумма торговыхъ сдѣлокъ г. Одессы также быстро возрастала. Составляя въ 1802 году всего два милліона рублей, торговыя сдѣлки въ 1813 году простирались до двадцати пяти милліоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ росло и населеніе города, которое въ 1804 году доходило до 8.000 жителей, а въ 1813 году—до 35.000 человѣкъ, т. е. въ десять лѣтъ населеніе учетверилось. Городъ пріобрѣталъ общенародный, космополитическій характеръ: тутъ встрѣчались народы различныхъ государствъ не только Европы, но и Азіи.

Такимъ образомъ, благодаря дѣятельности Ришелье, Одесса обезпечила за собою положеніе, предназначенное ей самою природою. Она сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ товаровъ Запада и Востока и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ мѣстомъ сбыта всѣхъ произведеній съ обширныхъ пространствъ Россійской имперіи. Прежде Новороссія, Малороссія и Польша, производившія въ избыткѣ всякаго рода хлѣбъ, ленъ, пеньку, масло, кожи, шерсть и т. д., отправляли эти сырыя произведенія въ Данцигъ и Балтійское море. Открытіе одесскаго порта немедленно измѣнило направленіе этого торговаго движенія въ пользу Чернаго моря. Одесскіе купцы стали входить въ болѣе частыя и прямыя торговыя сношенія не только съ Константинополемъ, но и съ Архипелагомъ, Малою Азіею, даже Александріею и Персіею; они открывали прямыя сношенія съ Италіею, южною Франціею, особенно съ Марселемъ.

Но миротворное и грандіозное твореніе герцога неоднократно прерывалось войнами, которыя Россія принуждена была вести сперва съ Турціею, а потомъ и Наполеономъ I. Отъ французовъ требовали представленія залоговъ въ ихъ благонадежности; кто не могъ представить таковыхъ, былъ высылаемъ за границу. Ришелье, желая по возможности отвратить подобный ущербъ городу, заявлялъ, что онъ лично ру-

чается за своихъ соотечественниковъ, которые и оправдали его къ нимъ довѣріе,—никто изъ нихъ не дѣйствовалъ во вредъ Россіи.

Войны съ Турціею были крайне невыгодны для хлѣбной торговли Одессы. Ришелье исходатайствовалъ разрѣшеніе производить торговлю хлѣбомъ съ Константинополемъ и во время войны съ Турціею. Въ то же время чрезвычайно развился и транзитъ въ южной Россіи. Европейскій материкъ нуждался въ товарахъ, получаемыхъ изъ Турціи. Ихъ не было возможности доставлять моремъ, такъ какъ Англія объявила, что не признаетъ болѣе никакихъ нейтральныхъ судовъ. Поэтому необходимость заставляла товары турецкаго и восточнаго происхожденія направлять въ Одессу, а оттуда, чрезъ русскую Польшу, въ Австрію и Францію. Такъ, въ 1808 году въ Одессу прибыло множество кипъ хлопчатой бумаги и шерсти. Но карантинныя и таможенныя помѣщенія и магазины въ Одессѣ, а также личный составъ служащихъ въ нихъ оказались при этомъ недостаточными. Ришелье немедленно увеличилъ штатъ, сдѣлалъ необходимыя пристройки къ зданіямъ и удовлетворилъ новымъ потребностямъ торговли. Скоро то же самое случилось и съ товарами, отправляемыми въ Турцію изъ Германіи, Франціи и Италіи. Невозможность отправить эти товары моремъ побудила направить ихъ въ южную Россію и Одессу и затѣмъ уже въ Турцію.

Впрочемъ, въ 1810 году Ришелье на время уклонился отъ руководившей имъ до сего времени торговой свободы. Узнавъ, что въ Константинополѣ запасы хлѣба незначительны, и убѣжденный, что этотъ недостатокъ въ хлѣбѣ побудитъ турокъ заключить миръ съ Россіею, Ришелье воспретилъ вывозъ хлѣба изъ Одессы въ Константинополь. Это распоряженіе не только было одобрено указомъ 27-го марта 1810 года, но затѣмъ еще 7-го мая 1810 г. предписывалось сдѣлать это запрещеніе безусловнымъ, не допуская никакихъ исключеній. Но желаемая цѣль не была этимъ достигнута. Греческія и египетскія суда снабдили Константинополь хлѣбомъ изъ Египта, и Ришелье 10-го мая 1810 года ходатайствовалъ объ отмѣнѣ указовъ, воспрещавшихъ вывозъ хлѣба въ Константинополь.

Континентальная система была также пагубнымъ бѣдствіемъ для морской торговли, составлявшей все богатство Одессы. Наполеонъ настойчиво и безпощадно прекращалъ доступъ англійскимъ произведеніямъ въ порты европейскаго материка. Ришелье по мѣрѣ силъ своихъ старался ослабить всѣ тяжкія послѣдствія этой системы. Французскій консулъ въ Одессѣ Мюръ неоднократно жаловался на допускаемыя въ Черномъ морѣ нарушенія и на то, что Ришелье всѣми мѣрами старается способствовать торговлѣ города Одессы. Румянцевъ, объяснялся по этому поводу съ Коленкуромъ, французскимъ посланникомъ въ Пе-

тербургѣ, и говорилъ, что новороссійскому генералъ-губернатору будутъ даны должныя указанія.

Заботясь непрестанно о развитіи морской торговли Одессы, Ришелье имѣлъ мысль (осуществленную, впрочемъ, послѣ него, при Ланжеронѣ) обратить Одессу въ порто-франко, по примѣру Марселя, Генуи, Ливорна, Тріеста и т. д. Онъ писалъ объ этомъ въ 1814 году императору, указывая всѣ значительныя выгоды этого предположенія для государства. «Россія—говорилъ Ришелье въ своемъ письмѣ—должна все сдѣлать, чтобы привлечь къ себѣ товары Востока, именно изъ Смирны, которая теперь является главнымъ ихъ складочнымъ мѣстомъ. Товары доставляются въ Смирну со всѣхъ мѣстъ Азіи сухимъ путемъ; но можно найти для этого болѣе удобное мѣсто, напримѣръ Синопъ, на южномъ берегу Чернаго моря, и затѣмъ установить правильныя сообщенія Синопа съ Одессою. Для этого надо представить только нѣкоторыя льготы торговцамъ».

Исходя изъ этого, Ришелье постоянно противился установленію различныхъ сборовъ или обязательныхъ повинностей, которыя намѣревалось установить министерство финансовъ, въ видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ или облегченія расходовъ государственнаго казначейства. Такъ, напр., онъ просилъ объ освобожденіи отъ платежа податей грековъ, водворенныхъ въ Керчи и Еникалѣ, объ отмѣнѣ подати съ незаселенныхъ земель Новороссіи, объ облегченіи постойной повинности для нѣкоторыхъ городовъ Крымскаго полуострова, о переводѣ плѣнныхъ турокъ изъ Екатеринославской губерніи въ другія болѣе зажиточныя мѣста и т. д.

Заботясь объ успѣхахъ торговли и земледѣлія во ввѣренномъ ему краѣ, герцогъ принималъ мѣры къ развитію народнаго образованія въ южныхъ губерніяхъ Россіи. Онъ учредилъ нѣсколько приходскихъ школъ для мальчиковъ въ г. Одессѣ, уѣздное училище и высшее училище для дѣтей православнаго исповѣданія. Въ первые же годы своего управленія краемъ, Ришелье основалъ въ Одессѣ гимназію для лицъ преимущественно купеческаго сословія, а также институтъ для дѣтей дворянъ обоего пола. Институтомъ этимъ завѣдывалъ извѣстный аббатъ Николь, самый дѣятельный сотрудникъ Ришелье въ дѣлѣ народнаго образованія. Немного позднѣе гимназія была соединена съ институтомъ подъ общимъ названіемъ лицея, и завѣдываніе обоими заведеніями было возложено на того же аббата Николя, который исполнялъ эту обязанность и послѣ отъѣзда Ришелье до 1820 года, когда также уѣхалъ во Францію. Императоръ Александръ I, посѣтивъ этотъ лицей уже послѣ Ришелье, при Ланжеронѣ, предоставилъ лицею права университета и приказалъ на перистилѣ зданія поставить бюстъ герцога, съ надписью: «Ришелье — благодарная Одесса». Ришелье оставилъ значительный капиталъ на содержаніе этого лицея.

Обширная Новороссія въ то время представляла собою почти безлюдную степь, для заселенія которой были приняты мѣры еще при Екатеринѣ II. Какъ извѣстно, императрица вызвала немало колонистовъ изъ Германіи, предоставивъ имъ весьма значительныя льготы и надѣливъ ихъ обширными землями. Но число поселившихся колонистовъ было далеко не достаточно для заселенія обширныхъ равнинъ всего Новороссійскаго края. Ришелье слѣдовалъ примѣру великой Екатерины и, въ свою очередь, вызвалъ колонистовъ не только изъ Германіи, но изъ Франціи, преимущественно изъ Эльзаса, а также изъ Болгаріи, Румыніи, Греціи и Арменіи. Изъ переписки герцога съ графомъ Кочубеемъ, тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, видно, какъ они оба заботились о привлеченіи въ Россію всякаго рода колонистовъ. Кочубей въ 1807 году предлагалъ вызвать въ Крымъ христіанъ, водворенныхъ въ Анатоліи, и, пользуясь пребываніемъ нашихъ войскъ въ Молдавіи и Валахіи, вывести также изъ этихъ странъ нѣсколько тысячъ христіанъ для заселенія ими нашихъ южныхъ губерній. Постоянный притокъ выходцевъ всякаго рода способствовалъ заселенію южныхъ городовъ края, какъ-то: Козлова (въ Крыму), Ростова на Дону, Тирасполя на Днѣстрѣ, Таганрога, Елисаветграда, Херсона и т. д. Постепенно стало развиваться земледѣліе, которымъ Ришелье самъ очень интересовался; онъ поощрялъ введеніе земледѣльческихъ машинъ, учрежденіе фермъ и хозяйствъ, а также всякое полезное сельскохозяйственное производство. При немъ въ 1804 году нѣмецъ Миллеръ завелъ близъ Одессы мериносовъ изъ Испаніи, женевецъ Пиктэ де-Рошемонтъ устроилъ образцовую овчарню въ обширномъ имѣніи Новый-Ланси (Novoi-Lancy) [1]), откуда другіе хозяева получали племенныхъ овецъ. Другой швейцарецъ Ревельотъ (Réveillod) основалъ такую же овчарню на лѣвомъ берегу р. Буга; дочери марсельскаго уроженца Рувье завели до 35.000 мериносовъ на сѣверѣ Перекопскаго перешейка, а голландецъ Памо устроилъ суконную фабрику.

Прежнія постоянныя войны съ Турціею значительно уменьшили благосостояніе населенія Крымскаго полуострова. Ришелье поставилъ себѣ задачею возстановить прежнее благосостояніе жителей Крыма. Онъ обратилъ съ этою цѣлію особенное вниманіе на разработку соляныхъ озеръ Крыма, учредилъ особые соленые запасы, устроилъ пользованіе цѣлебными грязями въ Козловѣ, основалъ ботаническій Никитскій садъ (въ 1812 году), усилилъ значительно разведеніе тутовыхъ деревъ для шел-

[1]) Ланси (Lancy), маленькая деревня въ Швейцаріи, женевскаго кантона, съ красивымъ мѣстоположеніемъ, въ которой занимаются преимущественно скотоводствомъ. Пиктэ былъ изъ этой деревни.

ководства, а также лавровыхъ и оливковыхъ деревъ на южномъ берегу Крыма. Помимо этого онъ выписалъ изъ Франціи множество виноградныхъ лозъ и этимъ положилъ основаніе крымскому винодѣлію.

Ришелье задался мыслью прежнихъ владѣтелей Крыма, обратить ногайскихъ татаръ, кочевавшихъ по-прежнему по полуострову, въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ ему много помогалъ графъ Мэзонъ Жакъ де-Лаферъ, также бѣжавшій изъ Франціи во время революціи. Онъ выстроилъ въ разныхъ мѣстахъ мечети, около которыхъ понемногу возникли поселенія, окруженныя полями и огородами. Татары стали сбывать произведенія земли въ Керчь и Азовъ; продажа ихъ, а также шерсти и барановъ, доставляла имъ правильный доходъ и постепенно пріучала къ осѣдлости. Самъ Мэзонъ жилъ на берегу Азовскаго моря, среди татарскаго поселенія Моро, обращеннаго въ мѣстечко подъ именемъ Ногайска. Онъ развелъ небольшой ботаническій садъ и плодовый, имѣвшій до десяти тысячъ фруктовыхъ деревъ, и прожилъ тридцать лѣтъ среди ногайскихъ татаръ, не получая никакого отъ казны вознагражденія.

Ришелье обратилъ вниманіе и на остатки отважныхъ запорожцевъ, жившихъ теперь на Кубани, подъ именемъ Черноморскихъ или Кубанскихъ казаковъ, въ крайней бѣдности и понемногу вымиравшихъ. Онъ приселилъ къ нимъ еще 25.000 человѣкъ съ береговъ Днѣпра (также прежнихъ запорожцевъ, но уже болѣе осѣдлыхъ) съ ихъ семействами и поручилъ своему родственнику графу Рошешуару заняться ихъ военнымъ устройствомъ и обученіемъ, распредѣливъ ихъ по полкамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ построенъ рядъ небольшихъ укрѣпленій, чтобы сдерживать горцевъ, тревожившихъ въ то время наши поселенія на Кубани. Одновременно герцогъ занялся устройствомъ хозяйства этихъ поселянъ, конскаго завода, образцовой овчарни, суконной фабрики, больницы, школы для дѣтей и проч. Въ короткое время возникло богатое населеніе въ 40.000 человѣкъ, выставлявшее прекрасное войско.

Объѣзжая по временамъ и осматривая всѣ эти поселенія, разбросанныя на обширномъ пространствѣ, генералъ-губернаторъ говорилъ съ ихъ обывателями, входилъ въ ихъ нужды, поощрялъ ихъ всячески и испрашивалъ награды лицамъ, непосредственно завѣдывавшимъ всѣми этими обывателями, столь различными по обычаямъ, нравамъ, языку, религіи и привычкамъ. «Нигдѣ не встрѣчалось столько разнородныхъ обывателей—пишетъ Ришелье въ своемъ рапортѣ императору.—Такъ, на лѣвомъ берегу рѣки Молочной живутъ ногайскіе татары, на правомъ—выселившіеся изъ Великороссіи русскіе, а повыше ихъ—мнемониты изъ Германіи, а противъ нихъ—колонисты, частію лютеране, частію католики.

Еще выше по рѣкѣ—малороссы православнаго исповѣданія, а потомъ — опять духоборцы и т. д.»

Зимою 1811—1812 гг. Ришелье получилъ отъ государя приказаніе двинуть на Волынь всѣ имѣющіяся у него въ распоряженіи войска, а самому прибыть въ Петербургъ для участія въ обсужденіи весьма важныхъ вопросовъ вмѣстѣ съ другими высокопоставленными лицами.

Предметомъ обсужденія являлись условія мира съ Турціею, подготовляемаго Кутузовымъ, а въ особенности предстоявшая Россіи война съ Наполеономъ. Ришелье въ продолженіе 15-ти дней объяснялся съ государемъ и его министрами, а затѣмъ вернулся въ Одессу для скорѣйшаго приведенія въ исполненіе всѣхъ признанныхъ необходимыми мѣропріятій.

Вскорѣ послѣ этого Наполеонъ вступилъ въ предѣлы нашего отечества. Ришелье, питавшій непреодолимую ненависть къ Наполеону, горѣлъ желаніемъ выступить противъ своего высокомѣрнаго соотечественника. Онъ писалъ объ этомъ императору Александру I, но появившаяся въ Одессѣ чума заставила герцога остаться въ созданномъ имъ городѣ. Въ августѣ 1812 года внезапно умерло въ Одессѣ около тридцати человѣкъ; доктора не могли придти къ единогласному заключенію о причинахъ этого явленія, ни о его свойствахъ. 26-го августа закрыты были всѣ церкви, таможни, биржа и судебныя мѣста; городъ былъ раздѣленъ на кварталы, каждый изъ нихъ порученъ завѣдыванію особыхъ лицъ, изъ дворянъ и офицеровъ, обязанныхъ обходить каждый домъ своего квартала и указывать, въ которомъ изъ нихъ имѣются лица, зараженныя этою страшною болѣзнью, оказавшеюся скоро чумою. Это побудило герцога Ришелье установить карантины на рѣкѣ Бугѣ и Днѣстрѣ, а также и на границахъ Подольской губерніи. Оба института были обращены въ больницы, при чемъ чумныхъ отдѣляли отъ прочихъ больныхъ. Но бѣдствіе не прекращалось, число больныхъ и умирающихъ все увеличивалось. Тогда 22-го ноября 1812 года былъ установленъ общій карантинъ: никто не смѣлъ выходить изъ квартиры, если не былъ къ тому обязанъ службою. Съѣстные припасы разносились два раза въ день по квартирамъ особыми коммисарами. Всякій, имѣвшій признаки больнаго, отправлялся въ больницу, а всѣ лица, находившіяся съ нимъ въ одномъ помѣщеніи, размѣщались отдѣльно въ особыхъ покояхъ. Самая мертвая тишина царила на улицахъ, на которыхъ горѣли мѣстами костры, и только по временамъ встрѣчались телѣги, увозившія умершихъ и зачумленныхъ. Часть города, населенная самыми недостаточными обывателями, почти что вся вымерла; немногіе изъ оставшихся живыми были выселены въ особые сараи, построенные на прилегающихъ къ городу холмахъ. Самъ Ришелье вмѣстѣ съ аббатомъ Николемъ и г. Россе съ величайшимъ самопожер-

твованіемъ помогали больнымъ и бѣднымъ въ домахъ ихъ, ухаживали за ними въ больницахъ и даже зарывали ихъ на кладбищѣ.

7-го января 1813 года, послѣ 66 дневнаго каратина, чума прекратилась въ Одессѣ, похитивъ 2.660 человѣкъ изъ общаго числа 36.000 обывателей города. Ришелье сталъ снова мечтать о возможности выступить противъ Наполеона, какъ вдругъ 8-го іюля 1813 года чума появилась въ Елисаветградѣ. Впрочемъ, принятыми Ришелье мѣрами она была скоро прекращена.

Между тѣмъ Наполеонъ былъ изгнанъ изъ Россіи. Наши войска вступили въ Германію и одержали рядъ блистательныхъ побѣдъ. Ришелье чрезвычайно радовался имъ и писалъ своему пріятелю Рошешуару, что намѣренъ по возвращеніи императора Александра въ Россію просить у него отпуска на поѣздку въ Парижъ.

Въ сентябрѣ 1814 года онъ получилъ желаемое разрѣшеніе и сталъ собираться къ отъѣзду. Извѣстіе объ этомъ повергло жителей Одессы въ полное уныніе; бо́льшая часть населенія провожала его до заставы, а болѣе двухъ сотъ человѣкъ—до первой станціи. Герцогъ Ришелье или, какъ его обыкновенно звали въ Одессѣ, д ю к ъ (т. е. по-французски герцогъ—duc), былъ глубоко растроганъ и со слезами на глазахъ разстался съ жителями созданнаго города, который ему не суждено было болѣе увидѣть. Но онъ непрестанно вспоминалъ о немъ и въ своемъ отечествѣ, посылалъ по временамъ въ Одессу разныя сѣмена и плодовыя деревья изъ королевскаго сада, устраивалъ ввозъ французскихъ товаровъ, необходимыхъ для Одессы, выписывалъ изъ Одессы и другихъ портовъ Чернаго моря хлѣбъ во Францію и т. д. Когда императоръ Александръ I посѣтилъ въ 1818 году Одессу, онъ былъ до того изумленъ всѣмъ сдѣланнымъ герцогомъ Ришелье какъ для города, такъ и для всего края, что послалъ ему при особомъ письмѣ орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго. Десять лѣтъ спустя, городъ соорудилъ памятникъ своему прежнему губернатору, которому, однако, не было суждено узнать объ этой признательности обывателей Одессы: онъ ранѣе этого скончался.

Въ Одессѣ Ришелье все время проводилъ въ занятіяхъ, жилъ въ скромномъ помѣщеніи изъ пяти комнатъ, гдѣ мебель была изъ некрашенаго бѣлаго дерева, самой простой работы. Зимою и лѣтомъ онъ вставалъ въ шесть часовъ утра, пилъ кофе съ молокомъ около восьми часовъ и, принявъ разныхъ просителей, садился заниматься съ своими секретарями до двѣнадцати часовъ съ половиною. Онъ самъ вскрывалъ пакеты, писалъ не только резолюціи, но и отвѣтныя бумаги, и нерѣдко прямо на-бѣло, безразлично на какомъ языкѣ: русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Онъ велъ, кромѣ того, обширную переписку со многими лицами, читалъ всѣ газеты и журналы, получаемые въ Одессѣ.

Въ часъ дня онъ обѣдалъ, при чемъ за столомъ собирались всѣ его приближенные, человѣкъ двадцать: а именно три адъютанта, его родственникъ графъ Рошешуаръ, завѣдывавшій всѣмъ его домомъ, три его секретаря по гражданскому управленію, начальникъ штаба дивизіи съ двумя офицерами, докторъ Скюдери, бывшій его наставникъ аббатъ Лабданъ, секретарь по дѣламъ города Одессы, нѣкоторые изъ иностранныхъ консуловъ и затѣмъ, кромѣ того, болѣе замѣчательные путешественники и знатнѣйшіе торговцы. Обѣдъ былъ самый скромный, послѣ котораго Ришелье отправлялся странствовать по городу или пѣшкомъ, или въ скромныхъ дрожкахъ и посѣщалъ нерѣдко окрестности города, различныя учрежденія, сады, земледѣльческія фермы, бесѣдовалъ съ ихъ владѣльцами, разспрашивалъ о ходѣ работъ, о положеніи ихъ дѣлъ, объ ихъ нуждахъ и т. д. Въ девять часовъ онъ ужиналъ. Онъ не отклонялъ никогда никакого приглашенія на вечеръ и охотно посѣщалъ балы, какъ общественные, такъ и частные.

По воскресеньямъ у него былъ большой пріемъ и смотръ войску, послѣ чего герцогъ отправлялся въ гимназію, разспрашивалъ о поведеніи и успѣхахъ учениковъ въ продолженіе недѣли, бралъ съ собою наиболѣе отличившихся, возилъ ихъ по городу, оставлялъ у себя обѣдать, а послѣ отвозилъ въ гимназію. Въ одиннадцать часовъ онъ ложился спать на одномъ изъ диванов, стоявшихъ въ его кабинетѣ. Жизнь въ Одессѣ была въ то время дешева,—говоритъ Рошешуаръ въ своихъ воспоминаніяхъ,—говядина стоила 3 коп. фунтъ; рыбы было множество; овощи, плоды получались изъ Крыма, а вина изъ Франціи, безъ платежа пошлины. Для своихъ расходовъ герцогъ не имѣлъ ничего, кромѣ получаемого отъ правительства содержанія, всего около 15—20 тысячъ рублей ассигнаціями; изъ Франціи онъ ничего не получалъ изъ своего достоянія.

Крайняя простота и радушіе скоро снискали герцогу всеобщее расположеніе жителей; онъ охотно разговаривалъ съ каждымъ, и при томъ на природномъ его языкѣ. Простота обращенія много способствовала собранію около герцога всѣхъ наиболѣе выдающихся личностей города Одессы, весьма различныхъ между собою по состоянію, происхожденію и умственнымъ способностямъ. У него же собирались и всѣ европейскіе консулы, находившіеся въ Одессѣ, а также наиболѣе крупные торговцы, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ тогда французъ Сикаръ (Sicard), первый установившій торговыя сношенія Одессы съ Марселемъ, и французъ Раймондъ—нажившій состояніе при снабженіи провіантомъ молдавской арміи. Кромѣ того тутъ же бывалъ маркизъ Кастельно (Castelnau) оставившій любопытное сочиненіе по исторіи Новороссійскаго края.

П. М. Майковъ.

СОНЪ.

Стихотвореніе Аполлона Никифоровича Марина.

Воску ярого свѣчею
Сердце тѣплилось во мнѣ,
Предъ иконою святою
Я въ священномъ былъ огнѣ.
Ангелъ Божій предо мною
Лучезарно возсіялъ;
Знаменія креста деснаго
Меня кротко осѣнялъ.
И блистательной одеждой,
Онъ прикрылъ меня своей;
Вѣру теплую съ надеждой
Посѣлилъ въ душѣ моей
Я проснулся и нестало
Ангела передо мной
Но мнѣ какъ-то легче стало,
И душа нашла покой.
Томно пѣночка запѣла,
Засвисталъ мой соловей,
Горе съ сердца улетѣло
Въ даль за тридевять морей.

16-го іюня 1846 г. 4 часа утра.
С.-Петербургъ.

Александръ I и Наполеонъ въ Эрфуртѣ.

VI [1]).

Конвенція.

Одновременно съ неопредѣленными бесѣдами и легкими полунамеками возобновились и положительные переговоры, медленно подвигавшіеся впередъ. По возвращеніи изъ Веймара, императоры нашли, что Шампаньи и Румянцевъ уже пришли къ соглашенію относительно нѣкоторыхъ статей, но кое-какіе пункты ихъ останавливали. Желая устранить эти препятствія лично, Наполеонъ и Александръ пожелали, чтобы труды ихъ министровъ продолжались подъ ихъ непосредственнымъ наблюденіемъ; всякое разногласіе представлялось на разсмотрѣніе императоровъ. Между ихъ отелемъ и канцлерствомъ безпрестанно сновали посланцы; Шампаньи и Румянцевъ расходились и сходились до четырехъ разъ въ день, чтобы получать и сообщать другъ другу повелѣнія своихъ государей. Готовясь сѣсть на коня, чтобы скорѣе посѣтить Наполеона, Александръ, случалось, долженъ былъ принимать своего министра, который доносилъ ему о какихъ-либо новыхъ пререканіяхъ и просилъ надлежащихъ инструкцій: «Императоръ Наполеонъ ожидаетъ меня,—говорилъ онъ тогда,—я устрою все это вмѣстѣ съ нимъ» [2]).

---

[1]) См. „Рус. Стар.“ іюнь 1897 г.

[2]) Шампаньи Наполеону, 29-го сентября (11 октября) 1808 г. Письма, въ которыхъ министръ иностранныхъ сношеній отдаетъ своему государю день за день отчетъ о происходившихъ преніяхъ, находятся въ Archives nationales, A. F., IV, 1697. Thiers обнародовалъ часть ихъ (IX, 325—732).

И затѣмъ, во время прогулки, или за вечерней бесѣдой, они старались пріискать форму, которая должна была примирить обѣ стороны. Относительно нѣкоторыхъ вопросовъ дѣлались уступки, другіе—устранялись вовсе, и благодаря такимъ пріемамъ, прикрывавшимъ черезчуръ частыя разногласія, конвенція мало-по-малу формировалась въ различныхъ своихъ частяхъ.

Во вступленіи и первыхъ трехъ статьяхъ была обозначена цѣль договора, а именно, всеобщее водвореніе мира, при этомъ устанавливались и способы дипломатическаго воздѣйствія союзниковъ на Англію. Этой державѣ предложено будетъ вступить въ переговоры; для этого будутъ назначены уполномоченные и съѣдутся въ томъ мѣстѣ какое она имъ назначитъ. При переговорахъ, Франція и Россія будутъ дѣйствовать единодушно, сообщая другъ другу всѣ предложенія противной стороны и ни въ чемъ не отдѣляя другъ отъ друга своихъ интересовъ.

На какихъ же основаніяхъ послѣдуетъ заключеніе мира съ Англіею? По этому предмету Франція и Россія обезпечивали другъ другу обоюдность выгодъ, составлявшую неизмѣнное правило ихъ союза: независимо отъ предшествовавшихъ договору владѣній, они гарантировали взаимно всѣ завоеванія, сдѣланныя или предпринятыя послѣ Тильзита: Франціею—на югѣ Европы, Россіею—на сѣверѣ и востокѣ.

4-й статьею прежде всего устанавливалось вести переговоры на основаніи принципа имѣющихся у каждаго владѣній: всякій долженъ былъ сохранить за собой то, что̀ занялъ. Но этого общаго обѣщанія было недостаточно для успокоенія одинаково подозрительныхъ честолюбій у обѣихъ сторонъ, желавшихъ положительныхъ гарантій. Кромѣ того Испанія, въ состояніи сплошнаго возстанія, ускользала въ сущности изъ области uti possidetis относительно Франціи. Наполеонъ, однако, настаивалъ на томъ, чтобы причисленіе этого государства къ владѣніямъ его династіи было особенно гарантировано Россіей. Поэтому Александръ I долженъ былъ въ 6-й статьѣ дать обязательство «смотрѣть, какъ на непремѣнное условіе мира,—на признаніе Англіею новаго порядка правительства, установленнаго въ Испаніи». Что касается до перемѣнъ, произведенныхъ или подготовленныхъ за послѣдній годъ по ту сторону Альпъ, Наполеонъ удовольствовался простымъ письмомъ, написаннымъ къ нему Александромъ, въ которомъ признавалось заранѣе все, что̀ будетъ рѣшено французскимъ императоромъ «относительно участи этого королевства и другихъ государствъ Италіи» [1]).

[1]) Это письмо было напечатано въ Correspondance de Napoléon XVII, 648, въ примѣчаніи.

Соотвѣтственно этимъ условіямъ, исключительно въ пользу Франціи были составлены подобныя же обязательства со стороны Наполеона: во-первыхъ, въ статьѣ 5-й, французскій монархъ, по образцу выраженій, употребленныхъ относительно Испаніи, обязывался «смотрѣть, какъ на непремѣнное условіе мира съ Англіей, на признаніе ею Финляндіи, Валахіи и Молдавіи, въ качествѣ областей, составляющихъ часть Россійской имперіи».

Была-ли необходимость объясняться подробнѣе о предоставленіи Франціею своему союзнику шведской провинціи и двухъ турецкихъ областей? Александръ потребовалъ сначала, чтобы присоединеніе Финляндіи къ его владѣніямъ было признано точнымъ образомъ, и Наполеонъ, повидимому, не прочь былъ согласиться на это. Но затѣмъ такое притязаніе было оставлено: царь мало видѣлъ въ томъ выгодъ, такъ какъ Франція никогда не отказывалась пожертвовать Швеціей; напротивъ, тутъ являлся нѣкоторый рискъ, потому что Наполеонъ могъ потребовать, въ свою очередь, новыхъ уступокъ. Поэтому имя Финляндіи было названо лишь въ помянутой выше статьѣ. Объ участи другихъ областей шведской монархіи не было здѣсь рѣчи, хотя Александру была предоставлена полная свобода продолжать побѣдоносно войну далѣе на сѣверъ; впрочемъ, 13-й статьею обусловливалось также увеличеніе владѣній Даніи соотвѣтственно понесеннымъ ею лишеніямъ и оказаннымъ услугамъ.

Относительно Молдавіи и Валахіи дѣло слагалось иначе, и хотя Наполеонъ понималъ, что угрожающее положеніе Австріи дѣлаетъ для него необходимымъ соглашеніе съ Россіей и обязываетъ его къ нѣкоторой снисходительности, тѣмъ не менѣе онъ прибѣгъ при этомъ къ кое-какимъ оговоркамъ. Онъ далъ слово нимало не препятствовать присоединенію господарствъ къ Россіи, но просилъ союзника не пользоваться этой возможностью тотчасъ же и сохранить дѣло въ тайнѣ на нѣсколько мѣсяцевъ; онъ хотѣлъ, чтобы Россія подождала исхода лондонскихъ переговоровъ прежде, чѣмъ предъявить туркамъ желаніе сохранить за собою оба господарства и предложить имъ на этомъ условіи миръ. Соображенія Наполеона были слѣдующія: сентъ-джемскій кабинетъ [illegible]требляетъ непрестанно усилія примириться съ Портой и вовлечь ее въ союзъ; турки еще колеблются, потому что не вполнѣ утратили [illegible]ру въ Наполеона и воображаютъ, что Франція поможетъ имъ сохр[illegible]ить цѣлость владѣній. Но какъ только царь, по пріѣздѣ изъ Эрфурта, властно потребуетъ отъ нихъ уступки двухъ провинцій, они тотчасъ догадаются, что Франція ихъ предательски обманула и бросила на произволъ судьбы. Въ совершенномъ отчаяніи, они со всею энергіей устремятся тогда къ Англіи и предоставятъ въ ея распоряженіе всѣ свои силы. Противница Франціи, которую надѣялись окон-

чательно вытѣснить въ море, снова найдетъ себѣ твердую опору на Востокѣ, а также въ Испаніи, и, охвативъ континентъ Европы съ двухъ крайнихъ пунктовъ, почувствуетъ себя еще лучше укрѣпленной для продолженія борьбы и примется за нее съ новой отвагой. «Англія тогда пріобрѣтетъ себѣ союзника,—говорилось въ упоминавшейся уже французской нотѣ [1]),—рынки для сбыта товаровъ и проникнетъ въ Черное море. Заключеніе мира станетъ болѣе труднымъ, а война менѣе благопріятной для Россіи». Если же миръ между Россіей и Портой будетъ заключенъ,—продолжаетъ затѣмъ самъ Наполеонъ, выставляя уже другой доводъ,—въ то время, какъ переговоры съ Англіей еще не окончатся, то это явится событіемъ, имѣющимъ болѣе неудобствъ, чѣмъ выгодъ, потому что Англія яснѣе уразумѣетъ при этомъ дѣла, обсуждавшіяся въ Эрфуртѣ; договоръ съ Портою дастъ ей понять, что мысль о раздѣлѣ пока оставлена, и тревога ея успокоится» [2]). Итакъ пусть Россія довольствуется покуда занятіемъ двухъ провинцій, пусть она смотритъ на нихъ, какъ на свою собственность, правитъ и устраиваетъ ихъ по своему желанію, защищаясь отъ всякаго нападенія, но пусть она не требуетъ немедленной уступки ихъ Портою: этимъ отсрочивается не владычество тамъ Россіи, а лишь оффиціальное признаніе ея правъ.

По несчастію, всякое, какое бы ни было слабое, ограниченіе въ пользованіи предоставленными преимуществами имѣло способность волновать и раздражать русскихъ. Если существовалъ пунктъ, относительно котораго Александръ и его министръ явились въ Эрфуртъ съ окончательно сложившимися взглядами, рѣшеніе по которому было принято безповоротно и всякіе переговоры излишни,—то это именно можно было сказать о признанной ими необходимости доставить Россійской имперіи немедленное расширеніе границъ на счетъ Турціи. По этому вопросу слово ихъ было твердо и неизмѣнно. Главный упрекъ, съ которымъ они обращались къ французской политикѣ, заключался въ томъ, что имъ платили до сихъ поръ лишь посулами. Уже цѣлый годъ Наполеонъ прибѣгалъ то и дѣло къ отсрочкамъ. Встревоженные этими безконечными промедленіями и утомленные ожиданіемъ, они спѣшили выйти изъ такого положенія, и Румянцевъ выражался по этому поводу съ грубой почти откровенностью: «мы не можемъ — говорилъ онъ Шампаньи—согласиться на продленіе такого положенія вещей, какое существуетъ уже цѣлый годъ; оно слишкомъ противорѣчитъ нашимъ интересамъ; мы и явились сюда именно за тѣмъ, чтобъ объявить вамъ,

---

[1]) Archives nationales, A. F. IV, 1697.
[2]) Correspondance 14364.

что намѣреваемся положить конецъ этому» [1]). Опираясь на слова, высказанныя имъ, по ихъ увѣренію, въ Тильзитѣ, на услуги, оказанныя Россіею въ общемъ дѣлѣ, они являлись теперь въ качествѣ настойчивыхъ кредиторовъ, жаждущихъ удовлетворенія и требующихъ уплаты долга, срокъ котораго, по ихъ мнѣнію, исполнился ужь много мѣсяцевъ тому назадъ. Предпочитая получить сейчасъ же господарства, чѣмъ обѣщаніе Константинополя, они горѣли нетерпѣніемъ доставить Россіи положительно пріобрѣтенную выгоду; можно было бы сказать, что царь поклялся своему народу не возвращаться изъ Эрфурта безъ ключа Турціи.

Сверхъ того, въ сношеніяхъ своихъ съ Наполеономъ, Александръ и Румянцевъ дошли до такого недовѣрія, что каждое слово французскаго императора заключало для нихъ что-нибудь подозрительное, какую-то ловушку. И въ настоящемъ случаѣ потребованная имъ отсрочка казалась русскимъ содержащей въ себѣ ограниченіе ихъ права въ самой его сущности. Если Наполеонъ—говорили они—думаетъ снова дѣлать проволочки, то именно въ надеждѣ обмануть насъ и оставить ни съ чѣмъ. Въ то время, какъ они будутъ воздерживаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій, будутъ медлить съ предъявленіемъ къ туркамъ требованія о формальной уступкѣ, Наполеонъ усмиритъ всю Испанію. По выполненіи же этой задачи, вниманіе его устремится опять на Востокъ. Если миръ съ Англіей не будетъ заключенъ, онъ вернется къ своимъ первоначальнымъ идеямъ: заставъ русскихъ по-прежнему въ войнѣ съ Турціей, Наполеонъ воспользуется этимъ, чтобы предложить имъ раздѣлъ, и это дастъ ему возможность уравновѣсить уступки, сдѣланныя въ Эрфуртѣ, болѣе значительными пріобрѣтеніями въ пользу Франціи или возбудить безконечныя пререканія и оставить все, какъ было [2]). Но съ другой стороны, если бы миръ съ Англіей былъ заключенъ, прежде чѣмъ Россія покончитъ свою распрю съ Портой, какую гарантію могъ имѣть Александръ противъ новаго направленія политики Наполеона? Не обратится ли онъ опять къ туркамъ, какъ только утратитъ необходимость въ союзѣ на Сѣверѣ; не станетъ ли поддерживать и усиливать ихъ сопротивленіе черезчуръ запоздалымъ притязаніямъ Россіи? Не возьметъ ли онъ тайно назадъ того, что̀ вынуждено было у него лишь крайнею необходимостью? Итакъ надлежало, чтобъ восточный вопросъ не только не оставался полурѣшеннымъ, какъ этого требовала коварная политика Франціи, но чтобы онъ былъ покончен немедля, въ нѣсколько недѣль, раньше, чѣмъ Наполеонъ въ состояніи будетъ обойтись безъ Россіи: въ такомъ случаѣ его интересы

---

[1]) Шампаньи Наполеону 24 сентября (6-го октября) 1808 года.

[2]) Румянцевъ императору Александру, 27-го декабря 1808 г.(8 января 1809 г.)

явятся гарантіей его искренности. Кромѣ того, Александръ и его министръ торопились увѣнчать успѣхомъ предпріятіе на Дунаѣ, дабы и самимъ пріобрѣсти свободу дѣйствій въ Европѣ и не имѣть болѣе надобности въ Наполеонѣ; твердо рѣшивъ, поэтому, не уступать ни на волосъ, Румянцевъ началъ пренія о статьяхъ, которыми во французскомъ проектѣ, изготовленномъ Талейраномъ по внушенію Наполеона и проводимомъ въ жизнь Шампаньи, была выражена попытка опредѣлить ближайшую участь Порты и дальнѣйшую судьбу господарствъ.

Проектъ этотъ въ первоначальной редакціи заключалъ въ себѣ 8-ю статью, гласившую слѣдующее: «его величество императоръ россійскій, послѣ переворотовъ и потрясеній, колеблющихъ Оттоманскую Порту и не дающихъ никакой возможности представить достаточныя гарантіи, а слѣдовательно и не оставляющихъ ни малѣйшей надежды на полученіе таковыхъ, относительно охраны личныхъ и имущественныхъ правъ у жителей Валахіи и Молдавіи, его величество императоръ россійскій рѣшилъ оставить эти области за собою, тѣмъ болѣе, что лишь обладаніе ими можетъ дать его имперіи необходимую для нея естественную границу. Его величество императоръ Наполеонъ нимало не противится рѣшенію его величества императора всероссійскаго»[1]). Императоръ Александръ и Румянцевъ нашли послѣднее выраженіе слишкомъ слабымъ и предложили замѣнить его другимъ, а именно: «его величество императоръ Наполеонъ соглашается на то, чтобы императоръ россійскій вполнѣ подчинилъ своей державной власти Валахію и Молдавію, опредѣливъ Дунай ихъ границей, и присоединеніе этихъ земель къ Россійской имперіи признается съ сего же момента»... Послѣ нѣкотораго сопротивленія Наполеонъ допустилъ, чтобы его согласіе съ планами Александра было выражено такимъ именно образомъ, и русская редакція была принята. «Если есть болѣе формальный и болѣе сильный способъ—говорилъ Шампаньи,—выразить такое согласіе на признаніе вашихъ правъ, мы готовы принять и его, но во имя великаго интереса умиротворенія, ограничьтесь пока этимъ въ настоящій моментъ»[2]). Затѣмъ пренія возобновились еще съ большей силой по поводу слѣдующей статьи.

Вышепомянутое постановленіе давало Россіи право вести съ Портой непосредственные переговоры безъ французскаго посредничества о пріобрѣтеніи господарствъ. Наполеонъ же, хотѣвшій-было удержать за собою званіе посредника, дабы сохранить право руководить переговорами, удовольствовался въ концѣ-концовъ лишь слѣдующей простой оговоркой: «Въ Портѣ не будетъ возбуждено никакихъ подозрѣній отно-

[1]) Archives nationales, A. F. IV, 1697.

[2]) Шампаньи императору Наполеону, 6-го октября (25 сентября) 1808 г.

сительно намѣреній Россіи до тѣхъ поръ, пока не станутъ извѣстны результаты предложеній, сдѣланныхъ обѣими державами Англіи». Эта фраза, отвергнутая первоначально Румянцовымъ сдѣлалась новымъ камнемъ преткновенія для соглашенія сторонъ.

Послѣ нѣсколькихъ конференцій и окончательныхъ двухчасовыхъ преній, Шампаньи убѣдился, что въ его собесѣдникѣ засѣло систематическое предубѣжденіе, дѣлавшее его глухимъ ко всякимъ доводамъ. «Такое упорство Румянцова, писалъ онъ императору, не явилось подъ впечатлѣніемъ минуты; оно зиждется на долговременныхъ размышленіяхъ, направленныхъ къ одной цѣли, на нетерпѣливыхъ ожиданіяхъ и, наконецъ, на томъ мнѣніи, что въ данный моментъ ничто не можетъ воспрепятствовать выполненію русскихъ плановъ. Я отчаиваюсь въ возможности бороться съ этимъ убѣжденіемъ» [1]).

Такъ какъ министръ, признавъ свое безсиліе, уклонился отъ боя, то Наполеонъ заступилъ его мѣсто и пустилъ въ ходъ свои личныя свойства, пытаясь склонить Александра къ уступкѣ, но опять его усилія оказались тщетны передъ терпѣливымъ упорствомъ союзника. Наконецъ эти дебаты, грозившіе участи самого союза, закончились нѣкоторымъ компромиссомъ. Наполеонъ согласился, чтобы въ статьѣ не было упомянуто ни о какомъ срокѣ, не вводилось никакихъ проволочекъ, а было бы лишь установлено, что французскіе дипломаты въ Константинополѣ не должны поддерживать русскихъ требованій, сохраняя за собою свободу не раздражать подозрительности Порты и опровергать существованіе какого бы то ни было соглашенія между двумя императорскими дворами, направленнаго противъ Турціи. Кромѣ того императоръ Александръ далъ слово, что не предъявитъ своихъ требованій и не двинетъ войскъ ранѣе 1-го января 1809 г. (19 декабря 1808 г.) [2]); къ этому времени Англія уже объявитъ свое рѣшеніе въ отвѣтъ на мирныя предложенія, будетъ связана своимъ отвѣтомъ, и обращеніе Турціи къ союзу съ нею не въ состояніи будетъ повліять, заднимъ числомъ, на ея рѣшеніе. Помянутая оговорка была лишь устной, она не включена въ 9-ю статью, составленную окончательно слѣдующимъ образомъ.

«Его величество императоръ россійскій обязуется хранить въ глубочайшей тайнѣ предшествующую статью (относительно признанія господарствъ за Россіей) и открыть переговоры въ Константинополѣ, или въ иномъ какомъ мѣстѣ, чтобы добиться, буде возможно, добровольной уступки помянутыхъ двухъ областей. Франція отказывается отъ своего

---

[1]) Thiers, X, 327.

[2]) Это обязательство упомянуто и разъяснено въ донесеніи Румянцова императору Александру отъ 27-го декабря 1808 г. (8 января 1809 г.). См. также донесенія Коленкура императору Наполеону отъ 22-го(10) ноября 1808 г.

посредничества. Уполномоченные или агенты обѣихъ союзныхъ державъ договорятся о способѣ веденія переговоровъ, дабы не нарушить дружбы, существующей между Франціей и Портой, равно какъ объ обезпеченіи безопасности французовъ, находящихся въ левантскихъ портахъ, и не дать Турціи повода къ сближенію съ Англіей».

Слѣдующая статья устанавливала содѣйствіе, которое обѣ державы должны были, въ извѣстномъ случаѣ, оказать другъ другу противъ Австріи. Здѣсь опять въ договорѣ примѣнялся принципъ обмѣна услугъ между Франціей и Россіей на почвѣ ихъ обоюдныхъ интересовъ. Если бы Австрія атаковала Россію на востокѣ и соединилась съ турками для спасенія господарствъ, Наполеонъ долженъ былъ двинуться противъ нея; съ своей стороны и русскій императоръ вступался за Францію, если Австрія объявляла ей войну: «онъ долженъ былъ смотрѣть на это, какъ на одинъ изъ тѣхъ случаевъ общаго союза, которые сплачиваютъ силы обѣихъ имперій».

Нѣкоторыя изъ послѣднихъ статей договора окончательно характеризовали весь актъ. Согласно установленному Наполеономъ принципу, Эрфуртскій договоръ не имѣлъ въ виду опредѣлить разъ навсегда отношенія между Россіей и Франціей, ни даже составить окончательный планъ дѣйствій противъ Англіи: онъ былъ лишь соглашеніемъ о первоначальныхъ мѣрахъ, по приведеніи которыхъ въ исполненіе произойдетъ совѣщаніе о дѣйствіяхъ болѣе энергическихъ. Эта мысль ясно выражена въ 12-й статьѣ договора. «Если мѣры, принятыя обѣими высокими договаривающими сторонами, съ цѣлью водворенія мира, окажутся недѣйствительными..., то ихъ императорскія величества снова устроятъ свиданіе по прошествіи года, дабы договориться о взаимныхъ дѣйствіяхъ въ общей войнѣ и о средствахъ веденія ея всѣми мѣрами и всѣми силами, находящимися въ распоряженіи у обѣихъ имперій». При этомъ-то новомъ свиданіи и предполагалось приступить къ рѣшенію задачи, отложенной на время, къ разсмотрѣнію вопроса, не явится ли раздѣлъ Востока рѣшительнымъ средствомъ для обузданія Англіи.

Пока-же было необходимо, чтобы жертва оставалась нетронутой, чтобы ни одна изъ ея частей не была отдѣлена раньше времени, за исключеніемъ той, которая только-что была уступлена Россіи: «Высокія договаривающіяся стороны обязуются сверхъ того, гласила 16-я статья, охранять цѣлость другихъ владѣній Оттоманской имперіи, не желая ни сами предпринять что-либо, ни потерпѣть сторонняго посягательства на какую-бы то ни было часть помянутой имперіи безъ предварительнаго предупрежденія ихъ о томъ». Впрочемъ, въ этой отсрочкѣ, данной Наполеономъ восточной монархіи, не заключалось настоящаго дарованія жизни. Онъ толковалъ эту статью въ

томъ смыслѣ, что оба двора запрещаютъ другъ другу въ отдѣльности налагать руку на Турцію и обязуются защищать ее противъ замысловъ какого-нибудь посторонняго честолюбца: они помѣщаютъ ее подъ свою ревнивую опеку, сохраняя лишь за собою право назначенія часа и условій раздѣла.

Такимъ образомъ былъ составленъ весь текстъ договора, который было положено хранить въ тайнѣ въ теченіе десяти лѣтъ. Наполеонъ, хотя и оспаривалъ, но допускалъ одну за другою статьи этого договора, весьма отличнаго отъ того, который онъ предполагалъ заключить въ Эрфуртѣ; между тѣмъ неизвѣстно еще было, приметъ ли онъ весь договоръ въ совокупности, удовольствуется ли онъ имъ, не предъявитъ ли внезапно нѣкоторыхъ новыхъ или не возобновитъ ли прежнихъ притязаній. Въ этомъ отношеніи даже его министры не могли похвалиться, что знаютъ вполнѣ его мысли. Разумѣется, онъ желалъ бы, чтобъ состоялось соглашеніе болѣе широкое, болѣе ясно-выраженное, желалъ бы дѣйствительнѣе предовратить нѣкоторыя случайности. Онъ все время настаивалъ на томъ, чтобы обязательства противъ Австріи шли какъ можно далѣе. Помышляя уже вырвать Голландію изъ колеблющихся рукъ короля Людовика и прочнѣе присоединить ее къ континентальной системѣ, включивъ въ составъ своей имперіи, онъ хотѣлъ бы, чтобъ въ одной изъ статей было упомянуто объ этомъ королевствѣ, которое было бы предоставлено въ его распоряженіе. Но эти требованія вызвали въ отвѣтъ другія со стороны Александра: столкновенія умножались, портя взаимныя отношенія и не приводя къ положительнымъ результатамъ; жизнь въ Эрфуртѣ, съ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же развлеченій, однихъ и тѣхъ же преній, потеряла всякую привлекательность для обоихъ монарховъ: они торопились придти къ заключенію и разстаться. Наконецъ они рѣшили остановиться на выработанныхъ условіяхъ и не говорить о нихъ болѣе, изъ боязни, что, при желаніи слишкомъ точно опредѣлить отношенія, придется констатировать глубокую и опасную обоюдную рознь. Императоры удовольствовались обезпеченіемъ настоящаго положенія и приложили 30-го сентября (12-го окт.) свои подписи, по характерному выраженію очевидца, «съ закрытыми глазами, чтобъ не заглядывать въ будущее».

Задача императоровъ не была еще этимъ окончена. Имъ слѣдовало, кромѣ того, выработать форму общаго письма къ англійскому королю; оставалось еще составить личные ихъ отвѣты австрійскому императору, такъ какъ они не могли договориться объ одинаковой формѣ своихъ заявленій.

Александръ согласился на то, чтобы письмо королю Георгу было составлено въ выраженіяхъ, способныхъ наиболѣе устрашить Англію

относительно послѣдствій ея отказа; въ уста монарховъ влагалась при этомъ рѣчь умѣренная, искусная и исполненная достоинства; только за искреннимъ желаніемъ примиренія они давали чувствовать возможность жестокихъ потрясеній для Англіи.

«Ваше величество,—говорилось въ письмѣ,—событія, происходящія нынѣ въ Европѣ, соединили насъ въ Эрфуртѣ. Наше главное желаніе, отвѣчая мольбамъ и потребности всѣхъ народовъ, постараться обрѣсти въ немедленномъ примиреніи съ вашимъ величествомъ наиболѣе дѣйствительное средство противъ несчастій, тяготѣющихъ надъ всѣми націями. Настоящимъ письмомъ мы и выражаемъ это наше искреннее желаніе вашему величеству.

«Долгая и кровопролитная война, терзавшая народы континента, окончена и не можетъ уже быть возобновлена. Многія перемѣны совершились при этомъ въ Европѣ. Многія государства потрясены теперь до основанія. Причина же эта кроется въ томъ тревожномъ и бѣдственномъ положеніи, въ какомъ очутились величайшіе изъ народовъ, вслѣдствіе прекращенія морской торговли. И еще болѣе крупные перевороты могутъ совершиться и все неблагопріятные для политики англійскаго народа. Слѣдовательно миръ—одинаково въ интересахъ и континентальныхъ державъ, и народовъ Великобританіи.

«Мы соединяемся вмѣстѣ, дабы просить ваше величество, внявъ голосу человѣколюбія и подавивъ внушенія страстей, постараться, съ намѣреніемъ того достигнуть, согласовать всеобщіе интересы и даровать этимъ гарантію всѣмъ существующимъ державамъ, въ обезпеченіе счастія Европы и нынѣшняго поколѣнія, во главѣ котораго Провидѣніе поставило насъ» [1]).

Это письмо было условлено отправить изъ Булони въ Дувръ на парламентерскомъ французскомъ суднѣ. Будучи адресовано гр. Румянцовымъ государственному секретарю его британскаго величества — Каннингу, оно было снабжено еще особой запиской, въ которой предлагалось вести переговоры на основаніи uti possidetis, или на «всякомъ другомъ, отвѣчающемъ требованіямъ справедливости, взаимности и равенства, которыми должны руководиться всѣ великіе народы» [2]). Въ то же время Румянцовъ поселялся на нѣкоторое время въ Парижѣ, чтобы слѣдить, въ качествѣ русскаго уполномоченнаго, за переговорами съ Англіей.

Что касается Австріи, то различіе въ мнѣніяхъ обоихъ монарховъ

---

[1]) Correspondance, 14373.

[2]) Письмо Румянцова находится въ Correspondance de Napoléon, XVII, 638, въ примѣчаніи.

проявилось сразу же при ихъ свиданіяхъ съ австрійскимъ представителемъ, въ совершенно непохожихъ рѣчахъ, обращенныхъ ими къ барону Винценту. По прибытіи курьера отъ Андреосси, Наполеонъ встрѣтилъ австрійскаго посланника очень сурово, съ гнѣвомъ во взорѣ и угрозою на устахъ.

— Вы ищете войны,—говорилъ онъ;—я долженъ къ ней приготовиться и поведу противъ васъ ужасающую. Я не желаю ея, однако и не боюсь; средства мои безпредѣльны. Императоръ Александръ есть и будетъ моимъ союзникомъ: ваши инсинуаціи и всевозможныя предложенія не поколебали его; онъ добросовѣстно выполнитъ свои обязательства, я въ томъ увѣренъ, и устремитъ противъ васъ всѣ силы своей имперіи. При подобныхъ условіяхъ благопріятенъ ли настоящій моментъ для нападенія вашего на меня? Судить о томъ вамъ: будущее васъ обвинитъ или оправдаетъ. Однако не пора ли бы вамъ успокоиться послѣ испытанныхъ четырехъ пораженій и посвятить свои силы улучшенію финансовъ и внутреннему благоустройству? Не требуютъ ли настоятельнымъ образомъ ваши истинные интересы распущенія вами милиціи, сокращенія линейныхъ войскъ, которыя тоже черезчуръ велики въ такое время, когда ни малѣйшей опасности вамъ не грозитъ и нѣтъ никакихъ враговъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ вы создаете своимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій и сумасбродными вооруженіями? [1]).

Послѣ этого бурнаго разговора баронъ Винцентъ имѣлъ частную аудіенцію у русскаго императора, и изъ устъ этого монарха онъ ожидалъ услышать такіе же возгласы и укоризны, хотя-бы въ смягченной формѣ. Какова же была его радость, когда Александръ, избѣгая малѣйшихъ намековъ на разоруженіе, на которомъ Наполеонъ такъ настаивалъ, напротивъ, особенно настойчиво признавалъ чисто органическій а, слѣдовательно, и безобидный характеръ принятыхъ Австріей мѣръ.

— Никто не имѣетъ права,—говорилъ онъ,—вмѣшиваться во внутреннія дѣла другаго государства.

Онъ ограничился лишь совѣтомъ вести себя осторожно, обдуманно, въ интересахъ самой же Австріи, «у которой нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ онъ и которую онъ считаетъ себя обязаннымъ охранять отъ всякимъ посягательствъ» [2]). Въ весьма краткомъ письмѣ русскаго государя къ императору Францу повторялись тѣ же увѣренія: «Я прошу

---

[1]) Депеша Шампаньи Андреосси отъ 1-го октября (19-го сентября) 1808 г., въ которой сообщается о разговорѣ императора Наполеона съ австрійскимъ посланникомъ. Archives des affaires etrangères, Vienne, 381. Депеша Винцента Стадіону, цитируемая Hassel'емъ (280—281), по вѣнскимъ архивамъ.

[2]) Депеша Винцента отъ 1-го октября 1880 г. Hassel, 280.

васъ,—заявлялъ онъ,—быть вполнѣ убѣжденнымъ въ участіи, какое я принимаю въ вашемъ величествѣ и въ цѣлости вашей имперіи». Словомъ, русскаго государя, повидимому, гораздо болѣе занимала мысль объ успокоеніи вѣнскаго двора отъ боязни нападенія, нежели о запрещеніи ему наступательныхъ дѣйствій.

Изъ всѣхъ мѣръ, потребованныхъ Наполеономъ по отношенію къ Австріи, Александръ, какъ было помянуто, согласился только на одну: онъ готовъ былъ возобновить свои старанія, присоединившись къ заявленіямъ Франціи, съ цѣлью добиться признанія новыхъ королей. Да и эту мѣру русскій императоръ лишилъ того характера, какой Наполеонъ хотѣлъ ей придать, а именно: характера какого-то запугиванія, извѣстнаго ультиматума, отказъ отъ котораго влечетъ прекращеніе сношеній; вмѣсто того, князь Куракинъ долженъ былъ ограничиться заявленіемъ лишь совѣта и пожеланія въ указанномъ смыслѣ Вѣнскій кабинетъ опять не внялъ этимъ просьбамъ, и Александръ не пожелалъ болѣе вліять на рѣшеніе своей старинной союзницы и прекратилъ свои настоянія. Вѣря болѣе, чѣмъ когда-либо, чистотѣ намѣреній Австріи и безвредности ея приготовленій, онъ считалъ, что сдѣлалъ довольно для удержанія ея въ должныхъ границахъ, отправивъ къ ней увѣщаніе платоническаго характера. «Главная цѣль, писалъ онъ Румянцову, воспрепятствовать Австріи произвести нападеніе на Францію и разжечь пламя всеобщей войны,—была достигнута и, судя по тому, что сообщаетъ Анстедтъ по дѣламъ Россіи при вѣнскомъ дворѣ, преемникъ князя Куракина, всѣ военныя мѣры Австріи имѣютъ лишь оборонительное значеніе. Правда, что эти мѣры значительно увеличили австрійскія силы, но я не вижу въ томъ бѣды: Франція не будетъ лишь такъ торопиться порвать теперь съ Австріей» [1]).

Но въ общемъ, вслѣдствіе колебаній Россіи, угрожающая часть системы, предложенной Наполеономъ, оказалась совершенно недостигшей цѣли. Считая ее необходимой, Наполеонъ не отказывался вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ другихъ способовъ и объясненій. Онъ написалъ миролюбивое письмо императору Францу I и пригласилъ принцевъ Рейнскаго союза распустить свои войска, подавая примѣръ остальнымъ.

Судьба Пруссіи также была вновь подвергнута обсужденію при концѣ конференцій. Король Фридрихъ-Вильгельмъ смиренно согласился, наконецъ, ратификовать конвенцію 27-го августа (8-го сентября), но умолялъ Наполеона о великодушіи и доказывалъ ему черезъ Гольца, что Пруссія не въ силахъ выплатить къ назначенному сроку 140 милліоновъ франковъ контрибуціи.

Императоръ Александръ присоединился къ ходатайству прусскаго

---

[1]) Императоръ Румянцову, 18-го (30-го) декабря, 1807 г.

посланника, и Наполеонъ не остался вполнѣ непреклоннымъ: онъ сбавилъ 20 милліоновъ съ контрибуціи Фридриха-Вильгельма и согласился, чтобы условія и срокъ уплаты были установлены дальнѣйшимъ соглашеніемъ между Франціей и Пруссіей. Эта уступка была означена въ письмѣ, написанномъ Наполеономъ Александру наканунѣ ихъ разлуки, причемъ царь съ своей стороны отказался настаивать на выполненіи статьи Тильзитскаго договора, въ которой Пруссіи подавалась надежда при водвореніи всеобщаго мира получить обратно нѣкоторыя владѣнія на лѣвомъ берегу Эльбы.

«Я окончилъ всѣ свои дѣла съ русскимъ императоромъ [1])», — писалъ Наполеонъ 1-го (13-го) октября своему брату Іосифу. Дѣйствительно дѣятельные эрфуртскіе переговоры, въ которыхъ среди интригъ и развлеченій обсуждалось такъ много важныхъ государственныхъ вопросовъ, приходили къ концу. 2-го (14-го) октября Наполеонъ и Александръ выѣхали вмѣстѣ изъ города при соблюденіи того же церемоніала, какъ и при ихъ въѣздѣ. Верхами, въ сопровожденіи свиты, они направились къ Веймару. У мѣста ихъ первоначальной встрѣчи оба императора сошли съ коней, нѣсколько минутъ побесѣдовали между собой и, наконецъ, послѣ долгаго обмѣна сердечныхъ проявленій дружбы, они разстались. Императоръ Александръ, сѣвъ въ экипажъ, отправился въ Веймаръ, гдѣ и провелъ ночь. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, его первой заботой, какъ увѣряютъ, было написать императрицѣ-матери, чтобы успокоить ее и подшутить въ то же время надъ ея опасеніями; намекая на ходившіе въ то время слухи о его похищеніи и плѣнѣ, онъ написалъ слѣдующія строки: «Мы оставили эрфуртскую к р ѣ п о с т ь, а къ сожалѣнію, также и императора Наполеона: я пишу вамъ изъ Веймара [2])».

Когда Наполеонъ уже пересталъ различать вдали русскіе экипажи, онъ возвратился въ Эрфуртъ шагомъ, ни слова не говоря и погруженный, повидимому, въ нѣсколько грустное раздумье [3]).

Эрфуртское свиданіе на мгновеніе скрѣпило узы между Франціей и Россіей: примиривъ цѣлымъ рядомъ переговоровъ разногласія, возникшія между обоими дворами, оно устраняло всякій поводъ къ немедленной распрѣ между союзниками; оно гарантировало Наполеону, что Россія не присоединится къ его врагамъ и не очутится въ тылу Франціи въ то время, какъ французская армія двинется на Мадридъ; благодаря свиданію, становились теперь менѣе опасны и возрастающая враждебность Австріи, и суровая ненависть Пруссіи, и поднимающійся глухой ропотъ Германіи; оно совершенно пока предотвращало грозу всеобщей коалиціи.

[1]) Correspondance, 14378.

[2]) Feuille de nouvelles, приложенный къ письму Коленкура отъ 5-го ноября (24-го октября) 1808 г.

[3]) Mémoires du duc de Rovigo, IV, 6.

Но выполнило ли оно еще болѣе высокія цѣли, торжественно провозглашенныя передъ тѣмъ императорами? Подготовило-ли оно серьезнымъ образомъ ихъ совмѣстное великое предпріятіе—примиреніе съ Англіей и всеобщее успокоеніе? Такого увѣнчанія дѣла Наполеонъ ожидалъ въ теченіе шести мѣсяцевъ. Онъ надѣялся, что совѣщанія его съ Александромъ побудятъ Англію къ мирнымъ переговорамъ, чего онъ такъ искренно желалъ.

«Судя по тому, что́ я могъ тогда замѣтить,—говорилъ современникъ,—императоръ болѣе всего стремится къ миру, и чтобы его достигнуть, онъ въ самомъ дѣлѣ готовъ на множество уступокъ» [1]). По окончаніи же свиданія, Наполеонъ хотѣлъ мира, но уже не вѣрилъ въ него. Эрфуртъ обманулъ его надежды, сведя совокупность мѣръ противъ Англіи къ ничтожному заявленію и оставивъ въ полной силѣ всѣ шансы войны на континентѣ, подготовленной послѣдними событіями.

По крайней мѣрѣ дало ли свиданіе въ результатѣ твердые и прочные устои сношеніямъ между Франціей и Россіей; сдѣлало ли возможнымъ возвращеніе взаимнаго довѣрія между Наполеономъ и Александромъ; освѣжило ли искреннимъ образомъ чувства, питаемыя ими другъ къ другу? Если бы этотъ результатъ былъ достигнутъ, Наполеонъ, болѣе увѣренный въ Россіи, оказался бы сильнѣе въ сопротивленіи враждебнымъ нападеніямъ, въ сокрушеніи коалиціи, развитіи всѣхъ своихъ морскихъ силъ, и, быть можетъ, продленіе союза, заключеннаго въ Тильзитѣ и санкціонированнаго въ Эрфуртѣ, мало-по-малу привело бы его къ намѣченной цѣли, къ вожделѣнному миру, котораго онъ могъ ожидать, лишь утомивъ и приведя въ изнеможеніе своего врага.

Императоръ Александръ, разумѣется, имѣлъ основаніе оставить Эрфуртъ, довольный достигнутыми результатами. Онъ пріобрѣлъ (?) двѣ провинціи, равняющіяся по своей обширности королевству, притомъ крайне полезныя, наилучше расположенныя и наиболѣе соотвѣтствующія желаніямъ Россіи для осуществленія ея завѣтныхъ стремленій. Утвердившись окончательно на Дунаѣ и овладѣвъ этой границей, лишь затронутой Петромъ Великимъ, а затѣмъ покоренной и отданной обратно Екатериной II, Россія устраняла на Востокѣ притязанія всѣхъ сосѣдей и дѣлала важный, быть можетъ, рѣшительный шагъ въ своемъ движеніи къ Константинополю. Придя теперь въ соприкосновеніе съ живыми центральными турецкими областями, она будетъ отнынѣ производить болѣе сильное давленіе на эту разрушающуюся имперію, всегда будучи въ состояніи владычествовать надъ нею, или подчиняя, порабощая ее своему вліянію, или захватывая остающуюся отъ нея добычу. Если бы впослѣдствіи Александръ не отказался самъ отъ преимуществъ, доставленныхъ

[1]) Неизданные документы.

эрфуртскимъ свиданіемъ, исторія нашего вѣка, надо думать, была бы иною; быть можетъ, восточный вопросъ былъ бы разрѣшенъ окончательнымъ установленіемъ преобладанія Россіи въ Портѣ; быть можетъ, мы увидѣли бы въ державной царской власти всѣ тѣ страны, которыя онъ могъ потомъ освободить лишь отчасти.

Проницательный умъ Александра постигалъ весьма отчетливо всѣ пріобрѣтенныя преимущества и радовался имъ, но его воображенію грезилось все-таки нѣчто бо̀льшее, и онъ чувствовалъ себя обманутымъ въ ожиданіяхъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ жилъ одною великой надеждой—доставить Россіи теперь же пріобрѣтеніе, которое сдѣлало бы ее владычицей на востокѣ. Надежда эта не возникла въ немъ сама собою: она была ему внушена и укрѣплена Наполеономъ; онъ сначала противился, но затѣмъ отдался этой мысли и страстно къ ней привязался. Она то и поддерживала Александра въ переживаемыя имъ горькія минуты; если онъ и слѣдовалъ за Наполеономъ опасными и темными путями, то лишь потому, что Константинополь мерцалъ на горизонтѣ, озаряя ему путь, указывая цѣль, сіяя вдали мистическимъ свѣтомъ. Теперь же волшебный образъ исчезъ навѣки, и императоръ Александръ, возвратившись къ дѣйствительности, хотя и находилъ ее прекрасной, но все-таки ниже того, о чемъ онъ мечталъ; онъ сожалѣлъ объ утраченномъ сновидѣніи, и его славянской душѣ было мучительно-тяжко отказаться отъ возможности грезить.

Съ другой стороны, какую бы цѣну ни придавалъ онъ уступкѣ господарствъ, одно соображеніе останавливало порывъ его благодарности. Въ этихъ провинціяхъ, которыя ему наконецъ отдавали, ему упорно отказывали въ теченіе цѣлаго года: развѣ не являлось отказомъ установленіе невозможныхъ условій относительно ихъ уступки? Если Наполеонъ теперь и соглашался на это, то лишь потому, что обстоятельства его къ тому принуждали: онъ уступаетъ—думалъ Александръ—потому, что неудачи его по ту сторону Пиринеи, вмѣстѣ съ ихъ отголоскомъ въ Германіи, заставляютъ его обходиться съ Россіей крайне бережно, и царь обращался съ своей благодарностью къ возмущенной Испаніи гораздо болѣе, чѣмъ къ самому Наполеону. Александръ отказывался ставить въ заслугу черезчуръ позднюю и вынужденную любезность.

Радуясь достигнутымъ преимуществамъ, русскій императоръ уѣзжалъ, недовольный тѣмъ, кто ихъ ему доставилъ, окончательно утвердившись въ своихъ сомнѣніяхъ относительно добросовѣстности и благихъ намѣреній союзника. Недовѣріе это было прослѣжено нами во всемъ его постепенно возраставшемъ движеніи. Оно зародилось еще въ Тильзитѣ и выросло подъ вліяніемъ внезапно охватившаго императора чувства негодованія, когда Наполеонъ предложилъ вторичную ампутацію Пруссіи. Новая пища возникшему недовѣрію дана была весною 1808 года, когда французскій императоръ предложилъ раздѣлъ Порты,

но отсрочилъ его выполненіе, такъ какъ необъятность и чрезвычайное усложненіе его плановъ, главное же испанскій походъ, исходная точка всѣхъ погубившихъ его событій, побуждали его уклоняться отъ доставленія удовлетворенія Россіи. И та же опять роковая Испанія, выставивъ Наполеона въ видѣ сокрушителя законныхъ династій и похитителя древнихъ престоловъ, заставила Александра вступить и въ третью стадію разочарованій. Испанія, наконецъ, была также первоначальной причиною ужаса, охватившаго Австрію, и предпринятыхъ ею вооруженій; Испанія выдвинула между обоими императорами австрійскій вопросъ, соглашеніе относительно котораго никогда не могло быть полнымъ, и во время этихъ преній Александръ снова подмѣтилъ въ своемъ союзникѣ намѣреніе посягать на достоинство и независимость государствъ. Этотъ четвертый поводъ къ опасеніямъ и подозрительности довелъ до высшей степени тревогу Александра, и Эрфуртъ, гдѣ все должно было быть разъяснено и приведено къ соглашенію, вызвалъ какъ разъ обратное дѣйствіе сравнительно съ тѣмъ, что̀ совершилось въ Тильзитѣ. На берегахъ Нѣмана довѣріе одержало верхъ въ умѣ русскаго государя, подавивъ противоположныя чувства, хоть и не искоренивъ ихъ; въ Эрфуртѣ же окончательная побѣда принадлежала недовѣрію, подавившему и послѣднія добрыя чувства. Хотя императоръ Александръ и не рѣшилъ тогда порвать съ Франціей тотчасъ по окончаніи турецкой войны, хотя онъ и не назначилъ еще этого срока, все-таки малѣйшаго разлада, малѣйшей перемѣны въ Европѣ, которая нарушила бы колеблющееся равновѣсіе ихъ сношеній, всякаго событія, которое выставило бы Наполеона въ еще болѣе грозномъ и устрашающемъ видѣ, было достаточно, чтобы повлечь за собой отпаденіе Александра, переходъ его на сторону противниковъ Франціи.

А между тѣмъ этотъ рѣшительный кризисъ уже приближался, быстро подвигаясь изъ за горизонта: это была война съ Австріей, которую эрфуртское свиданіе могло бы, пожалуй, предотвратить, но, напротивъ, ускорило. Разумѣется, сомнительно, чтобы даже твердо выраженное желаніе обоихъ императоровъ заставило Австрію отказаться отъ своего замысла; вѣроятно, эта держава предпочла бы немедленную и безпощадную войну той опасности, которою ей угрожала покорность: съ самаго возникновенія совѣщаній, она предупредила лондонское правительство, чтобы сентъ-джемскій дворъ держался твердо и отвергъ всѣ эрфуртскія предложенія, какъ вѣроломныя и коварныя, уклоняясь отъ всякихъ комбинацій, направленныхъ противъ британскаго могущества [1]). Тѣмъ не менѣе справедливо, что положеніе, принятое Але-

[1]) Депеша 8-го октября (26-го сентября) 1808 года отъ графа Гарденберга, бывшаго ганноверскаго посланника въ Вѣнѣ, на котораго были возложены тайныя сношенія между дворами австрійскимъ и англійскимъ. Hassel, 538.

ксандромъ въ Эрфуртѣ, еще утвердило Австрію въ ея воинственныхъ намѣреніяхъ, позволяя ей думать, что Россію никогда не удастся побудить къ серьезнымъ дѣйствіямъ противъ нея.

Въ первыя недѣли, слѣдовавшія за свиданіемъ, всѣ лица, наблюдавшія за вѣнской политикой, французскіе и иные агенты, за исключеніемъ русскихъ, замѣтили въ этой политикѣ болѣе рѣшительное направленіе: вооруженія продолжались еще съ бо́льшей энергіей, военная дѣятельность усилилась вдвое. Съ октября мѣсяца Стадіонъ, увѣдомленный Винцентомъ о бесѣдѣ его съ Александромъ, обращался уже къ Англіи за субсидіей. Правда, черезъ нѣсколько дней свѣдѣнія о соглашеніи противъ Австріи, дошедшія до Винцента передъ отъѣздомъ изъ Эрфурта, поразили этого посланника и произвели сильное впечатлѣніе на австрійское правительство; но тайное и злонамѣренное вмѣшательство вскорѣ успокоило вѣнскій дворъ и ускорило послѣдовавшія затѣмъ рѣшенія.

Въ Эрфуртѣ Талейранъ восторжествовалъ надъ Наполеономъ, но тамъ онъ ограничился лишь тѣмъ, что мѣшалъ союзнику Франціи отдаться ей безраздѣльно; по возвращеніи же въ Парижъ, онъ вступаетъ уже въ близкія сношенія съ державой, вооружающейся противъ французовъ и готовящейся напасть на нихъ. Онъ выдаетъ Меттерниху тайну происшедшаго между императорами разногласія, и впечатлѣнія его о результатѣ происходившихъ конференцій резюмируются слѣдующей рѣшительной фразой: «Александра нельзя уже болѣе увлечь противъ васъ» [1]). Талейранъ идетъ даже далѣе,—онъ выражаетъ надежду на тѣсное сближеніе между Австріей и Россіей: «Послѣ Аустерлицкаго боя—пишетъ онъ—отношенія Александра къ Австріи не были дружественны. Теперь будетъ зависѣть отъ васъ лишь и отъ посла вашего въ Петербургѣ снова вступить съ Россіей въ столь же близкія отношенія, какія существовали до этого времени, и лишь этотъ союзъ можетъ спасти то, что еще осталось отъ европейской независимости» [2]).

Въ то время, какъ Талейранъ старался, такимъ образомъ, положить основаніе новой континентальной коалиціи, его цѣлью было поставить Австрію и Россію въ одну общую оборонительную линію и создать, такимъ образомъ, двойной оплотъ противъ честолюбія Наполеона. Но Австрія, ослѣпленная страстью, усматривала въ успокоительныхъ выраженіяхъ принца Беневентскаго доводы въ пользу своихъ воинственныхъ стремленій, и Талейранъ, гарантируя ей потворство или, по крайней мѣрѣ, бездѣйствіе Россіи, давалъ Австріи, какъ въ сущности оказалось, разрѣшеніе на выступленіе въ походъ.

[1]) Донесеніе Меттерниха отъ 4-го декабря (22-го ноября) 1808 г., напечатанное у Beer, Zehn Jahre oesterreichischer Politik, 527.

[2]) Metternich, II, 248; Beer, 523—527.

*

Эта неминуемая война не только уничтожала послѣднюю возможность водворенія всеобщаго мира, но, каковъ бы ни былъ ея результатъ, она неизбѣжно являлась роковою и для сношеній между Франціею и Россіей. Если бы Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе, Александръ легко могъ уступить сильнѣйшему давленію общественнаго мнѣнія, желанію отомстить за Аустерлицъ и Фридландъ, поспѣшилъ бы вступить въ европейскую лигу и стать ея главою. А если бы счастье не измѣнило Франціи, если бы Наполеонъ, напротивъ, нанесъ одинъ изъ тѣхъ молніеносныхъ ударовъ, къ которымъ онъ давно пріучилъ своихъ противниковъ, то Австрія рушилась бы, и Александръ, очутившись въ Европѣ одинъ на одинъ съ Наполеономъ, увидѣлъ бы въ немъ лишь соперника. Онъ бы почувствовалъ подъ угрозой свою безопасность и свои существенные интересы затронутыми, такъ какъ увидѣлъ бы, что владычество французовъ, покинувъ берега Вислы, гдѣ оно прежде такъ долго его безпокоило, дошло опять до него по развалинамъ Австріи и снова соприкасается съ нимъ, если не непосредственно, то черезъ федеративныя области, служившія лишь продолженіемъ той же французской системы государствъ, и снова обѣ имперіи сдѣлались бы врагами, оказавшись сосѣдями. Пунктъ столкновенія между ними, ихъ яблоко раздора было уже намѣчено: это волнующаяся и безпокойная Польша, готовая опять возродиться изъ Варшавскаго герцогства. Естественные союзники Франціи противъ Австріи—поляки, принявъ участіе въ этой борьбѣ, предъявили бы съ полнымъ основаніемъ притязанія и на свою часть добычи; ихъ усиленіе и дальнѣйшія стремленія возобновили бы ихъ распри съ Россіей, которыя были такъ плохо улажены и которыя бы еще скорѣе обострились вслѣдствіе предубѣжденій и недовѣрчивости императора Александра. Побѣды французовъ надъ Пруссіей побудили уже ихъ возстановить на-половину Польшу; дальнѣйшія же побѣды надъ Австріей подготовили бы еще болѣе полное возстановленіе этого государства и привели бы къ неизбѣжнымъ столкновеніямъ съ третьимъ участникомъ раздѣла.

Итакъ, соглашеніе, установленное въ октябрѣ 1808 года, хотя и разрѣшило нѣкоторые изъ вопросовъ, которые договоромъ 1807 года были скорѣе лишь подняты, нежели рѣшены, тѣмъ не менѣе оно не устранило скрытыхъ и глубокихъ причинъ къ разногласіямъ между Франціей и Россіей. Оно провозгласило союзъ, но не утвердило его и, вопреки надеждамъ, пробужденнымъ встрѣчею обоихъ государей, вопреки тревогѣ, охватившей противниковъ Франціи, Эрфуртъ нимало не увѣнчалъ собою дѣла, намѣченнаго въ Тильзитѣ.

Сообщ. **В. Лачиновъ.**

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО.

Путешествіе съ императоромъ Александромъ I по южной Россіи въ 1818-мъ году.

I.

Мой образъ жизни въ Москвѣ.—Рожденіе сына.—Отъѣздъ въ Варшаву.—Представленіе государю.—Пребываніе государя въ Калишѣ.—Почему Александръ не осуществилъ своего намѣренія дать Россіи политическую свободу.—Варшавскій сеймъ.—Рѣчь императора при закрытіи сейма.—Выѣздъ изъ Варшавы на югъ Россіи въ свитѣ государя.—Пожалованіе мнѣ ордена св. Станислава второй степени.—Пулавы, имѣніе князя Чарторыскаго.—Замостье.—Настойчивость императора Александра.—Село Григоровка графини Ржевуской.—Смотръ корпуса князя Горчакова.—Генералъ Беннигсенъ.—Его записки.—Замѣчательныя слова, сказанныя имъ своему сыну.—Каменецъ-Подольскъ.—Обѣдъ у государя.—Острота графа Милорадовича.—Въѣздъ въ Бессарабію.—Кишиневъ. Посѣщеніе государемъ митрополита Гавріила.—Пріемъ у государя.—Балъ, данный кишиневскимъ дворянствомъ.—Тирасполь.—Разговоръ съ Беннигсеномъ.—Одесса.—Впечатлѣніе, производимое этимъ городомъ.—Посылка ордена св. Андрея Первозваннаго дюку де-Ришелье.—Графъ Ланжеронъ.—Анекдотъ, разсказанный имъ.

Я встрѣтилъ 1818-й годъ въ Москвѣ, гдѣ находился весь дворъ. Утра, посвященныя службѣ, я проводилъ въ Кремлѣ, завѣдывая придворною частію, а иногда нѣкоторыми тайными бумагами; вечера же я бывалъ дома и изрѣдка посѣщалъ балы и собранія. Въ сіе время я напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» одну статью, заимствованную изъ моего журнала о походѣ во Францію 1815-го года [1]).

Въ исходѣ февраля, императоръ отправился на сеймъ въ Варшаву,

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1818 года № 5.

позволивъ мнѣ остаться въ Москвѣ до рожденія моего первенца, котораго я ожидалъ со-дня-на-день и которое послѣдовало 12-го марта, въ день вступленія на престолъ государя Александра Павловича. Богъ даровалъ мнѣ сына, котораго я назвалъ въ память незабвеннаго отца моего Иваномъ. Восхищенія моего я описать не могу. Видя себя, такъ сказать, вновь рожденнымъ въ сынѣ моемъ, я не отходилъ отъ его колыбели, вслушивался въ голосъ его и всматривался въ черты лица его; въ глубокія ночи, когда всѣ были погружены въ крѣпкомъ снѣ, я проводилъ счастливѣйшіе часы моей жизни, сидя облокотившись на маленькую зеленую кровать его, испрашивая ему благословенія Всевышняго. Но радость моя была отравлена мыслію, что мнѣ надлежало скоро съ нимъ разстаться и спѣшить въ Варшаву. Я откланялся двору и, между прочимъ, не могу забыть благосклоннаго пріема вдовствующей государыни, которая, находясь еще въ утреннемъ платьѣ, приняла меня въ своемъ кабинетѣ, съ четверть часа со мною разговаривала и поручила мнѣ доставить лично письмо императору. 22-го марта съ растерзаннымъ сердцемъ, я выѣхалъ изъ Москвы по самой дурной дорогѣ въ придворной колескѣ, которая нарочно для меня была оставлена, чрезъ Смоленскъ, Минскъ и Брестъ.

Я пріѣхалъ въ Варшаву 31-го марта и остановился въ королевскомъ замкѣ, въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ живалъ въ 1815-мъ и 1816-мъ годахъ, ибо въ то время были во всѣхъ дворцахъ особенные покои, для меня назначенные. Государь принялъ меня одного въ своемъ кабинетѣ и обнялъ, поздравляя съ новорожденнымъ сыномъ; послѣ сего излишне присовокуплять, что придворные встрѣтили меня съ распростертыми объятіями.

На другой день рано поутру императоръ отправился въ Калишъ на шесть дней съ однимъ княземъ Волконскимъ. Сія поѣздка для всѣхъ была загадкою; иные думали, что въ Калишѣ назначалось свиданіе съ королемъ прусскимъ, а другіе полагали, что̀ и оказалось справедливо, что его величество оставилъ Варшаву для того, чтобы засѣданія сейма были безъ него свободнѣе. Императоръ пробылъ въ Калишѣ шесть дней, въ продолженіе коихъ много писалъ, посѣщалъ разныхъ помѣщиковъ, жившихъ въ окрестностяхъ, осматривалъ хозяйственныя заведенія ихъ, гулялъ, по обыкновенію, пѣшкомъ по городу, принималъ отъ жителей просьбы, разспрашивая ихъ о нуждахъ ихъ, стараясь, какъ видно, изъ сего снискать привязанность новыхъ подданныхъ своихъ. Въ Калишѣ есть бульваръ, на которомъ императоръ встрѣчалъ нѣсколько разъ одного человѣка, котораго онъ приказалъ взять подъ стражу, потому что думалъ, всматриваясь въ него, что это былъ Савари, старинный министръ полиціи Наполеона, что, однако же, оказалось несправедливо.

Между тѣмъ я проводилъ время въ безпрестанныхъ дѣлахъ по

службѣ и для развлеченія посѣщалъ засѣданія сейма, происходившія въ томъ же дворцѣ, гдѣ и я жилъ, и гдѣ всегда бывало много посѣтителей. Русскихъ, находившихся въ Варшавѣ, всего болѣе занимала рѣчь, произнесенная императоромъ при открытіи народнаго собранія, въ которой сказано было, что государь намѣренъ былъ и въ Россіи ввести политическую свободу. Безъ сомнѣнія, весьма любопытно было слышать подобныя слова изъ устъ самодержца; но надобно будетъ видѣть, думалъ я, приведутся ли предположенія сіи въ дѣйствіе. Петръ Великій не говорилъ, что русскіе—дикіе, и что онъ намѣренъ ихъ просвѣтить, но онъ ихъ образовалъ безъ дальнѣйшихъ о семъ предвареній. Почему Александръ не исполнилъ даннаго имъ въ Варшавѣ торжественнаго обѣщанія, которое и безъ того глубоко было напечатлѣно въ благородномъ сердцѣ его? Этотъ вопросъ займетъ, конечно, его историка, но я думаю, что сіе не сдѣлано имъ по тремъ слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, что онъ нашелъ противоборство въ окружавшихъ его людяхъ, занимавшихъ при немъ первыя государственныя мѣста, которымъ бы надлежало быть и первыми его помощниками въ семъ дѣлѣ во-вторыхъ, что онъ находился въ безпрестанныхъ войнахъ, а въ третьихъ, сему воспрепятствовалъ революціонный духъ, распространившійся во всемъ свѣтѣ и обнаруживавшійся въ разныхъ земляхъ даже послѣ всеобщаго примиренія державъ, бывшаго въ 1815-мъ году.

Пренія на сеймѣ происходили очень вольно, и однажды предсѣдатель палаты депутатовъ принужденъ былъ объявить, что онъ прекращаетъ засѣданіе по причинѣ шума и безпорядка. Случилось, что пренія продолжались однимъ вечеромъ до втораго часу пополуночи. Въ числѣ народныхъ представителей находился цесаревичъ Константинъ Павловичъ, который избранъ былъ депутатомъ обывателями Прагскаго предмѣстія. Могъ ли вообразить Суворовъ, идя на приступъ Праги, что свѣтъ до того измѣнится черезъ двадвать четыре года, что внукъ Екатерины будетъ представителемъ того города, который почитался тогда гнѣздомъ злѣйшихъ враговъ Россіи? Цесаревичъ присутствовалъ не всякій день на сеймѣ и когда произносилъ рѣчи, то говорилъ на французскомъ языкѣ, который не всѣ его слушатели разумѣли. Предсѣдателемъ депутатовъ былъ графъ Красинскій, пожалованный незадолго предъ тѣмъ въ генералъ-адъютанты къ императору; первый примѣръ народнаго собранія подъ руководствомъ адъютанта государева. Для депутатовъ накрыты были съ утра до вечера столы съ кушаньями и напитками на счетъ двора, возлѣ которыхъ я встрѣчалъ безпрестанно немалое число польскихъ законодателей.

Апрѣля 15-го происходило торжественное закрытіе сейма. Часу въ десятомъ мы собрались въ комнатахъ государя, который въ польскомъ мундирѣ и съ орденомъ Бѣлаго Орла, выйдя изъ своего каби-

нета, сказалъ каждому изъ насъ по нѣсколько словъ, и мы отправились въ залу, убранную со вкусомъ, гдѣ соединены были сенатъ и народные представители; хоры были наполнены польками въ щегольскихъ и блестящихъ нарядахъ. Императоръ, войдя на ступени, ведшія къ трону, поклонился на всѣ стороны и стоя произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ. Онъ говорилъ ее почти наизусть и изрѣдка только смотрѣлъ на бумагу, на которой она была написана. Начиная рѣчь, легкій румянецъ покрылъ его щеки. Насъ, русскихъ адъютантовъ его величества, было тутъ семеро; мы стояли поддѣ трона и по временамъ другъ на друга бросали такіе взгляды, въ которыхъ изображалось, что мы едва вѣрили тому, что происходило на нашихъ глазахъ. Мы согласились только послѣ въ томъ, что императоръ, конечно, неоднократно твердилъ рѣчь свою передъ зеркаломъ, потому что онъ произнесъ ее съ такимъ приличіемъ и съ такою осанкою, которыя свойственны были ему одному. По закрытіи сейма, всѣ члены народнаго собранія были приглашены къ столу императора, за которымъ находилось двѣсти пятьдесятъ особъ. Послѣ сего, нѣсколько дней сряду были балы и парады, и мы начали собираться въ дорогу.

Апрѣля 18-го. Въ прекраснѣйшее утро мы выѣхали изъ Варшавы въ Каменецъ-Подольскій съ тѣмъ, чтобы оттуда продолжать путь нашъ въ Бессарабію, Одессу, Таврическій полуостровъ и землю Донскихъ казаковъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ провожалъ императора до Замостья. Слѣдующія лица находились въ семъ путешествіи: генералы Уваровъ, князь Волконскій и директоръ его канцеляріи князь Меншиковъ, статсъ-секретарь Марченко, лейбъ-медикъ Виллié и я. Графъ Аракчеевъ, который неохотно ѣзжалъ въ Варшаву, долженъ былъ встрѣтить императора въ предѣлахъ Россіи.

За полчаса до выѣзда моего изъ Варшавы, государь прислалъ мнѣ орденъ Станислава второй степени при рескриптѣ на польскомъ и на французскомъ языкахъ за подписаніемъ его величества. Должно показаться странно, что русскій царь даетъ рескриптъ русскому своему адъютанту на иностранномъ языкѣ и съ иностраннымъ переводомъ. Эта награда меня порадовала, потому что я былъ второй полковникъ, которому государь пожаловалъ звѣзду.

Поздно вечеромъ прибыли мы въ мѣстечко Пулавы князя Чарторыскаго; на другое утро государь, въ пятомъ часу, гулялъ по прелестному Пулавскому саду; болѣе всего понравился мнѣ домикъ, въ стѣнахъ котораго вдѣланы разные барельефы и куски мрамора, взятые изъ мѣстъ, принадлежащихъ исторіи, напримѣръ кусокъ камня города Трои, другой изъ воротъ императора Тита и тому подобное. Близъ сего мѣста я встрѣтилъ государя и благодарилъ его за орденъ Станислава.

— Я очень радъ, если это тебѣ пріятно,—сказалъ онъ мнѣ.

Апрѣля 19-го. Въ семь часовъ утра мы выѣхали изъ Пулавъ чрезъ Люблинъ въ Замостье. Я прибылъ засвѣтло и осматривалъ укрѣпленія, которыя въ военномъ отношеніи неважны. Находившіеся со мною польскіе офицеры удивлялись, какъ можно было генералу Раппу, въ 1813-мъ году, такъ долго стоять передъ сею крѣпостью и не овладѣть оною. Они говорили мнѣ между прочимъ, что они безъ мѣры преданы Россіи и цесаревичу. Полковникъ Чижевскій, командовавшій находившимися тутъ войсками, увѣрялъ меня, что онъ счастливъ бы былъ, ежели бы нѣсколько разъ могъ умереть за его высочество. Цесаревичъ изъ Замостья возвратился въ Варшаву.

Въ проѣздѣ своемъ по Польшѣ государь останавливался у каждой католической церкви, предъ коими, по обыкновенію, ожидало его величество духовенство. Онъ выходилъ изъ коляски, цѣловалъ крестъ, и когда кропили его святою водою, то омачивалъ ею глаза и голову. Различіе въ обхожденіи его съ русскими священниками и католическими состояло въ томъ, что онъ для цѣлованія распятія бралъ оное въ свои собственныя руки отъ католиковъ, а когда нашъ священникъ ему оное подносилъ, то государь къ оному прикладывался, не принимая креста въ свои руки. Терпѣніе государя въ дорогѣ похоже бывало иногда на упрямство; напримѣръ онъ по временамъ говорилъ: «три или четыре станціи я намѣренъ ѣхать, не закрывая коляски и не выходя изъ оной»,—и дѣйствительно въ такомъ случаѣ сдерживалъ слово, не взирая ни на какую погоду, на вѣтеръ, дождь или бурю; но, благодаря Бога, твердость характера его не ограничивалась подобными мелочами, мы обязаны ей спасеніемъ отечества.

Апрѣля 20-го. Въ десять часовъ утра мы выѣхали изъ Замостья, гдѣ государь былъ невеселъ и велѣлъ посадить подъ караулъ одного изъ своихъ слугъ. Около обѣда проѣхали мы въ Устилугѣ россійскую границу, и я вновь съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ двухглаваго орла. Къ вечеру мы прибыли въ Луцкъ и остановились у католическаго епископа, который насъ принялъ отмѣнно гостепріимно. Въ моей комнатѣ или кельѣ, уступленной мнѣ однимъ каноникомъ, висѣла картина, представляющая страшный судъ, а напротивъ ея—правда, въ углу—судъ Париса. Съ нами вмѣстѣ ѣхалъ австрійской службы генералъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, родственникъ государыни Елисаветы Алексѣевны, присланный въ Варшаву для поздравленія императора съ прибытіемъ въ сію столицу, или лучше для вывѣдыванія, что въ оной происходило, и извѣщанія о томъ вѣнскаго двора. Императоръ обращался съ нимъ съ особенною учтивостью и въ Замостьѣ, призвавъ меня къ себѣ, сказалъ мнѣ, что всякій разъ, когда на разводахъ я буду

отдавать его величеству пароль, то чтобы говорилъ оный и принцу. При немъ находился австрійскій маіоръ, графъ Кламмъ.

Апрѣля 21-го. Вечеромъ прибыли мы въ лежащее близъ города Стараго Константинова село Григоровку, принадлежащее графинѣ Ржевуской, гдѣ нашли многочисленное собраніе. Здѣсь назначенъ былъ смотръ корпуса князя Горчакова. По пріѣздѣ, государь потребовалъ къ себѣ главнокомандующаго второю арміею Беннигсена, который пробылъ у него близъ четверти часа, а потомъ позвали въ кабинетъ посланнаго для осмотра 2-й арміи полковника Киселева, съ которымъ государь занимался около часа. Сіе подало поводъ ко многимъ разговорамъ.

Апрѣля 22-го. Поутру былъ смотръ корпуса князя Горчакова, состоявшаго изъ 18-й и 22-й пѣхотныхъ и изъ третьей драгунской дивизій, подъ командою генераловъ князя Сибирскаго, Корнилова и барона Розена. Войска были довольно хороши Во время смотра подтвердилось замѣчаніе, что Беннигсенъ находился въ немилости, ибо въ продолженіе всего утра государь съ нимъ не говорилъ почти ни слова; думали, что онъ послѣ сего выйдетъ въ отставку, что вскорѣ и сбылось.

Апрѣля 23-го. Былъ прекрасный маневръ, продолжавшійся во все утро, потомъ невкусный обѣдъ у князя Горчакова, а вечеромъ балъ, на которомъ я возобновилъ знакомство мое съ Беннигсеномъ, сдѣланное въ отечественную войну. Онъ былъ отмѣнно обходителенъ и ласковъ, чего я не приписываю немилости, въ которой онъ тогда находился, хотя вообще я замѣтилъ, что коль скоро кто при дворѣ лишался благосклонности государя, то дѣлался кроткимъ, какъ агнецъ; но на Беннигсена мелочи сіи не могли имѣть вліянія и по благородному характеру его, и потому, что онъ въ продолженіе семидесятилѣтней жизни своей испыталъ много превратностей счастія, а болѣе еще по той причинѣ, что онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертное мѣсто въ исторіи. Славы его, единственной награды военнаго, никто не могъ отнять, и онъ равнодушно смотрѣлъ на настоящее, вовсе не занимался второю арміею, которая тогда находилась подъ его начальствомъ, и все время посвящалъ на сочиненіе исторіи своего вѣка подъ названіемъ «Mémoires de mon temps».

— Я написалъ теперь шесть частей, — сказалъ онъ, — мнѣ надобно еще два года, чтобы трудъ сей привести къ окончанію. Я употребляю для сего ежедневно четыре, шесть и иногда и восемь часовъ. Нѣкоторые отрывки читалъ государь, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и великая княгиня Екатерина Павловна, которая велѣла списать съ нихъ для себя копію. Не одни военныя повѣствованія, но и политическія входятъ въ составъ моего сочиненія.

Въ сіе время подошелъ къ нему десятилѣтній сынъ и онъ,

представляя мнѣ его, сказалъ слѣдующія слова, которыя никогда не выйдутъ изъ моей памяти:—«Я сего ребенка прокляну, если онъ когда нибудь вступитъ въ военную службу».

Апрѣля 24-го. Рано утромъ мы выѣхали изъ Григоровки въ Каменецъ-Подольскій по прекрасной дорогѣ, обсаженной по обѣимъ сторонамъ аллеями. На одной станціи при перемѣнѣ лошадей государь подозвалъ меня и сказалъ:—«Какова дорога? зато я къ губернаторамъ написалъ орацію на шести листахъ».

Апрѣля 25-го. Поутру императоръ осматривалъ въ Каменецъ-Подольскомъ больницы, тюрьму, домъ сумасшедшихъ и такъ называемый бульваръ, откуда открываются прелестные виды. Потомъ, по обыкновенію, было представленіе духовенства, военныхъ, гражданскихъ чиновниковъ, дворянъ, купцовъ и евреевъ. За обѣдомъ у его величества, кромѣ особъ, принадлежавшихъ къ свитѣ, были: губернаторъ Павловскій, вице-губернаторъ Грохольскій и губернскій предводитель. Государь разсказывалъ о смотрѣ при Вертю, о которомъ я уже разъ шесть слышалъ изъ устъ его. Это не должно удивлять, потому что 1815 годъ былъ едва-ли не блистательнѣйшій въ его жизни; онъ въ оном довершилъ торжество Россіи надъ всѣми державами, уничтожилъ лютѣйшаго врага нашего и основалъ священный союзъ, которому прежде не бывало примѣра.

Повтореніе одного и того же предмета равномѣрно весьма естественно, потому что императоръ, находясь съ посторонними людьми, не могъ наложить на себя печати молчанія; взоръ и вниманіе всѣхъ, на него устремленные, поставляли его въ необходимость говорить, что конечно бывало иногда для него, какъ и для всякаго другаго на его мѣстѣ, утомительно. Однажды онъ жаловался на сіе графу Милорадовичу, который отвѣчалъ ему съ обыкновеннымъ своимъ чистосердечіемъ:

— Я съ вашимъ величествомъ не согласенъ и нахожу, что очень легко говорить пустяки; я болѣе ничего, кромѣ вздора, не говорю.

Вечеромъ былъ балъ, на который я не могъ поѣхать по множеству дѣлъ.

Я упомянулъ выше о священномъ союзѣ и кстати изложу о немъ мысли мои. Союзъ сей составляетъ теперь предметъ замысловатыхъ критикъ либеральныхъ писателей, которые господствуютъ надъ умами; они утверждаютъ, что онъ имѣетъ цѣлью препятствовать развитію просвѣщенія и водворенію представительныхъ правительствъ въ различныхъ государствахъ. Не будучи отнюдь защитникомъ деспотизма и невѣжества, я съ ними однакоже вовсе не согласенъ. Священный союзъ возникъ въ такое время, когда только-что Александръ успѣлъ возстановить спокойствіе въ Европѣ, находившейся двадцать пять лѣтъ въ

величайшемъ разстройствѣ; милліоны людей погибали на войнахъ, цѣлыя области были опустошаемы, сама Россія подвергалась бѣдствіямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя она претерпѣвала при нашествіи татаръ. Онъ положилъ симъ несчастіямъ преграду. Франція управляется теперь мудрыми законами, но за это она заплатила кровію шести милліоновъ сыновъ своихъ. Наконецъ спрашиваю порицателей священнаго союза, бывало ли когда время, въ которое бы появлялось болѣе въ свѣтъ полезныхъ сочиненій всякаго рода, дѣлаемо было болѣе открытій во всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія, какъ съ учрежденія священнаго союза, то-есть съ 1815 года, съ котораго различные европейскіе народы столь между собою сблизились, что теперь составляютъ какъ-бы одно семейство Сіе счастливое положеніе продолжится долго, ежели кабинеты, презря вопли либералистовъ, будутъ поддерживать священный союзъ съ такою же твердостью, какъ то дѣлалъ Александръ.

Апрѣля 26-го. Въ восьмомъ часу утра мы выѣхали изъ Каменецъ-Подольскаго въ Бессарабію. Въ Хотинѣ я осматривалъ карантинъ, котораго государь не посѣтилъ; меня это тѣмъ болѣе удивило, что здѣсь въ первый разъ въ жизни его величество имѣлъ бы случай взглянуть на подобное заведеніе, ибо до того императоръ карантиновъ еще не видалъ. Въ ожиданіи парома, я сидѣлъ съ четверть часа на берегу Днѣстра, любовался крутыми берегами его и съ нетерпѣніемъ желалъ переправиться на противолежавшую сторону, чтобы увидѣть новый край, который только по мѣстному положенію своему причисляется къ Европѣ. Дѣйствительно, не успѣлъ я переѣхать чрезъ Днѣстръ, какъ все перемѣнилось: земля, люди и самое нарѣчіе; вмѣсто церквей представились мечети, молдаванскій языкъ заступилъ мѣсто русскаго и польскаго, и вмѣсто селеній стояли разбросанныя въ безпорядкѣ хижины; стоило наконецъ взглянуть на лица и одежду жителей, чтобы увѣриться, что я нахожусь въ странѣ, хотя повинующейся Россіи, но не имѣющей никакого сходства ни съ нею, ни съ другой какою европейскою державою. Изъ Хотина десять почти дикихъ лошадей, на которыхъ вмѣсто упряжи были накинуты на шеѣ веревки, помчали насъ изъ всей мочи; мы на самое короткое время останавливались на станціяхъ, то-есть при табунахъ нѣсколькихъ сотъ лошадей, выведенныхъ на поле для нашего проѣзда; такимъ образомъ привезли насъ съ неимовѣрною скоростію до города Бѣльцовъ, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ.

Проѣхавъ по Бессарабіи около 150 верстъ, я не встрѣтилъ не токмо ни одного селенія, потому что сего названія нельзя дать нѣсколькимъ бѣднѣйшимъ избамъ, которыя кое-гдѣ стояли по дорогѣ, но я не видалъ почти ни одного дерева; изрѣдка только представлялись взорамъ пасшіяся стада. Почва земли отмѣнно хороша, но по причинѣ скуднаго населенія мало обрабатывается; впрочемъ, въ Бессарабіи принято у жителей пра-

виломъ не селиться вблизи большихъ дорогъ, и гдѣ таковую проложатъ, то они переносятъ домы свои далѣе отъ оной. Это доказываетъ, что они страшатся проѣзжающихъ, не надѣясь на покровительство законовъ. Въ Бѣльцахъ отвели мнѣ квартиру у одного бѣднаго мѣщанина; вокругъ всей комнаты были сдѣланы на подобіе диванова большія скамьи, покрытыя коврами; я заходилъ изъ любопытства во многіе домы и видѣлъ во всѣхъ то же самое убранство.

Апрѣля 27-го. Поутру, часовъ въ восемь, выѣхали мы изъ Бѣльцовъ, гдѣ государь былъ у обѣдни по случаю дня рожденія цесаревича. На всемъ пространствѣ до Кишенева, т. е. на 155 верстахъ, я видѣлъ то же, что и наканунѣ: ни природа, ни люди не измѣнились, тѣ же степи, на которыхъ нѣтъ ни одного дерева, все вокругъ было пустынно, не встрѣчалось ни одного проѣзжающаго. Я обѣдалъ въ деревушкѣ Кипрешти, отстоящей отъ дороги верстахъ въ двухъ, гдѣ у моего полудикаго хозяина, кромѣ жареной баранины и такъ называемаго полынковаго вина, ничего болѣе не было. Вечеромъ, часу въ седьмомъ, я пріѣхалъ въ столицу Бессарабіи Кишиневъ; это не городъ а соединеніе нѣсколькихъ деревень вмѣстѣ, выстроенныхъ безъ плана и безъ всякой правильности; едвали найдется пять домовъ въ два этажа, прочіе не что иное, какъ хижины, которыя, какъ примѣтно, подбѣлены были для прибытія императора. Я полагалъ найти здѣсь магазины съ турецкими и азіатскими товарами, но и въ этомъ ошибся; самое обращеніе купцовъ доказывало непросвѣщеніе ихъ.

— Есть ли у васъ шелковыя матеріи? спросилъ я въ одной лавкѣ, которую мнѣ указали за лучшую.

Человѣкъ съ пять купцовъ, находившихся тутъ и курившихъ трубки, по нѣкоторомъ молчаніи отвѣчали мнѣ, не переставая курить и съ величайшимъ равнодушіемъ:

— Есть у насъ матеріи, но вы можете имѣть лучшія у еврея, торгующаго неподалеку отсюда.

Желая преодолѣть хладнокровіе сихъ купцовъ и болѣе познакомиться съ ними, просилъ я ихъ показать мнѣ товары. Они съ такимъ нерадѣніемъ выкладывали ихъ наружу, такъ мало или почти ничего не говорили о добротѣ ихъ, дѣлали такія угрюмыя лица, что я заключилъ, что ежели промыселъ ихъ не въ цвѣтущемъ состояніи, то это вина не покупщиковъ, а ихъ собственная.

Апрѣля 28-го. Поутру въ десятомъ часу государь ѣздилъ по городу и осматривалъ тюрьмы и больницы; потомъ были мы въ церкви и завтракали у почтеннаго сѣдинами митрополита Гавріила. Войдя въ кельи митрополита, государь началъ съ нимъ говорить такъ дружески и непринужденно, какъ-будто бы давно былъ съ нимъ знакомъ. Здѣсь

я услышалъ въ первый разъ, что императоръ сознался, что онъ былъ глухъ на лѣвое ухо.

— Я прошу ваше преосвященство, сказалъ онъ, сѣсть на правую сторону, потому что я немного крѣпокъ на лѣвое ухо; я въ молодости стоялъ близъ батареи, отъ чего слухъ у меня въ лѣвомъ ухѣ затвердѣлъ.

По возвращеніи во дворецъ, представлялось государю сперва наше духовенство, потомъ армянскій епископъ, военные и гражданскіе чиновники, дворяне (настоящая сволочь), купечество и евреи. За нѣсколько минутъ до представленія, императоръ, увидя изъ оконъ, что пріѣхалъ бывшій начальникомъ войскъ въ Бессарабіи, генералъ-маіоръ Гартингъ. послалъ меня къ нему на встрѣчу предупредить, что его величество его не приметъ. Послѣ всѣхъ введены были присланные отъ молдавскаго и валахскаго господаря съ поздравленіемъ двое постельничьихъ: Маврокордато и еще другой, коего имени я не упомню; императоръ принималъ ихъ поодиночкѣ, но каждый изъ нихъ не пробылъ у государя болѣе пяти минутъ. Ихъ пригласили къ обѣду, послѣ котораго государь посѣтилъ супругу бессарабскаго намѣстника Бахметева, а въ восемь часовъ мы отправились на балъ, на которомъ было множество отмѣнно пригожихъ лицъ. Между прочимъ, мы видѣли молдаванскій танецъ, называемый «Митика», который показался мнѣ похожимъ на плиску дикихъ, живущихъ на островахъ океана, о которыхъ повѣствуютъ мореходцы. Увѣряли меня, что за нѣсколько мѣсяцевъ, когда узнали о предстоявшемъ прибытіи императора въ Кишиневъ, госпожа Бахметева выписала танцовальнаго учителя, чтобы приготовить здѣшнихъ дѣвицъ явиться на балъ предъ государемъ, плодомъ трудовъ ея былъ французскій кадриль.

Велико было отчаяніе г-жи Бахметевой и учителя, когда государь вмѣсто кадрили изъявилъ желаніе видѣть національный танецъ называемый «Митика».

Глядя на него, государь сказалъ мнѣ вполголоса. «Est-il possible que ce Mitika puisse amuser ces dames et ces messieurs».

Апрѣля 29-го. Поутру мы выѣхали изъ Кишинева въ Тирасполь на смотръ корпуса генерала Сабанѣева. До самой крѣпости Бендеры не представлялось взору ничего, кромѣ степей; по переправѣ же черезъ Днѣстръ мы услышали опять русскій языкъ, и показались русскія лица. Мы пріѣхали часу въ седьмомъ въ Тирасполь и остановились не въ крѣпости, а въ предмѣстьѣ, которое по множеству собранныхъ тутъ военныхъ было похоже на главную квартиру арміи въ военное время. Государь во весь этотъ день ѣхалъ въ одной колескѣ съ графомъ Аракчеевымъ, съ которымъ онъ не видался съ отъѣзда своего изъ Петербурга, а князь Волконскій, обыкновенный сопутникъ его величества, ѣхалъ позади.

Проведя четыре дня въ Бессарабіи, я не видалъ ничего любопытнаго, а ежели бы что-либо было достойное вниманія, то, конечно бы, непреминули это представить государю; я на всякомъ шагу встрѣчалъ не просвѣщеніе и бѣдность. Въ военномъ отношеніи только Бессарабія есть классическая земля по походамъ нашимъ противъ Порты въ восьмомъ на десять вѣкѣ, ибо здѣсь подвизались Минихъ, Румянцевъ, Репнинъ, Суворовъ, Потемкинъ, Кутузовъ и другіе, осѣнившіе русскія знамена вѣчными лаврами. Какъ жаль, что никто еще не взялъ на себя труда описать дѣянія ихъ; тотъ передалъ бы потомству воспоминаніе обильной жатвы славы, стяжанной сими полководцами, бывшими въ то же время и государственными людьми. До сихъ поръ у насъ, какъ и повсюду, гдѣ литература въ младенчествѣ, одно стихотворство служитъ отголоскомъ народной благодарности; Ломоносовъ, Петровъ, Херасковъ, Державинъ воспѣли имена русскихъ героевъ, но муза исторіи молчитъ; у насъ такъ немного могутъ писать прозою, ибо для сего, кромѣ вдохновенія, потребно и многолѣтнее ученіе. Напротивъ того, въ государствахъ, гдѣ словесность на высшей степени противъ нашей, тамъ стихами не хвалятъ, а прекрасною прозою увѣковѣчиваютъ славные подвиги.

Апрѣля 30-го. Поутру былъ смотръ корпуса генерала Сабанѣева, состоявшаго изъ двухъ дивизій генераловъ Мещеринова и Козачковскаго. Потомъ мы обѣдали въ Тирасполѣ, у генерала Беннигсена, съ которымъ я нѣсколько времени могъ поговорить, пріѣхавши нарочно ранѣе всѣхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ его: «Вы не можете себѣ представить невѣжества нашихъ офицеровъ и дурнаго устройства арміи въ войнѣ 1806 и 1807 годовъ. Въ этомъ походѣ у меня все было, кромѣ трехъ вещей: денегъ, продовольствія и войскъ. При началѣ похода корпусъ мой состоялъ, на бумагѣ, изъ пятидесяти трехъ, а корпусъ графа Буксгевдена, тоже на бумагѣ, изъ тридцати шести тысячъ человѣкъ. Во всѣхъ сраженіяхъ генералъ Бонапартъ былъ гораздо сильнѣе меня; подъ Эйлау было у него двадцатью тысячами болѣе. Я бы его совершенно разбилъ, ежели бы мнѣ удалось стать на линіи его сообщеній. Я три раза видѣлся съ Наполеономъ, однажды насъ было только двое. Увидя меня въ Тильзитѣ изъ окна, онъ меня позвалъ къ себѣ и сказалъ: «зачѣмъ вы не посѣтите меня, проѣзжая мимо моего дома?» потомъ онъ прибавилъ, что неоднократно удивлялся моимъ дарованіямъ и моему благоразумію». Слово благоразуміе Беннигсенъ произнесъ гораздо громче; примѣтно, что ласкательныя выраженія доброму старику очень нравились. На вопросъ мой о мнѣніи Наполеона о семъ походѣ онъ отвѣчалъ, что онъ, кромѣ вышеупомянутыхъ словъ, ничего не говорилъ, но что генералъ Бертранъ, раздѣлявшій съ нимъ заточеніе на островѣ святой Елены, сказалъ ему, что это былъ

необыкновенный походъ для французовъ, потому что во всѣхъ прежнихъ войнахъ французы били непріятелей, идучи впередъ, занимали столицы ихъ и заключали миръ.

Мая 1-го. Поутру были маневры корпуса генерала Сабанѣева, а потомъ обѣдъ для генераловъ у государя, послѣ чего, въ 11 часовъ, мы отправились въ Одессу. Дорога хотя идетъ по степямъ, но украшается находящимися въ разныхъ мѣстахъ иностранными колоніями, изъ коихъ въ одной, называемой Мангеймъ, мы перемѣняли лошадей. Пріемъ колонистовъ напомнилъ Германію; они воздвигнули тріумфальныя ворота, подлѣ которыхъ находилось нѣсколько человѣкъ съ ружьями; всѣ прочіе колонисты стояли въ два ряда, а дѣвушки сыпали на пути государя цвѣты. Часу въ седьмомъ мы пріѣхали въ Одессу, гдѣ прожили два дня.

Городъ сей возникъ, какъ бы нѣкоторымъ волшебствомъ, въ Новороссійскихъ степяхъ, посреди народовъ, которые недавно еще вели кочующую жизнь. Ежели бы мы не были избалованы, такъ сказать, Петербургомъ, коего построеніе есть истинный феноменъ, то болѣе бы еще удивлялись Одессѣ; она красотою своихъ зданій, торговлею и народонаселеніемъ стала въ двадцать пять лѣтъ на-ряду съ первостепенными городами Европы, а потому можно себѣ легко представить, сколь государю пріятно было пребываніе въ оной, особенно въ прекраснѣйшее весеннее время, въ которое Одесса являлась во всемъ блескѣ юнаго своего возраста.

Осмотрѣвъ съ особеннымъ вниманіемъ карантинъ, гавань, Ришельевскій лицей, казармы и прочія публичныя заведенія, императоръ послалъ въ Парижъ, при самомъ милостивомъ рескриптѣ, орденъ св. Андрея Первозваннаго дюку де-Ришелье, бывшему тогда первымъ министромъ короля французскаго и который создалъ, такъ сказать, Одессу. Преемникомъ его былъ графъ Ланжеронъ, тоже французскій эмигрантъ и одинъ изъ заслуженныхъ нашихъ генераловъ, престарѣлый воинъ, сражавшійся нѣкогда подъ знаменами Велингтона и извѣстный въ нашей арміи столько же неустрашимостію своею, сколько добротою сердца, прямодушіемъ и разсѣянностію.—«Вы пороху не боитесь,—сказалъ онъ одному генералу,—но вы его и не выдумали». Когда ему, какъ военному губернатору, надобно было подавать рапортъ государю въ Одессѣ, то онъ, искавъ оный долго въ карманахъ, наконецъ признался императору, что рапортъ забылъ дома. За обѣдомъ у его величества зашла рѣчь объ обширности Россіи, и Ланжеронъ сказалъ, что губерніи, состоявшія подъ его начальствомъ, пространнѣе, чѣмъ Франція. Ланжеронъ не имѣетъ отличительныхъ качествъ полководства, да и часто ли бываютъ люди, которые симъ похвалиться могутъ,—но, находясь во всѣхъ войнахъ Россіи въ продолженіе тридцати лѣтъ, онъ велъ себя повсюду, какъ

генералъ храбрый и какъ честный человѣкъ, уважая всегда людей заслуженныхъ. Мнѣ по сей причинѣ непріятно было, когда нѣкоторые изъ придворныхъ за столомъ императора въ Одессѣ шутили надъ Ланжерономъ. Государь молчалъ, но по привычкѣ отгадывать мысли его по физіономіи я видѣлъ, что шутки сіи были ему не совсѣмъ противны. Графъ Ланжеронъ пришелъ ко мнѣ однажды въ Одессѣ очень рано поутру, когда всѣ еще спали, и такъ какъ онъ былъ веселаго нрава, то разсказывалъ мнѣ много забавныхъ анекдотовъ и между прочимъ слѣдующій.

Въ послѣднюю турецкую войну паша, начальствовавшій противъ Кутузова, предупредилъ его, что у него въ лагерѣ будетъ пальба по случаю рожденія у султана сына. Черезъ нѣсколько дней онъ прислалъ опять съ таковымъ же извѣщеніемъ, почему находившійся тутъ генералъ, не знавшій о многоженствѣ турокъ, сказалъ Кутузову, что паша надъ нимъ издѣвается, ибо невозможно, присовокупилъ онъ, чтобы султанша родила по два раза въ одинъ мѣсяцъ.

II.

Путь въ Вознесенскъ.—Обращеніе государя съ графомъ Аракчеевымъ.—Обширность свѣдѣній Александра.—Его рѣдкая любезность и вѣжливость.—Графини Морковскія.—Помѣщикъ Курисъ.—Нѣмецкіе колонисты.—Пріѣздъ въ Вознесенскъ.—Генералъ Сакенъ.—Смотръ войскамъ.—Слова государя о военныхъ поселеніяхъ.—Мнѣніе его о дѣйствіяхъ кавалеріи на войнѣ.—Пріѣздъ въ Николаевъ.—Наши моряки.—Странное выраженіе государя о его морскихъ познаніяхъ.—Пріѣздъ въ Херсонъ.—Слѣды дѣятельности князя Потемкина.—Разсужденіе о Новороссійскомъ краѣ.—Воспоминаніе императора объ Екатеринѣ II.—Переѣздъ на катерѣ въ Алешки.—Перекопъ.—Симферополь.

Поутру, 4-го мая, выѣхали мы изъ Одессы въ Вознесенскъ. Князь Волконскій остался на два дня въ Одессѣ, гдѣ воспитывались его сыновья, а потому государь сидѣлъ въ одномъ экипажѣ съ графомъ Аракчеевымъ, а я, ѣхавши позади его во весь день въ нѣсколькихъ саженяхъ, имѣлъ его безпрестанно передъ глазами и видѣлъ, какъ нѣсколько разъ онъ оправлялъ своими руками шинель графу Аракчееву. Утвердительно можно сказать, что изъ пятидесяти милліоновъ своихъ подданныхъ императоръ ни съ однимъ не обращался съ такимъ вниманіемъ, какъ съ графомъ Аракчеевымъ. Мы обѣдали на станціи Кодинцовой въ домѣ помѣщика Холмогорова; государь, по обыкновенію своему, пригласилъ супругу помѣщика за столъ, и ей первой подавали всѣ блюда. За обѣдомъ находились, кромѣ ихъ, графъ Аракчеевъ, лейбъ-медикъ

Вилліе, дворянскій предводитель и я. Государь довольно долго разспрашивалъ меня объ Италіи, которая ему была хорошо извѣстна. Вообще, чѣмъ я болѣе бывалъ вмѣстѣ съ его величествомъ, ибо въ семъ путешествіи рѣдкій день не обѣдалъ съ государемъ, а за столомъ онъ говорилъ очень много, я тѣмъ болѣе удивлялся обширнымъ его свѣдѣніямъ. Онъ имѣлъ самыя основательныя понятія о вещахъ, и когда, бывало, заговоритъ о какомъ-либо предметѣ, то сперва какъ-бы робко къ нему приступалъ, но послѣ входилъ во всѣ подробности онаго, и можно сказать, что истощалъ оный; логика же его приводила въ смущеніе многихъ европейскихъ дипломатовъ. Потомъ государь говорилъ объ Англіи, хвалилъ чистоту домовъ и присовокупилъ, «что опрятность въ сей землѣ еще болѣе ощутительна, когда въѣзжаешь въ нее изъ проклятой Франціи». При семъ можно упомянуть, что не было ничего пріятнѣе, какъ обѣдать съ нимъ за небольшимъ столомъ, потому что ничто не могло сравняться съ его любезностью и внимательностію; напримѣръ на станціи Кодинцовой, замѣтя, что у меня не было стакана, онъ сейчасъ приказалъ подать мнѣ оный и не прежде началъ пить, какъ когда мнѣ принесли стаканъ. Я не спорю, что это весьма маловажная черта, о которой бы не стоило упоминать, ежели бы рѣчь шла о другомъ какомъ монархѣ; но мнѣ кажется, что въ Александрѣ и о ней нельзя умолчать. Когда мы хотѣли вставать изъ-за стола, то вошли въ комнату внезапно пять женщинъ, прекрасно одѣтыхъ, и пали на колѣна; это были графини Морковскія, просившія за отца своего, содержимаго въ тюрьмѣ. Государь ненавидѣлъ, чтобы предъ нимъ становились на колѣна; онъ перемѣнился на лицѣ, поднялъ графинь и тогда уже началъ говорить.

На другой станціи случилось нѣчто подобное; послѣ обѣда, отъѣхавъ верстъ съ 20, государь остановился у помѣщика Куриса, который находился долгое время при Суворовѣ, зашелъ къ нему въ домъ и скушалъ нѣсколько плодовъ. Курисъ, не зная, какъ отблагодарить за сдѣланную ему честь, всталъ на колѣна. Недалеко отъ Вознесенска мы перемѣняли лошадей въ одной деревнѣ, гдѣ собралось множество колонистовъ, поселенныхъ въ окрестностяхъ; они подали нѣсколько просьбъ, и между тѣмъ какъ государь мнѣ ихъ вручалъ и приказывалъ ихъ разсмотрѣть, одинъ изъ нѣмцевъ въ пьяномъ видѣ закричалъ: Bis zum Himmel ist hoh und bis zum Kaiser und noh Petersburg ist weit»! (До неба высоко, до царя и Петербурга далеко). Я хотѣлъ было заставить молчать его, но государь сказалъ, чтобы я позволилъ ему продолжать, обратился къ колонистамъ и произнесъ по-нѣмецки громко слѣдующія слова:—«Wenn ihr niht in Russland bleiben wollt, so könnt ihr nach Deutschland zurück gehen» («Если вы не хотите оставаться въ Россіи, то можете отправляться обратно въ Германію»).

Дорога въ этотъ день была самая пріятная; мы начали встрѣчать деревни и людей, которыхъ, ѣдучи по степямъ Бессарабіи и около Чернаго моря, вовсе не было. Поля покрыты были цвѣтами, и подъ облаками носились орлы.

Вечеромъ, часу въ девятомъ, мы прибыли въ главную квартиру, поселенныхъ войскъ. Вознесенскъ—небольшой но чистый городокъ, въ которомъ до того старались сообразоваться со вкусомъ государя, что вдоль домовъ сдѣланы были изъ земли родъ насыпей или тротуаровъ. Здѣсь мы нашли, кромѣ командира Бугскихъ войскъ, графа Витта, почтеннаго генерала Сакена. Государь не многихъ генераловъ столько уважалъ, какъ его; но зато и немногіе говорили такъ дѣльно и настоятельно, какъ Сакенъ. Мнѣ случилось обѣдать однажды съ нимъ вмѣстѣ у императора, и онъ, не соглашаясь съ его величествомъ во мнѣніяхъ, повторялъ разъ десять: «non, non, non sire» (нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, государь).

М а я 5-го. Поутру, въ половинѣ седьмаго часа, мы поѣхали на смотръ уланскихъ дивизій Бугской и Украинской; трудно видѣть конницу въ лучшемъ устройствѣ. По окончаніи церемоніальнаго марша, солдаты проѣзжали на ремонтныхъ лошадяхъ по-одиночкѣ мимо государя. Послѣ смотра былъ разводъ, при коемъ представляли инвалидовъ и кантонистовъ, или воспитанниковъ, коихъ успѣхи въ наукахъ столь быстры, что изъ нихъ со-временемъ должны выходить отличнѣйшіе офицеры. Что же будутъ дѣлать дворяне, спрашиваютъ противники поселеній, ежели офицерскія мѣста будутъ замѣщаемы солдатскими дѣтьми? Пусть они превосходятъ ихъ въ образованіи, — отвѣчаю я, — и тогда удержатъ надъ ними то преимущество, за которое по сихъ поръ они обязаны одной породѣ. Потомъ была обѣдня и большой столъ у государя; его величество, говоря о поселеніяхъ, между прочимъ произнесъ слѣдующія слова: «En temps de paix les colonies militaires m'épargneront les recrues, mais en temps de guerre il faut que tout le monde marche et que tout le monde défende la patrie» (Въ мирное время, военныя поселенія избавятъ насъ отъ рекрутскихъ наборовъ, но въ военное время необходимо, чтобы всѣ шли и всѣ защищали отечество). Послѣ обѣда мы были въ больницѣ и въ манежѣ смотрѣли верховую ѣзду улановъ. Императоръ былъ всѣмъ видѣннымъ имъ въ сей день чрезвычайно доволенъ и сказалъ графу Витту, что войска превзошли его ожиданія.

Военныя поселенія суть одно изъ важныхъ учрежденій, возникшихъ въ послѣдніе годы царствованія Александра; но образованіе ихъ и настоящая цѣль ихъ существованія были покрыты непроницаемою тайною, извѣстною только тѣмъ лицамъ, которыя употреблялись по сей части, а потому и мнѣ нельзя что-либо утвердительное о нихъ сказать. Большая часть современниковъ возставала противъ нихъ, но я

ему не сооруженъ въ церкви памятникъ, но даже нѣтъ камня или простой доски, означающихъ, гдѣ покоится прахъ сего необыкновеннаго человѣка, которому я, со дня въѣзда моего въ Новороссійскій край, не переставалъ удивляться, потому что все, что ни есть тамъ лучшаго, заложено имъ, на всякомъ шагу видны слѣды предначертаній его. Зависть, особенно иностранцевъ, долго возставала противу его, но чтобы обезоружить ее, стоитъ указать на степи, простирающіяся отъ Днѣпра до Чернаго моря, которыя, бывъ отъ сотворенія міра обиталищемъ дикихъ народовъ, подъ его руководствомъ присоединены къ Россіи и сдѣлались съ тѣмъ вмѣстѣ доступны къ водворенію въ нихъ европейскаго образованія. Я слышалъ, что когда его хоронили, то сдѣлали надъ гробомъ его сводъ и лѣстницу, но по вступленіи на престолъ императора Павла велѣно будто-бы было, какъ мнѣ сказывали, чему, однакоже, трудно повѣрить, «тѣло его вырыть и бросить на съѣденіе птицамъ». Нѣкто изъ приверженныхъ покойному, подъ разными предлогами, успѣлъ, что повелѣніе сіе осталось безъ исполненія; сводъ, подъ коимъ онъ покоится, заложили досками, сравнявъ оныя съ обыкновеннымъ поломъ [1]). Государь Александръ Павловичъ намѣренъ былъ воздвигнуть ему памятникъ въ Херсонѣ, но наслѣдники Потемкина просили, чтобы сіе было предоставлено на ихъ попеченіе и иждивеніе; однакоже неблагодарные по сихъ поръ не почтили праха великолѣпнаго князя Тавриды, какъ назвалъ его Державинъ [2]).

Херсонъ, кромѣ общественныхъ зданій, не заключаетъ въ себѣ ничего любопытнаго. Купеческая гавань наполнена была строившимися судами, доходъ, съ нихъ получаемый, былъ неимовѣрный: можно въ нѣсколько недѣль было возвратить капиталъ, употребленный на построеніе оныхъ. Вообще, судя по высокой платѣ за работу, которая по правиламъ политической экономіи есть надежный масштабъ для измѣренія народнаго богатства, видно, что край сей быстрыми шагами приближался къ благосостоянію. Въ Одессѣ лошадь вырабатывала иногда въ день до ста рублей, а въ Херсонѣ матросъ, проведя день въ адмиралтействѣ, могъ вечеромъ, по окончаніи казенной работы, въ купеческой гавани отъ построенія купеческихъ кораблей получить нѣсколько рублей. Въ Перекопѣ сказывалъ мнѣ одинъ купецъ, по имени Сысоевъ, что онъ за двадцать лѣтъ пріѣхалъ туда съ пятью копѣйками, а потомъ пріобрѣлъ большія земли, пятьсотъ лошадей и капиталу до полтораста тысячъ рублей. Жаль, что на южныя губерніи наши не обращаютъ вниманія столько, какъ оныя того заслуживаютъ по плодо-

---

[1]) Сравни стр. 297—298 «Русской Старины» № 5 1897 г.

[2]) Въ настоящее время памятникъ кн. Потемкина украшаетъ городъ Херсонъ.

родію своему, по благословенному климату и по мѣстному положенію, и не изберутъ для образованія оныхъ государственнаго человѣка, который бы сдѣлался въ одно время и благодѣтелемъ онаго, и снискалъ бы себѣ безсмертіе. До сихъ поръ кажется, что благословенная страна сія служитъ удѣломъ французскихъ эмигрантовъ. Ришелье управлялъ оною долгое время; безкорыстіе его и благородный характеръ всѣмъ извѣстны, но онъ ограничивался устройствомъ одной Одессы, а на прочія губерніи почти не обращалъ вниманія. Ему можно даже сдѣлать упрекъ, что разными правами, исходатайствованными имъ Одессѣ, онъ повредилъ многимъ городамъ полуденной Россіи. Его мѣсто заступилъ графъ Ланжеронъ, посѣдѣвшій на войнѣ, но который о торговлѣ, промышленности и вообще государственномъ хозяйствѣ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній. Въ Херсонѣ я нашелъ гражданскимъ губернаторомъ тоже французскаго эмигранта, графа Сен-Пріеста, которому дано было сіе мѣсто въ вознагражденіе за потерю брата его, убитаго подъ Реймсомъ въ 1814-мъ году, и котораго государь особенно жаловалъ. Сколь мало графъ Сен-Пріестъ зналъ свою губернію, тому я былъ свидѣтелемъ въ Херсонѣ по слѣдующему случаю. Мнѣ приказано было во всѣхъ городахъ, гдѣ государь останавливался, приготовлять для его величества краткую записку о заведеніяхъ, церквахъ и вообще о любопытныхъ предметахъ, въ оныхъ находившихся. Я собиралъ таковыя свѣденія обыкновенно отъ губернаторовъ, что̀ мною въ Херсонѣ сдѣлано было. Часъ спустя послѣ того, какъ я подалъ сію записку императору, его величество сказалъ мнѣ, что я пропустилъ въ ней греческую церковь, которая находится въ Херсонѣ. Я промолчалъ и, увидя губернатора, сказалъ ему о замѣчаніи, сдѣланномъ императоромъ. Графъ Сен-Пріестъ увѣрялъ меня, что греческой церкви не было въ Херсонѣ; когда же я началъ справляться, то узналъ, что точно она была, и что губернаторъ о существованіи ея не имѣлъ свѣдѣнія. Впрочемъ, говоря о томъ, что Новороссійскій край далекъ еще отъ совершенства, не надобно терять изъ вида, хотя и прискорбно, что имъ управляли французы, что онъ присоединенъ къ Россіи менѣе нежели за полвѣка, и что во уваженіе сего краткаго времени надобно въ сужденіяхъ о немъ быть снисходительнѣе. Одному Петру предоставлено было въ двадцать лѣтъ преобразовать свое отечество, а исторія являетъ только одного Петра.

По осмотрѣ публичныхъ заведеній, былъ разводъ, а послѣ обѣдъ у государя. Прежде нежели подали кушанья, императоръ вошелъ въ садъ, находившійся подлѣ столовой комнаты. Тутъ стояло абрикосовое дерево, посаженное Екатериною. Государь нѣсколько секундъ съ умиленіемъ на него смотрѣлъ и сказалъ:

— Императрица намѣрена была изъ Херсона сдѣлать столицу

полуденной Россіи; эта мысль столь ей нравилась, что она подписывала на нѣкоторыхъ манифестахъ: въ лѣто царствованія нашего такое то и отъ присоединенія Таврическаго царства въ такое то; напримѣръ это сдѣлано въ манифестѣ о рожденіи брата моего, великаго князя Николая Павловича.

Послѣ обѣда, въ три часа (8-го мая), мы сѣли на большой катеръ и отправились при колокольномъ звонѣ, пушечной пальбѣ съ адмиралтейства и всѣхъ купеческихъ судовъ и восклицаніяхъ ура, по Днѣпру, за 17 верстъ въ селеніе Алешки, куда заблаговременно посланы были наши экипажи. Насъ было на катерѣ десятеро: государь, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, графъ Кламмъ, графъ Аракчеевъ, графъ Милорадовичъ, Уваровъ, князь Волконскій, вице-адмиралъ Грейгъ, лейбъ-медикъ Виллié и я. Государь говорилъ много съ Грейгомъ о морской службѣ и называлъ по именамъ разныя части корабля и снасти. На замѣчаніе Уварова объ обширной памяти императора, его величество отвѣчалъ: «мнѣ бы стыдно было этого не знать», и потомъ, когда Уваровъ сказалъ ему, что капитанъ спущеннаго въ Херсонѣ корабля «Скораго» берется взять въ плѣнъ капитанъ-пашу, государь отвѣчалъ съ нѣкоторою перемѣною на лицѣ: «капитанъ сей можетъ долгое время покоиться» и присовокупилъ, обратясь къ принцу Гессенъ-Гомбургскому: «Le général Ouvaroff est aujourd'hui d'une humeur très guerrière».

Я очень жалѣлъ, что съ нами вмѣстѣ ѣхалъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, котораго присутствіе, конечно, мѣшало государю иногда открывать намъ свои мысли и замѣчанія. Едва мы отплыли изъ Херсона, какъ подняли штандартъ, и открылась пушечная пальба со всѣхъ находившихся въ гавани кораблей; часа въ четыре мы прибыли въ Алешки, гдѣ сѣли въ коляски и поѣхали въ крѣпость Перекопъ, куда прибыли въ полночь.

Перекопъ только по названію городъ, чему есть много примѣровъ въ Россіи; въ сущности же, это не что иное, какъ деревня, въ которой главные обыватели суть чиновники, служащіе по соляной части. Отъ Перекопскихъ соленыхъ озеръ получено казною въ 1817 году 2.600.000 рублей чистаго дохода; казнѣ становится пудъ соли въ пять копѣекъ, а она его продаетъ по 45 копѣекъ. Ровъ, выкопанный татарами отъ одного моря до другаго, даетъ городу свое названіе; думать надобно, что ровъ сей въ старину былъ мокрый, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны камни, коими дно его было выстлано. Въ Перекопѣ стоитъ ветхая, негодная крѣпость, которую намѣревались возобновить, и это могло служить доказательствомъ попечительности государя, что онъ, будучи диктаторомъ Европы и имѣя милліонъ войскъ, сооружалъ крѣпость въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не предвидѣлось, чтобы скоро могъ быть театръ войны. Возразятъ, что крѣпость сія усугубитъ въ татарахъ недовѣрчи-

вость, питаемую ими къ нашему правительству; но ропотъ нѣсколькихъ беевъ или муллъ не долженъ быть принятъ въ уваженіе, когда идетъ рѣчь о благѣ Россіи; сверхъ того, посредствомъ сей крѣпости утвердится еще болѣе наше владычество въ Таврическомъ полуостровѣ. Я жалѣлъ, что не нашелъ въ Перекопѣ памятника Миниху, который первый водрузилъ здѣсь русскія знамена.

Мая 9-го. Я выѣхалъ въ Симферополь часовъ въ 10-ть, а императоръ около полудня. Сначала дорога идетъ степью; воздухъ былъ душный, ничто не освѣжало его, нѣтъ ни рѣки, водою которой можно бы было прохладиться, ни дерева, чтобы отдохнуть подъ его тѣнью. Вскорѣ взоръ мой былъ пораженъ новыми для меня явленіями. Я началъ встрѣчать татаръ съ важною поступью, видѣлъ мечети, стада верблюдовъ, наконецъ стаи орловъ, разсѣкавшихъ воздухъ. Со второй почты становятся примѣтными горы, лежащія за Симферополемъ, а подъѣзжая къ сему городу, находятся повсюду деревни, разсѣянныя жилища татаръ, пролѣски и наконецъ рѣка Салгиръ. Видъ горнаго хребта былъ для меня пріятенъ, потому что, проѣзжая, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, нѣсколько разъ отъ одного края Россіи до другаго, я не встрѣчалъ не токмо таковыхъ возвышенныхъ горъ, но даже подобія ихъ; взоръ утомляется у насъ въ безпредѣльныхъ равнинахъ. При захожденіи солнца я видѣлъ нѣсколько татаръ, которые, остановясь на полѣ, исполняли вечернюю молитву свою: часу въ 8-мъ я пріѣхалъ въ Симферополь.

III.

Планъ путешествія государя по Крымскому полуострову.—Карасубазаръ.—Разговоръ за обѣдомъ.—Выговоръ, сдѣланный государемъ барону Вилліе.—Вниманіе, оказанное императоромъ сестрѣ генерала Рудзевича.—Археологъ Брюксъ.—Керчь.—Древнія гробницы.—Безпорядки и злоупотребленія въ Крыму.—Забавный промахъ генерала Уварова.—Осмотръ государемъ керченскихъ древностей.—Намѣреніе государя перенести на другія мѣста памятники Суворову и Румянцеву въ С.-Петербургѣ.—Анекдотъ про Суворова, разсказанный графомъ Милорадовичемъ.—Ѳеодосія.—Ѳеодосійскій музей.—Симферополь.—Поѣздка верхомъ.—Ночлегъ въ Никитѣ.—Посѣщеніе государемъ татарскаго дома.—Имѣніе графа Милорадовича.—Кикинейсъ.—Байдарская долина.—Жалобы жителей на графа Милорадовича.—Сатира „Приношеніе Христу въ новый годъ».—Посѣщеніе государемъ мечети.

Планъ путешествія нашего по Тавридѣ былъ слѣдующій. За основаніе принимался Симферополь, откуда первоначально назначено было ѣхать черезъ Карасубазаръ въ Керчь и возвратиться черезъ Ѳеодосію въ Симферополь Послѣ сего хотѣли осмотрѣть южный берегъ и ѣхать

верхомъ черезъ Алупку, Никиту и Кикинейсъ въ Байдарскую долину, гдѣ должны были встрѣтить насъ экипажи наши, на которыхъ мы возвратимся черезъ Севастополь, Бакчисарай и Симферополь въ Перекопъ. Для сего путешествія опредѣлено было десять дней. Было много лицъ, желавшихъ сопровождать императора по полуострову, которыя испрашивали на то позволенія, напримѣръ, малороссійскій военный губернаторъ, князь Репнинъ; но государь всѣмъ отказалъ, даже графу Ланжерону, въ управленіи коего находился Крымъ, и не имѣлъ съ собою болѣе никого, кромѣ тѣхъ, которые пріѣхали съ его величествомъ изъ Варшавы; изъ флигель-адъютантовъ я былъ одинъ. Видя себя столь много отличеннымъ передъ моими товарищами, мнѣ нельзя было тогда полагать, чтобы я былъ черезъ нѣсколько лѣтъ остановленъ на поприщѣ моей службы, и чтобы мнѣ, адъютанту Кутузова и Александра, отказали даже въ позволеніи участвовать, въ 1828 году, въ войнѣ противъ турокъ. Но благосклонность сихъ знаменитыхъ мужей служитъ мнѣ доводомъ, что я чего нибудь стою; недоброжелатели мои не могутъ у меня отнять воспоминаній, изъ коихъ нѣкоторыми я горжусь, а другія составляютъ для меня неизсякаемый источникъ сладостныхъ мечтаній.

Мая 10-го. Въ семь часовъ утра мы выѣхали изъ Симферополя и прибыли въ 10-ть часовъ вечера въ Керчь, или въ древнюю Пантикапею, всего разстояніемъ 200 верстъ. Дорога сначала была прекрасная, и мѣстоположенія красивыя до самой Ѳеодосіи: по правую сторону имѣли мы не прерывающуюся цѣпь горъ, надъ которыми возвышался Чатыр-дагъ, названный по справедливости палатъ-горою, по сходству вида его съ палаткою. Произрастенія по сей дорогѣ отмѣнно многоразличны; нельзя выразить, сколько пріятно благоуханіе ихъ. Мы не заѣзжали въ Ѳеодосію, а изъ оной вывели намъ версты за три лошадей; дорога отъ сего города до самой Керчи весьма единообразна: земля почти вовсе не обработана, по лѣвую сторону лежала неизмѣримая долина, а по правую имѣли мы безпрестанно видъ Чернаго моря. На вопросъ мой, при перемѣнѣ лошадей близъ Ѳеодосіи, отчего не вышло изъ города ни одного жителя, отвѣчали мнѣ, что имъ это было запрещено начальствомъ, которое полагало, что государю сіе будетъ непріятно. Странные люди!

На второй станціи отъ Симферополя былъ обѣдъ въ городѣ Карасубазарѣ. Это первый настоящій азіатскій городъ, который я видѣлъ; онъ состоитъ изъ низкихъ домовъ, покрытыхъ кровлями, почти совсѣмъ плоскими, изъ-за коихъ возвышается множество мечетей, построенныхъ въ видѣ узенькихъ башенъ. Улицы покрыты были мусульманами; по чалмамъ можно различить нѣкоторыхъ изъ нихъ: тѣ, у коихъ чалмы обвиты бѣлыми платками, бывали въ Меккѣ, а зеленые платки на чалмахъ означаютъ потомковъ магометовыхъ, называемыхъ эмирами. Во всемъ множествѣ народа, не было ни одной женщины магометанскаго

исповѣданія: онѣ не имѣютъ права выходить со двора. Я видѣлъ только четырехъ, сидѣвшихъ у дверей одного дома, закутанныхъ отъ головы до ногъ въ бѣлое покрывало. изъ-подъ котораго сверкали черные глаза. За обѣдомъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій сказалъ государю насчетъ Крыма.—«Эту землю можно назвать садомъ имперіи вашего величества». Я однако же принялъ сіи слова за ласкательство, потому что, проѣхавши въ два дня 335 верстъ по Таврическому полуострову, я находилъ чрезвычайно мало обработанной земли и видѣлъ почти повсюду однѣ степи. Государь, разговаривая о множествѣ разнообразныхъ травъ, которыя благоухаютъ на поляхъ, сдѣлалъ справедливое заключеніе, что ботаникъ можетъ найти здѣсь большое количество новыхъ полезныхъ произрастеній,и спросилъ у лейбъ-медика Вилліе,собралъ ли онъ какія нибудь травы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

— Что же ты дѣлалъ дорогою? продолжалъ государь.

— Я стрѣлялъ орловъ, сказалъ Вилліе. Сей отзывъ такъ не понравился императору, что онъ перемѣнился въ лицѣ и сказалъ въ сердцахъ:

— Удивительно, что начальникъ всей медицинской части ѣздитъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ можетъ быть есть сокровища для нашихъ аптекъ, а вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе свое на сей предметъ, стрѣляетъ птицъ!

Послѣ обѣда князь Волконскій приказалъ мнѣ отыскать въ Карасубазарѣ родственниковъ генерала Рудзевича и узнать, кто они. Исполнивъ порученіе, я доложилъ, что нашелъ сестру Рудзевича, бѣдную, простую татарку, съ нѣсколькими дѣтьми. Тотчасъ велѣно было позвать ее къ государю. Я былъ свидѣтелемъ одного пріятнаго явленія. Государь узналъ какимъ то образомъ, что сестра извѣстнаго генерала Рудзевича находилась въ Карасубазарѣ, и послалъ меня съ нею познакомиться. Я нашелъ въ ней женщину самую необразованную, въ простомъ одѣяніи, и донесъ о семъ его величеству.

— Позови ее ко мнѣ, съ ея дочерями, сказалъ мнѣ государь въ отвѣтъ.

Онѣ пробыли нѣсколько минутъ у императора, и когда вышли, то государь, заставъ меня одного въ комнатѣ, приблизился ко мнѣ, съ выразительною улыбкою, какъ-бы спрашивая моего мнѣнія.

— Ваше величество,—сказалъ я ему, – вотъ истинная награда генералу Рудзевичу; это ему лестнѣе, нежели всѣ ленты, которыя вы ему пожаловали.

— Я не различаю,—отвѣчалъ императоръ,—ни богатыхъ, ни бѣдныхъ: мнѣ всѣ равны, если служатъ хорошо [1]).

[1]) Варіантъ. «Я не различаю ни дворянъ, ни разночинцевъ, ни бѣдныхъ ни богатыхъ; мнѣ всѣ равны, если служатъ хорошо. Рудзевичъ татаринъ, но мнѣ дороже, нежели столбовой дворянинъ».

Послѣ сего государь приказалъ мнѣ, отъ его имени, вручить сестрѣ генерала брильянтовый фермуаръ.

На дорогѣ мы встрѣтили сына славнаго агронома Артура Юнга, который поселился близъ стараго Крыма, гдѣ онъ имѣлъ помѣстье. Мнѣ весьма желательно было побесѣдовать съ нимъ, но краткость времени сего не допустила: я долженъ былъ довольствоваться только пожатіемъ его руки и сказалъ ему, что я одинъ изъ ревностныхъ почитателей отца его. Къ сожалѣнію, услышалъ я, что онъ намѣревался въ скоромъ времени совсѣмъ оставить Россію. У насъ рѣдко дѣти отличныхъ людей идутъ по стопамъ своихъ родителей; всѣ гонятся за чинами, которые, по словамъ Карамзина, суть ходячая монета, а достоинство рѣдкая медаль, извѣстная только знатокамъ и принимаемая одними ими; въ Англіи же и вообще за границею, ежели сынъ знаменитаго родителя и не наслѣдуетъ его генію, то, по крайней мѣрѣ, всегда бываетъ имъ превосходно образованъ. Во весь этотъ день государь не называлъ меня иначе, какъ Александръ Ивановичъ.

Вечеромъ я пріѣхалъ въ Керчь, сію оконечность Европы; азіатскій берегъ отсюда въ восемнадцати верстахъ. Я немедленно познакомился съ служившимъ по соляной части французскимъ эмигрантомъ Брюксомъ, который слылъ за антикварія и нѣсколько лѣтъ отрывалъ гробы древнихъ грековъ и скиѳовъ. Что человѣкъ сей не ученъ, то доказываетъ самое короткое съ нимъ свиданіе; онъ по-латыни не знаетъ, объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ филологіи въ новѣйшія времена, и не слыхалъ, и даже по-французски говоритъ дурно, мало учился, тридцати лѣтъ вступилъ въ военную службу во Франціи и потомъ сочинилъ книжку подъ заглавіемъ: «Essai sur la cavalerie legère». Всякій видитъ, что переходъ отъ легкой конницы до глубокой древности немного труденъ. Не менѣе того, его старанія заслуживаютъ благодарность, ибо до него ни одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ не занимался изысканіями таврическихъ древностей, и надобно жалѣть, что ему нѣтъ никакихъ средствъ къ изученію филологіи.

Мая 11-го, въ 8-мъ часовъ утра, государь поѣхалъ въ Ениколь, а я остался въ Керчи, чтобы осмотрѣть ее съ помощію г. Брюкса. Во-первыхъ, мы были въ крѣпости, которая вовсе развалилась; начало построенія ея приписываютъ генуезцамъ; въ ней любопытна церковь, которой близъ 1300 лѣтъ; отъ древности остались только два мраморные столба и два барельефа, которые въ полной мѣрѣ напоминаютъ упадокъ искусствъ со времени ихъ работы. Видъ съ крѣпостныхъ укрѣпленій отмѣнно пространенъ; заливъ, раздѣляющій Азовское море отъ Чернаго, виденъ весь; на другомъ берегу уже Азія, Тмутаракань и весь край, называемый нынѣ Таманомъ; даже примѣтно устье Кубани, гдѣ обитаютъ черкесы. Боже мой! думалъ я, смотря на неизмѣримое

пространство моря и азіатскихъ береговъ, куда судьба меня завела? Долго ли буду я еще странникомъ на сей землѣ?

Потомъ поѣхалъ я осматривать гробницы древнихъ грековъ и скиѳовъ, которыя г. Брюксъ первый началъ отрывать. «Чтеніе Геродота и Страбона,—сказалъ онъ мнѣ дорогою,—а еще болѣе скука, заставили меня симъ заняться; я открылъ уже до двадцати гробницъ, но небольшихъ; для пространнѣйшихъ же потребны средства, которыхъ у меня не достаетъ: мнѣ выдано до сего времени изъ кабинета пятьсотъ и пожаловано великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ сто, а всего шестьсотъ рублей». Мы входили въ одну могилу четвероугольнаго вида, сажени двѣ длиною и столько же шириною, небольшія изъ нихъ почти всѣ равной величины, т.-е. одной сажени и 4-хъ ′ вершковъ длины.

Послѣ сего я ѣздилъ верхомъ на большую гору; на ней находится такъ называемый Стулъ Митридатовъ, который не что иное есть, какъ груда дикихъ камней, образующихъ родъ софы, которые отдѣланы руками человѣческими. Преданіе говоритъ, что царь Понтійскій, сидя на ономъ, взиралъ на сражающіяся войска свои. Видъ съ горы сей отмѣнно хорошъ; съ оной открывается все пространство залива, отдѣляющаго Черное море отъ Азовскаго, часть Чернаго моря и Еникале.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея стоитъ такъ называемая Золотая гора, на вершинѣ которой находится родъ кургана, изъ большихъ камней сдѣланнаго; преданіе приписываетъ построеніе онаго Циклопамъ, и Павзаній, упоминая о немъ, объявляетъ, что никто не запомнитъ времени его построенія.

Гавань въ Керчи прекрасная, но торговля въ ней не производилась вовсе; ни одно судно не имѣло права выгружаться въ ней, а каждое должно было останавливаться передъ карантиномъ оной шесть дней, по прошествіи коихъ посылали на него двухъ отставныхъ солдатъ, называемыхъ гвардіонцами, для наблюденія за тѣмъ, чтобы корабельщикъ не выгружалъ товаровъ и не выходилъ на берегъ иначе, какъ въ Таганрогѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что для сего послѣдняго города такое положеніе было выгодно, но Керчь отъ сего страдала, равно и вся та часть Таврическаго полуострова, которая прилежитъ къ сей гавани и которая могла бы въ оную поставлять произведенія свои. «Почему запрещено останавливаться кораблямъ въ Керчи?»—спросилъ я таможенныхъ чиновниковъ. «Потому,—отвѣчали они,—что нашъ карантинъ не довольно надеженъ, чтобы мы посредствомъ его могли предостеречься отъ моровой язвы». Итакъ, за недостаткомъ карантиннаго заведенія, стоющаго нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, гибнулъ весь край. Отъ сего проистекало еще другое бо̀льшее помѣшатель-

ство въ торговлѣ. Кораблямъ назначено было ожидать шесть дней двухъ сторожей, которыми ихъ снабжали для сопровожденія до Таганрога, но такъ какъ число людей сихъ было очень ограниченное, то корабли ожидали ихъ нерѣдко по двадцати шести дней. Сверхъ того, опытъ доказывалъ, что нельзя было ручаться за безкорыстіе сихъ людей; моровая язва, которая иногда свирѣпствовала въ полуденной Россіи, служила доказательствомъ, что солдаты сіи не всегда противостояли подаркамъ злоумышленныхъ корабельщиковъ. Городъ Еникале, имѣющій равномѣрно весьма выгодную гавань, подверженъ былъ одинаковой запретительной системѣ съ Керчью.

Вообще, въ семъ краѣ, удаленномъ отъ столицы, происходили невѣроятныя злоупотребленія. Ѣдучи изъ Керчи въ Еникале, государь встрѣтилъ солдатъ, работавшихъ вмѣсто крестьянъ въ полѣ, принадлежавшемъ коменданту. Ежели сіе дѣлалось въ присутствіи императора въ семъ краѣ, то можно легко судить, что въ обыкновенное время самовластіе начальниковъ не знало предѣловъ. Государь былъ очень огорченъ симъ поступкомъ коменданта и приказалъ его и начальника баталіона, къ которому сіи солдаты принадлежали, отставить отъ службы. На городничаго города Керчи подали тоже нѣсколько просьбъ, изъ коихъ я приведу только одну для образца, а именно за присвоеніе себѣ вольныхъ людей въ крѣпостные. Я полагаю, что невѣжество или, лучше сказать, варварство чиновниковъ сихъ причиною, что сосѣдніе черкесы и горскіе народы, отдѣляемые отъ Россіи только однимъ заливомъ, до сихъ поръ непримиримые наши враги. Ежели бы чиновники сіи были люди просвѣщенные, то образомъ жизни своей и поведеніемъ своимъ они поселили бы въ воинственныхъ горскихъ народахъ мало-по-малу привязанность къ русскимъ и любовь къ осѣдлости, отчего они прекратили бы разбой свой и вступили бы съ нами въ миролюбивыя сношенія.

По возвращеніи изъ Еникале, императоръ пошелъ съ нами на гору Митридатову и восхищался прелестнымъ оттуда видомъ. Слѣва разстилалось Азовское море, справа Черное, а передъ нами лежалъ азіатскій берегъ. «Жаль только, замѣтилъ императоръ, что эти моря не оживлены торговыми кораблями!» Здѣсь я былъ свидѣтелемъ одного происшествія, заставившаго государя покраснѣть. Уваровъ, который былъ человѣкъ весьма честный, но вовсе не образованный, вздумалъ говорить принцу Гессенъ Гомбургскому о древностяхъ и сказалъ: «Взгляните на эту гору; построенія на ней столь древни, что даже живущій въ Крыму очень старый грекъ Павзаній не запомнитъ, кѣмъ они сооружены». Государь былъ такъ пораженъ сими словами своего любимца, что, перемѣнясь въ лицѣ, сказалъ ему: «Ѳедоръ Петровичъ оставимъ древность, это не наше дѣло».

Когда мы сошли съ горы, то государь осматривалъ вырытыя въ гробницахъ г. Брюксомъ разныя этрусскія вазы, кольца и языческія божества, изъ коихъ всего болѣе понравилась государю бронзовая голова Діаны, прекрасной работы, свидѣтельствующая, что она сдѣлана была въ самое цвѣтущее время для художествъ. Его величество подарилъ оную принцу Гессенъ-Гомбургскому. Потомъ, указывая на какого-то уродливаго кумира, государь сказалъ мнѣ по-французски: «Quel monstre!» «Cependant, Sire», отвѣчалъ я, ce monstre a été adoré». — Государь возразилъ: «On a adoré bien des objets qui n'étaient point adorables».

За обѣдомъ рѣчь зашла о Суворовѣ; императоръ говорилъ о перемѣщеніи на другія площади находящихся въ Петербургѣ памятниковъ его и Румянцева.

— Они похожи,—сказалъ онъ,—первый на будку, подлѣ которой стоитъ будочникъ, а другой на верстовой столбъ. Я поставлю памятникъ Румянцева передъ кадетскимъ корпусомъ, потому что онъ въ ономъ воспитывался; это послужитъ хорошимъ образцомъ для кадетъ, а Суворова такъ помѣщу, что всякій, кто ѣдетъ водою по Невѣ или идетъ по набережной, будетъ имѣть его передъ глазами.

Обращаясь къ Милорадовичу, государь сказалъ: «Михаилъ Андреевичъ, разскажи намъ какой-нибудь анекдотъ о Суворовѣ». Не останавливаясь ни минуты, Милорадовичъ началъ такъ: «Когда мы возвращались изъ Италіи, то остановились въ Прагѣ; я былъ при Суворовѣ дежурнымъ генераломъ и долженъ былъ съ нимъ всегда ѣздить въ каретѣ на обѣды и на вечеринки. Фельдмаршалъ имѣлъ небольшой кругъ знакомыхъ, гдѣ по вечерамъ собиралось много молодыхъ дѣвушекъ; играли въ жгуты, и Суворовъ изо всей мочи бивалъ ихъ, зато и онѣ ему платили тою же монетою. За обѣдомъ онъ мнѣ приказывалъ говорить въ то время, когда онъ кушалъ, и продолжать начатую имъ рѣчь, когда ему подавали какое-либо блюдо. Однажды, разсказывалъ онъ, какъ лѣтъ за сорокъ онъ стоялъ въ Полтавѣ; вдругъ подали ему кушанье; Суворовъ замолчалъ. Я сначала не зналъ, что̀ говорить о Полтавскомъ его пребываніи, но вспомня, что въ старые годы жила тамъ старуха Кочубей, сказалъ: «его свѣтлость, тогда страстно влюбленный въ г-жу Кочубей, проводилъ у нея всѣ вечера».—«Браво, браво!» воскликнулъ Суворовъ».

Вообще мастерскіе разсказы и веселый нравъ графа Милорадовича, бывшаго душею путешествія по Крыму, заставляли государя и всѣхъ насъ хохотать. Взирая на его любезность, нельзя было воображать, что онъ почиталъ себя въ то время жестоко обиженнымъ назначеніемъ графа Виттенштейна, младшаго его въ чинѣ, главнокомандующимъ 2-ю арміею, вмѣсто Беннигсена. Онъ мнѣ въ тотъ же ве-

черъ въ Ѳеодосіи открылъ свое сердце и сказалъ, что онъ намѣренъ былъ выйти изъ службы.

Въ два часа выѣхали мы изъ Керчи въ Ѳеодосію; дорогою государь осматривалъ гробницы, открытыя г. Брюксомъ, и по моему настоянію пожаловалъ ему брильянтовый перстень.

Мы пріѣхали въ Ѳеодосію часовъ въ 8 вечера; императору приготовили домъ одного богатаго турецкаго купца. Весь вечеръ я занимался бумагами по службѣ и не ложился спать, потому что государь приказалъ себя будить на другое утро въ три часа.

Мая 12-го. Поутру государь слушалъ обѣдню въ 4 часа, а мнѣ велѣлъ сопровождать принца Гессенъ-Гомбургскаго по достопримѣчательнымъ мѣстамъ въ Ѳеодосіи. Мы отправились, во-первыхъ, въ карантинъ, который нашли въ большомъ порядкѣ и лучше одесскаго. Въ немъ содержалось 550 человѣкъ, выдержавшихъ назначенный сорокадвухъ дневный срокъ. Потомъ мы были въ такъ называемомъ музеумѣ, гдѣ съѣхались съ императоромъ. Музеумъ можно раздѣлить на двѣ части; въ одной хранятся вещи, найденныя въ Ѳеодосіи, а въ другой предметы, которые поступили изъ разныхъ мѣстъ. Первыя состоятъ почти всѣ изъ мраморныхъ досокъ съ надписями и гербами Генуи и различныхъ дворянскихъ фамилій сей республики. Также есть нѣсколько вазъ, которыя приличнѣе можно назвать большими кувшинами: они совершенно подобны тѣмъ, которые видны въ погребахъ Помпеи. Любопытно, что начальникомъ сего отдѣленія музеума былъ одинъ генуэзецъ, которому, такимъ образомъ, суждено показывать путешественникамъ ничтожные обломки, свидѣтельствующіе, что нѣкогда отечество его владычествовало на берегахъ Босфора. Государь не оставилъ безъ вниманія этого случая и сказалъ ему, указывая на генуэзскіе мраморы: «Вы здѣсь дома: вы окружены памятниками вашей народной славы». Другая часть музеума состоитъ изъ небольшихъ статуекъ, посредственной работы, подаренныхъ разными лицами, изъ нѣсколькихъ десятковъ медалей и мраморныхъ досокъ, привезенныхъ изъ Анапы и взятыхъ въ семъ городѣ во время пребыванія тамъ русскихъ войскъ.

Отсюда мы поѣхали къ развалинамъ большой мечети и прекрасныхъ турецкихъ бань, о которыхъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій замѣтилъ, что онѣ совершенно похожи на общественныя бани, находящіяся въ Офенѣ. Мы заключили нашу прогулку осмотромъ гавани, которая, кажется, устроена для сего самою природою. Городъ лежитъ у моря, позади его находится цѣпь крутыхъ горъ, а на отлогости возвышается огромная генуэзская стѣна съ башнями, которую, къ сожалѣнію, отчасти разрушили для построенія изъ оной казармъ.

Въ семь часовъ утра, при отмѣнномъ холодѣ, котораго я не ожидалъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Таврідѣ, мы выѣхали изъ Ѳеодосіи въ Симферополь,

куда прибыли часу въ шестомъ послѣ обѣда. Дорогою мы заѣзжали на нѣсколько минутъ въ городъ Старый Крымъ. Я не видалъ мѣста, которое бы было болѣе въ бѣдномъ и разоренномъ состояніи: нѣтъ и слѣдовъ его древняго величія. Передъ Симферополемъ на послѣдней станціи мы обѣдали на-скоро въ татарской избѣ. Государь говорилъ, что Ѳеодосія чрезвычайно ему понравилась. Упомянувъ о бушевавшемъ дождѣ и вихрѣ, сказалъ: «Зато какъ пріятно будетъ намъ отогрѣться въ Симферополѣ,—«pour avoir des jouissances il faut se créer des privations». (Нужно создавать себѣ лишенія, чтобы имѣть удовольствія).

Мая 13-го. Поутру, въ восемь часовъ, мы выѣхали изъ Симферополя на южной берегъ Крыма, гдѣ положено было провести четыре дня. Графъ Аракчеевъ остался въ Симферополѣ, чтобы заниматься съ таврическимъ губернаторомъ разными дѣлами, касавшимися до полуострова, а наша свита умножилась природнымъ татариномъ и сохранявшимъ магометанскую вѣру генералъ-маіоромъ княземъ Балатуковымъ, который долженъ былъ служить переводчикомъ. Погода не благопріятствовала: шелъ дождь, было холодно и вѣтрено. Мы ѣхали въ коляскахъ двадцать верстъ, до деревни Чевки, гдѣ насъ ожидалъ табунъ верховыхъ татарскихъ лошадей съ татарскими сѣдлами. Одни изъ насъ надѣли бурки, другіе воротники, сдѣланные изъ клеенки, называемые башлыками, и всѣ вообще вооружились нагайками. Государь былъ въ фуражкѣ, въ буркѣ и тоже съ нагайкою; даже и этотъ нарядъ ему шелъ къ лицу. Каждому изъ насъ дали по татарскому переводчику; имена ихъ: Ибраимъ, Эмиръ-сале, Али, и подобныя, совсѣмъ новыя для слуха нашего, возбуждали въ воображеніи мысли о странствованіяхъ по Азіи. Людей нашихъ съ вьюками посадили тоже верхомъ, и такимъ образомъ мы большимъ караваномъ отправились въ татарскую деревню Алушту, гдѣ назначенъ былъ обѣдъ, приготовленный въ такъ называемой галлереѣ, но которая болѣе похожа была на большія сѣни. Лучшее кушанье составляли свѣжія устрицы. Государь былъ очень веселъ, шутилъ надъ нашими нарядами, и разговоръ о предстоявшемъ путешествіи и видъ Чернаго моря, тихо воздымавшагося передъ нашими глазами, все это утѣшало насъ насчетъ дурной погоды. Вскорѣ отправились мы въ путь сперва по тропинкѣ, извившейся такъ близко вдоль моря, что волны его, ударяясь съ шумомъ о каменья, омывали пѣной ноги нашихъ лошадей, а послѣ по крутымъ, высокимъ горамъ и въ самомъ маломъ разстояніи отъ неизмѣримыхъ пропастей. Туманы, покрывавшіе вершины горъ, не позволяли намъ насладиться въ полной мѣрѣ красотами природы.

Мы проѣзжали мимо дачъ Бороздина и дюка де-Ришелье; виды изъ домовъ ихъ въ благопріятную погоду должны быть пріятны. Къ вечеру дождь и вѣтеръ чрезвычайно усилились; насъ всѣхъ совершен-

но вымочило, и мы торопились достичь до ночлега. Темнота сдѣлалась такъ сильна, что ничего нельзя было передъ собою видѣть; государь велѣлъ зажечь факелы, которые татары везли передъ нами, а мы гуськомъ одинъ за другимъ тянулись за ними, потому что двумъ въ рядъ ѣхать было нельзя. Это представляло единственную картину, ибо мы ѣхали, имѣя съ одной стороны непрерываемую цѣпь скалъ, а съ другой—сильно бушевавшее море, которыя освѣщались факелами, ярко блиставшими въ непроницаемомъ мракѣ по всему длинному протяженію нашего каравана; это походило на странствованіе духовъ, описываемое стихотворцами.

Нечувствительный къ непогодамъ, императоръ смѣялся и, оглядываясь назадъ, громко взывалъ къ намъ: «Господа! не отставайте».

Часу въ десятомъ вечера, вымокшіе до костей, мы достигнули до деревни Никиты, гдѣ находится большой казенный садъ для улучшенія крымскихъ растеній и устроенный также съ тою цѣлію, чтобы снабжать оными великороссійскія губерніи. По недостатку квартиръ, я расположился для ночлега въ оранжереѣ съ генералами Милорадовичемъ и Уваровымъ и Вилліе; мы развели огонь, около котораго сушились, пили чай и устроили себѣ постели изъ сѣна, а веселость и шутки графа Милорадовича заставили насъ въ скорости забыть нашу усталость.

Мая 14-го. Въ восемь часовъ утра мы выѣхали изъ Никиты съ тѣмъ, чтобы ночевать въ Кикинейсѣ. Къ счастію, погода разгулялась, и мы ѣхали семь часовъ сряду вдоль моря по крутымъ горамъ; по временамъ открывались чудесные виды, которые рѣдкая кисть можетъ изобразить. Оливковыя, фиговыя, персиковыя, гранатныя, тополевыя и лавровыя деревья, украшая дорогу разнообразностію зелени своей, производили въ воздухѣ удивительное благоуханіе. Часто останавливаясь, мы оборачивались назадъ и видѣли, какъ море образовало въ иныхъ мѣстахъ природныя гавани, и какъ въ другихъ скалы и горы, выдавшіяся впередъ, составляли непрерываемый рядъ очаровательныхъ картинъ. Можно ли было думать тогда, какъ я видѣлъ Александра, во всей крѣпости и красотѣ восхищавшагося Тавридою, что черезъ семь лѣтъ на сихъ самыхъ мѣстахъ обрѣтетъ онъ смертоносную болѣзнь, что на эти горы грянетъ проклятіе проповѣдника и услышимъ Филарета, взывающаго: «горы Таврійскія, да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!»

Изрѣдка встрѣчали мы татарскія деревни, выстроенныя совсѣмъ инымъ образомъ, нежели наши селенія; кровли домовъ ихъ, или лучше хижинъ, вовсе плоскія и во внутренности сдѣланы въ каждой избѣ родъ диванов. Алупка—самая красивая изъ сихъ деревень. Жители съ хлѣбомъ и съ солью выходили на встрѣчу. Государь, котораго они на-

зывали падишахомъ, привѣтствовалъ всѣхъ словами: «саламъ-айлекюмъ» и кланялся по ихъ обыкновенію, состоящему въ томъ, чтобы рукою сдѣлать движеніе къ головѣ, ко рту и къ груди. Одинъ татаринъ просилъ государя зайти въ его домъ; его желаніе было исполнено; мы нашли комнату его убранною цвѣтами и зеленью; государь пожаловалъ ему пятьсотъ рублей.

Не доѣзжая Алупки, государь посѣтилъ садъ графа Милорадовича, лежащій на самомъ берегу Чернаго моря. Одно изъ любимыхъ мечтаній сего необыкновеннаго человѣка состояло въ томъ, чтобы предполагать, какъ онъ въ семъ уединенномъ краю свѣта проведетъ остатокъ жизни своей, посвященной славѣ, любви и затѣямъ. «Татары будутъ меня любить, — говорилъ онъ мнѣ, — я имъ буду дѣлать добро. Я имѣлъ тяжбу по сему имѣнію съ однимъ татариномъ, — продолжалъ онъ, — мое дѣло было справедливое, я выигралъ тяжбу и землю, находившуюся въ спорѣ, подарилъ сему же татарину. Мѣстоположеніе сей дачи прекрасное; въ ней находится множество плодовыхъ деревьевъ, нѣсколько водопадовъ и террасъ, устроенныхъ природою, позади сада идетъ дорога, а за оною возвышается цѣпь сѣрыхъ скалъ, которыя едва не касаются неба. Графъ Милорадовичъ, встрѣчая государя, сказалъ, указывая на лавровыя деревья: «Du moins, sire, il y a ici des souvenirs pour Votre Majesté Impérial» (по крайней мѣрѣ для вашего величества здѣсь есть воспоминанія). Государь при семъ прекрасномъ привѣтствіи немного смѣшался и отвѣчалъ графу, что лавры принадлежатъ ему; потомъ кушалъ чай у него и самъ по просьбѣ хозяина выбралъ мѣсто, гдѣ построить домъ. Императоръ, подошедъ ко мнѣ, началъ говорить о красивыхъ видахъ Тавриды, а послѣ рѣчь зашла о великороссійскихъ губерніяхъ, и его величество заключилъ разговоръ сими словами:

— У насъ нѣтъ такихъ видовъ, но зато народъ лучше. Впрочемъ намъ завидовать некому. И въ коренной Россіи есть прелестныя мѣста, напримѣръ дорога отъ Нижняго Новгорода до Казани. Можетъ быть, нашему народу недостаетъ нѣкотораго просвѣщенія, но ни у кого нѣтъ такихъ природныхъ способностей и ума, какъ у русскаго народа; повторяю, завидовать намъ некому.

Миновавъ Алупку, вступили мы въ высокую цѣпь скалъ: камни ужасной величины разбросаны, такъ сказать, отъ облаковъ до морскаго берега и уподобляются развалинамъ вселенной. Часу въ четвертомъ мы прибыли въ деревню Кикинейсъ, которая, какъ и всѣ селенія по южному берегу, носитъ греческое имя. Здѣсь мы обѣдали въ палаткѣ и расположились ночевать. Для государя выстроили нарочный домикъ, но его величество непремѣнно хотѣлъ остановиться у какого-нибудь татарина, сказавъ: «чтобы татары не подумали, что я гнушаюсь ими», а вновь

построенный домъ назначилъ для принца Гессенъ-Гомбургскаго. Государь весь день занимался бумагами; прочіе генералы нашей свиты пошли на охоту, а такъ какъ мнѣ отвели избу, которой окна выходили на Черное море, то я долго лежалъ на диванѣ, съ котораго смотрѣлъ на необъятное пространство моря, предавшись влеченію моего воображенія.

Мая 15-го. Въ девять часовъ утра мы выѣхали изъ Кикинейса въ Байдары, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Когда мы садились на лошадей, то императоръ, подойдя ко мнѣ, самымъ милостивымъ образомъ изволилъ спрашивать не боленъ ли я: и подлинно, проведя дурно ночь, лицо мое могло казаться ему разстроеннымъ. Сначала дорога шла по возвышеніямъ вдоль моря, потомъ верстъ черезъ пять мы поворотили вправо и намъ представились ужаснѣйшія скалы; черезъ нихъ пролегала только одна дорога необыкновенной крутизны, называемая лѣстницею. Смотря на нее казалось невозможнымъ, чтобы мы могли на нее въѣхать. Укрѣпивъ сѣдла, мы начали взбираться по утесамъ, и благополучно достигли до вершины, съ которой открылся одинъ изъ чудесныхъ видовъ, каковые мнѣ удавались когда-либо встрѣчать. Швейцарія и Италія, которыя я объѣхалъ почти во всѣхъ направленіяхъ, не представляли подобныхъ. Милорадовичъ отдѣлился отъ государевой свиты, и рожденный для всякаго рода отвагъ, понесся на утесы и взлетѣлъ на вершину скалъ. Смотря на него, государь сказалъ: «Михаилъ Андреевичъ хочетъ во всемъ быть первымъ». Миновавъ скалы, скрылось отъ насъ море, которое мы имѣли предъ собою безпрерывно въ теченіе трехъ дней. Мы въѣхали въ дремучій лѣсъ и прибыли въ полдень въ Байдарскую долину, которая по красотѣ своей можетъ равняться съ Шамуни, съ Мейрингеномъ и съ Гриндельвальдомъ, выключая только, что въ ней нѣтъ водопадовъ, изобилующихъ въ швейцарскихъ долинахъ. Встрѣча, сдѣланная намъ въ Байдарской долинѣ, была самая плачевная; жители обоего пола, числомъ болѣе двухъ тысячъ, ожидали насъ при въѣздѣ въ селеніе и приняли насъ съ горькими рыданіями, жалуясь и вопія на притѣсненія помѣщика своего Мордвинова, который слылъ величайшимъ филантропомъ и пріобрѣлъ себѣ въ Россіи необыкновенную славу такъ называемыми голосами, которые онъ подавалъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ продолженіе двадцати лѣтъ всякій разъ, когда дѣло шло о благѣ отечества. Онъ не смотрѣлъ ни на какія лица, сколь бы они ни были въ милости при дворѣ; голоса его, находящіеся въ рукахъ каждаго, содѣлали имя его любезнымъ для Россіи; врядъ-ли кто въ одинаковой мѣрѣ съ нимъ пользовался уваженіемъ и общею привязанностію. Тѣмъ болѣе поразило насъ видѣнное нами въ Байдарахъ, и государь сказалъ: «славны бубны за горами».

За обѣдомъ была рѣчь объ арміи, и между прочимъ государь, назвавъ Суворова «Великимъ», сказалъ: «если бы онъ воскресъ, что бы онъ сдѣлалъ съ теперешнею арміею? Надобно знать, какъ она устроена, какъ всѣ части приноровлены одна къ другой, такимъ образомъ, что она составляетъ нѣчто цѣлое».

Принцъ Гессенъ Гомбургскій разсказывалъ о какомъ-то Фроссарѣ, на котораго написали стихи. На сіе князь Волконскій сказалъ по-русски, ибо до того разговоръ былъ на французскомъ языкѣ, «что у насъ есть на таможеннаго генерала (разумѣя Обрѣзкова, который тогда завѣдывалъ таможенною частію) подобные стихи» — и просилъ меня прочесть мѣсто, касающееся до него изъ сатиры, извѣстной подъ названіемъ: «Приношеніе Христу въ новый годъ».

Я воинъ былъ средь мирныхъ лѣтъ;
Когда-жъ торговли нѣтъ,
Торговлей управляю.

Государь слушалъ сіе съ удовольствіемъ и улыбаясь спросилъ меня, не знаю ли я чего еще изъ сей сатиры. Я прочелъ слѣдующіе стихи на бывшаго статсъ-секретаря Кикина:

Въ бесѣдѣ генералъ,
А въ арміи бесѣды членъ.

Послѣ обѣда государь посѣтилъ мечеть во время богослуженія и благоговѣйно слушалъ моленіе, пока оно кончилось. Выходя изъ мечети, я спросилъ муллу, между прочимъ, упоминаютъ ли они въ молитвахъ своихъ объ императорѣ? Его величество, увидя меня разговорившаго съ муллою, хотѣлъ знать предметъ нашей бесѣды и когда я ему сказалъ о предложенномъ мною вопросѣ, то онъ отвѣчалъ: «laissez les dire tout ce qu'ils veulent» (оставьте ихъ говорить, что они хотятъ). Потомъ государь во весь день не выходилъ изъ дома и занимался бумагами; камердинеръ его величества возилъ всегда нѣсколько портфелей, наполненныхъ дѣлами; сказывали мнѣ также, что императоръ разсматривалъ жалобы крестьянъ на Мордвинова.

Въ Байдарахъ ожидали насъ пріѣхавшіе изъ Симферополя экипажи наши, и такимъ образомъ окончилось наше трехъ-дневное путешествіе верхомъ по южному берегу Тавриды. Оно останется мнѣ столько же памятно по красотамъ природы, которыя тамъ встрѣчаются на каждомъ шагу, сколько и по благосклонному расположенію государя, который очень милостиво со мной обращался, удостоивалъ своими разговорами и со всякимъ отправлявшимся фельдегеремъ приказывалъ мнѣ посылать поклоны моему семейству. Я не полагалъ, чтобы благосклонность сія такъ скоро прекратилась, и ду-

мая, что она будетъ гораздо продолжительнѣе и что я часто еще буду въ обществѣ государя, я душевно теперь жалѣю, что я не все записывалъ, что слышалъ изъ устъ его.

Мая 16-го. Въ пять часовъ утра графъ Милорадовичъ пригласилъ меня сѣсть съ нимъ въ коляску, чтобы вмѣстѣ ѣхать изъ Байдарской долины въ Севастополь. Государь намѣренъ былъ отправиться туда же въ семь часовъ и посѣтить дорогою монастырь святаго Георгія. Князь Волконскій предупредилъ насъ, что государь желалъ, чтобы никто изъ насъ не былъ въ сей обители въ то время, когда императоръ будетъ находиться въ оной. Вообще государь любилъ по временамъ молиться одинъ въ церквахъ и не жаловалъ, чтобы кто либо изъ его свиты находился въ его комнатахъ, когда онъ принималъ у себя духовныхъ.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ біографіи Н. А. Полевого.

(† 22 февраля 1846 года).

I.

Записка неизвѣстнаго объ испрошеніи пенсіи Николаю Алексѣевичу Полевому.

Записываю, что могъ вспомнить послѣ четырехъ лѣтъ. Многое забылъ, а многаго и писать не хочу. Люди, люди! лучше молчать о васъ.

7 ноября 1848 года.

Въ день полученія въ С.-Петербургѣ извѣстія о кончинѣ князя А. Н. Голицына, Гаврило Степановичъ Поповъ пріѣхалъ ко мнѣ вечеромъ и показалъ памятную записку князя, гдѣ было и о Полевомъ. Поповъ поручилъ мнѣ съѣздить къ Полевому и спросить: чего онъ хочетъ? Въ тотъ же вечеръ былъ я у Н. А. П. Его это очень удивило. Сначала онъ сказалъ: «ничего не хочу»; потомъ: «все приму, только отъ руки государя». Рѣшено, что завтра утромъ я пріѣду къ нему, и онъ написать готовъ, чего хочетъ. Но утромъ, по пріѣздѣ моемъ, онъ ничего не писалъ. Видно, что онъ не вѣрилъ грядущему. Наконецъ рѣшился и написалъ свою біографію на полулистѣ. Какъ жаль, что эта біографія была уничтожена. Полевой былъ въ волненіи, когда писалъ эту записку, разъ двадцать ходилъ по комнатѣ. Никогда онъ такъ долго ничего не писалъ. Увы, какъ трудно человѣку—думать и писать о себѣ! Въ запискѣ онъ ничего не просилъ. Сказалъ мнѣ на словахъ: «въ моей крайности мнѣ нужнѣе всего деньги». Записку его я доставилъ Попову. Изъ ней и моихъ словъ онъ составилъ пространную записку и передалъ въ III отдѣленіе къ Л. В. Дубельту, тогда

еще, когда никто не зналъ и не думалъ объ испрошеніи Полевому пенсіи. Послѣ, когда записка Попова пошла въ ходъ, явились тысячи ходатаевъ. Всякій хвалился, что онъ выхлопоталъ Полевому пенсію. Это я слышалъ лично отъ многихъ. Были и такіе, да проститъ имъ Богъ, которые, не стыдясь, показывали свои письма въ доказательство своихъ услугъ Полевому,—тогда, когда ихъ и замысловъ не было. Я знаю, что докладъ о пенсіи Полевому былъ изготовленъ на другой день по поданіи отъ Попова записки. На четвертой день я уже видѣлся съ Полевымъ и поздравлялъ его съ пенсіею. Полевой долго не вѣрилъ моимъ словамъ, побѣжалъ въ комнату къ женѣ и вышелъ съ нею, съ заплаканными глазами. Я знаю, что Полевой писалъ свои записки; онъ самъ мнѣ показывалъ, самъ читалъ ихъ—одну изъ нихъ помню объ И. И. Дмитріевѣ. Хорошо, если-бы Полевой внесъ въ свои записки: о пенсіи, хлопоты усердныхъ покровителей и тѣмъ вывелъ бы на чистую ихъ заслуги. Это самое заставило меня выпросить на память у Попова докладную его записку. Онъ прислалъ мнѣ ее сообственноручную вмѣстѣ съ запискою Ковалькова, гдѣ тоже говорится о Полевомъ. Ковальковъ писалъ свою записку—на памятную записку князя А. Н. Голицына—возвращая ее въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ другими бумагами А. Н. Голицина, за которыми онъ былъ посланъ въ Крымъ.

Н. А. Полеваго сблизилъ съ княземъ А. Н. Голицынымъ Юрій Николаевичъ Бартеневъ. Съ нимъ онъ ѣздилъ въ послѣдніе два года къ князю по вечерамъ, читалъ свои романы и комедіи. Князь полюбилъ Полеваго, входилъ въ его нужды и часто за него ходатайствовалъ. Знаю, что онъ выпрашивалъ ему деньги. Знаю и то, что князь поставилъ въ самое выгодное мнѣніе о Полевомъ того, кѣмъ дорожилъ въ послѣдніе годы Полевой и отъ кого всего надѣялся при жизни и по смерти для семейства. Участіе Голицына видно изъ его памятной записки. Всѣмъ добро, никому зло. Могила все смиряетъ: и страсти, и зло, и добро.

II.

Собственноручная записка Гавріила Степановича Попова.

Это можетъ васъ интересовать, какъ ваше дѣйствованье; я же считаю г. Полеваго для себя постороннимъ, хотя не только не жалѣю, но радуюсь, что имѣлъ случай, при вашемъ пособіи, быть ему полезнымъ.

III.

Нѣкоторыя объяснительныя свѣдѣнія къ памятной запискѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса князя Александра Николаевича Голицына, подписанной его рукою.

Покойный князь принималъ всегда живое участіе въ положеніи г. Полеваго, одного изъ даровитыхъ русскихъ литераторовъ. Исторія Петра Великаго и князя Суворова, имъ написанныя, обратили на себя особое вниманіе покойнаго. Полевой при скудныхъ способахъ достигъ настоящаго своего образованія одною лишь силою твердой воли и любви къ ученью; онъ имѣетъ многочисленное семейство и никакого состоянія. Не одинъ разъ покойный князь предстательствовалъ за него у государя императора—и не одинъ разъ доставлялъ ему пособіе отъ щедротъ монаршихъ.

IV.

Соображенія причинъ и видовъ, какіе князь Александръ Николаевичъ имѣлъ, когда предполагалъ принесть всеподданнѣйшія ходатайства по особой запискѣ.

Князь Александръ Николаевичъ, во время общаго въ Крымѣ и Севастополѣ, весною 1844 года, ожиданія высочайшаго прибытія, утѣшалъ себя надеждою встрѣтить тамъ всемилостивѣйшаго государя и принесть его императорскому величеству свои всеподданнѣйшія ходатайства, которыя и изложилъ въ особой подписанной имъ запискѣ для памяти, оставшейся у князя Козловскаго по его порученію.

Въ этой запискѣ между прочимъ было сказано:

Просить о помощи Н. А. Полевому. Князь Александръ Николаевичъ за два еще года до отъѣзда отсюда узналъ Полеваго и такъ полюбилъ и оцѣнилъ, что не одинъ разъ въ недѣлю призывалъ къ себѣ для чтеній и съ жадностью внималъ особенно первымъ страницамъ, огненнымъ перомъ написаннымъ, пространной исторіи великаго Петра. Сближеніе съ Полевымъ не только не охладилось разлукой, но напротивъ, князь выписывалъ всѣ его сочиненія и, принявъ теплое участіе въ немъ, требовалъ себѣ описанія положенія и обстоятельствъ сего историка-литератора, а получивъ оное, писалъ къ Попову отъ 18-го іюня 1844 года: «Положеніе Полеваго меня трогаетъ, но чтобъ

съ нѣкоторымъ успѣхомъ дѣйствовать, я не вижу инаго средства, какъ при личномъ свиданіи съ государемъ императоромъ объ немъ просить». Съ сею цѣлію князь имѣлъ въ виду, конечно, образецъ милости монаршей, имъ же въ подобныхъ обстоятельствахъ другому труженику на поприщѣ исторіи и литературы испрошенной отъ щедротъ и великодушія всемилостивѣйшаго государя. Это пенсія—издателю «Русскаго Вѣстника» Глинкѣ по 3 т. ассигн. въ годъ, съ распространеніемъ производства оной, послѣ него, на жену его и дочерей, до смерти послѣдней изъ нихъ.

Здѣсь же прилагается описаніе обстоятельствъ Полеваго, составленное извѣстнымъ Сахаровымъ [1]).

V.

Свѣдѣнія о Полевомъ, собранныя издателемъ «Сказаній русскаго народа», Сахаровымъ.

Николай Алексѣевичъ Полевой, по страсти своей къ наукѣ, самъ образовалъ себя и пріобрѣлъ почетное мѣсто въ ряду современныхъ русскихъ литераторовъ. Сочиненія его многочисленны и разнообразны. Онъ издалъ краткія исторіи: Россіи, Суворова и особенно Петра Великаго, началъ и почти кончилъ подробную исторію сего государя, наконецъ издалъ 6 томовъ исторіи русскаго народа и приготовилъ еще 6 томовъ. На поприщѣ драматургіи болѣе 20-ти его пьесъ поставлено на сцену. «Дѣдушка русскаго флота», «Иголкинъ», «Костромскіе лѣса», «Параша Сибирячка», «Русскій человѣкъ добро помнитъ», «Русскій морякъ», «Ломоновъ» (sic), «Елена Глинская»—заслужили особенное вниманіе по выраженію любви къ отечеству. Критическія разсужденія его о русской литературѣ признаны лучшими въ своемъ родѣ. За труды по званію члена мануфактурнаго совѣта по Московскому отдѣленію награжденъ онъ орденомъ св. Анны 3-го класса, а за литературные избранъ корреспондентомъ Академіи наукъ и членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Теперь Полевой, на склонѣ лѣтъ, окруженный огромной семьей (четырьмя сыновьями, только что возрастающими, и пятью дочерьми малолѣтними), разстроилъ чрезвычайными усиліями въ трудахъ здоровье свое совершенно и угрожается быть постигнутъ водяною въ груди. Видъ его одинъ, безъ дознанія причинъ, возбуждаетъ

[1]) Записка эта вся написана рукою Г. С. Попова и на полѣ листа написано имъ же: дана негласно пенсія въ 1 000 руб. съ обнадеживаніемъ относительно дѣтей.

состраданіе и внушаетъ участіе при извѣстности, что, по злополучному стеченію обстоятельствъ, никакого запаса въ средствахъ къ существованію на будущность семьи сберечь онъ не могъ; жена его и дочери неминуемо и неизбѣжно, безъ особой помощи, подвергнутся послѣ него стѣсненію, ибо старшій сынъ, обучающійся въ университетѣ, долго еще не возможетъ стать въ опору семьѣ [1]).

VI.

Литографированная записка, подписанная А. А. Краевскимъ.

Н. А. Полевой, принявъ на себя редакцію «Литературной Газеты» въ 1846 году, успѣлъ составить и выдать въ свѣтъ только первые пять нумеровъ ея; шестой и седьмой нумера были изданы уже въ то время, когда тяжкая болѣзнь лишила его всякой возможности чѣмъ-либо заниматься. Наконецъ, 22-го февраля, онъ умеръ, и изданіе газеты прекратилось, какъ потому, что послѣ Н. А. Полеваго не осталось ни денегъ, ни матеріаловъ для продолженія ея, такъ и оттого, что составлять новую редакцію было уже поздно. По смерти Полеваго остались въ совершенной бѣдности вдова и девятеро дѣтей, изъ которыхъ младшему только два года. Требовать съ нихъ денегъ, полученныхъ покойнымъ за «Литературную Газету» и уже истраченныхъ имъ, — невозможно: они были бы не въ силахъ удовлетворить такому требованію. Но чтобъ сколько-нибудь вознаградить подписавшихся на «Литературную Газету» 1846 года за тѣ нумера ея, на которые они имѣютъ право и которые не будутъ изданы, наслѣдники рѣшились разослать гг. подписавшимся по экземпляру оставшейся послѣ Полеваго еще неизданной книги: Обозрѣніе русской исторіи до единодержавія Петра Великаго съ портретомъ и снимкомъ съ рукописи автора. Эта книга не поступитъ въ продажу, но на нее собирается теперь подписка въ пользу семейства покойнаго Полеваго, и цѣна каждому экземпляру ея назначена 25 руб. сер. Гг. подписавшіеся на «Литературную Газету» 1846 года получатъ эту книгу безденежно тотчасъ по выходѣ ея въ свѣтъ, въ вознагражденіе той суммы, которая доставлена была ими за «Литературную Газету», въ мѣста подписки [2])

Сообщилъ И. Шляпкинъ.

---

[1]) Копія писана рукой Г. С. Попова, какъ помѣчено самимъ И. П. Сахаровымъ.

[2]) Всѣ вышеприведенные документы были покойнымъ И. П. Сахаровымъ сплетены вмѣстѣ, и на заглавномъ листѣ его рукою написано: „Памятныя записки. С.-Петербургъ 1848 года, ноября 7-го, вечеръ, 9 часовъ“. При печатаніи соблюдена орѳографія подлинниковъ.

Рескриптъ императрицы Екатерины II князю А. А. Вяземскому, о формѣ одежды въ губерніяхъ для чиновниковъ и дворянства.

23-го октября 1782 г.

Князь Александръ Алексѣевичъ! Я желаю, чтобъ вы именемъ моимъ написали ко всѣмъ генералъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность, что съ вѣдома моего присвоены каждымъ изъ нихъ для губерніи ему ввѣренной одинакіе цвѣты для платья, то и дозволяется носить такихъ цвѣтовъ платье не только при должностяхъ находящимся, но и всему дворянству той губерніи обоего пола, съ тѣмъ, что могутъ они въ таковомъ одинаковомъ платьѣ имѣть пріѣздъ и въ столицахъ во всѣ публичныя мѣста и ко двору. Увѣрена я, что сіе дозволеніе тѣмъ пріятнѣе всѣмъ будетъ, поколику служитъ оное къ сбереженію собственнаго ихъ достатка, наилучшее и полезнѣйшее и къ отвращенію разорительной роскоши.

Объявленіе объ одеждѣ придворныхъ дамъ.

24-го октября 1782 г.

Ея императорское величество высочайше указать соизволила объявить госпожамъ: оберъ-гофъ-мейстеринѣ, статсъ-дамамъ, фрейлинамъ и прочимъ двора ея величества, чтобъ на платьяхъ ихъ никакихъ накладокъ изъ разныхъ лоскутковъ сдѣланныхъ и шире двухъ вершковъ не носили. Ея величеству угодно, впрочемъ, будетъ, когда онѣ, такъ и другіе дамы, коимъ пріѣздъ ко двору ея величества дозволенъ, наблюдая болѣе простоту и умѣренность въ образѣ одежды ихъ, не станутъ употреблять такихъ вещей, коимъ одна только новость даетъ всю цѣну; равнымъ образомъ и на головѣ уборы носить не выше двухъ вершковъ, разумѣя отъ лба.

ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ,

отъ

Москвы до Красной Пахры.

II [1]).

Два наши войска окончили знаменитое фланговое движеніе и стали при Тарутинѣ, чтобы по слову вождя не двигаться уже ни шагу на з а п а д ъ, какъ главнокомандующій Барклай-де-Толли оставилъ армію и недолго спустя послѣ его отъѣзда послѣдовалъ за нимъ и генералъ Беннигсенъ.

Что́ заставило оставить армію генерала Барклая, оказавшаго такія заслуги Россіи, блистательнымъ образомъ его дѣйствій во время Бородинской битвы и дѣятельнымъ участіемъ во время отступленія нашихъ войскъ и особенно въ ихъ переходѣ по Москвѣ? Безъ сомнѣнія, не болѣзнь, хотя онъ и былъ въ это время нездоровъ, но это нездоровье или лучше сказать утомленіе послѣ столькихъ трудовъ и подвиговъ, перенесенныхъ имъ съ высокимъ самоотверженіемъ, въ то время было таково, что оно имъ заявлено только въ прошеніи объ отпускѣ, а затѣмъ о немъ и помину не было.

«При самомъ отъѣздѣ изъ лагеря я слышалъ замѣчательныя слова, отъ Барклая—говоритъ одинъ изъ его адъютантовъ, бар. Левенштернъ [2]). Обыкновенно сосредоточенный въ себѣ, говорившій краткими словами и привыкшій къ короткимъ военнымъ приказаніямъ, человѣкъ вдругъ разговорился съ одушевленіемъ».

---

[1]) См. Русскую Старину, іюнь 1897 г.

[2]) Denkwüdigkeite eines Livländers ч. I. ст. 246 и 247.

— Въ настоящее время — говорилъ Барклай—все противъ меня, и я долженъ покориться моей судьбѣ; но я предвижу болѣе благопріятное время въ будущемъ; когда сообразятъ все, что произошло, тогда воздадутъ мнѣ справедливость. Я взвезъ экипажъ на гору, съ ея вершины онъ уже покатится самъ собою при незначительномъ пособіи. Лучшая часть моей роли остается на долю князя, и я готовъ бы принять въ ней участіе, оставаясь простымъ начальникомъ моего егерскаго полка, если бы только это было возможно. Но я вижу, что мое здѣсь присутствіе производитъ несогласія и раздоры и можетъ возбудить ихъ въ войскахъ. Мое дѣло сдѣлано; вотъ мой памятникъ—хорошо поддержанное, всѣмъ снабженное и готовое къ бою войско; а передъ нимъ непріятель съ разстроенными силами, неувѣренный въ самомъ себѣ и который можетъ сдѣлаться игрушкой нашей воли. Прощайте, любезный Левенштернъ, я радъ, что при этомъ случаѣ могу вамъ объявить, что по моему представленію, за Бородинское сраженіе вы произведены въ подполковники.

Въ этихъ словахъ выражалась дѣйствительная причина, вынудившая Барклая удалиться изъ Тарутинскаго лагеря.

Неудача первоначальнаго плана военныхъ дѣйствій, послужившаго поводомъ къ необходимости соединить обѣ западныя арміи, уже ставила лично Барклая-де-Толли въ затруднительное положеніе. Хотя главноначальство надъ обѣими арміями и принадлежало ему, однако же кн. Багратіонъ былъ также главнокомандующимъ, его армія составляла отдѣльное цѣлое съ своимъ особымъ штабомъ. Онъ былъ старше Барклая по службѣ, имѣлъ бо́льшую извѣстность, какъ военный человѣкъ, и совершенно иначе смотрѣлъ на способъ военныхъ дѣйствій. Всѣ эти обстоятельства дѣлали для него весьма тяжелою его подчиненность Барклаю, хотя онъ и дѣлалъ это во имя долга.

Но еще тяжелѣе должна быть такая вынужденная обстоятельствами подчиненность кн. Багратіона для самого Барклая. Она не могла не стѣснять свободы его дѣйствій, а различные взгляды ихъ обоихъ на способъ веденія войны поселяли между ними рознь, которая разжигалась и усиливалась штабами обѣихъ армій, одушевляемыхъ соперничествомъ другъ съ другомъ, а иногда и враждою.

Съ назначеніемъ кн. Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями, положеніе Барклая сдѣлалось еще затруднительнѣе. Онъ терялъ первенствующее значеніе въ отношеніи второй арміи и становился въ одинаковое положеніе съ кн. Багратіономъ, хотя отдѣльное управленіе первою арміею съ ея особымъ штабомъ и оставалось при немъ. Если бы князь Кутузовъ нашелъ при арміи одного главнокомандующаго Барклая, то онъ самою силою обстоятельствъ былъ бы поставленъ въ положеніе его помощника и ближайшаго совѣтника, съ которымъ, безъ со-

мнѣнія, для него легче было бы примириться, а умному и опытному кн. Кутузову представился бы удобный случай съ пользою для общаго дѣла воспользоваться службою Барклая; но рядомъ съ нимъ былъ другой главнокомандующій, кн. Багратіонъ, котораго положеніе не измѣнялось отъ назначенія новаго главнокомандующаго, а даже улучшалось: онъ подчинялся не Барклаю, но кн. Кутузову, старшему въ отношеніи къ нему и никакъ не менѣе его пользовавшемуся извѣстностію, и при томъ главнокомандующему всѣми арміями, а не одною первою западною. Слѣдовательно въ какой мѣрѣ выигрывало положеніе кн. Багратіона, въ той мѣрѣ ухудшилось положеніе Барклая; сверхъ того непосредственно его отношеніе къ кн. Кутузову стѣснялось и ограничивалось новымъ лицомъ, по самому своему положенію и личнымъ качествамъ ставшимъ между ними,—начальникомъ штаба кн. Кутузова, генераломъ Беннигсеномъ, который считалъ себя достойнымъ и способнымъ имѣть не второстепенное, но первенствующее значеніе. Такимъ образомъ сила обстоятельствъ поставила Барклая почти въ то же положеніе, въ которомъ находились начальники отдѣльныхъ отрядовъ и даже корпусные командиры. Какою бы силою самоотверженія онъ ни обладалъ, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что подобное положеніе было крайне тяжело для него.

Получивъ извѣстіе о назначеніи главнокомандующимъ кн. Кутузова, наканунѣ его прибытія въ Гжатскъ, Барклай писалъ къ государю: «Каждый вѣрный подданный и ревностный слуга своего монарха и отечества долженъ исполниться чувствами истинной радости, получивъ извѣстіе о назначеніи главнокомандующаго всѣми арміями, облеченнаго властью направлять ихъ дѣйствія къ одной общей цѣли. Благоволите, государь, принять выраженія этихъ чувствъ радости, которыми и я проникнутъ. Искренно желаю, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣренію вашего величества. Что касается до меня, то я ничего другаго не желаю, какъ доказать пожертвованіемъ моей жизни всю мою готовность служить отечеству въ какомъ бы то ни было званіи и какія бы обязанности на меня возложены ни были. Умоляю ваше величество не думать, чтобы мое донесеніе было вызвано испуганнымъ самолюбіемъ, потому что въ настоящихъ обстоятельствахъ было бы измѣною не чувствовать всей опасности, которая угрожаетъ отечеству, и не видать необходимости все принесть ему въ жертву. Вы удостоили меня высокой довѣренности, и это даетъ мнѣ смѣлость говорить вамъ съ полною откровенностію. Въ качествѣ главнокомандующаго, подчиненнаго кн. Кутузову, я знаю мои обязанности и въ точности ихъ исполню.

«Однакоже, мнѣ еще неизвѣстно, въ какихъ я буду находиться съ нимъ отношеніяхъ въ качествѣ военнаго министра. Можетъ быть, государь, мнѣ позволено будетъ приписать благорасположеніе вашего вели-

чества, еще продолжающимся, къ тому, кто прежде пользовался полною вашею довѣренностію, что вы оставили нерѣшеннымъ этотъ вопросъ и не ввѣрили управленіе военнымъ министерствомъ другому лицу. Я позволю себѣ настоятельно умолять ваше величество не останавливать ни на минуту вашего вниманія на этомъ обстоятельствѣ, имѣя въ виду единственно пользу службы. Вамъ извѣстны мои взгляды въ этомъ отношеніи еще до начала войны. Они съ тѣхъ поръ не измѣнились; напротивъ, при настоящихъ обстоятельствахъ они сдѣлались еще тверже. Примите, государь, эти выраженія, какъ доказательства полной довѣренности и безпредѣльной преданности къ священной особѣ своего государя со стороны покорнаго подданнаго, который единственно желаетъ съ пользою служить своему монарху.

«Въ настоящее время я не хочу говорить, къ какимъ бы послѣдствіямъ вскорѣ привели военныя дѣйствія тѣхъ войскъ, которыя мнѣ были ввѣрены. Успѣхъ послужитъ доказательствомъ, могъ ли я сдѣлать что нибудь лучшее для спасенія отечества. Если бы мною руководило слѣпое и безумное самолюбіе, то ваше величество получили бы множество донесеній о сраженіяхъ, а непріятель, между тѣмъ, былъ бы подъ стѣнами Москвы и не было бы достаточно силъ противостоять ему[1])».

Это письмо очень ясно выражаетъ тревожное состояніе духа, въ которомъ находился и не могъ не находиться въ это время генералъ Барклай. Безъ сомнѣнія, болѣе всего его волновала мысль, не лишится ли онъ довѣренности и расположенія императора, которыми до этого времени пользовался въ полной мѣрѣ.

Его самолюбіе было и не могло не быть оскорблено. Степень этого оскорбленія показываетъ именно то обстоятельство, что онъ не могъ скрыть, и выразилъ его въ приведенномъ письмѣ, придираясь къ званію своему, какъ военнаго министра, хотя зналъ, что носилъ это званіе лишь по имени, и не управлялъ и не могъ управлять министерствомъ.

Быть можетъ, въ то время, когда онъ писалъ это письмо, ему уже были извѣстны предположенія того комитета, который предложилъ государю назначить кн. Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями, предоставивъ единственно ему всѣ права, съ этимъ званіемъ соединенныя, на основаніи «Уложенія о большой дѣйствующей арміи». Въ докладѣ этого комитета, представленномъ императору, сказано: «военному же министру Барклай-де-Толли полагаютъ предоставить на волю остаться при дѣйствующихъ арміяхъ подъ командою кн. Кутузова, но въ такомъ случаѣ сложить ему званіе и управленіе военнаго министерства. Въ противномъ случаѣ предоставить его волѣ сдать командованіе первою западною арміею, кому отъ князя Кутузова приказано

[1]) Письмо Барклая изъ глав. квартиры 16-го ав. 1812 года.

будетъ, а ему возвратиться по должности военнаго министра въ Петербургъ». Въ заключеніи же доклада выражена мысль, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ—«слѣдуетъ уволить его отъ званія военнаго министра и поручить полное управленіе симъ министерствомъ управляющему уже и нынѣ департаментами онаго генералъ-лейтенанту князю Горчакову». Предложеніе комитета о назначеніи князя Кутузова было принято императоромъ и немедленно исполнено; но увольненіе Барклая отъ должности военнаго министра состоялось гораздо позднѣе, когда императоръ получилъ отъ него приведенное выше письмо [1]). Очевидно императоръ хотѣлъ поступить въ этомъ случаѣ согласно съ желаніемъ самого Барклая, поэтому въ рескриптѣ сказано: «вслѣдствіе рапорта вашего отъ 16-го августа, нахожу ваши военныя занятіи при арміи столь важными и многотрудными, что полагаю исполненіе должности военнаго министра невозможнымъ по совершенному недостатку времени, а равно по отдаленію, въ которомъ вы находитесь отъ меня».

Но если Барклаю не были извѣстны предложенія на его счетъ чрезвычайнаго комитета, то изъ рескрипта ему онъ видѣлъ о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ, и въ которомъ предписывалось ему съ первою арміею состоять въ точной его командѣ». Изъ этого онъ могъ понять, что желаніе государя состоитъ въ томъ, чтобы онъ оставался при арміи. Этотъ рескриптъ оканчивался слѣдующими словами: «я увѣренъ, что любовь ваша къ отечеству и усердіе къ службѣ откроютъ вамъ и при семъ случаѣ путь къ новымъ заслугамъ, которыя мнѣ весьма пріятно будетъ отличать подлежащими наградами».

При такомъ положеніи вещей генералу Барклаю ничего не оставалось, какъ выносить дѣйствительно тяжелое положеніе, которое волею и неволею должны были ему напоминать окружавшіе прежде лица: ихъ отношенія къ нему, безъ сомнѣнія, измѣнились. До какой степени ему казалось его положеніе тяжелымъ, что смерть онъ считалъ единственнымъ выходомъ изъ него, и дѣйствительно искалъ ее при Бородинѣ. Оставался же онъ въ арміи не по своему убѣжденію, но вслѣдствіе давленія внѣшней силы—воли государя. Подобное состояніе духа могло возбудить храбрость и пренебреженіе къ опасностямъ, но едва-ли способствовало распорядительности во время большихъ кровопролитныхъ сраженій.

Послѣ оставленія Москвы и отступленія войскъ къ Тарутину, значительныя потери въ войскахъ, особенно во второй арміи послѣ сраженія

---

[1]) Журналъ чрезвычайнаго комитета былъ 5-го августа. Рескриптъ князю Кутузову, указъ о немъ Сенату и отношенія къ Барклаю, князю Багратіону, Тормосову и Чичагову—8-го августа; рескриптъ же Барклаю объ увольненіи отъ должности военнаго министра и указъ сенату—24-го августа.

при Бородинѣ, выбытіе за ранами ея главнокомандующаго и начальника штаба послужило поводомъ князю Кутузову упростить многосложное управленіе двумя арміями, на самомъ дѣлѣ находившимися въ полномъ соединеніи и считавшимися раздѣленными только потому, что каждая имѣла свой штабъ съ отдѣльнымъ начальникомъ и своего главнокомандующаго. Приказомъ отъ 16-го сентября Кутузовъ соединилъ обѣ арміи, оставивъ главнокомандующимъ Барклая-де-Толли и начальникомъ штаба генерала Ермолова. Какое же значеніе могъ имѣть, такъ сказать, второстепенный главнокомандующій, не облеченный никакою властію и не имѣвшій никакихъ обязанностей? Какое значеніе могъ имѣть его штабъ съ особымъ начальникомъ, когда при князѣ Кутузовѣ начальникомъ штаба былъ генералъ бар. Беннигсенъ, да сверхъ того назначенъ былъ дежурнымъ генераломъ генералъ Коновницынъ, котораго обязанности смѣшивались съ обязанностями начальниковъ штабовъ? Генералъ Ермоловъ немедленно понялъ свое положеніе и нѣсколько разъ просилъ уволить его отъ занимаемой имъ только по имени должности. Но князь Кутузовъ не отвѣчалъ на эти просьбы, и весьма естественно потому, что, уничтожая должность начальника штаба первой арміи, онъ тѣмъ самымъ лишалъ Барклая послѣдней принадлежности званія главнокомандующаго, низводя его въ ряды всѣхъ другихъ подчиненныхъ ему генераловъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ не желалъ дать предлога Барклаю говорить впослѣдствіи, что его удалили изъ арміи. Между тѣмъ за это-то званіе и держался Барклай и, за послѣдовавшей только перемѣной, рѣшился оставить армію.

Въ сущности новыя распоряженія князя Кутузова весьма мало измѣняли его положеніе, но это была послѣдняя капля, по выраженію одного изъ современниковъ, переполнившая и такъ уже полный до краевъ сосудъ. Положеніе Барклая такъ было исключительно и такъ тяжело, что едва-ли безпристрастное потомство могло бы строго осуждать его поступокъ; но удаленіе его изъ арміи сопровождалось нѣкоторыми особенными обстоятельствами.

22-го сентября онъ подалъ прошеніе кн. Кутузову объ отпускѣ и немедленно его получилъ, какъ самъ извѣщаетъ въ тотъ же день императора. Онъ говорилъ, что оставляетъ войска по случаю разстроеннаго здоровья, ѣдетъ въ Калугу, гдѣ будетъ лечиться, и потомъ въ Тулу, гдѣ остановится въ ожиданіи «высочайшихъ о немъ распоряженій». Но къ этому прошенію онъ присовокупилъ слѣдующее письмо къ князю [1]): «Съ сердцемъ, исполненнымъ горести, я былъ принужденъ, какъ по причинѣ разстроеннаго здоровья, такъ и по обстоятельствамъ, которыя буду имѣть честь объяснить, усердно просить вашу свѣтлость

[1]) Письмо Барклая отъ 21-го сентября 1812 года въ Тарутинскомъ лагерѣ.

взбавить меня отъ командованія арміею. Рѣшимость оставить армію, съ которой я желалъ жить и умереть, мнѣ стоитъ многихъ сожалѣній. Но я считалъ это своею обязанностію для пользы службы моему государю и для личнаго моего успокоенія просить, какъ милости, позволенія удалиться. Во время рѣшительное, когда грозная опасность отечества вынуждаетъ отстранить всякія личности, вы позволите мнѣ, князь, говорить вамъ со всею искренностію и обратить ваше вниманіе на все дурное, которое незамѣтно вкралось въ армію или безъ вашего соизволенья, или не могло быть вами замѣчено. Управленіе арміею, такъ хорошо установленное, въ настоящее время не существуетъ. Ваша свѣтлость начальствуете и даете приказанія, но генералъ Беннигсенъ, и всѣ тѣ, которые васъ окружаютъ, также даютъ приказанія и отдѣляютъ по своему произволу отряды войскъ, такъ что тотъ, кто носитъ названіе главнокомандующаго, и его штабъ не имѣютъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній до такой степени, что въ послѣднее время я долженъ былъ за полученіемъ свѣдѣній о различныхъ войскахъ, которыя были отдѣлены отъ первой арміи, обратиться къ вашему дежурному генералу, но и онъ самъ ничего не зналъ. Чтобы узнать, гдѣ находятся казаки этой арміи, отнеслись къ генералу Платову, но и онъ ничего не зналъ. На этихъ дняхъ мнѣ былъ присланъ приказъ отдѣлить часть кавалеріи для подкрѣпленія аріергарда и при этомъ забыли, что вся кавалерія, не исключая кирасиръ, уже была отдѣлена, о чемъ меня даже и не увѣдомили. Квартирмейстерская часть совершенно разстроена, потому что нѣтъ генерала-квартирмейстера, сегодня это Толь, завтра Нейдгардтъ, на другой день И. Хоментовскій и прочіе исправляютъ эту должность, и всѣ офицеры этой части, которые были распредѣлены между главною квартирою и различными корпусами и каждый изъ нихъ имѣлъ свое назначеніе, составляютъ теперь свиту ген. Беннигсена, который употребляетъ ихъ такъ, что недавно никто не зналъ, по какой идти дорогѣ и гдѣ остановиться. Обѣ арміи, зная только, что надо слѣдовать большою дорогою, шли безъ порядка; экипажи, артиллерія, кавалерія, пѣхота, часто изломанные мосты останавливали движеніе, о починкѣ которыхъ не прилагалось никакихъ стараній. Приходя, послѣ утомительнаго перехода, на назначенное мѣсто, войска бродили остатокъ дня вправо и влѣво, не зная, гдѣ остановиться, и наконецъ останавливались по сторонамъ большой дороги въ колоннахъ, безъ биваковъ и продовольствія; я самъ за нѣсколько дней тому назадъ не имѣлъ при себѣ никого изъ квартирмейстерскаго корпуса, который могъ бы дать мнѣ свѣдѣнія о переходахъ и стоянкахъ.

«Корпусъ путей сообщенія, образованный при арміи для наблюденія за дорогами и мостами, и который, подъ начальствомъ полковника Манфреда, прекрасно исполнялъ свои обязанности, отдѣленъ отъ арміи; ге-

нералъ Беннигсенъ отдалъ его подъ начальство генерала Ивашева, присоединивъ къ нему и всѣхъ піонеровъ обѣихъ армій, 500 человѣкъ конныхъ и 2000 пѣшихъ ополченцевъ и, несмотря на то, по пути нѣтъ ни мостовъ, ни приготовленныхъ дорогъ, а старые офицеры этого корпуса или уволены, или разосланы, такъ что я ничего объ этомъ не знаю, хотя они и принадлежатъ къ арміи. Двѣ-трети арміи со всею кавалеріею, хотя она такъ разстроена, что не можетъ болѣе служить, находятся въ аріергардѣ и исключены изъ всякой зависимости отъ главнокомандующаго арміею, потому что они получаютъ приказанія только отъ генерала Беннигсена и ему представляютъ донесенія, и я долженъ иногда выпрашивать, такъ сказать, какъ милостыни, свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ аріергардѣ.

«Три раза въ одинъ день отдаются приказанія атаковать непріятельскіе аванпосты и три раза отмѣняются. Наконецъ приводятся безполезно въ исполненіе около вечера безъ цѣли и основанія, потому что ночь заставляетъ прекратить дѣйствія. Подобные поступки заставляютъ опасаться, что армія потеряетъ всякое довѣріе къ своимъ начальникамъ и даже храбрость.

«Вотъ, князь, вѣрная картина арміи, положеніе того, кто послѣ заслугъ, оказанныхъ отечеству, находится въ несчастномъ состояніи подпасть отвѣтственности и страдать за всѣ дурныя послѣдствія, которыя онъ предвидѣлъ и не имѣлъ никакой власти предупредить ихъ.

«При этихъ обстоятельствахъ, которыя еще усиливаетъ враждебная партія своимъ смертельнымъ ядомъ, когда величайшее несчастіе можетъ послѣдовать для арміи, пользы службы требуютъ, по крайней мѣрѣ съ моей стороны, не ронять достоинства главнокомандующаго. Моя честь, мое имя вынуждаютъ меня, какъ честнаго человѣка, на этотъ рѣшительный шагъ. Армія, которая находится не подъ начальствомъ о д н о г о, но многихъ, не можетъ не приблизиться къ совершенному разложенію.

«Всѣ эти обстоятельства въ совокупности разстроили мое здоровье и сдѣлали меня неспособнымъ продолжать службу».

Переустройство арміи, послѣ потерь, понесенныхъ ею въ Бородинскомъ сраженіи, постоянно составляло предметъ внимательныхъ заботъ не только кн. Кутузова, но и самого императора, принимавшаго неутомимое участіе во всемъ ходѣ дѣлъ. Предлагая различныя мѣры въ этомъ отношеніи кн. Кутузову, онъ предусматривалъ необходимость соединенія двухъ западныхъ армій въ одну. Увольняя генерала Тормосова, по желанію адмирала Чичагова, отъ начальства ввѣренною ему арміею, онъ писалъ къ нему, что по случаю раны, полученной кн. Багратіономъ «въ значительной побѣдѣ, одержанной надъ императоромъ Наполеономъ генераломъ-фельдмаршаломъ кн. Кутузовымъ подъ Боро-

динымъ», онъ считаетъ перемѣщеніе его въ 2-ю армію необходимымъ [1]). Въ то же время императоръ писалъ кн. Кутузову, что «приближеніе храброй молдавской арміи по соединеніи съ третьею западною и важность настоящихъ обстоятельствъ заставляетъ меня обратить вниманіе на необходимость, чтобы одинъ начальникъ ими руководствовалъ. Изъ двухъ, по искренности съ вами, признаю способнѣе адмирала Чичагова по рѣшительности его характера. Но не хочу я огорчать генерала Тормосова и потому нахожу приличнѣе вызвать его къ арміямъ, вами предводительствуемымъ, какъ-бы по случаю раны кн. Багратіона. По пріѣздѣ же генерала Тормосова отъ васъ будетъ зависѣть употребить его по вашему усмотрѣнію, и убыль, происшедшая въ достопамятномъ сраженіи подъ Бородиномъ во второй арміи, можетъ вамъ служить предлогомъ уже не раздѣлять сихъ двухъ армій на-двое, а почитать за одну. Тогда генералу Тормосову можете ввѣрить резервы или другую часть по вашему усмотрѣнію [2])».

Тяжелое положеніе, въ которомъ находился Барклай, видѣвшій повсюду личныхъ своихъ завистниковъ и недоброжелателей, всѣми способами старающихся его унизить и оклеветать, еще могло бы объяснить и оправдать его письмо къ кн. Кутузову, который, читая его, конечно не могъ не понять его значенія, но не могъ, однако же, и не замѣтить доли правды особенно въ отношеніи къ образу дѣйствій барона Беннигсена. Но это письмо есть только выписка имъ того донесенія, которое въ то же время Барклай отправилъ къ императору. «Я не нахожу выраженій, писалъ онъ государю, чтобы описать ту глубокую скорбь, которая точитъ мое сердце, когда я нахожусь вынужденнымъ оставить армію, съ которой я хотѣлъ и жить, и умереть. Если бы не болѣзненное мое состояніе, то усталость и нравственныя тревоги должны меня принудить къ этому. Настоящія обстоятельства и способъ управленія этою храброю арміею ставятъ меня въ невозможность съ пользою дѣйствовать для службы, однимъ словомъ дѣлаютъ меня совершенно безполезнымъ для арміи. Эти только обстоятельства могутъ оправдать мой поступокъ въ глазахъ всякаго безпристрастнаго судьи.

«Послѣ того, что̀ я перенесъ, государь, и что̀ дѣлается въ арміи, которой я называюсь главнокомандующимъ, не будучи имъ на самомъ дѣлѣ, потому что дюжина лицъ ею командуетъ,—мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы получить окончательную отставку отъ службы. Я умоляю ваше величество сдѣлать мнѣ это благодѣяніе, какъ единственную милость, которую прошу себѣ. Если вы когда-нибудь со-

[1]) Два рескрипта императора кн. Кутузову отъ 1-го сент. 1812 г. Рескриптъ императора Тормосову отъ 1-го сент. 1812 г.

[2]) Рескриптъ кн. Кутузову 1-го сент. 1812 г.

чтете полезнымъ воспользоваться моею службою, то благоволите дать мнѣ назначеніе не въ этой арміи, которая при настоящемъ состояніи дѣлъ находится не подъ моимъ начальствомъ, но подъ начальствомъ неопытныхъ лицъ, причисленныхъ къ свитѣ двухъ слабыхъ стариковъ, которые не знаютъ другаго высшаго блага, какъ только удовлетвореніе своего самолюбія, изъ которыхъ одинъ, довольный тѣмъ, что достигъ крайней цѣли своихъ желаній, проводитъ время въ совершенномъ бездѣйствіи, и которымъ руководятъ всѣ молодые люди, его окружающіе; другой—разбойникъ, котораго присутствіе втайнѣ тяготитъ перваго, производитъ только зло своею нерѣшимостію и путаницею, которую водворяетъ во всѣхъ частяхъ управленія войсками. Впрочемъ, оба весьма довольны тѣмъ, что видятъ во мнѣ лицо, на которое можно свалить отвѣтственность за всѣ могущія послѣдовать несчастія».

Въ письмѣ къ кн. Кутузову въ бѣдственномъ, по его мнѣнію, состояніи арміи Барклай не прямо его обвиняетъ, но говоритъ, что она пришла въ это положеніе независимо отъ него, и онъ лишь не замѣчаетъ этого. Вся вина сваливается по преимуществу на б. Беннигсена. Въ приведенныхъ же словахъ изъ донесенія государю онъ уже прямо и Кутузова, и Беннигсена одинаково считаетъ неспособными начальствовать арміями и строго осуждаетъ всѣ ихъ распоряженія. «Напомнивъ съ успѣхомъ самое благоразумное и самое смѣлое движеніе на Калужскую дорогу,—говоритъ онъ далѣе въ томъ же донесеніи,—пропустили самое благопріятное время нанести непріятелю чувствительный ударъ, который, можетъ быть, заставилъ бы его оставить Москву, т. е. дѣйствовать на линію его сообщеній съ Смоленскомъ. Туда отправили генерала Дорохова, который въ нѣсколько дней сдѣлалъ очень много, но отозвавъ его назадъ—вслѣдствіе тревоги, которую произвели движенія непріятеля на лѣвомъ нашемъ флангѣ, совершенно потеряли изъ виду эту важную задачу. Я предлагалъ немедленно отправить туда генерала Орлова-Денисова съ многими казацкими полками, но на мое предложеніе и не обратили вниманія. Наконецъ, послѣ многихъ настояній съ моей стороны, 19-го сентября послали туда полковника кн. Вадбольскаго съ четырьми экскадронами гусаровъ и пятьюстами казаковъ; но это ни къ чему не привело, потому, во 1-хъ, что мы находимся теперь въ 80 верстахъ отъ дороги въ Можайскъ, а на такое пространство чрезвычайно трудно распространять дѣйствія, особенно когда непріятель уже принялъ предосторожности; а во 2-хъ, полковникъ Вадбольскій неспособенъ на то, чтобы ему можно было поручить такую экспедицію. Онъ одинъ изъ весьма храбрыхъ офицеровъ, но онъ неспособенъ начальствовать въ такомъ предпріятіи, которое требуетъ большаго умѣнья и смѣтливости.

«Въ то время, когда намъ слѣдовало начать наступательныя дѣйствія,

мы продолжали свое отступленіе, имѣя передъ собой лишь непріятельскій авангардъ.

«Мы удаляемся на такое разстояніе, что теряемъ изъ виду главныя силы непріятеля; онъ забавляетъ насъ только своимъ авангардомъ, выигрывая время, чтобы усилить и устроить свои войска. Онъ получитъ даже возможность устроить части своей арміи по квартирамъ. Но что меня особенно безпокоитъ—это то, что непріятель можетъ прогнать генерала Винценгероде и двинуть сильную колонну до Твери, гдѣ онъ найдетъ большіе магазины, или, чтобы прикрыть свои сообщенія съ Смоленскомъ, онъ овладѣетъ Московскою дорогою чрезъ Боровскъ и Калугу и принудитъ насъ къ дальнѣйшему отступленію. По крайней мѣрѣ онъ сдѣлаетъ слишкомъ затруднительнымъ прямое сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ, что я считаю предметомъ крайней важности».

Донося, что по три раза въ день даются и отмѣняются приказанія напасть на непріятельскіе аванпосты, Барклай-де-Толли заключаетъ: «Всѣ эти дѣйствія доказываютъ, что начальство надъ войсками очень плохо. Я не считаю нужнымъ упоминать о Бородинскомъ сраженіи, чтобы доказать эту истину. Что касается до меня, то я выставленъ лжецомъ передъ войсками, которыя питали всегда ко мнѣ величайшее довѣріе. Когда мы повернули уже нашъ походъ съ Рязанской дороги, чтобы перейти на Калужскую, обрадованный, что наконецъ рѣшились на это движеніе, я говорилъ рѣчь войскамъ, я обѣщалъ имъ, что непріятель въ непродолжительномъ времени будетъ поставленъ въ совершенную необходимость или сражаться до послѣдней крайности, или искать своего спасенія въ быстромъ отступленіи; я предупреждалъ ихъ, чтобы они приготовлялись къ битвамъ и блестящимъ успѣхамъ. Несмотря на все это, они даже не видятъ передъ собою непріятеля, передъ которымъ отступаютъ. Таково, государь, вѣрное описаніе положенія вашихъ войскъ и того, кто ими до сихъ поръ командовалъ, и который, оказавъ заслуги государству, находится въ несчастной необходимости сдѣлаться отвѣтственнымъ лицомъ и страдать за всѣ дурныя послѣдствія, которыя онъ предвидитъ и которыхъ не имѣетъ власти предупредить. Я избѣгалъ генеральнаго сраженія до извѣстнаго времени, по началамъ зрѣло разсчитаннымъ, и я строго держался этихъ началъ, смѣясь надъ всѣмъ, что говорилось противъ моихъ соображеній, и, наконецъ, я далъ бы сраженіе, но передъ Гжатскомъ—при Царевѣ-Займищѣ. Я убѣжденъ, что побилъ бы непріятеля, потому что сраженіе было бы дано въ порядкѣ и командовалъ бы только одинъ. Мои резервы оставались бы нетронутыми до послѣдней минуты, и если бы даже испыталъ неудачу, то никогда бы непріятель не занялъ Москвы, потому что я направилъ бы мое отступленіе не на Москву, а на Калугу, сосредоточивъ всѣ ополченія въ Москвѣ.

«Простите, государь, что осмѣливаюсь безпокоить васъ этими подробностями. Добросовѣстно исполнивъ мои обязанности въ отношеніи къ обожаемому монарху и любимому отечеству, я бы считалъ себя несчастливымъ, если-бъ мнѣніе обо мнѣ помрачилось въ глазахъ моего государя, потому что это было бы одно изъ величайшихъ несчастій, которому могъ подвергнуться человѣкъ честный и съ правилами. Ваше величество можете быть увѣреннымъ, что, представляя вамъ чистую истину, я не могу, въ настоящемъ моемъ положеніи, имѣть иного желанія, какъ быть вамъ еще разъ полезнымъ и спасти, если возможно, мое доброе имя по совѣсти. Примите, государь, глубочайшее почитаніе со стороны того, кто, будучи даже не вмѣстѣ, не перестаетъ вамъ говорить со всею откровенностью, и который до послѣдняго дыханія жизни сохранитъ воспоминаніе того благорасположенія, которымъ нѣкогда его вы дѣлали счастливымъ, точно такъ же, какъ и безграничной къ вамъ преданности» [1]).

Устраняясь отъ всякой оцѣнки военныхъ соображеній, вовсе не входящую въ задачу нашего сочиненія, не можемъ, однако же, не замѣтить того разлада между лицами, которыя должны были или могли принимать въ нихъ участіе. Этотъ разладъ выразился въ томъ, что каждое удачное соображеніе, каждое удачное дѣйствіе многіе желали приписать себѣ. Мысль о знаменитомъ фланговомъ движеніи, совершенномъ фельдмаршаломъ отъ Москвы на Калужскую дорогу, одни приписывали Беннигсену, другіе Толлю. Барклай-де-Толли не могъ прямо себѣ приписывать этой мысли уже потому, что въ военномъ совѣтѣ, въ Филяхъ, предлагалъ отступленіе «на Владиміръ, съ цѣлью сохранить сообщеніе съ Петербургомъ, гдѣ находилась царская фамилія». Но тѣмъ не менѣе онъ выражается такъ неопредѣленно, что заставляетъ предполагать, что если не ему принадлежитъ самая мысль, то несомнѣнно успѣшное ея исполненіе зависѣло много отъ него. Въ приведенномъ письмѣ къ императору онъ называетъ это движеніе самымъ благоразумнымъ и самымъ смѣлымъ. Въ запискѣ о дѣйствіяхъ первой арміи, представленной имъ впослѣдствіи государю, онъ говоритъ: «Сіе движеніе есть важнѣйшее и приличнѣйшее, по обстоятельствамъ, изъ всѣхъ совершенныхъ со времени прибытія князя. Сіе дѣйствіе доставило намъ возможность довершить войну совершеннымъ истребленіемъ непріятеля».

Но Барклай-де-Толли не принималъ уже участія въ великихъ послѣдствіяхъ этого движенія. «Тѣмъ не менѣе,—говоритъ онъ далѣе,—удостовѣреніе (т. е., что съ Рязанской дороги рѣшено было перейти на Калужскую) столь для меня успокоительное, что было въ состояніи

[1]) Письмо Барклая къ императору изъ Калуги, 24-го сентября 1812 г.

облегчить болѣзненное состояніе, изнурявшее меня съ самаго Бородина. Невзирая на униженія, ежедневно меня угнетавшія, невзирая даже на обидную, ничего незначащую должность, исполняемую мною въ арміи, я единственно помышлялъ о непремѣнномъ уничтоженіи непріятеля. Я предложилъ князю занять позицію на Калужской дорогѣ,— не говорю о старой, но о такъ называемой новой дорогѣ. Сей позиціи надлежало быть сильно окопанной для отраженія всей непріятельской силы съ двумя-третями арміи; прочая часть оной отрядилась бы влѣво, для пресѣченія непріятелю всякаго сообщенія съ Смоленскомъ и Витебскомъ. Князь одобрилъ сію мысль».

Въ высшей степени учтиво обходившійся со всѣми князь Кутузовъ, образованнѣйшій человѣкъ своего времени и чрезвычайно благодушный, усиливалъ эти качества своего характера къ тѣмъ, которые, какъ Барклай-де-Толли, поставлены были силою обстоятельствъ и своимъ собственнымъ непониманіемъ ихъ значенія въ тяжелое положеніе, конечно, не могъ не одобрить мысли, подходящей къ его собственной, для того, чтобы сказать ласковое слово своему совѣтнику. Это согласіе князя Кутузова и поворотъ движенія войскъ съ Рязанской дороги на Калужскую успокоительно подѣйствовали на Барклая, какъ онъ говоритъ, давая понять свое участіе если не во всемъ этомъ движеніи, то хотя въ поворотѣ войскъ съ Рязанской дороги на Калужскую, то-есть именно въ самомъ важномъ обстоятельствѣ. Вѣроятность этого участія подтверждаетъ его разсказъ, въ письмѣ къ императору, о томъ, что и задолго до того онъ имѣлъ уже въ виду отступленіе на Калугу.

Можетъ быть, это предположеніе и принадлежало Барклаю, но въ это время онъ считалъ Красную Пахру предѣломъ отступленія. Онъ предлагалъ избрать мѣсто на правомъ берегу этой рѣки, укрѣпиться въ немъ съ частью войскъ въ значительныхъ силахъ и дѣйствовать наступательно на сообщенія непріятеля съ Смоленскомъ и Витебскомъ. Вообще Барклай, котораго главнѣйше упрекали за постоянное отступленіе, послѣ назначенія князя Кутузова принялъ, кажется, за правило совѣтовать наступательныя дѣйствія. Онъ порицалъ отступленіе отъ Царево-Займища къ Бородину; совѣтовалъ возобновить бой на другой день Бородинскаго сраженія и потомъ, укрѣпившись у Красной Пахры и усиленно дѣйствуя на сообщенія непріятеля, вызвать Наполеона на нападеніе; такъ-было и случилось.

Со дня вступленія въ Москву по 14-е сентября Наполеонъ не зналъ, гдѣ находится наша армія. Принявъ всѣ мѣры къ тому, чтобы собрать о ней вѣрныя свѣдѣнія, онъ получилъ, наконецъ, извѣстіе отъ Мюрата, что наша армія укрѣпляется у Красной Пахры. Узнавъ объ этомъ, онъ поручилъ своему авангарду, усиливъ его нѣсколькими отрядами, дѣйствовать противъ князя Кутузова и въ то же время распустать

слухъ, что и самъ онъ, со всѣми своими силами, выступаетъ противъ него изъ Москвы. Этотъ слухъ дошелъ до нашей главной квартиры. Можно было, конечно, разсуждать о томъ, вѣренъ или невѣренъ этотъ слухъ, но во всякомъ случаѣ слѣдовало принять мѣры предосторожности. Въ это время князь Кутузовъ сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи всѣхъ силъ и, отозвавъ съ Можайской дороги отрядъ Дорохова, приблизилъ его къ главной арміи, на что указываетъ Барклай-де-Толли, какъ на одну изъ многихъ его ошибокъ, и затѣмъ пригласилъ на совѣщаніе нѣкоторыхъ изъ своихъ сотрудниковъ. На этомъ-то совѣщаніи Барклай осторожно предлагалъ оставаться въ занимаемой позиціи, пока не разъяснятся обстоятельства, потому что онъ заподозривалъ вѣрность этого извѣстія, что самъ Наполеонъ идетъ со всею арміею; Беннигсенъ, напротивъ, совѣтовалъ дѣйствовать смѣлѣе, оставить защиту теченія Пахры и старой Калужской дороги аріергарду, а со всѣми войсками двинуться впередъ, къ Подольску—противъ непріятеля. Оба совѣта, въ сущности, были одинаковы и привели бы къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ, хотя оба генерала были совершенно несогласны между собою въ военныхъ соображеніяхъ и жарко спорили другъ съ другомъ. Укрѣпившись у Красной Пахры въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Москвы отдѣльными, но сильными отрядами, прерывая сообщенія французовъ съ Смоленскомъ, наша армія естественно вызывала бы Наполеона дѣйствовать наступательно съ тѣмъ, чтобы отбросить ее за Оку, какъ онъ и намѣревался поступить въ этомъ случаѣ. Оставляя при Красной Пахрѣ одинъ аріергардъ и двинувшись впередъ со всѣмъ войскомъ, главнокомандующій еще болѣе вызывалъ Наполеона на рѣшительный бой и сверхъ того, въ случаѣ неудачнаго исхода сраженія, могъ быть отброшенъ отъ Калужской дороги. Безъ сомнѣнія, князь Кутузовъ не могъ согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ предложеніемъ, совершенно не согласнымъ съ его видами. Въ это время ему донесено было о новой, болѣе выгодной, позиціи—при Тарутинѣ, и онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ отступленіи, которое такъ раздражило Барклая и Беннигсена.

Свое раздраженіе Барклай объясняетъ тѣмъ, между прочимъ, обстоятельствомъ, что онъ обѣщалъ войскамъ начало наступательныхъ дѣйствій, и послѣдовавшее распоряженіе объ отступленіи выказывало его *лжецомъ* передъ ними. Объ этой рѣчи къ войскамъ генерала Барклая говоритъ только одинъ изъ современниковъ-писателей, свидѣтель этого происшествія [1]); она была произнесена передъ *каждымъ полкомъ* въ то время, когда войска соединялись у Красной Пахры, гдѣ уже находилась главная квартира. Конечно, въ этой рѣчи онъ говорилъ и не

[1]) Записки артиллериста, ч. 1-я, стр. 178—181.

могъ говорить иначе, какъ въ общихъ выраженіяхъ, обѣщая, что по достиженіи Красной Пахры немедленно прекратится отступленіе и начнется наступленіе на непріятеля, а потому распоряженіе объ отступленіи на нѣсколько верстъ къ Тарутину могло служить какъ-бы опроверженіемъ его словъ и представить почтеннаго генерала лжецомъ въ глазахъ войскъ. Такой выводъ, который сдѣлалъ одинъ только Барклай, указываетъ, въ какомъ разстроенномъ и тревожномъ состояніи духа онъ находился. Князь Кутузовъ, предоставляя ему право, присвоенное званію главнокомандующаго,—производство нижнихъ чиновъ въ унтеръ-офицеры и награжденіе орденами св. Георгія, конечно не думалъ унижать его значеніе въ глазахъ войскъ. Но Барклай не понималъ этого точно такъ же, какъ не понималъ своего отношенія къ войскамъ.

Свидѣтель происшествія, о которомъ идетъ рѣчь, говоритъ: для «успокоенія сыновъ Россіи, огорченныхъ потерею столицы, тотъ, на кого болѣе обращалось это негодованіе, какъ на производителя безконечнаго отступленія и причину несмѣтныхъ потерь, рѣшилъ самъ явиться передъ войсками съ спокойнымъ челомъ, увѣренный въ своей правотѣ». Передавая рѣчь Барклая и разсказывая о наградахъ, розданныхъ имъ нижнимъ чинамъ, тотъ же свидѣтель говоритъ: «Такъ почтенный вождь примирился съ воинами. Такое впечатлѣніе произвело это происшествіе на войска, которыя уже были свидѣтелями храбрости обвиняемаго ими военачальника при Бородинѣ и распорядительности во время отступленія черезъ Москву. И кому же былъ этимъ обязанъ Барклай? Конечно, князю Кутузову; но волнуемый оскорбленнымъ честолюбіемъ, онъ не имѣлъ способности понять свое положеніе, не имѣлъ силы воли примириться съ нимъ и приписывалъ недоброжелательству окружавшихъ его лицъ то, что зависѣло отъ самаго положенія сложившихся обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился, и безъ сомнѣнія весьма затруднительныхъ. Когда войска остановились у Красной Пахры, въ главную квартиру (11-го сентября) прибылъ снова англійскій военный агентъ, генералъ сэръ Робертъ Вильсонъ.

Получивъ приказаніе императора увѣдомлять его непосредственно обо всемъ, что дѣлается въ войскахъ князя Кутузова, Вильсонъ остался при ея главной квартирѣ. Какъ англичанинъ, вѣроятно въ болѣе близкихъ отношеніяхъ онъ долженъ былъ находиться къ генералу Беннигсену, который хотя и былъ нѣмецъ, но по рожденію—гановерецъ и слѣдовательно англійскій подданный; находясь почти всю жизнь въ русской службѣ, онъ, однакоже, не оставлялъ никогда своего прежняго подданства и не принималъ русскаго. Хотя Вильсонъ и желалъ, можетъ быть, самостоятельно смотрѣть на происшествія, но близкія и постоянныя отношенія къ Беннигсену, естественно, производили то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ подчинялся его вліянію. Въ первые уже дни

послѣ пріѣзда въ главную квартиру онъ писалъ императору: «Мнѣ хотѣлось бы умолчать передъ вашимъ величествомъ о нѣкоторыхъ несогласіяхъ и доселѣ продолжающихся между начальниками; вамъ уже, конечно, извѣстно, что по лѣтамъ и состоянію здоровья князя Кутузова отъ него нельзя ожидать дѣятельнаго начальства, что генералъ Беннигсенъ ищетъ главной команды, и что генералъ Барклай недоволенъ тѣмъ, что находится подъ командою; но я надѣюсь, что недалекъ тотъ день, когда Москва возвратится вашему величеству, и что вамъ можетъ представиться благопріятный случай лично сдѣлать новыя распоряженія безъ всякой неудобности для службы вашего величества. Между тѣмъ генералъ Беннигсенъ, просившій уже отпуска, нынѣ рѣшается оставаться, получивши власть распоряжаться наступательными дѣйствіями; а какъ и генералъ Барклай, по собственному его отзыву, почитаетъ себя способнымъ служить только на полѣ сраженія, то планы генерала Беннигсена не могутъ имѣть никакой остановки съ сей стороны на будущее время. Я употреблю все возможное стараніе, чтобы содѣйствовать примиренію или, по крайней мѣрѣ, къ удаленію явной вражды. Но ваше величество вѣроятно знаете, что въ этомъ случаѣ можно доставить только временное облегченіе, и что глубоко растравленная язва не подаетъ надежды къ прочному спокойствію».

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ П. Н. Цуриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Адмиралъ Егоръ Ивановичъ Колтовской.

1792—1870 г.

(Краткій біографическій очеркъ).

Совершенно случайно въ моемъ распоряженіи оказалось нѣсколько документовъ и записанныхъ воспоминаній, сохранившихся въ семьѣ Колтовскихъ. Когда я ознакомился съ этимъ матеріаломъ, предо мною обрисовался симпатичный образъ человѣка, въ высшей степени скромнаго, не стремившагося къ славѣ, не оставившаго вслѣдствіе своей скромности никакихъ записокъ, но вполнѣ заслуживающаго, чтобы сохранилась память о его жизни, наполненной цѣлымъ рядомъ выдающихся подвиговъ на военномъ поприщѣ и отмѣченной чертами его высоко одаренной натуры. Я не могу вполнѣ обрисовать жизнь Егора Ивановича Колтовскаго: въ моемъ распоряженіи имѣется для этого очень мало матеріаловъ, а сотоварищи его боевыхъ подвиговъ почти всѣ уже сошли въ могилу. Къ числу лицъ, бывшихъ съ Егоромъ Ивановичемъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, принадлежатъ адмиралъ и членъ Государственнаго Совѣта Л. Л. Гейденъ, адмиралъ Завойко и протоіерей Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ, интересныя письма котораго изъ времени Крымской кампаніи печатались недавно въ «Кіевской Старинѣ».

Въ только что истекшемъ году много страницъ было посвящено воспоминаніямъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и о событіяхъ его царствованія: явились и серьезные труды, появлялись и отдѣльныя замѣтки, освѣщавшія то какую-нибудь черту характера покойнаго императора, то современныхъ ему дѣятелей. Можетъ быть, мой крат-

кій очеркъ жизни одного изъ этихъ дѣятелей, къ которому Николай Павловичъ выказывалъ особое расположеніе, не будетъ лишнимъ; можетъ быть, онъ вызоветъ на воспоминанія еще кого-нибудь изъ людей тѣхъ временъ, которыя являются блестящими въ исторіи Черноморскаго флота.

Родъ Колтовскихъ, по всей вѣроятности, южнаго происхожденія, хотя мы не можемъ указать ни мѣста, откуда онъ выселился въ Россію, ни времени, когда это выселеніе произошло [1]). Семья, къ которой

[1]) Въ родословныхъ книгахъ родъ Колтовскихъ производится отъ Редеди, касожскаго князя, побѣжденнаго въ единоборствѣ Мстиславомъ Владиміровичемъ, княземъ Тмутаракани, о чемъ лѣтопись разсказываетъ подъ 1022 годомъ. Самъ по себѣ этотъ фактъ не подвергается сомнѣнію, такъ какъ борьба русскихъ тмутараканскихъ князей съ прикавказскими народцами дѣйствительно происходила. Русскіе князья и въ XI столѣтіи и позднѣе селили плѣнныхъ въ своихъ областяхъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что часть плѣнныхъ кассоговъ была поселена и въ Рязани еще при Мстиславѣ, которому Муромо-Рязанская область принадлежала по раздѣлу съ Ярославомъ Мудрымъ послѣ Лиственской битвы въ 1024 году. Лѣтопись при этомъ констатируетъ еще и тотъ фактъ, что въ этой битвѣ въ дружинѣ Мстислава были ясы и кассоги (черкесы и осетины). Когда послѣ 1682 г. правительство московское приказало составить родословныя книги, уничтоживъ мѣстничество, то источникомъ для этихъ оффиціальныхъ родословныхъ книгъ послужили тѣ родословныя, которыя тщательно велись въ каждой боярской семьѣ. Источникомъ для этихъ семейныхъ родословныхъ, между прочимъ, служили въ свою очередь синодики (поминальныя записи). Въ синодикахъ Спасскаго монастыря въ Рязани, послѣ разсказа, взятаго изъ лѣтописи объ единоборствѣ Мстислава съ Редедей, помѣщенъ родъ послѣдняго, съ объясненіемъ, что Мстиславъ крестилъ сыновей Редеди, при чемъ одинъ изъ нихъ получилъ въ крещеніи имя Георгій, а другой—Романъ. Вотъ они то съ ихъ родомъ и поминаются въ синодикѣ. Изъ синодика видно, что Георгій умеръ бездѣтнымъ, а за Романа Мстиславъ выдалъ дочь свою; отъ нихъ пошли многіе роды: Добрынскіе, Зайцевы, Подрогины, Сорокоумовы, Глѣбовы, Колтовскіе, Ситскіе, Бѣлеутовы, Викентьевы, Чевкины, Ащерины, Обсѣдовы Гусевы, Елизаревы, Крюковы, Кошкарѣвы. Въ XVII столѣтіи мы встрѣчаемъ Колтовскихъ и въ Смоленскѣ. Очевидно, это одна изъ захудалыхъ линій того же рода, переселенная или переселившаяся туда не ранѣе княженія Василія III, то есть, послѣ взятія Смоленска въ 1514 году. Что касается захудалости младшихъ линій древнихъ родовъ, то это явленіе было обычнымъ въ Московскомъ государствѣ. По разсказу англійскаго посла Флейтчера, бывшаго въ Москвѣ въ XVI столѣтіи, захуданіе нѣкоторыхъ линій доходило до того, что даже изъ древнихъ княжескихъ родовъ являлись люди безпомѣстные, и въ то время можно было встрѣтить этихъ князей, нанимавшихся на работу. Смоленская линія Колтовскихъ, какъ видимъ, не дошла до подобнаго положенія, но что нѣкоторыя семьи этой линіи принадлежали къ числу мелкопомѣстныхъ дворянъ, видно изъ того, что изъ нихъ были и рейтары, которые, какъ извѣстно, набирались изъ дворянъ безпомѣстныхъ. Кстати будетъ сказать здѣсь о гербѣ Колтовскихъ: въ серебряномъ щитѣ красный грифъ, а на щитѣ шлемъ, дворянская корона и пять павлиныхъ перьевъ; наметъ на щитѣ красный, подложенный серебромъ.

принадлежалъ Егоръ Ивановичъ, жила въ Смоленской губерніи и принадлежала къ небогатому дворянству. Старшій братъ Егора Ивановича служилъ въ гвардіи и умеръ холостымъ; второй братъ служилъ въ кавалеріи и погибъ въ 1812 году въ одномъ сраженіи съ французами, какъ кажется, подъ Бородинымъ. Самый младшій изъ братьевъ, Егоръ Ивановичъ Колтовской родился 5-го апрѣля 1792 года и 12-ти лѣтъ былъ опредѣленъ въ морской кадетскій корпусъ, именно 18-го іюня 1804 года. Черезъ два мѣсяца въ корпусъ явился одинъ изъ крѣпостныхъ людей семьи Колтовскихъ и, исполняя волю умершаго отца Егора Ивановича, объявилъ ему, что отецъ и мать его умерли одинъ за другимъ, что онъ теперь круглый сирота. Семейныя воспоминанія не сохранили намъ свѣдѣній о томъ, на сколько старшіе братья принимали участіе въ корпусной жизни маленькаго кадета. Мальчикъ обнаружилъ блестящія способности, отличаясь впечатлительнымъ характеромъ, оказывалъ прекрасные успѣхи, хотя въ то-же время извѣстенъ былъ своими шалостями. Еще въ корпусѣ проявилась у Колтовскаго любовь къ музыкѣ, которой онъ занимался съ большимъ увлеченіемъ и впослѣдствіи является большимъ ея знатокомъ и любителемъ. Въ юношескіе годы у него развился очень хорошій баритонъ.

Однажды въ церкви морскаго корпуса былъ императоръ Александръ Павловичъ. Колтовской, князь Хованскій и еще кто-то исполняли тріо. Императору, большому любителю духовной музыки, такъ понравилось исполненіе этого тріо, что онъ приказалъ исполнителямъ пѣть его съ царской капеллой, что потомъ и повторялось не разъ. Увлеченіе музыкой не помѣшало однако-же Колтовскому прекрасно окончить курсъ морскаго корпуса, и 6-го мая 1809 года онъ былъ произведенъ въ гардемарины, а 16-го февраля 1812 года императоръ Александръ лично поздравилъ его съ чиномъ мичмана. Послѣ этого Егоръ Ивановичъ былъ сейчасъ-же назначенъ въ 23-й экипажъ, расположенный въ Архангельскѣ. Здѣсь онъ пробылъ до 1818 года, непрерывно совершая плаванія по Бѣлому морю и Ледовитому океану, и между прочимъ два раза плавалъ изъ Архангельска въ Балтійское море, въ 1813 году на кораблѣ «Берлинъ» и въ 1816 году на кораблѣ «Аргосъ».

Съ 1818 года Егоръ Ивановичъ Колтовской окончательно переселяется на югъ Россіи, гдѣ проходитъ самая блестящая пора его служебной дѣятельности въ Черноморскомъ флотѣ, гдѣ устанавливаются у него родственныя и общественныя связи, и гдѣ онъ оканчиваетъ свою жизнь, проведя остатокъ дней своихъ въ Одессѣ.

Въ указанномъ году Колтовской былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ съ зачисленіемъ въ 10-й флотскій экипажъ, и съ этого времени онъ непрерывно плаваетъ по Черному морю. Въ 1824 году онъ былъ назначенъ командиромъ люгера «Стрѣла», въ 1826 г.—командиромъ

катера «Жаворонокъ» а въ 1827 г.—паруснаго брига «Орфей», съ которымъ и пріобрѣтаетъ извѣстность, какъ неутомимый и смѣлый крейсеръ въ войну 1828—1829 годовъ.

Въ это время Черноморскій флотъ находился въ блестящемъ положеніи, чѣмъ онъ обязанъ дѣятельности адмирала Алексѣя Самойловича Грейга. Человѣкъ съ высокимъ образованіемъ, адмиралъ Грейгъ привлекалъ всѣхъ своимъ свѣтлымъ взглядомъ на вещи, добротою душевною и теплымъ, дружескимъ отношеніемъ ко всѣмъ своимъ подчиненнымъ. Онъ съумѣлъ вдохнуть въ офицеровъ любовь къ образованію, къ службѣ и пламенное усердіе къ исполненію ими своихъ обязанностей. Имя этого достойнаго адмирала всегда произносилось съ любовью и уваженіемъ. Глубокимъ чувствомъ дышетъ письмо Колтовскаго къ Юліи Михайловнѣ Грейгъ, писанное уже изъ Одессы. «Это пишетъ, говорится въ этомъ письмѣ, это пишетъ старый сослуживецъ вашего супруга, бывшаго моего благодѣтеля и начальника, подъ руководствомъ котораго я пріобрѣлъ себѣ нѣкогда извѣстность того времени. И немудрено: быть руководимымъ такимъ вождемъ, какъ покойный адмиралъ, и не пріобрѣсти себѣ извѣстности!... Но Алексѣя Самойловича, а съ нимъ и многаго, мы лишились невозвратно. Остались воспоминанія. И скажемъ мы своимъ дѣтямъ и внукамъ: «смотрите, это адмиралъ Грейгъ!» Живу только однимъ воспоминаніемъ прошлаго, но уже невозвратимаго, времени. Со смерти адмирала моего я всего лишился. Явились новыя лица, новые дѣятели. Вотъ имъ и книги въ руки...» Несомнѣнно, въ войну 1828—29 года Черноморскій флотъ показалъ себя достойнымъ своего начальника.

Намъ нѣтъ нужды останавливаться подробно на событіяхъ этой русско-турецкой войны. Намъ можно ограничиться лишь напоминаніемъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему разсказу. Когда началась эта война, русская армія сначала подъ начальствомъ Витгенштейна, а потомъ Дибича, дѣйствовала на Дунаѣ. Турки обладали въ то время многочисленнымъ и хорошо вооруженнымъ флотомъ. Морское сраженіе при Наваринѣ, въ которомъ соединенными эскадрами, русской, французской и англійской, была истреблена часть турецкаго флота,—это сраженіе не сокрушило морскихъ силъ Турціи: ихъ многочисленныя суда бороздили Черное море по всѣмъ направленіямъ, а главное, сильно поддерживали дѣйствія своей сухопутной арміи. Послѣ переправы черезъ Дунай у Сатунова русской арміи сейчасъ же пришлось остановиться передъ турецкими крѣпостями въ Добруджѣ. Это были: Исакча, Мачинъ, Бабадагъ, Гирсово. Въ устьѣ Дуная стояла канонерская флотилія турокъ. Въ то время, какъ русскія войска, благодаря турецкому флоту, не могли получать ни продовольственныхъ, ни боевыхъ запасовъ моремъ, турецкія крѣпости въ Добруджѣ опирались на приморскія

укрѣпленія, съ прекрасными гаванями, въ которыхъ находили себѣ защиту турецкія военныя суда, доставлявшія моремъ все необходимое осажденнымъ гарнизонамъ. Ближайшей изъ такихъ морскихъ турецкихъ крѣпостей была Кюстенджи. Она расположена на мысѣ и возвышается амфитеатромъ надъ моремъ и въ то время была тщательно укрѣплена и защищена трехтысячнымъ гарнизономъ. Съ моря ее поддерживалъ флотъ. Генералъ Ридигеръ съ частью войскъ третьяго корпуса обложилъ Кюстенджи. Турки смѣло перешли изъ пассивной роли къ активной. Небольшими отрядами они начали сами дѣлать нападенія на осаждающихъ, получая содѣйствіе съ крѣпостныхъ батарей и поддерживаемые съ тыла своими судами. Необходимо было занять ихъ со стороны моря и порвать увѣренность въ безопасности съ этой стороны. Въ это время совершенно отдѣльно отъ флота, какъ крейсеръ, бороздилъ Черное море по всѣмъ направленіямъ съ бригомъ «Орфей» Егоръ Ивановичъ Колтовской. Онъ и явился неожиданно у гавани Кюстенджи. По всей вѣроятности, крейсируя недалеко, капитанъ-лейтенантъ «Орфея» заслышалъ канонаду и полетѣлъ на ея звуки. Подъ стѣнами Кюстенджи произошелъ трехдневный отчаянный бой, въ которомъ бригу пришлось бороться подъ выстрѣлами крѣпостныхъ батарей съ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Турки употребляли всѣ усилія, чтобы захватить отважнаго крейсера, такъ неожиданно и некстати явившагося въ тотъ моментъ, когда съ сухаго пути ихъ громили пушки Ридигера. Турецкія суда окружили «Орфея» со всѣхъ сторонъ: «онъ попалъ въ адъ». На немъ была уже подбита вся артиллерія, изъ немногочисленной команды убито и ранено 26 человѣкъ; бригъ получилъ столько пробоинъ, что гибель его казалась неизбѣжной. Турки бросились на абордажъ. Экипажъ оказалъ отчаянное сопротивленіе. Въ этой ярой схваткѣ Колтовской получилъ рану турецкой саблей въ руку, но не придавалъ ей никакого значенія. «Это царапина, говорилъ онъ, развѣ такія бываютъ раны!» Абордажъ былъ геройски отбитъ; «Орфей» прорвался сквозь оцѣплявшія его непріятельскія суда и ушелъ въ море. Долго помнили черноморскіе моряки этотъ бой. Уже послѣ смерти Егора Ивановича, однажды, въ Николаевѣ собрались старые моряки, между ними шли воспоминанія о событіяхъ тѣхъ лѣтъ. «Да, говорили они, вспоминая сраженія при Кюстенджи, «Орфей» былъ въ аду, а оттуда его вытащилъ Колтовской!» Послѣ этого трехдневнаго боя, турки продержались не долго: Кюстенджи сдалась 12-го іюня 1828 года.

«За отмѣнное мужество и храбрость», Колтовской былъ награжденъ золотой саблей съ надписью «за храбрость», и императоръ Николай Павловичъ пожелалъ лично его видѣть. Въ это время государь направлялся изъ дѣйствующей арміи въ Россію чрезъ Одессу, гдѣ жила императрица Александра Ѳеодоровна. Мѣстопребываніемъ царской семьи была

дача Ренó на берегу моря, принадлежавшая тогда извѣстному одесскому богачу Ренò. Противъ самой дачи бросилъ якорь бригъ «Орфей». Между тѣмъ администрація Одессы хлопотала о томъ, чтобы ознаменовать чѣмъ-нибудь особымъ пріѣздъ государя. На выручку явилась итальянская опера, въ составѣ которой находилась знаменитая тогда пѣвица-контральто Марикони. Рѣшено поставить на открытомъ воздухѣ оперу «Танкредъ». Живописный въ своей боевой истрепанности «Орфей» напоминалъ корабль, на которомъ Танкредъ вернулся въ отечество. Тутъ предъ массой народа, потребованный Колтовской вручилъ государю рапотръ о своей боевой дѣятельности и устно передавалъ подробности боя. Николай Павловичъ обнялъ его и сказалъ «Колтовской, я буду тебя помнить». Народъ видѣлъ эту сцену, слышалъ слова государя, и молодому, скромному герою не было потомъ проходу: толпы бѣгали за нимъ повсюду.

Вскорѣ неутомимый крейсеръ снова вышелъ въ море. Турки съ ожесточеніемъ преслѣдовали его. Не разъ «Орфей» попадалъ въ опасное положеніе, но опытность, находчивость и рѣшимость командира спасали его. Искусство и неустрашимость капитанъ-лейтенанта Колтовскаго стала фактомъ общепризнаннымъ.

Вскорѣ ему пришлось выполнить одно изъ самыхъ рискованныхъ предпріятій, какія встрѣчаются, но довольно рѣдко, въ военной исторіи. Несмотря на успѣхи русскаго оружія, императоръ Николай Павловичъ не прочь былъ прекратить войну. Порта, побуждаемая представителями Англіи и Франціи, надѣялась еще на побѣды въ будущемъ и не соглашалась на справедливыя требованія русскаго императора. Тогда Николай Павловичъ, со свойственной ему прямотой, рѣшился обратиться къ султану лично, минуя дипломатическій путь. Въ это время оффиціозное представительство Россіи въ Константинополѣ было возложено на нидерландскаго посланника, но почему-то императоръ не нашелъ удобнымъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ черезъ него, а черезъ датскаго посланника барона Гюбша. Нужно было передать пакетъ послѣднему для врученія его султану, чтобы объ этомъ не могли узнать ни турки, ни представители иностранныхъ державъ. Это было въ концѣ 1828 года, когда война была въ полномъ разгарѣ; турецкія суда занимали гавани по западнымъ и южнымъ берегамъ Чернаго моря, а главныя силы турецкаго флота стояли въ Босфорѣ. Какъ было избѣгнуть непріятельскихъ рукъ?! Малѣйшая оплошность, малѣйшая нетактичность могли повести къ печальнымъ результатамъ: посланный могъ погибнуть въ неравномъ бою, и отправленный пакетъ попасть въ нежелательныя руки. Императоръ Николай Павловичъ обратился къ адмиралу Грейгу за совѣтомъ, кого послать въ такое опасное путешествіе, и адмиралъ указалъ на Колтовскаго. 5-го ноября 1828 года снялся Егоръ

Ивановичъ съ якоря въ Севастополѣ и взялъ курсъ прямо на Константинополь. Какъ ему удалось избѣжать множества грозившихъ опасностей, мы не знаемъ, но порученіе было исполнено, и пакетъ переданъ въ руки барона Гюбша.

24-го января 1829 года «Орфей» вернулся въ Севастопольскую гавань. Николай Павловичъ былъ доволенъ. 28-го января Колтовскому было объявлено монаршее благоволеніе, а затѣмъ императоръ призвалъ его къ себѣ и, благодаря за службу, вторично сказалъ ему при этомъ: «Колтовской, я тебя никогда не забуду».

Только что выполнивъ одно опасное порученіе, бригъ «Орфей» съ своимъ командиромъ пустились въ новое крейсерство: появлялись они въ заливѣ Кефкени, то у береговъ Малой Азіи, то у Босфорскаго пролива; они истребили нѣсколько непріятельскихъ судовъ, и три судна было «вырѣзано на призъ» изъ непріятельскаго огня [1]). Крейсируя отдѣльно, Колтовской узналъ, что гарнизонъ приморской крѣпости Ахіало сдѣлалъ вылазку. Неожиданно явился туда бригъ «Орфей». Егоръ Ивановичъ напалъ на городъ, взялъ его, причемъ было захваченс двѣнадцать мѣдныхъ орудій, болѣе 40 чел. военно-плѣнныхъ и множество снарядовъ и фуража. За этотъ подвигъ Колтовской былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга и получилъ въ командованіе фрегатъ «Поспѣшный».

Между тѣмъ русская армія подъ начальствомъ Дибича отъ береговъ Дуная двигалась къ югу. Но ея свободное движеніе необходимо было обезпечить съ лѣваго фланга, гдѣ по берегу Чернаго моря былъ расположенъ цѣлый рядъ турецкихъ приморскихъ крѣпостей, гарнизоны которыхъ могли угрожать сообщеніямъ арміи. Кромѣ того, нельзя было приступить къ блокадѣ Босфора, пока въ тылу флота будутъ существовать укрѣпленныя непріятельскія гавани. Значительныя турецкія силы были сосредоточены въ Айдосѣ, пунктѣ лежащемъ въ недальнемъ разстояніи отъ моря, что̀ затрудняло въ свою очередь попытки занять турецкія гавани.

Болѣе отдаленной отъ Айдоса оказывалась крѣпость Сизополь, которую и удалось взять адмиралу Кумани. Но пока въ рукахъ турокъ были еще Василико, Агатополь и Инада, лежащіе южнѣе Сизополя, можно было опасаться попытокъ турецкаго флота вновь завладѣть этою крѣпостью. Усилія русскихъ моряковъ направляются теперь къ овладѣнію этими гаванями. Получивъ командованіе надъ фрегатомъ «Поспѣшный», Колтовской взялъ на него въ десантъ двѣ роты Камчатскаго пѣхотнаго полка и, соединившись съ другими подошедшими судами, занялъ городъ Василико, а затѣмъ напалъ на Агатополь. Гар-

[1]) Въ воздаяніе отличной заслуги и храбрости Колтовскому пожалованъ орденъ св. Анны 2-й степени.

низонъ Агатополя оказалъ сильное сопротивленіе, но тѣмъ не менѣе былъ взятъ. Послѣ этихъ подвиговъ Колтовской присоединился къ отряду кораблей и другихъ судовъ, состоявшихъ подъ начальствомъ адмирала Баскакова, и повелъ свой флегатъ къ крѣпости Инада. На бортѣ «Поспѣшнаго», кромѣ двухъ ротъ Камчатскаго полка, теперь была еще часть гвардейскаго экипажа. Подъ Инадой произошелъ упорный бой. На долю Колтовскаго выпало дѣйствовать противъ двухъ батарей крѣпости. Онъ бросился съ своимъ десантомъ на берегъ и, несмотря на стойкую оборону со стороны непріятеля, взялъ обѣ батареи съ 36 орудіями и вогналъ турокъ во внутреннее укрѣпленіе [1]).

Результатомъ паденія цѣлаго ряда этихъ крѣпостей было свободное движеніе русской арміи къ Адріанополю и русскаго флота къ Босфору. Съ этого времени адмиралъ Грейгъ блокировалъ съ своей эскадрой Босфоръ, а вице-адмиралъ графъ Гейденъ заперъ Дарданеллы; они прервали по обоимъ проливамъ подвозъ жизненныхъ припасовъ къ столицѣ, захватили множество призовъ и безпокоили прибрежье.

Вскорѣ Адріанополь былъ занятъ Дибичемъ, и война окончилась. По заключеніи мира Колтовской принимаетъ дѣятельное участіе въ перевозкѣ войскъ и запасовъ изъ Румеліи въ Россію и выполняетъ это со свойственной ему энергіей и распорядительностью, за что̀ ему и было объявлено монаршее благоволеніе и особенная благодарность императора.

Затѣмъ моряки обратились къ мирнымъ занятіямъ. Изъ этого времени жизни Егора Ивановича обращаетъ на себя вниманіе: выполненіе труднаго и экстреннаго порученія: онъ долженъ былъ поспѣшно провезти изъ Николаева въ Севастополь 120-пушечный гигантъ-корабль «Варшава». «За особенное усердіе и труды», которыми сопровождалось это тяжелое дѣло, онъ былъ еще разъ награжденъ монаршимъ благоволеніемъ [2]).

---

[1]) За это дѣло Колтовской пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й степени „за храбрость".

[2]) По всей вѣроятности, къ этому же времени относится еще одинъ фактъ дѣятельности Егора Ивановича, разсказанный имъ самимъ гораздо позднѣе дѣтямъ. Случилась непріятная исторія съ однимъ громаднымъ военнымъ кораблемъ: онъ сѣлъ на мель вблизи Очакова и до такой степени врѣзался въ песокъ, что полгода никакія усилія инженеровъ не могли стащить его; это приводило въ отчаяніе адмирала Грейга. Однажды онъ давалъ обѣдъ, на который были приглашены всѣ лучшіе командиры, въ томъ числѣ и Егоръ Ивановичъ Колтовской. За обѣдомъ не было никакого разговора о злополучномъ кораблѣ. Послѣ обѣда, придя съ своими гостями въ кабинетъ, адмиралъ Грейгъ, какъ бы случайно, остановился передъ развернутой картой той мѣстности Чернаго моря, гдѣ стоялъ на мели корабль.

— Господа,—сказалъ Грейгъ,—неужели-же невозможно его стащить?

Послѣ фрегата «Поспѣшный» подъ его командой въ разное время находились корабли: «Эривань», «Нордъ-Адлеръ», «Варшава». 1-го января 1839 года Колтовской былъ произвенъ въ контръ-адмиралы и получилъ въ командованіе первую бригаду 3-ей флотской дивизіи. До 1852 года онъ не покидалъ моря, продолжая непрерывно плаванія съ эскадрами и имѣя свой флагъ на различныхъ корабляхъ, и между прочимъ два съ половиною мѣсяца командовалъ практической эскадрой по Финскому заливу и Балтійскому морю. Въ общей сложности Егоръ Ивановичъ пробылъ въ морѣ подъ парусами 181 мѣсяцъ и 20 дней, т. е. болѣе 15 лѣтъ, не считая якорныхъ стоянокъ подъ вымпелами.

8-го апрѣля 1851 года Колтовской былъ произведенъ въ вице-адмиралы, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ предсѣдателемъ техническаго комитета по сооруженію въ Севастополѣ сухихъ доковъ и Лазарева адмиралтейства. Надо было, чтобы во главѣ дѣла стоялъ человѣкъ неподкупной честности, какимъ былъ Егоръ Ивановичъ. Сознавая всю важность и вмѣстѣ съ тѣмъ почетность возложенной на него обязанности, Егоръ Ивановичъ тѣмъ не менѣе безъ грусти повиновался повелѣнію: оно повернуло спиной къ морю стараго крейсера и взамѣнъ любимой имъ борьбы съ водной стихіей обѣщало ему борьбу съ человѣческими злоупотребленіями. Съ унынiемъ на лицѣ возвращался каждый день вице-адмиралъ домой къ обѣду изъ своего комитета. «Лучше война, воскликнулъ онъ однажды въ минуту особенно горькаго душевнаго состоянія,—лучше война, чѣмъ бороться съ злоупотребленіями. Охъ трудно, охъ какъ трудно искоренить зло». Съ этого времени характеръ его сильно измѣнился: онъ сталъ раздражителенъ и изъ обходительнаго, добраго становился мало-по малу недоступнымъ. На этомъ посту застала Егора Ивановича Крымская кампанія.

Находясь при защитѣ Севастополя въ составѣ тамошняго гарнизона, Колтовской содѣйствовалъ его оборонѣ лишь частно, одними своими совѣтами, такъ какъ имѣлъ спеціальное порученіе: онъ завѣдывалъ

Начали судить и рядить. Посмотрѣлъ на карту и Егоръ Ивановичъ и говоритъ:

— Это самое пустячное дѣло.

— Вы думаете?

— Да надъ этимъ и думать долго не надо.

— Ну, такъ вы его стащите. Завтра получите прогонныя; въ средствахъ недостатка не будетъ. Поѣзжайте завтра-же.

Возвратясь домой, Егоръ Ивановичъ палъ духомъ. Что я надѣлалъ, — говорилъ скромный морякъ. — Вѣдь я это сказалъ подъ вліяніемъ выпитой лишней рюмки шампанскаго, я былъ возбужденъ. Но онъ нашелъ себѣ поддержку въ своей супругѣ, которая съумѣла ободрить его, успокоить и снарядила въ Очаковъ. Не прошло и мѣсяца, какъ корабль былъ стащенъ.

охраной и перевозкой казеннаго имущества изъ Севастополя въ Николаевъ.

Тяжело переживалъ Егоръ Ивановичъ событія того времени. Послѣ Альминскаго сраженія онъ мало-по-малу отправилъ свою семью въ Николаевъ, куда, наконецъ, по требованію дѣла, которымъ онъ завѣдывалъ, долженъ былъ переѣхать и самъ. Съ грустью покидалъ старый морякъ родной ему Севастополь. Горечь событій, страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ, грозившемъ его родинѣ, усугублялись и чисто семейными тревогами: въ Севастополѣ оставались три человѣка, дорогихъ его сердцу,—его сынъ Митрофанъ Егоровичъ, состоявшій адъютантомъ при Нахимовѣ, зять Александръ Гедеоновичъ Стааль, мужъ его старшей дочери, Розаліи Егоровны; и сама она, не хотѣвшая покинуть мужа среди опасностей [1]). Затѣмъ послѣдовали для Егора Ивановича тяжкіе удары: смерть государя Николая Павловича, паденіе Севастополя, а затѣмъ и уничтоженіе черноморскаго флота. Эти событія потрясли крѣпкій организмъ нашего вице-адмирала навсегда: онъ началъ хворать. Съ окончаніемъ войны Егору Ивановичу Колтовскому было уже 64 года. Несмотря на лѣта, на разстроенное здоровье, онъ стремился продолжать службу. Государь пожелалъ назначить его членомъ адмиралтейскаго совѣта. Приходилось въ такомъ случаѣ жить въ Петербургѣ, а Егоръ Ивановичъ не могъ разстаться съ дорогимъ ему Чернымъ моремъ. Онъ обратился къ генералъ-адмиралу, прося, назначивъ его членомъ адмиралтейскаго совѣта, предоставить ему право жить гдѣ-нибудь на югѣ. Оказалось однако невозможнымъ этого исполнить, и Колтовской былъ выпущенъ въ отставку съ производствомъ въ полные адмиралы. Это сильно поразило Егора Ивановича, онъ долго не могъ утѣшиться, рыдалъ, и съ нимъ начались нервные припадки.

Поселившись въ Одессѣ, въ собственномъ домѣ, доставшемся по наслѣдству его женѣ, Егоръ Ивановичъ зажилъ тихой жизнью, окруженный любящей семьей, чтимый всѣми, кто зналъ его, а адмирала Колтовскаго знали въ Одессѣ всѣ. Егоръ Ивановичъ былъ женатъ на Розаліи Ильиничнѣ Дубовикъ, происходившей изъ малорусской дворянской фамиліи. Отецъ ея служилъ въ кавалеріи, а по выходѣ въ отставку занималъ должность въ канцеляріи князя Воронцова, вниманіе кото-

---

[1]) Вице-адмиралъ М. Ег. Колтовской послѣднее время своей жизни занималъ постъ керченскаго градоначальника, онъ умеръ осенью 1896 года. Ал. Гедеон. Стааль командовалъ въ Севастополѣ батареей, которая затѣмъ навсегда сохранила имя „Сталевской“. Онъ былъ раненъ и контуженъ. Здоровье никогда уже не поправлялось и онъ умеръ въ Николаевѣ 11-го октября 1861 года. Государь Александръ Николаевичъ лично зналъ Ал. Гед. Стааль и выказывалъ ему большое благоволеніе, а послѣ его смерти обезпечилъ семью большой пенсіей.

раго обратилъ своею честностью и неподкупностью. Розалія Ильинична Колтовская была личность высокообразованная, прекрасно знала и понимала музыку и, обладая стойкимъ характеромъ, служила нравственной поддержкой своему нервному, скромному и застѣнчивому герою-мужу. Отличаясь другъ отъ друга основными чертами своихъ характеровъ,—какъ стойкость и спокойствіе во всѣхъ перипетіяхъ жизни у одного, и нервность, излишняя застѣнчивость и скромность у другаго,—супруги сходились во многомъ: оба они были глубоко религіозны [1]), съ щепетильной честностью, съ любовью ко всему прекрасному, увлекающіеся музыкой, литературой, искусствомъ вообще. Ко всему этому надо прибавить еще полнѣйшую непрактичность Егора Ивановича. Еще въ сороковыхъ годахъ получилъ онъ значительное наслѣдство отъ своего двоюроднаго брата, Александра Колтовскаго, имѣніе котораго состояло изъ села и двухъ деревень съ 384 душами крестьянъ. Егоръ Ивановичъ ни за что не хотѣлъ ѣхать хлопотать по этому дѣлу. Когда его убѣдили, что тутъ страдаютъ интересы семьи, онъ отправился, но, узнавъ, что ему предстоятъ хлопоты въ волынской палатѣ гражданскаго суда, поскорѣе продалъ свое право на наслѣдство одному сосѣднему помѣщику, отъ котораго получилъ потомъ всего 1.000 р. Помѣщикъ умеръ, а Егоръ

---

[1]) Егоръ Ивановичъ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій. Замѣчателенъ разсказанный имъ дѣтямъ случай изъ его морской жизни. Однажды у Кавказскихъ береговъ ему пришлось выдержать на бригѣ страшную бурю съ характеромъ урагана, съ проливнымъ дождемъ и смерчами. Во время бури, длившейся нѣсколько сутокъ, были разорваны паруса, надломаны мачты и рей, а главное сломанъ руль. Нѣсколько сутокъ вся команда не ложилась спать, употребляя неимовѣрныя усилія въ борьбѣ съ бурей, чтобы не попасть въ тифонъ. У всѣхъ ослабѣли силы, иные падали безъ чувствъ, не хватало рукъ и силъ для работы. Бригъ сдѣлался игрушкой бури, и Егоръ Ивановичъ, видя безуспѣшность дальнѣйшей борьбы, рѣшился прекратить ее. Объявивъ объ этомъ по командѣ, онъ призвалъ всѣхъ къ молитвѣ. Всѣ думали о неизбѣжной смерти и молились горячо. „Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился“, часто говаривалъ Егоръ Ивановичъ. Послѣ молитвы, пропѣтой всѣми громко, обессиленные всѣ заснули. Егору Ивановичу приснился сонъ. Ему снилось продолженіе бури: ночь, шквалъ за шкваломъ, и на бригъ надвигается громадный черный тифонъ, который вотъ-вотъ уничтожитъ бригъ: гибель его неизбѣжна. Вдругъ одна сторона тифона начинаетъ свѣтлѣть, свѣтлѣть, показывается сіяніе, и изъ-за тифона въ сіяніи ослѣпительномъ медленно выступаетъ икона св. Николая Чудотворца, который смотритъ на Егора Ивановича и говоритъ: „Не бойся! Все будетъ хорошо“. Тутъ онъ проснулся. Чрезъ вентиляторъ на его лицо падаетъ лучъ солнца; кругомъ тишина и бригъ медленно покачивается на мелкой зыби. Позванъ вахтенный и говоритъ, что все благополучно: буря прошла, легкій попутный вѣтерокъ, солнечный день, успѣли уже сдѣлать фальшивый руль, исправлены поврежденія, и бригъ направляется къ Севастополю. Опять всѣ собраны на молитву и распущены на отдыхъ.

Ивановичъ не захотѣлъ вести тяжбы. Такъ и пропало богатое имѣніе. Въ другой разъ онъ отказался отъ имѣнія, оставшагося послѣ его отца, продавшаго родовое имущество въ чужія руки, чтобы только нейти противъ отцовской воли. Когда императору Александру Николаевичу угодно было вознаградить всѣхъ, потерявшихъ свое имущество во время осады Севастополя, въ числѣ которыхъ была и семья Колтовскихъ, Егоръ Ивановичъ показалъ ту ничтожную сумму, которую онъ заплатилъ за мѣсто много лѣтъ назадъ, совершенно не принявъ во вниманіе ни стоимости выстроеннаго имъ дома, ни другихъ расходовъ, затраченныхъ на устройство усадьбы и сада. Скромность и безкорыстіе Егора Ивановича была также причиной того, что онъ никогда не стремился извлечь какія-нибудь выгоды изъ своей службы, воспользоваться своимъ положеніемъ, хлопотать, просить у начальства. Кромѣ письма генералъ-адмиралу, о чемъ мы говорили выше, еще только одинъ разъ въ своей жизни Колтовской, незадолго до своей смерти, мучась мыслію о необезпеченности своей семьи, написалъ собственноручное письмо морскому министру, прося повергнуть къ стопамъ государя его послѣднюю просьбу: назначить для его успокоенія при его жизни получаемую имъ пенсію безъ измѣненія его женѣ. На этомъ письмѣ государь собственноручно написалъ: «исполнить просьбу адмирала!»

Семья Егора Ивановича была дѣйствительно велика, и особенно его заботила судьба дочерей, изъ которыхъ только одна была въ то время замужемъ [1]). Все свободное отъ службы время Егоръ Ивановичъ посвящалъ дѣтямъ, которыхъ очень любилъ. Онъ любилъ окружать себя ими и разсказывалъ имъ священную исторію, а впослѣдствіи, когда они подросли, передавалъ имъ свои воспоминанія. Обладая прекраснымъ образованіемъ и зная хорошо спеціальныя науки, Егоръ Ивановичъ съ особенною любовью занимался всегда исторіей и географіей. Старшаго своего сына онъ самъ приготовилъ для поступленія въ морское училище. Дочери его, кромѣ Розаліи Егоровны, воспитывавшейся въ институтѣ, получали образованіе дома. По каждому предмету были приглашены особые учителя, но исторію и географію Егоръ Ивановичъ преподавалъ самъ.

Мало-по-малу, болѣе и болѣе, развивался у него злой недугъ; онъ страдалъ грудной жабой. Мало-по-малу сюртукъ замѣнилъ мундиръ, по-

---

[1]) Кромѣ Митрофана Егоровича и Розаліи Егоровны, умершей въ 1871 году, о которыхъ мы уже говорили, у Колтовскаго были еще дочери: Марья Егоровна, въ замужествѣ Финкъ, Наталія—обѣ здравствующія и по сіе время, Софія, бывшая за мужемъ за Ѳеодосіемъ Казиміровичемъ Стааль, также участникомъ Крымской кампаніи, тоже умершая, и сынъ Егоръ Егоровичъ, родившійся въ 1855 году, живъ и въ настоящее время, занимаетъ должность слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ въ Кишиневѣ.

томъ перешелъ на свободное короткое пальто (халата адмиралъ терпѣть не могъ), на ногахъ появились туфли, на глазахъ большой зеленый зонтикъ, а въ рукахъ неизмѣнная палка. Егоръ Ивановичъ всегда любилъ животныхъ, особенно лошадей и собакъ. Теперь все время у него на головѣ или на плечѣ сидѣлъ бѣлый голубь.

Но ни старость, ни болѣзнь не охладили его интереса къ умственному труду. Когда старшій сынъ его, Митрофанъ Егоровичъ, былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи, старый морякъ сидѣлъ надъ морскими картами, слѣдилъ и высчитывалъ, гдѣ онъ долженъ въ данное время находиться. Живя въ Одессѣ, адмиралъ много читалъ: онъ слѣдилъ за книжными новостями, особенно по своимъ излюбленнымъ исторіи и географіи, и пріобрѣталъ выдающіяся сочиненія, на сколько позволяли его средства. Но читалъ онъ постоянно: его нельзя было видѣть безъ книги или газеты. Когда ослабѣло его зрѣніе, онъ просилъ, чтобы ему читали другіе.

Никогда также не ослабѣвала въ немъ любовь къ музыкѣ. Въ Одессѣ онъ любилъ окружать себя музыкантами и композиторами, съ которыми велъ оживленные разговоры о характерѣ національной музыки, о великихъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Особенно горячіе дебаты происходили у Егора Ивановича съ извѣстнымъ въ то время въ Одессѣ музыкантомъ и композиторомъ, старичкомъ итальянцемъ, Уголини. Адмиралъ горячо защищалъ преимущества русской музыки. Уголини возражалъ. «Гдѣ такое русска музыка. Русалька, Алька (Галька), Аскольдова могили и Жизніа за Царья, voila et tout. Un seul Verdi a écrit presque 40 operas», говорилъ итальянецъ. «Да, возражалъ Егоръ Ивановичъ, такихъ композиторовъ, какъ Верди, у итальянцевъ дѣйствительно много, но такихъ, какъ Львовъ и Глинка, нѣтъ ни одного». Итальянецъ горячился, усиленно нюхалъ изъ своей табакерки, предлагая отъ поры до времени и адмиралу понюхать его новаго табаку съ бобами, а адмиралъ угощалъ его трубкой, которую неизмѣнно держалъ въ рукахъ. Быстро отъ музыки разговоръ переходилъ къ политикѣ. Въ то время Пруссія добивалась дружбы съ Россіей, а съ Сѣверной Америкой велись переговоры объ уступкѣ ей русскихъ американскихъ владѣній. Возникалъ вопросъ о возможности союза между этими тремя державами, но итальянецъ непремѣнно хотѣлъ включить въ него и Италію, а адмиралъ утверждалъ, что можно обойтись и безъ нея. Уголини доказывалъ, что въ этомъ союзѣ не будетъ души, которую и должна собой представить Италія, создавшая Рафаэля и его Мадонну. Тутъ перебиралась вся живопись, всѣ великія произведенія искусства. Споръ становился все горячѣе; трубка съ турецкимъ чубукомъ и табакерка чаще и быстрѣе переходили изъ рукъ въ руки; наконецъ, собесѣдни-

ки вспоминали Гарибальди. Онъ прекращалъ споръ: оба собесѣдника одинаково преклонялись предъ нимъ.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей дома Колтовскихъ былъ и протоіерей Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ, тоже одинъ изъ подвижниковъ Севастопольской обороны. Это былъ другъ дома, дѣлившій съ семьей Егора Ивановича всѣ радости и горести и проводившій въ бесѣдахъ съ адмираломъ многіе часы. Вообще Егоръ Ивановичъ пользовался всегда общею любовью и уваженіемъ. Нахимовъ, Корниловъ, Меньшиковъ выказывали ему большое расположеніе, да и у всѣхъ его современниковъ осталась о немъ прекрасная память. «Да, говорили они потомъ, это былъ лихой, храбрый и честный морякъ, какихъ мало; онъ не любилъ разсказывать о своей службѣ, чтобы какъ-нибудь не выставить себя,—это черта всѣхъ истинно честныхъ и благородныхъ людей, которые говорятъ, что ничего не сдѣлали особеннаго, а лишь исполнили долгъ службы».

Егоръ Ивановичъ Колтовской умеръ 5-го апрѣля 1870 года въ день своего рожденія, а погребенъ на старомъ кладбищѣ Одессы, 8-го апрѣля, на другой день послѣ своихъ именинъ. Ему было 78 лѣтъ. Незадолго до смерти старый морякъ просилъ похоронить его какъ можно проще, въ простомъ сосновомъ гробу, какъ матроса, покрывъ лишь адмиральскимъ флагомъ. Но эти желанія не могли быть исполнены. Генералъ Олоховъ, узнавъ о смерти адмирала Колтовскаго, сдѣлалъ распоряженіе о собраніи войскъ для отданія усопшему послѣднихъ почестей. Похороны были весьма торжественны, и погребальная процессія тянулась нѣсколько кварталовъ. Могила покрыта мраморной доской съ простою надписью: «адмиралъ Егоръ Ивановичъ Колтовской».

П. Голубовскій.

Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго.

(Переписка его съ разными лицами [1]).

5.

А. Д. Комовскій—князю Меншикову.

26-го мая (7-го іюня) 1846 г. Воскресенье. Киссингенъ.

Изъ грустнаго содержанія прилагаемаго при семъ въ копіи письма къ посланнику нашему при Баварскомъ дворѣ тайн. совѣтн. Северину ваша свѣтлость изволите усмотрѣть, какимъ непріятнымъ происшествіемъ поражены русскіе въ Киссингенѣ.

Зная, сколько ваша свѣтлость были всегда милостивы и внимательны къ семейству Голенищева-Кутузова, я рѣшился изложить здѣсь собственно для вашего частнаго свѣдѣнія нѣкоторыя пояснительныя подробности.

Прибывъ въ Киссингенъ, я нашелъ Кутузова въ томъ же домѣ, гдѣ нанята была и мною квартира. Обрадованный сосѣдствомъ, онъ съ торжествомъ разсказалъ мнѣ о предпріятіи своемъ устроить здѣсь для русскихъ церковь, на что будто-бы собрана уже имъ значительная сумма по подпискѣ, въ которой приняли участіе и вел. кн. Михаилъ Павловичъ и его выс. цесаревичъ. Трудно было не увѣриться въ обдуманности предпріятія, повидимому окончательно уже приготовленнаго къ исполненію, увидѣвъ квартиру его наполненную образами и всѣми принадлежностями для церкви. Между тѣмъ прочитавъ въ издаваемомъ

[1]) См. „Русскую Старину“, іюнь, 1897 г.

при водахъ Kurliste, что почтенный коллега мой прибылъ сюда самъ шесть и какъ написано было въ одномъ изъ періодическихъ мѣстныхъ изданій на собственныхъ лошадяхъ, съ собственнымъ кучеромъ, со свитою и прислугою, mit Begleitung und Dienerschaft, я подумалъ, что вѣроятно снабженный щедро отъ правительства, о чемъ намекалъ неоднократно самъ Кутузовъ, какъ прямой наслѣдникъ пустаго тщеславія и всѣхъ полубарскихъ замашекъ покойнаго своего отца, почелъ необходимымъ пріѣхать сюда en grand seigneur, дабы, какъ говорится, пустить нѣмцамъ пыль въ глаза. Сначала это было только смѣшно. Потомъ становилось уже загадочнымъ и непріятнымъ тѣмъ болѣе, что прибывавшіе сюда иностранцы подсмѣивались надъ Seiner Exellenz, у котораго въ свитѣ оказалась какая-то дама— пожилая и некрасивая—вѣроятно неотступная привязанность старыхъ грѣховъ; сверхъ того лакей-пруссакъ съ пѣтушинымъ посланническимъ перомъ на шляпѣ, мальчишка-казачекъ въ изношенномъ получеркесскомъ нарядѣ. Стали появляться насмѣшливыя статейки, и недавно кто-то, конечно съ умысломъ, напечаталъ въ фельетонѣ «Journal de Francfort» отъ 26-го мая с. г. коротенькое извѣстіе, что parmi les étrangers arrivés dernièrement à Kissingen, se trouve un jeune circassien parent de Chamil. Ce jeune homme agé de 12 ans fait partie de la suite du lieutenant-général M. de Koutousoff.

Хорошо что Васька-казачекъ не читаетъ по французски!! Щекотливо, а надо было замѣтить Кутузову, съ которымъ впрочемъ до сего времени не былъ коротко знакомъ, что лучше было бы не давать повода ни къ какимъ статьямъ за границею о русскихъ, а тѣмъ менѣе къ статьямъ въ родѣ п у ф а. Особенно побудило меня къ этому замѣчанію то, что я узналъ и къ сожалѣнію н е отъ русскихъ, что всѣ маленькія привѣтственныя статьи какъ напр. въ родѣ слѣдующей: Seine Exellenz Keiserlicher Wirkliche Statsrath Kammerherr und Ritter herr G. Koutousoff прибылъ въ Киссингенъ къ общей радости жителей, увидѣвшихъ въ немъ своего прежняго любимаго гостя, который этотъ разъ пріѣхалъ съ цѣлью устроить и вовсе не средствами правительства, а частными, церковь для своихъ соотечественниковъ, привезъ для нихъ и библіотеку и картинную галлерею, и для удовольствія экипажи съ русскою упряжью и тому под.: особливо, говорю, когда я узналъ, что эти статейки будто-бы писаны по диктовкѣ самого почтеннаго гостя, въ опроверженіе распространеннаго извѣстія, что церковь устраивается въ ожиданіи прибытія высочайшихъ особъ.

На всѣ наши дружескія и откровенныя замѣчанія, Кутузовъ только отвѣчалъ: Ah! vous ne concevez pas!! Между тѣмъ пріѣхали въ Киссингенъ графиня Гейденъ, генер.-ад. Дьяковъ съ женою, генералъ Герштенцвейгъ съ дочерью и нѣсколько другихъ. Въ это время Кутузовъ

отправлялся на трое сутокъ во Франкфуртъ къ Убри. Возвратясь, онъ сдѣлался невидимъ. Нѣсколько разъ въ день заходилъ я къ нему и не заставалъ дома; онъ все сидѣлъ у своей с в и т ы. Въ одно утро является ко мнѣ эта свита и проситъ навѣстить больнаго. «Je suis malade mortalement»—отвѣчалъ Кутузовъ на мое привѣтствіе. Дѣйствитедьно, я замѣтилъ, что онъ разстроенъ и встревоженъ чѣмъ-то. На предложеніе мое пойти погулять, вмѣстѣ съ нами отобѣдать, Кутузовъ согласился и ничто не обнаруживало въ немъ приготовленія къ какому-нибудь рѣшительному поступку, и еще менѣе проступку. Братъ нашего Д** [1]), Кутузовъ и я разстались послѣ обѣда весьма спокойно. Не прошло и часу времени, какъ ко мнѣ въ садъ подбѣгаетъ встревоженная графиня Гейденъ «Je vous cherchais m-r, de grâce expliquez moi ce qui arrive». Съ этими словами она разсказала мнѣ о самой трагической сценѣ съ Кутузовымъ. Онъ пришелъ къ ней съ видомъ отчаянія и просилъ спасти его. «Sauvez moi, sauvez moi, je suis un homme perdu». Не понимая въ чемъ дѣло, графиня Гейденъ только перепугалась. Кутузовъ требовалъ отъ нея денегъ, всѣхъ ея векселей, просилъ послать немедленно за банкиромъ и занять для него 2400 р. угрожая въ случаѣ отказа застрѣлиться, зарѣзаться и т. д.

Стараясь успокоить его, графиня предложила ему сколько могла изъ наличныхъ своихъ суммъ, онъ этимъ не удовольствовался и вышелъ.

Я побѣжалъ къ Кутузову, узнать о причинѣ отчаянія и предупредить дальнѣйшія сцены. Его не было дома.

Къ ужасу нашему, вечеромъ того же дня, распространился слухъ, что подобная сцена и гораздо худшая по частностямъ, которыхъ я не рѣшаюсь описывать, разыграна была имъ въ домѣ польской графини Бобръ, проживающей здѣсь также безъ мужа съ двумя дочерьми. Надо было принять мѣры. Ген.-ад. Дьяковъ, ген. Герштенцвейгъ просили меня поговорить съ Кутузовымъ и посовѣтовать ему выѣхать отсюда скорѣе. Я засталъ его въ постели разстроеннаго совершенно физически. Не говоря мнѣ ни слова о сценахъ у двухъ графинь, а признаваясь только въ затруднительныхъ своихъ обстоятельствахъ, но между тѣмъ не поясняя ничего откровенно, Кутузовъ просилъ меня прислать средства расплатиться съ долгами, которые успѣлъ сдѣлать въ Кенигсбергѣ, Берлинѣ и здѣсь и скорѣе уѣхать.

Дабы однако сколько можно благовиднѣе прикрыть гнусность поступка Кутузова, нужно было распустить слухъ о разстройствѣ его разсудка. Онъ и дѣйствительно былъ не въ своемъ умѣ.

Обсуживая и придумывая, что̀ можно сдѣлать для спасенія помѣшавшагося, который безпрестанно твердилъ, что ему остается только

[1]) Фамилія не разобрана.

лишить себя жизни, въ общемъ нашемъ совѣтѣ рѣшено было предложить ему обратиться поскорѣе къ ближайшимъ посольствамъ или къ Убри или къ Северину. Намеками весьма неясными, Кутузовъ обнаружилъ мнѣ, что у перваго онъ уже однажды занималъ, а послѣдній имѣетъ кажется, какой-то поводъ на него сердиться, и конечно откажетъ въ его просьбѣ. Только одна подписка русскихъ и о д о л ж е н і е богатой, по словамъ его, польской графини Бобръ могутъ его выручить изъ бѣды и спасти. Конечно онъ не хотѣлъ, или въ разстройствѣ ума не могъ уже понимать: какъ неблаговидно первое и какъ постыдно и унизительно было бы послѣднее средство. Послѣ многихъ совѣщаній и переговоровъ мы рѣшили прибѣгнуть за него къ тайн. сов. Северину. Г.-ад. Дьяковъ и всѣ участники одобрили написанный мною проектъ письма и при докторскомъ свидѣтельствѣ оно отправлено уже къ посланнику. Можетъ быть ходъ его будетъ оффиціальный и безъ сомнѣній дѣло это дойдетъ до Петербурга. Ваша свѣтлость, зная теперь подробности, будете конечно менѣе поражены слухомъ о бѣдствіяхъ камергера Кутузова. Есть поступки, которыхъ безнравственность легче оправдать сумасшествіемъ, и потому для насъ всѣхъ утѣшительнѣе было признать, что соотечественникъ нашъ дѣйствительно разстроенъ умомъ. Иначе я не знаю, можно ли было принять какое либо въ немъ участіе? Притомъ другаго средства къ его спасенію мы и придумать не могли. Пусть родственники Кутузова, которымъ можетъ быть только поверхностно будетъ извѣстно это дѣло, не сѣтуютъ на насъ за то, что мы п е р е д а л и, а не п р е д а л и несчастнаго въ руки нашего правительства, предупредивъ распоряженіе чуждаго. Впрочемъ все это сдѣлано съ согласія самого Кутузова, послѣ предложенныхъ ему другихъ средствъ, которыя онъ рѣшительно отвергалъ, видя только въ заступничествѣ посланника свое спасеніе и готовясь на всѣ непріятныя послѣдствія этого дѣла въ Петербургѣ.

Принявъ вмѣстѣ съ прочими участіе въ положеніи Кутузова, я по необходимости, какъ ближайшій къ нему и по мундиру и по жительству, долженъ былъ посредничать между его желаніями и мольбою даже и единодушнымъ рѣшеніемъ общества русскихъ, по справедливости оскорбившихся его поступками.

Не заботясь о томъ, что будутъ говорить родные Кутузова, я останусь совершенно спокоенъ въ совѣсти, ежели ваша свѣтлость при внимательномъ взглядѣ на это дѣло, одобрите путь, избранный для спасенія несчастнаго отъ стыда и посрамленія имени русскаго за границею.

Мнѣ весьма непріятно, что послѣднее мое письменное обращеніе къ вашей свѣтлости, предъ возвратомъ моимъ въ Россію, куда надѣюсь изъ Стетина прибыть 9-го или 10 іюля с. г., заключаетъ въ себѣ изложеніе такого мрачнаго дѣла. Но я не смѣлъ не извѣстить васъ конфи-

денціально о подробностяхъ происшествія, которое конечно, секретомъ долго оставаться не будетъ ни въ Петербургѣ, ни еще менѣе за границею. Сожалѣю вообще, что оно случилось въ эпоху моего пребыванія въ Киссингенѣ, куда я пріѣхалъ вовсе не для сильныхъ ощущеній, которыя только могутъ повредить успѣшному доселѣ дѣйствію Рагоцци.

Въ надеждѣ скоро лично повергнуть себя благорасположенію и милостямъ вашимъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія и искренной преданности имѣю честь быть.

Письмо генералъ-адъютанта Дьякова Д. П. Северину.

24-го мая (5-го іюня) 1846 г. Киссингенъ.

Милостивый государь, Дмитрій Петровичъ!

Спѣшу сообщить вашему превосходительству обстоятельство, въ которомъ одно только непосредственное и ежели возможно немедленное участіе ввѣреннаго вамъ посольства можетъ быть дѣйствительно для предупрежденія всѣхъ непріятныхъ для имени русскаго послѣдствій.

Прибывшій сюда для устройства церкви дѣйств. ст. сов. камергеръ Голенищевъ-Кутузовъ съ нѣкотораго времени находится въ такомъ тяжкомъ разстройствѣ здоровья, съ признаками ослабленія разсудка, что не имѣетъ возможности совершить предпринятое дѣло, и при крайнемъ положеніи своихъ денежныхъ обстоятельствъ, онъ вынужденнымъ нашелъ для скорѣйшаго возвращенія въ Россію, откуда послѣ недавней кончины своего отца не получаетъ никакого извѣстія отъ матери, прибѣгнуть къ нѣкоторымъ изъ находящихся здѣсь русскихъ съ просьбою о денежномъ пособіи, угрожая, конечно въ припадкѣ прилива крови къ головѣ, лишить себя жизни, ежели не придутъ на встрѣчу къ его нуждамъ, которыя, какъ онъ признался, простираются съ предъявленными на него сдѣланными за границей долгами до 4 тыс. р. сер.

Число русскихъ здѣсь весьма незначительно и при томъ все люди небогатые. При всей готовности и при всемъ желаніи каждаго изъ насъ какъ спасти Кутузова, такъ и предупредить всякое несчастіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности удалить поводъ къ неблаговиднымъ толкамъ за границею о поступкахъ, хотя и болѣзненныхъ русскаго камергера съ столь извѣстнымъ именемъ Кутузова, никто изъ насъ однако не въ состояніи удовлетворить вполнѣ нужды больнаго и несчастнаго, желающаго немедленно уѣхать на родину.

Онъ прибылъ сюда съ двумя крѣпостными своими людьми и жен-

щиною, нанявъ еще въ Кенигсбергѣ прусскаго лакея, съ которымъ теперь возвратъ долженъ ему стоить значительной суммы. Денегъ же у него, какъ онъ говоритъ, рѣшительно нѣтъ, а отъ родныхъ своихъ, въ Петербургѣ находящихся, по словамъ его, никакой помощи ожидать не можетъ. Тревожась мыслію, что за предъявленные на него векселя, и при дальнѣйшемъ здѣсь пребываніи, онъ по справедливости можетъ подвергнуться невыносимому для чести осрамленію, г. Кутузовъ проситъ спасти его.

Принимая въ немъ, какъ соотечественникѣ искреннее участіе, всѣ находящіеся здѣсь на лицо русскіе: генер. отъ артиллеріи Герштенцвейгъ, жена ген.-лейт. Плаутина, графиня Гейденъ, жена свиты его велич. контръ-адмирала, камергеръ Комовскій, просили меня и я съ готовностью принялъ на себя отнестись къ вашему превосходительству съ убѣдительнѣйшею просьбою о принятіи благосклоннаго участія въ судьбѣ погибающаго и морально и физически Кутузова, о доставленіи ему возможности безъ посрамленія немедленно выѣхать отсюда средствами русскаго правительства. Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшее его пребываніе за границею повлечетъ къ большимъ непріятностямъ для имени русскаго. Во власти вашего превосходительства предупредить бѣду и гибель г. Кутузова.

Сообщая вамъ, милостивый государь, на благосклонное уваженіе и къ дальнѣйшимъ зависящимъ отъ васъ мѣрамъ о тяжелыхъ обстоятельствахъ камергера Кутузова, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть.

6.

Кн. Меншиковъ—А. Д. Комовскому.

14-го августа 1853 г. Николаевъ.

Благодарю васъ, любезный Александръ Дмитріевичъ, за извѣщенія, заключающіяся въ отпискахъ вашихъ, изъ коихъ послѣдняя, отъ 26-го іюня. Отплатить вамъ тою же монетою, т. е. извѣстіями отсюда, не могу, ибо мы находимся безъ положительныхъ свѣдѣній о происходящемъ въ политическомъ мірѣ. Всѣ сношенія сосредоточиваются между Петербургомъ, Вѣною и Константинополемъ и проходятъ минуя Одессу; дипломатическая же моя дѣятельность ограничивается сидѣніемъ у моря въ ожиданіи погоды и болѣе въ ожиданіи съ нетерпѣніемъ часа обратнаго пути къ дому, для поправленія совсѣмъ разстроеннаго здоровья.

Остаюсь въ надеждѣ скораго съ вами свиданія, а до того прощайте.

7.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

31-го октября 1853 г.

Вчера я получилъ отъ князя А. С. Меншикова письмо, которое кончается такъ:

«Ежели мнѣ должно будетъ зимовать здѣсь, то мнѣ необходимо имѣть сотрудника по письмоводству. Могу-ли я въ такомъ случаѣ оторвать васъ отъ многосложныхъ дѣлъ, вамъ поручаемыхъ, и просить о командированіи васъ ко мнѣ. Ожидаю вашего отзыва».

На подобный вызовъ что могъ я отвѣчать человѣку и министру, подъ начальствомъ котораго я прослужилъ прямо, честно и ретиво безъ малаго 16 лѣтъ. Ваше императорское высочество удостоите меня понять, что отвѣтъ мой былъ продиктованъ этою самою 16-лѣтнею непосредственною при князя службою.

Я благодарилъ за вызовъ, сказалъ, что въ теченіе моей службы привыкъ покоряться и самъ, готовый на все и всюду, повергаю рѣшеніе о моей командировкѣ благоусмотрѣнію тѣхъ, въ чьихъ рукахъ вся моя гражданская судьба.

Поспѣшая о вызовѣ и объ отвѣтѣ довести до свѣдѣнія вашего императорскаго высочества, имѣю честь присовокупить, что въ посылаемомъ мною завтра письмѣ я пишу къ его свѣтлости и о дѣлаемомъ мною вашему высочеству донесеніи.

8.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

„ „ декабря 1853 г. Севастополь.

Пользуясь милостивымъ и драгоцѣннымъ дозволеніемъ вашего императорскаго высочества, могу ли я пропустить первую отходящую при мнѣ курьерскую почту, чтобы не осмѣлиться письменно вамъ выразить, какъ много теплаго и прочнаго посѣяно вашимъ высочествомъ въ моихъ безпредѣльно благодарныхъ душѣ и сердцѣ тѣмъ благосклоннымъ вниманіемъ, которымъ вы удостоивали мои труды въ продолженіе 11-ти мѣсяцевъ моихъ занятій, подъ непосредственнымъ вашимъ начальствомъ.

Новый знакъ благоволенія вашего высочества къ отсутствующему,

о чемъ я прочелъ здѣсь, въ наградномъ спискѣ къ приказу 6-го декабря, утѣшаетъ меня мыслію и надеждою, что можетъ быть и впредь въ грядущемъ на мнѣ не сбудется французская поговорка: «que les absents ont tort».

Я прибылъ сюда 17-го числа, испытавъ на дорогѣ по Крыму всѣ неудобства отъ неожиданной гостьи—холодной и снѣжной зимы! Снѣгъ, споря съ грозою, согласились составить союзомъ своимъ такую кашу, что я уже не ѣхалъ, а тащился,—протирался по ней и особливо отъ Перекопа до Севастополя.

Его свѣтлость я нашелъ въ добромъ здравіи, но не могу скрыть,—физически онъ замѣтно постарѣлъ, хотя въ его годы духомъ бодръ попрежнему и дѣятеленъ до невѣроятности.

Приказаніе вашего императорскаго высочества я исполнилъ, передавъ лично генералъ-адъютанту Корнилову лестный отзывъ вашъ о военныхъ дѣлахъ черноморцевъ-молодцовъ и объ удовольствіи вашего высочества, что первые храбрые подвиги принадлежатъ судамъ, на которыхъ вы изволили сами служить.

Мнѣ истинно пріятно было познакомиться съ героями славнаго Синопскаго дѣла; я былъ у нихъ всѣхъ съ визитомъ.

Здѣсь все кипитъ военною дѣятельностію. Для отдыха и развлеченія—балы по четвергамъ въ собраніи, спектакли въ театрѣ, и Османъ-паша, плѣнный и раненый, который говоритъ по-итальянски, почему я и намѣренъ посѣтить его хоть разъ.

Воинственнымъ духомъ здѣсь преисполнено все. Отъ 120-ти пушечнаго корабля и отъ починенныхъ стѣнъ береговыхъ батарей до послѣдняго кондуктора все дышетъ желаніемъ встрѣтиться не съ однимъ поклонникомъ луны, а и съ гордыми его друзьями, постыдно подстрекающими его на позорную и для него, конечно, навѣрно послѣднюю борьбу. Хотѣлось бы передъ Джономъ Булемъ такъ чихнуть, чтобы ему не поздоровилось. Словомъ, по-истинѣ—

„Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!“

Простите мнѣ, ваше высочество, невольный восторгъ! Увлеченія патріотрическаго чувства—отрадны.

Не утруждая болѣе вниманія вашего императорскаго высочества, позвольте мнѣ закончить поздравленіемъ васъ съ наступающимъ годомъ и отъ искреннѣйшаго самаго признательнаго сердца пожелать вамъ и всему августѣйшему семейству вашему благословеніе отъ Царя-царей. Да укрѣпитъ Господь Богъ ваше высочество здоровьемъ для совершенія всѣхъ благихъ начинаній вашихъ. Молю также Бога, да сохранитъ Онъ въ благородномъ молодомъ сердцѣ на вѣчныя времена вашему высочеству ту благодѣтельную теплоту, которую нерѣдко утрачиваютъ

отъ столкновенія съ людьми и трудомъ, но отъ которой въ сердцѣ вашемъ будетъ зависѣть счастье всѣхъ, кто судьбою поставится въ кругу его лучей и за которую благословится имя ваше.

Повергая себя къ стопамъ ея императорскаго высочества, съ чувствами безпредѣльной преданности имѣю честь быть вашего императорскаго высочества съ искренною благодарностью всепокорнѣйшимъ слугою.

9.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

19-го мая 1854 г. Среда. Севастополь.

Ваше императорское высочество!

Пріемлю смѣлость представить при семъ выписку изъ частнаго письма [1]) командира шкуны «Востокъ», капитана-лейтенанта Римскаго-Корсакова.

Изъ оффиціальныхъ, конечно, не гласныхъ донесеній генералъ-адъютанта Путятина ваше императорское высочество изволите уже, по всей вѣроятности, имѣть подробнѣйшія свѣдѣнія объ экспедиціи на островъ Сахалинъ; смѣю, однако, думать, что и частное письмо командира шкуны, гласности также не подлежащее, особенно для того, чтобы преждевременно не открыть англичанамъ о видахъ нашихъ и обо всемъ, что найдется нами на островѣ Сахалинѣ, какъ-то ломка каменнаго угля и проч.,—смѣю думать, что и это частное письмо удостоится благосклоннаго и любознательнаго вниманія вашего высочества.

Къ выпискѣ прилагается карта мѣстности, начерченная самимъ исполнителемъ экспедиціи.

Въ одномъ изъ предшествующихъ писемъ Римскій-Корсаковъ пишетъ, что онъ съ гордостью русскаго моряка долженъ отдать справедливость флигель-адъютанту Унковскому, который молодцомъ распоряжается фрегатомъ и довелъ команду свою до такой расторопности и лихости, что своему и постороннему моряку—любо смотрѣть, какъ она работаетъ. А фрегатъ содержится боевымъ и на щегольство. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія вашего императорскаго высочества — не какъ аттестацію офицера офицеру—тѣмъ болѣе, что хотя оба командира по лѣтамъ службы и сверстники, если не ошибаюсь,—конечно, не шкун-

---

[1]) Выписки этой при письмѣ не оказалось.

скому аттестовать фрегатскаго; но я присовокупляю объ отзывѣ Римскаго-Корсакова, какъ объ искренномъ достохвальномъ восторгѣ балтійца къ черноморцу, что, какъ извѣстно, не всякій день встрѣчается при взаимныхъ ихъ другъ о другѣ сужденіяхъ.

Здѣсь, въ Севастополѣ, все въ ожиданіи, все въ нетерпѣніи!—можемъ сказать, что по-истинѣ сидимъ у моря и ждемъ погоды! Враги наши что-то долго думаютъ,—посмотримъ: ловко-ль молвятъ? Скоро-ли и чѣмъ-то порадуетъ насъ Балтика?—общее восклицаніе.

Съ искреннѣйшею молитвою, да сохранитъ и благословитъ васъ десница Всевышняго на благо и славу Россійскаго флота, позвольте мнѣ съ чувствами глубочайшаго уваженія и безпредѣльной преданности именоваться вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ и благодарнымъ.

10.

Великій князь Константинъ Николаевичъ—А. Д. Комовскому.

1-го іюня 1854 г. Петергофъ.

Я очень благодаренъ вамъ за доставленіе весьма любопытной выписки изъ письма Римскаго-Корсакова и за сообщаемыя вами подробности о его плаваніи.

Искренно желаю вамъ всего лучшаго. Когда будете писать мнѣ въ другой разъ, прошу васъ сказать подробно о состояніи здоровья князя Александра Сергѣевича (Меншикова).

11.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

17-го іюня 1854 г. Четвергъ. Севастополь.

Милостивое предписаніе вашего высочества отъ 1-го іюня изъ Петергофа, дошло до меня, по обыкновенной почтѣ, только 15-го числа сего мѣсяца. Вашему высочеству угодно имѣть подробныя свѣдѣнія о состояніи здоровья князя Александра Сергѣевича. Я счелъ моею обязанностью о благосклонномъ этомъ вниманіи вашемъ доложить князю, который съ благодарностью къ вашему высочеству выслушалъ о данномъ мнѣ приказаніи. Спѣшу исполнить его.

По моемъ пріѣздѣ сюда, я нашелъ, что его свѣтлость разительно осунулся и похилѣлъ. Вѣроятно, сначала тревоги посольскаго порученія, а потомъ усиленные труды къ приведенію флота, Севастополя и вообще ввѣреннаго ему края въ соотвѣтственное разыгравшимся въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго года обстоятельствамъ положеніе—подѣйствовали на его физическія силы. Чѣмъ болѣе работала и напрягалась нравственная и умственная часть его организма, тѣмъ замѣтнѣе слабѣла физическая, обнаруживая и всякія усталости, и естественное вліяніе лѣтъ. Вѣдь его свѣтлости безъ малаго 70. Онъ посѣдѣлъ совершенно и такъ было исхудалъ, что можно было опасаться за постигшее уже его и неотвратимое истощеніе. Нерѣдко, первое время, приходя къ его свѣтлости съ докладомъ, я заставалъ его блѣднаго, растянувшагося въ креслахъ, какъ-бы въ полуживомъ состояніи. Ежедневныя поѣздки верхомъ по воздвигавшимся укрѣпленіямъ и батареямъ, заботы по приготовленію всего, что требовалось для обезпеченія и расположенія прибывавшихъ сюда въ началѣ сего года войскъ, не говорю уже о массѣ бюрократическихъ занятій, при весьма ограниченномъ составѣ его штаба,—все это вмѣстѣ не могло не изнурять старика, который только бодростью духа и обычною веселостію нрава пересиливалъ свою усталость и необыкновенною дѣятельностью своею по-истинѣ удивлялъ насъ всѣхъ.

Съ мая мѣсяца, когда здѣсь уже все, во всѣхъ отношеніяхъ, въ такомъ положеніи, что остается только встрѣтить и достойно угостить незванныхъ и непрошенныхъ,—и здоровье князя какъ-будто стало поправляться. Онъ и полнѣе прежняго, и свѣжѣе на видъ, бодрѣй, какъ и всегда, духомъ, замѣтно бодрѣе теперь и тѣломъ. Встаетъ по большей части очень, очень рано—и нерѣдко тотчасъ на коня! До обѣда—полковникъ Вуншъ (завѣдывающій сухопутнымъ дѣломъ, воинъ Кавказа, и весьма дѣльный, усердный и благородный человѣкъ) и я терзаемъ князя бумагами. Трапезничаемъ мы здѣсь въ 2 часа пополудни всѣ вмѣстѣ и всегда у его свѣтлости, составляя, благодаря Бога, дружную и ладную каютъ-компанію. Послѣ обѣда его свѣтлость немного отдыхаетъ, чтобы къ 5 часамъ быть опять на конѣ, либо для осмотра лагерей, либо для ученія или—какъ недавно—для маневровъ.

Также посѣщаетъ адмиралтейство, доки, суда, на которыхъ недавно, въ присутствіи его, испытывались бомбы новыхъ изобрѣтеній. Объѣзжаетъ оборонительную стѣнку, смотритъ за успѣхами работъ по разнымъ устройствамъ, то по улучшенію саперами дорогъ. Словомъ, до сумерекъ время не проходитъ у его свѣтлости даромъ. Вечеромъ, послѣ чая, до глубокой ночи опять мы, два мучителя, либо вмѣстѣ, либо по очереди, смотря у кого что накопилось, терзаемъ его докладами бумагами къ подписи и вопросами о разныхъ письменныхъ сношеніяхъ.

Слава Богу, въ настоящее время его свѣтлость не возбуждаетъ во

мнѣ того опасенія за его здоровье, какое я имѣлъ въ первое время по моемъ сюда прибытіи.

Осмѣлюсь выразить вашему императорскому высочеству мое убѣжденіе, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ пребываніе здѣсь такого лица, какъ князь Александръ Сергѣевичъ, во всѣхъ отношеніяхъ не только полезно, но и благотворно для порядка дѣлъ. Я увѣренъ, ибо вижу это своими глазами, что безъ его присутствія, которымъ примиряются и идутъ въ ладъ всѣ разнохарактерныя власти, устранены всякія столкновенія самолюбій, честолюбій и пр., далеко не было бы такъ быстро и успѣшно произведено то, чѣмъ, право, здѣсь могутъ теперь похвалиться. Думаю даже, что и усердіе многихъ усилилось только потому, что свидѣтелемъ этого усердія можетъ быть князь Меншиковъ, а не иная мѣстная здѣсь власть.

Безъ всякой лести князю, потому что этого онъ отъ меня никогда и не услышитъ, я счелъ моимъ долгомъ откровенно высказать вашему высочеству мое убѣжденіе, прося великодушно простить меня за длинное письмо, въ которомъ я старался только изложить все, какъ вижу и какъ понимаю.

При самомъ искренномъ желаніи вашему высочеству всѣхъ благъ отъ Всевышняго съ молитвою—да осѣнитъ Господь Богъ десницею своею все грядущее ваше, имѣю честь быть съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и безпредѣльной преданности вашего императорскаго высочества покорнѣйшій и благодарный.

12.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

21-го ноября 1854 года.

Канцелярія морскаго министерства, сообщивъ мнѣ копію съ отношенія къ вамъ ея императорскаго высочества государыни великой княгини Маріи Николаевны—президента Академіи Художествъ, отъ 25-го октября, № 1289, просила доставить свѣдѣнія объ обстоятельствахъ кончины ген.-ад. Корнилова и о мѣстности, гдѣ онъ былъ смертельно раненъ и гдѣ предполагается поставить ему памятникъ.

Вслѣдствіе этого я обращался къ г-ну командиру порта о снятіи возможно обстоятельнаго плана мѣстности; а къ капитанъ-лейтенанту Попову и лейтенанту Жавдру, находившимся при покойномъ адмиралѣ,—объ описаніи подробно того, чего они были сами личными свидѣтелями.

Планъ мѣстности, какъ она въ настоящее время, съ обозначеніемъ пункта, гдѣ былъ раненъ генералъ-адмиралъ Корниловъ, составленъ по указаніямъ контръ-адмирала Истомина.

Имѣя честь представить при семъ этотъ планъ, съ приложеніемъ и подлинной записки лейтенанта Жандра, обязываюсь присовокупить, что отъ капитанъ-лейтенанта Попова, свидѣтеля кончины, но занятаго теперь чрезвычайно по дѣламъ военныхъ обстоятельствъ, я, вѣроятно, не замедлю получить описаніе и поспѣшу тогда представить и его записку вашему императорскому высочеству.

Коллежскій совѣтникъ Крыловъ съ третьяго-дня уже здѣсь и приступилъ къ исполненію возложеннаго на него истинно христіанскаго порученія [1]), за которое благословится всѣми ближне-любивое сердце вашего высочества, и да наградитъ васъ Господь Богъ всѣми утѣшеніями въ жизни!

Наши богатыри-моряки съ благоговѣніемъ и восторгомъ слушаютъ и глубоко принимаютъ въ душу каждое слово царскаго спасиба! Они все болѣе и болѣе (ежели только для нихъ возможна какая-нибудь степень возвышенія чувствъ) преисполняются желаніемъ угодить царю-батюшкѣ и радовать его! До сей минуты продолжаютъ мужественно отстаивать Севастополь, не уступая ниже единой пяди врагу. Любо-дорого какіе молодцы!

Какъ съ самаго начала, такъ и теперь, я твердо вѣрую и уповаю, что Всевышній увѣнчаетъ благимъ концомъ родное для всей святой Руси дѣло. Вникая въ подробности здѣшнихъ событій, отъ Алминскаго дня до сей минуты, признаюсь вашему высочеству, я, какъ человѣкъ не военный, кромѣ благословенія и особенныхъ милостей Божьихъ, ничего не вижу! Какъ-бы ни одностороненъ, какъ-бы ни страненъ былъ мой взглядъ,—предъ вашимъ императорскимъ высочествомъ осмѣлюсь откровенно выразить его: первый, еще весьма неважный успѣхъ союзниковъ подъ Альмою видимо ослѣпилъ ихъ; они впали въ рядъ теперь ужъ неоспоримыхъ ошибокъ, которыя, сверхъ ожиданія, дали намъ возможность, при тогдашнихъ нашихъ средствахъ, успѣть во многомъ, многимъ воспользоваться и, взвѣшивая все обдуманно, работая усиленно, соображая мощь врага, безъ пренебреженія достигнуть того, что Севастополь до сихъ поръ успѣшно отражаетъ всѣ вражескіе замыслы, и что положеніе непріятеля, по моему мнѣнію, далеко въ настоящую минуту не блестящее. Вопросъ: было ли бы то же и имѣли ли бы мы даже настоящія наши средства, если бы дѣломъ подъ Альмою мы могли возгордиться?.. Испытывая насъ въ смиреніи, посылая и намъ тяжкія минуты, Святой Промыслъ, ежели только прослѣдить шагъ за шагомъ

[1]) По обезпеченію больныхъ и раненыхъ чиновъ черноморскаго флота.

всѣ обстоятельства съ 1-го сентября, не перестаетъ быть на сторонѣ православнаго дѣла.

Успѣхи очевидные, успѣхи блестящіе могли бы, можетъ быть, и насъ ослѣпить, и мы, какъ это случалось въ исторіи, впали бы въ то же, всегда вредное для дѣла, пренебреженіе къ врагу, какимъ (таково мое убѣжденіе) наказываются уже и теперь наши кичливые противники. Господь пока бережетъ насъ отъ этого искушенія, но испытуетъ. Испытанія тяжки, конечно, но слѣдуетъ смиренно покоряться, помня слова Писанія: «терпѣніемъ стяжите души ваши, а претерпѣвый до конца— той спасенъ будетъ!»

До сей поры, и въ этомъ я чувствомъ христіанской моей покорности завѣряю ваше высочество, не было у меня ни одной минуты, чтобы я опасался не только за все наше дѣло, но и за Севастополь. Конечно, что́ еще будетъ—единъ Богъ знаетъ. Все въ Святой Его волѣ. Но сколько я понимаю вещи, не стратегически и не тактически только разсуждая, положеніе союзниковъ теперь, въ настоящую минуту,—морально, должно быть весьма, весьма критическое! Матеріальныхъ ихъ средствъ и числительной ихъ силы я не разбираю! Что́ они предпримутъ и что́ могутъ предпринять въ это страшное ненастье и въ эту невообразимую грязь—предугадать трудно. Отчаянье и упорство двухъ соперничествующихъ славолюбіемъ и стойкостью націй на все можетъ ихъ побудить. Благоразуміе и человѣчество должны бы, кажется, шепнуть имъ: «не лучше ли по-добру, да по-здорову поскорѣй домой!»

Простите мнѣ, ваше высочество, великодушно, что, не писавъ давно, я осмѣлился теперь распространиться о моемъ посильномъ взглядѣ на событія. Подкрѣпить мой взглядъ я могъ бы только подробностями моихъ собственныхъ наблюденій. Излагать ихъ—было бы утруждать ваше императорское высочество новою просьбою о снисхожденіи, а притомъ заблуждаться такъ свойственно человѣку, что, несмотря на пятый десятокъ моей жизни, я, однако, въ безошибочности своей, при всемъ самолюбіи, не убѣжденъ безусловно.

Позвольте просить повергнуть меня къ стопамъ ея императорскаго высочества государыни великой княгини.

При желаніи вашему высочеству всѣхъ благословеній Божьихъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть вашего императорскаго высочества и проч.

13.

Великій князь Константинъ Николаевичъ—А. Д. Комовскому.

30-го ноября 1854 г., № 10576.

Письмо ваше, любезный Александръ Дмитріевичъ, отъ 21-го ноября, № 7, я получилъ съ удовольствіемъ 29-го числа и благодарю васъ за доставленіе подробностей о смерти Корнилова, за планъ мѣстности и вообще за все содержаніе письма вашего. Я глубоко уважаю выраженныя въ немъ религіозныя чувства и вѣрю, что испытанія, посылаемыя намъ Провидѣніемъ, служатъ всегда къ нашей же пользѣ, и что мы должны благодарить Его за тѣ бѣдствія, которыя научаютъ насъ смиренію и указываютъ на дѣлѣ: сколь слабъ умъ самыхъ разумныхъ и ничтожны силы сильныхъ. Прошу васъ помочь Крылову при исполненіи даннаго ему порученія и увѣдомить меня: не нужно ли еще денегъ для раненыхъ въ дополненіе къ тѣмъ суммамъ, которыя были доставлены отъ меня князю Александру Сергѣевичу. Мы не пожалѣемъ здѣсь ничего, чтобъ успокоить нашихъ героевъ-черноморцевъ.

14.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

23-го января 1855 г., Воскресенье. У сѣвернаго укрѣпленія Севастополя.

Живя постоянно наблюдательно и стараясь при исполненіи долга и обязанностей службы не упускать изъ вида тѣхъ предметовъ, о которыхъ соображенія, ежели не въ настоящемъ, то въ будущемъ, могутъ принести пользу, я встрѣтилъ, разумѣется, обильную жатву въ нынѣшнихъ событіяхъ, коихъ самъ до сей минуты личный свидѣтель и даже въ нѣкоторой степени участникъ.

Въ иныхъ предметахъ признавая себя не судьею, въ другихъ считая всякое разсужденіе рановременнымъ, пріемлю, однако, смѣлость изложить теперь же со всею откровенностью соображенія мои объ *одномъ*, который, какъ мнѣ кажется, и въ настоящее время уже долженъ обратить на себя вниманіе нашего правительства. Я разумѣю *о дезертирахъ* изъ союзнаго лагеря.

Имѣя, между прочимъ, порученіе допрашивать плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, не могу сказать, чтобы уже рѣшительно всѣ, доселѣ отправ-

ляемые во внутрь Россіи, прошли чрезъ мои руки. Ко мнѣ приводились большею частью тѣ, которыхъ нужно было исключительно допрашивать либо на англійскомъ, либо на итальянскомъ, либо на нѣмецкомъ и даже на испанскомъ (хоть на этомъ съ грѣхомъ пополамъ) языкахъ. Разумѣется, немалое число французовъ перебывало у меня на допросахъ. Не говорю о плѣнныхъ; ихъ количество и пребываніе въ нашихъ рукахъ—есть дѣло военныхъ случайностей. Но на дезертировъ я смотрю съ особенной точки зрѣнія. Судьба первыхъ, т. е. плѣнныхъ, порѣшится съ окончаніемъ войны. Что же касается послѣднихъ, то мнѣ представляется уже и теперь вопросъ: какія мѣры должны быть приняты въ отношеніи ихъ не только по заключеніи мира, но и въ настоящее время, когда они разсылаются въ губерніи и отдѣлъ ихъ отъ плѣнныхъ уже существуетъ.

Важность или выгоды собственно для насъ отъ перебѣжчиковъ—условливается, сколько я опытомъ удостовѣрился, не количествомъ, а качествомъ дезертировъ. Безъ сомнѣнія, врагу было бы крайне убыльно, если бы цѣлый полкъ перебѣжалъ отъ него. Разумѣется, нельзя отвергать, что такой deficit въ войскѣ нашего непріятеля есть уже и для насъ не только матеріальный, но и нравственный барышъ. Но соображая далѣе, для будущаго времени, должно, мнѣ кажется, взвѣшивать не столько количество, сколько качество дезертировъ. Я на опытѣ узналъ, что даже и теперь для важности текущихъ событій одинъ иногда дезертиръ полезнѣе десяти. Случалось отъ многихъ такого толка не добиться, какого наберешь отъ одного смышленаго, дѣльнаго, свѣдущаго и весьма ловко и бойко разсуждающаго дезертира. Такими въ особенности были нѣкоторые итальянцы, частью нѣмцы и немалое число французовъ. На этихъ-то, мнѣ кажется, и слѣдуетъ обратить бдительное вниманіе.

Изъ сихъ послѣднихъ я замѣчалъ такихъ, которые, несмотря на свое простое званіе рядоваго, обнаруживали взглядъ на вещи, разсужденія о политическихъ дѣлахъ, объ отношеніяхъ государствъ, о разныхъ управленіяхъ и т. п., такъ что образъ мыслей ихъ, свободно излагаемый, невольно и не разъ заставлялъ меня думать, что причиною ихъ побѣга могло быть не одно неудовольствіе на свое положеніе въ арміи, а и цѣль для святой нашей матери-Руси небезвредная. Въ самомъ дѣлѣ, какъ знать, съ какими настоящими намѣреніями нѣкоторые, не говорю всѣ, изъ бойкихъ болтуновъ (grands parleurs) перебѣжали къ намъ? Рѣдкій изъ французовъ не съ самодовольствіемъ отвѣчалъ на вопросъ: êtes vous prisonnier?—Non m-r pas du tout: j'ai déserté. Рѣдкій изъ нихъ не обнаруживалъ уже хоть вскользь претензіи на какое-то право особеннаго гостепріимства и вниманія; а ужъ рѣшительно всѣ просили не смѣшивать ихъ съ плѣнными. Послѣднее понятно и по воз-

можности исполняется. Многіе изъ французовъ и даже большею частью сказывались сиротами, не имѣющими вовсе родныхъ во Франціи. Но кто же знаетъ, къ какимъ партіямъ, къ какимъ правиламъ и идеямъ, можетъ быть пагубнымъ и гнуснымъ, принадлежатъ они въ самой Франціи?.. Соціалисты, прудонисты, коммунисты, какъ извѣстно изъ газетъ, находятся тамъ во всѣхъ слояхъ общества—отъ рядоваго до генерала, отъ ремесленника до ученаго профессора и депутата-оратора.

Вотъ почему мнѣ кажется, что съ дезертирами нужно быть крайне осмотрительну, размѣщая ихъ по губерніямъ на жительство. Нѣмцы, итальянцы и испанцы, изъ легіона перебѣжавшіе къ намъ, можетъ быть по окончаніи войны будутъ возвращены въ свои государства, чего они и желаютъ. Но что́ сдѣлаютъ съ англичанами (изъ которыхъ большею частью, и особливо въ началѣ, передавались ирландцы), что́ сдѣлаютъ съ французами? Отъ этихъ-то преимущественно никакого добра не предвижу для насъ. Не смѣю предлагать какую-либо мѣру для нихъ, хотя искренно и душевно желалъ бы, чтобы ихъ какъ можно менѣе и съ крайнимъ разборомъ было оставлено на нашей родной, неиспорченной, но иногда слишкомъ гостепріимной почвѣ. Самая строгая разборчивость и даже излишняя осторожность, мнѣ кажется, въ подобныхъ обстоятельствахъ могутъ принести только пользу, предупреждая всѣ возможныя грустныя и пагубныя послѣдствія. Эта мысль опасенія не требуетъ, кажется, дальнѣйшаго развитія. Что намъ въ этихъ пришлецахъ? «Отойди отъ зла и сотвори благо»—говоритъ мудрое русское изреченіе. Пускай же остаются открытыми для всѣхъ бродягъ, вольнодумцевъ и бѣглецовъ двери Англіи и Америки. Имъ и книги въ руки!

Простите мнѣ, ваше императорское высочество, что я утруждаю васъ изложеніемъ моихъ мыслей. Увѣренный, что побужденіе, которое внушаетъ мнѣ ихъ, близко и вашему истинно русскому сердцу и взгляду, я позволилъ себѣ предоставить ихъ непосредственно благосклонности, вниманію и усмотрѣнію вашего высочества, въ надеждѣ что этимъ оправдается и длинота моего письма.

Съ чувствами глубочайшаго уваженія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть вашего императорскаго высочества всепокорнѣйшій и благодарный.

15.

А. В. Головнинъ—А. Д. Комовскому.

24-го февраля 1855 г., С.-Петербургъ.

Великій князь генералъ-адмиралъ, какъ скоро узналъ объ окончательномъ увольненіи князя Александра Сергѣевича (Меншикова), тот-

часъ подумалъ о васъ, почтенный Александръ Дмитріевичъ, и выразилъ намѣреніе просить о назначеніи васъ статсъ-секретаремъ, съ причисленіемъ ко II-му отдѣленію Собственной Его Величества канцеляріи, желая дать вамъ кругъ дѣятельности, сообразный вашимъ способностямъ и знаніямъ, и почетное, вполнѣ заслуженное положеніе. Его высочество поручилъ мнѣ узнать отъ васъ, согласно ли это будетъ съ вашими видами и предположеніями, и совѣтовалъ, въ такомъ случаѣ, воротиться сюда. Искренно радъ доброму расположенію къ вамъ его высочества.

16.

А. В. Головнинъ—А. Д. Комовскому.

2-го марта 1855 года. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ! Въ то самое время, когда почта везла вамъ мой вопросъ о томъ, согласны ли ваши желанія съ предположеніями для васъ генералъ-адмирала, ѣхала сюда записка князя Александра Сергѣевича его высочеству объ исходатайствованіи для васъ чина тайнаго совѣтника и званія сенатора. Сегодня великій князь, докладывая эту записку и желая оставить васъ въ морскомъ министерствѣ, просилъ о назначеніи васъ, кромѣ Сената, также въ морской генералъ-аудиторіатъ, подобно князю Эристову. Государь соизволилъ на производство ваше, но не на сенаторство и не на аудиторіатъ, а самъ изволилъ назначить васъ статсъ-секретаремъ съ причисленіемъ къ морскому министерству и съ сохраненіемъ содержанія, которое вы получали. Все это помѣщено въ сегодняшнемъ приказѣ, и я отъ души васъ поздравляю. Великій князь очень доволенъ этому, и я могу засвидѣтельствовать вамъ, что его высочество искренно расположенъ къ вамъ. Онъ уже придумалъ для васъ работу по прибытіи въ Петербургъ, а именно обревизованіе всѣхъ департаментовъ и канцеляріи морскаго министерства и для начала канцеляріи Толстаго и коммисаріатскій департаментъ, которымъ уже приказано готовиться къ ревизіи вашей. Пріѣзжайте поскорѣе. Сегодня же я обрадовалъ Мар. Ав. Татищеву извѣстіемъ о вашемъ назначеніи.

17.

Князь В. Долгоруковъ—А. Комовскому.

29-го іюня 1855 г.

Милостивый государь, Александръ Дмитріевичъ! Государю императору благоугодно было приказать мнѣ, чтобы я возложилъ на ваше превосходительство составленіе для его величества одного рескрипта [1]), который до окончательнаго утвержденія онаго долженъ храниться въ совершенной тайнѣ.—Мнѣ было бы необходимо передать вамъ высочайшую волю съ бо́льшею подробностію лично,—а потому примите, милостивый государь, на себѣ трудъ пріѣхать въ Петергофъ безъ малѣйшаго отлагательства и пожаловать ко мнѣ, какъ только вы изволите туда прибыть. Совершенно преданный вамъ князь Василій Долгоруковъ.

Проектъ рескрипта его императорскому высочеству генералъ-адмиралу.

Ваше императорское высочество!

Прочитавъ съ особеннымъ вниманіемъ отчетъ вашего императорскаго высочества, столь добросовѣстно излагающій всѣ дѣйствія, мѣры и распоряженія, послѣдовавшія въ теченіе 1853 и 1854 годовъ по ввѣренному вамъ морскому вѣдомству,—мнѣ истинно утѣшительно было удостовѣриться, что съ самаго вступленія вашего въ главы министерства ваше высочество ревностно принялись за всѣ части обширнаго управленія и съ равнымъ стремленіемъ и заботливостью достигали усовершенствованія флота какъ въ административномъ, хозяйственномъ, такъ и въ строевомъ отношеніи.

Военныя событія настоящаго времени, воспріявшія свое начало въ 1853 году, потребовали усиленной дѣятельности и особенныхъ соображеній, чтобы привести балтійскій флотъ въ такое состояніе, которое бы обезпечивало возможность достойно встрѣтить покушенія враговъ. Ваше императорское высочество съ достохвальнымъ усердіемъ не только исполняли всѣ указанія незабвеннаго нашего родителя, но и сами изыскивали и достигали средствъ усилить оборону съ наименьшею, по возможности, тягостью для государственной казны. Быстро и успѣшно, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, шли работы для вящшей защиты нашихъ сѣверныхъ портовъ,—которымъ, независимо отъ береговыхъ батарей и морскихъ укрѣпленій, ваше высочество придали и защиту судами, но еще быстрѣе, особенною попечительностью вашею,

[1]) На имя генералъ-адмир. велик. кн. Константина Николаевича.

возникли канонерскія лодки, которыя, съ винтовымъ двигателемъ, впервые явились въ средѣ нашего флота и грозно теперь стали въ ряды морскихъ защитниковъ русской чести и русскаго флота!

Всѣ эти на пользу отечества принятыя мѣры и исполненныя дѣйствія по справедливости приписывая неутомимой и распорядительной заботливости вашей,—я слѣдую внушенію моего сердца и изъявляю вашему императорскому высочеству за столь достохвальное служеніе престолу и отечеству мою душевную и безпредѣльную благодарность какъ любезнѣйшему моему брату, другу и помощнику въ трудахъ управленія одною изъ главныхъ силъ Богомъ мнѣ ввѣренной Имперіи.

18.

Князь В. Долгоруковъ—А. Комовскому.

30-го іюня 1855 г.

Поспѣшаю увѣдомить ваше превосходительство, что государь императоръ изволилъ остаться весьма доволенъ рескриптомъ и хотѣлъ отправить его по принадлежности завтрашній день.

19.

А. В. Головнинъ—А. Комовскому.

6-го іюля 1855 г., среда.

Противъ васъ, почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ, работаетъ какая-то невѣдомая мнѣ сила, которую вы сами можетъ быть узнаете. Дѣло въ томъ, что государь сказалъ сегодня генералу-адмиралу, что до свѣдѣнія его величества доходитъ, что вы з а з н а л и с ь. Великій князь поручилъ мнѣ предварить васъ и совѣтовать быть осторожнѣе. Завтра я буду въ городѣ и постараюсь къ вамъ заѣхать.

20.

А. Комовскій—вел. кн. Константину Николаевичу [1]).

7-го іюля 1855 г., четвергъ. С.-Петербургъ.

Ваше императорское высочество!

Милостивое и великодушное вниманіе ваше, изъявленное приказаніемъ предварить меня о тѣхъ грустныхъ и совершенно меня опечаливших свѣдѣніяхъ, которыя доходятъ до государя императора,—тронуло меня до глубины сердца. Не знаю, какъ и выразить вашему высочеству мою благоговѣйную благодарность за такое драгоцѣнное участіе къ моей репутаціи.

Дозвольте просить ваше высочество съ тѣмъ же великодушнымъ вниманіемъ выслушать, не оправданіе мое, потому что ежели я дѣйствительно заслуживаю упрека, то оправданія нѣтъ и быть не можетъ,—удостойте выслушать нѣсколько мыслей по поводу этого несчастнаго для меня свѣдѣнія, доведеннаго до его императорскаго величества, и которое, можетъ быть, произвело уже невыгодное для меня впечатлѣніе.

Въ смиреніи, кротости и скромности—искать прочной основы нетлѣнному достоинству училъ меня съ дѣтскихъ лѣтъ мой отецъ. Это правило руководило меня всегда, руководитъ меня въ особенности теперь. Честнымъ, христіанскимъ словомъ завѣряю ваше императорское высочество, что въ каждодневной молитвѣ моей я прошу Господа Бога о дарованіи мнѣ силы и качествъ явить себя достойнымъ оказанныхъ мнѣ милостей. По совѣсти, я ни въ чемъ не измѣнилъ правилу честной службы, но ежели есть люди, которые имѣютъ свои какіе-нибудь виды вредить мнѣ,—могу ли я удержать ихъ отъ выбора средствъ и путей? Лучшіе же—потому, что сокрытые, и кто же этого изъ опыта жизни не знаетъ? Лучшіе пути: хитрое оклеветаніе или ловкое наушничество. Этими двумя путями такъ вѣрно и такъ искусно достигаютъ цѣли, что у оклеветаннаго, если только коротко его не знаютъ, и возможности не будетъ противодѣйствовать хитро взведеннымъ клеузамъ и отразить отъ себя издали приготовленный ударъ. Желаемое впечатлѣніе

---

[1]) На черновомъ отпускѣ письма Комовскимъ сдѣлана слѣдующая надпись: «На подлинномъ письмѣ, показанномъ мнѣ для моего успокоенія 10-го іюля 1855 г., въ воскресенье, собственною рукою государя карандашемъ написано:

«Ты можешь его успокоить; слухи, до меня дошедшіе, не перемѣнили хорошаго мнѣнія, которое я объ немъ имѣлъ и имѣю».

производится въ одну минуту, а потомъ годами, иногда и цѣлой жизнью его не изгладишь. Оклеветанный часто не знаетъ: что на него скрытыми врагами взведено!—Вѣдь кто хочетъ повѣрить, что подмѣчая и по-своему толкуя всякое слово, каждое движеніе, всякій даже взглядъ, можетъ обратить все это въ средство сдѣлать изъ мухи слона и даже сему послѣднему придать размѣры, которыхъ только одна разсчитанная злоба не устрашится. Какъ этого избѣжать? Какъ и чѣмъ оправдаться? Чѣмъ оградить себя противъ этихъ путей? Хорошо, ежели еще оклеветаннаго спросятъ, объявятъ о взводимомъ и тѣмъ дадутъ возможность хоть сказать что-нибудь и противу обвиненія привести доказательства. Конечно, еще лучше, ежели онъ коротко и подробно извѣстенъ и не нуждается въ оправданіи себя предъ клеветою, которую все предшествующее его само собою уничтожаетъ!—Но у всѣхъ ли эти средства въ жизни?—Людямъ свойственно ошибаться—особливо насчетъ себя. Живя 41 годъ на свѣтѣ я постоянно отдаю себѣ отчетъ въ жизни особымъ дневникомъ. Стараюсь судить я о себѣ—безпристрастно, потому что въ этомъ отчетѣ я бесѣдую съ своею совѣстью. Характера я былъ всегда болѣе серьезнаго. Сближеніе съ людьми считалъ и считаю дѣломъ осторожности и обдуманнаго выбора. Можетъ быть многіе, которымъ, разумѣется, не было надобности вникать въ мои правила осторожности, приписывали это—прежде какой-то надменности, а теперь относятъ къ тому, что я уже зазнался или зазнаюсь, хотя не думаю, чтобы кто-нибудь и изъ враговъ моихъ могъ упрекнуть меня въ несоблюденіи правилъ общепринятой учтивости. Стараясь исполнять завѣтъ моего отца: идти въ жизни путемъ правды, чести и нелицемѣрія, безъ искательства,—я всегда страшился подать чѣмъ-нибудь поводъ къ заключенію, что или безчестно, или искательствомъ или лестью пролагаю себѣ дорогу къ отличіямъ и повышеніямъ!

Послѣ наставленій моего отца, которыя оставилъ онъ мнѣ въ письмѣ, незадолго до своей кончины въ 1831 году отъ холеры,—незабвенны на всю жизнь останутся для меня слова государя, когда я имѣлъ счастіе представляться его величеству 19-го іюня с. г.: «служите честно, прямо и нелицемѣрно». Я ихъ записалъ въ книгу отчета моей жизни. Ежели не ошибаюсь своею совѣстью,—то противнаго этому я ничего еще не сдѣлалъ.

Не могу себѣ рѣшить, сколько ни придумываю, въ чемъ и кто видитъ, что я зазнался,—упрекъ, поистинѣ огорчительный, потому что во 1-хъ, заслуженный, онъ доказываетъ отсутствіе качествъ хорошаго христіанина, который не можетъ забывать, «что гордымъ Богъ противится»; во 2-хъ, что явно противорѣчитъ принятымъ мною правиламъ для жизни, и въ 3-хъ, что обнаруживаетъ или крайнюю ограниченность ума въ томъ, кто зазнается, или необыкновенно неопытную

и ничѣмъ не испытанную молодость, способную заноситься, при немножко высшемъ противу ея лѣтъ и росте пьедесталѣ. Я вѣроятно не узнаю тѣхъ, которые, можетъ быть съ намѣреніемъ, стараются утвердить обо мнѣ такое невыгодное мнѣніе. Богъ съ ними! Узнаніе ихъ, прибавило бы только и къ безъ того уже не всегда отрадному изученію людей вообще еще грустнѣйшее узнаніе личностей, въ подтвержденіе этого изученія. Но мнѣ больно, и я истинно несчастливъ, что такое горестное для меня впечатлѣніе произведено въ государѣ—моемъ благодѣтелѣ, котораго милости я еще не успѣлъ ничѣмъ заслужить. Еще болѣе трепещу отъ мысли, что это впечатлѣніе можетъ быть неизгладимое и безвыходное для меня! Я неизвѣстенъ подробно его императорскому величеству,—а словами и завѣреніями одними я ничего доказать не могу. Скажутъ—дѣлами, поступками! Клеветники съумѣютъ и въ дѣлахъ и поступкахъ, самыхъ безукоризненныхъ, найти стороны къ осужденію. Останется въ молитвѣ и собственной совѣсти искать утѣшенія, исполняя долгъ и правила чести, правды и нелицемѣрія, и покориться, впрочемъ, неисповѣдимому промыслу Божію!

Имѣя счастье быть нѣсколько ближе извѣстенъ вашему императорскому высочеству, позвольте надѣяться, что, несмотря на многіе мои недостатки (да кто же, Боже мой, ихъ не имѣетъ?), я еще не потерялъ настолько въ мнѣніи вашемъ, чтобы уже и не смѣлъ искать въ вашемъ высочествѣ благодѣтельной защиты противу дѣлаемаго мнѣ нынѣ упрека, и что ваше высочество удостоите меня милостивымъ посредничествомъ и заступничествомъ, для опроверженія тѣхъ свѣдѣній, которыя во вредъ мнѣ доходятъ до его величества и о которыхъ мнѣ истинно прискорбно и тяжко было узнать.

На милостивый совѣтъ вашего высочества: «быть осторожнѣе»,—осмѣлюсь съ откровенностью сказать, что я недоумѣваю: въ чемъ, гдѣ и съ кѣмъ я былъ и могъ быть неосторожнымъ? Кто тѣ, передъ которыми я зазнался, или обнаружилъ направленіе къ тому?—Мое всегдашнее правило: быть повсюду и со всѣми учтивымъ. Со времени возвращенія моего изъ Крыма, я почти нигдѣ не бываю, мало съ кѣмъ бесѣдую, по утрамъ сижу по большей части дома и занимаюсь, послѣ обѣда ѣзжу по окрестностямъ подышать воздухомъ полей, вечеромъ читаю въ собраніи газеты. Истинно недоумѣваю—что подало поводъ къ дѣлаемому мнѣ упреку?

Простите мнѣ, ваше высочество, что я такъ долго и длинно говорилъ о себѣ. Вниманіе, оказанное вашимъ великодушіемъ, дало мнѣ смѣлость высказаться и этимъ хотя нѣсколько облегчить грусть, которой не могу не чувствовать отъ сообщеннаго мнѣ, хотя, по совѣсти,—въ заносчивости упрекать себя не могу.

Повергая это мое изложеніе снисходительному взгляду вашего вы-

сочества съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и искренной преданности имѣю честь быть вашего императорскаго высочества всепокорнѣйшій и благодарный.

21.

А. В. Головнинъ—А. Д. Комовскому.

8-го іюля 1855 года, пятница.

Сегодняшнее письмо ваше, почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ, весьма и весьма понравилось вел. князю, и его высочество намѣренъ прочесть оное государю въ будущую среду [1]), полагая, что оно произведетъ весьма хорошее впечатлѣніе и будетъ полезно не только для васъ, но и для другихъ, про которыхъ вздумали бы благопріятели разсказывась небылицу.

22.

Кн. Меншиковъ—А. Д. Комовскому.

(Собственноручно).

26-го іюля 1855 года. Ивановское.

Письмо ваше, любезнѣйшій Александръ Дмитріевичъ, отъ 22-го числа, я получилъ, равно какъ въ свое время тѣ письма, о коихъ вы меня въ ономъ вопрошаете.

Простите мнѣ продолжительное мое молчаніе, дѣйствительно невольное по постигшему меня недугу непріятнѣйшему. Четвертая уже недѣля, какъ съ нѣкоторымъ возстановленіемъ силъ явился шумъ въ ушахъ и въ головѣ, почти недопускающій меня ни къ какимъ умственнымъ занятіямъ и который ослабляется лишь на открытомъ воздухѣ. Бездѣйствіе употребленныхъ къ исцѣленію средствъ приводитъ медиковъ къ заключенію, что тутъ кроется подагра и что иного мнѣ не остается дѣлать, какъ постничать и терпѣть.

---

[1]) Вмѣсто середы 13-го числа, вел. князь повезъ въ субботу 9-го числа, какъ сообщилъ мнѣ А. В. Головнинъ, заѣхавъ ко мнѣ въ субботу. Примѣч. А. Комовскаго.

Насказомъ благопріятелей вы подверглись общей участи передовыхъ людей. Это своего рода нравственная подагра, для которой, однакоже, вы нашли хорошее лекарство.

Къ половинѣ августа полагаю возвратиться въ Петербургъ, ежели совсѣмъ не слягу. Итакъ до свиданія.

23.

Вел. князь Константинъ Николаевичъ—А. Д. Комовскому

30-го января 1856 года.

Желая воспользоваться вашею опытностью и познаніями, препровождаю при семъ напечатанные первые листы Проекта образованія морскаго министерства и прошу васъ, въ личное мнѣ одолженіе, разсмотрѣть проектъ сей во всей подробности и по тѣмъ частямъ, которыя вамъ болѣе знакомы какъ въ морскомъ министерствѣ, такъ и по сравненію съ другими вѣдомствами. Потрудитесь доставить мнѣ ваши совершенно откровенныя замѣчанія, не стѣсняясь въ изложеніи оныхъ никакими соображеніями, за что́ я буду искренно вамъ благодаренъ. Продолженіе помянутаго проекта будетъ доставляться вамъ, по мѣрѣ изготовленія, изъ канцеляріи морскаго министерства, а замѣчанія ваши я весьма желалъ бы получить къ 1-му сентября сего года и просилъ бы васъ, для удобства разсмотрѣнія, изложить оныя: на весь проектъ—въ особой тетради или листѣ, а на каждую статью, на которую имѣете что́ сказать—на отдѣльномъ листкѣ. Прошу васъ вѣрить, что всѣ замѣчанія ваши будутъ приняты мною съ искреннею благодарностью.

Сообщ. княгиня А. А. Голицына—графиня Остерманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Желаніе сената принести моленіе въ Казанскомъ Соборѣ по случаю изгнанія непріятеля изъ Россіи.

4-го ноября 1812 года за № 346, оберъ-прокуроръ 1-го отдѣленія 5-го департамента правительствующаго сената Хитрово, по данному ему сенатомъ порученію, представилъ г. министру юстиціи Дмитріеву копію съ состоявшейся того же числа въ правительствующемъ сенатѣ резолюціи, такого содержанія.

«1812 года ноября 4-го дня, правительствующій сенатъ, въ общемъ всѣхъ с.-петербургскихъ департаментовъ собраніи, слушали высочайшій его императорскаго величества манифестъ, изданный въ 3-й день сего ноября, коимъ его императорское величество, возвѣщая всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ, что непріятель, вступившій въ предѣлы Россійской имперіи съ многочисленными его войсками, дѣлавшій убійства, разграблявшій имѣнія, сожигавшій города и села, поругавшій храмы и олтаря Господни, наконецъ нынѣ, при помощи всесильнаго Бога, стѣсненный и поражаемый со всѣхъ сторонъ храбрыми его императорскаго величества войсками и ополченіями, принужденъ уже искать спасенія своего въ быстротѣ бѣгства, съ уничиженіемъ, страхомъ и большою потерею,—всемилостивѣйше и торжественно изъявляетъ отъ лица всего отечества признательность и благодарность свою всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи, за ихъ рвеніе и усердіе, коими и единодушнымъ всѣхъ содѣйствованіемъ доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія. Правительствующій сенатъ, по выслушаніи таковаго всемилостивѣйшаго его императорскаго величества манифеста, пріемля все изображенное въ немъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, священнымъ долгомъ поставляетъ испросить у его императорскаго величества всемилостивѣйшаго позволенія собраться правительствующему сенату въ Казанскій соборъ, гдѣ, по прочтеніи онаго всемилостивѣйшаго манифеста, могъ бы сенатъ торжественно принести Господу Богу какъ отъ себя, такъ и отъ лица всего народа, теплыя молитвы о здравіи и благоденствіи его императорскаго величества и всего августѣйшаго дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ возблагодарить Всевышняго за одержанныя надъ общимъ врагомъ побѣды. Сіе предоставить исходатайствовать у государя императора господину министру юстиціи».

Императоръ Александръ, принявъ таковое усердіе правительствующаго сената съ монаршимъ благоволеніемъ, предоставилъ ему привести оное въ исполненіе.

Сообщилъ **А. В. Безродный.**

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПОДОЛІИ.

(Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи).

ГЛАВА XIV[1]).

Развязка. — Увольненіе Б—ича отъ званія управляющаго.—Цѣлая толпа жалобщицъ.—Сбѣжавшая горничная.—Нанесенное мнѣ оскорбленіе.—Непріятные посѣтители. — Вызовъ на дуэль. — Оскорбленіе моего секунданта Б—ичемъ. — Моя съ нимъ встрѣча.—Два выстрѣла. — Душевныя муки послѣ преступленія.—Произволъ судебныхъ слѣдователей.—Неожиданное сочувствіе поляковъ.

Я приступаю къ очень скорбной главѣ своего повѣствованія и нахожу неудобнымъ пройти молчаніемъ то страшное несчастіе, которое внезапно обрушилось на мою голову,—такъ какъ, во-первыхъ, если я говорилъ **всего** о другихъ, то долженъ говорить то же самое и о себѣ, тѣмъ болѣе, что въ происшедшемъ несчастіи я нисколько виноватъ не былъ; а во-вторыхъ, что несчастіе, устроенное для меня обдуманно и разсчитанно, какъ-бы дополняетъ собою тѣ **уѣздные очерки** нравовъ глухой провинціи конца 70-хъ годовъ, которые я рѣшился воспроизвести здѣсь.

Въ началѣ іюля 1880 года, въ Хмѣльникъ пріѣхалъ главноуправляющій графа Л—ва и привезъ съ собою новаго управляющаго для хмѣльникскихъ имѣній графа. Увольненіе Б—ича было совершенно неожиданно и крайне для него непріятно: онъ сильно волновался, скандальничалъ и всячески оттягивалъ сдачу имѣнія и инвентаря, такъ что, въ концѣ-концовъ, ему должны были «простить» кое-какія его по-

[1]) См. „Русскую Старину“, іюнь 1897 г.

Вскорѣ же, любезный хозяинъ усадилъ за карты и меня—«чтобы вамъ не было скучно въ нашемъ обществѣ», какъ выразился онъ,—и, тоже въ преферансъ, по четверти же; моими партнерами были: братъ хозяина, священникъ же Р—ичъ, бывшій судебный приставъ Г—еу и діаконъ нашего же прихода, маленькій, косой и чрезвычайно любопытный человѣчекъ, который отлично зналъ въ Хмѣльникѣ всѣхъ, отъ мала до велика, и котораго также зналъ весь городъ, такъ какъ діаконъ этотъ съ утра, какъ только оканчивалась ранняя обѣдня, выходилъ на улицу, садился на скамейку у угла церковнаго дома, стоявшаго у самой площади и дороги въ Литинъ, и наблюдалъ — кто, куда и зачѣмъ ѣхалъ и шелъ...

Игра наша не продолжилась и получаса, какъ къ Г — еу подошла его жена и стала звать его домой по какому-то нужному дѣлу; онъ извинился, что не можетъ продолжать игру, и просилъ у насъ разрѣшенія передать ее кому-нибудь; мы согласились, и Г—еу всталъ изъ-за карточнаго стола, вышелъ въ сосѣднюю комнату и, минуты двѣ спустя, привелъ съ собою Б—ича, которому и передалъ свое мѣсто въ партіи... Такъ какъ я съ Б—ичемъ со времени исторіи съ его горничной даже не кланялся, то и здѣсь, во время игры, наши отношенія были очень неловки и натянуты... Я уже поглядывалъ, кому бы передать свою игру, и даже обратился къ тому же Г—еу, который, побывавъ дома, успѣлъ уже вернуться опять въ гости и сидѣлъ, праздный, около нашего стола; но Г—еу отказался играть.

— Вы, можетъ быть, считаете унизительнымъ для себя играть со мною? крайне нахально спросилъ меня Б—ичъ.

Я отвѣтилъ, что это для меня безразлично.

— Зато я, продолжалъ вызывающимъ и наглымъ тономъ Б—ичъ, имѣю честь играть съ особою V-го класса...

Совершенно вѣжливо я попросилъ его оставить мой классъ въ покоѣ и продолжать, или, наконецъ, закончить игру...

Но не прошло и десяти минутъ, какъ Б—ичъ, придравшись къ какому-то моему ходу, началъ громкій скандалъ... Я оглянулся кругомъ, отыскивая глазами хозяина, чтобы пригласить его вмѣшаться въ дѣло и прекратить исторію, но о. Никиты нигдѣ не было. Видя, что хозяина нѣтъ, я хотѣлъ позвать его, но Б—ичъ, взявъ меня за руку, крикнулъ:

— Разсчитайтесь сначала, такъ какъ вы въ проигрышѣ!..

Я вырвалъ руку и хотѣлъ-было все-таки уйти, но Б—ичъ сталъ мнѣ на пути и съ словами: «Такъ вы, милостивый государь, хотите уйти не расплатившись? вотъ же вамъ за это!» и съ этими словами, внезапно ударилъ меня...

Я былъ такъ пораженъ нанесеннымъ мнѣ оскорбленіемъ, что ли-

шился силъ, какъ, иногда, человѣкъ лишается чувствъ... Когда я немного опомнился и пришелъ въ себя, то, первымъ дѣломъ, бросился къ Б—ичу, но онъ отбросилъ меня отъ себя и, затѣмъ, прошелъ въ боковую комнату хозяина, служившую спальной. Я схватилъ-было лежавшій на столѣ обѣденный ножъ, но въ это время почувствовалъ, что меня кто-то схватилъ за руку,—оказалось, что это былъ хозяинъ дома, который и отнялъ отъ меня ножъ... Я тотчасъ-же ушелъ домой; на дворѣ наступали уже сумерки...

По моимъ понятіямъ, всосаннымъ, такъ-сказать, съ молокомъ матери, для меня было лишь два выхода: или дуэль, или самоубійство,— и я остановился, пока, на первомъ...

Со мною въ жизни былъ ранѣе только одинъ случай, когда я былъ оскорбленъ публично, словами; это было въ 70-хъ годахъ, въ Петербургѣ, въ существовавшемъ тогда клубѣ художниковъ: ко мнѣ присталъ, совершенно пьяный, «литераторъ», какой-то морской офицеръ М—овъ, писавшій фельетоны въ тогдашнихъ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», и въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ началъ упрекать меня за полемику, которую я имѣлъ когда-то съ литераторомъ Курочкинымъ, оказавшимся другомъ этого фельетониста... Въ виду невмѣняемости нападавшаго, я оставилъ тогда его выходку безъ всякаго вниманія. Но теперь дѣло было иное...

Я тотчасъ же написалъ письмо къ новому управляющему графа Л—ва капитану З—кому, съ которымъ въ послѣднее время видѣлся чуть не ежедневно и очень сошелся, и попросилъ его зайти немедленно ко мнѣ, «по очень нужному дѣлу»... Къ сожалѣнію, посланный мой не засталъ дома г. З—каго и оставилъ мое письмо его прислугѣ.

Я не спалъ всю ночь... Обрушившееся несчастіе было такъ велико и неожиданно и главное незаслуженно, что я былъ первое время совершенно имъ подавленъ.

На-утро, раньше всѣхъ, ко мнѣ явился полицейскій надзиратель Ш—скій, ѣздившій наканунѣ въ Литинъ, и сдѣлалъ мнѣ наглое и оскорбительное предложеніе: онъ изъявлялъ готовность составить протоколъ, что я оскорбленъ былъ при исполненіи служебныхъ обязанностей.

— Вы могли быть у о. Никиты по дѣламъ службы,—началъ-было онъ, но я его перебилъ и выпроводилъ отъ себя безъ всякой церемоніи.

Затѣмъ, пріѣхали «два Аякса»—какъ называли очень дружныхъ между собою мироваго посредника и судебнаго слѣдователя, изъявить сочувствіе «горю», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтили мнѣ, какъ-бы вскользь, что я могу «усадить Б—ича въ литинскій острогъ мѣсяца на два, на

три», такъ какъ оскорбленіе было причинено при многолюдномъ собраніи. Къ счастію, и эти господа удалились отъ меня очень скоро, а между тѣмъ, З—каго все еще не было, и я страшно боялся, ну, какъ онъ, догадавшись въ чемъ дѣло, захочетъ уклониться, не вмѣшиваться «въ исторію» и не явится совсѣмъ?..

Вдругъ, новый стукъ калитки... Смотрю—является старикъ С—скій, отецъ молодаго человѣка, служащаго въ конторѣ графа и занимающагося, въ то же время, корреспонденціями въ кіевскія газеты.

— Что вамъ угодно? спрашиваю.

Отецъ корреспондента конфузится, но все-таки, вижу, очень внимательно присматривается ко мнѣ... Затѣмъ заявляетъ, что ему нужно получить какую-то справку изъ моей канцеляріи.

— Такъ вы бы и шли въ канцелярію!—съ сердцемъ уже говорю ему, хорошо догадываясь въ чемъ дѣло: его просилъ сынъ, корреспондентъ, «провѣрить происшедшій инцидентъ», такъ какъ въ Хмѣльникѣ циркулировали уже слухи, что между мною и Б—ичемъ вышла драка, во время которой я его ранилъ, будто-бы, ножомъ, а онъ мнѣ проткнулъ вилкою щеку. Выпроваживаю и этого посѣтителя очень нелюбезно...

Такъ прошелъ почти весь день. Приходилъ письмоводитель съ дѣлами, но я не сталъ уже ими заниматься... Наконецъ, слышу, подъѣхалъ чей-то экипажъ, хлопнула калитка,—и показался добрѣйшій З—кій... У меня отлегло отъ сердца.

— Простите! началъ онъ:—вчера еще получилъ ваше письмо, но не могъ явиться къ вамъ раньше, такъ какъ долженъ былъ выѣхать сегодня, чуть-свѣтъ, по экстренному дѣлу, на Войтовецкій сахарный заводъ... Ахъ, разбойникъ! втораго уже судью губитъ, сталъ-было онъ отчитывать Б—ича, но я прервалъ его и перешелъ прямо къ дѣлу, попросивъ быть моимъ секундантомъ, то-есть, идти сейчасъ же къ моему обидчику, вызвать его, отъ моего имени, на дуэль и затѣмъ войдти въ соглашеніе относительно условій этой дуэли съ тѣмъ лицомъ, которое онъ отъ себя укажетъ. Внимательно выслушавъ меня, З—кій покачалъ только безнадежно головою.

— Знаю я этого Б—ича давно и очень хорошо, сказалъ онъ мнѣ: едва ли онъ выйдетъ на дуэль... Я, конечно, пойду къ нему и передамъ все то, что вы мнѣ поручаете; но врядъ ли изъ этого что нибудь будетъ...

— Да идите же, ради Бога, идите! умолялъ я его...

Онъ отправился. Прошло болѣе часа, пока онъ возвратился. По его разстроенному и блѣдному лицу я видѣлъ уже, что миссія его не имѣла никакого успѣха.

— Это, просто, негодяй первой степени! заговорилъ З—кій: вѣдь

онъ меня продержалъ болѣе получаса въ залѣ, пока ко мнѣ вышелъ...

— Что же онъ вамъ сказалъ-то, отвѣтьте, ради Бога!

— А вотъ что-съ: «я, говоритъ, признаю только одну дуэль—на кулакахъ... и прошу васъ оставить меня въ покоѣ! И судьѣ скажите то же самое, чтобъ онъ меня не тревожилъ больше присылкою своихъ секундантовъ; не то, я найму пьяныхъ мѣщанъ, и его поколотятъ на улицѣ... Я вѣдь богаче его и имѣю чѣмъ заплатить за это!.. [1]).

— И онъ смѣлъ сказать это?

— Даю вамъ честное слово.

Я съ грустію увидѣлъ, что больше говорить съ З—скимъ, а равно и просить его было не о чемъ,—и мы разстались съ очень тяжелымъ чувствомъ въ душѣ...

Были почти уже сумерки, и южный іюльскій вечеръ быстро надвигался... Мое рѣшеніе созрѣло быстро и безповоротно: я положилъ идти сейчасъ же, съ револьверомъ въ карманѣ, одному, въ квартиру Б—ича и тамъ заставить его принять мой вызовъ...

Я написалъ коротенькую записку—какъ бы предсмертную—на всякій случай и положилъ ее на свой письменный столъ, на самое видное мѣсто. Затѣмъ, написалъ вторую коротенькую записку—о количествѣ имѣющихся у меня на рукахъ казенныхъ денегъ—и вложилъ ее въ желѣзный сундучекъ, принадлежавшій камерѣ; сунулъ туда также, почти машинально, имѣвшееся у меня кое-какое столовое серебро, мои золотые часы и бывшія у меня наличныя деньги—около двухъ-сотъ рублей... Въ этихъ сборахъ и приготовленіяхъ прошло, можетъ-быть, минутъ 15... Затѣмъ, я вошелъ въ дѣтскую, гдѣ уже спали мои сыновья—мальчики 9-ти и 7-ми лѣтъ—перекрестилъ ихъ и тихонько поцѣловалъ... Наконецъ, снявъ со стѣны заряженный револьверъ, положилъ его въ карманъ, вышелъ изъ дому и быстрыми шагами направился къ квартирѣ моего оскорбителя, отстоящей отъ меня всего черезъ пять домовъ...

Былъ душный іюльскій вечеръ и уже почти темно. Я шелъ, помню, очень скоро. Недалеко отъ дома меня встрѣтила моя умная и добрая дворовая собака и радостно бросилась мнѣ на грудь, такъ какъ я не видѣлъ ее и не ласкалъ цѣлый день... Дорогою со мною столкнулся какой-то еврей, и я нечаянно такъ крѣпко задѣлъ его плечомъ, что онъ что-то проворчалъ мнѣ вслѣдъ... Но вотъ я очутился, наконецъ, у квартиры Б—ича и быстро поднялся по ступенькамъ крыльца...

---

[1]) Я долженъ оговориться, что какъ эти показанія г. З—скаго, такъ равно и все вообще изложеніе моего „дѣла“, я заимствую изъ подлиннаго слѣдствія и изъ напечатанныхъ въ свое время судебныхъ отчетовъ.

Двери были заперты. Въ сѣняхъ, я видѣлъ, было совершенно темно. Я позвонилъ...

— Кто тамъ?—раздался голосъ жены Б—ича и въ то же время, не ожидая моего отвѣта, она отперла дверь.

— Это я,—громко сказалъ я ей и тотчасъ же прошелъ дальше. Она ахнула и побѣжала-было за мною, желая, очевидно, опередить меня, но это ей не удалось: почти прыжками перешелъ я двѣ комнаты и въ третьей увидѣлъ Б—ича, сидящаго за чайнымъ столомъ, безъ жилета и сюртука. Я остановился прямо противъ него, шагахъ въ пяти. не болѣе. Правая рука моя невольно опустилась въ правый карманъ верхняго пальто, гдѣ лежалъ револьверъ...

— Сейчасъ у васъ былъ мой секундантъ, Ч. И. З—скій, сказалъ я, и вы отказались принять вызовъ... Правда это?

Б—ичъ, не вставая со стула, принялъ вызывающую позу и проговорилъ:

— Да, отказался, потому что, по правиламъ, должны быть д в а секунданта съ каждой стороны... Голосъ его дрожалъ, и онъ былъ блѣденъ. Изъ его отвѣта я понялъ, что онъ труситъ и поэтому лжетъ...

— Вы этого н е г о в о р и л и З—скому, сказалъ я, да это и вздоръ: вотъ, теперь, у насъ и совсѣмъ нѣтъ секундантовъ, а между тѣмъ мы съ вами будемъ сейчасъ стрѣляться, по жребію. Берите револьверъ!

— Убирайтесь отъ меня къ чорту!—проговорилъ Б—ичъ, вставая со стула и желая, очевидно, броситься на меня. Я сейчасъ людей позову,—и онъ шагнулъ прямо на меня...

Я моментально вынулъ револьверъ и, почти не цѣлясь, выстрѣлилъ.

Позади меня раздался вопль его жены, которая затѣмъ бросилась въ сѣни, выскочила на крыльцо и стала кричать: «Убиваютъ!.. Караулъ!..»

Я выстрѣлилъ такъ неожиданно для Б—ича, что онъ совсѣмъ растерялся и схватился рукою за столъ... Я подумалъ, что промахнулся (потомъ оказалось, что пуля попала ему въ ногу), и, поднявъ револьверъ, прицѣлился вновь—и выстрѣлилъ... Крики на крыльцѣ стали еще болѣе отчаянными...

Когда дымъ разсѣялся, то я увидѣлъ, что Б—ичъ держится лѣвою рукою за грудь, и догадался, что онъ раненъ... Вдругъ онъ, наклонивъ голову внизъ, бросился на меня, ударилъ меня со всего размаха въ грудь головою, обхватилъ меня руками,—и мы оба упали на полъ... Мы пролежали въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ, пока, наконецъ, въ комнату стали набираться люди, прибѣжавшіе изъ сосѣднихъ домовъ и съ улицы на отчаянные крики жены Б—ича... Тогда

мы оба поднялись съ полу, на которомъ такъ и остался мой револьверъ. Я сѣлъ на близъ стоящій стулъ и, взглянувъ на Б—ича, увидѣлъ на лѣвой сторонѣ его груди, пониже сердца, на шелковой цвѣтной рубашкѣ, большое красное пятно, къ которому онъ прикладывалъ руку... Ко мнѣ подошелъ сынъ моего добраго знакомаго, доктора И—скаго, взялъ меня подъ руку и вывелъ на улицу, а затѣмъ и къ себѣ въ домъ, находившійся vis-à-vis. Тамъ дали мнѣ выпить воды, я отдохнулъ нѣсколько минутъ и въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ отправился, не заходя домой, къ судебному слѣдователю Г., который жилъ на новой квартирѣ, за рѣкою Бугомъ. Но стоустая молва, какъ оказалось, давно уже успѣла опередить меня, и я на самомъ мосту черезъ Бугъ встрѣтился съ Г. лицомъ къ лицу: онъ спѣшилъ къ мѣсту событія, «для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей»... Я разсказалъ ему, въ нѣсколькихъ словахъ, о происшедшемъ событіи и затѣмъ отдалъ себя, какъ говорится, въ руки правосудія...

Я не спалъ подъ-рядъ двѣ ночи и три дня и ничего почти не ѣлъ... Докторъ прописалъ мнѣ какія-то наркотическія капли, я ихъ принималъ, но онѣ не дѣйствовали.

Наѣхала масса властей: исправникъ, товарищъ прокурора, всѣ новые судьи—принимать отъ меня должность, и многіе другіе. Какъ только я пришелъ въ себя, тотчасъ же послалъ прошеніе въ министерство объ увольненіи меня отъ службы; въ то же время написалъ, подробно, въ Петербургъ лицу, рекомендовавшему меня на должность, и искренно извинялся, что, по милости злой судьбы, не оправдалъ его надеждъ и рекомендацій...

Затѣмъ, для меня начался рядъ нестерпимыхъ мученій и униженій: отъ меня, вдругъ, отвернулись всѣ тѣ, которые, лишь нѣсколько дней назадъ, заискивали предо мною и были мнѣ всѣмъ обязаны,—какъ, напримѣръ, судебный приставъ Д., бывшій мелкій адвокатъ, назначенный на должность по моей просьбѣ. По своему общественному положенію, я былъ все-таки п е р в ы м ъ лицомъ въ этомъ городишкѣ, и вдругъ сталъ какъ-бы послѣднимъ... Въ мой домъ слѣдователь не отпустилъ меня; для домашняго же ареста, которому я былъ подвергнутъ, для меня нанята была, на мой счетъ, квартира въ концѣ города, гдѣ и караулили меня мѣстные десятскіе, являвшіеся иногда въ нетрезвомъ видѣ...

Когда увидѣлся со мною товарищъ прокурора, то прежде всего взялъ съ меня обѣщаніе, что я «ничего надъ собою не сдѣлаю». Затѣмъ, сталъ объяснять смыслъ 416-й статьи устава угол. судопр.,—что мѣра пресѣченія, принятая относительно меня судебнымъ слѣдователемъ—домашній арестъ,—является, въ виду моего преступленія, предусмотрѣннаго 1455 ст. улож. о наказаніяхъ, очень мягкою; что

изъ Каменца можетъ послѣдовать иное распоряженіе—о взятіи мен подъ стражу, и что «имъ всѣмъ», за эту ихъ мягкость, можетъ быть сдѣланъ порядочный нагоняй... И я совершенно напрасно пытался объяснить «имъ всѣмъ», что болѣе крутая мѣра, примѣненная ко мнѣ, явится въ данномъ случаѣ лишь ненужною жестокостью, что я имѣю семью, свой домъ и уже 40 лѣтъ на плечахъ, имѣлъ общественное положеніе, что, наконецъ, находясь подъ арестомъ, я не могу вѣдь мѣшать слѣдствію и никуда, понятно, не скроюсь; а что сажать меня, все еще пока не уволеннаго отъ службы, мироваго судью, въ тюрьму было бы въ высшей степени несправедливо уже по одному тому, что въ этой самой тюрьмѣ сидятъ еще нѣсколько человѣкъ, посаженныхъ туда мною, по моимъ приговорамъ, за конокрадство... Но «они всѣ» только качали головами, какъ бы раскаяваясь, что «не посадили» меня, и все еще опасаясь «нагоняя» изъ Каменца... Они какъ-бы игнорировали всю суть дѣла, слѣдствія и свидѣтельскихъ показаній, изъ коихъ противу меня были только показанія выгнаннаго мною со службы судебнаго пристава Г—еу и его жены, да показанія «батюшекъ»... Всѣ же остальные свидѣтели допускали устроенную мнѣ «засаду»—слѣдовательно, снимали съ меня, такъ-сказать, бо́льшую половину моей вины.

Задѣтый за живое, отсидѣвъ подъ домашнимъ арестомъ почти пятнадцать мѣсяцевъ и освобожденный, затѣмъ, все еще до разбора дѣла, на поруки съ отвѣтственностью всего въ пятьсотъ рублей (словно по истеченіи 15-ти мѣсяцевъ мое преступленіе и отвѣтственность за него умалились!..), я, попавъ лѣтомъ 1882 года въ Петербургъ, написалъ, подъ свѣжимъ еще чувствомъ испытанной неволи, нѣсколько большихъ статей въ фельетонномъ отдѣлѣ «Новаго Времени», подъ заглавіемъ «Законъ и жизнь», гдѣ, по мѣрѣ моихъ силъ, знаній и опыта, указывалъ на многіе недостатки нашего предварительнаго слѣдствія [1]), упирая, главнымъ образомъ, на злоупотребленія судебныхъ слѣдователей своимъ правомъ «сажать въ тюрьму»... Между прочимъ, я указывалъ на порядки, существующіе въ этихъ случаяхъ въ Америкѣ, и привелъ одинъ чрезвычайно интересный и характерный фактъ—въ поученіе нашимъ слѣдователямъ: какъ былъ отпущенъ судьею, на честное слово, къ своему племени индѣецъ, приговоренный, за убійство бѣлаго, къ смертной казни, и какъ потомъ этотъ самый индѣецъ прискакалъ, на взмыленномъ конѣ, на городскую площадь, гдѣ его уже поджидали судьи, палачъ и народъ: быстро соскочивъ съ коня, онъ подошелъ къ приготовленному для него гробу,

[1]) Статьи эти я потомъ продолжалъ писать въ „Недѣлѣ“, подъ общимъ заглавіемъ „Изъ судебныхъ дѣлъ“.

легъ въ него для примѣрки и, затѣмъ, спокойно отдалъ себя въ руки палача...

За время «нахожденія подъ домашнимъ арестомъ», мнѣ довелось испить до дна горькую чашу «подсудимаго» и познать, во всей полнотѣ, черную людскую неблагодарность... Но въ то время, какъ русскіе люди поѣдали, изводили и принижали другъ друга, я встрѣтилъ горячее, искреннее сочувствіе съ такой стороны, откуда всего менѣе могъ ожидать его,—со стороны поляковъ, а также и тѣхъ немногихъ нѣмцевъ, которые проживали въ Хмѣльникѣ, и даже со стороны нѣкоторыхъ евреевъ, съ которыми мнѣ довелось познакомиться за послѣднее время. Многія изъ этихъ лицъ навѣщали меня въ моемъ невольномъ уединеніи и всячески старались ободрить. Часто, также, навѣщалъ меня и мой землякъ священникъ В—скій, привѣтливый и кроткій образъ котораго запечатлѣлся въ моей памяти на-вѣки. Точно также мнѣ было несказанно пріятно услышать отзывъ о моемъ «дѣлѣ» кіевскаго генералъ-губернатора М. И. Черткова, который вскорѣ же, въ августѣ, ревизуя Подольскую губернію, заѣхалъ въ Литинъ, и видя, что ему представляются лишь т р о е участковыхъ судей, спросилъ въ присутствіи всѣхъ:

— Развѣ здѣсь только три участка?

— Четвертый мировой судья еще не назначенъ, ваше высокопревосходительство,—отвѣчали ему:—эту должность занималъ г. Захарьинъ.

— Ахъ, да, знаю!—отвѣчалъ генералъ и затѣмъ, прибавилъ: Это не преступленіе... а несчастіе.

ГЛАВА XV.

Моя отставка. — Письмо N***. — Занятія въ неволѣ. — Выздоровленіе Б—ича.—Новый судебный слѣдователь и новая „волокита“. – Нужда.—Обвинительный актъ.– Первая поѣздка въ Литинъ на судъ.—Мой защитникъ и его свита.—Вторая поѣздка на судъ въ Винницу. — Тайное путешествіе въ Кіевъ.– Еще двѣ оттяжки моего дѣла.—Освобожденіе изъ-подъ ареста.—Моя поѣздка въ Петербургъ.–Отсутствіе вида и возня съ полиціей.—Личное обращеніе къ министру юстиціи.—Случайная встрѣча съ N*** и пріемъ у него. – Измѣна „защитника“. — Судъ и оправданіе.

Въ концѣ августа я получилъ «приказъ» изъ министерства юстиціи, коимъ я увольнялся отъ службы, с о г л а с н о п р о ш е н і ю, а затѣмъ, получилъ изъ Петербурга отъ г-на N*** и отвѣтъ на свое письмо. Онъ писалъ мнѣ, что я хорошо сдѣлалъ, поспѣшивъ его обо всемъ

увѣдомить; далѣе въ письмѣ говорилось: «Вижу, что при возникшемъ столкновеніи положеніе ваше было трудно: вамъ слѣдовало держать себя спокойнѣе, а вамъ пришла несчастная мысль, будто вы защищаете честь русскаго имени... Что дѣлать! — Надо теперь выдержать и поплатиться за то, что недостало характера въ рѣшительную минуту. Но не предавайтесь отчаянію, мало ли что̀ приноситъ жизнь! и впереди есть еще время поправить то, что теперь испорчено. Совѣтую вамъ смотрѣть спокойнѣе на нынѣшнее свое положеніе и, не оправдывая себя, искать выхода изъ своего положенія: выходъ еще не запертъ».

Это письмо дало мнѣ силы, нравственную бодрость и мужество: я увидѣлъ, что впереди есть еще надежда и возможность воротить себѣ свое общественное положеніе и свободу и всѣ тѣ «права», которыя были унесены такъ внезапно, въ одно мгновеніе, словно налетѣвшимъ порывомъ бури... Я вскорѣ принялся за занятія, но уже не за тѣ служебныя, которымъ отдавалъ все свое время до происшедшаго со мной событія: я рѣшилъ перечитать Библію, съ которой былъ знакомъ лишь въ дѣтствѣ и въ школѣ. Затѣмъ, я принялся перечитывать Шекспира, бывшаго у меня въ русскомъ переводѣ подъ редакціей Гербеля; при этомъ нѣкоторыя древне-историческія драмы великаго драматурга, какъ напр., «Коріоланъ», «Тимонъ Аѳинскій», «Юлій Цезарь» и «Антоній и Клеопатра», я читалъ параллельно съ имѣвшимися у меня «Жизнеописаніями» Плутарха, случайно пріобрѣтенными въ Москвѣ, у Сухаревой башни. Окончивъ Шекспира, принялся за Шиллера,—и такимъ образомъ, понемногу, втянулся въ занятія и въ трудъ, и прежняя тоска и апатія стали исчезать...

Главное для меня спасеніе, какъ я хорошо понималъ, заключалось въ томъ, чтобы наказанный мною обидчикъ былъ живъ. На этотъ счетъ до меня доходили самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія: одинъ день говорили, что ему лучше, на другой — хуже... Онъ умолялъ жену пригласить для операціи Н. И. Пирогова, жившаго всего въ 70-ти верстахъ, предложивъ ему крупный кушъ за труды; но это приглашеніе, какъ разсказывали, почему-то не устроилось, и Б—ичи удовлетворились тѣмъ, что великій хирургъ лишь осмотрѣлъ его рану; а затѣмъ, пригласили какого-то отставнаго военнаго лекаря, жившаго по близости, въ селѣ, у своего брата, священника. Ногу раненаго залечили скоро, но съ пулей въ груди лекарь ничего не смогъ подѣлать, то-есть не извлекъ ее изъ раны, и она такъ и осталась тамъ навсегда. Затѣмъ, Б—ичъ, какъ мнѣ сообщали, переѣхалъ для леченія въ Кіевъ. Съ его отъѣздомъ изъ Хмѣльника, власти нашли возможнымъ перевести меня изъ наемной квартиры въ мой домъ; ранѣе же это оказывалось, по ихъ мнѣнію, неудобнымъ: думали, что я воспольз-

зуюсь близостью квартиры Б—ича и пожелаю повидаться съ нимъ еще разъ...

Въ это же самое время, въ Хмѣльникъ прислали новаго судебнаго слѣдователя, какого-то очень молодаго человѣка, который и принялъ отъ бывшаго слѣдователя «дѣло» обо мнѣ, еще не законченное слѣдствіемъ. Новый слѣдователь началъ производить чуть не все слѣдствіе съ и з н о в а: началась «доставка» меня въ его камеру и новые мнѣ допросы, было приступлено къ снятію плана квартиры Б—ича, испытанію силы боя револьвера, при чемъ, слѣдователь пригласилъ «экспертовъ», ружейныхъ охотниковъ, которые и стрѣляли, въ моемъ присутствіи, въ доску, въ цѣль. Я понималъ, что юный слѣдователь просто хочетъ «показать себя», поважничать немножко передъ хмѣльничанами и поломаться надо мною... Онъ дошелъ до того, что хотѣлъ-было вытребовать изъ Кіева Б—ича, для дачи ему очныхъ ставокъ со мною—«въ видахъ разъясненія (какъ онъ говорилъ) взаимныхъ противорѣчій въ показаніяхъ», но, къ счастію, ему кто-то помѣшалъ совершить эту нелѣпость; тѣмъ не менѣе мое дѣло долго лежало въ его камерѣ безъ нужды, а потомъ уже, направившись къ прокурору и по дальнѣйшимъ инстанціямъ, такъ-таки и не попало въ декабрьскую сессію окружнаго суда, пріѣзжавшаго въ Литинъ, и было отложено до весны. Вотъ тутъ-то, на самомъ дѣлѣ, мнѣ и довелось испытать многія произвольныя и совершенно безотвѣтственныя распоряженія, продѣлываемыя судебными слѣдователями во время производства ими предварительныхъ слѣдствій. Если уже со мною, человѣкомъ, отчасти знавшимъ все-таки наши законы, продѣлывались всѣ эти опыты и эксперименты, то что же могъ продѣлать, напримѣръ, этотъ же самый слѣдователь съ человѣкомъ совсѣмъ темнымъ и беззащитнымъ и гдѣ могъ остановиться и до какой безпредѣльности могъ дойти произволъ такого человѣка?..

Не помогла мнѣ въ этомъ случаѣ и печать, долго потомъ удивлявшаяся безконечной процедурѣ моего дѣла. Въ газетахъ «Голосъ» и «Страна» и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ, кіевскихъ и одесскихъ, появились корреспонденціи, посланныя С—скимъ, офицеромъ А—вымъ и секретаремъ винницкаго съѣзда мировыхъ судей г. С—скимъ, но это—увы!—не подвигало моего дѣла впередъ; но я все-таки былъ глубоко благодаренъ этимъ господамъ за то, что они представили мое дѣло въ настоящемъ его видѣ и свѣтѣ, и что они засвидѣтельствовали о томъ, что я, дѣйствительно, пользовался отъ окружающаго меня населенія нѣкоторымъ уваженіемъ

Не заставила долго ждать себя и нужда. Такъ какъ служба мировымъ судьею, а особливо въ послѣдніе мѣсяцы, когда мнѣ приходилось работать во всѣхъ участкахъ одному, отнимала буквально все мое время, то я поневолѣ прервалъ мои литературныя сношенія и занятія,

а возстановлять ихъ теперь съизнова, перепискою съ петербургскими редакціями, за двѣ тысячи верстъ, было неудобно,—и я, пока, не могъ разсчитывать на этотъ заработокъ; а между тѣмъ надо было не только жить, но еще подумать о приглашеніи «защитника». Въ это-то жуткое и тяжелое для меня время находились люди, которые имѣли жестокость и безстыдство, пользуясь моимъ положеніемъ, вымогать у меня «взаймы»! Къ стыду, все это были русскіе люди, чиновники же, отъ которыхъ я, такъ или иначе, могъ теперь зависѣть. И вотъ мнѣ пришлось распродавать понемножку свое имущество, книги, а затѣмъ пришлось продать и самый домъ и перебраться, по-прежнему, въ глиняную мазанку съ земляными полами.

Время шло: наступила и прошла осень, началась зима. Я уже давно имѣлъ у себя обвинительный актъ, составленный тѣмъ самымъ товарищемъ прокурора Д., съ которымъ, ранѣе, такъ часто приходилось дѣлить труды, досугъ и хлѣбъ-соль. Обвиненіе противу меня формулировалось очень серьезное—въ покушеніи на убійство... Пріѣзжавшее въ Литинъ отдѣленіе окружнаго суда такъ и не вызвало меня. Наступилъ, наконецъ, май и я получилъ повѣстку, извѣщавшую, что мое дѣло назначено къ разсмотрѣнію. Поѣхалъ я туда, но, оказалось, напрасно: Б—ичъ, пріѣхавшій-было тоже въ Литинъ, не пошелъ на судъ, такъ какъ адвокатъ Андреевскій (редакторъ газеты «Заря»), котораго онъ пригласилъ для предъявленія противу меня на судѣ гражданскаго иска, не явился почему-то въ Литинъ,—и дѣло было отложено. Зато, приглашенный мною защитникъ, кіевская знаменитость того времени, явился, и мнѣ, тогда же, довелось съ нимъ познакомиться. Это былъ человѣкъ съ недюжиннымъ ораторскимъ талантомъ, бывшій еврей Лейба, превратившійся при крещеніи въ Льва. Но человѣкъ этотъ былъ безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ, страшный циникъ и хвастунъ; вся его дѣятельность—да, кажется, и вся жизнь—исходила изъ единственнаго девиза, бывшаго для него и догматомъ, и принципомъ: «безнравственна—только неудача»!

Пріѣхавъ въ Литинъ и найдя всѣ немногія гостиницы города переполненными, я занялъ маленькій и низенькій нумерокъ въ еврейскомъ заѣздномъ домѣ, въ мансардѣ. Вотъ въ эту-то конурку и пожаловалъ ко мнѣ важный и знаменитый Левъ, въ сопровожденіи своего «помощника»... Такъ какъ, по уговору, я долженъ былъ уплатить ему, за защиту, триста рублей («.....это потому только, что ваше дѣло исключительное», писалъ онъ мнѣ: «а я никогда такого малаго гонорара не беру»), то и поспѣшилъ вручить ему, въ видѣ задатка, сто рублей, сунувъ ассигнацію осторожно «въ руку», какъ платятъ врачу; но онъ спокойно поднесъ бумажку къ своимъ очкамъ, взглянулъ на нее и также спокойно положилъ въ жилетный карманъ...

Затѣмъ уже онъ сѣлъ и минутъ пять разспрашивалъ у меня подробности «происшедшаго инцидента»....

Когда онъ, послѣ несостоявшагося суда, уѣхалъ изъ Литина, а я еще сидѣлъ въ нумерѣ и ждалъ «распоряженія» насчетъ своей особы, то ко мнѣ явился содержатель гостиницы, гдѣ останавливался мой защитникъ, и подалъ мнѣ счетъ:

— Они, уѣзжая, приказали подать *вамъ*,—такъ какъ они были здѣсь по вашему дѣлу.

Я взялъ счетъ и былъ чрезвычайно изумленъ его пространностью: оказалось, что мой защитникъ пріѣзжалъ на судъ не только съ помощникомъ, но и съ двумя еще помощницами, какими-то кіевскими «двумя барышнями», какъ пояснилъ мнѣ хозяинъ....

— Да что же онѣ дѣлали, эти барышни?—полюбопытствовалъ я.

— Кушали, гуляли, вино пили, наивно отвѣчалъ, пожимая плечами, еврей, мой старый литинскій знакомый....

Хотя мой защитникъ и просилъ судъ въ Литинѣ запретить Б—ичу, на будущее время, продѣлывать «такія штуки», т. е., пріѣхать въ тотъ городъ, гдѣ назначено къ разбору дѣло, и не пойдти на судъ, но это нисколько не помѣшало ему продѣлать ту же самую «штуку» и въ слѣдующій разъ, когда, спустя два мѣсяца, мое дѣло было назначено въ Винницѣ: онъ опять пріѣхалъ, но на судъ не пошелъ; это, какъ оказалось, онъ продѣлалъ уже умышленно, чтобы помучить меня продолжительностью «домашняго ареста» и ожиданія, такъ какъ онъ не сомнѣвался, что я буду оправданъ. Вслѣдствіе этого, мой защитникъ ходатайствовалъ передъ судомъ о приводѣ Б—ича къ разбору дѣла, въ слѣдующій разъ, чрезъ полицію; а я, въ то же время, просилъ судъ объ освобожденіи меня изъ-подъ ареста, съ поручительствомъ въ суммѣ по усмотрѣнію суда. Но мое ходатайство не было уважено судьями, а относительно Б—ича состоялось постановленіе въ желательномъ смыслѣ,—и, такимъ образомъ, совершилось довольно невѣроятное и, конечно, никогда небывалое qui pro quo въ практикѣ уголовнаго судопроизводства: подсудимый является на судъ самъ, добровольно, а потерпѣвшаго и гражданскаго истца приведетъ полиція, силою... Я все-таки, получивъ отказъ объ освобожденіи, сталъ хлопотать о переводѣ меня, по крайней мѣрѣ, изъ Хмѣльника въ Винницу—во избѣжаніе неудобствъ поѣздокъ своихъ на судъ, каждый разъ за нѣсколько десятковъ верстъ, въ сопровожденіи тѣлохранителей..... Это мое ходатайство было вскорѣ уважено, и я освободился и отъ тяжелой жизни въ Хмѣльникѣ, и отъ дежурствъ у меня пьяныхъ десятскихъ.

Винницкимъ исправникомъ оказался очень порядочный и любезный человѣкъ г. Т—овъ; онъ прислалъ ко мнѣ, на п о с т о я н н о е дежурство, одного изъ своихъ десятскихъ, простаго, милаго и честнаго солда-

тика Ивана, который вскорѣ сдѣлался и моимъ стражемъ, и слугою, и компаньономъ въ одиночествѣ. Въ это время у меня появились и литературные заработки: я списался съ двумя еженедѣльными петербургскими изданіями—съ газетами «Недѣля» покойнаго П. А. Гайдебурова и «Страною» Л. А. Полонскаго—и сталъ понемножку туда пописывать; пользуясь при этомъ почти полною свободою: я выходилъ изъ своей квартиры, купался въ Бугѣ и гулялъ за городомъ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый.

Однажды, мнѣ встрѣтилась крайняя необходимость быть въ Кіевѣ. Я хотѣлъ-было уѣхать съ вѣдома наблюдающихъ за мною властей, но получилъ отказъ: «если угодно, то поѣзжайте на свой страхъ и рискъ», было мнѣ отвѣчено: «мы не хватимся васъ д в а д н я... Но если васъ узнаетъ дорóгою кто-нибуть изъ литинскихъ, или хмѣльникскихъ властей, то дѣло будетъ плохо»... Несмотря на такой отвѣтъ, я все-таки рѣшилъ ѣхать, объявивъ своему Ивану, что уѣзжаю на два дня, «на охоту».... Справился я съ росписаніями поѣздовъ и къ вечернему, почтовому, былъ уже въ винницкомъ вокзалѣ. Смотрю—свѣтъ страшный повсюду, такъ что и немыслимо было войти въ залъ I-го и II-го класса, и даже весь III-ій классъ былъ освѣщенъ слегка; идти взять билетъ—и то было рискованно: надо было подходить къ кассѣ, у которой пропасть народу, и горитъ, по бокамъ, нѣсколько лампъ... Обошелъ я вокзалъ кругомъ, и вижу въ залѣ II-го класса знакомаго акцизнаго чиновника: «ну, думаю, дѣло совсѣмъ плохое!—узнаетъ онъ меня»... Вдругъ, мнѣ пришла счастливая мысль: я вернулся въ полутемный залъ III-го класса и обратился къ первому встрѣтившемуся мнѣ жандарму:

— Послушайте, унтеръ-офицеръ! возьмите мнѣ, пожалуйста, билетъ до Кіева; я вамъ дамъ на чай. Тамъ дожидаться надо, а мнѣ некогда.

— А вамъ какого класса? спросилъ онъ.

— Да третьяго, отвѣтилъ я, рѣшивъ ѣхать именно въ этомъ классѣ, гдѣ и темнѣе, и людиѣе. Вотъ, вамъ деньги, а сдачу возьмите себѣ.

Черезъ пять минутъ билетъ былъ у меня въ рукахъ, а еще черезъ десять пришелъ одесскій поѣздъ, и я, не заходя совсѣмъ въ вокзалъ, вошелъ въ вагонъ III-го класса, выбралъ себѣ мѣсто въ уголку, совсѣмъ въ тѣни и преблагополучно добрался до Кіева; поѣздъ пришелъ туда рано утромъ, я пробылъ въ городѣ весь день, а вечеромъ выѣхалъ обратно. На другой день, съ разсвѣтомъ, я былъ уже въ Винницѣ и на своей квартирѣ. Иванъ встрѣтилъ меня и, лукаво улыбаясь, спросилъ:

— Чи пошанцовáло пану на полевáньѣ?

— Ничего себѣ, говорю, вотъ, какъ видишь: все хорошо....

Дѣло мое было назначено вновь, въ третій уже разъ, въ сентябрѣ, въ той же Винницѣ, и вновь было отложено: на судъ не явилась, по болѣзни, свидѣтельница г-жа Г—еу, а такъ какъ ея показаніе было однимъ изъ немногихъ—противу меня, то обвинитель Д—скій, находя показаніе неявившейся свидѣтельницы существенно важнымъ, просилъ отложить дѣло, и судъ, несмотря на всѣ домогательства моего защитника и на мои личныя просьбы, дѣло отложилъ...

Я вновь тогда принялся за хлопоты о своемъ освобожденіи, разсчитывая переѣхать въ Кіевъ, гдѣ въ то время основывалась новая газета «Трудъ», редакторъ которой—de facto—А. А. Русовъ приглашалъ меня къ постоянному сотрудничеству; я послалъ министру юстиціи прошеніе, въ которомъ умолялъ его, какъ генералъ-прокурора, вступиться въ мое исключительное дѣло и освободить меня изъ-подъ ареста, въ которомъ держатъ меня уже 14 мѣсяцевъ, освободить съ поручительствомъ, или же, наконецъ, съ представленіемъ залога, по усмотрѣнію суда; но къ глубокому моему прискорбію, я не получилъ даже отвѣта—хотя бы въ видѣ отказа—на свое обращеніе. Тогда, по совѣту добрыхъ людей, безъ которыхъ, извѣстно, не живетъ свѣтъ, я взялъ медицинское свидѣтельство отъ городоваго врача, удостовѣряющее, что мнѣ необходимо леченіе у окулистовъ, въ Кіевѣ, и обратился съ своимъ новымъ ходатайствомъ въ одесскую судебную палату, которая вскорѣ же и освободила меня, предложивъ лишь представить поручительство въ суммѣ 500 рублей,—такъ дешево оцѣнена была случайность моего «уклоненія отъ суда», и слѣдуетъ лишь изумляться, ради чего же не могли освободить меня ранѣе, продержавъ въ неволѣ почти 15 мѣсяцевъ, изъ которыхъ 13—въ городѣ Хмѣльникѣ были дѣйствительнымъ, тяжелымъ арестомъ [1]).

Поручитель за меня живо нашелся: секретарь мѣстнаго съѣзда мировыхъ судей, добрѣйшій В. Н. С—скій, обратился къ своему знакомому, одному польскому дворянину и домовладѣльцу города Винницы, который очень любезно и согласился «поручиться» за меня въ томъ, что я по первому требованію явлюсь на судъ.

Когда я узналъ о своей свободѣ, то испыталъ чувство необыкновенной радости и глубоко и искренно раскаявался и сожалѣлъ о томъ,

---

[1]) Уже по появленіи настоящихъ моихъ записокъ въ печати въ „Русской Старинѣ“, я узналъ, что въ „Журналѣ юридическаго общества“ за этотъ годъ, въ апрѣльской книжкѣ, въ статьѣ „О личномъ задержаніи“, авторъ, въ числѣ прочихъ доказательствъ совсѣмъ ненужной жестокости судебныхъ слѣдователей, вспоминаетъ, между прочимъ, и о моемъ дѣлѣ,—справедливо изумляясь, зачѣмъ это потребовалось содержать меня, въ теченіе 15-ти мѣсяцевъ, подъ арестомъ, когда я въ мѣстѣ совершенія преступленія занималъ должность судьи, имѣлъ свой домъ и семью?!.

что самъ, будучи судьею, приговаривалъ къ неволѣ и «арестамъ» другихъ людей!...

Я тотчасъ же уѣхалъ въ Кіевъ и сталъ сотрудничать въ тамошнихъ газетахъ. Между прочимъ, я написалъ цѣлый рядъ статей въ газетѣ «Заря»—«Въ ожиданіи реформы мѣстнаго управленія», гдѣ довольно прозрачно указывалъ на всю нравственную распущенность подольской администраціи и полиціи... Спустя семь лѣтъ, я убѣдился, что статьи мои были приняты горячо къ сердцу и къ свѣдѣнію: спрошенная однимъ «отдѣломъ», подольская администрація воспользовалась удобнымъ случаемъ дать обо мнѣ самый неблагопріятный отзывъ, который, впрочемъ, нисколько мнѣ не повредилъ.

Въ декабрѣ мое дѣло было назначено, въ четвертый по счету разъ, опять въ Винницѣ же; но мой адвокатъ не могъ пріѣхать, такъ какъ онъ защищалъ въ это время, въ какомъ-то глухомъ городѣ Кіевской губерніи, нѣсколькихъ евреевъ, обокравшихъ церковь; въ Винницу же онъ далъ знать, какъ-бы изъ Кіева, что по болѣзни прибыть не можетъ... Я поѣхалъ въ Винницу одинъ, и мое дѣло было отложено еще разъ... Разсерженные представители Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда положили, какъ мнѣ передали, назначить мое дѣло вновь не ранѣе какъ черезъ годъ, хотя одинъ я былъ всего менѣе виноватъ въ этихъ откладываніяхъ и одинъ я всѣхъ болѣе страдалъ отъ этихъ волокитъ... Я сначала не повѣрилъ этой угрозѣ, но затѣмъ, когда прошла вся зима и вся весна и наступило, наконецъ, лѣто, а о назначеніи моего дѣла къ слушанію не было ни слуха, ни духа и на мое новое обращеніе по этому поводу въ министерство юстиціи я не получилъ опять-таки никакого отвѣта, то, не долго думая, рѣшился на крайнюю и немножко отважную мѣру—ѣхать въ Петербургъ и обратиться лично къ г. министру юстиціи съ просьбою: приказать суду назначить и покончить мое многострадальное и безконечное дѣло.

Лѣтомъ 1882 года пріѣхалъ я въ Петербургъ, не бывъ здѣсь болѣе пяти лѣтъ. За это время умерли уже многіе литераторы, съ которыми я былъ хорошо знакомъ, такъ что я иногда ходилъ по городу какъ по кладбищу... Вскорѣ же я нашелъ себѣ здѣсь литературныя работы: въ «Новомъ Времени», какъ уже упоминалъ, я писалъ очерки того уголовнаго судопроизводства, которое было въ то время такъ близко моему сердцу... Въ газетѣ «Страна» и въ «Живописномъ Обозрѣніи» я тоже имѣлъ небольшія, но постоянныя работы и кое-какъ боролся съ нуждою...

Наконецъ, собравшись съ духомъ, я направилъ свои стопы на Малую Садовую (Екатерининскую) улицу, въ домъ министерства юстиціи, гдѣ тоже не былъ давно. Все успѣло измѣниться за это время: министръ былъ другой, прежнихъ знакомыхъ лицъ почти никого не было; даже пріемныя комнаты и тѣ были уже перенесены въ другое мѣсто;

два-три лица встрѣтились старыя, но ихъ едва можно было узнать, такъ какъ они, вслѣдствіе послѣдовавшаго разрѣшенія, обросли бородами. Я записался у дежурнаго — и сталъ ожидать. Пріемные дни теперь были строго опредѣлены и не было уже прежнихъ напрасныхъ томленій: въ назначенный день и часъ г. министръ вышелъ въ пріемную и сталъ обходить просителей, — каждаго внимательно и любезно выслушивая. Дошла очередь и до меня.

— Что вамъ угодно?

— Я бывшій мировой судья Литинскаго уѣзда Подольской губерніи такой-то, проговорилъ я...

По лицу г. министра пробѣжала легкая тѣнь, и онъ, сдвинувъ брови, видимо, старался что-то припомнить... Я поспѣшилъ придти къ нему на помощь.

— Я, отстаивая свою поруганную честь, имѣлъ несчастіе попасть подъ-судъ въ городѣ Хмѣльникѣ...

Министръ тотчасъ же вспомнилъ:

— Да, помню... Ваше дѣло, значитъ, окончено?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще... Я, собственно, затѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы обезпокоить ваше высокопревосходительство моимъ ходатайствомъ: приказать разсмотрѣть, наконецъ, мое дѣло Каменецъ-Подольскому окружному суду... Вотъ, уже два года какъ оно все откладывается...

Лицо г-на министра выразило чувство гораздо бо́льшее, чѣмъ изумленіе.

— Какимъ же образомъ вы могли попасть сюда, въ Петербургъ?— спросилъ меня г. министръ.

— Я освобожденъ отъ ареста, и глубоко обязанъ за эту милость одесской судебной палатѣ.

Г-нъ министръ нѣсколько секундъ помолчалъ; затѣмъ его лицо приняло свое обычное доброе выраженіе.

— Хорошо!—проговорилъ онъ: — я справлюсь... и перешелъ, затѣмъ, къ просителю, стоявшему со мною рядомъ; лица же, сопровождавшія его, долго еще оглядывались на меня...

Прошло нѣсколько недѣль, и я получилъ повѣстку подольскаго окружнаго суда, приглашающую меня явиться на 27-е октября въ городъ Литинъ, къ разбору моего дѣла.

Незадолго до моего отъѣзда изъ Петербурга на судъ простой случай помогъ мнѣ увидѣться снова съ г. N., которому я былъ такъ много обязанъ въ своей жизни. Въ то время, о которомъ я теперь разсказываю, онъ стоялъ на такой высотѣ государственной лѣствицы, что я не имѣлъ духу и рѣшимости обезпокоить его, тѣмъ болѣе, что считалъ себя передъ нимъ, хотя и безъ вины, а все же виноватымъ, такъ какъ именно онъ и рекомендовалъ меня на службу въ министерство юстиціи.

Иду я, однажды, по Невскому и только что свернулъ за уголъ на Екатерининскій каналъ, какъ вдругъ начался страшный, проливной дождь: я шелъ безъ зонта и безъ калошъ,—и рѣшилъ взойти въ первый попавшійся подъѣздъ, переждать дождь... Такой подходящій подъѣздъ какъ разъ и случился мнѣ на пути: смотрю—надъ нимъ небольшая, но изящная вывѣска, гласящая, что здѣсь «канцелярія добровольнаго флота». Я поднялся на двѣ ступеньки парадиаго подъѣзда и сталъ подъ зонтъ, выступавшій надъ панелью; въ это время, слышу, швейцаръ отворяетъ дверь на улицу и говоритъ:

— Карета вашего высокопревосходительства выѣзжаетъ,—и въ это самое время, дѣйствительно, со двора, изъ-подъ арки, выѣзжала изящная карета, но безъ лакея. Стоя спиною къ дверямъ, я совершенно машинально взглянулъ на экипажъ, какъ вдругъ кто-то назвалъ меня... Смотрю: передо мной стоитъ N., для котораго и подавалась эта карета. Лицо его тотчасъ же приняло озабоченное, почти страдальческое выраженіе, и онъ, покачивая головою и поминутно вздыхая, предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ: давно ли я въ Петербургѣ, зачѣмъ пріѣхалъ, въ какомъ положеніи находится мое «дѣло», и пр. Дождь лилъ какъ изъ ведра, карета стояла у подъѣзда, а у дверцы кареты, въ застывшей позѣ, стоялъ швейцаръ и ожидалъ...

— Зайдите ко мнѣ, проговорилъ N., направляясь къ каретѣ: я пріѣзжаю изъ Петергофа по понедѣльникамъ и субботамъ.

Я воспользовался, конечно, милостивымъ приглашеніемъ N. и въ первый же его пріемный д е н ь направился къ нему. Онъ жилъ на одной изъ центральныхъ улицъ Петербурга, въ роскошномъ казенномъ домѣ-особнякѣ. Меня встрѣтилъ дежурный чиновникъ и, внимательно оглянувъ мой черный с ю р т у к ъ, спросилъ по какому я дѣлу?.. Я сказалъ, что пришелъ «по личному приглашенію» его высокопревосходительства, и чиновникъ, записавъ мою фамилію, попросилъ войти въ пріемную. Смотрю: нѣсколько статскихъ и военныхъ генераловъ въ мундирахъ и звѣздахъ, нѣсколько человѣкъ въ вицъ-мундирахъ и фракахъ, нѣкоторые изъ нихъ съ докладами, и двѣ-три дамы. Пріемная свѣтлая и высокая съ цѣльнымъ ковромъ во всю комнату, съ мягкою мебелью, съ книжными шкапами по стѣнамъ. Вдругъ дверь, ведущая, какъ оказалось, въ кабинетъ сановника, растворилась, оттуда вышелъ какой-то свитскій генералъ, а вслѣдъ за нимъ въ двери показалось лицо самого N.

— Анна Григорьевна!—громко крикнулъ онъ.

Со стула поднялась немолодая уже дама, вся въ черномъ, и пошла на зовъ. Многіе, находившіеся въ пріемной, поинтересовались узнать, кто это?.. Дежурный чиновникъ объяснилъ, что эта дама—вдова писателя Достоевскаго, надъ дѣтьми котораго была опека...

Послѣ г-жи Достоевской входили въ кабинетъ генералы и другія

чиновныя лица по приглашеніямъ дежурнаго. «Ну, думаю, не придется мнѣ дождаться своей очереди»,—такъ какъ для пріема былъ назначенъ всего одинъ часъ, который уже и подходилъ къ концу... Но я ошибался: когда всѣ болѣе важные посѣтители перебывали уже въ кабинетѣ, то оттуда раздался обычный электрическій звонокъ; туда вошелъ и тотчасъ же вышелъ дежурный и направился ко мнѣ.

— Пожалуйте, васъ просятъ.

Я вошелъ въ кабинетъ...

— Такъ ваше приключеніе еще не окончилось?..—этимъ вопросомъ встрѣтилъ меня г. N.

Я разсказалъ, что хлопоталъ уже въ министерствѣ о скорѣйшемъ окончаніи.

— Передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ Литинъ, зайдите ко мнѣ опять, сказалъ онъ въ концѣ разговора, своимъ добрымъ и ласковымъ голосомъ.

И я, передъ поѣздкою на «страшный судъ», зашелъ къ N. еще разъ и еще разъ слышалъ его добрыя, ободряющія слова ко мнѣ, человѣку для него совершенно чужому, котораго онъ лишь встрѣчалъ когда-то въ жизни... Онъ сдѣлалъ еще болѣе: далъ мнѣ, съ написаннымъ текстомъ, свою карточку:

— Если васъ обвинятъ, тогда передайте это предсѣдательствующему въ судѣ: я прошу о снисхожденіи къ вамъ—въ предѣлахъ возможнаго, конечно.

Къ счастію, мнѣ не пришлось воспользоваться этою карточкою.

Теперь мнѣ остается сказать лишь нѣсколько словъ объ окончаніи моего несчастнаго дѣла, такъ непріятно завершившаго мою судейскую дѣятельность въ Подоліи.

Уѣзжая изъ Петербурга въ Литинъ, я нарочно заѣхалъ въ Кіевъ и остановился тамъ на одинъ день, чтобы повидаться и условиться съ своимъ адвокатомъ. Къ ужасу своему, я его не нашелъ въ Кіевѣ: онъ уѣхалъ въ Волынскую, кажется, губернію—тоже «защищать» кого-то... Въ его квартирѣ мнѣ сказали, чтобы я былъ спокоенъ, что онъ хорошо освѣдомленъ о времени разбора моего дѣла и непремѣнно явится на судъ въ Литинъ. Я уѣхалъ изъ Кіева совершенно обнадеженный и, за день до разбора дѣла, явился въ Литинъ—къ крайнему удовольствію того добрѣйшаго человѣка, который за меня «поручился»... Прошелъ затѣмъ этотъ день, наступилъ и прошелъ другой день, наканунѣ суда, а моего защитника нѣтъ какъ нѣтъ... Наконецъ, поздно уже вечеромъ, въ нумеръ гостиницы, гдѣ я остановился, вошелъ совершенно незнакомый мнѣ рослый и красивый брюнетъ съ еврейскимъ типомъ лица и отрекомендовался моимъ «защитникомъ»... Оказалось, что крещеный адвокатъ-еврей прислалъ, вмѣсто себя, некрещенаго адвоката-еврея, обманувъ меня, такимъ образомъ, еще разъ...

На другой день состоялся, наконецъ, и судъ, на который явился

и Б—ичъ уже въ мундирѣ волочисской таможенной стражи, куда онъ поступилъ въ это время на службу.

Я не буду говорить о тѣхъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя я пережилъ въ этотъ день, т. е. въ тѣ, собственно, девять или десять часовъ, которые потребовались для разбора дѣла... На бѣду, мой защитникъ оказался очень неважнымъ криминалистомъ и довольно слабымъ ораторомъ; онъ, какъ я узналъ послѣ, былъ довольно извѣстенъ въ Кіевѣ какъ цивилистъ—въ гражданскихъ процессахъ,—но отнюдь не какъ защитникъ въ уголовныхъ дѣлахъ, — онъ сильно тянулъ разборъ дѣла, предлагая свидѣтелямъ совсѣмъ излишніе вопросы, выясняя вовсе ненужные эпизоды и событія, такъ что я, чтобы сократить свои собственныя мученія и пытки на судѣ, а также и напрасныя томленія присяжныхъ, отказался отъ допроса нѣсколькихъ, вызванныхъ мною, свидѣтелей, показанія которыхъ не были для дѣла особенно важны.

Рѣчь товарища прокурора была очень обдумана, но нисколько не убѣдительна, такъ какъ вся она была построена на измышленной имъ неправдѣ—что я, именно хотѣлъ убить моего оскорбителя. Въ дѣйствительности же, когда я шелъ къ Б-ичу, то совсѣмъ не думалъ объ убійствѣ; я лишь зналъ и чувствовалъ одно—что одинъ изъ насъ долженъ умереть, а кто именно—не рѣшалъ и не могъ знать заранѣе... Рѣчь эта, построенная на лживомъ представленіи разыгравшейся прокурорской фантазіи, сильно возмутила меня, оскорбила и раздражила. Окончилъ Д. свою рѣчь хотя и эффектною, но чужою фразою, о томъ, что убійство-де всегда убійство, совершено ли оно разбойникомъ на большой дорогѣ, или Шарлотою Кордэ!..

Отвѣтъ моего малоспособнаго защитника былъ такъ безцвѣтенъ и слабъ, что я лишь глубоко сожалѣлъ о томъ, что дозволилъ ему говорить... Поэтому мнѣ, въ своемъ послѣднемъ словѣ, пришлось поневолѣ сказать какъ бы цѣлую защитительную рѣчь, основанную на тѣхъ дѣйствительныхъ событіяхъ, которыя, начавшись въ моей камерѣ, привели меня потомъ въ квартиру Б—ича съ револьверомъ въ рукѣ... Въ концѣ моего «слова» я довольно искусно пустилъ парѳянскую стрѣлу въ своего обвинителя:—«Г-нъ прокуроръ, сказалъ я, изволилъ приравнять мое приключеніе къ убійству французскою дѣвушкою Шарлотою Кордэ знаменитаго кровопійца революціи Марата... Но, во-первыхъ, гг. присяжные, въ моемъ дѣлѣ не можетъ быть и рѣчи объ «убійствѣ», такъ какъ мы всѣ, благодаря Бога, остались живы и здоровы, а во-вторыхъ, какая же я Кордэ?!. И какое же, наконецъ, можетъ быть сходство между ужаснымъ, но все-таки убѣжденнымъ террористомъ Маратомъ и поручикомъ россійскаго таможеннаго вѣдомства Б—ичемъ?!..

Публика и присяжные, относившіеся ко мнѣ во все время процесса очень сочувственно, прослушали внимательно мое «слово»,—и мнѣ

такимъ образомъ, пришлось еще разъ говорить публично въ томъ самомъ залѣ, гдѣ я много разъ, по обязанности судьи, «докладывалъ» дѣла и гдѣ самъ же часто и предсѣдательствовалъ... Но только роли были уже не тѣ: тогда я говорилъ какъ власть имѣющій, а теперь передъ многочисленною любопытною публикою, собравшеюся въ этотъ залъ изъ Литинскаго и сосѣднихъ уѣздовъ, стоялъ и говорилъ несчастный «подсудимый», успѣвшій за эти два года томительнаго ожиданія суда посѣдѣть и сгорбиться...

Послѣ меня обычное напутствіе (или резюме) присяжнымъ говорилъ, какъ водится, предсѣдатель. На мое счастье, эту обязанность исполнялъ П. И. Кашневъ, замѣчательно даровитый и безпристрастный человѣкъ, отличавшійся большимъ тактомъ и умѣньемъ вести засѣданіе: его резюме было такъ объективно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ ясно и подробно разъясняло присяжнымъ ихъ обязанности по данному дѣлу, что мнѣ оставалось лишь отъ всей души благодарить Провидѣніе за то, что главное руководженіе въ моемъ дѣлѣ выпало на долю такого добросовѣстнаго и рѣдкаго по таланту представителя магистратуры.

Когда уже было окончено все судоговореніе, и присяжные вышли въ совѣщательную комнату, то я—какъ ни странно это—не почувствовалъ уже никакого страха ожиданія: такъ уже, значитъ, я намучился за этотъ день, что мои нервы какъ бы одеревенѣли совсѣмъ и притупились... Мое сердце стало усиленно биться лишь тогда, когда изъ комнаты присяжныхъ раздался роковой звонокъ, и, съ одной стороны, вошли въ залъ судьи, а съ другой—стали входить, гуськомъ, присяжные... Впереди шелъ С—скій, съ отвѣтнымъ листомъ въ рукахъ; голова его была опущена внизъ, лицо—чрезвычайно серьезно, и онъ, видимо, избѣгалъ взглянуть на публику, или на меня, и это сильно и какъ-то вдругъ меня встревожило... Я окинулъ глазами остальныхъ 11 человѣкъ, чинно проходившихъ на свои мѣста, и вижу, что прямо на меня, въ упоръ, смотритъ улыбающееся лицо молодаго польскаго пана, зятя моего знакомаго; онъ тотчасъ же сдѣлалъ мнѣ едва замѣтный и только одному мнѣ понятный знакъ головою и глазами, говорящій, что я былъ оправданъ... И я уже спокойно слѣдилъ за процедурою передачи вопроснаго листа въ руки предсѣдателя и за возвращеніемъ этого листа обратно къ старшинѣ... Затѣмъ С—скій прочелъ вопросъ, поставленный судомъ: виновенъ ли я, имя-рекъ, въ томъ, что, придя вечеромъ, 28-го іюля 1880 года, въ квартиру отставнаго поручика Б—ича, причинилъ ему двѣ огнестрѣльныя раны съ цѣлью причинить смерть?—и затѣмъ, громко, на весь залъ, при мертвой тишинѣ, царившей въ публикѣ, проговорилъ: «нѣтъ, не виновенъ»... Но едва только онъ успѣлъ произнести эти послѣднія слова, какъ въ залѣ раздался оглушительный взрывъ рукоплесканій, продолжавшійся нѣсколько минутъ... Напрасно г. Кашневъ звонилъ въ свой предсѣда-

тельскій колокольчикъ: всѣ в и д ѣ л и, что онъ звонитъ, но, за шумомъ, никто н е с л ы ш а л ъ этого звонка, и аплодисменты приговору присяжныхъ продолжались по-прежнему... Вдругъ, я вижу, что предсѣдатель, безполезно продолжая звонить, оборачивается за свое кресло и укоризненно качаетъ головою какъ оказалось, по адресу той публики, принадлежавшей къ чинамъ министерства юстиціи — судебные слѣдователи, пристава, нотаріусы, и пр.,—которые размѣстились на нарочито поставленныхъ для нихъ стульяхъ, за судейскими креслами и, тоже, аплодировали... Это привѣтствовали мое о п р а в д а н і е,— и я былъ, въ это время, безконечно счастливъ и до глубины души благодаренъ всей этой, въ большинствѣ незнакомой, мнѣ публикѣ, выразившей, такимъ образомъ, и с в о е мнѣніе по моему дѣлу. Б—нчъ, какъ мнѣ потомъ говорили, дожидался приговора присяжныхъ у самыхъ выходныхъ дверей и, какъ только услышалъ, что я оправданъ, тотчасъ же вышелъ изъ зала и скрылся. Я его никогда уже болѣе не видѣлъ въ моей жизни.

Затѣмъ, многіе подходили и поздравляли меня... И тутъ, въ этомъ залѣ, спустя 2 года и 3 мѣсяца послѣ того, какъ совершилось со мною страшное несчастіе, я въ первый разъ встрѣтился и говорилъ съ нѣкоторыми моими прежними знакомыми—чиновниками съѣзда, помѣщиками и адвокатами... Въ это время, вдругъ произошелъ одинъ эпизодъ, слегка меня смутившій, выкинутый моимъ защитникомъ: какъ только стихли аплодисменты, и взоры публики устремились опять на меня, сказавшаго присяжнымъ: «благодарю васъ, господа!»—нахальный, рослый еврей подскочилъ ко мнѣ, крѣпко обнялъ — и нѣсколько разъ поцѣловалъ... Впрочемъ, этотъ озадачившій меня іудейскій поцѣлуй человѣка, котораго я лишь наканунѣ увидѣлъ въ первый разъ въ жизни и который только «путалъ» мое дѣло на судѣ, былъ мною скоро забытъ.

Прямо изъ зала суда я направился на телеграфную станцію, откуда и послалъ сообщенія о своемъ оправданіи всѣмъ близкимъ мнѣ людямъ.

Такимъ образомъ, мое «приключеніе», благодаря Бога, окончилось, и я былъ торжественно оправданъ. Но для поступленія вновь на государственную службу этого оправданія было еще недостаточно: у меня все-таки оставался формуляръ, въ которомъ значилось, что я судился за покушеніе на убійство... По моей просьбѣ, тогдашній г. министръ юстиціи призналъ возможнымъ сдѣлать всеподданнѣйшій докладъ,—и по соизволенію государя императора, судимость изъ моего формуляра была совершенно исключена.

Но тѣни отъ этого благополучно избытаго мною несчастія долго еще ложились на мою послѣдующую жизнь и службу...

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Какимъ образомъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій приходился племянникомъ царю Ивану Васильевичу IV Грозному.

Извѣстно, что князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій приходился племянникомъ царю Ивану Васильевичу Грозному, который самъ его такъ и называетъ, когда сватался за него, въ 1547 году, старшую дочь князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго.

Является вопросъ, какимъ образомъ князь Иванъ Ѳедоровичъ приходился царю племянникомъ?

Въ «Зерцалѣ россійскихъ государей» Т. Мальгина, изданіе 1789 г., упоминается о двухъ внучкахъ великаго князя Ивана Васильевича III—Анастасіи и Еленѣ Петровнахъ, дочеряхъ казанскаго царевича Петра Ибрагимовича, изъ которыхъ первая показана женою князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго, а вторая—супругою князя Василья Васильевича Шуйскаго.

Царевичъ Петръ Ибрагимовичъ, принявъ святое крещеніе, женился въ 1505 году на сестрѣ вел. кн. Василія Ивановича IV—великой княжнѣ Евдокіи Ивановнѣ. Онъ неоднократно сопровождалъ великаго князя въ походахъ, а въ 1521 году оберегалъ Москву, въ отсутствіе великаго князя, когда послѣдній, по случаю нападенія крымцевъ и казанцевъ, удалился въ Волокъ собирать полки.

Изъ этого видно, что у царевича Петра Ибрагимовича было двѣ дочери, двоюродныя сестры царя Ивана Грознаго, и что старшая изъ нихъ, Анастасія, была матерью князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго.

вѣрное предположеніе, что эта Варвара была первою женою Романа Юрьевича, который могъ называться Малымъ въ отношеніи брата своего Михаила Юрьевича, начавшаго службу за 30 лѣтъ раньше 1526 года.

Прежде всего приведемъ болѣе подробный текстъ изъ брачной церемоніи и затѣмъ уже поставимъ, съ своей стороны, нѣсколько вопросовъ, на которые и постараемся отвѣтить.

Въ разрядѣ свадебъ читаемъ: «А съ великія княгини быть со стороны дружкамъ: князю Михайлѣ Васильевичу Горбатому со княгинею, да съ ними-жь быти въ свахахъ князь Ивановѣ Шуйскаго княгини Авдотьѣ, да Юрьевѣ женѣ Малова Варварѣ».

« А за столомъ сидѣти боярынямъ князь Ѳедоровѣ Ивановича Бѣльскаго княгинѣ Аннѣ, да князь Семеновѣ Холмскаго княгинѣ Марьѣ, да Юрьевѣ женѣ Захарьина Варварѣ, да Петровѣ женѣ Яковлева Аннѣ, да Михайлова женѣ Юрьева Иринѣ».

Передъ нами представляется теперь картина иная, нежели та, какая являлась на основаніи краткихъ только выдержекъ. Невольно возникаютъ слѣдующіе вопросы: если обѣ эти Варвары были однимъ и тѣмъ же лицомъ, то почему онѣ называются различно: сперва Малова, а почти вслѣдъ за симъ Захарьина? Почему изъ свахъ только Варвара удостоивается великой чести сидѣть за столомъ съ другими знатнѣйшими боярынями? Почему жена не занимавшаго видное положеніе лица, если допустить, что она была супруга Романа Юрьевича, могла попасть среди знатныхъ боярынь, да еще сѣсть выше жены Михаила Юрьевича, который былъ несравненно старше и важнѣе своего брата?

Обыкновенно за столомъ удостоивались сидѣть только самыя именитыя боярыни, тогда какъ въ свахи назначались болѣе молодыя. Такъ и въ настоящемъ случаѣ за столомъ мы видимъ: а) вдову князя Ѳедора Ивановича Бѣльскаго Анну, которая, какъ дочь родной тетки великаго князя Василья IV Ивановича княгини Анны Васильевны Рязанской, была ему двоюродной сестрою; б) вдову князя Семена Даниловича Холмскаго Марью, потомка Тверскихъ удѣльныхъ князей и находившагося въ свойствѣ съ великимъ княземъ Васильемъ IV, такъ какъ родной его братъ, князь Василій Даниловичъ, женатъ былъ на родной его сестрѣ, великой княжнѣ Софіи Ивановнѣ; в) вдову Петра Яковлевича (вѣроятно Захарьина), который умеръ въ 1522 году и былъ сыномъ боярина и воеводы Якова Захарьевича при великомъ князѣ Иванѣ III и г) жену Михаила Юрьевича Захарьина, близкаго великому князю человѣка. Такимъ образомъ за столомъ сидятъ или родственницы великаго князя, или жены дворцовыхъ сановниковъ, которые пользовались его особеннымъ расположеніемъ. И это вполнѣ понятно, такъ какъ разводъ съ первою супругою Соломоніею Сабуровой и женитьба на чуждой Москвѣ

княжнѣ Еленѣ Глинской далеко не вызывали общаго сочувствія, и многіе были недовольны этимъ бракомъ.

Михаилъ Васильевичъ Горбатый, которому вмѣстѣ съ его женою назначено было быть дружками со стороны великой княгини, былъ тогда уже старый бояринъ, возведенный въ это званіе еще въ 1531 году. Что касается до свахъ, то мужъ старшей изъ нихъ, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, еще не былъ тогда бояриномъ, будучи пожалованъ въ это званіе лишь въ 1531 году.

Принявъ всѣ эти обстоятельства въ соображеніе, можно придти къ заключенію, что двѣ упоминаемыя въ свадебномъ разрядѣ Варвары были разныя лица.

Варвара Юрьева жена Малова, по всей вѣроятности, и была вдовою Юрія Дмитріевича Малаго (траханіотъ), умершаго въ 1513 году и занимавшаго должность казначея. Другая же Варвара, жена Юрьева-Захарьина, надо полагать, была вдовою боярина Юрія Захарьевича, умершаго въ 1504 году, намѣстника новгородскаго, который былъ воеводою во многихъ походахъ при Иванѣ III и участвовалъ какъ воевода сторожеваго полка въ знаменитой битвѣ на берегахъ Ведриши въ 1500 году, окончившейся блистательною побѣдою надъ литовцами. Хотя Юрій Захарьевичъ, какъ извѣстно, былъ женатъ на Иринѣ Ивановнѣ Тучковой, но онъ могъ овдовѣть и жениться во второй разъ. Во всякомъ случаѣ такое предположеніе болѣе согласуется съ обстоятельствами и именами, показанными въ разрядѣ великокняжеской свадьбы, нежели умозрительное заключеніе составителя родословной.

III.

Можно ли допустить предположеніе, что дьякъ Василій Григорьевичъ Захаровъ принадлежалъ къ роду Захарьиныхъ-Юрьевыхъ.

Въ примѣчаніи 2-мъ къ родословной «Романовы-Юрьевы-Захарьины», помѣщенной въ августовской книжкѣ журнала «Русская Старина» за 1878 годъ, составитель ея Г. И. Студенкинъ, приводя перечень лицъ, носившихъ фамиліи Юрьевыхъ и Захарьиныхъ, или Захаровыхъ, которыхъ онъ, совершенно правильно, не считаетъ принадлежащими къ поколѣнію Андрея Ивановича Кобылы, останавливается, однако, на двухъ дьякахъ Ивана Грознаго—Васильѣ и Яковѣ Григорьевичахъ Захаровыхъ. Видя въ нихъ двухъ братьевъ, онъ ставитъ вопросъ—не были ли они сыновьями Григорія Юрьевича Захарьина, такъ какъ са-

мое положеніе ихъ, близкое къ царю, могло быть послѣдствіемъ родства ихъ съ Романовыми-Юрьевыми-Захарьиными?

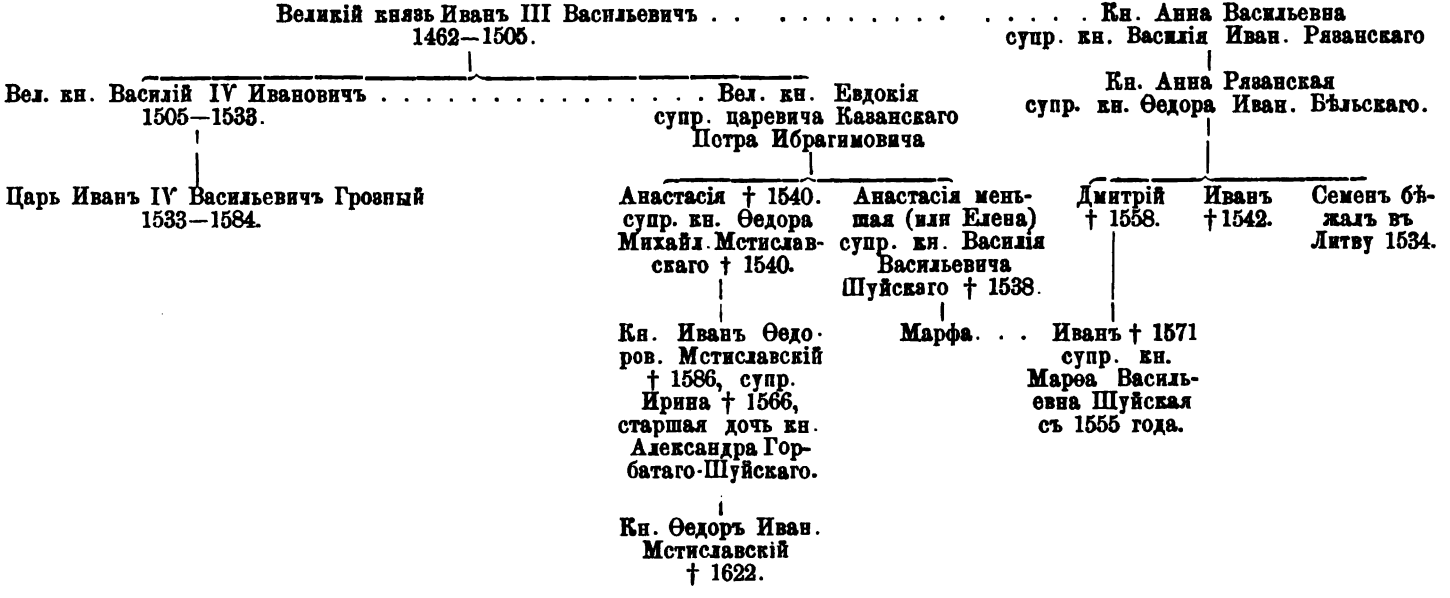
На этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, можно отвѣтить только отрицательно. Хотя дьяки, въ XVI вѣкѣ, и начинаютъ пріобрѣтать большое вліяніе на дѣла и значеніе ихъ постепенно усиливается, но уваженіемъ они не пользовались; среди бояръ они возбуждали не только ненависть, но и презрѣніе, такъ какъ, будучи неродовитыми, со словомъ дьякъ связывалось понятіе объ отсутствіи родословной чести; при спорахъ о мѣстничествѣ, противныя стороны даже укоряли иногда обоюдно дьячествомъ, какъ очень низкою должностью. При такихъ понятіяхъ въ то время о дьякахъ, можно ли предполагать, чтобы двоюродные братья царицы Анастасіи Романовны рѣшились занять подобную должность.

Лучшимъ доказательствомъ, какъ ненавидѣли дьяковъ вообще и какъ съ ними при случаѣ распоряжались, служитъ возмутительный поступокъ князя Василья Васильевича Шуйскаго съ извѣстнымъ дѣльцомъ великаго князя Василья IV Ивановича—Ѳедоромъ Мишуринымъ; этому несчастному, измученному предварительно воинами, раздѣтому, обнаженному, безъ всякаго суда, отсѣкли голову на плахѣ предъ городской тюрьмою.

Обращаясь къ вопросу о происхожденіи дьяка Василья Захарова, который своимъ разслѣдованіемъ о буйствѣ новгородскихъ пищальниковъ въ 1546 году подъ Коломною возбудилъ страшный гнѣвъ царя Ивана Грознаго, послѣдствіемъ котораго была казнь, обвиненныхъ въ тайномъ подстрекательствѣ мятежа — князя Ивана Кубенскаго и Воронцовыхъ,—мы можемъ привести изъ 17-го тома древней Россійской Вивліоѳики Н. Новикова, слѣдующее показаніе:

21 іюля 1546 г. «Въ Коломнѣ отсѣкли голову боярамъ,—князю Ивану Кубенскому, Ѳедору Воронцову и Василію Михайлову сыну Воронцову, по ложному доносу любимца Василья Григорьевича сына Сахарова Гнильева, который старался отомстить имъ за прежній ихъ поступокъ».

Изъ этого видно, что фамилія этого дьяка была не Захаровъ, а Сахаровъ-Гнильевъ, а потому онъ никакимъ образомъ не можетъ принадлежать къ роду Юрьевыхъ-Захарьиныхъ. Г. М.


Великій князь Иванъ III Васильевичъ
1462—1505.
Кн. Анна Васильевна
супр. кн. Василія Иван. Рязанскаго
Вел. кн. Василій IV Ивановичъ
1505—1533.
Вел. кн. Евдокія
супр. царевича Казанскаго
Петра Ибрагимовича
Кн. Анна Рязанская
супр. кн. Ѳедора Иван. Бѣльскаго.
Царь Иванъ IV Васильевичъ Грозный
1533—1584.
Анастасія † 1540.
супр. кн. Ѳедора
Михайл. Мстислав-
скаго † 1540.
Анастасія мень-
шая (или Елена)
супр. кн. Василія
Васильевича
Шуйскаго † 1538.
Дмитрій
† 1558.
Иванъ
† 1542.
Семенъ бѣ-
жалъ въ
Литву 1534.
Кн. Иванъ Ѳедо-
ровъ. Мстиславскій
† 1586, супр.
Ирина † 1566,
старшая дочь кн.
Александра Гор-
батаго-Шуйскаго.
Марфа. . .
Иванъ † 1571
супр. кн.
Марѳа Василь-
евна Шуйская
съ 1555 года.
Кн. Ѳедоръ Иван.
Мстиславскій
† 1622.

Блюститель нравственности.

Рапортъ Казанскаго губернскаго прокурора Овцына Министру Юстиціи.

17-го марта 1813 г.

«Въ печатной афишкѣ извѣщена казанская публика, что, съ позволенія начальства, марта 16-го числа, въ воскресенье, г. Девотто и г. Роба даютъ на здѣшнемъ театрѣ спектакль на канатѣ, въ прыжкахъ, позитурахъ и квилибрахъ, а также въ сальтомортальныхъ скачкахъ; дѣвица Шталь будетъ плясать на столѣ англійскій танецъ, а по окончаніи спектакля будутъ плясать по цыгански малолѣтнія дѣти. Разсуждая, что мнѣ одному осталось средство напомнить о неприличности цыганскихъ при публикѣ плясокъ въ настоящее время великаго поста, я, коль скоро о послѣдовавшемъ дозволеніи начальства сдѣлалось мнѣ извѣстно, относился, до начатія спектакля, къ здѣшнему полиціймейстеру Симанову, что цыганскія пляски въ нынѣшнее время противны нашей религіи и самой, какъ не безъизвѣстно, высочайшей государя императора волѣ, почему и просилъ полиціймейстера о семъ предварительно доложить г начальнику губерніи, не благоугодно ли будетъ упомянутую пляску отмѣнить. Тѣмъ не менѣе, пляска эта вчерашняго числа состоялась, а полиціймейстеръ Симановъ, на отношеніе мое, сегодня отвѣтилъ, что, по докладу его, г. гражданскій губернаторъ приказать изволилъ пляску ту не воспрещать.

«Я поставляю обязанностію о неприличномъ увеселеніи въ великій постъ довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства».

На рапортѣ написано: «Докладывано», но дальнѣйшихъ распоряженій не послѣдовало.

Сообщилъ **А. В. Безродный.**

Русскій путешественникъ прошлаго вѣка за границею.

(Собственноручныя письма А. С. Шишкова 1776—1777 г. г.).

1776 годъ [1]).

13.

2-го ноября.

Ни о чемъ тебя увѣдомить не могу, кромѣ, что на сихъ дняхъ обѣдали мы у здѣшняго губернатора, который живетъ весьма недурно; были у одного полковника на балѣ, также нѣсколько вечеровъ проводили на конверзаціяхъ и въ театрѣ. Впрочемъ, скука больше имѣетъ участія въ нашихъ дѣлахъ, нежели удовольствіе. Недавно былъ я въ жидовской синагогѣ, куда жиды собираются Богу молиться: она пространна и внутри хорошо украшена. Служба ихъ отправляется чудным образомъ: премножество жидовъ собравшися иные сидятъ и кричатъ, другіе ходятъ въ шляпахъ какъ на рынкѣ, а посрединѣ, стоя на возвышенномъ мѣстѣ, попъ въ бѣлой одеждѣ читаетъ громко на распѣвъ, и видно тутъ ни молчанія, ни слушанія, ни благочинія не требуется. — Еще тебѣ скажу, что мы вчерашній день проводили довольно весело: на фрегатъ «Павелъ» званы были обѣдать гости, которые просидѣли тутъ до самой ночи, и какъ между онымі были четыре дѣвушки, то мы послѣ обѣда позвали музыкантовъ и танцовали съ ними до самаго ихъ разъѣзда. Впрочемъ, сюда съ нашими товарами, которые должны привезены быть изъ Англіи и Голландіи, еще не бывали, и скоро-ли мы отселѣ отпра-

[1]) См. „Русскую Старину“, 1897 г., іюнь.

вимся, никто не знаетъ. Твой другъ желаетъ тебѣ всякаго удовольствія. Прости.

14.

4-го ноября.

Сегодня день моего дневанья, или очередь терпѣть скуку: всѣ мои товарищи поѣхали на берегъ; одинъ остался я на цѣлый день на фрегатѣ. Ты можешь вообразить себѣ, что мнѣ одному сидѣть не весело. Музыка не можетъ меня занимать, потому что я ни на чемъ играть не умѣю; книгъ со мною также нѣтъ, слѣдовательно къ провожденію времени остается мнѣ только ходить, сидѣть, лежать и думать: что все вообще весьма утѣшаетъ мало. Между тѣмъ, ходя взадъ и впередъ по каютѣ, увидѣлъ я на столѣ чернильницу и перо: мысль мнѣ пришла начать къ тебѣ писать и тѣмъ провести часть времени. Сыскалъ я бумагу и думалъ долго, о чемъ бы тебя увѣдомить, но, не имѣя ничего новаго, напослѣдокъ разсудилъ описать тебѣ вчерашнюю комедію, которую здѣсь играли въ театрѣ, и которая довольно мнѣ понравилась.

Прежде увѣдомлю тебя о здѣшнихъ комедіантахъ: они нанимаются отъ содержателя театра на нѣкоторое время, по прошествіи котораго на мѣсто ихъ приходитъ другая труппа, а сіи отъѣзжаютъ въ другое мѣсто для представленія на томъ театрѣ; такимъ образомъ они перемѣняются. Содержатель смотря по труппѣ полагаетъ цѣну за входъ въ театръ, которая обыкновенно бываетъ невелика, ибо за четверть рубля можно видѣть лучшую оперу, и то плотятъ только одни благородные да иностранцы, а простой народъ пускаютъ за пять копѣекъ и меньше. Посему думать можно, что содержателямъ театра не великій бываетъ доходъ, а комедіантамъ и того еще меньше, хотя они всякой день почти обязаны что нибудь представлять. Между прочимъ для перваго актера положенъ одинъ вечеръ, который собственно принадлежитъ ему, и о которомъ онъ за день или за два чрезъ печатные листки предувѣдомляетъ общество. Во время же онаго садится онъ при входѣ въ театръ за столъ, имѣя предъ собой большое серебряное блюдо, на которое входящіе кладутъ деньги кто сколько захочетъ, и сіи собранныя деньги получаетъ онъ себѣ, не удѣляя изъ того никому ничего. Сегодня вечеръ перваго актера, но я по несчастію лишенъ удовольствія видѣть его торжествующаго надъ кучею денегъ и желанія присовокупить ему маленькую частицу къ его доходу, хотя онъ съ великимъ почтеніемъ вчера вручилъ намъ всѣмъ по билету. Теперь опишу тебѣ содержаніе вчерашней комедіи, которое было слѣдующее:

Одинъ англичанинъ, по имени Вильсонъ, содержатель суконнаго завода, былъ человѣкъ довольно богатый, но богатство его состояло не въ наличности,—онъ торговалъ, и обращеніемъ денегъ пріумножалъ капиталъ свой. При жизни еще покойной жены своей принялъ онъ къ себѣ въ домъ одну несчастную вдову съ дочерью, которыя нѣкогда претерпѣли кораблекрушеніе, однако были спасены и, по пріѣздѣ въ Лондонъ, пристали у него въ домѣ и тутъ жили! Вдова сія называлась Сонбриджи, а дочь Фанни. Нѣкто знатный лордъ, именемъ Арсей, увидя Фанни, въ нее влюбился и показывалъ ей особливыя ласки; но онъ не завсегда жилъ въ городѣ, а удалялся иногда въ свои деревни. По прошествіи нѣкотораго времени, жена Вильсонова умерла, оставя послѣ себя двухъ маленькихъ дѣтей, сына и дочь, которыхъ при смерти поручила она Сонбриджиной дочери, прося ее вмѣсто себя быть имъ матерью, а мужа своего увѣщевала жениться на сей любви достойной дѣвицѣ. Вильсонъ, оплакавъ память жены своей и привыкши завсегда видѣть молодую Фанни, не могъ больше сопротивляться ея прелестямъ и почувствовалъ къ ней сильнѣйшую горячность, что̀ происходило также и въ сердцѣ Фаннинома. Госпожа Сонбриджи была о томъ увѣдомлена и обѣщала дочь свою за него выдать. Въ такомъ положеніи были дѣла ихъ, какъ въ одно время Вильсонъ, отлучившися изъ своего дома, пробылъ цѣлыя сутки за городомъ, и по возвращеніи своемъ провѣдалъ, что лордъ Арсей пріѣхалъ въ Лондонъ и приходилъ разговаривать съ госпожею Сонбриджею. Вѣдомость сія смутила его, онъ страшился, чтобъ сей знатный соперникъ не былъ ему предпочтенъ. Безпокойство его еще болѣе умножилося, когда Сонбриджа, пришедъ, показала ему письмо, которое писалъ къ ней лордъ Арсей, и въ которомъ онъ увѣдомляетъ ее, что несмотря на неизвѣстность Фаннинаго рожденія, о которомъ онъ не желаетъ болѣе освѣдомляться, предпріялъ онъ чрезъ два дня на ней жениться и повергнуть съ собою къ ногамъ сея красавицы всѣ свои титла, знатность и богатство, заключая тѣмъ, что онъ послѣ такого его предложенія надѣется несомнѣнно получить отъ нихъ согласный со своими желаніями отвѣтъ, и что послѣ сего, конечно, не станутъ онѣ болѣе помышлять о страсти Вильсоновой къ молодой Фанни. Прочитавъ сіе письмо, вздохнулъ Вильсонъ и печальнымъ голосомъ спрашивалъ Сонбриджу, что̀ она сдѣлать намѣрена. Рѣшеніе уже сдѣлано, отвѣчала Сонбриджа, и сіе письмо понуждаетъ меня къ скорѣйшему исполненію такого дѣла... Какъ! перервалъ Вильсонъ, и Фанни могла безъ труда на то согласиться? Конечно, безъ труда, продолжала Сонбриджа, для того, что она соединяется съ такимъ человѣкомъ, котораго она любитъ, который равномѣрно любитъ ее. Потомъ, примѣтя горесть Вильсонова, не захотѣла больше оставлять его въ заблужденіи, сказавъ, что онъ самый тотъ супругъ, котораго она дочери

своей назначаетъ. Легко можно себѣ вообразить радость Вильсонова, сими словами въ немъ произведенную! Торжествующъ надъ знатнымъ толь соперникомъ, получа все желаемое, бросился было онъ благодарить ее наичувствительнѣйшимъ образомъ, но она, перервавъ его ласкательства, сказала, что имѣетъ нужду открыть ему нѣкоторую тайну, и чтобъ онъ успокоившись ее выслушалъ. Тогда разсказала она ему, что она родилась въ Дублинѣ отъ родителей довольно достаточныхъ, но которые напослѣдокъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ сдѣлалися бѣдными, и которыхъ лишилася она еще въ самой молодости своей. По смерти отца своего жила она у дяди, который напослѣдокъ хотѣлъ ее выдать за одного богатаго негоціанта замужъ, но въ самое то время пріѣхалъ туда нѣкто шотландскій лордъ Фалиландъ. Они другъ съ другомъ имѣли случай увидѣться и полюбить одинъ другого страстно. Напослѣдокъ сей лордъ увезъ ее въ свой домъ съ обѣщаніемъ на ней жениться, но какъ сіе не могло быть сходственно съ знатною его породою, и притомъ не смѣлъ онъ огорчить старика-отца своего, то принуждена была Сонбриджа полагаться на одни увѣренія Фалиланда и довольствоваться одною надеждою на будущее время, что съ перемѣною обстоятельствъ лордовыхъ перемѣнится и участь ея. Однако она въ томъ обманулася, ибо скоро услышала, что онъ женится на одной знатной дѣвицѣ и посылается губернаторомъ въ Ямайку. Сія вѣдомость была ужаснѣйшимъ для Сонбриджи ударомъ: плодъ любви ихъ, рожденная тогда Фанни, еще болѣе умножала печаль своей матери, напоминая несчастнымъ бытіемъ своимъ невѣрность ей отцовскую и плачевное состояніе, въ какомъ онъ ихъ оставилъ. Но чтобъ разсказать покороче, то довольно сего вѣдать, что Фалиландъ, женившись, уѣхалъ въ Ямайку уже двадцать лѣтъ тому назадъ, однако же онъ, живучи тамъ, иногда провѣдывалъ о Сонбриджѣ, и въ послѣдній разъ прислалъ ей нѣкоторое довольное число денегъ. Что касается до нея, то послѣ многихъ приключеній, бывшихъ послѣ того съ нею, наконецъ жила она въ домѣ у сего Вильсона, какъ я прежде о томъ упоминалъ, и теперь разсказала ему тайную свою повѣсть, примолвя къ тому: ты теперь знаешь и мое несчастное состояніе и рожденіе Фаннино. Разсуждай самъ. Ежели злополучная сія повѣсть никакой въ мысляхъ твоихъ не дѣлаетъ перемѣны, продолжай любить ея, но когда страсть сія покажется тебѣ предосудительною чести твоей, такъ разорви сей союзъ. Избирай для себя благое. По крайней мѣрѣ я имѣю долгъ, прежде наступленія брака, тебя о томъ увѣдомить. Вильсонъ послѣ сихъ ея словъ съ горячностію старался увѣрить ея, что почтеніе, которое онъ къ нимъ обѣимъ имѣетъ, есть священное и никакими посторонними обстоятельствами не нарушаемое. Такимъ образомъ они разстались. Скоро потомъ Вильсонъ и Фанни вѣчнымъ совокупленіемъ утвердили пламень свой, и казалося, что желаніямъ ихъ ничего болѣе

недоставало. Между тѣмъ, грозная буря, поднявшись, затмила всю ихъ свѣтлую радость. Вильсонъ чрезъ банкротство другихъ потерялъ все свое богатство и сдѣлался бѣднѣйшимъ человѣкомъ. Сонбриджа и Фанни отдали всѣ свои деньги и алмазы въ заплату тѣхъ векселей, по коимъ съ него взыскивали; но недовольно было сего, напослѣдокъ велѣно было описать весь его домъ и со всѣми находящимися въ оном вещами, для продажи и заплаты по оставшимся векселямъ. Тогда можно сіе представить сколь безмѣрна была Вильсонова горесть. Явленіе сіе возбуждало во всѣхъ немалую жалость. Несчастныя дѣти невиннымъ своимъ присутствіемъ, вопросами и слезами наносили ему печаль жесточайшую; Фанни тѣмъ болѣе поражала чувствительное сердце его, чѣмъ болѣе въ сіе время показывала ему горячности; ибо себя поставлялъ онъ виновникомъ ея злополучія, отвлекши отъ счастливаго состоянія, въ которомъ бы она была, вышедъ за лорда Арсея замужъ. Сими и симъ подобными ежечасно терзаяся мыслями, наконецъ, приведенъ онъ былъ въ отчаяніе, и принялъ намѣреніе броситься въ р. Темзу, написавъ напередъ два письма, одно къ Фанни, а другое къ Арсею; въ первомъ просилъ, чтобъ она по лишеніи его немедленно вышла за лорда сего замужъ и была матерью оставшимся его дѣтямъ; а во второмъ увѣдомлялъ Арсея о несчастіи своемъ, принудившемъ его лишиться жизни, и просилъ, чтобъ онъ, женяся на Фанни, былъ покровителемъ несчастныхъ сиротъ ея пасынковъ. Исполнивъ сіе, пошелъ онъ во время ночи отдавать письма на почту, чтобъ назавтра отнесли ихъ къ кому они были надписаны, и потомъ броситься въ Темзу.

На семъ любопытномъ мѣстѣ знать о судьбинѣ Вильсоновой кончилося четвертое дѣйствіе сей драмы, но вообрази себѣ, какъ удивлены были зрители, когда актеръ, игравшій Вильсонову роль, въ самое то время вышелъ увѣдомлять публику, какая завтра будетъ комедія! Правда, что здѣшніе зрители къ тому уже привыкли, ибо здѣсь часто случается, что и въ срединѣ трагедіи актеры сіе дѣлаютъ, будучи въ царскомъ одѣяніи, да и не могутъ иначе, какъ не въ срединѣ выходить, потому что зрители никогда конца не дожидаются; но для меня и многихъ къ сему не привыкшихъ весьма сіе показалось странно. Между тѣмъ, какъ я мысленно приготовлялся обвинять сего актера и сердился, что онъ смѣшалъ мои мысли и вывелъ изъ заблужденія глаза, которые уже было привыкли мечтать его себѣ подлиннымъ Вильсономъ и заставляли душу мою соболѣзновать о его состояніи и любопытствовать о его судьбинѣ,— между тѣмъ, говорю, оправдалъ онъ сей некстати выходъ свой слѣдующею къ зрителямъ рѣчью, весьма для него кстати (надобно при этомъ вспомнить, что сіе было наканунѣ того дня, въ который собираемыя отъ зрителей деньги принадлежатъ собственно ему). Вильсонъ сталъ не-

15.

8-го ноября.

Вчера случилося съ нами сперва странное, а потомъ весьма смѣшное приключеніе, о которомъ намѣренъ я тебя увѣдомить.—Послушай: былъ я поутру въ этотъ день на фрегатѣ «Павлѣ» и остался тамъ обѣдать. Между тѣмъ какъ садилися за столъ, пришли сказать капитану, что два какіе то иностранца желаютъ съ нимъ говорить. Онъ велѣлъ ихъ пустить къ себѣ въ каюту. Они, вошедъ и увидя насъ готовыми садиться за столъ, стали въ неблаговременномъ приходѣ своемъ извиняться, а какъ услышали, что капитанъ приглашаетъ ихъ вмѣстѣ съ собою за столъ, то съ благодарностію отозвалися отъ того тѣмъ, что уже они обѣдали, прося при томъ для нихъ не безпокоиться, а только позволить имъ послѣ стола переговорить наединѣ съ господиномъ капитаномъ. Такимъ образомъ мы сѣли за столъ, и они по сторонамъ стола. Одинъ изъ нихъ былъ собою высокъ съ превеликимъ краснымъ пятномъ на щекѣ и одѣтъ въ байковый сюртукъ, а другой низокъ ростомъ и на немъ изрядная парочка платья дикаго цвѣту. Малорослый въ продолженіе обѣда разговаривалъ съ нами довольно, а товарищъ его сидѣлъ, не говоря ни слова, и казался быть весьма смутенъ. По окончаніи стола вышли мы всѣ вонъ, оставя ихъ однихъ съ капитаномъ. Не прошло больше четверти часа какъ пришелъ къ намъ капитанъ съ видомъ весьма удивительнымъ и сказалъ, что одинъ изъ сихъ двухъ чужестранцевъ, а именно высокій ростомъ, есть нѣмецкій принцъ и кавалеръ прусскаго ордена Чернаго орла, что онъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ скрываетъ имя свое и проситъ у него на суднѣ хотя на одинъ день прибѣжище. Вѣдомость сія привела насъ всѣхъ въ удивленіе, и я уже начиналъ раскаиваться, что, сидя за столомъ, не такъ на него смотрѣлъ пристально. Тотчасъ любопытство мое понудило меня итти въ каюту посмотрѣть не сей алмазъ подъ коркою, и какъ я туда вошелъ, притворившись будто ничего о томъ не знаю, то онъ спросилъ у меня по-французски не подначальникъ ли я на этомъ суднѣ? Я, сказавъ ему о себѣ, примолвилъ, что я не хорошо умѣю по-французски, а притомъ спросилъ, не говоритъ ли онъ по-нѣмецки. О! это мой природный языкъ, отвѣчалъ онъ скоро, и мнѣ пріятно видѣть человѣка, съ которымъ я говорить на ономъ могу. Вскорѣ потомъ, по краткихъ нѣсколькихъ учтивостяхъ, вступили мы въ дальнѣйшіе съ нимъ разговоры, и онъ, ни мало не скромничая, разстегнувъ сюртукъ, показалъ мнѣ звѣзду Чернаго орла и открылся, что онъ брауншвейгскій принцъ, что, будучи по нѣкоторому учиненному имъ убійству гонимъ отъ своего отца, ищетъ

укрыться отъ гнѣва и поисковъ его, что онъ только лишь пріѣхалъ сюда изъ Генуи, гдѣ его ночью совсѣмъ ограбили и едва не убили; что отецъ его всячески старается, чтобъ онъ убитъ былъ, обѣщая тому деньги, кто сіе сдѣлаетъ; что, зная каковы итальянцы, не списавшись сперва съ какимъ нибудь консуломъ, опасается онъ сойти на берегъ, чтобъ и здѣсь не приключилось ему подобнаго несчастія какъ въ Генуѣ; и на послѣдокъ, что для сей самой причины проситъ онъ на нѣсколько часовъ дать ему прибѣжище на семъ суднѣ. Послѣ сего увѣдомленія повелительнымъ образомъ оборотившись къ своему товарищу, велѣлъ ему итти къ англійскому или французскому консулу и о себѣ котораго нибудь изъ нихъ осторожно увѣдомить, что сей принявъ съ покорнымъ видомъ, тотчасъ туда и отправился. Оставшися одинъ разговаривалъ онъ съ нами долго, благодарилъ за пріемъ, показывалъ себя чувствительно за то обязаннымъ и обѣщалъ по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ, куда онъ ѣхать отселѣ намѣренъ, отозваться обо всѣхъ наиблагодарнѣшимъ образомъ нашему тамъ послу. Какія побудительныя къ оказанію всевозможныхъ услугъ слова, и какая лестная надежда! Уже иные мечтали себя счастливыми чрезъ то: какого гостя Богъ послалъ, коль радостно видѣть имя свое въ записной его книжкѣ!—Нѣсколько часовъ спустя потомъ возвратился малорослый посланникъ и донесъ его свѣтлости принцу, что ни англійскаго, ни французскаго консула не нашелъ дома, и домашніе, гдѣ они, не знаютъ, а къ другимъ консуламъ онъ безъ его приказанія итти не смѣлъ. Потомъ поговорили они другъ съ другомъ нѣчто по-испански, послѣ чего принцъ сидѣлъ долго время безмолвенъ, и будто вдругъ вышедъ изъ глубокой задумчивости, началъ проклинать участь свою, княжество и рожденіе. Малорослый покусился было сказать ему еще что-то по-испански, но онъ, перебивъ рѣчь его, надѣлъ шляпу и, отъ часу разгорячаяся, бранилъ отца, Италію, весь свѣтъ, и напослѣдокъ казалося выступалъ изъ разума, ибо просилъ двухъ пистолеть и шпагу, чтобъ итти на берегъ со всѣми драться. Такой гнѣвъ его удивлялъ насъ весьма, и мы не понимали, въ какихъ чудныхъ находится онъ обстоятельствахъ. Напослѣдокъ мало-по-малу усмирившись, выпросилъ онъ бумаги и написалъ къ англійскому консулу письмо, которое хотѣлъ посылать съ этимъ своимъ малорослымъ служителемъ, приказывая непремѣнно дождаться консула или провѣдать, гдѣ онъ находится, и отдать ему сіе письмо; но сей отвѣчалъ, что уже поздно, и когда по захожденіи солнца запрутъ въ гавани ворота, то ему не можно будетъ возвратиться назадъ. Тогда принцъ, подумавъ немного, сталъ просить, чтобъ ему позволено было ночевать на этомъ суднѣ, извинялся притомъ въ безпокойныхъ просьбахъ своихъ, обнадеживалъ благодарностію и говорилъ, что симъ ему сдѣлано будетъ величайшее

одолженіе. Какъ не склониться на такую просьбу, которой слѣдствіе обѣщаетъ такъ много? Хотя капитанъ сперва и не соглашался на сіе позволить, опасаяся не попасть бы чрезъ то въ какія нибудь хлопоты, однакожъ по совѣту прочихъ и моему напослѣдокъ согласился. Итакъ принцъ остался тутъ ночевать, а служитель его посланъ былъ съ приказаніемъ на другой день поутру возвратиться съ отвѣтомъ консульскимъ. Продолжая отъ часу далѣе разговоръ нашъ съ принцемъ и удушая такъ сказать его любопытствомъ нашимъ, напослѣдокъ примѣтили мы въ словахъ его великую несогласицу, хвастовство и противурѣчіе самому себѣ, особливо когда онъ сказалъ, что въ Генуѣ убили бывшихъ при немъ двухъ человѣкъ и ограбили его на сто тысячъ червонныхъ; что онъ изъѣздилъ весь свѣтъ подъ именемъ одного графа, прославился на многихъ войнахъ и сидѣлъ три года у алжирцевъ въ полону, дивился напослѣдокъ, что намъ имя его толь громкое не извѣстно по вѣдомостямъ. Такія и симъ подобныя слова принудили меня о свѣтлости его немножко усумниться, однакожъ не смѣлъ я дѣлать ему такихъ вопросовъ, которые бы явно показали ему мое сомнѣніе. Между тѣмъ, примѣчая отъ часу болѣе нелѣпости въ его рѣчахъ, спросилъ я, для чего не объявитъ онъ прямо о своемъ достоинствѣ, по которому, конечно, приняли бъ его здѣсь согласно съ онымъ. «Я больше опасаюся ласки итальянцевъ, нежели грубости, отвѣчалъ онъ.—Сіи люди мнѣ извѣстны, они меня учтиво примутъ, но подъ видомъ учтивости проводятъ меня къ отцу моему, чего я больше самой смерти опасаюся». Сей отвѣтъ подозрѣніе мое нѣсколько обезоружилъ. Послѣ сего старался онъ изобразить себя человѣкомъ любящимъ роскошь и веселье, а отца своего по нѣкоторымъ обстоятельствамъ весьма на него злобнымъ и не могущимъ терпѣть такихъ въ сынѣ своемъ качествъ; сказывалъ, будто наученіемъ его два раза уже подносили къ нему ядъ, но онъ отъ того предостереженъ былъ своими друзьями.—Дальніе наши съ нимъ разговоры показали намъ его весьма несвѣдущимъ ни о чемъ, отчего мое подозрѣніе опять увеличилося; тогда попросилъ я, чтобъ онъ для памяти написалъ имя свое на бумагѣ, что онъ казалося съ удовольствіемъ исполнилъ и ту записочку мнѣ отдалъ. Послѣ того принесъ я къ нему нѣмецкій календарь и просилъ, чтобъ онъ мнѣ въ ономъ показалъ имя свое. Сіе неожидаемое имъ предложеніе привело его въ явное смущеніе, однакожъ онъ, будто желая удовольствовать мое любопытство, сталъ пересматривать календарь и, рывшися въ немъ долгое время, напослѣдокъ сказалъ, что нѣтъ ли у меня итальянскаго календаря, а въ этомъ онъ имени своего не находитъ; и видя, что я хочу еще больше любопытствовать, старался этотъ разговоръ какъ нибудь замять. Между тѣмъ накрытъ былъ столъ и насъ позвали ужинать. За столомъ сидя, онъ

ѣлъ мало, а пилъ много, и говорилъ, что онъ за ужиномъ имѣетъ привычку больше пить нежели ѣсть. По окончаніи стола, посидѣвъ немного, стали всѣ ложиться спать, а я поѣхалъ ночевать на свой фрегатъ. Капитанъ просилъ меня, чтобъ поутру поранѣе съѣздить къ одному недавно сюда изъ Мальты пріѣхавшему маркизу, который былъ въ нашей службѣ, и, разсказавъ ему о семъ приключеніи, спросить у него совѣта. Я обѣщалъ сіе сдѣлать, и поутру рано, пошедъ къ маркизу, увѣдомилъ его обо всемъ случившемся подробно. Онъ разсмѣявшися подалъ мнѣ вѣдомости и сказалъ, чтобъ я прочиталъ въ нихъ то, чему онъ только лишь теперь смѣялся. Въ нихъ пишутъ изъ Генуи объ одномъ принцѣ и кавалерѣ Чернаго орла, который, пріѣхавъ туда подъ симъ именемъ, былъ согласно съ названіемъ своимъ принятъ и забралъ было въ долгъ нѣкоторое число денегъ у купцовъ, но какъ вскорѣ открылося, что онъ не что иное какъ самозванецъ и обманщикъ, то отняты у него назадъ деньги, и онъ, будучи безчестнымъ образомъ выгнанъ изъ города, отправился въ Ливорну. По сему портрету уже легко можно было узнать подлинника. Выпроса вѣдомости сіи у маркиза, пошелъ я въ трактиръ, въ которомъ нанималъ для себя комнату, и въ которомъ жилъ еще живописецъ пруссакъ, человѣкъ весьма ревностный словопреніемъ защищать свое отечество. Пришедъ туда, нашелъ я живописца сего разговаривающаго съ хозяиномъ о семъ новомъ приключеній, о которомъ они частію уже увѣдомлены были. Оба они утверждали, что это конечно, самозванецъ и плутъ, и что за два года предъ симъ одинъ бездѣльникъ съ краснымъ на щекѣ пятномъ, которое онъ такъ искусно умѣлъ замазывать, что иногда оно было видно, а иногда нѣтъ, сидѣлъ въ Пизской тюрьмѣ; такъ надобно думать, что это онъ самый. Я, желая утвердить ихъ въ мнѣніи семъ, показалъ имъ записочку и вѣдомости, сказывая притомъ, что онъ называется роднею прусскаго короля и носитъ Чернаго орла звѣзду на кафтанѣ: «такъ тебѣ бы, какъ пруссаку, продолжалъ я, обращаясь къ живописцу, надлежало за сіе горячо вступиться и запретить ему сколько можно имя государя твоего злоупотреблять». Нельзя изобразить, какую на пруссака досаду произвели въ немъ слова сіи, особливо когда уже онъ ясно видѣлъ его плутомъ и въ томъ обмануться не опасался. Онъ сталъ просить меня усильно, чтобъ отвезти его на судно и показать ему обманщика сего, который осмѣливается носить на себѣ звѣзду Чернаго орла, а какъ мнѣ сего только и хотѣлося, чтобъ посмѣяться и посмотрѣть храбрости его надъ принцемъ, то согласился тотчасъ на сію просьбу и взялъ его съ собою. Мы, пріѣхавъ туда, провѣдали, что капитанъ съѣхалъ на берегъ и велѣлъ послѣ себя сказать принцу, чтобъ онъ искалъ для своего пребыванія другаго мѣста, гдѣ ему угодно, и сіе судно пожаловалъ бы оставить: и такъ онъ со своимъ

малорослымъ посланникомъ собирался ѣхать долой. Между тѣмъ живописца ввелъ я въ каюту и началося славное сіе дѣйствіе, которое послѣ того снабдило насъ смѣхомъ на цѣлую недѣлю. Живописецъ, коль ни храбъ былъ, однако же сперва приступалъ съ робостію, на послѣдокъ, увидя того нѣсколько сбившагося въ словахъ, началъ отъ часу болѣе разгорячаться, глаза у него засверкали, голосъ возвысился, лице покраснѣло, губы задрожали, и вскорѣ потомъ сего знаменитаго принца, на толь многихъ войнахъ прославившагося и всю почти вселенную изѣздившаго, простой живописецъ сей преобратилъ въ плута и обманщика! За такую славную побѣду вмѣсто лавровъ надѣли мы на него шляпу, и велѣли ему, взявъ подъ руки, свести долой со фрегата разжалованнаго имъ принца сего, который хотя провождаемъ былъ всеобщимъ смѣхомъ, однако же, ни мало не краснѣя, шелъ весьма бодро, далъ капитанскимъ людямъ червонецъ, и казалося отнюдь не терялъ надежды быть тѣмъ же дѣйствующимъ лицемъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Коль великую перемѣну сдѣлало съ иными несчастное сіе паденіе принца! Сладкая надежда ихъ превратилася въ отчаяніе, заставляющее краснѣть, услуги остался безъ воздаянія и надобно было во слѣдъ ему хотя внутренно кричать: «пожалуй по пріѣздѣ твоемъ въ Парижъ не показывай посланнику именъ нашихъ въ записной твоей книжкѣ».

16.

19-го ноября.

Сегодня получилъ я отъ одного изъ моихъ пріятелей съ «Сѣвернаго орла», письмо, которое при семъ и тебѣ сообщаю. Оно состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: «Нашедъ идущее въ Ливорну судно, не хочу я упустить сего случая, чтобъ не увѣдомить тебя о всемъ нашемъ походѣ. Разставшись съ вами, зашли мы въ Портъ-Ферайо и, не входя въ гавань, дали знать фрегатамъ нашимъ, чтобъ они изъ оной выступили, однако не скоро ихъ дождалися, ибо они, бывъ тамъ привязаны веселостію, какъ тяжелыя птицы весьма лѣниво съ мѣстъ своихъ поднималися. Напослѣдокъ, соединившись съ ними, начали мы продолжать путь нашъ. Въ Мальтійскомъ каналѣ подхватила насъ противная буря, которая весьма долго продолжалась, и «Наталія» въ сіе время съ нами разлучилася, такъ что и понынѣ отъ мимоходящихъ судовъ еще никакого о ней извѣстія не имѣемъ. Подходя къ Архипелагу крѣпкіе и противные вѣтры не допустили насъ обойти островъ Сиригу, и такъ лавируя нѣсколько дней вблизи онаго, напослѣдокъ принуждены мы были зайти въ Портъ-Мадонъ. Сей городъ лежитъ на полуостровѣ Морѣ между горо-

дами Навариномъ и Коронною. Суда становятся тутъ между имъ и островомъ Сапіенцею, который прикрываетъ ихъ отъ вѣтровъ со стороны восточной. Крѣпость Мадонская построена венеціанами, а нынѣ находится подъ владѣніемъ турокъ. Она стоитъ на низкомъ мѣстѣ подлѣ самой воды, и видъ имѣетъ четвероугольника, хотя съ моря плывущимъ судамъ кажется треугольникомъ. Предмѣстіе оной въ прошедшую войну нашими разорено и по сію пору еще не исправлено. Позади оной горы, на крѣпости находятся двадцать четыре нашихъ пушки, которыя отъ насъ турками подъ симъ городомъ взяты, а больше всего, къ сожалѣнію нашему, есть еще тутъ мѣсто, на которомъ погребено триста россійскихъ воиновъ. Спустя нѣсколько часовъ пришелъ туда же турецкій военный фрегатъ, называемый «Родосъ». Онъ отсалютовалъ намъ изъ пяти пушекъ, на что мы отвѣтствовали ему равнымъ числомъ. Капитанъ послалъ къ нимъ лейтенанта поздравить ихъ съ благополучнымъ приходомъ, которому въ честь выпалили они по пріѣздѣ и по отъѣздѣ изъ двухъ пушекъ, и прислали съ нимъ подарокъ, изъ котораго досталася мнѣ баранья нога и десять лимоновъ; а ежели ты умножишь сіе числомъ офицеровъ нашихъ, такъ будетъ весь подарокъ. Фрегатъ сей посланъ былъ отъ капитанъ-паши къ Маніотамъ уговаривать ихъ платить гарасъ, или подать, султану, въ чемъ, сказываютъ, ему и удалось. Маніоты же сіи суть христіане и живутъ, или лучше сказать, разбойничаютъ въ Морећ между горами; впрочемъ они не находятся подъ игомъ турокъ и не платятъ султану подати, но имѣютъ своего юргу или старшину, который живетъ въ Портъ-Витулѣ. Городскіе турки пріѣзжали къ намъ въ гости, однако и чашки кофею у насъ не выпили, потому что нынѣ у нихъ рамазанъ или постъ, въ который они днемъ ничего не пьютъ, не ѣдятъ и табаку не курятъ, а ночью все сіе дѣлать могутъ. Увидя турки портретъ великаго князя, сожалѣли, что онъ овдовѣлъ, но едва успѣли показать мы имъ портретъ Петра Великаго, какъ они всѣ съ великимъ восклицаніемъ подбѣжали его разсматривать: такъ слава государя сего громка даже и между непросвѣщенными народами! На другой день вѣтеръ намъ сдѣлался благополучный, и такъ мы съ турецкимъ фрегатомъ пошли вмѣстѣ въ путь, однако онъ недолго дѣлалъ намъ сотоварищество и вскорѣ отъ насъ отлучился. Вступя въ Архипелагъ, сдѣлался вдругъ сѣверные крѣпкіе вѣтры, которые принудили зайти насъ въ островъ Аржентеру, который такъ называется по находящейся тамъ серебряной рудѣ. Гавань въ ономъ весьма изрядная и отъ вѣтровъ довольно прикрытая островомъ Милою и еще другимъ маленькимъ островкомъ. Вошедъ въ нее ночью, нашли мы тутъ стоящій на якорѣ линейный корабль, который потомъ во всю ночь, какъ намъ видно было, суетился привести себя въ готовность, къ сраженію, что̀ подало намъ причину брать предосторожности. На послѣдокъ при разсвѣтаніи дня, будучи онъ въ на-

стоящемъ боевомъ положеніи, поднялъ красный флагъ. Мы сочли его алжирцомъ и тотчасъ приготовилися сами къ сраженію. Между тѣмъ для лучшаго свѣдѣнія, точно ли онъ непріятельское хочетъ начать съ нами дѣйствіе, послали мы къ нему офицера. Шлюпка наша, приставая къ кораблю, вдругъ отворотила отъ оного прочь,—сіе подало намъ причину почесть его точнымъ непріятелемъ, и для того тотчасъ подняли мы фрегату «Григорію» сигналъ приготовиться къ бою. Однако же все было сіе тщетно. Корабль этотъ былъ турецкій, и шлюпка для того отворотила прочь, что у нихъ съ правой стороны на корабль не входятъ, а должно объѣзжать на лѣвую. Вскорѣ возвратился посланный туда офицеръ и привезъ такія же какъ и прежнія къ намъ гостинцы, а спустя нѣсколько времени корабль сей отсалютовалъ намъ изъ пяти пушекъ, и мы отвѣтствовали ему равнымъ числомъ. Послѣ того ѣздили мы къ нимъ въ гости и были весьма ласково приняты, курили по обыкновенію табакъ и пили кофій. Не могу тебѣ описать какъ безпорядочно у нихъ все на кораблѣ. и какіе они худые мореходцы! Лѣность, невѣжество и любовь къ покойному житію суть три ядовитыя для мореплаванія вещи, а у нихъ-то они и являются въ самой высшей степени. Мы нашли корабль ихъ вотъ въ какомъ состояніи: во-первыхъ, капитанская каюта была не чиста, и по сторонамъ дверей стояли матросскія ружья, а каютъ-компанія разгорожена не обтесанными досками на премножество маленькихъ каютъ. На шканцахъ у гротъ-мачты лежали разныхъ калибровъ ядры, складенныя безпорядочно въ кучу; подъ шканцами была кофейная лавка. Въ нижней палубѣ между банокъ стояли лошади и коровы, а бараны бѣгали по всей палубѣ на волѣ. Въ банкахъ построены были въ два ряда нары, на люкахъ рынокъ, гдѣ всячину продаютъ, и такъ было грязно, что мы ходя забрызгали чулки. Теперь я не удивляюсь, что они далеко въ море на корабляхъ своихъ ходить не могутъ, а дивлюся тому, какъ они и по близости ходятъ, не теряя часто и жизнь свою и судовъ. Впрочемъ корабль сей подаренъ имъ отъ французовъ и называется «Лафермъ». Нашъ и Григорьевскій капитаны ѣздили къ нимъ въ гости: по пріѣздѣ и по отѣздѣ палили они имъ въ честь по девяти пушекъ. Потомъ пріѣзжалъ къ намъ ихъ турецкій капитанъ подъ своимъ бейскимъ (ибо онъ былъ бей или князь по нашему) флагомъ. Мы палили ему по пріѣздѣ и по отѣздѣ изъ пяти пушекъ. Во время рожденія луны, когда кончился рамазанъ ихъ, произвели они также не малую пальбу, въ чемъ и мы имъ дѣлали товарищество. Такимъ образомъ вмѣсто ядеръ на счетъ смертоубійства, пострѣляли мы холостыми зарядами на счетъ удовольствія.

17.

15-го ноября.

Приключеніе съ нашимъ принцемъ тѣмъ, сказываютъ, кончилося, что онъ, странствуя еще нѣсколько времени здѣсь по судамъ, напослѣдокъ уѣхалъ въ Тунисъ, а какія тамъ будутъ его успѣхи, о томъ желалъ бы я знать. Надобно думать, что наконецъ не избѣжать ему ненависти отцовской, которая повидимому для него во всемъ свѣтѣ разсѣяна, и когда-нибудь свѣтлости его ложной быть на висѣлицѣ. Оставимъ сіе. На сихъ дняхъ ходили мы для прогулки въ монастырь, называемый Монте-Негро, который лежитъ отъ Ливорны верстахъ въ шести на весьма высокой горѣ, и можетъ почитаться въ числѣ хорошихъ зданій. Внутри храма находятся нѣсколько большихъ мраморныхъ столбовъ, не мало живописныхъ картинъ, богатый жертвенникъ и явленной образъ Богоматери. Съ горы сей видимая окрестность кажется весьма прекрасною. Оттуда пріѣхали мы уже въ нанятыхъ коляскахъ, потому что устали и день къ полудню сдѣлался жарокъ. Впрочемъ, скука наша умножилася католическимъ постомъ, которымъ всѣ веселости здѣсь пресѣклися, а скоро умножится еще больше походомъ, котораго мы съ-часу-на-часъ ожидаемъ, ибо одно уже судно съ товарами нашими пришло, а другое сказываютъ идетъ.

18.

27-го ноября.

Напослѣдокъ ожидаемое судно съ нашими товарами пришло, и мы, оставя Ливорнскую гавань, вытянулись на рейдъ. День похода нашего весьма близокъ, и скоро мы должны будемъ съ Италіей разстаться. Ежели бъ теперь былъ мѣсяцъ май и путь нашъ назначенъ въ Россію, то бы разлука сія больше была веселая, нежели скучная, но какъ нынѣ въ исходѣ ноябрь, и притомъ идемъ мы въ Турцію, то признаться надобно, что отшествіе отселѣ не весьма насъ увеселяетъ. Суровость зимнихъ непогодъ, свирѣпство моря, трудъ и неизвѣстность притомъ нашего похода дѣлаютъ мнѣ часто непріятныя воображенія, которыми иногда противъ воли моей мысли мои наполняются. Скука моя ведетъ меня къ жалобамъ, которыя, можетъ статься, иной назоветъ малодушіемъ, особливо тотъ, который слѣдуетъ строго сему ученію мудрости, что во время благополучія должно всегда передъ очами имѣть несчастіе, а во время неблагополучія—счастіе, дабы въ первомъ случаѣ не ослѣплятся безопасностію, а во-второмъ не унывать отъ излишняго видѣнія;

или тотъ, который, находяся самъ въ благоденствіи, весьма нерадиво преклоняетъ слухъ свой къ жалобамъ другихъ, не вразумѣвается въ нихъ и не дѣлаетъ себѣ изъ оныхъ тѣхъ жалкихъ видовъ, которые-бъ могли сердце его подвигнуть къ соболѣзнованію: сіи два рода людей оба, мнѣ кажется, удаляются отъ человѣчества, хотя первый изъ нихъ лучше послѣдняго, и я вмѣстѣ съ нимъ признаю, что пространное воображеніе о состояніи нашемъ только въ благополучіи служитъ намъ благомъ, а въ непріятныхъ обстоятельствахъ великимъ зломъ, ибо представляетъ завсегда разуму такое изображеніе, которое, не принося никакого удовольствія сердцу, только увеличиваетъ скучное его чувствованіе; но какъ можно больному забыть о своей болѣзни, хотя бы то и лучше было, чтобъ онъ о ней забылъ, или въ скукѣ находящемуся—о скукѣ своей, хотя бы такое забвеніе служило къ его спокойствію? Принуждать себя къ терпѣнію можно, а чтобъ въ принужденіи не терпѣть, того нельзя, потому что у насъ есть сердце. Первый изъ нихъ сей строгій судія, и второй тотъ жестокосердный человѣкъ, не хотящій съ высоты радостей сердца своего свести къ огорченію другихъ,—оба они иначе разсуждать будутъ, ежели судьба заставитъ ихъ когда-нибудь страдать. Оба они подобно мнѣ станутъ роптать, унывать, сѣтовать, и тягость скучнаго состоянія своего по мѣрѣ горести увеличивать воображающимися неотступно мечтами. Такъ, напримѣръ, я теперь въ чрезвычайной скукѣ, ходя взадъ и впередъ ночью одинъ по судну, не чувствительно представляю себѣ пространный городъ, въ которомъ вижу тамъ собраніе, тамъ веселость, тамъ пиршество, тамъ дружескую бесѣду, тамъ... словомъ всѣ утѣхи, которыми восхищается юность и утѣшается старость; но положимъ сего бъ не было, продолжаю я думать, по крайней мѣрѣ человѣкъ тамъ видитъ множество людей, слышитъ новости, перемѣняетъ мѣсто, скуку свою разбиваетъ чѣмъ хочетъ, чтеніемъ книгъ, разговорами, прогулкою, однимъ словомъ — имѣетъ тысячу способовъ къ утѣшенію себя: здѣсь я ничего того не имѣю, но долженъ находить себя нѣсколько мѣсяцевъ заключеннымъ на маленькомъ суднишкѣ, быть на пространномъ морѣ игрою сердитыхъ вѣтровъ, не видѣть ничего кромѣ ярыхъ волнъ и угрюмыхъ небесъ, трудиться непрестанно почти безъ отдохновенія, терпѣть всякое безпокойство, дождь, холодъ, безсонницу, и напослѣдокъ ежеминутно опасаться погибели.—Какъ можно, такъ сказать, глядя на всѣ сіи страшныя воображенія, стараться дѣлать ихъ себѣ пріятными или, по крайней мѣрѣ, такими, чтобъ суровость ихъ не досаждала твоему взору? Ежели возможно сіе, то я оставляю сіе великаго духа людямъ, а что до меня касается, то признаюся тебѣ чистосердечно, что иногда въ одинъ часъ два раза скажу: «о мореплаваніе! ты развѣ можешь только понравиться людямъ камен-

нымъ, или по какой-нибудь иной побуждающей ихъ къ тому причинѣ окаменѣлымъ!»

19.

9-го декабря.

Въ продолженіе сихъ двухъ недѣль походъ нашъ былъ довольно благополученъ; погода всегда была тихая и благопріятная, что̀ не весьма часто случается на морѣ зимою. Нѣкоторыя тучи наносили на насъ иногда сильный вѣтеръ и съ молніею, но онѣ проходили скоро, не разрушая почти спокойствія воды морской. Напослѣдокъ вчера ночью, идучи при посредственно крѣпкомъ благополучномъ вѣтрѣ, увидѣли мы огонь, который чрезъ каждые почти полчаса выбрасываетъ изъ себя небольшой каменный островокъ, называемый Стромбулъ. Сей островокъ со многими себѣ подобными другими лежитъ неподалеку отъ Сициліи и служитъ проходящимъ въ ночное время судамъ вмѣсто маяка. Увидя сей огонь, привели мы фрегатъ къ вѣтру и начали тутъ дожидаться дня, по разсвѣтѣ котораго прошли сіи островки, но не дошедъ нѣсколько до самаго пролива, получили тишину вѣтра, въ которой и теперь еще находимся, не вѣдая, черезъ часъ или черезъ недѣлю судьба позволитъ намъ войти въ гавань.

20.

19-го декабря.

Напослѣдокъ пришли мы въ Мессину, гдѣ услышали, что «Сѣверный Орелъ» нѣсколько дней тому назадъ прошелъ въ Ливорно. Онъ думалъ насъ найти еще тамъ, однакожъ такъ неудачно было его расположеніе, что онъ и на дорогѣ съ нами не встрѣтился. Напослѣдокъ, сдѣлавъ понапрасну сей вояжъ, возвратился онъ третьяго дня сюда. Я по просьбѣ моей съ фрегата «Констанціи» перешелъ опять на него, и мы теперь, вышедъ уже изъ гавани, стоимъ всѣ въ готовности отселѣ отправиться, что я думаю завтра конечно сдѣлается. Описавъ тебѣ начало и конецъ сихъ дней, надобно нѣчто мнѣ увѣдомить и о срединѣ оныхъ. Прошедъ мудренымъ здѣшнимъ проливомъ, который островъ Сицилію раздѣляетъ отъ Калабрическаго высокаго берега, и въ которомъ теченія всегда бываютъ быстрыя, вошли мы въ превеликую весьма здѣшнюю гавань. Идущая подлѣ оной длинная на-

бережная, на которой находятся нѣсколько воздвигнутыхъ королевскихъ монументовъ и высокихъ уже состарившихся домовъ, издали являла намъ нѣчто обѣщающее о семъ городѣ. Но простоявъ послѣ того сутки въ карантинѣ и получа на другой день позволеніе итти въ городъ, потеряли мы прежнее наше о немъ мнѣніе, ибо нашли въ ономъ строеніе неправильное, премножество узкихъ и неравныхъ переулковъ, также и великую нечистоту. Главные жители, послѣдуя видно обыкновенію испанскому, любятъ величавость и пышность и водятъ передъ собою человѣкъ по пятнадцати скороходовъ, одѣтыхъ весьма чуднымъ образомъ, которымъ и весь экипажъ ихъ соотвѣтствуетъ: простой же народъ чрезмѣрно лѣнивъ, неопрятенъ и склоненъ весьма къ праздности и ко всякимъ плутовствамъ. По пріѣздѣ нашемъ были мы, по рекомендаціи объ насъ нѣкоторымъ живущимъ тутъ иностраннымъ купцамъ, весьма ласково отъ нихъ приняты, ходили къ нимъ часто по вечерамъ сидѣть, и въ собесѣдованіи нѣсколькихъ весьма изрядныхъ и учтивыхъ людей провождали довольно весело наше время. Были въ театрѣ на оперѣ-комикъ, но ни театръ, ни актеры похвалы не заслуживаютъ, зрителей однако же было много и по одеждѣ довольно порядочны. Впрочемъ, городъ сей подверженъ частымъ землетрясеніямъ, которыя причиняетъ ему не подалеку отъ него лежащая огнедышащая гора Везувій, гдѣ по баснословію Вулканъ имѣетъ свою кузницу. Прости. Пожелай завтра намъ благополучнаго плаванія.

21.

29-го декабря.

По отшествіи изъ Мессины, вѣтеръ намъ служилъ такой благополучной, что мы на третій день прошли островъ Сапіенцу, потомъ Морейской мысъ Матапанъ, и послѣ того увидѣли островъ Сиригу и Сириготту, между которыми входятъ изъ Средиземнаго моря въ Архипелагъ. Но какъ сначала сѣверо-восточный крѣпкій вѣтеръ не позволялъ намъ обойти островъ Сиригу, то и принуждены мы были въ виду онаго лавировать; и какъ сіе было уже ночью, то въ разсужденіи сего и сдѣланъ былъ отъ насъ другимъ фрегатамъ сигналъ, чтобъ каждый изъ нихъ, не смотря на насъ, держалъ по способности своимъ путемъ. «Констанція», бывъ выше насъ на вѣтрѣ, спустилась и пошла въ Архипелагъ. Вскорѣ послѣ того вѣтеръ перемѣнился позволилъ и намъ за нею слѣдовать. Фрегатъ «Павелъ» разлучился съ нами еще при выходѣ изъ Мессины, а «Санктъ-Павелъ» также въ сію ночь отъ насъ отсталъ, и такъ одни мы на завтрѣе вечеру пришли въ проливъ между

Аѳинскимъ мысомъ, подлѣ полуострова Морея и острова Лонгою, гдѣ положили свой якорь. Въ семъ мѣстѣ назначено было рандеву фрегатамъ, изъ которыхъ «Констанція», пошедъ напередъ насъ, не бывала еще и по сію пору, что немало насъ удивляетъ, «Санктъ-Павелъ» пришелъ на другой день, а «Павелъ» черезъ два дня. Сей послѣдній, догнавъ насъ при входѣ въ Архипелагъ и взявъ островъ Ариготту за Сиригу, для обхода котораго, вмѣсто чтобъ лежать на востокъ и подниматься отъ часу къ сѣверу, онъ держалъ между востокомъ и югомъ, который путь велъ его прямо на Кандію, такъ что, ежели бы луна въ сію ночь не возсіяла по ихъ счастію и не показала имъ грубую ихъ ошибку, то бы конечно погибли они на каменьяхъ, лежащихъ неподалеку отъ сего великаго острова. На морѣ множество людей могутъ сдѣлаться жертвою невѣжества одного человѣка.

1777 годъ.

22.

3-го января.

Поздравляю тебя съ наступившимъ новымъ годомъ и желаю, чтобъ ты оный съ несравненно большею веселостію началъ, нежели мы, стоящіе здѣсь въ пустомъ мѣстѣ и упражняющіеся въ заготовленіи дровъ и воды, въ хожденіи по горамъ и въ стрѣляніи дроздовъ, которыхъ здѣсь великое множество. Вотъ сколь краткихъ словъ къ описанію себя требуютъ всѣ наши утѣхи. Что касается до здѣшняго мѣста, то, пріѣхавъ сюда и сошедъ на берегъ, не нашли мы ничего, кромѣ пустой греческой церкви, построенной на подобіе нашей часовни, въ которой написанные на стѣнахъ образа исчерчены всѣ насѣчкою хулительныхъ словъ руками учтивыхъ французовъ, и нѣкоторыхъ мраморныхъ уже развалившихся столбовъ, которые показывали, что въ древнія времена стоялъ тутъ какой-нибудь городъ или строеніе. Верстахъ въ двадцати или немного болѣе отъ сего мѣста, находится славный въ прежнія времена городъ Аѳины, въ которомъ весьма мнѣ хочется побывать, но не знаю, удастся ли то въ разсужденіи обстоятельствъ и краткаго времени, которое остается намъ еще здѣсь стоять, хотя живущій тамо греческій епископъ и обѣщалъ прислать къ намъ для сего лошадей. На сихъ дняхъ ѣздилъ я на шлюпкѣ смотрѣть нѣкоторыя остатки древняго зданія, стоящаго верстахъ въ пятнадцати отселѣ на вершинѣ одной горы. Сіи остатки состоятъ изъ двѣнадцати толстыхъ и довольно высокихъ мраморныхъ столбовъ, которые цѣлы еще, а прочее все разрушено такъ, что и лежащихъ отъ того каменьевъ уже немного осталось. Кругомъ сего зданія шелъ, какъ видно, валъ или стѣна каменная, позади

которой было строеніе. Оно лежитъ въ разсужденіи окружающихъ оной горъ и моря на весьма неприступномъ мѣстѣ, почему надобно думать, что то было или какое-нибудь училище или храмъ, посвященный какому-нибудь богу. Оттуда, прельстясь ясностію дня, которой по нашему называться могъ теплымъ весеннимъ, пошелъ я пѣшкомъ назадъ, но воображаемой мною трудъ въ перехожденіи сего пути гораздо легче былъ подлиннаго, ибо, вымѣривъ горъ около пятнадцати весьма крутыхъ, ноги мои очень долго послѣ того чувствовали сей походъ; и какъ я теперь опасаюся, чтобъ и съ руками моими того жъ не сдѣлалось отъ многаго писанія, что съ ногами отъ долгаго хожденія, то и оставляю сіе письмо до другаго времени. Желаю тебѣ въ семъ годѣ лучшее имѣть благополучіе, а мнѣ скорое съ тобою свиданіе. Прости.

23.

„ “ января.

На первое имѣю тебя увѣдомить, что я противъ чаянія моего и желанія перешелъ съ фрегата «Сѣвернаго Орла» на «Павелъ», на мѣсто нѣкоторыхъ бывшихъ недовольными тамо офицеровъ и перешедшихъ оттуда на другіе фрегаты. Отколѣ бѣгутъ люди, туда, конечно, итти непріятно, и какое удовольствіе быть въ такомъ состояніи, о какомъ писалъ я тебѣ во второмъ моемъ письмѣ. Признаться надобно, что сія перемѣна весьма бы меня огорчала, если-бъ напротивъ того не утѣшало то, что сей фрегатъ пойдетъ въ Константинополь, а «Сѣверный Орелъ» можетъ быть тамъ не будетъ; и такъ я симъ выиграю то, что удастся мнѣ побывать въ семъ городѣ.

Послѣ собственныхъ моихъ обстоятельствъ приступаю опять теперь продолжать наши общія. Пошедъ отъ острова Лонги, или изъ порта Мадры, гдѣ мы стояли, и продолжая путь нашъ по Архипелагу, на третій день пришли мы къ острову Тенедосу, который лежитъ неподалеку отъ первыхъ крѣпостей турецкихъ, называемыхъ Дарданеллы. Находящееся тутъ купеческое подъ россійскимъ флагомъ судно встрѣтило насъ обыкновеннымъ изъ пушекъ поздравленіемъ: сіи суда суть нашихъ переселенцевъ грековъ, купечествующихъ по Черному морю съ Константинополемъ и Архипелагомъ. Вѣтеръ, сдѣлавшися намъ противенъ, принудилъ насъ тутъ положить якорь. На другой день съѣхали мы на берегъ и пошли въ лежащей на семъ островѣ городокъ, Тенедосъ же называемой: въ немъ обитаютъ турки пополамъ съ греками. Самъ онъ нечистъ и построенъ по обыкновенному манеру турецкому довольно худо. Находится тутъ комендантъ

турецкій и патріархъ греческій. Входя въ оной опасалися мы непріязненности турокъ, какъ ненавидящихъ всѣхъ христіанъ, а особливо насъ, ставшихъ имъ весьма непріятными въ прошедшую войну, однако, напротивъ, мы увидѣли отъ нихъ къ себѣ довольную ласковость. Между прочимъ случилося съ нами слѣдующее приключеніе, показывающее нѣсколько характеръ турокъ. Ходя по городу захотѣлося намъ посмотрѣть ихъ какое-нибудь жилище, и для того зашли мы въ кофейный домъ, похожей на нашу деревенскую избу съ пригородкою впереди, въ которомъ находился очагъ или каминъ, и почти во весь полъ не очень высоко настланы были доски или нары, гдѣ на разостланныхъ коврахъ сидѣли турки, изъ которыхъ иной молился Богу (потому что они на всякомъ мѣстѣ молятся, и еще моются, гдѣ только имъ случится), другой разговаривалъ, а третій пилъ кофе или курилъ табакъ. Они приняли насъ довольно ласково, поднесли намъ тотчасъ трубки съ табакомъ и противъ обыкновенія своего кофе съ сахаромъ, а что и того чуднѣе, не взявъ съ насъ за сіе денегъ, подарили еще намъ двѣ трубки и нѣсколько апельсиновъ. Желая отплатить имъ сію ласку, позвали мы нѣкоторыхъ изъ-нихъ къ себѣ на корабль, и хотя мы не думали, чтобъ они въ разсужденіи поздняго уже времени къ намъ поѣхали, однако же двое изъ-нихъ на то согласились. Оба они были люди молодые, изрядно одѣтые, и по своему обыкновенію вооруженные серебрянымъ ножемъ и пистолетами. Ѣдучи на шлюпкѣ разговаривали они съ нами весьма дружески, называли по-русски браткою, подчивали насъ изъ табакерокъ своихъ нѣкотрымъ душистымъ составомъ мазать усы, что у нихъ въ употребленіи, и одинъ изъ-нихъ сказывалъ, что хотя онъ во время завоеванія нашими острова Лемноса почти все свое имѣніе тутъ потерялъ, однакожъ любитъ русскихъ болѣе, нежели собственныхъ своихъ единоземцевъ. По пріѣздѣ на корабль подарили мы ихъ нѣкоторыми бездѣлицами, которыхъ они принять не хотѣли, не отдаря насъ нѣсколькими плодами. Размѣнявшись такимъ образомъ подарками, подчивали мы ихъ кофеемъ и потомъ виномъ, котораго они сперва, въ разсужденіи запрещенія по Алкорану своему, пить не хотѣли, но когда мы назвали оное щербетомъ или по нашему лимонадомъ, то они будто обманувшись во вкусѣ начали пить, и потомъ сами попрашивать, чтобъ оное имъ чаще подносили. Разгорячась нѣсколько симъ напиткомъ, сдѣлались они гораздо смѣлы и вольны, такъ какъ бы они были уже изъ давняго времени короткіе намъ друзья. Сидятъ до самой полуночи, такъ что стали уже дѣлаться намъ въ тягость. Всячески старалися мы показать имъ, что время уже ѣхать домой, и что они довольно у насъ погостили, однакожъ они, отнюдь того не примѣчая, спрашивали еще у насъ, для чего мы съ ними не веселимся. Примѣтя такую ихъ недогадливость, принуждены мы были сказать, что сей же часъ велѣно намъ сниматься съ

якоря: однако и тѣмъ ихъ не выжили. Одинъ изъ нихъ, вышедъ наверхъ и возвратясь опять въ каюту, сказалъ, что это не правда, при этомъ вѣтрѣ сниматься намъ съ якоря не для чего. Потомъ принуждены мы были ясно сказать, что пора имъ ѣхать, потому что нашимъ шлюпкамъ послѣ полуночи въ городъ ѣздить не велѣно. «Такъ вы завтра насъ отвезете, сказалъ изъ нихъ одинъ, а сегодняшнюю ночь мы погуляемъ; зачѣмъ же вы звали насъ, когда веселиться съ нами не хотите». Словомъ, сіи гости напослѣдокъ такъ сдѣлались нахальны, что мы не зная, что съ ними дѣлать, почти насильно посадили ихъ на шлюпку и отвезти велѣли въ городъ, послѣ чего уже съ ними не видалися. Вѣжливость и учтивство суть именно туркамъ не знакомыя, а вмѣсто оныхъ господствуетъ у нихъ раболѣпство, и гдѣ онаго нѣтъ, тамъ у нихъ и вѣжливости быть не можетъ: отъ сего они съ равномѣрными себѣ, или отъ которыхъ они не зависятъ, въ обхожденіи весьма просты, и мнѣ кажется, что меньше всего извѣстны имъ притворство и лицепріятіе.

24.

„ “ января.

Снявшись отъ Тенедоса и прошедъ первыя Дарданеллы вошли мы въ каналъ, соединяющій Архипелагъ съ Мраморнымъ моремъ, и потомъ, продолжая плыть симъ каналомъ и подошедъ ко вторымъ Дарданелламъ, легли опять на якорь. Сіи четыре турецкія крѣпости суть главнѣйшая ограда Костантинополю со стороны Архипелага или Бѣлаго моря: первыя двѣ изъ нихъ находятся при самомъ входѣ въ каналъ, одна на европейской, другая на азіатской сторонѣ, и разстояніе между собою имѣютъ довольно великое, такъ что сомнительно, будутъ ли доставать ядра, когда итти по самой срединѣ между оными, хотя нѣкоторыя пушки у нихъ тутъ низко отъ воды и безъ лафетовъ положены весьма большія. Неподалеку отъ первой европейской крѣпости, называемой Сеитирбаръ, которая лежитъ противу старой азіатской, называемой Кумка, находится вновь построенная турками при помощи французовъ батарея Саунъ-дериси. Она стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ и имѣетъ на своихъ платформахъ довольно пушекъ. Продолжая каналомъ идти къ сѣверовостоку и перешедъ верстъ около тридцати пяти, подойдешь къ другимъ двумъ крѣпостямъ, изъ которыхъ европейская называется Калитбасаръ, а азіатская Ченакали; вообще же именуются онѣ вторыми Дарданеллами. Между сихъ разстояніе гораздо уже, нежели между первыхъ, и притомъ выдавшейся къ сѣверу позади азіатской крѣпости съ отмелью мысъ Ренголь дѣлаетъ проходъ сей весьма труднѣйшимъ перваго. Вода

въ семъ каналѣ течетъ завсегда въ Бѣлое море и притомъ съ немалою силою. По положеніи якоря первую вѣдомость услышали мы, что «Констанція» прошла уже въ Константинополь. Присланный оттуда переводчикъ пріѣхавъ сказалъ намъ, что и мы скоро туда же проведены будемъ. Впрочемъ слухъ здѣсь носится о возгорающейся паки у насъ войнѣ съ турками, и «Сѣверный Орелъ» беретъ въ разсужденіи сего великую предосторожность, такъ что онъ всякую минуту готовъ къ оборонѣ. Непріятно, правда, при такихъ слухахъ итти намъ въ Константинополь, но какъ теченіе дѣлъ государственныхъ подвержено бываетъ великимъ перемѣнамъ, то хотя сіи слухи кажутся и не ложными на этотъ разъ, однакожъ впередъ легко могутъ сдѣлаться ложными.

25.

28-го января.

Разставшись съ «Сѣвернымъ Орломъ» у вторыхъ Дарданеллъ, пошли мы въ Константинополь, но вѣтеръ не позволилъ намъ идти далѣе городка называемаго Галиполи, противъ котораго повернувшись легли мы на якорь, на которомъ лежимъ еще и теперь, дожидаясь благополучнаго вѣтра. Городокъ сей не имѣетъ въ себѣ ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ что нынѣ находится въ немъ въ заточеніи великій визирь, впадшій въ немилость султанскую, какъ то съ ними часто случается, и предъ недавнемъ временемъ смѣненный отъ своего мѣста. Турки къ намъ и здѣсь очень ласковы: четвертаго дня, позвалъ насъ главный городка сего таможенный къ себѣ въ гости. Мы пріѣхали къ нему въ назначенное отъ него время въ девять часовъ поутру, и по пріѣздѣ нашли его сидящаго съ нѣкоторыми турками въ одной открытой со всѣхъ сторонъ свѣтличкѣ, куда пригласилъ онъ насъ и, посадя на лежащія кругомъ подушки, велѣлъ подать обыкновенное ихъ подчиваніе, табакъ и кофе. Проведя тутъ часа полтора въ разговорахъ, позвалъ онъ насъ къ себѣ въ домъ обѣдать. Сей домъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ горенокъ, по ихъ обыкновенію убранныхъ и раздѣленныхъ на двѣ половины, изъ которыхъ въ первой живетъ онъ самъ, а во второй гаремъ его или жены съ дѣтьми, къ которымъ кромѣ его входить никто не можетъ. Вскорѣ послѣ нашего къ нему прихода, принесли небольшой столикъ или, лучше сказать, жестяной круглый подносъ на ножкѣ, на который ставили по одному кушанью, изъ которыхъ первое было вареное мясо на подобіе худаго фрикассе, второе жареная рыба, третье жареное мясо, четвертое каймакъ или молочное кушанье, приготовленное съ сахаромъ весьма изрядно, и пятое дессертъ состоящій изъ разныхъ турецкихъ конфектъ.

Все сіе за неупотребленіемъ ложекъ и вилокъ принуждены мы были такъ, какъ и они, ѣсть руками. Хозяинъ во время стола, противъ алкорана своего, велѣлъ подать вина, и между тѣмъ какъ подчивалъ насъ, самъ пилъ втрое больше, и скоро сдѣлался изрядно пьянъ. Проведя такимъ образомъ нѣсколько часовъ послѣ стола въ шутливыхъ разговорахъ, пошли мы прогуливаться кругомъ города, и уже подъ вечеръ, пріятельски съ ними простившись, поѣхали на свой фрегатъ. Третьяго дня ѣздили мы прогуливаться на азіатскій берегъ въ мѣстечко, называемое Чардакъ, которое лежитъ почти противъ Галиполи; тутъ нѣкто одинъ порядочный турокъ, увидя насъ проходящихъ мимо его дома, выслалъ своего арапа просить насъ къ себѣ, и по приходѣ нашемъ оказалъ намъ столько учтивства и ласки, что ниже отъ просвѣщеннаго европейца не можно болѣе сего требовать. Подобные сему поступки, признаться надобно, что упрекаютъ меня въ несправедливомъ о нихъ мнѣніи, и кажется, нынѣ начинаю я лучше о нихъ думать, нежели прежде. Сегодня съ нѣсколькими своими товарищами обѣдалъ у насъ тотъ таможенный турокъ, у котораго мы обѣдали, и посидѣвъ долго, поѣхалъ отъ насъ уже подъ вечеръ. Новостей больше нѣтъ. Прости.

26.

9-го февраля.

Третьяго числа сего мѣсяца вѣтеръ намъ сдѣлался благополучный, котораго не упуская снялись мы съ якоря и стали продолжать путь нашъ въ Константинополь. Но какъ въ здѣшнемъ каналѣ некрѣпкіе вѣтры завсегда бываютъ перемѣнны, то и насъ они часто принуждали перемѣнять курсы, напослѣдокъ ночью послѣ маловѣтрія нашедшій вдругъ крѣпкій вѣтеръ, надѣлавъ намъ много и шуму и работы, приневолилъ положить якорь. По утру на разсвѣтѣ, при снятіи съ якоря, увидѣли мы фрегатъ «Григорій», идущій къ намъ на встрѣчу. Поспѣшеніе чтобъ не упустить благополучный вѣтеръ, не допустило насъ послать къ нимъ шлюпку, разспросить о новостяхъ, и любопытство наше осталось неудовольствованнымъ. Напослѣдокъ, прошедъ островъ Марморъ, лежащій посединѣ сего небольшаго моря, по имени его названнаго Мармор-нымъ, шестаго числа по утру предъявился глазамъ нашимъ Стамбулъ или Царьградъ, лежащій на семи холмахъ, который не вдругъ представляется взору, когда приходишь къ оному съ моря, но по частямъ открывается: сперва покажется на европейской сторонѣ часть Стамбула, простирающаяся отъ крѣпости семи башенъ, гдѣ содержатся военноплѣнники, до того сѣверо-восточнаго мыса, на которомъ стоитъ храмъ

Софіи, и неподалеку отъ онаго Сарай или дворецъ султанскій, окруженный лѣсомъ и садами, такъ что онаго почти не видно; а на сторонѣ же азіатской—часть берега идущаго отъ Калхидоніи до Скутари. Помянутый мысъ прикрываетъ прочія части города, сливаясь съ западнымъ азіатскимъ мысомъ. Когда станешь проходить оба оные мыса, оставя проливъ Чернаго моря въ правой и входя въ находящуюся губу на лѣвой рукѣ, тогда откроется вторая часть Стамбула, вторая часть Скутари и лежащая противъ оныхъ по другую сторону черноморскаго канала населенная гора, которой вершина именуется Пера, гдѣ живутъ европейскихъ дворовъ посланники, средняя часть Галата, гдѣ также многіе христіане обитаютъ, и низменности оной Топхана, то есть литейная съ пушечнымъ заводомъ, и Далмабакчи, мѣсто для прогулки изрядное, неподалеку отъ котораго находится султанскій загородный дворецъ. Городъ сей, при подходѣ нашемъ къ оному съ моря, показался мнѣ удивительно обширнымъ, разметаннымъ, и по своему азіатскому строенію, на подобіе клѣтокъ, такою деревнею, въ которой между превеликими кучами изрядныхъ крестьянскихъ свѣтлицъ стоятъ индѣ толстыя каменныя церкви. Не видно въ немъ ни огромности, ни пышности, ни простоты пріятной, но нѣкая дикость и пестрота, не могущая нравиться очамъ, привыкнувшимъ смотрѣть на великолѣпіе европейскихъ городовъ. Что касается до положенія мѣста, то оно дѣйствительно весьма прекрасное, да и всѣ мѣста отъ самыхъ Дарданелъ до Константинополя видъ имѣютъ хорошій. Вошедъ въ губу или гавань, увидѣли мы стоящіе подлѣ берега наши фрегаты: «Наталію», «Санктъ Павелъ», «Констанцію» и еще пришедшую изъ Чернаго моря шкуну, къ которымъ скоро потомъ и мы присоединившись составили число россійскихъ судовъ пять. По пріѣздѣ нашемъ сюда и по радостномъ свиданіи съ нашими товарищами, услышали мы отъ нихъ много новостей, о которыхъ я теперь же тебя увѣдомлю.

Извѣстно, что всѣ наши фрегаты шли подъ именемъ купеческихъ судовъ въ Константинополь, остерегались какъ возможно, чтобъ не показать никакого виду воинскаго, прятали пушки, никто не надѣвалъ мундировъ и назывались купцами. Но хотя бы можно такимъ образомъ обмануть турокъ, однако не обманешь зоркіе глаза враждующей намъ зависти. Распространили немедленно слухъ, что многіе наши корабли идутъ въ Архипелагъ: турки начали брать тайно предосторожности. Между тѣмъ потребовали отъ нихъ деньги, которыя должны они заплатить намъ по трактату за прошлую войну, а въ то же самое время предложили о пропускѣ нашихъ фрегатовъ, пришедшихъ уже тогда къ Дарданеллямъ. Первое, сказываютъ, было отказано, я другое позволено. Какъ же скоро фрегатъ «Наталія» и «Григорій» показались въ Константинополь, то можно ли было увѣрить, что они купе-

ческія суда, а не военные фрегаты? Турки возымѣли тотчасъ подозрѣніе, а зависть, безъ сомнѣнія, старалась тогда въ нихъ оное умножить, и къ тому же еще пришла вѣдомость о перемѣнѣ крымской и что наши войска находятся на границѣ: всѣ тогда возопіяли на суда наши, и можно сказать, что они въ то время были въ самыхъ нѣдрахъ зависти и злобы, отъ которыхъ всякаго себѣ вреда ожидать долженствовали. Министръ подозрѣвалъ каждаго и былъ въ превеликой нерѣшимости, что́ предпринимать и какимъ образомъ успокоивать озлившуюся на насъ Порту, которая уже, сказываютъ, вознамѣривалась отобрать рули у нашихъ судовъ; а по сему слуху приготовлялись уже они въ случаѣ нападенія дѣлать оборону. Чернь турецкая между тѣмъ говорила, что сіи суда суть зажигательные брандеры, а люди на оныхъ набраны такіе, которые осуждены были на смерть, и чтобъ избавиться отъ казни, пошли изъ отчаянія зажигать Константинополь. При такихъ страшныхъ слухахъ представь себѣ обстоятельства наши! Слабыми силами двухъ почти не вооруженныхъ фрегатовъ, находящихся въ рукахъ толь многочисленнаго и озлобленнаго на нихъ народа, не могли помогать ни разумъ, ни искусство, ни сама тогда смутившаяся политика. Надлежало или погибнуть, или со стыдомъ смотрѣть, какъ будутъ у судовъ отнимать рули; но сего послѣдняго конечно бы россіяне сдѣлать не допустили, развѣ бы съ ними учинилося первое.

Между тѣмъ для отвращенія сихъ угрожающихъ слѣдствій и для показанія точнаго виду купеческаго, дабы утишить нѣсколько гнѣвное на насъ подозрѣніе, позволили фрегату «Григорію» наняться и пойти въ Салоннику и другіе города за рожью; турокъ велѣно было принимать какъ возможно ласковѣе. И такъ отъ часу начала потухать сія буря, и мы, пришедъ со своимъ фрегатомъ, уже страшныхъ сихъ обстоятельствъ не застали, а только о нихъ услышали. Сегодня же составляли мы свиту нашего министра, которому давалъ аудіенцію новый верховный визирь. Церемонія была слѣдующимъ образомъ: поутру въ девять часовъ собрались мы въ домъ къ министру, оттуда, въ богатомъ парадѣ и съ великимъ числомъ народа въ провожаніи янычаръ, пошли съ нимъ на пріуготовленныя для насъ шлюпки, которыми плывучи по гавани составляли изрядную фигуру. По переѣздѣ на другую сторону въ Стамбулъ подведена была къ нему богато убранная лошадь, на которую онъ сѣлъ, и которую два янычара вели подъ поводъ, а мы слѣдовали за нимъ пѣшкомъ до самаго визирскаго двора. Пришедъ въ покои нашли мы въ оныхъ человѣкъ около двухъ сотъ изрядно одѣтыхъ турокъ, которые всѣ были слуги великаго визиря. Министра нашего встрѣтилъ драгоманъ или переводчикъ, который сѣвъ разговаривалъ съ нимъ около четверти часа. Потомъ перевели насъ въ другую комнату, куда вскорѣ пришелъ, ведомый двумя турками подъ

руки и одѣтый въ большую желтую шубу, великій визирь, провождаемый куреніемъ разныхъ душистыхъ порошковъ. По входѣ онаго всѣ находящіеся турки во все горло прокричали ему три раза нѣкоторыя поздравительныя слова, послѣ чего, откланявшись нѣсколько, сѣлъ онъ и посадилъ нашего министра, который черезъ переводчика сказалъ ему обыкновенную поздравительную рѣчь, что онъ радуется толикихъ достоинствъ мужа видѣть на сей великой степени, и что какъ миръ и тишина есть главное благополучіе народовъ, то надѣется онъ въ особѣ его находить попечителя о сохраненіи оныхъ и проч. Визирь въ отвѣтѣ своемъ изъявилъ ему также миролюбивое государя своего желаніе, присовокупя къ сему, что какъ человѣку дана жизнь для того, чтобъ онъ жилъ на свѣтѣ то паче всего надлежитъ ему стараться сохранять оную, не искать войною смерти и проч. По окончаніи сихъ взаимныхъ рѣчей подали курительные порошки и кофе—визирю въ золотыхъ сосудахъ съ каменьями, а министру нашему просто въ золотыхъ; насъ же въ сіе время дарили турецкими конфектами. Послѣ всѣхъ сихъ обрядовъ, разставшись съ визиремъ пошли мы возвратнымъ путемъ домой; пришедъ обѣдали министра и потомъ разошлись кому куда было надобно.

27.

15-го марта.

Слухи о войнѣ нашей съ турками не только здѣсь не умолкаютъ, но умножаются отъ часу, а потому и пропускъ судовъ нашихъ въ Черное море кажется быть весьма сомнителенъ. Мы провождаемъ время довольно скучно, не по однимъ только симъ непріятнымъ обстоятельствамъ, но такъ сказать и по всему прочему. Главное увеселеніе наше состоитъ въ томъ, что каждое воскресенье вечеромъ бываемъ у министра нашего, куда собираются всѣ перскіе жители и проводятъ время играніемъ въ карты или танцованіемъ. Весьма забавно смотрѣть на сіе собраніе по причинѣ различности одѣяній какъ женскихъ такъ и мужскихъ; изъ которыхъ иные одѣты по-гречески, переводчики по-турецки, а прочіе всѣ по разности земель разными европейскими образами. На сихъ дняхъ для осматриванія города ходили мы въ Стамбулъ подъ провожаніемъ одного янычара, котораго прежде, нежели пойдутъ туда, обыкновенно берутъ съ собою, для того чтобъ не быть обижену наглостію какого нибудь бѣшенаго турка или турчанки. Ибо какъ въ самомъ Константинополѣ или Стамбулѣ изъ христіанъ никто не живетъ, да притомъ и не часто ходятъ туда, то нерѣдко случается, что идучи одинъ по городу, а особливо хорошо одѣвшись, попадешь на такихъ женщинъ,

которыя тебя или обругаютъ или осмѣютъ. Также часто случается, что ребятишки бросаются каменьями, называя всякаго христіанина гяуромъ, то есть невѣрнымъ. Такія и симъ подобныя нахальства, сказываютъ, были весьма употребительны прежде нашей войны съ ними, а нынѣ вообще примѣчено всѣми, что они сдѣлалися послѣ войны меньше въ подобныхъ случаяхъ безразсудными. Такъ какъ во внутрь мечетей ихъ входить нельзя, то удовольствовалися мы видѣніемъ храма святыя Софіи съ наружности. Оный обширенъ и видомъ нѣсколько похожъ на наши соборныя церкви, прочія турецкія мечети построены на подобіе онаго, и нѣкоторыя украшены изрядно мраморомъ и столпами.. Каждый государь старается у нихъ въ память по себѣ оставить поставленную имъ мечеть, которая чтобъ называлася именемъ его; да и простой народъ ревнителенъ весьма къ строенію мечетей, и для того оныхъ въ Константинополѣ великое множество [1]).

---

[1]) Къ сожалѣнію дальнѣйшихъ писемъ редакція въ своемъ распоряженіи не имѣетъ.

Поправка.

Въ статьѣ: „Къ вопросу о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ“, помѣщенной въ Іюньской книжкѣ „Русской Старины“, замѣчены слѣдующія опечатки:

На стран. 615, въ строкѣ 16 сверху, вмѣсто напечатаннаго: „или несомнѣнно часто видѣлись-бы, то“ должно стоять: „они несомнѣнно часто видѣлись-бы, и“

На стран. 617, въ строкѣ 14 сверху вмѣсто „1833“ надо „1830“ г.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ

рама простоты, обратился къ строгости и почти безчеловѣчно позволялъ себѣ даже бить великаго князя линейками, ружейными шомполами и пр.

Великіе князья, какъ только вставали утромъ съ постели, такъ почти сейчасъ же принимались за военныя игры; у нихъ были оловянные и фарфоровые солдатики, ружья алебарды, гренадерскія шапки, деревянныя лошади, барабаны, трубы и пр. Игры эти, по словамъ барона М. А. Корфа, рѣдко были миролюбивы: почти всякій день случалась или ссора, или даже драка. Въ дальнѣйшемъ изложеніи баронъ Корфъ перечисляетъ предметы, которымъ обучались въ это время великіе князья; кромѣ того здѣсь сосредоточены свѣдѣнія о томъ, какъ проводили они время, о состояніи ихъ здоровья, о костюмахъ и пр.

Третій періодъ,—отрочество и юношество императора Николая I,—начался съ разлуки съ нѣсколькими любимыми и дорогими лицами. Императрица Марія Ѳедоровна признала за благо удалить отъ своихъ младшихъ сыновей прежнихъ товарищей ихъ игръ; Панаевъ, Адлербергъ и Ушаковъ были опредѣлены въ Пажескій корпусъ, а прочіе—въ другія казенныя заведенія. Чтобы устранить дѣтей своихъ даже отъ всякихъ зрѣлищъ военныхъ и тѣмъ, по ея мнѣнію, оживить дремавшее въ нихъ до тѣхъ поръ расположеніе къ наукамъ, она пыталась удалиться съ ними въ Гатчину и тамъ продолжать ихъ воспитаніе. Она желала даже отправить ихъ въ Лейпцигскій университетъ, но этому воспротивился императоръ, которому пришло на мысль образовать въ Царскомъ Селѣ лицей, гдѣ бы младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи. Лицей былъ открытъ, но великіе князья помѣщены въ него не были; образованіе ихъ велось подъ руководствомъ императрицы.

Недостатокъ мѣста препятствуетъ намъ остановиться подробнѣе на этомъ періодѣ жизни Николая Павловича, въ продолженіе котораго онъ,—по словамъ барона Корфа, сохранилъ всю ту строптивость и стремительность характера, всю ту же настойчивость и желаніе слѣдовать одной собственной своей волѣ, которыя, уже въ предъидущій періодъ, давали столько заботы его воспитателямъ, и съ возрастомъ эти качества даже еще болѣе усиливались. Особенные успѣхи великій князь оказалъ въ рисованіи и съ учителемъ этого предмета, профессоромъ Шебуевымъ, былъ въ пріязненныхъ и близкихъ отношеніяхъ, которыя сохранилъ и впослѣдствіи, уже будучи императоромъ.

Кромѣ разсмотрѣннаго нами біографическаго очерка первыхъ годовъ жизни Николая Павловича, въ 98 томѣ Сборника обращаетъ на себя вниманіе извлеченіе изъ современныхъ записокъ статсъ-секретаря барона Корфа, гдѣ говорится объ участіи императора въ совѣщательныхъ собраніяхъ. Здѣсь сообщаются болѣе подробныя свѣдѣнія о слѣдующихъ комитетахъ: 1) конца 1835 года—по поводу постройки желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ; 2) 1841 г.—о средствахъ къ покрытію дефицита въ государственной росписи на 1841 г.; 3) 1841-го же года—о кредитныхъ билетахъ для сохранныхъ казенъ и заемнаго банка; 4) 1842 г.—объ устройствѣ питейныхъ сборовъ; 5) 1843 г.—о замѣнѣ государственныхъ ассигнацій другими денежными представителями; 6) 1844 г.—объ устройствѣ сословія дворовыхъ людей. Далѣе помѣщены отчеты министерствъ за 25-ти лѣтіе царствованія императора Николая Павловича и алфавитный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ.

Н. К-ш-ъ.

Maisonnette du czar Pierre le Grand à Zaandam. Домикъ Петра Великаго въ Заандамѣ 1697—1896.

Въ августѣ мѣсяцѣ текущаго года исполнится 200 лѣтъ со времени перваго посѣщенія голландскаго городка Заандама царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Извѣстно, что на здѣшней верфи будущій преобразователь Россіи изучалъ кораблестроеніе, подготовляясь „причтать,—по словамъ поэта,—

. мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля".

Поэтому нельзя не привѣтствовать счастливой мысли нашего вице-консула въ Амстердамѣ А. Е. Ловягина издать альбомъ, подъ приведеннымъ заглавіемъ, въ которомъ помѣщены снимки со всего того, что напоминаетъ о Петрѣ въ Заандамѣ.

Изящно изданный, въ малую 8-ку, альбомъ заключаетъ въ себѣ: четыре страницы текста—краткаго описанія домика на русскомъ, голландскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, десять страницъ иллюстрацій или двадцать прекрасныхъ рисунковъ, воспроизводящихъ портреты и картины, находящіеся въ домикѣ (изъ послѣднихъ особенно выдается картина, представляющая Петра за постройкою ботика и въ то же время диктующаго какой-то указъ своему секретарю), изображенія внутренняго и внѣшняго вида этого памятника въ разныя эпохи его существованія и, наконецъ, двѣ страницы автографовъ августѣйшихъ особъ, въ разное время посѣтившихъ эту „бѣдную хижину", надъ которою, по выраженію другого поэта,

„Летаютъ ангелы святые"
и въ которой „родилась
Великая Россія".

Г. А. Воробьевъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1896 по **9** рублей.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. АВГУСТЪ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Марія Кантемирова. (Окончаніе). Акад. Л. Н. Майкова. . . . . 225—253
II. Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII вѣка. Гл. I—II. Сообщ. В. В. 257—289
III. Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга. Гл. I—II. А. А. Гирса. 291—308
IV. Жертва терроризма. (Казнь княгини Розаліи Любомирской). Ф. В. Домбровскаго . . . . . 309—332
V. Изъ воспоминаній Михайловскаго - Данилевскаго. 1818 г. Гл. IV—V. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. . . . 333—356
VI. Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры. Гл III. А. Н. Попова. Сообщ. П. Н. Цуриковъ. . . . . 357—373
VII. Якутскій розыскъ о розни боярскихъ дѣтей и казаковъ. Н. Оглоблина. 375—392
VIII. Василій Григорьевичъ Рубанъ. В. Л. Модзалевскаго. . . . . 393—415
IX. Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комнескаго. Сообщ. княгини А. А. Голицына — графини Остерманъ. . . . . 417—440
X. Еще къ вопросу о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ. Ил. Шепрока и О. Анонаріуса. 441—447
XI. Записная книжка „Русской Старины“: Видѣнія артиста: I. «Во снѣ». II. «На яву». Стихотворенія Г. Сабинина. (стр. 254).— Къ исторіи театральной цензуры. Всеподданнѣйшее письмо Нестора Кукольника въ ноябрѣ 1864 г. Сообщ. П. К. Работинъ. (255).— Къ біографіи Ѳеодосія, архіепископа новгородскаго (Письмо ген. Ушакова — архимандриту Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря отъ 7-го марта 1732 г.). Сообщ. Н. П. Успенскій. (290).— Всеподданнѣйшее поздравленіе имп. Александра I княгинею Суворовою-Рымникскою отъ 21-го марта 1801 г. и рескриптъ имп. Александра I княгинѣ Суворовой-Рымникской отъ 26-го марта. (374).— Два письма имп. Александра I князю Платону Зубову отъ 24-го дек. 1801 г. и 1-го іюля 1802 г. (416).
XII. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ. . . . . 177—192
XIII. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).
XIV. Объявленіе объ открытіи учено-литератур. общ. при Имп. Юрьевск. универс.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Василія Григорьевича Рубана. Гравир. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1897.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1897 г.

Библіографическій листокъ.

Н. П. Ѳирсовъ. „Русскія торгово-промышленныя компаніи въ 1-ю половину XVIII столѣтія“. Очерки изъ исторіи торгово-промышленной политики и соотвѣтствующихъ общественныхъ отношеній. Казань.

Авторъ названной книги поставилъ себѣ задачею представить значеніе русской торгово-промышленной компаніи не только въ сферѣ финансовъ, промышленности и торговли, но, главнымъ образомъ, въ области торгово-промышленнаго класса. Съ этою цѣлью онъ подробно останавливается на выясненіи оффиціальныхъ мотивовъ торгово-промышленной политики, на изученіи ея колебаній и реальной основы, на установленіи типовъ торгово-промышленныхъ компаній и компанейщиковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ разсматриваетъ тѣ отношенія, которыя вытекали изъ особаго положенія компанейщиковъ, созданнаго и политикой и самою жизнью.

Заглавіе книги большею частью не отвѣчаетъ вполнѣ содержанію сочиненія. „Читатель весьма ошибся бы, — говоритъ въ своемъ предисловіи г. Ѳирсовъ, — если-бы сталъ искать въ моей работѣ исторію русской торговли и промышленности въ отмѣченный хронологическій періодъ, съ изображеніемъ въ числовыхъ данныхъ стариннаго отечественнаго производства и торговаго оборота (съ исторіей цѣнъ на товары)“.

Разсматриваемая нами книга состоитъ изъ трехъ очерковъ, въ свою очередь подраздѣляющихся на главы.

Въ первомъ очеркѣ —Торговыя компаніи—авторъ выясняетъ общія условія крупнаго торговаго оборота въ Московскомъ государствѣ и дѣлаетъ общія замѣчанія объ административной реформѣ торгово-промышленнаго класса. Торговый оборотъ въ Московскомъ государствѣ до второй половины XVI столѣтія сосредоточивался въ рукахъ правительства, представляя одну изъ самыхъ важныхъ статей государственнаго хозяйства. По словамъ Герберштейна, заграничные товары строго запрещалось показывать кому бы то ни было изъ подданныхъ великаго князя, пока онъ самъ не осмотритъ ихъ и не закупитъ для себя, что ему потребуется. Извѣстно, что цѣнные иностранные товары, взятые великимъ княземъ для себя, перепродавались затѣмъ туземнымъ купцамъ по цѣнѣ, назначенной самимъ княземъ. По свидѣтельству Флетчера, царь получалъ „отъ оброчнаго хлѣба и другихъ припасовъ около 200.000 руб. въ годъ, а отъ оброчнаго лѣса, сѣна и проч.—30.000 руб. въ годъ или около того“. Царскіе товары, особенно мѣха [1]), посылались за границу. Отъ торговли царская казна,—говоритъ Олеарій,—„обогащалась наилучшимъ образомъ“. Двумя грамотами Ивана Васильевича Грознаго (1555 и 1567 гг.) были даны небывалыя привилегіи образованной англичанами для торга съ Московскимъ государствомъ компаніи. Эта компанія получила право свободной и безпошлинной торговли оптомъ и въ розницу, право собственнаго суда и расправы, такъ что и таможенники, ни воеводы, ни намѣстники не смѣли вмѣшиваться въ ихъ торговыя дѣла и задерживать ихъ. Безпошлинная свобода торговли англичанъ въ Россіи неблагопріятно отразилась на русскихъ купцахъ: члены компаніи „обогатѣли“, а русскіе оптовые торговцы, такъ называемые „гости“, „обѣднѣли“; естественно поэтому, что „гости“, бывшіе агентами великаго князя въ его личныхъ торговыхъ операціяхъ и приобрѣвшіе замѣтное служебное положеніе, старались вліять на правительство въ смыслѣ уничтоженія англійскихъ привилегій. Дѣйствительно, привилегіи эти въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія начинаютъ мало-по-малу сокращаться: безпошлинная и свободная торговля компаніи была пріурочена лишь къ Москвѣ, а для торговли въ Казани и Астрахани англичанамъ было поставлено въ обязанность испрашивать особое разрѣшеніе у царя и платить за товары половину положенной пошлины. Борисъ Годуновъ, сдѣлавшись царемъ, не только не исполнилъ желанія компаніи „затворить море-окіянъ“ для всѣхъ кромѣ нея самой, но даже самъ старался другимъ европейцамъ доставить возможность свободной торговли съ Московскимъ государствомъ. При царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ коммерческому господству англичанъ въ Россіи былъ нанесенъ окончательный ударъ: московское правительство обвинило англичанъ въ томъ, что они „всею землею учинили большое злое дѣло – государя своего Карлуса короля убили до смерти, и такое злое дѣло въ Московскомъ государствѣ имъ быть не довелось“; торгъ имъ былъ дозволенъ лишь у Архангельска и съ платежомъ установленныхъ пошлинъ.

Во второй главѣ перваго очерка авторъ останавливается на торговыхъ компаніяхъ

[1]) Котошихинъ говоритъ, что сибирскія мѣха доставляли казнѣ „приходу“ больше чѣмъ 600.000 руб.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ЗА 1891—1896 г.г.

СЪ ПЯТЬЮ ПОРТРЕТАМИ.

Третье прибавленіе къ систематической росписи «Русской Старины» изданной въ 1885 г.

Цѣна съ пересылкою: для подписчиковъ «Русской Старины» 1 руб., а для всѣхъ остальныхъ 1 руб. 50 коп.

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться въ контору редакціи журнала «Русская Старина»: Фонтанка, д. № 145.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку указателя только передъ тѣми лицами, которыя обратятся съ требованіями въ ея контору.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что Указатель напечатанъ въ *ничтожномъ* числѣ экземпляровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библіографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа каждаго мѣсяца.**

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго,** которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ **1** р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло».**

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

РУБАНЪ.

Княжна Марія Кантемирова[1]).

IV.

Княжна Марія высоко чтила память своего отца и, оставшись послѣ его смерти старшею представительницею его потомства, признавала себя обязанною блюсти общіе семейные интересы и достоинство рода Кантемировъ. Мы уже видѣли, какъ дѣятельно хлопотала она объ имущественномъ обезпеченіи семьи. Едва ли не еще болѣе усердія проявляла она къ устройству женитьбы своихъ братьевъ. Она твердо держалась убѣжденія, что на бракъ слѣдуетъ смотрѣть исключительно съ точки зрѣнія выгодъ и приличій; по ея мнѣнію, невѣсты должны были принести молодымъ Кантемирамъ хорошее приданое и—что̀ еще важнѣе—хорошія связи. Поэтому она въ свое время благопріятствовала браку князя Константина съ дочерью сильнаго въ ту пору вельможи, князя Д. М. Голицына, а затѣмъ, когда послѣдній впалъ въ немилость, крѣпко досадовала на себя за вмѣшательство въ это дѣло. При императрицѣ Аннѣ возвысились родственные государынѣ Салтыковы: тогда княжна вздумала пріискать изъ этого рода невѣсту для брата Матвѣя. Но князь Матвѣй былъ человѣкъ безпутный, и какъ нарочно, около того времени, когда княжна намѣтила ему въ невѣсты тридцатипятилѣтнюю сестру новгородскаго губернатора П. И. Салтыкова, Авдотью Ивановну, онъ произвелъ новое буйство, повергшее княжну Марію въ полное сокрушеніе. Огорченіе свое она

[1]) См. январскую, мартовскую и іюньскую книжки „Русской Старины“ за текущій годъ.

высказала въ письмѣ къ брату Антіоху отъ 18-го января 1733 года: «Братъ водилъ знакомство съ «Харайкой» (такъ княжна называла вдову какого-то чиновника Неронова) и ротмистромъ Дубасовымъ. Однажды онъ былъ у нея вмѣстѣ съ Сережей; подпивъ, они поссорились съ Дубасовымъ изъ-за этой презрѣнной женщины; наши слуги жестоко избили ротмистра, какого-то подпоручика, жившаго въ той же квартирѣ, и даже его жену. Представьте себѣ что̀ ожидало нашихъ братьевъ по военному артикулу. Однако Богъ смиловался надъ нами, и они отдѣлались дешево. Но я такъ тогда горевала, что не дай Богъ кому-либо, даже врагу... Я такъ расхворалась, что еле могла двигаться; однако ѣздила къ княгинѣ Марьѣ за Москву-рѣку въ ужасные морозы, и не одинъ, а три раза. Она переговорила съ Семеномъ Андреевичемъ, и онъ—дай Богъ ему здоровья—все уладилъ, такъ что никакого дѣла не поднялось... Мѣсяцъ спустя я заплатила поручику двѣсти рублей, а съ Дубасовымъ братья помирились. Слугъ нашихъ высѣкли батожьемъ за то, что они принимали главное участіе въ баталіи». Нужно объяснить, кто были лица, помогшія княжнѣ Маріи выпутать братьевъ изъ грозившей имъ бѣды. Княгиня Марья—мать предполагаемой невѣсты Матвѣя Кантемира, бывшая во второмъ бракѣ за княземъ И. С. Куракинымъ, а Семенъ Андреевичъ—тоже родственникъ невѣсты, графъ Салтыковъ, тогдашній московскій генералъ-губернаторъ. Дубасовъ и его товарищъ, поручикъ Спѣшневъ, уже успѣли подать ему челобитье «въ бою ихъ ночнымъ временемъ князь Матвѣемъ да князь Сергіемъ Кантемировыми»; но предупрежденный княгинею Куракиной, московскій градоначальникъ такъ направилъ слѣдствіе, что сами буяны были выгорожены, а виновными оказались только дѣйствовавшіе по ихъ приказу ихъ же крѣпостные люди, которые одни и подверглись наказанію. Въ такомъ видѣ С. А. Салтыковъ донесъ объ этомъ происшествіи императрицѣ, которая положила резолюцію: «Понеже они въ той ссорѣ помирились, того ради оное дѣло оставить и больше не слѣдовать» [1]). Рѣшеніе совершенно въ духѣ того времени, когда, въ подобныхъ дѣлахъ, знатный человѣкъ всегда имѣлъ возможность выйти сухъ изъ воды, а платился за него только простолюдинъ. И умная княжна Марія, какъ видно, была не выше такихъ воззрѣній. Не менѣе характерно то, что родственники невѣсты сами старались замять проступокъ жениха; тѣмъ не менѣе, женитьба князя Матвѣя на А. И. Салтыковой, несмотря на всѣ старанія княжны Маріи, все-таки не состоялась, и 18-го апрѣля 1733 года княжна писала брату Антіоху: «Мнѣ не удалось устроить бракъ Ма-

[1]) Книга записная именнымъ письмамъ и указамъ императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны С. А. Салтыкову 1732—1742 годовъ.—Чтенія въ Моск Общ. исторіи и древн. росс. 1878 г., кн. I, стр. 97 и 98.

твѣя, хоть я и старалась услужить ему. Даровому коню въ зубы не смотрятъ, а онъ все отговаривался тѣмъ, что приданое незначительно и невѣста не молода. Я съ трудомъ отдѣлалась отъ ея родственниковъ: вы знаете, что̀ это за люди. Я дала себѣ зарокъ не искать болѣе для него невѣсты; пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ. Боюсь только, чтобы въ концѣ концовъ онъ не женился на Харайкѣ. Меня эта неудача очень опечалила, такъ какъ я дала слово брату невѣсты устроить это дѣло». Годъ спустя однако князь Матвѣй уже по собственному выбору женился на княжнѣ Агр. Як. Лобановой-Ростовской, и княжна Марія была очень тому рада.

Князь Сергѣй причинялъ сестрѣ горе другого рода: онъ вовсе не хотѣлъ вступать въ бракъ и возился съ любовницами. Кромѣ того, сестрѣ приходилось платить его долги и тревожиться за него, когда онъ находился въ походахъ. Онъ желалъ выслужиться и въ 1735 году прикомандировался волонтеромъ въ корпусъ, отправленный на Рейнъ подъ командой генерала Лесси; въ военныя дѣйствія онъ не попалъ, но будучи въ Германіи, сильно нуждался въ деньгахъ и писалъ сестрѣ, что хлѣбъ пѣнится у нихъ на вѣсъ золота, а квартиры дороги какъ серебро, не говоря уже о порціяхъ и винѣ. Благоразумная сестра не замедлила отвѣтить ему приличнымъ наставленіемъ: «Хлѣбъ придаетъ бодрости, а вино веселитъ душу, но безъ хлѣба ни порціи, ни вино ничего не стоятъ. Видно, и въ Германіи живутъ не все Іосифы или Танталы, но есть и подобные намъ Козьмы и Даміаны». Однако, вмѣстѣ съ наставленіемъ сестра послала брату и денегъ. Позже князь Сергѣй участвовалъ въ походахъ Миниха противъ турокъ, между прочимъ былъ при осадѣ Очакова, и княжнѣ Маріи приходилось тревожиться за жизнь брата по неимѣнію о немъ извѣстій, но въ концѣ концовъ онъ возвратился съ войны цѣлъ и невредимъ, да еще съ плѣнною турчанкой. Пострадать этому безпокойному человѣку пришлось только отъ пьяныхъ ямщиковъ, которые избили его въ Тоснѣ на пути въ Петербургъ въ 1740 году. Впрочемъ, такія происшествія съ братьями были, по видимому, не въ диво княжнѣ, и объ этомъ послѣднемъ случаѣ она даже не сообщала князю Антіоху.

Неудачный бракъ князя Константина и не состоявшаяся попытка женить князя Матвѣя на Салтыковой не охладили матримоніальнаго усердія княжны Маріи; она только перенесла его на своего младшаго любимаго брата. Было уже упомянуто, что еще до отъѣзда князя Антіоха за границу она желала повѣнчать его съ княжной В. А. Черкасской. На этотъ разъ сестрины соображенія о выгодахъ совпадали съ сердечнымъ расположеніемъ самихъ молодыхъ людей. Но Антіоху пришлось оставить Москву и Россію почти внезапно, и притомъ въ полной неизвѣстности, на долго ли онъ уѣзжаетъ. Правда, во второй половинѣ

1732 года это обстоятельство выяснилось: онъ былъ облеченъ въ званіе чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Сенть-Джемсскомъ дворѣ. Тѣмъ не менѣе, сестра не теряла надежды на скорое его возвращеніе въ Россію и на возможность осуществить столь желанный для нея бракъ; поэтому въ письмахъ своихъ къ молодому дипломату она постоянно возвращалась къ этому предмету.

Княжнѣ Маріи тѣмъ легче было сообщать Антіоху извѣстія о семействѣ Черкасскихъ, что по отъѣздѣ двора изъ Москвы въ январѣ 1732 года одинъ князь Алексѣй Михайловичъ послѣдовалъ за нимъ въ Петербургъ, между тѣмъ какъ его жена и дочь остались на жительство въ древней столицѣ. Княгиня Марья Юрьевна Черкасская оправдывала передъ государыней свое пребываніе въ Москвѣ постоянными болѣзнями, а княжнѣ Кантемировой говорила о дороговизнѣ жизни въ Петербургѣ, гдѣ всѣ стараются перещеголять другъ друга, иныя стремятся стать выше ея, и ей нельзя играть первую роль въ обществѣ; этими послѣдними словами она, очевидно, намекала на совмѣстничество своей двоюродной сестры, вдовы господаря, княгини Анастасіи Ивановны, съ которою была не въ ладахъ. На самомъ дѣлѣ причина, почему княгиня Марья Юрьевна не переселялась въ слѣдъ за мужемъ въ Петербургъ, была иная: она заключалась въ нерасположеніи русской знати къ Петровскому «парадизу», который сталъ теперь сущимъ раемъ для всякихъ нѣмцевъ. Это давно наболѣвшее чувство оставалось въ полной силѣ во все царствованіе императрицы Анны. «Русскіе только и мечтаютъ о житьѣ въ Москвѣ и считаютъ себя чужими въ Петербургѣ», писалъ въ одной изъ своихъ депешъ 1740 года французскій посолъ маркизъ де-ла-Шетарди, незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ Россію [1]). «Изъ русскихъ дворянъ нѣтъ ни одного, который не желалъ бы видѣть Петербургъ на днѣ морскомъ, а завоеванныя (Петромъ Великимъ) области пошедшими къ чорту, лишь бы имѣть возможность возвратиться въ Москву, гдѣ, вблизи своихъ имѣній, они могли бы жить съ большею роскошью и съ меньшими издержками», замѣчалъ со своей стороны англійскій резидентъ Финчъ въ 1741 году [2]). Короче сказать, и теперь чувствовалось и втихомолку говорилось то же, что̀ открыто выражалось за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, при воцареніи Петра II. Чувство это еще болѣе усиливалось теперь подъ впечатлѣніемъ тѣхъ отношеній въ какія стало къ русской знати наполненное нѣмцами правительство временъ Анны. Въ февралѣ 1740 года французскому послу пришлось присутствовать при извѣстной свадьбѣ князя М. А. Голицына въ ледяномъ домѣ, и это дикое празднество побудило утонченнаго дипло-

[1]) Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. 86, стр. 573.
[2]) Тамъ же, т. 91, стр. 107 и 108.

мата къ размышленіямъ такого рода: «Эта забава вызвана не столько желаніемъ тѣшиться, сколько несчастною для дворянъ политикою, которой всегда слѣдовалъ здѣшній дворъ... Посрамленіе князя Голицына неумѣстно, такъ какъ этимъ самымъ презрѣны службы его предковъ и тѣхъ его родственниковъ, которые теперь состоятъ на службѣ. Подобными дѣйствіями время отъ времени напоминаютъ знатнымъ людямъ этого государства, что ихъ происхожденіе, достояніе, званія и награды, которыми ихъ удостоиваетъ государь, никоимъ образомъ не охраняютъ ихъ отъ малѣйшей прихоти ихъ властителя, а онъ, чтобы заставить любить, слушаться и бояться себя, можетъ повергать своихъ подданныхъ въ ничтожество, которое никогда прежде не было имъ извѣстно» [1]). Тягость такого порядка вещей сознавалась даже въ малоразвитомъ русскомъ обществѣ того времени, и кто только могъ, старался держаться подальше отъ опасности: въ Москвѣ все-таки жилось полегче и посвободнѣе, чѣмъ на берегахъ Невы.

Но пренебреженіе правительства къ родовитымъ людямъ вызывало не только пассивный отпоръ съ ихъ стороны; на многихъ, въ особенности на тѣхъ, кого увлекало честолюбіе или грызла жажда прибытка, систематическое униженіе дѣйствовало развращающимъ образомъ. Тотъ же французъ-наблюдатель писалъ: «Знатные только по имени, они— рабы въ дѣйствительности и такъ свыклись съ рабствомъ, что не чувствуютъ своего положенія» [2]). Таковыми въ особенности оказывались люди безцвѣтные, слабохарактерные, пожалуй честные на столько, чтобы хоть внутри себя таить недовольство, но совершенно неспособные къ протесту и потому впадавшіе въ уступчивость и угодливость передъ грубою силой пришлыхъ иноземцевъ. Къ числу такихъ именно людей принадлежалъ князь А. М. Черкасскій, и его жена, конечно, должна была слѣдовать его примѣру. Чтобы покупать себѣ тотъ относительный покой, какимъ она пользовалась въ Москвѣ, ей приходилось угождать первой статсъ-дамѣ императрицы, супругѣ «всесильнаго» оберъ-камергера. Вотъ напримѣръ, что писала княгиня графинѣ Биронъ 25-го октября 1732 года: «Сіятельнѣйшая графиня, моя милостивая государыня! Желая вѣдать о благополучномъ здравіи вашего сіятельства, приняла смѣлость васъ, милостивая государыня, симъ покорнѣйшимъ утрудить писаніемъ. Что же закоснѣла нѣсколько времени утрудить ваше сіятельство моимъ покорнымъ писаніемъ, то истинно отъ моей болѣзни. И уже всякими способы докторъ меня пользуетъ и на малое время боль въ боку прерываетъ, но по нѣсколькомъ времени опять по прежнему приходитъ, какъ бывала; хотя докторъ и обѣщаетъ нѣкото-

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. 86, стр. 226 и 227.
[2]) Тамъ же, стр. 337.

рой способъ дать, но я уже безнадежна отъ такой застарѣлой болѣзни. При семъ вамъ, моей милостивой государынѣ, посылаю башмаки, шитые по гродитуру алому, другіе тканы; изволь носить на здравіе въ знакъ того, чтобъ мнѣ въ отлученіи быть увѣренной, что я всегда въ въ вашей милости пребываю. Вашего сіятельства нижайшая и покорная услужница княгиня Марья Черкасская». Къ этому же письму приписывала и дочь княгини: «При семъ я вашему сіятельству отдаю мой нижайшій поклонъ и принимаю смѣлость послать вашему сіятельству туфли тканыя серебромъ, и прошу принять и носить на здоровье, и не прогнѣваться, что такая бездѣлица. Надѣючись на вашу къ себѣ милость, нижайше прошу, милостивая государыня, не оставить меня въ своей милости, въ чемъ надежна остаюсь вашего сіятельства нижайшая услужница княжна Варвара Черкасская». Посланіе заключалось новою припиской, опять отъ матери: «Прошу, моя матушка, отписать, по какимъ цвѣтамъ прикажете вышить башмаки, что̀ я себѣ за великое счастіе пріиму, чѣмъ бы могла вамъ услужить». Въ другомъ письмѣ, отъ 30-го октября 1732 года, княгиня Марья Юрьевна благодарила жену оберъ-камергера «за неизреченныя его сіятельства, вашего графа, также и за ваши, государыни моей, милости... а паче за предстательство ваше у ея императорскаго величества» [1]). Предстательство это понадобилось вотъ зачѣмъ: «Княгиня Марья Юрьевна просила, дабы ей позволить жить въ Головинскихъ палатахъ того ради, что къ нимъ близко живетъ докторъ, и для ея пользованія ѣздить туда ему способнѣе». Докладывалъ эту просьбу императрицѣ Аннѣ Биронъ, и она, согласно его представленію, предписала С. А. Салтыкову 10-го февраля 1732 года: «Велите оныя палаты очистить и ей (княгинѣ Черкасской) объявить, чтобъ переѣхала» [2]). Вообще Салтыковъ, котораго сынъ былъ женатъ на сестрѣ княгини Марьи Юрьевны, неоднократно служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ государыни съ княгиней и княжной Черкасскими; черезъ него она пересылала имъ поклоны, поздравленія и выраженія благодарности за ихъ письма; черезъ него же было сообщено княжнѣ Варварѣ, что императрица жалуетъ ей калмычку для услугъ [3]). Анна интересовалась даже—конечно, по своему—занятіями княжны Черкасской; однажды въ 1738 году, пріѣхала въ Петербургъ жена управителя дворцоваго села Дѣдинова, простая женщина; государыня спрашивала ее: «Скажи-тко, стрѣляютъ ли дамы въ Москвѣ?»

---

[1]) Историческія бумаги XVIII вѣка—Русская Бесѣда 1860 г., кн. II, отд. 2-й, стр. 187 и 188.

[2]) Чтенія въ Моск. Обществѣ исторіи и древностей Росс. 1878 г., кн. 1-я, стр. 6.

[3]) Тамъ же, стр. 62, 77, 102, 107, 109 и 110.

«Видѣла я, государыня», отвѣчала та,—«князь Алексѣй Михайловичъ учитъ княжну стрѣлять изъ окна, а поставлена мишень на заборѣ». «Попадаетъ ли она?» «Иное, матушка, попадаетъ, а иное криве нько» «А птицъ стрѣляетъ ли?» «Видѣла, государыня, посадили голубя близко мишени, и застрѣлила въ крыло, и голубь ходилъ на кривобокъ, а въ другой разъ уже пристрѣлила» [1]). Изъ всѣхъ подобныхъ мелочей можно заключать, что жена и дочь тяжеловѣснаго кабинетъ-министра пользовались большимъ расположеніемъ императрицы; но все это вниманіе пріобрѣталось и поддерживалось не иначе, какъ лестью и послугами со стороны Черкасскихъ предъ могущественнымъ фаворитомъ оберъ-камергеромъ и его женой.

Между княжной Маріей и княгиней Черкасскою истинной близости не было; княжна сознавала свое умственное превосходство надъ нею и иногда высказывала о ней довольно строгія сужденія. Въ 1733 году, по возвращеніи изъ Петербурга, княжна писала брату: «Въ четвергъ княгиня Черкасская пригласила меня къ себѣ и прислала за мною карету, такъ какъ мои лошади еще въ деревнѣ... Она была очень польщена привѣтомъ, который государыня велѣла мнѣ передать ей, и мнѣ сдается, что она нарочно собрала при мнѣ порядочное количество гостей, чтобы всѣ слышали, что̀ я скажу ей отъ имени государыни. Я угодила княгинѣ тѣмъ, что въ присутствіи всѣхъ передала привѣтствіе. Когда вышелъ Семенъ Андреевичъ, она и ему объявила о томъ же, и вѣрно, цѣлый мѣсяцъ будетъ твердить объ этой монаршей милости. Говорятъ, что женщины тщеславны; княгиня превосходитъ всѣхъ въ этомъ отношеніи». Въ 1730—1731 годахъ, когда впервые возникла мысль о бракѣ между Антіохомъ Кантемиромъ и княжной Варварой, ея мать отнеслась къ этому проекту холодно; ревнивая сестра опасалась, что то же повторится и теперь. Недовольная матерью, она напротивъ того питала искреннее расположеніе къ дочери-«тигрицѣ»: часто хвалила ее въ письмахъ къ брату, и между прочимъ, въ томъ письмѣ, изъ котораго сейчасъ приведенъ отрывокъ, говорила о ней: «Мой разговоръ съ тигрицей имѣлъ характеръ какъ бы письма ея къ вамъ. Зная, что вы любите ее какъ достойную дѣвушку, я сама привязалась къ ней и молю Бога, чтобъ она, моя теперешняя пріятельница, сдѣлалась въ будущемъ моею невѣсткой». Однако, въ бытность свою въ Петербургѣ, княжна Марія не рѣшилась просить у самого Черкасскаго руки его дочери для брата и могла лишь убѣдиться въ томъ, что у отца нѣтъ ей никакого жениха на примѣтѣ. Онъ даже находилъ, что дочери еще нужно продолжать свое образованіе. «Дай Богъ», писала сестра брату изъ Петербурга 20-го марта

---

[1]) Сборникъ II-го отдѣл. Имп. Акад. Наукъ, т. IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ, стр. 135.

1733 года, чтобы дочь черепахи не засидѣлась въ дѣвицахъ: время летитъ и не возвращается. Но нѣмцевъ вамъ нечего бояться, такъ какъ Минихъ въ опалѣ... Если явится какой-нибудь иноземецъ, черепаха, пожалуй, спятитъ съ ума, а пока онъ въ здравомъ разсудкѣ». Повидимому, у Кантемира возникало опасеніе, какъ бы дочь богача-князя не стали снова прочить за жениха въ родѣ графа Левенвольде, напримѣръ, за только что пріѣхавшаго изъ-за границы сына фельдмаршала Миниха; но князь Антіохъ не зналъ, что самъ Минихъ былъ въ то время не въ ладахъ съ Бирономъ, слѣдовательно, не могъ разсчитывать на особенное вниманіе къ себѣ со стороны государыни [1]). На это-то и намекали слова сестры.

Не рѣшаясь вступать въ непосредственные переговоры съ родителями тигрицы, княжна предпочитала дѣйствовать чрезъ посредниковъ и желала запастись вѣрными справками прежде, чѣмъ самой предпринять рѣшительный шагъ. Но попытки, сдѣланныя ею въ этомъ смыслѣ въ Петербургѣ, оказались безуспѣшными. Между тѣмъ мѣсяцы проходили за мѣсяцами, а дѣло сватовства не двигалось впередъ. Въ началѣ 1734 года князь Антіохъ указалъ сестрѣ надежнаго, по его мнѣнію, помощника въ лицѣ жившаго въ Москвѣ барона С. Г. Строганова; но княжнѣ этотъ выборъ былъ не совсѣмъ по душѣ, и 10-го іюня того же года она писала брату: «До сихъ поръ я не находила удобной минуты переговорить со Строгановымъ; постараюсь или его прислать къ княгинѣ за рѣшительнымъ отвѣтомъ, или пріищу другого посредника для этого дѣла. Очень стремлюсь осуществить ваши желанія, и если не найду подходящаго человѣка, сама объяснюсь съ матерью, хотя вполнѣ убѣждена, что она съ презрѣніемъ назоветъ меня свахой; если же она позволитъ себѣ сказать что-нибудь обидное про васъ, я не стерплю». До такихъ крайностей дѣло однако не дошло, ибо княжна воздержалась отъ прямаго объясненія съ княгиней Черкасскою, быть можетъ, опасаясь полнаго разрыва. Мало того: ея давнее предубѣжденіе противъ Марьи Юрьевны стало смягчаться. Этому повороту обстоятельствъ содѣйствовалъ врачъ Севастъ, жившій у княжны Кантемировой и лѣчившій у Черкасскихъ. Извѣстія по вопросу о сватовствѣ, приносимыя имъ изъ Головинскаго дворца, имѣли вообще ободрительный характеръ: изъ его словъ княжна Марія могла выводить заключеніе, что со стороны матери нельзя ожидать сопротивленія. Кромѣ того, до княжны Маріи дошелъ слухъ, будто бы тигрица говоритъ: «Я выйду за князя Кантемира, и ни мать, ни отецъ не удержатъ меня отъ этого». Все это укрѣпляло сестру дипломата въ увѣренно-

[1]) Объ этой размолвкѣ Миниха съ Бирономъ, виновникомъ которой былъ Левенвольде, см. записки Миниха-сына: Россія и русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. С.-Пб. 1891, стр. 32–35.

сти, что ея надежды и желанія дѣйствительно близятся къ осуществленію. 15-го іюля 1734 года она написала брату слѣдующее: «Не могу настаивать на томъ, чтобы вы просились въ отпускъ въ Россію прежде, чѣмъ будете награждены достойнымъ образомъ за вашу службу. Но если бы вы пріѣхали, тигрица вышла бы за васъ. «Ея мать, продолжала княжна въ веселомъ тонѣ, — посылаетъ вамъ поклонъ и велитъ сказать, что вы слишкомъ спѣсивы, не написали ей ни строки съ самаго отъѣзда, а сама она не станетъ вамъ писать первая, хоть вы и министръ». Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 8-го августа, сестра опять сообщала брату утѣшительныя извѣстія: «Если судить по любви, которую оказываютъ мнѣ Черкасскія, онѣ почти согласны на предложеніе; напишите только матери нѣсколько любезностей въ отдѣльномъ письмѣ». Но въ томъ же письмѣ княжны Маріи заключались и другія строки, тревожнаго свойства: «Мать однако не будетъ въ состояніи ничего сдѣлать, если самъ черепаха не дастъ своего согласія».

Дѣйствительно, въ срединѣ 1734 года бракъ князя Антіоха съ княжной Варварой могъ считаться въ Москвѣ совсѣмъ налаженнымъ. Княгиня Марья Юрьевна окончательно склонилась въ его пользу—если не изъ особеннаго расположенія къ Кантемиру, то уступая желанію дочери и принимая въ расчетъ, что она была на возрастѣ: красивой тигрицѣ шелъ уже двадцать-четвертый годъ. Княжна Марія была того убѣжденія, что если бы бракъ дочери зависѣлъ только отъ матери, «тигрица давно была бы выдана за какого-нибудь льва или, лучше сказать, «золотаго осла». Но произнести послѣднее слово въ этомъ дѣлѣ предстояло не матери, а отцу. По свѣдѣніямъ, которыя имѣла княжна Марія, и князь Алексѣй Михайловичъ писалъ къ ея брату несомнѣнное расположеніе; самъ человѣкъ довольно просвѣщенный, пріятель Ѳеофана Прокоповича и В. Н. Татищева, Черкасскій не могъ не отдавать справедливости блестящимъ дарованіямъ и обширному образованію молодаго дипломата; оцѣнивъ его еще юношей, онъ сохранялъ къ нему добрыя отношенія въ теченіе его заграничной службы. Но осторожный кабинетъ-министръ былъ не только медлитель,—по характеру своему онъ былъ человѣкъ мнительный, и остановиться на какомъ-либо опредѣленномъ рѣшеніи всегда составляло для него мучительно-трудную задачу. Такъ оказывалось и въ настоящемъ случаѣ. Зная и безъ формальнаго предложенія намѣренія князя Антіоха, Черкасскій взвѣшивалъ выгоды и невыгоды предполагаемаго брачнаго союза, обдумывалъ, какъ бы не возбудить противъ себя неудовольствія при дворѣ неосторожнымъ рѣшеніемъ, и—не высказывался. Это упорное молчаніе сфинкса стало преградой, преодолѣть которую не могло ничто.

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣло протянулось еще два года. Княжна Марія пережила ихъ въ безпрерывномъ волненіи, тѣмъ

болѣе, что рядомъ съ неразъяснявшимся брачнымъ вопросомъ съ 1736 года поднялся опять процессъ о Кантемировскомъ наслѣдствѣ. Княгиня и княжна Черкасскія тоже оставались въ тревожной неизвѣстности, и только самъ нареченный женихъ ожидалъ отвѣта князя-черепахи относительно спокойно. Великая сила времени уже успѣла сдѣлать надъ нимъ свое безпощадное дѣло: продолжительное отдаленіе отъ Москвы, заботы дипломатической службы, заграничная жизнь съ ея разнообразными интересами, новыя знакомства и привязанности, наконецъ постоянная хворость Кантемира, все это охладило его прежній юношескій пылъ и дало новое направленіе его желаніямъ.

Между тѣмъ княжна Марія не переставала звать брата въ Россію. Въ началѣ 1736 года она съ особенною увѣренностью ожидала его возвращенія и уже писала ему, что выѣдетъ въ Петербургъ къ нему на встрѣчу. Но изъ переписки нашего дипломата, на сколько она извѣстна, вовсе не видно, чтобъ онъ возбуждалъ въ это время вопросъ о своемъ отозваніи изъ Лондона. Быть можетъ, тутъ работало только воображеніе любящей сестры, но въ письмѣ отъ 1-го марта 1736 года она выражала брату удивленіе, почему князь Черкасскій не старается о скорѣйшемъ вызовѣ его изъ Англіи, «тогда какъ это входитъ въ его личные интересы». Весьма вѣроятно однако, что именно по этой причинѣ чересчуръ осмотрительный сановникъ воздержался бы отъ подобныхъ стараній. Въ томъ же письмѣ княжна еще разъ повторяла брату, что увѣрена въ согласіи княгини Черкасской на бракъ и даже брала ее подъ свою защиту: «Не думайте, чтобъ она была дурная или тщеславная женщина; если она не собралась написать вамъ въ теченіе полутора года, то лишь потому, что стыдится написать хотя бы двѣ строчки». Литературная извѣстность Кантемира, очевидно, внушала страхъ нелитературной барынѣ.

Единственное объясненіе, какое можно дать возродившимся у княжны Маріи надеждамъ на возвращеніе князя Антіоха въ Россію въ 1736 году, заключается въ томъ, что въ это время шла война между Россіей и Турціей, предпринятая съ цѣлью загладить неудачи Прутскаго похода Петра Великаго, и что при успѣшномъ исходѣ этой борьбы родина Кантемировъ, Молдавія, могла отойти подъ покровительство Россіи; въ такомъ случаѣ — надѣялась княжна — ея младшій братъ будетъ назначенъ правителемъ этой области. Въ семьѣ Кантемировъ твердо помнили обѣщаніе, данное Петромъ покойному господарю, въ такомъ смыслѣ [1]). Несомнѣнно, что князь Антіохъ, вѣрный своимъ родовымъ преданіямъ, сочувствовалъ возгорѣвшейся войнѣ и желалъ пораженія угнетателямъ

[1]) Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie. Londres. MDCCL, pp. LXVI и LXVII.

своей родной земли. Дѣйствительно, первый крупный успѣхъ русскихъ войскъ—взятіе крѣпости Азова (20-мая 1736 года), которую Петръ принужденъ былъ возвратить туркамъ по Прутскому договору,—вызвалъ патріотическое воодушевленіе въ дипломатѣ-стихотворцѣ, и онъ написалъ по этому случаю «похвальную пѣснь», которую въ исходѣ того же года отослалъ въ Петербургъ къ князю Черкасскому съ просьбою представить государынѣ [1]). Тѣмъ не менѣе, едва ли князь Антіохъ простиралъ свои надежды и мечты такъ же далеко, какъ его сестра. Какъ бы то ни было, 29-го іюля 1736 года она написала ему слѣдующія строки, по которымъ можно судить о ея тогдашнемъ возбужденномъ настроеніи: «Мы прожили только половину нашей жизни; что будетъ дальше, зависитъ отъ воли и милосердія Господня. Можетъ быть, когда-нибудь мы увидимъ наше прежнее отечество и мирно доживемъ свой вѣкъ, каждый какъ бы ему хотѣлось. Но мнѣ кажется, что тотъ, кто становится владыкою цѣлой страны, долженъ принять на себя всѣ тягости правленія. Такимъ образомъ, если вамъ будетъ суждено сдѣлаться государемъ нашей родины, вы должны будете проститься съ уединенною жизнью философа». Отъ этихъ прозрачныхъ намековъ на злобу дня, льстившихъ ея честолюбію, княжна Марія ловко переходила къ выводу, который касался излюбленной темы ея бесѣдъ съ братомъ—къ его женитьбѣ. «Не думаю», продолжала она,—«чтобы жениться значило навязать себѣ камень на шею: сужу по первому человѣку и множеству другихъ. Нужно только, чтобы жена была добрая, а не походила бы на Ксантиппу, жену философа Сократа, которая вмѣсто отвѣта облила его съ головы до ногъ. Мужчины дурно отзываются о женщинахъ, а женщины—о мужчинахъ. Мало ли у насъ прекрасныхъ дѣвушекъ? Надобно только, чтобы по возвращеніи въ Россію вы нашли себѣ подругу по сердцу, а совсѣмъ отказываться отъ брака—совершенно безразсудно. Тигрица больше всѣхъ годится вамъ въ жены и—надѣюсь—подождетъ васъ».

Ясно, что эта филиппика была отвѣтомъ на какое-то письмо князя Антіоха, излагавшее соображенія, противъ которыхъ сестра сочла нужнымъ протестовать. Но такого письма не сохранилось, и мы можемъ только догадываться о его содержаніи. Надо думать, что Кантемиръ выражалъ въ немъ равнодушіе къ своимъ прежнимъ брачнымъ планамъ и вообще высказывалъ намѣреніе остаться холостякомъ, такъ какъ супружество кажется ему несовмѣстимымъ съ наклонностью его къ созерцательной жизни. Такимъ «философомъ»

[1]) Объ этомъ, доселѣ не найденномъ стихотвореніи Кантемира упоминается въ перепискѣ его съ Черкасскимъ, относящейся къ декабрю 1736—январю 1737 гг. и сообщенной въ Академію Наукъ профессоромъ В. Н. Александренкомъ.

сестра еще не знала князя Антіоха, и дѣйствительно, онъ не былъ таковъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда влюбленнымъ юношей покидалъ Россію. Сестрѣ было извѣстно, что въ Лондонѣ у брата появилась какая-то пріятельница, но на эту связь, которой Антіохъ отъ нея не скрывалъ, она смотрѣла очень снисходительно, въ полной увѣренности, что она будетъ легко разорвана, какъ только Кантемиръ подымется въ обратный путь. Но княжна не подозрѣвала, что можетъ измѣниться самый образъ мыслей брата, а именно это-то и случилось въ той обстановкѣ, въ которую бросила его судьба. Кантемиръ не былъ склоненъ искать богатства или почестей, и даже когда вступалъ на дипломатическое поприще, меньше думалъ о блестящей будущности, открывавшейся предъ нимъ, чѣмъ о возможности продолжать за границей свое образованіе. Онъ ревностно исполнялъ свои посольскія обязанности, а въ часы досуга искалъ общества просвѣщенныхъ людей, много читалъ, знакомился съ произведеніями искусства и—размышлялъ. Плодомъ этихъ размышленій у него выработалось извѣстное міросозерцаніе, которое онъ и выразилъ въ своей VI-й сатирѣ—«Объ истинномъ блаженствѣ». Она была написана только въ началѣ 1738 года, но разумѣется, высказанныя въ ней мысли уже не были тогда для автора свѣжею новостью.

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ и средню забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межь мертвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:
Желанія всѣ мои крайни составляетъ.....
Добродѣтель лучшая есть наша украса;
Тишина ума подъ ней, и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе. Кому богатствъ доля
Пала и славы, тѣхъ трехъ благъ можетъ лишиться,
Хотя бы крайней гибели и могъ ущититься.

Вотъ главныя мысли этого стихотворенія, конечно, не особенно новыя и оригинальныя, много разъ высказывавшіяся другими поэтами и не поэтами, но чрезвычайно характерныя для Кантемира; подъ перомъ этого мирнаго и нечестолюбиваго человѣка онѣ имѣютъ всю цѣну

искренности и задушевности: въ своемъ частномъ быту, въ интимной жизни онъ—какъ видно изъ разсказа его друга аббата Гуаско—дѣйствительно старался по возможности приблизиться къ идеалу, начертанному въ приведенныхъ стихахъ. Понятно, что при такомъ стремленіи онъ долженъ былъ задавать себѣ вопросъ: можетъ ли онъ сохранить вѣрность своему идеалу, если разстанется съ холостою жизнью, въ которой умѣлъ достигнуть счастія хоть до нѣкоторой степени, и вступитъ въ бракъ? И въ тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ находился, давно разобщенный со средой, куда вернула бы его женитьба, онъ почувствовалъ сомнѣніе и сталъ склоняться къ отвѣту отрицательному. Тотъ же другъ-біографъ сообщаетъ, что впослѣдствіи Кантемиръ самъ ему признавался, какъ его смущала мысль вступить въ родство съ однимъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ государства; по мнѣнію князя Антіоха, бракъ такого рода не согласовался бы съ тою тишиною жизни и ума, которая составляла для него потребность, и неизбѣжно вовлекъ бы его въ государственныя дѣла, тогда какъ онъ желалъ вполнѣ предаться развитію наукъ и искусства въ своемъ отечествѣ [1]).

Само собою разумѣется, что княжна Марія не раздѣляла подобныхъ воззрѣній брата и даже не была въ состояніи стать на братнину точку зрѣнія. При всемъ своемъ умѣ и образованіи она въ житейскихъ дѣлахъ все-таки руководилась исключительно такъ-называемыми практическими соображеніями. Возраженія князя Антіоха противъ ея брачныхъ затѣй она объясняла, конечно, какимъ-нибудь случайнымъ, минутнымъ его настроеніемъ, которое нельзя принимать въ дѣловые расчеты. Поэтому, и послѣ своей филиппики она продолжала твердить брату о возможности женитьбы на княжнѣ Черкасской. Князь Антіохъ большею частію отмалчивался на ея настоянія или совѣтовалъ ей отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ добиться окончательнаго отвѣта отъ Черкасскихъ; къ прежнему предмету своихъ горячихъ желаній онъ сталъ теперь почти равнодушенъ. Но сестра не хотѣла слушать увѣщаній брата. Весною 1738 года князь Алексѣй Михайловичъ пріѣзжалъ въ Москву; видѣвшись съ нимъ и объясняясь по дѣламъ наслѣдства, княжна Марія не воспользовалась однако случаемъ посватать брата, и только въ концѣ того же года возобновила брачные переговоры, при чемъ повела ихъ опять-таки не сама, а черезъ какое-то третье лицо. Яснаго отвѣта опять не послѣдовало. Когда узналъ о томъ князь Антіохъ, у него зародилось опасеніе, какъ бы поведеніе сестры относительно Черкасскихъ не получило характера навязчивости; не извѣстно, высказалъ ли онъ ей свое неудовольствіе, или же она сама догадалась о томъ, только въ

[1]) Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie, pp. LXXX et LXXXI.

началѣ 1739 года, въ письмахъ своихъ къ брату, она нѣсколько разъ принималась объяснять свое поведеніе. «Что касается тигрицы, я вижу, что сдѣлала ошибку», сознавалась она въ письмѣ отъ 18-го января, а въ слѣдующемъ, отъ 12-го февраля, старалась оправдать себя, и притомъ довольно неловко: «Какъ Богъ святъ скажу вамъ: никакого предложенія я не дѣлала и никакого дурнаго отвѣта не получала. Виновата лишь тѣмъ, что, имѣвъ удобный случай и время, я не представила предложенія, какъ и вы мнѣ пишете. Я очень недовольна своимъ промахомъ; но я полагала тогда, что князь можетъ самъ исполнить свое намѣреніе, (то-есть, дать свое согласіе) и безъ моего вмѣшательства. Дай Богъ, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, надоумился и исполнилъ бы ваше желаніе». Но очевидно, дѣло не слаживалось, а разстроивалось: ожидая, что самъ медлитель пойдетъ на встрѣчу ея желаніямъ, княжна запуталась въ тонкостяхъ своей политики и своими руками разрушила то, что такъ долго и усердно подготовляла. Она, видимо, старилась и утрачивала ту живость и чуткость ума, которыя были въ ней такъ привлекательны въ молодые годы. Съ этихъ поръ—судя по сохранившейся перепискѣ—ея участіе въ брачномъ проектѣ Кантемира стало только пассивнымъ и молчаливымъ, и самъ лишь князь Антіохъ, въ своихъ письмахъ, вспоминалъ иногда о тигрицѣ.

Между тѣмъ измѣнилось служебное положеніе Кантемира, да и въ Россіи совершился рядъ событій, оказавшихъ вліяніе на его судьбу. Еще въ апрѣлѣ 1738 года послѣдовало его назначеніе чрезвычайнымъ посланникомъ при Версальскомъ дворѣ, и въ сентябрѣ онъ прибылъ въ Парижъ, но оказался вынужденнымъ сохранять здѣсь инкогнито и долго не имѣлъ возможности представить свои вѣрительныя грамоты Людовику XV, такъ какъ оставался не выясненнымъ вопросъ о томъ, въ какомъ званіи—посланника или посла—будетъ назначенъ представитель Франціи къ русскому двору. Въ Петербургѣ находили, что Кантемиръ поспѣшилъ выѣхать изъ Англіи, и были недовольны его пребываніемъ въ Парижѣ «безъ оффиціальнаго характера». Какъ видно изъ письма княжны Маріи къ брату отъ 4-го декабря 1738 года, слухъ о томъ дошелъ и до нея черезъ княгиню Черкасскую, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ дипломатическій промахъ князя Антіоха, въ сущности довольно ничтожный, былъ принятъ также въ соображеніе робкимъ медлителемъ, княземъ-черепахой, когда онъ обдумывалъ многотрудный вопросъ: благоразумно ли будетъ отдать дочь за Кантемира. На самомъ дѣлѣ однако это обстоятельство не имѣло дурныхъ послѣдствій для дипломата-писателя, и въ 1739 году онъ даже былъ возведенъ въ званіе посла.

Еще до назначенія къ Версальскому двору Кантемиръ имѣлъ понятіе о Парижѣ, такъ какъ еще въ 1736 году ѣздилъ туда лѣчить свои больные глаза. Въ эту первую поѣздку Парижъ показался ему скучнымъ

и мрачнымъ, а парижское общество—слишкомъ пустымъ. Такъ писалъ онъ тогда и сестрѣ, и своимъ лондонскимъ пріятелямъ. «Единственная выгода, вынесенная мною изъ этой поѣздки, заключается въ томъ, что я разочаровался въ высокомъ представленіи, какое имѣлъ до сихъ поръ объ этомъ городѣ и его обитателяхъ», говорилъ Кантемиръ въ письмѣ къ Замбони, моденскому резиденту въ Лондонѣ, отъ 18-го августа 1736 года. Не измѣнились впечатлѣнія князя Антіоха и два года спустя, когда онъ совсѣмъ переселился въ столицу Франціи. «Послѣ шести дней путешествія и десятичасоваго плаванія по морю при удивительно благопріятномъ вѣтрѣ», писалъ онъ въ сентябрѣ 1738 года другому итальянскому дипломату, жившему въ Лондонѣ, кавалеру Озоріо,—«я наконецъ прибылъ въ центръ удовольствій, но не нахожу ихъ здѣсь и, вѣроятно, долго не найду, такъ какъ разстался съ друзьями» [1]). Эта фраза нѣсколько походитъ на комплиментъ: пріятныя и полезныя знакомства Кантемиръ вскорѣ сумѣлъ пріобрѣсти и въ Парижѣ; тѣмъ не менѣе, смыслъ сказаннаго оставался въ сущности вѣрнымъ; даже послѣ полуторагодоваго пребыванія въ Парижѣ нашъ дипломатъ не могъ свыкнуться съ тамошнею жизнью и не находилъ себѣ полнаго удовлетворенія въ ея условіяхъ; 5-го апрѣля 1740 года онъ писалъ сестрѣ: «Свѣтъ такъ устроенъ, что въ немъ нигдѣ не встрѣтишь полнаго благополучія: то, чего мы желаемъ всего болѣе, сдѣлавшись нашимъ достояніемъ, причиняетъ намъ неудовольствіе. Мнѣ всегда хотѣлось пожить когда-нибудь въ Парижѣ; теперь я тамъ и—не дождусь часа, когда буду въ состояніи выбраться оттуда». А между тѣмъ Кантемиру очень нравилась его дипломатическая служба, и по крайней мѣрѣ въ то время онъ не имѣлъ ни желанія, ни даже возможности покинуть ее. «По правдѣ сказать», признавался онъ сестрѣ въ другомъ письмѣ (отъ 1-го сентября),—«жизнь посла самая пріятная, какую только можно вести; поэтому я не разстался бы съ нею, если бы только не желалъ видѣться съ вами и съ братьями, и если бы не находился постоянно въ денежныхъ затрудненіяхъ, такъ какъ жалованье мое недостаточно, да и высылается оно очень туго. Впрочемъ, и этому можно будетъ помочь со временемъ. Я уже привыкъ не огорчаться тѣмъ, что̀ можетъ быть измѣнено: у меня теперь своя прекрасная философія, избавляющая меня отъ многихъ заботъ». Въ этихъ словахъ ясно слышится голосъ автора сатиры «Объ истинномъ блаженствѣ». И въ ней можно прочесть такую сентенцію:

Мудрая малымъ прожить природа насъ учитъ
Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ не мучитъ.

---

[1]) Письма Кантемира къ Замбони и Озоріо извѣстны намъ изъ сообщеній, присланныхъ въ Академію Наукъ профессоромъ В. Н. Александренкомъ.

Любопытно, что въ томъ же письмѣ отъ 5-го апрѣля, въ которомъ Кантемиръ говоритъ о своемъ желаніи оставить столицу Франціи, онъ касается также стараго вопроса—о женитьбѣ. Упомянувъ о своемъ разочарованіи отъ Парижа, который когда-то манилъ его къ себѣ, онъ прибавляетъ: «Пожалуй, то же самое случилось бы съ тигрицей, если бъ она стала моею женой; поэтому я не особенно досадую на препятствія, воздвигаемыя черепахой». Итакъ, даже послѣ семилѣтнихъ безплодныхъ переговоровъ, Кантемиръ еще не вполнѣ отступался отъ брака съ княжной Черкасскою, но теперь онъ говорилъ объ этомъ уже безъ всякаго увлеченія. Со своей стороны сестра писала брату, что, по ея мнѣнію, нерѣшительность князя-черепахи болѣе всего вредитъ ему самому, и князь Антіохъ соглашался съ такимъ заключеніемъ: «Время старитъ тигрицу, а черепаху глубже погружаетъ въ разстройство и долги». Кантемиры почему-то полагали, что выдача дочери замужъ можетъ поправить финансовое положеніе Черкасскихъ, которое дѣйствительно было не блестящимъ, несмотря на ихъ огромное богатство. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя князь Антіохъ счелъ нужнымъ еще разъ возвратиться къ брачному вопросу въ своей перепискѣ; повидимому, онъ былъ на это вызванъ упрекомъ сестры которая напомнила ему прежнія его разсужденія о пріятностяхъ одинокой созерцательной жизни. «Что касается жены», писалъ Кантемиръ, 7-го ноября,—«я не думаю, чтобы бракъ не согласовался съ философіей; напротивъ того полагаю, что философъ долженъ быть женатымъ, дабы плотскія похоти не смущали его,—и потому я предпочелъ бы не быть одинокимъ. Но какъ это не легко осуществить, то пусть такъ и будетъ. Нѣтъ человѣческаго желанія, которое нельзя было бы побороть, коль скоро того требуетъ разумъ». Въ частности, о княжнѣ Черкасской и особенно объ ея матери Кантемиръ отзывался на этотъ разъ со строгостью, какой не замѣчалось у него прежде: «О тигрицѣ больше не думаю; мнѣ до-нельзя надоѣли постоянные праздные толки о ней, особенно когда вижу, что ея мать ждетъ кого-нибудь изъ сыновъ Юпитера, чтобы выбрать себѣ зятя, достойнаго ея непомѣрнаго тщеславія. Жалѣю только бѣдную дѣвушку, что она такъ печально проводитъ свои лучшіе годы. Молодость, какъ вы говорите, не возвращается, а ея молодость почти миновала. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и она станетъ старою дѣвой, которая всегда найдетъ себѣ мужа, но онъ пожелаетъ жениться не на ней, а на ея богатствѣ. Это впрочемъ не наше дѣло; мнѣ досадно, что вы, прогадавъ удобное время, находитесь теперь въ затруднительномъ положеніи». На безплодныя старанія сестры князь Антіохъ сталъ наконецъ смотрѣть не безъ иронія.

17-го октября 1740 года скончалась въ Петербургѣ императрица Анна. Послѣдовавшее затѣмъ регентство герцога Курляндскаго дало Кантемиру случай доказать свою политическую проницательность и въ то же время

окончательно уронило въ его глазахъ авторитетъ князя Черкасскаго, котораго онъ привыкъ уважать съ молодыхъ лѣтъ. Кантемиръ всегда пользовался вниманіемъ Бирона, но не имѣлъ случая узнать его близко; живя съ 1732 года за границей, онъ не былъ личнымъ, непосредственнымъ свидѣтелемъ того порядка вещей, который водворился въ Россіи въ періодъ Биронова могущества и заклейменъ въ народной памяти его именемъ. Княжна Марія, въ понятной осторожности, воздерживалась сообщать брату печальныя подробности о русскихъ дѣлахъ; другихъ надежныхъ корреспондентовъ у него не было, и всѣ извѣстія изъ Россіи, особенно о ея внутреннемъ положеніи, доходили до него только случайнымъ путемъ молвы или черезъ иностранныя газеты и кое-какіе памфлеты въ родѣ «Lettres Moscovites» графа Локателли, противъ которыхъ впрочемъ Кантемиръ долженъ былъ напечатать возраженіе [1]). Тѣмъ не менѣе, онъ хорошо понималъ, что̀ за время была бироновщина, и когда въ Парижѣ получено было извѣстіе о предсмертномъ манифестѣ императрицы Анны, которымъ герцогъ Курляндскій назначался регентомъ Россійской имперіи, Кантемиръ сообразилъ, что его управленіе не будетъ долго терпимо. Поэтому свое поздравительное письмо Бирону князь Антіохъ послалъ не прямо въ его руки, а въ пакетѣ на имя одного изъ своихъ петербургскихъ друзей, съ просьбой представить привѣтствіе по назначенію, если регентство еще существуетъ,—въ противномъ же случаѣ предать письмо огню. Расчетъ Кантемира оказался вѣрнымъ: когда его поздравленіе достигло Петербурга, Биронъ былъ уже арестованъ [2]), и 10-го ноября 1740 года новый манифестъ отъ имени императора-младенца возвѣстилъ, что правительницей государства назначена мать Іоанна Антоновича, Анна Леопольдовна, принявшая титулъ великой княгини.

Кантемиръ долго не зналъ подробностей о всѣхъ этихъ событіяхъ. Послѣ увѣдомленія о кончинѣ императрицы и о назначеніи регентства онъ получилъ только извѣстіе о новомъ переворотѣ, о возведеніи Миниха въ должность перваго министра, а Черкасскаго—въ званіе великаго канцлера, и о наградахъ важнѣйшимъ лицамъ, вошедшимъ въ составъ новаго правительства. Княжна Марія также послала брату списокъ этихъ новыхъ назначеній, но онъ ей отвѣчалъ 15-го января 1741 года: «Присланный вами списокъ лицъ, получившихъ высшія должности, я уже

---

[1]) См. статью проф. В. Н. Александренка: „Переписка барона М. А. Корфа съ княземъ М. А. Оболенскимъ по поводу „Московскихъ писемъ“ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1892 г., № 2.

[2]) Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie, pp. LXIX et LXX.

имѣлъ нѣсколько времени тому назадъ, но изъ него не могу понять, кто будетъ занимать вторыя мѣста возлѣ первыхъ. Догадываюсь, что принцъ Беверискій, графы Минихъ и Остерманъ и князь Черкасскій будутъ самыми вліятельными, но мнѣ хотѣлось бы также знать, кто будетъ около нихъ». Князь Черкасскій также писалъ Кантемиру вскорѣ послѣ низверженія Бирона, но извѣщалъ только о немедленномъ препровожденіи не досланныхъ ему денегъ, да просилъ о заказѣ въ Парижѣ какихъ-то лентъ, конечно, для жены или дочери; въ другомъ письмѣ Черкасскій давалъ Кантемиру обѣщаніе похлопотать о вызовѣ его въ Россію. Однако, эти письма подѣйствовали на нашего дипломата ободрительно; обрадованный поданною ему надеждой покинуть Парижъ и возвратиться, хоть на время, въ отечество, онъ высказалъ сестрѣ (въ письмѣ отъ 15-го января) предположеніе, что «черепаха теперь скорѣе согласится уступить тигрицу, да и матушка сама будетъ меньше противиться. Я и ея не оставляю безъ вниманія», прибавлялъ онъ,—«и постоянно пишу ей, хотя отвѣтовъ не получаю». По первымъ свѣдѣніямъ о переворотѣ 9-го—10-го ноября князь Антіохъ, повидимому, заключалъ, что князь Алексѣй Михайловичъ принялъ дѣятельное участіе въ низверженіи регента; новое повышеніе Черкасскаго давало поводъ къ такой догадкѣ. Но вскорѣ Кантемиръ узналъ совсѣмъ иное: не нѣмцы, а русскіе члены кабинета помогли Бирону возвыситься; Черкасскій съ А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ первые гласно высказали желаніе видѣть его на регентствѣ въ случаѣ кончины императрицы Анны. Извѣстіе о такомъ недостойномъ поступкѣ привело Кантемира въ негодованіе. «Не могу понять», писалъ онъ сестрѣ 12-го марта,—«какъ это черепаха пустился летать вмѣстѣ съ Икаромъ. Такому благоразумному человѣку не слѣдовало бы забывать свой долгъ предъ царствующимъ домомъ». Съ Икаромъ, который, по античному преданію, вздумалъ подняться къ солнцу на восковыхъ крыльяхъ, а оно ихъ растопило,—Кантемиръ сравнивалъ Бестужева потому, что послѣдній, какъ фаворитъ Бирона, тотчасъ по его паденіи поплатился за приверженность къ нему, былъ отставленъ изъ кабинетъ-министровъ и подвергся аресту и ссылкѣ; но отъ «благоразумнаго человѣка» Кантемиръ, очевидно, не ожидалъ такого униженія предъ нѣмецкимъ проходимцемъ. Обращаясь затѣмъ къ своимъ личнымъ связямъ съ Черкасскимъ, князь Антіохъ въ томъ же письмѣ замѣчалъ: «Если черепаха спятилъ съ ума, то благодарю Бога, что Онъ охранилъ меня отъ его семейства; придется жалѣть о немъ, какъ объ утраченномъ благопріятелѣ, такъ какъ я—врагъ всѣмъ, кто не служитъ нашему государю вѣрой и правдой. Третьяго дня я получилъ отъ черепахи письмо, изъ чего заключаю, что онъ еще не попалъ въ ловушку. Никогда въ жизни не писалъ онъ мнѣ столько писемъ, какъ въ нынѣшнее время; несмотря на то, я отвѣчаю ему коротко, ибо сказанное слово—серебро, а не сказанное—золото». Теперь

Кантемиру стало ясно, что князь-черепаха способенъ заботиться только о своей выгодѣ, а затѣмъ готовъ плыть по теченію, и честный дипломатъ потерялъ всякое довѣріе къ канцлеру, котораго не могъ уважать.

Князю Антіоху трудно было ладить съ двуличневою политикой Версальскаго двора, и это являлось одною изъ причинъ, почему онъ желалъ своего отозванія изъ Парижа; но еще болѣе хотѣлъ онъ возвратиться въ Россію ради устройства своихъ домашнихъ хозяйственныхъ дѣлъ: Кантемирамъ-кадетамъ грозилъ новый процессъ.

Всегда внимательная къ матеріальному благосостоянію своей семьи, княжна Марія въ концѣ 1740 года увѣдомила князя Антіоха, что ихъ братъ Константинъ, обладатель Кантемировскаго маіората, задумалъ продать всѣ имѣнія, входившія въ его составъ; князь Константинъ былъ бездѣтенъ, и въ случаѣ его смерти братья и сестра имѣли право ему наслѣдовать, между тѣмъ какъ капиталъ, полученный отъ продажи маіората, обладатель послѣдняго могъ завѣщать своей женѣ, той самой «Медеѣ», которую такъ не долюбливала княжна Марія. Въ интересахъ Кантемировъ-кадетовъ было остановить эту продажу, но привести это въ исполненіе было возможно только силою высшей власти. Чтобы направить дѣло на такой путь, княжна Марія намѣревалась съѣздить въ началѣ 1741 года въ Петербургъ. Князь Антіохъ находилъ эту поѣздку не безполезною, но, судя по прежнимъ примѣрамъ, не слишкомъ вѣрилъ въ успѣхъ ходатайствъ сестры и предпочиталъ взять ихъ на себя. Онъ началъ съ того, что написалъ рядъ просительныхъ писемъ къ петербургскимъ сановникамъ, а затѣмъ самъ надѣялся получить разрѣшеніе на пріѣздъ въ Петербургъ, въ чемъ—какъ мы уже видѣли—обѣщалъ ему поддержку Черкасскій. Но поѣздка княжны Маріи не состоялась: ей какъ-то трудно было двинуться изъ Москвы; на письма же свои князь Антіохъ не получалъ отвѣтовъ. Черкасскій также, по своему обыкновенію, не исполнилъ обѣщанія. Въ Петербургѣ признавали присутствіе русскаго посла въ Парижѣ необходимымъ въ виду дипломатическихъ усложненій вмѣсто дозволенія пріѣхать въ Россію, Кантемира постарались удовлетворить наградой: ему былъ пожалованъ чинъ тайнаго совѣтника и двадцать тысячъ рублей въ уплату долговъ, въ которые онъ вошелъ на устройство въ Парижѣ празднества по случаю объявленія Анны Леопольдовны правительницей. Впрочемъ, нѣсколько времени спустя, князь Константинъ самъ отказался отъ предположенной имъ продажи имѣній, и самое дѣло о Кантемировскомъ маіоратѣ приняло нѣсколько иной оборотъ. Неустойчивость тогдашняго правительства и частыя перемѣны въ его личномъ составѣ должны были оказывать несомнѣнное вліяніе на ходъ подобныхъ дѣлъ.

Едва минулъ годъ со дня низверженія Бирона, какъ въ Петербургѣ совершился новый переворотъ, возведшій на русскій престолъ дочь

*

совѣтъ, а его, Никиты, сыну князю Петру поручается извѣстить иностранныхъ дипломатовъ, пребывающихъ въ Петербургѣ, о послѣдовавшей перемѣнѣ правительства; самой принцессѣ Анастасіи пожалованъ орденъ св. Екатерины, ея мужу принцу Людвигу-Вильгельму и старшимъ изъ Трубецкихъ даны новыя должности, званія и почетныя награды [1]. Въ близкихъ отношеніяхъ къ Трубецкимъ находился одинъ изъ главныхъ участниковъ переворота 25-го ноября, довѣренный лейбъ-медикъ Елисаветы І.-Г. Лестокъ. Къ этому-то любезному и вліятельному при дворѣ человѣку княжна Марія и обратилась за покровительствомъ и въ то же время указала на него князю Антіоху, который не замедлилъ вступить съ нимъ въ переписку [2]). «Лестока я называю графомъ», писалъ князь сестрѣ 1-го октября 1742 года,—«потому что газеты дали ему этотъ титулъ; на будущее время беру его назадъ. Прошу васъ поблагодарить его за настоящія и обѣщанныя хлопоты».

Княжна Марія искала покровителей для успѣшнаго проведенія своихъ просьбъ. Онѣ касались, разумѣется, имущественныхъ дѣлъ. Выше было упомянуто о намѣреніи Константина Кантемира продать свой маіоратъ и о желаніи Кантемировъ-кадетовъ остановить эту продажу. Къ этому дѣлу и относилась первая просьба княжны; отказъ самого князя Константина отъ продажи сдѣлалъ ее излишнею. Но княжна не успокоилась; изобрѣтательность ея въ ходатайствахъ была неистощима; въ виду коронаціи Елисаветы ей вздумалось снова возбудить вопросъ, все еще остававшійся не вполнѣ рѣшеннымъ, о додачѣ Кантемирамъ-кадетамъ крестьянскихъ дворовъ, пожалованныхъ имъ императрицей Анной; по этому дѣлу княжна подала челобитную, которая впрочемъ залежалась у кабинетъ-секретаря И. А. Черкасова и, какъ слѣдовало ожидать, не получила движенія. Кромѣ Лестока, княжна Марія нашла доступъ къ другому близкому къ императрицѣ человѣку, вновь пожалованному камергеру Михаилу Иларіоновичу Воронцову, о чемъ также увѣдомила брата. Князь Антіохъ уже имѣлъ случай сноситься съ нимъ офиціально по своимъ посольскимъ обязанностямъ; посредничество сестры упростило характеръ этихъ сношеній, а мягкая натура Воронцова еще болѣе тому способствовала; съ половины 1742 года между нимъ и Кантемиромъ установилась дѣятельная переписка, которою дипломатъ искусно пользовался, чтобы излагать своему вліятельному корреспонденту разныя свои нужды и затрудненія. Князю Антіоху хотѣлось выяснить, можетъ

---

[1]) Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества, т. 96-й, стр. 348, 633—637, 648, 657, 669 и 677.

[2]) Письма Кантемира къ Лестоку извѣстны намъ изъ сообщеній профессора В. Н. Александренка въ Академію Наукъ.

ли онъ разсчитывать остаться въ Парижѣ, или будетъ отозванъ, можетъ ли надѣяться на полученіе ордена св. Андрея, подобно маркизу Шетарди, можетъ ли получить дозволеніе съѣздить на минеральныя воды и т. п. Воронцовъ по возможности удовлетворялъ просьбы посла, только не могъ доставить ему ордена. Со своей стороны и Кантемиръ исполнялъ кое-какія порученія Воронцова въ Парижѣ [1]).

Торжество коронованія императрицы Елисаветы происходило 25-го апрѣля 1742 года, а празднества по этому случаю продолжались до 7-го іюня. Въ качествѣ фрейлины княжна Марія должна была присутствовать на многихъ изъ нихъ, особенно на пріемѣ 26-го апрѣля, когда принадлежавшія ко двору особы женскаго пола приносили поздравленія государынѣ, возсѣдавшей на тронѣ въ аудіенцъ-залѣ потѣшнаго двора. Кромѣ того, еще до коронаціонныхъ торжествъ княжна Марія имѣла случай представиться государынѣ, при чемъ подала свою неумѣстную челобитную о додачѣ крестьянскихъ дворовъ. Въ интимномъ женскомъ кругу императрицы княжна также позаботилась пріобрѣсти кое-какія знакомства, которыя находила полезными; въ особенности чувствовала она себя обязанною передъ М. Андр. Румянцовою, женою извѣстнаго генерала и матерью Задунайскаго героя, и передъ довѣренною камеръюнгферой императрицы, италіанкой Іоанной [2]). О знакомствѣ съ ними княжна тоже сочла нужнымъ написать брату; князь Антіохъ понялъ намекъ и догадался, что этихъ лицъ нужно отблагодарить подарками: камеръюнгферѣ онъ прислалъ золотую табакерку, а другую такую же табакерку, только «еще красивѣе», предназначилъ Румянцовой, вмѣстѣ съ парижскими духами, о присылкѣ которыхъ просила эта дама. Наконецъ, въ числѣ лицъ, о знакомствѣ съ которыми княжна Марія сообщала брату, нужно упомянуть еще генералъ-маіора Ѳ. С. Вишневскаго; онъ былъ близкій человѣкъ къ фавориту Елисаветы А. Г. Разумовскому, котораго когда-то и пристроилъ ко двору цесаревны [3]). Этотъ Вишневскій передалъ княжнѣ Маріи какой-то лестный отзывъ о Кантемирѣ, сдѣланный въ его присутствіи государыней. По этому поводу князь Антіохъ писалъ сестрѣ (4-го ноября 1742 года): «Весьма благодаренъ, что вы пишете мнѣ о разговорѣ, переданномъ вамъ г. Вишневскимъ такъ какъ всѣ мои желанія состоятъ въ томъ, чтобы заслужить благоволеніе всемилостивѣйшей государыни. Свѣдѣнія, подобныя этому,

---

[1]) Письма Кантемира къ М. И. Воронцову напечатаны въ I-мъ томѣ „Архива князя Воронцова".

[2]) Объ этой Іоаннѣ см. Heblig, Russische Günstlige, стр. 213 и 249.

[3]) О Вишневскомъ см. въ трудѣ А. А. Васильчикова: „Семейство Разумовскихъ", т. I, стр. 3 и 4.

прошу васъ сообщать мнѣ поточнѣе; я буду вамъ очень за нихъ обязанъ и прошу васъ не переставать писать мнѣ о нихъ. Поклонитесь отъ меня г. Вишневскому, которому я чрезвычайно благодаренъ». Очевидно, князь Антіохъ не всегда бывалъ доволенъ характеромъ извѣстій, которыя сообщала ему сестра, и едва ли не подозрѣвалъ, что она придаетъ имъ свое личное освѣщеніе. Догадка эта подтверждается письмомъ Константина Кантемира къ Антіоху (отъ 3-го мая 1743 года); онъ тоже писалъ брату о петербургскихъ придворныхъ отношеніяхъ и далъ о нихъ гораздо болѣе ясное понятіе, чѣмъ княжна Марія, въ слѣдующихъ словахъ: «Не знаю, что написать вамъ о придворныхъ лицахъ, кто изъ нихъ пользуется большимъ вліяніемъ, такъ какъ ихъ счастіе, по видимому, перемѣнчиво. Теперь первенствуетъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, за нимъ слѣдуетъ Воронцовъ; оба они—самыя вліятельныя лица. На ихъ сторонѣ, какъ кажется, находятся князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, который, надо полагать, обдѣлываетъ дѣлишки чрезъ посредство сената. Лестокъ, видимо, немного стушевался, равно какъ и Шуваловъ... Вишневскій никакой роли не играетъ, а лишь старается кого-нибудь провести и получить за то подарокъ».

Среди новыхъ лицъ, которыя получили значеніе при дворѣ, князь Черкасскій оставался какою-то блѣдною тѣнью прошлаго; и въ прежнее время онъ не умѣлъ пріобрѣсти авторитета, а теперь находили, что онъ утратилъ и то слабое значеніе, какимъ пользовался прежде. Разстался съ нимъ и князь Антіохъ, но надобно сказать къ чести послѣдняго—разстался по своимъ личнымъ причинамъ, а не потому, что Черкасскій потерялъ всякое значеніе. Даже напоминанія о тигрицѣ, которыя изрѣдка позволяла себѣ сестра, уже не производили впечатлѣнія на прежняго поклонника красавицы. «Черепаха всегда останется черепахой», писалъ князь Антіохъ 1-го октября 1742 года, — «и я ничего отъ него не ожидаю; тигрицу уступаю кому угодно; по правдѣ сказать, мнѣ теперь все равно». То же самое повторялъ онъ и въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 4-го ноября того же года: «Если мое возвращеніе нужно только для того, чтобы гоняться за тигрицей, то увѣряю васъ—это будетъ напраснымъ: я уже совершенно не въ состояніи жениться... Было бы хорошо сообщить о томъ черепахѣ, а то я буду сочтенъ за врага, если онъ когда-нибудь вспомнитъ снова обо мнѣ; вотъ почему я и встрѣтиться съ нимъ желалъ бы не раньше, какъ черезъ годъ. Говоря проще, я разсчитываю провести жизнь одиноким, чтобы не сдѣлаться хвостомъ какой-нибудь кометы, и прожить свой вѣкъ мирно, вдали отъ бурь и зависти». Прочитавъ эти строки, княжна Марія наконецъ поняла, что рѣшеніе брата—совершенно безповоротное, и что на всѣхъ блестящихъ проектахъ, такъ долго ее занимав-

шихъ и волновавшихъ, остается только поставить крестъ; на оборотѣ братнина письма она собственноручно отмѣтила: «пишетъ, что отказывается отъ тигрицы, и велитъ сообщить о томъ черепахѣ». Но содержаніе письма уже не могло быть передано старому медлителю: князь Черкасскій скончался въ Москвѣ въ тотъ самый день, когда князь Антіохъ писалъ въ Парижѣ вышеприведенныя строки. Шесть мѣсяцевъ спустя, въ апрѣлѣ 1743 года, княжна Варвара Алексѣевна была обвѣнчана съ камергеромъ графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ.

Кантемиръ чувствовалъ себя не въ состояніи жениться, потому что его здоровье было совершенно разстроено. Крѣпостью его онъ никогда не отличался, а съ 1740 года онъ сталъ хворать почти безпрерывно; неоднократно предпринималъ онъ поѣздки въ Ахенъ, въ Пломбіеръ, но минеральныя воды не помогали ему, и вообще болѣзни его не поддавались никакому лѣченію. Слабость его постоянно увеличивалась, и онъ жаловался, что у него не хватаетъ силъ даже на переѣздъ изъ Парижа въ Версаль. Путешествіе въ Россію казалось ему неодолимою трудностью, а между тѣмъ ему все-таки хотѣлось возвратиться въ отечество, но не съ тѣмъ, чтобы продолжать службу и «стремиться выше, ближе къ солнцу, гдѣ восковыя крылья таютъ, и откуда легко полетѣть внизъ головою на дно морское», а единственно для того, чтобъ устроить, наконецъ, свои хозяйственныя дѣла и провести остатокъ жизни въ покоѣ.

Хозяйственныя дѣла семейства Кантемировъ дѣйствительно нуждались въ упорядоченіи. Дѣтямъ покойнаго господаря словно на роду было написано вести безконечныя тяжбы, которыя возникали у нихъ безпрерывно одна за другою. Княжна Марія полагала, что она только отстаивала законныя права семьи, когда, по своей дѣятельной натурѣ, давала ходъ всѣмъ подобнымъ дѣламъ, а между тѣмъ, руководимая какими-то приказными искусниками, она все болѣе и болѣе втягивалась въ приказную волокиту и наконецъ, подъ старость, совсѣмъ наполнила этимъ занятіемъ праздность своего существованія. Такъ какъ въ 1742 году, послѣ празднествъ коронованія, дворъ зажился въ Москвѣ, то князь Антіохъ совѣтовалъ сестрѣ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для личнаго ходатайства по накопившимся въ ея рукахъ дѣламъ. Но княжна не успѣла или не сумѣла сдѣлать это до самаго декабря, когда дворъ выѣхалъ въ Петербургъ. Поэтому весной 1743 года ей самой пришлось отправиться туда же, тѣмъ болѣе, что къ числу Кантемировскихъ тяжебъ прибавились въ это время еще двѣ новыя. На крестьянскихъ дворахъ, пожалованныхъ Кантемирамъ-кадетамъ, числилась значительная недоимка, накопившаяся еще до этого пожалованія, да притомъ со многихъ дворовъ населеніе сбѣжало; поэтому въ мартѣ 1743 года

Кантемиры-кадеты подали въ сенатъ прошеніе о сложеніи недоимки. Полнаго удовлетворенія они не получили; но все же уплата денегъ была отсрочена впредь до изданія генеральнаго указа, который признанъ былъ необходимымъ въ виду поступленія въ сенатъ многихъ прошеній, подобныхъ Кантемировскому.

Это былъ едва ли не единственный результатъ хлопотъ княжны Маріи въ бытность ея въ Петербургѣ въ 1743 году. Предъ наступленіемъ осени она вернулась въ Москву, въ самый разгаръ другой тяжбы, въ которую она теперь и погрузилась. Тяжба эта касалась роковаго вопроса о Кантемировскомъ маіоратѣ. Отказавшись отъ намѣренія продать его, князь Константинъ вздумалъ ходатайствовать о выдачѣ ему подтвердительной грамоты на обладаніе отцовскимъ наслѣдствомъ. Князь Антіохъ писалъ сестрѣ, что, по его мнѣнію, «ради домашняго мира и душевнаго спокойствія» и наконецъ «во избѣжаніе лишняго скандала» не слѣдовало бы мѣшать брату въ его неумѣстномъ ходатайствѣ; но княжна Марія, а за нею и князья Сергѣй съ Матвѣемъ были иного мнѣнія и находили, что дѣйствія князя Константина нельзя оставлять безъ протеста съ ихъ стороны. Уступая ихъ желанію, князь Антіохъ долженъ былъ подать прошеніе на высочайшее имя, съ заявленіемъ своихъ правъ на маіоратъ, самъ же намѣревался, вступивъ во владѣніе отцовскимъ наслѣдствомъ, раздѣлить его между всѣми своими братьями и сестрой. Прошеніе князя Антіоха было подано императрицѣ черезъ М. И. Воронцова; государыня предложила раздѣлить имѣніе покойнаго господаря на двѣ равныя части и одну изъ нихъ оставить за Константиномъ Кантемиромъ, а другую предоставить братьямъ-кадетамъ и сестрѣ. Князь Антіохъ готовъ былъ согласиться на такое окончаніе тяжбы, но княжна Марія, посовѣтовавшись «съ искуснѣйшими въ дѣлахъ приказныхъ», нашла нужнымъ возразить противъ даннаго совѣта. Какъ ни казалось дипломату неудобнымъ это противорѣчіе, онъ, чтобы не обидѣть сестры, вынужденъ былъ измѣнить свое рѣшеніе и, скрѣпя сердце, снова писалъ о томъ Воронцову. Въ этихъ переговорахъ прошла вся вторая половина 1743 года. Между тѣмъ болѣзнь, давно мучившая Кантемира, развилась до такой степени, что онъ увидѣлъ невозможность продолжать свою дипломатическую службу; онъ уже просилъ сестру подготовить ему помѣщеніе въ Москвѣ и присмотрѣть для покупки подмосковную, но прежде, чѣмъ вернуться въ Россію, онъ намѣревался укрѣпить свои силы, проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ тепломъ италіанскомъ климатѣ.

Очевидно, надежда поправить свое здоровье еще не покидала Кантемира; размѣры своей болѣзни онъ заботливо скрывалъ отъ сестры, и она еще не подозрѣвала ничего объ его слабости, когда въ началѣ января 1744 года писала ему, что намѣревается продать свои земли брату

Сергѣю, а себѣ оставить лишь небольшой клочекъ, чтобы построить тутъ монастырь и постричься въ немъ. Раздосадованный этимъ извѣстіемъ, больной отвѣчалъ сестрѣ письмомъ на русскомъ языкѣ, въ которомъ сперва дѣлалъ распоряженія на случай своего прибытія изъ Италіи въ Москву, а затѣмъ говорилъ: «О томъ васъ прилежно прошу, чтобъ мнѣ никогда не упоминать о монастырѣ и постриженіи вашемъ; я черницовъ весьма гнушаюсь и никогда не стерплю, чтобъ вы вступили въ такой гнусной чинъ, или буде то противно моей воли учините, то я въ вѣкъ уже больше васъ не увижу. Я желаю, чтобъ по пріѣздѣ моемъ въ отечествѣ вы прожили всю жизнь со мною и въ домѣ моемъ были хозяйкою, чтобъ сбирали и потчивали гостей, однимъ словомъ—чтобъ были мнѣ увеселеніемъ и спомощницей». Сестра поспѣшила успокоить брата. «Когда вы вернетесь въ Москву», отвѣчала она на братнинъ выговоръ,—«я готова хозяйничать въ вашемъ домѣ и принимать вашихъ гостей, но отъ своего намѣренія все-таки не отказываюсь». Эти строки были уже послѣдними, которыя больному суждено было получить отъ сестры — въ началѣ февраля 1744 года; въ концѣ того же мѣсяца онъ отправилъ ей коротенькое письмо, съ увѣдомленіемъ, что ему становится лучше съ улучшеніемъ погоды въ Парижѣ; но тутъ же стояли и другія зловѣщія строки: «Это еще болѣе убѣждаетъ меня, что только теплый климатъ можетъ меня вылѣчить, и я болѣе, чѣмъ когда-либо, вижу необходимость ѣхать въ Италію». Только изъ этихъ строкъ княжна Марія догадалась объ опасности, въ которой находился братъ. Пользуясь пребываніемъ двора въ Москвѣ, она поспѣшила во дворецъ, чтобъ узнать: состоялось ли увольненіе брата въ Италію, и увѣдомила, что сама туда пріѣдетъ за нимъ ухаживать. «Если я долѣе останусь въ неизвѣстности относительно васъ», писала она Антіоху 12-го апрѣля,—«то непремѣнно заболѣю и умру прежде времени: я и безъ того разстроила себѣ здоровье отъ постоянныхъ тревогъ и волненій... Не странно ли, что я не боюсь такого дальняго пути, тогда какъ меня пугаетъ поѣздка въ Петербургъ? Да, но поѣздка въ Петербургъ связана для меня съ разными непріятностями, а собираясь въ Италію, я готова пренебречь всякими неудобствами въ надеждѣ на свиданіе съ дорогимъ братомъ». Надежда оказалась однако напрасною: когда княжна Марія писала вышеприведенныя строки, князя Антіоха уже не было въ живыхъ: онъ скончался въ Парижѣ еще 31-го марта; вскрытіе его тѣла показало, что причиной его смерти была водянка въ груди. До княжны Маріи извѣстіе о кончинѣ любимаго брата дошло не ранѣе, какъ въ исходѣ апрѣля 1744 года.

Смерть князя Антіоха была жестокимъ ударомъ для сестры. Какъ ни измѣнился съ годами ея характеръ, сдѣлавшись болѣе тяжелымъ, болѣе властнымъ, но любовь ея къ брату осталась все такою же пла-

менною, какъ въ раннюю пору ея жизни, въ то время, когда ей пришлось замѣнить ему преждевременно скончавшуюся мать и впервые окружить его юность своими попеченіями. Еще съ тѣхъ поръ умная сестра стала гордиться блестящими дарованіями своего любимца, а впослѣдствіи съ такою же ревнивою гордостью продолжала смотрѣть на его общественные успѣхи. Когда братъ сталъ взрослымъ, сестра нашла въ немъ себѣ друга, и притомъ единственнаго, такъ какъ ни свойства ея характера, ни еще болѣе обстоятельства ея жизни не располагали ея къ короткости съ чужими людьми, а въ остальныхъ своихъ братьяхъ она слишкомъ хорошо знала недостатки ихъ натуры и видѣла очень мало достоинствъ. Не выйдя замужъ, она не узнала и семейнаго счастья; такимъ образомъ даже въ свои зрѣлые годы княжна Марія только на одномъ Антіохѣ могла сосредоточить свои привязанности, и только ему одному могла повѣрять свои радости и свое горе. Если къ сказанному прибавить, что со смертью князя Антіоха княжна Марія лишилась единственнаго человѣка, который умѣлъ питать ея умственные интересы, то слѣдуетъ признать, что съ этою утратой она теряла почти все, что еще скрашивало ея одинокую жизнь. Княжна Марія пережила брата на тринадцать лѣтъ, но отъ этого періода ея существованія осталось такъ мало памятниковъ и живыхъ слѣдовъ, что явнымъ образомъ со смертью любимаго брата оскудѣло самое содержаніе ея жизни.

Въ первое время по кончинѣ Антіоха Кантемира княжна Марія была погружена въ заботы о перевезеніи его тѣла въ Россію и объ исполненіи завѣщанія, которое онъ написалъ недѣли за три до своей смерти. Перевезти тѣло князя Антіоха оказалось дѣломъ дорогимъ и сложнымъ. Братья пытались уклониться отъ расходовъ и хлопотъ по этому предмету, но княжна Марія выразила готовность принять всѣ траты на себя. Впослѣдствіи однако нѣкоторую часть расходовъ приняли на себя и князья Матвѣй и Сергѣй. Тѣло князя Антіоха было доставлено въ Петербургъ моремъ только въ сентябрѣ 1745 года, и затѣмъ, перевезенное въ Москву, было предано землѣ въ нижней церкви Никольскаго Греческаго монастыря, рядомъ съ могилой отца. По волѣ покойнаго, погребеніе было совершено ночью, безъ всякихъ церемоній. Княжна пожелала почтить память любимаго брата добрымъ дѣломъ: зная, что въ Парижѣ находилась въ нуждѣ одна молодая особа, съ которою князь Антіохъ находился въ близкихъ отношеніяхъ, княжна послала ей отъ себя денежное вспомоществованіе.

Приведеніе въ исполненіе завѣщанія князя Антіоха обошлось не безъ значительныхъ затрудненій. Назначенные наслѣдниками князья Матвѣй, Сергѣй и княжна Марія вступали другъ съ другомъ въ споры, которые приходилось разрѣшать тяжебнымъ порядкомъ. Сестрѣ, по волѣ завѣщателя, предстояло получить принадлежавшіе ему сере-

бряные сервизы, оцѣненные въ 9000 руб. По привозѣ этихъ вещей въ Петербургѣ онѣ были сданы на храненіе князя Константина Кантемира, который не соглашался отдавать ихъ сестрѣ. Князь Константинъ умеръ въ январѣ 1747 года, но и послѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, она не могла вступить въ обладаніе своимъ наслѣдствомъ. Между тѣмъ въ московскомъ домѣ княжны Маріи произошелъ пожаръ, почти вплоть истребившій его. У нея не было средствъ выстроиться вновь; поэтому она обратилась къ М. И. Воронцову съ просьбой содѣйствовать выдачѣ ей сервизовъ, которые она намѣревалась продать, а деньги употребить на постройку. Удовлетвореніе этой просьбы послѣдовало не ранѣе 1752 года. Такимъ образомъ, при всемъ умѣньи княжны Маріи жить разсчетливо и хозяйственно, денежныя затрудненія преслѣдовали ее до позднихъ лѣтъ ея жизни и вызывали ее на новыя тяжбы. По всему вѣроятію, это и было причиною, почему она не исполнила обѣта, даннаго ею еще въ молодости, принять монашество.

Съ 1743 года княжна уже не ѣздила въ Петербургъ; во уваженіе къ ея болѣзненности фрейлинское званіе было съ нея сложено; княжна постоянно жила въ Москвѣ и только лѣтніе мѣсяцы проводила въ своей подмосковной Марьинѣ.

Въ августѣ 1757 года княжна Марія рѣшила составить завѣщаніе. Первымъ его пунктомъ было выставлено желаніе, чтобы въ Марьинѣ былъ построенъ женскій монастырь; этимъ распоряженіемъ княжна какъ бы желала исправить то, что не исполнила даннаго ею обѣта; точно опредѣленъ былъ штатъ монастыря и назначены средства на его сооруженіе и содержаніе. Если же на основаніе монастыря не послѣдовало бы разрѣшенія, то часть опредѣленной на него суммы назначалась на раздачу бѣднымъ, а остальныя деньги, равно какъ все движимое и недвижимое имущество предоставлялись братьямъ и другимъ родственникамъ. Похоронить свое тѣло княжна завѣщала въ томъ же Марьинѣ, и съ тою же простотой, какъ погребено было тѣло князя Антіоха. Княжна уже хворала въ то время, когда писала эти строки, а мѣсяцъ спустя послѣ того, 9-го сентября 1757 года, ея не стало, и немедленно затѣмъ началось нарушеніе ея предсмертныхъ распоряженій: тѣло ея было предано землѣ не въ ея любимомъ Марьинѣ, а въ томъ же Никольскомъ Греческомъ монастырѣ, который служилъ уже усыпальницей для ея отца и матери, брата и сестры. Не состоялось также и основаніе женской обители въ Марьинѣ; наслѣдники не настаивали на исполненіи этого пункта завѣщанія, потому что сопровождавшая его оговорка давала имъ возможность уклониться отъ того. Въ жизни своей княжнѣ Маріи суждено было испытать немало разочарованій, и рядъ ихъ заключился только несоблюденіемъ ея предсмертной воли.

Л. Майковъ.

Видѣнія артиста.

I. Во снѣ.

Бенефисъ, тройныя цѣны,
Нѣтъ билетовъ за два дня....
Онъ, любимецъ Мельпомены,
Полонъ страсти и огня.
Въ залѣ – звукъ глухихъ рыданій,
Дамскихъ слезъ нѣмой потокъ.
Цѣлый громъ рукоплесканій
И вѣнокъ, вѣнокъ, вѣнокъ.....

II. На яву.

Спятъ мужчины, дремлютъ дамы,
И почти пустѣетъ залъ,
Истязанье жалкой драмы,
Колосальнѣйшій провалъ.
Хохотъ публики; въ его же
Сердцѣ вопль нѣмой тоски,
Звуки шиканій—Боже!
И свистки, свистки, свистки.....

Г. Сабининъ.

Къ исторіи театральной цензуры.

Всеподданнѣйшее письмо Нестора Кукольника

„ “ ноября 1864 г. Таганрогъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Совершенно разстроенное здоровье заставило меня отказаться отъ службы, литературы и Петербурга и переселиться въ Таганрогъ. Вліяніемъ благодатнаго климата здоровіе мое, хотя и медленно, возстановилось, и я счелъ долгомъ совѣсти возвратиться на службу и на любимое литературное поприще, на которомъ я трудился слишкомъ тридцать лѣтъ. Болѣе года употребилъ я на обработку новой драмы моей: «Гофъ-Юнкеръ». Зная какія затрудненія постоянно встрѣчаютъ у насъ драматическаго писателя и какъ трудно за-глаза получить мѣсто на службѣ, я рѣшился собрать послѣдніе остатки истощенныхъ моихъ средствъ, даже войти въ долги и отправился въ Петербургъ. Соотвѣтственнаго для меня мѣста на югѣ не отыскалось и я, въ надеждѣ по крайней мѣрѣ на будущее, принужденъ былъ, несмотря на чинъ мой, прежнюю двадцати-семилѣтнюю службу и слишкомъ трудныя нужды мои,—поступить въ почтовое вѣдомство сверхъ штата и безъ содержанія. Драма же моя, одобренная театральнымъ комитетомъ, пропущенная цензурою, принята въ дирекцію и, назначенная къ представленію въ октябрѣ на петербургской и на московской сценахъ, обѣщала сколько нибудь помочь моему разстроенному положенію и обезпечить по крайней мѣрѣ на годъ мое существованіе. Съ этою успокоительной надеждой я возвратился въ Таганрогъ. Вдругъ послѣ двухмѣсячнаго ожиданія, когда драма въ обѣихъ столицахъ была уже разучена и приготовлена къ постановкѣ, получаю увѣдомленіе, что піэса: «Гофъ-Юнкеръ»—запрещена...

Такъ какъ піэса, пропущенная театральнымъ комитетомъ и одобренная театральною цензурою, не можетъ быть запрещена иначе, какъ по высочайшей вашего императорскаго величества волѣ, то естественно я былъ пораженъ до глубины души горестною мыслію, что самымъ невиннымъ образомъ, безъ малѣйшаго умысла, я могъ навлечь на себя неудовольствіе вашего величества съ такими ужасными для меня послѣдствіями. Одна совѣсть утѣшала меня и навела на мысль, что въ это несчастное для меня время ваше императорское величество изволили быть въ отсутствіи, и что по докладу за-глаза въ превратномъ видѣ могло только быть исходатайствовано такое убійственное для меня рѣшеніе, потому что невозможно и вообразить, чтобы запрещеніе піэсы, одо-

бренной законными для того учрежденіями, могло послѣдовать безъ вашего, всемилостивѣйшій государь, вѣдома. Но для того чтобы уничтожить добросовѣстный, болѣе чѣмъ годовой трудъ автора, лишить его закономъ предоставленныхъ правъ, отнять у него кусокъ хлѣба, должны быть слишкомъ важныя причины,—а между тѣмъ ни многочисленныя мои сочиненія, ни многолѣтняя служба, ни вся жизнь моя, ничѣмъ не запятнанная, не представляли памяти моей ни малѣйшаго къ тому повода; а новая драма моя, по времени дѣйствія, по нравамъ и понятіямъ того вѣка ни въ какомъ случаѣ не могла повести къ какимъ бы то ни было предосудительнымъ сближеніямъ съ нашимъ временемъ,—и если кто искалъ и находилъ въ ней подобное сходство или намеки, тотъ очевидно и непростительно самъ оскорблялъ наше время, и обвинялъ не меня, а свои собственныя личныя опасенія.

Въ недоумѣніи, съ растерзанной душой я остановился на той мысли, что содержаніе драмы моей или отдѣльно вынутыя слова были превратно истолкованы и въ такомъ видѣ представлены вашему величеству.

Всемилостивѣйшій государь! Простите великодушно моей дерзости. Но кому же мнѣ жаловаться на мое несчастіе, кто рѣшится быть моимъ ходатаемъ и возвысить голосъ въ мое оправданіе?.. Просить не смѣю, но мнѣ остается желать и надѣяться, что справедливость и благость ваша признаютъ возможнымъ—повелѣть лицу постороннему, независимому и безпристрастному разсмотрѣть мою драмму вновь и передоложить о ней вашему величеству по строгой совѣсти. Я готовъ лучше переносить не только тяжкія угрожающія мнѣ лишенія, но и самую нищету,—готовъ положить перо и отказаться отъ театра, составляющаго одну изъ стихій моей жизни, чѣмъ носить мысль о вашемъ, всемилостивѣйшій государь, на меня неудовольствіи.

Съ безпредѣльною преданностію и благоговѣніемъ имѣю счастіе быть ваше императорскаго величества всемилостивѣйшаго государя вѣрноподданный Несторъ Кукольникъ.

Сообщилъ **П. К. Работинъ.**

РОССІЯ и ФРАНЦІЯ

ВЪ

первой половинѣ XVIII вѣка [1]).

I.

Намѣреніе Петра Великаго заключить союзъ съ Франціей. — Колебанія герцога Орлеанскаго по этому вопросу.—Петръ Великій въ Парижѣ.—Его отношенія къ малолѣтнему Людовику XV.—Заключеніе конвенціи.—Пріѣздъ французскаго посланника Кампредона въ Петербургъ.—Пріемъ ему оказанный.—Празднество по случаю заключенія мира.—Царица и ея дочери.—Брачные проекты.—Предложенія Петра.—Нерѣшительность регента и инструкціи кардинала Дюбуа.—Свиданіе Кампредона съ царемъ.—Царь предлагаетъ руку Елисаветы Петровны герцогу Шартрскому.—Необъяснимое молчаніе Франціи.—Возобновленіе переговоровъ.—Кончина Петра I.

о начала XVIII столѣтія Россія не играла почти никакой роли въ европейской политикѣ. Кабинеты вѣнскій, версальскій и лондонскій весьма мало интересовались ея существованіемъ и не искали съ нею сближенія. Когда царь Михаилъ Ѳедоровичъ, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, желая снискать себѣ друзей, отправилъ въ 1615 г. посла къ королю Людовику XIII, чтобы привѣтствовать его и увѣрить въ своей дружбѣ, то это изъявленіе дружбы осталось безъ всякихъ послѣдствій [2]).

[1]) Матеріаломъ къ составленію настоящей статьи послужили „Сборники Императорскаго русскаго историческаго общества“, „Архивъ графа Воронцова“ и главнымъ образомъ сочиненія Альберта Вандаля: Исторія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ XVIII в.—Составлено по документамъ архива французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Louis XV et Elisabeth de Russie. Etude sur les rélations de la France et de la Russie au dix-huitième siècle, d'après les archives du Ministère des affaires étrangères par Albert Vandal. Ouvrage couronné par l'Académie française. Troisième edition. Paris 1896.

[2]) Сборн. Истор. Общ. т. 34, стр. 1.

Между тѣмъ нарождавшееся могущество Московскаго царства, подготовлявшее Россію постепенно къ той первенствующей роли, которую она была призвана играть въ европейскомъ концертѣ, не могло пройти незамѣченнымъ западными державами, и въ 1630 г., Франція сочла нужнымъ имѣть своего постояннаго представителя при дворѣ московскаго царя. Въ этомъ году въ Москву былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ де-Гай-Курменеиъ, которому было поручено заключить между обоими государствами торговый договоръ.

Въ своемъ письмѣ къ царю, по этому поводу, французскій король ссылался на то, что большія войны помѣшали ему отвѣтить ранѣе на его привѣтствіе, но что онъ желаетъ установить въ будущемъ дружбу и союзъ [1]).

— Ваше величество стоите въ главѣ восточныхъ народовъ, исповѣдующихъ православную вѣру, сказалъ посланникъ Михаилу Ѳедоровичу; Людовикъ, король Франціи, стоитъ во главѣ южныхъ народовъ; заключивъ съ королемъ дружественный союзъ, ваше царское величество ослабите этимъ своихъ враговъ. Царь московскій и король французскій должны дѣйствовать во всемъ согласно.

Между обоими державами былъ заключенъ дружественный и торговый договоръ, но отдаленность обоихъ государствъ и нерасположеніе французовъ къ торговлѣ были причиною, что этотъ договоръ не принесъ существенныхъ выгодъ въ торговомъ отношеніи; дипломатическія же сношенія не имѣли регулярнаго характера, и Франціи пришлось долго ожидать, пока Россія отозвалась окончательно на предложенія о союзѣ, сдѣланныя ей черезъ де-Гай-Курменена.

Во время войны со Швеціей, Петръ Великій добивался посредничества Людовика XIV; но французскій король возлагалъ въ то время слишкомъ большія надежды на своего союзника, Карла XII, чтобы вступать въ какія-либо переговоры съ его соперникомъ. Послѣ кончины Людовика XIV, послѣдовавшей 1-го сентября 1715 года, когда могущество Швеціи было уже сломлено, царь послалъ во Францію своего агента—Зотова [2]); ему было поручено развѣдать взгляды и намѣренія французскаго двора и подготовить почву для сближенія, которое Петръ Великій хотѣлъ осуществить лично, давно собираясь посѣтить Францію. Онъ полагалъ, что явясь въ Парижъ своею собственною персоною, чтобы предложить Франціи союзъ съ Россіей, ему, царю-побѣдителю, удастся скорѣе достигнуть желаемой цѣли, поэтому въ исходѣ 1716 г. онъ отправился во Францію, не объявляя впрочемъ оффиціально о цѣли своего путешествія. Проѣздомъ черезъ Германію

---

[1]) Сборн. Истор. Общ. т. 34, стр. 2.

[2]) Кононъ Никитичъ Зотовъ † 1742 г. въ званіи контръ-адмирала.

царь имѣлъ свиданіе въ Гавельсбергѣ съ королемъ прусскимъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, отцомъ Фридриха Великаго. Отъ природы въ высшей степени грубый, исключительно преданный милитаризму, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ тонкій дипломатъ и человѣкъ крайне честолюбивый.—Какъ всѣ сѣверо-германцы, онъ глубоко ненавидѣлъ Францію и постоянно упрекалъ своего сына Фридриха за его любовь къ ней «и къ женщинамъ».—Но сознавая могущество этой державы онъ понималъ, что пренебрегать ею нельзя, и думалъ при случаѣ воспользоваться ею для своихъ личныхъ цѣлей. Подмѣтивъ въ Петрѣ большія симпатіи къ Франціи, Фридрихъ вздумалъ разъиграть роль посредника между нею и Россіей, хотѣлъ способствовать ихъ сближенію и участвовать, въ качествѣ договаривающейся стороны, что̀ сулило ему извѣстныя выгоды въ его борьбѣ съ Австріей. Съ этой цѣлью онъ поручилъ одному изъ своихъ министровъ, барону Книпгаузену, сопровождать царя въ его путешествіи и служить ему посредникомъ при переговорахъ съ французскимъ дворомъ.

Изъ Пруссіи Петръ отправился въ Голландію, куда съѣзжались въ то время для свиданія, переговоровъ и тайныхъ или явныхъ совѣщаній всѣ государственные люди Европы. По пріѣздѣ Петра въ Нидерланды первымъ встрѣтилъ его шведскій посланникъ, баронъ Герцъ, которому было поручено завести съ царемъ рѣчь о перемиріи. Вслѣдъ за нимъ явился англійскій и австрійскій посланники, жаждавшіе вывѣдать тайную цѣль его путешествія, но онъ отвѣчалъ всѣмъ уклончиво и открылся только французскому посланнику де-Шатоневу.

13-го января нов. ст. кн. Куракинъ, пріѣхавшій въ свитѣ царя, явился къ Шатоневу.

— Я буду говорить съ вами не какъ съ посланникомъ, сказалъ онъ, но какъ съ другомъ, которому я открою тайну, довѣренную мнѣ царемъ. Его величество призналъ полезнымъ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ заключить союзъ съ Франціей; онъ искренно этого желаетъ и хочетъ, чтобы переговоры по этому предмету начались безъ промедленія и происходили въ его присутствіи.

Восемь дней спустя послѣ этого разговора, имѣвшаго цѣлью подготовить почву для дальнѣйшихъ объясненій, Куракинъ оффиціально возобновилъ предложеніе о союзѣ отъ имени царя; Шатоневъ поспѣшилъ извѣстить о томъ свой дворъ.

Во главѣ французскаго правительства, за малолѣтствомъ короля, стоялъ въ это время Филиппъ, герцогъ Орлеанскій. Находясь весьма недавно у кормила правленія, онъ успѣлъ уже совершенно измѣнить политическую систему, которой держался его предшественникъ, Людовикъ XIV; онъ искалъ сближенія съ Англіей, которая недавно была въ числѣ враговъ Французской монархіи. Въ принципѣ, союзъ съ Англіей

былъ совмѣстимъ съ сближеніемъ Франціи съ Россіей, но къ несчастью между Петромъ Великимъ и королемъ англійскимъ возникли въ это время нѣкоторыя недоразумѣнія: царь былъ возмущенъ двусмысленнымъ поведеніемъ короля во время Сѣверной войны, помощью, оказанной имъ втайнѣ Швеціи, а также публичными оскорбленіями, нанесенными царскому резиденту въ Лондонѣ, и гнусными пасквилями, которые печатались о Россіи въ Англіи [1]).

Герцогъ Орлеанскій опасался, сближаясь съ царемъ, вызвать неудовольствіе Георга I и тѣмъ порвать слабыя узы, соединявшія англійскаго короля съ Франціей. Поэтому онъ отнесся къ предложенію Петра Великаго чрезвычайно сдержанно и долго колебался, какой ему дать отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что бывшій воспитатель герцога, аббатъ Дюбуа, который имѣлъ на него огромное вліяніе, узнавъ, что герцогъ приказалъ де-Шатоневу начать съ царемъ переговоры, рѣшительно возсталъ противъ союза съ Россіей, совѣтуя не полагаться на дружбу русскаго царя и не рисковать ради него союзомъ съ Англіей. Совѣты аббата подѣйствовали на регента: онъ измѣнилъ приказаніе, данное Шатоневу, и велѣлъ ему затянуть переговоры, придумывая всевозможныя препятствія къ заключенію союза съ Россіей.

Петръ Великій предлагалъ Франціи заключить оборонительный трактатъ, въ силу котораго Россія и Франція приняли бы на себя обязательство взаимно гарантировать цѣлость ихъ владѣній; царь желалъ включить въ этотъ договоръ и вновь пріобрѣтенныя имъ отъ Швеціи завоеванія, но когда Франція отвѣчала на это рѣшительнымъ отказомъ, то онъ не настаивалъ на этомъ требованіи и ограничился просьбою выдавать ему ежемѣсячно субсидію въ 25.000 экю [2]) впредь до окончанія Сѣверной войны. Эта уступка была сдѣлана Петромъ 30 марта н. ст. 1717 г.; въ тотъ же день вечеромъ онъ выѣхалъ неожиданно въ Парижъ, чтобы принять личное участіе въ заключеніи союза. Его отъѣздъ изъ Голландіи совершился въ величайшей тайнѣ; онъ предупредилъ о немъ регента, но желая избѣжать докучливыхъ церемоній, просилъ не оглашать этого извѣстія и полагалъ, что неожиданный его пріѣздъ въ Парижъ произведетъ бо́льшую сенсацію.

— Царь желаетъ, говорилъ Куракинъ де-Шатоневу, чтобы до его пріѣзда о немъ говорили во Франціи какъ можно м^{ен}ѣе.

---

[1]) Сборн. Истор. Общ. т. 40, стр. 343.

[2]) Экю—старинная французская серебряная монета, бывшая въ употребленіи со временъ Людовика XIII до начала нынѣшняго столѣтія и за это время нѣсколько разъ мѣнявшаяся въ своей цѣнности. Стоимость экю равнялась приблизительно 3 франкамъ или нашимъ 75 коп. По этому расчету 25.000 экю составляли приблизительно 18.750 рублей.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Петръ не захотѣлъ остановиться въ комнатахъ, приготовленныхъ для него въ Луврѣ, и помѣстился въ частномъ домѣ. Подробности его пребыванія въ этомъ городѣ, гдѣ онъ поразилъ всѣхъ своими вкусами и привычками, шедшими въ разрѣзъ съ тогдашними обычаями французскаго двора, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться; гораздо интереснѣе и менѣе извѣстна политическая цѣль его поѣздки. Зачѣмъ царь отправился во Францію? вотъ вопросъ, который задавали себѣ всѣ дворы: у однихъ это путешествіе вызывало опасенія, у другихъ — надежды, но всѣ рѣшительно были до-нельзя имъ заинтересованы. Вначалѣ король прусскій хотѣлъ лично сопровождать Петра въ Парижъ, съ цѣлью наблюдать за нимъ, но побоялся парижанъ, ихъ насмѣшекъ, и отказался отъ своего намѣренія. Король польскій, имѣвшій до тѣхъ поръ въ Парижѣ одного дипломатическаго представителя, по пріѣздѣ Петра назначилъ къ французскому двору втораго посланника, и одинъ изъ нихъ слѣдовалъ неотступно за царемъ, куда бы онъ ни отправился. Датскій король завелъ въ Парижѣ форменнаго шпіона, коему было спеціально поручено наблюдать за Петромъ. Прусскіе и австрійскіе агенты слѣдили за нимъ даже во время его прогулокъ въ Фонтенебло, гдѣ они заставали царя бесѣдующимъ наединѣ съ Рагоцци—главою венгерскихъ мятежниковъ [1]). Царь обращалъ весьма мало вниманія на всѣ эти происки, разговаривалъ со всѣми посланниками, всѣхъ обнадеживалъ, но все его вниманіе было поглощено переговорами, ради которыхъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ. Онъ чрезвычайно сожалѣлъ о томъ, что во Франціи не было монарха, которому онъ могъ бы въ личной бесѣдѣ изложить свои планы, и съ которымъ могъ бы договориться какъ равный съ равнымъ. Вмѣсто покойнаго Людовика XIV онъ нашелъ въ Парижѣ семилѣтняго ребенка, коему оказывалъ все время самое дружеское вниманіе и къ которому относился съ такимъ же уваженіемъ какъ къ взрослому. Такъ напр. онъ не пожелалъ никуда выѣхать до тѣхъ поръ, пока маленькій король не посѣтитъ его; когда тотъ пріѣхалъ, то царь встрѣтилъ его у дверецъ кареты, взялъ его на руки и приподнявъ поцѣловалъ нѣсколько разъ. Всѣ были поражены, говоритъ Сенъ-Симонъ [2]) въ своихъ запискахъ, тою

---

[1]) Рагоцци, кн. Францъ род. 1676 г.—одинъ изъ представителей нынѣ угасшаго венгерскаго и трансильванскаго княжескаго рода. Въ 1703 г. онъ сталъ во главѣ возставшихъ венгровъ, но въ 1708 г. былъ разбитъ австрійскимъ фельдмаршаломъ гр. Гейстеромъ и долженъ былъ бѣжать. Всю остальную жизнь провелъ въ скитаніяхъ по Европѣ. Умеръ въ Турціи въ 1735 г.

[2]) Сенъ-Симонъ, герцогъ де-Рувруа, род. 1675 г., служилъ долгое время при дворѣ Людовика XIV, послѣ его смерти былъ членомъ совѣта регентства; скончался въ 1755 г. Онъ оставилъ обширные мемуары, служащіе важнымъ источникомъ для изученія современной ему эпохи.

любезностью, какую онъ оказывалъ королю, удивительной нѣжностью, съ какой онъ относился къ нему, и вообще отмѣнною вѣжливостью его обращенія, въ которомъ проглядывало величіе, равенство происхожденія и нѣкоторое превосходство лѣтъ—ибо все это какъ «нельзя лучше чувствовалось въ обращеніи царя».

Какъ знать, быть можетъ при видѣ этого красиваго ребенка, въ которомъ сказывались уже благородство и величіе его царственнаго происхожденія, въ умѣ Петра тогда же мелькнула мысль о возможности брачнаго союза между Людовикомъ XV и его дочерью, Елисаветой Петровной, которая была ровесницею короля. Бракъ французскаго короля съ дочерью русскаго царя могъ способствовать еще болѣе къ упроченію союза между двумя державами.

Послѣ свиданія съ королемъ, Петръ Великій возобновилъ формальнымъ образомъ предложенія, сдѣланныя имъ французскому посланнику въ Гагѣ. Регентъ долженъ былъ волей неволей-на что нибудь рѣшиться: онъ назначилъ маршала де-Тессе вести переговоры съ русскими уполномоченными—Шафировымъ, Толстымъ и Долгорукимъ. Впрочемъ, ихъ роль ограничилась только передачею маршалу записки, составленной подъ руководствомъ самого царя, въ которой, плохимъ французскимъ языкомъ, прямо и открыто были высказаны сокровенныя желанія Петра.

«Поставьте меня на мѣсто, которое занимала до сей поры по отношенію къ Франціи Швеція, говорилось въ этой запискѣ; карта Европы измѣнилась; Швеція полу-уничтожена и не можетъ оказать Франціи никакой помощи. Могущество моей имперіи чрезвычайно возросло, и я, царь, готовъ замѣнить вамъ Швецію. Я предлагаю вамъ свой союзъ и содѣйствіе Пруссіи и Польши и не только свой союзъ, я предлагаю вамъ и свое могущество. Равновѣсіе, которое было обезпечено союзомъ со Швеціей этимъ не только возстановится, но мое содѣйствіе дастъ этому союзу перевѣсъ. Все то, что я вамъ предлагаю, ни мало не противорѣчитъ союзу, заключенному вами съ Англіей и Голландіей. Англія подвержена такимъ раздорамъ и такъ непостоянна, что если бы на будущее время она отказалась отъ союза съ вами, то союзъ съ Россіею замѣнитъ вамъ все, на что бы вы могли разсчитывать со стороны Швеціи и Англіи. Я не прошу васъ гарантировать моихъ завоеваній, а прошу васъ только выдавать мнѣ то же пособіе, какое вы оказывали Швеціи».

Лично, регентъ былъ не прочь принять предложеніе царя; тѣмъ болѣе что при дворѣ была партія, желавшая союза съ Россіей; во главѣ ея стоялъ Сенъ-Симонъ, но вліяніе аббата Дюбуа взяло верхъ, и Петру дали уклончивый отвѣтъ. Въ этомъ случаѣ, по свидѣтельству самого

маршала Тессе, ведшаго переговоры съ русскими, Франція дѣйствовала неискренно изъ боязни испортить свои отношенія къ Англіи.

«Новое правительство, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ [1]), поставило себѣ цѣлью дѣйствовать уклончиво и забавлять царя до его отъѣзда, не рѣшая ничего окончательно». Маршалу было предписано настаивать на заключеніи торговаго договора, уклоняясь отъ обсужденія политическихъ вопросовъ. Вмѣсто того чтобы заявить царю прямо и откровенно, что Франція въ силу предыдущихъ договоровъ обязана еще въ продолженіе десяти мѣсяцевъ выдавать субсидію Швеціи, Тессе было приказано составить и показать русскимъ подложный трактатъ, яко бы заключенный съ Швеціей, въ который были включены только тѣ статьи, какія французы считали удобнымъ сообщить имъ [2]). Но что всего хуже, французское правительство, несмотря на торжественное обѣщаніе хранить эти переговоры въ тайнѣ, извѣстило о нихъ англійскій дворъ.—Такимъ образомъ тайна, которую хотѣлъ сохранить Петръ Великій, была нарушена; Англіи стало извѣстно, что первый шагъ къ сближенію былъ сдѣланъ царемъ, а это могло повредить его доброй славѣ. Узнавъ впослѣдствіи объ этомъ вѣроломномъ поступкѣ, Петръ требовалъ, чтобы ему назвали виновнаго, говоря, что если таковымъ окажется кто либо изъ его сановниковъ, то онъ его примѣрно накажетъ. Эти жалобы были переданы въ свою очередь англійскому королю, который принялъ ихъ въ шутку.

— Царю хочется посадить одного изъ своихъ сановниковъ на колъ, сказалъ онъ—и онъ ищетъ къ тому предлога.

Впослѣдствіи самъ Дюбуа сознался, что это нескромное сообщеніе исходило изъ французскаго источника.

Въ концѣ концовъ переговоры, которые велись во время пребыванія царя въ Парижѣ, не увѣнчались успѣхомъ. Можетъ быть въ этомъ былъ виноватъ отчасти самъ Петръ, который, выказывая при всякомъ удобномъ случаѣ чрезвычайное уваженіе къ памяти Людовика XIV и самое трогательное вниманіе къ малолѣтнему королю, относился пренебрежительно къ тогдашнимъ правителямъ Франціи, держалъ себя довольно высокомѣрно съ регентомъ, не отдалъ визита принцамъ крови и не особенно понравился высшей французской аристократіи тѣмъ, что онъ не подчинялся излюбленнымъ ею правиламъ придворнаго этикета.

17-го іюня 1717 года, наканунѣ отъѣзда Петра Великаго, парижане были изумлены невиданнымъ доселѣ зрѣлищемъ: московскій царь производилъ въ Елисейскихъ поляхъ смотръ придворному королев-

---

[1]) Mémoires du maréchal de Tessé, стр. 319.

[2]) Тамъ же стр. 347.

скому штату и королевской гвардіи; царя сопровождалъ маршалъ Вилларъ [1]) во главѣ блестящей свиты изъ 80 штабныхъ офицеровъ. Петръ промчался галопомъ вдоль фронта войскъ и повидимому не былъ особенно пораженъ роскошью и блескомъ ихъ вооруженія и обмундировки. Утомленный жарою и пылью онъ сошелъ съ лошади и отправился въ Тюльерійскій садъ, гдѣ находились маленькій король и герцогъ Орлеанскій. Сказавъ нѣсколько словъ ребенку, царь вошелъ съ регентомъ и двумя высшими сановниками въ швейцарскую, гдѣ они долго бесѣдовали наединѣ [2]).

По всей вѣроятности царю удалось, въ этой бесѣдѣ, склонить герцога Орлеанскаго на свою сторону, такъ какъ, послѣ его отъѣзда на воды въ Спа, начатые имъ переговоры не только не были прерваны, но продолжались еще дѣятельнѣе съ тою лишь разницею, что они происходили уже не въ Парижѣ, а въ Голландіи. Переговоры эти привели къ заключенію договора, подписаннаго Франціей, Россіей и Пруссіей въ Амстердамѣ 4-го (15-го) августа 1717 г. Державы гарантировали этимъ договоромъ порядокъ престолонаслѣдія во Франціи, установленный Утрехтскимъ мирнымъ договоромъ; Франція со своей стороны обѣщала Россіи посредничество для заключенія мира со Швеціей и обязалась слѣдить за точнымъ соблюденіемъ условій этого договора. Кромѣ того, договаривающіяся стороны рѣшили приступить къ новымъ переговорамъ для выработки условій торговаго и политическаго союза, который онѣ намѣревались заключить впослѣдствіи. Очевидно, дворы, подписавшіе упомянутый договоръ, полагали, что онъ поведетъ къ болѣе тѣсному ихъ сближенію; между тѣмъ ни та ни другая сторона не подумала въ теченіе четырехъ послѣдующихъ лѣтъ сдержать обѣщанія, данныя другъ другу въ Амстердамѣ. Причиною этого было осложнившееся политическое положеніе въ Европѣ, спокойствію которой угрожали притязанія Испаніи и Швеціи.

Хотя со смертью Карла XII разсѣялись тучи, омрачавшія политическій горизонтъ, но Франція все-таки не рѣшалась открыто заявить о своемъ соглашеніи съ Россіей до тѣхъ поръ, пока ея исконная союзница, Швеція, не сложитъ оружія и не признаетъ себя окончательно побѣжденною.—Поэтому герцогъ Орлеанскій, желая содѣйствовать скорѣйшему заключенію мира, принялъ на себя, наконецъ, какъ имъ было обѣщано, роль посредника между Россіей и Швеціей.

Со времени путешествія Петра Великаго, въ Парижѣ находился русскій посланникъ, но Франція не имѣла еще постояннаго представителя въ Россіи; въ 1719 г. де-Кампредонъ, бывшій въ теченіе мно-

---

[1]) Вилларъ герцогъ, род. 1653 г. † 1734 г.

[2]) Buvat, journal de la Régence, т. I стр. 287.

гихъ лѣтъ французскимъ резидентомъ въ Стокгольмѣ, получилъ приказаніе отправиться въ Швецію и употребить всевозможное стараніе, чтобы добиться соглашенія между Швеціей и Россіей.

На аудіенціи данной ему царемъ, когда онъ былъ проѣздомъ въ Петербургѣ, посланникъ совѣтовалъ Петру Великому умѣрить свои требованія и возвратить Швеціи часть Прибалтійскихъ губерній, но побѣдитель былъ непреклоненъ.

— Я не желаю видѣть изъ моего окна владѣній сосѣда, отвѣтилъ онъ.

Наконецъ Швеція покорилась своей участи и по заключеніи Ништадскаго мира Кампредонъ, подписавшій мирный договоръ въ качествѣ посредника, получилъ приказаніе отправиться въ Петербургъ и остаться тамъ въ званіи полномочнаго министра.

23-го октября 1721 г. Кампредонъ прибылъ въ Кронштадтъ на шведскомъ фрегатѣ; на слѣдующій день онъ обѣдалъ у коменданта крѣпости, когда его извѣстили о пріѣздѣ царя, который, пренебрегая всѣми правилами этикета, прибылъ въ Кронштадтъ, чтобы встрѣтить французскаго посланника. Петръ Великій отправился прямо на фрегатъ.

Поспѣшивъ вернуться изъ крѣпости, Кампредонъ засталъ царя на палубѣ. Петръ принялъ его очень милостиво, поздравилъ съ дипломатическимъ успѣхомъ и выразилъ свою признательность Франціи за посредническія услуги. Осмотрѣвъ шведскій фрегатъ отъ палубы до трюма, царь пригласилъ Кампредона въ свою шлюпку и произвелъ вмѣстѣ съ нимъ смотръ своимъ девятнадцати линейнымъ кораблямъ, показалъ ему «Андрея Первозваннаго», «Св. Екатерину» и «Мирнаго», съ изумительною точностью объясняя, какъ самый опытный строитель, всѣ преимущества этихъ судовъ съ точки зрѣнія ихъ конструкціи и вооруженія. Уѣзжая съ корабля «Св. Екатерина», царь, выпивши на дорогу чарку водки за здоровье посланника, приказалъ контръ-адмиралу Сиверсу позаботиться о томъ, чтобы на пути въ С.-Петербургъ окружали его всевозможными удобствами [1]).

Столь явное доказательство особаго благоволенія къ французскому посланнику взволновало всѣхъ прочихъ дипломатовъ, аккредитованныхъ при петербургскомъ дворѣ, въ особенности повергло въ совершенное отчаяніе австрійскаго посланника, которому, въ это именно время, было поручено хлопотать о самомъ тѣсномъ союзѣ между царемъ и австрійскимъ императоромъ.

Вернувшись въ столицу, Петръ принялъ Кампредона въ торжественной аудіенціи въ присутствіи канцлера Головкина, вице-канцлера Шафирова, Толстаго и Остермана. Отвѣчая на привѣтствіе французскаго

---

[1]) Кампредонъ къ кардиналу Дюбуа 27-го октября (7-го ноября) 1721 г. Сборн. Ист. Общ. т. 40 стр. 282—286.

посла, царь еще разъ подтвердилъ ему свою признательность Франціи за участіе, принимаемое ею въ его славѣ и выгодахъ, и выразилъ свое искренное желаніе поддержать и упрочить доброе согласіе, существующее между обоими дворами.—Затѣмъ онъ предложилъ представителю Франціи присутствовать на назначенныхъ въ этотъ день церемоніяхъ и празднествахъ по случаю обнародованія мирнаго договора.

По окончаніи аудіенціи, Кампредона повели въ находившуюся у самаго Сената кофейню, гдѣ собрались всѣ вельможи двора и куда царь и самъ прибылъ; всѣ послѣдовали за нимъ въ соборъ, гдѣ должна была происходить церемонія обнародованія мира.

Въ церкви, куда царь прослѣдовалъ во главѣ своихъ сановниковъ, онъ поставилъ французскаго посланника на почетное мѣсто, приказавъ придворнымъ посторониться, чтобы онъ могъ лучше слѣдить за богослуженіемъ, а графу Матвѣеву приказалъ объяснять ему службу. Изъ церкви всѣ отправились въ зданіе Сената, гдѣ въ большой залѣ, окнами на Неву, были накрыты столы болѣе чѣмъ на тысячу персонъ.—Царь распорядился, чтобы за обѣдомъ всѣ пили, сколько кто пожелаетъ, и берегли свои силы къ вечернему фейерверку. По окончаніи пиршества начался балъ. Въ этотъ моментъ въ залу вошла императрица со своими дочерьми. Кампредонъ видѣлъ ихъ первый разъ и былъ пораженъ красотою и граціей царевенъ. Онѣ были остроумны, бѣгло говорили по французски и по нѣмецки и въ разговорѣ съ посланникомъ отозвались съ большою симпатіей о Франціи [1]).

Петръ въ продолженіе всего вечера былъ чрезвычайно предупредителенъ къ Кампредону; царица сдѣлала ему честь пригласила его танцовать съ нею; въ 11 часовъ вечера былъ сожженъ блистательный фейерверкъ, коимъ распоряжался самъ царь.

По окончаніи празднества его величество выразилъ посланнику желаніе, не теряя времени, приступить къ переговорамъ, подъ условіемъ что Франція обязуется держать ихъ въ величайшей тайнѣ.

Петръ хотѣлъ заключить съ Франціей дружественный торговый и оборонительный союзъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его умѣ созрѣвала мысль о брачномъ союзѣ младшей дочери, царевны Елисаветы, съ однимъ изъ принцевъ французскаго королевскаго дома, который, связавъ домъ Бурбоновъ съ домомъ Романовыхъ узами крови, увѣнчалъ бы и упрочилъ ихъ политическій союзъ. Царь мечталъ даже о бракѣ своей дочери съ самимъ королемъ, несмотря на то, что онъ получилъ, незадолго передъ тѣмъ, оффиціальное извѣщеніе о помолвкѣ Людовика XV съ инфантой испанской. Трудно сказать, зародилась ли эта мысль въ

---

[1]) Депеша Кампредона отъ 27-го октября (7-го ноября) 1721 г. Сборн. Ист. Общ. т. 40 стр. 290—302.

головѣ царя во время его поѣздки во Францію, или она подсказана была ему царицей или кѣмъ либо изъ его ближайшихъ совѣтниковъ. Какъ бы то ни было, вскорѣ по пріѣздѣ Кампредона въ Петербургъ, ему были сдѣланы въ этомъ смыслѣ весьма опредѣленныя предложенія.

«Одинъ пріятель, писалъ Кампредонъ аббату Дюбуа 8-го ноября 1721 года, заявилъ мнѣ, что лучшимъ средствомъ склонить царя къ заключенію союза съ Франціей на хорошихъ условіяхъ будетъ—предложить ему гарантировать его распоряженіе насчетъ престолонаслѣдія, которое онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, утвердитъ за своей старшей дочерью. Съ другой стороны, чтобы окончательно привлечь царицу на нашу сторону, желательно было бы устроить бракъ младшей дочери царя, очень милой и очень хорошенькой особы, съ однимъ изъ французскихъ принцевъ, котораго легко, а, при могуществѣ царя, даже навѣрное можно бы сдѣлать польскимъ королемъ. Я убѣжденъ, что эти инсинуаціи исходятъ отъ Шафирова, и хотя мнѣ назвали принца Шароле [1]), я сдѣлалъ видъ, что принимаю все это за простой, незначащій разговоръ, и отвѣчалъ въ общихъ выраженіяхъ, что ничего не слыхалъ объ этомъ дѣлѣ.

«Ваше высокопреосвященство знаете, что я уже давно писалъ о немъ и точно такъ-же вамъ лучше, чѣмъ кому либо извѣстно, какъ легко выполнить этотъ проектъ и сколько выгодъ и почета это доставило бы Франціи» [2]).

Нѣсколько дней спустя, Кампредонъ имѣлъ объ этомъ разговоръ съ самимъ Шафировымъ, который подтвердилъ все сказанное, замѣтивъ, что изъ всѣхъ дѣлъ, царя наиболѣе озабочиваетъ прочное установленіе престолонаслѣдія и вопросъ о томъ, кого назначить въ преемники себѣ. Поэтому вѣрнѣйшимъ средствомъ заключить союзъ, которому препятствовали доселѣ продолжавшіяся смуты на сѣверѣ—было бы, конечно, включить въ него, какъ одно изъ главнѣйшихъ условій, гарантію престолонаслѣдія, что въ такомъ случаѣ царь охотно войдетъ въ интересы Франціи, отвергнетъ всѣ другія предложенія, и со своей стороны гарантируетъ порядокъ престолонаслѣдія. Если Франція на это согласится, то можно будетъ немедленно приступить къ переговорамъ, которые необходимо будетъ держать въ тайнѣ, такъ какъ всѣ прочіе сосѣди Россіи смотрятъ на нее недружелюбно и были бы рады случаю ввергнуть ее въ прежній мракъ, и если бы имъ были извѣстны всѣ подробности ея соглашенія съ Франціей, то они навѣрно помѣшали бы этому союзу осуще-

---

[1]) Карлъ, герцогъ Бурбонскій, графъ-де Шароле, изъ дома Бурбоновъ-Конде. Ему было въ то время 23 года.

[2]) Кампредонъ кардиналу Дюбуа, 8 ноября 1721 года Сборн. Ист. Общ. т. 40, стр. 303—304.

ствиться. Франція одна только искренно желаетъ участія Россіи въ обще-европейскихъ дѣлахъ, и царь можетъ найти выгоду только въ союзъ съ этой державой [1]).

«Вчера, писалъ Кампредонъ кардиналу Дюбуа 17-го ноября 1721 г., у графа Кинскаго былъ большой пиръ, на которомъ присутствовалъ царь съ нѣсколькими вельможами двора и съ иностранными министрами. Какъ только я вошелъ, его царское величество съ самымъ любезнымъ видомъ подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ меня въ знакъ дружбы. Немного погодя, выходя изъ-за стола, монархъ снова подошелъ ко мнѣ, и я, выразивъ ему въ самыхъ короткихъ словахъ свое рвеніе и свою преданность его славѣ и интересамъ, высказалъ надежду, что Шафировъ докладывалъ ему о нашихъ разговорахъ и то, что онъ говорилъ мнѣ, было сказано по приказанія его императорскаго величества. Царь отвѣчалъ утвердительно и сказалъ, что надѣется, что все пойдетъ хорошо».

«Одно только достовѣрно, писалъ Кампредонъ нѣсколько дней спустя, что царь горячо желалъ бы видѣть одну изъ своихъ дочерей замужемъ за принцемъ французскаго дома, и если только его королевское высочество найдетъ это дѣло подходящимъ, я увѣренъ, что можно разсчитывать вмѣстѣ съ царской дочерью получить корону Польши, въ которой царь пользуется безусловной властью» [2]).

Въ концѣ ноября 1721 года, французскимъ посланникомъ былъ выработанъ проектъ союзнаго договора съ Россіею. Возникшая надежда на гарантію престолонаслѣдія, существенный личный интересъ Шафирова въ томъ, чтобы разыграть роль главнаго дѣятеля въ этомъ великомъ предпріятіи, давало Кампредону увѣренность, что старанія русскихъ объ успѣхѣ дѣла искренни, но такъ какъ сановники, съ коими ему приходилось вести переговоры, завидовали другъ другу и интриговали одинъ противъ другого, то вести переговоры при этихъ обстоятельствахъ было весьма затруднительно и требовало большой ловкости и осторожности. [3]).

Отвѣтъ на письма, коими Кампредонъ извѣщалъ свое правительство о желаніяхъ царя и о ходѣ переговоровъ, былъ полученъ имъ только осенью 1722 года, вмѣстѣ съ подробной инструкціей относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій. Регентъ, герцогъ Орлеанскій,

---

[1]) Кампредонъ кардиналу Дюбуа, 10 и 17 ноября 1721 года, Сборн. Ист. Общ. т. 40, стр. 308—312 и 341.

[2]) Кампредонъ аббату Дюбуа отъ 24 ноября 1721 г. Сборн. Ист. Общ. т. 40, стр. 351.

[3]) Кампредонъ Дюбуа, 24 ноября 1721 г. Сборн. Ист. Общ., т. 40, стр. 356.

будучи не прочь доставить польскую корону своему собственному сыну, герцогу Шартрскому, предлагалъ завести переговоры объ его бракѣ съ Елисаветой Петровной, но находилъ болѣе удобнымъ отложить этотъ бракъ до того времени, когда польскій престолъ окажется вакантнымъ [1]). Онъ требовалъ приданаго, т. е. обѣщанной короны до брака своего сына, и ставилъ избраніе герцога на польскій престолъ непремѣннымъ условіемъ этого брака. По счастію, говорилось въ инструкціи, сказанный принцъ обладаетъ всѣми качествами, какія царь можетъ пожелать найти въ кандидатѣ на польскій престолъ. Онъ членъ дружественнаго царю дома, не могущаго имѣть никакого враждебнаго ему интереса, вполнѣ чуждъ интересамъ сосѣднихъ съ Польшею государствъ и не имѣетъ по близости никакой опоры, которая могла бы сдѣлаться угрозой для вольности націи. Послѣднее обстоятельство справедливо служитъ главнымъ предметомъ заботъ и политики царя, который, сохраняя правительство этого королевства (Польши) въ его настоящемъ видѣ и соблюдая дружбу націи и царствующаго среди нея государя, дѣлаетъ изъ Польши защиту своихъ границъ и въ то же время всегда открытый, вѣрный и легкій путь къ нападенію на своихъ враговъ [2]).

Кампредону было приказано вести дальнѣйшіе переговоры, руководствуясь вышеприведенными соображеніями.

Когда курьеръ, привезшій французскому послу эту инструкцію отъ кардинала Дюбуа, прибылъ въ Петербургъ, Петра не было въ столицѣ. Раздѣляя опасности и труды своего войска онъ совершалъ съ нимъ, въ это время, походъ въ Персію, окончившійся взятіемъ Дербента. Въ исходѣ 1722 г. царь вернулся на зиму въ Москву, гдѣ его ожидалъ Кампредонъ.

Первымъ вопросомъ Петра, по пріѣздѣ въ Москву, было: какія извѣстія получены изъ Франціи? ему отвѣчали, что Кампредонъ получилъ наконецъ полномочія и инструкціи и проситъ аудіенціи. Царь принялъ его немедленно и, предвидя, что разговоръ коснется главнымъ образомъ вопроса о бракѣ, выслалъ изъ комнаты всѣхъ сановниковъ, не исключая и канцлера Остермана; съ ними осталась только одна императрица.

Когда Кампредонъ произнесъ имя герцога Шартрскаго:—«я его знаю и весьма уважаю», сказалъ Петръ и на его лицѣ такъ-же какъ на

---

[1]) Болѣзнь короля польскаго подавала надежду, что этотъ престолъ будетъ въ скоромъ времени вакантнымъ.

[2]) Мемуаръ Кампредону кардинала Дюбуа 14 октября 1722 г. и инструкціи, долженствовавшія служить ему руководящей нитью въ его дѣйствіяхъ въ отношеніи устройства интересовъ Франціи. Сборн. Ист. Общ., т. 49, стр. 184, и слѣд. также стр. XXXVI.

лицѣ императрицы выразилось замѣтное удовольствіе [1]); но царь изъ гордости не далъ сразу никакого отвѣта. Впрочемъ, сознавая, что дѣло это требовало быстраго рѣшенія и соблюденія тайны, Петръ не хотѣлъ, чтобы оно шло обычнымъ медленнымъ путемъ, и, для веденія переговоровъ о бракѣ, назначилъ князя Долгорукова, бывшаго посланникомъ во Франціи, который только что пріѣхалъ изъ Версаля, гдѣ находился въ то время французскій дворъ. Князю Долгорукову было приказано вести переговоры съ Кампредономъ съ соблюденіемъ величайшей тайны и въ то самое время, когда Остерманъ обсуждалъ съ посланникомъ въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ основные пункты союзнаго договора.

Остерманъ—типъ дипломата старой школы, ставившій выше всего притворство и умѣнье обмануть противника, притворявшійся больнымъ, когда надобно было высказать свое мнѣніе, и дѣйствовавшій охотнѣе всего въ пользу той державы, которая сопровождала свои требованія цѣнными подарками въ видѣ перстней, табакерокъ и т. п. Онъ всячески затягивалъ переговоры, тогда какъ князь Долгорукій, имѣя отъ Петра особыя инструкціи, старался вести дѣло какъ можно быстрѣе. Долгорукій былъ противъ того, чтобы откладывать бракъ Елисаветы Петровны до того времени, когда польскій престолъ станетъ вакантнымъ, и уже завелъ рѣчь о приданомъ, о вдовьей части изъ имѣнія герцога въ случаѣ вдовства принцессы и т. п. [2]).

Эта торопливость объясняется до нѣкоторой степени задней мыслію, которая была у царя. Рѣшившись возвести свою дочь на польскій престолъ, Петръ Великій лелѣялъ въ тайнѣ мысль, что Елисавета Петровна, выйдя замужъ за старшаго сына герцога Орлеанскаго, вступитъ, можетъ быть, со временемъ на престолъ Франціи, такъ какъ слабое здоровье Людовика XV и отдаленный срокъ его брака съ инфантой испанской позволяли думать, что онъ умретъ, не оставивъ наслѣдника. Во всякомъ случаѣ, откладывать этотъ бракъ казалось царю несовмѣстнымъ съ его планами и достоинствомъ.

— Что будетъ, говорилъ князь Долгорукій Кампредону, въ томъ случаѣ, если король польскій проживетъ еще лѣтъ пятнадцать? Въ такомъ случаѣ принцесса вовсе не выйдетъ замужъ и останется непристроенною.

— Словомъ, присовокупилъ онъ, царь велѣлъ мнѣ передать вамъ, что онъ желаетъ покончить это дѣло какъ можно скорѣе; если же съ вашей стороны будутъ затягивать переговоры и настаивать на согласіи Англіи, то объ этомъ бракѣ нечего и думать.

---

[1]) Депеша Кампредона отъ 5 февраля 1723 года.

[2]) Депеши Кампредона отъ 26 февраля 5 и 13 марта 1723 года.

Въ концѣ концовъ Долгорукій высказалъ желаніе Петра, чтобы Франція и Россія обязались особымъ договоромъ заключить этотъ бракъ въ самомъ непродолжительномъ времени и дѣйствовать въ Польшѣ во всемъ согласно.

Выработанные въ этомъ смыслѣ Кампредономъ нѣкоторыя статьи союзнаго договора были имъ препровождены французскому правительству 13-го марта 1723 года при депешѣ, въ которой онъ испрашивалъ полномочія для подписанія этого договора.

Французскій дипломатъ былъ задѣтъ за живое необыкновенной важностью и значеніемъ, какія пріобрѣтало возложенное нанего порученіе. Онъ пустилъ въ ходъ всевозможные доводы, чтобы убѣдить свой дворъ въ необходимости согласиться на предложеніе царя, не забывъ ни одной мелочи, которая могла бы подкупить герцога Шартрскаго, тронуть регента и разсѣять предубѣжденія министра. Онъ доказывалъ, что успѣхъ дипломатическихъ переговоровъ между Франціей и Россіей зависитъ всецѣло отъ успѣха его тайнаго порученія; единственное средство заставить Остермана дѣйствовать энергичнѣе заключалось, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы принять предложенія кн. Долгорукаго. Союзный договоръ будетъ подписанъ немедленно послѣ заключенія брака, и русскій императоръ, довольный тѣмъ, что ему удастся устроить свою дочь какъ онъ того желаетъ, согласится на всѣ условія, предложенныя Франціей. Что касается возведенія молодой четы на польскій престолъ, то это будетъ только вопросомъ времени.

«Это событіе не заставитъ себя вѣроятно долго ждать, присовокупляетъ Кампредонъ. Нѣкоторыя личности, видѣвшія польскаго короля послѣднее время, увѣряли меня, что онъ по всей вѣроятности долго не проживетъ» [1]).

«Наконецъ и сама принцесса (Елисавета) вполнѣ достойна того высокаго положенія, къ которому ее предназначаютъ; ея красота будетъ служить украшеніемъ блестящихъ собраній въ Версалѣ; нѣкоторая свобода въ обращеніи, свойственная ей, покажется, быть можетъ, вначалѣ нѣсколько странной, но несомнѣнно, что она всѣхъ очаруетъ. Съ свойственной русскимъ способностью быстро ко всему приспособляться, молодая принцесса скоро освоится со вкусами и привычками своего новаго отечества, и Франція довершитъ въ ней то, чего ей не достаетъ отъ природы. Впрочемъ, принцесса Елисавета сама по себѣ чрезвычайно милая. Ее можно даже назвать красавицей, въ виду ея стройнаго стана, цвѣта лица, глазъ и рукъ. Недостатки, если таковые вообще есть въ ней, могутъ оказаться лишь въ воспитаніи и въ манерахъ. Меня увѣряли, что она очень умна. Слѣдовательно, если въ ска-

[1]) Депеша Кампредона отъ 13-го марта 1723 г.

занномъ отношеніи найдется какой-нибудь недостатокъ, его можно будетъ исправить, назначивъ къ принцессѣ, если дѣло сдѣлается, какую-нибудь свѣдущую и искусную особу» [1]).

Одновременно съ этимъ Кампредонъ думалъ возбудить опасенія своего двора, извѣщая его о пріѣздѣ въ Петербургъ двухъ принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, коихъ молва называла претендентами на руку великихъ княженъ. Не упуская изъ вида ни одной мелочи, которая могла бы быть пріятною царю, Кампредонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Дюбуа проситъ его позаботиться, чтобы отъ имени регента была прислана Петру «бочка хорошаго, настоящаго вина, которое царь выразилъ желаніе имѣть. Это маленькое вниманіе будетъ весьма пріятно е. и. в.— Я, со своей стороны, буду весьма признателенъ вашему высокопреосвященству, если вы соблаговолите прислать мнѣ портреты короля, королевы-инфанты, его королевскаго высочества и герцога Шартрскаго, дабы присылка портрета этого принца, который императрица желаетъ видѣть, не показалась странной» [2]).

Депеши Кампредона, по самой сущности затронутаго въ нихъ вопроса, требовали немедленнаго отвѣта; поэтому можно себѣ представить удивленіе этого дипломата, когда курьеръ пріѣзжалъ за курьеромъ не привозя ему никакого рѣшенія. Онъ писалъ вторично, прося инструкцій, но такъ же безуспѣшно. Такъ прошелъ конецъ зимы, настала весна, лѣто, а французскій дворъ все еще не обмолвился ни словомъ по поводу брака. Между тѣмъ, напоминанія русскихъ сановниковъ становились болѣе и болѣе настоятельны; встрѣчаясь съ Кампредономъ, они спрашивали всякій разъ, не получилъ ли онъ желаемаго отвѣта, и казались удивленными и обиженными столь продолжительнымъ молчаніемъ. Кампредонъ въ отчаяніи писалъ письмо за письмомъ кардиналу, регенту, даже самому королю, которому въ то время было всего 15-ть лѣтъ отъ роду [3]); не получая ни отвѣта, ни требуемыхъ инструкцій онъ не дерзаетъ болѣе являться во дворецъ и, сказавшись больнымъ, сидитъ безвыходно въ своей квартирѣ [4]).

Въ началѣ сентября Кампредонъ былъ приглашенъ въ Петергофъ— лѣтнюю резиденцію царя, который принялъ его со своею обычною благосклонностью, показалъ ему весь дворецъ и паркъ, не выказавъ на своемъ лицѣ во время разговора съ посланникомъ и тѣни неудовольствія; но Остерманъ отвелъ Кампредона въ сторону и заговорилъ съ нимъ, вѣроятно, по повелѣнію царя, болѣе откровенно чѣмъ когда-либо.

---

[1]) Кампредонъ кардиналу Дюбуа 13 марта 1723 г. Сборн. Ист. Общ. т. 49, стр. 324.

[2]) Письмо Кампредона отъ 19-го марта 1723 г.

[3]) Письмо Кампредона отъ 13-го іюня 1723 г.

[4]) Тоже, отъ 23-го іюня 1723 г.

— Трудно себѣ объяснить,—сказалъ онъ,—по какой причинѣ король не даетъ до сихъ поръ какихъ-либо приказаній насчетъ начатыхъ въ Москвѣ переговоровъ. Многіе иностранные дворы, въ особенности вѣнскій, считаютъ ихъ уже оконченными. Вѣнскій дворъ выражалъ даже свое безпокойство царю, который не можетъ понять, что за причина побуждаетъ его величество такъ пренебрегать его союзомъ, заключенія коего его величество самъ желалъ. Вы не можете сомнѣваться,—прибавилъ Остерманъ,—въ искренности добраго расположенія государя, но не говоря уже о томъ, что онъ не привыкъ къ пренебреженію, его положеніе, очевидно, должно было бы внушить менѣе равнодушія къ союзу, выгодному главнымъ образомъ его величеству [1]).

Положеніе французскаго посланника становилося невыносимо; пятнадцать курьеровъ были имъ отправлены безъ малѣйшаго результата; наконецъ онъ получилъ депешу, въ которой французское правительство сваливало вину за всѣ проволочки на Англію, которая противилась будто бы этому союзу, при чемъ Кампредону еще разъ было поставлено на видъ, для дальнѣйшаго руководства, что Франція ни въ какомъ случаѣ не согласится на то, чтобы этотъ бракъ былъ заключенъ до избранія герцога Шартрскаго на польскій престолъ. Петръ такъ и не получилъ оффиціальнаго отвѣта на свое предложеніе; нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ былъ извѣщенъ о бракосочетаніи герцога Шартрскаго съ одной изъ германскихъ принцессъ.

«Извѣстіе о бракосочетаніи молодаго герцога было непріятно русскимъ», говоритъ Кампредонъ въ депешѣ отъ 22-го апрѣля 1724 г.

Между тѣмъ 2-го декабря 1723 г. скончался герцогъ Орлеанскій, и Людовикъ XV, хотя уже совершеннолѣтній, не вступилъ въ управленіе государствомъ, а поручилъ завѣдываніе дѣлами герцогу Бурбонскому. Кончина герцога Орлеанскаго не принесла никакого измѣненія въ отношеніяхъ Россіи съ Франціей. Давно уже начатые переговоры о союзѣ между ними продолжались по-прежнему, но по-прежнему затягивались съ обѣихъ сторонъ и велись вяло. Узнавъ о перемѣнѣ правительства во Франціи, Петръ построилъ на немъ новыя надежды.—Отказавшись на время отъ проекта выдать свою дочь за одного изъ принцевъ французскаго королевскаго дома, онъ не отказался отъ мысли заключить съ Франціей политическій союзъ и въ этомъ смыслѣ возобновилъ свои предложенія герцогу Бурбонскому въ началѣ 1724 года. Герцогъ приказалъ отвѣтить царю, что причины, въ силу которыхъ король считалъ необходимымъ настаивать до начала какихъ-бы то ни было переговоровъ на примиреніи Россіи съ Англіей, имѣютъ первостепенную государственную

[1]) Письмо Кампредона королю отъ 3-го сентября 1723 г. Сборн. Ист. Общ. т. 49, стр. 369—378.

важность, поэтому король не можетъ отказаться отъ своего требованія [1]) и слѣдовательно о заключеніи союза не можетъ быть рѣчи до примиренія царя съ англійскимъ дворомъ.

Такимъ образомъ, хотя герцогъ Орлеанскій и настаивалъ все время на примиреніи Россіи съ Англіей, но онъ не дѣлалъ изъ этого условія sine qua non, тогда какъ герцогъ Бурбонскій поставилъ это соглашеніе непремѣннымъ условіемъ заключенія предполагаемаго союза между Франціей и царемъ.

Казалось, переговоры не могли долго продолжаться при такихъ условіяхъ; дѣйствительно, они были прерваны окончательно, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя неожиданный случай далъ державамъ возможность возобновить ихъ.

Въ 1724 году едва не возгорѣлась война между Россіей и Турціей, которая смотрѣла съ большимъ неудовольствіемъ на пріобрѣтенія, сдѣланныя Россіей на берегу Каспійскаго моря, и на распространеніе русскаго владычества на Кавказѣ, населенномъ мусульманами; съ другой стороны, Петръ Великій, стремясь сохранить свои завоеванія и опасаясь войны съ Турціей, обратился къ посредничеству Франціи; французскому посланнику въ Константинополѣ де-Бонаку, который подобно Кампредону былъ убѣжденный сторонникъ франко-русскаго союза, удалось благодаря его энергіи и рѣшительности, уладить это дѣло на пользу Россіи. Онъ такъ живо представилъ Портѣ всѣ неудобства для нея войны съ царемъ и всѣ выгоды, какія она можетъ извлечь изъ союза съ нимъ, что она согласилась предоставить царю завоеванныя имъ у Персіи земли съ тѣмъ, чтобы и онъ не препятствовалъ туркамъ отнять у этого государства тѣ земли, которыя они себѣ намѣтили [2]).

Конвенція, заключенная Россіей съ Турціей, на основаніи которой Петръ Великій сохранилъ сѣверныя провинціи Кавказа, Дагестанъ и Ширванъ, была редактирована де-Бонакомъ, просмотрѣна въ Петербургѣ Кампредономъ и подписана въ Константинополѣ русскими и турецкими уполномоченными.

Послѣ такого дипломатическаго успѣха Кампредонъ надѣялся, что Петръ, изъ признательности къ Франціи, согласится примириться съ Англіей и такимъ образомъ явится возможность возобновить переговоры. Успѣхъ французскаго посредничества въ переговорахъ съ Турціей далъ французскому послу смѣлость сдѣлать слѣдующій рѣшительный шагъ.

Въ тотъ самый день, когда въ Петербургѣ была получена подписанная Портою конвенція, Кампредонъ, зная что царь отправится въ

---

[1]) Письмо графа де-Морвиля Кампредону, январь 1724 г.

[2]) Сборн. Истор. Общ. т. 52. стр. XVI.

торжественной процессіи въ соборъ, всталъ на пути его возлѣ церкви. — Петръ появился верхомъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Замѣтивъ на его лицѣ выраженіе необычайной грусти, Кампредонъ пробрался сквозь толпу и неожиданно подошелъ къ царю въ томъ моментѣ, когда онъ сходилъ съ лошади, чтобы войти въ храмъ. Не прогнѣвавшись за такую фамильярность, Петръ взялъ посланника за руку и, намекая на договоръ, подписанный при его посредничествѣ съ Швеціей, сказалъ:

— Вы всегда были для меня вѣстникомъ мира.

— Позвольте мнѣ, ваше величество, имѣть честь быть имъ до конца, отвѣчалъ Кампредонъ. Вашему величеству извѣстно все то, что король сдѣлалъ для васъ; сдѣлайте со своей стороны пріятное его величеству, который, настаивая на примиреніи между вами и королемъ англійскимъ, только желаетъ этимъ содѣйствовать вашей славѣ и вашимъ собственнымъ интересамъ.

— Я не буду неблагодаренъ, отвѣчалъ Петръ, и тотчасъ дамъ моимъ сановникамъ приказаніе, коимъ вы навѣрно останетесь довольны [1]).

Царь сдержалъ свое слово. — Нѣсколько дней спустя онъ заявилъ оффиціально, что ему будетъ пріятно воспользоваться посредническими услугами французскаго короля въ дѣлѣ примиренія съ Англіей и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ Франціи заключить союзъ на условіяхъ, которыя будутъ выработаны совмѣстно обѣими державами.

Столь благопріятный результатъ смѣлой выходки Кампредона удивилъ русскихъ сановниковъ, а еще болѣе французское правительство, которое выразило по этому поводу посланнику свое полнѣйшее одобреніе.

Казалось бы, что съ устраненіемъ единственнаго препятствія къ франко-русскому союзу ничто не могло помѣшать державамъ подписать союзный договоръ. Между тѣмъ, когда переговоры были возобновлены, французское правительство отвѣчало на уступчивость Петра новымъ требованіемъ. Ему казалось уже мало примиренія Россіи съ Англіей, оно требовало, сверхъ того, чтобы англійскій король подписалъ союзный договоръ въ качествѣ договаривающейся стороны. Россія протестовала противъ участія Англіи въ актѣ, ея вовсе не касавшемся.

«Переговоры съ Франціей не представляютъ никакихъ затрудненій, говорили Кампредону русскіе сановники; договоръ могъ бы быть подписанъ хоть сейчасъ, но его величество находитъ неудобнымъ заключеніе союза при участіи Англіи» [2]). Переговоры снова были прерваны.

---

[1]) Депеша Кампредона отъ 1 августа 1724.

[2]) Депеши Кампредона отъ 8 декабря 1724 и 9 января 1725 г.

Настаивая на скорѣйшемъ заключеніи столь желаннаго имъ союзнаго договора, Петръ какъ будто предчувствовалъ, что дни его сочтены, и опасался, что въ случаѣ новой проволочки ему не удастся довести этого дѣла до конца. Полагаясь на свою желѣзную волю, на свое могучее здоровье, онъ не щадилъ своихъ силъ; его жизнь была сплошною борьбою; ему приходилось бороться съ внѣшними врагами, со своимъ народомъ, со своей семьею. Непрестанная борьба сломила наконецъ его крѣпкій организмъ; чувствуя, что силы начинаютъ ему измѣнять, онъ спѣшилъ утвердить порядокъ престолонаслѣдія и устроить судьбу своихъ дочерей. Старшая — была имъ выдана за герцога Фридриха Голштейнъ-Готторпскаго [1]), приглашеннаго незадолго передъ тѣмъ въ Россію; что же касается младшей, Елисаветы Петровны, то царь все еще не оставлялъ надежды выдать ее за французскаго принца и уже помышлялъ о бракѣ ея съ герцогомъ Бурбонскимъ, которому вмѣстѣ съ рукою принцессы онъ намѣревался предложить польскую корону. Въ этомъ смыслѣ въ октябрѣ 1724 г. были сдѣланы Кампредону довольно ясные намеки [2]).

Быть можетъ надежда, что его предложеніе будетъ этотъ разъ принято, была причиною, что Петръ не отказывался болѣе включить Англію въ союзный договоръ, какъ того требовала Франція. Въ концѣ 1724 г. царь обнадежилъ посланника, что онъ получитъ вскорѣ окончательный отвѣтъ, и вопросъ о союзномъ договорѣ уже былъ внесенъ на обсужденіе въ совѣтъ, какъ вдругъ, въ тотъ самый день, когда должны были начаться совѣщанія подъ предсѣдательствомъ самого царя, Петръ тяжко заболѣлъ и 28-го января (8-го февраля) 1725 г. его не стало. — Если вѣрить приближеннымъ царя, то на его письменномъ столѣ былъ найденъ, послѣ его кончины, вполнѣ выработанный проектъ союзнаго договора съ Франціей [3]).

Такимъ образомъ Петру Великому не удалось выполнить ту высокую задачу, которую онъ себѣ намѣтилъ, радѣя о благѣ своего отечества. Онъ хотѣлъ дать Россіи управленіе организованное на европейскій ладъ, хотѣлъ доставить ей преобладающее значеніе среди державъ сѣверной Европы, наконецъ хотѣлъ дать ей надежныхъ союзниковъ. Изъ этихъ трехъ цѣлей онъ успѣлъ достигнуть блистательнымъ образомъ только двухъ первыхъ. Осуществленіе третьей зависѣло всецѣло отъ

---

[1]) Герцогъ Голштейнъ-Готторпскій, Карлъ Фридрихъ, род. въ Стокгольмѣ 3 апр. 1700, былъ помолвленъ 16 янв. 1724 г. съ царевной Анной Петровной.

[2]) Депеша Кампредона отъ 21 октября 1724 г.

[3]) Объ этомъ упоминаетъ въ одной изъ своихъ депешъ (отъ 5 января 1762 г.) де-Бретейль, бывшій французскимъ посланникомъ въ Россіи съ 1760 по 1763 г. Его депеша хранится во французскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

согласія Франціи; такъ какъ ему не удалось заручиться ея содѣйствіемъ, то эта цѣль не могла быть имъ достигнута, и Петръ Великій, несмотря на свои выдающіяся побѣды, оставилъ Россію въ Европѣ одинокой. Союзъ съ Франціей, къ которому онъ такъ страстно стремился, будучи основанъ на общности интересовъ, обѣщалъ быть устойчивымъ и выгоднымъ для Россіи и несомнѣнно могъ бы быть заключенъ, если бы французское правительство было настолько дальновидно, чтобы оцѣнить предложенія, сдѣланныя ей Петромъ Великимъ, и если бы у него хватило энергіи побѣдить скорѣе кажущіяся, нежели существенныя препятствія, коими оно всячески старалось тормозить заключеніе союза съ Россіей.

II.

Положеніе Россіи и Франціи при Екатеринѣ I.—Выборъ невѣсты для французскаго короля.—Екатерина предлагаетъ руку своей дочери Елисаветы Петровны.—Переговоры по этому вопросу кн. Меншикова съ Кампредономъ.—Характеристика Елисаветы Петровны, сдѣланная французскимъ посланникомъ.—Интриги при французскомъ дворѣ.—Дѣвица де-Сенсъ.—Бракъ короля съ Маріею Лещинской.—Шлезвигскій вопросъ.—Договоръ Россіи съ Австріей и его послѣдствія.

Одною изъ первыхъ заботъ преемницы Петра Великаго было дать французскому правительству отвѣтъ, обѣщанный ей покойнымъ императоромъ. Екатерина I, такъ-же какъ ея покойный супругъ, сознавала чрезвычайную важность для Россіи союза съ одной изъ великихъ державъ Европы. Въ апрѣлѣ 1725 г. она созвала членовъ Верховнаго тайнаго совѣта: Толстаго, Остермана, канцлера Головкина, адмирала Апраксина и кн. Меншикова для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ внѣшней политики. Въ этомъ собраніи князь Меншиковъ высказалъ мысль, что для обезпеченія союза Россіи съ Франціею слѣдовало согласиться и на сближеніе съ Англіей. Послѣ непродолжительныхъ преній всѣ прочіе члены собранія присоединились къ его мнѣнію [1]).

Тогда Екатерина приказала отвѣтить Кампредону въ утвердительномъ смыслѣ и изъявить ему согласіе Россіи на участіе Англіи въ договорѣ. Собственно говоря, рѣшеніе Екатерины было принято до засѣданія совѣта; ея уступчивость объясняется однимъ обстоятельствомъ, о которомъ большинству ея совѣтниковъ ничего не было

---

[1]) Кампредонъ передаетъ все происходившее на этомъ засѣданіи въ депешѣ отъ 13 апрѣля 1725 г. со словъ самого Меншикова.

извѣстно, а именно, ею было получено изъ вѣрнаго и надежнаго источника извѣстіе, возбудившее въ ея сердцѣ давно лелѣянныя ею надежды. Ей сообщили изъ Парижа, что бракъ французскаго короля съ инфантой испанской не состоится вслѣдствіе огромной разницы лѣтъ между помолвленными (королю было въ то время уже 16 лѣтъ, а инфантѣ минуло только 7 лѣтъ). Слѣдовательно этотъ бракъ не могъ состояться ранѣе какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, и порядокъ престолонаслѣдія во Франціи все это время не былъ бы обезпеченъ. Въ виду этого герцогъ Бурбонскій рѣшилъ пріискать королю другую, болѣе подходящую по лѣтамъ, невѣсту. Съ этой цѣлью къ разнымъ дворамъ Европы, гдѣ имѣлись взрослыя принцессы, были посланы тайные агенты съ приказаніемъ представить какъ можно болѣе вѣрные физическій и нравственный портреты этихъ принцессъ на основаніи ихъ личныхъ наблюденій и разспросовъ окружающихъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи, гр. де-Морвиль, получая донесенія отъ своихъ агентовъ, дѣлалъ изъ нихъ краткія извлеченія, на основаніи которыхъ была составлена сравнительная таблица, въ коей излагались всѣ преимущества и невыгоды предполагаемыхъ брачныхъ союзовъ. Французское правительство не послало своихъ агентовъ въ Россію, но въ спискѣ Морвиля, въ числѣ семнадцати принцессъ, на коихъ считали достойнымъ обратить вниманіе короля, имя второй дочери Петра Великаго, царевны Елисаветы Петровны, фигурировало по порядку вторымъ [1]).

Въ началѣ 1725 г. ничего еще не было рѣшено окончательно, когда Людовикъ XV такъ опасно занемогъ, что его жизнь была нѣсколько дней въ опасности. Герцогъ Бурбонскій до того былъ напуганъ этимъ, что рѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ вопросомъ о бракѣ. 11-го марта было рѣшено отправить обратно инфанту въ Испанію, которая жила и воспитывалась въ Луврѣ.—Екатерина I узнала объ этомъ чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ, когда представители державъ не получали еще оффиціальнаго увѣдомленія, и тотчасъ рѣшила добиваться для своей младшей дочери престола, оставшагося вакантнымъ послѣ удаленія инфанты. Она имѣла полное право разсчитывать, что ни одна изъ принцессъ, бывшихъ въ возрастѣ, подходящемъ для вступленія въ бракъ, по своимъ личнымъ качествамъ и по своему положенію не могла выдержать сравненія съ Елисаветой Петровной. Хотя большинство изъ нихъ и принадлежало къ царствующимъ домамъ Германіи, которые кичились древностью своего рода, но всѣ онѣ были бѣдны.—Одна Елисавета Петровна была дочерью могуще-

[1]) D' Haussonville. Histoire de la réunion de la Lorraine à la France, т. IV стр. 175.

ственнаго монарха, который силою своего генія и рядомъ блестящихъ побѣдъ поднялъ значеніе своей имперіи и заставилъ цѣнить съ нимъ союзъ. У царевны могла быть только одна опасная соперница: внучка англійскаго короля, но французскій король могъ жениться только на католичкѣ, а Англія, вѣроятно, не дозволила бы принцессѣ отречься отъ протестанской вѣры. Екатерина ничего не имѣла противъ перемѣны религіи ея дочерью.

Вечеромъ въ тотъ день, когда совѣтъ, по желанію императрицы, рѣшилъ вопросъ о союзѣ съ Англіей въ утвердительномъ смыслѣ, Кампредонъ былъ принятъ Екатериной въ частной аудіенціи.

— Правда ли, спросила его императрица неожиданно, что король отсылаетъ инфанту назадъ въ Испанію?

Посланникъ, не имѣвшій никакихъ положительныхъ извѣстій, отвѣчалъ уклончиво.

— Я получила изъ Голландіи письма, продолжала императрица, въ которыхъ меня увѣряютъ, что уже назначенъ день отъѣзда инфанты. Я давно предвидѣла, что столь юная принцесса не годится для короля, ни для блага его короны, требующаго скорѣйшаго появленія наслѣдника. Я желаю королю всевозможнаго счастія и благополучія и отъ души готова содѣйствовать ему, въ чемъ могу; прошу васъ увѣрить короля, что дружбу и союзъ съ нимъ я предпочла бы всѣмъ державамъ въ мірѣ [1]).

На другой день Кампредона посѣтилъ князь Меншиковъ, пояснившій слова императрицы.

— Есть вѣрное средство сдѣлать союзъ Франціи съ Россіей нерасторжимымъ, сказалъ онъ, и, на вѣки связавъ неразрывными узами интересы коронъ русской и французской, поставить ихъ въ возможность предписывать законы всѣмъ европейскимъ державамъ. Разъ король рѣшился отослать инфанту въ Испанію, то ему нельзя найти во всей Европѣ партіи болѣе подходящей, чѣмъ принцесса Елисавета. Она однихъ лѣтъ, она всего на полтора мѣсяца старше короля. Вамъ извѣстно какъ она хороша собою, какъ прекрасно сложена, сколько въ ней ума, веселости и живости, дѣлающихъ ее вполнѣ способной проникнуться французскимъ духомъ. Царица, мать ея, владѣетъ обширной имперій, пользуясь въ ней самой неограниченной властью, какою только можетъ обладать государь, и располагаетъ арміей и флотомъ, коихъ численность и превосходство хорошо извѣстны. Если король, не сдѣлавъ еще иного выбора, рѣшится остановить его на русской принцессѣ, то онъ можетъ вполнѣ разсчитывать на всѣ эти силы, на все могущество царицы,

---

[1]) Кампредонъ къ графу де-Морвилю отъ 3 апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58. стр. 110–116.

которыя обратятся противъ всякой державы, на какую его величеству угодно будетъ напасть. Такой союзъ дастъ королю возможность располагать короной польской и осуществить всякіе замыслы по отношенію къ имперіи.

Князь Меншиковъ совѣтывалъ Кампредону, не теряя времени, увѣдомить французское правительство о предложеніи императрицы, чтобы немедленно приступить къ его осуществленію.

— Здѣсь оно не встрѣтитъ никакого затрудненія, прибавилъ онъ, даже по вопросу о вѣрѣ, потому что тогда все устроится: принцесса Елисавета согласится перемѣнить религію. Заключивъ этотъ бракъ французскій король поступитъ по примѣру своего предшественника, Генриха I [1]), который вступилъ въ бракъ съ русской принцессой въ такое время, когда Россія была далеко ниже во всѣхъ отношеніяхъ, не то, чѣмъ она стала теперь [2]).

Два дня спустя по приказанію императрицы Кампредону было сообщено предложеніе, коимъ она хотѣла лично заинтересовать герцога Бурбонскаго въ успѣхѣ своего плана, суля ему въ будущемъ корону.— Екатерина велѣла передать герцогу ея совѣтъ жениться на дочери Станислава Лещинскаго, лишившагося польскаго престола въ 1712 г., и жившаго съ тѣхъ поръ уединенно во Франціи. У него была еще масса приверженцевъ въ Польшѣ, но онъ жаждалъ покоя и охотно отказался бы въ пользу своего зятя ото всѣхъ своихъ правъ и притязаній на этотъ престолъ. Бракъ герцога Бурбонскаго съ Маріей Лещинской могъ оправдать кандидатуру герцога на польскій престолъ и способствовать его избранію на ближайшемъ сеймѣ, въ чемъ поддержали бы его со своей стороны Россія и Франція. Словомъ, Екатерина предлагала Франціи вмѣстѣ съ рукою своей дочери самый тѣсный союзъ: преслѣдованіе одинакихъ цѣлей въ Польшѣ, возведеніе на польскій престолъ французскаго принца, наступательный и оборонительный союзъ и предоставленіе въ распоряженіе Франціи всѣхъ военныхъ силъ Россіи.— Таковы были бы главные пункты союзнаго договора, въ случаѣ брака Людовика XV съ Елисаветой Петровной. Этотъ секретный договоръ былъ бы заключенъ независимо отъ оффиціальнаго трактата, который Россія намѣревалась одновременно заключить съ Франціей на вышеприведенныхъ основаніяхъ.

Въ депешѣ, отправленной по этому случаю своему двору, Кампредонъ явился вѣрнымъ истолкователемъ чувствъ и предложеній императрицы. При этомъ онъ писалъ: «Насчетъ личныхъ качествъ принцессы

---

[1]) Въ одиннадцатомъ вѣкѣ Генрихъ I женился на дочери Ярослава Мудраго.

[2]) Кампредонъ графу де-Морвилю, 13 апр. 1725 г.

Меншиковъ говорилъ сущую правду. Личности, коимъ ввѣрено было воспитаніе ея и сестры ея, принцессы Анны, были такъ мало образованы, что безъ большихъ природныхъ дарованій, принцессы никакъ не могли бы ни сдѣлать тѣхъ успѣховъ въ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, на которыхъ онѣ говорятъ и пишутъ очень хорошо, ни пріобрѣсти тѣхъ прекрасныхъ манеръ и того умѣнья вести разговоръ и держать себя, какими онѣ обладаютъ. Къ тому же, въ Россіи издстари укоренилось правило, что женщина, безразлично принцесса она или простая мѣщанка, должна во всемъ подчиняться волѣ своего мужа» [1]).

Затѣмъ Кампредонъ перечисляетъ политическія выгоды этого союза.

«Царица согласится, говоритъ онъ, дѣйствовать съ нами во всѣхъ случаяхъ за-одно противъ Австріи, сосѣдство которой внушаетъ ей наиболѣе опасеній. Я имѣю возможность, помимо ея министровъ узнавать быстрымъ и надежнымъ путемъ ея сокровенныя мысли и тѣмъ же путемъ передавать ей желанія короля».

Лишь только депеша Кампредона была отправлена, какъ Екатерина узнала одновременно о переговорахъ, начатыхъ герцогомъ Бурбонскимъ относительно брака короля съ дочерью принца Уэльскаго, и результатъ этихъ переговоровъ: Англія отвѣчала рѣшительно отказомъ, ссылаясь на разницу вѣроисповѣданій.

Это извѣстіе успокоило Екатерину и увеличило ея надежды на успѣхъ ея плана, но нѣсколько дней спустя она получила отъ своего посланника во Франціи, кн. Куракина, весьма тревожныя вѣсти. Князь сообщалъ о романѣ, разыгравшемся при французскомъ дворѣ, въ которомъ король съигралъ роль перваго любовника.

Въ Версалѣ появилась незадолго передъ тѣмъ девятнадцатилѣтняя красававица, m-elle де-Сенсъ, сестра герцога Бурбонскаго, которая своей молодостью и замѣчательной красотою плѣнила сердце юнаго монарха. Взаимная склонность молодыхъ людей не была ни для кого тайною; придворные были крайне встревожены, какъ вдругъ они узнали, что герцогъ отослалъ свою сестру обратно въ монастырь. Людовикъ въ отчаяніи призвалъ герцога Бурбонскаго и спросилъ его о причинѣ такого распоряженія.

— Сестра моя, отвѣчалъ герцогъ, не такого званія, чтобы быть любовницей.

На это король возразилъ, что онъ сдѣлаетъ ее своей женою.

По словамъ кн. Куракина, изъ этого можно было вывести заключеніе, что слѣдовало зрѣло обсудить всѣ выгоды за и противъ, прежде

---

[1]) Кампредонъ графу де-Морвилю отъ 13-го апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58, стр. 116.

нежели заключить союзъ съ дворомъ, въ которомъ духъ интриги заслоняетъ всѣ заботы объ общественномъ благѣ.

Сообщеніе кн. Куракина нанесло первый ударъ надеждамъ царицы и произвело въ Петербургѣ сильное впечатлѣніе. Кампредонъ справедливо опасался, что оно затруднитъ порученные ему переговоры [1]). Государыня послала Толстаго къ Кампредону, чтобы провѣрить справедливость фактовъ, переданныхъ ей Куракинымъ. Кампредонъ затруднялся отвѣтомъ; ему ничего не было извѣстно и онъ боялся скомпрометировать себя. На всякій случай онъ попытался замолвить слово въ защиту короля.

— Положеніе королей было бы весьма печально, если бъ они никогда не смѣли отдаться своему личному влеченію въ выборѣ того союза, съ которымъ связано счастье домашней жизни, сказалъ онъ Толстому.

— Государи, вступавшіе въ неравные браки, всегда много утрачивали въ славѣ и добромъ имени своемъ, живо возразилъ Толстой; французскіе короли всегда сохраняли въ этомъ отношеніи ту чистоту, какой блещутъ лиліи, украшающія ихъ корону. Взоры всей Европы устремлены на единственнаго потомка Людовика Великаго, и она ждетъ отъ него лишь такихъ поступковъ, которые были бы достойны безконечной славы, коей помянутый несравненный монархъ пользуется въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ міра [2]).

Послѣ этого свиданія, Кампредонъ взялся снова за перо и написалъ 24-го апрѣля еще одно письмо (къ гр. де-Морвилю), которое безъ сомнѣнія дѣлаетъ ему большую честь, ибо, настаивая въ немъ на пользѣ, какую могъ принести Франціи предполагаемый бракъ и союзъ съ Россіей, скромный представитель французскаго короля позволилъ себѣ дать своему правительству урокъ патріотизма и безкорыстія и рисковалъ, до нѣкоторой степени, своимъ положеніемъ.

«Партія, предложенная здѣсь королю черезъ меня, писалъ онъ, представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ для него огромныя выгоды. Заключивъ этотъ бракъ, его величество имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи одну изъ главнѣйшихъ державъ Европы. Эта держава обезпечила бы за нимъ поддержку Пруссіи и Швеціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и польскую корону Станислава. Царица еще вчера опять увѣряла меня въ этомъ черезъ князя Меншикова, присовокупивъ, что особенно благо-

---

[1]) Кампредонъ де-Морвилю 24-го апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58, стр. 185.

[2]) Депеша Кампредона отъ 24-го апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58. стр. 183.

даритъ вашу свѣтлость за услугу, которую вы окажете въ этомъ случаѣ его величеству и ей» [1]).

Первое письмо Кампредона было получено въ Парижѣ 8-го мая. Три дня спустя, а именно 11-го мая, Морвиль отвѣчалъ ему общими разсужденіями о текущихъ дѣлахъ. Не касаясь ни словомъ предложенія о бракѣ, онъ прибавляетъ въ postscriptum'ѣ: «Откладываю до слѣдующаго раза бесѣду о тѣхъ дѣлахъ, о коихъ вы пишете въ вашемъ послѣднемъ письмѣ. Если объ этомъ съ вами заговоритъ, ограничьтесь общими выраженіями дружбы и преданности» [2]). На депешу отъ 24-го апрѣля Кампредонъ не получилъ никакого отвѣта.—Трудно сказать, обсуждали ли даже серьезно во Франціи предложенія, сдѣланныя русскимъ дворомъ, и было ли о нихъ доложено королю, такъ какъ на поляхъ депеши отъ 24-го апрѣля, которая хранится въ государственномъ архивѣ Франціи, мы находимъ помѣтку «секретная», и къ этой депешѣ приложено краткое изъ нея извлеченіе, предназначавшееся вѣроятно для прочтенія королю и совѣту.

Екатерина терпѣливо ожидала нѣкоторое время отвѣта на свое предложеніе, но ея мечты мало-по-малу рушились: ограниченность и эгоистическое честолюбіе герцога Бурбонскаго все болѣе и болѣе становились очевидны. Въ то же время недруги Франціи не дремали, и при русскомъ дворѣ пріобрѣтали мало-по-малу вліяніе тѣ личности, которыя желали отвлечь императрицу отъ союза съ этой державой.

Въ половинѣ мая 1725 г. въ Петербургъ прибылъ иностранецъ, старавшійся окружить себя особой таинственностью, и тщательно скрывавшій отъ всѣхъ цѣль своего пріѣзда. Онъ остановился у лейбъ-медика царицы Блументроста, которому вручилъ рекомендательныя письма, удостовѣрявшія его личность, былъ принятъ имъ любезно и представленъ нѣкоторымъ сановникамъ. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ англійскій офицеръ де-Гэй, посланный въ Россію съ секретнымъ порученіемъ. Въ это время образовался дипломатическій заговоръ противъ Франціи, во главѣ котораго стоялъ испанскій король Филиппъ V, принявшій отправку инфанты за личное оскорбленіе и жаждавшій отомстить за него французскому правительству. Душою этого заговора былъ первый министръ короля баронъ Рипперда, ловкій и страстный интригантъ, устроившій сближеніе между Филиппомъ V и австрійскимъ императоромъ Карломъ VI, которые нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ были заклятыми врагами. Союзники желали заручиться

---

[1]) Кампредонъ де-Морвилю 24-го апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58 стр. 185.

[2]) Морвиль Кампредону, 11-го мая 1725 г.

поддержкою Россіи и съ этою цѣлью послали въ Петербургъ тайнаго эмиссара, коимъ и былъ помянутый англійскій офицеръ.

Екатерина выслушала его, но не хотѣла связывать себя никакими обѣщаніями до тѣхъ поръ, пока не получится извѣстіе, что задуманный ею брачный проектъ не имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ. Когда одинъ изъ ея приближенныхъ, Ягужинскій, совѣтывалъ ей начать какъ можно скорѣе переговоры съ Австріей и Испаніей, она отвѣчала вопросомъ: женился ли французскій король? Въ то же время кн. Меншиковъ спросилъ въ ея присутствіи французскаго посла, скоро ли онъ разсчитываетъ получить отвѣтъ на свои письма.

Кампредонъ, сознавая опасность, которая угрожала Франціи, постарался выѣдать тайну отъ посланнаго Ринперды и предупредилъ свой дворъ [1]). Но всѣ его старанія не повели ни къ чему. Герцогъ Бурбонскій нашелъ, наконецъ, то, чего онъ такъ страстно желалъ, и, по странной случайности, его натолкнула на это сама царица. Если припомнимъ, Екатерина предлагала ему жениться на Маріи Лещинской, обѣщая въ то же время польскую корону. Это предложеніе заставило герцога обратить вниманіе на дочь короля Станислава, которая показалась ему самой подходящей особой для той второстепенной роли, на которую онъ хотѣлъ обречь французскую королеву. Людовикъ не противился его выбору, и этотъ бракъ, повергшій въ уныніе всю Францію, былъ заключенъ 27-го мая 1725 г. Ближайшимъ послѣдствіемъ его было то, что доброе согласіе, чуть-было не установившееся между Франціей и Россіей, было нарушено. Екатерина не хотѣла навязывать Людовику XV руку своей дочери, но была сильно задѣта этимъ извѣстіемъ [2]) и не могла простить французскому королю того, что онъ предпочелъ дочери Петра Великаго дочь короля Станислава, свергнутаго съ польскаго престола.

Императрица узнала объ этомъ бракѣ по слухамъ прежде, нежели былъ полученъ отвѣтъ на ея предложенія [3]). Франція рѣшилась отвѣтить только тогда, когда Станиславъ оффиціально извѣстилъ европейскія державы о бракѣ своей дочери. Письмо графа де-Морвиля, заключавшее этотъ отвѣтъ, было получено въ Петербургѣ 30-го іюня; хотя оно было написано въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, но доводы, коими мотивировался отказъ французскаго правительства, даютъ право предполагать, что депеши Кампредона врядъ ли были дочитаны до конца. Несмотря на рѣшительное заявленіе императрицы, что Елисавета

---

[1]) Депеши Кампредона отъ 19 мая и 12 іюня 1725 г.

[2]) Кампредонъ—де-Морвилю, 9-го іюня 1725 г. Сборн. Ист. Общ., т. 58, стр. 364.

[3]) Депеша Кампредона отъ 9-го іюня 1725 г.

Петровна приметъ вѣру своего супруга, французское правительство продолжало настаивать на различіи вѣроисповѣданій и выставляло его непреодолимымъ препятствіемъ къ заключенію брака между Людовикомъ XV и Елисаветой Петровной.

«Настоящее письмо, писалъ Кампредону графъ де-Морвиль, служитъ отвѣтомъ на ваше посланіе, коимъ вы сообщаете мнѣ о предложеніи, сдѣланномъ княземъ Меншиковымъ, о женитьбѣ короля на принцессѣ Елизаветѣ. Вы сами легко поймете, что когда зашла рѣчь о выборѣ невѣсты для его величества, то здѣсь обращено было большое вниманіе на выгоды, которыя могъ бы доставить союзъ съ принцессою, дочерью почившаго царя. Съ одной стороны, высокія достоинства, возведшія царицу на ту высоту, на которой она нынѣ стоитъ, съ другой—личныя прелести, коими, какъ всѣмъ извѣстно, одарена принцесса Елисавета, такъ сказать, не дозволили бы его величеству остановить свой выборъ на комъ-либо иномъ, если бы можно было надѣяться, что исповѣдуемая царицею и ея семьею вѣра не послужитъ препятствіемъ къ исполненію желаній его величества. Но, соображая, какъ велика привязанность Россіи къ господствующей въ ней религіи, и какія неудобства могли бы возникнуть для самой царицы, если бы она, на глазахъ всѣхъ своихъ подданныхъ, дозволила принцессѣ, своей дочери, перемѣнить вѣру, его величество можетъ только навсегда сохранить безпредѣльную благодарность за полученное имъ доказательство дружбы такой великой государыни, какъ царица. Но впослѣдствіи, когда заключится союзъ, переговоры о коемъ вамъ поручены, монархиня сама убѣдится, что его величество умѣетъ давать такое же распространеніе дѣйствію своей дружбы и любви къ государямъ, союзникамъ своимъ, какъ если бы состоялъ съ ними въ самомъ близкомъ кровномъ родствѣ. Старайтесь какъ можно яснѣе утвердить эту истину. Увѣрьте царицу и князя Меншикова, что сдѣланное предложеніе будетъ сохранено въ глубочайшей тайнѣ, и достоинство монархини ничѣмъ не будетъ компрометировано, и объясните въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какъ глубоко тронутъ его величество и какъ искренно желаетъ найти случай доказать царицѣ почтеніе, которое онъ всегда сохранитъ къ этой государынѣ и ея семейству» [1]).

Къ этому отвѣту былъ приложенъ другой, также отрицательнаго свойства. Предлагая руку своей дочери Людовику XV и опасаясь, что царь связалъ уже себя иными обязательствами, императрица сдѣлала, подъ величайшимъ секретомъ, добавочное предложеніе о бракѣ Елисаветы Петровны съ герцогомъ Бурбонскимъ. Это предложеніе не могло понравиться любовницѣ герцога г-жѣ де-При и было отвергнуто точно

[1]) Сборн. Ист. Общ., т. 58, стр. 313, 314.

такъ же, какъ первое. Герцогъ приказалъ отвѣтить въ выраженіяхъ самой горячей признательности, но въ письмѣ даже не было приведено никакой причины отказа.

«Тщетно старался бы я описать горесть его свѣтлости при мысли, что онъ не властенъ болѣе принять честь, которою монархиня соизволила удостоить его, прибавляетъ отъ себя гр. Морвиль, но, тѣмъ не менѣе, благодарность его свѣтлости безпредѣльна. Царица всегда найдетъ въ его свѣтлости ту же преданность и то же усердіе ко всему, что можетъ быть ей пріятно, какихъ въ правѣ была бы она ожидать отъ принца, удостоившагося чести быть ея зятемъ» [1]).

Послѣ этого двойнаго отказа между обоими дворами первое время не произошло замѣтнаго охлажденія. По прочтеніи писемъ Морвиля, Екатерина только замѣтила сухо, что относительно вопроса о религіи легко было бы придти къ соглашенію подъ условіемъ соблюденія тайны [2]); она медлила изъявить свое согласіе на предложенія, сдѣланныя ей Австріей и Испаніей и, повидимому, даже была расположена продолжать переговоры, начатые съ Франціей и Англіей, но относилась къ нимъ уже не такъ горячо, какъ прежде, дѣлая всевозможныя затяжки; казалось, императрица только ждала предлога, чтобы предоставить себѣ полную свободу дѣйствій. Случай къ тому представилъ императрицѣ въ скоромъ времени ея зять, герцогъ голштинскій, требовавшій отъ Даніи возвращенія Шлезвига, занятаго ею во время Сѣверной войны, и который она не соглашалась возвратить ему. Въ серединѣ 1725 г. шлезвигскій вопросъ обострился, Франція и Англія еще въ 1721 году гарантировали Даніи обладаніе этимъ герцогствомъ, тогда какъ императрица приняла сторону герцога и настаивала по меньшей мѣрѣ на томъ, чтобы ея зятю было назначено за Шлезвигъ извѣстное вознагражденіе и чтобы въ трактатъ, который будетъ ею заключенъ съ западными державами, была включена особая статья, которой опредѣлялись бы сущность и размѣръ этого вознагражденія. Англія рѣшительно отказалась отъ этого, изъ уваженія къ копенгагенскому двору, а Франція покорно присоединилась къ ея мнѣнію.—Россія же продолжала настаивать на своемъ требованіи; царица, въ вопросѣ о герцогѣ была непреклонна, ея министры утверждали, что она не можетъ отказаться отъ своихъ требованій, ибо это нанесло бы непоправимый вредъ ея доброму имени, долгу кровнаго родства и возложенному на нее покойнымъ царемъ обязательству доставить зятю справедливое удовлетвореніе. Для нея было бы просто постыдно, говорили они, договоромъ утвердить безвозвратную потерю

---

[1]) Графъ де-Морвиль Кампредону, 21-го мая 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58, стр. 322.

[2]) Депеша Кампредона отъ 30-го іюня 1725 г.

наслѣдственныхъ владѣній герцога голштинскаго, не обезпечивъ ему справедливаго вознагражденія, на которое она сама же уговорила его согласиться. Союзъ съ царицей не такъ ужъ ничтоженъ, чтобы ей приходилось подчиняться законамъ, которые ей хотятъ навязать въ ущербъ ея чести, обязательствамъ и интересамъ ея семьи [1]).

Ягужинскій, вліяніе котораго усиливалось, не переставалъ внушать царицѣ, что Англія всегда будетъ противодѣйствовать всему, что можетъ усилить славу и выгоды Россіи, а Франція, хотя бы и захотѣла, при всемъ своемъ благорасположеніи, не въ состояніи будетъ отстоять ея интересы; никакія ея обязательства въ пользу безопасности царицы и удовлетворенія ея зятя не приведутъ ни къ чему, ибо, по отдаленности Франціи, ея помощь и ея добрая воля не могутъ быть дѣйствительны. Ягужинскій, со своей стороны, склонялъ Екатерину къ союзу съ Австріей, которая, предлагая ей вѣчный оборонительный и наступательный союзъ, вдобавокъ обѣщала возстановить герцога голштинскаго во владѣніе Шлезвига или, по меньшей мѣрѣ, доставить за него полное удовлетвореніе [2]).

Разногласіе, возникшее между Франціей и Россіей по вопросу о Шлезвигѣ, сдѣлалось камнемъ преткновенія при переговорахъ, которые были, наконецъ, прерваны.

25-го октября 1725 г. Людовикъ XV приказалъ Кампредону не касаться болѣе при переговорахъ вопроса о герцогѣ голштинскомъ. Одновременно съ этимъ французскій посланникъ въ Константинополѣ д'Андрезель, который старался, по мѣрѣ возможности, облегчить Россіи исполненіе договоровъ, заключенныхъ ею въ послѣднее время съ Портою, получилъ приказаніе не оказывать болѣе никакого содѣйствія русскимъ уполномоченнымъ и относиться къ нимъ впредь сдержанно и высокомѣрно [3]).

Въ то время какъ Франція колебалась заключить союзъ со вдовою Петра Великаго, Австрія неоднократно предлагала его. Осенью 1725 г. русскимъ правительствомъ былъ посланъ въ Вѣну Ланчинскій, уполномоченный подписать съ Австріей оборонительный союзъ; вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургъ прибылъ австрійскій посланникъ гр. Рабутинъ, на коего было возложено особое порученіе. Австрія надѣялась подкупить Россію обѣщаніемъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ; но переговоры тянулись цѣлый годъ, такъ какъ интересы обѣихъ монархій во многомъ

---

[1]) Кампредонъ королю 30-го октября 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 64, стр. 36 - 39.

[2]) Сборн. Истор. Общ. т. 64, стр. 9.

[3]) Письма короля Людовика XV отъ 18-го октября 1725 г. и отъ 1-го марта 1726 года.

уклонялась. Екатерина не особенно спѣшила связывать себя окончательно обязательствами и вспоминала иногда съ сожалѣніемъ о Франціи.

— Какъ честный человѣкъ, говорилъ однажды Кампредону чрезвычайный посланникъ герцога голштинскаго, Бассевичъ,—увѣряю васъ, что пока договоръ съ вѣнскимъ дворомъ не ратификованъ, и даже если бы въ немъ одной только этой формальности не доставало, царица предпочтетъ союзъ съ Франціей, если она согласится обезпечить договоромъ интересы герцога, государя моего» [1]).

Наконецъ союзный договоръ съ Австріей, заключенный на 30 лѣтъ былъ подписанъ въ Вѣнѣ 25 августа 1726 г. Обѣ державы обязались дѣйствовать на дипломатическомъ поприщѣ не иначе, какъ съ обоюднаго согласія; въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ, другая держава обязывалась выставить вспомогательный корпусъ въ 30 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, договаривающіяся стороны обязались употребить свое посредничество, дабы полюбовно склонить короля датскаго къ удовлетворенію герцога голштинскаго, а если эти посредническія услуги оказались бы недостаточными, то онѣ обязывались прибѣгнуть къ силѣ и не слагать оружія, пока сказанное удовлетвореніе не будетъ достигнуто [2]). Отдѣльная секретная статья договора выяснила истинный смыслъ заключаемаго союза: она гласила, что обѣ стороны обязываются всѣми силами помогать другъ другу въ войнѣ съ турками, какова бы ни была причина войны и кѣмъ бы она ни была объявлена. Такимъ образомъ, договоръ, имѣвшій по отношенію къ прочимъ державамъ характеръ исключительно оборонительный, имѣлъ относительно Турціи характеръ наступательнаго союза.

Этотъ трактатъ, о которомъ исторія упоминала до сихъ поръ только вскользь, какъ бы мимоходомъ, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ актовъ XVIII столѣтія. Уже нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, настойчиво напрашивался вопросъ о томъ, вступитъ ли Россія въ европейскій концертъ и окончитъ ли она свое, такъ сказать, политическое воспитаніе подъ руководствомъ Германіи или Франціи? Вопросъ этотъ оказался рѣшеннымъ въ пользу Германіи. Хотя договоръ 1726 г. не вовлекъ Россію непосредственно въ войну съ Франціей, такъ какъ Австрія и Испанія, заключивъ противъ этой державы союзъ, къ которому примкнула Екатерина I, не рискнули вступить съ нею въ борьбу и ограничились одними враждебными демонстраціями, но этотъ договоръ пріучилъ Россію мало-по-малу считать себя въ лагерѣ противниковъ Франціи и подчинилъ ее непосредственно нѣмецкому вліянію. Благодаря дру-

[1]) Депеша Кампредона отъ 3-го января 172[illegible] г.

[2]) [illegible] 27-го августа 172[illegible] г. Сборн. Ист. Общ. [illegible]

жескимъ отношеніямъ, установившимся между двумя императорскими дворами, все нѣмецкое пріобрѣло съ теченіемъ времени въ Россіи преобладающее значеніе. Германія дала Россіи администраторовъ, генераловъ, инженеровъ, которые, поступая на русскую службу, не забывали своей родины и внесли на берега Невы нѣмецкіе нравы, нѣмецкія чувства и стремленія. Это мирное, непрерывное завоеваніе неминуемо должно было оставить свои слѣды, которые времени не удалось еще стереть окончательно. Въ частности, вѣнскій договоръ надолго связалъ Россію съ Австріей въ отношеніи политическомъ и военномъ; на конгрессѣ въ Камбрэ въ 1727 г. русскимъ уполномоченнымъ велѣно было во всемъ сообразоваться съ поступками австрійскихъ уполномоченныхъ, и когда русскія войска выступили впервые на поляхъ битвъ средней Европы, имъ пришлось дѣйствовать въ качествѣ резерва Австріи.

В. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ біографіи Ѳеодосія, архіепископа новгородскаго [1]).

Письмо генерала Ушакова—архимандриту Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

7-го марта 1732 г.

Пречестныи отецъ архимандритъ
Кирилы Белозерскаго мнстря:

Сего марта 6-го дня ея императорское величество имянным своего величества изустным указом указали подать извѣстие, бывшего Ѳедоски тѣло подлинно л в кириловѣ мнстре погребено и о погребенi того тѣла откуды и какои указ были и ежели имѣетца указ то списав снего точную копию подать вскорости буде же у вас здесь с того указу копii не имѣетца то по прибытiи в монстрь о вышеписанном же дать знать в самои скорости ж понеже ея императорскому величеству извѣстно учинилос что вышепоказанное Ѳедоскино тѣло в том мнстре погребено: вашего преподобия слуга, генерал отютантъ Ушаков.

Сообщилъ **Н. П. Успенскій**.

---

[1]) Изъ архива Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Письмо написано на полулистѣ бумаги, имѣющей водяной знакъ: два дракона держатъ корону. Письмо это служитъ дополненіемъ къ тѣмъ указамъ о Ѳеодосіи, которые были напечатаны въ „Рус. Старинѣ“ 1896 г., т. LXXXII, № 8, стр. 312.

Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга [1]).

Подъ этимъ заглавіемъ въ Берлинѣ весьма недавно появилась въ печати (на нѣмецкомъ языкѣ) часть записокъ сенатора барона Карла Гейкинга (умершаго въ 1809 г.), обнимающая эпоху съ 1752 до 1796 г. и посвященная описанію событій, приведшихъ къ подчиненію Курляндіи Россіи и крушенію Царства Польскаго.

Въ предисловіи къ этой книгѣ, издатель ея, баронъ Альфонсъ Гейкингъ, родственникъ автора, между прочимъ сообщаетъ слѣдующее.

Мемуары, написанные на французскомъ языкѣ, составляютъ четыре рукописныхъ тома; около сорока лѣтъ тому назадъ они были подарены семейству Гейкинговъ барономъ Александромъ фонъ-Медемъ-Румбенгофъ, внучатнымъ племянникомъ автора. Хотя нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ и было дозволено ознакомиться съ содержаніемъ рукописи, тѣмъ не менѣе дословное печатаніе ея признано родственниками еще преждевременнымъ.

Курляндскій дворянинъ по рожденію, баронъ Карлъ Гейкингъ былъ воспитанъ въ Варшавѣ, гдѣ и началъ службу въ качествѣ офицера польской арміи. Разстроенныя имущественныя дѣла отца Гейкинга затрудняли положеніе молодаго, отлично образованнаго и честолюбиваго курляндца, къ тому же ревностнаго приверженца (какъ и его отецъ), удаленнаго Россіею съ курляндскаго стула герцога Карла, сына

[1]) Извлеченіе изъ книги: „Aus Polens und Kurlands letzten Tagen“ (Изъ послѣднихъ дней Польши и Курляндіи). Memoiren des Baron Karl-Heinrich Heyking (1752–1796). Berlin 1897. Verlag von Johannes Räde Stursche Buchhandlung.

короля польскаго Августа III. Онъ послѣдовалъ за герцогомъ Карломъ въ Саксонію, прожилъ нѣкоторое время въ Дрезденѣ, затѣмъ въ Тешенѣ, гдѣ принималъ участіе въ совѣщаніяхъ тайной польской конфедераціи въ качествѣ негласнаго делегата герцога Карла; поступилъ затѣмъ на службу къ брату герцога, курфюрсту Трирскому, но у послѣдняго оставался недолго. Послѣ пятилѣтняго скитанія по Германіи Гейкингъ вернулся въ Варшаву и поступилъ на дѣйствительную службу въ польскія войска, но и здѣсь пробылъ недолго, и въ 1777 г. отправился въ Петербургъ и поступилъ въ русскую службу: сначала военную, а потомъ въ гражданскую. При императорѣ Павлѣ былъ сдѣланъ сенаторомъ и президентомъ коллегіи, вѣдавшей лифляндскія, эстляндскія и финляндскія дѣла, но затѣмъ внезапно впалъ въ немилость и, удалясь отъ занимаемыхъ имъ должностей, поселился (по приказанію свыше) въ Митавѣ, и нѣкоторое время спустя въ близъ лежащемъ къ этому городу и данномъ ему въ аренду казенномъ имѣніи Бранденбургѣ. За это время насильственнаго досуга (1799 г.) онъ написалъ бо́льшую часть своихъ мемуаровъ, подъ заглавіемъ «Mes reminiscences» [1]).

По восшествіи на престолъ Александра I онъ предпринялъ большое путешествіе за границу, затѣмъ былъ снова призванъ на службу, въ 1809 году былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, и осенью того же года скончался въ Петербургѣ, 57-ми лѣтъ отъ роду.

Въ предлагаемыхъ въ переводѣ выдержкахъ и отдѣльныхъ главахъ записокъ барона Гейкинга читатели найдутъ замѣтки, могущія служить матеріаломъ къ характеристикѣ русскихъ дѣятелей Екатерининской эпохи и къ оцѣнкѣ политической роли Россіи.

Мемуары написаны живымъ языкомъ, богаты эпизодическими разсказами изъ жизни петербургскаго и варшавскаго обществъ, сужденіями современниковъ, въ большинствѣ случаевъ лицъ посвященныхъ въ тайны важнѣйшихъ политическихъ событій того времени. Мы же, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ рекомендовать воспоминанія Гейкинга всѣмъ тѣмъ, кто интересуется отечественною исторіею второй половины XVIII в. вообще, а въ частности исторіею сношеній нашихъ съ Польшею и съ ея вассальнымъ княжествомъ Курляндіею, наканунѣ подчиненія ихъ обоихъ русской державѣ.

А. Гиресъ.

---

[1]) Мои воспоминанія.

I.

Юношескія впечатлѣнія въ Курляндіи.

22-го іюня 1752 года, въ эпоху политическихъ бурь, взволновавшихъ мое отечество, я узрѣлъ свѣтъ въ имѣніи моего отца Оксельнъ, въ Курляндіи. Отецъ мой, Вильгельмъ-Александръ Гейкингъ, по порученію своей корпораціи, энергически выступалъ на защиту интересовъ рыцарства въ борьбѣ съ нѣкоторыми злоупотребленіями регентства.

Въ 1754 году отецъ былъ посланъ въ Польшу къ королю въ качествѣ делегата отъ рыцарства. Отъ его величества онъ получилъ въ высшей степени благосклонный рескриптъ, когда, въ 1755 году (25-го февраля) онъ представилъ ландтагу отчетъ о своей миссіи.

За время пребыванія въ Варшавѣ отецъ мой пользовался самымъ милостивымъ пріемомъ со стороны короля и королевской семьи. Когда первый министръ Брюль сообщилъ ему, что король желалъ-бы оказать ему знакъ своего благоволенія, отецъ мой заявилъ, что онъ имѣетъ двухлѣтняго сына, котораго хотѣлъ-бы посвятить службѣ его величества. На другой день въ полку королевы для меня былъ изготовленъ дипломъ на званіе прапорщика, такъ что я уже почти отъ колыбели былъ офицеромъ.

Мать моя, Софія-Доротея фонъ-Рённе, была дочерью бывшаго кавалерійскаго генерала русской службы, которому Петръ Великій пожаловалъ Андреевскую звѣзду и свой портретъ, усыпанный брильянтами.

Августъ III пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла по случаю своего свиданія съ Петромъ Великимъ въ Бирзенѣ. Съ высокимъ положеніемъ и отличіями дѣдъ мой по матери соединялъ весьма значительное состояніе.

Дѣдъ мой съ отцовской стороны, Венедиктъ-Генрихъ, родившійся 1688 году, оберъ-гауптманъ Зельбурга и затѣмъ Митавы, былъ еще въ живыхъ. Онъ былъ человѣкъ строгихъ правилъ и обычаевъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

Мы поселились въ Митавѣ, гдѣ къ намъ приставили всѣхъ учителей, въ которыхъ мы нуждались. Когда отецъ былъ отправленъ въ Варшаву, насъ помѣстили приходящими въ школу г. Аменде. Хотя педантичные пріемы преподаванія мало насъ побуждали къ ученію, тѣмъ не менѣе мы были заняты, а это самое важное въ томъ возрастѣ, въ которомъ мы находились.

Приступаю теперь къ описанію одного событія, имѣвшаго особенно важное значеніе для моего отечества и оказавшаго наибольшее вліяніе на судьбу моей семьи. Разумѣю изгнаніе герцога Карла изъ Курляндіи.

повиненъ, и все, что было противъ него ошибочно воздвигнуто, слѣдуетъ считать какъ «nul et non avenu».

Къ своему удивленію герцогъ Карлъ увидѣлъ, что окружавшіе его льстецы внезапно отъ него отшатнулись и что вокругъ него сплотились именно тѣ, которыми онъ пренебрегалъ. Онъ оцѣнилъ повидимому величіе и благородство ихъ преданности и выразилъ имъ свою признательность. Пытаясь выйти изъ тягостнаго положенія, въ которомъ очутился, онъ отправилъ моего отца въ Варшаву, поручивъ ему вызвать на поддержку Польшу, какъ сюзерена. Онъ льстилъ себя надеждою, что Августъ III—его отецъ, императоръ германскій—близкій родственникъ, король испанскій—своякъ, и король французскій, ради супруги дофина (матери Людовика XVI) объединятъ свои усилія съ цѣлью воспрепятствовать тому, чтобы столь близкими узами связанный съ ними монархъ былъ вынужденъ уступить всею Европою признанныя и самою Россіею ему гарантированныя права временщику, торжественно объявленному государственнымъ преступникомъ и болѣе двадцати лѣтъ содержавшемуся въ позорной ссылкѣ. Но отдаленность этихъ дворовъ отъ мѣста дѣйствія разыгравшейся драмы дѣлала всякое дѣятельное участіе невозможнымъ, а тѣмъ временемъ Россія приводила въ движеніе свои войска, чтобы возвратить князю, «безвинность котораго служитъ причиною его несчастія», «законныя» его владѣнія.

Несмотря на усиленныя старанія, отецъ мой добился лишь посылки двухъ сенаторовъ, кастелляновъ Платера и Липскаго, которые, прибывъ въ сопровожденіи тридцати лицъ, передали курляндскому рыцарству точный приказъ оставаться вѣрнымъ герцогу Карлу. Но пока Августъ III ограничивался поневолѣ столь слабыми мѣропріятіями, Екатерина пускала въ ходъ всѣ свои обольщенія и въ то же время дала почувствовать угрозу, что въ случаѣ нужды прибѣгнетъ къ силѣ.

Эрнстъ-Іоганнъ, находившійся въ ту пору въ Ригѣ со всей своею семьею, издалъ манифестъ, поддержанный русскимъ посланникомъ въ Митавѣ, Симолинымъ, въ оффиціальной нотѣ, въ которой послѣдній, подъ угрозой гнѣва своей государыни, требовалъ отъ курляндскаго дворянства, чтобы оно признало своего законнаго князя, которому долгое и незаслуженное несчастіе давало лишь бо́льшія права. Нота эта вызвала расколъ; образовалось двѣ партіи. Начали шить разные мундиры, и партійный духъ достигъ своего апогея, когда увидѣли, что два батальона пѣхоты вступили въ Митаву для обезпеченія въѣзда Эрнста-Іоганна. Герцогъ Карлъ былъ запертъ въ своемъ дворцѣ, герцогскія кассы были отобраны и назначенъ день для принесенія присяги Бирену, подъ угрозою суровыхъ наказаній тѣмъ, кто отъ того уклонится.

Дѣду моему, какъ митавскому оберъ-гауптману, предстояло созвать дворянство своего округа. Приказанія Бирена онъ отослалъ нераспечатанными обратно, и когда русскій подполковникъ Шредеръ заявилъ ему, что онъ подвергается опасности быть строго наказаннымъ, этотъ почтенный старецъ снялъ свою шапочку и отвѣтилъ: «вы видите мои сѣдые волосы; мнѣ все равно гдѣ быть похороненнымъ въ Митавѣ или въ Сибири. Исполняйте то, что вамъ приказано. Я готовъ на все, лишь не на нарушеніе присяги, данной моему законному государю, герцогу Карлу».

Тождественныя приказанія получилъ и отецъ мой въ Варшавѣ. Онъ также не колеблясь отослалъ ихъ назадъ. По этому поводу онъ написалъ оберъ-бургграфу фонъ-Оффенбергу рѣзкій отвѣтъ, который былъ впослѣдствіи отпечатанъ вмѣстѣ съ запискою, представленною созванному Биреномъ, какъ герцогомъ, ландтагу.

Наконецъ рижскій генералъ-губернаторъ Броунъ далъ знать герцогу Карлу, чтобы онъ покинулъ Курляндію, если не желалъ подвергнуться непріятностямъ, которыя ему были-бы неизбѣжно причинены. Характера гордаго, государь этотъ далъ достойный и энергическій отвѣтъ и рѣшился идти на встрѣчу всякимъ опасностямъ. Тогда отецъ и сюзеренъ его, король Августъ III, послалъ ему одного за другимъ двухъ курьеровъ съ приказаніемъ немедленно къ нему пріѣхать.

Насъ неоднократно водили ко двору герцога, и хотя мы были дѣтьми, мы охотно пролили-бы тогда свою кровь за монарха, котораго возвели себѣ въ кумиръ. Мы присутствовали при его разставаніи съ тѣми, кто ему остался вѣренъ. Мы видѣли какъ почтенные старцы, блестящіе офицеры и извѣстные своимъ мужествомъ дворяне были растроганы до слезъ и, выражая привязанность и отчаяніе, цѣловали руку государя, котораго не переставали любить. Это была трогательная и благородная сцена, способная воспламенить молодыя сердца.

Принцъ Карлъ покинулъ Курляндію и никогда въ нее не возвратился. Россія, желавшая придать своему образу дѣйствій законныя формы, обратилась въ Варшаву къ своимъ послушнымъ приверженцамъ въ сенатѣ и въ министерствѣ, побуждая ихъ объявить незаконною выданную герцогу Карлу инвеституру. Шагъ этотъ въ высшей мѣрѣ возбудилъ короля Августа III. Онъ удалился въ Дрезденъ, чтобы выиграть время.

Появилось множество всякихъ писаній за и противъ. Отецъ мой написалъ нѣсколько записокъ, отличавшихся ясною и рѣшительною рѣчью и побѣдоносною логикою; но ихъ можно однако упрекнуть въ излишне пылкихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ.

Король предоставилъ моему отцу квартиру въ замкѣ республики, придворный экипажъ и пожаловалъ ему пенсію въ 3.000 талеровъ.

Когда его величество предложилъ ему старостство, чтобы возмѣстить потерю своего мѣста и государственныхъ имѣній въ Курляндіи, онъ отклонилъ эту милость изъ излишней, быть можетъ, деликатности.

Таково было положеніе вещей, когда отецъ мой, предвидѣвшій, что его дѣла затянутся, и усмотрѣвшій изъ нашихъ писемъ, что въ Митавѣ мы успѣховъ не дѣлаемъ, рѣшилъ вызвать насъ въ Варшаву для непосредственнаго наблюденія за нашимъ воспитаніемъ, предметомъ его постоянной заботы.

II.

Учебные годы въ Варшавѣ.

Мы покинули нашу родину въ половинѣ мая (1763 г.). Прибывъ, послѣ скучнаго путешествія черезъ Мемель и Кёнигсбергъ, въ Прагу, предмѣстье Варшавы по сю сторону Вислы, мы были восхищены величественнымъ зрѣлищемъ красивой столицы съ замкомъ, занимающимъ господствующее положеніе, съ ея церквами, дворцами и домами, расположенными по ту сторону рѣки. Въ лодкѣ мы перебрались черезъ Вислу и съ каждымъ приближавшимъ насъ къ тому берегу ударомъ веселъ сердца наши бились все сильнѣе. Вѣдь намъ предстояло свидѣться съ горячо любимымъ отцомъ и поселиться отнынѣ въ мѣстѣ, которое мы считали средоточіемъ всякаго изящества и всякой роскоши.

Первою заботою отца было насъ проэкзаменовать и устроить наши учебныя занятія. Намъ дали учителей для французскаго, латинскаго, италіанскаго, польскаго и нѣмецкаго языковъ. Наше время было такъ заполнено, что отъ 7 часовъ утра и до 6 вечера мы имѣли лишь двухчасовой перерывъ для ѣды. Отъ 6 до 7 (вечера) мы должны были учить что-либо наизусть; тогда появлялся мой отецъ для провѣрки нашихъ трудовъ и чтобы убѣдиться, какъ онъ говорилъ, въ томъ, что nulla dies abeat quin linea ducta supersit [1]). Намъ принадлежали лишь воскресенія, такъ какъ остальные католическіе праздничные дни предназначались для чтенія библіи (въ теченіе двухъ часовъ), для повторенія всего того, что было дѣломъ памяти, и вписываніи въ книгу депешъ моего отца къ принцу Карлу. Въ гости ходили мы очень рѣдко; бывали, напримѣръ, у Щидтовскаго, бывшаго въ то время судьею первой инстанціи по гражданскимъ дѣламъ. Въ этомъ домѣ я увидѣлъ впервые столь-

---

[1]) Чтобы не проходилъ ни одинъ день безъ того, чтобы не оставалось (отъ него) проведенной черты (строки).

ника Понятовскаго и пришелъ въ восхищеніе отъ его благородной осанки, изящнаго обращенія и чарующаго голоса. Я былъ тогда далекъ отъ мысли и даже не могъ подозрѣвать, что онъ такъ скоро станетъ польскимъ королемъ.

Мы были приблизительно уже три мѣсяца въ Варшавѣ, какъ однажды, въ три часа ночи, моего отца разбудили, чтобы вручить ему письмо, присланное съ курьеромъ изъ Дрездена. Лишь только онъ его прочелъ, съ нимъ сдѣлалось дурно. Кровь бросилась ему въ голову, но быстро принятыя мѣры предотвратили ударъ, котораго врачи опасались. Когда мы поспѣшили къ нему, ему было настолько лучше, что онъ пришелъ уже въ себя. «Ахъ, проговорилъ онъ съ трудомъ,—онъ умеръ». Такъ какъ говорить болѣе онъ не могъ, я взялъ письмо со стола и прочелъ. Оно было отъ герцога Карла, который въ немногихъ словахъ увѣдомлялъ отца о смерти Августа III. Королю было 62 года и, благодаря его тучности, нельзя было предвидѣть для него долгой жизни. Вскорѣ комната моего отца наполнилась, главнымъ образомъ, саксонцами, поспѣшившими къ нему при первой вѣсти о печальномъ событіи.

Въ замкѣ господствовало величайшее смущеніе среди придворныхъ чиновъ, не только вслѣдствіе неопредѣленности ихъ будущаго положенія, но и потому, что Августъ III былъ для нихъ добрѣйшимъ повелителемъ. Бирена они въ свое время привлекли къ суду какъ узурпатора и разбойника, а въ Варшаву былъ отправленъ уполномоченнымъ ландгофмейстеръ фонъ-деръ-Говенъ. Пока Августъ III жилъ, начатая борьба не казалась не ровною, но со смертью короля все пошло прахомъ, и Биренъ торжествовалъ.

Примасъ, князь лубенскій, въ званіи вице-короля во время междуцарствія, и великій канцлеръ Литвы, князь Чарторыйскій, содѣйствіемъ которыхъ Россія уже заручилась, не устыдились въ оффиціальныхъ нотахъ просить помощи императрицы противъ курляндцевъ, которыхъ они аттестовали какъ безпокойныхъ и неповинующихся своему государю.

Такой недостойный свободнаго народа поступокъ былъ внушенъ русскимъ посломъ. Это было первымъ звеномъ въ цѣпи, которая, мало-по-малу оковала Курляндію и Польшу, безповоротно закрѣпивъ ихъ подъ-конецъ за Россіею.

Опираясь на сюзеренную власть Польши и на могущество Россіи, Биренъ установилъ рѣшительный срокъ для принесенія присяги, а русскій министръ-резидентъ объявилъ, что экзекуціонныя войска [1]) будутъ отправлены къ тѣмъ, кто и теперь станетъ отъ присяги уклоняться.

---

[1]) Несчастный помѣщикъ, къ которому назначались такія „экзекуціонныя войска", долженъ былъ ихъ содержать и платить имъ жалованіе во все время ихъ стоянки у него.

Между тѣмъ, подъ рукою, Эрнстъ-Іоганнъ дѣлалъ своимъ противникамъ предложенія примириться, обѣщая за то возвращеніе имъ должностей и возмѣщеніе убытковъ. Нѣкоторые согласились, отецъ же мой остался при своемъ рѣшеніи не присягать. Вслѣдствіе сего, въ нашемъ имѣніи Оксельнъ было размѣщено извѣстное число солдатъ. Когда моя мать, жившая въ Оксельнѣ, спѣшно отправила къ моему отцу нарочнаго съ описаніемъ ужаснаго положенія, въ которомъ она находилась, то онъ отвѣтилъ, что на Оксельнъ онъ уже не смотритъ какъ на свою собственность, такъ какъ за вычетомъ изъ цѣны имѣнія долговъ, которыя онъ вынужденъ былъ сдѣлать, оставалось лишь ровно столько, чтобы покрыть приданое (illata) моей матери. Онъ предоставлялъ ей сдѣлать надлежащее заявленіе и вообще все, что она заблагоразсудитъ; но, прибавлялъ онъ, что узурпатору въ угоду онъ ничего не сдѣлаетъ. Моей матери удалось уговорить Бирена отозвать экзекуціонныя войска. Но съ той поры состояніе здоровья моего отца оказалось потрясеннымъ; онъ почти не выходилъ изъ дому, много работалъ и этимъ заглушалъ горе, разъѣдавшее его душу.

Между тѣмъ, Варшава сдѣлалась средоточіемъ политическихъ интригъ и ареной роскоши, выставляемой на показъ польскими магнатами, изъ которыхъ многіе разсчитывали на корону. Россія заявила, что она желаетъ Піяста, и хотя императрица уже рѣшила въ пользу стольника Понятовскаго, тѣмъ не менѣе для внѣшняго вида она согласилась на то, чтобы престола домогались и другіе.

Я воздерживаюсь отъ описанія всѣхъ интригъ, которыя сплетались до рѣшительнаго момента. Мы любовались выборнымъ полемъ, представлявшимъ величественное зрѣлище. Но видъ русскаго военнаго лагеря, уснащеннаго пушками и штыками, уменьшалъ интересъ, который должна была бы внушать собравшаяся для избранія повелителя свободная нація, и столь величественное зрѣлище давалось партіею, отдавшейся на волю чужеземной державы.

Князь Радзивиллъ, графъ Браницкій [1]) и другіе преданные Саксоніи магнаты не приняли участія въ выборѣ и протестовали противъ всего, такъ какъ по основнымъ законамъ Польши никогда чужеземныя войска не могли быть терпимы на землѣ республики и, въ особенности, не могли окружать выборнаго поля. Несмотря на этотъ протестъ Станиславъ Понятовскій былъ провозглашенъ королемъ примасомъ, Чарторыйскими, ихъ родственниками и подкупленною Россіею мелкою шляхтою. Россія раздавала деньги массами и, во всякомъ случаѣ, можно сказать, что императрица уже тогда заплатила за провинціи, которыя взяла себѣ впослѣдствіи.

[1]) Не тотъ, который нѣсколько лѣтъ спустя былъ генералъ-лейтенантомъ коронныхъ войскъ, а другой.

Едва Станиславъ вступилъ на престолъ, какъ приверженцы сдѣлали изъ него кумира, а противная партія унижала его съ ожесточеніемъ, которое можно встрѣдить лишь въ республикѣ. Всякое политическое событіе превращалось въ личное, и ненависть партій не имѣла предѣловъ. Противники Понятовскаго говорили: «Россія хочетъ намъ дать короля жидовскаго происхожденія [1]), человѣка воспитаннаго польскимъ Макіавелемъ [2]), обезчестеннаго приказаніемъ быть взятымъ подъ арестъ [3]), презрѣннаго за его неблагодарность къ своему благодѣтелю, Августу III. Онъ, король, осыпаетъ своего родственника богатствами и почестями, дѣлаетъ его своимъ камергеромъ и отправляетъ затѣмъ посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ Понятовскій, вмѣстѣ съ Чарторыйскими, подготовляетъ планъ сверженія съ престола короля, своего благодѣтеля. Такого человѣка навязала Россія, который въ дружбѣ съ Вольтеромъ и всѣми прочими хулителями вѣры, который обязанъ своимъ возвышеніемъ лишь своей внѣшности и данному имъ обѣщанію править по приказаніямъ Екатерины II».

Приверженцы короля отвѣчали на эти поношенія утвержденіемъ, что въ Польшѣ указаніе на жидовское происхожденіе весьма обычный пріемъ клеветы, которая не стоитъ того, чтобы ее опровергали, такъ какъ мать и бабка короля принадлежали одной изъ первыхъ фамилій королевства; что Станиславъ воспитанъ отцами театинцами, извѣстными своими религіозными правилами и чистотою вѣры; что канцлеръ князь Чарторыйскій, пожелавшій возвести на престолъ Піаста, могъ безъ всякаго макіавелизма предпочесть своего племянника, познанія, сердце и умъ котораго служили предметомъ всеобщаго удивленія; во Франціи декретъ объ арестѣ за долги ни мало не безчеститъ, а тотъ, который былъ изданъ относительно Понятовскаго, состоялся лишь вслѣдствіе интригъ въ Парижѣ кучки завистливыхъ поляковъ; сношенія Понятовскаго съ Вольтеромъ и съ другими выдающимися умомъ людьми доказываютъ только, что и за границею цѣнили его умъ и любезность; о его неблагодарности по отношенію къ Августу III не могло быть и рѣчи, такъ какъ по рожденію своему онъ имѣлъ права на званіе камергера и посланника, и, наконецъ, упрекъ, что для достиженія престола онъ воспользовался поддержкою Россіи, тѣмъ болѣе неумѣстенъ

---

[1]) Лица занимавшія въ Польшѣ высокое положеніе и заслуживающія полнаго довѣрія, увѣряли меня, что дѣдъ Станислава Понятовскаго былъ крещеный жидъ, которому крестный отецъ, Понятовскій, далъ свое имя.

[2]) Такъ называли князя Чарторыйскаго, великаго канцлера и дядю короля, честолюбивая политика котораго имѣла въ виду лишь возвеличеніе своей семьи и желаніе играть въ своемъ отечествѣ выдающуюся роль.

[3]) Въ Парижѣ Понятовскій былъ за долги арестованъ.

со стороны сторонниковъ Саксоніи, что и Августъ II и Августъ III обязаны короною лишь поддержкѣ Россіи, которая могла же быть союзницею республики, не помышляя о ея порабощеніи.

Всѣ эти обвиненія служили лишь къ озлобленію умовъ и произвели на меня столь глубокое впечатлѣніе, что съ той поры уже я возненавидѣлъ республиканское устройство.

Слѣдовавшія за коронованіемъ празднества превзошли изяществомъ и разнообразіемъ все, что я видѣлъ впослѣдствіи въ Парижѣ и въ Петербургѣ. Молодой, пріятный и любезный король, старавшійся вообще нравиться и привлекать къ себѣ мужчинъ, оказывалъ особое почитаніе женщинамъ; прекрасный полъ, имѣвшій въ Польшѣ столь большое вліяніе на политическія дѣла, былъ имъ очарованъ. Болѣе чѣмъ кто-либо Станиславъ обладалъ ловкимъ умомъ, даромъ быть любезнымъ, искусствомъ пользоваться любовью другихъ, однимъ словомъ, всѣми тѣми свойствами, которыя частнаго человѣка дѣлаютъ всеобщимъ любимцемъ, а монарху, обладающему всѣми дарами природы и уже прославленному тѣмъ, что былъ любимцемъ Екатерины, обезпечиваютъ вѣрный успѣхъ. Поэтому женщины всѣ дѣйствовали въ его пользу, побуждали мужей ѣхать въ Варшаву, цѣловать руку любезнаго Понятовскаго и, заодно, наслаждаться пріятностями столичной жизни.

Король выписалъ изъ Франціи превосходную труппу актеровъ, а изъ Италіи выдающуюся орега buffa. Бестрисъ и Пикъ [1]) оставили на нѣкоторое время Парижъ, и Варшава стала средоточіемъ изящныхъ развлеченій. Неизмѣримо было мое восхищеніе, когда я въ первый разъ былъ на представленіи итальянской оперы. Давали «La buona Figliosa» и примадонной была Ристорини! Какое пѣніе, какая музыка, какъ вмѣстѣ все шло хорошо!..

Въ то время какъ я занимался «Неистовымъ Роландомъ» и восторгался его геройскими дѣлами, вниманіе Варшавы привлекъ на себя на мгновеніе современный, гораздо менѣе привлекательный, но болѣе счастливый рыцарь. Это былъ Петръ Биренъ, курляндскій наслѣдный принцъ, прибывшій за полученіемъ инвеституры для отца своего и для себя. Церемонія эта крайне льстила тщеславію польскаго короля. Вассалъ приносилъ ленную присягу, преклонивъ колѣно, какъ то дѣлали имперскіе князья, присягавшіе германскому императору. Торжество инвеституры Петра обставили необычайною роскошью, и я все нашелъ красивымъ, благороднымъ, величественнымъ кромѣ самого принца, на которомъ сосредоточивалась вся церемонія.

Отецъ мой былъ въ отчаяніи отъ обстоятельства, облекавшаго повидимому въ законныя формы права Бирена, котораго онъ всегда упре-

[1]) Знаменитости парижской труппы того времени.

калъ въ томъ, что, въ противность закону объ инвеституре, онъ не получилъ ее лично. Въ то время какъ король и республика торжественно признавали права семейства Бирена, надежды приверженцевъ герцога Карла теряли послѣднюю почву. Одинъ за другимъ они шли на примиреніе, и отецъ мой остался одинъ съ своимъ воззрѣніемъ.

Принцъ Ксаверій, правитель Саксоніи, отнялъ у отца пенсію, которая ему была назначена Августомъ III, такъ что онъ получалъ лишь ту, которую ему выдавалъ герцогъ Карлъ. Но она была такъ скромна, что ее хватало только на уплату нашимъ учителямъ и на наше содержаніе. Но отецъ скрывалъ отъ насъ какъ и отъ всѣхъ свое тяжелое положеніе и имѣлъ мужество во всемъ себѣ отказывать, лишь-бы обезпечить насъ. По его просьбѣ насъ приняли въ драгунскій принца Карла полкъ, часть котораго, подъ командою маіора фонъ-Пёльница стояла въ саксонскомъ дворцѣ. Для отца былъ праздникъ, когда мы надѣли саксонскіе мундиры. Мы были лишь прапорщиками à la suite [1]), но между тѣмъ пристойность требовала, чтобы отъ времени до времени ходили къ нашему командиру. Это былъ бравый вояка, отличившійся въ Семилѣтнюю войну, но умѣлъ лишь драться, играть и ругаться. Отецъ мой, мало выходившій, не подозрѣвалъ о тонѣ, который господствовалъ въ домѣ маіора. На меня это произвело непріятное впечатлѣніе, что̀ было замѣчено и за что на меня косились. Братъ мой, много меня моложе, имѣлъ болѣе открытый характеръ, сталъ въ наилучшія отношенія съ этими господами, сдѣлался любимцемъ маіора, но при этомъ онъ разстроилъ себѣ здоровье и потерялъ охоту къ труду. Чтобы отомстить мнѣ, г. фонъ-Пёльницъ называлъ меня ученымъ, что̀ въ его лексиконѣ означало самое бранное слово. Въ каникулы мы обучались военной службѣ и въ теченіе шести мѣсяцевъ ходили въ манежъ для упражненій.

Между тѣмъ мы заводили знакомства съ разными домами. Графиня Оссолинская, супруга волынскаго палатина и мать красавицы графини Потоцкой пригласила насъ и семейство д'А..., какъ весьма преданное саксонскому двору, къ себѣ и оказала самый радушный пріемъ.

У Оссолинской занимались чтеніемъ, толковали объ исторіи, о литературѣ, о политикѣ, и я преклонялся передъ тѣмъ пріятнымъ направленіемъ, которое умѣютъ въ этихъ кругахъ давать бесѣдѣ. Въ особенности-же я любовался княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ. Онъ читалъ и говорилъ съ большимъ изяществомъ; все, что онъ ни скажетъ, было всегда такъ ново и умно, что я слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ. Замѣтилъ-ли онъ это, или просто по свойственной ему вѣжливости, но онъ началъ со мною заговаривать и выручать меня въ моей застѣнчи-

[1]) Т. е. состояли при полку.

сильственнымъ средствамъ, которыя могли довести до отчаянія даже еще болѣе приниженную націю, чѣмъ была въ то время Польша. Броженіе сдѣлалось всеобщимъ. Магнаты и депутаты хотѣли тотчасъ же удалиться изъ города. Но Варшава была окружена русскими войсками, и безъ дозволительнаго свидѣтельства посла не было возможности выбраться.

Русская императрица, ради закрѣпленія за собою прочнаго вліянія въ Польшѣ, объявила себя покровительницею дворянъ-диссидентовъ и уснастила изданный ею манифестъ громкими выраженіями терпимости, просвѣщенія и гуманности, ловко пущенными энциклопедистами въ ту пору въ оборотъ при всѣхъ дворахъ. Уже ради одного титула короля-философа, даннаго ему Вольтеромъ, Станиславъ сталъ бы на сторону диссидентовъ, если бы то не было отъ него прямо потребовано Екатериною, а дворы прусскій, англійскій, шведскій и датскій, конечно, приступили къ взгляду на это дѣло петербургскаго кабинета.

Сенатъ и большинство польскаго народа воспротивились требованію диссидентовъ установить полную ихъ равноправность съ католиками.

— Всякое государство, говорила партія большинства, должно имѣть господствующую религію, а въ Польшѣ и Литвѣ такою считается, по праву и на дѣлѣ, римско-католическая. Дворянамъ-диссидентамъ можно дать доступъ къ высшимъ должностямъ при дворѣ и въ войскѣ, но право вступать въ сенатъ и въ палату депутатовъ должно быть имъ отказано.

Поддерживаемые Россіею диссиденты находили, что этого для нихъ недостаточно. Они соединились въ генеральную конфедерацію, маршаломъ которой былъ избранъ генералъ Грабовскій. Курляндскому дворянству предложили къ ней присоединиться, что́ рыцарство и сдѣлало путемъ формальнаго акта, въ который, предосторожности ради, были включены нѣкоторыя условія. Такое рѣшеніе состоялось отчасти благодаря усиліямъ русскаго резидента въ Митавѣ Симолина, который обѣщалъ герцогу увеличеніе его герцогскихъ правъ, а дворянству— увеличеніе привилегій. Россія и польскій король напрягали всѣ усилія къ осуществленію своего проекта, означавшаго торжество терпимости. Но ни угрозы, ни обѣщанія не соблазнили большинства націи, и раздраженный сопротивленіемъ князь Репнинъ прибѣгнулъ къ насилію, о которомъ была рѣчь выше. Онъ былъ убѣжденъ, что этимъ онъ напугаетъ и одолѣетъ всѣхъ членовъ сейма, но достигъ лишь того, что нѣсколько сдержалъ недовольство въ столицѣ; въ провинціи же недовольные, возбужденные религіею и оскорбленнымъ чувствомъ патріотовъ, стали въ открытую оппозицію, но безъ должной осмотрительности и безъ единства.

— Будь у насъ на престолѣ саксонскій принцъ,—восклицали недо-

вольные,—никогда бы онъ не потерпѣлъ такого посягательства на народную свободу и требованія диссидентовъ, одинаково противорѣчащаго и нашей религіи, и нашей конституціи.

Хотя безъ всякаго опредѣленнаго плана, но взоры обращались къ Саксоніи. Къ курфюрсту посылали разныхъ эмиссаровъ, предлагая ему корону. Онъ съумѣлъ отклонить всѣ сдѣланныя ему предложенія, но курфюрстина—мать, желавшая видѣть своего сына на престолѣ предковъ, протягивала посланцамъ руку и вела тайные переговоры съ недовольными въ Польшѣ и Литвѣ. Такимъ образомъ въ Дрезденѣ образовалось двѣ партіи: одна—курфюрстъ съ своимъ министерствомъ держалась пассивно, а другая,—состоявшая изъ курфюрстины-матери, принца Карла, французскаго и испанскаго посланниковъ, усиленно подъ рукою агитировала.

Князь-примасъ Подосскій, хотя окруженный русскими и открыто ставшій подъ ихъ защиту, счелъ нужнымъ, въ качествѣ главнаго іерарха католической церкви и ставленника Саксоніи, разыгрывать роль патріота и усерднаго католика, но такъ, чтобы себя не компрометировать. Фонъ-деръ-Говена и моего отца онъ неоднократно увѣрялъ въ своей преданности Саксоніи и предложилъ первому отправиться въ качествѣ тайнаго посланника къ саксонскому двору. Говенъ съ удовольствіемъ принялъ порученіе, при которомъ онъ, какъ посредникъ, могъ только выиграть и ничего не потерять.

Онъ вскорѣ отправился, а корреспонденція была возложена на меня. Примасъ вручилъ мнѣ шифры; черновыя отправленныхъ депешъ сжигались. Было выбрано два вымышленныхъ имени, и письма отправлялись путемъ, который не могъ возбудить подозрѣнія русскихъ. Своимъ проектомъ примасъ имѣлъ въ виду два дѣла: побудить Станислава отказаться отъ короны въ пользу курфюрста и вынудить Бирена возвратить Курляндію ея законному владѣльцу, герцогу Карлу.

Франція, завидовавшая господству Россіи въ Польшѣ и Курляндіи, согласилась на этотъ планъ, но выступать открыто не желала до тѣхъ поръ, пока конфедерація не сдѣлается общею и не создастъ себѣ центра, легальной, нѣкоторымъ образомъ, твердыни. При такихъ обстоятельствахъ герцогъ Карлъ рѣшился самъ отправиться въ Парижъ въ исполненіе желанія всѣхъ конфедератовъ и, прежде всего, усиленной просьбы своей супруги, графини Красинской. Въ бракъ этотъ онъ вступилъ еще при жизни короля Августа III, своего отца, но не рѣшился объявить о немъ открыто, такъ какъ, по германскимъ законамъ, дѣти отъ матери не равнаго съ мужемъ происхожденія не имѣютъ въ курфюршествѣ права наслѣдовать. Два дяди герцогини были душою недовольныхъ, въ особенности епископъ Каменца, большой руки интри-

*

ганъ, болѣе чѣмъ кто-либо содѣйствовавшій быстрому образованію конфедераціи.

Въ Барѣ, неподалеку отъ турецкой границы, собралось не малое число магнатовъ. Турція объявила себя на сторонѣ Польши, чтобы воспрепятствовать окончательному подчиненію послѣдней Россіи [1]). Маршаломъ конфедераціи былъ избранъ староста графъ Красинскій, братъ епископа. Находившаяся въ Барѣ часть войска республики примкнула къ конфедераціи, а Варецкій староста, Пулавскій, былъ объявленъ маршаломъ нѣсколькихъ палатинатовъ. Вскорѣ образовались одна конфедерація въ Галиціи, а другая въ Брадовскомъ палатинатѣ Но въ то же время на конфедератовъ напали и русскія и королевскія войска; подавленные численностью конфедераты бѣжали на турецкую территорію съ намѣреніемъ выждать тамъ болѣе благопріятнаго момента. Насилія, совершенныя надъ польскимъ дворянствомъ, умножили конфедераціи, которыя часто разгонялись, но уничтожены не были. Вскорѣ вся Польша и Литва были объяты пламенемъ волненій.

Около этого же времени я вступилъ въ сношенія съ княземъ-примасомъ. Чѣмъ болѣе я имѣлъ случай ближе видѣть людей, тѣмъ яснѣе видѣлъ господствующую въ Варшавѣ испорченность нравовъ. Высшій іерархъ польской церкви открыто жилъ со своею прежнею любовницею г-жею О., и дочь послѣдней, бывшая замужемъ за полковникомъ В., шла по стопамъ матери. При этомъ тонъ, господствовавшій среди жившихъ при князѣ дамъ, былъ менѣе всего приличенъ.

Я рѣшилъ покинуть Варшаву [2]). Братъ мой остался при отцѣ, которому черезъ русскаго посла была предложена выгодная сдѣлка съ Биреномъ. Полковникъ d'A., видѣвшій, что здоровье его друга расшатывалось съ каждымъ днемъ и что на принца Карла надежды мало, умолялъ моего отца вернуться въ отчизну. Получивъ отъ принца Карла письмо, въ которомъ тотъ его освобождалъ отъ принесенной присяги, отецъ мой извѣстилъ князя Репнина, что онъ предложеніе принимаетъ, но желаетъ, чтобы сдѣлка состоялась за поручительствомъ самого посла. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда я уѣхалъ въ Дрезденъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Барская конфедерація обнародовала свой манифестъ 29-го февраля 1768 года.

[2]) Гейкингу было предложено поступить въ саксонскую службу въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ.

ЖЕРТВА ТЕРРОРИЗМА.

(Казнь княгини Розаліи Любомірской [1]).

I.

30-го іюня 1794 года, на парижскихъ мостовыхъ, близъ бывшей «Тронной заставы» (barrière du trône), среди дико-разнузданнаго терроризма эпохи Робеспьера, погибла подъ ножемъ гильотины женщина извѣстнаго происхожденія, жена кастеляна кіевскаго, владѣльца Ополя, князя Александра Любомірскаго, оставивъ послѣ себя единственнаго ребенка — дочь, которая, благодаря счастливымъ стеченіямъ обстоятельствъ, была отыскана среди парижской черни и которою впослѣдствіи интересовалась вся Европа.

Мать ея Розалія Ходкевичъ—дочь Александра, графа шкловскаго, мышинскаго и чернобыльскаго, совѣтника литовской конфедераціи изъ эпохи послѣдней элекціи, позднѣйшаго старосты жмудскаго (умеръ въ 1781 г.)—родилась въ Чернобылѣ на Украйнѣ 16-го сентября 1768 г. [2]).

Она была родной сестрою извѣстнаго воина и ученаго Александра Ходкевича, бывшаго члена «Товарищества друзей науки», автора сочиненій: «Портреты прославленныхъ поляковъ» (1820 г.) и семитомной «Химіи». Ходкевичъ обладалъ самою цѣнною библіотекою въ краѣ, которую продали съ публичнаго торга его кредиторы, вмѣстѣ съ дворцомъ на Медовой улицѣ. Продажа эта была вызвана разореніемъ графа, благодаря значительнымъ расходамъ на научныя изысканія [3]).

---

[1]) Извлеченіе изъ книги А. Краусгара, подъ заглавіемъ: „Ложь и историческая правда о трагической кончинѣ княгини Розаліи Любомірской, казненной въ Парижѣ въ 1794 году".

[2]) „Wiad. Warsz." за 1768 г., № 81.

[3]) „Кладбище Повонское", гл. III, 183.

Розалія Ходкевичъ вышла замужъ въ 1787 году за князя Александра Любомірскаго, кастеляна кіевскаго (титулованнаго: maréchal des camps et armées du Roy), владѣльца Ополя въ Люблинскомъ уѣздѣ. Человѣкъ этотъ, какъ о немъ пишутъ, былъ очень отважный и часто ѣздилъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ на маленькой шлюпкѣ, искалъ приключеній, не боялся опасностей [1]).

О первыхъ годахъ супружеской жизни мы находимъ характеристическій матеріалъ въ «Запискахъ жены воеводы, Накваской», которая отлично знала княгиню Розалію, какъ ближайшую сосѣдку [2]).

«Въ Ополѣ, пишетъ Накваская, жилъ князь Александръ Любимірскій, который находился въ тѣсной дружбѣ съ моимъ отцомъ. Его жена, урожденная Ходкевичъ, одна изъ прелестнѣйшихъ дамъ того времени, въ полномъ расцвѣтѣ молодой жизни, срывала своей изящной ручкой весенніе цвѣты, жила все время за границей и рѣдко заглядывала въ Ополь».

И въ самомъ дѣлѣ молодые супруги очень рѣдко жили вмѣстѣ. Князь путешествовалъ по Англіи и Франціи [3]), а его молодая жена, сдѣлавшись въ 1788 году матерью Александры (позже—Розалія Ржевуской), пребывала чаще всего въ Варшавѣ, гдѣ находилась въ кружкѣ пріятельницъ, артистовъ и литераторовъ, увлекая весь аристократическій міръ своею красотою, живымъ темпераментомъ и необыкновенною любезностью.

«Во время большаго сейма, пишетъ Козміанъ, три красивѣйшія женщины города Варшавы: жена коронного подскарбія Коссаковская, урожденная Сангушко, княгиня Розалія Любомірская и Юлія Потоцкая, урожденная Чарторыйская, — добивались расположенія къ нимъ князя Іосифа.

«Молоденькія барыньки собрались въ день его именинъ «подъ Бляхой», подкупили камердинера, чтобы онъ впустилъ ихъ въ его спальню, и украсили постель его цвѣтами... Но случилось такъ, что князь Іосифъ неожиданно вернулся домой съ любимой имъ актрисой Ситанской и вошелъ въ комнату. Встрѣча эта для обѣихъ сторонъ оказалась крайне непріятной»...

Скандалъ этотъ увѣковѣчилъ покойный І. И. Крашевскій въ своемъ историческомъ очеркѣ: «Именины», помѣщенномъ въ «Фантастическихъ и литературныхъ путешествіяхъ» въ 1838 году, безъ названія дѣйствующихъ лицъ. Но болѣе рельефно охарактеризовалъ ихъ Войцицкій въ своемъ сочиненіи: «Варшава и ея общество въ [illegible]» (1875.

[1]) [illegible] „Ист. [illegible]", т. I, 334.

[2]) „[illegible] Хрон.", [illegible], № 4.

[3]) N. M. K. „[illegible]" [illegible], стр. XLV.

стр. 168—169), въ которомъ онъ описываетъ факты настолько ясно, что какой-нибудь талантливый драматическій писатель могъ бы получить богатый матеріалъ для бытовой и исторической шутки.

Войцицкій, намекая о двухъ дамахъ, несомнѣнно о Любомірской и Потоцкой, которыя были влюблены до безумія въ князя Іосифа, высказываетъ сомнѣнія въ дружбѣ этихъ женщинъ. Соперницы бывали другъ у дружки, обнимались и цѣловались, даже думали вмѣстѣ, какой бы с ю р п р и з ъ сдѣлать князю, но тайно рыли другъ дружкѣ яму, чтобы удалить пріятельницу и самой остаться съ предметомъ своей горячей любви.

Болѣе вѣроятные факты, касающіеся дѣятельности княгини во Франціи, выдвигаются оффиціальными доказательствами только въ ужаснѣйшемъ 1793 году, въ эпоху, когда княгиня пребывала съ своимъ ребенкомъ въ мѣстечкѣ Шелло, подъ Парижемъ, неподалеку отъ Елисейскихъ полей. Тамъ она входитъ въ сношенія съ луветьенскимъ дворцомъ, въ которомъ жила непринужденно по смерти Людовика XV извѣстная фаворитка его—графиня Дюбарри.

Съ этого времени источникомъ нашихъ извѣстій о судьбѣ княгини Любомірской будутъ преимущественно оффиціальные отчеты и документы, имѣющіе какую-либо связь съ ея процессомъ.

Главнымъ мотивомъ къ обвиненію, заключенію въ тюрьму и казни княгини Любомірской была находка въ бумагахъ Дюбарри нѣсколькихъ конфиденціальныхъ писемъ за 1793 годъ и, какъ мы ниже убѣдимся, самаго невиннаго характера, въ которыхъ выражено сочувствіе и сожалѣніе о судьбѣ сидѣвшей въ то время въ Консьержери несчастной королевы Маріи-Антуанеты.

Одно письмо, приложенное къ оффиціальнымъ документамъ обвиненія, послужило судьямъ вѣскимъ доказательствомъ, что княгиня Любомірская, интересуясь судьбою королевы, поддерживала сношенія съ роялистами и съ собранными на восточной границѣ Франціи силами коалиціи, что въ тогдашнемъ настроеніи республиканскихъ умовъ, видѣвшихъ во всемъ и всѣхъ одну измѣну, равнялось преступленію и рѣшало судьбу обвиняемыхъ.

Нисколько не удивительно сочувствіе Любомірской къ Маріи Антуанетѣ, но странны и весьма характерны ея отношенія къ обезславленной Жаннѣ Воберньё, которая, насколько была возвеличена при жизни Людовика XV, уважаема со стороны придворной аристократіи и окружена самыми избранными лицами,—на столько же, по смерти Людовика, въ 1774 году, изгнанная тайнымъ приказомъ въ Луветьенъ (дворецъ въ окрестностяхъ Парижа), она упала въ мнѣніи общества и дошла до униженія лицъ, нравственно падшихъ и порицаемыхъ, съ которыми такія женщины, какъ Любомірская, не могли имѣть ничего общаго.

А между тѣмъ подлинные документы, не опровергнутые и самой

обвиняемой, доказывали, что между этими женщинами, далекими другъ отъ дружки, какъ два полюса, существовала близкая, дружеская связь... Благодаря такимъ обстоятельствамъ, возникаетъ рядъ предположеній о свободныхъ нравственныхъ принципахъ, которыми руководились женщины конца XVIII вѣка.

Всѣмъ извѣстно, что по вступленіи на престолъ Людовика XVI былъ изданъ указъ объ изгнаніи г-жи Дюбарри изъ Версаля съ признаніемъ за ней права на полученіе пожизненной пенсіи въ количествѣ ста пятидесяти тысячъ ливровъ ежегодно. Послѣ этого любовница Людовика XV поселилась въ Луветьенскомъ замкѣ, роскошно отдѣланномъ архитекторомъ Леду, и тамъ, среди великолѣпія, постоянныхъ веселыхъ разговоровъ въ кружкѣ прежнихъ почитателей и придворныхъ прежняго режима, проводила остатокъ своей завидующей молодости на любовныхъ интригахъ съ лордомъ Сеймуромъ и княземъ де-Бризакомъ (казненнымъ въ Версалѣ въ 1792 году), ослѣпляя все общество своею пышностью и расточительностью въ самый разгаръ эпохи всеобщаго голода и неурожая, какими была въ то время обуреваема республиканская Франція.

Въ 1784 году королевская казна купила отъ Дюбарри ренту, дарованную ей покойнымъ королемъ, за два милліона пятьсотъ тысячъ ливровъ; а кромѣ того она получала по сто тысячъ франковъ ежегодной пенсіи, которые тратила на разные пиры и торжества, собирая и покупая всевозможныя драгоцѣнности и обращая на себя вниманіе кровожадныхъ злодѣевъ.

Въ 1791 году, то есть въ эпоху самаго сильнаго революціоннаго разгара, злодѣи ворвались въ Луветьенскій дворецъ и похитили шкатулку съ драгоцѣнностями Дюбарри. Обиженная такою потерей, она объявила въ парижскихъ газетахъ награду въ пятьдесятъ тысячъ франковъ тому лицу, кто откроетъ воровъ, но при томъ была настолько неосторожна, что перечислила и описала всѣ украденные бриллианты, жемчуги, рубины и изумруды, подаренные ей Людовикомъ XV, а это обстоятельство еще больше возбудило зависть толпы и дало поводъ для ряда новыхъ проклятій на расточительность стараго режима.

Наконецъ, узнавъ, что похитители ея драгоцѣнностей были пойманы въ Лондонѣ, она поспѣшила въ Англію, откуда донесли во Францію, что она часто видѣлась съ министромъ Питтомъ и носила трауръ по арестованной королевской четѣ.

Получивъ найденную часть драгоцѣнностей, Дюбарри вернулась во Францію, но потомъ ѣздила еще нѣсколько разъ въ Лондонъ, подъ предлогомъ отысканія остальныхъ вещей. Въ 1793 году она была такъ неосторожна, что вернулась въ свой Луветьенскій замокъ и здѣсь ужъ застала на дверяхъ и всей домашней утвари печати, наложенныя ея

собственными слугами, которые въ это время превратились въ совѣтниковъ мѣстнаго муниципалитета.

Негръ Заморе, воспитанникъ и лакей Дюбарри, оказался злѣйшимъ врагомъ своей госпожи и благодѣтельницы, и по его то иниціативѣ произошелъ арестъ владѣтельницы замка 27-го сентября 1793 года, а вслѣдъ затѣмъ—процессъ, въ которомъ обвинялась не столько сама Дюбарри, сколько бывшій порядокъ правленія во Франціи, благодаря которому насиловались права народа.

Въ тотъ же день (17 Frimaire l'an II), какъ только въ «Монитерѣ» появилось имя начальника артиллеріи нѣкоего Бонапарта (№ 77 «Монитера» за 1794 г.), Дюбарри стала передъ рѣшеткой революціоннаго трибунала и, несмотря на слезы и торжественнѣйшія клятвы, что она не принадлежитъ къ числу заговорщиковъ противъ республики, ее все-таки приговорили къ смерти.

Любовь къ жизни и всевозможнымъ удовольствіямъ заглушили въ несчастной чувства собственнаго достоинства. Защищая себя, она выдала суду многихъ лицъ изъ аристократіи, съ которыми имѣла какія-либо сношенія, чѣмъ, конечно, навлекла и на нихъ не только подозрѣніе, но и смерть.

На слѣдующій день по произнесеніи судомъ приговора, Дюбарри повезли гильотинировать. Вырываясь отъ палачей и рыдая, она просила ихъ подарить ей хоть одну минуту жизни. «Encore un moment, monsier le Bourreau!» воскликнула она, лежа ужъ на фатальной доскѣ.

10-го декабря 1793 года «Монитеръ» лаконически заявилъ о казненной слѣдующими словами: «Elle avait vécu dans la débauche et le crime. Elle est morte sans courage»...

II.

Между бумагами, найденными при обыскѣ дворца графини Дюбарри, нашлись два письма, изъ которыхъ одно было писано 6-го іюля безъ даты года, подписанное: «Александра, княгиня Любомірская», а другое — не подписанное и тоже безъ даты; но очевидно, оно было писано 11-го августа 1793 года, такъ какъ въ немъ упоминалось о вчерашнемъ празднествѣ, состоявшемся наканунѣ въ Парижѣ въ честь соединенія республиканской Франціи въ братскихъ чувствахъ и равенствѣ. Содержаніе этихъ писемъ возбуждало предположеніе о тѣсныхъ отношеніяхъ корреспондентки съ Дюбарри, о ея сочувствіи къ судьбѣ несчастной Маріи-Антуанеты и о презрительномъ трактованіи

«народнаго величія», объясняемаго въ ироническихъ намекахъ, которые она бросила вскользь по адресу могущественныхъ правителей тогдашней Франціи.

«Я только что узнала, писала Любомірская къ Дюбарри въ письмѣ отъ 6-го іюля, о вашемъ возвращеніи въ Луветьенъ и о несправедливомъ преслѣдованіи васъ. Первое побуждаетъ меня полетѣть къ вамъ на крыльяхъ дружбы, а второе—уполномочиваетъ обратиться къ т е б ѣ съ просьбой оповѣстить меня, въ видѣ особенной ласки, чѣмъ я могу быть тебѣ полезной?.. Если мои желанія не увѣнчаются успѣхомъ, то позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, раздѣлить съ тобою твое одиночество, чтобы хоть этимъ доказать тебѣ, что тѣ, которыхъ ты удостоила своей дружбой и отличіемъ отъ другихъ, не легко забываютъ о томъ. До свиданія! Остаюсь въ нетерпѣливомъ ожиданіи благопріятнаго отвѣта, достойнаго сочувствія, какое ты возбуждаешь во мнѣ, чтобы скорѣе быть вмѣстѣ съ тобою» [1]).

Въ другомъ инкриминированномъ письмѣ неизвѣстная корреспондентка писала слѣдующее:

«Воскресенье, утромъ. Должно быть, я представляюсь тебѣ очень виноватой, что такъ долго не писала и не была у тебя; но если-бъ ты знала, какъ я страдала и была опечалена долгой разлукой, то, безъ сомнѣнія, сжалилась бы надо мною. Я всегда буду прибѣгать къ этому чувству, сколько разъ обстоятельства заставятъ меня временно быть въ разлукѣ съ тобою. Ничего новаго и достойнаго вниманія я не могу сообщить тебѣ о событіяхъ дня. Празднество, состоявшееся здѣсь вчера доказываетъ только народное величіе... Королева и по-сегодня еще въ Консьержери. Говорили, что ее хотятъ перевести въ Темпль, но это неправда. Во всякомъ случаѣ, я спокойна за ея судьбу... Наши владыки измучены славой и навѣрное пожелаютъ, какъ я допускаю, отдохнуть на своихъ лаврахъ... Досвиданія, и позволь прижать тебя къ своему сердцу съ тѣмъ уваженіемъ, наслажденіемъ и чувствомъ, какія я питаю къ тебѣ. Тысячу поклоновъ Мими. Моя малютка цѣлуетъ твои ручки»... [2]).

Отрывокъ отъ словъ: «ничего новаго» до словъ «на своихъ лаврахъ» подчеркнутъ слѣдователемъ, какъ сильно подозрительный и доказывающій, что корреспондентка имѣла сношенія съ королевской семьей въ Консьержери. Изъ приписки, помѣщенной на письмѣ судебными слѣдователями Воланомъ и Жаготомъ, видно, что они не знали фамиліи автора письма и приписывали его княгинѣ де-Бранка, которая, вмѣстѣ съ

---

[1]) „Arch. Nation W“. 351, dossier 713, II. dok. 33.

[2]) Ibid. dok. 31.

Дюбарри, была въ Лондонѣ, во время розыска послѣдней своихъ драгоцѣнностей. Но впослѣдствіи оказалось, что авторшей этого письма была княгиня Любомірская, о чемъ созналась сама Дюбарри на судѣ.

Послѣднее письмо имѣетъ для насъ особенное значеніе, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ о дружескихъ отношеніяхъ княгини съ Дюбарри, и что она жила въ Шелло съ своей дочерью Розаліей, которая пользовалась большимъ расположеніемъ графини.

Празднество 10-го августа, о которомъ упоминаетъ княгиня Любомірская, состоялось по программѣ, составленной извѣстнымъ художникомъ Давидомъ,—который, прежде чѣмъ пристать къ Бонапарту, увѣковѣчилъ славу его своею художественною кистью, какъ художникъ Курбе, разрушитель Вандомской колонны,—ярымъ республиканцемъ и творцомъ разныхъ проектовъ уничтоженія всего, что напоминало прежнюю славу королевскаго правленія во Франціи [1]).

Независимо отъ приведенныхъ выше двухъ писемъ, между бумагами другой обвиняемой, де Розамбо, найдено безъименное письмо, написанное 11-го декабря 1789 г. изъ Ниццы, въ которомъ упоминалось имя Любомірской. Это письмо было достаточной уликой для суда, что пріятельница Дюбарри уже въ 1789 году имѣла сношенія съ французскими эмигрантами. [2]).

Возмутительнымъ выраженіемъ суда было слово—относительно намека о торжествѣ 10-го августа,—«scélérats», характеризующее степень преступленія корреспондентки...

Въ иллюстрированномъ изданіи: «La révolution française», съ текстомъ Жюля Жанана, помѣщенъ портретъ Дюбарри въ такой же позѣ и характерѣ одежды, какія мы видимъ на геліоминьятюрѣ княгини Любомірской. Несомнѣнно, оба портрета были работы извѣстной художницы Лебренъ, которая принадлежала къ постояннымъ посѣтителямъ Луветьенскаго дворца [3]).

Это доказываетъ степень дружбы между дамами; но содержаніе помянутыхъ писемъ нисколько не возбуждаетъ подозрѣнія въ томъ, чтобы дамы выходили изъ рамокъ нормальныхъ отношеній, за которыми скрывалась еще какая-то тайная цѣль, основанная на политическомъ заговорѣ.

Но въ эту эпоху достаточно было малѣйшаго подозрѣнія для обвиненія въ измѣнѣ.

---

[1]) Подробное описаніе празднества 10-го августа имѣется въ соч. К. А. Дюбана: „La démagogie en 1793“. Парижъ. 1869, стр. 317.

[2]) „Arch. Nat. W.“ 351, doss. 713 dok. 25.

[3]) Дюбанъ: „Démagogie“, стр. 596.

III.

9-го октября 1793 года, для судебнаго слѣдствія по дѣлу графини Дюбарри были назначены «Комитетомъ общественной безопасности и охраны» два его члена: Воланъ и Жаго, съ цѣлью допроса обвиняемой относительно инкриминированныхъ писемъ. Делегаты поставили слѣдующіе вопросы:

— Кто та личность, которая писала письмо, помѣченное датой воскресенье утромъ?

— Польская княгиня Любомірская, отвѣчала Дюбарри.—Она писала ко мнѣ, насколько помнится, въ августѣ текущаго года изъ Парижа.

— А давно она живетъ во Франціи, и не извѣстно ли вамъ, гдѣ она въ настоящее время находится?

— Не знаю, какъ давно, какъ равно мнѣ неизвѣстно и ея мѣстожительство.

— Бывала ли она у васъ и въ какую эпоху?

— Я видѣлась съ нею нѣсколько разъ, прежде всего, въ 1789 году, а затѣмъ—въ іюлѣ текущаго года. Мнѣ кажется, она жила въ окрестностяхъ Шелло; прежде она тамъ занимала весь дворецъ Сальмъ.

— Какое объясненіе вы можете дать по этому письму?

— Никакого, потому что не я писала его. Если-бъ я писала, то могла бы объяснить свои побужденія...

«Послѣ этого, говорится въ протоколѣ, письмо это скрѣплено и подписано: Dubarry, Er. Jagot, Vaulland»[1]).

Чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ составленія протокола, когда онъ вошелъ въ законную силу и когда, такъ сказать, былъ покрытъ слезами тысячъ семей Франціи возбудилось снова дѣло княгини Любомірской, которое и передано революціонному трибуналу.

Эта ужасная магистратура, учрежденная сначала исключительно для суда роялистовъ, начала свою дѣятельность въ августѣ 1792 года, въ то время, когда на границѣ Франціи появились первыя войска коалиціи вспомогаемыя экскадронами эмигрантовъ, чтобы возстановить королевскую власть этой страны.

Судебныя дѣйствія были впослѣдствіи подкрѣплены реакціоннымъ движеніемъ въ Вандеи и пораженіями генерала Дюмурье въ Бельгіи и Голландіи. По предложенію Роберта Линде эти дѣйствія были ослаблены и освобождены отъ всякихъ формальностей, которыя, нѣкоторымъ образомъ, ручались за правильныя отношенія суда къ заподозрѣннымъ.

---

[1]) «Arch. Nat. W.», 351 doss. 713, dok. 26.

Число дѣлъ увеличилось только во второй половинѣ 1793 года, и увеличилось настолько, что трибуналъ раздѣлился сначала на двѣ, а затѣмъ на три и болѣе секцій. Тысячи заподозрѣнныхъ переполнили парижскія тюрьмы. Въ нихъ сажали безъ различія пола и возраста лицъ съ самыми громкими именами исторической, военной, парламентарной и духовной Франціи. Власти нисколько не стѣснялись въ своихъ дѣйствіяхъ и привязывались къ малѣйшимъ намекамъ на подозрѣнія. Для ареста достаточно было самаго званія, сана, богатства. Люди были обвиняемы за то, что они жили по близости отъ заподозрѣнныхъ, за родство, родственное сходство, переписку съ членами семьи, отдѣленной пограничнымъ кордономъ; за религіозныя чувства, взгляды и мнимыя реактивныя убѣжденія. Собственно говоря, не было ни виноватыхъ, ни невинныхъ: были только подозрѣваемые и доносчики. Ни возрастъ, ни полъ, ни болѣзнь не исключали возможности обвиненія и даже смерти.

Арестъ княгини Любомірской былъ совершонъ неожиданно и моментально. Но, очевидно, она уже предчувствовала свою судьбу во время процесса Дюбарри, если старалась извѣстить своихъ родныхъ, живущихъ въ Польшѣ, о своемъ печальномъ и даже отчаянномъ положеніи.

Въ «воспоминаніяхъ» благополучно живущаго до настоящаго времени старика Генриха Олехновича-Стецкаго [1]) мы находимъ любопытный отрывокъ о княгинѣ Любомірской и о способѣ, какой она избрала для пересылки извѣстія своему мужу въ Польшу о своей дочери, которой ужъ было нѣсколько лѣтъ.

Уѣзжая изъ Польши во Францію, Любомірская взяла съ собою гардеробщицу и, въ помощь ей, простую деревенскую дѣвушку. Послѣдняя научилась говорить по-французски, и ее Стецкій видѣлъ уже старушкой въ Малиновѣ, имѣніи Ходкевича. Однажды бабушка Стецкаго позвала старушку и попросила ее разсказать приключенія изъ своей молодости въ эпоху пребыванія княгини Любомірской во Франціи.

Вотъ приблизительное содержаніе ея разсказа:

Однажды княгиня позвала дѣвушку въ свой будуаръ и сказала:

— Достаточно-ли ты любишь меня, чтобы сдѣлать мнѣ услугу, которую я отъ тебя потребую?

Дѣвушка упала передъ нею на колѣни и отвѣтила, что она охотно отдастъ за нее свою жизнь.

Тогда княгиня, поставивъ передъ ней распятіе, приказала присягнуть, что она исполнитъ ея волю.

Затѣмъ она расплела ея косу, причесала, опять заплела и приколола ее шпильками вокругъ головы. При чемъ, напомнивъ о присягѣ, по-

[1]) Львовъ, 1895. стр. 72 и слѣд.

требовала отъ дѣвушки, чтобы она отправилась въ Польшу и разсказала ея мужу, что княгиня сдѣлала съ нею передъ отъѣздомъ, и просила точно также стать на колѣни передъ нимъ и попросить, чтобы онъ причесалъ ее, а до этого времени приказала не прикасаться къ своимъ волосамъ. Говоря это, она дала ей немного денегъ на дорогу и прибавила:

— Вотъ все, что я могу тебѣ дать: больше—не въ состояніи. Я ужъ давно не получала изъ своего отечества денегъ. Постарайся, чтобы тебѣ хватило на всю дорогу...

И, благословивъ, она со слезами отправила ее въ путь. Дѣвушка пошла пѣшкомъ въ своемъ крестьянскомъ нарядѣ. Къ счастью, ей удалось пройти безпрепятственно границу. Въ Германіи она шла смѣлѣе и, встрѣчая ѣдущихъ, просила подвезти ее за нѣсколько грошей. Отдохнувъ на какомъ-либо возу, она шла далѣе по маршруту, который ей написала княгиня.

Путешествіе это продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, дѣвушка пришла домой и поступила согласно приказанію княгини.

Какъ только князь расплелъ ея волосы, изъ нихъ вывалилась бумажка, которую онъ поднялъ... Прочитавъ ее, слезы градомъ покатились по его лицу, и онъ только воскликнулъ: Pauvre enfant!

Стецкій намекаетъ, что дочь Розаліи—по разсказамъ старушки—была отдана въ тюрьму Темпль, гдѣ воспитывалась у привратницы и должна была прислуживать тѣмъ, которые дали ей пріютъ и кормили ее: она носила воду, убирала комнаты и, вообще, исполняла разныя черныя работы...

IV.

19-го апрѣля 1794 года (30 Germinal l'an II de la Rep.) Комитетъ общественной безопасности и охраны, составленный изъ лицъ Амара, Луиса (Du bas Rhin), Вадьера, Дюбарра, Лавикомтерье (автора «Code de la nature»), М. Байля, Жаго, Воланда, Давида (художника) и Лакоста (редактора рапорта о заговорѣ барона де-Басъ), вынесъ слѣдующій приговоръ:

«Комитетъ постановилъ отослать çi-devant княгиню Любомірскую, обвиняемую въ сношеніяхъ çi-devant съ графиней Дюбарри, приговоренной къ смерти, за поддержку съ нею противореволюціонной корреспонденціи,—въ трибуналъ, съ цѣлію разбора ея судебнаго дѣла подъ контролемъ народнаго прокурора».[1]

[1] Arch. Nat. W. [illegible] doss. [illegible] dok. [illegible]

Этимъ прокуроромъ былъ извѣстный Антоній Квентинъ Фукье-Танвиль, называемый бичемъ революціи, который, посвятивъ себя адвокатурѣ, воспѣвалъ въ бездарныхъ рифмахъ добродѣтель Людовика XVI, а затѣмъ, увлеченный теченіемъ всевозможныхъ политическихъ событій и необузданнымъ стремленіемъ къ извѣстности, сдѣлался кровавымъ поритателемъ массовыхъ страстей и посылалъ тысячи невинныхъ жертвъ на эшафотъ. Съ 1792 до 9-го Термидора 1794 года Танвилль былъ грозою Франціи и, благодаря своей независимости и запальчивости, держалъ въ уздѣ своихъ страшныхъ союзниковъ: Дантона, обоихъ Робеспьеровъ, Сенъ-Жуста, Котона и Лебаса.

Именно, по его приказу была доставлена изъ тюрьмы «Porte Libre», иначе «la Bourbe», 21-го апрѣля 1794 года (2 Floréal de l'an II) княгиня Любомірская въ трибуналъ, въ которомъ, наканунѣ суда надъ нею, произведено было судебное слѣдствіе для собранія матеріала и составленія обвинительнаго акта.

Спрошенная: какъ зовутъ, сколько лѣтъ, какого званія, гдѣ родилась и гдѣ живетъ, обвиняемая отвѣтила:

— Меня зовутъ Розаліей Ходкевичъ; состою замужемъ за Александромъ-Людовикомъ Любомірскимъ; имѣю двадцать три года отъ роду; родилась на Украйнѣ въ Черноблѣ; живу въ Шело, № 33.

— Состояли-ль вы въ заговорѣ противъ свободы и народнаго всемогущества и не поддерживали-ль отношенія, посредствомъ корреспонденцій, съ внутренними и внѣшними врагами республики или какимъ либо другимъ образомъ?

— Не только не состояла въ заговорѣ, но и оставила свой родной край ради того, чтобы пользоваться полною свободой. Меня изгнали даже изъ Швейцаріи за демократическія убѣжденія, а съ той минуты, какъ я поселилась во Франціи, я живу исключительно въ кружкѣ артистовъ.

— Вы избрали себѣ защитника?

— Нѣтъ.

Трибуналъ назначилъ ей защитника по своему усмотрѣнію, въ лицѣ гражданина Шво-Лагарда [1]) бывшаго недюжиннымъ защитникомъ: ему поручалась защита всѣхъ болѣе извѣстныхъ женщинъ, которыя въ эту эпоху сажались за рѣшетку трибунала. Въ свое время, онъ былъ избранъ защитникомъ Каролины Корде, обвинявшейся въ убійствѣ Марата, судъ надъ которой состоялся 17-го іюля 1793 года подъ предсѣдательствомъ Монтана, вопреки ея волѣ, такъ какъ она не пожелала имѣть защитника [2]). Онъ же защищалъ 22-го сентября 1793 г., не-

[1]) „Arch. Nat. W." 351, doss. 713, dok. 35.

[2]) Кампардонъ, т. I. 66.

счастную королеву Марію-Антуанету и, благодаря этой защитѣ, получилъ извѣстность. Принявъ на себя защиту королевы по приказанію «Комитета общественной безопасности», онъ былъ послѣ того арестованъ и допрошенъ, по какому предмету онъ говорилъ съ королевой?..

Именно къ нему и обратилась мученица съ тревожнымъ вопросомъ: не выказала ли она въ своихъ отвѣтахъ передъ трибуналомъ чрезмѣрнаго высокомѣрія, благодаря которому въ судебной залѣ раздался голосъ одной женщины: «Vois-tu comme elle est fiere!» [1]).

8-го ноября 1793 года онъ защищалъ г-жу Роланъ, но, какъ извѣстно, неудачно; точно также ему не посчастливилось въ защитѣ сестры короля Людовика XVI, княжны Елизаветы [2]). Лягардъ оставилъ послѣ себя записки, изданныя подъ заглавіемъ: «Notice histor. sur les procis de Marie-Antoinette et de Mad. Elisabeth. († 1841 г.).

Въ тогдашнемъ плачевномъ положеніи Франціи гуртовое обвиненіе и такіе же гуртовые приговоры суда были обыкновеннымъ явленіемъ и считались въ порядкѣ вещей. Въ одно засѣданіе трибунала приговаривали по нѣсколько десятковъ лицъ, не имѣющихъ между собою никакихъ отношеній, не знакомыхъ другъ съ другомъ и не связанныхъ никакими узами.

Тотчасъ послѣ допроса княгини Любомірской, прокуроръ Фукье-Танвилль написалъ обвинительный актъ, въ который включилъ и другихъ лицъ, посаженныхъ въ тюрьму Портъ-Либръ. Въ ней сидѣли арестованные съ громкими именами аристократической, дипломатической, юридической и литературной Франціи.

Вереницу сообвиняемыхъ мужчинъ и женщинъ открывалъ извѣстный Жанъ-Дюваль Даспремесниль, одинъ изъ трибуновъ бывшаго парижскаго парламента, философъ и юристъ; уважаемый старикъ Вильгельмъ Ламоаженонъ Мальшербо, защитникъ Людовика XVI, первый президентъ совѣта и бывшій министръ, котораго арестовали въ деревенскомъ затишьѣ съ ближайшими членами его семьи: дочерью и зятемъ де Розамбо, родственникомъ маркграфини Шатобріанъ, старшимъ братомъ извѣстнаго автора сочиненія: «Загробныя записки». Товарищами ихъ участи были: Шапелье, одинъ изъ редакторовъ республиканской конституціи; Туре, извѣстный юристъ; Гель, бывшій генеральный прокуроръ, альзасскій синдикъ и администраторъ верхне-рейнскаго департамента.

Мотивъ обвиненія былъ одинъ для всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ и обнималъ собою общій документъ, въ которомъ доказывалось, что обвиняемые «принимали участіе въ заговорѣ, существовавшемъ съ

[1]) Ibid, т. I. 119.
[2]) Ibid. 172. 318.

1789 года, противъ народной свободы и всеимогущества; благодаря чему всѣ они содѣйствовали злоупотребленіямъ властей, видѣли внутренній и внѣшній раздоръ вслѣдствіе измѣны, насилій и денежной помощи врагамъ съ цѣлью низверженія народнаго представительства и нарушенія установленнаго порядка».

Что касается княгини Любомірской, то прокуроръ Фукье-Танвиль бросилъ ей голословный упрекъ, будто «Любомірская, называющая себя польской княгиней, была дѣйствительно агентомъ контрреволюціонеровъ». Ее встрѣчаютъ въ 1790 году въ Ниццѣ въ обществѣ французскихъ эмигрантовъ съ какою то Леви, Рокюфель и другими. Въ 1793 году мы видимъ ее въ кружкѣ куртизанокъ и заговорщицъ Дюбарри. Письмо, писанное этой княгиней къ помянутой куртизанкѣ въ истекшемъ августѣ ироническимъ стилемъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она говоритъ о величіи французскаго народа, доказываетъ, что она была посвящена въ тайну заговора, который составлялся въ пользу Антуанеты въ тотъ моментъ, когда ее везли въ Консьержери. «Королева: писала обвиняемая къ Дюбарри, еще въ Консьержери; это ложь, что ее намѣрены перевезти въ Темпль; во всякомъ случаѣ, я спокойна за ея судьбу». Это обстоятельство ясно доказываетъ, что она разсчитывала на удачу интригъ, затѣянныхъ въ то время австрійской архикняжной, съ цѣлью освободить ее отъ суда и устранить отъ заслуженнаго наказанія...

Положеніе Любомірской было отчаянное. Сотоварищамъ ея судьбы оставалась хоть та утѣха, что если они погибнутъ, то погибнутъ за традицію, представителями которой они были какъ по рожденію, такъ и по убѣжденіямъ, и что они лишатся жизни за права человѣчества, изнасилованныя демагогами; но что общаго могла имѣть съ ихъ убѣжденіями иностранка, случайно и неосмотрительно ведомая страстью впечатлѣній, заблудившаяся на парижской мостовой, безъ помощи, безъ пріятелей и безъ того единенія съ чуждымъ ей обществомъ и его жертвами, которое въ рѣшительныя минуты жизни соединяетъ лицъ одинаковыхъ традицій и дѣлаетъ для нихъ сносной самую ужасную судьбу?

Всѣ ея товарищи, безъ исключеній, защищаясь противъ обвиненій, чувствовали въ глубинѣ души своей, что ихъ убѣжденія, въ которыхъ ихъ обвиняли, какъ злодѣевъ, въ самомъ дѣлѣ были ихъ личными убѣжденіями; что всѣ желали скорѣйшаго возвращенія къ прежнему порядку, къ освобожденію сиротской королевской семьи отъ кровожадной банды Робеспьера и Фукье, которая держала въ эту эпоху судьбу Франціи въ своихъ когтяхъ; что они были солидарны съ своими сердцами, чувствами, могуществомъ традицій и съ полками эмигрантовъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ шли съ помощью на границу Франціи.

Такихъ убѣжденій и чувствъ не могла питать молодая женщина, полькаго аристократическаго рода; она была связана только чисто человѣческимъ состраданіемъ къ королевской судьбѣ и не имѣла никакой тѣсной связи съ чуждымъ ей обществомъ и съ борьбою сторонниковъ: якобинцевъ и жирондистовъ; для ея аристократической натуры они, въ сущности, ничего не представляли и даже были противны.

При томъ она была матерью ребенка, который, послѣ ея смерти, останется сиротою, лишится опеки родныхъ, будетъ отрѣзанъ отъ отечества цѣпью войскъ коалиціи и большимъ пространствомъ отъ всякихъ сообщеній съ арестованной, которая даже не узнаетъ о судьбѣ княжны; дочь можетъ остаться одна среди чужихъ людей, брошенная на издѣвательство обезумѣвшей толпы, безъ помощи и надежды, чтобы кто-либо позаботился о ней въ будущемъ и довелъ ее до спасательной пристани.

Обуреваемая такимъ отчаяннымъ чувствомъ, княгиня Розалія рѣшилась, несомнѣнно, по совѣту защитника Лягарда, прибѣгнуть къ послѣднему средству замедленія, хоть-бы ей пришлось на время надѣть маску республиканки и обратиться, во имя равенства, къ кровожадному Танвиллю.

Утромъ того дня, когда Любомірская должна была явиться за рѣшеткой трибунала, она написала прокурору слѣдующее характеристическое письмо:

«Гражданинъ! Прочитавъ врученный мнѣ обвинительный актъ, я убѣдилась, что меня смѣшиваютъ съ какою-то другою личностью, не имѣющею, кромѣ званія, ничего общаго со мною. Поэтому я прошу васъ, гражданинъ, нѣсколько дневной отсрочки, для доказательства моей невинности и убѣжденія судей, что я заслуживаю ихъ сочувствія. Salut et fraternité! 3-го Флореаля, изъ тюрьмы Консьержери. Александра Любомірская [1]).

Но у Фукье не было времени произвести добавочнаго слѣдствія... а потому онъ представилъ письмо княгини Любомірской въ трибуналъ, какъ новое доказательство увертокъ обвиняемой, и началось разбирательство дѣла.

V.

Для разбора этого дѣла былъ назначенъ предсѣдателемъ извѣстный юристъ Рене-Франкъ Лама, намѣстникъ кровожаднаго Германа, который

[1]) „Arch. Nat. W.“ 351. doss. 713, dok. 30.

сидѣлъ на своемъ мѣстѣ до 9-го Термидора, то-есть, до дня паденія Робеспьера, до того момента, когда онъ былъ арестованъ на судебномъ засѣданіи, осужденъ и тотчасъ казненъ. Достойными его союзниками были: Гарне и Денизо. На скамьяхъ присяжныхъ, между многими скромными лицами съ скромными званіями, засѣдали: лакей Броше, столяръ Триншаръ, Ганней, Гравье, владѣлецъ винныхъ погребовъ въ Ліонѣ, художники Пріеръ и Самбаль, Дебоасо.

Обвиненіе княгини Любомірской было основано на ея письмахъ къ Дюбарри, въ которыхъ прокуроръ Танвилль находилъ участіе княгини въ заговорѣ въ пользу королевской семьи. Тождество втораго письма безъ подписи онъ доказывалъ сравненіемъ почерка съ первымъ, которое было подписано именемъ и званіемъ обвиняемой.

Княгиня чистосердечно призналась въ сношеніяхъ съ Дюбарри, объясняя ихъ самыми невинными стремленіями познакомиться съ артистическимъ міркомъ, который собирался въ Луветьенѣ.

Наконецъ пришла очередь защитника Шво-Лагарда; но послѣдній нисколько не старался подыскать смягчающихъ вину обстоятельствъ обвиняемой. Онъ даже не выяснилъ суду происхожденія княгини, занимаемаго ею положенія въ родномъ краѣ и банальности писемъ къ Дюбарри... потому что ужъ заранѣе составилъ для всѣхъ своихъ кліентокъ извѣстную формулу, которою руководился довольно неудачно въ своихъ защитахъ Каролины Корде, Маріи Антуанеты и княжны Елизаветы...

— Надѣюсь, вы замѣтили, господа судьи,—произнесъ онъ, – съ какою искренностью обратилась къ вамъ обвиняемая, въ оправданіе своихъ поступковъ! Она оказалась выше всякой правды, такъ какъ объяснила, что не желаетъ спасать своей жизни цѣною лжи... Вотъ все, что я могу сказать въ ея защиту!... [1]).

Трибуналъ ужъ заранѣе приготовилъ приговоръ... Въ своей поспѣшности онъ прихватилъ кстати и свидѣтеля Парментьера, который былъ вызванъ на судъ въ оправданіе княгини Любомірской. Уличенный, что онъ самъ помогалъ ей въ пересылкѣ денегъ, несчастный очутился на скамьѣ подсудимыхъ и, безъ всякихъ формальностей, былъ включенъ въ резолюцію судебнаго приговора [2]).

Поспѣшность, съ какою современный революціонный трибуналъ приговаривалъ къ смерти обвиняемыхъ и исполнялъ свои приговоры, шла параллельно и независимо отъ обвинительныхъ актовъ обезславленнаго Танвилля и его помощниковъ. Дошло до того, что ужъ заранѣе были напечатаны формуляры приговоровъ, на которыхъ, какъ-бы

[1]) „Arch. Nat. Bulletin“ Cz. IV, № 47.
[2]) Vallon III, 313.

съ презрѣніемъ, прописывалось только имя и фамилія приговореннаго. Число обвиняемыхъ, увеличивавшееся съ каждымъ днемъ, содѣйствовало и какъ-будто само собою вводило обычай не объявлять судебныхъ приговоровъ въ засѣданіяхъ суда, а просто пересылать изложенные наскоро мотивы приговореннымъ въ тюрьму и приводить ихъ немедленно въ исполненіе. Это называлось ускореніемъ судебной процедуры въ силу реформы 22-го Преріаля. За нѣсколько недѣль до этой реформы, а именно въ Флореалѣ, судебные приговоры еще объявлялись въ присутствіи обвиняемыхъ въ самомъ засѣданіи, а потому декретъ отъ 22-го апрѣля 1794 года, составленный противъ Любомірской и ея товарищей по несчастію, былъ единственнымъ дословнымъ повтореніемъ обвинительнаго акта, начиная отъ упрека обвиняемой въ роли противуреволюціоннаго агента, до содержанія инкриминированныхъ писемъ къ Дюбарри, въ которыхъ были усмотрѣны улики въ заговорѣ съ цѣлью спасенія Маріи Антуанеты.

На основаніи этихъ данныхъ, трибуналъ приговорилъ всѣхъ обвиняемыхъ отъ 3-го Флореаля II года республики къ смерти, а также призналъ нужнымъ конфисковать ихъ имущества въ пользу казны [1]).

Любомірская, желая отсрочить хоть на нѣкоторое время исполненіе приговора, пошла по примѣру прежде казненныхъ женщинъ и объявила суду, что она находится въ «интересномъ положеніи»...

Бывали случаи, что и такія заявленія не спасали приговоренныхъ женщинъ, вопреки статей закона, примѣнявшихся къ несчастнымъ. Напримѣръ, была казнена въ такомъ положеніи извѣстная писательница, Олимпія де Гужъ [2]), несмотря на освидѣтельствованіе ея докторами Тьеромъ и Нури. Но между многими приговоренными дамами спаслись такимъ образомъ, госпожа де-Богарне, позднѣе—королева Жозефина, баронесса Гиннисдаль, г-жа де-Мюрсанъ, Жоли де-Флеръ, княгиня Бовиллеръ-Санъ Ажнанъ, княгиня Шоазель, Гримальди Монако и другія.

«Вольная газета Варшавская» за 1794 годъ, № 8, стр. 107, извѣщая своихъ читателей о процессѣ Любомірской, упомянула объ отсрочкѣ ея казни. Благодаря ей, семья приговоренной узнала о судьбѣ несчастной княгини и несомнѣнно приняла мѣры для ея спасенія; мѣры эти выразились вмѣшательствомъ Костюшки. Но въ 1794 году границы Франціи плотно были замкнуты. Даже если-бъ и можно было проникнуть въ Парижъ и добиться аудіенціи у Робеспьера, то какимъ образомъ было достигнуть отмѣны окончательнаго приговора, если его не могла отмѣнить никакая кассація?

---

[1]) Bulletin 4 part № 47. Muzeum XX Czartor. № 3.906.

[2]) Campardon I, 165.

Княгиню привели въ Консьержери и поручили медикамъ. Изъ объявленныхъ въ прессѣ дневниковъ этой эпохи [1]) мы можемъ получить приблизительную картину того преддверія ада, которое называлось «сѣнями трибунала», гдѣ сотни семей, загнанныхъ въ тѣсныя кельи (pistoles), норы и тайники (paillеux, cachots), безъ кроватей и постели, брошенные на съѣденіе крысъ,—ожидали съ тоскою минуты своего фатальнаго освобожденія.

Къ счастью княгини Любомірской, въ Консьержери въ то время служилъ докторъ-полякъ, Іосифъ Марковскій, имѣвшій честь титуловаться: «médecin de toutes les prisons de Paris». Марковскій родился въ 1758 году въ Пиковѣ на Украйнѣ. По окончаніи университета, онъ былъ посланъ въ 1785 году главной Краковской школой (университетомъ) въ Парижъ для изученія хирургіи, съ цѣлію занятія послѣ того каѳедры въ Краковѣ.

Но тогдашнія событія задержали его въ Парижѣ больше, чѣмъ надо, а необыкновенныя его способности и довѣріе къ нему дали возможность ему занять мѣсто доктора при революціонныхъ тюрьмахъ. Находясь на этомъ посту, Марковскій старался принесть пользу и облегчить участь приговоренныхъ. Благодаря его опекѣ, приговоренная Жозефина Богарне, вдова казненнаго генерала, въ виду ея скораго разрѣшенія отъ бремени, спаслась отъ смерти. Сдѣлавшись затѣмъ женою Бонапарта, а потомъ королевой Франціи, она избрала Марковскаго своимъ лейбъ-медикомъ. Только въ іюлѣ 1810 года Марковскій вернулся въ Польшу и затѣмъ занялъ каѳедру химіи въ Краковскомъ университетѣ. (Умеръ въ 1829 году) [2]).

Сжалившись надъ участью соотечественницы, Марковскій старался продолжить срокъ докторскаго наблюденія за нею и, должно быть по его распоряженію, она была переведена изъ гадкаго въ то время Консьержери въ народный пріютъ революціоннаго трибунала, съ цѣлью доставленія ей большихъ удобствъ [3]).

VI.

Въ сентябрѣ 1793 года парижскій конституціонный епископъ Гобель сложилъ съ себя санъ. Оставшійся послѣ него епископскій дворецъ, по-

---

[1]) Г-жи Дюра и Морисъ: „Hist. polit. et anecd. des prisons de la Seine," 1840; Дюбана: „Les prisons", Парижъ, 1870.

[2]) Козьминскій: „Словарь польскихъ лекарей", стр. 308.

[3]) „L'Hospice National du Trib. Rév."

строенный еще въ XII вѣкѣ и находящійся между каѳедральнымъ соборомъ Notre Dame и однимъ изъ рукавовъ Сены,—сдѣлался пріютомъ для клубскихъ революціонныхъ собраній, а главное, для центральнаго комитета, который вызвалъ потомъ паденіе жирондистовъ и побѣду сторонниковъ верхней палаты. Оставшуюся большую часть зданія, въ виду сосѣдства съ прежнимъ госпиталемъ «Hotel Dieu», громко названнымъ: «Grand Hospice d'Humanité», конвенція обратила въ пріютъ для арестованныхъ женщинъ, находящихся въ беременности.

Но когда Консьержери переполнился народомъ и въ немъ началъ свирѣпствовать пятнистый тифъ, заключенныхъ стали переводить въ бывшій епископскій дворецъ безъ различія пола; вслѣдствіе чего, 31-го января 1794 года, въ немъ была учреждена тюремная больница, подъ названіемъ «Hospice National».

Въ маѣ того же года Комитетъ по охраненію народнаго здравія поручилъ прокурору Танвиллю верховный надзоръ за этимъ учрежденіемъ, считающимся временно тюрьмою для арестантовъ; остальная часть больницы принадлежала вѣдѣнію министра внутреннихъ дѣлъ.

Мѣстный сторожъ Тореаль занималъ мѣсто тюремнаго смотрителя, и ему былъ довѣренъ надзоръ за поведеніемъ жителей тюрьмы. Его издѣвательства и насилія надъ узниками вызвали сильный протестъ арестантовъ, вслѣдствіе чего на его мѣсто былъ назначенъ другой смотритель, нѣкій Сенси, съ годовымъ окладомъ въ 2,000 ливровъ.

Два доктора, Нури и Енишаръ, были на всю больницу; они обязаны были дѣлать визитацію два раза въ день. Нури былъ рекомендованъ Танвиллю Робеспьеромъ, какъ «recommandable par son patriotisme», а портретъ Енишара увѣковѣченъ арестантомъ-женевцемъ, нѣкіимъ Парисомъ Лепинаромъ, написавшимъ его въ самыхъ яркихъ краскахъ. Енишаръ одѣвался какъ маріонетка, закручивалъ усы и густыя брови. Единственнымъ его лекарствомъ, которое онъ прописывалъ всѣмъ больнымъ арестантамъ, было повтореніе своего девиза: «La seignée, encore la seignée et toujours la seignée»...

Женская половина была отдѣлена отъ мужской. Тюремный смотритель получилъ строгій приказъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы арестованные обоихъ отдѣленій не видѣлись между собою. Но его нельзя было исполнить, въ особенности во время прогулокъ въ прилегающемъ къ больницѣ общемъ саду, въ которомъ арестантамъ разрѣшалось гулять въ извѣстные часы. Въ этомъ саду, по описанію Дюка Сурана, который былъ въ тюрьмѣ одновременно съ княгиней Любомірской, случился романическій эпизодъ.

Общее число арестантовъ въ «Hospice» достигало въ первой половинѣ 1793 года до 256 лицъ, изъ которыхъ 67 погибло на эшафотѣ. Въ интересующую насъ эпоху, между прочими, находились тамъ: патеръ

Ноэль Пишери, 82 лѣтъ; Варѳоломей Дюга, ех-бенедиктинецъ, 78 лѣтъ; юноша-поэтъ Давидъ Этанъ, авторъ роялистской пѣсенки; Людовика Миллье, 17-ти лѣтняя дѣвушка, арестованная за протестъ противъ приказа, чтобы дворяне оставили Парижъ, и много другихъ ея ровесницъ. Вообще, аристократія имѣла здѣсь своихъ представителей и представительницъ. Преданность монархіи, сношенія съ эмигрантами и даже самое званіе арестантовъ сдѣлали ихъ невольными жителями Hospice. Цѣлыя семьи де-Ломенье, де-Бріена, де-Каниса ожидали здѣсь послѣдней минуты. Ни рыцарскія заслуги для Франціи, ни занимаемое положеніе въ обществѣ не защитили отъ пребыванія въ этомъ замогильномъ пріютѣ даже такихъ лицъ, каковы были Карлъ де-Шоазель, Баумъ, Жанъ Розамбо, ех-маршалъ Франціи и герой американской войны.

Въ свою очередь и духовенство представляло немалый контингентъ арестованныхъ. Изъ высшаго клира тамъ находился въ заточеніи Франсуа Жумилакъ, ех-каноникъ и генеральный викарій изъ Арля, какъ равно и прежніе члены духовнаго сана: Жанъ Готье, кармелитъ, и Фукеръ, ех-капуцинъ и милостынникъ королевскаго драгунскаго полка. Вмѣстѣ съ ними сидѣли чиновники, доктора, архитекторы, профессоры университета, студенты и архиваріусы. Между ними были иностранцы: испанцы, бельгійцы, женевцы, итальянцы, англичане, нѣмцы и наконецъ полька Любомірская.

Изъ монахинь, арестованныхъ въ монастыряхъ, сидѣли: Роза Настрѣ, игуменья сестеръ-визитокъ, 69 лѣтъ, обвиняемая въ укрывательствѣ феодальныхъ титуловъ своей гмины, и Марія Гате, ордена св. Лазаря, приговоренная къ смерти за одинъ возгласъ: Vive le roi!

Дамы-аристократки тоже имѣли здѣсь своихъ представительницъ. Большинство изъ нихъ хотѣли отсрочить казнь, или совсѣмъ спастись, своимъ признаніемъ, что онѣ беременны. Доказательства о такихъ симптомахъ представляли лекари-хирурги Нури и Еншаръ, вмѣстѣ съ акушеркой, гражданкой Піо. Протоколы посылались Танвиллю, который, въ сомнительныхъ случаяхъ, немедленно ходатайствовалъ передъ трибуналомъ казнить приговоренныхъ, такъ что и протоколы ничего не помогали. Кровожадный прокуроръ нисколько не стѣснялся въ своихъ поступкахъ. Но эта кровожадность его не кончилась добромъ, что̀ и было ему доказано на дѣлѣ: 9-го Термидора Танвилль былъ приговоренъ къ смерти и выведенъ на эшафотъ изъ того же учрежденія, надъ которымъ онъ такъ долго держалъ свой обоюдоострый мечъ...

Между арестантами въ Hospice находился и молодой князь Карлъ-Августъ-Готфридъ Тремуль, потомокъ одной изъ лучшихъ фамилій Франціи, красавецъ, какъ Аполлонъ Бельведерскій. Переведенный изъ Консьержери, онъ занималъ отдѣльную комнату, находившуюся въ корридорѣ, ведущемъ въ общій садъ. Между сотоварищами по тюрьмѣ легко

завязываются знакомства и дружба. Необыкновенная красота Любомірской, ея одиночество въ кружкѣ людей, чуждыхъ ей по происхожденію и убѣжденіямъ, возбудили въ молодомъ князѣ сочувствіе къ несчастной, которое затѣмъ превратилось въ болѣе живую и пылкую страсть... Они постоянно встрѣчались въ саду, и во время этихъ краткихъ минутъ ихъ прогулки молодой человѣкъ выразилъ намѣреніе спасти прекрасную иностранку... Они ужъ уговорились о времени и мѣстѣ встрѣчи и обѣщали тюремному сторожу двѣ тысячи ливровъ за молчаніе, но опасеніе за послѣдствія превозмогло... Сторожъ увѣдомилъ прокурора Танвилля о ихъ заговорѣ, и князь былъ казненъ 27-го Преріаля 1794 года [1]).

Но это была не единственная и не послѣдняя жертва чувствъ, возбужденныхъ красотой Любомірской: на шеѣ вице-графа Базанкура, казненнаго 29-го Преріаля II г. за участіе въ такъ называемомъ заговорѣ «красныхъ рубашекъ», нашли медальонъ съ портретомъ княгини Розаліи...

VII.

По приказу предсѣдателя трибунала Дюма и по предложенію прокурора Танвилля, два доктора Нури и Енишаръ, а также акушерка-гражданка Пріо, отправились 29-го іюня 1794 года въ Hospice и тамъ составили протоколъ слѣдующаго содержанія:

«Мы, нижеподписавшіеся, чиновники и охранители здоровья революціоннаго трибунала, въ присутствіи акушерки и гражданки Пріо, по порученію гражданина Дюма, предсѣдателя трибунала, освидѣтельствовали и провѣрили состояніе здоровья Любомірской, заключенной въ бывшемъ епископскомъ домѣ, съ цѣлію убѣжденія въ ея отмѣнномъ состояніи; но никакихъ подозрительныхъ симптомовъ болѣзни не нашли. Вслѣдствіе чего опредѣляемъ, что она находится въ нормальномъ состояніи. Парижъ, 12-го Мессидора, II года республики, единой и нераздѣльной». [2])

Въ тотъ же день трибуналъ въ полномъ комплектѣ вынесъ слѣдующій приговоръ:

«Принимая во вниманіе декретъ отъ 3-го минувшаго Флореаля, которымъ Розалія Ходкевичъ, жена князя Любомірскаго, приговорена къ смерти, а также имѣя въ виду сегодняшній рапортъ чиновниковъ охраны здравія и по выслушаніи предложенія общественнаго обвинителя, три-

---

[1]) Campardon, II, 444.

[2]) «Arch. Nat. W». 351. IV Cz.; dok. 87.

буналъ опредѣляетъ привести приговоръ въ исполненіе въ теченіе однихъ сутокъ. Протоколъ, подписанный докторами Нури и Еншаромъ, долженъ быть приложенъ къ актамъ сего процесса вмѣстѣ съ настоящимъ вердиктомъ. 12-го Мессидора II года республики единой и нераздѣльной» [1]).

И понынѣ сохранилась печальная память о предсмертныхъ минутахъ жизни княгини, послѣдній проблескъ ея мысли, направленной къ единственному дѣтищу и той личности, которая, согласно желанію приговоренной, должна была замѣнить ему мать. Память эта заключается въ визитной карточкѣ, на которой написано нѣсколько словъ по-французски и которая адресована къ «гражданкѣ Амеліи». Послѣдняя несомнѣнно была княгиня Гогенлоэ, пріятельница Любомірской, упоминаемая въ статьѣ Ролле объ «эмирѣ Ржевускомъ» [2]). Ролле приводитъ разсказъ племянника графини Розаліи Ржевуской, Чапскаго, изъ котораго видно, что сиротку взяла къ себѣ въ концѣ 1795 года графиня Гогенлоэ, подруга Любомірской, дѣлившая съ нею тюремное заключеніе и освобожденная только благодаря вмѣшательству прусскаго правительства.

«Княгиня Розалія, пишетъ Ролле, сохраняла, какъ реликвію, до самой смерти письмо матери, которымъ она поручила опеку надъ своею дочерью пріятельницѣ».

Именно это предсмертное письмо, а также и второе, писанное раньше, въ лучшіе дни жизни, къ той же подругѣ Амеліи, вмѣстѣ съ прядью свѣтлыхъ волосъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, искусственными розами, кусочкомъ кружевъ, бѣлой ленточкой и образкомъ св. Терезы, вынутымъ изъ молитвенника,—остались по наслѣдству отъ Розаліи Ржевуской ея сыну, графу Леону Ржевускому, который подарилъ эти драгоцѣнности графинѣ Коссаковской, урожденной Ходкевичъ. Въ настоящее время онѣ хранятся въ семейной сокровищницѣ графа Станислава Коссаковскаго въ имѣніи Войтушки, Виленской губерніи.

Изъ содержанія перваго письма мы узнаемъ не только о дружескихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между княгиней Любомірской и княгиней Гогенлоэ, но и о дружбѣ ихъ дѣтей, маленькаго Фридриха и Розаліи, которую Любомірская посылала въ деревню, чтобы она тамъ дышала свѣжимъ воздухомъ, почаще купалась и соблюдала діету. «J'embrasse mon bien aimé Frédéric-писала Любомірская.—M'aime-t-il toujours un peu?» При чемъ она упоминаетъ о какомъ то портретѣ, который желала бы пріобрѣсти, и прибавляетъ слова: «l'abbé de «Lile» (Delille): Promettre c'est—donner; espérer c'est—jouir». И здѣсь проглядываетъ тотъ

[1]) «Arch. Nat. W» 351, doss. 713, dok 88.
[2]) Разсказы, серія IV, т. I, 171.

энтузіастическій тонъ, который обнаруживаетъ живую, страстную натуру княгини, склонную къ увлеченію и благоговѣнію къ дружескимъ чувствамъ.

Къ этой же Амеліи княгиня обратилась въ послѣдній часъ своей жизни. «Прощай, Амелія! Скоро я перестану жить (Je vais bientôt cesser de vivre). Помни о своей пріятельницѣ и люби меня въ лицѣ моего ребенка (Aimez moi dans la personne de mon enfant). Розалія». Адресъ: A la Citoyenne Amélie. Нѣсколько ниже приписка, сдѣланная рукою обладательницы письма: «Cheveux et billet de la Princesse Lubomirska, le jour de sa mort... 1794».

Въ виду такого документа, можетъ ли существовать легенда о той прачкѣ, которая якобы пріютила Розалію? По разсказамъ, переходящимъ изъ устъ въ уста въ кружкѣ живущихъ лицъ, которыя знали графиню Розалію Ржевускую, князь Любомірскій, отыскавъ сиротку въ Парижѣ, уже при директоріи, сдѣлался предметомъ разговора при берлинскомъ и вѣнскомъ дворахъ, гдѣ маленькая дѣвочка должна была удовлетворять желанія любопытныхъ и разсказывать эпизоды изъ послѣднихъ дней жизни матери. Благодаря этимъ разсказамъ у потомковъ составилась легенда объ ея чудесномъ спасеніи.

До 8-го мая 1793 года казни совершались на площади Карусель; но съ этого числа до 5-го іюня 1794 года гильотину поставили на бывшей площади Людовика XV, а затѣмъ до 14-го іюня—на площади св. Антонія. Между 14-мъ іюнемъ и 29-мъ іюлемъ 1794 года гильотина совершала свою кровавую функцію у рогатки Винцентія [1]); названіе это переименовано на barrière du trône renversé, и здѣсь закончилась молодая романическая жизнь княгини Розаліи, 30-го іюня 1794 года.

Если-бъ не фатальное приключеніе съ графомъ Тремулемъ, то Любомірская, быть можетъ, дождалась бы 9-го Термидора, то-есть, времени паденія Робеспьера, которое случилось черезъ мѣсяцъ послѣ ея смерти, и тогда несомнѣнно, при стараніи родственниковъ, ее можно было спасти. Такимъ образомъ спаслась ея подруга по заключенію, княгиня де-Сенъ-Ажнанъ: было подано прошеніе въ конвентъ, и казнь отмѣнена [2]).

Въ инвентарѣ наслѣдствъ послѣ казненныхъ, хранящихся въ Парижскомъ архивѣ, уцѣлѣли тюремные пожитки княгини Любомірской, которые ясно свидѣтельствуютъ о той нуждѣ, какую она испытывала въ послѣдніе дни жизни,—она, одна изъ первыхъ наслѣдницъ по роду, богатству и громкому имени. Наслѣдство это зарегистрировано подъ рубрикой: «état des effets restés au magasin de l'Hospice National» и заклю-

[1]) Campardon, I, 370.
[2]) Campardon, I, 413.

чаетъ слѣдующее: «Lubomirska, Polonaise: un desabillé, un jupon blanc, une robe de chambre, deux fichus de linon, un chall dechiré en morceaux» [1]).

Тѣла гильотинированныхъ у Тронной рогатки хоронились до 9-го Термидора на кладбищѣ Picpus. Тамъ, у самой стѣны сада, принадлежащаго въ настоящее время монахинямъ ордена св. Августина, среди общихъ тысячи трехсотъ пятнадцати жертвъ терроризма, казненныхъ въ теченіе какихъ-либо семи недѣль, почиваютъ понынѣ въ общей могилѣ бренные останки Любомірской. Вначалѣ долгое время никто не зналъ, гдѣ хоронились тѣла жертвъ. Но нашлась такая женщина, которая, разыскивая гробъ своего брата, купила кусочекъ земли въ Picpus и обнесла его каменною стѣною, для огражденія его отъ профанаціи. Затѣмъ два жителя изъ предмѣстья св. Антонія откупили маленькій садъ и построили тамъ часовню съ престоломъ, въ которой совершались панихиды и литургіи назначеннымъ для того патеромъ; назначеніе его зависѣло отъ великаго викарія парижскаго. Патеръ освятилъ землю, хранящую въ себѣ столько жертвъ, и поставилъ на ней крестъ съ соотвѣтственною надписью. Чрезъ нѣкоторое время многіе изъ семей погибшихъ выразили желаніе соединить кладбище и часовеньку съ большимъ садомъ монахинь. Проектъ этотъ вошелъ въ законную силу, и теперь, уже десятки лѣтъ, совершается на этомъ мѣстѣ, каждый годъ послѣ Пасхи, торжественное заупокойное богослуженіе за павшихъ жертвъ революціи. Значительную сумму на содержаніе этого памятника оставила г-жа де-Монтанъ, дочь графа де-Ноалль [2]).

Боевой шумъ, раздававшійся въ Европѣ въ первомъ десятилѣтіи текущаго вѣка, изгладилъ изъ памяти современниковъ воспоминанія о трагической кончинѣ княгини Любомірской; но теперь, по прошествіи ста лѣтъ отъ катастрофы, выплыли наружу всѣ подробности. Память о ней, однако, сохранялась въ сердцѣ дочери, графини Розаліи Ржевуской, которая относилась съ глубокимъ отвращеніемъ ко всѣмъ проявленіямъ вольнодумства,—отвращеніемъ, которое проявлялось въ добровольномъ устраненіи отъ свѣта и общества. Запершись въ своемъ Ополѣ, она вела послѣ замужества спокойную жизнь, воспитывая дѣтей.

Продавъ въ 1854 году наслѣдственныя земли Ополя, Ржевуская переѣхала въ Варшаву, гдѣ и умерла 11-го января 1865 года. Ея смерти посвятилъ сочувственное воспоминаніе только одинъ тогдашній «Варшавскій Курьеръ». Опольскій дворецъ, увѣковѣченный памятью пребыванія въ немъ въ 1787 году короля Станислава-Августа, во время его проѣзда въ Каневъ, она подарила правительству, а всѣ научныя книги и пособія—мѣстнымъ школамъ.

---

[1]) „Arch. Nat.“ Carton F. 3299. 19. Prisons d'Etat.

[2]) Campardon, I. 516.

Въ память своей несчастной матери, графиня Ржевуская велѣла вдѣлать въ каменную стѣну Опольскаго костела надпись, гласящую на латинскомъ языкѣ слѣдующее:

«Розаліи, княгинѣ Любомірской, урожденной графинѣ Ходкевичъ, женѣ князя Александра Любомірскаго, награжденной судьбою великодушіемъ и красотой. Пребывая въ Парижѣ, она пала жертвой домашней междоусобицы и погибла ужаснымъ образомъ наканунѣ 1-го іюля 1794 года, на 23-мъ году жизни».

Ф. В. Домбровскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО.

1817 годъ.

IV [1]).

Монастырь св. Георгія.—Разсказъ графа Милорадовича о свиданіи его съ Неаполитанскимъ королемъ въ 1812 году.—Севастополь.—Неожиданный и незаслуженный мною выговоръ, сдѣланный мнѣ государемъ на разводѣ.—Состояніе севастопольскихъ укрѣпленій и черноморскаго флота.—Развалины Инкермана.—Бахчисарай.—Ханскій дворецъ.—Татарская свадьба.—Представленіе и дары татарскаго муфтія и беевъ.—Чуфутъ-Кале.—Посѣщеніе государемъ караимскаго дома и гарема.—Перекопъ.—Бѣдственное положеніе татаръ въ Крыму.—Село Терпѣніе, населенное духоборцами.—Секта духоборцевъ.—Ея исторія.—Государь присутствуетъ при богослуженіи духоборцевъ и обѣщаетъ имъ свое покровительство.—Вѣротерпимость Александра.—Разсказъ по этому поводу принца Гессенъ-Гомбургскаго.—Маріуполь.

Въ прелестнѣйшее утро мы выѣхали изъ Байдаръ, оставили Балаклаву и большую дорогу въ сторонѣ и на нѣсколько минутъ остановились въ монастырѣ святаго Георгія, лежащемъ на скатѣ утеса, на берегу Чернаго моря. Никто изъ братіи не могъ сказать намъ ничего о времени построенія сего древняго монастыря и объ исторіи его и дать намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о находящихся неподалеку отъ онаго развалинахъ храмовъ Ифигеніи, Ореста и Пилада и Діаны. Осмотрѣвши обитель, испросили мы у почтеннаго восьмидесятилѣтняго настоятеля проводника, для показа-

[1]) См. «Русскую Старину» іюль 1897 г.

нія мѣста, гдѣ были сіи храмы. Мы сѣли верхомъ, и грекъ повелъ насъ версты за двѣ, на крутой берегъ мыса, гдѣ видны нѣкоторые слѣды древнихъ капищъ, расположенныхъ въ прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи, которое являлось намъ во всемъ блескѣ отъ солнечныхъ лучей, отражавшихся на поверхности Чернаго моря, омывающаго скалы, на коихъ капища воздвигнуты. Ничто не прерывало глубокаго молчанія, царствовавшаго въ сихъ пустыняхъ, нѣкогда процвѣтавшихъ торговлею и славныхъ въ древности и въ среднихъ вѣкахъ. Молчаніе сіе и насъ поразило. Графъ Милорадовичъ и я, мы стояли въ задумчивости, и невольно родилась въ насъ мысль о превратности, коей подвержена судьба государствъ. И Россія, сказали мы, была недавно на краю гибели; это подало намъ поводъ, во всю дорогу до Бахчисарая, говорить о войнѣ 1812 года. Графъ разсказалъ мнѣ разныя подробности объ оной, между прочимъ о происшествіяхъ въ день оставленія нашею арміею Москвы, изъ чего я заимствовалъ многое въ статьѣ, помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1819 году, подъ заглавіемъ «О сдачѣ Москвы» [1]). Онъ мнѣ также сообщилъ о свиданіи своемъ съ неаполитанскимъ королемъ, о которомъ было напечатано въ «Сынѣ Отечества» въ 1812 году, но въ совершенно искаженномъ и превратномъ видѣ. Я помѣщаю здѣсь собственныя слова графа о семъ свиданіи; за справедливость ихъ я ручаюсь, потому что я записалъ ихъ въ тотъ же вечеръ въ Бахчисараѣ, но прежде упомяну только объ одномъ обстоятельствѣ, случившемся въ то время, какъ онъ мнѣ разсказывалъ. Мы ѣхали возлѣ Чернаго моря, какъ вдругъ услышали ружейный выстрѣлъ, долго раздававшійся въ утесистыхъ берегахъ онаго, и графъ Милорадовичъ, прервавъ свою рѣчь, съ жаромъ воскликнулъ: «прежде, напримѣръ въ италійскомъ походѣ, когда я, бывало, услышу выстрѣлъ, то я летѣлъ къ нему какъ на балъ».

«На другой день послѣ оставленія Москвы, сказалъ онъ, то-есть 3-го сентября, я устроилъ арьергардъ въ боевой порядокъ и, объѣзжая передовую цѣпь, увидѣлъ вдали впервые неаполитанскаго короля, который тоже былъ на своихъ аванпостахъ, и, сближаясь понемногу, мы подъѣхали другъ другу.

— Уступите мнѣ вашу позицію,—сказалъ онъ.

— Ваше величество,—отвѣчалъ я...

— Я здѣсь не король,—прервалъ онъ, а просто генералъ.

— Итакъ, господинъ генералъ,—продолжалъ я—извольте ее взять, я васъ встрѣчу. Полагая, что вы меня атакуете, я приготовился къ прекраснѣйшему кавалерійскому дѣлу; у васъ конница славная, и сегодня пусть рѣшится, которая лучше, ваша или моя. Мѣстоположеніе

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1819 года, № 5.

для кавалерійскаго сраженія выгодно, только совѣтую вамъ съ лѣвой стороны не атаковать, потому что тамъ болота.

«Послѣ сего я повелъ его на лѣвое крыло, показать ему топкія болота, что его крайне удивило. Мы простились, и никакого дѣла не было; къ вечеру я отошелъ далѣе назадъ.

«На слѣдующее утро, то-есть 4-го сентября, онъ прислалъ извѣстить, что черезъ четверть часа намѣренъ меня атаковать. Между тѣмъ мы съ нимъ опять съѣхались на передовой цѣпи.

— Къ чему проливать кровь,—сказалъ онъ,— ваша армія отступаетъ, вы съ арьергардомъ должны соображаться съ ея движеніями, слѣдовательно уступите мнѣ безъ боя вашу позицію.

— Этого я сдѣлать не могу,—отвѣчалъ я,—и если вамъ угодно поѣхать со мною, то вы удостовѣритесь лично въ моихъ причинахъ.

«Мы поѣхали черезъ нашу цѣпь; король немного оробѣлъ и оглянулся на свиту свою, оставшуюся позади: «Не бойтесь ничего,— сказалъ я,—вы здѣсь безопасны»—и потомъ, обратясь къ стоявшимъ вдалекѣ адъютантамъ его и ординарцамъ, я закричалъ: Messieurs de la suite du roi de Naples». Я показалъ ему мою позицію, онъ просилъ меня уступить ему часть деревни, бывшей впереди оной, и потомъ всю деревню, на что я согласился; послѣ сего онъ хотѣлъ-было ѣхать далѣе со мною, но я, указавъ ему на нашихъ гренадеръ, сказалъ, что этимъ храбрымъ солдатамъ непріятно будетъ, если они увидятъ насъ долго разговаривающихъ вмѣстѣ, простился съ нимъ, провелъ до его аванпостовъ и на другой день скрылся отъ него боковымъ маршемъ на Калужскую дорогу вслѣдъ за главною арміею, оставя за собою по Рязанской дорогѣ казачій отрядъ полковника Ефремова.

«21-го сентября принудилъ я неаполитанскаго короля, послѣ жаркой стычки, отступить на нѣсколько верстъ и занялъ выгодное положеніе. На другой день, объѣзжая передовыя войска, сжалился я надъ непріятельскими ранеными солдатами, лежавшими на полѣ сраженія позади моей передовой цѣпи, потому что я удержалъ мѣсто битвы. Деревня, куда бы можно было перевезти ихъ, была далеко, и я, содрогаясь надъ состояніемъ ихъ, поскакалъ прямо на французскую передовую цѣпь, объявилъ о положеніи ихъ раненыхъ и присовокупилъ, что позволяю ихъ перевезти и для того пріѣхать за ними кому-нибудь изъ французскихъ офицеровъ. Едва я возвратился къ моимъ войскамъ, какъ прибылъ ко мнѣ французскій генералъ Пире, объявя мнѣ, что неаполитанскій король желаетъ со мною говорить. Я поѣхалъ къ нему и встрѣтился съ нимъ между моими аванпостами и французскими.

— Уступите мнѣ вашу позицію,—сказалъ онъ мнѣ опять,—отойдите на двѣ версты назадъ.

— Принудьте меня отойти,—отвѣчалъ я,—я васъ встрѣчу, мы для

того оба здѣсь; но если вашему величеству угодно видѣть, что мнѣ добровольно нельзя вамъ уступить этого мѣста и что оно для меня важно, то я прошу васъ поѣхать со мною чрезъ мою передовую цѣпь, я вамъ подробно все покажу.

— Полагаясь на васъ,—сказалъ король,—я поѣду съ вами.

Свита его хотѣла за нимъ слѣдовать, но я остановилъ ее, сказавъ, что обязуюсь охранять короля. Онъ въ это время упомянулъ о мирѣ, но я сказалъ ему, ежели оный теперь будетъ заключенъ, то я первый съ себя сниму мундиръ.

— Вотъ—заключилъ графъ Милорадовичъ—въ чемъ состояли разговоры мои съ неаполитанскимъ королемъ, а что объ нихъ напечатано было въ журналахъ, то это сущая ложь».

Слушая занимательный сей разсказъ и много подобнаго, чего здѣсь не помѣщаю, я не примѣтилъ какъ мы пріѣхали въ полдень въ Севастополь, населенный почти единственно морскими чиновниками. У государя былъ обѣдъ, послѣ котораго мы осматривали адмиралтейство, гдѣ спустили 14-ти-пушечное судно, казармы, больницы и военно-сиротское отдѣленіе. Заведенія сіи, которыхъ мнѣ удалось видѣть множество во время путешествій съ государемъ, всѣ устройствомъ и порядкомъ похожи одно на другое; мы ихъ находили въ величайшей исправности, и сіе не могло быть иначе, ибо за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ знали, что его величество ихъ посѣтитъ.

Мая 17-го. Государю представлялись, въ восьмомъ часу поутру, разные чиновники, а потомъ мы поѣхали на разводъ, на которомъ со мною случилось происшествіе, меня очень опечалившее. Когда я подходилъ по обыкновенію къ государю отдавать пароль, то его величество, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы никто не могъ слышать его словъ, съ важнымъ видомъ сказалъ мнѣ, что ему весьма непріятно объявить мнѣ, что до свѣдѣнія его дошло, будто я насмѣхался надъ графомъ Милорадовичемъ и надъ Уваровымъ. Я изумился, ибо это была сущая клевета, но не рѣшился въ оправданіе свое сказать ни слова, потому что мнѣ казалось неприличнымъ и даже непозволительнымъ объяснять о моей невинности на городовой площади, наполненной многочисленнымъ народомъ. Я въ семъ случаѣ молчаніе почиталъ должною данью уваженія къ государю, хотя я и зналъ, что при дворѣ его можно было выслуживаться болѣе дерзостію, чѣмъ скромностію; но я не хотѣлъ измѣнять правиламъ, принятымъ мною однажды навсегда за основаніе моего поведенія. Императоръ, видя, что выговоръ его меня поразилъ, присовокупилъ съ смягченнымъ видомъ:

— Я это говорю для твоей пользы, ибо я умѣю тебя цѣнить; ты будешь самъ со-временемъ въ ихъ чинахъ, посуди какъ тебѣ будетъ больно, ежели будутъ тогда смѣяться.

При сихъ словахъ государь мнѣ поклонился и уѣхалъ, а я нѣсколько минутъ стоялъ, какъ прикованный, на одномъ мѣстѣ, пока мнѣ не сказали, что надобно было поспѣшать на катеръ, на которомъ мы поѣхали вдоль батарей, называемыхъ Константиновская и Александровская. Едва подняли штандартъ на катерѣ, какъ открыли пальбу съ батарей и съ военныхъ судовъ, на которыхъ вмѣстѣ находилось гораздо болѣе тысячи орудій. Мы проѣхали вдоль всѣхъ береговыхъ укрѣпленій, и симъ ограничился осмотръ оныхъ. Меня удивило, что государь не болѣе сего обратилъ на нихъ вниманіе; сухопутнаго же укрѣпленія, находящагося на сѣверной сторонѣ Севастополя, его величество даже и не посѣщалъ.

Сколько я могъ судить по поверхностному обзору и по планамъ, то система севастопольскихъ укрѣпленій во многихъ частяхъ ошибочна и не соотвѣтствуетъ важности сего порта, который, какъ извѣстно, есть одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ, ибо въ немъ съ удобностью помѣщается флотъ, и линейные корабли могутъ приставать къ самому берегу. С ъ сухопутной стороны городъ ничѣмъ не защищенъ, а потому непріятель можетъ его отовсюду обойти, кромѣ сѣверной части, гдѣ сооружено одно укрѣпленіе, но оно слабо, не имѣетъ воды и, кажется, сдѣлано болѣе противъ крымскихъ татаръ, нежели противъ внѣшнихъ враговъ. Береговыя батареи устроены большею частію на скатѣ горъ, отчего онѣ должны находиться подъ выстрѣлами непріятельскими.

Доколѣ мы будемъ въ полуденной Россіи имѣть дѣло съ однами турками, опасаться нечего, хотя, однако-же, появленіе флота ихъ передъ Севастополемъ въ 1811 году было не безопасно, но не должно основывать могущества своего на невѣжествѣ непріятелей и сосѣдей. Ежели Диванъ соединится когда-нибудь съ Англіей или Франціей, или сіи державы будутъ въ возможности посылать военные корабли въ Черное море, то Севастопольская гавань и слѣдственно Черноморскій флотъ нашъ, для котораго она должна служить убѣжищемъ и подпорою, будетъ находиться въ великой опасности.

Черноморскій флотъ показался мнѣ тоже не въ блестящемъ видѣ. Меня увѣряли, будто иные офицеры въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не ходили въ море, и что когда лѣтомъ эскадры посылаемы были для упражненія офицеровъ въ море, то сіе дѣлалось не болѣе, какъ на шесть недѣль, и что во время сего плаванія рѣдко теряли берега изъ виду. Говорили мнѣ также, будто магазейны, назначенные для сохраненія снарядовъ и припасовъ разнаго рода, были до того оными мало снабжены, что въ намѣреніи показать государю линейный корабль «Парижъ» перевезли на него снасти съ четырехъ кораблей, стоявшихъ у пристани.

По окончаніи прогулки нашей въ гавани, мы ѣздили на линейный

корабль «Бріеннъ», а потомъ былъ большой обѣдъ на стопушечномъ кораблѣ «Парижѣ», послѣ котораго мы сѣли вновь на катера и поѣхали осматривать построенный генуэзцами городъ Инкерманъ. Наилучшее сохранившееся въ немъ зданіе есть родъ рыцарскаго замка, подобнаго тѣмъ, каковые находятся во множествѣ на берегахъ Рейна и въ разныхъ мѣстахъ Германіи.

Видѣвши Римъ, меня древности Инкермана не много занимали, но на воображеніе мое подѣйствовала сильно слѣдующая встрѣча. Я шаговъ на сто удалился отъ свиты государя и пошелъ къ старинному дому, стоявшему въ правой сторонѣ отъ дороги. Я былъ одинъ, все вокругъ меня молчало, и тишина сія казалась мнѣ глубочайшею послѣ того, что я во все утро былъ оглушенъ отъ пушечной пальбы, слышанной мною въ Севастополѣ. Подлѣ дома мнѣ представился человѣкъ, погруженный въ размышленія, и это былъ Аракчеевъ. Я не сравню его съ Маріемъ, сидящимъ на разрушенномъ Карѳагенѣ, но кто помнитъ, что значилъ Аракчеевъ, тотъ согласится, что нельзя было равнодушно увидѣть сего всесильнаго человѣка своего времени, погруженнаго въ задумчивость на опустѣлыхъ и поросшихъ травою развалинахъ древняго города.

Мы возвратились водою же до того мѣста, гдѣ ожидали насъ экипажи наши. Государь пригласилъ въ свою коляску графа Милорадовича, и мы отправились въ Бакчисарай. Не доѣзжая до него верстъ за шесть, насъ встрѣтила туча татаръ, одѣтыхъ въ блестящія платья; число ихъ умножалось по мѣрѣ, какъ мы приближались къ городу, расположенному на горахъ. Татары почитаютъ его настоящею своею столицею; на языкѣ ихъ Бакчисарай значитъ городъ изъ садовъ. Въ немъ находятся лучшія мечети, изъ коихъ однако же нѣтъ ни одной выстроенной со вкусомъ, училища татарскія, самые богатые жители и имѣетъ пребываніе свое первая духовная особа Крыма. Когда изъ Варшавы было писано къ таврическому губернатору о предполагаемомъ путешествіи государя по полуострову, то онъ извѣстилъ, что татары просили въ видѣ особенной милости, чтобы государь переночевалъ въ Бакчисараѣ и отслушалъ тамъ богослуженіе ихъ.

Государь остановился въ ханскомъ дворцѣ и вмѣстѣ съ нами его осматривалъ. Это огромное зданіе—совершенно въ азіатскомъ вкусѣ, какъ по наружности, такъ и по расположенію комнатъ. Тамъ видны большія залы, посреди коихъ бьютъ фонтаны, сады, разныя надписи на дверяхъ, галлереи, соединенныя между собою посредствомъ стеклянныхъ стѣнъ,—это истинный лабиринтъ, въ которомъ для меня все было ново. Послѣ мы пошли въ главную мечеть, гдѣ отправлялось торжественное богослуженіе по случаю прибытія въ Бакчисарай государя. По окончаніи молебствія, одинъ изъ дервишей сталъ посреди круга, со-

ставленнаго изъ его собратій, и вертѣлся около четверти часа, между тѣмъ какъ прочіе его товарищи ходили равномѣрно вкругъ его и кричали, или лучше сказать ревѣли ужаснымъ голосомъ; въ заключеніе муфтій читалъ молитву. Въ продолженіе богослуженія государь стоялъ на хорахъ. По возвращеніи изъ мечети, насъ пригласили смотрѣть обряды татарской свадьбы, состоящіе въ слѣдующемъ: множество татаръ ввели жениха при самыхъ нескладныхъ звукахъ ненастроенныхъ скрипокъ и барабановъ и посадили его въ углу комнаты; около него сѣли нѣсколько стариковъ, и предъ нимъ былъ поставленъ столъ съ толокномъ и разнаго рода хлѣбомъ, которое они ѣли. Послѣ внесли нѣсколько корзинъ съ позолоченными булками и самой грубой работы игрушками, вырѣзанными изъ золотой бумаги. При шумѣ той же нестерпимой музыки начались танцы; сперва плясали два татарина, потомъ тѣ люди, которые въ корзинахъ принесли булки и игрушки, а въ заключеніе плясали опять два татарина, имѣя въ рукахъ гремушки. Симъ кончился свадебный обрядъ, въ продолженіе коего гости прохаживались, говорили между собою и не занимались женихомъ. Въ домѣ невѣсты происходило также особаго рода празднество, и, какъ говорили, подобное тому, которое мы видѣли.

Мая 18. Поутру, въ девятомъ часу, было представленіе. Сперва вошли къ государю человѣкъ 12 почетнѣйшихъ духовныхъ съ муфтіемъ. Императоръ желалъ, чтобы никого изъ насъ при сей аудіенціи не было, и запретилъ находиться при оной даже князю Балатукову, отправлявшему при его величествѣ должность переводчика, а велѣлъ избрать кого-либо другаго въ сіе званіе. Я разговаривалъ передъ аудіенціею съ муфтіемъ, который показался мнѣ человѣкомъ умнымъ: изъ языковъ ему извѣстны были арабскій, турецкій и татарскій. Я спрашивалъ его о значеніи церемоніи, что дервиши вертятся кругомъ; онъ отвѣчалъ, что это дѣлается въ ознаменованіе того, что свѣтила небесныя двигаются вокругъ Бога. Послѣ духовныхъ, представляли бековъ, то есть князей, и простыхъ дворянъ; это были люди самые необразованные, находившіеся на низшей степени просвѣщенія; ни одинъ изъ нихъ не зналъ другаго языка, кромѣ природнаго, и всѣ дурно говорили по-русски. Завтракъ, который принесли мнѣ и разнымъ особамъ нашей свиты, доказывалъ о варварствѣ жителей. Онъ состоялъ изъ жареной и печеной баранины, приготовленной такимъ образомъ, что при лучшемъ аппетитѣ оной ѣсть было нельзя.

Послѣ представленія, мы поѣхали въ Чуфутъ-Кале, мѣстечко, отстоящее отъ Бакчисарая верстахъ въ четырехъ, обитаемое одними караимами, или еврейскими раскольниками, которые не признаютъ Талмуда, или толкованія Ветхаго завѣта. Чуфутъ-Кале выстроенъ за нѣсколько сотъ лѣтъ и расположенъ на высокихъ скалахъ. Древность

его свидѣтельствуетъ гробница, которую мы нашли на кладбищѣ; изъ надписи ея явствуетъ, что она сооружена болѣе нежели за 570 лѣтъ. Въ самомъ городѣ считаютъ до 250 домовъ, не большихъ, но довольно чистыхъ. Одѣяніе жителей доказываетъ, что они зажиточны. Мы сперва были въ церкви, а потомъ у одного караима на завтракѣ, состоявшемъ изъ орѣховъ, сотоваго меду, масла, сыра, плодовъ и константинопольскихъ конфектъ. Послѣ завтрака, караимъ пригласилъ государя въ свой сераль, гдѣ мы увидѣли женщинъ съ десять, которыя при появленіи нашемъ сперва закрыли лица руками, но когда имъ объявили, что между посѣтителями находится падишахъ, то-есть императоръ, то онѣ мало-по-малу начали на насъ глядѣть. Во взорахъ ихъ изображался какой-то видъ дикаго удивленія; онѣ смотрѣли на насъ, какъ на враждебныя существа, что иначе и быть не могло, потому что онѣ въ первый разъ въ своей жизни увидѣли въ мирномъ жилищѣ своемъ множество мужчинъ; иныя изъ нихъ дрожали отъ страха. Это были первыя женщины, которыхъ мы видѣли въ Крыму; возрастъ ихъ былъ различный: самой молодой было лѣтъ шестнадцать, а пожилой лѣтъ пятьдесятъ. У той, которая почиталась красивѣйшею, ногти выкрашены были до половины краскою; караимъ указывалъ на нее съ нѣкоторымъ торжествомъ. Въ гаремѣ царствовала величайшая неопрятность, а одежда и вообще убранство женщинъ были самыя простыя. Выходя, государь поручилъ переводчику сказать симъ женщинамъ, «что онъ очень радъ, что съ ними познакомился».

Изъ Чуфутъ-Кале мы поѣхали въ Греческо-Успенскій монастырь, которому тысяча триста лѣтъ отъ построенія. Всего примѣчательнѣе положеніе его, ибо онъ находится посреди скалы и почти виситъ надъ землею. Недалеко отъ монастыря мы видѣли цыганскую деревню, которой жители покрывали большую дорогу; бѣдности, нищеты и неопрятности ихъ и домовъ ихъ описать не можно. Мы возвратились въ Симферополь часу въ четвертомъ; здѣсь я услышалъ, что вдова знаменитаго Палласа находилась въ великой нуждѣ.

Мая 19. Поутру, въ десять часовъ, мы выѣхали изъ Симферополя и прибыли передъ вечеромъ въ Перекопъ, гдѣ и окончилось десятидневное путешествіе наше по Таврическому полуострову. Время сіе было слишкомъ коротко, чтобы основательно узнать сей край, любопытный по воспоминаніямъ древности, примѣчательный по необыкновеннымъ своимъ красотамъ природы и важный въ политическомъ отношеніи по мѣстности своей. Къ тому же мое положеніе по службѣ не позволяло мнѣ останавливаться тамъ, гдѣ бы я желалъ дѣлать наблюденія, и видѣть людей и заведенія въ такомъ состояніи, въ какомъ они обыкновенно находятся. При проѣздахъ монарховъ стараются взорамъ ихъ представить предметы въ наилучшемъ видѣ, на нихъ на-

водятъ блестящій лакъ, ежели позволено мнѣ будетъ употребить сіе выраженіе: они видятъ не то, что есть, но то, что хотятъ имъ показать. Не взирая на сіе, двѣ главныя черты меня поразили: разореніе и невѣжество жителей съ одной стороны, а съ другой—безпечность нашего правительства.

На каждомъ шагу я встрѣчалъ бѣдность или, лучше сказать, нищету; у коренныхъ жителей, то-есть у татаръ, не видно и слѣдовъ промышленности, которая не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ ручательства въ неприкосновенности собственности и въ прочности ея владѣнія. «Или мы выгонимъ русскихъ изъ Крыма,—говорятъ татары,—или они насъ истребятъ и выгонятъ». Ежели государственное хозяйство не умножается, то оно приходитъ въ упадокъ, и эта истина обнаруживается повсюду въ Тавридѣ. Татаринъ, сидя въ своей хижинѣ, покрытой сучьями и листьями, равнодушно смотритъ на орѣховое дерево своего огорода, нерѣдко составляющее все его имущество, которое питаетъ его семейство; не заботясь объ улучшеніи своего состоянія, онъ доволенъ, когда жена его и дѣти не умираютъ съ голода и когда прошелъ день, въ который его не притѣснили или не обидѣли.

Когда мы завоевали полуостровъ, то въ ономъ считалось до четырехъ сотъ тысячъ обывателей, а въ 1818 году оставалось ихъ только сто тридцать тысячъ.

Имъ позволено было выѣзжать за-границу въ извѣстные сроки; нѣкоторые распродали имущества свои и отправились въ приморскіе города, дабы сѣсть тамъ на корабли, но какъ велико было ихъ огорченіе, узнавши, что они пропустили нѣсколько дней за срокъ; они принуждены были возвратиться на родину свою и выкупать по высокимъ цѣнамъ то, что они не задолго передъ тѣмъ продали дешево.

Магометанскій законъ и благорастворенный климатъ располагаютъ татаръ къ лѣни и нѣгѣ; но сему можно помочь заведеніемъ училищъ и обезпеченіемъ собственности татаръ и трудовъ ихъ. Со стороны же нашего правительства не принято никакихъ мѣръ къ образованію ихъ; не было ни одного училища, гдѣ бы татары могли пріобрѣтать познанія русскаго языка и, съ тѣмъ вмѣстѣ, получать нѣкоторыя понятія о наукахъ, которыя бы поселили въ нихъ охоту къ дѣятельности, сему надежному источнику благосостоянія. Сверхъ того, просвѣщеніе ознакомило и сблизило бы ихъ съ русскими, привязало бы ихъ къ Россіи и уничтожило бы преданность ихъ къ туркамъ, которая въ нашемъ правительствѣ всякій разъ, когда мы имѣемъ войну съ Портою, возбуждаетъ противъ татаръ подозрѣніе въ тайномъ участіи ихъ съ ихъ единовѣрцами. Екатерина II, отъ прозорливости коей, кажется, ничто полезное въ ея имперіи не скрывалось, пригласила почетнѣйшихъ татаръ отдать сыновей своихъ въ существовавшій тогда въ Петербургѣ грече-

скій корпусъ, не требуя, чтобы они перемѣняли вѣру свою. Нѣсколько молодыхъ людей получили въ немъ свое образованіе, они отбросили предразсудки своей отчизны и отличались службою, но благодѣтельное заведеніе сіе уничтожено при императорѣ Павлѣ.

Русскіе помѣщики въ Крыму, съ малымъ исключеніемъ, состоятъ большею частью изъ бродягъ, какъ сіе обыкновенно бываетъ въ странѣ, вновь заселяемой. Правительство раздавало земли всякому, безъ разбора; пришлецы сіи принесли съ собою пороки свои и начали угнетать коренныхъ, беззащитныхъ жителей, отчего возродилось множество тяжбъ. Они оспариваютъ право владѣнія землями у татаръ, выгоняютъ ихъ съ оныхъ, и несчастные сіи, не зная ни языка нашего, ни законовъ русскихъ, не находятъ покровительства въ судахъ, потому что чиновники, служащіе въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ, суть люди безъ образованія, имѣющіе одною цѣлью—составить себѣ состояніе; слѣдовательно, ни они, ни помѣщики русскіе не могли обращеніемъ своимъ и нравственностью привязать къ намъ татаръ и, распространяя разнаго рода полезныя свѣдѣнія въ краю полудикомъ, способствовать къ умноженію народнаго богатства.

Судебныя мѣста въ рѣшеніяхъ своихъ основываются на русскихъ законахъ, которыхъ въ Крыму приспособить нельзя, ибо законы, сколь бы они благоразумны ни были, годны только для той земли, для которой ихъ составляли. Я приведу для примѣра дѣло адмирала Мордвинова съ жителями Байдарской долины. Государственный Совѣтъ положилъ мнѣніемъ: «владѣть землями Мордвинову, доколѣ татары не представятъ документовъ на принадлежность имъ земель». Татары говорили мнѣ, что другихъ крѣпостей у нихъ не находится, кромѣ изустнаго преданія и права давности, или, лучше, вѣчнаго владѣнія. «Спросите,—говорилъ мнѣ проводникъ государя по южному берегу,—стариковъ въ Байдарской долинѣ и всѣхъ сосѣднихъ селеній, они вамъ скажутъ, что предки мои владѣли садомъ, доставшимся мнѣ по наслѣдству отъ отца моего, и который у меня отнялъ управитель Мордвинова, Платоновъ, въ 1812 году, когда я, служа въ Симферопольскомъ полку, защищалъ Россію и получилъ Георгіевскій крестъ, а онъ завладѣлъ моею землею подъ предлогомъ, что я не имѣю письменныхъ документовъ на принадлежность оной».

Количество просьбъ, поданныхъ государю въ Крыму, невѣроятно; я сосчиталъ, что близъ Байдаръ, на пространствѣ 32-хъ верстъ, подали болѣе семисотъ прошеній. Императоръ велѣлъ мнѣ принимать ихъ; наполнивъ ими всѣ свои карманы, я принужденъ былъ завязывать ихъ цѣлыми узлами въ платки и вручать ихъ слѣдовавшимъ за нами проводникамъ. Правда, что изъ числа ихъ были и недѣльныя просьбы такимъ образомъ, иные татары просили о вспоможеніи, дабы сходить

на поклоненіе въ Мекку; однако же, не менѣе того, тысячи прошеній доказываютъ о бѣдственномъ положеніи жителей. Во время высочайшаго проѣзда въ Керчь и обратно въ Симферополь цѣлыя селенія выходили на встрѣчу государя съ жалобами; въ степяхъ случалось, что татары подъѣзжали къ государю верхомъ, вручали ему въ собственныя руки прошенія и вихремъ скрывались по полю во весь опоръ. Для отвращенія злоупотребленій, учреждена давно коммиссія, но дѣйствія ея были безуспѣшны. Когда государь поѣхалъ осматривать южный берегъ, то онъ приказалъ въ ней присутствовать графу Аракчееву, который, съ свойственною ему проницательностью, увидѣлъ, что переводы на русскій языкъ просьбъ, писанныхъ по-татарски, дѣланы были неправильные, почему онъ потребовалъ отъ муфтія особеннаго переводчика. Впрочемъ, Аракчееву при всей его дѣятельности невозможно было въ четыре дня уничтожить вѣковыя злоупотребленія въ краю, для него совершенно новомъ.

Мая 20-го. Въ девятомъ часу утра мы выѣхали изъ Перекопа въ Терпѣніе по необозримымъ степямъ, обитаемымъ нагайскими татарами. Французскій эмигрантъ, графъ де-Мезонъ, посвятилъ себя образованію ихъ: онъ довелъ уже ихъ до того, что они оставили кочующую жизнь и построили себѣ деревни. Правда, что для достиженія своей цѣли онъ принужденъ былъ употреблять насильственныя мѣры: напримѣръ, онъ однажды сжегъ нѣсколько тысячъ кибитокъ ихъ. Странная участь человѣческаго рода! Чтобы сдѣлать добро, надобно начинать иногда зломъ. Закоренѣлые вѣковые предразсудки нельзя, большею частью, истреблять какъ принужденіемъ, чему царствованіе Петра Великаго служитъ доказательствомъ и оправданіемъ. Прежде на сихъ степяхъ паслось безчисленное количество выгоняемыхъ ежегодно изъ Крыма лошадей, и казна, которой принадлежали земли, взимала самую малую пошлину; когда ихъ роздали частнымъ людямъ, то сіи потребовали съ табуновъ несравненно болѣе, нежели платилось прежде, отчего крымскіе татары начали мало лошадей выгонять на сіи степа и уменьшили свое скотоводство, а ремонтеры, находившіе здѣсь во множествѣ и покупавшіе за дешевую цѣну лошадей, принуждены были обратиться къ покупкѣ ихъ на конскихъ заводахъ. Кавалерія наша ежегодно получаетъ менѣе и менѣе степныхъ лошадей и въ скоромъ времени будетъ имѣть только заводскихъ—не столь крѣпкихъ и сносныхъ, какъ степныя. На сіе значило бы негодовать, что безконечные пространствомъ луга, отъ міросданія не воздѣланные рукою человѣческою, обращаются въ собственность частныхъ людей и будутъ приносить стократную прибыль владѣльцамъ своимъ и слѣдовательно государству. Это похоже на жалобы старожиловъ въ Россіи, которые съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрятъ на истребленіе лѣсовъ, не уважая, что причиною тому умножающееся

народонаселеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастающіе успѣхи гражданской образованности. При Юліи Кесарѣ и даже при Карлѣ Великомъ Германія и Франція покрыты были дремучими лѣсами, мѣста которыхъ заступили тучныя пашни, составляющія источникъ обилія для жителей и предметъ удивленія для путешественниковъ.

Я пріѣхалъ часу въ девятомъ въ село Терпѣніе, обитаемое духоборцами и выстроенное лѣтъ за пятнадцать. Такъ какъ государь еще не прибылъ, то я пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ стариковъ, съ которыми разговаривалъ о сектѣ ихъ. Они мнѣ читали молитвы «Отче нашъ» и «Символъ вѣры», произносимыя ими безъ всякой отмѣны противъ православныхъ; но они не вѣруютъ въ таинства, не уважаютъ ничего наружнаго и все заключаютъ единственно во внутренности, въ молитвѣ не устной, а въ поклоненіи духомъ, подобно тому, какъ многія секты въ Англіи и въ сѣверной Америкѣ. Отцы и матери называютъ дѣтей своихъ по именамъ, а не говорятъ сынъ мой или дочь моя, утверждая, что это есть оскорбленіе Божества, которое одно есть «общій отецъ всѣхъ». Равнымъ образомъ и дѣти не называютъ родителей своихъ священнымъ именемъ отца и матери, но стариками, потому, говорятъ они, что мы о дѣтяхъ стараемся. Слѣдственно они производятъ слово старикъ отъ глагола «стараться». Кромѣ десяти заповѣдей Моисеевыхъ они признаютъ двѣнадцать другихъ, какъ-то: терпѣніе, покорность и подобныя названія добродѣтелей. Церквей у нихъ нѣтъ, и они сходятся для богослуженія ежедневно поутру и ввечеру на открытомъ мѣстѣ или въ молебномъ домѣ. Мужчины становятся по одну, а женщины по другую сторону; начинаютъ пѣть всѣ вмѣстѣ протяжнымъ голосомъ псалмы Давидовы и потомъ цѣлуются—мужчины между собою и женщины также одна съ другою. Образовъ и священниковъ у нихъ не имѣется, и они не дѣлаютъ знаменія крестоваго. Они управляются стариками, отмѣнно ими уважаемыми, которые для исполнительной части назначаютъ выборнаго, подобно тому, какъ сіе водится въ нашихъ деревняхъ. Я узналъ отъ нихъ, что есть духоборцы между крѣпостными людьми, принадлежащими разнымъ помѣщикамъ, и между казаками.

На вопросъ мой, давно ли существуетъ ихъ секта, именуемая ими «согласіе», они отвѣчали мнѣ, что со временъ Навуходоносора. Какъ изъ сего отзыва, такъ и изъ всего разговора нашего я усмотрѣлъ, что они не имѣютъ ни учености, ни историческихъ понятій о союзѣ своемъ, и что они большіе энтузіасты.

— Довольны ли вы вашимъ состояніемъ?—спросилъ я ихъ.

— Намъ не достаетъ словъ,—отвѣчали они,—возблагодарить государя за его покровительство, ибо въ его царствованіе гоненія противъ насъ прекратились. Многіе изъ братій нашихъ (ибо такъ они себя называютъ), находящіеся въ Сибири, въ Выборгской и Архангельской

губерніяхъ, мало-по-малу возвращаются въ дома свои по повелѣнію императора.

Дѣйствительно, признательность ихъ къ Александру должна была быть безпредѣльною, потому что они видѣли въ немъ ангела-покровителя. Секта сія, коей начало теряется во мракѣ временъ, сдѣлалась извѣстна правительству съ 1770 года, и съ тѣхъ поръ мѣстныя начальства, почитая духоборцевъ опасными членами общества, ихъ всячески притѣсняли, пока Александръ, въ первый годъ своего вступленія на престолъ, не обратилъ на нихъ вниманія. Онъ отправилъ двухъ сенаторовъ, столько же отличныхъ по добродѣтелямъ своимъ, сколько и по просвѣщенію, Лопухина и Нелединскаго, удостовѣриться о положеніи духоборцевъ и принять мѣры къ будущему благосостоянію ихъ.

Донесенія сенаторовъ и отвѣты на оныя монарха должны послужить украшеніемъ нашей исторіи и радостнымъ явленіемъ для друга человѣчества. Сенаторы, употребляя мѣры кротости, узнали, что духоборцы бывали прежде въ церквахъ нашихъ, крестились, ходили къ св. Причастію и исполняли всѣ внѣшнія обязанности религіи, доколѣ не начались противъ нихъ гоненія и ссылки; тогда они изъ досады, по ихъ собственному признанію, перестали повиноваться уставамъ церковнымъ и стали отвергать все внѣшнее и образное. Ихъ подвергали самымъ варварскимъ истязаніямъ.

— За что вы ихъ били?—спросилъ Лопухинъ чиновника, бывшаго однимъ изъ мучителей ихъ.

— За то,—отвѣчалъ онъ,—что они въ церкви стоятъ, а не то думаютъ.

— Почему вы знаете, что они не то думаютъ?—продолжалъ Лопухинъ.

— Это видно,—отвѣчалъ чиновникъ,—посмотрите на нихъ, похожи ли они на христіанъ: кровинки въ лицѣ нѣтъ.

Сенаторы, представивъ сіи и подобные поступки на видъ государя, предложили перевести духоборцевъ изъ Харьковской губерніи, гдѣ они до того жили, въ Новороссійскій край, для устраненія ихъ отъ притѣсненій и для того, чтобы отдаленіемъ ихъ въ особыя селенія затруднить имъ способы размножать секту свою. Государь принялъ съ признательностью слѣдствіе, сдѣланное сенаторами, и приказалъ поселить духоборцевъ на Молочныхъ Водахъ.

Государь прибылъ поздно вечеромъ въ Терпѣніе, послѣ чего я пошелъ въ отведенный мнѣ домъ одного духоборца, который я нашелъ въ чрезвычайной чистотѣ.

Мая 21. Въ шесть часовъ утра государь слушалъ службу духоборцевъ, называемую «поклоненіе», и сказалъ имъ: «Я вашъ защитникъ», потомъ, обратясь къ намъ, присовокупилъ: «Они люди добродѣтельные».

Въ девятомъ часу мы выѣхали изъ Терпѣнія въ Маріуполь, куда прибыли по захожденіи солнца. Сначала дорога шла по духоборческимъ селеніямъ, потомъ двѣнадцатью прекраснѣйшими колоніями меноннитовъ, которыя чистотою и опрятностью домовъ и садиковъ своихъ напоминаютъ самыя изобильныя страны Германіи. Послѣ сего везли насъ по селеніямъ нагайцевъ и казаковъ, а наконецъ по деревнямъ, обитаемымъ греками. Такимъ образомъ, на пространствѣ 180 верстъ живутъ спокойно и въ мирѣ пять народовъ, совершенно различные одинъ отъ другаго происхожденіемъ, вѣрою, языкомъ, просвѣщеніемъ и обычаями. Усладительна картина терпимости вѣръ въ Россіи, о которой государь часто и съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ, какъ ревностнѣйшій ея защитникъ. Чтобы угодить его величеству, принцъ Гессенъ-Гомбургскій разсказалъ государю, что́ съ нимъ случилось въ Крыму.

— Я, говорилъ онъ, протестантъ, со мною въ коляскѣ сидѣлъ графъ Кламмъ—католикъ, на козлахъ былъ кучеръ—русскій, слѣдственно греческаго исповѣданія, форейторъ былъ еврей, а переводчикъ, подлѣ меня ѣхавшій, магометанинъ.

Въ Маріуполѣ ожидалъ насъ екатеринославскій губернаторъ Калагеоргій, находившійся при воспитаніи цесаревича Константина Павловича. Онъ человѣкъ умный и жаловался мнѣ на невѣжество и грабежи гражданскихъ чиновниковъ.

— Зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ?—спросилъ меня императоръ съ видомъ неудовольствія, ибо государь запретилъ губернаторамъ выѣзжать къ нему на встрѣчу въ уѣзды. Ежели губерніскіе города не находились на дорогѣ государя, то онъ проѣзжалъ по губерніи, не видавши начальника оной. Эта черта въ императорѣ была для меня непостижима, ибо хотя губернаторы вообще у насъ люди посредственные, но они, во всякомъ случаѣ, могли сообщать множество свѣдѣній объ управляемомъ ими краѣ.

Маріуполь—городокъ порядочный, обитаемый греками; онъ лежитъ на берегу Азовскаго моря. Мы изъ него выѣхали мая 22-го, часовъ въ десять поутру, и прибыли передъ вечеромъ въ несчастный Таганрогъ, который будетъ вѣчно напоминать, что Европа лишилась въ немъ своего миротворца, а Россія—своего избавителя и просвѣтителя.

V.

Пріѣздъ въ Таганрогъ.—Неудовольствіе государя на таганрогскаго градоначальника Папкова.—Выговоръ графу Ланжерону.—Крѣпость св. Димитрія.—Новочеркасскъ.—Въѣздъ государя и балъ.—Могила графа Платова.—Случай съ камердинеромъ государя.—Павловскъ.—Графъ Ламбертъ.—Кончина фельдмаршала Барклая-де-Толли.—Его бумаги.—Хрѣновое.—Графиня Орлова-Чесменская.—Воронежъ.—Суконная фабрика Тулинова.—Губернаторъ Дубенскій.—Липецкъ.—Поэтесса Бунина.—Ея письмо ко мнѣ.—Рязань.—Крестьянскія встрѣчи государя по дорогѣ.—Балъ, данный рязанскимъ дворянствомъ.—Крѣпостной поэтъ-самоучка Сибиряковъ.—Возвращеніе въ Москву.—Расходы, сдѣланные во время путешествія государя.—Закладка храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Необычайная память императора Александра.

По пріѣздѣ въ Таганрогъ мнѣ дали непріятное порученіе—объявить градоначальнику онаго Папкову, отъ имени государя, чтобы онъ не являлся на глаза его величеству. Это произошло по причинѣ разныхъ жалобъ, поданныхъ на него. Папковъ показывалъ мнѣ множество приготовленныхъ имъ для пріѣзда государя плановъ и чертежей новымъ строеніямъ, какъ-то: гавани, карантина и другимъ, которыхъ онъ, послѣ запрещенія, мною ему объявленнаго, не намѣренъ былъ посылать къ императору. Мнѣ это показалось не простительнымъ эгоизмомъ.

Таганрогъ—красивый городъ, въ которомъ процвѣтала торговля, почти исключительно производимая русскими купцами. Я имѣлъ случай познакомиться съ почетнѣйшими изъ нихъ, потому что они приходили ко мнѣ, желая, чтобы я принялъ отъ нихъ прошеніе къ императору, въ которомъ они оправдывали своего градоначальника. Я замѣтилъ, что они завистливымъ окомъ смотрѣли на Одессу и на преимущества, дарованныя сему городу.

— Таганрогъ, говорили они мнѣ, имѣетъ только 20.000 дохода, въ то время какъ Одессѣ присвоено онаго болѣе 200.000. Мы отпускаемъ за море, продолжали они, произведенія старинныхъ великороссійскихъ губерній, въ то время какъ Одесса торгуетъ только пшеницею, присылаемою въ нее изъ края, въ недавнія времена присоединеннаго къ Россіи.

Мнѣ казалось, что государь былъ предупрежденъ въ пользу Одессы; это и неудивительно, потому что тамъ живутъ французы и италіанцы, мастера говорить, а за Таганрогъ, обитаемый русскими купцами, некому было вступиться; однако же, императоръ, по осмотрѣ Таганрога и гавани его, въ которой, несмотря на неудобства ея, находилось болѣе двухсотъ кораблей, и переговоривъ съ купцами, послалъ къ графу Ланжерону строгій выговоръ за несправедливыя его донесенія о семъ городѣ и о торговлѣ онаго.

На другое утро, въ то время, какъ императоръ осматривалъ больницы, казармы, карантинъ и гавань, я ходилъ гулять въ общественный садъ, лежащій на берегу Азовскаго моря и часа два дышалъ на свободѣ; это былъ для меня настоящій праздникъ, въ чемъ со мною согласится только тотъ, кто подобно мнѣ, долго не властенъ былъ располагать своимъ временемъ. Я не думалъ, увы! что чрезъ семь лѣтъ, будетъ здѣсь въ послѣдній разъ въ жизни наслаждаться благорастворенным южнымъ климатомъ и прекрасною природою Александръ, страстный ея обожатель. Кончина его для вселенной была громовымъ ударомъ, но для полуденной Россіи она была всего бѣдственнѣе, потому что Александръ былъ первый изъ нашихъ государей, который, лично осмотрѣвъ сей край, восхитился имъ и дѣлалъ для благосостоянія его предположенія, которыя теперь долго, очень долго не приведутся въ исполненіе.

Въ Таганрогъ пріѣзжалъ нарочный чиновникъ отъ донскаго войска, чтобы освѣдомиться о днѣ и часѣ прибытія императора въ Черкасскъ. Государь, узнавъ отъ него, что тамъ поставлено было двое тріумфальныхъ воротъ еще покойнымъ графомъ Платовымъ, и что для тѣхъ, въ которые надобно было въѣзжать его величеству, приготовлены были стихи, изъявилъ желаніе, чтобы стихи сняли. Такимъ образомъ, заставили доскою слѣдующее произведеніе Донскаго Барда, достойное Тредьяковскаго.

«Объемлемы восторгомъ радостью сердца
Спѣшатъ во срѣтенье монарха и отца;
Се Александръ днесь ту же благость намъ явилъ.
Чѣмъ въ первый разъ великій Петръ насъ озарилъ».

Мая 23-го. Въ полдень мы выѣхали изъ Таганрога, который и для позднихъ потомковъ будетъ предметомъ горестныхъ воспоминаній. Дорога до Новочеркасска идетъ степями; проѣхавши верстъ около восьмидесяти, мы встрѣтили вдругъ три города: Ростовъ, крѣпость св. Димитрія и Нахичевань; сей послѣдній, обитаемый единственно греками и армянами. Множество прекрасныхъ гречанокъ смотрѣли въ окна; правильныя черты лицъ ихъ могли бы служить образцомъ для ваятелей. Крѣпость св. Димитрія важна для Россіи въ томъ только отношеніи, что, находясь въ тылу донскихъ казаковъ, она обезпечиваетъ насчетъ какихъ-либо могущихъ послѣдовать съ ихъ стороны непозволительныхъ покушеній. Самъ Платовъ, однажды, въ веселую минуту, по принесеніи жертвы Вакху, совѣтывалъ не упускать изъ вида сего обстоятельства. Былъ примѣръ, что надлежало взять подъ стражу войсковаго атамана, для чего былъ присланъ одинъ гвардіи капитанъ съ небольшимъ отрядомъ солдатъ и, едва онъ исполнилъ данное ему порученіе, какъ казаки за нимъ погнались; но къ счастію, онъ успѣлъ достигнуть крѣпости св. Димитрія, куда погоня не осмѣлилась за нимъ послѣдовать.

По пріѣздѣ моемъ въ Черкасскъ, я со всѣми донскими генералами, которыхъ было тринадцать, и со штабъ-офицерами поѣхалъ верхомъ на встрѣчу государю. Его величество прибылъ въ сумерки, часу въ восьмомъ, сѣлъ на казачью лошадь и на казачье сѣдло и такимъ образомъ въѣхалъ въ Черкасскъ при обыкновенныхъ восклицаніяхъ народа; онъ посѣтилъ сперва церковь, передъ которой выставлены были атаманскія булавы, насѣки, жалованныя грамоты и знамена, а потомъ отправились въ домъ наказнаго атамана Иловайскаго 5-го. Здѣсь представлялись казачьи генералы, которыхъ государь благодарилъ за ихъ службу. Со временъ Петра Великаго, ни одинъ монархъ не бывалъ на Дону.

Въ 10-ть часовъ вечера, мы поѣхали на балъ; въ залѣ, въ которой танцовали, находилось множество образовъ въ богатыхъ окладахъ, а напротивъ ихъ висѣли историческія картины лучшихъ мастеровъ италіанской и французской школы. Онѣ были измяты, что доказывало способъ пріобрѣтенія оныхъ, и что ихъ перевозили на верховыхъ лошадяхъ. Женщины пожилыя почти всѣ были одѣты въ національномъ платьѣ, состоящемъ изъ капота съ длинными рукавами, который застегивается у самого подбородка и хотя въ числѣ ихъ были супруги генераловъ, но онѣ не имѣли никакого образованія. Напротивъ того, молодыя перестали носить національное платье и нѣкоторыя изъ нихъ говорили по-французски, чему ихъ учили выписныя иностранки.

Въ Новочеркасскѣ нѣтъ ни одного любопытнаго заведенія; я былъ въ войсковой канцеляріи и меня увѣряли, что въ оной совѣсть и судъ продажные, что по непросвѣщенію и алчности казаковъ и не удивительно. Они отмѣнно хитры; передо мною многіе ползали. Въ присутственной комнатѣ войсковой канцеляріи, кромѣ портрета императора, находилось изображеніе завоевателя Сибири Ермака, коего копію я также видѣлъ у генерала Иловайскаго, у котораго государь имѣлъ свое пребываніе. Сказываютъ, что портреты Ермака находятся во многихъ домахъ. Я посѣтилъ гробницу графа Платова, котораго имя гремѣло въ свѣтѣ, на берегахъ Темзы воздавали ему почести, какъ одному изъ избавителей Европы. Платовъ старость свою омрачилъ низкими слабостями, напримѣръ, въ оба дня Бородинскаго сраженія, гдѣ дѣло шло объ участи Россіи, онъ былъ мертвецки пьянъ, что я видѣлъ своими глазами. На Дону его не любили за разныя нововведенія, которыя, какъ мнѣ сказывали, были вредны для сего края, напримѣръ, перенесеніе города изъ стараго Черкасска въ Новый и запрещеніе нанимать за себя казаковъ въ военное время.

Мая 24-го. По утру государь объѣзжалъ городъ верхомъ, послѣ того болѣе трехъ часовъ занимался въ кабинетѣ съ графомъ Аракчеевымъ, а въ заключеніе поѣхалъ на большой обѣдъ къ казакамъ. Въ сіе

время мнѣ приказали отправиться впередъ въ городъ Павловскъ, отъ Черкасска въ 384 верстахъ; я проѣхалъ сіе пространство съ небольшимъ въ сутки, не видавъ на семъ пути ничего, кромѣ неизмѣримыхъ степей, и жалѣя, что поспѣшность, съ каковою мы ѣхали, не позволила мнѣ короче познакомиться съ донскими воинами. По мѣрѣ, какъ я приближался къ Павловску, начинали показываться русскія селенія, видъ коихъ мнѣ былъ очень пріятенъ потому, что три мѣсяца я былъ между чуждыми народами.

Въ Черкасскѣ чиновники хотѣли подарить камердинеру государя тысячу рублей, который сихъ денегъ не принялъ и доложилъ о семъ императору, и его величество велѣлъ выдать ему изъ собственныхъ денегъ сію сумму.

Мая 25-го. Поздно вечеромъ я пріѣхалъ въ Павловскъ, гдѣ нашелъ командовавшаго тамъ войсками графа Ламберта, одного изъ отличнѣйшихъ генераловъ нашихъ; я думаю, что ежели бы онъ не былъ раненъ подъ Борисовымъ, то переправа непріятелей черезъ Березину сопряжена бы была для нихъ съ гораздо бо́льшими потерями, нежели какъ то случилось. Я основываю сіе заключеніе на томъ, что онъ былъ лучшимъ генераломъ молдавской арміи и, по любезности своего характера, заставлялъ слушать свои совѣты командовавшаго оною арміею Чичагова, который по совершенному незнанію военнаго искусства и упрямству своему имѣлъ надобность въ руководствѣ графа Ламберта.

Мая 26-го. Рано поутру въ Павловскомъ была панихида по фельдмаршалѣ Барклаѣ-де-Толли. Извѣстіе о его смерти, послѣдовавшей въ прусскомъ городѣ Инстербургѣ, на 59-мъ году отъ рожденія, получено было въ крѣпости св. Дмитрія; оно сильно поразило императора; его величество нѣсколько разъ перечитывалъ донесеніе, присланное къ нему по сему поводу отъ начальника главнаго штаба первой арміи Дибича. Князь Барклай-де-Толли не имѣлъ качествъ потребныхъ для высокаго званія, въ которое онъ былъ облеченъ, и для того преисполненнаго важнѣйшими событіями времени, когда на него возложена была защита Россіи противъ нашествія Западной Европы подъ предводительствомъ опытнѣйшаго полководца, но по благородному характеру своему и по добротѣ сердца его отмѣнно любили въ арміи.

Генералъ Дибичъ прислалъ государю большой ящикъ съ запечатанными бумагами покойнаго фельдмаршала, изъ коихъ императоръ фамильныя бумаги возвратилъ супругѣ его, а прочія, коихъ содержаніе неизвѣстно никому, оставилъ у себя. Я узналъ впослѣдствіи отъ сына фельдмаршала, что рукопись о войнѣ 1812 года, которую всѣ почитаютъ его сочиненіемъ, есть подложная, и что онъ ничего не писалъ о семъ походѣ. О войнѣ 1813 года издана подъ его руководствомъ

полковникомъ Козеномъ по-нѣмецки книга подъ заглавіемъ: «Seit der Belagerung von Thorn bis zum Einahme von Paris. Von F. K. bei Jartmann in Riga», къ которой собственноручныя замѣчанія и дополненія фельдмаршала, коихъ нельзя по разнымъ обстоятельствамъ издать въ свѣтъ, хранятся у его сына. По вскрытіи тѣла найдено въ груди его нѣсколько камней; не было-ли это слѣдствіемъ огорченій, понесенныхъ имъ въ 1812 году?

Послѣ обѣдни былъ смотръ учебнымъ эскадронамъ конныхъ егерей, а потомъ мы отправились въ село Хрѣновое, принадлежащее графинѣ Орловой-Чесменской. Я пріѣхалъ къ ней за часъ передъ государемъ, съ генераломъ Уваровымъ; она приняла насъ съ отмѣнною учтивостію, въ маленькомъ домикѣ; на окнѣ, близъ котораго она сидѣла, лежало письмо. Уваровъ сказалъ:—«Я отгадываю, что это письмо отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны». И правда, нельзя безъ особеннаго чувства смотрѣть на согласіе, которое существовало между всѣми членами царствующаго дома. Вскорѣ пріѣхалъ императоръ; мы сѣли обѣдать, а потомъ осматривали конскій заводъ графини, который есть лучшій не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Послѣ была скачка, на подобіе англійской, а въ заключеніе бѣгъ рысаковъ. Графиня Орлова подвела государю пять лошадей и подарила каждому изъ насъ по лошади.

Мая 27-го. Поутру я поѣхалъ изъ Хрѣноваго въ Воронежъ. Чѣмъ болѣе я приближался къ сердцу Россіи, тѣмъ населеніе становилось многолюднѣе, и чаще встрѣчались богатыя деревни. Часовъ въ пять я пріѣхалъ въ Воронежъ, одинъ изъ красивѣйшихъ губернскихъ городовъ. Здѣсь я нашелъ корпуснаго командира Бороздина, много генераловъ и губернатора Дубенскаго, которые всѣ приняли меня отличнѣйшимъ образомъ. Я остановился въ домѣ, приготовленномъ для государя и принадлежавшемъ г. Тулинову, у котораго была лучшая суконная фабрика въ Россіи. Она учреждена предкомъ его въ царствованіе Петра Великаго, который подарилъ ему три мериноса; по прошествіи столѣтія они такъ расплодились, что Тулиновъ пожертвовалъ въ пользу поселенныхъ войскъ по сту мериносовъ отъ каждаго пожалованнаго Петромъ Великимъ мериноса, то-есть всего триста головъ. Въ Россіи можетъ почесться феноменомъ видѣнное мною въ семействѣ Тулиновыхъ, что нѣсколько поколѣній сряду занимаются однимъ и тѣмъ же обще-полезнымъ заведеніемъ какъ, напримѣръ, суконною фабрикою, ибо, обыкновенно, сыновья разбогатѣвшихъ купцовъ и фабрикантовъ гнушаются ремесломъ своихъ родителей и покидаютъ оныя для пріобрѣтенія чиновъ. Табель о рангахъ, полезная при Петрѣ, есть нынѣ одно изъ большихъ золъ въ нашемъ отечествѣ.

Вечеромъ въ Воронежѣ былъ прекрасный балъ въ домѣ дворянскаго предводителя Черткова, на который государь послалъ меня за

полчаса передъ собою для того, чтобы я сдѣлалъ списокъ почетныхъ дамъ и означилъ бы въ оном по порядку, съ кѣмъ его величеству надлежало танцовать польскія. Я поставилъ въ первомъ нумерѣ супругу генерала Загряжскаго, за что на меня сердился губернаторъ Дубенскій, желавшій, чтобы его жена открывала балъ. Я имѣлъ до него впослѣдствіи времени надобность, и онъ мнѣ даже не отвѣчалъ на мое письмо; я приписываю сію неучтивость его этому балу, хотя на другой день послѣ того онъ, пріѣдя ко мнѣ рано поутру и заставъ меня въ постели, находился при моемъ туалетѣ; правда, тогда онъ былъ только губернаторомъ, а я флигель-адъютантомъ, а когда я къ нему писалъ, то онъ былъ сенаторомъ, а я—деревенскимъ жителемъ.

Мая 28-го. Поутру былъ смотръ Драгунскимъ и Конно-егерскимъ эскадронамъ корпуса генерала Бороздина, а потомъ мы отправились ночевать въ Липецкъ, извѣстный цѣлительными водами.

Такъ какъ я туда пріѣхалъ гораздо ранѣе государя, то пошелъ въ церковь, гдѣ, по обыкновенію, вся публика ожидала его величество. Тутъ я встрѣтилъ супругу знаменитаго генерала Раевскаго, которая меня познакомила съ нашею стихотворицею Буниною, посвятившею жизнь свою исключительно музамъ; это былъ рѣдкій примѣръ въ Россіи, ибо словесностію занимаются у насъ большею частію между дѣльемъ. Съ сего времени я остался съ нею въ связяхъ, часто видался въ Петербургѣ и получалъ отъ нея множество писемъ, прекрасно написанныхъ, которыя всѣ у меня сохраняются. Проза ея для меня лучше стиховъ, но, къ сожалѣнію, она ничего въ прозѣ не напечатала. Поэтическія произведенія ея, конечно, не самыя отличныя, но между русскими авторами своего пола она занимаетъ первое мѣсто, особенно по совершенному знанію нашего языка. Бесѣда ея была занимательная, и разговоръ исполненъ воображенія, но сужденія ея были нерѣдко пристрастныя, и она придерживалась крайностей; когда мы что-нибудь вмѣстѣ читали или разговаривали о какой-либо книгѣ или стихахъ, то она или превозносила ихъ до небесъ, или совершенно унижала; во всякомъ случаѣ надлежало быть весьма осторожнымъ въ мнѣніяхъ своихъ, потому что при противорѣчіи она краснѣла отъ досады. Несмотря на то, она имѣла доброе сердце, которое замѣняло тѣлесную красоту, ибо она собою была дурна. По ходатайству покровителя своего, Шишкова, одного изъ почтеннѣйшихъ мужей нашего времени, она получала двѣ тысячи рублей пенсіона. Помѣщаю здѣсь одну изъ ея записокъ ко мнѣ.

«Вы слишкомъ милостивы къ моей бѣдной музѣ, и я не знаю, какими словами благодарить васъ за снисхожденіе къ ней, тѣмъ болѣе, что россійская словесность не обращаетъ на себя вниманія ни русскихъ, ни иностранцевъ, и жалкіе наши писатели, хорошіе и дурные, сами

не знаютъ, для кого пишутъ, потому что никто ихъ не читаетъ и не покупаетъ».

Мая 29-го. Поутру государь смотрѣлъ учебные эскадроны, находившіеся въ Липецкѣ, а я ходилъ по городу, любовался красивымъ мѣстоположеніемъ его и осмотрѣлъ заведенія, касающіяся до минеральныхъ водъ.

Изъ Липецка мы поѣхали ночевать въ Данковъ черезъ Лебедянь, гдѣ была ярмарка. Я тогда еще не живалъ въ губерніяхъ и, привыкнувши видѣть богатые магазины въ Петербургѣ и ярмарки въ Лейпцигѣ и Франкфуртѣ, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на товары, продававшіеся въ Лебедяни. Но когда я взглянулъ на произведенія живописи, заключавшіяся въ дурныхъ портретахъ какихъ-то архіереевъ и, на единственную книжную лавку, находившуюся въ Лебедяни, въ которой ничего не было другаго, кромѣ искаженныхъ переводовъ французскихъ и нѣмецкихъ романовъ и комедій, то мнѣ надобно было нѣкоторое усиліе воображенія, чтобы повѣрить, что я живу въ девятомъ на десять вѣкѣ.

Мая 30-го. Поутру, въ прекрасное время, мы отправились изъ Данкова въ Рязань. Почти непрерываемый рядъ селеній украшалъ дорогу съ обѣихъ сторонъ. Въ деревняхъ передъ каждымъ домомъ накрытъ былъ столъ чистою скатертью, на немъ поставлены были хлѣбъ и соль, а подлѣ стола находились семьи крестьянъ. «Добрый народъ русскій», думалъ я, и говорилъ съ Державинымъ:

«О сколь счастливъ монархъ!
Кто россами владѣть умѣетъ!»

Вечеромъ, часу въ восьмомъ, мы пріѣхали въ Рязань, гдѣ я остановился въ одномъ домѣ съ государемъ у богатаго откупщика Рюмина. Между тѣмъ какъ его величество принималъ въ кабинетѣ дивизіоннаго генерала Талызина и губернатора, я поспѣшилъ въ залу, гдѣ собрана была публика для бала, чтобы, согласно данному мнѣ въ прошломъ году приказанію, осмотрѣть, не было ли тамъ изображеній государя. Я нашелъ бюстъ его величества, увѣнчанный лаврами, и тотчасъ приказалъ его вынести къ удивленію рязанской публики, которая взирала на поступокъ мой, какъ на святотатство. Вскорѣ пріѣхалъ императоръ и, по окончаніи польскихъ съ почетнѣйшими изъ дамъ, подозвалъ меня къ себѣ и на ухо сказалъ мнѣ, указывая на одного бывшаго тутъ человѣка, развѣдать поосторожнѣе, не служилъ ли онъ лѣтъ за двадцать въ кавалергардскомъ полку. Впослѣдствіи я узналъ, что императоръ принялъ сего человѣка за одного изъ участниковъ въ происшествіи, бывшемъ въ Михайловскомъ замкѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1801 года.

Мая 31-го. Поутру былъ разводъ, и я, идучи на оный за нѣсколько минутъ прежде государя, встрѣтилъ у лѣстницы его величества

человѣка съ блѣднымъ лицомъ, державшаго въ рукѣ бумагу. Полагая, что это была просьба, которыя въ высочайшемъ путешествіи мнѣ велѣно было принимать, я спросилъ, чего онъ желаетъ. Онъ мнѣ подалъ бумагу, и я удивился, найдя, что это былъ свертокъ стиховъ. Я сказалъ поэту, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ послѣ развода, и узналъ тогда, что это былъ Сибиряковъ, крѣпостной человѣкъ помѣщика Маслова, который писалъ изрядные стихи и подавалъ надежду сдѣлаться современемъ порядочнымъ поэтомъ. Не нужно было долго думать, чтобы угадать, что онъ желалъ получить свободу; я его увѣрилъ въ моемъ ходатайствѣ и сообщилъ стихи его нѣкоторымъ изъ нашихъ литераторовъ, которые съ такимъ жаромъ приняли участіе въ его положеніи, что въ непродолжительномъ времени внесли сумму, которую требовалъ за него помѣщикъ. Изъ благодарности онъ написалъ мнѣ предлинное посланіе въ стихахъ; впослѣдствіи же, не имѣя никакихъ средствъ содержать себя одною поэзіею, къ которой онъ имѣлъ большія способности, онъ сдѣлался посредственнымъ актеромъ на петербургскомъ театрѣ.

Послѣ развода въ Рязани, мы отправились въ Москву; можно легко себѣ вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ я летѣлъ въ сію столицу, чтобы обнять моихъ домашнихъ. Въ Коломнѣ приготовлено было дворянствомъ угощеніе для государя и для свиты его; но на всѣ приглашенія предводителя я отвѣчалъ только просьбою, чтобы поспѣшнѣе запрягали мнѣ лошадей.—«Можетъ ли что сравниться съ вашимъ счастіемъ, говорилъ онъ мнѣ, вы ежеминутно съ государемъ». Но я думалъ про себя съ Дмитріевымъ:

Видѣлъ славный я дворецъ
Нашей матушки-царицы и пр.

Поздно вечеромъ я пріѣхалъ въ Москву.

Въ семъ путешествіи, считая со дня отъѣзда государя изъ Москвы до высочайшаго возвращенія въ сію столицу, то есть съ 26-го февраля до 31-го мая, мы проѣхали 5500 верстъ и употреблено на всѣ вообще расходы, какъ-то: на содержаніе двора, путевые издержки, отправленіе курьеровъ, вспоможеніе бѣднымъ, подарки денежные, кромѣ подарковъ вещами, слѣдующія суммы:

Ассигнаціями	226,025	руб.
Серебромъ	62,444	»
Червонными	18,445	»
Золотыми польскими	461,673	»

Изъ того числа сдѣланы между прочимъ слѣдующіе расходы:

1) Въ Варшавѣ издержано:

Ассигнаціями	53,603	руб.
Серебромъ	56,194	»

Червонными	14,929 руб.
Золотыми польскими. . . .	457,573 »

2) Изъ сихъ денегъ, издержанныхъ въ Варшавѣ, выдано къ награжденіе и въ подарки польскимъ войскамъ въ Варшавѣ:

Ассигнаціями	2,900 руб.
Серебромъ	56,167 »
Червонными	271 »
Золотыми польскими.	30,274 »

Въ сіе число не включено содержаніе карауловъ, находившихся при его величествѣ.

3) Въ путешествіи по Таврическому полуострову употреблено ассигнаціями	22,100 руб.
Въ томъ числѣ выдано:	
a) Переводчикамъ и волостнымъ головамъ, бывшимъ на южномъ берегу Крыма	2,400 руб.
b) Хозяевамъ двухъ верховыхъ лошадей, на которыхъ ѣздилъ государь императоръ по южному берегу	500 руб.
c) На татарскую свадьбу въ Бакчисараѣ, при которой его величество присутствовалъ	1,000 руб.
d) Дервишамъ въ Бакчисараѣ	500 руб.
4) Прислугѣ графини Орловой-Чесменской въ селеніи Хрѣновомъ.	7,500 руб.
Да управителю конскаго ея завода перстень цѣною въ	3,000 руб.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Москва, которая въ сіе время года обыкновенно бываетъ пуста, уподоблялась шумной столицѣ по случаю пребыванія двора, рожденія великаго князя Александра Николаевича и пріѣзда короля прусскаго. Одинъ изъ блестящихъ дней былъ тотъ, въ который происходила закладка храма Спасителя въ воспоминаніе Отечественной войны. Ежели бы колоссальное зданіе сіе, которое огромностію, ежели не должно было превосходить, то по крайней мѣрѣ не уступать, церкви св. Петра въ Римѣ, приведено было къ окончанію, то оно, служа монументомъ войнѣ 1812-го года, свидѣтельствовало бы въ то же время и о наклонности Александра къ мистицизму, потому что расположеніе храма и украшенія его должны были относиться къ священному писанію и къ Апокалипсису.

Я видѣлъ въ это время доказательство обширной памяти императора. Когда король прусскій пріѣхалъ въ Москву, то, по принятому обыкновенію, ему представляли всѣхъ тѣхъ особъ, которыя имѣли пріі-

ѣздъ ко двору: то-есть военныхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, министровъ, сенаторовъ и другихъ, такъ что насъ находилось въ залѣ болѣе двухъ сотъ человѣкъ, изъ коихъ многихъ, какъ постоянныхъ жителей Москвы, государь рѣдко видалъ. Не взирая на то, императоръ называлъ королю каждаго по имени и ошибся только въ имени одного адъютанта московскаго генералъ-губернатора. Болѣе еще разительный примѣръ его памяти есть слѣдующій. Послѣ происшествія, случившагося въ 1820 году въ Семеновскомъ полку, нашли ругательный пасквиль насчетъ правительства. Графъ Милорадовичъ, бывшій главнокомандующимъ въ Петербургѣ, препроводилъ оный въ подинникѣ къ государю, находившемуся въ Веронѣ, а императоръ, возвращая его графу, приказалъ стараться отыскать сочинителя и присовокупилъ, что почеркъ сего пасквиля похожъ на почеркъ одного чиновника, писавшаго обыкновенно доклады министра юстиціи Трощинскаго. Немедленно былъ отправленъ курьеръ за симъ чиновникомъ, и хотя онъ и оказался невиннымъ, но нашли предполагаемое сходство въ его почеркѣ. Ежели вообразимъ, какое безчисленное множество бумагъ поступали къ императору, то какъ не подивиться сему памятованію, тѣмъ болѣе, что чиновникъ, о коемъ идетъ рѣчь, уже нѣсколько лѣтъ оставилъ службу, и слѣдственно бумаги его руки давно не были представляемы государю.

Вотъ еще анекдотъ о памяти государя. Въ 1813 году, когда мы стояли въ Калишѣ, генералъ Толь просилъ императора объ опредѣленіи брата его, бывшаго въ чинѣ маіора, въ главную квартиру по иностранной перепискѣ:

— Не тотъ-ли это, который передъ войною посѣщалъ въ Петербургѣ домъ французскаго посла Лористона?—спросилъ императоръ.

Толь въ тотъ же день разсказывалъ мнѣ о семъ отвѣтѣ въ Калишѣ и присовокупилъ, что, дѣйствительно, братъ его, какъ виртуозъ на скрипкѣ, бывалъ приглашаемъ къ Лористону въ 1811 году, но что онъ полагалъ, что существованіе брата его не было извѣстно государю.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ

ОТЪ

Москвы до Красной Пахры.

III [1]).

Успѣшныя дѣйствія русскихъ войскъ такъ тѣсно были связаны съ выгодами и видами Англіи въ это время, что не можетъ подлежать сомнѣнію, что ея агентъ усердно хлопоталъ о томъ, чтобы устранить все то, что бы могло препятствовать успѣху дѣйствій. Что же могло быть вреднѣе и опаснѣе ссоръ и розни между главными военачальниками? Но примиряя ихъ между собою, серъ Робертъ Вильсонъ понималъ, что не можетъ достигнуть этой цѣли. «Къ крайнему сожалѣнію—писалъ онъ въ тоже время къ англійскому посланнику въ Петербургѣ лорду Каткарту, согласіе не существуетъ, да и не можетъ существовать между начальниками. Борьба за главное начальство есть неискоренимая причина раздора. Князь Кутузовъ, по мнѣнію всѣхъ въ арміи, сталъ слишкомъ дряхлъ, но онъ мало склоненъ оставить команду, да если бы то случилось, то генералъ Барклай не можетъ остаться въ арміи подъ начальствомъ генерала Беннигсена, такъ какъ примѣръ несогласія вредитъ и теперь пользѣ службы государю, а тогда сіе зло еще умножится. Успѣшныя наступательныя дѣйствія загладятъ можетъ быть это зло на нѣкоторое время и рѣшатъ споръ о первенствѣ, «т. е. сила обстоятельствъ выставитъ впередъ генерала Беннигсена и устранитъ другихъ [2])». Беннигсенъ ищетъ главнаго начальства, князь Кутузовъ не

---

[1]) См. Русскую Старину, іюль 1897 г.

[2]) Письмо Вильсона лорду Каткарту, 16-го (28-го) сентября 1812 г.

думаетъ отъ него отказываться, генералъ Барклай не хочетъ быть подъ начальствомъ! Задача трудная, которую, конечно, можетъ рѣшить или воля государя императора, или сила обстоятельствъ.

Генералъ Барклай, добровольно удалившись изъ арміи, первый началъ ея разрѣшеніе. «Хотя армія теряетъ въ лицѣ генерала Барклая, писалъ Робертъ Вильсонъ императору, офицера весьма храбраго, но я утѣшаюсь мыслію, что общая польза здѣшней арміи отъ того не потерпитъ, что онъ ее оставилъ. Напротивъ, отъ этого прекратится вредное соперничество, и я надѣюсь, что генералъ Беннигсенъ подастъ теперь примѣръ строгой подчиненности, представляя только фельдмаршалу Кутузову и вашему величеству о тѣхъ неудовольствіяхъ, которыя могутъ ему встрѣтиться отъ возраженій противъ его плановъ». Въ письмѣ къ лорду Каткарту, выражая то же мнѣніе о Барклаѣ, Вильсонъ прибавляетъ: «я не намѣренъ входить въ разсужденія о достоинствахъ или недостаткахъ главныхъ начальниковъ арміи, но отъѣздъ того или другаго не могъ не имѣть хорошаго послѣдствія. Если генералъ Беннигсенъ сдержитъ данное мнѣ обѣщаніе, то я смѣло могу сказать, что присутствіе его здѣсь будетъ очень выгодно».

Серъ Робертъ Вильсонъ въ то время воплощалъ въ себѣ общій характеръ политики сентъ-джемскаго кабинета, которую очень вѣрно опредѣлилъ въ письмахъ къ императору Бернадотъ, наслѣдный принцъ Шведскій. Она желала всѣ враждебныя Наполеону державы превратить въ свое орудіе и руководить ихъ дѣйствіями исключительно въ свою пользу. Такъ и генералъ Вильсонъ всѣми способами старался выдвинуть впередъ англійскаго подданнаго (Беннигсена) и вручить ему главное начальство надъ русскими войсками. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ дѣйствительно старался всѣми способами укротить строптивое самолюбіе и самоувѣренность Беннигсена и направилъ его дѣйствія такимъ образомъ, чтобы представить въ глазахъ государя всю его способность быть главнокомандующимъ, а по дряхлости—всю неспособность князя Кутузова.

Но способенъ ли былъ генералъ Беннигсенъ поступать по мудрому совѣту своего защитника, и могъ ли хладнокровно и спокойно сдержать данное ему обѣщаніе? Былъ ли такъ дряхлъ князь Кутузовъ, чтобы съ его опытностію и умомъ не замѣтить ловушки и попасться въ нее?

Послѣдовавшія событія отвѣчаютъ опредѣленно на эти вопросы. Случайно и неожиданно баронъ Беннигсенъ сдѣлался главнокомандующимъ русскими войсками въ 1806 и 1807 годахъ, но эта кампанія окончилась Тильзитскимъ миромъ и убѣдила наши войска въ «несоразмѣрности дарованій Беннигсена съ геніемъ Наполеона» [1]), и по заключеніи

[1]) Сочиненія Д. В. Давыдова. Ч. II, стр. 241.

этого мира императоръ уволилъ его въ отставку, для поправленія здоровья (Беннигсенъ страдалъ падучею болѣзнею [1]). Но онъ самъ считалъ себя достойнымъ соперникомъ Бонапарта и хвастался побѣдами надъ нимъ при Пултускѣ и Прейсиш-Эйлау [2]).

При свиданіи императоровъ въ Тильзитѣ, Наполеонъ сказалъ Беннигсену: «вы были злы подъ Эйлау», — выражая этимъ изреченіемъ упорство и ярость, съ какимъ дрались войска наши въ этомъ сраженіи, и заключилъ разговоръ съ нимъ словами: «я всегда любовался вашимъ дарованіемъ, а еще болѣе вашею осторожностію».—Самолюбіе почтеннаго старца-воина приняло эту полу-эпиграмму за полный мадригалъ, ибо, по мнѣнію великихъ полководцевъ, осторожность почитается послѣднею военною добродѣтелью, предпріимчивость и отважность первыми. «Беннигсенъ разсказывалъ мнѣ нѣсколько разъ этотъ разговоръ съ Наполеономъ и каждый разъ съ новымъ одушевленіемъ», прибавляетъ Д. В. Давыдовъ.

До назначенія главнокомандующимъ князя Кутузова, баронъ Беннигсенъ не имѣлъ никакого особаго назначенія въ дѣйствующихъ войскахъ. Онъ находился при главной квартирѣ императора въ Вильнѣ, потомъ послѣ отступленія войскъ и по взятіи непріятелемъ Смоленска, онъ отправился въ Петербургъ. На пути онъ встрѣтился съ княземъ Кутузовымъ, ѣхавшимъ принять начальство надъ войсками, который объявилъ ему высочайшее повелѣніе состоять при немъ начальникомъ штаба. Получивъ вслѣдъ затѣмъ и рескриптъ императора, онъ отвѣчалъ: «Лестныя выраженія о моей преданности августѣйшей особѣ вашей и привязанности къ отечеству наполнили мою душу чувствами благодарности. Конечно, какой бы ни было угодно вамъ предназначить мнѣ кругъ дѣятельности, когда дѣло идетъ о службѣ моему государю и отечеству, должны смолкнуть всякія честолюбивыя желанія. Всѣ мои стремленія я сочту исполненными, если мои слабыя дарованія будутъ способствовать успѣхамъ вашего оружія и славѣ вашего царствованія» [3]). Неудовлетворенное самолюбіе, несмотря на выраженіе покорности верховной волѣ, невольно выражается и въ этихъ строкахъ. Зная недовѣріе войскъ къ главнокомандующему первою арміею, понимая невозможность необходимаго, однако же, единства и правильности въ военныхъ дѣйствіяхъ, при двухъ главнокомандующихъ съ двумя отдѣльными штабами, и предвидя неизбѣжныя перемѣны въ этомъ отношеніи, Беннигсенъ поэтому и спѣшилъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы объяснить положеніе дѣлъ и предстать передъ лицомъ императора готовымъ кандидатомъ для общаго начальства надъ арміями. Но онъ опоздалъ.

[1]) Сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго.

[2]) Сочиненія Д. В. Давыдова. Ч. II, стр. 253 и 254.

[3]) Письмо баронъ Беннигсена. 20-го августа 1812 г.

Эта случайная, конечно, причина совпадала со взглядами императора на Беннигсена, какъ человѣка и главнокомандующаго. Вѣроятно, онъ не облекъ бы его этимъ званіемъ въ такое важное время, какое переживала Россія; но, неохотно назначая и князя Кутузова, онъ счелъ полезнымъ воспользоваться опытностію и познаніями генерала Беннигсена, назначилъ его начальникомъ штаба фельдмаршала.

Покоряясь волѣ императора, Беннигсенъ однако же *искалъ главнаго начальства* надъ войсками, какъ выражается серъ Робертъ Вильсонъ. Перелагая высказанную въ этихъ словахъ мысль на почву дѣйствительной жизни, кажется дѣйствія генерала Беннигсена могутъ быть объяснены тѣмъ, что онъ употребилъ всѣ средства, съ тою цѣлью, чтобы выказать на дѣлѣ князя Кутузова неспособнымъ начальствовать русскими войсками и—занять его мѣсто. «Странно, говоритъ издатель воспоминаній о 1812 годѣ гр. Толя, вообще гораздо болѣе благосклонный къ Беннигсену, нежели къ Кутузову,—что во время Бородинскаго сраженія Беннигсенъ какъ-будто исчезъ и его вліяніе не было замѣтно. Изъ нѣкоторыхъ показаній можно придти къ тому заключенію, что онъ преимущественно находился невдалекѣ отъ фельдмаршала, у Горокъ, довольно смѣло появлялся онъ тамъ и сямъ, но едва-ли былъ подъ непріятельскимъ огнемъ; также тщетно будемъ искать показаній во всѣхъ русскихъ извѣстіяхъ о его совѣтахъ, которые онъ давалъ, или о какихъ-либо предложенныхъ или исполненныхъ имъ мѣрахъ, но зато, вслѣдъ за окончаніемъ битвы, онъ дѣятельно выступилъ съ тою цѣлью, чтобы управленіе ходомъ дѣлъ забрать въ свои руки». Онъ сравнивалъ Бородинское сраженіе съ Прейсишъ-Эйлау, называя послѣднее произведеннымъ въ порядкѣ, а второе безпорядочнымъ. Это мнѣніе, очевидно подъ его вліяніемъ, повторяетъ и серъ Робертъ Вильсонъ въ письмѣ къ императору. «Кажется, писалъ онъ, Бородинское сраженіе нельзя назвать правильнымъ, какъ бывшія при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ».

Мы не позволимъ себѣ оцѣнивать военныя дѣйствія и распоряженія ходомъ сраженій, но не можемъ не замѣтить, что если распоряжается ими не одинъ главнокомандующій, а подчиненныя ему лица позволяютъ дѣлать распоряженія, силой своей власти и не доводя даже до свѣдѣнія главнокомандующаго, то едва-ли и можетъ быть соблюденъ порядокъ боя. А именно такъ и дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ Беннигсенъ, и весь успѣхъ сраженія приписывалъ себѣ [1]). Мы говорили уже о дѣйствіяхъ Беннигсена передъ оставленіемъ Москвы; онъ избралъ мѣсто для сраженія подъ столицею, признанное всѣми негоднымъ; онъ не защищалъ его пригодности на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, но сдѣлалъ предложеніе дѣйствовать наступательно, тогда какъ

[1]) По свидѣтельству графа Толя, Бернгарди. Ч. II, стр. 42 и 43.

по недостатку времени не представлялось уже никакой возможности привести въ исполненіе его предложеніе и которое не обѣщало успѣха. Въ случаѣ неуспѣха, который входилъ въ соображенія и генерала Беннигсена, онъ предполагалъ отступить на Калужскую дорогу. Въ этомъ послѣднемъ и весьма вѣроятномъ случаѣ послѣдствія могли быть тѣ же, къ которымъ привели и распоряженія князя Кутузова, но съ нѣкоторою разницею. Князь Кутузовъ провелъ черезъ Москву и выигралъ время спокойно, соединивъ въ Тарутинѣ 108.000 армію, еще способную противустоять непріятелю. Но, если бы онъ далъ сраженіе подъ Москвою, то, вслѣдствіе понесенныхъ потерь, отступилъ бы, если-бъ ему позволилъ непріятель, съ такими ничтожными силами, что не могъ бы и предпринять съ ними никакихъ военныхъ дѣйствій и не могъ бы перервать его сообщеніе съ Смоленскомъ. Самоувѣренность Беннигсена могла увлекать его за предѣлы благоразумія, но едва-ли онъ поддался этому увлеченію въ такой мѣрѣ, если-бъ отвѣтственность лежала всецѣло на немъ, а не на главнокомандующемъ, и даже едва-ли самъ, если и не въ ту минуту, какъ подавалъ свой голосъ въ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, то немедленно вслѣдъ за тѣмъ, не пошелъ бы противъ непріятеля по неисполнимости своихъ предложеній. Несмотря на то, съ полковникомъ Мишо, посланнымъ съ донесеніями къ императору объ оставленіи Москвы, онъ отправилъ письмо къ графу Аракчееву. «Я полагаю, писалъ онъ, что сдача Москвы произвела впечатлѣніе въ Петербургѣ. Перваго сентября въ семь часовъ вечера былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено отдать Москву, что̀ немедленно и исполнено. Генералъ Барклай усерднѣе всѣхъ поддерживалъ это мнѣніе, увѣряя, что самъ государь одобритъ его. Время покажетъ намъ, въ какой мѣрѣ справедливо его увѣреніе. Я очень бы желалъ довести до свѣдѣнія монарха, что я никакъ не соглашался на такое предложеніе, объясняя причины моего противорѣчія и указывая на тѣ вредныя послѣдствія, которыя я предвидѣлъ. Когда мнѣніе Барклая было принято, я оставилъ совѣтъ. Кажется, князь Кутузовъ нынѣ убѣдился, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, и совѣтуется со мною насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Надѣюсь, что наше положеніе скоро поправится».

Это письмо свидѣтельствуетъ, что генералъ Беннигсенъ желалъ довести до свѣдѣнія императора, что, оставивъ Москву безъ боя въ добычу непріятеля, князь Кутузовъ сдѣлалъ большую ошибку, которая поправится лишь потому, что Беннигсену не будутъ мѣшать приводить въ исполненіе его предначертанія, т. е., что на дѣлѣ онъ будетъ главнокомандующимъ, смиренно ожидая, чтобы въ воздаяніе его заслугъ, наконецъ, онъ былъ дѣйствительно облеченъ въ это званіе, которымъ такъ неосторожно его обошли и тѣмъ подвергли крайней опасности Россію. Но графъ Аракчеевъ имѣлъ къ свѣтлѣйшему вождю большое довѣріе,

которое ускользнуло отъ вниманія не только Беннигсена и Барклая, но и весьма многихъ другихъ русскихъ людей, кромѣ самого императора.

Едва только началось фланговое движеніе и войска поворотили отъ Боровскаго перевоза на Рязанской дорогѣ, на Калужскую, какъ Беннигсенъ требовалъ наступательныхъ дѣйствій. Его настоянія были такъ назойливы и усиленны, что вывели изъ терпѣнія спокойнаго и мягкаго въ рѣчахъ и обхожденіи князя Кутузова. Какъ бы соглашаясь остановить отступленіе и укрѣпляться въ этой мѣстности, онъ сказалъ Беннигсену: «Вы начальствуете надъ войсками, я здѣсь только волонтеръ» и, поручая ему обозрѣніе позиціи, велѣлъ всѣмъ своимъ адъютантамъ и штабу слѣдовать за нимъ.

Беннигсенъ, конечно, не ожидалъ такого оборота дѣлъ: онъ порицалъ распоряженія фельдмаршала, давалъ свои совѣты, но не желалъ принять на себя отвѣтственности за дѣйствія, которыя могли послѣдовать, какъ исполненіе его совѣтовъ. Нѣсколько смущенный необычною для него многочисленною и блестящею свитою, онъ употребилъ три часа времени для тщательнаго обозрѣнія мѣстности. Къ концу этого обзора, свита начала замѣчать особенное движеніе мускуловъ его лица и подергиванье въ губахъ, обличавшихъ внутреннее волненіе. Возвратившись назадъ, онъ объявилъ фельдмаршалу, что позиція нехороша, что дать на ней сраженіе нельзя, прибавивъ съ досадою: «на сторонѣ этихъ проклятыхъ французовъ всегда бываетъ удобство мѣстности».

— Въ такомъ случаѣ я снова принимаю на себя главное начальство—спокойно отвѣчалъ князь Кутузовъ. Затѣмъ, обратясь къ свитѣ, сказалъ,—господа прошу васъ попрежнему находиться при мнѣ, а потомъ обратился къ дежурному генералу Коновницыну,—Петръ Петровичъ напишите диспозицію для отступленія [1]).

Это происшествіе, безъ сомнѣнія, оставило непріятное впечатлѣніе на душѣ Беннигсена и оскорбило его самолюбіе особенно потому, что совершилось при множествѣ свидѣтелей. Выраженіемъ этого впечатлѣнія было новое столкновеніе съ фельдмаршаломъ въ тотъ же самый день, какъ главная квартира достигла Тарутина. Обозрѣвъ эту мѣстность, Беннигсенъ явился къ князю Кутузову и началъ доказывать ея неудобства, по которымъ невозможно принять на ней сраженіе. Разговоръ начался хладнокровно, но потомъ перешелъ въ споръ, и упорство Беннигсена вышло изъ границъ и вывело изъ терпѣнія князя Кутузова.

— Вы находили, что ваша позиція при Фридландѣ была хороша для васъ,—замѣтилъ князь Кутузовъ,—а я нахожу, что эта позиція хороша,

---

[1]) Бернгарди—Denkwürdigkeiten aus dem Leben der gr. Toll, томъ II, стр. 192 и 193.

и мы на ней останемся, потому что я на ней командую и я отвѣчаю за все [1]).

Устраняя всѣ личности, сущность разногласій между фельдмаршаломъ, Барклаемъ и Беннигсеномъ можетъ быть выражена такъ: въ это время князь Кутузовъ не хотѣлъ угрожающимъ положеніемъ вызывать непріятеля на рѣшительныя дѣйствія, а тѣмъ болѣе начать наступленіе противъ него. Мы утраняемъ пока вопросъ: былъ ли онъ правъ или нѣтъ въ этомъ случаѣ, хотя послѣдствія совершенно оправдали его планъ дѣйствій, но, конечно, должны полагать, что его порицали, предлагая противное мнѣніе, думали, что и время благопріятно и наши войска достаточно сильны для того, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ. Это предположеніе можетъ ввести въ недоумѣніе только въ отношеніи генерала Барклая, который такими мрачными красками описалъ состояніе нашихъ войскъ не только князю Кутузову, но и самому императору. Что же касается до бар. Беннигсена, то онъ давалъ совѣты въ тѣхъ единственно видахъ, чтобы сложить съ себя всякую отвѣтственность въ томъ случаѣ, если бы князь Кутузовъ вздумалъ имъ послѣдовать и потерпѣлъ неудачу, а въ случаѣ успѣха присвоить себѣ всю заслугу.

На чью же сторону должно было склоняться наиболѣе сочувствія войскъ, одушевленныхъ послѣ оставленія Москвы единственно желаніемъ отмстить дерзкому врагу? Не говоря уже о лицахъ близкихъ къ Барклаю и Беннигсену, но и бо́льшая часть офицеровъ, съ самоотверженіемъ и храбростью готовыхъ драться за спасеніе отечества, слыша увѣренія опытныхъ предводителей, сѣтовали на мнимую медленность и нерѣшительность фельдмаршала. Только глубокое довѣріе войскъ къ давно знаменитому вождю могло предотвратить опасное волненіе и ограничить борьбу мнѣній штабными толками и сплетнями. Но тѣмъ не мѣнѣе фельдмаршалъ не могъ не знать, что войска стремились сразиться съ непріятелемъ; что слухи о предложеніяхъ Барклая и Беннигсена не оставались тайною, извѣстною лишь немногимъ начальствующимъ лицамъ, но разносились по всей арміи. Такое положеніе дѣлъ не могло не имѣть вліянія на рѣшенія главнокомандующаго, оно мѣшало свободѣ его дѣйствій и внесло колебанія и нерѣшительность, если не въ отношеніи къ общему плану, но къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ.

Такое настроеніе духа стараго фельдмаршала замѣчаютъ и всѣ современники, а за ними и послѣдовавшіе писатели въ распоряженіяхъ, предшествовавшихъ Тарутинскому сраженію и непосредственно за ними послѣдовавшихъ. Серъ Робертъ Вильсонъ, поздравляя императора съ побѣдою при Тарутинѣ, какъ началомъ наступательныхъ дѣйствій, доносилъ: «я желалъ бы имѣть возможность ограничить мои замѣчанія

[1]) Записки о войнѣ 1812 года князя А. Б. Голицына.

только похвалою войскамъ, участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ и тому неограниченному усердію, которымъ всѣ здѣсь одушевлены; но мой долгъ вынуждаетъ меня донести вашему величеству, что несогласія между фельдмаршаломъ и генераломъ Беннигсеномъ, по случаю вчерашнихъ происшествій, достигло высочайшей степени огорченія. Беннигсенъ жалуется, что фельдмаршалъ не подкрѣпилъ его и не позволилъ преслѣдовать непріятеля, такимъ образомъ, какъ было возможно съ большею пользою для вашего величества. Я долженъ сказать, что хотя и много сдѣлано, но успѣхъ могъ быть гораздо значительнѣе, потому что нападеніе было сдѣлано неожиданно для непріятеля, ротныя атаки въ тылъ его лѣваго крыла и въ центръ привели его въ крайнее смятеніе и не должны были дать ему ни минуты къ сопротивленію. Но онъ отступилъ довольно далеко, чтобы обезпечить свои сообщенія. Планъ былъ превосходный, но исполненіе недовольно быстрое или недовольно сильное для пріобрѣтенія всѣхъ блестящихъ трофеевъ, какъ возможно было ожидать. «Я находился въ корпусѣ Багговута, который одинъ только былъ въ настоящемъ дѣлѣ и съ казаками, а потому могу судить о послѣдствіяхъ; не знаю о причинахъ, побудившихъ фельдмаршала къ такой осторожности.

«Но никакое объясненіе не можетъ примирить возникшаго несогласія, и я долженъ просить ваше величество, чтобы вы благоволили прекратить, какъ можно поспѣшнее, примѣръ раздора, несовмѣстнаго съ общимъ порядкомъ, и который долженъ очень повредить службѣ вашего величества» [1]).

Не одни серъ Робертъ Вильсонъ и баронъ Беннигсенъ негодовали на Кутузова, что онъ оставилъ преслѣдованіе разбитаго авангарда французской арміи, но и многіе изъ русскихъ генераловъ. Но ихъ негодованіе не выходило изъ предѣловъ подчиненности фельдмаршалу, необходимой въ военномъ дѣлѣ и особенно въ боевое время, и учтивости, всегда и повсюду необходимой. Между тѣмъ, генералъ Беннигсенъ по окончаніи Тарутинскаго сраженія не только неучтиво отозвался на поздравленіе фельдмаршала съ побѣдою и не слѣзъ даже съ лошади, по случаю будто бы полученной имъ контузіи, но даже на другой день въ донесеніи о сраженіи, позволилъ себѣ написать слѣдующія строки: «Поспѣшаю донесть вашей свѣтлости о вчерашнемъ сраженіи, которое я имѣлъ честь начать, продолжать и окончить», а затѣмъ далѣе: «я желалъ бы, чтобы обстоятельства вамъ позволили быть тамъ, какъ былъ я, свидѣтелемъ порядка и мужества, съ каковыми ввѣренные мнѣ войска совершили различныя атаки, въ коихъ они покрыли себя славою и честью».

---

[1]) Донесеніе Вильсона императору 10-го октября 1812 года.

Безъ сомнѣнія начальнику штаба было дерзко и неприлично въ оффиціальномъ донесеніи приписывать себѣ весь успѣхъ сраженія и насмѣшливо бросать упрекъ въ бездѣйствіи своему начальнику; но это было возможно объяснить негодованіемъ горячаго и прямаго по характеру человѣка, если-бъ съ этимъ не соединялись иныя виды. Нѣсколько дней спустя генералъ Беннигсенъ написалъ слѣдующее письмо императору: «День 6-го октября имѣлъ великіе успѣхи, которыя я и предполагалъ. Непріятель оставилъ Москву; онъ находится въ полномъ отступленіи, и я спѣшу съ глубочайшимъ чувствомъ повергнуть къ стопамъ вашего величества мои покорныя поздравленія по этому случаю. Какія бы ни употребилъ Наполеонъ хитрости военнаго искусства, теперь только вслѣдствіе нашихъ ошибокъ могъ бы спастись хотя бы одинъ человѣкъ изъ его арміи. Я постоянно опасался, чтобы для своего отступленія онъ не избралъ направленія къ Двинѣ или на Полоцкъ, гдѣ, присоединивъ къ великой арміи всѣ корпуса, дѣйствовавшіе на сѣверѣ, могъ еще собрать значительныя и даже грозныя силы, если мы съ своей стороны не будемъ преслѣдовать его съ надлежащею быстротою всею первою арміею. Намѣренія Наполеона должны объясниться завтра или послѣзавтра, пойдетъ ли онъ по этому направленію или обратится на Смоленскую дорогу. Но во всякомъ случаѣ его отступленіе такъ-же неизбѣжно, какъ и совершенное разрушеніе его арміи, если мы не будемъ упускать удобныхъ случаевъ, которые должны еще встрѣтиться для окончательнаго истребленія его арміи. Какое бы было счастье, государь, если-бъ въ такіе прекрасные случаи, которые насъ ожидаютъ, случаи единственные, которые могли бы насъ вознаградить за столькія тяжелыя мгновенія, мы имѣли бы счастье увидѣть ваше императорское величество во главѣ вашихъ храбрыхъ войскъ. Къ этому личному желанію я присоединяю одно соображеніе, къ которому вынуждаютъ меня чувства истины и чести, что для пользы вашей имперіи, государь, вы должны какъ можно приблизиться къ театру военныхъ дѣйствій, потому что обстоятельства таковы, что, если только ваши войска будутъ дѣйствовать съ надлежащею силою, эта одна кампанія рѣшитъ какъ участь войны, такъ и всей Европы» [1]).

Весь успѣхъ Тарутинскаго сраженія Беннигсенъ приписывалъ себѣ, такъ же, какъ и прежде Бородинскаго; но полагалъ, что въ обоихъ случаяхъ успѣхъ былъ бы гораздо дѣйствительнѣе, если бы фельдмаршалъ болѣе слѣдовалъ его совѣтамъ и не мѣшалъ ему распоряжаться.

Въ послѣднемъ сраженіи онъ прямо обвинилъ кн. Кутузова въ томъ, что не подкрѣпилъ его во-время и, остановивъ преслѣдованіе, умышлен-

---

[1]) Письмо барона Беннигсена 16-го октября 1812 года. Полотняные заводы.

но желалъ лишить его заслуженной славы. «Я не могу и вообразить какія могли быть послѣдствія этого прекраснаго и блистательнаго дня, если-бъ меня поддержали, писалъ Бенигсенъ своей женѣ за шесть дней передъ приведеннымъ письмомъ къ императору и стало быть три дня спустя послѣ Тарутинскаго сраженія,—и если-бъ я могъ продолжать далѣе это дѣло, но здѣсь меня преслѣдуетъ неудача, худшая даже, нежели при Пултускѣ. Въ виду всего войска Кутузовъ не позволяетъ никому поспѣшить мнѣ на помощь, такъ онъ выразился. Милорадовичъ, который начальствовалъ надъ лѣвымъ крыломъ, горѣлъ желаніемъ двинуться впередъ и помочь мнѣ, онъ запретилъ, и чтобы лишить его возможности что-либо предпринять, онъ два раза во время сраженія призываетъ его къ себѣ,—за пять верстъ назадъ. Изъ этого ты можешь понять, на какомъ разстояніи отъ поля сраженія находился нашъ старикъ. Его трусость превышаетъ всякую возможность. Уже при Бородинѣ онъ достаточно ее обнаружилъ и покрылъ себя презрѣніемъ и насмѣшками всей арміи.

«Поэтому-то я въ одномъ изъ моихъ предшествовавшихъ писемъ сказалъ, что надо желать, чтобы государь самъ пріѣхалъ къ арміи или, по крайней мѣрѣ, находился поближе къ ней, иначе я не отвѣчаю ни за что, потому что Кутузовъ не окончитъ этой войны. Вообрази себѣ мое положеніе, каждый разъ какъ слѣдуетъ сдѣлать одинъ шагъ противъ непріятеля, мнѣ приходится ссориться съ нимъ до такой степени, что я принужденъ слушать грубости этого человѣка. По истинѣ никакая сдержанность и никакое хладнокровіе этого долго выдержать не можетъ. Какое прекрасное время для меня удалиться изъ арміи, послѣ этой побѣды и полученной мною контузіи, говоритъ Беннигсенъ въ концѣ этого письма, но желая выразить свою безпредѣльную преданность, прибавляетъ: зная, что мое удаленіе могло бы быть непріятно императору, я страдаю и терплю»—конечно не теряя надежды, что его положеніе перемѣнится, т. е. или онъ на мѣсто Кутузова, какъ неспособнаго будетъ назначенъ главнокомандующимъ, или самъ государь пріѣдетъ къ войскамъ. Поэтому, вызывая на рѣшительную мѣру, онъ заканчиваетъ угрозою, что рано или поздно ему придется оставить армію. «Но всякое зло имѣетъ свой конецъ, потому что въ этомъ положеніи мнѣ невозможно долго оставаться» [1]).

Частныя письма, посылаемыя въ Петербургъ изъ дѣйствующей арміи, особенно отъ лицъ, занимавшихъ такія важныя должности, какъ Беннигсенъ, безъ сомнѣнія не укрывались отъ вниманія правительства и немедленно дѣлались извѣстными въ обществѣ, которое съ жадностью ловило всякое извѣстіе, приходившее изъ дѣйствующей арміи, и разносило его

[1]) Письмо Беннигсена супругѣ отъ 10 октября 1812 года.

по городу. Это обстоятельство было извѣстно такимъ лицамъ какъ Беннигсенъ и они пользовались имъ. Поэтому приведенное нами его письмо къ женѣ служитъ только объясненіемъ того, что не было выражено имъ прямо въ письмѣ императору, но только подразумѣвалось. Война приняла благопріятный оборотъ, что предвидѣлъ Беннигсенъ и чему онъ способствовалъ; она можетъ окончиться блистательно, но только при одномъ условіи—если не князь Кутузовъ будетъ начальствовать войсками.

Баронъ Беннигсенъ конечно зналъ, что его донесенія о дѣйствіяхъ фельдмаршала подкрѣплялись частными извѣстіями изъ дѣйствующей арміи, сообщаемыми какъ императору, такъ и лорду Каткарту, серъ Робертомъ Вильсономъ, съ которымъ онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Послѣ сраженія при Маломъ Ярославцѣ онъ порицалъ отступленіе князя Кутузова и писалъ лорду Каткарту: «если Наполеонъ достигнетъ до Нѣмана, съ неразгромленными корпусами и съ тѣми подкрѣпленіями, которыя онъ соберетъ по дорогѣ или получитъ изъ Германіи, то весьма намъ будетъ трудно вытѣснить его изъ польскихъ провинцій. Вся кровь, тамъ пролитая, всѣ затрудненія, которыя Россія тамъ испытать можетъ, падутъ на голову фельдмаршала Кутузова. Генералъ Беннигсенъ съ честью можетъ оправдаться. Его совѣтъ, который спасъ государство, движеніемъ на Калужскую дорогу, могъ бы спасти вселенную, *если-бъ ему послѣдовали*. Его совѣтъ и теперь бы могъ улучшить наши ожиданія; но онъ не имѣетъ ни вліянія, ни власти въ управленіи» [1]). Подобныя соображенія онъ писалъ не для личнаго только свѣдѣнія англійскаго посланника въ Петербургѣ, но напротивъ просилъ его сообщить ихъ императору. «Если вы можете способствовать удаленію фельдмаршала Кутузова, то этимъ окажете великую услугу Россіи и Европѣ. До тѣхъ поръ, пока онъ будетъ командовать, мы не встрѣтимся съ непріятелемъ. Онъ желаетъ только видѣть непріятеля оставляющаго Россію, утомленнаго, но не уничтоженнаго. То, что уже сдѣлано, исполнено *безъ его вѣдома*, то, что должно сдѣлать, надо предпринять также *безъ его повелѣній*» [2]). Послѣднія строки краснорѣчиво говорятъ, какой духъ распространяли въ арміи нѣкоторые изъ вліятельныхъ членовъ главнаго штаба и съ какими препятствіями предстояло бороться престарѣлому русскому вождю, побѣждать рознь и давать единство военнымъ дѣйствіямъ.

Подкрѣпленный такими сообщеніями сера Роберта Вильсона, Беннигсенъ надѣялся на скорую развязку затѣянной имъ интриги противъ фельдмаршала; но государь молчалъ. Наградивъ за Тарутинское сра-

---

[1]) Письмо Вильсона Каткарту 19 (31) октября 1812 г.

[2]) Письмо Вильсона Каткарту 23 октября (4 ноября) 1812 года.

женіе какъ Кутузова, такъ и Беннигсена, онъ показалъ, что цѣнитъ заслуги обоихъ. Рескриптъ князю Кутузову, который не могъ остаться тайною для Беннигсена, показывалъ даже искреннія чувства императора къ фельдмаршалу. «Побѣда, вами одержанная надъ Мюратомъ, обрадовала меня несказанно, я льщу себя надеждою, что сіе есть начало, долженствующее имѣть за собою еще дальнѣйшія послѣдствія. Слава Россіи нераздѣльна съ вашею собственною и—съ спасеніемъ Европы» [1]).

Истинно-ли императоръ оцѣнивалъ заслуги фельдмаршала, или щадилъ его, уступая мнѣнію о немъ всей Россіи,—дѣло не въ этомъ; но этотъ рескриптъ ясно говорилъ, что государь не намѣренъ смѣнить князя Кутузова. Генералъ Беннигсенъ понялъ это и желалъ оправдаться въ глазахъ императора, придавъ другой оборотъ дѣлу: «Безъ сомнѣнія, писалъ онъ императору, что ваше величество извѣщены о томъ недостаткѣ согласія, который царствуетъ съ нѣкотораго времени между фельдмаршаломъ и мною. Я ссылаюсь на свидѣтельство всей арміи, что не я тому причиною, ссылаюсь даже на совѣсть самого князя, которому я предлагалъ услугу во всякомъ родѣ службы; даже съ казаками. Никогда, государь, какъ вамъ извѣстно, я не домогался главнаго начальства надъ войсками, я убѣжденъ въ необходимости, чтобы русское имя стояло въ главѣ войскъ и что достаточно для пріобрѣтенія славы строгаго исполненія обязанностей, возлагаемыхъ любовью къ государю, государству и военной службою. Тѣ же самыя обязанности побуждаютъ меня, государь, не скрывать передъ вами, что несогласія и непріятности всякаго рода, которыя я испытываю, происходятъ отъ поведенія полковника Толя, который считаетъ себя оскорбленнымъ, когда ему приходится дѣйствовать по моимъ указаніямъ. Однажды я совѣтовалъ ему сообразоваться съ военными законами и черезъ меня представлять князю распоряженія о движеніи войскъ. Онъ осмѣлился мнѣ отвѣчать, что въ такомъ случаѣ онъ вовсе не будетъ въ нихъ вмѣшиваться. Я жаловался фельдмаршалу; но изъ этого ничего не вышло. Мнѣ бы пришлось написать слишкомъ длинный разсказъ, если бы я желалъ перечислить всѣ случаи, когда этотъ офицеръ забывалъ свои обязанности въ отношеніи ко мнѣ. Полковникъ Толь обладаетъ конечно навыкомъ, который даютъ офицеру продолжительныя занятія въ главномъ штабѣ, но отъ него нельзя требовать ничего болѣе, какъ направлять движеніе нѣсколькихъ колоннъ. По недостатку опытности, его познанія недалеко зашли, и я могу увѣрить ваше величество, что этотъ офицеръ не имѣетъ точныхъ понятій о значеніи позицій и о порядкѣ сраженій. Поэтому одному ему мы обязаны плохимъ успѣхомъ Бородинскаго сраженія и тѣми огромными потерями, которыя мы въ

[1]) Рескриптъ князю Кутузову 18 октября 1812 года.

немъ понесли. Его мнѣнія восторжествовали надъ моими, и мнѣ оставалось только предупредить лишь болѣе гибельныя послѣдствія. Я такъже не позволилъ себѣ скрыть отъ вашего величества, что несмотря на блестящіе одержанные нами успѣхи, Наполеонъ не былъ разбитъ какъ это было возможно и какъ слѣдовало. Не подумайте, государь, что это мое личное мнѣніе. Я старъ, государь, а состояніе моего здоровья въ послѣдніе дни мнѣ свидѣтельствуетъ, что можетъ быть мое поприще дѣятельности непродолжительно.

«Такое положеніе и желаніе оправдать тѣ милости, которыми вы меня осыпали, побуждаютъ меня обратить ваше вниманіе на опасность назначать на такое важное мѣсто, какъ генералъ-квартирмейстеръ большой арміи, офицера, не имѣющаго опытности, потому что уроки, которые даетъ ему непріятель, слишкомъ дорого обходятся государю и государству, какъ намъ доказала эта война. Несмотря на то будьте увѣрены, государь, что если сдѣлаютъ одинъ шагъ къ примиренію со мною, то я въ отвѣтъ сдѣлаю десять. Человѣкъ, который посвятилъ вамъ свою жизнь, желаетъ только служить вамъ, что̀ и докажетъ при всякихъ обстоятельствахъ» [1]).

Вражда Беннигсена къ Толю можетъ быть объяснена, какъ личнымъ характеромъ, такъ и положеніемъ въ штабѣ дѣйствующей арміи. Толь, несмотря на всѣ свои достоинства, умъ, познанія и ревность къ службѣ, которымъ отдаютъ похвалу всѣ его современники, былъ однакоже заносчивъ, дерзокъ, иногда до грубости. Позволяя себѣ дерзко говорить съ главнокомандующими и принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, которыхъ уважалъ въ извѣстной степени, онъ, вѣроятно, не удерживался передъ Беннигсеномъ, котораго уважать не могъ, будучи искренно преданъ князю Кутузову. Толь воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ въ то время, когда Кутузовъ былъ въ немъ начальникомъ и давалъ тамъ уроки тактики. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и любимыхъ его учениковъ; а потомъ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ. Когда князь Кутузовъ отправился въ 1812 году изъ Петербурга принять начальство надъ войсками и разспрашивалъ о составѣ штабовъ, то выразилъ особенное удовольствіе, узнавъ, что встрѣтитъ Толя въ должности генералъ-квартирмейстера первой арміи.

Отступленіе къ Тарутину особенно было непріятно барону Беннигсену, такъ какъ эту позицію открылъ и указалъ на нее князю Кутузову полковникъ Толь. Баронъ Беннигсенъ направилъ все свое негодованіе на Толя; онъ желалъ объяснить и оправдать свой образъ дѣйствій въ отношеніи главнокомандующему, не убѣдившись достаточно, что только русское имя можетъ и должно стоять во главѣ русской

[1]) Письмо Беннигсена государю отъ 9 ноября 1812 г.

армія; а потому желалъ прекратить ссору и свои интриги. Но, во всякомъ случаѣ, примиреніе было уже поздно. Когда онъ написалъ приведеное выше письмо, въ рукахъ князя Кутузова уже находился, собственноручный, написанный императоромъ, ровно мѣсяцъ тому назадъ, слѣдующій рескриптъ: «Князь Михаилъ Илларіоновичъ! Доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы имѣете справедливый поводъ быть недовольнымъ поведеніемъ генерала Беннигсена. Если сіи слухи основательны, то объявите ему, чтобы онъ отъѣхалъ отъ арміи и ожидалъ во Владимірѣ отъ меня новаго назначенія». Этотъ рескриптъ отъ 9-го октября князь Кутузовъ, вѣроятно, получилъ около половины этого мѣсяца и не воспользовался имъ немедленно, а оставилъ до 15-го ноября безъ исполненія.

Въ продолженіе этого времени Беннигсенъ успѣлъ отправить императору новую жалобу на князя Кутузова: «Никогда я еще не испытывалъ болѣе тяжелаго чувства, писалъ онъ, какъ теперь, принимаясь за перо. Удостойте меня минутою вниманія. Я все переносилъ, пока дѣло не достигло до опасной гласности и пока оно могло еще быть исправлено: насмѣшки, униженіе до оскорбленія, какъ вашему величеству сдѣлается со-временемъ извѣстно, потому что пользы службы вамъ были всегда и будутъ единственнымъ двигателемъ моихъ дѣйствій. Возвращаюсь къ моему предмету. Сильный нервный припадокъ уложилъ меня въ постель. Фельдмаршалъ выразилъ мнѣ величайшую внимательность. Я съ радостію усматривалъ возможность сближенія, забылъ прошлое и лишь только я могъ выдти изъ своей квартиры, поспѣшилъ отправиться къ нему, чтобы засвидѣтельствовать мою признательность. Никогда, государь, вы не обходитесь такъ унизительно съ лакеемъ, какъ обошелся со мною фельдмаршалъ; онъ даже не отвѣчалъ на мой поклонъ и это при многихъ генералахъ. Извините меня, государь. Изъ этого унизительнаго положенія, вовсе не заслуженнаго мною, я заключаю, ваше величество, какую я могу приносить пользу при такомъ обращеніи со мною. Не подумайте, однакоже, чтобы я оставилъ армію безъ вашего дозволенія; но я надѣюсь, что вы поспѣшите меня отозвать, если не окажется никакого способа къ примиренію. Ваше присутствіе въ храбрыхъ вашихъ войскахъ могло бы водворить всеобщее согласіе и придать рѣшительность дѣйствіямъ. Не попускайте себя обманывать, государь, совѣсть моя заставляетъ меня это сказать. Весьма вѣроятно, что арміи Чичагова придется выдержать очень трудное сраженіе, потому что отсюда не преслѣдовали непріятеля, какъ слѣдовало, съ надлежащею силою и мужествомъ. Меня ужасаетъ, что при такихъ обстоятельствахъ я вынужденъ безпокоить васъ моею личною просьбою, въ которой прошу мнѣ не отказать. Я прибѣгаю къ этому средству, потому что во все продолженіе войны я исполнялъ

правила военной дисциплины, мои обязанности и руководился чувствами неизмѣнной привязанности и преданности къ священной особѣ вашей» [1]).

Доведя разладъ съ фельдмаршаломъ до послѣдней крайности баронъ Беннигсенъ какъ будто испугался необходимыхъ послѣдствій, но не тѣхъ, которыхъ онъ ожидалъ. Вмѣсто того, чтобы смѣнить князя Кутузова, онъ понялъ, что ему самому придется удалиться отъ арміи, такъ-же какъ удалился Барклай. Но онъ былъ самолюбивъ и желалъ славы; присваивая себѣ всѣ бывшія, еще неоконченные успѣхи надъ непріятелемъ, онъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ удалиться только не въ то время, когда все предвѣщало окончательное торжество. Это письмо было писано изъ Копыла, 14-го ноября, когда уже остатки великой арміи въ безпорядкѣ бѣжали къ Березинѣ и гдѣ по общему плану войны имъ долженъ быть нанесенъ послѣдній и рѣшительный ударъ. Свое желаніе оставаться при арміи онъ прикрывалъ въ этомъ письмѣ необходимостію, намекая въ немъ на то, что его совѣты заставятъ фельдмаршала дѣйствовать быстрѣе и рѣшительнѣе, и тѣмъ облегчатъ Чичагову окончательно довершить пораженіе непріятеля. Поэтому онъ желалъ примириться съ нимъ и съ этою цѣлію призывалъ государя въ армію.

Простое участіе къ больному со стороны князя Кутузова онъ принялъ за первый шагъ, съ его стороны, къ примиренію, хотѣлъ имъ воспользоваться и пришелъ въ негодованіе, потерпѣвъ неудачу.

Написавъ это письмо, онъ просилъ дать ему особаго курьера для отправленія къ государю. Но ему его не назначили, и онъ счелъ нужнымъ и объ этомъ обстоятельствѣ увѣдомить императора, и въ томъ же письмѣ приписалъ: «Отказъ въ подорожной для моего курьера, замедлилъ отправленіе этого письма. Съ каждымъ днемъ, государь, событія предвѣщаютъ все болѣе и болѣе блестящее будущее. Ваше присутствіе въ губерніяхъ, въ которыя мы входимъ, и гдѣ вы заставили обожать васъ (т. е. литовскихъ) гораздо болѣе, нежели цѣлая армія расположатъ къ вамъ всѣхъ, успокоитъ умы и откроетъ безъ выстрѣла путь къ возможнымъ предпріятіямъ за границами вашей Имперіи, которыхъ требуютъ обстоятельства. Время покажетъ, государь, что я вѣрно понималъ обстоятельства и людей».

Но въ тотъ же день, какъ онъ отправилъ это письмо, получилъ отъ фельдмаршала слѣдующее предписаніе:

«По причинѣ болѣзненныхъ вашихъ припадковъ, извольте, ваше высокопревосходительство, съ полученія сего отправиться въ Калугу,

---

[1]) Письмо барона Беннигсена императору отъ 14-го ноября 1812 г.

гдѣ ожидать дальнѣйшаго вашего назначенія отъ его императорскаго величества» [1]).

Препровождая въ подлинникѣ это предписаніе къ государю, баронъ Беннигсенъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ: «Имѣю честь представить вашему величеству предписаніе, которое я получилъ отъ фельдмаршала. Я былъ удивленъ, государь, и ничего другаго не могу предположить, какъ желаніе удалить человѣка, всегда дѣйствовавшаго впереди войскъ, въ то время, когда военныя дѣйствія приходятъ къ концу. Но что бы ни было я повинуюсь потому, что знаю обязанности службы. Если бы въ этомъ отношеніи моя служба заслуживала какого либо упрека, я прошу ваше величество судить меня. Однако же, государь, есть предѣлы власти фельдмаршала, и однажды выйдя изъ ея предназначенія, я нахожусь исключительно въ вашей власти, потому что вы изволили меня назначить состоять при его лицѣ. Поэтому я ѣду на Оршу и Великія Луки, (т. е. вопреки предписанію фельдмаршала ѣхать въ Калугу). Но я не позволю себѣ явиться въ вашу столицу, не получивъ на это приказанія вашего» [2]).

Письмо императора фельдмаршалъ могъ получить только въ то время, когда великая армія Наполеона, встрѣтивъ отпоръ при Малоярославцѣ, двинулась на большую Смоленскую дорогу, а князь Кутузовъ предпринялъ фланговое преслѣдованіе непріятеля, приведшее его въ совершенное разстройство. Достигнувъ цѣли своихъ желаній и видя неминуемую гибель Наполеоновыхъ войскъ, фельдмаршалъ, вѣроятно, уже не обращалъ болѣе вниманія на интриги Беннигсена и ограничивался только тѣмъ, что не совѣтовался съ нимъ и даже уклонялся отъ сообщенія и личныхъ свиданій. По своему добродушію и съ мягкой учтивостью въ обхожденіи съ людьми, онъ, можетъ быть, и не воспользовался бы вовсе позволеніемъ государя, и оставилъ бы его въ покоѣ, если бы баронъ Беннигсенъ могъ оставаться въ такомъ положеніи при своемъ безпокойномъ характерѣ. Но онъ постоянно высказывалъ свое неудовольствіе, говорилъ: «что онъ простой зритель происшествій» [3]). Лишь стоитъ ему подать какой-нибудь хорошій совѣтъ, чтобы онъ былъ исполненъ совершенно иначе. Онъ составилъ вокругъ себя кружокъ, около котораго соединились всѣ желающія, чтобы фельдмаршалъ преслѣдовалъ непріятеля быстрѣе и дѣйствовалъ съ большею силою. Князь Кутузовъ не хотѣлъ дѣйствовать рѣшительно въ отношеніи своего начальника штаба и думалъ воспользоваться для этого его болѣзнію и

---

[1]) Предписаніе барону Беннигсену 15-го ноября 1812 г. село Круглое.

[2]) Письмо барона Беннигсена императору изъ с. Круглаго, 16-го ноября, 1812 г.

[3]) Записки А. П. Ермолова, ч. 1, стр. 243—249.

предложилъ ему, не желаетъ ли онъ, до возстановленія силъ, получить отпускъ, что, безъ сомнѣнія, сдѣлало бы его удаленіе изъ арміи, болѣе благовиднымъ. Но Беннигсенъ не понялъ, или не хотѣлъ понять поступка фельдмаршала и тѣмъ вынудилъ его дѣйствовать рѣшительнѣе. «Беннигсена почти не пускаю къ себѣ, скоро отправлю», писалъ онъ своей супругѣ, въ послѣднихъ числахъ октября; и лишь только онъ оправился послѣ болѣзненнаго припадка,—исполнилъ свое намѣреніе.

«Беннигсенъ удалился изъ арміи, писалъ Р. Вильсонъ, по повелѣнію фельдмаршала. Раздоры были предосудительны для службы. Фельдмаршалъ упорствовалъ въ то время, когда Беннигсенъ объявилъ свое желаніе къ примиренію для пользы службы.

«Теперь императору предстоитъ выразить свое мнѣніе о соперникахъ.

«Я не думаю, чтобы Беннигсенъ, будучи главнокомандующимъ, послѣдовалъ тому своему совѣту, который онъ давалъ будучи подкомандующимъ; но я увѣренъ, что если бы онъ имѣлъ власть фельдмаршала, Бонапартъ теперь лишился бы всей своей дѣятельности въ здѣшнемъ свѣтѣ» [1]).

Приведенныя слова благорасположеннаго къ барону Беннигсену человѣка, кажется, объясняютъ вполнѣ, что онъ не могъ быть терпимъ въ арміи, какъ начальникъ штаба, тѣмъ болѣе, какъ соперникъ фельдмаршала, который даетъ ему такіе совѣты, которымъ самъ никогда бы не послѣдовалъ, если бъ занялъ его мѣсто...

Таковы были отношенія двухъ наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ вождей русскихъ войскъ, выдвинутыхъ правительствомъ для противодѣйствія нашествію всего Запада Европы, предводимаго геніальнѣйшимъ изъ полководцевъ, къ старому и заслуженному фельдмаршалу, которому ввѣрила, во время грозной опасности, свою судьбу вся Россія въ лицѣ своихъ сыновъ.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ **П. Н. Щуриковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Письмо С. Р. Вильсона женѣ, 19-го ноября (1-го декабря) 1812 г.

Всеподданнѣйшее поздравленіе императора Александра княгинею Суворовою Рымникскою.

21-го марта 1801 г., Москва.

Во всеобщей верноподданныхъ радости, каковою вожделенное вашего императорскаго величества на прародительскій наслѣдственный престолъ восшествіе пополняетъ сердца ихъ, и я вдова съ детьми моими дерзаю припасть ко освященнѣйшимъ стопамъ всеавгустейшаго монарха и повергнуть себя сними во всевысочайшее вашего императорскаго величества благоволеніе, со всеглубочайшимъ благоговеніемъ пребывая, всемилостивѣйшіи государь, вашего императорскаго величества верноподданнѣйшая покойнаго генералисимуса жена княгиня Варвара италійская, графиня, князь Иванова дочь Суворова Рымникская.

Рескриптъ императора Александра княгинѣ В. И. Суворовой Рымникской.

26-го марта 1801 г.

Княгиня Варвара Ивановна! пріимите искренную признательность мою за поздравленіе отъ васъ принесенное, служба и подвиги супруга вашего на пользу отечества подъятые даютъ вамъ полное право на особенное мое вниманіе. Симъ щитаю я себя обязаннымъ памяти его никогда незабвенной и собственнымъ вашимъ чувствамъ, пребываю вамъ всегда доброжелательный.

ЯКУТСКІЙ РОЗЫСКЪ
О РОЗНИ
БОЯРСКИХЪ ДѢТЕЙ и КАЗАКОВЪ.

(Очеркъ изъ жизни XVII вѣка).

I.

Якутское «розыскное дѣло» 1668—1669 г.г. о розни и раздорахъ между боярскими дѣтьми и казаками [1]) представляетъ любопытный эпизодъ изъ исторіи сравнительно рѣдко возникавшей у насъ сословной борьбы между разными группами населенія. Разсматриваемый эпизодъ получаетъ тѣмъ большее значеніе, что обѣ враждовавшія въ Якутскѣ группы принадлежали къ одному и тому же служилому сословію. Но разница въ служебномъ и житейскомъ положеніи въ правахъ и обязанностяхъ боярскихъ дѣтей и казаковъ была такъ существенна, что обѣ стороны естественно смотрѣли другъ на друга, какъ на отдѣльныя сословныя группы.

Боярскія дѣти въ Якутскѣ, какъ и вездѣ въ Сибири XVII вѣка, составляли служилую аристократію города, которая и по службѣ, и въ житейскомъ обиходѣ доминировала надъ остальными группами служилыхъ людей. Въ житейскомъ отношеніи боярскія дѣти были обставлены лучше остальныхъ служилыхъ людей: первыя получали лучшіе, высшіе оклады государева жалованья, дававшіе имъ возможность жить болѣе чѣмъ безбѣдно. По службѣ боярскимъ дѣтямъ были предоставлены всѣ

[1]) См. въ Моск. архивѣ министерства юстиціи Сибирскаго приказа столбецъ № 874. Краткое изложеніе этого дѣла см. въ моемъ „Обозрѣніи столбцовъ и книгъ Сиб. прик.“, 1, 188, 363, 364.

лучшія мѣста въ городѣ и уѣздѣ; именно боярскія дѣти обязательно выступали въ роли «приказныхъ людей» въ уѣздныхъ острожкахъ и ясачныхъ зимовьяхъ или «начальныхъ людей» надъ казаками, стрѣльцами и другими разными людьми, какъ въ мирное время, такъ и въ походахъ на «немирныхъ иноземцевъ», на «измѣнниковъ-инородцевъ», въ поискахъ «новыхъ землицъ» и т. п. Участвуя въ этихъ походахъ и поискахъ или сидя «на приказѣ» въ далекихъ отъ города острожкахъ и зимовьяхъ, играя тамъ роль маленькихъ воеводъ, боярскія дѣти служили не столько «великому государю», сколько себѣ и своей мамонѣ... Они страшно тамъ наживались путемъ самыхъ возмутительныхъ насилій и всяческихъ беззаконій какъ надъ вполнѣ беззащитными инородцами, такъ отчасти и надъ своею низшею русскою братіей, особенно надъ торговыми и промышленными людьми... Эта служба «на приказахъ» была особенно выгодна въ обширномъ Якутскомъ уѣздѣ, съ его многочисленными и «дальними» острожками, зимовьями, «землицами», гдѣ воеводская власть была чисто номинальною, гдѣ воеводы по цѣлымъ годамъ ничего не знали, что̀ дѣлается у нихъ, напримѣръ, въ Охотскомъ, Анандырскомъ и т. п. острожкахъ. Тутъ приказные люди царили вполнѣ самостоятельно и беззаконничали совершенно безнаказанно...

Сравнительно съ боярскими дѣтьми казаки были паріями: окладишки ихъ жалованья были ничтожные, а наживаться путемъ грабежа инородцевъ и своихъ хотя и казаки не были лишены возможности, но въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ у аристократовъ—боярскихъ дѣтей... Между тѣмъ, всѣ тягости службы ложились именно на казаковъ: они массами гибли и въ походахъ на «новыя землицы», и при замиреніи взбунтовавшихся инородцевъ, и при объясаченіи послѣднихъ, гибли какъ отъ руки инородцевъ, такъ и отъ физическихъ лишеній и борьбы съ природою. Вся работа «приведенія подъ государеву руку» инородцевъ была дѣломъ казачьихъ рукъ и головъ, а сливки съ этого дѣла снимали боярскія дѣти... Они жирѣли, богатѣли, прославлялись, а казакамъ перепадали только крохи съ господскаго стола, да горькія воспоминанія о пролитыхъ потокахъ крови, массѣ жизней, загубленныхъ во имя «великаго государя»...

Естественно, что казаки не могли симпатизировать боярскимъ дѣтямъ. Правда, казакамъ не былъ закрытъ доступъ «въ чинъ» боярскихъ дѣтей. Въ Сибири сословіе послѣднихъ не было такою (относительно говоря) кастою, какъ въ Московской Руси: въ Сибири боярскія дѣти не рождались таковыми, но производились въ это званіе за долголѣтнюю службу, за особыя отличія, и крайне рѣдко «по родству». Каждый казакъ имѣлъ право добиться современемъ званія боярскаго сына, но не каждому это удавалось и не всегда сбывались казачьи меч-

танія о переходѣ въ высшій рангъ сибирскихъ служилыхъ людей, со всѣми ихъ служебными преимуществами и подозрительными правами на всякія «радости жизни...» Пока все это оставалось въ едва достижимыхъ мечтаніяхъ, казаки отъ всей души ненавидѣли эту служилую аристократію, завидуя всячески ея положенію...

Въ Якутскѣ, въ 60-хъ годахъ XVII в., эта ненависть дошла до такихъ размѣровъ, что казаки подали на боярскихъ дѣтей общую «войсковую челобитную», обвиняя ихъ «въ налогахъ, и въ обидахъ, и во всякихъ неправдахъ» и рѣшительно заявляя, что имъ, казакамъ, «служить не мочно» съ боярскими дѣтьми вмѣстѣ!..

Любопытенъ и моментъ подачи «войсковой челобитной»: казачьи депутаты подали ее «на смотру, который производилъ всѣмъ наличнымъ якутскимъ ратнымъ людямъ воевода князь Иванъ Петровичъ Барятинскій. Значитъ, казаки не таились со своимъ челобитьемъ и смѣло выступили съ нимъ на глазахъ всего города, конечно уже давно знавшаго о борьбѣ и раздорахъ между служилыми людьми. Быть можетъ, у казаковъ былъ и особый мотивъ для такого публичнаго выступленія съ челобитной: они могли опасаться, что если бы подали челобитную въ приказной избѣ, то воевода, пожалуй, и не далъ бы ей хода, замялъ бы все дѣло, дѣйствуя въ интересахъ боярскихъ дѣтей, стоявшихъ къ воеводѣ ближе, чѣмъ казаки.

Но теперь воевода, принявши челобитную на смотру, не могъ скрыть ее и началъ «розыскъ». Казаки выступили съ цѣлымъ рядомъ самыхъ серьезныхъ обвиненій противъ боярскихъ дѣтей. Послѣднія не остались въ долгу и съ своей стороны стали раскрывать массу казачьихъ злоупотребленій. Получилась такая яркая картина самовольства, безчинствъ и всякаго «воровства» служилыхъ людей, какой мы не имѣли бы, если бы ее не раскрыла взаимная вражда двухъ сторонъ... Пусть обѣ онѣ увлекались и преувеличивали взаимныя обвиненія, но если въ ихъ показаніяхъ есть хотя десятая доля правды, и то страшно становится за тѣхъ, кто былъ жертвами бѣшенствъ, чинимыхъ служилыми людьми во славу «великаго государя...»

Въ виду такого двойнаго интереса якутскаго розыска 1668—69 г.г., представляющаго рѣдкій эпизодъ изъ исторіи сословной борьбы и раскрывающаго массу злоупотребленій служилыхъ людей, дѣло это заслуживаетъ обстоятельнаго изложенія. Интересъ его увеличивается оттого, что разыгралось оно на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири, удаленномъ отъ всѣхъ сдерживающихъ элементовъ центра тогдашней Россіи. Если гдѣ въ XVII вѣкѣ, то именно въ Якутскомъ уѣздѣ служилые люди пользовались наибольшею долею самостоятельности и безотвѣтственности. Именно здѣсь они могли свободно развить свои лучшія и

худшія стороны. А что́ именно они развили въ себѣ—пусть покажетъ разсматриваемое дѣло...

II.

23-го февраля 1668 года якутскій воевода, князь Иванъ Петровичъ Барятинскій, и его товарищъ дьякъ Степанъ Ельчуковъ производили обычный весенній смотръ ратныхъ людей—боярскихъ дѣтей, конныхъ и пѣшихъ казаковъ, стрѣльцовъ, пушкарей и др. Предстояла весенняя отправка ратныхъ людей по острогамъ и зимовьямъ уѣзда, на смѣну отбывшихъ тамъ свою годичную (въ нѣкоторыхъ пунктахъ и двухгодичную) службу, и для этого нужно было осмотрѣть наличный составъ людей, ихъ вооруженіе и проч., опросить объ ихъ нуждахъ, выдать жалованье.

Процедура смотра подходила къ концу, когда изъ казачьихъ рядовъ выступили трое выборныхъ людей—пятидесятникъ Никифоръ Аргамаковъ, десятникъ Андрей Щербакъ и рядовой казакъ Ѳедоръ Павловъ, которые подали воеводѣ «войсковую челобитную» отъ имени всѣхъ казаковъ, съ жалобами «на дѣтей боярскихъ» Якутскаго острога, «на Матѣя Сосновскаго съ товарищи, въ ихъ воровствахъ и во всякихъ неправдахъ...»

Желая убѣдиться, всѣ ли казаки поддерживаютъ челобитье, воевода велѣлъ дьяку Ельчукову прочитать вслухъ поданную депутатами челобитную: «и ся челобитная служилымъ людямъ на смотрѣ ч т е н а. И выслушавъ челобитную, служилые люди (казаки) сказали, что-де такову челобитную писали и великому государю бьютъ челомъ по той своей заручной челобитной в с ѣ, которые нынѣ не въ посылкахъ, а живутъ въ Якутскомъ острогѣ». Послѣ этого никакихъ сомнѣній не оставалось, и воевода принялъ челобитную.

Челобитную подписали 36 казаковъ за себя «и за всѣхъ пятидесятниковъ, и десятниковъ, и рядовыхъ служилыхъ людей».

Челобитчики пишутъ: «Жалоба, великій государь, намъ... на дѣтей боярскихъ, съ которыми посылаютъ насъ воеводы на дальнія службы за море, и на Ламу, и по инымъ сторонним рѣкамъ для пріиску вновь неясачныхъ иноземцевъ... и для соболинаго сбору. И намъ с ъ д ѣ т ь м и б о я р с к и м и твоей службы с л у ж и т ь н е м о ч н о, потому—куда они на твою службу пойдутъ, и мы п о д ъ н и м ъ р о б и м ъ, и подъ ихъ хлѣбными запасы, и подъ товары». Хлѣба они берутъ по 300—400 пудовъ, чтобы въ острожкахъ и зимовьяхъ «пиво варить на про-

дажу и вино курить». Заставляютъ они казаковъ строить для себя «особыя зимовья». За малѣйшую вину «нашу братью они, дѣти боярскія, своими руками бьютъ и ноги ломаютъ, и въ колоды садятъ...» Для своей бездѣльной корысти они «отказываютъ казакамъ отъ ясачнаго сбору» и вмѣсто казаковъ ставятъ ясачными сборщиками болѣе податливыхъ промышленныхъ людей. Изъ тѣхъ же корыстныхъ видовъ боярскія дѣти «аманатовъ добрыхъ изъ казенокъ выпущаютъ, а въ то мѣсто худыхъ аманатовъ емлютъ». Это тѣмъ болѣе огорчаетъ челобитчиковъ, что боярскія дѣти «сами нигдѣ, ни на которыхъ рѣкахъ, ни единаго аманата своими руками не изымывали»: труднымъ дѣломъ ловли «добрыхъ аманатовъ» всегда занимались только казаки... Между тѣмъ, боярскія дѣти «жалованье имѣютъ большое—рублевъ по 15-ти, и по 16-ти, и больше [1]), а хлѣбное жалованье емлютъ они все сполна», чего не всегда добиваются казаки. Вообще, какъ челобитчикамъ, такъ и ясачнымъ людямъ приходится терпѣть отъ боярскихъ дѣтей «тѣсненіе большое и изгою всякую». Съ инородцами они обращаются крайне жестоко: «иноземцевъ огнемъ жгутъ и вѣшаютъ безъ твоего, великаго государя, указу...» Инородцы за то мстятъ и всего болѣе достается тутъ казакамъ; и насъ «иноземцы побиваютъ многихъ смертнымъ убойствомъ...»

Казаки слезно просятъ: «пожалуй насъ! не вели съ дѣтьми боярскими и съ безыменники намъ служить твоей, великаго государя, службы, потому что намъ съ дѣтьми боярскими и съ безыменники всякихъ твоихъ службъ служить не мочно!..»

Въ другомъ документѣ казаки объясняютъ, что «безыменниками» они называютъ тѣхъ служилыхъ людей, которые не имѣютъ правъ на званіе боярскаго сына, а между тѣмъ пользуются ихъ правами и сидятъ «на приказахъ», благодаря собственнымъ происканъ и воеводскому произволу; «а для того ихъ безыменниками написали, что они въ Якутскомъ острогѣ въ оклады (боярскихъ дѣтей) не поверстаны, а ходятъ по приказамъ приказными людьми», то-есть занимаютъ тѣ мѣста, которыя за недостаткомъ боярскихъ дѣтей могли бы занять и казачьи начальные люди—пятидесятники и др.

III.

Принявши казачью челобитную, воевода, князь И. П. Барятинскій, медлилъ давать ей дальнѣйшій ходъ: съ 23-го февраля, когда происхо-

[1]) Пятнадцать рублей половины XVII вѣка равняются нашимъ 200—250 рублямъ.

дилъ смотръ, и до начала марта князь ничего не предпринималъ. Можетъ быть, онъ ждалъ того момента, когда главные коноводы челобитья разъѣдутся по дальнимъ службамъ, и поднятое ими дѣло замретъ само собою... Но казаки не дремали, волновались, и ихъ начальные люди приставали къ воеводѣ съ требованіемъ начать розыскъ по челобитной. Воевода понялъ, что замолчать это дѣло нельзя, иначе волненіе казаковъ могло разростись до нежелательныхъ размѣровъ—до открытаго бунта... Шутить съ казаками было опасно: это была главная ратная сила Якутска, безъ поддержки которой воеводская власть ничего не значила въ этомъ далекомъ и глухомъ краю, гдѣ инородцы далеко не всѣ еще были «замирены» и объясачены...

Такъ какъ войсковая челобитная была составлена въ очень общихъ выраженіяхъ и совсѣмъ голословно, безъ всякихъ указаній на факты и лица, то воевода потребовалъ отъ казаковъ дополнительныхъ «сказокъ», съ болѣе точною формулировкою обвиненій противъ боярскихъ дѣтей и съ указаніемъ именъ и событій.

12-го марта казачьи депутаты—пятидесятники Никифоръ Аргамаковъ, Другинъ Прокопьевъ и Герасимъ Цыпандинъ (его подписи не было на челобитной, вѣроятно за отсутствіемъ изъ Якутска) подали воеводѣ «войсковую скаску», которая была составлена не только отъ имени всѣхъ казачьихъ пятидесятниковъ, десятниковъ и рядовыхъ, но и «ото всего города...» Очевидно, движеніе противъ боярскихъ дѣтей разрослось и захватило всѣхъ ратныхъ людей—стрѣльцовъ, пушкарей и др. Правда, подписей послѣднихъ нѣтъ на «войсковой скаскѣ»—она подписана только казаками. Но казаки не могли лгать, когда увѣряли, что за ними стоитъ «весь городъ...» Стоило воеводѣ воспользоваться этимъ указаніемъ, потребовать «скасокъ» отъ стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей,—и ихъ скаски посылались бы въ приказную избу... Но воевода, видимо, старался смягчить общее возбужденіе противъ боярскихъ дѣтей и ограничился розыскомъ только по казачьимъ скаскамъ. У него было и формальное оправданіе, что сами-де стрѣльцы и другіе ратные, кромѣ казаковъ, не подавали челобитныхъ на боярскихъ дѣтей.

«Войсковая скаска» шла отъ наличныхъ въ Якутскѣ казаковъ, которые замѣчаютъ, что когда остальные казаки съѣдутся въ городъ, то «и они будутъ свои скаски писать и въ приказъ подавать, въ обидахъ и въ изгоняхъ отъ дѣтей боярскихъ и отъ безыменниковъ...» Войсковую скаску «писалъ по ихъ войсковому велѣнью служилой человѣкъ Ондрюшка Ортемьевъ».

Этотъ обвинительный актъ начинаетъ съ общихъ обвиненій противъ всего «чина» боярскихъ дѣтей, а затѣмъ переходитъ къ отдѣльнымъ лицамъ и ихъ преступленіямъ. Въ общихъ обвиненіяхъ отчасти

повторяются старыя, изложенныя въ «войсковой челобитной», но теперь съ нѣкоторыми дополненіями, а отчасти высказываются новыя обвиненія. Такъ, казаки повторяютъ, что боярскія дѣти «нашу братью отъ ясачнаго сбора отметываютъ», и что они «аманатовъ перемѣняютъ безъ совѣту (съ нами) и нашей статьи не спрашиваютъ» ни о чемъ, хотя сами выѣзжаютъ на казачьей службѣ. Дѣти боярскія «бьютъ челомъ на Москвѣ государю и высылаютъ ложно чужими службами и ранами кровавыми въ дѣти боярскія. А оклады они берутъ себѣ большіе изъ нашихъ окладовъ, а себѣ они грамотъ на особые оклады не привозятъ», но воеводы имъ вѣрятъ и даютъ увеличенные оклады, вслѣдствіе чего страдаютъ остальные служилые люди, такъ какъ происходитъ «недодача въ денежномъ и хлѣбномъ жалованьѣ». Оттого казаки «оскудали и обдолжали большими неокупными долгами». Пользуясь лучшимъ жалованьемъ, якутскія боярскія дѣти уклоняются отъ всякой службы и только «ходятъ приказными людьми, для своей бездѣльной корысти». Отъ всякихъ другихъ службъ, безвыгодныхъ и тяжелыхъ, они отказываются, а за нихъ все работаютъ казаки и остальные служилые люди.

Переходя ка частнымъ обвиненіямъ, казаки указываютъ какъ на общее злоупотребленіе боярскихъ дѣтей — на обладаніе «заповѣдными товарами»; «да у нихъ же, дѣтей боярскихъ, объявляютца шубы добрыя собольи и лисицы черные, а продаютъ шубу ста по два и по три...»

По этому обвиненію воевода потребовалъ отъ казаковъ «принести особую скаску», которую они и подали 18-го марта. Въ этой скаскѣ казаки указали на боярскихъ дѣтей: Втораго Катаева, Матвѣя Вескина и др., какъ на имѣвшихъ собольи шубы и мѣха чернобурыхъ лисицъ.

Но этихъ лицъ не было тогда въ Якутскѣ, и потому съ нихъ не сняты отвѣтныя скаски. Всѣ же остальныя обвиняемыя казаками боярскія дѣти подавали каждый отдѣльно оправдательныя скаски. Боярскіе отвѣты собирались воеводою и дьякомъ Ельчуковымъ въ теченіе всего 1668 года и до сентября 1669 года, по мѣрѣ того, какъ боярскія дѣти съѣзжались съ приказовъ въ Якутскъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи буду приводить казачьи скаски параллельно съ отвѣтными скасками боярскихъ дѣтей.

IV.

Казачья «войсковая скаска» начинаетъ съ обвиненій, направленныхъ противъ боярскаго сына Матвѣя Сосновскаго, занимавшаго пер-

вое мѣсто среди боярскихъ дѣтей, какъ старый якутскій служака изъ ссыльныхъ поляковъ [1]). Сосновскаго казаки обвиняли въ тайномъ винокуреніи, которымъ онъ занимался не только въ Жиганскомъ зимовьѣ, гдѣ онъ сидѣлъ «на приказѣ», но и въ самомъ Якутскомъ острогѣ: вездѣ онъ «вино курилъ и пиво варилъ».

Второе обвиненіе противъ него: однажды ему было поручено перевезти государевы хлѣбные запасы на Чичюйскій волокъ и въ Илимскій острогъ. Но Сосновскій «на государевѣ баркѣ приплавилъ с в о и хлѣбные запасы съ 1.000 пудъ, а государевъ запасъ п о к и н у л ъ вверху, и по тѣ запасы ходили мы, служилые люди, в д р у г о р я д ъ лѣтомъ...»

Сосновскій оправдывался такъ: при прежнемъ якутскомъ воеводѣ Иванѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ сидѣлъ онъ шесть лѣтъ «за приставомъ и за карауломъ» (за какую вину—не говоритъ), слѣдовательно не могъ тогда ни курить, ни продавать вина, такъ какъ къ нему никого не пропускали. Однако, онъ ничего не говоритъ о позднѣйшемъ времени, когда его «всѣмъ городомъ оправили», и онъ сталъ свободнымъ человѣкомъ... Но Сосновскій сознается, что въ Жиганскомъ зимовьѣ велѣлъ «высидѣть пуда съ два» вина и пиво варилъ, но только для себя—«оцынжалъ»-де тогда,—«а не на продажу».

Относительно же исторіи съ «государевой баркой» Сосновскій, видимо, путается и чего-то не договариваетъ... Онъ увѣряетъ, что весь государевъ хлѣбъ доставилъ «сполна», но илимскій воевода «ложно-де» увѣрилъ якутскаго воеводу Кутузова, что Сосновскій «покинулъ» дорогою хлѣбные запасы. Кутузовъ зато взялъ въ казну собственный хлѣбъ Сосновскаго въ количествѣ 600 пудовъ, пока не будетъ доставленъ государевъ хлѣбъ. Сосновскій долженъ былъ нанять торговаго человѣка Василья Протопопова съ товарищи для доставки государева хлѣба. Въ то же время Сосновскій сознается, что везъ на государевой баркѣ 1.000 пудовъ своего хлѣба, который доставилъ въ Якутскъ «для хлѣбной скудости», но государевой казнѣ «оттого никакого убытка не было, потому барка-де плыла на низъ безработно». Барка была такъ «велика», что онъ поднялъ бы на ней и государевъ хлѣбъ, если бы онъ былъ.

Болѣе серьезныя обвиненія выставлены казаками противъ боярскаго сына Ѳедора Пущина, довольно извѣстнаго якутскаго служилаго человѣка [2]). Начинаютъ они съ общаго обвиненія, что Ѳедоръ Пущинъ съ сыномъ Григорьемъ «на заимкахъ и въ Жиганахъ на приказѣ» вино курили и пиво варили. Затѣмъ казаки увѣряютъ, что Григорій Пущинъ,

[1]) См. мое „Обозрѣніе столбцовъ и книгъ. Сиб. прик.“, I, 202.

[2]) О службѣ Ѳедора Пущина въ Охотскомъ острогѣ см. въ „Исторіи Россіи“ Соловьева, т. III, стр. 586—587. См. также мое „Обозр. Сибир. прик“, т. I, стр. 363—364.

разъѣзжая по якутскимъ «улусамъ» съ толмачомъ новокрещенымъ Афонькою, «съ якутовъ головщину ималъ лѣтъ за десять и за пятнадцать, всякимъ животомъ и скотомъ», за что при воеводѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ оба они «въ застѣнкѣ были и въ томъ дѣлѣ винились...»

Съ Ѳедоромъ Пущинымъ,—продолжаютъ казаки,—было послано «вверхъ по Олекмѣ, на Аргунь», 50 служилыхъ людей. Но Пущинъ, «для своей бездѣльной корысти, на Аргунь не пошелъ, а сплылъ внизъ по Амуру», гдѣ соединился съ отрядомъ служилыхъ людей, бывшихъ подъ командою Онуфрія Кузнеца. Здѣсь, въ борьбѣ съ инородцами, Пущинъ «своимъ самовольствомъ потерялъ» 44-хъ служилыхъ людей...

Онъ же на Ламѣ, въ Охотскомъ острожкѣ, своимъ небереженьемъ потерялъ служилыхъ людей 50 человѣкъ...» Онъ писалъ якутскому воеводѣ «ложно, будто онъ поставилъ на Охотѣ рѣкѣ городъ, а города на Охотѣ-рѣкѣ не бывало...» Тамъ же Ѳедоръ Пущинъ, вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ Архипомъ Лыткинымъ, «вѣшали иноземцевъ, которые великому государю прямили и про измѣну сказывали...»

Ѳедоръ Пущинъ сознался, что въ Жиганскомъ зимовьѣ «вина усидѣлъ для своей болѣзни, про себя, а не на продажу», за что «и заповѣдь взята». Относительно аргунскаго похода Пущинъ увѣрялъ, что казаки «солгали» на него: вверхъ по рѣкѣ Аргуни онъ ходилъ десять дней, съ 50-ю служилыми людьми, но «иноземцовъ не нашелъ», и когда «хлѣбные запасы оголодали», онъ двинулся обратно на устье Аргуни и здѣсь поставилъ зимовье. 43 казака изъ отряда, «его, Ѳедора, покиня, побѣжали» на Амуръ къ Онуфрію Кузнецу съ товарищи. Въ Аргунскомъ зимовьѣ осталось всего семь человѣкъ. Самъ Пущинъ бросился догонять ушедшихъ, нагналъ ихъ уже на Амурѣ и остался съ ними зимовать «въ Гилякахъ». Весною, собравши соболиную казну, пошелъ въ Якутскъ съ двадцатью казаками. Остальные его «не послушали», остались на Амурѣ, «и безъ него» инородцы «ихъ побили», кромѣ двухъ казаковъ, вернувшихся позже въ Якутскъ. Одинъ изъ нихъ Андрей Ивановъ, подтвердилъ ссылку на него Пущина и добавилъ, что часть оставшихся на Амурѣ казаковъ погибла «голодною смертью», а другіе побиты «богдоскими людьми».

Далѣе Пущинъ увѣрялъ, что казаки «солгали» и про его охотскую службу. Дѣйствительно, пятьдесятъ служилыхъ людей погибли, но не отъ его «небереженья...» Они были посланы, подъ командою казака Потапа Мухоплева, «на неясачныхъ людей на кукигиръ» (т. е. на юкагировъ). Мухоплевъ съ товарищи взяли у нихъ семь аманатовъ, «съ женами, и съ дѣтьми, и съ ихъ животы» и оставили стеречь ихъ

шесть казаковъ. Остальные казаки «разошлись въ разныя мѣста для своей добычи» и по частямъ были побиты тунгусами: «и о томъ-де убойствѣ тѣ иноземцы въ винахъ своихъ, и отчего убойство учинилось: прислали въ Якутскій острогъ челобитную за свои знамены...»

«Иноземцевъ, которые великому государю прямили», Пущинъ «не вѣшивалъ». Но Архипъ Лыткинъ, по воеводскому наказу, повѣсилъ двухъ инородцевъ, а Пущинъ повѣсилъ трехъ инородцевъ, за то, что они убили двухъ служилыхъ людей и «приступали къ острогу», такъ что русскіе «сидѣли въ осадѣ...» На рѣкѣ Охотѣ Пущинъ «городъ ставилъ», но не могъ его докончить—«иноземцы лѣсу возить не дали...»

Такимъ образомъ, Ѳедоръ Пущинъ въ сущности подтвердилъ всѣ обвиненія казаковъ, но далъ имъ только иное толкованіе, конечно въ свою пользу... Сынъ его Григорій Пущинъ голословно отвергалъ взведенное на него обвиненіе въ незаконномъ сборѣ «головщины» съ инородцевъ.

V.

Боярскаго сына Ивана Ярастова казаки обвиняли, помимо обычнаго корчемства, еще въ томъ, что когда ему было поручено доставить изъ Москвы въ Якутскъ 3.000 рублей государева жалованья, онъ «издержалъ 1.000 рублей для своей бездѣльной корысти—купилъ въ русскихъ городахъ всякихъ русскихъ товаровъ»: суконъ, холстовъ, вина и проч. Въ Якутскѣ вмѣсто денегъ онъ раздавалъ служилымъ людямъ свои товары «въ наши оклады, дорогою цѣною: середней холстъ въ пять алтынъ и въ двѣ гривны аршинъ» и т. д. Купленное же вино «продавалъ въ чарки».

Иванъ Ярастовъ пробовалъ оправдываться, будто онъ покупалъ товары на свои деньги и проч. Но спрошенный о томъ бывшій якутскій воевода Михаилъ Голенищевъ-Кутузовъ «сказалъ» на розыскѣ, что въ 1666 году Ярастовъ изъ 3.000 рублей государева жалованья «не довезъ въ Якутскъ 949 рублей, за что «стоялъ на правежѣ, и съ правежу тѣхъ денегъ не платилъ, и у него, Ивана, взяты товары», которые и розданы служилымъ людямъ «въ жалованье».

Боярскій сынъ Иванъ Жегловъ обвинялся казаками въ томъ, что, будучи «на приказѣ» на Чичюйскомъ волокѣ «великаго государя казенной ящикъ съ деньгами у цѣловальника Агѣя Шелковника «сильно взялъ» и тѣ деньги издержалъ на свои нужды.

Жегловъ отвѣчалъ, что ящикъ съ деньгами бралъ у цѣловальника

по воеводскому наказу, для счета денегъ, который производился въ присутствіи цѣловальника и подъячаго. Деньги, дѣйствительно, взялъ, но на государево дѣло—«для мельнишного строенья».

На «тѣсненіе» и «изгоню» боярскаго сына Андрея Булыгина, когда онъ былъ приказнымъ человѣкомъ «за моремъ, на Индигиркѣ», подавали челобитныя и русскіе, и инородцы. Тамъ же онъ «отставливалъ безъ государева указу отъ ясачного сбору служилыхъ людей (Ѳедора Плотника и еще три человѣка), для своей бездѣльной корысти», а на ихъ мѣсто взялъ промышленныхъ людей. Онъ же пріобрѣталъ заповѣдную мягкую рухлядь и проч.

Булыгинъ увѣрялъ, что инородцевъ онъ не тѣснилъ, если и были на него «иноземскія челобитныя», то не дѣйствительныя, а «воровски» составленныя отъ имени инородцевъ казакомъ Андреемъ Унжакомъ, который «и знамена иноземскія къ тѣмъ челобитнымъ прикладывалъ за очи, безъ ихъ вѣдома...» Служилыхъ людей «не отставливалъ» отъ ясачнаго сбора, «а принималъ промышленныхъ людей вприбавку къ служилымъ людямъ для того, чтобъ-де было люднѣе...» Соболиная шуба у него была, но онъ ее продалъ за 80 рублей, за что и заплатилъ «десятую пошлину» въ Якутской таможенной избѣ.

Противъ обычнаго обвиненія въ корчемствѣ «безымянникъ» (по опредѣленію казаковъ) боярскій сынъ Яковъ Шульгинъ оправдывался нѣсколько своеобразно: «съ вѣдома-де воеводы Ивана Голенищева-Кутузова «вина сталъ-было сидѣть, и усидѣлъ въ араку, и Иванъ Голенищевъ-Кутузовъ прислалъ выимщиковъ, и ту аракуу него, Якова, выняли и принесли въ съѣзжую избу...» О дальнѣйшей судьбѣ такъ неожиданно высиженнаго арака Шульгинъ скромно умалчиваетъ... Въ Чичюйскомъ волокѣ онъ варилъ пиво для себя, а вино присылалъ ему илимскій воевода Лаврентій Обуховъ «и не однова, и онъ-де то вино пилъ, а никому не продавывалъ...»

Приказнаго человѣка на Чичюйскомъ волокѣ Семена Епишева казаки обвиняли въ томъ, что «у мельницы поставилъ рѣли (висѣлицу) и три петли связалъ, невѣдомо по какому умыслу...» Онъ же «билъ батоги пашеннаго крестьянина Коровая, и тотъ крестьянинъ съ тѣхъ батоговъ заболѣлъ и померъ...» Отъ его же «изгони» другой крестьянинъ «сбѣжалъ» съ семьей на рѣку Тунгуску и «пашню покинулъ...» Во время службы на рѣкѣ Охотѣ Семенъ Епишевъ «Охотскій острожекъ покинулъ пустъ, и пришедъ иноземцы, тотъ острожекъ сожгли». Онъ же отпустилъ тамъ аманатовъ и проч.

Семенъ Епишевъ признался, что на Чичюйскомъ волокѣ, по воеводскому приказу, «висѣлицу велѣлъ поставить для острастки даурскихъ бѣглецовъ и для того, что бѣгаютъ на Нижнюю Тунгуску и на Турухань многіе всякихъ чиновъ люди, а петель-де на висѣлицѣ не

бывало...» Крестьянина Савву Коровая билъ батогами «за татьбу, что онъ кралъ великаго государя хлѣбъ съ сыномъ боярскимъ съ Иваномъ Жегловымъ» (см. о немъ выше). Но умеръ Коровай «не отъ побой...»

Во время охотской службы (еще въ 1652 году) Епишевъ аманатовъ «не отпускивалъ»: «ушли-де они изъ-за караула у служилыхъ людей у Ивана Чернигова съ товарищи». Когда инородцы измѣнили, Епишевъ съ служилыми людьми «сидѣлъ въ осадѣ больше году, дожидался изъ якутскаго острогу на выручку служилыхъ людей, а острожекъ-де онъ покинулъ для того, что-де ему сидѣть въ осадѣ было не мочно, и послѣ-де того иноземцы тотъ острожекъ сожгли».

Въ особо поданной «росписи» Епишевъ торжественно сознался только въ одной маленькой винѣ: «объявляю я, Сенька Епишевъ, предъ великимъ государемъ свою страдничью вину», что въ 1654 году, въ Якутскѣ, на праздникъ Алексѣя, человѣка Божія, «ссидѣлъ съ ведро вина, и тѣмъ виномъ не торговалъ—выпилъ съ добрыми людьми. И въ той моей, Сенькиной, винѣ воленъ великій государь!..»

VI.

Боярскія дѣти не ограничились однѣми оправдательными скасками лично за себя, но выдвинули на свою защиту двухъ лицъ, выступившихъ съ особыми «росписями казачьихъ винъ». Впрочемъ, эти росписи были поданы не отъ имени всѣхъ боярскихъ дѣтей Якутска, но только отъ ихъ составителей: одну роспись подалъ боярскій сынъ Павелъ Шульгинъ, другую—вышеупомянутый Семенъ Епишевъ. Послѣдній называется то просто служилымъ человѣкомъ, то казачьимъ десятникомъ. Очевидно, онъ не былъ въ числѣ боярскихъ дѣтей и если примыкалъ къ нимъ, то развѣ въ качествѣ «безымянника».

Павла Шульгина казаки задѣли въ своей «войсковой скаскѣ», обвиняя въ разныхъ злоупотребленіяхъ. Шульгинъ отвѣчалъ на это какъ личною оправдательною «скаскою», такъ и особою «росписью казачьихъ винъ». Въ скаскѣ онъ говоритъ (противъ обвиненія казаковъ), что казака Ѳедора Заплетая «въ колоду сажалъ за воровство, что-де онъ, Ѳедька, укралъ хлѣбъ великаго государя»... Въ Жиганскомъ зимовьѣ «никакой изгони» не чинилъ инородцамъ. Правда, билъ на него челомъ одинъ якутъ, но его «научилъ на то казакъ Василій Новгородъ. О «воровскомъ винномъ куреньѣ» Шульгина ложно показываютъ «воры и корчемники и всякому воровскому дѣлу заводчики»—казаки Герасимъ Цыпандинъ, Ѳедоръ Заплетай, Панфилъ Мокрошубовъ, Семенъ

Прибылой, Алексѣй Годневъ и др. Всѣ они дѣйствуютъ противъ боярскихъ дѣтей дружно, «стакався съ небольшими людьми, съ такими же ворами, и хотя (желая) въ посылкахъ быть сами приказными людьми, а его-де, Павла, ненавидя, для того, что служитъ-де онъ, Павелъ, великому государю, помня государево крестное цѣлованье, а къ ихъ воровству не пристаетъ», и самихъ казаковъ отъ «воровства унимаетъ»... Возможно, что Шульгинъ былъ правъ, объясняя именно этимъ мотивомъ неудовольствія казаковъ на боярскихъ дѣтей. На тотъ же мотивъ намекаетъ и Семенъ Епишевъ въ своей «росписи», гдѣ объясняетъ всѣ взведенныя на него казаками обвиненія, и именно тѣмъ, что онъ всегда «удерживалъ» служилыхъ людей отъ всякихъ злоупотребленій и «къ ихъ заводнымъ дѣламъ не приставалъ».

Чтобы не быть голословнымъ, Павелъ Шульгинъ перечисляетъ въ своей «росписи» многія злоупотребленія казаковъ. Оговоренныя имъ лица подавали въ свое оправданіе отвѣтныя «скаски».

Шульгинъ начинаетъ съ вышеупомянутаго казака Ѳедора Заплетая. Въ 1651 г. Заплетай былъ «на приказѣ» въ Олекминскомъ острожкѣ и тамъ сильно «корыстовался великаго государя ясачными лутчими собольми». Чтобы скрыть это воровство отъ служилыхъ людей, онъ—«и у государевыхъ дѣлъ, и у всякаго толмачества, для своего воровства, велѣлъ толмачить у иноземцевъ женѣ своей». Когда его въ «воровствахъ стали обличать товарищи его, казаки», Заплетай «говорилъ воровски—называлъ Олекминскій уѣздъ своею землицею»!..

Въ 1656 г. Заплетай былъ приказнымъ человѣкомъ въ Майскомъ зимовьѣ и тамъ грабилъ инородцевъ—бралъ у нихъ оленей, женъ ихъ ималъ къ себѣ на блудъ» и проч.

Позже Заплетай былъ посланъ съ Павломъ Шульгинымъ въ Илимскій острогъ для пріема государева хлѣба и здѣсь отличился — укралъ 25 пудовъ хлѣба, который былъ отысканъ: «и за то его воровство былъ онъ, Ѳедька, скованъ, а наказанье ему не учинено, для того, что бить его батоги за такое большое воровство мало, а кнутомъ никого бить по наказу мнѣ (т. е. Шульгину) не велѣно»...

На устьѣ р. Муки Заплетай ограбилъ Спасскую часовню: «выбивъ окно, ходилъ въ часовню и полъ высѣкъ, а что изъ той часовни пограбилъ—того подлинно не вѣдаю», но знаютъ это въ Илимскѣ, гдѣ воевода Петръ Бунаковъ билъ кнутомъ Заплетая за это святотатство... Семенъ Епишевъ въ своей росписи называетъ Ѳедора Заплетая казачьимъ пятидесятникомъ и дополняетъ обвиненія Шульгина указаніемъ, что у одного якута Заплетай увезъ дочь-дѣвку...

На всѣ обвиненія Шульгина и Епишева Заплетай отвѣчалъ голословнымъ отрицаніемъ.

Далѣе Шульгинъ переходитъ къ казачьему десятнику Панфилу Мо-

*

крошубову. Въ 1663 году онъ былъ посланъ на приказъ на р. Анандыръ и проѣздомъ зазимовалъ на р. Янѣ, въ Нижнемъ зимовьѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ котораго сталъ вино курить и продавать. Это мѣсто знали юкагиры и «примѣтили, что того вина напиваютца у него, Панфилка, почасту многіе люди». Однажды, когда у Панфила не было никого изъ служилыхъ людей, къ нему явились юкагиры—стали «вино пить и напились пьяны». Въ пьяномъ возбужденіи юкагиры отправились въ Нижнее Янское зимовье, служилые люди котораго ушли въ то время почти всѣ на промыслы. Оставались въ зимовьѣ только ясачные сборщики Алексѣй Бусурмановъ съ товарищи. Всѣхъ ихъ юкагиры избили до смерти, выпустили аманатовъ и «отъ ясаку отложились». Словомъ, произошелъ бунтъ инородцевъ, благодаря вину Панфила...

Раненый тогда юкагирами казакъ Семенъ Ѳонеминъ подалъ Панфилу Мокрошубову челобитную, чтобы идти въ походъ за юкагирами. О томъ же настаивали бывшіе въ зимовьѣ торговые и промышленные люди, предлагая на помощь своихъ работныхъ людей, оружіе, порохъ и свинецъ. Но Панфилъ, кругомъ во всемъ виноватый, «своровалъ» и тутъ—«за тѣми иноземцами не пошелъ и упустилъ ихъ, не хотя покинуть воровскаго своего промыслу—винной поварни». И это несмотря на то, что въ зимовьѣ собралось тогда около 60 казаковъ, торговыхъ, промышленныхъ и другихъ русскихъ людей.

Одинъ только казакъ Семенъ Ѳонеминъ не послушался Мокрошубова и съ 4-мя товарищами погнался все-таки за юкагирами и «нашелъ ихъ на первыхъ станахъ». Юкагиры, «чая за собою большихъ людей, побѣжали наспѣхъ, пометавъ на станахъ рухледишко свое». Однако, при своемъ малолюдствѣ Семенъ не рѣшился продолжать дальше погоню и вернулся въ зимовье.

Семенъ Епишевъ въ своей росписи подтверждалъ это обвиненіе противъ Мокрошубова и также разсказывалъ, какъ Панфилъ споилъ инородцовъ и вызвалъ ихъ бунтъ. Мокрошубовъ отдѣлывался однимъ голословнымъ отрицаніемъ этого факта.

Казачьяго пятидесятника Герасима Цыпандина Шульгинъ обвинялъ въ тайномъ винокуреніи и продажѣ вина въ Жиганскомъ и Алазейскомъ зимовьяхъ, гдѣ Герасимъ былъ на приказахъ. Притѣсняя инородцевъ, онъ такъ сильно здѣсь нажился, что «тѣхъ у него пожитковъ и нынѣ въ заморскихъ зимовьяхъ въ долгахъ съ 1000 рублевъ и больше». Собирать эти долги онъ послалъ «вора брата своего Ондрюшку».

Въ Учурскомъ зимовьѣ Герасимъ Цыпандинъ «чинилъ обиды и налоги» инородцамъ, за что, вслѣдствіе ихъ челобитій, въ 1667 г. битъ кнутомъ по воеводскому приговору.

Семенъ Епишевъ дополняетъ это обвиненіе указаніемъ на крайнюю

жестокость Герасима Цыпандина: на р. Индигиркѣ Герасимъ, вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ Кирилломъ Ванюковымъ — многихъ иноземцевъ пытая зажгли до смерти и Уянду — лучшаго человѣка, по ихъ зову князца—повѣсили, для своихъ пожитковъ разорили многихъ иноземцевъ».

О братѣ этого негодяя казакѣ Андреѣ Цыпандинѣ Шульгинъ разсказываетъ: приказный человѣкъ Жиганскаго зимовья боярскій сынъ Матвѣй Сосновскій послалъ Андрея и другаго казака Михаила Лифанова, въ качествѣ ясачныхъ сборщиковъ, по якутскимъ улусамъ. Оба они во время сбора ясака сильно «воровали—великаго государя соболи перемѣняли», отбирая въ свою пользу лучшіе экземпляры, а худшіе отдавая въ государеву казну. За это они были «пытаны» по приказу якутскаго воеводы и «съ пытки винились» въ своемъ воровствѣ.

Ни Герасимъ, ни Андрей Цыпандины не могли сказать ничего существеннаго въ свое оправданіе.

VII.

Переходя къ обвиненіямъ противъ остальныхъ рядовыхъ казаковъ и отмѣчая общую ихъ страсть къ данному винокуренію (въ чемъ и казаки обвиняли всѣхъ вообще боярскихъ дѣтей), Павелъ Шульгинъ относительно казака Ивана Хвораго говоритъ, что хотя онъ и изобличенъ въ корчемствѣ за время его службы «за моремъ, въ разныхъ зимовьяхъ», но «въ казачьей (войсковой) скаскѣ о томъ винномъ куреньи и продажѣ не написано, потому что онъ (Хворой) ихъ братъ-казакъ»...

Воевода Иванъ Голенищевъ-Кутузовъ послалъ на приказъ въ Верхнее Вилюйское зимовье «поляка» Василья Петрова, а съ нимъ казака Ивана Жука съ 10-ю товарищами. Всѣ казаки, а Жукъ въ особенности, чинили тамъ инородцамъ «обиды и насильства большія: свои товары на ясачныхъ людей сильно наметывали (т. е. силою заставляли брать), и рухлядью за тѣ наметные товары на нихъ имали». Объ этихъ казачьихъ поборахъ производился «сыскъ». Иванъ Жукъ сосланъ въ Якутскъ «въ смутное время, изо Пскова, за многія воровства»...

Казакъ Алексѣй Годневъ, посланный Голенищевымъ-Кутузовымъ за Алданъ въ Боягактайскую волость, встрѣтилъ одного тунгуса, несшаго къ ясачному сборщику свой ясакъ-соболи. Годневъ «отнялъ» у тунгуса не только эти соболи, но и двухъ коней его. Тунгусъ подавалъ на Годнева челобитную.

Годневъ пробовалъ увѣрить, что тунгусъ его «поклепалъ», но, однако,

долженъ былъ сознаться, что поклепу въ Якутскѣ повѣрили: по челобитной тунгуса «за то-де ему, Олешкѣ, и наказаніе было», какое именно—скромно о томъ умалчиваетъ...

Казакъ Семенъ Шелыхановъ «продалъ» якуту Теренею «якутскую женку», а взялъ за нее двѣ коровы. И у того якута та баба сбѣжавъ утонула. И онъ, Сенька, умысля воровски, за большими угрозами, а иное и силою, взялъ за ту бабу (за которую уже получилъ 2 коровы) на немъ Теренеѣ дѣвку, племянницу его», которая и нынѣ живетъ у Сеньки, и крещена. Но Сенька не удовольствовался 2 коровами и дѣвкою и еще обобралъ Теренея, очевидно угрожая ему отвѣтственностію за смерть «якутской женки»... Съ того же Теренея «за ту же бабу взялъ онъ по якутской вѣрѣ головщину»—коня, «кобылу бережую», 8 «скотинъ рогатыхъ», 6 соболей и красную лисицу. Словомъ, Сенька обобралъ якута начисто... Все это знаютъ якуты той волости, гдѣ живетъ Тереней. Всѣ они хотѣли бить челомъ на Сеньку, но тотъ «съ друзьями своими застращалъ» Теренея,—и якуты молчатъ...

Сенька Шелыхановъ такъ оправдывался: якутскую женку онъ не продавалъ, а «выдалъ замужъ» за Теренея, за что «калыму взялъ за нее 5 животинъ». Женка утонула, когда еще не весь «калымъ» былъ полученъ, а потому Сенька считалъ себя вправѣ и послѣ ея смерти дополучить остальной калымъ... Племянницы Теренея Сенька «не имывалъ», но самъ Тереней за недоплаченный калымъ «привелъ къ нему женку якутскую, а не племянницу». Эта женка и нынѣ живетъ у Сеньки еще не крещена, но «дана ей молитва».

О казакѣ Семенѣ Прибыломъ, бывшемъ московскомъ стрѣльцѣ, сосланномъ въ Якутскъ «за великія воровства, и за поклепы, и за воровскіе бунты», Шульгинъ говоритъ, что это—пущій воръ и затѣйщикъ: у казачьей челобитной и у составной ихъ скаски многихъ наговариваетъ»... А между тѣмъ самъ Прибылой далеко не безгрѣшный человѣкъ: на службѣ въ Патомскомъ зимовьѣ онъ и другіе казаки «наметывали сильно» тунгусамъ свои товары «большою цѣною, а имали (съ нихъ) всякою рухлядью малою цѣною»... Не успѣвши все обобрать у бѣдныхъ инородцевъ, казаки захватили у нихъ въ качествѣ залога «лишняго аманата»...

Въ 1667 г., при сдачѣ Прибылымъ государевой соли, обнаружилось его прямое воровство...

Подобно своимъ товарищамъ, Прибылой могъ прибѣгнуть только къ голословному отрицанію всѣхъ фактовъ: «воровства»-де за нимъ на Москвѣ «не бывало», и въ Якутскѣ онъ «не воровывалъ», служилыхъ людей «не учивалъ и не наговаривалъ» къ «составнымъ челобитнымъ» на боярскихъ дѣтей, государскою солью «не корыстовался», своихъ товаровъ инородцамъ «не наметывалъ», и проч. и проч.

Остальныхъ казаковъ Павелъ Шульгинъ обвиняетъ въ разныхъ мелкихъ злоупотребленіяхъ, главнымъ образомъ въ томъ, что какъ въ Якутскѣ, такъ особенно въ ясачныхъ зимовьяхъ и волостяхъ казаки курили вино и варили пиво не только для себя, но и на продажу, при чемъ сильно спаивали инородцевъ. До чего доходило это спаиванье, показываетъ указанный выше юкагирскій бунтъ въ Нижнемъ Янскомъ зимовьѣ...

Казаки сознавались въ винокуреніи, но старались увѣрить, будто курили вино только «для себя», за что-де и «пеню» платили.

Примѣру служилыхъ людей, увѣряетъ Павелъ Шульгинъ, стали подражать торговые и промышленные люди. Послѣдніе съ разрѣшенія служилыхъ людей курили вино какъ въ уѣздныхъ зимовьяхъ, такъ и въ самомъ Якутскѣ, гдѣ напримѣръ занимались этимъ «многижды» торговые люди Гаврило Романовъ, Родіонъ Щепеткинъ, Ѳедоръ Оглоблинъ и другіе.

Все это можно было безнаказанно продѣлывать въ Якутскѣ, такъ какъ, по словамъ Шульгина, «большого заказу о томъ не бывало, потому что и воевода Иванъ Голенищевъ-Кутузовъ, и сынъ его Михайло на себя вино курили же»... А каковъ-де попъ, таковъ и приходъ...

На этомъ собственно и оканчивается розыскъ, сдѣланный якутскимъ воеводою кн. Иваномъ Петровичемъ Барятинскимъ и дьякомъ Степаномъ Ельчуковымъ. Все розыскное дѣло «въ спискѣ» отправлено ими при отпискѣ въ Сибирскій приказъ, куда оно дошло только осенью 1672 года. Именно этотъ списокъ розыскнаго дѣла и дошелъ до насъ (въ столбцѣ № 874). На спискѣ читаемъ помѣту Сибирскаго приказа: «выписать въ докладъ». Очевидно, докладъ назначался для поднесенія царю, а можетъ быть и боярской думѣ. Къ сожалѣнію, этотъ докладъ, повидимому, не сохранился, или по крайней мѣрѣ не найденъ доселѣ. Такимъ образомъ, мы не знаемъ, какъ отнеслось центральное правительство къ поднятому якутскими казаками вопросу и къ злоупотребленіямъ, раскрытымъ взаимными обвиненіями казаковъ и боярскихъ дѣтей.

По всей вѣроятности обѣ враждовавшія стороны были виноваты и обѣ въ равной мѣрѣ заслуживали строгаго наказанія за свое разнообразное «воровство», особенно же за возмутительное отношеніе къ несчастнымъ инородцамъ... Но наказать почти весь наличный составъ якутскихъ служилыхъ людей—было дѣломъ рискованнымъ и трудно-выполнимымъ. Привыкшіе къ большой самостоятельности, своенравные и свободолюбивые служилые люди далекаго отъ Москвы Якутскаго края могли бы «учиниться сильными», не пошли бы подъ государево наказанье...

Возможно даже, что дѣло дошло бы до открытой «смуты и бунта»... Въ виду этого московское правительство, по всей вѣроятности, ограничилось или однимъ легкимъ «осудомъ» поведенія служилыхъ людей, или наказаніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, отличившихся особенно безобразными подвигами.

Н. Оглоблинъ.

Василій Григорьевичъ Рубанъ.

Василій Григорьевичъ Рубанъ принадлежитъ къ числу довольно извѣстныхъ, но мало изслѣдованныхъ второстепенныхъ русскихъ писателей второй половины XVIII вѣка. Хотя имя его, какъ литературнаго дѣятеля, и встрѣчается въ различныхъ словаряхъ, но свѣдѣнія, въ нихъ сообщаемыя, слишкомъ краткія и отрывочныя, не даютъ яснаго и вѣрнаго понятія о личности и дѣятельности этого записнаго любителя литературы и трудолюбивѣйшаго писателя Екатерининской эпохи [1]).

В. Г. Рубанъ происходилъ отъ нѣкоего Мирона Рубана, который, еще задолго до Петра Великаго, пріобрѣлъ въ собственность много земель въ Малороссіи. Какого происхожденія былъ этотъ Рубанъ—неизвѣстно. Съ нѣкоторою вѣроятностью можно предполагать, что онъ

---

[1]) Изданная А. Н. Неустроевымъ брошюра: „Литературные дѣятели XVIII вѣка. I. В. Г. Рубанъ". С.-Пб. 1896, представляетъ собою лишь хронологическій списокъ трудовъ Рубана, не лишенный, однако, пропусковъ, которому предпослана краткая біографическая замѣтка о Рубанѣ. Въ настоящей статьѣ мы поставили себѣ цѣлью свести въ одно цѣлое все, что могли собрать о Рубанѣ въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ. Къ послѣднимъ относятся бумаги Рубана, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ этихъ бумагахъ находятся стихотворенія Рубана, имѣющія автобіографическое значеніе, патенты его на чины и письма къ нему Георгія Конисскаго (напечатаны въ «Русск. Старинѣ» 1896 г. № 11), П. Д. Еропкина, графа П. И. Панина и князя Суворова. Существеннымъ пособіемъ при составленіи нашей статьи служилъ также біографическій словарь питомцевъ Московскаго университета, не выходившій въ свѣтъ и остановившійся печатаніемъ на 240-й страницѣ, какъ разъ на срединѣ біографіи Рубана, писанной Н. С. Тихонравовымъ.

былъ изъ казаковъ [1]). Одинъ изъ дальнихъ потомковъ Мирона имѣлъ нѣсколькихъ сыновей, изъ которыхъ Кириллъ, женившись на богатой полтавской помѣщицѣ Тимченкѣ, сдѣлался родоначальникомъ фамиліи Тимченко-Рубанъ, а другой, Григорій, былъ отцомъ нашего писателя и жилъ въ царствованіе Елисаветы Петровны [2]). Григорій Рубанъ былъ женатъ два раза. Второй его женой была вдова Марѳа Васильевна Салтанова [3]). Василій Григорьевичъ былъ его сыномъ отъ перваго брака и родился въ Бѣлгородѣ 14-го марта 1742 г. [4]). Какъ прошло его дѣтство и кто были его первые наставники и учители—неизвѣстно; знаемъ только, что первоначальные уроки получилъ онъ въ домѣ отца, который впослѣдствіи помѣстилъ его въ Кіевскую духовную академію [5]) бывшую разсадникомъ просвѣщенія въ Россіи до открытія Московскаго университета. Академія находилась тогда на верху своей славы. Кіевскимъ митрополитомъ былъ преосвященный Тимофей Щербацкій, а ректоромъ Академіи—извѣстный духовный витія, Георгій Конисскій. Въ то время, когда Рубанъ находился въ Академіи, составъ преподавателей ея отличался высокимъ уровнемъ. Слава Академіи была такъ велика, что не только духовные лица, но даже дворяне считали за честь помѣщать туда своихъ дѣтей. Между послѣдними, однокашни-

---

[1]) Нашъ извѣстный генеалогъ, В. В. Руммель, указалъ намъ, что существуетъ много фамилій Рубанъ, большинство которыхъ происходитъ отъ казаковъ.

[2]) И. Р. Тимченко-Рубанъ. Изъ воспоминаній о прожитомъ („Истор. Вѣстникъ“ 1890 г., т. 40, стр, 332—333).

[3]) Она была двоюродной теткой П. Ѳ. Печерина, отца Ѳ. П. Печерина автора записокъ („Русск. Старина“ 1891 г., т. LXXII, стр. 595).

[4]) Въ брошюрѣ: „Памятникъ на кончину россійскаго пѣснопѣвца, колсов. В. Г. Рубана сказано, что Рубанъ умеръ на 54 году, слѣдовательно родился въ 1739. Самъ же Рубанъ считаетъ годомъ своего рожденія 1742 годъ, что видно изъ слѣдующихъ строкъ его стихотворенія: «Благодареніе его превосходительству Петру Ивановичу Новосильцову за оказанную милость», отъ 27-го февраля 1794 г.:

Я жизни пятьдесятъ два года ужъ провелъ,
Но Богъ меня досель кормилъ, поилъ и грѣлъ.
(Рук. И. П. Библ. F. XIV, № 46).

Въ письмѣ къ епископу Бѣлгородскому Ѳеоктисту Мочульскому, отъ 8-го марта 1795 г. Рубанъ пишетъ:

Ужъ три за пятьдесятъ лѣтъ жизни скончеваю:
Четвертый на десять день мѣсяца сего
Годъ новый возраста настанетъ моего.
(тамъ же).

Указанія на 1742 годъ, какъ годъ рожденія Рубана, встрѣчаются и въ другихъ его рукописныхъ стихотвореніяхъ.

[5]) В. И. Аскоченскій. Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ-академіей Кіевъ 1856, ч. II, стр. 204—205.

ками Рубана были братья Бантыши-Каменскіе, Николай и Иванъ. Окончивъ двухлѣтній курсъ философіи, но не прослушавъ курса богословія [1]), на прохожденіе котораго полагалось четыре года, Рубанъ около 1754 г. перешелъ въ Московскую духовную академію [2]), но сколько времени пробылъ въ ней—неизвѣстно. Въ 1755 году былъ основанъ Московскій университетъ и учреждены при немъ двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая—для разночинцевъ. Покинувъ Московскую академію, Рубанъ и опредѣлился въ одну изъ этихъ гимназій, по всей вѣроятности въ разночинскую [3]), такъ какъ, по правиламъ, нельзя было поступать въ университетъ прямо, безъ подготовки въ гимназіи. Воспитанники духовныхъ академій и семинарій тоже должны были поступать въ соотвѣтственные ихъ познаніямъ классы гимназій и, сообразно съ оказанными успѣхами, удостоивались званія студента и, по выдержаніи экзамена, допускались къ слушанію факультетскихъ лекцій [4]). Въ первый разъ университетъ произвелъ въ студенты учениковъ своихъ гимназій 27-го апрѣля 1759 г., и въ числѣ новыхъ студентовъ мы находимъ и В. Г. Рубана [5]). Проходя университетскій курсъ, Рубанъ слушалъ, между прочимъ, лекціи по риторикѣ и стихотворству у Н. Н. Поповскаго, съ которымъ занимался еще будучи въ гимназіи и «за успѣхи въ наукахъ получалъ медали золотыя и серебрянныя» [6]). Въ числѣ товарищей Рубана по университету были лица, извѣстныя впослѣдствіи въ русской литературѣ: Д. И. Фонвизинъ, С. Г. Домашневъ, Ип. Ѳ. Богдановичъ, М. Д. Чулковъ и другіе. Многіе изъ нихъ сотрудничали въ журналѣ Хераскова «Полезное увеселеніе», въ которомъ принялъ участіе и Рубанъ, напечатавъ въ немъ въ 1761 году, первый свой литературный трудъ: «Папирія, римскаго отрока, остроумные вымыслы и молчаніе», переводъ съ латинскаго. Въ томъ же году Рубанъ кончилъ курсъ въ университетѣ съ чиномъ колежскаго актуаріуса коллегіи иностранныхъ дѣлъ [7]) и вѣроятно, тотчасъ же поступилъ на службу. По аттестату, выданному изъ

---

[1]) Аскоченскій. Кіевъ, ч. I, стр. 139.

[2]) С. К. Смирновъ. Исторія славяно-греко-латинской академіи. М. 1855, стр. 253.

[3]) Въ спискахъ воспитанниковъ благородной гимназіи (въ словарѣ питомцевъ Московскаго университета, стр. 195 и 216) Рубана не значится.

[4]) П. И. Страховъ. Краткая исторія Академической гимназіи. М. 1855, стр. 3—4.

[5]) С. П. Шевыревъ. Исторія Московскаго университета. М. 1855, стр. 59.

[6]) Н. И. Новиковъ, Словарь писателей, изд. П. А. Ефремова. С.-Пб. 1867, стр. 95.

[7]) Шевыревъ. Исторія Московскаго университета, стр. 93.—Словарь воспитанниковъ, стр. 220.

«Коша войска ея императорскаго величества запорожскаго-низоваго [1]) отъ 10-го августа 1763 г. видно, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Рубанъ служилъ переводчикомъ съ турецкаго языка [2]) въ Запорожьѣ, пребывая у Никитина перевоза, на Днѣпрѣ, [3]) для выдачи паспортовъ русскимъ подданнымъ, ѣздившимъ по торговымъ дѣламъ въ Крымъ.

Съ 1764 года мы видимъ Рубана уже въ Петербургѣ, сперва сотрудникомъ журнала В. Д. Санковскаго «Доброе Намѣреніе» (1764 г.), а впослѣдствіи—«Парнасскаго Щепетильника» (1770 г.), М. Д. Чулкова и Новиковскихъ изданій: «Трутня» (1770 г.) [4]) и «Живописца» (1772 г.). Рубанъ помѣщалъ въ этихъ изданіяхъ переводы съ французскаго, нѣмецкаго, а также и оригинальныя свои стихотворенія. Не ограничиваясь сотрудничествомъ въ журналахъ того времени, Рубанъ предпринялъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ изданій собственныхъ трудовъ, какъ мелкихъ, въ видѣ торжественныхъ одъ и надписей, такъ и крупныхъ, состоявшихъ исключительно изъ переводовъ съ французскаго, латинскаго и греческаго языковъ [5]).

Съ 1769 года, какъ извѣстно, начался расцвѣтъ русской журналистики. Въ Петербургѣ издавалось тогда семь періодическихъ изданій, изъ которыхъ первыми по времени появленія были: «Всякая Всячина» Г. В. Козицкаго и «И то и сіо» Чулкова. Примѣръ послѣднихъ подѣйствовалъ на Рубана, и онъ также рѣшился выступить на журнальное поприще. Съ 21-го февраля 1769 г. Рубанъ сталъ выпускать еженедѣльные листки подъ заглавіемъ: «Ни то ни сіо». Такое названіе, безъ сомнѣнія, было дано въ соотвѣтствіе къ журналу Чулкова, появившемуся за мѣсяцъ передъ тѣмъ. Причиной, побудившей Рубана сдѣлаться журналистомъ, было, по его словамъ, самолюбіе. «Эта страсть, говоритъ онъ, будучи сопровожаема еще охотою показаться грамотными и желаніемъ услужить публикѣ, сдѣлала изданіе сихъ листковъ необходимымъ. И такъ, три только обстоятельства остались, о которыхъ намъ нѣсколько позаботиться надобно, а именно: сочиненіе наше покажется читателямъ или полезно, или безполезно, или ни то ни другое.

---

[1]) Справочный энциклопедическій словарь А. В. Старчевскаго, т. IX, стр. 219.

[2]) Неизвѣстно, гдѣ Рубанъ могъ изучить турецкій языкъ. Не былъ ли это татарскій языкъ, входившій въ число предметовъ, преподававшихся въ университетской гимназіи?

[3]) Нынѣ Никополь, мѣстечко Екатеринославской губерніи.

[4]) Указаніе на сотрудничество Рубана въ „Трутнѣ“ находится въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ 1865 г., стр. 293.

[5]) Къ нимъ относятся: 1) „Настоятель Киперинскій“, соч. д'Аржанса. С.-Пб. 1765—1781; 2) „Канонъ пасхи“, І. Дамаскина С.-Пб. 1770; 3) „Царскій свитокъ“, діакона Агапита. С.-Пб. 1771 и 4) „Омирова Ватрахоміомахія“. С.-Пб. 1772.

Что до перваго принадлежитъ, то мы обѣщаемся понести великодушно, если кто наше «Ни то ни сіо» захочетъ превратить въ нѣчто. Что же касается до втораго, то мы не обязуемся отвѣтствовать за тѣхъ читателей, которые изъ сего нашего затору произведутъ непріятную чувствамъ кислоту; а если случится третье, то мы уже будемъ не первые отягощать свѣтъ безполезными сочиненіями: между множествомъословъ и мы вислоухими быть не покраснѣемъ... Насъ въ семъ случаѣ будетъ веселить лишь то, что мы черезъ сіе окажемся честными и справедливыми людьми, сдержавъ свое слово передъ публикою, то-есть что выйдетъ изъ сего настоящее и безпримѣсное «Ни то ни сіо» (листъ 1, стр. 3—5).

Кромѣ самого Рубана, помѣстившаго въ своемъ журналѣ нѣсколько стихотвореній и переводныхъ статей, въ немъ принимали участіе: С. Башиловъ, В. П. Петровъ, М. В. Поповъ и другіе, менѣе извѣстные писатели. Содержаніе журнала, какъ показываетъ и самое названіе его, было смѣшаннаго характера, о чемъ говоритъ и самъ Рубанъ въ первомъ же листѣ своего изданія: «Читателямъ объявляется, что въ листкахъ сихъ будетъ смѣсь, состоящая изъ прозы и стиховъ, сочиненій и переводовъ». Далѣе, выражая свои редакторскіе взгляды, Рубанъ говоритъ, что для большей занимательности журнала «надежнѣе всего мѣшать поученія съ увеселеніями и угрюмость строгихъ правилъ умягчать какими-нибудь пріятностьми или закрывать прелестными цвѣтами». Понятно, что при такомъ взглядѣ на дѣло сатира, преобладавшая въ другихъ журналахъ того времени, не могла имѣть мѣста въ изданіи Рубана. Исключеніе въ нѣкоторомъ родѣ представляетъ собою стихотвореніе, помѣщенное въ 11-мъ листѣ журнала: «Планъ воспитанія и вояжа Г.,*** имъ самимъ написанный». Статья эта изображаетъ грубую картину преувеличеннаго не въ мѣру невѣжества современныхъ автору педагоговъ. Напримѣръ, учитель, преподававшій Г.*** исторію, разсказываетъ своему ученику, что

Устрицы растутъ
На тѣхъ же деревахъ, гдѣ птицы гнѣзда вьютъ;
Медвѣди въ Индіи по воздуху летаютъ,
Изъ пушекъ на мышей во Франціи стрѣляютъ и т. п.

Г***, получившій образованіе подъ руководствомъ подобныхъ учителей, совершенно не знавшихъ, притомъ, русскаго языка, приводитъ всѣхъ своихъ знакомыхъ въ восторгъ и изумленіе; самъ собою также доволенъ и желаетъ найти себѣ невѣсту, равную по уму и образованію. Для этого онъ намѣренъ отправиться въ путешествіе и составляетъ планъ послѣдняго, при чемъ обнаруживаетъ такого рода знанія географіи:

Пойду отсель въ Китай, оттуда прямо въ Вѣну;
Изъ Вѣны въ Индію, оттоль на Рейнъ и Сену,
Оттуда въ Вавилонъ и, прямо черезъ Клинъ,
Чрезъ Кіевъ, Амстердамъ, Камчатку и Туринъ
Достигну до Бендеръ...

Въ изданіи Рубана любопытна полемика, возгорѣвшаяся между этимъ журналомъ и «Всякой всячиной». Ссору вызвало помѣщенное въ «Ни то ни сіо» (стр. 6—8) слѣдующее тяжеловѣсное стихотвореніе, давшее въ наше время поводъ А. И. Незеленову причислить Рубана къ нигилистамъ:

Скажите, отъ чего родилось „То и сіо“,
Что „Всяку всячину“ произвело и все,
Что есть на свѣтѣ семъ предъ нашими глазами,
И смертному понять возможно что умами?
Какъ „Всякой всячины“, такъ и „Того сего“
Начало сдѣлалось обѣхъ изъ ничего.
Имѣвъ отъ дожности свободное мы время,
И сѣемъ, и садимъ нулей въ сихъ нивахъ сѣмя...
Но для „Ни то ни сіо“ назначимъ день субботу: [1])
Пусть по субботнимъ днямъ всѣ чтутъ нулей работу;
И въ прозѣ оная пусть будетъ, и въ стихахъ,
И весь сей трудъ основанъ на нуляхъ;
Нули хоть суть ничто, науку жъ числъ кто знаетъ,
Тотъ пользу и нулей довольно понимаетъ.

Хотя Незеленовъ въ своемъ изслѣдованіи: «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху» (Спб. 1889) и приписываетъ журналу Рубана отрицательное и матеріалистическое направленіе, но врядъ ли мнѣніе это можно считать основательнымъ. Главное доказательство нигилистическаго направленія журнала «Ни то ни сіо» Незеленовъ видитъ въ приведенномъ уже нами стихотвореніи: «Скажите, отъ чего родилось «То и сіо»; матеріализмъ же выводитъ изъ стихотворенія: «Деньги», напечатаннаго во второмъ листѣ журнала. Что касается перваго, то нужно «мудрствовать лукаво», чтобы въ этомъ стихотвореніи видѣть проповѣдь нигилизма. Для уясненія дѣла приводимъ и второе:

Можно ли вищенство
Деньгамъ предпочесть?
Деньги—лучше средство
Въ свѣтѣ все обрѣсть.
Деньги въ честь выводятъ,

[1]) Этотъ день Рубанъ выбралъ въ отличіе отъ „Всякой всячины“, выходившей по пятницамъ, и „И то и сіо“, выходившаго по вторникамъ.

Намъ друзей находятъ.
Гдѣ сребро блестнетъ,
Взоры тамъ народны;
Гдѣ богачъ идетъ—
Путь открытъ свободный.

Хитрыя затѣи,
Что нашъ тѣшатъ взоръ,
Садъ, пруды, аллеи
И другой приборъ
Зрѣлищей пріятныхъ,
Мыслямъ непонятныхъ,
Можно имъ причесть.
Что вдали родится,
Коли деньги есть,
Въ мигъ у насъ явится.

Царствъ великолѣпность,
Блескъ безбранныхъ дней,
Въ брани нужну крѣпость,
Всѣхъ союзъ вещей
Деньги составляютъ.
Деньги прикрываютъ
И пороки злыхъ..
Кто сребромъ запасенъ,
Тотъ въ глазахъ людскихъ
Честенъ, остръ, прекрасенъ.

Мудрость драгоцѣнна,
Что черпаемъ изъ книгъ,
Деньгамъ покоренна;
Достаемъ чрезъ нихъ
Всѣхъ родовъ машины—
Знать вещей причины.
Деньги во страны
Носятъ насъ далеки,
Имъ отворены
Всѣ библіотеки.

О, сребро и злато!
И ты, звонка мѣдь!
Что у насъ отъято,
Коли васъ имѣть?
Вы чрезъ пищу голодъ,
Чрезъ одежду холодъ
Отвративши прочь,
Въ извуренно тѣло
Льете прежню мочь,
То бодря на дѣло.

Капли пить врачебны,
Чтобъ болѣзнь прогнать,
Вы и тутъ потребны:
Безъ васъ—умирать.
Въ деньгахъ пользу многу,
Сильную помогу
Видитъ человѣкъ.
Деньги намъ прибавить
Могутъ краткій вѣкъ,
Насъ съ одра возставить

Жизненну ли силу
Отнялъ смертный часъ—
Деньги и въ могилу
Провожаютъ насъ.
Деньги землю роютъ,
Деньги въ землю кроютъ
Трупъ нашъ отъ живыхъ.
Это есть безспорно:
Деньгамъ все покорно,
Все находимъ въ нихъ.

Вслѣдъ за этимъ стихотвореніемъ, Рубанъ, какъ бы предвидя возможность обвиненія въ матеріализмѣ, объясняетъ, что «Ни то ни сіо» «заглядѣлось такъ пристально» на деньги только потому, что имѣетъ въ нихъ нужду: «У голодныхъ хлѣбъ на умѣ, а мы недавно вышли изъ безсребреннаго Минервиныхъ питомцевъ жилища [1]), гдѣ и слово «деньги» только въ лексиконахъ видали... При всемъ томъ мы не обинуясь можемъ сказать, что не они насъ взманили писать сіи листки; но дѣло въ томъ только состоитъ, что недостатокъ оныхъ не дозволяетъ намъ быть щедрыми». Далѣе Рубанъ говоритъ, что «Ни то ни сіо» пишетъ о деньгахъ потому только, что «жило съ ребячества въ такихъ обществахъ, гдѣ ничто такъ не маловажно, какъ деньги... Потомъ, какъ выступили вдругъ на такой ѳеатръ, гдѣ почти всѣ дѣйствія производятся деньгами, то не можно повѣрить, какъ мы были удивлены чудесами, творимыми отъ оныхъ».

Но изданіе Рубана, не удовлетворяя вкусамъ тогдашней читающей публики, просуществовало всего около пяти мѣсяцевъ и закончилось двадцатымъ листомъ, вышедшимъ 11-го іюля. Неудача, постигшая Рубана на журнальномъ поприщѣ, видимо огорчила его. Въ послѣднемъ листѣ своего изданія онъ помѣстилъ слѣдующее стихотвореніе, въ которомъ, однако, видно стараніе дѣлать „bonne mine au mauvais jeu“:

Ужъ намъ «Ни то ни сіо» наскучило писать,
Читатели, а вамъ наскучило читать.

[1]) т. е. изъ университета.

Къ другимъ трудамъ свои мы обратили руки,
Но нынѣ публика терпѣть не будетъ скуки.
Здѣсь „Всяка всячина“ досель еще цвѣтетъ,
Отъ ней „И то и сіо“ и съ „Трутнемъ“ „Смѣсь“ растетъ,
И пишется притомъ „Полезное съ пріятнымъ“:
Предметовъ много есть и добрымъ, и развратнымъ.
Для умноженія забавы и отрадъ
Помѣсячно завелъ свою здѣсь п о ч т у а д ъ.
Пусть публика сіи листы теперь читаетъ,
Веселья съ пользой ей «Ни то ни сіо» желаетъ.
Но нынѣ для чего окончилось оно,
То въ слѣдующемъ здѣсь письмѣ помѣщено.

Вотъ это письмо: «Господа читатели! Съ нынѣшняго года извѣстно стало, что марать бумагу прозою есть столь же прилипчивая болѣзнь, какъ и плести стихи, а мы, по собственному опыту, нашли на нее и лѣкарство. Оно называется многодѣліемъ, котораго если дать добрый пріемъ больному, то сколь бы въ немъ болѣзнь сія ни застарѣлась, только онъ, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ исцѣлится. Примѣчено еще, что въ сей болѣзни люди бываютъ неодинаковы: иные веселы, пріятны и въ полномъ умѣ, а иные совсѣмъ шалѣютъ, взъѣдаются, не будучи никѣмъ дразнимы, и много безтолковаго бредятъ. Что касается насъ, то мы хотя и не надѣемся, чтобы насъ здоровые читатели включили въ число первыхъ, такъ по крайней мѣрѣ не боимся быть поставлены между послѣдними; а если такъ, то по всѣмъ выкладкамъ причтется нашей болѣзни назваться чистымъ «Ни тѣмъ ни сѣмъ». Правду сказать, мы не угодили ни петиметрамъ, ни степеннымъ людямъ: первымъ—потому что не грезили ни объ нарядахъ, ни объ модахъ, но о томъ жалѣть нечего: вѣдь они и сами больны головою, однако не ломомъ, а пустотою въ головѣ; а вторымъ—потому что мы писали на лоскуткахъ, которыхъ они и въ руки не берутъ; они охотники до увѣсистыхъ книгъ, но по несчастію прекратившаяся скоропостижно наша болѣзнь не дала намъ времени сгромоздить ничего такого, что бы имъ руки обломить могло. Итакъ осталось намъ ожидать себѣ похвалы отъ однихъ здоровыхъ людей, но по несчастію ихъ очень мало. Прощайте, господа читатели, мы съ вами разговаривать не будемъ: здоровымъ изъ васъ желаемъ быть здоровыми и впредь, а больнымъ—скораго выздоровленія. Впрочемъ, вы черезъ наше излѣченье не лишитесь удовольствія забавляться разными нелѣпостями, отъ больныхъ содѣваемыми».

Прекращеніе журнала «Ни то ни сіо» вызвало насмѣшку надъ нимъ со стороны «Смѣси», которая въ 17-мъ листѣ помѣстила слѣдующую эпитафію:

Немного времени «Ни то ни сіо» трудилось,
Въ исходѣ февраля родившися на свѣтъ:
Вся жизнь его была единый только бредъ,

И въ блоху, [1]) наконецъ, въ іюлѣ преродилось;
А сею тварію, презрѣнно бывъ вездѣ,
Исчезло во своемъ убогонькомъ гнѣздѣ.

«Смѣсь», впрочемъ, и раньше недружелюбно относилась къ Рубану осмѣявъ его дѣятельность въ своемъ «Разсужденіи», въ которомъ авторъ послѣдняго играетъ словомъ р у б и т ь, пользуясь сходствомъ фамиліи Рубана съ этимъ словомъ:

Не будетъ тотъ столяръ, кто рубитъ лишь дрова,
Не будетъ тотъ пінтъ, кто русскія слова
Разрубитъ на куски и ремами окончитъ.
Кто рубитъ, кто клеитъ, кто стружетъ и кто точитъ,
То всякому изъ нихъ различны имена.
Такъ для чего жъ у насъ та вольность всѣмъ дана,
Что можетъ и рубачъ пінтомъ называться?
За имя же сіе рубачъ готовъ хоть драться
И, нарубивъ стиховъ, онъ мнитъ, что славенъ въ вѣкъ.
Такъ славенъ посему и всякій дровосѣкъ. [2])

Какъ бы то ни было, «Ни то ни сіо», несмотря на свои недостатки, разошлось сполна и въ 1771 году вышло вторымъ изданіемъ.

Къ этому времени прекратили свое существованіе всѣ петербургскіе журналы, и Рубанъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, не замедлилъ явиться передъ публикою съ новымъ еженедѣльнымъ изданіемъ, «Трудолюбивымъ Муравьемъ», который сталъ выходить со второй половины 1771 г. и въ томъ же году прекратился. Взявъ за образецъ «Трудолюбивую Пчелу» Сумарокова, но задавшись единственною цѣлью «увеселять» публику и тѣмъ доставить «сугубое удовольствіе себѣ и читателямъ, сидящимъ во скукѣ безъ еженедѣльныхъ новостей», Рубанъ приглашалъ въ сотрудники журнала «всѣхъ и каждаго», обѣщая печатать все, что только не будетъ идти въ разрѣзъ съ «здравымъ разсудкомъ и благопристойностію». Но благопристойность Рубана зашла уже слишкомъ далеко. Изъ программы своего журнала онъ исключилъ не только серіозную критику на общественныя явленія современной жизни, но даже и невинную сатиру.

Сотрудниками «Трудолюбиваго Муравья», кромѣ самого Рубана, были: В. И. Майковъ, Иванъ Вансловъ, М. Г. Спиридовъ, Димитрій Грозинскій,—архимандритъ спасскаго монастыря въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и многіе другіе лица, скрывшія свои имена подъ различными инніціалами. Не останавливаясь на содержаніи «Трудолюбиваго Муравья», отличительной чертой котораго являлась безсодержательность, упомянемъ, что

---

[1]) Намекъ на стихотвореніе «Блоха, изъ Овидіевыхъ фрагментовъ» напечатанное въ послѣднемъ листѣ журнала.

[2]) „Смѣсь", листъ 12-й, стр. 96.

большая часть статей его была лишена не только общественнаго, но и литературнаго интереса и состояла преимущественно изъ переводовъ французскихъ и латинскихъ писателей, выбранныхъ наудачу. Хотя Рубанъ и говорилъ въ послѣднемъ выпускѣ своего журнала, что онъ удостовѣрился во вниманіи къ нему публики «великимъ, бывшимъ налисты его, расходомъ, во все время своего теченія», но трудно допустить, чтобы публика, оставшаяся недовольною журналомъ «Ни то ни сіо», могла удовлетвориться «Трудолюбивымъ Муравьемъ», который отличался еще меньшими достоинствами, чѣмъ первое изданіе Рубана, и представлялъ изъ себя какой то безъидейный сбродъ, мало пригодный даже и для тѣхъ читателей, которые на литературу смотрѣли, какъ на «забаву въ скукѣ». Тѣмъ не менѣе, Рубанъ не отказался отъ мало свойственной ему роли журналиста и въ августѣ 1772 г. явился съ новымъ періодическимъ изданіемъ: «Старина и новизна», вторая и послѣдняя книжка которой вышла въ слѣдующемъ, 1773 году.

Содержаніе «Старины и новизны», представляющей собою подобіе альманаха, чрезвычайно разнообразно. Въ первой части этого сборника преобладаетъ литературный элементъ въ видѣ стихотвореній и повѣстей оригинальныхъ и переводныхъ; во второй части — историческій, состоящій изъ матеріаловъ и статей, касающихся преимущественно Россіи. Кромѣ того, въ сборникѣ Рубана отведено мѣсто духовному краснорѣчію, статистикѣ и даже педагогіи. Такая случайность содержанія объясняется тѣмъ, что, по словамъ самого Рубана, [1]) у него накопилось много «сочиненныхъ и переведенныхъ, прозаическимъ и стихотворныхъ разнаго содержанія небезполезныхъ рукописей», которыя онъ, «желая услужить публикѣ, къ чтенію книгъ охоту имѣющей, за пристойно почелъ издать въ свѣтъ», очевидно безъ всякой системы, сообразуясь только съ матеріаломъ, бывшимъ подъ руками. Въ числѣ сотрудниковъ «Старины и новизны» мы встрѣчаемъ Херсакова, княжну Е. С. Урусову, Георгія Конисскаго, М. Г. и А. Г. Спиридовыхъ, петербургскаго митрополита Гавріила Петрова, М. И. Веревкина, Н. Н. Бантыша-Каменскаго, Г. Н. Теплова и самого Рубана. Здѣсь же впервые появляется въ печати и имя Державина, помѣстившаго свой анонимный переводъ съ нѣмецкаго: «Ироида, или письмо Вивлиды къ Кавну».

Въ 1773 году Рубанъ изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ перешелъ на службу въ Сенатъ протоколистомъ Межевой экспедиціи, [2]) подъ начальство князя А. А. Вяземскаго бывшаго тогда генералъ-прокуроромъ, которому и посвятилъ вторую часть «Старины и новизны»

[1]) «Старина и новизна», ч. I. Предувѣдомленіе, стр. 3.

[2]) Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ на 1774 г., стр. 27.

за «благодѣянія», которыя получалъ отъ князя. [1]) Однако, служба Рубана въ Сенатѣ была непродолжительна. Уже въ началѣ 1774 г. Василій Григорьевичъ былъ приглашенъ Г. А. Потемкинымъ занять должность секретаря [2]) и несъ эту обязанность безпрерывно въ теченіе 18-ти лѣтъ. Самъ Рубанъ такъ вспоминаетъ о службѣ у Потемкина въ своемъ письмѣ къ А. Н. Самойлову, отъ « » января 1794 г., сохранившемся въ черновыхъ рукописяхъ:

Осмнадцать лѣтъ при немъ я безпрерывно былъ,
Прежъ Турчанинова, Вершницкаго, Чулкова,
Бушуева и ихъ преемника Попова;
Я изъ сенатскихъ взятъ къ нему секретарей,
Правителемъ его былъ письменныхъ идей.
И въ прозѣ, и въ стахахъ и день, и ночь трудяся,
Нерѣдко бодрствовалъ, спать сутки не ложася;
Чрезъ то и зрѣніе, и слухъ мой потерялъ,
И болѣе служить уже не въ силахъ сталъ.

Рубанъ умѣлъ жить въ ладу съ своимъ начальникомъ,

Зрѣлъ милости его и гнѣвы иногда.
Но гнѣвы мнѣ его не принесли вреда.

пишетъ онъ къ тому же графу Самойлову. Потемкинъ любилъ своего секретаря и сбирался наградить его за усердную службу помѣстьемъ, но намѣреніе это, за смертію князя, не осуществилось, о чемъ и упоминаетъ Рубанъ въ своемъ рукописномъ посланіи къ П. Б. Пассеку:

Пять тысячъ четвертей земли мнѣ князь Тавриды
Давалъ, но на письмѣ ея лишь зрятся виды;
Въ помѣстье-жъ не пришла сія поднесь мнѣ часть,
И я не знаю, кто пріялъ ее во власть,
Или казенною она осталася понынѣ.

Въ 1775 году, когда Потемкинъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Новороссійской, Азовской и Астраханской губерній, онъ взялъ съ собою и Рубана, какъ человѣка уже знакомаго съ югомъ Россіи во время службы у Никитина перевоза [3]). 20-го сентября

---

[1]) Въ 1793 году Рубанъ почтилъ умершаго князя слѣдующей эпитафіей, сохранившейся въ рукописи:

Сей царства Росскаго законы и доходы
Въ порядокъ приведя, распредѣлилъ на роды,
Любилъ и ободрялъ наградами Парнассъ,
И вѣрный былъ по смерть Екатерины глазъ.

[2]) П. Ѳ. Карабановъ. Историческіе разсказы и анекдоты („Р. Старина" 1872 г., т. V, стр. 467).

[3]) Мѣсяцесловъ на 1776 г., стр. 262.

1777 г. Рубанъ былъ произведенъ въ надворные совѣтники и, оставаясь секретаремъ Потемкина, назначенъ исправляющимъ должность директора Новороссійскихъ училищъ [1]). Но директорство было непродолжительно, судя по тому, что въ мѣсяцесловѣ на 1780 г. Рубанъ уже не показанъ въ этой должности. Замѣтимъ, что къ этому времени относится знакомство Рубана съ княземъ А. А. Безбородко, съ которымъ сблизила его любовь къ родной для нихъ обоихъ Украйнѣ.

Съ назначеніемъ Потемкина президентомъ Военной коллегіи, 13-го декабря 1784 г. былъ помѣщенъ туда и Рубанъ въ качествѣ завѣдывающаго иностранной перепиской и переводчика съ польскаго языка дѣловыхъ бумагъ [2]). Въ рукописномъ посланіи къ графу П. А. Зубову, отъ 23-го января 1794 г., поздравляя послѣдняго съ назначеніемъ въ члены Военной коллегіи, Рубанъ говоритъ:

Въ Военной бо и я совѣтникомъ служу,
Но не совѣтую, а только превожу
На русскій польскіе патенты и дѣла.

Переводчикомъ въ Военной коллегіи Рубанъ находился до самой смерти своей, дослужившись до чина коллежскаго совѣтника, который получилъ 12-го февраля 1786 г.

Покончивъ въ 1773 году съ «Стариной и новизной», Рубанъ уже навсегда оставилъ поприще журналиста и направилъ свою дѣятельность на изданіе книгъ историческаго содержанія, памятниковъ русской литературы и другихъ сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, своихъ и чужихъ, по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній. На ряду съ этимъ онъ продолжалъ заниматься своимъ излюбленнымъ стихотворствомъ и переводами, преимущественно древнихъ классиковъ, сотрудничая въ петербургскихъ журналахъ: «Собраніе новостей» (1776 г.), «Утренній свѣтъ» (1779 г.), «С.-Петербургскій Вѣстникъ» (1780 г.), «Растущій виноградъ» (1786 г.) и «Новыя ежемѣсячныя сочиненія» (1791—1796 гг.) [3]).

---

[1]) Мѣсяцесловъ на 1778 г., стр. 346.

[2]) Свѣдѣніе это сообщено намъ С. Н. Перетерскимъ, бывшимъ начальникомъ общаго архива главнаго штаба.

[3]) Изъ чужихъ трудовъ Рубаномъ были изданы: 1) „Китайскій мудрецъ или наука жить благополучно въ обществѣ". Пер. съ франц. Спб. 1773; 2-е изд. 1777; 3-е изд. 1785. Изъ предисловія Рубана видно, что переводъ этого сочиненія приписывался сенатскому протоколисту Степану Прокофьевичу Колосову, уже въ то время умершему; 2) „Энеида" Виргилія, пер. съ лат. В. Санковскаго, съ комментаріями Рубана. Спб. 1775; 3) „Слово о промыслѣ Божіи", Гавріила Бужинскаго, произнесенное 11-го октября 1720 года. Спб. 1776; 4) „Путешествіе англійскаго лорда Балтимура изъ Константинополя въ

Избравъ новый путь посильнаго служенія обществу посредствомъ распространенія въ немъ полезныхъ книгъ научнаго содержанія, Рубанъ, какъ ревностный патріотъ, прежде всего обратилъ вниманіе на свою родину [1]), а за тѣмъ на «Любопытные мѣсяцесловы» на 1775, 1776, 1778 и 1780 гг. Всѣ они печатались въ Петербургѣ, за исключеніемъ «Московскаго любопытнаго мѣсяцеслова» на 1776 годъ. Кромѣ

Лондонъ". Пер. съ англ. С. И. Плещеева. Спб. 1776; 2-е изд. 1778; 5) „Исторія философическая", Фр. Генцкенія. Пер. съ лат. Кирилла Быстрицкаго. Спб. 1781; 6) Гимназическій или семинарскій, то-есть школьный наставникъ учащагося юношества", Генриха Милса. Пер. съ лат. Гавр. Данкова. С.-Петербургъ. 1781.

[1]) Въ 1773 году онъ напечаталъ въ Петербургѣ „Краткія географическія, политическія и историческія извѣстія о Малой Россіи", съ приложеніемъ почтовыхъ и дорожныхъ свѣдѣній, списка духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, находящихся на службѣ въ Украйнѣ и различныхъ статистическихъ данныхъ. Книга Рубана имѣла успѣхъ и въ 1777 году вышла вторымъ дополненнымъ изданіемъ. Въ этомъ же году (у Сопикова ошибочно указанъ 1779 г.) была издана Рубаномъ въ Петербургѣ и „Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ, съ изъявленіемъ настоящаго образа тамошняго правленія и съ пріобщеніемъ списка прежде бывшихъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и іерарховъ, тако жъ землеописанія, съ показаніемъ городовъ, рѣкъ, монастырей, церквей, числа людей, извѣстій о почтахъ и другихъ нужныхъ свѣдѣній". Эта книга была издана на средства П. К. Хлѣбникова, служившаго въ штатѣ гетмана Малороссіи графа К. Г. Разумовскаго, и посвящена графу П. А. Румянцову-Задунайскому.

Въ предисловіи Рубанъ говоритъ, что лѣтопись Малороссіи до 1734 г была получена имъ отъ Георгія Конисскаго; позднѣйшія же событія были дополнены А. А. Безбородко, которому принадлежитъ и „изявленіе образа правленія", а также списки гетмановъ, генеральныхъ старшинъ и полковниковъ; землеописаніе же и іерархія сообщены были кѣмъ-то изъ Украйны. Безбородко дѣйствительно принималъ живѣйшее участіе въ изданіи „Краткой лѣтописи" и собиралъ отовсюду матеріалы, а впослѣдствіи хотѣлъ, вмѣстѣ съ Рубаномъ, приступить къ составленію полной исторіи Малороссіи, какъ это видно изъ писемъ его къ отцу въ 1776 и 1778 гг. Трудомъ Рубана пользовался Д. Н. Бантышъ-Каменскій при изданіи своей „Исторіи Малой Россіи" (1822 и 1842 гг.).

Въ томъ же году, какъ и „Краткая лѣтопись", издано было въ Петербургѣ, въ видѣ дополненія къ ней, „Землеописаніе Малыя Россіи". Начинается оно топографическимъ очеркомъ Малороссіи, а затѣмъ слѣдуетъ статистика полковыхъ и сотенныхъ городовъ и мѣстечекъ съ числомъ жителей въ городахъ и въ каждомъ полку отдѣльно. Подробнѣе другихъ описанъ Полтавскій полкъ; къ его описанію приложено еще дополненіе, содержащее въ себѣ краткія историческія свѣдѣнія о 15-ти городахъ этого полка. Затѣмъ идутъ почтовыя свѣдѣнія, статистика церквей и монастырей. Для удобства справокъ, къ „Землеописанію" приложенъ алфавитный географическій указатель

чисто календарныхъ и почтовыхъ свѣдѣній [1]), они заключаютъ въ себѣ: лѣтопись историческихъ событій и изобрѣтеній, свѣдѣнія о медаляхъ, орденахъ, генеалогическія таблицы русскихъ государей [2]), статьи по географіи, астрономіи, морскому дѣлу. Но самое важное мѣсто въ «Мѣсяцесловахъ» занимаетъ исторія русской духовной іерархіи и историко-статистическій отдѣлъ, въ которомъ описываются намѣстничества, губерніи, города, села, епархіи, монастыри, церкви, кладбища, духовныя училища, аптеки и типографіи, сообщаются свѣдѣнія о торговлѣ и податныхъ сословіяхъ [3]).

Говоря о болѣе выдающихся историческихъ трудахъ Рубана, слѣдуетъ упомянуть и о его «Начертаніи, подающемъ понятіе о достославномъ царствованіи Петра Великаго», напечатанномъ въ 1778 году въ Петербургѣ, съ посвященіемъ графу З. Г. Чернышеву. Послѣ вступленія, въ которомъ представлена картина состоянія Россіи при Грозномъ, Алексѣѣ Михайловичѣ и правительницѣ Софьѣ, Рубанъ въ краткомъ очеркѣ описываетъ государственную дѣятельность Петра Великаго. Къ этому очерку приложенъ хронологическій перечень «знатнѣйшихъ приключеній его жизни», начиная съ дня рожденія до самой смерти! Трудъ Рубана, по отзыву Е. Ф. Шмурло, написанъ отчасти подъ вліяніемъ иностранныхъ пособій и не лишенъ промаховъ, но имѣетъ то достоинство, что отличается равномѣрностью въ распредѣленіи матеріала касающагося внѣшней и внутренней исторіи Петровскаго царствованія [4]).

Собирая матеріалы для своего «Начертанія», Рубанъ напалъ на рукописную исторію Петербурга, составленную Богдановымъ, и рѣшился издать. трудъ Богданова, снабдивъ его собственными дополненіями. Въ 1779 году онъ и былъ напечатанъ подъ заглавіемъ: «Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 годъ». Книга посвящена

---

[1]) Къ числу отдѣльныхъ изданій Рубана по почтовому дѣлу относятся: а) „Дорожникъ чужеземный и россійскій". Спб. 1777; б) „Всеобщій и совершенный гонецъ и путеуказатель". Спб. 1791; изд. 2-е Спб. 1793; изд. 3-е Спб. 1808.

[2]) Позднѣе Рубанъ издалъ по тому же вопросу: а) „Историческую табель владѣтельныхъ великихъ князей, царей и императоровъ всероссійскихъ". Спб. 1782; б) „Россійскій царскій памятникъ, содержащій по азбучному порядку краткое описаніе жизни Россійскихъ государей". Спб. 1783 (выдержалъ 6 изданій); в) „Краткій степенникъ владѣтельныхъ великихъ князей, императоровъ и императрицъ всероссійскихъ". Спб. 1786.

[3]) Въ 1785 году Рубанъ издалъ въ Петербургѣ подобный же историко-статистическій трудъ свой: „Изъявленіе по полосамъ губерній, намѣстничествъ и областей всей Россійской имперіи".

[4]) „Петръ Великій въ русской литературѣ". Спб. 1889 г., стр. 93.

вставлялъ дополненія, заимствованныя изъ различныхъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій, а также налагалъ свою руку и на слогъ автора, стараясь вводить современныя и болѣе изысканныя выраженія. Рисунки же и чертежи, приложенные къ рукописи Барскаго, въ изданіи Рубана были опущены, на томъ основаніи, что «всѣ видѣнныя сочинителемъ мѣста столь обстоятельно и живо описаны, что и безъ рисунковъ читатель совершенное понятіе пріобрѣсть можетъ [1]).

Въ 1783 году, получивъ отъ А. В. Олешева списокъ «Путешествія московскаго купца Трифона Коробейникова съ товарищи въ Іерусалимъ, Египетъ и къ Синайской горѣ въ 1583 году», Рубанъ не замедлилъ напечатать и этотъ памятникъ, въ Петербургѣ. Съ изданіемъ Коробейникова случилось почти то же, что и съ Барскимъ. Хотя въ предисловіи Рубанъ и распространяется о своемъ желаніи «соблюсть во всей точности древнее сказаніе», но по свидѣтельству И. П. Сахарова, занимавшагося сличеніемъ рукописей «Путешествія Коребейникова», въ Рубановскомъ изданіи замѣчаются иногда произвольныя вставки и исправленія въ слогѣ [2]). Издавая въ свѣтъ этотъ памятникъ, Рубанъ не былъ увѣренъ въ принадлежности его Коробейникову, что видно изъ предисловія къ «Путешествію». Сомнѣнія Рубана оказались справедливыми и въ настоящее время разрѣшены Х. М. Лопаревымъ, подъ редакціей котораго напечатано «Хожденіе» Коробейникова въ 27-мъ выпускѣ «Православнаго Палестинскаго сборника» (1888 г.). Давая подробный обзоръ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ въ печати о Коробейниковѣ, г. Лопаревъ пришелъ къ тому выводу, что памятникъ, изданный Рубаномъ, есть пересказъ въ большей мѣрѣ записокъ паломника 1552 г. Василія Познякова.

Послѣдніе годы своей жизни Рубану пришлось вести постоянную борьбу съ болѣзнями и нуждой [3]). Всѣ его стихотворныя посланія, относящіяся къ этому времени, проникнуты горькимъ сознаніемъ полнаго своего одиночества, вѣчной нужды и приближающейся смерти. Чтобы сколько-нибудь обезпечить свое матеріальное положеніе, Рубанъ обращался нѣсколько разъ къ А. Н. Самойлову, графу Н. И. Салтыкову и къ другимъ вельможамъ, прося исходатайствовать ему пенсію. Такъ,

---

[1]) „Путешествіе“ Барскаго выдержало много изданій, но безукоризненнымъ можетъ считаться только изданіе Православнаго палестинскаго общества, по подлинной рукописи, подъ редакціей Н. П. Барсукова: „Странствованія Василія Григоровича-Барскаго по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 гг.“ Спб., 1885—1887

[2]) „Сказанія русскаго народа“, т. II, Спб., 1849, стр. 136.

[3]) Въ 1794 году Рубанъ издалъ свой довольно гладкій переводъ сочиненія Мартина Баумгартена: „Посѣтитель и описатель святыхъ мѣстъ, въ трехъ частяхъ свѣта состоящихъ“.

28-го августа 1794 г., за годъ съ небольшимъ до смерти, онъ писалъ графу Салтыкову:

...Не лишнихъ требую при старости наградъ,
Но чтобъ коллежскихъ мнѣ совѣтниковъ окладъ
Какой въ семъ городѣ по штатамъ утвердила [1]),
Чтобъ оный дать и мнѣ по смерть опредѣлила,
Или, яснѣй сказать, чтобъ до послѣднихъ дней
Мнѣ семьсотъ пятьдесятъ въ годъ пенсіи рублей
Высокимъ повелѣть изволила указомъ,
И чтобъ уволенъ я военнымъ былъ приказомъ
Отъ службы, ибо я и слѣпъ уже, и глухъ,
Лишился зрѣнія и потерялъ мой слухъ [2]).

Просилъ онъ также и о томъ, чтобы ему дали клочекъ земли, на которомъ онъ, вѣроятно, хотѣлъ провести остатокъ дней своихъ. Когда П. Б. Пассекъ былъ избранъ президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества, Рубанъ написалъ ему поздравленіе, въ которомъ, между прочимъ говорилъ:

Я бобылемъ живу и въ горестной судьбинѣ
И нанимаю домъ, хоть не весьма хорошъ,
Доколѣ есть еще въ карманѣ царскій грошъ;
Своей же нѣтъ земли ни четверти аршина.
Наслѣдіе мое—всѣхъ улицъ грязь и тина,
Котору всякій день ногами я мѣшу...

Однако, оба желанія Рубана остались неисполненными. По крайней мѣрѣ въ позднѣйшихъ стихахъ своихъ къ разнымъ лицамъ онъ продолжалъ жаловаться на свою необезпеченность, а также на болѣзнь, тоску и одиночество. Друзья Рубана старались его ободрить и совѣтовали уѣхать изъ Петербурга. Ѳеоктистъ, епископъ Курскій, звалъ его въ Украйну; С. Г. Зоричъ приглашалъ его къ себѣ въ Шкловъ, при чемъ выслалъ даже 300 рублей на проѣздъ [3]). Но Рубанъ не могъ уже ѣхать и 24-го сентября 1795 г. скончался. Онъ не оставилъ послѣ себя ничего, кромѣ долговъ, для уплаты которыхъ скромное имущество его, состоявшее главнымъ образомъ изъ книгъ, было продано съ молотка [4]). Рубанъ былъ похороненъ на кладбищѣ Большой Охты [5]), но могилы его уже давно не существуетъ [6]). Сохранился портретъ Рубана,

---

[1]) Т. е. императрица

[2]) Рукописи. Импер. Пуб. Библ. F, XIV, № 46.

[3]) Письмо Зорича отъ 8-го марта 1795 г. (Рукопись, F. XIV, № 46).

[4]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1795 г., № 89, стр. 2004.

[5]) По свидѣтельству И. К., лично знавшаго Рубана („Сынъ Отечества“ 1821 г., ч. 71, № 30, стр. 191).

[6]) А. Н. Неустроевъ. В. Г Рубанъ, Спб., 1896 г., стр. 7.

писанный въ 1786 году масляными красками Алексѣемъ Клепиковымъ, находящійся въ конференцъ-залѣ Академіи Наукъ [1]). Рубанъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ Вольнаго россійскаго собранія при Московскомъ университетѣ, открывшагося 2-го августа 1771 г. [2]), а съ 6-го сентября 1777 г. вступилъ въ члены Вольнаго Экономическаго Общества [3]).

Между современниками, Рубанъ былъ извѣстенъ прежде всего какъ стихотворецъ-панегиристъ, прославлявшій сильныхъ міра сего, своихъ покровителей. И дѣйствительно, Рубанъ не пренебрегалъ покровительствомъ вельможъ-меценатовъ, въ чемъ легко можно убѣдиться изъ его многочисленныхъ печатныхъ и рукописныхъ посланій, одъ, надписей на разные случаи частной и общественной жизни разныхъ милостивцевъ. Эта неумѣренность въ восхваленіи послѣднихъ сдѣлала то, что нѣкоторые собратья по стихотворству обвиняли Рубана въ пресмыкательствѣ съ корыстолюбивыми цѣлями. Такъ, графъ Д. И. Хвостовъ, самъ далеко не чуждый искательнаго духа, говорилъ, что Рубанъ «не иначе восходилъ на Парнасъ, какъ для прославленія богатыхъ и знатныхъ особъ» [4]). Еще болѣе ранній современникъ Рубана, В. В. Капнистъ, въ своей «Сатирѣ первой», далъ такой рѣзкій отзывъ о немъ:

Но можно ли какимъ спасительнымъ закономъ
Принудить Рубова мириться съ Аполлономъ,
Не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ
И рыломъ не мутить Кастальскихъ чистыхъ водъ? [5]).

Фактъ, подмѣченный современниками, остается фактомъ; но нѣкоторымъ оправданіемъ для Рубана можетъ служить бѣдность, которая волей-неволей заставляла его преклоняться предъ богатствомъ и знатностью. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе, что въ XVIII вѣкѣ, и даже значительно позже, подобное преклоненіе не считалось вообще предосудительнымъ. Многіе русскіе писатели не только считали обязанностію прославлять своихъ меценатовъ, но не гнушались принимать отъ нихъ и подарки деньгами и вещами. На такого рода подарки мы находимъ любопытныя указанія и въ бумагахъ Рубана, которому то и дѣло приходилось писать благодарственныя посланія своимъ покровителямъ. Напримѣръ, онъ благодарилъ извѣстнаго богача С. С. Яковлева за шубу и муфту,

[1]) Копія съ этого портрета приложена къ настоящей книжкѣ «Русской Старины».

[2]) „Опыты трудовъ вольнаго россійскаго собранія", М., 1775, стр 17.

[3]) Продолженіе „Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества", 1779 г., ч. I. Реестръ членамъ.

[4]) „Русская Старина" 1892 г., т. LXXV, стр. 425.

[5]) „С.-Петербургскій Вѣстникъ" 1780, іюнь, стр. 446.

митрополита Гавріила—за бутылку меду, графиню Е. А. Мусину-Пушкину—за три пары манжетъ, Даева—за нюхательный табакъ, С. Г. Зорича—за 300 рублей, графа П. И. Панина—за бархатъ и т. д., и т. д.

Помимо пользы, которую Рубанъ извлекалъ изъ занятій своихъ стихотворствомъ, послѣднее служило ему и удовлетвореніемъ страсти къ сложенію стиховъ, которою онъ былъ одержимъ почти въ равной степени съ своимъ критикомъ, графомъ Хвостовымъ. Стихотворная производительность Рубана простиралась до огромныхъ размѣровъ, выражаясь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Дѣло доходило до того, что даже частная переписка велась съ его стороны не прозою, а стихами. Сохранился разсказъ, записанный П. Ѳ. Карабановымъ о томъ, какъ Потемкинъ, знавшій слабость своего секретаря, предложилъ ему однажды написать въ Соляную контору вмѣсто отношенія стихотворное посланіе о выдачѣ 10.000 рублей [1]). Иногда случалось, что въ одинъ день Рубанъ сочинялъ по нѣсколько стихотвореній; даже во время своей предсмертной болѣзни онъ не пропускалъ почти дня, чтобы не написать кому-нибудь поздравленія, письма въ стихахъ и т. п. Нельзя, однако заключать изъ этого, что Рубану легко доставалось его стихотворство. Онъ часто по многу разъ измѣнялъ тотъ или другой стихъ, а иногда и цѣлое стихотвореніе передѣлывалъ съ начала до конца. Само собою разумѣется, что Рубанъ не былъ поэтомъ, какъ и большинство русскихъ стихотворцевъ того времени, наводнявшихъ нашу литературу одами, эпистолами, всевозможнаго рода пѣснями и видѣвшихъ поэзію въ риѳмѣ. Рубанъ выработалъ въ себѣ только навыкъ и, пользуясь излюбленнымъ пріемомъ того времени, почти всегда примѣнялъ риторическое сравненіе въ своихъ одахъ. Эта риторика, замѣнявшая искреннее чувство, дѣлала оды Рубана тяжелыми и искуственными. Почти то же самое можно сказать и о надписяхъ его [2]), изъ которыхъ большую извѣстность получила «Надпись къ камню, назначенному для подножія статуи императора Петра Великаго» [3]):

Колосъ Родосскій! свой смири прегордый видъ,
И нильскихъ зданія высокихъ пирамидъ
Престаньте болѣе считаться чудесами:
Вы—смертныхъ бренными содѣланы руками!
Нерукотворная здѣсь росская гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Прешла во градъ Петровъ чрезъ невскія пучины
И пала подъ стопы Великаго Петра.

---

[1]) „Русская Старина“ 1872 г., т. V, стр. 467.

[2]) Отдѣльное изданіе ихъ вышло въ Петербургѣ, въ 1771 году.

[3]) Издана въ Петербургѣ въ 1770 году отдѣльнымъ листкомъ. Напечатана также въ „Описаніи Петербурга“, стр. 216.

Эта надпись долгое время считалась образцовою и создала «славу» Рубану. Она приведена и Державинымъ въ его «Разсужденіи о лирической поэзіи» [illegible] г., въ примѣръ «[illegible]», а также во многихъ сборникахъ и хрестоматіяхъ, какъ образецъ стихотвореній этого рода. Однако, несмотря на свое относительное достоинство, надпись Рубана вызвала насмѣшки со стороны Хемницера, который написалъ по этому поводу двѣ эпиграммы [1]). Въ связи съ надписью на памятникъ Петру I находится и слѣдующее стихотвореніе Рубана, сохранившееся въ бумагахъ его и представляющее горькую насмѣшку надъ своею литературною извѣстностью:

Къ Фебу, при отдачѣ стиховъ на камень.

Мнѣ камень славу далъ, а прочимъ—вѣчный хлѣбъ:
При славѣ дай и мнѣ кусочекъ хлѣбца, Фебъ,
Да не истлѣетъ весь отъ глада лирный пламень!
Внемли моленьямъ, Фебъ! Не буди твердъ, какъ камень!
Ты видишь самъ, что я жизнь бѣдную влачу
И щедростей твоихъ воспѣть не премолчу.

Обозрѣвая литературную дѣятельность Рубана, мы видимъ, что, какъ бездарный стихотворецъ, онъ получилъ отрицательную извѣстность у современниковъ и полное забвеніе въ потомствѣ. Рубанъ оказался и плохимъ журналистомъ, потому что не понималъ прогрессивнаго духа своего времени, отличительной чертой котораго было критическое отношеніе къ жизни, выразившееся въ литературѣ стремленіемъ къ сатирѣ. Чуждаясь обсужденія современныхъ вопросовъ, Рубанъ преподносилъ читателямъ или образцы легкой литературы, или сухіе историческіе матеріалы, и потому періодическія изданія его являлись скучными сборниками, а не органами современной общественной жизни. Отсутствіе свѣжаго, жизненнаго элемента въ журналахъ Рубана тѣмъ болѣе должно было бросаться въ глаза, что въ это же время дѣйствовалъ Новиковъ и другіе издатели сатирическихъ журналовъ. Но въ литературной дѣятельности Рубана была область, въ которой ему посчастливилось болѣе, нежели въ предыдущихъ, и благодаря которой имя его сохранилось въ памяти потомства. Мы разумѣемъ труды Рубана по отечественной исторіи, статистикѣ и географіи, въ особенности Малороссіи, а также изданія литературныхъ памятниковъ. Работая въ этомъ направленіи онъ положилъ много труда и энергіи и, конечно, изъ любви къ дѣлу, а не изъ корыстныхъ цѣлей. Правда, что труды его въ этой области не отличались строго научными пріемами, но Рубанъ и не

---

[1]) Сочиненія И. И. Хемницера. С.-Петербургъ 1873, стр. 362.

былъ ученымъ, а только диллетантомъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что во времена Рубана даже среди присяжныхъ русскихъ ученыхъ не всѣ изъ нихъ имѣли ясное представленіе о требованіяхъ строгой науки. Дѣятельность Рубана сводилась главнымъ образомъ къ обнародованію историко-географическихъ матеріаловъ, безусловно полезныхъ въ научномъ отношеніи и для современниковъ, и въ особенности для потомства. Въ дѣлѣ собиранія этихъ то матеріаловъ Рубанъ и занимаетъ довольно видное мѣсто среди многочисленныхъ «трудолюбивыхъ муравьевъ» Екатерининскаго времени.

В. Л. Модзалевскій.

Письмо императора Александра I къ князю Платону Александровичу Зубову.

24-го декабря 1801 года, С.-Петербургъ.

Князь Платонъ Александровичь. Снисходя на прошеніе ваше я позволяю вамъ путешествовать въ чужіе краи, пребывая въ прочемъ вамъ благосклонный.

Собственноручное письмо императора Александра I къ князю Платону Александровичу Зубову.

1-го іюля 1802 года, С.-Петербургъ [1]).

Князь Платонъ Александровичь. Имелъ я удовольствіе получить письмо ваше и буду на оное ответствовать съ темъ чистосердечіемъ съ коимъ я обыкъ всегда говорить. Ваше возвращеніе въ Россію подастъ неминуемо поводъ думать что вы уклоняетесь отъ кончательняго решенія дела съ Елгудомъ, темъ более что слово ваше дано явнымъ образомъ въ письмѣ вашемъ къ нему и которое всемъ зделалось известно. Я уверенъ что вы сами почувствуетѣ оное въ полной мерѣ. Благодарю васъ искренно за присланныя бумаги; я оными нынѣ занимаюсь съ крайнимъ любопытствомъ и удовольствіемъ. Желая вамъ всякаго успеха и благополучія пребываю на всегда вамъ доброжелательной.

[1]) Печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго.

(Переписка его съ разными лицами [1]).

24.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

Флоренція, 21-го января (2-го февраля) 1857 г.,
понедѣльникъ. Lungo l'Arno, ponte Trinita.

Ваше императорское высочество.

Не смѣя, безъ разрѣшенія вашего высочества, пріѣхать въ Ниццу, чтобы лично привѣтствовать благополучное ваше туда прибытіе, пріемлю смѣлость встрѣтить васъ представляемымъ при семъ трудомъ, котораго дозвольте объяснить и происхожденіе.

Отдыхая за границею для возстановленія своихъ силъ,—мыслями я постоянно посреди того, что̀ совершается теперь въ дорогомъ нашемъ отечествѣ. Придумываю, обдумываю, разбираю! Недавно прислали ко мнѣ сюда изъ канцеляріи морскаго министерства Проектъ устройства каспійскихъ портовъ [2]), и я немедленно принялся за чтеніе, а, между тѣмъ, у меня приводятся уже въ порядокъ замѣтки мои на первые два проекта.

Какъ бы въ исполненіе руской пословицы, что: «умъ хорошъ, а два лучше», ваше высочество изволите призывать многихъ извѣстныхъ

---

[1]) См. „Русскую Старину", іюль 1897 г.

[2]) Долженъ замѣтить, что отношеніе канцеляріи ко мнѣ отъ 4-го декабря, а я получилъ здѣсь 3-го января. Въ Вѣнѣ къ конверту приложена австрійскаго почтамта печать и сдѣлана надпись, что русская казенная прибыла туда будто-бы взломанною.

вамъ лицъ какъ морскаго, такъ и постороннихъ вѣдомствъ, выразить на проекты откровенно свои взгляды. Мѣра великодушная! Мѣра превосходная! Путь вѣрный, чтобъ изъ суммы многихъ мнѣній, взглядовъ и разборовъ вышло что-нибудь дѣльное.

Такой способъ дѣйствій по преобразованію морской части, навелъ меня на мысль, которой я—во имя той откровенности, съ какою имѣютъ доступъ къ вашему высочеству всѣ благія побужденія, прошу милостиваго вниманія.

Безъ претензій на то, чтобы моя мысль имѣла ходъ, я и не облекаю ея въ форму записки, а представляю статью изъ моего дневника въ томъ видѣ, какъ она вылилась у меня съ пера.

По разбору же проектовъ обязываюсь доложить, что на первые два—замѣчанія у меня почти уже готовы. Составленную по этому предмету записку я раздѣляю на три отдѣла:

Въ первомъ — излагаю: какъ, по моимъ понятіямъ, должно бы исполняться вообще дѣло устройства какого бы то министерства ни было;

во второмъ — подвожу подъ эти понятія дѣло переустройства морскаго и бросаю общій взглядъ на проекты съ выводами: въ какой мѣрѣ они выполняютъ, или не выполняютъ требованій моихъ понятій;

и въ третьемъ (на особыхъ листкахъ, какъ предписано)—замѣтки мои на каждую часть, либо на каждую статью проектовъ отдѣльно.

Безъ переписчика я затрудненъ здѣсь буду только въ перебѣленіи сего послѣдняго отдѣла записки—довольно много объемнаго. Первые же два,—на немногихъ листахъ, перебѣлю самъ и по окончаніи поспѣшу имѣть честь представить вашему императорскому высочеству, лично, либо пересылкою—какъ и куда приказать изволите.

Между тѣмъ, дозвольте испросить теперь же милостиваго разрѣшенія, какъ поступить мнѣ въ нижеслѣдующемъ обстоятельствѣ.

Исходатайствованный мнѣ вашимъ высочествомъ годовой отпускъ—по сроку паспорта—кончается 1-го мая сего года, а по выѣзду моему изъ Петербурга—20-го. Курсъ леченія въ Киссингенѣ и Діеппѣ оказалъ пользу. Для радикальнаго же результата необходимо два курса сряду и мнѣ совѣтуется: весною еще разъ попить недолго Ragozzi и вмѣсто Діеппа покупаться въ Вильдбадѣ. На эти оба курса потребно не менѣе 8 недѣль. Начавъ самое раннее леченіе, т. е. съ 1-го мая, я долженъ буду просрочить отпускъ. Могу ли я надѣяться на всемилостивѣйшее дозволеніе возвратиться въ первыхъ числахъ іюля? Соизволите ли, ваше высочество, быть снова ко мнѣ столько милостивымъ, чтобы испросить высочайшее на просрочку разрѣшеніе? Или, по отсутствію вашему изъ Россіи, прикажете мнѣ обратиться объ этомъ къ

управляющему морскимъ министерствомъ генералъ-адъютанту барону Врангелю, къ которому я тотчасъ бы написалъ отсюда.

Въ ожиданіи, для дальнѣйшихъ моихъ здѣсь дѣйствій, благосклонныхъ приказаній вашего высочества, съ чувствами глубочайшаго уваженія и неизмѣнной преданности имѣю честь быть и проч.

Выписка изъ дневника статсъ-секретаря Комовскаго.

Флоренція 6-го (18-го) января 1857 года (воскресенье).

...Принятый способъ устройства морской части навелъ меня на мысль, которую и спѣшу внести въ мой дневникъ. Ежели не теперь, то можетъ быть современемъ она пригодится.

Россія закипѣла новою, молодою дѣятельностію! На многое уже обращено полезное вниманіе!.. Безпрестанно читаешь въ газетахъ о новыхъ учрежденіяхъ, постановленіяхъ, преобразованіяхъ!.. Предприняты гигантскія работы! Родной, громадный нашъ корабль чинится, подновляется, тимбируется, словомъ: капитально исправляется! Нельзя не сознаться, что трудъ обширный, сложный; что одному строителю съ его ближайшими помощниками не легко съ нимъ справиться!..

«Да вѣдь гдѣ-жъ, родимый, одному все видѣть?» выразился недавно поэтъ Бенедиктовъ въ прекрасной патріотической пьесѣ, напечатанной въ русскихъ газетахъ... Конечно нельзя. Нужно побольше сотрудниковъ, нужно побольше работниковъ!.. Они и призываются. Работники ужъ и явились съ молодыми энергическими силами!.. Дай Богъ царю счастья въ выборѣ! Пошли ему Царь небесный въ помощь работниковъ умныхъ, честныхъ, усердныхъ, ему и благому дѣлу преданныхъ!..

Изъ всего, что доходитъ до моего свѣдѣнія здѣсь на чужбинѣ, я вижу, что ломка ужъ началась, начались исправленія, начались преобразованія! Словомъ, Россія начала устраиваться по требованіямъ времени, по указаніямъ опытовъ. А опытовъ и испытаній было много у нея!... Общее вниманіе подстрекнуто. Надежды всѣхъ—возбуждены. Ожиданія каждаго—нетерпѣливы. Увѣренность въ благоустройствѣ—разлита повсюду, отъ высшаго слоя понятій до низшаго! Общественное мнѣніе, которое такъ чутко, которое всегда насторожѣ, и до сихъ поръ рѣдко снисходительное, только и ждетъ исполненій, чтобы выразиться радостно или грустно!..

Начнутся скоро и исполненія предпринятаго! Надо будетъ ими оправдать обѣщанное; надо будетъ съ каждымъ своимъ трудомъ идти

*

безукоризненно и смѣло на встрѣчу къ этому неумолимому общественному мнѣнію!

Вотъ тутъ-то и мудрость задачи!.. Чѣмъ живѣе, чѣмъ сильнѣе вниманіе, надежды, ожиданія и увѣренность,—тѣмъ строже, тѣмъ придирчивѣе будутъ сужденія! А потому-то и нужно, кажется, быть крайне осторожнымъ, чрезвычайно осмотрительнымъ, обстоятельнымъ и въ особенности на первыхъ порахъ, предпринимая коренныя переустройства. Отъ обдуманности и основательности первыхъ опытовъ зависитъ не только собственный ихъ успѣхъ на дѣлѣ, но также (что не менѣе важно) и довѣріе Россіи къ прочности всѣхъ грядущихъ преобразованій!.. Этими первыми шагами долженъ заключиться тѣсный и полезный союзъ общественнаго мнѣнія съ избранными строителями въ Россіи! Ими только можетъ упрочиться и то довѣріе, которое необходимо для успѣха будущихъ переустройствъ!.. А чтобы не дать повода къ разрыву этого союза, чтобы не пошатнуть довѣрія и къ предположеннымъ еще работамъ,—не должно: ни затѣвать многаго разомъ, ни—особенно—торопиться исполнять затѣянное. «Три раза примѣрь, да разъ отрѣжь», — говоритъ мудрая русская пословица. Есть еще и другая, въ подкрѣпленіе этой: «тише ѣдешь, дальше будешь!»

Я сказалъ выше, что для предпринятыхъ громадныхъ работъ по капитальному исправленію роднаго корабля нужно побольше сотрудниковъ; нужно побольше работниковъ! Выражу мою мысль еще обширнѣе: нужно, чтобы въ устройствѣ Россіи помогала царю—вся Россія!»

Завѣряя современниковъ въ прочности государственнаго устройства Англіи, графъ Монталамберъ въ послѣднемъ сочиненіи своемъ: «De l'avenir politique de l'Angleterre» приводитъ одно, весьма поучительное и превосходное, выраженіе какого-то оратора, который сказалъ:

«The public business of England—is the private business of every Englishman» [1]).

---

[1]) Не могу, чтобы не выписать здѣсь изъ книги гр. Монталамбера еще слѣдующихъ строкъ на стр. 257, изд. Didier. Paris. 1856.

„On trouve dans une lettre de Lord Grenville, Secrétaire d'Etat et Collègue de Pitt ce passage: „pour sauver ce pays, il faut fortifier le Gouvernement; mais il faut avant tout, que le Gouvernement ne soit pas chargé de tout; il faut, que tout citoyen mette la main à l'oeuvre selon son rang et sa position sociale... Toute notre législation repose sur cette hypothèse, que les propriétaires et les magistrats à titre gratuit feront leur devoir; s'il ne le font pas, – le pouvoir ne fera ni le leur ni le sien" (Lettre du 14 Novembre 1792).

Ce concours de tous à l'oeuvre commune—говоритъ авторъ – n'est pas seulement la base de la vie politique; c'est la base fondamentale de toute l'organisation sociale.

Неоспоримо, что ежели эта мысль примѣнима ко всѣмъ государствамъ, то въ настоящее время—къ Россіи, болѣе, чѣмъ къ которому-либо! Желательно, чтобы изъ безкорыстной любви къ родному дѣлу, желательно, чтобъ ею были проникнуты всѣ у насъ!

Допустимъ, что этою мыслію уже и проникнута бо́льшая часть благонамѣренныхъ людей въ Россіи,—какимъ же образомъ, какими путями дать ей возможность полезно выразиться на дѣлѣ?..

Мнѣ представляется пока одно—и, кажется, весьма простое средство, а именно:

Допустить конкурсную систему въ путяхъ преобразованій, или устройствъ по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи.

Т. е. я думаю, «что было бы весьма полезно разрѣшить каждаго министра, предпринимая какое-либо важное коренное преобразованіе по ввѣренному ему вѣдомству, не ограничиваться только кабинетною, канцелярскою, или совѣтскою работою, а вызывать гласно на конкурсъ всѣхъ въ Россіи къ составленію проекта устройства и при этомъ обѣщать, что за лучшій, который будетъ, по обсужденіи въ подлежащемъ мѣстѣ, принятъ къ исполненію, либо къ руководству при начертаніи правительствомъ окончательнаго законоположенія, составитель удостоенъ будетъ всемилоставѣйшей награды» (знакомъ-ли отличія, либо деньгами — смотря по тому, что́ окажется впослѣдствіи для счастливаго конкурента лестнѣе и необходимѣе).

Поясню мысль мою примѣромъ:

Положимъ, что министръ юстиціи предприметъ устроить на иномъ основаніи порядокъ нашего судопроизводства въ низшихъ инстанціяхъ, а это можетъ быть уже необходимо и ожидается. Достигнетъ ли онъ вполнѣ практическихъ результатовъ, поручивъ это дѣло у себя въ канцеляріи, департаментѣ, даже въ палатахъ, даже лучшему изъ своихъ юрисконсультовъ? Между лицами въ сихъ мѣстахъ могутъ быть, безъ сомнѣнія, люди очень умные, дѣльные, усердные, образованные, даже теоретически спеціальные, но при занятіяхъ ихъ текущими дѣлами, при той спѣшности, съ которою обыкновенно стараются окончить всякое особое казенное порученіе,—можно ли ожидать, чтобы трудъ ихъ былъ обстоятельно во всѣхъ отношеніяхъ обработанъ и въ должной мѣрѣ отвѣтилъ бы всѣмъ практическимъ требованіямъ какъ мѣстностей, обычаевъ и нравовъ, такъ и развитыхъ въ массѣ понятій и образованности? А вѣдь это все—весьма важно и необходимо къ соображенію при начертаніи всякаго закона, а особливо законовъ судопроизводства въ такой обширной и разноплеменной имперіи, какъ Россія! Можетъ ли министръ юстиціи съ увѣренностію ска-

зать, что составленный лицами его вѣдомства проектъ не погрѣшитъ противу всего этого?

Но получи онъ монаршее разрѣшеніе объявить черезъ газеты:

Во 1-хъ, что всѣ усердные доброжелатели отечеству благоустройства,—всѣ опытные люди—юристы и не юристы, помѣщики, чиновники, словомъ всѣ, кто по совѣсти чувствуетъ себя въ состояніи, высочайше приглашаются на конкурсъ къ составленію (къ такому-то сроку) проекта преобразованія порядка судопроизводства въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ (или иного предмета—смотря по тому, что̀ будетъ въ вопросѣ).

Во 2-хъ, что за лучшій, по обсужденіи лицами отъ правительства, проектъ, который примется къ исполненію либо руководству при начертаніи новаго законоположенія, дана будетъ составителю всемилостивѣйшая награда (для вящшаго побужденія къ болѣе обстоятельному и обдуманному труду—она должна непремѣнно быть довольно значительная, такъ напримѣръ деньгами отъ 3 до 5 т. р. с. и болѣе даже).

и въ 3-хъ, что кромѣ награды и гласнаго объявленія имени составителя, ему предоставится честь получить, по желанію, какое нибудь лестное и гражданскому его положенію соотвѣтственное—служебное назначеніе.

Я увѣренъ, что по такому вызову не одинъ, а нѣсколько дѣльныхъ проектовъ явится въ помощь правительственному дѣлу.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько можетъ быть въ Россіи есть людей и неслужащихъ или мелкихъ, но опытныхъ, изучающихъ ея нужды, испытывая ихъ такъ сказать осязательно, усматривающихъ на дѣлѣ всѣ недостатки судебнаго у насъ устройства,—сколько—говорю—есть людей, которыхъ здравая, чисто практическая мысль, ничѣмъ оффиціально доселѣ не вызываемая, явилась бы во всемъ блескѣ на конкурсное состязаніе и значительно облегчила бы правительству трудъ?

Выбравъ изъ взглядовъ и предложеній болѣе или менѣе дѣльныхъ только самые лучшіе, цѣли и потребностямъ отвѣчающіе,—ему оставалось бы: обдуманно и обстоятельно воспользоваться ими и составителя, какъ обѣщано, достойно поблагодарить!

Точно такимъ же образомъ могли бы поступить и министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ финансовъ, просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ, когда примутся за переустройство у себя тѣхъ частей, которыхъ дѣйствія въ прямой связи съ народною жизнію въ Россіи и которыхъ тотъ или другой порядокъ существованія долженъ быть не кабинетнымъ, или канцелярскимъ сочиненіемъ чиновниковъ, а выработаннымъ результатомъ и выраженіемъ современныхъ понятій и потребностей Россіи.

За симъ, весьма естественно, представился мнѣ вопросъ: «что̀ могутъ

возразить противу такой конкурсной системы въ путяхъ преобразованій или устройствъ»?

А вотъ что:

Во 1-хъ, что этимъ, можетъ быть, уронится достоинство правительства, поколеблется довѣріе къ нему; ибо такого рода дѣйствія могутъ въ массѣ быть приняты за сознаніе, что, не чувствуя себя вполнѣ способнымъ исполнить дѣло, на его обязанности лежащее,—оно униженно прибѣгаетъ къ помощи постороннихъ и даже частныхъ лицъ.

Возраженіе ошибочное! У правительства, занятаго текущими дѣлами и по возможности ограничивающаго себя числомъ служащихъ, конечно не можетъ быть достаточно ни времени, ни рукъ, ни головъ, чтобы предпринять составленіе многоразличныхъ проектовъ для каждаго переустройства. Оно, дѣйствуя совершенно изолированно, по необходимости должно разсматривать и принимать одинъ составленный въ подлежащемъ вѣдомствѣ проектъ, и составленный еще можетъ быть людьми, которые не легко отстаютъ отъ старой, привычной ихъ взгляду колеи. Утвержденіемъ же такого рода проектовъ—неумышленно и незамѣтно для себя, допуститъ всѣ тѣ промахи, которые обнаружатся только при практическомъ примѣненіи закона къ дѣлу и которые непремѣнно встрѣтятъ справедливое осужденіе въ общественномъ мнѣніи, а особенно тѣхъ лицъ—частныхъ и постороннихъ, къ вызову коихъ будто-бы предосудительно ему прибѣгать.

При томъ, такъ какъ на правительствѣ остается обязанность, разсматривая многіе, представляемые на конкурсъ, проекты, утверждать, или принимать къ руководству токмо лучшіе, полезнѣйшіе,—то ужъ этимъ выборомъ, обстоятельнымъ и безпристрастнымъ, оно будетъ выражать свою способность, довѣріе къ которому предлагаемые мною вызовы въ состояніи будто бы у него отнять.

Напротивъ, къ удовлетворенію всѣхъ благомыслящихъ людей, оно еще этимъ докажетъ, что въ существенныхъ своихъ мѣрахъ, связанныхъ съ общественными вопросами, оно поступаетъ по старинной и для всего міра пригодной истинѣ: «умъ хорошъ, а два лучше!» Десять же, сто умовъ, съ благою цѣлію размышляющіе, какъ бы разнообразны размышленія ихъ ни были, конечно въ состояніи еще болѣе, чѣмъ два, направить на здравый взглядъ, на основательные выводы всякаго, кто только захочетъ внимательно и нелицепріятно выслушать ихъ! Вотъ окончательное дѣло правительства. Кто же за такой путь въ его главнѣйшихъ переустройствахъ не будетъ ему благодаренъ?—Чѣмъ же еще болѣе оно можетъ заслужить уваженіе и довѣріе къ себѣ?

Еще могутъ возразить:

Во 2-хъ, что такими вызовами на конкурсъ—дѣло пойдетъ медленнѣе и что по многимъ весьма важнымъ, а тѣмъ болѣе и не-

отлагательнымъ мѣрамъ, правительство будетъ завалено бездною проéктовъ недѣльныхъ, разсматриваніе которыхъ отниметъ у его дѣльцовъ время полезнѣйшихъ занятій.

Опровергать это возраженіе—считаю достаточнымъ только мудростью русскихъ пословицъ, изъ которыхъ двѣ повторю: «тише ѣдешь—дальше будешь»—«три раза примѣрь, да разъ отрѣжь», а третью приведу въ подкрѣпленіе этихъ двухъ: «скоро — да не споро!»

Что же касается потери времени дѣльцами, то благой результатъ, который можетъ послѣдовать отъ разсмотрѣнія съ не дѣльными и проектовъ дѣльныхъ, докажетъ, что оно не было. А при томъ по большей части предметовъ на гласное состязаніе проектовъ явится едва ли очень много,—хотя чѣмъ больше, тѣмъ лучше!

Наконецъ 3-е, и главнѣйшее, возраженіе: могутъ замѣтить, что вызовами на конкурсъ введется яко-бы новый элементъ въ правительственныя занятія, а именно: общественное мнѣніе, выражающееся въ видѣ проектовъ, мнѣніе, которому до сихъ поръ не признавалось полезнымъ давать право высказываться гласно, а еще менѣе обращаясь къ правительству съ совѣтомъ или указаніями.

На это возражу: идя отъ того начала, что «въ устройствѣ Россіи должна помогать царю вся Россія», я не вижу бѣды, ежели настоящія громадныя работы исполняться будутъ съ участіемъ и общественнаго мнѣнія, т. е. общественнаго усердія, которое, конечно, преимущественно, а можетъ быть и единственно, способно выразить дѣйствительныя потребности государства и указать на ближайшія точно практическія средства къ удовлетворенію ихъ.

Кто же не знаетъ, что всегда и всѣ мѣры правительства сталкиваются непремѣнно съ общественнымъ мнѣніемъ; но до сего времени онѣ сталкивались обыкновенно поздно, когда уже этому мнѣнію, какъ я сказалъ выше, чуткому и всегда на сторожѣ, но не вызываемому, не выслушиваемому сначала, предварительно,—остается только тайкомъ и злобно выразить свое осужденіе и такимъ образомъ умышленно или неумышленно, подрывать въ массѣ кредитъ къ правительственнымъ распоряженіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, былъ ли хоть одинъ законъ, было ли хоть одно государственное переустройство, которые бы, составленные въ министерствахъ кабинетно, не подвергались при исполненіи строгому разбору общественнаго мнѣнія? По всей вѣроятности, каждый нумеръ «Сенатскихъ Вѣдомостей», принося съ собою новое постановленіе, или новое положеніе, сопровождается внутри имперіи письменными, но болѣе словесными обсужденіями, и конечно по большей части не снисходительными, потому что «незванными и непрошенными»,

тѣмъ не менѣе, однако, можетъ быть иногда и очень дѣльными, но уже безполезными потому собственно, что опоздалыми [1]).

Одобрительныя мнѣнія и разсужденія о правительственныхъ мѣрахъ едва-ли составляются, по весьма естественной причинѣ, что они правительству не нужны, а обществу—не занимательны. Мыслительная дѣятельность внутри Россіи пробуждается сильно тогда, когда есть что̀ покритиковать, есть надъ чѣмъ позлобиться. А это все она находитъ въ томъ, въ чемъ не было ея участія, въ чемъ съ нею не совѣтовались.

Спрашивается: въ самомъ дѣлѣ, какое было бы зло, какая бѣда, если бы у насъ каждый министръ, предпринимая важное дѣло какого нибудь к о р е н н а г о п е р е у с т р о й с т в а (а такихъ дѣлъ въ настоящее время можетъ быть очень много), по тѣмъ собственно вопросамъ, р а з р ѣ ш е н і е коихъ связывается съ общественными интересами и слѣдовательно, противное общимъ потребностямъ и ожиданіямъ, должно возбудить невыгодное и можетъ быть враждебное о принятыхъ правительствомъ мѣрахъ о б щ е е мнѣніе,—какое то зло, какая бѣда, говорю, ежели вызовомъ этого мнѣнія: высказаться добросовѣстно, серьезно и дѣльно на конкурсъ,—министръ, предварительно начертанія закона, познакомится съ дѣйствительною п р а к т и ч е с к о ю стороною дѣла и вслѣдствіе этого знакомства, новыми мѣрами своими, постарается удовлетворить, по возможности, только истинныя потребности, только дѣльныя ожиданія?.. Какая бѣда?..

Въ пьесѣ Бенедиктова, на которую я и выше сослался, очень основательно совѣтуется:

«Истинѣ священной путь стели открытый!»
«Выслушай порою съ благостію кроткой
«Искреннее слово мужика съ бородкой,
«Пусть, Отецъ нашъ,—тѣми, кто къ Тебѣ приближенъ
«Не глушится голосъ—что идетъ изъ хижинъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, какъ знать: сколько есть внутри Россіи, гдѣ нибудь въ захолустьи, умовъ здравыхъ, готовыхъ отозваться искренно и честно на всякій вызовъ правительства, но которые молчатъ потому, что ихъ не спрашиваютъ, или (что̀ еще хуже) говорятъ только тогда, когда уже поздно было бы ихъ и спрашивать, и въ этихъ случаяхъ

---

[1]) Недавно самъославъ отсюда мнѣніе мое къ князю А. С. Меншикову насчетъ закона о пріобрѣтеніи правъ потомственнаго дворянства, я долженъ былъ, откинувъ всякое самолюбіе, признать его во всякомъ случаѣ безполезнымъ, потому что съ береговъ Арны оно уже не своевременно! Нѣтъ сомнѣнія, что объ этомъ законѣ, по распубликованіи его въ газетахъ составились внутри Россіи разные взгляды.

по свойственной людямъ привычкѣ къ осужденіямъ, говорятъ обыкновенно злобно.

Этимъ-то злобнымъ говоромъ и выражается у насъ до сего времени о бо̀льшей части предметовъ—общественное мнѣніе, не вызываемое, не принимаемое, даже воспрещаемое,—можетъ ли оно выражаться иначе? Вотъ почему, при такомъ характерѣ и зная условія своего положенія, оно рѣдко воздерживается, чтобы тайкомъ не попорочить «все и вся», самыхъ даже безукоризненныхъ мѣръ правительства?

Предлагаемою же конкурсною системою эта вредная черта общественнаго мнѣнія, кажется, сама собою уничтожится. Призывая его предварительно высказаться чрезъ людей опытныхъ и способныхъ быть его выраженіемъ,—правительство естественно устранитъ всѣ послѣдующія невыгодныя объ его мѣрахъ разсужденія. Конечно, на всѣхъ угодить нельзя!—По крайней мѣрѣ для бо̀льшей части не будетъ основательнаго повода. Иначе участникъ сталъ бы недобросовѣстно осуждать свое участіе.

А участіе это, неоспоримо, полезно тѣмъ, что въ массѣ мнѣній, вызванныхъ правительствомъ на вышеизложенномъ основаніи и съ готовностію послѣдовать наиболѣе цѣли отвѣчающему,—непремѣнно обнаружится взглядъ, который выразитъ дѣйствительныя потребности и ближайшіе практическіе способы удо̀влетворить ихъ. А это-то и важно при составленіи всякаго законоположенія. Ибо законъ тогда только дѣйствителенъ, проченъ и полезенъ, когда онъ не сочиненіе чье-нибудь, а выработанный законодателемъ результатъ, современныхъ, общихъ или мѣстныхъ, требованій. Люди же, удаленные отъ осязанія этихъ требованій, не легко, несмотря на свою теоретическую и служебную опытность, подойдутъ къ нимъ безошибочно закономъ. Содѣйствіе чисто практическихъ голосовъ, откуда и чьи бы они ни были, необходимо, а уже во всякомъ случаѣ не безполезно!

Изложенная здѣсь конкурсная система представляется мнѣ простѣйшимъ для этого путемъ.

Въ заключеніе представлю общій очеркъ выгодъ и пользы этой системы:

во 1-хъ, она дастъ возможность всей Россіи помогать Царю устроивать Россію;

во 2-хъ, ею можетъ утвердиться и у насъ истина, провозглашенная для Англіи «that the public business of England is the private business of every Englishman. И въ 60-милліонной семьѣ нашей убѣдятся, что для блага и устройства отечества нужно, чтобы общественное дѣло всей Россіи было частнымъ, безкорыстнымъ дѣломъ каждаго Россіянина;

въ 3-хъ, обстоятельнѣе, прочнѣе, хотя, можетъ быть, и медленнѣе, но

зато и не требуя безпрестанныхъ измѣненій (что только дѣлаетъ законъ шаткимъ и разрушаетъ довѣріе къ законодателю) будутъ совершаться у насъ всѣ благія и обѣщанныя переустройства;

въ 4-хъ, уничтожится въ большей части случаевъ поводъ къ злобному и вредному говору о б щ е с т в е н н а г о м н ѣ н і я, которое ужъ не колебать, а поддерживать будутъ всѣ, этимъ путемъ исполненныя, правительствомъ, мѣры;

и наконецъ въ 5-хъ, обнаружатся изъ массы полезныя, но не знаемыя и доселѣ съ трудомъ находимыя правительствомъ способности по каждой части; явятся свѣжія практическія головы, выползутъ изъ своихъ норъ нужные къ труду работники, закипитъ стройно, усердно и обдуманно общая въ Россіи дѣятельность; сильно двинется впередъ родное дѣло и увидѣвъ, какъ рабочихъ много, какъ пламенно и дѣльно, какъ безкорыстно всѣ трудятся къ устройству корабля,—никто ни Царь и ни его министры.

«И не скажутъ люди, что у насъ безлюдье!»

(Бенедиктовъ).

Но довольно!.

Dixi et salvavi animam meam.

25.

А. Д. Комовскій—вел. кн. Константину Николаевичу.

Флоренція 22-го января (3-го февраля) 1857 г. вторникъ. Lungo l'Arno, ponte Trinita.

Судьбы Всевышняго неисповѣдимы! Святому Промыслу Его угодно было, чтобы за границею я встрѣтилъ существо, которому конечно, также свыше опредѣлено было порѣшить вопросъ жизни моей, какъ семьянина.

Дозвольте мнѣ изложить вашему высочеству исторію этой встрѣчи.—Разными путями, но въ одинъ день и въ одно число, т. е. 20 мая, выѣхали мы изъ Петербурга. Не знакомые и нигдѣ дотолѣ не встрѣчаясь, съ разныхъ концовъ съѣхались мы въ Дрезденѣ, и тутъ я впервые увидѣлъ свою суженую. Старинной дворянской фамиліи изъ Малороссіи, дѣвица Анна Кулябко, которой отецъ былъ нѣкогда предводителемъ дворянства въ Полтавѣ и давно уже умеръ, а мать, урожденная Шеншина (двоюродная сестра флигель-адъютанта), вышла вторично замужъ, имѣя отъ перваго брака только одну дочь,—ѣхала по совѣту врачей въ Кисловодскъ, куда и мнѣ предстояла дорога. Съ нею сестра отъ втораго

брака ея матери. Въ Киссингенѣ, остановясь также случайно въ одномъ домѣ, мы еще болѣе познакомились, и въ теченіе четырехъ недѣль я имѣлъ уже случай оцѣнить христіанскія ея качества и прекрасное нравственное воспитаніе. Она вышла, лѣтъ 10 тому, изъ Екатерининскаго института, гдѣ отличалась особенно пѣніемъ.

Поѣздка моя на воды въ Діеппъ разлучила насъ на нѣсколько недѣль. Потомъ путешественно соединясь во Франкфуртѣ и Женевѣ, мы безъ особеннаго уговора, какъ-бы по внушенію предопредѣленнаго уже намъ, поѣхали на зиму во Флоренцію. Здѣсь три мѣсяца каждодневныхъ и безпристрастныхъ наблюденій надъ нею и надъ собою убѣдили меня, что союзъ нашъ предуказанъ свыше, что лучшаго и болѣе прочнаго для семейной жизни я ничего желать не долженъ.

17-го (29-го) янв. с. г., призвавъ мысленно благословеніе Божіе и благословеніе родителей моихъ я сдѣлалъ ей предложеніе принять скромную долю жизни со мною. Она согласилась. Зимовавшая здѣсь жена посланника нашего въ Греціи д. с. с. Озерова (урожд. Пашкова), оцѣнившая и полюбившая искренно мою суженую, 19-го числа с. м. благословила насъ, какъ жениха и невѣсту.

Ваше императорское высочество! Не-скрою отъ васъ, что мнѣ, счастливому совершенно въ настоящее время, тяжело только думать о предстоящихъ трудностяхъ устроить себя семейно, не имѣя для этого никакихъ средствъ и безъ достаточнаго служебнаго обезпеченія. Все упованіе мое на неисчерпаемое милосердіе Божіе и неоставленіе благодѣтельствующихъ мнѣ.

Повергаю себя благословенію вашего высочества и въ надеждѣ, что вы изволите исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе государя императора на вступленіе въ первый законный бракъ; я думаю обвѣнчаться тихо, скромно, безъ лишнихъ расходовъ—за границею. Признаюсь, долгое пребываніе въ качествѣ жениха—по многимъ отношеніямъ тяжело! А потому, ежели бы ваше высочество признали возможнымъ удостоить меня теперь же начальническимъ вашимъ разрѣшеніемъ, по состоянію моему въ морскомъ вѣдомствѣ, то я постарался бы сократить время женихоскаго моего положенія и не замедлилъ бы до поста еще исполнить обрядъ бракосочетанія, такъ чтобы до поѣздки въ маѣ мѣсяцѣ въ Киссингенъ (если и на это послѣдуетъ испрашиваемое мною разрѣшеніе) дѣлать уже за границею вмѣстѣ с ъ ж е н о ю необходимыя закупки для скромнаго нашего устройства потомъ въ Россіи.

Смѣю надѣяться, что въ милостивыхъ предписаніяхъ вашихъ разрѣшатся всѣ вопросы столь близкаго моему сердцу дѣла.

Ваше высочество, благословите!

Съ чувствами глубочайшаго уваженія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть и проч.

26.

Вел. князь Константинъ Николаевичъ—А. Д. Комовскому.

9-го (21-го) февраля 1857 года. Штутгартъ.

Письмо ваше отъ 21-го января я получилъ вчера въ Карлсруэ и съ искреннимъ сочувствіемъ прочелъ похвальныя чувства, выраженныя въ доставленной вами выпискѣ изъ вашего дневника. Располагая прибыть въ Ниццу 17-го (29-го) числа и пробыть съ императрицей въ Ниццѣ или Римѣ весь нашъ постъ и первый день Пасхи, я съ удовольствіемъ встрѣтился бы съ вами тамъ, но прошу не предпринимать переѣздовъ, сопряженныхъ для васъ съ разстройствомъ или издержками. Желаю душевно, чтобъ здоровье ваше поправилось. Дабы доставить вамъ полную возможность лечиться, я поручаю нынѣ управляющему морскимъ министерствомъ доложить государю императору ходатайство мое о продолженіи вамъ заграничнаго отпуска еще на годъ со времени истеченія нынѣшняго вашего отпуска и съ сохраненіемъ вамъ содержанія и увѣдомить васъ о томъ во Флоренцію.

27.

А. Д. Комовскій—вел. князю Константину Николаевичу.

16-го (28-го) февраля 1857 года, суббота. Пиза.

Богъ благословилъ меня—исполнить вчера, въ церкви Сан-Донато, великое таинство бракосочетанія. Съ чистою молитвою о счастіи для семейнаго теперь моего быта, я, конечно, соединилъ самыя теплыя и о благоденствіи вашего высочества, моего благодѣтеля, столь милостиво поспѣшившаго удостоить меня изъ Женевы, по телеграфу отъ 12-го (24-го) числа, разрѣшеніемъ обвѣнчаться. Оставалась до поста одна только пятница 15-го (27-го) числа, и я воспользовался ею.

Грядущее, конечно, только Единому Создателю міра извѣстно! На Него и все упованіе мое! Но ежели кротость, благочестіе и благое воспитаніе, съ глубокою и небезсознательною, взаимною привязанностію, могутъ давать человѣку хотя самое малое право съ нѣкоторою увѣренностію надѣяться на счастье, то мнѣ кажется, что при безпристрастной оцѣнкѣ судьбою посланной мнѣ спутницы въ жизни—право это мнѣ дозволено! Не въ богатствѣ или даже достаткахъ, которыхъ ни у меня, ни у жены моей рѣшительно нѣтъ, не въ блестящей суетной сторонѣ жизни

желаю найти я мое благо—какъ христіанинъ, семьянинъ и гражданинъ,—нѣтъ, а въ святомъ, чистомъ, скромномъ и съ покорностью волѣ Божіей исполненіи долга, по этимъ тремъ условіямъ для положенія нашего въ свѣтѣ. Вотъ желаніе, цѣль и стремленіе насъ обоихъ.

Наканунѣ моей свадьбы, полученныя мною милостивыя строки вашего императорскаго высочества отъ 9-го (21-го) февраля изъ Штутгардта преисполнили меня такою благодарностью, что я и не смѣю предпринять выразить ее вамъ достаточно словами. Въ чувствахъ же моихъ—утѣшаюсь мыслію—ваше высочество не сомнѣваетесь.

Сюда, въ Пизу, мы пріѣхали, чтобы скромность и тишину нашей свадьбы продолжить на нѣсколько первыхъ дней безсуетнымъ пребываніемъ здѣсь вдвоемъ уединенно. Потомъ снова во Флоренцію, гдѣ и буду ожидать предвозвѣщеніяхъ мнѣ вашимъ высочествомъ отъ ген.-адъют. барона Врангеля сообщеній.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и искреннѣйшею и неизмѣнною преданностію имѣю честь быть.

28.

Вел. князь Константинъ Николаевичъ—А. Д. Комовскому.

18-го февраля (1-го марта) 1857 года. Ницца.

Узнавъ отъ А. П. Озерова, что мое разрѣшеніе на женитьбу пришло къ вамъ во-время и что вы успѣли обвѣнчаться, мнѣ пріятно поздравить васъ и пожелать отъ души вамъ и супругѣ вашей полнаго счастія.

29.

А. В. Головнинъ—А. Д. Комовскому.

18-го февраля (1-го марта) 1857 г. Ницца.

Поздравляю васъ отъ всей души, почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ, съ вашимъ счастіемъ и могу засвидѣтельствовать, что вел. князь принимаетъ въ васъ самое живое участіе. Вчера только мы пріѣхали сюда и еще не совсѣмъ устроились. Поэтому я еще не видалъ Чачкова. Еще не рѣшено, долго ли останемся здѣсь и поѣдемъ ли въ Римъ. Зная, что теперь вамъ не до писемъ, спѣшу кончить, прося отрекомендовать меня вашей супругѣ. Искренно преданный Головнинъ.

Если найдете минуту свободную, увѣдомьте, пожалуйста,обстоятельно, какія непріятности имѣли морскіе офицеры наши съ Демидовымъ, и кто тутъ виноватъ. Вел. князю весьма бы хотѣлось узнать правду.

30.

А. Д. Комовскій—А. В. Головнину.

22-го февраля (5 марта) 1857 г., пятница. Флоренція.

Сейчасъ (и именно въ тотъ часъ, когда недѣля тому меня здѣсь вѣнчали) я получилъ и милостивыя посланія его императорскаго высочества и ваше дружеское поздравленіе, любезнѣйшій Александръ Васильевичъ, отъ 18-го февраля (1-го марта) изъ Ниццы. Въ это же число я послалъ изъ Пизы къ его высочеству письмо, которое, конечно, сегодня же дошло по назначенію. Не смѣя безпрестанно утруждать великаго князя моими граматками, я прошу васъ: потрудитесь доложить его высочеству, что высокое вниманіе, оказанное мнѣ въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ, не могло уже прибавить что-либо къ чувствамъ моей благодарности, которая за все прежнее уже безпредѣльна; оно прибавило только къ моимъ постояннымъ молитвамъ за великаго князя чистую молитву моей жены, давно исполненной вѣры, что его высочество—единственный нашъ теперь ходатай и благодѣтель! Все грядущее—не мое, а наше—въ рукахъ его высочества! Мы ждемъ и надѣемся!..

Спасибо искренное и вамъ, любезнѣйшій Александръ Васильевичъ, за привѣтъ!

Женѣ моей (не правда ли,какъ странно слышать отъ меня это слово?). женѣ моей я отрапортовалъ вашъ поклонъ. Говорю не въ чаду, а совершенно безпристрастно: чудное, славное, благочестивое, умное, кроткое, мило образованное созданіе послано мнѣ судьбою. Музыку любитъ до страсти и утѣшаетъ меня великолѣпнымъ своимъ пѣніемъ.

Озеровъ уѣхалъ отсюда въ въ совершенномъ восторгѣ отъ симпатическихъ качествъ моей половины, съ которою онъ, собственно, только теперь ближе познакомился. Прекрасные люди—оба: и мужъ, и жена. Озеровы пригласили насъ на зиму въ Аѳины, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ Іерусалимъ. Можете себѣ вообразить, какъ все это воспламенило наши мечты! Но «стопъ машина!»—къ чему заранѣе увлекаться?—Qui vivra—verra!—Хотя многія здѣсь сердобольныя дамы и жалѣли мою Annette, что она выходитъ за старика 56 лѣтъ (?), старикъ этотъ, однако, тряхнулъ стариной и въ Пизѣ, гдѣ мы уединенно провели пять сутокъ, по требованію м о л о д о й, сочинилъ ей, сидя передъ каминомъ и куря сигару, слѣдующія вирши:

Женѣ моей Нинѣ на 4-й день нашего брака:

Мы въ пизанскую долину
Поспѣшили, другъ, съ тобой,
Чтобъ семейную картину
Здѣсь начать—какъ долгъ святой!
Тихо, скромно насъ вѣнчали!..
Тихо, скромно будемъ жить!..
Жизнь какъ Божій даръ любить;
И все: радость и печали,
Сердцемъ и душой дѣлить!
Тогда будетъ святъ и проченъ,
Нашъ союзъ любви съ тобой!
Будетъ онъ и непороченъ,
Словомъ, дѣломъ и мечтой!

Озеровъ совѣтовалъ только моей женѣ вырвать у меня хоть на первое время перо изъ рукъ, чтобы я не такъ много писалъ! Онъ знаетъ за мной эту страстишку!.. Но это все пустяки. Обращаюсь къ дѣлу.

Въ ссорахъ Демидова съ нашими моряками—трудно добраться до истины, чтобы безпристрастно произнесть приговоръ. Отъ Демидова я ничего не слыхалъ, потому что съ нимъ незнакомъ и никакого дѣла не имѣлъ, кромѣ просьбы по телеграфу, чтобы разрѣшилъ въ церкви его обвѣнчаться. Моряки мнѣ жаловались на мецената сан-донатовскаго, но я, признаться сказать, люблю выслушать обѣ стороны, чтобы признать которую либо правою. Во всякомъ случаѣ, есть множество обстоятельствъ, которыя какъ будто заставляютъ думать, что разсудокъ взбалмашнаго баловня судьбы не въ нормальномъ положеніи.—Его странныя выходки съ священникомъ, котораго онъ заставлялъ служить въ неосвященной, какъ по православному обряду слѣдуетъ, церкви; его обхожденіе съ нимъ, предосудительное, по моему, вообще, въ католической землѣ въ особенности, наконецъ, запрещеніе по телеграфу служить обѣдню въ первое воскресенье передъ постомъ, что заставило священника пріостановиться, а всѣхъ русскихъ—съ досадою и бранью разъѣхаться по домамъ,—все это, говоря, вмѣстѣ взятое не дѣлаетъ меня поклонникомъ нашего полу-русскаго креза, хотя я полагаю также, что многое разсказываемое должно быть непремѣнно процѣживаемо сквозь самое мелкое сито.

Вотъ все, что́ я могу сказать о той и о другой сторонѣ. Но которая изъ нихъ виновата—не знаю, да едва-ли разспросами до правды доберешься!

Скажите же мнѣ, carissime Александръ Васильевичъ, будетъ ли мнѣ прислано письменное разрѣшеніе? Священникъ въ страхѣ, что митрополитъ, котсрому я телеграфировалъ въ среду 13-го февраля, прося

благословить бракъ въ пятницу на масляной,—до сихъ поръ ничего не отвѣчалъ.

Жду также разрѣшенія вопросовъ по финансовой моей части. Оставленное мнѣ содержаніе 2.300 р. с., изъ которыхъ 800 р. с. остается въ Петербургѣ за квартиру мою и сестрѣ, заставитъ меня по необходимости прибѣгнуть къ займу.

Однако пора кончить. Жена ждетъ, чтобы идти гулять. Господь да хранитъ васъ своею милостію!

31.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

14-го (26-го) іюля 1857 года, воскресенье. Киссингенъ.

Въ Киссингенѣ, гдѣ я уже доканчиваю свое леченіе и гдѣ лично для меня, многія обстоятельства служили поводомъ къ размышленіямъ, осмѣлился бы сказать, не совсѣмъ утѣшительнымъ, если бы не страшился выразить этимъ, можетъ быть и грѣшное, заблужденіе. Въ Киссингенѣ, какъ вездѣ и всегда, досугъ моего тихаго, внутренняго, семейнаго счастія я посвящалъ думамъ о дѣлѣ родной стороны, дорогаго всѣмъ намъ отечества.

На чужбинѣ свѣдѣнія о Россіи доходятъ по бо́льшей части безъ подробностей, въ общихъ только видахъ, иногда просто какъ «слухи»—а потому и разсужденія о слышанномъ принимаютъ невольно тотъ же размѣръ, «въ общихъ только чертахъ». По обстоятельствамъ моимъ, не имѣя никакого непосредственнаго участія въ настоящемъ дѣлѣ переработки разныхъ учрежденій, я только слышу о многихъ проектахъ и размышляю о нихъ—для удовлетворенія собственнаго чувства любви къ родинѣ и изъ желанія ей добра и блага, а потомъ нѣкоторыя мысли мои, какъ отчетъ самому себѣ, вношу въ обычный свой дневникъ.

Дозвольте мнѣ представить при семъ на благоусмотрѣніе вашего императорскаго высочества небольшую выписку изъ этого дневника, въ которой изложены соображенія мои «о существующей связи и необходимости нѣкотораго уровня при развитіи настоящей дѣятельности министерствъ: просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи».

Благосклонно милостивый отзывъ вашего высочества на первую подобную же выписку, ободряя мои труженическія, умственныя занятія, даетъ мнѣ смѣлость утрудить васъ статейкою, выработавшеюся у меня

здѣсь, въ Киссингенѣ. Въ ней, также какъ и въ первой,—посильное разумѣніе мое соединено съ откровенностью изложенія,—всегда удостоиваемыя драгоцѣннаго вниманія вашего императорскаго высочества.

Достаточно исправленный цѣлительнымъ Ragozzi, ѣду отсюда дотимбировываться въ Вильдбадъ. Нервы мои требуютъ укрѣпленія.

Если Богъ благословитъ меня совершеннымъ возстановленіемъ здоровья, долженъ ли вашему высочеству говорить, кому буду обязанъ за великодушно исходатайствованныя мнѣ средства?.. Сердцевидѣцъ знаетъ мои молитвы!..

Повергая себя снова благодатному вниманію вашего высочества, съ чувствами глубочайшаго уваженія и безпредѣльной преданности имѣю честь быть и проч.

Выписка изъ дневника статсъ-секретаря Комовскаго.

6-го (18-го) іюля 1857 года, суббота. Киссингенъ.

«La Russie ne boude pas; elle se recueille!»—сказалъ въ одной изъ первыхъ своихъ нотъ нынѣшній глава нашей политики, съ которымъ я разсуждалъ здѣсь о многомъ, соглашаясь не во всемъ. Это широкое выраженіе надѣлало столько же шума въ Европѣ, сколько успокоило и возбудило внутри имперіи надежды и ожиданія, возбужденныя еще болѣе словами всемилостивѣйшаго манифеста, послѣ которыхъ началась новая дѣятельность, съ первыхъ же шаговъ обнаруживая сильное и искренное стремленіе правительства къ переустройству многихъ частей какъ по указанію опыта, такъ и по требованію современныхъ понятій и положенія имперіи!

Казалось, что заботы объ упроченіи внѣшняго значенія Россіи какъ бы уступили на время мѣсто заботамъ о благоустройствѣ внутренней ея силы, внутренняго ея порядка,—хотя, правду сказать, в н ѣ ш н я я жизнь государства нерѣдко ничего общаго съ внутренней не имѣетъ, кромѣ развѣ непрочнаго мѣрила для своихъ политическихъ вѣсовъ. Но и въ нихъ шаткость зависитъ отъ многихъ случайностей,—такъ что политическое значеніе страны н е в с е г д а точно выражаетъ крѣпость, силу и порядокъ в н у т р е н н е й ея жизни. Вспомнимъ только недавно минувшее и сравнимъ съ настоящимъ!..

Какъ бы то ни было, внутреннее переустройство нашего отечества озабочиваетъ теперь каждаго, въ комъ истинно русскіе умъ, душа и сердце. Во всѣхъ углахъ пространной Россіи, вѣроятно, только и разсуждаютъ что о реформахъ, преобразованіяхъ, которыхъ ждутъ и

ждутъ, конечно, по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Безъ сомнѣнія, повсюду ходятъ слухи, что ни одно министерство не останется нетронутымъ! Для всѣхъ ихъ въ молвѣ существуютъ уже разные проекты! Не будетъ недостатка и въ предложеніи десятка новыхъ!..

Но пока ничего нѣтъ положительнаго и окончательно предпринятаго,—принесу и я посильную лепту своего разумѣнія. Можетъ быть и мой взглядъ кое на что, хотя и въ общихъ видахъ, по необходимости изложенный, будетъ не безплоденъ и какъ зерно, брошенное на плодовитую почву, дастъ современемъ ростки!

Убѣжденный, что государственное устройство вообще тогда только представляетъ собою одно твердое и прочное цѣлое, когда въ организаціи его частей есть взаимная связь, а въ дѣйствіяхъ ихъ обнаруживается явное стремленіе достигнуть какъ отдѣльной для каждой, такъ и общей для всѣхъ цѣли,—я естественно прихожу къ тому заключенію, что только спеціальныя управленія, какъ, напримѣръ: внѣшнею политикою, военною и морскою силами, путями сообщеній, даже финансами и т. п., могутъ существовать безъ видимой и непремѣнной между собою связи,—не требуя безусловно уровня по развитію своей дѣятельности. Но учрежденія, которыхъ предметы находятся въ прямомъ и непосредственномъ отношеніи къ быту всей націи, затрогивая всѣ ея жизненные интересы,—какъ напримѣръ: министерство просвѣщенія—заботящееся о повсемѣстномъ народномъ образованіи въ государствѣ; министерство внутреннихъ дѣлъ—обязанное пещись, чтобы благоустройство всѣхъ сословій и состояній народа согласовалось съ мѣрою его образованности, просвѣщенія, являя собою результатъ развитыхъ понятій и выраженныхъ улучшенными нравами потребностей, и наконецъ министерство юстиціи, которое должно не сочинять, а по соображеніи всего вышесказаннаго составлять законы, вырабатывать по духу времени порядокъ судопроизводства, такъ чтобы первые, т. е. законы, были для всѣхъ и каждаго понятны и дѣйствительны, а послѣдній, т. е. порядокъ судопроизводства, не противорѣчилъ народнымъ нравамъ, обычаямъ, разумѣнію и въ практикѣ было бы удобно и полезно примѣнимъ къ дѣлу,—эти три учрежденія, думаю я, при настоящемъ или предстоящемъ развитіи своей дѣятельности по требованіямъ уже современныхъ понятій, идти независимо одно отъ другаго безъ уровня ихъ направленія не могутъ, не должны! Опережая одно другое, или развиваясь одно болѣе другаго, они либо не дадутъ никакихъ прочныхъ результатовъ, оставаясь превосходнымъ теоретическимъ сочиненіемъ на бумагѣ, либо нарушеніемъ той необходимой для нихъ взаимной соразмѣрности, повредятъ общему

дѣлу спокойнаго и правильнаго движенія всего впередъ, въ чемъ собственно, по моему мнѣнію, и состоятъ истинные успѣхи цивилизаціи государства.

Не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію, что устройство быта народнаго по сословіямъ и состояніямъ обусловливается мѣрою его образованности, т. е. указаніями развитыхъ въ массахъ понятій, нравами и обычаями! Это же самое должно служить основою и для начертанія законоположеній, которыми обезпечивается гражданская жизнь каждаго отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ, опредѣляя многоразличныя общественныя и взаимныя отношенія въ народномъ быту. Слѣдовательно связь между предметами заботливости министерствъ: просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи нравственно существуетъ, а необходимость проявлять ее въ общемъ и уравнительномъ направленіи дѣятельности сихъ трехъ министерствъ постараюсь выставить рельефно въ нижеслѣдующихъ разсужденіяхъ:

Обращаюсь прежде всего къ народной образованности, какъ къ источнику, какъ ключу всѣхъ вообще государственныхъ развитій.

Умное, осторожное развитіе образованности въ такой имперіи, какъ Россія, дѣло капитальной важности! Идти рука-объ-руку съ естественнымъ потокомъ идей и потребностью въ нихъ, не ставя ему ненужныхъ и насильныхъ преградъ, но также и отнюдь не давая ему излишнихъ рукавовъ и притоковъ,—должно быть постояннымъ предметомъ наблюдательной и просвѣщенной бдительности предусмотрительнаго современнаго министра.

Образованіе народа—религіозное, нравственное и умственное—ведетъ непосредственно къ дальнѣйшей цивилизаціи его, подъ которою въ общемъ смыслѣ я разумѣю: стройное и уравнительное развитіе государства и народа во всѣхъ отношеніяхъ.

Усиленныя мѣры, безъ соблюденія той постепенности, которая, конечно, не легко съ точностью опредѣлима, но тѣмъ не менѣе должна быть,—усиленныя и рѣзкія мѣры, говорю, для распространенія вдругъ умственнаго образованія въ массахъ всѣхъ слоевъ общества, могутъ быть такъ же вредны, какъ (приведу здѣсь давно извѣстное сравненіе) вредно поднятіе вдругъ шлюзовъ, сдерживающихъ напоръ воды. Потокъ хлынетъ со всею силою, бурно и въ безпорядкѣ понесетъ съ собою многое, изломанное его порывомъ.—Сдержать этотъ побѣгъ будетъ уже поздно, а можетъ статься и невозможно!..

Да не потребуютъ отъ меня теперь же указанія: какія постепенныя мѣры должны быть приняты для прочнаго и полезнаго развитія образованности въ массахъ народа? Эти мѣры выскажутся сами тому, что близко поставленъ къ дѣлу управленія народнымъ просвѣщеніемъ и не

лишенъ, такъ сказать, чутья къ современнымъ потребностямъ, наблюдая, слѣдя ихъ, прислушиваясь къ нимъ каждодневно!

Засимъ перейду ко взгляду на предметы занятій министерства внутреннихъ дѣлъ:

«Народное благоустройство по сословіямъ, состояніямъ и мѣстностямъ»—вотъ широкое, многообъятное опредѣленіе обязанностей этого министерства! Не легко быть на уровнѣ съ настоящими потребностями современныхъ понятій!.. Но повторю здѣсь уже однажды сказанное мною въ этомъ же дневникѣ: вызовомъ искреннихъ голосовъ со всѣхъ концовъ Россіи,—взглядъ на дѣйствительныя нужды ея и ближайшія, простѣйшія и точно практическія средства удовлетворить ихъ—значительно бы уяснился! — Преобразованія по управленію губерніями и въ губерніяхъ такой обширной и разнообразной имперіи—какъ наша Русь,—должны быть глубоко обдуманы и всѣ основаны на практическихъ, мѣстныхъ указаніяхъ. Тутъ канцелярскія, или кабинетныя сочиненія менѣе всего въ состояніи принести пользу. А безпрестанныя пробы то тѣхъ, то другихъ мѣръ—только вредны.

Положеніе крестьянъ и крѣпостное право въ Россіи—вопросъ громадной сложности! Сотни увлекательныхъ проектовъ могутъ быть представлены для разрѣшенія его. Но гдѣ увлеченія — тамъ и ошибки... Въ этомъ вопросѣ важную роль играетъ современное наше народное образованіе, независимо отъ порядка вещей, укоренившагося вѣками... А потому разрѣшеніе его, непремѣнно должно быть соображено съ потребностями, истекающими изъ степени, на которой это образованіе находится. Уничтоженіе крѣпостнаго права и устройство новаго крестьянскаго быта могутъ и должны быть исполнены не иначе, какъ вслѣдствіе уже развитыхъ объ этомъ въ массахъ понятій. Ежели это развитіе несомнѣнно и, такъ сказать, осязательно вызываетъ правительство на коренное измѣненіе крестьянскаго крѣпостнаго быта, то оно должно осторожно и обдуманно приступить къ мѣрамъ преобразованія какъ этого быта, такъ и помѣщичьихъ правъ.—А ежели, прислушиваясь къ голосу общественнаго мнѣнія, будетъ ясно, что большинство практическихъ взглядовъ и соображеній доказываетъ рановременность подобной реформы, то на правительство ляжетъ только обязанность—не приступая теперь же къ рѣшительному перевороту въ этомъ отношеніи—не менѣе обдуманно и постепенно подготовлять къ тому заинтересованныя въ дѣлѣ этого вопроса массы, развивая въ нихъ, образованностію конечно, понятія о новомъ бытѣ, о новыхъ отношеніяхъ и облегчая къ тому и другимъ переходъ нѣкоторыми предварительными, не рѣзкими мѣрами, такъ чтобы крестьяне и помѣщики въ давнишней своей взаимной связи разобщались естественно, безобидно.

въ соображеніи того, къ чему именно въ настоящее время слѣдуетъ приступить, и (гдѣ) лежитъ ключъ разрѣшенія сего важнаго и сложнаго вопроса о крѣпостныхъ отношеніяхъ въ Россіи. Иначе, опередивъ мѣрами, самую въ нихъ потребность, потрясутъ только связь извѣстныхъ началъ съ извѣстными отъ нихъ послѣдствіями; нарушатъ союзъ, который необходимъ между государственными мѣрами и вызывающими ихъ государственными же потребностями,—союзъ, отъ котораго безспорно зависитъ спокойный, правильный и безъ внутреннихъ потрясеній переходъ отъ состоянія, укоренившагося столѣтіями, къ состоянію, въ которомъ каждый шагъ будетъ новизною, каждое общественное отношеніе—новымъ вопросомъ.

Ежели не безусловный я защитникъ крѣпостнаго у насъ права, то не могу также, вторя нѣкоторымъ мыслителямъ нашего времени, согласиться, что уничтоженіе его—легко, вполнѣ теперь своевременно и можетъ быть исполнено безъ основательнаго соображенія съ состояніемъ и успѣхами народной нашей образованности. Эта задача—одна изъ важнѣйшихъ въ Россіи. Кого Господь благословитъ успѣшно разрѣшить ее, тотъ смѣло можетъ включить себя въ число избранниковъ святой воли Его!..

Наконецъ перейду къ трудамъ по законодательной части.

Законы—гражданскіе и уголовные. Порядокъ судопроизводства по тѣмъ и другимъ давно уже въ служебной практикѣ подвергается за многое порицанію, хотя, конечно, и не безусловно основательному. Однако плодовитость и встрѣчающіяся противорѣчія въ первыхъ, сложная запутанность нѣкоторыхъ процедуръ послѣдняго, не требуютъ ли дѣйствительно новой обработки, новыхъ начертаній?.. Если такъ, то дѣло предстоитъ не маловажное, и безъ соображеній съ потребностями развитой у насъ въ массахъ образованности и степенью благоустройства народнаго быта исполнить его нельзя. По крайней мѣрѣ не должно бы...

При этомъ можетъ представиться вопросъ: не пригодны ли будутъ для современной Россіи законы, порядокъ судопроизводства и судилища, которые существуютъ уже въ другихъ, извѣстныхъ своею цивилизаціею, государствахъ?

На это отвѣчу:

Законы должны истекать изъ потребностей обычаевъ, нравовъ и степени образованности той именно страны, въ которой предназначаются дѣйствовать. Смысломъ и сущностью своею они служатъ однимъ изъ признаковъ цивилизаціи, выражая мѣру развитія ея! Какъ самая цивилизація, подъ которою въ обширнѣйшемъ значеніи я разумѣю: успѣхи вообще всѣхъ отраслей государственной жизни, какъ самая цивилизація, говорю, не можетъ не подвигаться, не идти впередъ, такъ и

законы—одно изъ выраженій этой жизни, этого движенія впередъ не могутъ, въ продолженіе многихъ сотенъ или десятковъ лѣтъ, безусловно быть неподвижными; измѣненія и усовершенствованія необходимы. Они естественны, какъ слѣдствіе, какъ доказательство, что нѣтъ въ жизни государства того застоя, которымъ упорно по сіе время отличается только Небесная имперія, подъ скипетромъ богдыхана.

Дѣйствія законовъ, прилагаясь къ разнымъ случаямъ народной жизни и общественныхъ отношеній, подчиняются извѣстному порядку, который составляетъ въ государствѣ—судопроизводство. Этотъ порядокъ также подлежитъ измѣненіямъ по требованію цивилизаціи, совершенствуясь по временамъ въ своихъ формахъ, упрощаясь въ практическомъ исполненіи. И то и другое указывается потребностями развитыхъ понятій, условіями быта и благоустройства народнаго, которыя всегда обнаруживаютъ степень образованности его.

Слѣдовательно, какъ законы вообще, такъ и порядокъ судопроизводства, ни цѣликомъ перенесены, ни частями примѣняемы изъ одного государства въ другое не могутъ, какъ не могутъ быть мѣрами (правительства?) перенесены нравы, обычаи и образованность одной страны въ другую.—Допустить можно только извѣстную степень позаимствованій смысла и сущности—по отысканному нравственному сходству двухъ націй. Въ вѣрномъ отысканіи этого и въ удачномъ позаимствованіи сущности законовъ и судопроизводства отъ другихъ, конечно, проявится вся, можно сказать, геніальная прозорливость законодателя.

Легко было бы взять законы Англіи, Франціи, либо Пруссіи и ввести ихъ въ дѣйствіе у насъ. Не трудно изучивъ порядокъ судопроизводства котораго-либо изъ этихъ государствъ, перенесть его, съ приличными измѣненіями названій, къ намъ. Но что-бы изъ этого вышло? Законы могли бы оказаться въ совершенномъ противорѣчіи нашимъ нравамъ, обычаямъ, воспитанію и степени нашей образованности. Порядокъ судопроизводства былъ бы вовсе непригоденъ порядку нашей гражданской жизни и нашихъ гражданскихъ взаимныхъ отношеній.

Поэтому-то обязанность министра-законодателя изучить все свое и у себя, прислушиваясь къ голосамъ о дѣйствительныхъ, практическихъ потребностяхъ Россіи въ этомъ отношеніи. Должно стараться мѣрами своими такъ ловко подойти къ этимъ потребностямъ, чтобы всѣ реформы и новыя начертанія законоположеній никому не показались насильственнымъ привитіемъ къ намъ чего-то чужаго, рѣдко безъ вреда прививающагося, а напротивъ, чтобы въ преобразованіяхъ ясно обнаруживалось практическое удовлетвореніе современныхъ требованій нашей цивилизаціи, для которой старый порядокъ вещей уже не приго-

денъ, дѣлая законы безсильными, а судопроизводство—только къ злоупотребленію ведущимъ.

Изложивъ здѣсь, конечно только въ общихъ чертахъ, взглядъ мой на ту естественную связь, которая существуетъ и должна существовать и проявляться между тремя, вышеразобранными государственными управленіями, подкрѣпивъ мои соображенія краткимъ указаніемъ на тѣ точки изъ народной жизни, въ которыхъ они, по предметамъ своей дѣятельности, соприкасаются,—я невольно навожу на вопросы: не полезно ли будетъ слить эти три министерства—въ одно; или полезнѣе—предоставить ихъ высшему надзору одного лица, которое, не касаясь подробностей административныхъ распоряженій, вело бы ихъ уравнительно къ главнѣйшей и общей для всѣхъ ихъ цѣли, т. е. къ усовершенствованію и упроченію народнаго благосостоянія, достигаемаго только путями образованности, устройства быта и законодательствомъ?

Не разрѣшая, съ своей стороны положительно ни котораго изъ этихъ двухъ вопросовъ, въ заключеніе моей, и безъ того уже довольно длинной, статьи скажу: сущность послѣдняго, т. е. сосредоточеніе въ одномъ лицѣ высшаго надзора и общаго направленія, въ Европѣ не безпримѣрно, не токмо надъ тремя, но и надъ всѣми, сколько ни есть въ государствѣ, министерствами! Но я самъ выше сего призналъ, что чужое не всегда удобопрививаемо, а потому смолкну, предоставляя другимъ обсудить эти вопросы.

Сообщ. княгиня **А. А. Голицына**—графиня **Остерманъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Еще къ вопросу о началѣ знакомства Гоголя съ Пушкинымъ.

Въ только-что полученной іюньской книгѣ «Русской Старины» я прочелъ направленную противъ замѣтки г. Авенаріуса «О началѣ знакомства Гоголя съ Пушкинымъ и Россетъ» [1]) статейку г. Витберга, основное положеніе и многія частности которой легко опровергаются несомнѣнными данными. Позволю себѣ для разъясненія дѣла указать ихъ.

Отказавшись, повидимому, отъ прежнихъ шаткихъ предположеній, которыми г. Витбергъ въ своей статьѣ «Гоголь въ 1831 году» (помѣщенной въ іюньской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1892 г.) пытался установить, будто бы первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ произошло въ іюлѣ 1831 года,—онъ выставляетъ теперь иное, но уже безусловно невѣроятное соображеніе о томъ, что знакомство это слѣдуетъ отнести будто уже не только «ко второй половинѣ лѣта 1831 года», но именно ко времени «послѣ 24 іюля» этого года. Между тѣмъ намъ извѣстно достовѣрно, что именно 24 іюля 1831 г. Гоголь писалъ матери изъ Павловска: «Помните ли адресъ? на имя Пушкина, въ Царское Село» (см. соч. и письма Гоголя, томъ V, стр. 118), откуда ясно, что еще въ предыдущемъ, правда не дошедшемъ до насъ, письмѣ, слѣдовательно уже за нѣкоторый промежутокъ до 24 іюля, Гоголь просилъ адресовать ему письма на имя Пушкина. Промежутокъ этотъ слѣдуетъ считать приблизительно отъ 4 до 24 іюля (см. соч. и письма Гоголя т. V, стр. 118 и 133). Слѣдовательно, не только знакомство, но въ извѣстной степени даже сближеніе Гоголя съ Пушкинымъ во всякомъ случаѣ произошло до 24

[1]) См. «Русскую Старину» № 2, февраль.

іюля, когда Гоголь уже вторично напоминалъ матери этотъ сообщенный ей адресъ. Правда, въ изданіи писемъ Гоголя, на письмѣ отъ 24 іюля ошибочно выставленъ годъ, по предположенію въ скобкахъ, какъ всегда поступалъ покойный Кулишъ въ сомнительныхъ случаяхъ, но, во-первыхъ, есть ясныя доказательства принадлежности этого письма именно къ 1831 году, подробно указанныя мною въ первомъ примѣчаніи къ 329 страницѣ перваго тома моихъ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя» [1]), а во-вторыхъ, подвергать сомнѣнію эту дату отнюдь не въ интересахъ г. Витберга, который тогда окончательно долженъ былъ бы отказаться отъ доказываемаго имъ предположенія и отнести знакомство Гоголя съ Пушкинымъ къ еще болѣе раннему времени.

Но даже оставляя въ сторонѣ это, мы снова читаемъ на страницѣ 133 того же V тома сочиненій и писемъ Гоголя, въ письмѣ его къ матери отъ 27 іюля: «Письма адресуйте ко мнѣ на имя Пушкина, въ Царское Село». Слѣдовательно, если допустить возможность первоначальнаго знакомства обоихъ поэтовъ не ранѣе 24 іюля 1831 г. (или даже позднѣе) то такое поспѣшное сближеніе (въ три дня или меньше) представляется значительно менѣе вѣроятнымъ, нежели предполагаемое г. Авенаріусомъ не сближеніе, а только знакомство, начавшееся между Гоголемъ съ одной стороны и Пушкинымъ и Россетъ съ другой, въ теченіе недѣльнаго промежутка отъ перваго до восьмаго мая.

Но вглянемъ на тотъ же вопросъ съ другой стороны. Вмѣсто прежнихъ доказательствъ въ пользу іюльской даты г. Витбергъ теперь единственно выдвигаетъ въ сущности скорѣе противорѣчащія такому заключенію слѣдующія строки въ письмѣ Гоголя къ А. С. Дани-

---

[1]) Позволю себѣ привести это разъясненіе съ небольшими нужными дополненіями, взятыми изъ другихъ мѣстъ того же перваго и втораго тома. „Правда, въ изданіи г. Кулиша это письмо (соч. и письма Гоголя т. V стр. 117) отнесено къ 1830 г., но годъ поставленъ въ скобкахъ—знакъ того, что онъ опредѣляется только по предположенію. Между тѣмъ рѣчь идетъ о холерѣ, которая была въ Петербургѣ въ 1831 году, какъ видно и изъ писемъ Пушкина. Кромѣ того, ср. въ V т. стр. 132: „Примите радушно нашего Александра Семеновича (Данилевскаго). Это вѣстникъ о моемъ прибытіи на слѣдующій годъ", (письмо отъ 28 апрѣля 1831 г. Въ 1832 г. Гоголь дѣйствительно пріѣзжалъ на родину), и стр. 118: (24 же іюля 1831 г.). Гоголь соскучившись, что Данилевскій съ самаго отъѣзда не писалъ ему (а уѣхалъ Данилевскій обратно изъ Петербурга въ Малороссію именно 28 апрѣля 1831 г.; см. „Матеріалы для біографіи Гоголя", т. I, стр. 345, примѣч.), говоритъ матери: „Увѣдомьте о Данилевскомъ. Я до сихъ поръ не имѣю никакого извѣстія о немъ, со времени выѣзда его изъ Петербурга". Есть и другія соображенія. Къ 1832 же году это письмо не можетъ уже никакъ относиться, потому что 24 іюля этого года Гоголь жилъ съ матерью въ Васильевкѣ.

левскому отъ 2 ноября 1831 года: «Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Пушкинъ, Жуковскій и я» (соч. и письма Гоголя томъ V, стр. 139). Чрезвычайно любопытно, что по соображеніямъ г. Витберга эти слова слѣдуетъ принять въ основаніе при рѣшеніи вопроса, но съ тѣмъ однако, чтобы отнюдь не относить ихъ «ко всему лѣту», а только «ко второй его половинѣ, послѣ пріѣзда въ Царское Село Жуковскаго (24 іюля)». Между тѣмъ, если принять въ соображеніе то, что Гоголь вернулся въ Петербургъ около 14 августа (21 онъ писалъ матери: «Уже около недѣли живу въ Петербургѣ»; см. соч. и письма Гоголя т. V, стр. 134), и если припомнить, что самъ г. Витбергъ въ заключительныхъ строкахъ, составляющихъ какъ бы резюме его замѣтки, склоненъ думать, что «знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и Россетъ произошло безъ торопливости», то придется «все лѣто» свести въ сущности только къ первой половинѣ августа, не говоря уже о странной натяжкѣ, именно: часть петербургскаго августа отождествлять со «всѣмъ лѣтомъ». Что же касается до указываемаго г. Витбергомъ соображенія относительно времени пріѣзда Жуковскаго въ Царское Село съ дворомъ 24 іюля, то дѣлаемое имъ сопоставленіе этого факта со словами Жуковскаго въ письмѣ къ И. И. Козлову отъ 1 іюля: «мы остаемся въ Петергофѣ» и «пиши ко мнѣ въ Петергофъ», едва ли можетъ имѣть какое-нибудь значеніе, такъ какъ и независимо отъ переѣзда двора для Жуковскаго лично возможны были сообщенія между такими близкими пунктами какъ Царское Село и Петергофъ, хотя отчасти въ началѣ іюля это и затруднялось карантинами. Если же вѣрить запискамъ Смирновой,—справедливо признаваемымъ г. Витбергомъ ненадежными въ хронологическомъ отношеніи, но все-таки не заслуживающими недовѣрія въ вопросахъ, подобныхъ насъ занимающему—то окажется что дворъ, повидимому, не разъ переѣзжалъ въ это лѣто изъ Царскаго Села въ Петергофъ (см. «Матеріалы для біографіи Гоголя,» т. I, стр. 321: «Послѣ завтра уѣзжаемъ въ Царское» и спустя нѣкоторое время: «Завтра ѣдемъ въ Петергофъ» и проч). Наконецъ, придавая безусловное значеніе разнымъ летучимъ выраженіямъ и тому подобнымъ отрывочнымъ даннымъ, какими такъ увѣренно пользуется г. Витбергъ, вродѣ: «пиши ко мнѣ въ Петергофъ», мы могли бы пожалуй, если бы не сохранилось другихъ данныхъ, вывести заключеніе, что Жуковскій и въ концѣ іюля не былъ въ Царскомъ Селѣ. Вообще, что касается побочныхъ соображеній, приводимыхъ г. Витбергомъ, то, не разбирая ихъ въ отдѣльности, достаточно указать на крайнюю субъективность и произвольность ихъ, которая и внѣшнимъ образомъ сказывается въ неразъ употребленномъ выраженіи: «врядъ ли» и т. п. Соображенія эти не могутъ служить по своей недостаточности ни доказательствами, ни опроверженіями. Мож-

но ли напримѣръ изъ того, что такого-то числа Пушкинъ былъ въ Петербургѣ, а тогда-то переѣхалъ въ Царское Село, заключать, что слѣдовательно до переѣзда онъ и не могъ уже быть въ Царскомъ Селѣ, или если Пушкинъ былъ въ извѣстное время въ хлопотахъ, а въ то же время у Гоголя и Плетнева, какъ преподавателей, былъ мѣсяцъ экзаменовъ, то значитъ они и не могли тогда видѣться. Но вѣдь кто же не знаетъ, что въ подобныхъ вещахъ дѣло зависитъ отъ характера, привычекъ и степени подвижности каждой личности, и то, что одному кажется почти невѣроятнымъ, для другого совершенно обычно; мнѣ лично, напримѣръ, казалось бы болѣе невѣроятнымъ при близкомъ разстояніи не совершить за лѣто нѣсколькихъ поѣздокъ изъ Петербурга въ Царское и Петергофъ и обратно, или во время экзаменовъ ни съ кѣмъ не видаться изъ моихъ знакомыхъ. Притомъ вѣдь все-таки Жуковскій съ Пушкинымъ, какъ предполагаю я и г. Авенаріусъ, могли видѣться между собой и съ Гоголемъ еще въ маѣ.

Г. Витбергъ говоритъ впрочемъ, что «самымъ главнымъ доказательствомъ, что знакомство Гоголя съ Пушкинымъ не могло (?) состояться въ маѣ, служитъ тотъ фактъ, что въ ихъ письмахъ за май, іюнь и первую половину іюля 1831 года нѣтъ даже и намека на это знакомство». «Почему же — продолжаетъ г. Витбергъ разъясняя свою мысль—въ его (Гоголя) письмахъ за это время (до 27 іюля) нѣтъ ни одного слова о знакомствѣ съ Пушкинымъ? И это тѣмъ страннѣе (?), что оба они жили внѣ Петербурга и довольно близко другъ къ другу: Гоголь въ Павловскѣ, Пушкинъ—въ Царскомъ Селѣ» (что же тутъ страннаго? поэтому-то они скорѣе могли видаться и въ первой половинѣ іюля, и ничто не мѣшаетъ тому, чтобы они и раньше видались въ Петербургѣ или его окрестностяхъ, напримѣръ еще въ маѣ). «Отрѣзанные отъ столицы—говоритъ г. Витбергъ—они не могли свободно сноситься со своими петербургскими друзьями. При такихъ обстоятельствахъ, если бы они были знакомы другъ съ другомъ уже въ первой половинѣ лѣта 1831 г., или несомнѣнно» (что значитъ здѣсь это слово?) часто видѣлись бы, то объ этихъ свиданіяхъ Гоголь поторопился бы (!) сообщить своимъ друзьямъ». Но во-первыхъ, въ іюнѣ они могли быть всѣ въ Петербургѣ, изъ котораго, напримѣръ, Гоголь выѣхалъ на дачу лишь въ началѣ іюля, а главное, всѣ эти соображенія подобны прежде указаннымъ и не выдерживаютъ никакой критики. Начать съ того, что Гоголь переписывался тогда только съ матерью, которую, какъ извѣстно, онъ никогда не вводилъ въ свои литературныя дѣла и положительно избѣгалъ этого по достаточно, какъ надѣюсь, разъясненнымъ мною причинамъ; но и въ перепискѣ съ ней онъ не упоминаетъ о знакомствѣ съ Пушкинымъ только въ единомъ письмѣ отъ 9 іюня 1831 г. (см. соч. и письма Гоголя т. V, стр. 132—133), да въ маленькой записочкѣ отъ 4 іюля (см. стр.

133), но потомъ онъ уже долженъ былъ косвенно упоминать объ этомъ знакомствѣ по поводу адреса. Съ Данилевскимъ онъ тогда не переписывался по незнанію его адреса и во всякомъ случаѣ вслѣдствіе неполученія отъ него писемъ, что̀ ясно изъ приведенныхъ уже словъ: «Увѣдомьте меня пожалуйста о Данилевскомъ» и проч. Правда, въ изданіи Кулиша были напечатаны не всѣ письма Гоголя къ Данилевскому, но недоставшія письма были переданы мнѣ Данилевскимъ и напечатаны мной, да они и относятся къ болѣе позднему времени кромѣ одного только письма отъ 2 мая («Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I стр. 350—351), написаннаго вслѣдъ за отъѣздомъ Данилевскаго, когда ни по чьимъ предположеніямъ Гоголь не могъ еще быть знакомъ съ Пушкинымъ. Все касающееся отношеній обоихъ друзей уже разсказано мною со словъ Данилевскаго же. Съ другими «петербургскими» друзьями, Гоголь могъ не переписываться уже вслѣдствіе не особенно продолжительной разлуки съ ними (около мѣсяца) и во всякомъ случаѣ писемъ этихъ не сохранилось, слѣдовательно по всему этому ни какихъ заключеній дѣлать рѣшительно невозможно. Если же знакомство съ Пушкинымъ состоялось еще въ маѣ, то Гоголь могъ тогда изустно сообщить объ этомъ своимъ друзьямъ. Слѣдовательно «самаго главнаго» доказательства вовсе не существуетъ. О знакомствѣ же Гоголя съ Россетъ мы не говоримъ теперь въ виду справедливаго замѣчанія г. Витберга относительно хронологической ненадежности «записокъ Смирновой», но вообще всѣ соображенія г. Витберга ни малѣйшимъ образомъ не только не исключаютъ возможности этого знакомства въ началѣ лѣта, но наоборотъ скорѣе могутъ говорить въ пользу свиданій Пушкина съ Гоголемъ и Россетъ еще въ маѣ и іюнѣ.

Оставляя въ сторонѣ другіе, менѣе существенные промахи г. Витберга, не могу не выразить удивленія, во-первыхъ, по поводу того, что онъ самъ же все-таки допускаетъ возможность знакомства Гоголя съ Пушкинымъ и Россетъ, если не въ промежутокъ отъ 5 до 8, то отъ 20 до 23 мая, *что̀ и требовалось доказать*, а во-вторыхъ, по поводу его невѣрной цитаты на несуществующую 390 страницу перваго тома моихъ «Матеріаловъ» (тогда какъ въ немъ *только* 385 страницъ); любопытно, что приблизительно тоже случалось и *раньше*, и снова, несмотря на мое возраженіе на стр. 345 (*существующей*) перваго тома, (примѣчаніе 3-е), приписываетъ мнѣ колебаніе относительно даты знакомства Гоголя съ Пушкинымъ, которое я *всегда относилъ къ лѣтнимъ мѣсяцамъ* 1831 года въ частности пріурочивая его къ маю.

Въ заключеніе приведу слѣдующія слова г. Витберга, съ которыми и я согласенъ: «Въ сущности, развѣ не все равно, когда именно состоялось знакомство Гоголя съ Пушкинымъ: въ маѣ, іюнѣ или іюлѣ? Важно только не выдумывать того, на что нѣтъ никакихъ указаній,

что противорѣчитъ имѣющимся у насъ въ рукахъ хотя бы и скуднымъ даннымъ». Дѣйствительно, это вѣрно.

Влад. Шенрокъ.

Отъ редакціи.

Статья В. И. Шенрока была уже набрана, когда нами была получена статья по тому-же вопросу и отъ г. Авенаріуса. Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ возраженіяхъ своихъ противъ замѣчаній г. Витберга г. Авенаріусъ вполнѣ сходится съ г. Шенрокомъ, мы помѣщаемъ здѣсь изъ статьи г. Авенаріуса только слѣдующія дополнительныя соображенія:

«Совершенно справедливо замѣчаніе г. Витберга, что въ запискахъ А. О. Россетъ-Смирновой «никакихъ точныхъ опредѣленныхъ датъ нѣтъ, и самые факты перепутаны». Но факты фактамъ рознь Если Россетъ въ концѣ разсказа о своей первой встрѣчѣ съ Гоголемъ (на урокѣ его въ домѣ Балабиныхъ) прибавляетъ: «Послѣ завтра уѣзжаемъ въ Царское Село», то сомнѣваться въ достовѣрности этой собственно прибавки нѣтъ никакой причины; это послѣ завтра не находится ни въ какой связи съ предшествующими строками и прибавлено, очевидно, въ наскоро набросанныхъ запискахъ такъ, какъ нанизываются въ нихъ тѣ или другія случайныя обстоятельства, имѣющія минутный интересъ. Для насъ же это послѣ завтра имѣетъ то существенное значеніе, что даетъ намъ твердую увѣренность, что первая встрѣча Россетъ съ Гоголемъ была именно въ маѣ мѣсяцѣ до переѣзда Россетъ съ императрицею Александрою Ѳеодоровною (при которой она состояла фрейлиною) изъ Петербурга на лѣтнее пребываніе въ Царское Село. Спрашивается только: въ маѣ какого года?—Г. Витбергъ склоняется болѣе къ тому взгляду, что эта встрѣча имѣла мѣсто не 1831, а въ 1830 году. Но до апрѣля 1830 года прослуживъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Гоголь 10-го апрѣля былъ зачисленъ въ штатъ департамента удѣловъ министерства императорскаго двора, а три мѣсяца спустя, 10-го іюля, былъ назначенъ на штатную должность помощника столоначальника [1]). «Служба моя идетъ очень хорошо, начальники мои всѣ прекрасные люди», писалъ онъ матери 1-го сентября 183) г. О томъ чтобы онъ въ это время, кромѣ того, давалъ еще уроки или хотя бы помышлялъ о педагогической дѣятельности не упоминается ни однимъ словомъ ни въ его собственныхъ письмахъ, ни въ чьихъ-либо воспоминаніяхъ. Только въ письмѣ Плетнева къ Пушкину отъ 22-го февраля 1831 г. [2]), гдѣ Плетневъ совѣтуетъ своему другу прочесть только-что

[1]) Послужной списокъ Гоголя въ „Новыхъ матеріалахъ для біографіи Гоголя“ („Русская Мысль“ 1896 г. № 5).

[2]) Сочиненія Плетнева, изд. 1885 г., т. III. (Переписка).

напечатанные въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» и «Литературной Газетѣ» небольшія беллетристическіе отрывки и серьезныя статьи Гоголя, говорится, что онъ (Гоголь) «*любитъ науки* только для нихъ самихъ, и какъ художникъ, готовъ для нихъ подвергать себя всѣмъ лишеніямъ». «*Это меня трогаетъ и восхищаетъ*», заключаетъ Плетневъ и, чтобъ только дать возможность принятому имъ подъ свое покровительство молодому писателю покинуть опостылѣвшую ему чиновничью карьеру, предоставляетъ ему (съ марта 1831 г.) [1]) уроки исторіи въ Патріотическомъ институтѣ, а затѣмъ рекомендуетъ его учителемъ въ нѣсколько аристократическихъ семействъ, въ томъ числѣ и Балабинымъ. Итакъ Россетъ могла встрѣтить Гоголя у Балабиныхъ только въ маѣ 1831 г. А такъ какъ «*на другой день* она приказала Плетневу доставить къ ней хохла», что и «было имъ тотчасъ исполнено» при посредствѣ Жуковскаго и *Пушкина* [2]), а еще черезъ день она, какъ сказано, переѣхала уже въ Царское Село, то ясно, кажется, что и вторая встрѣча Россетъ съ Гоголемъ (у нея на дому) должна была произойти въ Петербургѣ, притомъ въ присутствіи Пушкина, съ которымъ Гоголя, стало быть, успѣли познакомить еще ранѣе его два доброжелателя: Плетневъ и Жуковскій. Да и могло ли быть иначе? Плетневъ, по собственнымъ его словамъ (въ вышеупомянутомъ письмѣ отъ 22-го февраля 1831 г.) горѣлъ нетерпѣніемъ подвести Гоголя «подъ благословеніе Пушкина; Жуковскій былъ отъ него «въ восторгѣ»; а Пушкинъ, до переселенія на дачу въ Царское Село, пробылъ въ Петербургѣ (по разсчету самого г. Витберга) по меньшей мѣрѣ недѣлю (съ 18-го по 25-го мая); по средамъ собирались у Плетнева, по субботамъ—у Жуковскаго; мыслимо ли, чтобы Плетневъ забылъ вдругъ о Гоголѣ, съ которымъ видѣлся постоянно въ Патріотическомъ институтѣ, и не воспользовался первымъ случаемъ представить его Пушкину?

«Изъ всего вышеизложеннаго, казалось бы, вытекаетъ само собою то основное положеніе, которое было высказано въ моей первой замѣткѣ: что Гоголь встрѣтился впервые какъ съ Пушкинымъ, такъ и съ А. О. Россетъ-Смирновой въ маѣ 1831 г. въ Петербургѣ, причемъ вторая его встрѣча съ Россетъ у нея на дому (въ Шепелевскомъ дворцѣ) послѣдовала на другой же день послѣ первой у Балабиныхъ».

В. Авенаріусъ.

---

[1]) См. тотъ-же формулярный списокъ.

[2]) В. И. *Шенрокъ*; Матеріалы для біографіи Гоголя Т. I. стр. 333 (Отрывокъ изъ дневника О. Н. Смирновой).

Издатель С. Зыковъ. **Редакторъ Н. Дубровинъ.**

Объявленіе объ открытіи учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

27 апрѣля 1897 года состоялось открытіе „Учено-Литературнаго Общества“ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ. Уставъ Общества утвержденъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 4 марта 1897 года.

Общество имѣетъ цѣлію содѣйствовать разработкѣ и распространенію знаній въ области археологіи, исторіи, литературы и права и взаимному обмѣну мыслей по вопросамъ, относящимся къ упомянутымъ наукамъ, а равно по тѣмъ отдѣламъ біологіи, которые имѣютъ соприкосновеніе съ науками гуманитарными и общественными (§ 1 Устава).

По мѣрѣ потребности, Общество имѣетъ въ виду открыть слѣдующія отдѣленія: 1) историко-филологическихъ наукъ, 2) юридическихъ и общественныхъ наукъ, 3) педагогическое (§ 3).

Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ, членовъ-соревнователей и членовъ-сотрудниковъ. Дѣйствительными членами могутъ быть лица какъ состоящія на учебной службѣ въ Университетѣ, такъ и прочія лица (обоихъ половъ), занимающіяся входящими въ кругъ занятій Общества науками. Въ члены-соревнователи избираются лица, оказавшія Обществу значительныя матеріальныя услуги; въ члены-сотрудники - лица, принимающія участіе въ дѣятельности Общества своими научными работами. Ежегодный взносъ для дѣйствительныхъ членовъ опредѣленъ общимъ собраніемъ на первое пятилѣтіе въ размѣрѣ *трехъ рублей;* этотъ взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ въ размѣрѣ *пятидесяти рублей*, освобождающимъ отъ ежегоднаго денежнаго взноса на всегда. Члены-соревнователи и члены-сотрудники освобождаются отъ обязательныхъ членскихъ взносовъ (§§ 4, 6, 7, 8 и 9).

Засѣданія Общества и отдѣленій имѣютъ быть закрытыя и открытыя. Въ закрытыхъ присутствуютъ одни члены Общества; въ открытыхъ, кромѣ членовъ, могутъ присутствовать и гости, вводимые членами по заявленіи о томъ предсѣдателю. Въ открытыхъ засѣданіяхъ выслушиваются и обсуждаются научные рефераты и сообщенія членовъ Общества или посторонннихъ лицъ (§§ 23 и 24).

Средства Общества составляются: изъ членскихъ взносовъ; изъ субсидій Университета, если послѣдній признаетъ возможнымъ разрѣшить таковыя; изъ добровольныхъ пожертвованій; изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи изданій Общества; изъ сбора за публичныя лекціи, читаемыя въ его пользу (§ 33).

Должностныя лица Общества на 1897—1898 годъ, по избранію Общаго Собранія: Предсѣдатель—проф. А. С. Будиловичъ, Товарищъ предсѣдателя—проф. Е. В. Пѣтуховъ, Секретарь—проф. М. Е. Красноженъ, Казначей—проф. С. К. Богушевскій, Члены Совѣта: проф. В. Г. Алексѣевъ, проф. А. В. Никитскій и лекторъ С. И. Роше, Библіотекарь—проф. А. Ф. Зачинскій.

Общество обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, сочувствующимъ его цѣлямъ, съ просьбой оказать ему содѣйствіе и поддержку.

какъ на средствѣ для поднятія доходности казны отъ крупнаго торговаго оборота. Въ 1699 г. Петръ Великій, болѣе своихъ предшественниковъ озабоченный „пополненіемъ“ казны для трудныхъ политическихъ предпріятій его времени, обнародовалъ указъ, повелѣвавшій „купецкимъ людямъ“ торговать такъ же, какъ торгуютъ въ иныхъ государствахъ,— компаніями и... имѣть межъ собой съ общаго совѣта установленія, какъ пристойно бъ было къ распространенію торговъ ихъ, отъ чего надлежитъ быть казнѣ пополненіе“. Въ 1711 г. онъ распорядился спросить у купцовъ мнѣнія о свободномъ торгѣ, который онъ хотѣлъ установить для всякаго чина людей, „если подлинно“ для „купеческихъ“ людей не будетъ отъ этого ущерба. Въ указѣ 1719 года говорилось, что государь объявляетъ вольный торгъ „милосердуя въ купечеству“. Но, несмотря на всевозможныя льготы, русскіе купцы въ теченіе долгаго времени неохотно вступали въ торговыя компаніи.

Въ третьей главѣ этого очерка И. Н. Өирсовъ приводитъ различныя мнѣнія по вопросу о поднятіи крупнаго торговаго оборота и выясняетъ причины, тормозившія его развитіе въ Россіи: основа торговли — промышленность въ странѣ,—все еще находилась на очень низкой степени, несмотря на то, что въ 1-ю половину XVIII вѣка было предпринято не мало мѣръ для усовершенствованія промышленности вообще.

Главныя общія положенія, которыя развиваетъ авторъ во второмъ очеркѣ—**Промышленныя компаніи** (главы IV—VII), могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ: частно компанейскимъ принципомъ, который былъ завѣщанъ Петромъ I русскому торгово промышленному міру, воспользовался, въ силу сложившихся благопріятно обстоятельствъ, вліятельный государственный дѣятель, графъ П. И. Шуваловъ, бывшій вдобавокъ остроумнымъ финансистомъ; въ результатѣ чего получилось: 1) господство графа Шувалова въ промышленной и торговой сферѣ; 2) единеніе его съ крупнѣйшими русскими и иностранными капиталистами, скрѣпленное и официальнымъ, и „купецкимъ“ значеніемъ графа П. И. Шувалова; 3) уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, проведенное графомъ какъ непосредственно въ своихъ интересахъ, такъ и въ интересахъ указаннаго единенія, и наконецъ, 4) разстройство государственныхъ финансовъ.

Въ послѣднемъ, третьемъ очеркѣ, озаглавленномъ **Общественныя осложненія и промышленныя затрудненія, вызванныя „компанейщиной“** и состоящемъ изъ двухъ главъ, г. Өирсовъ говоритъ: о „содержателяхъ“ и рабочихъ, о „мочномъ“ и „маломочномъ“ купечествѣ. Вопросъ о рабочихъ рукахъ принесъ немало трудныхъ минутъ государственнымъ людямъ XVIII вѣка. Рабочихъ рукъ не было, ихъ не хватало. Между тѣмъ государство, „казна“, потомъ высшіе общественные классы почувствовали необходимость въ національной промышленности. И вотъ, для удовлетворенія новымъ потребностямъ государства и высшихъ классовъ, пришлось привлечь къ дѣлу заводской и фабричной промышленности крестьянство; прежде всего стали приписывать государственныхъ крестьянъ къ казеннымъ заводамъ; вмѣстѣ съ ними было зарегистровано за заводами значительное число бѣглыхъ. Такимъ образомъ уже самый составъ рабочаго населенія на заводахъ могъ повлечь за собою значительныя осложненія. Дѣйствительно, открывается „цѣлый рядъ безпорядковъ среди заводскаго населенія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ обрисовываетъ положеніе „мочнаго“ и „маломочнаго“ купечества. Маломочный попадалъ въ тайную канцелярію за то, что выражалъ слишкомъ откровенно свои чувства по адресу лицъ, занимавшихъ высокое положеніе въ періодъ наибольшаго развитія привилегированной промышленности и торговли. Большинство сборовъ съ купечества падало особенно ощутительно на ту часть его, которая состояла изъ „маломочныхъ“, „мизерныхъ“. Этимъ объясняется, что купцы такъ же, какъ и крестьяне, стремились „избыть“ всякими способами тѣ „тягости“, подъ давленіемъ которыхъ они находились вслѣдствіе всего строя государственнаго хозяйства: одни совсѣмъ удалялись изъ купечества; другіе, оставаясь въ немъ, старались ускользнуть изъ-подъ контроля финансоваго вѣдомства.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе интересной книги г. Өирсова. Жаль, что она издана крайне неудовлетворительно въ техническомъ отношеніи: кромѣ замѣченныхъ авторомъ и оговоренныхъ опечатокъ,—онѣ попадаются почти на каждой страницѣ, а иногда и по нѣскольку сряду (напр. стр. 100, 186).

И. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**». Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1896 по **9** рублей.

Издатель **С. Зыковъ** Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. СЕНТЯБРЬ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII вѣка Гл. III. Сообщ. В. В... 449—479
II. Французы въ Варшавѣ въ войну 1806—1807 гг. Н. К. Шильдера..... 481—511
III. Политика на почтовомъ листѣ бумаги. Сообщ. М. А. Веневитиновъ..... 513—516
IV. Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга. Гл. III. А. А. Гирса... 517—537
V. Муравіада. И. Юдина. 539—559
VI. Записки В. А. Инсарскаго. Часть III..... 561—591
VII. Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской..... 593—606
VIII. Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Краской Пахры. А. Н. Попова. Сообщ. П. П. Цуриковъ..... 607—631
IX. Просинціальные нравы за послѣдніе полвѣка. Ф. Л. Лучинскаго..... 633—658
X. Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго. (Окончаніе). Сообщ. княгиня А. А. Голицына—графиня Остерманъ. 659—681
XI. Записная книжка „Русской Старины“: Назначеніе кн. Суворова въ дѣйствующую армію въ 1760 г. Сообщ. А. Р. Безродный. (стр. 480). — О пріѣздѣ въ Ригу принцессы Цербской въ 1743 г.— О высылкѣ «шарлатана» Каліостро изъ Россіи въ 1787 г. Сообщ. А. З. Мышлаевскій. (512). — Собственноручное письмо императр. Екатерины II къ П. И. Чебышеву. Сообщ. А. Маркевичъ.—Старинная свадебная запись. Сообщ. Л. С. М—чъ. (538).—Записка что исхарчено на рекрута. 13 го сентября 1770 г. Сообщ. А. М. Саволовъ. (560)— Запрещеніе азартной карточной игры. Указъ имп. Александра I отъ 11 іюля 1801 г. Сообщ. Л. С. М—чъ. (592).—Эпиграмма на сочиненіе И. И. Дибича «О воинской наукѣ». С. Н. Марина. Сообщ. Л. С. М—чъ. (632).—Секретное письмо князя Кутузова-Смоленскаго А. М. Римскому-Корсакову 29 марта 1813 г. (682—683).
XII. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ княгини Екатерины Николаевны Голицыной (рожденной Бахметевой). Гравир. К. Алтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.
1897.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1897 г.

Библіографическій листокъ.

В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи (Guide à travers la Sibérie et les territoires en Asie centrale). Томскъ 1897 г.

Появленіе такой книги, какъ «Путеводитель» г. Долгорукова,—въ настоящее время, когда идутъ дѣятельныя работы по проведенію Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути,—нельзя не признать вполнѣ своевременнымъ. Мало извѣстный край этотъ съ проведеніемъ этой великой желѣзнодорожной вѣтви, будетъ имѣть особенное значеніе не только для насъ, русскихъ, но и для иностранцевъ: поэтому всякая попытка дать болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ малоизвѣстномъ краѣ должна быть привѣтствуема.

В. А. Долгоруковъ въ своемъ «Путеводителѣ», распадающемся на четыре главныхъ отдѣла, даетъ много различныхъ свѣдѣній о городахъ, выдающихся мѣстностяхъ и о существующихъ въ Сибири и Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ путяхъ сообщенія: объ открытыхъ уже желѣзнодорожныхъ участкахъ (съ указаніемъ станцій, времени отхода поѣздовъ, платы за проѣздъ), о почтовыхъ трактахъ, караванныхъ, торговыхъ и нѣкоторыхъ земскихъ дорогахъ; кромѣ того, въ этой книгѣ можно найти свѣдѣнія о Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ Россіи и Закаспійской области, съ ея военною желѣзною дорогою, а въ дополненіяхъ говорится о минеральныхъ водахъ Азіатской Россіи (32 пункта, по большей части стоящіе на самой низкой степени эксплоатаціи) и о судопроизводствѣ въ Сибири. По большимъ городамъ, какъ Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, имѣются адресъ-календарныя свѣдѣнія; не забыты авторомъ и рейсы «Добровольнаго флота».

Помѣщенныя въ «Путеводителѣ» свѣдѣнія пріобрѣтаютъ еще большую цѣнность потому, что ими могутъ пользоваться и не знающіе русскаго языка, такъ какъ г. Долгоруковъ въ своей книгѣ даетъ и французскій (хотя и нѣсколько сокращенный) описательный текстъ.

Книга снабжена множествомъ различныхъ рисунковъ—видовъ мѣстностей, гербовъ губерній, типовъ народностей—портретовъ нѣкоторыхъ лицъ, дѣятельность которыхъ соприкасалась съ Сибирью и владѣніями Россіи въ Средней Азіи.

Алфавитный указатель мѣстностей, упоминаемыхъ въ «Путеводителѣ», и хорошо составленная карта Россійской Имперіи значительно облегчаютъ справки.

Н. К-ш-ъ.

Записки Пріамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Т. I, вып. II.—Матеріалы для изученія шаманства у гольдовъ. И. И. Шимкевича. Подъ редакціею М. Я. Сибирцева. Съ рисунками.

Г-ну Шимкевичу, во время трехъ экскурсій, совершенныхъ имъ въ зиму 1895–96 г., удалось собрать значительный матеріалъ, относящійся къ шаманству у гольдовъ, живущихъ въ окрестностяхъ Хабаровска. Во время одной изъ экскурсій И. И. Шимкевичъ пріобрѣлъ цѣнный костюмъ гольдскаго шамана, болѣе сотни разныхъ бурхановъ [1]) и убѣдилъ шамана Оджалъ пріѣхать въ Хабаровскъ, гдѣ онъ, послѣ нѣсколькихъ сеансовъ на квартирахъ членовъ Пріамурскаго отдѣла географическаго общества, показалъ общему собранію этого отдѣла камланіе [2]) и спѣлъ нѣсколько легендъ о происхожденіи какъ самого шамана, такъ и разныхъ верховныхъ существъ шаманскаго культа.

Шаманство возникло у малокультурныхъ народовъ на извѣстной ступени ихъ религіознаго развитія и, благодаря оригинальности своего проявленія, давно уже обратило на себя вниманіе ученыхъ и путешественниковъ, которые, описывая обряды шаманства у этихъ народовъ, вносили въ науку обширный этнографическій матеріалъ. Выдающимся трудомъ въ этой области слѣдуетъ признать книгу В. К. Михайловскаго, „О шаманствѣ“, которая послужила основою изслѣдованій автора, какъ онъ заявляетъ въ своемъ предисловіи. О гиляках г. Михайловскій упоминаетъ вскользь о шаманствѣ же гольдовъ, орочонъ и другихъ аборигеновъ нижняго Амура онъ не говоритъ ничего, а потому трудъ г. Шимкевича, подъ приведеннымъ выше названіемъ значительно дополняетъ книгу г. Михайловскаго и представляетъ собою солидный вкладъ въ этнологическую литературу.

Собранный матеріалъ о шаманствѣ И. И. Шимкевичъ сгруппировалъ въ четыре отдѣльныя главы.

Въ первой главѣ авторъ выясняетъ значеніе шамана у гольдовъ: шаманъ является знатокомъ пути въ загробный міръ и в

---

[1]) Разнообразные божки, олицетворяющіе того или другаго духа. Какое бы дѣло ни начиналъ гольдъ, у него всегда является потребность обратиться за помощью къ бурхану.

[2]) Алтайцы называютъ шамана „кам“ отъ этого дѣйствія его, при сношеніяхъ съ духами, называются „камланіе“.

КНЯГИНЯ
ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ГОЛИЦЫНА
(рожденная Бахметева).

теченіемъ времени совершенно онѣмечился [1]). Остерманъ поддерживалъ вмѣстѣ съ тѣмъ дружественныя отношенія Россіи къ Пруссіи и его стараніями произошло также сближеніе Россіи съ Англіей.

Въ 1732 г. императрица Анна Іоанновна подписала съ лондонскимъ дворомъ торговый договоръ, поставившій Россію въ зависимость отъ Англіи точно такъ, какъ трактатъ, заключенный съ Вѣною въ 1726 г. поставилъ ее подъ опеку Австріи въ отношеніи политическомъ. Находясь въ союзѣ съ Австріею, первою непріятельницею Франціи, русскій дворъ въ продолженіе бо̀льшей части царствованія Анны Іоанновны былъ въ размолвкѣ съ Парижемъ. Хотя дипломатическія сношенія съ Франціей не были прерваны, но отношенія къ ней Россіи стали въ высшей степени холодны и натянуты. Монархи обѣихъ державъ изрѣдка обмѣнивались церемоніальными письмами, извѣщая другъ друга о какомъ-либо семейномъ событіи, и этимъ обмѣномъ вѣжливости ограничивались всѣ ихъ сношенія. На мѣсто Кампредона, отозваннаго въ 1726 г. не было даже назначено настоящаго, аккредитованнаго посланника, человѣка сколько-нибудь съ вѣсомъ и значеніемъ; обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи исполнялъ, послѣ его отъѣзда, простой секретарь посольства, г. Маньянъ, не получившій отъ своего двора никакихъ оффиціальныхъ дипломатическихъ инструкцій.

Во Франціи, обязанности перваго министра исполнялъ въ то время кардиналъ Флёри, замѣнившій герцога Бурбонскаго. Кардиналъ ничего не ожидалъ отъ Россіи, не возлагалъ на нее никакихъ надеждъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, и поэтому не добивался съ нею союза. Въ инструкціяхъ, данныхъ имъ Маньяну, намекая на продажность русскихъ вельможъ, онъ дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе, характеризующее его взглядъ на пользу, которую могло принести французамъ сближеніе съ Россіей: «Полнѣйшее подчиненіе царицы вѣнскому двору будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, говоритъ онъ, пока ея сановники будутъ имѣть выгоды въ денежномъ отношеніи со стороны императора; допустивъ даже, что удалось бы уменьшить вліяніе вѣнскаго двора, то польза, какую изъ этого можно было бы извлечь, разумѣется не стоитъ тѣхъ затратъ, какія пришлось бы для этого сдѣлать».

Несмотря на столь упрочившееся вліяніе Австріи, въ Петербургѣ была многочисленная партія, порицавшая австрійскую политику русскаго двора. Партія эта, группировавшаяся около дочери Петра Великаго, царевны Елисаветы, ненавидѣла нѣмцевъ и сокрушалась о томъ, что правленіе находилось исключительно въ рукахъ иноземцевъ. Елисавета, вѣрная завѣтамъ своего державнаго отца, при всякомъ удобномъ случаѣ

[1]) Маньянъ—Шовелену, 17-го апрѣля 1730 г. и 23-го сентября 1732 г. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 81, стр. 11 и 453.

заявляла свои симпатіи къ Франціи; ея сторонники часто имѣли свиданія съ Маньяномъ и въ откровенной бесѣдѣ высказывали ему свою ненависть къ Германіи, заявляя, что въ интересахъ Россіи они предпочли бы союзъ съ Франціей, который находятъ въ тысячу разъ выгоднѣе союза съ императоромъ австрійскимъ и съ королемъ прусскимъ. Какъ ни была сильна и вліятельна въ Петербургѣ нѣмецкая партія, но сторонники союза съ Франціей едва не одержали верхъ при дворѣ даже въ царствованіе Анны Іоанновны, такъ какъ фельдмаршалъ Минихъ, имѣвшій чрезвычайное вліяніе на государыню и на Бирона, лично симпатизировалъ Франціи, настаивалъ на союзѣ съ ней, чтобы побороть вліяніе Остермана.

Въ концѣ апрѣля 1732 года Минихъ однажды неожиданно заявилъ Маньяну, что царица, по его совѣту, согласна сблизиться съ Франціей, нарушивъ союзъ съ Австріей. Начались переговоры между Маньяномъ и императрицей при посредничествѣ Миниха, и былъ уже составленъ проектъ союзнаго договора. Анна Іоанновна, взамѣнъ помощи, обѣщанной ей Франціи, требовала, чтобы эта держава обязалась не препятствовать ей возвратить отъ Турціи Азовъ, т. е. имѣть портъ на Черномъ морѣ, и отказалась бы отъ всякаго вмѣшательства въ ея распри съ Польшей.

Дѣйствуя болѣе энергично и рѣшительно, французское правительство могло бы воспользоваться этимъ благопріятнымъ моментомъ для сближенія съ Россіей, но оно не рѣшилось стать открыто на ея сторону, отказавшись отъ своихъ давнишнихъ союзниковъ—Швеціи и Польши, и поэтому отклонило отъ себя какія-либо обязательства. Поэтому переговоры не привели къ желаемому результату, и неудавшаяся попытка къ сближенію съ французскимъ дворомъ еще болѣе утвердила въ Петербургѣ поколебавшееся было вліяніе Австріи [1]).

Первою жертвою союза Россіи съ Австріею была Польша. Съ кончиною короля Августа II, послѣдовавшею 1-го февраля 1733 г, польскій сеймъ избралъ на престолъ Станислава Лещинскаго, тестя французскаго короля Людовика XV. Россія, несогласная съ этимъ избраніемъ, тотчасъ отправила войско, которое вступило въ Варшаву, чтобы смѣстить Станислава и замѣнить его своимъ кандидатомъ,—Августомъ, курфюрстомъ Саксонскимъ, за котораго также стояла и Австрія. Маньянъ подалъ, отъ имени своего государя, протестъ по поводу нарушенія Россіей вольностей Рѣчи Посполитой, но на всѣ его заявленія русское правительство не обратило никакого вниманія. Онъ обращался

[1]) Маньянъ сообщалъ своему правительству о ходѣ этихъ переговоровъ въ депешахъ отъ 25-го и 29-го апрѣля, 5-го іюля, 19-го августа и 4-го ноября 1732 г.

къ братьямъ Минихамъ, Остерману, графу Головкину совершенно безуспѣшно. Заявленія его произвели при русскомъ дворѣ очень слабое впечатлѣніе отчасти потому, что онъ не имѣлъ на этотъ предметъ особыхъ оффиціальныхъ полномочій. Русскіе кабинетъ-министры не давали ему никакого отвѣта, ссылаясь на то, что декларація короля относится къ вѣнскому двору, а не къ русскому. Тогда, въ виду ухудшившихся отношеній между Франціей и Россіей, Маньянъ былъ отозванъ и получилъ повелѣніе возвратиться въ Парижъ, куда и уѣхалъ 5-го іюля н. ст. 1732 года.—Онъ привезъ въ столицу Франціи убѣжденіе въ томъ, что пока въ министерствѣ царицы будетъ находиться человѣкъ, до такой степени, какъ Остерманъ, преданный вѣнскому двору, весьма заинтересованному сохраненіемъ союза съ Россіей, нечего и думать о заключеніи союзнаго договора и нечего ожидать отъ такого двора, гдѣ все мѣняется съ минуты на минуту и гдѣ лица, имѣющія преобладающее вліяніе на рѣшеніе царицы, обнаруживаютъ гораздо менѣе преданности къ интересамъ государыни, чѣмъ къ интересамъ императора [1]).

Подарки, присланные вѣнскимъ дворомъ фавориту, съ одной стороны, а съ другой—брачный проектъ, касавшійся принца Беверискаго и племянницы царицы—погубили окончательно переговоры французскаго уполномоченнаго [2]). Франція не съумѣла обезпечить себѣ союзъ съ Россіей, но отказавшись отъ этого союза, не рѣшилась вступить съ нею въ борьбу. Она не объявила войны Россіи и, ограничившись отозваніемъ своего дипломатическаго представителя, ничего не предприняла для того, чтобы помочь Польшѣ.

Станиславъ просилъ французское правительство дать ему войско—оно послало ему три батальона подъ командою Плело, который погибъ геройскою смертью подъ стѣнами Данцига, не успѣвъ спасти Станислава; это было первое столкновеніе французовъ съ русскими на полѣ битвы. Когда Польша была вынуждена подчиниться волѣ Австріи и Россіи, Франція, подписавъ съ Австріей предварительныя условія вѣнскаго договора (1735 г.), признала этимъ фактъ низложенія Станислава. Такъ какъ она не вела оффиціально войны съ Россіей, то и не заключала съ ней мира, но дипломатическія сношенія не возобновлялись.

Подчиненіе Польши и утвержденіе на польскомъ престолѣ монарха, получавшаго совѣты и инструкціи изъ Вѣны и Петербурга, было осуществленіемъ только одной части проекта, составленнаго императорскими дворами. Это было какъ бы первымъ актомъ задуманнаго имъ политическаго дѣла; второй актъ разыгрался на берегахъ Дуная, и могъ

---

[1]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 81, стр. XXII, и 530.

[2]) Маньянъ—Шовелену, 30-го декабря 1732 г. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 81, стр. 513.

кончиться разгромомъ Оттоманской имперіи. Въ 1736 и 1737 гг. Австрія и Россія объявили послѣдовательно войну Турціи; ихъ войска вступили на турецкую территорію. Тогда Франція, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, заступилась за свою давнюю союзницу и на этотъ разъ ея посредничество оказалось удачнѣе.

Французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ былъ въ то время маркизъ де-Вильневъ—человѣкъ выдающихся способностей. Дѣйствуя умѣло и весьма рѣшительно, онъ успѣлъ посѣять рознь между союзниками и, воспользовавшись неудачею и паникой, овладѣвшей австрійскимъ правительствомъ, добился того, что державы, объявившія войну Турціи, прекратили ее каждая отдѣльно. Русскіе, подъ предводительствомъ Миниха, успѣли овладѣть побережьемъ Чернаго моря и Молдавіей, но послѣ пораженія ихъ союзниковъ вся тяжесть войны обрушилась на нихъ. Въ то же время де-Вильневъ старался вооружить противъ Россіи прочія державы, велъ переговоры о заключеніи союза между Портою и Швеціей и подготовлялъ диверсію шведовъ на Петербургъ. Россіи ничего не оставалось какъ поспѣшно заключить въ 1739 году Бѣлградскій миръ, который и былъ подписанъ при посредничествѣ де-Вильнева.

«Турки должны благодарить за этотъ миръ Магомета и Вильнева»,— сказалъ по этому случаю Минихъ.

Бѣлградскій миръ былъ верхомъ искусства французской дипломатіи XVIII-го вѣка. Благодаря ловкости своего посланника, Франція, не обнажая меча, пріобрѣла огромныя выгоды. Въ силу этого договора Россія была вынуждена очистить Румынскія княжества и срыть укрѣпленія Азова, изъ котораго она думала создать на югѣ крѣпость. Такимъ образомъ ея флоту былъ закрытъ доступъ въ Черное море.

Посредничество Франціи остановило Россію на пути къ Константинополю, но это обстоятельство не воздвигло между обѣими державами непреодолимой преграды, а подготовило, напротивъ, между ними сближеніе. Русскіе вполнѣ оцѣнили осторожность и энергію французскаго дипломата и старались возобновить сношенія съ противникомъ, котораго они научились уважать. По заключеніи Бѣлградскаго мира, для опредѣленія условій эвакуаціи Молдавіи, въ главную квартиру Миниха былъ посланъ французскій офицеръ Тоттъ. Когда онъ уѣзжалъ изъ лагеря, фельдмаршалъ отвелъ его въ сторону и сказалъ, прося передать его слова въ точности кардиналу Флёри:

— Я всегда былъ расположенъ къ Франціи и всю жизнь буду преданъ Россіи; я ничего такъ не желаю, какъ устроить ихъ союзъ, не изъ какихъ-либо личныхъ выгодъ, но ради взаимнаго блага обоихъ государствъ. Эта мысль не новая, я уже дѣлалъ однажды въ этомъ смыслѣ предложенія французскому двору. Его высокопреосвященство не управлялъ въ то время дѣлами, но онъ можетъ потребовать по этому поводу

справку, которая должна быть въ архивѣ министерства. Я никогда не сочувствовалъ союзу Россіи съ императоромъ и полагаю, что Австріи скорѣе придется воевать, нежели намъ, слѣдовательно, все бремя союза ляжетъ на насъ. Притомъ, я всегда высказывалъ, что императоръ постоянно смотритъ на своихъ союзниковъ, какъ на своихъ вассаловъ, чему доказательствомъ служатъ англичане и голландцы, которые скоро познали всю невыгоду этого союза и отказались отъ него, какъ люди опытные въ смыслѣ политики. Все то, что я тщетно старался доказать тогда, нынѣ подтвердилось на дѣлѣ, ибо союзъ съ императоромъ, не принеся намъ никакихъ выгодъ, привелъ къ тому, что мы остались въ совершенномъ одиночествѣ. Это можно приписать только вѣроломству или безсилію и доказываетъ, во всякомъ случаѣ, пагубу этого союза, ибо быть связаннымъ съ вѣроломнымъ или съ безсильнымъ союзникомъ—одно и то же. По этой причинѣ теперь было бы вполнѣ своевременно возобновить нашъ давнишній проектъ союза съ Франціей.

Намекая на сношенія Франціи со Швеціей и на анархію, господствовавшую въ этомъ королевствѣ, фельдмаршалъ присовокупилъ:

— Франція можетъ дружить со Швеціей и съ нами, но я совѣтовалъ бы ей болѣе дорожить нашей дружбой, нежели дружбой Швеціи. Въ Швеціи всякій прощалыга можетъ пріостановить самые важные переговоры, тогда какъ въ Россіи—неограниченная монархія, и отъ подобнаго правительства можно ожидать болѣе всего помощи.

Императрица Анна Іоанновна взяла на себя иниціативу въ возобновленіи дипломатическихъ сношеній съ Франціей, назначивъ князя Антіоха Кантемира посланникомъ въ Версаль и поручивъ ему оффиціально благодарить Людовика XV за его посредничество въ дѣлахъ съ Турціей. Французскому королю пришлось отвѣтить на эту любезность, въ свою очередь назначивъ представителя къ русскому двору. Но Франція хотѣла имѣть при дворѣ Анны Іоанновны скорѣе человѣка, дѣятельность котораго заключалась бы въ наблюденіи и сообщеніи французскому министерству всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событій въ Россіи, нежели человѣка уполномоченнаго и способнаго вести переговоры. Она не желала въ сущности сближенія съ Россіей, но старалась, напротивъ, скрѣпить узы, соединявшія ее съ естественными врагами Россіи, возобновивъ съ Портою дружественныя сношенія, а со Швеціей новый оборонительный союзъ. Назначая въ Петербургъ посланника, французское правительство хотѣло только выяснить себѣ положеніе и силы Россіи, устойчивость и надежность ея правительства. Въ запискѣ, составленной французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (іюль, 1739 г.) и долженствовавшей служить инструкціей вновь назначаемому посланнику, ему предписывалось лишь собрать предварительныя свѣдѣнія о положеніи Россіи и партій при русскомъ дворѣ.

При этомъ онъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на лицъ, державшихъ сторону великой княжны Елисаветы Петровны; разузнать, какое значеніе и какихъ друзей она можетъ имѣть, а также настроеніе умовъ въ Россіи, семейныя отношенія, словомъ, все то, что могло бы предвѣщать возможность переворота, причемъ имѣлся въ виду планъ возвести на престолъ великую княжну при содѣйствіи Франціи и замѣнить такимъ образомъ австрійское вліяніе на русскій дворъ французскимъ [1]). Въ Петербургѣ незадолго передъ тѣмъ былъ открытъ заговоръ, въ которомъ была замѣшана Елисавета Петровна [2]); ея фаворитъ Нарышкинъ долженъ былъ бѣжать во Францію, откуда онъ продолжалъ интриговать въ пользу царевны.

Въ столь неопредѣленномъ и щекотливомъ порученіи, какое возлагалось на французскаго посланника, все зависѣло отъ выбора человѣка. Сначала французскій дворъ остановился на графѣ Вогренанѣ, однако этого дипломата устрашили слухи о неудобствахъ жизненной обстановки, ожидающихъ его въ Россіи, и онъ отклонилъ отъ себя предложенное назначеніе. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній версальскій кабинетъ назначилъ на этотъ постъ маркиза Шетарди, который въ теченіе десяти лѣтъ съ успѣхомъ занималъ мѣсто французскаго посланника въ Берлинѣ [3]).

Шетарди былъ типомъ свѣтскаго француза восемнадцатаго вѣка. То офицеръ, то дипломатъ, а прежде всего придворный—онъ обращалъ на себя вниманіе вездѣ, гдѣ ни появлялся. Страстно любившій общество, гдѣ, благодаря своему изяществу и галантности, онъ имѣлъ большой успѣхъ и насчитывалъ столько же друзей, какъ и враговъ, привлекая однихъ своей любезностью и личнымъ обаяніемъ и возстановляя противъ себя другихъ своимъ подвижнымъ и вспыльчивымъ нравомъ. Одаренный быстрой и развитой сообразительностью, живымъ умомъ, а съ другой стороны—легкомысленный, отважный, увѣренный въ себѣ и безразсудно пылкій, онъ жертвовалъ всѣмъ ради желанія блистать, играть какую-нибудь видную роль; отваживался на самыя смѣлыя предпріятія, не предусматривая ихъ исхода, и лишался, благодаря своему легкомыслію, плодовъ, пріобрѣтаемыхъ его искуснымъ веденіемъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ высокомѣрный, ревниво охраняющій достоинство своего званія, преданный своимъ привилегіямъ, въ качествѣ дворянина и посла, не уступавшій ни въ чемъ, касающемся церемоніала—онъ обсуждалъ пу-

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, т. 86, стр. 76—96.

[2]) Еще въ 1733 г. Маньянъ писалъ изъ Петербурга: „Здѣшнему государству грозитъ переворотъ, вслѣдствіе чрезвычайно сильнаго желанія всего русскаго народа освободиться отъ ига чужеземнаго владычества“. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 81, стр. 532.

[3]) Іоахимъ маркизъ де-ла-Шетарди род. 1705 г. † 1758 г. Ему было при отъѣздѣ въ Петербургъ 35 лѣтъ.

стыя подробности весьма серьезно, а дѣла—иногда легкомысленно. Въ чемъ онъ выказалъ себя великимъ мастеромъ—это въ искусствѣ сорить деньгами, истинно по-барски. Уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ Шетарди не имѣлъ недостатка въ примѣрахъ блестящаго мотовства. При тѣхъ дворахъ, гдѣ онъ являлся уполномоченнымъ лицомъ, онъ вызывалъ восторгъ великолѣпіемъ своего образа жизни; всѣ ставили въ примѣръ его экипажи, одежду, блескъ устраиваемыхъ имъ пріемовъ, ливреи его слугъ. Онъ могъ бы давать иностранцамъ уроки чопорнаго этикета и утонченной элегантности, но, къ сожалѣнію, его политика слишкомъ часто напоминала салонную интригу, и ему не разъ приходилось въ томъ раскаиваться. Таковъ былъ человѣкъ, игравшій видную роль въ Петербургѣ при воцареніи Елисаветы Петровны.

Онъ прибылъ въ Россію въ исходѣ 1739 г. Русскій и французскій дворы были того мнѣнія, что возобновленіе между ними сношеній должно совершиться самымъ торжественнымъ образомъ; оба посланника, русскій и французскій, получили званіе чрезвычайныхъ пословъ, которое требовало отъ лица, имъ облеченнаго, особой представительности и давало право на особыя почести. Эта видная роль подходила какъ нельзя болѣе къ характеру маркиза Шетарди.

Онъ привезъ съ собою многочисленную свиту, состоявшую изъ 12-ти кавалеровъ, секретаря, 8-ми духовныхъ лицъ, 6-ти поваровъ, 50-ти пажей, камердинеровъ и ливрейныхъ слугъ. Проѣздомъ въ Дрезденѣ онъ поразилъ дворъ, слывшій однимъ изъ изысканнѣйшихъ дворовъ Германіи.

«Платья Шетарди, писалъ Мантейфель, прусскій посланникъ въ Саксоніи, — самыя великолѣпныя и самымъ лучшимъ образомъ исполненныя изъ виданныхъ когда-либо въ Россіи. По словамъ маркиза, онъ покажетъ русскимъ во всѣхъ отношеніяхъ, что́ значитъ Франція».

Въ Курляндіи послу былъ оказанъ великолѣпный пріемъ; на его пути были разставлены эшелонами отряды драгунъ, долженствовавшіе конвоировать его; такимъ образомъ онъ прибылъ на границу Россіи.

Переправившись черезъ Двину, у Риги, и сойдя на берегъ, онъ увидѣлъ четыре роты гренадеръ въ полномъ вооруженіи, а на лѣвомъ берегу—роту кирасиръ, артиллерію и конную стражу гражданъ Риги. Войска привѣтствовали его тремя ружейными залпами и 31-мъ пушечнымъ выстрѣломъ. Затѣмъ два депутата отъ города привѣтствовали его рѣчью отъ имени магистрата Риги. На набережной ожидали его и его свиту три кареты, запряженныя въ шесть лошадей. Онъ въѣхалъ въ городъ, предшествуемый музыкантами: однимъ литаврщикомъ и шестью трубачами, за коими шелъ отрядъ изъ 200 всадниковъ конной стражи гражданъ, которые ѣхали по-парно въ разноцвѣтныхъ мундирахъ. У дверей

дома, приготовленнаго для посланника, былъ поставленъ почетный караулъ изъ 50-ти гренадеръ съ полковымъ знаменемъ. Генералъ Бисмаркъ, русскій губернаторъ Риги, принялъ Шетарди при выходѣ изъ кареты, провелъ его въ приготовленные покои и представилъ ему мѣстныхъ чиновниковъ. Пріѣздъ представителя французскаго короля былъ отпразднованъ смотромъ, обѣдомъ и баломъ, и ему отдавали все время почести, подобающія монарху [1]).

Начиная отъ Риги, путешествіе посланника превратилось въ настоящее торжественное шествіе. На станціяхъ при смѣнѣ лошадей и на ночлегахъ онъ былъ встрѣчаемъ представителемъ отъ дворянства. Навстрѣчу Шетарди былъ посланъ одинъ изъ чиновъ императорскаго двора, который былъ при немъ неотлучно; войска отдавали ему воинскія почести, а онъ раздавалъ щедрою рукою золото и подарки. Когда посланникъ подъѣхалъ къ Петербургу, ему было предложено совершить торжественный въѣздъ въ столицу, но онъ скромно отъ этого отказался въ виду того, что въѣздъ русскаго посла въ Парижъ не былъ обставленъ никакою торжественностью. Зато Шетарди рѣшилъ поразить всѣхъ особымъ блескомъ и пышностью на первой же аудіенціи. Въ назначенный для того день онъ отправился во дворецъ въ царской каретѣ, за которой слѣдовали его собственные экипажи, окруженные придворными, которые ѣхали верхами, гайдуками, лакеями и скороходами. Императрица Анна Іоанновна приняла его сидя на тронѣ, съ короною на головѣ, окруженная всѣмъ дворомъ. Посланникъ поразилъ всѣхъ своими безупречными манерами, поцѣловалъ руку императрицы и сказалъ ей весьма краснорѣчивое привѣтствіе [2]), на которое императрица отвѣчала, что, относясь неизмѣнно съ полнѣйшимъ вниманіемъ къ дружбѣ его королевскаго величества, она съ удовольствіемъ пользуется случаемъ къ возобновленію добрыхъ отношеній между ихъ величествами. Заботы, принятыя на себя его королевскимъ величествомъ для возстановленія при его посредствѣ гарантіи мира, заключеннаго недавно императрицей съ Оттоманской Портой, вполнѣ убѣждаютъ ея императорское величество въ значительности услугъ, которыми она обязана королю. Поэтому, чтобы представить его королевскому величеству убѣдительныя доказательства своей признательности, императрица постарается со всѣмъ возможнымъ прилежаніемъ поддерживать дружбу короля и содѣйствовать всему, что будетъ отъ нея зависѣть, для большаго ея укрѣпленія [3]).

---

[1]) Корреспонденція Шетарди 12-го нояб. (1-го дек.), 29-го дек. (9-го янв.) 1739 г. „Сборн. Ист. Общ., т. 86, стр. 152—160.

[2]) Корреспонденція Шетарди 29-го дек. 1739 г. (9-го янв. 1740 г.)

[3]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 86, стр. 169.

Выйдя изъ царскихъ покоевъ, Шетарди тотчасъ отправился къ великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Это вниманіе со стороны француза къ молодо́й и красивой собою принцессѣ понятна сама собою, но надобно полагать, что въ этой поспѣшности не послѣднюю роль играли и политическія соображенія. Прочтя внимательно свои инструкціи, Шетарди зналъ, что многіе смотрѣли въ Россіи на Елисавету Петровну какъ на свою законную государыню, несправедливо устраненную отъ престола, на который она имѣла право по своему рожденію, и что эти люди были готовы при первомъ удобномъ случаѣ возвести ее на престолъ.

Двадцати-восьми-лѣтняя красавица, высокая ростомъ, стройная, прекрасно сложенная, съ чудными голубыми глазами съ поволокою, съ прекрасными бѣлокурыми волосами и ослѣпительно бѣлымъ цвѣтомъ лица, чрезвычайно веселая, живая, нѣсколько вѣтреная и легкомысленная, неспособная думать ни о чемъ серьезномъ—такова была въ то время Елисавета Петровна. Она прекрасно говорила по-французски, порядочно понѣмецки, и была какъ бы рождена для Франціи, такъ какъ она любила только блескъ [1]).

Она была весьма тронута вниманіемъ, оказаннымъ ей французскимъ посланникомъ и, несмотря на все свое легкомысліе, никогда этого не позабыла.

Шетарди былъ очарованъ великой княжною; совершенно иное впечатлѣніе произвела не него холодная, апатичная Анна Леопольдовна, къ которой онъ отправился отъ Елисаветы Петровны; онъ былъ принятъ ею и ея мужемъ такъ холодно и нелюбезно, что его самолюбіе было этимъ задѣто и онъ рѣшилъ отомстить имъ за этотъ пріемъ, если къ тому представится случай.

Послѣ утонченности версальскаго двора и простоты, господствовавшей въ Германіи, русскій дворъ съ его увеселеніями, шутами, скоморохами, грубой безвкусной роскошью поразилъ французскаго посланника. Среди этого двора была только одна личность, напоминавшая западные нравы и подходившая къ духу западныхъ націй своими вкусами, своей безъискусственной веселостью и врожденной граціей; это была великая княжна Елисавета.

Шетарди пользовался всякимъ случаемъ быть съ нею; вспомнивъ, что званіе посла давало ему право открывать съ нею при дворѣ балъ, такъ какъ императрица болѣе не танцовала, онъ заявилъ объ этомъ правѣ и настоялъ на своемъ требованіи. Это понравилось великой княжнѣ; она часто повторяла маркизу, что ей извѣстны чувства, которыя питаетъ къ ней король, что она этимъ тронута и постарается поддержать ихъ [2]).

---

[1]) Такъ описывалъ ее польскій посланникъ Лефортъ.

[2]) Письмо Шетарди 5 марта н. ст. 1740 г.

Вскорѣ однакоже Шетарди соскучился въ Петербургѣ. Онъ разсчитывалъ имѣть въ русской столицѣ тѣ же свѣтскіе успѣхи, къ коимъ онъ привыкъ въ Европѣ, и полагалъ, что ему удастся привлечь въ свой домъ многочисленное и избранное общество и что, сблизившись съ вліятельными лицами и ихъ семействами, онъ получитъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о Россіи и ея правительствѣ. Но эти надежды не оправдались. Ни любезность маркиза, ни его роскошный столъ, за которымъ ежедневно было накрыто 14 кувертовъ для посѣтителей, не привлекали къ нему русскихъ вельможъ, которые еще чуждались иностранцевъ. Цѣлыхъ три мѣсяца Шетарди былъ обреченъ на вынужденное и «малоподобающее его званію» одиночество, которое онъ «съ трудомъ могъ переносить. Мало того, что внѣшніе знаки почтенія, выказываемые мнѣ при дворѣ, не оживили до сихъ поръ вниманія ко мнѣ общества, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кардиналу Флёри, я не могъ до сихъ поръ побѣдить предразсудковъ и обычаевъ, какъ естественныхъ, такъ и вынужденныхъ, которые существуютъ, повидимому, въ здѣшней странѣ».

«Не желая жаловаться, писалъ онъ статсъ-секретарю Амело, я все-таки считаю возможнымъ высказать, что не бывало, пожалуй, примѣра, чтобы посолъ, не дающій къ тому никакого повода, недостаточной, напр., внимательностью или неумѣстной мизантропіей, или наконецъ неприличной скаредностью, былъ принужденъ тотчасъ же по своемъ прибытіи провести два мѣсяца одиноко въ своемъ кабинетѣ, за исключеніемъ тѣхъ краткихъ промежутковъ, которые я провелъ при дворѣ, выполняя тщательнымъ образомъ какой нибудь долгъ вѣжливости, равно какъ и время, когда иностранные министры являлись ко мнѣ запросто пообѣдать или пытались зазвать меня къ себѣ [1]).

Не выдержавъ такой жизни Шетарди рѣшился наконецъ отправиться къ министру иностранныхъ дѣлъ Остерману и попросилъ его предложить всѣмъ придворнымъ являться въ посольство. Остерманъ любезно изъявилъ на это свое согласіе.

— По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, если они и теперь не явятся къ вамъ, то надобно будетъ признать, что они неисправимы.

Придворные повиновались; салонъ французскаго посланника оживился; тѣ лица, которыя вначалѣ пріѣзжали къ нему по приказанію, вскорѣ стали ѣздить къ нему, чтобы пріятно провести время: онъ подкупилъ ихъ своей любезностью, со многими изъ нихъ подружился и изъ ихъ разговоровъ уяснилъ себѣ мало-по-малу истинное положеніе дѣлъ въ имперіи, подмѣтилъ всеобщее неудовольствіе и общую ненависть къ нѣмцамъ, стоявшимъ во главѣ правленія.

---

[1]) Ла-Шетарди—Амело и кардиналу Флёри 12 февраля (1 марта) 1740 г. Сбор. Ист. Общ. т. 86 стр. 219 и 240.

Въ это время Швеція, считая Россію истощенной и обезсиленной послѣднею войною съ Турціей, собиралась отплатить ей за прежнія пораженія, стягивала свои войска въ Финляндію и выражала намѣреніе отнять у русскихъ провинціи, завоеванныя у нея Петромъ Великимъ.

Чтобы отвратить эту опасность и не доводить дѣла до разрыва съ Швеціей, Россія разсчитывала на Францію, зная, какимъ вліяніемъ эта держава пользовалась въ Стокгольмѣ; но петербургскій дворъ изъ гордости не хотѣлъ сдѣлать перваго шага, надѣясь, что Людовикъ XV самъ предложитъ ей свое посредничество. Между тѣмъ, инструкціи, данныя Шетарди предписывали ему дѣйствовать въ этомъ случаѣ какъ можно осторожнѣе и сдержаннѣе, «оставаясь совершенно безучастнымъ къ внушеніямъ подобнаго рода» [1]). Преувеличивая смыслъ этихъ инструкцій, Шетарди никогда не касался дѣлъ въ своихъ бесѣдахъ съ русскими сановникамъ. Вскорѣ до него дошелъ слухъ, что они чрезвычайно удивлены его молчаніемъ. Наконецъ, петербургскій кабинетъ рѣшился заговорить, впрочемъ, довольно иносказательно и неясно.

— Надо, чтобы стало извѣстнымъ,—сказалъ однажды посланнику Остерманъ,—что мы находимся въ состояніи первобытной невинности.

Иными словами это значило, что Россія считала себя свободною отъ своихъ обязательствъ относительно Австріи и могла предложить новому другу, который съумѣлъ бы плѣнить ее сердце, свободное отъ всякой привязанности. Остерманъ повторилъ эти слова неоднократно, прося Шетарди передать ихъ въ точности кардиналу Флёри.

«Подтвердите г. Остерману, писалъ статсъ-секретарь Амело съ нарочнымъ, 8-го апрѣля н. ст. 1740 г., въ отвѣтъ на это сообщеніе, что мы такіе люди, съ которыми можно вести переговоры, и что, если только мы будемъ имѣть основаніе убѣдиться въ оказываемомъ намъ довѣріи и въ откровенности, то мы съумѣемъ показать на дѣлѣ Россіи, что у нея не можетъ быть друзей болѣе вѣрныхъ, чѣмъ мы» [2]).

Передавая это порученіе Остерману, посланникъ дружески замѣтилъ ему, что Россія дѣйствуетъ недостаточно откровенно.

— Скорѣе мнѣ приходится васъ упрекать въ томъ, въ чемъ вы думаете, что мы заслуживаемъ упрека,—отвѣчалъ старый дипломатъ.

Какъ бы то ни было, обѣ державы готовы были сблизиться и къ этому уже клонились всѣ переговоры, когда въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1740 г. внезапно скончалась императрица Анна Іоанновна. Послѣ кратковременнаго регентства Бирона, правленіе перешло въ руки Анны Леопольдовны.

Въ это время между версальскимъ и петербургскимъ кабинетами

[1]) Статсъ-секретарь Амело—Шетарди 17-го (28-го) апрѣля 1740 г.

[2]) Амело - Шетарди 29-го марта (8-го апрѣля) 1740 г.

завязались продолжительные и довольно щекотливые переговоры, вызванные пустяшнымъ требованіемъ церемоніала. Шетарди, назначенный чрезвычайнымъ посломъ французскаго короля при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ лишился этого званія со смертью императрицы; нѣсколько времени спустя ему велѣно было остаться представителемъ Франціи въ Петербургѣ, только въ званіи полномочнаго посланника: оставалось рѣшить вопросъ о томъ, какимъ образомъ онъ представитъ свои новыя вѣрительныя грамоты. Посланники другихъ державъ удовольствовались аудіенціей у правительницы; Шетарди требовалъ, чтобы ему дозволили представиться самому царю, которому не исполнилось еще въ то время года. Подобное требованіе удивило русскихъ и породило массу самыхъ запутанныхъ вопросовъ. Будетъ ли аудіенція частная или публичная? Вручитъ ли посланникъ свои кредитивныя письма самому ребенку? Положитъ ли онъ ихъ на табуретъ, поставленный у подножія трона или вручитъ ихъ правительницѣ, которая будетъ держать малолѣтняго царя на рукахъ? Все это были вопросы крайне затруднительные и которые обсуждались съ самымъ серьезнымъ видомъ версальскимъ и петербургскимъ дворами, вызвавъ усиленный обмѣнъ депешъ, записокъ и дипломатическихъ писемъ.

Въ это же время скончался австрійскій императоръ Карлъ IV, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, но утвердивъ престолъ за своей дочерью, Маріей-Терезіей, въ силу прагматической санкціи, которая была гарантирована Франціей и Россіей; однако претендентомъ на австрійскія владѣнія, унаслѣдованныя Маріей-Терезіей отъ отца, явился баварскій курфюрстъ Карлъ Альбертъ, встрѣтившій поддержку въ прусскомъ королѣ Фридрихѣ II и даже во Франціи, которая болѣе 200 лѣтъ только и мечтала о томъ, какъ бы унизить Австрію. Прусскій король, поддерживая права курфюрста, рѣшился занять войсками Силезію, тогда Марія-Терезія, видя опасность, угрожавшую ей со стороны Пруссіи и Франціи, стала искать поддержки у Россіи, но правительница Анна Леопольдовна, несмотря на личное свое сочувствіе къ австрійской императрицѣ, ограничилась протестомъ противъ дѣйствій прусскаго короля, но не помогла Маріи-Терезіи ни войскомъ, ни деньгами. Французская дипломатія не играла въ этомъ рѣшеніи никакой роли.

Весною 1741 г., Минихъ, бывшій противникомъ союза съ Австріей, не поладивъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, былъ отрѣшенъ отъ занимаемыхъ имъ должностей; австрійская партія восторжествовала и въ тотъ моментъ, когда Франція стала открыто на сторону враговъ Маріи-Терезіи, подписавъ вмѣстѣ съ Пруссіей, Баваріей и Саксоніей союзный договоръ, Россія готовилась выступить на защиту королевы венгерской и послать ей на помощь 30.000 войска. Въ это же время прибылъ въ Петербургъ англійскій уполномоченный Финчъ: Англія предлагала браун-

швейгскому дому обезпечить за нимъ русскій престолъ, если Россія обѣщаетъ помогать ей въ ея борьбѣ съ Франціей. Правительница согласилась на эти предложенія и, подписавъ договоръ, представленный ей Финчемъ, присоединилась открыто къ недругамъ Франціи [1]).

Шетарди предвидѣлъ это рѣшеніе, но не старался устранить его; зная непріязненное отношеніе брауншвейгскаго дома къ Франціи и питая въ душѣ непримиримую вражду къ правительницѣ, которую онъ выводилъ изъ себя своимъ формализмомъ, онъ полагалъ, что Франціи отъ нея нечего ожидать и что Россія, управляемая нѣмцами, рано или поздно, всецѣло подпадетъ подъ вліяніе Австріи. Онъ былъ увѣренъ, что русскій дворъ измѣнитъ свою политику только съ перемѣною правленія и для того, чтобы вырвать Россію изъ рукъ нѣмцевъ, по его мнѣнію, было одно средство: совершить государственный переворотъ. Это казалось дѣломъ довольно легкимъ, такъ какъ большинство русскихъ ненавидѣло господствовавшую нѣмецкую партію. Составить заговоръ, положить конецъ господству иноземцевъ, возвести на престолъ Елисавету, которая душою и сердцемъ напоминала француженку — таковъ былъ планъ, осуществленію котораго предался всею душею маркизъ Шетарди.

Извѣстны любовь и преданность, какую питали къ Елисаветѣ Петровнѣ войско и народъ, какія надежды возлагали на нее русскіе, обожавшіе въ ея лицѣ дочь Петра Великаго; однако, несмотря на ея доступность, несмотря на массу друзей, у Елисаветы не было того, что называется партіей, т. е. извѣстнаго числа дисциплинированныхъ людей, которые подчинялись бы одному лицу и были бы на все готовы по первому знаку.

Для того, чтобы образовать партію и руководить ею, необходимы терпѣніе и притворство, а Елисавета Петровна была легкомысленна и несдержанна, притомъ, главнымъ двигателемъ всякаго заговора являются деньги, которыхъ у великой княжны не было. Помочь ей совѣтомъ, снабдить ее деньгами, поддерживать въ ней энергію и бодрость духа, необходимые для столь рискованнаго предпріятія, взялъ на себя французскій посланникъ.

Въ царствованіе Анны Іоанновны ему ни разу не удалось видѣться и говорить съ принцессой наединѣ. Всякій разъ, когда онъ являлся къ ней, чтобы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, у нея оказывался какой-нибудь непрошенный посѣтитель, подосланный дворомъ, который поспѣвалъ какъ разъ во-время, чтобы присутствовать при ихъ разговорѣ.

Въ правленіе Анны Леопольдовны первый шагъ къ сближенію былъ

---

[1]) Корреспонденція Шетарди 7-го (18-го) апрѣля, 9-го (20-го) мая 1741 г.

сдѣланъ самой Елисаветой. Окруженная шпіонами, она довѣряла только своему врачу и другу, ганноверскому уроженцу Лестоку. Ловкій въ искусствѣ завязать интригу, онъ не имѣлъ смѣлости довести ее до конца, но по своей глубокой преданности къ великой княжнѣ какъ бы самою судьбою былъ предназначенъ къ скромной роли довѣреннаго лица и посредника.

Лестокъ заѣхалъ однажды во французское посольство, и распространившись о симпатіи великой княжны къ Франціи, намеками далъ понять посланнику о надеждахъ, которыя возлагала на него Елисавета. Шетарди понялъ съ полуслова и тотчасъ же поѣхалъ къ принцессѣ, которую онъ засталъ на этотъ разъ одну. Она открыла ему свою душу, горько жаловалась на правительницу, незаконно владѣющую престоломъ, и присовокупила, что какъ дочь Петра Великаго она вѣрна завѣтамъ отца и полагается на дружбу Франціи для поддержанія ея правъ [1]).

Во время этой бесѣды она не разъ съ особеннымъ чувствомъ упоминала имя французскаго короля, и Шетарди подмѣтилъ, что она питаетъ къ нему какую то особенную романическую привязанность. Ей были извѣстны, конечно, переговоры, которые велись о ея бракѣ съ Людовикомъ XV; слыша со всѣхъ сторонъ похвалы уму и красотѣ молодаго короля, она питала къ этому монарху, котораго она никогда не видѣла, но женою котораго могла бы быть, чувство какой-то особенной нѣжности, смѣшанное съ любопытствомъ; воспоминаніе о немъ преслѣдовало ее какъ очаровательное, мимолетное видѣнье. Подобное настроеніе было весьма благопріятно для плана, составленнаго Шетарди, но онъ не считалъ себя въ правѣ дѣйствовать, не снесшись предварительно со своимъ правительствомъ, такъ какъ, по его собственному выраженію, посланникъ, не имѣющій иструкцій, все равно что «незаведеные часы».

Французскій дворъ колебался вступить на тотъ путь, который указывалъ ему рѣшительный и предпріимчивый маркизъ. Вмѣшаться тайнымъ образомъ въ домашнія распри посторонней державы, дать деньги для составленія заговора противъ существующаго правительства и сдѣлать французскаго короля сообщникомъ этого заговора—казалось дѣломъ довольно рискованнымъ. Получивъ первыя предложенія своего посланника, версальскій кабинетъ попросилъ время на размышленіе. Но мало-по-малу желаніе устранить въ Петербургѣ нѣмецкое вліяніе и замѣнить его французскимъ взяло верхъ надъ всѣми прочими соображеніями; тѣмъ болѣе что въ XVIII-мъ вѣкѣ государства не придерживались еще современнаго принципа невмѣшательства въ чужія дѣла, поэтому французское министерство пришло мало-по-малу къ убѣжде-

[1]) Корреспонденція Шетарди 3-го (14-го) января 1741 года.

нію, что «это дѣло вполнѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія короля и что не слѣдуетъ огорчать принцессу Елисавету отказомъ» [1]).

Нѣсколько времени спустя, оно высказалось опредѣленнѣе.—Шетарди велѣно было передать царевнѣ, что Франція предоставляетъ въ ея распоряженіе свои средства, свой кредитъ и готова помогать ей своими совѣтами. Желая польстить тайной склонности Елисаветы, Шетарди старался увѣрить ее, что король, содѣйствуя ея планамъ, занятъ лишь ею и ея выгодами; онъ ссылался на удовольствіе, какое испытаетъ король, содѣйствуя такимъ цѣлямъ, и увѣрялъ Елисавету, что дѣйствія короля всегда будутъ направлены единственно къ удовольствію видѣть ее счастливой и возсѣдающей на престолѣ; что король охотно доставитъ средства для такихъ издержекъ, какъ только она увѣдомитъ, какимъ образомъ это можно будетъ сдѣлать, соблюдая тайну, и что когда бы его величество увидѣлъ принцессу Елисавету и уступилъ бы чувствамъ, какія она весьма способна внушать, то и тогда бы онъ не могъ заниматься еще болѣе тѣмъ, что ее интересуетъ, и что онъ будетъ считать себя вполнѣ вознагражденнымъ, если ему достанется слава возведенія на престолъ принцессы, заслуживающей этого во всѣхъ отношеніяхъ [2]).

Елисавета Петровна, со своей стороны, не замедлила высказать, что она тронута тѣмъ, что король желаетъ для нея сдѣлать и, руководимая живѣйшею признательностью, ни минуты не замедлила бы ее высказать, взявъ на себя честь написать его величеству, если бы соображенія, которымъ она оказывается подчиненной, не лишали ее средствъ къ тому. Тѣмъ скорѣе она поспѣшитъ вознаградить за упущенное, если дѣла примутъ счастливый оборотъ: ни о чемъ не будетъ тогда заботиться сильнѣе, какъ о томъ, чтобы всю свою жизнь представлять доказательства своей благодарности королю [3]). Оставалось только выработать планъ совмѣстныхъ дѣйствій.

Въ это самое время отношенія Россіи къ Швеціи обострились; возможность войны становилась все болѣе и болѣе вѣроятною, такъ какъ Швеція не могла примириться съ потерею провинцій на восточномъ побережьи Балтійскаго моря и собиралась возвратить ихъ силою оружія. Елисавета и Лестокъ хотѣли выждать начала войны и воспользоваться смятеніемъ, какое вызоветъ при петербургскомъ дворѣ вѣсть о приближеніи непріятеля, чтобы подать сигналъ къ возстанію. Франція одобрила, въ принципѣ, этотъ планъ, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ.

---

[1]) Письмо Амело—Шетарди 12 (23) января и 23 января (2 февр.) 1741 г.

[2]) Письмо Шетарди 2 мая н. ст. 1741 г. „Сборн. Истр. Общ.“ т. 92, стр. 516.

[3]) „Сбор. Ист. Общ.“ т. 92 стр. 517.

Содѣйствуя государственному перевороту, она хотѣла имъ воспользоваться не только для того, чтобы сблизиться съ Россіей, но чтобы возстановить на ея счетъ прежнее величіе Швеціи. Преслѣдуя эту цѣль, французское правительство выразило желаніе, чтобы между стокгольмскимъ дворомъ и Елисаветой Петровной установилось нѣкотораго рода соглашеніе, а именно, Швеція обязалась бы напасть на русскихъ по первому требованію, а Елисавета, со своей стороны, обѣщала бы, вступивъ на престолъ, возвратить ей часть Прибалтійскихъ провинцій, завоеванныхъ Петромъ Великимъ.

«Ничего не будетъ упущено, писалъ статсъ-секретарь Амело Шетарди, для побужденія шведовъ оказать помощь перевороту и даже для доставленія имъ возможности нанести рѣшительный ударъ, какъ только мѣры будутъ, повидимому, хорошо приняты. Но, по всей вѣроятности, въ награду за такую значительную услугу, они пожелаютъ возвращенія, по крайней мѣрѣ части отнятыхъ у нихъ областей. Если вы въ состояніи будете склонить принцессу Елисавету къ такой жертвѣ, вы окажете громадную услугу королю, для котораго всегда будетъ выгодно сдерживать Россію въ ея прежнихъ границахъ» [1]).

Поступая такъ, Франція не приняла во вниманіе патріотизмъ и дочернюю любовь великой княжны. Соглашаясь воспользоваться услугами Швеціи и даже вызвать ея на войну съ Россіей, Елисавета Петровна сочла бы измѣною противъ Россіи и противъ памяти своего отца—отказаться отъ завоеваній, которыя должны были обезпечить государству сообщеніе съ моремъ и защищать доступъ къ основанной Петромъ Великимъ столицѣ. Возвратить Прибалтійскія губерніи—значило бы вернуться на полвѣка назадъ; возможно ли было вычеркнуть изъ лѣтописей исторіи Полтавскую побѣду? Лучше было отказаться отъ престола, нежели получить его такой цѣной. Понятно, что относительно этого пункта Елисавета оставалась непреклонною.—Несмотря на всѣ настоянія Шетарди и шведскаго посланника, барона Нолькена, она на отрѣзъ отказалась уступить хотя бы одну пядь русской земли. Шведскому посланнику даже не удалось добиться отъ великой княжны никакого письменнаго ходатайства о помощи со стороны Швеціи, которое служило бы законнымъ оправданіемъ его дѣйствій, но которое было бы вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціальнымъ доказательствомъ соглашенія Елисаветы Петровны съ врагами государства [2]).

Это упорство со стороны великой княжны было первою помѣхою къ осуществленію плана, составленнаго маркизомъ Шетарди; а затѣмъ вскорѣ явилось другое препятствіе: пререканія объ этикетѣ, возникшія

[1]) Амело—Шетарди 5 (16) февраля 1741 г.

[2]) Корреспонденція Шетарди 14 (25) февраля 1741 г.

тельства относительно церемоніала.—Шетарди получилъ наконецъ давно желаемую аудіенцію у царя и снова появился при дворѣ. На первомъ же пріемѣ онъ встрѣтился съ Елисаветой Петровною и въ разговорѣ съ нею высказалъ, что несмотря на справедливыя основанія, существовавшія у короля для отозванія посланника изъ Петербурга, онъ повелѣлъ ему оставаться въ Россіи единственно для того, чтобы отстаивать интересы царевны.

— Его величество, говорилъ Шетарди, занятъ изысканіемъ средствъ для возведенія вашего высочества на престолъ, и, если ради этой цѣли, онъ уже заставилъ своихъ союзниковъ, шведовъ, взяться за оружіе, то король съумѣетъ также ничего не пощадить, чтобы дать имъ возможность оказать вамъ наилучшее содѣйствіе.

Елисавета искренно благодарила посланника и сообщила ему, что въ надеждѣ, что онъ будетъ теперь ее навѣщать, она приняла свои мѣры предосторожности, чтобы не терпѣть никакихъ стѣсненій отъ присутствія какихъ либо лицъ. Елисавета Петровна присовокупила, что по мѣрѣ того какъ недовольство ростетъ, ея партія увеличивается; въ числѣ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ, она можетъ считать князей Трубецкихъ и принца Гессенъ-Гомбургскаго; всѣ лифляндцы недовольны и преданы ей; судя по нынѣшнему настроенію, предпріятіе это будетъ имѣть благопріятный исходъ [1]).

Замѣтивъ, что всѣ взоры были устремлены на нее, она не могла продолжать разговора. На другой день Лестокъ имѣлъ свиданіе съ Шетарди въ лѣсочкѣ, смежномъ съ дачею посланника, и обнадежилъ его насчетъ страстнаго желанія Елисаветы какъ можно скорѣе приступить къ исполненію задуманнаго плана и насчетъ преданности ея друзей.

Съ этого момента возникаетъ заговоръ, коимъ взялась руководить Франція. Восьмидесяти-восьми-лѣтній старикъ—кардиналъ Флёри и серьезный, педантичный статсъ-секретарь Амело рѣшились взять на себя роль заговорщиковъ.—Нити тайной интриги, затѣянной въ Петербургѣ, сходились въ ихъ рукахъ, въ Парижѣ, и ихъ тайные агенты препровождали въ Россію массу денегъ, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ переворота.

Въ первыхъ числахъ октября 1741 г. въ кафе Фуа, на улицѣ Ришелье, въ Парижѣ, куда часто заходили литературныя знаменитости и писатели, вошелъ молодой человѣкъ. Къ нему вскорѣ присоединился другой посѣтитель, съ коимъ тотъ заговорилъ, предварительно обмѣнявшись съ нимъ условными знаками, и которому онъ вручилъ, съ большими предосторожностями, кошелекъ съ 2.000 дукатовъ (22, 423 франка). Первый молодой человѣкъ былъ агентъ министра иностран-

[1]) Шетарди—Амело 2 сент. 1741 г. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 96, стр. 347

ныхъ дѣлъ; второй—былъ г. де-Манъ, другъ маркиза Шетарди. Де-Манъ отослалъ полученныя деньги своему племяннику, проживавшему въ Россіи. Этотъ молодой человѣкъ былъ извѣстный мотъ и игрокъ, велъ въ Петербургѣ расточительный образъ жизни, поэтому ему было какъ нельзя болѣе естественно прибѣгнуть къ помощи щедраго дядюшки. Въ сущности эти деньги предназначались для Шетарди, на имя котораго нельзя было ихъ послать, не возбуждая подозрѣнія; изъ рукъ маркиза эти деньги разошлись по казармамъ гвардейскихъ войскъ, гдѣ вербовались сторонники Елисаветы Петровны [1]).

Подобнымъ образомъ, французское правительство неоднократно пересылало въ Петербургъ довольно крупныя суммы денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Франціи былъ посланъ въ Петербургъ особый эмиссаръ, которому было приказано увѣрить великую княжну въ нѣжной заботливости, съ какою король печется объ ея интересахъ [2]).

Въ то же время Франція съ успѣхомъ интриговала при разныхъ дворахъ Европы въ интересахъ Елисаветы Петровны. Въ Стокгольмѣ французскіе агенты проводили министровъ, и раздавали пригоршнями деньги въ сенатѣ и въ сеймѣ, чтобы ускорить выступленіе войскъ, которыя должны были напасть на русскія владѣнія. Въ Варшавѣ и Дрезденѣ, французская дипломатія подготовляла умы къ мысли объ ожидаемомъ въ Россіи переворотѣ. Въ Берлинѣ приходилось дѣйствовать осторожнѣе: Фридрихъ II былъ связанъ съ Брауншвейгскимъ домомъ узами крови и, несмотря на то, что ихъ отношенія были довольно холодны, можно было опасаться, что прусскій король отнесется къ планамъ Елисаветы Петровны неодобрительно. Французскому посланнику при дворѣ прусскаго короля было приказано осторожно вывѣдать его взглядъ на этотъ предметъ:

— Родными своими я признаю только моихъ друзей, съ цинизмомъ отвѣчалъ король прусскій [3]).

Душою заговора въ Петербургѣ былъ Шетарди. Чтобы достигнуть цѣли, которая льстила его самолюбію и тщеславію, онъ пустилъ въ ходъ всю свою ловкость. Маркизъ былъ совершенно въ своей сферѣ, когда дѣло шло о замысловатой интригѣ, въ особенности если въ ней была замѣшана очаровательная молодая женщина. Видя, съ какимъ увлеченіемъ и какъ энергично онъ преодолѣвалъ всѣ трудности, можно

---

[1]) Донесеніе Шетарди 22 августа (2 сент.) 1741 и письмо Амело къ Шетарди 21 окт. (2 ноября) 1741 г.

[2]) Объ этомъ упоминаетъ въ своихъ депешахъ Шетарди; эта подробность подтверждается также Фридрихомъ II въ Histoire de mon temps гл. IV стр. 130, (изд. 1789 г.).

[3]) Фридрихъ II. Histoire de mon temps, гл. IV, стр. 133.

было думать, что онъ былъ занятъ любовной интригою, а не политическимъ дѣломъ, за которое онъ могъ поплатиться свободою, а быть можетъ и жизнію. Для довершенія иллюзіи, тутъ были и тайныя свиданія и долгіе часы ожиданія въ назначенномъ мѣстѣ и украдкою брошенные взоры и записочки, которыя писались условно, полусловами; Елисавета называлась въ нихъ «героемъ», Лестокъ—«довѣреннымъ лицомъ», а другой агентъ Шварцъ—«посредникомъ».

Нѣсколько разъ въ недѣлю Шетарди имѣлъ продолжительныя свиданія съ Елисаветой Петровной. Онъ отправлялся къ ней во дворецъ, ночью, переодѣтый, каждый день посылалъ ей записки, одобряя ея планы или высказывая свои замѣчанія, стараясь, съ одной стороны, сдерживать ея излишнюю горячность, а съ другой—поддержать ея довѣріе, которое начинало колебаться.

Правительница Анна Леопольдовна, ея супругъ и сановники предчувствовали угрожавшую имъ опасность, но у нихъ не хватало смѣлости принять какія либо дѣйствительныя и зрѣло обдуманныя мѣры для своей защиты. До нихъ доходили жалобы недовольныхъ, которыя ихъ смущали, точно такъ-же какъ безмолвіе, съ какимъ встрѣчали ихъ войска, когда они проходили мимо нихъ.

— Что съ тобою? почему ты грустишь? спросилъ однажды герцогъ Брауншвейгскій одного изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Елисаветы, капитана Семеновскаго полка, стоявшаго на караулѣ во дворцѣ, и положилъ ему въ руку кошелекъ съ 300 дукатовъ.

«Офицеръ, пишетъ Шетарди, былъ очень доволенъ заключительнымъ актомъ этого разговора, но не измѣнилъ изъ-за этого своимъ привязанностямъ» [1]).

Во дворцѣ правительницы то и дѣло совѣщались сановники, не приходя ни къ какому результату. Иной разъ правительница забывала свои опасенія: одну недѣлю она только и была занята мыслію о своемъ фаворитѣ Линарѣ, котораго она женила на своей любимой фрейлинѣ Юліи фонъ-Менгденъ; она осыпала ихъ подарками, посылала имъ брильянты, серебро, мебель и т. п. [2]) Иной разъ страхъ овладѣвалъ

---

[1]) Донесеніе Шетарди 19 (30) мая 1741 г.

[2]) „Графъ Линаръ, который уѣдетъ завтра или послѣ завтра въ Дрезденъ, писалъ Шатарди 12 сентября 1741 г., увозитъ съ собой брильянтовъ на милліонъ пятьсотъ тысячъ франковъ; драгоцѣнные подарки фаворитки оцѣниваются, по крайней мѣрѣ, въ ту же сумму; два перстня, которыми они обмѣнялись при обрученіи, стоятъ, самое меньшее, 50 тысячъ экю, но ничто ни изъ серебра, ни изъ мебели, не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ, которое правительницѣ угодно выставлять на показъ въ домѣ, подаренномъ ею и почти заново отдѣланномъ для фрейлины Менгденъ“ (Сборн. Ист. Общ. т. 96, стр. 394).

ею, она вставала ночью, выходила изъ дворца, отправлялась къ старику Остерману и умоляла его не покидать ее. Только одинъ человѣкъ старался поддержать въ ней бодрость духа въ это тревожное время—это Линаръ. Онъ предложилъ рѣшительную мѣру—подвергнуть великую княжну допросу и слѣдствію и заставить отречься отъ правъ на престолъ или арестовать ее [1]).

— Къ чему, вздыхая возразила правительница, это послужитъ? Развѣ нѣтъ еще чертенка, который всегда будетъ смущать нашъ покой? Такъ выразилась она, намекая на герцога Голштинскаго [2]).

Линаръ разузналъ, черезъ своихъ тайныхъ агентовъ, что противъ Брауншвейгскаго дома болѣе всѣхъ интриговалъ маркизъ Шетарди. Онъ сообщилъ Аннѣ Леопольдовнѣ обо всѣхъ происках маркиза и совѣтовалъ арестовать Шетарди, если она не рѣшалась ничего предпринять противъ Елисаветы. Правительница была окружена шпіонами, подкупленными великой княжною; одна изъ ея камеръ-юнгферъ, услыхавъ сказанное Линаромъ, передала его слова Елисаветѣ Петровнѣ, которая предупредила Шетарди, а онъ тотчасъ громко заявилъ во дворцѣ, что если кто нибудь отважится посягнуть на его личность, то онъ вышвырнетъ посягнувшаго изъ окна [3]). Между тѣмъ въ домѣ посольства люди были вооружены, пистолеты заряжены и компрометирующія бумаги сожжены; посольство готовилось выдержать осаду—но никто не дерзнулъ посягнуть на посланника. Смѣлость и невозмутимое хладнокровіе Шетарди невольно внушали къ нему уваженіе. Онъ дѣйствовалъ рѣшительно и чуть не открыто работалъ надъ погибелью тѣхъ, кто мѣшалъ осуществленію его плановъ, но въ то же время относительно правительницы не упускалъ ни малѣйшаго правила, требуемаго этикетомъ и вѣжливостью. Проведя весь день съ Елисаветой, онъ отправлялся вечеромъ во дворецъ, былъ внимателенъ и предупредителенъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ, а уѣзжалъ отъ нея на тайныя свиданія съ Лестокомъ и Воронцовымъ.

Елисавета и Шетарди только и ожидали начала непріязненныхъ дѣйствій со стороны шведовъ, чтобы подать гвардіи сигналъ къ возстанію. Они могли начаться со-дня-на-день; по улицамъ Петербурга ежедневно проходили войска, отправляясь въ Финляндію. Неожиданное извѣстіе о томъ, что фельдмаршалъ Ласси, командовавшій русскими войсками въ Финляндіи, вступилъ на непріятельскую территорію и взялъ приступомъ крѣпость Вильманстрандъ, едва не погубило дѣла. Узнавъ объ этомъ, Шетарди поспѣшилъ къ великой княжнѣ и засталъ ее въ отчая-

---

[1]) „Сборн. Ист. Общ.“ т. 96, стр. 427.

[2]) Донесеніе Шетарди 15 (26) сентб. 1741 г.

[3]) Тоже 22 августа (2 сентября) 1841 г.

ніи; онъ старался поддержать въ ней бодрость духа. Ему удалось войти въ сношеніе съ главной квартирой шведскаго генерала, откуда былъ присланъ манифестъ, обнародованный Швеціей, который онъ распространилъ въ городѣ, чтобы навести страхъ на русскій дворъ.

Въ этомъ манифестѣ, стокгольмское правительство, говоря о своихъ дружескихъ чувствахъ къ достохвальной русской націи, объявляло о своемъ намѣреніи напасть на незаконное его правительство, чтобы возстановить права законныхъ наслѣдниковъ престола [1]).

Несмотря на эти увѣренія, Елисавета теряла всякую надежду на скорую помощь со стороны шведовъ; побуждаемая къ тому своей партіей, она была готова ускорить развязку своего плана.

22 ноября (3-го декабря) 1741 г. она возвращалась въ свой дворецъ, совершивъ обычную прогулку, когда Шетарди подошелъ къ ней неожиданно и подалъ ей руку, помогая выйти изъ саней. Выраженіе лица великой княжны, ея голосъ и взглядъ свидѣтельствовали о чрезвычайномъ волненіи; маркизъ видѣлъ, что она не въ состояніи долѣе скрывать своихъ

---

[1]) Донесеніе Шетарди 17-го (28-го) окт., 24-го окт. (4-го нояб.) 1741 г.

Приводимъ текстъ этого манифеста, напечатанный въ переводѣ въ сочиненіи акад. Пекарскаго: „Маркизъ ла-Шетарди въ Россіи".

„Его королевскаго величества, моего всемилостивѣйшаго короля и государя, генералъ-аншефъ его арміи, я, Карлъ-Эмилій Левенгауптъ, графъ, объявляю всѣмъ и каждому сословію достохвальной русской націи, что королевская шведская армія вступила въ русскіе предѣлы не для чего инаго, какъ для полученія, при помощи Всевышняго, удовлетворенія шведской короны за многочисленныя неправды, ей причиненныя иностранными министрами, которые господствовали надъ Россіею въ прежніе годы, а также потребную для шведовъ безопасность на будущее время; а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы освободить русскій народъ отъ несноснаго ига и жестокостей, съ которыми означенные министры, для собственныхъ своихъ видовъ, притѣсняли съ давняго времени русскихъ подданныхъ, чрезъ что многіе потеряли собственность, или лишились жизни отъ жестокихъ уголовныхъ наказаній, или впадали въ немилость, бѣдственно ссылались въ заточеніе. Вслѣдствіе этого, намѣреніе короля шведскаго состоитъ въ томъ, чтобы избавить достохвальную русскую націю, для ея же собственной безопасности, отъ тяжелаго, чужеземнаго притѣсненія и безчеловѣчной тиранніи, и предоставить свободное избраніе законнаго и справедливаго правительства, подъ управленіемъ котораго русская нація могла бы безопасно пользоваться жизнію и имуществомъ, а со шведами сохранять доброе сосѣдство. Этого достигнуть будетъ невозможно до тѣхъ поръ, пока чужеземцы, по своему произволу и изъ собственныхъ видовъ, будутъ свободно и жестоко господствовать надъ вѣрными русскими подданными и ихъ сосѣдами-союзниками. Ради этихъ справедливыхъ намѣреній его королевскаго величества, должны и могутъ всѣ русскіе соединиться со шведами и, какъ друзья, отдаваться сами съ имуществомъ подъ высокое покровительство его величества и ожидать отъ его высокой особы всякаго сильнаго заступленія.

К. Э. Левенгауптъ".

намѣреній и терпѣливо ждать развязки. Зная непостоянство и неустойчивость Елисаветы, онъ понималъ, что, рискнувъ всѣмъ въ первый моментъ, она могла погубить все дѣло минутной слабостью, онъ видѣлъ, что ему необходимо поддержать въ ней мужество, и рѣшился поставить ей на видъ, что если борьба будетъ начата, то единственнымъ спасеніемъ можетъ быть успѣхъ. [1])

— Вы вынуждаете меня,—сказалъ онъ,—ничего не скрывать отъ васъ относительно опасности, какой вы подвергаетесь. Узнайте же, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ вѣрнаго источника, теперь идетъ рѣчь о томъ, чтобы заключить васъ въ монастырь, и вы бы тамъ уже были, не случись нѣкоторыхъ обстоятельствъ, помѣшавшихъ тому; но какъ нельзя болѣе вѣроятно, что эта отсрочка не будетъ долго продолжаться. Итакъ, чѣмъ же вы рискуете—если даже вашъ замыселъ не удастся, подвергнуться, быть можетъ, на нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе той участи, которая вамъ предназначена и которой вы не можете избѣжать при тѣхъ мѣрахъ, какія приняты. Единственная разница лишь та, что, ничего не предпринимая, вы приводите въ отчаяніе вашихъ друзей, тогда какъ, выказавъ свое мужество, вы сохраните сторонниковъ, которыхъ ваше несчастіе лишь сильнѣе побудитъ отомстить за него, избавивъ васъ отъ опасности тѣмъ или инымъ способомъ.

Эти слова поразили Елисавету, она пожелала узнать, изъ какого источника онъ имѣлъ эти свѣдѣнія; его отвѣты убѣдили въ истинѣ сказаннаго и повергли ее въ ужасъ.

Она поблагодарила его за откровенность, присовокупивъ, что если захотятъ довести ее до крайности, то она покажетъ себя истинной дочерью Петра I [2]).

Воспользовавшись ея одушевленіемъ, Шетарди тотчасъ приступилъ къ обсужденію тѣхъ мѣръ, которыя слѣдовало принять.

— Надобно захватить власть неожиданно,—говорилъ онъ,—чтобы все было окончено въ одну ночь, и чтобы Петербургъ, проснувшись, могъ привѣтствовать новую императрицу.

Такъ какъ преданность гвардейскихъ солдатъ была внѣ всякаго сомнѣнія, а на офицеровъ нельзя было вполнѣ полагаться, то было рѣшено дѣйствовать исключительно при помощи солдатъ.

— Вы отнюдь не должны колебаться довѣриться имъ, — говорилъ Шетарди, — положитесь на нихъ вполнѣ, такая довѣрчивость усилитъ ихъ рвеніе.

---

[1]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 96, стр. 626 и сл.

[2]) Всѣ эти и послѣдующія подробности заимствованы главнымъ образомъ изъ писемъ Шетарди французскому королю и къ Амело отъ 26-го ноября (7-го декабря) 1741 г., въ которыхъ онъ даетъ отчетъ о совершившемся переворотѣ.

Было рѣшено, что Елисавета, надѣвъ подъ свою одежду кирасу, отправится въ казармы, чтобы привлечь бо́льшее число войска, и сама поведетъ ихъ къ Зимнему дворцу. Обсудивъ со всей подробностью различные пункты, касающіеся осуществленія переворота, Шетарди коснулся вопроса, интересовавшаго его въ особенности, какъ представителя Франціи. Торжество Елисаветы должно было быть торжествомъ Франціи; съ ея восшествіемъ на престолъ, вліяніе нѣмецкой партіи въ Россіи должно было уступить французскому вліянію. Нанося ударъ правительству, великой княжнѣ слѣдовало, какъ говорилъ ей Шетарди, отдѣлаться отъ всѣхъ своихъ враговъ. Онъ представилъ ей списокъ всѣхъ тѣхъ, кого, по его мнѣнію, слѣдовало арестовать или сослать. Въ этомъ спискѣ были поименованы всѣ тайные и явные приверженцы Германіи; а такъ какъ всѣ важнѣйшія должности были заняты нѣмцами, то оказалось, что французскій посланникъ внесъ въ составленный ихъ списокъ всѣхъ чиновъ правительства, при которомъ онъ былъ аккредитованъ. Во главѣ ихъ стояли имена: Остермана, Миниха, Линара и Юліи Менгденъ [1]).

Условившись относительно подробностей, оставалось только назначить день для переворота; это было отложено до ближайшаго свиданія. На другой день при дворѣ былъ обычный пріемъ; Елисавета Петровна поѣхала во дворецъ. Принцессы играли въ карты въ галлереѣ, возлѣ нихъ толпились придворные и дежурные адъютанты; тутъ же были и всѣ иностранные посланники и между ними Шетарди. Вдругъ правительница встала и прошла съ Елисаветой Петровной во внутренніе покои; ихъ бесѣда была продолжительна, лицо великой княжны, по возвращеніи, выражало сильнѣйшее волненіе.

Не была ли обнаружена тайна Елисаветы, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ тайною французскаго короля? вотъ вопросъ, который чрезвычайно встревожилъ Шетарди. Онъ съумѣлъ, однако, скрыть свою тревогу съ искусствомъ тонкаго дипломата, но уѣхалъ изъ дворца ранѣе обыкновеннаго и тотчасъ послалъ за Лестокомъ. Тщетно прождалъ онъ его всю ночь не смыкая глазъ; лейбъ-медикъ явился только на слѣдующій день. Шетарди съ первыхъ же словъ понялъ всю опасность своего положенія. Разговоръ между принцессами всецѣло касался его, маркиза. Правительница, обрисовавъ его самыми мрачными красками, горько жаловалась на его интриги и заявила, что рѣшилась требовать отъ короля отозванія посла; она укоряла Елисавету въ томъ, что она принимаетъ такого человѣка, какъ онъ.

Великая княжна заявивъ, что она можетъ сказать посланнику разъ, другой, что ея нѣтъ дома, но на третій не въ состояніи будетъ отка-

[1]) Письмо Шетарди—Амело, 26-го ноября (7-го декабря) 1741 г.

зать ему въ пріемѣ. Какъ, напримѣръ, могла бы она сдѣлать это пристойнымъ образомъ наканунѣ, когда случай привелъ его къ ней въ ту минуту, когда она, подъѣхавъ къ своему дому, выходила изъ саней.

Но правительница, несмотря на эти доводы, настаивала на своемъ; тогда принцесса лукаво отвѣтила ей:

— Почему же вы не дѣйствуете болѣе простымъ путемъ; вы правительница и располагаете властью; такъ велите Остерману сказать маркизу Шетарди, чтобы онъ болѣе не посѣщалъ моего дома.

— Боже меня сохрани отъ этого,—отвѣчала Анна Леопольдовна,— ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ раздражать людей, подобныхъ ему, и явно давать имъ поводъ къ жалобамъ.

Елисавета отвѣчала, что если графъ Остерманъ, будучи первымъ министромъ и имѣя повелѣніе, не рѣшается сдѣлать что-либо подобное, то она гораздо менѣе можетъ рѣшиться на такой шагъ.

Правительница, оскорбленная такимъ сопротивленіемъ, приняла тогда высокомѣрный тонъ, и великая княжна, въ свою очередь, повысила до нѣкоторой степени голосъ. На этомъ онѣ разстались, обѣ раздраженныя въ высшей степени [1]).

Итакъ, правительница была на-сторожѣ.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Лестокомъ выяснилось, что основою партіи служилъ народъ и солдаты, и что лишь послѣ того, какъ они начнутъ дѣло—лица съ извѣстнымъ положеніемъ и офицеры, преданные принцессѣ, въ состояніи будутъ открыто выразить свои чувства. Тогда Лестокъ потвердилъ вторично, что солдаты на все готовы.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ Шетарди, — чтобы помочь этимъ храбрымъ гренадерамъ, а также ради славы принцессы, назначимъ моментъ для начала дѣйствій, чтобы Швеція, на основаніи заявленія въ Стокгольмѣ, которое будетъ сдѣлано отъ имени короля, стала дѣйствовать со своей стороны [2]).

Лестокъ отправился за приказаніями къ великой княжнѣ и, не замедливъ вернуться, сказалъ, что Елисавета Петровна предоставляетъ ему право назначить время, когда онъ сочтетъ возможнымъ приступить къ выполненію замысла, и что только въ случаѣ неотразимой опасности она рѣшится, быть можетъ, предупредить срокъ, который онъ назначитъ.

На основаніи этого, Шетарди отправилъ на слѣдующій день курьера къ французскому посланнику въ Швецію, чтобы генералъ Левенгауптъ, стоявшій со своей арміей на границѣ, перешелъ въ наступленіе. Такъ

---

[1]) Шетарди — Амело, 26-го ноября (7-го декабря) 1741 г. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 96, стр. 631.

[2]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 96, стр. 632.

какъ прибытіе курьера въ Стокгольмъ потребовало бы немало времени, то осуществленіе переворота было отложено до ночи съ 11-го на 12-е января н. ст. 1742 г.

Такимъ образомъ приходилось еще цѣлый мѣсяцъ жить въ тревогѣ. Елисавета Петровна покорилась этой необходимости; но въ тотъ самый моментъ, когда Лестокъ вышелъ изъ посольства, въ Петербургѣ было получено извѣстіе, что графъ Левенгауптъ, командовавшій шведскими войсками, двинулся впередъ, и вслѣдствіе этого гвардейскіе полки получили приказаніе быть на-готовѣ къ немедленному выступленію. Этотъ приказъ чрезвычайно смутилъ солдатъ, преданныхъ великой княжнѣ; уходя, они оставляли ее на произволъ ея враговъ.

Въ тотъ же вечеръ, между одиннадцатью часами и полуночью семеро гренадеръ, изъ наиболѣе рѣшительныхъ и энергичныхъ, явились къ ней и съ фамильярностью, которую оправдывала ихъ искренняя преданность, поставили ей на видъ, что они наканунѣ своего выступленія, что они не будутъ болѣе въ состояніи служить ей, и она останется вполнѣ преданой въ руки своихъ враговъ, поэтому нельзя терять ни минуты, и они готовы сами вести ее, если она не сдастся на ихъ увѣщанія и просьбы.

Жребій былъ брошенъ; Елисавета рѣшилась, объявивъ солдатамъ, что она послѣдуетъ за ними и отправится прямо въ Преображенскія казармы.

Въ половинѣ перваго по полуночи 25 ноября, передъ домомъ французскаго посольства остановились сани. Въ нихъ сидѣла Елисавета, закутанная въ шубу. Воронцовъ, Лестокъ, Шварцъ и семеро гренадеръ составляли ея конвой. Она приказала позвонить у дверей посольства и велѣла передать Шетарди, что она «стремится къ славѣ и ни мало не сомнѣвается, что онъ пошлетъ ей вслѣдъ благія пожеланія, такъ какъ она вынуждена, наконецъ, уступить настояніямъ партій».

Не останавливаясь долго по пути, Елисавета направилась къ казармамъ и прошла прямо въ гренадерскую роту, гдѣ ее ожидали.

— Вы знаете, кто я,—спросила она солдатъ,—хотите слѣдовать за мною?

Солдаты окружили ее, изъявляя готовность служить ей. Тогда она взяла крестъ и стала на колѣни; всѣ послѣдовали ея примѣру.

— Я клянусь этимъ крестомъ умереть за васъ, — сказала Елисавета, — клянетесь ли вы сдѣлать то же самое за меня въ случаѣ надобности?

Клятва была единодушной. Затѣмъ всѣ двинулись подъ предводительствомъ Елисаветы къ Зимнему дворцу.

Только одинъ человѣкъ могъ бы остановить войско—это былъ Минихъ. Унтеръ-офицеръ, командовавшій карауломъ у его дома, былъ

участникомъ заговора; ему было приказано захватить фельдмаршала и отвезти его во дворецъ Елисаветы Петровны.

Стояла страшная стужа; толстый слой обледѣнѣвшаго снѣга покрывалъ землю, заглушая шумъ шаговъ. 200 гренадеръ твердой поступью шли молча около саней, въ которыхъ ѣхала Елисавета; они поклялись другъ другу хранить полное молчаніе по пути и пронзить штыкомъ всякаго, кто будетъ имѣть низость отступить, хоть на шагъ. Отъ преображенскихъ казармъ, расположенныхъ на окраинѣ города, до Зимняго дворца, было очень далеко. Пришлось идти по Невскому проспекту, безмолвному и пустынному. По обѣимъ сторонамъ его высились уже въ то время обширные дома, въ которыхъ жили сановники. Проходя мимо этихъ домовъ, солдаты входили въ нихъ и арестовывали тѣхъ, коихъ имъ велѣно было отвести во дворецъ Елисаветы. Такимъ образомъ они арестовали: фельдмаршала Миниха, графа Остермана, графа Головкина, графа Левенвольде, барона Менгдена и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Въ концѣ Невскаго, у Адмиралтейства, Елисавета вышла изъ саней, опасаясь, чтобы скрипъ полозьевъ не обратилъ вниманія караульныхъ, и пошла далѣе пѣшкомъ. Несмотря на все старанье, ей трудно было слѣдовать за солдатами, которые шли скорымъ шагомъ.

— Матушка наша,—сказали они,—такъ не довольно скоро, надо поспѣшить; подхватили великую княжну и пронесли ее на рукахъ до самаго двора въ Зимнемъ дворцѣ.

Она вошла въ карульню.

— Проснитесъ мои дѣти, — сказала она солдатамъ, — и слушайте меня; хотите ли вы слѣдовать за дочерью Петра I? Вы знаете, что престолъ мнѣ принадлежитъ, несправедливость, причиненная мнѣ, отзывается на всемъ нашемъ бѣдномъ народѣ, и онъ изнываетъ подъ игомъ нѣмцевъ. Освободимся отъ нашихъ гонителей.

Солдаты, видя, что офицеры колеблятся, кинулись на нихъ и обезоружили; одинъ офицеръ былъ бы убитъ прикладомъ, если бы Елисавета не отвела ружья. Она приказала солдатамъ охранять всѣ лѣстницы и выходы, затѣмъ, взявъ съ собою человѣкъ сорокъ гренадеръ, которые поклялись ей не проливать крови, она вошла въ аппартаменты дворца. Караульные, когда она проходила мимо нихъ, отдавали ей честь. Она нашла правительницу въ постели. Анна Леопольдовна не оказала никакого сопротивленія. Въ то же время былъ арестованъ и принцъ Брауншвейгскій. Что касается маленькаго царя, то Елисавета взяла его на руки и, поцѣловавъ его, сказала: «Бѣдный ребенокъ, ты совершенно невиненъ, но родители твои виноваты». Послѣ произведенныхъ арестовъ Елисавета, сѣвъ въ сани, вернулась въ свой дворецъ.

Начинало свѣтать; вѣсть о совершившемся переворотѣ разнеслась по городу. Всѣ лица, недовольные свергнутымъ правитель-

ствомъ, всѣ тѣ, кто былъ преданъ Елисаветѣ—стекались во дворецъ. Около двухъ часовъ по полудни она приняла поздравленіе первыхъ чиновъ имперіи. На улицѣ раздавались восторженные крики народа и войска. Елисавета возложила на себя орденъ св. Андрея, объявила себя полковникомъ четырехъ гвардейскихъ полковъ и полка кираспръ, показалась народу со своего балкона, прошла черезъ ряды гвардейскихъ войскъ и уѣхала въ Зимній дворецъ.

Какая разница между этимъ торжественнымъ шествіемъ и ея ночной поѣздкой наканунѣ! Конная гвардія и пѣшіе гвардейскіе полки окружаютъ сани императрицы; вдоль улицы стоятъ шпалерами войска, несмѣтная толпа народа привѣтствуетъ Елисавету единодушными криками «ура!»

Пріѣхавъ во дворецъ, она отправилась прежде всего въ придворную церковь, чтобы присутствовать на благодарственномъ молебнѣ. По пути въ церковь ее окружали гренадеры лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

— Ты видѣла, матушка наша,—сказали они ей,—съ какимъ усердіемъ мы возстановляли твои справедливыя права. Какъ единственную награду мы просимъ тебя объявить себя капитаномъ нашей роты и чтобы мы первые могли тебѣ присягнуть у ступеней алтаря, въ неизмѣнной вѣрности.

При всѣхъ треволненіяхъ, испытанныхъ ею въ этотъ достопамятный день, Елисавета не забыла о Шетарди. Она извѣщала его ежечасно о ходѣ событій, и когда она уже была провозглашена императрицею, то послала спросить его мнѣнія, что ей слѣдуетъ дѣлать съ юнымъ императоромъ, свергнутымъ съ престола.

— Ея природная доброта и любовь къ отечеству, поручилъ передать ей Шетарди, должны побуждать ее заботиться одинаково какъ о настоящемъ, такъ и о будущемъ: поэтому слѣдуетъ употребить всѣ средства, дабы изгладить самые слѣды царствованія Іоанна VI; лишь однимъ этимъ будетъ ограждена Россія отъ бѣдствій, какія могли бы быть вызваны въ то или иное время обстоятельствами и которыхъ приходится особенно бояться въ здѣшней странѣ, на основаніи примѣра Лже-Димитрія [1]).

Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, къ Шетарди явился камергеръ съ увѣдомленіемъ, что царица ждетъ его.

«Я тотчасъ отправился ко двору, пишетъ Шетарди Амело; ея императорское величество была чрезвычайно взволнована и чувствовала себя въ какомъ то вихрѣ.

— Что скажутъ теперь наши добрые друзья англичане?—съ живо-

[1]) «Сборн. Истор. Общ.», т. 96, стр 635.

стью спросила она у меня.—Есть еще одинъ человѣкъ,—продолжала она,—на котораго мнѣ интересно было бы взглянуть, это Ботта [1]). Я полагаю, что не ошибусь, если скажу вамъ, что онъ будетъ въ нѣкоторомъ затрудненіи; однако же онъ не правъ, потому что найдетъ меня какъ нельзя болѣе расположенной дать ему 30.000 человѣкъ подкрѣпленія.

При своемъ торжествѣ Елисавета не забыла о Людовикѣ XV.

— Я вполнѣ убѣждена,—сказала она Шетарди, - въ томъ, что его величество приметъ болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, участія въ томъ, что случилось со мною счастливаго; я разсчитываю сама ему выразить, какъ я тронута всѣмъ, что онъ для меня сдѣлалъ.

Дѣйствительно, день спустя послѣ переворота, и раньше, нежели иностранные дворы были оффиціально извѣщены объ этомъ событіи, императрица писала французскому королю, выразивъ ему свою благодарность за прошлое и готовность принять на себя нѣкоторыя обязательства въ будущемъ.

«Мы нисколько не сомнѣваемся, любезный братъ и истинный другъ, писала царица, что ваше величество, въ силу дружескихъ чувствъ, питаемыхъ вами къ августѣйшимъ нашимъ предкамъ, не только примете съ удовольствіемъ извѣстіе объ этомъ благопріятномъ и благополучномъ для имперіи нашей переворотѣ, но что вы раздѣлите наши намѣренія и желанія во всемъ, что можетъ послужить къ постоянному и ненарушимому сохраненію и къ вящему упроченію дружбы, существующей между обоими нашими дворами. Мы же, со своей стороны, во все продолженіе нашего царствованія будемъ этимъ, какъ нельзя болѣе, озабочены и съ удовольствіемъ воспользуемся всякимъ удобнымъ случаемъ увѣрить ваше величество въ этомъ искреннемъ и неизмѣнномъ намѣреніи нашемъ [2])».

В В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Австрійскій посланникъ.

[2]) Письмо Елисаветы Петровны — Людовику XV отъ 28-го ноября ст. ст. 1741 г.

Назначеніе Кн. А. В. Суворова въ дѣйствующую армію въ 1760 году.

Въ сочиненіи А. Ѳ. Петрушевскаго «Генералисимусъ Князь Суворовъ» (т. I стр. 23) сказано, что А. В. Суворовъ, будучи комендантомъ въ Мемелѣ «всячески искалъ себѣ выхода въ армію и наконецъ, неизвѣстно какимъ способомъ, добился».

Помѣщаемый ниже документъ указываетъ на этотъ способъ — Въ февралѣ 1760 г. отецъ Суворова [1]) подалъ на высочайшее имя слѣдующее прошеніе:

1.

По всевысочайшему в. и. в. указу отъ 31-го декабря 759 года сынъ мой, Казанскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Александръ Суворовъ, опредѣленъ, по представленію господина генерала-кригсъ-комиссара князя Шаховскаго, къ правленію оберъ-кригскоммисарской должности и изъ полка выключенъ.

2.

А нынѣ оный сынъ мой ко мнѣ пишетъ, что онъ, по своимъ молодымъ лѣтамъ, желаніе и ревность имѣетъ еще далѣе въ воинскихъ операціяхъ практиковаться и службу свою попрежнему продолжать при полку.

И дабы всевысочайшимъ в. и. в. указомъ повелѣно было онаго сына моего отъ правленія оберъ-кригсъ-коммисарской должности исключить и опредѣлить, попрежнему, въ полкъ при заграничной арміи, дабы онъ, по своей ревности, далѣе при оной в. и. в. наиусерднѣйшую свою службу продолжать могъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! прошу в. и. в. о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Февраля « » дня 1760 года.

Къ поданію надлежитъ въ учрежденную при дворѣ в. и. в. Конференцію.

Сообщилъ **А. В. Безродный**.

---

[1]) Василій Ивановичъ Суворовъ, генералъ-аншефъ и сенаторъ. Родился въ 1705 г. скончался въ 1776 г.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ ВАРШАВѢ

въ войну 1806—1807 г.г.

(По воспоминаніямъ графини Потоцкой и замѣткамъ графа Сегюра).

I.

Каково было искреннее отношеніе Наполеона къ польскому вопросу? Имѣлъ ли онъ намѣреніе, пользуясь небывалыми побѣдами, возстановить Польшу? Едва ли безпристрастная исторія представляетъ достаточно данныхъ для рѣшенія этого вопроса въ одностороннемъ польскомъ смыслѣ. Въ политической системѣ Наполеона Польша служила ему только средствомъ для достиженія различныхъ преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Самъ Наполеонъ неоднократно сознавался въ этомъ. «Всего проще и разсудительнѣе было бы прямо сойтись съ императоромъ Александромъ, замѣтилъ онъ въ 1813 году. Я постоянно смотрѣлъ на Польшу какъ на средство, а не какъ на главное дѣло». Поэтому позволительно утверждать, что возстановленіе Посполитовой Рѣчи никогда не служило для него предметомъ дѣйствій, несмотря на многія двусмысленныя рѣчи и воззванія великаго полководца. Тѣмъ не менѣе, при нѣкоторой загадочности отношеній Наполеона къ польскому вопросу, всякія новыя данныя о пребываніи французовъ въ Польшѣ, начиная съ 1806 года, должны представлять несомнѣнный интересъ. Интересъ этотъ долженъ возрастать еще болѣе отъ того, что вообще свѣдѣнія о пребываніи французовъ въ Варшавѣ въ періодъ времени съ 1806 по 1812 годъ крайне скудны. Въ виду этого вышедшія недавно воспоминанія графини Потоцкой-Вансовичъ имѣютъ особое значеніе.

Издатель «Воспоминаній», г. Казимиръ Стрыенскій, не [illegible] хотя [illegible] біографическихъ подробностей [illegible] графини Потоцкой-Вансовичъ, въ тому же, что и не могутъ представить [illegible], которыя для читателей ея «Воспоминаній», а ея нравственный облик[illegible] -умной, образованной, остроумной и благородной женщины и прежде всего горячей, [illegible] патріотки и страстной поклонницы генія Наполеона — намъ вырисовывается передъ читателемъ изъ строкъ ея мемуаровъ. Урожденная графиня Тышкевичъ, внучатная племянница послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа, она родилась въ 1776 или 1777 году и по своему происхожденію и по своему замужеству, въ первомъ бракѣ за графомъ Александромъ Потоцкимъ, а во второмъ — за графомъ Дунинымъ-Вансовичемъ, бывшимъ адъютантомъ Наполеона, имѣла возможность видѣть, слышать и наблюдать много интереснаго. Все это и послужило темою для ея записокъ, написанныхъ поразительно легкимъ, образнымъ и живымъ французскимъ языкомъ. Даваемые ею характеристики-портреты выдающихся дѣятелей Наполеоновской эпохи очерчены въ высшей степени тонко, законченно и подчасъ зло. Конечно, въ своихъ отзывахъ о всемъ, что касалось русскаго, австрійскаго и прусскаго дворовъ, она не всегда могла быть достаточно безпристрастна: для этого она была слишкомъ пылкая сторонница возстановленія Польши, а обусловленные политической необходимостью раздѣлы были слишкомъ близки по времени, и нанесенныя ими раны слишкомъ свѣжи.

Воспоминанія графини Потоцкой-Вансовичъ написаны до того живо, картинно, что читаются съ такою же легкостью, какъ какой-нибудь романъ. Да, они и могли бы быть названы историческимъ романомъ, такъ какъ на фонѣ историческихъ событій въ нихъ разыгрываются и свои романы: невинный, цѣломудренный романъ самой Потоцкой съ графомъ Флаго, сыномъ извѣстной писательницы Суза, и далеко не цѣломудренный, хотя и освященный безкорыстіемъ и преданностью романъ Валевской.

Г-жа дю-Деффанъ говорила: «Я могу читать лишь о фактахъ, описываемыхъ тѣми, къ которымъ они непосредственно относились, или которые были свидѣтелями ихъ; я требую еще, чтобы они были разсказаны безъ фразъ, безъ изысканности и обдуманности, чтобы авторъ не обнаруживалъ стремленія выразиться красиво; однимъ словомъ, я требую разговорнаго языка, живости, горячности, а прежде всего, ясности и простоты».

Почти всѣ эти качества неотъемлемо принадлежатъ воспоминаніямъ Потоцкой.

Ниже мы приводимъ главу этихъ воспоминаній, касающуюся пребыванія французовъ въ Варшавѣ въ 1806 и 1807 годахъ и связанныхъ

съ нимъ событій, дополняя разсказъ Потоцкой нѣкоторыми извлеченіями изъ имѣющейся въ нашемъ распоряженіи неизданной записной книжки графа Сегюра. Книжка эта уцѣлѣла и дошла до нашихъ дней благодаря какой-то счастливой случайности: она находилась въ платьѣ, снятомъ съ Сегюра казаками, взявшими его въ плѣнъ подъ Насельскомъ 12-го (24-го) декабря 1806 года [1]).

II.

Послѣ того какъ надежды, возбужденныя въ полякахъ пребываніемъ императора Александра I въ Пулавахъ, рушились, а вслѣдъ за сраженіемъ при Аустерлицѣ произошелъ переворотъ во внутренней и внѣшней политикѣ Россіи, и вліяніе Чарторижскаго ослабло, всѣ упованія польскихъ патріотовъ, ободренныхъ блестящими побѣдами французскихъ войскъ надъ пруссаками, сосредоточились на Наполеонѣ.

«Никто ни на одно мгновеніе не сомнѣвался въ счастливой звѣздѣ Наполеона, пишетъ Потоцкая. Всѣ были увѣрены, что онъ вернется изъ этого похода, какъ и изо всѣхъ остальныхъ, побѣдоноснымъ, но никто не ожидалъ той быстроты, съ которою онъ восторжествовалъ надъ арміей, еще гордившейся своей дисциплиной и своими, правда, не очень свѣжими побѣдами. Съ этихъ поръ даже въ глазахъ самыхъ благоразумныхъ людей возстановленіе Польши казалось вѣроятнымъ слѣдствіемъ войны.

«Всѣ такъ мало стѣснялись въ выраженіи своихъ чувствъ и своихъ надеждъ, что пруссаки, ненавидимые властители страны, которая не была завоевана ими, а досталась имъ вслѣдствіе раздѣла, не могли обманываться насчетъ симпатій, пробуждавшихся подъ вліяніемъ событій. И однако, надо сознаться въ этомъ, никто не былъ встревоженъ; прусскія власти довольствовались тѣмъ, что, насколько возможно, перехватывали всѣ извѣстія: газеты были пріостановлены, письма сжи-

---

[1]) Графъ Филиппъ Сегюръ, одинъ изъ генераловъ великой арміи, заслужившій европейскую извѣстность, какъ военный писатель, внукъ маршала Сегюра, одного изъ лучшихъ военныхъ министровъ Людовика XVI, и сынъ выдающагося дипломата, долгое время бывшаго представителемъ Франціи при дворѣ Екатерины II,—состоялъ въ то время, въ декабрѣ 1806 года, при Наполеонѣ, почти не разставаясь съ нимъ съ 1802 года. Полный драматизма разсказъ Сегюра объ его плѣненіи подъ Насельскомъ мы находимъ въ его воспоминаніяхъ (Histoire et mémoires par le général cómte de Ségur, membre de l'Academie française).

*

гались, отъ насъ тщательно скрывали побѣдоносное шествіе французской арміи, но не надолго могли заглушить отголоски широкой извѣстности, которую получили сраженіе при Іенѣ и вступленіе Наполеона въ Берлинъ.

«Съ этого мгновенія головы у всѣхъ пошли кругомъ, и уже никто не скрывалъ своей радости. Рестораны были переполнены пылкой молодежью, распѣвавшей, подъ звонъ стакановъ, патріотическія пѣсни и громко призывавшей «освободителей» и «братьевъ».

«Генералъ Калькрейтъ, комендантъ города, узнавъ тайнымъ образомъ, что императоръ покинулъ Берлинъ и направился къ Познани, поспѣшно отправилъ курьера, чтобы получить, наконецъ, хотя какія-нибудь инструкціи, такъ какъ забытый, при всеобщей сумятицѣ, онъ чувствовалъ себя въ очень затруднительномъ положеніи. Только и помышляя о своемъ отступленіи, онъ съумѣлъ, однако, окружить движенія великой арміи такою глубокою тайною, что мы почти въ одинъ и тотъ же день узнали объ отъѣздѣ Наполеона изъ Берлина и о его вступленіи въ Познань.

«Это послужило сигналомъ къ бѣгству прусскихъ властей, оставившихъ Варшаву при насмѣшливыхъ крикахъ уличныхъ мальчишекъ и отправившихся соединиться съ русскими, стоявшими по ту сторону Вислы. Прусскій король написалъ Понятовскому, что назначаетъ его губернаторомъ города и начальникомъ не существовавшей національной гвардіи. Онъ просилъ его наблюдать за безопасностью жителей, утверждая, что не знаетъ болѣе достойнаго человѣка, которому могъ бы ввѣрить столь важное дѣло. Но пруссаки не оставили ни одного ружья, и князь увидѣлъ себя вынужденнымъ вооружить чѣмъ попало съ сотню человѣкъ, которые съ ихъ пиками и окованными желѣзомъ палками размѣстились по гауптвахтамъ. Подобное положеніе вещей продлилось лишь нѣсколько дней.

«21-го ноября утромъ стало извѣстно о прибытіи французскаго полка. Какъ выразить восторгъ, съ которымъ онъ былъ принятъ?! Чтобы понять хорошенько подобныя чувства, нужно, какъ мы, потерять все и вѣрить въ возможность надѣяться на все. Эта горсть храбрецовъ, ступившихъ на нашу землю, представилась намъ залогомъ независимости, которой мы ждали отъ великаго человѣка, ни въ чемъ не встрѣчавшаго сопротивленія.

«Всеобщій восторгъ достигъ высшей степени своего развитія; весь городъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, освѣтился иллюминаціей. Безспорно, въ этотъ день властямъ не пришлось заботиться о томъ, какъ размѣстить по квартирамъ вновь прибывшихъ—всѣ оспаривали ихъ. Тѣ изъ горожанъ, которые не говорили по-французски, пользуясь безмолвнымъ языкомъ, доступнымъ всѣмъ странамъ, и знаками

радости, рукопожатіями, взрывами веселья давали понять своимъ гостямъ, что они отъ всего сердца предлагаютъ имъ все, что только есть лучшаго въ ихъ домѣ, не исключая погреба.

«Столы были накрыты даже на улицахъ, на площадяхъ. Сколько тостовъ было выпито за будущую независимость, за храбрую армію, за Наполеона!.. Обнимались, братались и чокались даже слишкомъ много, потому что солдаты, въ концѣ концовъ, стали предаваться излишествамъ, на время охладившимъ восторгъ, съ которымъ они были встрѣчены.

«На слѣдующій день совершилъ свой въѣздъ принцъ Мюратъ, бывшій въ то время еще великимъ герцогомъ Бергскимъ. При въѣздѣ увидѣли множество султановъ, шитыхъ мундировъ, золотыхъ и серебряныхъ галуновъ и т. д. Помѣщеніе для него было приготовлено въ домѣ Рацинскаго, но, такъ какъ ему не понравилось тамъ вслѣдствіе дымившаго камина, онъ переѣхалъ къ намъ.

«Мнѣ было въ высшей степени интересно увидѣть какого нибудь француза; тѣ, которые пришли вчера, были не въ счетъ: ихъ разсматривали въ массѣ. Когда пришло время ужинать, мой свекоръ, графъ Потоцкій, послалъ спросить, не пожелаютъ ли адъютанты его свѣтлости подняться отужинать съ нами. Къ моему величайшему разочарованію, эти господа отказались: они никогда не ужинали.

«Черезъ два дня послѣ своего пріѣзда принцъ Мюратъ, увѣдомивъ меня о своемъ посѣщеніи, явился вечеромъ съ многочисленной свитой. Это былъ великій человѣкъ, или, вѣрнѣе сказать, человѣкъ великій ростомъ [1]), съ лицомъ, такимъ, какія принято называть красивыми, но которое не нравилось, такъ какъ не носило отпечатка благородства и было совершенно лишено выразительности. У него былъ величественный видъ актеровъ, играющихъ роли королей. Легко было замѣтить, что его манера держать себя искусственна, и что обыкновенно онъ держитъ себя иначе. Онъ говорилъ недурно, такъ какъ очень слѣдилъ за собою, но его гасконскій акцентъ и нѣкоторыя черезчуръ солдатскія выраженія нѣсколько противорѣчили его званію «принца». Онъ любилъ разсказывать о своихъ воинскихъ подвигахъ и, по крайней мѣрѣ, въ теченіе цѣлаго часа говорилъ намъ о войнѣ.

«Взятіе Любека было его излюбленной темой. Это былъ доблестный подвигъ, но слышать разсказъ о немъ доставляло мало удовольствія: кровь струилась по улицамъ, лошади взвивались на дыбы передъ грудами труповъ. Эта черезчуръ вѣрная картина войны не была утѣшительна для насъ, бѣдныхъ женщинъ, готовившихся увидѣть, какъ всѣ, близкіе намъ, возьмутся за оружіе.

---

[1]) Непередаваемая игра словъ: un grand homme ou plutôt un homme grand.

«Мюратъ уже усвоилъ себѣ привычки принцевъ: онъ не разговаривалъ, а говорилъ, льстя себя мыслью, что его слушаютъ если не съ удовольствіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ почтительнымъ вниманіемъ.

«Наконецъ, вставши и раскланявшись съ достоинствомъ, онъ сказалъ намъ, что возвращается въ свой кабинетъ, чтобы изучить карту Польши и расположеніе русской арміи.

«Нѣсколько дней спустя въ замкѣ состоялся большой балъ. Мюратъ, снѣдаемый нетерпѣніемъ показаться, сказалъ князю Понятовскому, что, наслушавшись разговоровъ о красотѣ полекъ, онъ желаетъ лично убѣдиться въ этомъ; мой дядя устроилъ очень красивое празднество. Я чувствовала себя нездоровой и не могла отправиться на него, но мнѣ съ величайшей поспѣшностью сообщили, что принцъ появился на немъ въ полной парадной формѣ. Впослѣдствіи я видѣла его въ этомъ нѣсколько театральномъ костюмѣ, какъ разъ подходившемъ для принца «его крови». Во всемъ этомъ костюмѣ былъ прекрасенъ лишь одинъ трехцвѣтный султанъ, постоянно развѣвавшійся тамъ, гдѣ грозила опасность. Поэтому-то поляки, плѣненные столь необычайной храбростью, охотно возложили-бы корону на этотъ славный султанъ.

«Намъ никогда не пришлось узнать, подалъ-ли Наполеонъ своему зятю подобнаго рода надежду; но несомнѣнно одно, что Мюратъ питалъ ее и любилъ дѣлать сближенія между судьбою Собѣсскаго и своею собственною. Это составляло даже одинъ изъ его любимыхъ разговоровъ, и онъ безпрестанно возвращался къ нему, заставляя разсказывать себѣ все то, что имѣло отношеніе къ возвышенію этого короля-солдата [1]).

III.

«Какъ только узнали, что императоръ прибылъ въ Познань, было рѣшено послать къ нему на встрѣчу депутацію. Это было дѣло не лег-

---

[1]) Въ бюллетенѣ, возвѣщавшемъ вступленіе французовъ въ Варшаву, было выражено между прочимъ: „Будетъ-ли возстановленъ польскій престолъ? Одинъ лишь Богъ, держащій въ своей власти сочетаніе грядущихъ событій, можетъ разрѣшить эту великую политическую задачу". Вопросъ былъ поставленъ, но онъ никогда не былъ рѣшенъ. Это произошло однако не вслѣдствіе недостатка въ претендентахъ. „Съ этого времени, пишетъ г-жа де Ремюза, — семья Бонапарта прониклась желаніемъ добиться польскаго престола. Его братъ Жеромъ имѣлъ нѣкоторую надежду получить его. Мюратъ, при всякомъ случаѣ проявлявшій въ продолженіе этой кампаніи свою блестящую храбрость... предусматривалъ возможность, что въ одинъ прекрасный день эта обширная страна будетъ ввѣрена его власти".

кое. Всѣ болѣе или менѣе выдающіеся люди страны находились у себя въ имѣніяхъ, выжидая развязки событій. Кромѣ того, лица, имѣнія которыхъ находились во власти русскаго императора, тоже держались въ сторонѣ; они были научены опытомъ прошлаго и знали, что указъ о конфискаціи былъ-бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неблагоразумнаго поступка.

«Выпутались изъ затрудненія, составивъ депутацію изъ трехъ довольно незначительныхъ лицъ, которую и послали на встрѣчу побѣдителю. Его орлиный взглядъ быстро далъ ему возможность оцѣнить все значеніе этой депутаціи, къ которой онъ обратился съ совершенно безцвѣтными словами, отнюдь неспособными поддержать надежды, пробужденныя его приближеніемъ.

«Мюратъ далъ понять властямъ, что императору было-бы пріятно совершить свой въѣздъ съ извѣстною торжественностью, хотя-бы для того только, чтобы послать въ «Moniteur» блестящую статью. Поспѣшно были воздвигнуты тріумфальныя арки, приготовлены иллюминація, привѣтствія въ стихахъ, сплетены вѣнки. Всѣ эти сборы оказались напрасными; Наполеонъ обманулъ ожиданія и пріѣхалъ въ четыре часа утра на скверной лошади, взятой на послѣдней станціи [1]).

«Легко представить себѣ волненіе, которое его прибытіе произвело въ замкѣ, гдѣ всѣ были погружены въ глубокій сонъ. Императоръ самъ отправился въ караулку и разбудилъ часоваго, подавшаго условленный сигналъ. Вызванное этимъ смятеніе было тѣмъ сильнѣе, что починки, которыя пришлось начать въ замкѣ, нѣсколько лѣтъ стоявшемъ пустымъ, не были окончены. Къ счастью, аппартаменты послѣдняго короля, оставшіеся нетронутыми, казалось, ожидали этого новаго гостя. Постройкамъ, начатымъ въ царствованіе Станислава-Августа, свойствененъ тотъ отпечатокъ совершенства, который ускользаетъ и отъ вліянія времени, и отъ всевластія моды.

«Императоръ приказалъ сопровождать себя лишь своему мамелюку Рустану; экипажи остались завязшими въ грязи,—тогда еще не было шоссе, и проселочныя дороги въ такое время года были непроходимы.

«Тотчасъ по своемъ прибытіи императоръ велѣлъ объявить, что вечеромъ онъ приметъ начальствующихъ лицъ и всѣхъ, кто имѣлъ право быть представленнымъ ему.

«Я до сихъ поръ испытываю волненіе при воспоминаніи о томъ нетерпѣніи, съ какимъ мы ожидали возвращенія тѣхъ, которые были допущены въ замокъ. Мой отецъ былъ во главѣ официальной депутаціи. Онъ вернулся въ десять часовъ вечера, менѣе восхищенный и болѣе пораженный, чѣмъ я въ состояніи выразить это.

[1]) Наполеонъ въѣхалъ въ Варшаву въ ночь съ 6-го (18-го) на 7-ое (19-ое) декабря 1806 г.

«Во время пріема Наполеонъ выражался съ тою гибкостью и многорѣчивостью, которыя указывали у него на своего рода нервное возбужденіе. Онъ говорилъ много, не высказавъ однако ничего ободрительнаго. Я даже предполагаю, что, по размышленіи, онъ охотно взялъ-бы обратно нѣкоторыя вырвавшіяся у него фразы. Распространившись о томъ, что онъ только-что совершилъ въ Пруссіи, въ мельчайшихъ подробностяхъ разсмотрѣвъ доводы, побудившіе его къ этой войнѣ, онъ особенно остановился на громадныхъ затрудненіяхъ, которыя приходилось преодолѣвать для того, чтобы столь многочисленная армія могла подвигаться и доставать себѣ достаточно провіанта.

— Но, прибавилъ онъ въ концѣ концовъ,—это пустяки! и положивъ затѣмъ руки въ карманы, проговорилъ:

— У меня французы вотъ здѣсь!.. Властвуя надъ ихъ воображеніемъ, я дѣлаю съ ними все, что захочу!...

Нѣкоторое безмолвное удивленіе отразилось на лицахъ всѣхъ тѣхъ, которые слушали его. Послѣ паузы онъ прибавилъ:

— Да... да... это такъ, какъ я говорю вамъ!...

«И понюхавъ табаку, чтобы перевести дыханіе, онъ снова принялся говорить съ большою живостью; онъ разразился ѣдкою выходкою противъ польскихъ магнатовъ, которые, по его мнѣнію, не проявляли достаточно рвенія и патріотизма.

— Нужны, воскликнулъ онъ—преданность, жертвы, кровь! Безъ этого-же вы никогда не станете чѣмъ-либо!

«Но среди этого потока словъ у него не вырвалось ни одного, которое могло-бы быть принято за обѣщаніе. Поэтому то люди болѣе разсудительные вернулись съ этой аудіенціи мало удовлетворенными, но готовыми сдѣлать все, что имъ подскажутъ честь и любовь къ отечеству».

IV.

О пріемѣ Наполеономъ депутаціи и о произнесенной имъ рѣчи сохранилось нѣсколько разсказовъ. Мы приведемъ здѣсь разсказъ объ этомъ событіи графа Сегюра, представляющійся намъ болѣе точнымъ и подробнымъ, какъ записанный подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ лицомъ, близкимъ къ императору.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Сегюръ передаетъ рѣчь Наполеона:

«Для того, чтобы между двумя народами могъ быть заключенъ договоръ, необходимо, чтобы каждый изъ нихъ вносилъ въ него что-либо свое, а я не вижу въ вашей странѣ ни арміи, ни податей, ни всеобщаго

единодушія, которыя служили-бы для меня залогомъ того, что мнѣ будетъ оказана помощь съ вашей стороны. Я дѣйствую въ этомъ случаѣ совершенно безкорыстно. Я не желаю даже, чтобы здѣсь воцарился принцъ изъ моего дома. Будьте увѣрены въ этомъ. У меня есть куда пристроить ихъ: Римъ, Пруссія, Вестфалія; въ моемъ распоряженіи самыя прекрасныя, самыя лучшія земли. Но я желаю возстановленія Польши и не имѣю никакой надобности скрывать отъ васъ побужденій, руководящихъ мною. Я, какъ честный человѣкъ, склоняюсь къ этому, конечно, подъ вліяніемъ негодованія, возбуждаемаго подобнымъ насиліемъ. Но народы себялюбивы и своекорыстны, и я, какъ монархъ, не долженъ проливать крови своихъ подданныхъ изъ-за чувства великодушія. Нѣтъ, ни одной капли этой крови не должно быть пролито иначе, какъ на пользу и на благо моей имперіи, но для этой цѣли я не пощажу ея, и мои собственныя выгоды служатъ вамъ ручательствомъ моихъ намѣреній.

«Никогда ни Франція, ни даже Англія не признавали раздѣла Польши, который былъ произведенъ съ такою-же жестокою несправедливостью, какую могли-бы проявить только три разбойника, дѣлящіе между собою въ лѣсной чащѣ имущество путешественника.

«По самому положенію дѣлъ и въ интересахъ моей политики моими естественными союзниками являются Порта и Польша. Повторяю вамъ, я не руковожусь въ этомъ какими-либо личными видами. Изберите королемъ кого хотите, выработайте себѣ конституцію, которая вернула-бы Польшѣ могущество самостоятельнаго государства. Лишь-бы только Польша была возстановлена, и я буду доволенъ, и моя цѣль будетъ достигнута. Король, котораго вы изберете, всегда будетъ достаточно сознавать, что быть моимъ союзникамъ въ его-же выгодахъ. Надѣюсь, что несчастія исправили васъ. Но я уже сказалъ вамъ, что, заключая договоръ, обѣ стороны связываютъ себя взаимными обязательствами, а на что же я могу разсчитывать? что приносите вы съ своей стороны? Каковы въ настоящее время и чѣмъ окажутся въ будущемъ послѣдствія вашей пылкости? Исправитесь-ли вы? Я вижу Радзивиловъ, которые должны быть пруссаками въ силу ихъ брачныхъ союзовъ, вижу Сапѣгъ, вижу Чарторижскихъ, которые, быть можетъ, станутъ русскими».

При этихъ словахъ кн. Сапѣга, только что прибывшій изъ Россіи, на свой собственный страхъ выступаетъ впередъ и, преклонивъ колѣно, говоритъ:

— Ваше величество, я отвѣчаю за патріотизмъ моего рода и ручаюсь за него головою.

— Ваши слова весьма трогательны, но кто поручится мнѣ за единодушіе магнатовъ? Создадите-ли вы налоги, будутъ ли они взиматься, будетъ-ли ваше единодушіе всеобщимъ, не придется-ли мнѣ,

оставивъ на этомъ престолѣ принца, француза или принадлежащаго къ иной народности, содержать здѣсь армію и, чего добраго, давать вамъ еще субсидіи? Наконецъ, могу ли я предвидѣть, какія обязательства принимаю на себя изъ-за васъ? Вы видите, слѣдовательно, что я не могу уполномочить сеймъ собираться публично и на законномъ основаніи. Чьими представителями явитесь вы? Я нахожусь здѣсь во дворцѣ короля польскаго, котораго я никогда не признавалъ свергнутымъ съ престола и котораго продолжаю считать царствующимъ здѣсь. Я не препятствую вамъ собираться. Дайте толчекъ, созовите главныхъ представителей народа, устройте, чтобы не было болѣе раздоровъ, чтобы всѣ стремились къ одной и той-же цѣли. Я понимаю, что крестьянское сословіе не имѣетъ здѣсь никакого значенія, но толчекъ долженъ быть данъ дворянами. Почему же они не подъ ружьемъ? Почему поляки, служащіе въ рядахъ русскихъ войскъ, не дезертируютъ? Ваше дѣло, господа, собравшіеся здѣсь, рѣшить, какими средствами можно поднять чувство любви къ отечеству. Мой народъ многочисленнѣе вашего, я нахожусь отъ него на разстояніи 400 миль, а между тѣмъ я болѣе властенъ надъ нимъ здѣсь, чѣмъ въ Парижѣ. У меня въ карманѣ патріотизмъ, горячность, рвеніе, умъ всѣхъ французовъ. Я всѣхъ ихъ заставляю покидать свой домашній очагъ, чтобы вести здѣсь войну и переносить всѣ труды и лишенія. Надобно умѣть, какъ взяться за дѣло, и уже вамъ слѣдуетъ изыскать средства къ этому.

«Я долженъ сказать вамъ, что, если-бы на вашемъ престолѣ явился французскій принцъ, то, въ силу нашихъ убѣжденій, пришлось бы освободить вашихъ крестьянъ. Словомъ, господа, я говорю съ вами безъ лицемѣрія. Моя армія здѣсь; побивъ австрійцевъ, пруссаковъ, я могу надѣяться, съ помощью Божіей и по волѣ судьбы, восторжествовать и надъ русскими. Ваше дѣло воспользоваться случаемъ»...

«Предсѣдатель сейма, маршалъ Малаховскій, генералъ Потоцкій и камергеръ Липовскій, земскій депутатъ г. Кракова, генер.-лейт. Гургужинскій, отвѣтили, что его величество не долженъ сомнѣваться въ рвеніи народа, но что у многихъ помѣщиковъ свобода дѣйствій связана тѣмъ, что ихъ имущество находится въ рукахъ непріятеля, и это обстоятельство вынуждаетъ ихъ къ осмотрительности; что не слѣдуетъ болѣе вѣрить въ могущество магнатовъ, что его не существуетъ уже лѣтъ 20 или 30, что многіе изъ нихъ тщетно хотѣли дать свободу крестьянамъ, такъ какъ послѣдніе отказывались отъ нея; что только выигранное сраженіе и его послѣдствія рѣшатъ судьбу Польши и могутъ вызвать возстаніе всей страны; что они съ упованіемъ ожидали его; что перечисленные его величествомъ роды въ душѣ патріоты, и что должно разсчитывать лишь на одно сраженіе, потому что страна до того замкнута со всѣхъ

сторонъ и не доступна для извѣстій извнѣ, что въ русской Польшѣ еще не знаютъ о прибытіи императора въ Варшаву. Потоцкій сослался на полученное имъ письмо, въ которомъ сообщали, что только что узнали о смерти принца Луи.

«Императоръ въ доказательство несогласій и розни, существовавшихъ между дворянами, указалъ на то, что посланный Чарторижскаго убѣдилъ Костюшку не являться въ Польшу. Потоцкій отвѣчалъ на это, что, если его нѣтъ въ Польшѣ, то это еще не бѣда.

«Каковъ бы ни былъ исходъ войны, сказалъ Наполеонъ, — я обѣщаю скомпрометированнымъ полякамъ покровительство и возможное удовлетвореніе за понесенные убытки.

«На слѣдующій день, записалъ Сегюръ,—я бесѣдовалъ съ княземъ Сапѣгою. Онъ сказалъ мнѣ, что обладаетъ милліоннымъ состояніемъ. Я отвѣчалъ ему, что въ такомъ случаѣ Чарторижскій, у котораго 4 или 5 милліоновъ, въ 4 или 5 разъ богаче его.

«Онъ возразилъ, что въ Польшѣ вліяніе зависитъ не отъ богатства, а отъ того, какъ человѣкъ поставилъ себя, отъ популярности его обращенія и отъ того, какъ онъ держалъ себя во время революціи, что народъ составляютъ собственно дворяне, и что имъ свойственны нѣкоторыя притязанія, съ которыми надо считаться. Онъ утверждалъ, что магнатовъ теперь не существуетъ, потому что состоянія раздробились путемъ раздѣла ихъ равными частями между дѣтьми.

«О князѣ І. Понятовскомъ онъ сказалъ, что тотъ любитъ лишь одно—окружать себя актрисами, ... [1]), вкусы которыхъ извращены, и которые руководятъ имъ; что это человѣкъ совершенно безхарактерный и приносящій свою страну въ жертву тѣмъ взглядамъ, которые внушаютъ ему.

— Что касается князя Чарторижскаго,—прибавилъ онъ,—я его личный врагъ по семейнымъ обстоятельствамъ и въ силу моихъ убѣжденій. Я согласенъ съ вами, что первоначально я былъ слишкомъ демократиченъ; нѣкоторые изъ насъ были увлечены своимъ патріотизмомъ, но мы исправились; это-то и внесло раздоръ въ нѣсколько семействъ. Правда относительно Костюшки заключается въ томъ, что ему помѣшали пріѣхать какъ Чарторижскіе, такъ и слово, данное имъ Павлу I никогда не дѣйствовать противъ Россіи, и его личныя убѣжденія. Онъ видитъ, что здѣсь хотятъ создать монархическое государство, и, какъ другъ и поклонникъ Вашингтона, принятаго имъ за образецъ, не хочетъ содѣйствовать установленію того, что онъ назвалъ бы порабощеніемъ своего отечества.

«Потоцкій сказалъ, что, въ виду подобныхъ взглядовъ Костюшки,

---

[1]) Слово не разобрано.

слѣдуетъ считать счастьемъ для Польши, что онъ остался въ Парижѣ. И, дѣйствительно, къ чему служатъ эти поголовныя ополченія? Они истребляютъ въ одно мгновеніе и безъ всякой пользы тѣ средства, съ которыми можно было бы создать менѣе многочисленную, но зато достаточную и постоянную вооруженную силу. Къ чему привело краковское повстаніе? Что же сдѣлали эти крестьяне, которымъ говорили: «вы не будете болѣе платить податей; земли, которыя вы обрабатываете для другихъ, будутъ частью принадлежать вамъ самимъ, вы не будете болѣе ходить на барщину!» Они взяли свои косы, дрались на своей землѣ и не хотѣли переступать ея границъ, потому что они дрались только за то, что принадлежало имъ».

Очень вѣроятно, что Сегюръ, относившійся къ полякамъ въ высшей степени сочувственно, невольно нѣсколько смягчилъ нѣкоторыя выраженія Наполеона. По крайней мѣрѣ, въ донесеніи прусскаго агента, посланномъ въ тотъ же день Фридриху-Вильгельму III, отрывокъ изъ этой рѣчи переданъ въ несравненно болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, причемъ указано, что Наполеонъ говорилъ «съ запальчивостью». Для сравненія мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь.

«Предупреждаю васъ,—сказалъ Наполеонъ,—что ни я, ни кто-либо другой изъ французскихъ принцевъ и не думаемъ о вашемъ польскомъ престолѣ. У меня есть короны для раздачи, и я не знаю, куда дѣвать ихъ. А вы прежде всего позаботьтесь дать хлѣба моимъ солдатамъ. Хлѣба, хлѣба, хлѣба! У меня милліоны, я дамъ вамъ денегъ, но только вы съ вашей стороны доставьте мнѣ продовольствіе».

«Депутатъ Кохановскій отвѣчалъ на это, что только вывозъ изъ Галиціи могъ бы помочь этому, но императоръ въ гнѣвѣ повернулся къ нему спиною и продолжалъ:

«Это относится къ политикѣ и не касается васъ вовсе. Какъ! (ударяя себя при этомъ по карманамъ) я управляю при посредствѣ ихъ Франціею и не въ состояніи прокормить войскъ въ этой странѣ, гдѣ кромѣ дворянъ и жалкихъ крестьянъ и нѣтъ никого? Гдѣ же ваши знатныя фамиліи, ваши Потоцкіе, ваши Чарторижскіе, ваши Сапѣги? Всѣ продали себя Россіи! Никто иной, какъ князь Чарторижскій, написалъ Костюшкѣ не возвращаться въ Польшу».

«Одинъ галиційскій депутатъ началъ говорить съ цѣлью узнать о судьбѣ, ожидающей эту область. Наполеонъ отвѣталъ:

«Развѣ вы воображаете, что ради одной провинціи я захочу навлечь на себя новыхъ враговъ?»

Послѣ произнесенной Наполеономъ рѣчи, по словамъ Потоцкой, «только и говорили, что о военной организаціи, наборѣ и т. д. Отдавали все, что могли, а то немногое, что оставляли себѣ, силою отнималось французами.

«Что бы ни говорилъ Наполеонъ о недостаткѣ рвенія у знатныхъ людей, я смѣю утверждать, что никогда ни въ какой странѣ не приносили съ большей поспѣшностью столь громадныхъ жертвъ.

«Не было ни одного дня, чтобы не приходило извѣстія о добровольномъ пожертвованіи, патріотическомъ дарѣ. Когда, наконецъ, оказался недостатокъ въ деньгахъ, мы всѣ послали на монетный дворъ нашу посуду.

«Въ мѣстахъ расквартированія войскъ высшіе офицеры жили на счетъ помѣщиковъ.

«Одинъ богатый дворянинъ, пожелавшій сдѣлать блестящій пріемъ одному изъ самыхъ извѣстныхъ маршаловъ, не мало былъ удивленъ на слѣдующій день, когда узналъ, что его серебро исчезло вмѣстѣ съ фургонами героя. Шутка была признана черезчуръ сильной, и о ней доложили императору; возмущенный подобнымъ образомъ дѣйствіи въ дружественной странѣ, онъ немедленно приказалъ возвратить серебро и приписалъ это «разсѣянности» прислуги маршала.

V.

«Я принимала у себя, продолжаетъ Потоцкая, много французовъ. Мой мужъ постоянно участвовалъ въ этихъ собраніяхъ и помогалъ мнѣ исполнять обязанности хозяйки. Иногда играли, чаще разговаривали. Въ числѣ нашихъ обычныхъ посѣтителей былъ князь Боргезе, зять императора, но никто не занимался имъ. Я никогда не забуду, что въ тѣ короткіе промежутки времени, когда разговоръ становился нѣсколько серьезнымъ, онъ отправлялся за стульями, выстраивалъ ихъ въ два ряда по самой серединѣ гостиной и забавлялся, напѣвая про себя, тѣмъ, что танцовалъ съ этими безмолвными статистами кадрили. Обыкновенно у насъ собирались еще генералъ Эксельманъ, милый Луи де-Перигоръ, скончавшійся годъ спустя во время поѣздки изъ Петербурга въ Парижъ и заслужившій сожалѣнія всѣхъ тѣхъ, которые знали его; интересный Альфредъ де-Ноайль, красавецъ Лагранжъ и масса другихъ, воспоминаніе о которыхъ изгладилось съ теченіемъ времени или же вслѣдствіе ихъ ничтожества.

«Зима 1807 г. была чрезвычайно сурова. Страна, уже обезсиленная послѣ прохода русской арміи, изнемогала отъ истощенія, когда пришлось удовлетворять нуждамъ сотни тысячъ французовъ, сосредото-

ченныхъ въ одномъ мѣстѣ. Войска сильно страдали и начинали роптать, такъ какъ они нуждались во всемъ [1]).

«Савари, бывшій тогда адъютантомъ императора, предложилъ то, что онъ называлъ сильнымъ средствомъ: рѣчь шла чуть ли не объ изводѣ города голодомъ, такъ какъ предполагалось закрыть городскія заставы и захватывать жизненные припасы, ежедневно доставлявшіеся въ городъ.

«Наполеонъ, утомленный ропотомъ своихъ «воркуновъ» [2]), принялъ это предложеніе, и были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія. Такимъ образомъ, мы почти были осуждены на голодную смерть. «Другъ» (графъ Флаго), подъ большимъ секретомъ, предупредилъ насъ о томъ, что должно было произойти. Какая-нибудь неосторожность могла бы погубить его, поэтому приходилось предотвратить бѣду, не компрометируя его... Мы собрались на совѣтъ, и мой мужъ рѣшилъ, что, подъ предлогомъ неожиданнаго путешествія, мы начнемъ заготовлять провизію. Къ великому счастью, эти предосторожности сдѣлались излишними. Принцъ Невшательскій (Бертье) и Талейранъ оказались достаточно смѣлыми, чтобы представить императору, что онъ рискуетъ вызвать возмущеніе, и поэтому было рѣшено силою прорвать австрійскій кордонъ, что́ въ изобиліи доставило жизненные припасы какъ намъ, такъ и арміи.

«Между тѣмъ какъ начинали удивляться кажущемуся спокойствію, царившему въ за́мкѣ, и дамы возмущались недостаткомъ поспѣшности, который обнаруживалъ императоръ въ своемъ желаніи видѣть ихъ, Наполеонъ выработывалъ свои планы атаки и, не страшась суроваго времени года, уѣхалъ внезапно, чтобы отправиться на встрѣчу русскимъ, расположившимся по другую сторону Вислы въ небольшомъ городкѣ Цултускѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней дрались безъ особыхъ результатовъ. Зима затрудняла все рѣшительно; безпрерывные дожди до того

---

[1]) Вотъ очень интересный, относящійся къ этому, анекдотъ, разсказанный Раппомъ. „Наполеонъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ; населеніе думало, что приближается къ моменту, когда произойдетъ его возрожденіе, и предвкушало исполненіе всѣхъ своихъ желаній. Трудно изобразить радость поляковъ и уваженіе, которое они оказывали намъ. Наши солдаты были менѣе довольны... Для нихъ польскій языкъ состоялъ изъ четырехъ словъ: „хлѣба?“ „нима“; „вада?“ „заразъ“. Хлѣба? нѣтъ; воды? сейчасъ принесутъ. Въ этомъ для нихъ заключалась вся Польша. Однажды Наполеонъ проѣзжалъ сквозь колонну пѣхоты въ окрестностяхъ Насельска, гдѣ войска испытывали большія лишенія вслѣдствіе распутицы, мѣшавшей подвозу. „Папа, хлѣба!“ крикнулъ ему одинъ изъ солдатъ. „Нима!“ отвѣтилъ императоръ. Вся колонна разразилась хохотомъ; больше никто ничего не спрашивалъ“.

[2]) Какъ разъ во время этой кампаніи Наполеонъ назвалъ своихъ солдатъ „воркунами“. „Названіе, которое осталось за нами, и которымъ мы гордимся теперь“. (Капитанъ Куанье, 5-ая тетрадь).

испортили дороги, что пушки оставались завязшими въ грязи; нѣсколько солдатъ погибло въ рытвинахъ. Никогда не было видно ничего подобнаго, и тотъ, геній котораго до сихъ поръ, казалось, господствовалъ надъ природой, увидѣлъ себя вынужденнымъ вернуться, потревоживъ и отбросивъ непріятеля, но оставивъ его въ состояніи еще долгое время оказывать сопротивленіе.

«Опасались, и не безъ основанія, какое впечатлѣніе произведетъ на Наполеона эта первая неудача, и поэтому всѣ власти съ трепетомъ отправились въ замокъ встрѣчать его. Но, къ великому удивленію всѣхъ, онъ казался совершенно спокойнымъ.

— Ну,—сказалъ онъ,—ваша грязь спасла русскихъ: придется ждать морозовъ.

«Затѣмъ онъ говорилъ объ управленіи страною, указывая на встрѣченную необходимость внести много порядка и предусмотрительности въ дѣло удовлетворенія нуждъ арміи, обозначалъ пункты, въ которыхъ слѣдовало учредить магазины, входилъ во всѣ подробности съ поразительною отчетливостью и уже съ полнымъ знаніемъ мѣстъ, обстоятельствъ и людей, которыми надлежало воспользоваться.

«На этотъ разъ было не такъ, какъ въ первый; всѣ, бывшіе въ замкѣ, возвратились оттуда проникнутыми восхищеніемъ, вызваннымъ въ нихъ объемомъ и глубиною этого генія, равно способнаго побѣждать и управлять. Мой свекоръ былъ такъ любезенъ, что явился разсказать мнѣ обо всемъ, происходившемъ на этомъ пріемѣ. Но едва только онъ усѣлся, какъ мы услышали большой шумъ, производимый людьми и лошадьми. Это съ шумомъ въѣзжалъ Мюратъ; онъ тоже возвращался изъ этого недолгаго похода, сопровождаемый всѣмъ своимъ штабомъ.

«Нѣсколько дней спустя, наконецъ, возвѣстили, что состоится пріемъ дамъ. Итакъ, мы, въ свою очередь, готовились увидѣть великаго человѣка и судить его! Нужно было подумать о красивомъ туалетѣ: въ дѣло было замѣшано національное самолюбіе.

«Я осталась очень довольна своимъ. Мое положеніе, еще мало замѣтное, было совершенно скрыто чернымъ бархатнымъ платьемъ, вышитымъ à la Mathilde золотомъ и жемчугомъ. Открытыя брижжи à la Van-Dyck, пучки легкихъ локоновъ и всѣ мои брильянты прекрасно дополняли собою этотъ благородный и строгій костюмъ, правду сказать, составлявшій контрастъ съ моимъ лицомъ, свѣжимъ и жизнерадостнымъ. Мода еще не освятила тогда подобныхъ костюмовъ «фантези»; мнѣ кажется, я была одна изъ первыхъ, усвоившихъ ихъ, и мои туалеты скорѣе носили на себѣ отпечатокъ художника, чѣмъ моднаго журнала.

«Мы пріѣхали въ замокъ около девяти часовъ вечера. Приходилось проходить сквозь цѣлую расшитую и вызолоченную армію, стоявшую шпалерами, чтобы видѣть входившихъ дамъ. Я шла за своею свекровью,

смотря направо и налѣво, чтобы судить о впечатлѣніи, которое производилъ мой нарядъ на судей, въ одинаковой степени компетентныхъ и строгихъ. Признаюсь, что я была восхищена, когда, среди лестнаго шопота, услышала эту чисто французскую фразу: «о, какъ это оригинально!.. Можно было-бы сказать, что это красивый портретъ, выглядывающій изъ старинной рамы. Въ Парижѣ не увидишь ничего подобнаго».

«Насъ ввели въ великолѣпную залу, въ которой находились историческія картины, увезенныя впослѣдствіи въ Москву по повелѣнію императора Николая. Эта зала была освѣщена à giorno. Уже съѣхалось много дамъ, помѣстившихся одна возлѣ другой, и, такъ какъ въ выборѣ не были особенно строги, собраніе было очень многочисленно.

«Мы ожидали довольно долго, и надо признаться, что наше любопытство не было чуждо какого-то страха. Вдругъ общее молчаніе было нарушено внезапнымъ волненіемъ, двери съ шумомъ растворились, и показался Талейранъ, произнесшій громкимъ, но невнятнымъ голосомъ: «императоръ!» Вслѣдъ затѣмъ появился Наполеонъ и остановился на мгновеніе, какъ-бы предоставляя возможность разглядѣть себя.

«Существуетъ столько портретовъ этого удивительнаго человѣка, столько занимались его исторіей, всѣ легенды, пересказанныя дѣтьми его старыхъ солдатъ, столь долгое время останутся животрепещущими, что грядущія поколѣнія узнаютъ его почти такъ-же хорошо, какъ и мы. Но что имъ трудно будетъ понять, такъ это то, до какой степени впечатлѣніе, которое испытывали, увидѣвъ его въ первый разъ, было глубоко и неожиданно.

«Что касается меня, то я ощущала какое-то оцѣпенѣніе, нѣмое удивленіе, похожее на то, которое охватываетъ при видѣ всего чудеснаго. Мнѣ казалось, что онъ былъ осѣненъ сіяніемъ. Единственная мысль, которая пришла мнѣ въ голову, когда я оправилась отъ этого перваго ослѣпленія, была та, что невозможно, чтобы подобное существо могло умереть, чтобы столь могучее твореніе, столь необъятный геній должны были превратиться когда-либо въ ничто!.. Внутренно я приписывала ему двойное безсмертіе.

«Моя свекровь стояла у дверей, черезъ которыя вышелъ императоръ; сначала онъ обратился къ ней и говорилъ съ нею объ ея мужѣ [1]) въ крайне лестныхъ для него выраженіяхъ. Затѣмъ наступила моя очередь. Я не въ состояніи вспомнить то, что онъ сказалъ мнѣ, до такой степени я была взволнована. Вѣроятно, это была одна изъ тѣхъ банальныхъ фразъ, которыя одинаково пригодны для всѣхъ

[1]) Графѣ Станиславѣ Потоцкомъ, предсѣдателѣ совѣта.

молоденькихъ женщинъ. Я отвѣтила, безъ сомнѣнія, довольно неудачно, потому что онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, что еще болѣе смутило меня и заставило перезабыть все, за исключеніемъ изящной и пріятной улыбки, сопровождавшей тѣ немногія слова, съ которыми онъ обратился ко мнѣ. Эта улыбка, являвшаяся у него, когда онъ говорилъ съ женщинами, лишала его лицо выраженія строгости, которое могъ придавать его взглядъ [1]).

«Такимъ образомъ онъ очень быстро обошелъ гостиную; нѣкоторыя изъ дамъ попытались заговорить съ нимъ о надеждахъ, которыя порождало его присутствіе, но на эти патріотическіе порывы, достаточно неумѣстныя при представленіи, онъ отвѣчалъ лишь односложными словами и отпустилъ насъ скорѣе чѣмъ черезъ полчаса. Дойдя до двери, черезъ которую онъ вошелъ, онъ проговорилъ довольно громко, обращаясь къ Талейрану:

— Сколько красивыхъ женщинъ!

«Затѣмъ, повернувшись еще разъ, онъ изящнымъ движеніемъ руки поклонился намъ и прошелъ въ свои аппартаменты.

VI.

«Императоръ объявилъ, что такъ какъ нельзя драться, то онъ желаетъ, чтобы веселились. Моментъ былъ подходящій, только что началась масляница, но встрѣтилось одно препятствіе: «освободители» занимали всѣ дома; повсюду хозяева, какъ и мы, должны были довольствоваться нѣсколькими небольшими комнатами, въ которыхъ ютились какъ попало, и объ устройствѣ въ которыхъ баловъ нечего было и думать. Князь Понятовскій, который одинъ могъ бы собрать въ замкѣ многочисленное общество, былъ стѣсненъ присутствіемъ императора.

«Послѣ долгихъ переговоровъ было рѣшено, что первый балъ будетъ данъ Талейраномъ, оберъ-камергеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Императоръ, какъ и всѣ принцы, долженъ былъ присутствовать на немъ. Увѣряли, что на него будутъ приглашены лишь пятьдесятъ дамъ, но столь строгій этикетъ не могъ устоять противъ массы маленькихъ интригъ, обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ. Безспорно, что это было одно изъ тѣхъ празднествъ, на которыхъ никто ни за

---

[1]) „Въ его взглядѣ было что-то поразительное: это былъ взглядъ сосредоточенный и глубокій, но нисколько не вдохновенный и поэтическій. Этотъ взглядъ становился безконечно нѣжнымъ, когда онъ заговаривалъ съ женщиной“. „Жизнь Наполеона“ Стендаля.

что въ мірѣ не хотѣлъ бы отсутствовать. Были задѣты тщеславіе и любопытство всѣхъ рѣшительно. Что касается меня, то я очень желала увидѣть поближе хозяина бала, слывшаго за самаго любезнаго и самаго остроумнаго человѣка своего времени; правду сказать, онъ мало старался показаться намъ таковымъ. Его близкіе утверждали, что никто не былъ одновременно, и болѣе ловокъ, и болѣе блестящъ, чѣмъ онъ; но если бы я была должна судить по впечатлѣнію, которое онъ произвелъ на меня тогда, то сказала бы, что онъ казался пресыщеннымъ и скучающимъ отъ всего: алчный къ деньгамъ, дрожащій за благоволеніе властелина, котораго онъ ненавидѣлъ, безъ характера, какъ и безъ убѣжденій, однимъ словомъ, отталкивающій душею и лицомъ...

«Я не съумѣю передать удивленіе, которое испытала, когда увидѣла, какъ онъ съ салфеткой подъ мышкой и съ позолоченнымъ блюдомъ въ рукѣ съ трудомъ прошелъ до середины гостиной, чтобы предложить стаканъ лимонаду тому самому монарху, котораго про себя онъ называлъ выскочкой!

«Въ своей молодости Талейранъ, какъ говорятъ, пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, и впослѣдствіи я видѣла его среди его стараго сераля... Это было, дѣйствительно, въ высшей степени комично; всѣ эти дамы, при которыхъ онъ поочередно исполнялъ роли любовника, тирана или друга, тщетно пытались развлечь его. Его угрюмость противилась всѣмъ ихъ усиліямъ. Онъ зѣвалъ въ лицо одной, грубо обходился съ другой, называлъ ихъ всѣхъ сумасшедшими, лукаво намекалъ на воспоминанія прошлаго.

«Возвращаюсь къ балу Талейрана. Этотъ балъ былъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ, на которыхъ мнѣ приходилось присутствовать. Императоръ танцовалъ на немъ кадриль, послужившую предлогомъ его сближенія съ Валевской.

— Какъ по вашему я танцую? спросилъ онъ меня смѣясь;—я думаю, вы насмѣхались надо мною.

— Дѣйствительно, государь, отвѣчала я, — для великаго человѣка вы танцуете превосходно [1]).

«Незадолго передъ этимъ Наполеонъ подошелъ ко мнѣ и сѣлъ между мною и своею будущею фавориткой; поговоривъ нѣсколько минутъ, онъ спросилъ меня, кто его вторая сосѣдка. Какъ только я назвала ее, онъ повернулся въ ея сторону съ самымъ освѣдомленнымъ видомъ.

«Мы узнали потомъ, что Талейранъ простеръ свою заботливость до

---

[1]) „Въ продолженіе этой зимы (1806 г.) Наполеонъ стремился на всевозможныя собранія; онъ казался на нихъ веселымъ и даже танцовалъ, правда, немного и довольно таки неловко". „Воспоминанія" Ремюза.

того, что устроилъ эту первую встрѣчу и устранилъ предварительныя затрудненія [1]). Когда Наполеонъ выразилъ желаніе считать въ числѣ своихъ побѣдъ польку, она была выбрана такою, какъ нужно—прелестною по лицу и ничтожною по уму. Утверждали, будто было замѣчено, что послѣ кадрили императоръ пожалъ ей руку, что̀, по разсказамъ, было равносильно назначенію свиданія.

«Дѣйствительно, оно состоялось на слѣдующій вечеръ. Разсказывали, что за красавицей поѣхалъ важный сановникъ; говорили о неожиданномъ и незаслуженномъ повышеніи брата-шелопая, о бриллiантовой парюрѣ, которая, какъ увѣряли, была отвергнута. Разсказывали много такого, чего, быть можетъ, и не знали, и что выдумывали съ наслажденіемъ. Дошли до того, что утверждали, что Рустанъ, мамелюкъ, служилъ въ качествѣ горничной!.. Чего вѣдь не разсказываютъ въ подобныхъ случаяхъ! Что несомнѣнно, такъ это то, что всѣ мы, дамы, были огорчены, что дама, принятая въ обществѣ, оказалась столь доступной и защищалась столь-же мало, какъ Ульмская крѣпость.

«Но время, всему придающее извѣстную окраску, придало этой связи, завязанной съ такою легкостью, характеръ постоянства и безкорыстія, изгладившій отчасти непорядочность начала и, въ концѣ концовъ, поставившій Валевскую въ разрядъ интересныхъ лицъ ея времени [2]). Восхитительно красивая, она олицетворяла собою головки Греза; ея глаза, ея ротъ, ея зубы были чудесны. Ея смѣхъ былъ такъ свѣжъ, ея взглядъ такъ нѣженъ, общее впечатлѣніе, производимое ея обликомъ, столь плѣнительно, что никогда не приходилось задумываться надъ тѣмъ, чего могло недоставать для правильности ея чертъ.

«Выйдя замужъ въ шестнадцать лѣтъ за восьмидесятилѣтняго старика, который никогда не показывался въ обществѣ, она держала себя какъ молодая вдова. Ея крайняя молодость, въ связи со столь удобнымъ положеніемъ, давала просторъ всевозможнымъ толкамъ, и если

---

[1]) По словамъ г-жи Ремюза въ ея „Воспоминаніяхъ“, веденіе дѣйствительныхъ предварительныхъ переговоровъ было поручено Мюрату. „Послѣ перваго вступленія въ Польшу Мюратъ, предшествовавшій пріѣзду императора въ Варшаву, получилъ приказаніе найти для него молодую и красивую женщину и избрать ее по преимуществу изъ дворянской среды. Онъ искусно выполнилъ полученное порученіе и склонилъ къ подобной угодливости молодую и благородную польку, имѣвшую стараго мужа“.

[2]) „Императоръ, пишетъ герцогъ Ровиго въ своихъ воспоминаніяхъ,—какъ и всѣ офицеры, заплатилъ дань ихъ красотѣ (красотѣ полекъ). Онъ не могъ устоять противъ очарованія одной изъ нихъ. Она почтительно признала побѣду, удовлетворявшую всѣ желанія и гордость ея сердца, и стоитъ назвать ее, чтобы доказать, что никакая опасность не устрашила ея нѣжности“. Авторъ воспоминаній намекаетъ этими словами на поѣздку Валевской на островъ Эльбу.

*

Наполеонъ былъ послѣднимъ изъ ея любовниковъ, то увѣряли, что онъ былъ не первымъ.

«Какъ только императоръ сдѣлалъ свой выборъ, принцы, его родственники, пожелали послѣдовать его примѣру. Это было трудно, такъ какъ въ этомъ отважномъ предпріятіи имъ не сопутствовала слава.

«Однажды утромъ мнѣ доложили о приходѣ Жанвіе, личнаго секретаря Мюрата. Онъ вошелъ съ ключемъ въ рукѣ, растерянный. Не зная какъ начать, онъ оставался неподвижнымъ и вертѣлъ свой ключъ, не осмѣливаясь взглянуть на меня, тогда какъ, съ своей стороны, я напрягала всѣ усилія, чтобы понять, чего онъ хочетъ отъ меня.

«Для того, чтобы этотъ анекдотъ былъ понятенъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о расположеніи дворца. Между этажемъ, который занимала моя свекровь, и нижнимъ этажемъ, гдѣ находились парадныя комнаты, уступленныя мною принцу Мюрату, были еще антресоли. Моя свекровь пользовалась ими лишь въ большіе холода, потому что эти маленькія комнаты, при помощи потаенной лѣстницы, служили вполнѣ теплымъ сообщеніемъ между обоими этажами.

«Этотъ изящный уголокъ, меблированный и отдѣланный въ стилѣ Людовика XV, считался относящимся къ парадным комнатамъ, и ключъ отъ него былъ переданъ людямъ Мюрата, какъ только онъ поселился у насъ; съ тѣхъ поръ никто болѣе и не думалъ о немъ. Этотъ-то ключъ Жанвіе, вслѣдствіе полученнаго имъ приказанія, и долженъ былъ передать мнѣ.

«Умный человѣкъ, онъ сознавалъ все неприличіе даннаго ему порученія и почувствовалъ себя вдвойнѣ неловко, когда замѣтилъ, что я не понимала его и упорно отказывалась отъ этого ключа, какъ отъ вещи для меня безполезной, такъ какъ, помѣщаясь въ томъ-же этажѣ, какъ и моя свекровь, я не встрѣчала надобности пользоваться потаенной лѣстницей.

«Видя, на сколько я далека отъ дѣйствительности, онъ рискнулъ сказать, что его свѣтлость, не смѣя предлагать мнѣ многочисленныхъ собраній, подумалъ, что мнѣ, быть можетъ, было-бы пріятно заходить иногда въ эти элегантные будуары напиться съ нимъ чаю. Я начинала понимать, и меня охватилъ гнѣвъ. Должно быть, онъ замѣтилъ это по моимъ глазамъ, такъ какъ мнѣ казалось, что вотъ сейчасъ онъ упадетъ со стула. Онъ всталъ и спотыкаясь направился къ консоли: онъ положилъ на нее злосчастный ключъ и глубоко поклонился мнѣ, приготовляясь удалиться.

«Я съ трудомъ сдерживала себя.... мое негодованіе вдохновило меня. Улыбаясь, на сколько только могла, пренебрежительно, я попросила г-на Жанвіе передать принцу, что моя свекровь, навѣрно, будетъ крайне тронута его вниманіемъ, что въ ея возрастѣ уже не любятъ мно-

голюдныхъ собраній, и что возможно, что она пожелаетъ воспользоваться предупредительнымъ приглашеніемъ его свѣтлости; что во всякомъ случаѣ, такъ какъ онъ оставляетъ ключъ, я передамъ его моей свекрови. И самымъ высокомѣрнымъ образомъ поклонившись бѣдному секретарю, въ остолбенѣніи продолжавшему стоять у дверей, я вышла изъ гостиной.

VII.

«За баломъ Талейрана послѣдовали два другихъ: одинъ у князя Боргезе, другой у принца Мюрата. Мнѣ нездоровилось, и я не поѣхала на первый, но моя свекровь была того мнѣнія, что я должна присутствовать на второмъ, чтобы не выйти изъ роли, принятой мною передъ Жанвіе, и чтобы ни въ чемъ не измѣнить отношеній холодной вѣжливости, царившихъ между нашимъ гостемъ и нами.

«Такъ какъ погода по прежнему дѣлала дороги непроходимыми, императоръ не покидалъ города и обыкновенно выходилъ только для того, чтобы присутствовать на парадахъ, происходившихъ на Саксонской площади. Хотя это зрѣлище случалось почти ежедневно, народъ собирался на него толпами всякій разъ, какъ только Наполеонъ являлся на него; на обратномъ пути до замка его сопровождали непроизвольными криками и виватами, доказывавшими ему, до какой степени его слава и наши надежды сдѣлали его дорогимъ народу. Это, повидимому, нисколько не надоѣдало ему, хотя часто эти восторги вызывали загроможденіе пути.

«Кромѣ баловъ разъ въ недѣлю во дворцѣ бывалъ пріемъ. Вечеръ начинался хорошимъ концертомъ и кончался партіей виста. Танцевъ въ замкѣ никогда не происходило.

«Императора сопровождалъ полный оркестръ подъ управленіемъ извѣстнаго композитора Паера. Постоянно игрались произведенія итальянцевъ. Повидимому, императоръ страстно любилъ итальянскую музыку Онъ слушалъ внимательно, аплодировалъ какъ знатокъ, и, казалось, гармоничность оказывала громадное вліяніе на его душевныя способности. Въ одинъ изъ пріемныхъ дней мы получили доказательство этого.

Его только-что увѣдомили, что генералъ Викторъ, везшій депешу величайшей важности, далъ взять себя въ плѣнъ пруссакамъ. Это извѣстіе вывело его изъ себя. Увѣряли, что случившееся произошло если не вслѣдствіе измѣны, то, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе непростительной небрежности. Въ тотъ же день голландскіе депутаты, пріѣхавшіе, чтобы

поздравить императора съ Іенской побѣдой, должны были быть приняты въ аудіенціи непосредственно передъ вечернимъ пріемомъ. Было почти десять часовъ, мы уже давно собрались и начинали думать, что произошло нѣчто необыкновенное, когда вдругъ дверь съ шумомъ растворилась, и мы увидѣли, какъ толстые голландцы, въ ярко-красныхъ костюмахъ, скорѣе вкатились чѣмъ вошли въ комнату. Императоръ торопилъ ихъ, говоря довольно громко:

— Двигайтесь-же! двигайтесь-же!

«По всей вѣроятности, въ моментъ, когда у дверей появился Наполеонъ, произошло замѣшательство, потому что онъ шелъ очень быстро, какъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать это. Бѣдные депутаты потеряли голову и наталкивались другъ на друга.

«Во всякое другое время эта смѣшная сцена заставила бы разсмѣяться, но тонъ государя и выраженіе его лица мало поощряли къ этому, и, правду сказать, мы бы предпочли вовсе не присутствовать при ней. Однако, музыка скоро успокоила императора; къ концу концерта на его лицѣ появилась обычная пріятная улыбка, и, прежде чѣмъ сѣсть за вистъ, онъ обошелъ гостиную, сказавъ по нѣсколько любезныхъ словъ дамамъ, которымъ оказывалъ предпочтеніе.

Вечеръ, какъ я уже сказала, кончался игрою. Императоръ постоянно называлъ утромъ дамъ, которыя должны были играть съ нимъ вечеромъ. Этотъ выборъ падалъ обыкновенно на одну изъ самыхъ пожилыхъ и на двухъ изъ болѣе молодыхъ. Меня научили играть кое-какъ, и въ первый-же разъ, когда я имѣла столь завидную честь быть приглашенной, у меня вырвался отвѣтъ, довольно необдуманный, который, повидимому, понравился, такъ какъ съ этого дня мое мѣсто за карточнымъ столомъ было несмѣняемо.

Въ моментъ, когда вынимали карты, Наполеонъ, повернувшись ко мнѣ, спросилъ:

— По чемъ мы играемъ?

— Но, государь, возразила я, ставка—какой нибудь городъ, провинція, какое нибудь королевство!...

Онъ разсмѣялся.

— А если я проиграю? спросилъ онъ съ самымъ тонкимъ изъ своихъ выраженій во взглядѣ.

— Ваше величество достаточно богаты; быть можетъ, вы соблаговолите заплатить за меня.

«Эти слова обезпечили мнѣ расположеніе Наполеона. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Парижѣ, Наполеонъ постоянно отличалъ меня и относился ко мнѣ со всевозможною внимательностью.

«Было презабавно видѣть всѣхъ маленькихъ владѣтельныхъ германскихъ князей, слѣдовавшихъ подъ разными предлогами за главной

квартирой и отстаивавшихъ себѣ ноги, слѣдя за карточной игрой императора. Между ними былъ и предполагаемый наслѣдникъ Баварскаго королевства, почтительно цѣловавшій руку Наполеона каждый разъ, какъ только ему удавалось завладѣть ею, но въ то-же время имѣвшій смѣлость быть влюбленнымъ въ Валевскую! Однако, это соперничество нисколько не безпокоило Наполеона. Можно даже сказать, что онъ забавлялся имъ. Принцъ, страшно обиженный природой, былъ къ тому-же глухъ и заикался.

«Обстоятельство, довольно странное и которому трудно повѣрить, это то, что изъ всѣхъ составлявшихъ свиту императора, тѣ, которые обнаруживали болѣе достоинства и ухаживали за нимъ съ меньшимъ раболѣпствомъ, были не носители громкихъ именъ прежняго времени, связавшіе себя съ его судьбою, и не иностранные принцы, слѣдовавшіе за нимъ выклянчивая короны, а, какъ разъ наоборотъ, новыя знаменитости: созданные имъ маршалы и сановники. Я видѣла лишь одного Савари, который, казалось, ловилъ его взглядъ; всѣ прочіе были вообще почтительны безъ низкопоклонства.

«За исключеніемъ иностранныхъ министровъ и нѣсколькихъ первыхъ сановниковъ, сидѣвшихъ за карточными столами, никто не садился въ присутствіи императора. Послѣ игры подавался ужинъ. Наполеонъ никогда не садился за столъ, но обходилъ ужинающихъ, чтобы поговорить съ дамами, забавляясь постановкой массы вопросовъ, иногда становившихся стѣснительными вслѣдствіе крайней ясности, которой онъ требовалъ отъ отвѣтовъ. Онъ хотѣлъ узнать, что дѣлаютъ, что читаютъ, о чемъ болѣе всего думаютъ, что болѣе всего любятъ.

«Однажды, облокотившись на спинку моего стула, онъ забавлялся разспрашиваніемъ меня о родѣ моего чтенія, говорилъ мнѣ о романахъ и сказалъ, что изъ всѣхъ тѣхъ, которые попадались ему подъ руку, наиболѣе живо заинтересовавшимъ его былъ романъ «Графъ Комманжъ»[1]). Онъ прочелъ его два раза и всегда былъ растроганъ до слезъ.

«Я не слышала объ этой книгѣ, и, конечно, вернувшись домой, поспѣшила перерыть библіотеку моего свекра. Къ сожалѣнію, этого романа тамъ не оказалось. Только очень долгое время спустя послѣ этого разговора мнѣ удалось достать его, и я тоже плакала.

«Моя свекровь, будучи единственной варшавянкой, продолжавшей свои пріемы, увидѣла себя вынужденной давать вечера съ танцами. Множество иностранцевъ, явившихся въ составѣ дипломатическаго корпуса, ничего лучшаго и не желали, какъ веселиться. Такъ называемые принцы крови не пропускали ни одного изъ этихъ собраній,

---

[1]) Рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, о романѣ, написанномъ Тансэнъ (дамой).

не роняя однако своего достоинства, потому что они танцовали только на придворныхъ балахъ.

«Такъ какъ мое положеніе не позволяло мнѣ предаваться этому роду развлеченія, я была вынуждена занимать самыхъ незанимательныхъ: это почти постоянная участь лицъ, призванныхъ выполнять обязанности хозяйки дома.

«Принцъ Мюратъ, мало смущенный неудачей, постигшей его смѣшную попытку, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поговорить со мною, и надоѣдалъ мнѣ своими пошлостями. Я вовсе не старалась скрыть отъ него скуку, которую испытывала; въ концѣ концовъ, хотя и нѣсколько поздно, онъ замѣтилъ это. Принявъ тогда мелодраматическій видъ, онъ произнесъ слѣдующую комическую фразу, казавшуюся еще болѣе комическою отъ его гасконскаго акцента.

— Вы не честолюбивы: вы не любите принцевъ!

«Въ Парижѣ мнѣ разсказали анекдотъ подъ пару предыдущему. Когда Мюратъ увидѣлъ себя провозглашеннымъ Неаполитанскимъ королемъ, одна красавица, тронутая его величіемъ, назначила ему свиданіе. Такъ какъ заботы о новомъ государствѣ еще не поглощали слишкомъ много его времени, то онъ явился на него слишкомъ рано и, томясь ожиданіемъ, хватился рукою за голову и воскликнулъ:

— Былъ-ли когда нибудь болѣе несчастный монархъ!

«Когда я подумаю, насколько всѣ эти принцы изъ рода Наполеона казались намъ ничтожными и смѣшными въ сравненіи съ колоссомъ, прикрывавшимъ ихъ своею тѣнью, я повторяю себѣ освященную вѣками истину, что лишь великіе характеры и великія дѣянія способны узаконять въ глазахъ людей быстрое возвышеніе».

VIII.

О войнѣ болѣе и не говорили; многіе даже думали, что императоръ для возобновленія военныхъ дѣйствій ждетъ наступленія весны; но порывистый какъ въ своихъ рѣшеніяхъ, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ уѣхалъ внезапно 5-го февраля, и армія получила приказаніе двинуться въ походъ. Дипломатическому корпусу, во главѣ котораго находился Талейранъ, было повелѣно остаться въ Варшавѣ.

«Я еще не говорила о Марэ, герцогѣ Бассано; онъ принадлежалъ к числу лицъ, рѣдко покидавшихъ императора. На этотъ разъ однако онъ былъ вынужденъ выжидать хода событій.

«Достигшій высокаго положенія, онъ былъ, быть можетъ, единств ен

нымъ изъ всѣхъ въ эту эпоху неожиданныхъ карьеръ, не сохранившимъ никакихъ слѣдовъ среды, изъ которой вышелъ, и въ то же время ни въ чемъ не злоупотреблявшимъ особенностями той, въ которую попалъ. Его манеры, его костюмъ, его разговоръ, все, за исключеніемъ его громадныхъ икръ, обличало въ немъ человѣка хорошаго общества. Если его умъ не былъ столь обширенъ и тонокъ, какъ умъ Талейрана, то къ нему на помощь являлся безукоризненный тактъ въ соединеніи съ рѣдкой разсудительностью. Помимо того, неподкупный и честный, онъ пріобрѣлъ себѣ право прямо смотрѣть всѣмъ въ глаза.

«Онъ находился въ дѣловыхъ отношеніяхъ съ моимъ свекромъ, и поэтому мы часто видѣли его. Послѣ продолжительныхъ занятій онъ приходилъ въ гостиную немного поговорить съ нами; онъ называлъ эти промежутки своимъ отдыхомъ. Въ его вѣжливости проглядывала сердечность; онъ никогда не упускалъ случая сдѣлать одолженіе. Его обвиняли въ томъ, что онъ былъ доступенъ лести и оказывалъ свое довѣріе людямъ, мало достойнымъ этого; это возможно: истинной добротѣ свойственно то неудобство, что ею легко воспользоваться во зло.

«Говоря о нашихъ обычныхъ посѣтителяхъ, я не могу забыть самаго остроумнаго изъ нихъ—герцога Дальберга. Онъ былъ послѣднимъ отпрыскомъ этого стариннаго рода, какъ будто ожидавшаго для сво его прекращенія, чтобы сдѣлаться безполезнымъ на будущее время при коронованіи цезарей, могущество которыхъ только что исчезло. Можно было бы сказать, что оба эти блестящія воспоминанія минувшихъ вѣковъ должны были и исчезнуть вмѣстѣ [1]).

«По возвращеніи во Францію онъ женился и имѣлъ отъ этого брака лишь одну дочь, умершую въ раннемъ дѣтствѣ. Во время своего пребыванія въ Польшѣ онъ воспылалъ сильною страстью къ одной личности, оказавшейся неспособной ни оцѣнить, ни понять его, такъ какъ природа отказала герцогу въ дарахъ, способныхъ плѣнить ограниченное существо. Въ этомъ случаѣ онъ оказался восторженнымъ, какъ нѣмецъ, и деликатнымъ, какъ французъ. Я терпѣливо выслушивала его исповѣди, такъ какъ онъ влагалъ въ нихъ все очарованіе своего ума. Это былъ странный человѣкъ, полу-иллюминатъ, полу-философъ восемнадцатаго вѣка; онъ находился въ сношеніяхъ со всѣми самыми просвѣщенными и самыми скомпрометированными людьми Европы. Неблагоразумный до крайности, онъ высказывалъ все, что ему приходило въ голову, не щадя никого, даже Наполеона, котораго онъ называлъ тира-

---

[1]) Исторія повѣствуетъ намъ, что въ моментъ коронованія германскихъ императоровъ герольдъ долженъ былъ возглашать громкимъ голосомъ: „есть-ли здѣсь кто-нибудь изъ Дальберговъ?“ Если отвѣтъ получался отрицательный, коронованіе считалось недѣйствительнымъ. Прим. гр. Потоцкой.

номъ и узурпаторомъ. Его дѣйствительной миссіей была обязанность наблюдать за интересами Германіи, которыми онъ порядочно пренебрегалъ съ тѣхъ поръ, какъ любовь поглощала всѣ его помыслы.

«Близко сойдясь съ Талейраномъ, онъ часто сѣтовалъ съ нимъ на событія дня. И, тѣмъ не менѣе, онъ искренно желалъ возстановленія Польши, горячо желая въ то же время и освобожденія Германіи—двѣ вещи, столь же трудно примиримыя, какъ и всѣ его прочія чувства.

«Доказательствомъ того, что Наполеонъ не былъ такимъ злымъ, какъ утверждалъ герцогъ, служитъ то, что Дальбергъ никогда не былъ потревоженъ, а между тѣмъ нельзя допустить, чтобы его образъ мыслей не былъ извѣстенъ императору.

«Когда императоръ учредилъ свою главную квартиру въ Остеродэ, онъ вызвалъ туда герцога Бассано, а нѣсколько дней спустя и Талейрана. Такимъ образомъ намъ остался одинъ дипломатическій корпусъ, включая въ него турецкаго и персидскаго пословъ. Отправлялись смотрѣть, какъ эти восточные люди ѣдятъ, курятъ, молятся по-своему; это было своего рода представленіе, и у ихъ дверей собиралась толпа.

«Какъ легко догадаться, извѣстія изъ главной квартиры получались очень часто. Непріятель удалялся, чтобы лучше сосредоточить свои силы. Императоръ, увѣренный въ побѣдѣ, не безпокоился этимъ и, казалось, выжидалъ, чтобы его атаковали. Время года было еще очень суровое, и, не зная хорошенько, чѣмъ наполнить время, Наполеонъ послалъ за Валевской. Братъ красавицы, произведенный неожиданно изъ поручиковъ въ полковники, поспѣшилъ доставить ее тайкомъ въ главную квартиру. Бываютъ тайны, которыя невозможно скрыть, когда столько праздныхъ свидѣтелей заинтересованы въ томъ, чтобы все знать, чтобы имѣть затѣмъ возможность разсказывать это. Поэтому почти тотчасъ же стало извѣстно, что ночью въ главную квартиру пріѣхала карета, шторы которой были тщательно спущены, и угадали остальное. Единственное, что осталось неизвѣстнымъ, это мѣсто, гдѣ остановилась путешественница.

«Вотъ подробности, которыя были мнѣ переданы, нѣсколько времени спустя, одной нескромной пріятельницей Валевской.

«Императоръ приказалъ приготовить для нея помѣщеніе рядомъ со своею спальней. За исключеніемъ короткихъ промежутковъ времени, когда Наполеонъ и Валевская разговаривали вмѣстѣ, послѣдняя проводила все время въ тоскѣ одиночества. Она не видѣла никого рѣшительно. Князь Невшательскій былъ единственнымъ человѣкомъ, замѣтившимъ однажды, какъ она исчезала изъ кабинета Наполеона, съ которымъ завтракала вмѣстѣ.

«Увидѣвъ на подносѣ двѣ чашки, Бертье позволилъ себѣ улыбнуться.

— Что такое?—спросилъ Наполеонъ съ видомъ человѣка, готовящагося сказать:—«не мѣшайтесь въ то, что васъ не касается».

«Военный министръ тотчасъ же заговорилъ о важномъ дѣлѣ, по поводу котораго явился, повидимому, рѣшивши про себя только съ крайней осторожностью пользоваться предоставленнымъ ему правомъ входить къ императору безъ доклада.

«Когда случалось, что Валевская не была готова ко времени завтрака, она кричала Наполеону, чтобы онъ не входилъ, и онъ передавалъ ей ея шоколадъ, не смѣя заглянуть въ ея комнату и пріоткрывая дверь лишь на столько, чтобы можно было просунуть подносъ.

«Въ то время, когда Валевская находилась въ Остеродэ, персидскій посланникъ прислалъ подарки, которые онъ былъ долженъ поднести Наполеону отъ имени своего повелителя. Среди нихъ, въ числѣ прочихъ великолѣпныхъ вещей, было извѣстное количество шалей, предназначенныхъ для императрицы Жозефины. Ея невѣрный супругъ хотѣлъ утаить часть ихъ и даже настаивалъ, чтобы его возлюбленная выбрала самыя красивыя изъ нихъ. Но это было напрасно: она упорно отказывалась, и только тогда, когда онъ, казалось, обидѣлся настойчивостью ея отказовъ, она согласилась принять голубую шаль—самую простую и наименѣе цѣнную изъ всѣхъ, сказавъ, что у нея есть пріятельница, любящая голубое, и что по своемъ возвращеніи она предложитъ ей взятую шаль.

«Это безкорыстіе понравилось Наполеону.

— Ваши мужчины храбры и самоотверженны,—сказалъ онъ съ пріятной улыбкой, а женщины — красивы и безкорыстны. Изъ нихъ составляется прекрасный народъ. Я обѣщаю вамъ рано или поздно возстановить Польшу.

«Она бросилась ему въ ноги, благодаря его отъ всего сердца.

— О, о!—замѣтилъ онъ,—этотъ подарокъ вы-бы приняли, не ломаясь!.. Но подождите, нужно терпѣніе: вести политику не то же, что выигрывать сраженія: это не столь легко и требуетъ болѣе времени.

«Какъ только военныя дѣйствія возобновились, Наполеонъ отправилъ Валевскую обратно. Она возвратилась тѣмъ же способомъ, какъ и пріѣхала. Ея братъ отвезъ ее въ деревню, и ея путешествіе было облечено тою же таинственностью. Кажется, что императоръ остался убѣжденнымъ, что никто не зналъ о происшедшемъ.

«Лицо, разсказавшее мнѣ эти любопытныя подробности, имѣло у себя письмо, написанное императоромъ Валевской уже позднѣе, когда онъ былъ увѣренъ, что она сдѣлаетъ его отцомъ. Онъ поочередно называетъ ее то «chère Marie», то «Madame», и совѣтуетъ ей хорошенько беречь себя тономъ, скорѣе повелительнымъ, чѣмъ нѣжнымъ. Видно

было, что онъ болѣе думалъ о ребенкѣ, чѣмъ о матери. Не такъ онъ писалъ нѣкогда Жозефинѣ.

«Тогда (1807 г.) только что появилась «Коринна»; такъ какъ романъ этотъ надѣлалъ много шума, то его прислали изъ Парижа въ главную квартиру. Онъ былъ доставленъ туда ночью съ множествомъ депешъ, немедленно переданныхъ Наполеону.

«Пробѣжавъ наиболѣе важныя изъ этихъ посланій, онъ обратилъ вниманіе на романъ и послалъ разбудить Талейрана, чтобы тотъ почиталъ ему его.

— Вы любите эту женщину,—замѣтилъ императоръ Талейрану,— посмотримъ, есть-ли у нея здравый смыслъ.

«Прослушавъ съ полчаса, онъ потерялъ терпѣніе.

— Это не чувство... это пустой наборъ фразъ... голова на изнанку. Развѣ вы не видите, что она думаетъ, что любитъ этого англичанина потому, что онъ выказываетъ себя холоднымъ и равнодушнымъ?.. Ступайте спать... это потерянное время... Всегда, когда авторъ воплощаетъ себя въ своемъ произведеніи, оно ничего не стоитъ... Покойной ночи!

«На слѣдующій день онъ отдалъ «Коринну» герцогу Бассано, переславшему ее мнѣ, такъ какъ онъ думалъ, что у насъ въ Варшавѣ еще нѣтъ этой книги. Я тщательно сберегла этотъ экземпляръ, ставшій историческимъ.

«Когда было получено извѣстіе о сраженіи при Эйлау, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, хотя и было потеряно тридцать тысячъ человѣкъ. Въ Петербургѣ тоже ликовали и возсылали благодареніе Провидѣнію за то, что оно позволило, чтобы поле сраженія оспаривалось столь долго и столь ожесточенно. Это признавалось за побѣду!

«Въ продолженіе короткой пріостановки военныхъ дѣйствій, послѣдовавшей за сраженіемъ при Эйлау, изъ главной квартиры наѣхала масса офицеровъ. Эти господа, подъ различными предлогами, пріѣзжали, чтобы освѣжиться и повидать предметы своей страсти, такъ какъ почти всѣ они сдѣлали свой выборъ: къ несчастью, я не смѣю отрицать, что немногіе изъ нихъ натолкнулись на неумолимыхъ. Однако тѣ, которыя оказались ими, внушили чувства наиболѣе продолжительныя и рыцарскія...; произошло даже нѣсколько свадебъ, но мало; французы той эпохи не имѣли времени обзаводиться семьею.

«Среди знакомыхъ, возвратившихся къ намъ, находился князь Боргезе, весь сіявшій отъ своихъ военныхъ успѣховъ. Такъ какъ онъ былъ лишь полковникомъ, а императоръ хотѣлъ повысить его хоть съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ справедливости, то его полкъ былъ посланъ для участія въ небольшой стычкѣ, обѣщавшей больше славы, чѣмъ дѣйствительной опасности. Полковникъ крайне гордился тѣмъ, что въ пер-

вый разъ обнажилъ саблю, и въ высшей степени серьезно замѣтилъ де-ла-Вожирону, котораго встрѣтилъ у меня:

— Передайте же графинѣ, какъ я обнажилъ «sciabola»!..

«Объ этомъ великомъ подвигѣ было напечатано въ реляціяхъ, въ которыхъ онъ былъ представленъ въ раздутомъ видѣ; нѣсколько же времени спустя послѣ похода его императорское высочество получилъ въ вознагражденіе за свои заслуги и храбрость управленіе Турномъ, въ которомъ и отдыхалъ въ продолженіе всей своей жизни отъ утомленій войны, не имѣя другихъ заботъ кромѣ многочисленныхъ и дѣйствительныхъ безпокойствъ, которыя причиняла ему княгиня, его супруга.

IX.

«Въ дѣло организаціи (польской) арміи внесли столько горячности и рвенія, что она была готова короткое время спустя послѣ пріѣзда Наполеона въ Варшаву. 3-го мая 1807 г. три легіона, созданные мановеніемъ жезла великаго волшебника и всеобщимъ энтузіазмомъ, получили свои орлы и знамена. Такъ какъ война продолжалась, то ожидали, что польская армія, съ минуты на минуту, получитъ приказаніе выступить въ походъ.

«17-го іюня, курьеръ, отправленный, по обыкновенію, съ поля сраженія, привезъ извѣстіе о сраженіи подъ Фридландомъ, обусловившимъ миръ. Императоръ отправился въ Тильзитъ, чтобы вести переговоры и установить условія, на которыхъ онъ могъ согласиться подписать миръ.

«Я лишь немного скажу о пресловутомъ свиданіи, но я слышала отъ графа Станислава Потоцкаго, моего свекра, нѣсколько интересныхъ и мало извѣстныхъ подробностей. Графъ былъ призванъ въ Тильзитъ, чтобы, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Наполеона, выработать привичныя или необходимыя измѣненія въ конституціи 3-го мая, которую онъ хотѣлъ возвратить намъ хоть съ нѣкоторымъ отпечаткомъ императорской власти.

«Многіе думали, что гласность, которую императоръ постарался придать этому акту, являлась своего рода пугаломъ, предназначеннымъ поразить воображеніе императора Александра, которому Наполеонъ постоянно указывалъ на Польшу какъ на грозное привидѣніе, которое рано или поздно скинетъ свой саванъ и потребуетъ возстановленія своихъ правъ.

«Тильзитское свиданіе безспорно было однимъ изъ самыхъ блестя-

щихъ моментовъ императорскаго царствованія. Король и королева прусскіе явились на него въ качествѣ просителей. Они обязаны Александру сохраненіемъ своего королевства, которое рисковало быть вычеркнутымъ изъ списка государствъ—чего мы желали отъ всей души.

«Красавица королева хотѣла, казалось, опуститься на колѣни[1]). Наполеонъ поспѣшилъ предложить ей руку и провелъ ее въ свои аппартаменты.

«Оба монарха, сопровождавшіе ее, хранили молчаніе... Королева послѣ всѣхъ призывовъ къ великодушію, прибѣгла къ слезамъ. Наполеонъ, казалось, былъ тронутъ этимъ проявленіемъ униженности и горя; однако, онъ не могъ удержаться, чтобы не высказать ей, что онъ ощутилъ на себѣ дѣйствіе ея безсильной ненависти, и, облекши этотъ упрекъ въ самыя вѣжливыя формы, сказалъ ей, что, видя ее, онъ не удивляется болѣе множеству враговъ, которыхъ она создала ему, и тому ожесточенію, съ которымъ Германія возстала противъ него. Александръ, почувствовавъ необходимость придать иной оборотъ разговору, начинавшему становиться опаснымъ, вмѣшался въ него, сказавъ съ тою тонкостью, которая составляла одну изъ замѣчательныхъ чертъ его характера, что всѣ усилія оказались тщетными вслѣдствіе геніальности того, противъ кого они были направлены; къ этому онъ прибавилъ скромно, что для того, чтобы противиться Наполеону, нужно не знать его.

«Такимъ образомъ закончилась эта первая встрѣча, завершившаяся обѣдомъ. Для этого случая королева сняла трауръ и одѣла діадему и порфиру, которую носила съ рѣдкимъ достоинствомъ. Къ обѣду королеву велъ императоръ и посадилъ ее справа отъ себя. Соединяя съ большимъ умомъ привычку мѣшаться въ самыя важныя дѣла, она задалась мыслью склонить на свою сторону того, кто держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Пруссіи.

«Въ моментъ прощанія Наполеонъ, обвороженный вкрадчивымъ обращеніемъ Александра, котораго называлъ красивѣйшимъ и хитрѣйшимъ изъ грековъ, и кающеюся красотою королевы, пожертвовалъ для нея Силезіею, однимъ росчеркомъ пера уничтоживъ статью договора, въ силу которой эта область уже была отнята отъ Пруссіи: щедрость побѣдителя, которую Талейранъ далеко не одобрялъ.

«Что касается прусскаго короля, его ничтожество сдѣлало его нѣмымъ. Онъ велъ войну, чтобы удовлетворить честолюбивымъ желаніямъ королевы, заключилъ миръ, счастливый отъ возможности снова

---

[1]) Наполеонъ, вспоминая впослѣдствіи Тильзитское свиданіе, сказалъ о прусской королевѣ: „ее можно было принять за Дюшенуа, играющую въ трагедіи". Mémorial, 16-го іюля 1816 г.

вернуться къ своимъ тихимъ привычкамъ и не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ могъ бы потерять или же, наоборотъ, выиграть.

«Всѣ эти переговоры привели для насъ лишь къ одному результату—къ созданію скромнаго Варшавскаго герцогства. Это было менѣе всего, что намъ подсказывали наши надежды и наши усилія. Но для того, чтобы переносить настоящее, думали о будущемъ».

Н. Шильдеръ.

Секретный указъ императрицы Елисаветы о пріѣздѣ въ Ригу принцессы Цербской.

23-го декабря 1743 г. С.-Петербургъ.
Полученъ 27 декабря 1743 г.

Господинъ генералъ фелдмаршалъ!

Когда прибудетъ въ Ригу принцесса Сербстская, слѣдующая къ намъ, подъ какимъ бы именемъ и видомъ ни было, оную повелѣваемъ вамъ принять съ принадлежащею честію и отправить съ камвоемъ при добромъ оберъ офицерѣ сюды или въ Москву, гдѣ тогда обрѣтатца будемъ и что надлежитъ на еѣ довольство въ Ригѣ и въ пути оттоль къ намъ, то все имѣете учинить изъ нашей казны, но сего никому не объявляйте дондеже она прибудетъ. Ежели же вамъ время придетъ по указу въ Москву ѣхать прежде еѣ прибытія, тогда имѣете дать указъ вице-губернатору, что бъ исполнилъ во всемъ по вышеписанному непремѣнно и тако жъ бы до еѣ прибытія содержалъ сіе секретно.

Собственноручный указъ императрицы Екатерины II о высылкѣ «шарлатана» Каліостро изъ Россіи [1]).

11-го августа 1787 г.

Господинъ Лифлянской генералъ-губернаторъ!

Буде извѣстной шарлатанъ Каліостръ въ Ригѣ пріѣдитъ, то вышлитѣ его за границу съ такимъ прещеніемъ, что естьли впредь въѣдитъ въ границу что онъ посаженъ будетъ на вѣкъ въ смирительной домъ. Пребываю къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Сообщ. **А. З. Мышлаевскій.**

---

[1]) Весь указъ писанъ собственноручно императрицею. При снимавіи копіи сохранена орѳографія подлинника.

Политика на почтовомъ листѣ бумаги.

Въ принадлежащемъ мнѣ архивѣ семейныхъ бумагъ находится письмо, любопытное не столько по своему содержанію, сколько по матеріалу, на которомъ писано и въ которомъ отражаются политическія событія Европы въ концѣ прошлаго или началѣ текущаго столѣтія. Намеки на эти событія ясны въ орнаментальныхъ подробностяхъ четвертушки почтовой бумаги, обведенной по краю узкой полоской свѣтлаго сѣро-лиловаго цвѣта и снабженной по бордюру рядомъ изрѣченій на латинскомъ языкѣ и четырьмя медальонами въ углахъ. Всѣ эти особенности, оттиснутыя штампомъ въ видѣ выпуклаго безцвѣтнаго орнамента, отличаютъ лишь лицевую страницу четвертушки и тѣмъ доказываютъ особенный, роскошный характеръ почтовой бумаги (papier de luxe [1]).

Медальоны въ углахъ, овальной формы, представляютъ собою четыре миѳологическія божества. Въ первомъ овалѣ помѣщенъ здоровый мужчина, опирающійся на палицу; во второмъ женщина въ военномъ вооруженіи, со шлемомъ на головѣ, копьемъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой; въ третьемъ—женщина, держащая вѣсы; наконецъ, въ четвертомъ—женщина, опирающаяся на алтарь и съ кадуцеемъ въ правой рукѣ. Хотя эти божества не снабжены именами, но въ нихъ по аттрибутамъ и очертаніямъ фигуръ легко узнать Геркулеса, Минерву, Юстицію и Торговлю. По двѣ вѣтки, повидимому дуба, помѣщенныя подъ каждымъ медальономъ и по сторонамъ его, соединяются въ одно цѣлое съ остальною орнаментаціею, узкими полосами окружающею страницу

[1]) Редакція желала воспроизвести на страницахъ журнала этотъ интересный листъ почтовой бумаги, но снятая съ него фотографія вышла слишкомъ мелкою, чтобы можно было достаточно ясно выгравировать выпуклый безцвѣтный орнаментъ.

внутри ея цвѣтной каймы. Орнаментація эта состоитъ изъ ряда девизовъ или изрѣченій, помѣщенныхъ въ отдѣльныхъ 10 продолговатыхъ рамахъ, по три съ каждой вертикальной стороны бумаги и по двѣ на верху и внизу страницы. По два сплетенныхъ рога изобилія раздѣляютъ девизы по горизонтальному протяженію бумаги, а на боковыхъ полосахъ орнамента рамки девизовъ отдѣляются другъ отъ друга эллиптическими двойными кружками съ цвѣтами о восьми лепесткахъ по серединѣ и соотвѣтствующими украшеніями по бокамъ. Такимъ образомъ всѣ четыре медальона и десять девизовъ составляютъ цѣлую непрерывную систему орнамента, вытѣсненнаго узкою безцвѣтною полосою по краямъ бумаги, и потому нѣсколько затруднительнаго даже для глаза, вооруженнаго увеличительнымъ стекломъ. Но замысловатость этого украшенія еще болѣе поражаетъ смысломъ и значеніемъ помѣщенныхъ въ немъ латинскихъ изрѣченій. Приступая къ ихъ изложенію, мы начинаемъ по порядку съ верхняго края письма и пойдемъ далѣе по правой его сторонѣ, по нижнему краю и кончимъ нашъ обзоръ лѣвой стороной, считая отъ читателя.

Первый девизъ, направо отъ фигуры Геркулеса, гласитъ:

1) Anglos faciant aliena pericula cautos (Да остерегутъ англичанъ чужія опасности). Въ этомъ изрѣченіи можно видѣть намекъ на французскую революцію и на казнь Людовика XVI. Правѣе, слѣва отъ фигуры Минервы, читаемъ:

2) Summa libertas—summa injuria teste Gallo (Галлъ, т. е. Франція, свидѣтельствуетъ, что высшая свобода составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и высшую несправедливость).

Между медальонами Минервы и Юстиціи находятся слѣдующія три девиза:

3) Ad cantum Galli iusurguut aquilae, fremit leo (При пѣніи пѣтуха орлы вскакиваютъ и рычитъ левъ). Въ этой, не переводимой по-русски, игрѣ латинскихъ словъ заключается намекъ на гербъ французской республики, изображающій пѣтуха (по-латыни пѣтухъ—Gallus) и на имя народа Галлы.

Продолжая геральдическій комментарій, подъ орлами надо разумѣть гербы Германской имперіи, Россіи и Пруссіи, а левъ означаетъ собою гербъ Великобританіи.

Такимъ образомъ, вспоминая коалицію монархій Европы противъ республики, здѣсь ясно имѣется въ виду союзъ Англіи съ Австріей, Пруссіей и Россіей противъ Франціи въ концѣ XVIII вѣка.

4) Juvenum nunc princeps, deinde futuresenum (Пока вождь юношей, но впослѣдствіи и старцевъ). Здѣсь скрывается намекъ на Каннинга, первые парламентскіе успѣхи котораго относятся къ концу XVIII вѣка.

5) Socii, leges, respublica senatorio consilio defenduntur. (Союзники, законы, государство охраняются сенаторскимъ совѣщаніемъ). Республика, въ значеніи вообще государства, здѣсь несомнѣнно означаетъ не Францію, но Англію. Сенаторское совѣщаніе намекаетъ на парламентъ, а подъ союзниками разумѣются державы, участвующія въ коалиціи.

Внизу по краю бумаги между фигурами Юстиціи и Торговли:

6) Pereant dissentiones, resurgat commercium (Да прекратятся распри и возстановится торговля). Commercium—значитъ и торговля, и общеніе. При нѣкоторой игрѣ словъ можно здѣсь видѣть указаніе на вредъ, приносимый англійской торговлѣ враждою съ Наполеономъ и съ временнымъ его союзникомъ, Павломъ I.

7) Georg. III imperio magnus, exemplo maior (Георгъ третій, великій владычествомъ, но еще болѣе великій примѣромъ). Англійскій король Георгъ III, отъ 1760 до 1820 года, прославляется здѣсь за первый шагъ въ борьбѣ всей Европы съ французской республикой.

Наконецъ, на послѣдней, лѣвой сторонѣ страницы расположены три слѣдующія изрѣченія:

8) Salus regis—salus gregis (Благо царя есть благо подачныхъ). Этими словами подтверждается польза монархическаго образа правленія въ противоположность республикѣ, введенной во Франціи.

9) Non tam tuo, quam tuorum nomine, regina, (Царица, не столько по твоему имени, сколько во имя твоихъ). Здѣсь намекается на власть и значеніе Англіи, болѣе сильной своими союзниками, чѣмъ собственнымъ могуществомъ.

10) Gulielmus Pitt, oet praesidium et decus Angliae. (Вильямъ Питтъ, защита и краса Англіи). Парафразируя второй стихъ извѣстной первой оды римскаго поэта Горація къ Меценату:

«O et praesidium et dulce decus meum» (защита и милая моя краса), послѣдній девизъ примѣняетъ эти два эпитета къ знаменитому государственному мужу Англіи, Вильяму Питту младшему, главному подстрекателю всей Европы противъ Наполеона I.

Изложенныя подробности, изобличающія тенденціозно-политическій характеръ орнаментаціи изслѣдуемой страницы почтовой бумаги, ясно указываютъ, что предметомъ намековъ, заключающихся въ латинскихъ изрѣченіяхъ, является Франція, ея республиканское устройство и враждебная имъ коалиція Европы. Такой выводъ возбуждаетъ предположеніе, что бумага эта является образчикомъ англійской фабрикаціи, пользующейся изложенными политическими намеками въ орнаментѣ, какъ средствомъ рекламы для лучшаго сбыта товара. Такое предположеніе подтверждается водянымъ знакомъ бумаги, помѣщеннымъ рядомъ съ

полосою, содержащею девизы подъ № 3—5. Въ этомъ водяномъ знакѣ читается названіе фабричной фирмы Гейзъ и Вайзъ (Hayes and Wise). Имена этихъ фабрикантовъ несомнѣнно англійскія и свидѣтельствуютъ объ изумительномъ умѣніи англичанъ пользоваться всякими политическими осложненіями для извлеченія выгодъ своей торговли.

Къ какому времени относится происхожденіе этого листа бумаги?—На послѣдней пустой страницѣ находится помѣта на нѣмецкомъ языкѣ о времени полученія письма, именно «14 октября 1809 года отъ Луизы Биронъ». Помѣта эта сдѣлана рукою Юліи Ѳедоровны Адлербергъ, въ то время начальницы Смольнаго монастыря или, какъ онъ назывался оффиціально, Общества благородныхъ дѣвицъ. Имя ея корреспонденткя указываетъ на принцессу Луизу Карловну Биронъ, внуку извѣстнаго регента Россіи, состоявшую въ то время фрейлиной при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Настоящее письмо писано изъ Гатчины въ Петербургъ по поводу дня рожденія Юліи Ѳеодоровны, приходившагося на 14 октября. Въ этомъ письмѣ принцесса Биронъ, воспитанная въ Смольномъ, поздравляетъ его начальницу, шлетъ ей пожеланія и сообщаетъ нѣкоторыя придворныя новости. Назначенная фрейлиною весной 1809 г., принцесса Биронъ долго не умѣла устроиться въ своемъ новомъ положеніи, обзавестись своимъ собственнымъ хозяйствомъ во дворцѣ и въ своихъ, почти еженедѣльныхъ, письмахъ къ Ю. Ѳ. Адлербергъ часто жалуется на недостатокъ почтовой бумаги, которую нерѣдко занимала у своихъ сосѣдокъ по квартирѣ и у своихъ товарокъ-фрейлинъ. Очень можетъ быть, что описываемый листъ бумаги былъ ей кѣмъ нибудь данъ изъ запаса бумаги, привезенной въ Россію, какъ новинка, основателемъ англійскаго магазина въ Петербургѣ и сохранившейся въ Гатчинскомъ дворцѣ отъ временъ царствованія Павла. Во всякомъ случаѣ бумага эта не могла быть фабрикована послѣ 23 января н. ст. 1806 г., когда умеръ Вильямъ Питтъ младшій. По намекамъ девизовъ скорѣе можно предположить, что происхожденіе этой бумаги относится именно къ концу XVIII вѣка. Какъ бы то ни было, сообщаемый нами документъ въ буквальномъ значеніи слова представляетъ собою любопытную страницу изъ исторіи борьбы Англіи съ французской республикой и съ Наполеономъ I.

М. А. Веневитиновъ.

Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга [1]).

III [1]).

На русской военной службѣ.—Женитьба.

По возвращеніи въ Варшаву изъ Германіи, гдѣ пробылъ около пяти лѣтъ, состоя на службѣ Саксоніи и оставаясь подполковникомъ литовской арміи, баронъ Гейкингъ долженъ былъ, какъ онъ пишетъ, выждать совершеннаго выясненія своего положенія, весьма затруднительнаго, пока ожидавшаяся всеобщая амнистія не утвердитъ его въ офицерскомъ званіи, полученномъ имъ не отъ военной коммисіи Царства Польскаго, а отъ конфедераціи. Дѣло это устроилось, и Гейкингъ прослужилъ въ Варшавѣ около трехъ лѣтъ, послѣ чего, получивъ предварительное на то разрѣшеніе, отправился въ Петербургъ для поступленія на русскую службу.

Въ VI й главѣ своихъ записокъ, посвященной пребыванію въ Варшавѣ онъ приводитъ нижеслѣдующую оцѣнку положенія дѣлъ Польши въ ту пору (1773 г.), сдѣланную другомъ его отца полковникомъ д'А. [2])

«Хотя король, разсказывалъ д'А.,—одинъ изъ богатѣйшихъ монарховъ Европы, тѣмъ не менѣе онъ вѣчно въ денежныхъ затрудненіяхъ и обремененъ долгами [3]). Благодаря столь стѣсненнымъ обстоятельствамъ онъ долженъ съ особою предупредительностью относиться къ Россіи,

---

[1]) См. «Русск. Старину», августъ.

[2]) Редакція считаетъ долгомъ замѣтить, что всѣ фамиліи, обозначенныя первоначальными буквами, напечатаны такъ въ подлинномъ текстѣ записокъ Ред.

[3]) Понятовскій имѣлъ ежегодно въ своемъ распоряженіи, на личные расходы 8 милліоновъ. Министровъ и прочихъ сановниковъ и должностныхъ лицъ оплачивала республика.

которая черезъ своихъ приверженцевъ въ сеймѣ устроиваетъ ему постоянныя денежныя подачки, отъ духовенства, отъ старостъ и иными путями.

«Вамъ извѣстно, что князь Репнинъ своимъ деспотизмомъ и высокомѣріемъ возстановилъ всю Польшу противъ себя и противъ двора, котораго онъ былъ представителемъ. Преемникъ его фонъ-Сальдернъ, былъ также запальчивъ, рѣзокъ, а при томъ измѣнчивъ и, потому, неспособенъ успокоить раздраженіе.

«Но вотъ императрица назначаетъ своимъ полномочнымъ министромъ барона Штакельберга [1]). Этотъ пошелъ совсѣмъ инымъ путемъ, обольщаетъ магнатовъ блестящими празднествами, любезнымъ обхожденіемъ и умѣетъ, такимъ образомъ, увивать цвѣтами самыя тяжелыя цѣпи. Король восхищенъ тѣмъ, что баронъ Штакельбергъ относится къ нему съ величайшимъ внѣшнимъ вниманіемъ [2]), какъ и ко всему королевскому дому, такъ что все, что только окружаетъ короля, съ восторгомъ отзывается о новомъ посланникѣ. При этомъ посланникъ дѣлаетъ все, что ему угодно. Онъ добился громаднаго вліянія на короля, имѣетъ многихъ приверженцевъ среди магнатовъ, которымъ льститъ, и средя женщинъ, превознося и одаривая ихъ. Онъ знаетъ слабость республиканцевъ къ постояннымъ перемѣнамъ формы правленія и убаюкиваетъ ихъ надеждою на прочную республиканскую конституцію. Онъ внушаетъ имъ, что Польша, несмотря на раздѣлъ, осталась все-таки гордымъ королевствомъ и что все зависитъ отъ разумнаго устроенія ея силъ. И масса вѣритъ чистосердечно, что для счастья, славы и безопасности народа достаточно красивой (на бумагѣ) конституціи.

«Чтобы уничтожить всякое сомнѣніе въ искренности своей дружбы, Россія дозволила увеличеніе коронныхъ и литовскихъ войскъ и этимъ теперь серьезно заняты. Князь Адамъ Чарторыйскій поставленъ во главѣ военной коммисіи для Литвы, обстоятельство которое не лишено для васъ значенія. Учрежденіе постояннаго совѣта—мастерское твореніе Штакельберга. Туда онъ помѣщаетъ своихъ креатуръ, оплачиваетъ ихъ деньгами Польши и обезпечиваетъ себѣ прочное большинство на совѣщаніяхъ этого высшаго учрежденія. Но и этимъ еще недовольный, ловкій посланникъ пользуется общимъ восторгомъ, который вызываетъ это учрежденіе, и опасеніемъ, что новый сеймъ можетъ его уничтожить, для того чтобы прельстить поляковъ предлагаемыми его дворомъ гарантіями упрочить и сдѣлать неизмѣннымъ существующій порядокъ.

«Король, усердно восхваляющій такое устройство, надѣется увеличить собственное вліяніе, и такъ какъ въ составъ постояннаго совѣта

---

[1]) Имперскимъ графомъ онъ былъ сдѣланъ лишь въ 1776 году.

[2]) Восхищеніе это впрочемъ продолжалось не долго.

ловко провели всѣхъ выдающихся умомъ и образованіемъ лицъ, то и всѣ газеты полны хвалебныхъ отзывовъ по адресу этого новаго учрежденія».

Въ началѣ 1777 года Гейкингъ отправился въ Петербургъ, и мы обратимся къ его разсказу.

«Посолъ графъ Штакельбергъ обѣщалъ мнѣ горячія рекомендательныя письма къ графу Панину, къ графу Остерману и къ князю Потемкину. Король на мое прошеніе объ отставкѣ пожаловалъ меня полковникомъ [1]) и снабдилъ нижеслѣдующимъ письмомъ отъ 10-го февраля 1777 года къ графу Панину:

«Господинъ графъ Панинъ! Такъ какъ вы любите содѣйствовать счастью людей и имѣете тѣмъ возможность удовлетворить природному вашему влеченію, я тѣмъ охотнѣе склоненъ рекомендовать вамъ подателя сего письма барона Карла Гейкинга, что положеніе его дѣлъ является послѣдствіемъ обстоятельствъ несчастныхъ для его семьи и что хорошее поведеніе въ бытность на службѣ республикѣ въ литовской арміи располагаетъ меня въ его пользу. Свидѣтельствую о томъ въ увѣренности, что онъ расположитъ васъ оказать ему покровительство. Увѣряя васъ неизмѣнно въ истинѣ моихъ чувствъ и проч.»

«Заѣхавъ на двѣ недѣли въ Курляндію для свиданія съ моею матерью, я прибылъ въ Петербургъ 22-го мая 1777 года.

«Достаточно изучивъ людей, я зналъ, что обыкновенно они судятъ по внѣшности. Чтобы не получить по-просту отказа, надо показать видъ, что ни въ чемъ не нуждаешься. Я нанялъ поэтому карету, запряженную четверней [2]); Деболи, польскій посланникъ, къ которому у меня было письмо отъ короля, представилъ меня графу Панину, какъ польскаго камергера и полковника. Графъ Панинъ по нездоровью выходитъ изъ комнатъ не могъ и направилъ меня къ графу Остерману, который долженъ былъ представить меня императрицѣ.

«Никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвели на меня мягкій, но проницательный взоръ, спокойное лицо и величественная прелесть императрицы. Ослѣпленный всѣмъ тѣмъ, что представилось моему взору, я въ волненіи взялъ ея руку и поцѣловалъ [3]). Мое возбужденіе едва-ли осталось императрицею не замѣченнымъ.

«Послѣ того я представился князю Потемкину, а затѣмъ поспѣшилъ сдѣлать визитъ герцогинѣ Курляндской, урожденной княжнѣ Юсуповой.

---

[1]) Дипломъ отъ 5-го февраля 1777 года.

[2]) По тогдашнему обычаю число лошадей указывало на чинъ. Лица чиномъ до капитана ѣздили парою, полковники и чины VI класса—четверкою, а генералы—шестеркою.

[3]) Иностранцы цѣловали руку императрицы не преклоняя колѣнъ, какъ то должны были дѣлать ея подданныя.

Герцогиня съ своимъ супругомъ [1]) поссорилась и прибыла въ Петербургъ, чтобы стать подъ защиту двора. Недостойное обращеніе съ ней герцога вдвойнѣ вызвало участіе къ этой любезной княгинѣ. Она принимала у себя лучшее общество столицы; въ ея домѣ я свелъ многія важныя для меня знакомства.

«Я счелъ нужнымъ явиться русскому герою, фельдмаршалу графу Румянцеву. Онъ былъ въ то время во враждѣ съ княземъ Потемкинымъ и почти не выходилъ изъ дому. Неужели меня обвинятъ въ тщеславіи, если я скажу какъ онъ меня принялъ?

«Представлявшіе меня заявили, что я желаю поступить въ русскую службу; я же передалъ одновременно графу имѣвшееся у меня рекомендательное письмо. «Когда носятъ вашу фамилію,—замѣтилъ онъ,—то въ рекомендательномъ письмѣ нужды не имѣется». Этимъ онъ любезно напоминалъ на подвигъ одного Гейкинга, взорвавшаго себя на воздухъ, не желая сдавать туркамъ крѣпости Каменца, и разсказалъ затѣмъ, съ тою прелестью и теплотою, которыя онъ умѣлъ придавать своимъ разсказамъ, о смѣлыхъ до безумія подвигахъ служившаго при немъ подполковника Гейкинга.

— Кромѣ того,—продолжалъ шутя фельдмаршалъ,—я въ долгу передъ вашимъ семействомъ. Я былъ натурализованъ въ Пильтенѣ [2]) и дипломъ мой подписанъ двумя Гейкингами.

«Онъ спросилъ про моего дядю, полковника, съ которымъ онъ служилъ въ одномъ полку, и отозвался весьма любезно и лестно о курляндскомъ и о пильтенскомъ дворянствѣ. Фельдмаршалъ потребовалъ, чтобы я почаще приходилъ къ нему обѣдать и, если я рѣдко пользовался этимъ позволеніемъ, то только потому, что не желалъ имъ злоупотреблять.

«Мнѣ рѣдко доводилось видѣть людей его славы и положенія, столь вѣжливыми и любезными. Онъ отличался поразительною памятью, яснымъ сужденіемъ и бесѣдою столь-же поучительною, сколько полною ума и живости. Всякаго, кто съ нимъ говорилъ, онъ умѣлъ пріятно настроить, причемъ его собесѣдникъ никогда не терялъ изъ виду его высокаго положенія, о которыхъ самъ онъ какъ будто забывалъ. Притомъ фельдмаршалъ обладалъ величественнымъ ростомъ и благородною внѣшностью.

«На мои осторожные разспросы о томъ, не могу ли я поступить на

---

[1]) Герцогомъ Петромъ Бирономъ, занявшимъ герцогскій стулъ въ 1772 г. А. Г.

[2]) Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ, желавшій пріобрѣсти имѣніе на Остзейскомъ побережьи, долженъ былъ получить курляндскую натурализацію, которая и была ему дана въ 1777 году.

службу по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ, графъ Панинъ любезно выяснилъ мнѣ, что иностранецъ не можетъ быть по-просту принятъ въ это вѣдомство, и что въ гражданскую службу легче будетъ поступить послѣ извѣстнаго срока службы въ войскѣ.

«Вслѣдствіе сего я подалъ прошеніе въ военную коллегію. Такъ какъ князь Потемкинъ былъ на столько добръ, что проявилъ по отношенію ко мнѣ участіе, и при вторичномъ свиданіи съ нимъ проболталъ со мною около четверти часа [1]), то я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы выразить желаніе поступить въ Кирасирскій ея величества полкъ. На это князь поручилъ своему адъютанту сказать генералу Игельстрому, бывшему тогда членомъ военной коллегіи, что онъ, князь, мною интересуется. Этого было достаточно, чтобы по прошествіи 8-ми дней я былъ принятъ маіоромъ въ полкъ императрицы.

«Я надѣлъ парадную форму и поѣхалъ представиться князю Потемкину, чтобы поблагодарить его. Онъ тщательно меня осмотрѣлъ и затѣмъ спросилъ:

— Отчего же вы не надѣли вашего камергерскаго ключа?

— Я не думалъ, что уже нынѣ я принадлежу къ русскому двору.

— Этотъ родъ знаковъ отличія сохраняютъ. Ступайте домой, надѣньте ключъ и возвращайтесь сюда немедленно. Я васъ еще сегодня представлю императрицѣ [2]).

«Долженъ еще упомянуть, что я представился также фельдмаршалу князю Голицыну, у котораго собиравшееся многочисленное общество состояло преимущественно изъ иностранцевъ. Весь дипломатическій корпусъ бывалъ тамъ; гостей принимала племянница княгини, прелестная графиня Матюшкина, впослѣдствіи графиня Віельгорская.

«Мнѣ очень хотѣлось съѣздить на нѣкоторое время въ Польшу. Такъ какъ было въ обычаѣ, что графъ Панинъ посылалъ курьеромъ за границу какого-либо штабъ-офицера, то я просилъ, чтобы меня послали въ Варшаву, гдѣ мнѣ нужно было покончить нѣкоторыя дѣла. Графъ мнѣ это обѣщалъ и когда, по пріѣздѣ шведскаго короля, ему понадобился курьеръ, то онъ меня и отправилъ (въ половинѣ іюня) съ депешами къ графу Штакельбергу. Всегда благосклонный, графъ Панинъ сказалъ мнѣ при этомъ: «Посолъ нашъ предупрежденъ особымъ письмомъ, что онъ можетъ васъ удержать при себѣ, пока вы не окончите вашихъ дѣлъ». Я получилъ 120 дукатовъ на путевыя издержки и ѣхалъ безостановочно днемъ и ночью, чтобы поскорѣе добраться до моей милой Варшавы. Въ Митаву я прибылъ утромъ въ 10 часовъ, узналъ, что

---

[1]) Благоволеніе, которое онъ весьма рѣдко оказывалъ.

[2]) Штабъ-офицеры (полковъ) императрицы имѣли преимущество быть ей представленными, какъ непосредственному шефу.

у герцога пріемъ, быстро переодѣлся, заказалъ лошадей и отправился въ замокъ.

«Хотѣлъ ли герцогъ поважничать передъ мною, или же онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, но только онъ принялъ меня очень свысока, едва мнѣ поклонился и повернулся спиною, чтобы заговорить съ другими. Я ждалъ только, чтобы онъ обернулся и тогда самъ повернулъ ему спину и проговорилъ уходя: «мои почтовыя лошади меня ждутъ и я жалѣю, что потерялъ такъ много времени».

«Герцогъ, вѣроятно, лишь теперь замѣтившій, что онъ былъ невѣжливъ, послалъ за мною въ догонку своего оберъ-гофмаршала пригласить меня къ обѣду. Я отклонилъ приглашеніе, заявивъ, что я самъ заказалъ себѣ кушанья и жалѣю, что опоздалъ къ своему обѣду. Въ дѣйствительности, времени терять я не могъ и тотчасъ же отправился въ дальнѣйшій путь.

«Я былъ въ восхищеніи снова очутиться въ Варшавѣ. Графъ Штакельбергъ принялъ меня прекрасно, повелъ на другой день ко двору и былъ такъ любезенъ, что вмѣстѣ со мною сдѣлалъ всѣ нужные визиты, представляя меня какъ русскаго офицера.

«Спустя нѣсколько дней прибылъ въ Варшаву, мой второй [1]) командиръ, генералъ Михельсонъ, побѣдитель Пугачева и большой пріятель курляндскаго дворянства. Я успѣлъ внушить ему довѣріе и уваженіе, которыя онъ ко мнѣ сохранилъ навсегда. Онъ разрѣшилъ мнѣ остаться въ Варшавѣ, а самъ отправился къ полку, стоявшему въ Литвѣ.

«Вскорѣ за тѣмъ снабженный отъ брата и сестры всѣми нужными полномочіями для веденія процесса [2]) съ герцогомъ, я написалъ послѣднему рѣшительное, но весьма вѣжливое письмо, въ которомъ предлагалъ полюбовную сдѣлку. Его свѣтлость въ столь же пошлой, какъ и невѣжливой формѣ отвѣтилъ отказомъ. Эта невѣжливость меня оскорбила, и въ возбужденіи я отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

«Вамъ ли, государь, ни завоевавшему, ни купившему моего отечества и владѣющему Курляндіею лишь благодаря великодушію безсмертной Екатерины, принимать тотъ деспотическій тонъ, который можетъ себѣ позволить неограниченный монархъ или завоеватель, самое меньшее, но къ которому никакъ не можетъ прибѣгать вассальный герцогъ Польши, первый между равными (primus inter pares), въ обращеніи къ члену того самаго дворянства, отъ котораго его свѣтлость, герцогъ, вашъ отецъ [3]) лишь послѣ усиленныхъ настояній и хлопотъ получилъ натурализацію? Вы, значитъ, забыли государь, что я могу привлечь васъ къ реляціонному суду?.. Чтобы напомнить вашей свѣт-

[1]) Первымъ полковымъ командиромъ была сама императрица.
[2]) Касавшагося имѣній въ Курляндіи.
[3]) Эрнстъ-Іоганнъ Биренъ.

лости эту мою прерогативу, я не замедлю представить мои права и требованія на верховный судъ короля справедливаго и просвѣщеннаго и достойнаго своего высокаго назначенія сената».

«Многіе изъ моихъ курляндскихъ друзей посовѣтовали мнѣ, между тѣмъ, не начинать тотчасъ же процесса, а вступить еще разъ на путь соглашенія. Слѣдуя этому совѣту я обратился къ оберъ-гофмаршалу фонъ-Клопману съ просьбою позондировать почву. Но герцогъ, взбѣшенный моимъ отвѣтомъ, переслалъ его графу Панину и потребовалъ отъ русскаго двора удовлетворенія за мое поведеніе, которое онъ изобразилъ какъ нѣчто неслыханное. Къ счастью въ Петербургѣ случайно находился одинъ изъ моихъ друзей, который узналъ о сдѣланномъ герцогомъ шагѣ и посовѣтовалъ мнѣ немедленно вернуться въ Петербургъ, чтобы предотвратить грозу, собиравшуюся надъ моей головой. Одностороннее толкованіе герцога могло во всякомъ случаѣ мнѣ повредить, и я попросилъ графа Штакельберга при первой возможности отправить меня курьеромъ. Такой случай вскорѣ представился.

«Я ожидалъ быть дурно принятымъ графомъ Панинымъ при передачѣ ему депешъ. Каково же было мое удивленіе, когда министръ мнѣ сказалъ: «вы будете у меня обѣдать завтра и вообще когда лишь захотите. Имѣю основаніе предполагать, что вы не будете не довольны пробыть нѣсколько недѣль въ Петербургѣ».

«Отъ графа Панина я отправился къ князю Потемкину, который мнѣ также ничего не сказалъ о поданной на меня жалобѣ, и я вознадѣялся, что обо мнѣ болѣе и не думаютъ. Но когда на слѣдующій день я отправился, вѣжливости ради, къ князю Репнину, я былъ пораженъ тѣмъ, что онъ, при всѣхъ, сказалъ мнѣ своимъ гнусливымъ и надменнымъ голосомъ: «я ничего не могу для васъ сдѣлать».

— Но я ни о чемъ не прошу, князь.

— Что? Вы прикидываетесь не знающимъ? Слѣдуйте за мною.

«Онъ вошелъ въ свой кабинетъ, куда я за нимъ послѣдовалъ. Адъютанту, который также хотѣлъ войти, онъ грубо сказалъ: «ступайте вонъ, вы мнѣ не нужны», а затѣмъ обратился ко мнѣ.

— По какому праву вы рѣшились написать дерзкое письмо вашему государю?

— Моему государю? Королю польскому? Я ему не писалъ.

— Вы, кажется, собираетесь вступить со мною въ споръ по государственному праву! Берегитесь идти по стопамъ вашего отца; я не забылъ еще его поведенія въ Варшавѣ. Вы написали дерзкое письмо герцогу курляндскому.

— А! герцогу? Онъ не государь мой. Я признаю своимъ монархомъ лишь императрицу Россіи, по доброй волѣ, такъ какъ вступилъ на

службу ея, а по рожденію моему—короля польскаго. Эти основныя положенія гарантированы самимъ высокимъ дворомъ.

— Дѣло не въ политическихъ гарантіяхъ, а въ заносчивомъ письмѣ.

— Мое письмо къ герцогу не таково.

— Какъ, вы рѣшаетесь отрицать явный фактъ? Герцогъ переслалъ сюда подлинникъ.

— Я факта не отрицаю, но не нахожу, чтобы выраженія были непочтительны; они сильны, а правда иныхъ выраженій не имѣетъ.

— Тогда вы не знаете по-французски и не понимаете значенія выраженій.

— Это можетъ быть, такъ какъ я не французъ.

— Всѣ, кто не французъ, не въ одномъ съ вами положеніи. Но, довольно этого спора. Я васъ научу...

«При этихъ словахъ я потерялъ терпѣніе и, кипя гнѣвомъ, перебилъ его.

— Я не знаю, князь, по какому праву вы собираетесь меня учить. Я не имѣю чести служить въ вашемъ полку или въ вашей дивизіи и не состою подъ вашимъ прямымъ начальствомъ.

— Я вамъ говорю отъ имени моей государыни.

— Въ такомъ случаѣ ожидаю приказаній моей повелительницы. Въ чемъ дѣло?

— Вы должны письменно просить прощенія у герцога; въ противномъ случаѣ вы подвергнетесь наказанію по всей строгости законовъ.

— Вотъ моя шпага, князь; я отправляюсь подъ арестъ и приму наказаніе, если я его заслужилъ. Но я не считаю себя виновнымъ и не умѣю просить прощенія, если я не оскорблялъ.

Князь былъ очень удивленъ и отвѣтилъ:

— Оставьте вашу шпагу при себѣ. Графъ Панинъ именемъ императрицы поручилъ мнѣ съ вами поговорить; я ему передамъ о вашемъ упорствѣ, и затѣмъ вы ознакомитесь съ послѣдствіями вашего упрямства.

«При этомъ онъ мнѣ далъ знакъ головою, чтобы я удалился, что я поспѣшилъ съ удовольствіемъ исполнить.

«Взбѣшенный этимъ разговоромъ я поспѣшилъ къ князю Потемкину и, по счастливой [1]) случайности, мнѣ удалось съ нимъ поговорить.

«Съ величайшимъ возбужденіемъ я разсказалъ ему о поведеніи по отношенію ко мнѣ князя Репнина и замѣтилъ, что во всякомъ случаѣ я былъ курьеромъ, посланнымъ къ графу Панину, но «такого» рода приказанія могъ получать лишь отъ него, князя Потемкина, а никакъ не отъ князя Репнина. Мнѣ было не безъизвѣстно, что оба генерала другъ

---

[1]) Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ его жизни это счастье доставалось весьма рѣдко.

друга ненавидѣли. Я прочелъ во взорѣ моего собесѣдника, что онъ мою твердость одобряетъ. Онъ предоставилъ мнѣ свободно высказаться, что̀ я съ присущей моему характеру гордостью и сдѣлалъ. Я твердо рѣшилъ оставить службу на случай, если бы меня хотя бы на одинъ часъ посадили подъ арестъ, въ угоду герцогу.

— Вы правы,—сказалъ мнѣ наконецъ князь;—вы не находитесь въ подчиненіи у князя Репнина. Принесите мнѣ копію вашего письма къ герцогу, а тамъ увидимъ.

«Я побѣжалъ домой и черезъ четверть часа вернулся обратно.

— Прочтите-ка мнѣ это письмо,—сказалъ князь.

Когда я окончилъ онъ замѣтилъ:

— Повидимому, вы герцога не любите.

— Какъ я могу его любить,—воскликнулъ я.—Онъ лишилъ моего дѣда имущества и должности, и тотъ скончался въ горѣ. Онъ ограбилъ моего отца и отравилъ мнѣ юность. Теперь же онъ отказываетъ мнѣ въ возмѣщеніи потерь, что мнѣ, тѣмъ болѣе, необходимо, что я доселѣ безъ жалованья имѣю честь служить ея величеству.

— Представьте мнѣ записку о вашихъ притязаніяхъ и будьте совершенно покойны.

«Я поблагодарилъ и взялся за составленіе записки.

«День спустя изъ канцеляріи графа Панина прислали мнѣ сказать, чтобы я явился къ графу. Я тотчасъ же отправился.

— Вы написали,—сказалъ мнѣ министръ съ своею обычною мягкостью, герцогу съ слишкомъ большимъ возбужденіемъ. Императрицѣ угодно забыть вашу живость. Но изъ участія, которое вы во мнѣ возбуждаете, я посовѣтывалъ бы вамъ написать письмо извѣстнаго рода... Вы понимаете?—формы ради.

— Повинуюсь и завтра буду имѣть честь представить вашему превосходительству мое письмо.

«Я былъ въ немаломъ затрудненіи, какъ согласовать то, что я сказалъ Репнину, съ тѣмъ, что обѣщалъ графу Панину. Однако я написалъ двусмысленное письмо, которое, въ сущности, было ничѣмъ инымъ, какъ почтительное насмѣхательство безъ малѣйшаго слова извиненія.

«Придя къ обѣду къ графу Панину я засталъ тамъ князя Репнина, который, къ величайшему моему удивленію, весьма любезно меня привѣтствовалъ и обошелся совершенно иначе, чѣмъ дня два тому назадъ. Послѣ обѣда я подошелъ къ министру, чтобы предъявить ему мое письмо.

— Покажите его князю Репнину,—сказалъ онъ,—достаточно будетъ, что онъ его прочтетъ.

«Репнинъ прочелъ, усмѣхнулся и возвратилъ мнѣ письмо со словами: «желаю, чтобы герцогъ этимъ удовлетворился».

— Онъ долженъ будетъ это сдѣлать, князь.

«Привожу текстъ письма, которымъ герцогъ дѣйствительно и удовлетворился.

«Лица, заслуживающія уваженія, увѣряютъ меня, что послѣднее письмо, съ которымъ я имѣлъ честь обратиться къ вашей свѣтлости, найдено вами мало соотвѣтствующимъ чувству почитанія, которое обязанъ къ вамъ имѣть. Умоляю отдѣлить простые историческіе факты, упомянутые въ письмѣ отъ глубокаго чувства [1]), которое питаю къ вамъ съ ранняго дѣтства, и силу и искренность котораго ничто не измѣнитъ. Соизвольте, государь, принять въ этомъ увѣреніе, какъ и въ безпредѣльномъ почтеніи, съ которымъ имѣю быть и пр.».

«Такимъ образомъ я выбрался изъ затруднительнаго положенія, но по истинѣ, мое озлобленіе противъ герцога еще усилилось.

«Когда я передавалъ меморію о моемъ положеніи князю Потемкину, онъ былъ одинъ. Я рѣшился ему сказать:

— Неужели нѣтъ средствъ достигнуть, чтобы Курляндія управлялась болѣе просвѣщеннымъ, человѣколюбивымъ и благороднымъ государемъ. Почему императрица, эта великодушная повелительница, не разрѣшила бы намъ прибѣгнуть къ свободному избранію? Бирон десять разъ провинился въ вѣроломствѣ, такъ что, по нашимъ основнымъ законамъ, онъ долженъ лишиться лена.

«Несмотря на возростающее вниманіе, съ которымъ онъ меня слушалъ, князь равнодушно и вяло проговорилъ:

— Десять случаевъ вѣроломства! Это много. Не можете ли вы мнѣ доказать очевидность хотя бы одного?

— Да, князь, и я беру на себя представить вамъ по этому дѣлу записку.

— Хорошо, сдѣлайте это. Я скажу Михельсону, который завтра пріѣзжаетъ, что я покамѣстъ буду васъ держать здѣсь.

«Послѣ того, какъ я составилъ и передалъ меморію, я отдался общественнымъ развлеченіямъ. При этомъ я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ по имени Фромандьеръ, красивымъ мужчиною, открытое обращеніе котораго указывало на честный его характеръ. Онъ носилъ гусарскій мундиръ и, въ качествѣ добровольца русской арміи, сдѣлалъ два похода. Жилъ онъ въ одной гостиницѣ со мною. Вскорѣ затѣмъ съ нами познакомился маіоръ Пальменбахъ и увеличилъ нашъ маленькій кругъ друзей.

«Въ ту пору первою пѣвицею Петербургской итальянской оперы была Буонафини. Мой другъ Фромандьеръ представилъ меня ей какъ поклонника музыки. У ней часто собирались первые пѣвцы оперы и съ

---

[1]) Презрѣнія, разумѣется само собой.

величайшимъ совершенствомъ исполняли тріо и квартеты. Паэзіелло [1]) бывалъ также иногда у ней. Онъ почтилъ меня своей дружбою, видя мой энтузіазмъ къ музыкѣ.

«Изъ Даніи прибыла также труппа Орега Buffa и дала цѣлый рядъ представленій. Я былъ поглощенъ итальянцами, бывалъ на ихъ репетиціяхъ и у артистокъ, такъ что меня едва видѣли въ обществѣ.

«Между тѣмъ мои денежныя средства быстро истощались, хотя мои удовольствія мнѣ ничего не стоили. Въ Петербургѣ необходимо держать экипажъ, и это одно стоитъ очень дорого.

«Князь Потемкинъ прочиталъ со вниманіемъ мою записку и отозвался о ней съ похвалою генералу Михельсону. Послѣдній поздравилъ меня съ этимъ трудомъ. Онъ замѣтилъ, что я былъ удрученъ и, подозрѣвая, что тому причиною денежныя заботы, предложилъ мнѣ денегъ. Я принялъ ихъ въ счетъ моего жалованья, на которое долженъ былъ разсчитывать, такъ какъ, за повышеніемъ по службѣ старшаго маіора, долженъ былъ поступить въ число офицеровъ, получающихъ содержаніе.

«У князя Потемкина директоромъ канцеляріи былъ въ ту пору полковникъ Т... Послѣдній былъ очень удивленъ получить отъ меня лишь визитную карточку, тогда какъ всѣ прочіе за нимъ ухаживали. Онъ былъ со мною впрочемъ крайне вѣжливъ, пока не узналъ, что князь благопріятно обо мнѣ отозвался. Съ того времени онъ началъ относиться ко мнѣ холоднѣе.

«Однажды утромъ я засталъ у Михельсона красиваго мужчину въ кирасирскомъ мундирѣ. Узнавъ кто я, онъ подошелъ ко мнѣ и съ искренностью, сразу располагавшей въ его пользу, сказалъ: «я очень радъ съ вами познакомиться. Вы меня покорили однимъ вашимъ письмомъ».

— Я очень счастливъ, но не понимаю...

— Я подполковникъ Паленъ [2]), моя жена—ваша кузина, внучка одного Гейкинга. Въ Митавѣ я читалъ ваше письмо къ герцогу, въ которомъ вы говорите, что онъ Курляндіи ни купилъ, ни завоевалъ. Эта фраза мнѣ безконечно понравилась.

«Это было первымъ знакомствомъ моимъ съ Паленомъ, о которомъ впослѣдствіи неоднократно буду вести рѣчь. Такъ какъ и онъ былъ знакомъ съ Пальменбахомъ и Фромандьеромъ, то я его часто у нихъ встрѣчалъ, и, въ качествѣ курляндца и человѣка съ открытымъ характеромъ, онъ овладѣлъ полнымъ моимъ довѣріемъ.

---

[1]) Итальянскій композиторъ, написавшій не мало всякихъ оперъ, имѣвшихъ въ ту пору успѣхъ; съ 1776 по 1785 г. былъ капельмейстеромъ Петербургской итальянской оперы. Умеръ 1816 г.

[2]) Семейство Паленъ—старинный дворянскій родъ, извѣстный въ Эстляндіи, Швеціи и Россіи.

«Я познакомилъ его съ обѣими моими записками. Вторую онъ прочиталъ два раза и отозвался о ней крайне лестно.

— Но—прибавилъ онъ—вы ничего не добьетесь, если вы не привлечете къ участію Т... Я, напримѣръ, подарилъ ему небольшой серебряный столовый сервизъ цѣною въ 2.000 рублей, чтобы получить Ямбургскій карабинерскій полкъ.

— Какъ, вы дали ему 2.000 рублей?

— Конечно, и я буду за это имѣть 12.000 руб. въ годъ. Сдѣлайте то же самое, и вы увидите, какой оборотъ примутъ ваши дѣла.

— Я ничего не желаю покупать.

— Тѣмъ хуже для васъ; если хотятъ что-либо пожинать, то нужно и сѣять.

«Я не привожу конца разговора; но долженъ сознаться, что Паленъ лучше меня понималъ господствующій духъ и во всѣхъ этихъ дѣлахъ былъ въ дѣйствительности правъ. Двѣ недѣли спустя онъ имѣлъ полкъ, который желалъ получить.

«Между тѣмъ собрался польскій сеймъ, постановленіе котораго имѣло рѣшающее значеніе для всего того, что касалось герцога. Я принесъ князю Потемкину еще одну, послѣднюю записку, по вопросу объ исполненіи его плана [1]). Онъ прочелъ ее съ большимъ вниманіемъ и положилъ на столъ сказавъ: «это очень хорошо».

«Прошло нѣсколько недѣль и со мной по этому дѣлу не было говорено ни слова; но однажды князь призвалъ меня къ себѣ и сказалъ: «Будьте на-готовѣ; завтра вы будете посланы курьеромъ въ Варшаву».

— Если это касается извѣстнаго обстоятельства, ваша свѣтлость, то это будетъ слишкомъ поздно: черезъ пять дней варшавскій сеймъ будетъ закрытъ.

«Лицо Потемкина перекосилось, но онъ ничего не отвѣтилъ. На другой день въ 10 часовъ утра онъ мнѣ сказалъ: «вы отправитесь въ путь сегодня въ 4 часа». При этомъ онъ мнѣ вручилъ письмо императрицы къ Штакельбергу и прибавилъ:

— Торопитесь прибытіемъ въ Варшаву. Если сеймъ еще не закрытъ, посолъ имѣетъ приказаніе озаботиться о томъ, чтобы онъ продлился. Я имѣю, впрочемъ, основанія предполагать, что сеймъ еще не закрытъ.

— Простите, ваша свѣтлость, но я могу прибыть въ Варшаву лишь черезъ 6 дней, а по закону сеймъ долженъ быть закрытъ черезъ четыре. Прошу васъ въ моемъ усердіи не сомнѣваться.

---

[1]) Планъ состоялъ въ томъ, чтобы побудить сеймъ отдать князю Потемкину Пильтенъ какъ герцогство въ ленное владѣніе и при этомъ дать временную инвеституру на Курляндію.

— Поѣзжайте только; въ моей канцеляріи вамъ выдадутъ деньги и паспортъ.

«Я отправился, въ отчаяніи, что придется, повидимому, напрасно пропутешествовать.

«Что я предвидѣлъ и предсказалъ князю Потемкину, то и случилось. Въ понедѣльникъ утромъ я прибылъ въ Варшаву, а еще въ субботу въ 10 часовъ вечера сеймъ былъ закрытъ. Я тотчасъ же написалъ князю; посолъ сдѣлалъ то же. Но вскорѣ мнѣ стало ясно, что если императрица, уступая настоятельной просьбѣ Потемкина, и написала соотвѣтствующее письмо послу, то ея истинныя намѣренія не клонились къ тому, чтобы его желаніе исполнилось. Графъ Штакельбергъ, увидѣвъ, что князь Потемкинъ довѣрилъ мнѣ касавшееся лично его дѣло, удвоилъ ко мнѣ внимательность, что̀ тѣхъ, которые не знали тайной стороны дѣла, привело въ удивленіе и досаду.

Нѣкоторое время спустя графъ Штекельбергъ отправилъ меня съ порученіями въ Берлинъ и, между прочимъ, съ письмомъ къ тамошнему нашему посланнику князю Долгорукому. Благодаря этому письму, въ которомъ графъ весьма лестно обо мнѣ отзывался, я былъ принятъ прекрасно. Я имѣлъ также счастье быть представленнымъ Фридриху Великому.

— Имя ваше—милостиво сказалъ мнѣ король—напоминаетъ мнѣ о тѣхъ превосходныхъ офицерахъ, которыхъ я имѣлъ и имѣю въ моей арміи.

«Онъ разспрашивалъ меня о моемъ мундирѣ, о Петербургѣ и проч. Я былъ пораженъ твердымъ голосомъ и яснымъ взоромъ генія, сохраненными королемъ въ его преклонномъ возрастѣ...

«По окончаніи моихъ дѣлъ я выѣхалъ изъ Берлина въ Варшаву. Такъ какъ франмасонская ложа въ Берлинѣ получила безъимянныя письма, въ которыхъ утверждалось, что я подложно выдаю себя за русскаго маіора,—я отправился въ сопровожденіи князя Сапѣги къ графу П..., котораго считалъ сочинителемъ этой клеветы и потребовалъ отъ него объясненій. П... далъ мнѣ письменное заявленіе, что онъ не только къ этимъ навѣтамъ не причастенъ, но и ничего не знаетъ о нихъ. Такимъ образомъ все казалось устроеннымъ. Но есть низкія души, поставившія себѣ жизненною задачею сѣять раздоры и смуты и, подъ предлогомъ, что они нами интересуются, тайно пересказываютъ и преувеличиваютъ наши сужденія. Все это меня настолько взбѣсило, что я вызвалъ графа П... на дуэль, предоставивъ ему выборъ орудія и мѣста поединка.—Мы дрались на пистолетахъ въ Волѣ? [1]) До двухсотъ

[1]) Село Воля въ 4-хъ верстахъ отъ Варшавы; тамъ, на сосѣднемъ полѣ, съѣзжался сеймъ, избиравшій короля.

человѣкъ присутствовало и, между прочими, генералъ Эссенъ, графы Чапскій, Потоцкій и др. Провидѣніе избавило меня и отъ убійства и отъ смерти...

«Тешенскій мирный договоръ [1]) былъ продиктованъ Россіею, которая, для бо́льшаго воздѣйствія подвинула значительный корпусъ войскъ. Вскорѣ затѣмъ былъ заключенъ миръ и съ Турціею. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ еще сильнѣе захотѣлось оставить военную службу и перейти въ дипломатическій корпусъ. Я переговорилъ объ этомъ съ графомъ Штакельбергомъ, который обѣщалъ при первой возможности отправить меня курьеромъ въ Петербургъ и дать мнѣ письмо къ графу Остерману (графъ Панинъ за это время умеръ).

«Случай представился скоро. Я отправился и передалъ министру письмо. Графъ Остерманъ былъ, повидимому, прекрасно ко мнѣ расположенъ, чему, быть можетъ, содѣйствовало то обстоятельство, что жена его была близкою пріятельницею генеральши Гейкингъ. Князь Потемкинъ, къ которому у меня также были депеши, отнесся ко мнѣ, какъ казалось, холоднѣе чѣмъ прежде. Относительно Штакельберга онъ мнѣ предъявилъ нѣсколько вопросовъ, изъ которыхъ можно было понять, что онъ подозрѣвалъ его въ недостаточномъ стараніи исполнить его, Потемкина, желанія. Я имѣлъ честность, неумѣстную правда, защищать и оправдывать Штакельберга [2]). Князь промолчалъ. Какъ мнѣ потомъ передали, князь, по уходѣ моемъ изъ его кабинета, выразился: «это креатура Штакельберга; хорошо что теперь я это знаю». Принимая меня нѣсколько дней спустя, графъ Остерманъ былъ холоденъ и на возобновленіе мною просьбы быть прикомандированнымъ къ миссіи въ Варшавѣ отвѣтилъ, что этого сдѣлать нельзя, такъ какъ это было-бы несправедливо по отношенію къ тѣмъ, кто уже находится на службѣ. Сухой и непріятной тонъ графа меня поразилъ. Я разсказалъ о томъ г-жѣ фонъ... Она обѣщала мнѣ разслѣдовать причины столь внезапной перемѣны настроенія. Я узналъ наконецъ, что именно К... удружилъ мнѣ, сказавъ старшему чиновнику вѣдомства иностранныхъ дѣлъ:

— Очень жаль что Гейкингъ, при его неоспоримыхъ дарованіяхъ преданъ пьянству; считаю своимъ долгомъ объ этомъ предупредить довѣрительнымъ путемъ, чтобы о томъ зналъ начальникъ иностранной коллегіи.

---

[1]) Заключенный между Маріею-Терезіею и Фридрихомъ Великимъ 1-го (13) мая 1799 года, положившій конецъ ихъ войнѣ за Баварское наслѣдство.

[2]) Паленъ разсказалъ мнѣ по этому случаю какъ, въ подобномъ-же положеніи, онъ поступилъ осмотрительнѣе. Его благодѣтель, посолъ Сальдернъ, отправилъ его въ Петербургъ, поручивъ ему его оправдать. Когда онъ узналъ, что Сальдернъ при дворѣ на дурномъ счету, онъ объявилъ себя его противникомъ. Разсказывалъ это Паленъ въ присутствіи тайнаго совѣтника Шеппинга, котораго, какъ и меня, этотъ разсказъ поразилъ.

«Я былъ возмущенъ, но, давъ слово ни въ Петербургѣ, ни въ Варшевѣ объ этомъ довѣрительномъ сообщеніи никому не говорить, похоронилъ въ своемъ сердцѣ эту гнусную клевету. Лишь зависть была причиною этого недостойнаго поступка. Я старался поэтому окольнымъ путемъ уничтожить впечатлѣніе, которое это коварное нашептываніе произвело на графа Остермана. Только что прибывшаго въ Петербургъ генерала Михельсона я просилъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы предупредить князя Потемкина о распускаемыхъ о мнѣ слухахъ и исходатайствовать у него переводъ мой въ гражданскую службу или же назначеніе меня къ нему въ штабъ для французской и нѣмецкой корреспонденціи. Счастливый случай скоро тому помогъ.

«Михельсонъ находился у князя какъ разъ въ ту пору, когда шла рѣчь о написаніи польскому королю французскаго письма. Того, кто долженъ былъ его составить, на лицо не было. Михельсонъ заявилъ тогда князю, что я въ залѣ [1]) и что, по его мнѣнію, я могу исполнить требуемое. Меня позвали, и князь разсказалъ мнѣ въ чемъ дѣло. Мнѣ удалось изложить его мысли въ двѣнадцати строкахъ; къ тому-же почеркъ мой въ ту пору былъ красивый. Однимъ словомъ, князь остался очень довольнымъ. Когда я вышелъ изъ кабинета, князь выразилъ свое удовольствіе, какъ мнѣ потомъ передалъ Михельсонъ, который воспользовался случаемъ, чтобы ему сказать, что я желаю поступить къ нему въ штабъ или быть переведеннымъ въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, что графа Остермана противъ меня предубѣдили, но что если князь за меня замолвитъ слово, то «именной указъ» все дѣло устроитъ. При этомъ Михельсонъ въ лестныхъ выраженіяхъ отозвался о моемъ характерѣ, о моемъ прямодушіи и скромности.

— Хорошо, сказалъ князь; пускай онъ тутъ остается; при первой вакансіи я его опредѣлю въ мой штабъ.

«Я былъ князю очень благодаренъ и такимъ образомъ остался въ Петербургѣ; надеждъ было очень много, а денегъ мало. Правда, я жилъ у генеральши Гейкингъ, такъ что квартира и столъ мнѣ ничего не стоили, но экипажъ и другіе необходимые расходы начинали сильно меня стѣснять.

«Я вращался въ лучшемъ обществѣ. Въ домѣ принцессы Гольштейнъ-Бекъ я познакомился съ любезнѣйшею дѣвицею Ивковой и посѣщалъ какъ и герцогиню курляндскую, такъ и принцессу курляндскую [2]), сестру герцога, несмотря на то, что обѣ дамы находились во враждѣ одна съ другою.

---

[1]) Въ этомъ залѣ всегда находились офицеры свиты князя Потемкина и разные генералы.

[2]) Она была замужемъ за камергеромъ Черкасовымъ, но потомъ развелась съ нимъ.

«Если-бы общественныя удовольствія могли мнѣ закрыть глаза на мое скверное положеніе, я могъ бы почитать себя богатымъ, но заботы меня одолѣли, и я умолялъ князя рѣшить мою судьбу.

— Имѣйте терпѣніе—сказалъ онъ мнѣ; я васъ не забуду.

«Около этого времени въ Петербургъ прибылъ извѣстный Каліостро, прямо изъ Митавы, гдѣ онъ всѣмъ вскружилъ головы. Отъ фонъ-деръ Говена онъ имѣлъ ко мнѣ рекомендательное письмо, которое непосредственно по своемъ пріѣздѣ мнѣ и передалъ. Такъ какъ онъ заговорилъ на плохомъ французскомъ языкѣ, то я отвѣтилъ ему по-итальянски. Его рѣчь на этомъ языкѣ и выраженія, которыя онъ употреблялъ, свидѣтельствовали о человѣкѣ низкаго происхожденія и весьма малаго образованія. Онъ пригласилъ меня посѣтить его жену, графиню, которую онъ называлъ гросмейстериной ордена «de l' Adoption». Дорогой онъ мнѣ сообщилъ, что графиня, его жена—урожденная княжна della Crose, и нахвасталъ массу вздору, не хуже клоуна ярмарочной труппы.

«Жена его, по внѣшнему виду, была особа перезрѣлая, красноватыя глаза ея свидѣтельствовали о пролитыхъ слезахъ, а осанка ея и рѣчь, менѣе вульгарная чѣмъ у мужа, выдавали одну изъ тѣхъ жалкихъ комедіантокъ, которыхъ заставляютъ плясать противъ воли.

— Обними, закричалъ онъ ей изступленнымъ голосомъ, этого именитаго брата; онъ нашего ордена.

«Послѣ короткаго обычнаго разговора Каліостро сказалъ:

— Я пріѣхалъ для того, чтобы видѣть великую Екатерину, эту семирамиду сѣвера и чтобы распространить великій [1]) свѣтъ здѣсь на востокѣ. Воспитанный въ пирамидахъ Египта, я получилъ сокровенныя науки и состою главою князей Р.... К....

«Онъ поднялся, показалъ мнѣ звѣзду и красную чалму: «вотъ знаки моего званія», сказалъ онъ. Я посмотрѣлъ на звѣзду; это была просто звѣзда ордена Станислава, съ которой былъ снятъ шифръ короля, а на мѣсто его была вставлена красная роза.

«Я позволилъ себѣ замѣтить, что это была станиславская звѣзда, если не считать только розы. Онъ какъ будто слегка замѣшался, но скоро оправился.

— Вы правы, сказалъ онъ. Въ дѣйствительности мнѣ ее далъ братъ Г..... такъ какъ мою звѣзду у меня дорогою украли.

— Знаете-ли вы это? произнесъ онъ тономъ насмѣшливаго превосходства.

«Въ рукахъ у него былъ листъ бумаги, покрытый кабалистическими іероглифами, подобными тѣмъ, которые я видѣлъ у алхимиковъ Бернарди, Дету, Шлиха, Пуца и др.

---

[1]) Онъ особенно любилъ употреблять слово „великій“.

— Мнѣ неизвѣстно значеніе этихъ іероглифовъ, сказалъ я, взглянувъ на листъ, но если вы желаете, я вамъ принесу завтра десятокъ такихъ листовъ, изъ которыхъ вы также, какъ и я, ровно ничего не поймете.

— Я прощаю вамъ, возразилъ онъ принявъ оскорбленный видъ, ваше невѣріе и ваше невѣжество. Несмотря на ваше званіе франкмасона вы еще дитя въ орденѣ. Но если бы я захотѣлъ—прибавилъ онъ тономъ настоящаго ярмарочнаго крикуна—я бы могъ привести васъ въ дрожь.

— Быть можетъ, если бы вы на меня напустили лихорадку.

— Что такое лихорадка для графа Каліостро, который повелѣваетъ духами! Развѣ вашъ другъ Говенъ вамъ ничего не написалъ о моемъ могуществѣ?

— Ни одного слова.

— Такъ знайте же.....

«Здѣсь насъ прервалъ вошедшій слуга испанскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, который просилъ господина Каліостро, испанскаго подданнаго, сейчасъ-же къ нему явиться. Слова такъ и замерли на устахъ Каліостро. Послѣ того нѣсколько оправившись онъ сказалъ мнѣ, но уже не голосомъ вдохновеннаго.

— Что хочетъ отъ меня этотъ маленькій повѣренный въ дѣлахъ, съ которымъ я ничего не имѣю общаго? Я отправлю его [1]) на всѣ четыре стороны.

— Не совѣтую вамъ это дѣлать, онъ можетъ спустить на васъ полицію.

«Каліостро отвѣтилъ посланному, что онъ придетъ къ повѣренному въ дѣлахъ на другой день, а меня просилъ остаться у него обѣдать, такъ какъ было уже около часу. Я принялъ предложеніе, ибо меня забавляло ближе ознакомиться съ человѣкомъ, который казался безсовѣстнѣйшимъ и невѣжественнѣйшимъ шарлатаномъ. Начатая нами бесѣда обнаружила, напримѣръ, что у него ни одной здравой мысли не было ни о физикѣ, ни о химіи.

— Химія, сказалъ онъ,—глупость для того, кто знаетъ алхимію, а алхимія—пустякъ для того, кто властвуетъ надъ духами. Что касается меня, то у меня есть и золото (онъ ударилъ по карману гдѣ были дукаты) и брильянты.

«При этомъ онъ показалъ кольцо съ маленькимъ, весьма плохо оправленнымъ брильянтомъ.

— Но все это я презираю и счастье мое нахожу въ томъ духов-

---

[1]) Каліостро употребилъ итальянское выраженіе гораздо болѣе сильное, которое воспроизводить неудобно.

номъ могуществѣ, которое имѣю надъ существами. Я представляю первую ступень сверхчеловѣческую; души умершихъ я заставляю, путемъ заклинаній, являться и отвѣчать мнѣ на мои вопросы.

«Я не могъ удержаться, чтобы не усмѣхнуться.

— Я не сержусь на ваше невѣріе, сказалъ онъ; вы не первая крѣпкая голова, которую я подчиню и обращу въ прахъ [1]). Кого изъ вашихъ умершихъ родственниковъ желаете вы видѣть?

— Моего дядю, но подъ однимъ условіемъ.

— Какимъ?

— Въ ту сторону, откуда покажется духъ, я буду имѣть право выстрѣлить изъ пистолета. Такъ какъ это будетъ лишь духъ, то никакого вреда я ему причинить не могу.

— Нѣтъ вы чудовище! Я вамъ никогда ничего не покажу; вы этого недостойны.

««Съ этими словами онъ стремительно бросился въ сосѣднюю комнату. Жена его, дѣлая видъ что испугана, сказала мнѣ, что его гнѣвъ приводитъ ее въ трепетъ.

— А меня смѣшитъ; все это можетъ пугать лишь дѣтей.

«Онъ отсутствовалъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, затѣмъ вернулся съ яснымъ выраженіемъ лица.

— Онъ храбръ, сказалъ онъ про меня. Я его испыталъ и вижу, что онъ храбрый мужчина.

«Онъ, казалось, былъ отъ меня въ восхищеніи и сказалъ мнѣ:

— Со временемъ вы узнаете, что такое графъ Каліостро и каково его могущество.

«Послѣ этого онъ со мною о духахъ уже не говорилъ.

«На другой день онъ отправился къ г. Нормандецу, испанскому повѣренному въ дѣлахъ, который обошелся съ нимъ какъ съ проходимцемъ и запретилъ называться испанскимъ графомъ и полковникомъ испанской службы. Но Каліостро съумѣлъ привлечь на свою сторону графа Меллисино, кавалера С... и многихъ другихъ, пока, наконецъ, не сняли съ него личины и не приказали убраться изъ Петербурга.

«Помощью какого навожденія этотъ человѣкъ расположилъ къ себѣ, во время пребыванія въ Митавѣ, большинство курляндскаго дворянства? Графъ Медемъ [2]), его дочь госпожа фонъ-деръ-Ренне, фонъ-деръ-Говенъ и многіе другіе считали его высшимъ существомъ. Эта нравственная слѣпота необъяснима; но это было безуміемъ того времени, подготовившимъ и другія глупости. Самое вздорное мнѣніе, становясь всеобщимъ, смущаетъ надолго разумъ и здоровое сужденіе.

---

[1]) Весь этотъ разговоръ могу воспроизвести дословно, такъ какъ по приходѣ домой я его тотчасъ записалъ, и замѣтки эти лежатъ передо мною.

[2]) Отецъ герцогини курляндской.

«Князь Потемкинъ послалъ за мною и объявилъ, чтобы я готовился на другой день ѣхать въ Варшаву и что по моемъ возвращеніи онъ мнѣ дастъ соотвѣтствующія моимъ желаніямъ занятія. Я подозрѣваю, что Т...., замѣтившій благоволеніе ко мнѣ князя, устроилъ мнѣ эту командировку, чтобы меня удалить. Самаго непродолжительнаго отсутствія достаточно, чтобы быть забытымъ при дворѣ.

«Я вернулся въ Варшаву. При моемъ проѣздѣ черезъ Митаву, мать моя просила выхлопотать для г. фонъ-Б.... титулъ тайнаго совѣтника короля и дала мнѣ на это 150 дукатовъ. Г. фонъ-К... предложилъ мнѣ 100 дукатовъ, если я ему доставлю камергерскій ключъ, а г. фонъ-Гр.. обязался выплатить мнѣ 500 дукатовъ, если я возмусь слѣдить за ходомъ процесса, который онъ имѣлъ въ Варшавѣ. Я согласился на полученіе, 500 дукатовъ, на случай если процессъ (дѣло шло о 60 тысячахъ талеровъ) будетъ выигранъ...

«Обѣ первыя просьбы король исполнилъ безъ всякихъ затрудненій.

«Я могъ бы спокойно жить нѣкоторое время въ Варшавѣ, если бы меня не одолѣвало увлеченіе франмасонами. Я принялъ графа Потоцкаго въ Орденъ [1]), и такъ какъ я поставилъ его во главѣ всѣхъ масоновъ Польши и Литвы, то орденъ получилъ такое распространеніе, что король, относившійся съ завистью ко всякому, кто только пользовался въ обществѣ извѣстнымъ вліяніемъ, былъ этимъ обезпокоенъ; мы учредили въ ту пору также ложу для дамъ. Обстоятельство это удвоило поступленіе въ наши ложи, такъ что мы оказались вынужденными раздѣлить ихъ по языкамъ, т. е. на польскую, нѣмецкую и французскую. Эмблемою я избралъ исторію Гипатіи [2]) что дало отличительные знаки и интересныя церемоніи, до извѣстной степени соотвѣтствовавшія третьей степени франмансонскаго ордена. Въ церемонію входила и музыка. Скрытый оркестръ не могъ ничего видѣть и исполнялъ предписанныя произведенія по знаку, даваемому колоколомъ.

«Генеральша княгиня Чарторыйская, княгиня Радзивиллъ, графиня Потоцкая, маршальша графиня Потоцкая [3]), сестра ея графиня Станиславъ (?), графиня Тышкевичъ, племянница короля,—словомъ, дамы высшаго общества и выдающейся любезности образовали эту ложу, которая была ничѣмъ инымъ, какъ союзомъ дружбы и общественнымъ сборищемъ.

«Но въ республикахъ все служитъ предлогомъ для коварства и пар-

[1]) Я освободилъ графа отъ обычныхъ церемоній и сдѣлалъ ему, въ присутствіи трехъ братьевъ, сообщенія до 4-й степени. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ посвященъ въ правила до № 7-го.

[2]) Гипатія (Hypathie) знаменитая гречанка, занимавшаяся въ Александріи философіею (370—415 по Р. Х.) Умерщвлена была христіанами.

[3]) Супруга графа Игнатія, женщина рѣдкаго ума и сердца, умершая въ цвѣтѣ лѣтъ благодаря неблагополучному разрѣшенію отъ бремени.

тійности. Вскорѣ въ нашихъ ложахъ образовалось двѣ партіи, и нѣкій швейцарецъ по имени Глэръ (Glaire [1]), бывшій негласнымъ вождемъ одной партіи, служилъ разжигателемъ. Онъ былъ въ ту пору секретаремъ короля и, зная его малодушіе, привелъ его къ мысли, что Игнатій Потоцкій пользуется франмасонствомъ лишь для того, чтобы составить себѣ въ республикѣ могущественную партію и стать во главѣ послѣдней.

«Король, всегда легко приходившій въ возбужденіе, повѣрилъ этой сказкѣ, а Глэръ вызвался добиться принятія въ орденъ для тщательнаго разслѣдованія дѣла. Онъ обратился къ самому графу Потоцкому, который, съ полнымъ довѣріемъ, обѣщалъ его принять. Но Глэръ заявилъ что въ виду своего возраста, онъ желалъ бы быть освобожденнымъ отъ непріятностей, связанныхъ съ предварительными испытаніями, и просилъ позволенія явиться прямо мастеромъ. Графъ Потоцкій переговорилъ со мною, и я на это согласился. Глэръ получилъ первую степень, но уже слишкомъ скоро намъ пришлось раскаяться въ нашей предупредительности; онъ не переставалъ сѣять раздоры между братьями, и хотя держался за кулисами, но не трудно было всюду чувствовать его руку.

«Всѣ эти ссоры мнѣ надоѣли и такъ какъ я выигралъ процессъ г-на фонъ-Гр... то и рѣшилъ промотать мои 500 дукатовъ въ Спа, въ Голландіи и въ Англіи».

На заработанныя такимъ путемъ деньги Гейкингъ, потерявшій въ первой инстанціи свой процессъ съ герцогомъ Петромъ Бирономъ, отправился за границу, получивъ предварительно отъ военной коллегіи годовой отпускъ (1780 г.), по истеченіи котораго вернулся въ Варшаву и затѣмъ въ полкъ. За это время, генерала Михельсона (командира кирасирскаго полка) замѣнилъ бригадиръ Энгельгардтъ, племянникъ князя Потемкина, разрѣшившій Гейкингу оставаться въ Варшавѣ, пока онъ не окончитъ своихъ дѣлъ. Въ началѣ 1783 года онъ снова обратился съ прошеніемъ о годовомъ отпускѣ (предполагая отправиться въ Парижъ), но получилъ неожиданное для него приказаніе немедленно отправиться къ полку, стоявшему въ то время въ Кіевѣ.

«6-го іюня 1783 года, послѣ безостановочной ѣзды, я прибылъ въ часть полка, стоявшую въ Васильковѣ, и узналъ, что полкъ долженъ возвращаться въ Польшу. Князь Волконскій, зять князя Репнина, командовавшій нашею дивизіею до прибытія графа Салтыкова [2]) желая досадить Энгельгардту, приказалъ полку двигаться усиленными переходами, несмотря на страшныя жары (всюду свирѣпствовавшія въ тотъ годъ), которыя могли совершенно погубить и людей и лошадей. Съ 4-хъ часовъ

[1]) Онъ былъ сначала частнымъ секретаремъ у графа Ржевусскаго, а затѣмъ перешелъ на службу къ королю.

[2]) Ивана Семеновича, впослѣдствіи фельдмаршала. А. Г.

утра я не сходилъ съ коня и доселѣ не разумѣю, какъ я могъ это выдержать. Наконецъ, пришло приказаніе передохнуть въ Липовицѣ. Главная квартира полка была въ Немировѣ.

«Вскорѣ затѣмъ распространилось извѣстіе, что князь Потемкинъ отправляется въ Херсонъ и что готовятся завладѣть Крымомъ. Я рѣшилъ скорѣе быть убитымъ врагомъ, чѣмъ погибнуть отъ изнурительной лихорадки. Я умолялъ графа Салтыкова дозволить мнѣ отправиться въ Херсонъ вмѣстѣ съ бригадиромъ Энгельгардтомъ, ѣхавшимъ туда съ позволенія своего дяди князя Потемкина. Генералъ долго меня отговаривалъ, но наконецъ разрѣшилъ и вручилъ мнѣ депеши къ командующему войсками въ Херсонѣ принцу Виртембергскому.

«Бригадиръ Энгельгардтъ обѣщалъ выхлопотать мнѣ у своего дяди позволеніе принять участіе въ крымскомъ походѣ и, въ частности, въ осадѣ Очакова. Но по прибытіи въ Херсонъ я получилъ весьма не радостное письмо, въ которомъ онъ (Энгельгардтъ) мнѣ между прочимъ сообщалъ: «Князь Потемкинъ не одобряетъ вашего путешествія и приказываетъ вамъ вернуться въ полкъ. Не будетъ ни осады, ни сраженія. Крымъ достанется нашей августѣйшей государынѣ безъ меча». Это извѣстіе совершенно отбило во мнѣ охоту къ службѣ. Къ тому же въ херсонскихъ войскахъ обнаружилась эпидемія. Я поспѣшилъ вернуться».

Въ Варшавѣ Гейкингъ остался нѣсколько мѣсяцевъ для поправленія здоровья, разстроеннаго схваченною имъ въ Херсонѣ упорною лихорадкою. Въ началѣ 1784 года онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ подалъ прошеніе о переводѣ его въ гражданскую службу, и вскорѣ вступилъ въ бракъ съ дочерью вдовы де-ла-Фонъ [1]), завѣдывавшей институтомъ благородныхъ дѣвицъ.

Два мѣсяца послѣ свадьбы, въ апрѣлѣ 1784 г. Гейкингъ съ женою выѣхалъ изъ Петербурга и отправился въ Варшаву. Фрейлина цесаревны Маріи Ѳеодоровны Нелидова, пріятельница молодой баронессы Гейкингъ, выхлопотала у цесаревича письмо къ послу Штакельбергу, которое и передала ей при прощаньи.

Штакельбергъ выказалъ тѣмъ большую предупредительность молодымъ, когда узналъ, что мать баронессы Гейкингъ состоитъ на службѣ русскаго двора.

Вскорѣ затѣмъ состоялся указъ объ увольненіи Гейкинга отъ службы въ русскомъ войскѣ.

А. А. Гирсъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Генералъ де-ла-Фонъ (de la Font) былъ офицеромъ французской службы, дядею своимъ артиллерійскимъ генераломъ Кулономъ былъ привезенъ въ Россію и умеръ въ 1754 году. Онъ происходилъ изъ старой дворянской фамиліи Лангедока.

Собственноручное письмо императрицы Екатерины II къ П. П. Чебышеву [1]).

Петръ Петровичъ! Какое-то есть представленье отъ Синодальной конторы о московскихъ порожныхъ церквѣй въ Синодъ. Пожалуй, какъ получитѣ—покажитѣ мнѣ и стараитеся, чтобъ о семъ решеніи не было прежде, нежели узнаетѣ мое о семъ мнѣніе.

Сообщ. **Ал. Маркевичъ.**

Старинная свадебная запись..

Се азъ города Гдова старыхъ Колымажныхъ лѣлъ колымажникъ Савостьянка Севрюковъ. Принялъ я, Савостьянка, вышеписаннаго города Гдова къ себѣ въ домъ вобья (зятя). А надѣлю ему треть живота вобью; а ежели добръ будетъ вобья, то половину ему вобью; а ежели Богъ по душу сошлетъ, то и все ему вобью; а ежели я, Савостьяшка, противъ сего попячусь, и мнѣ попятчику будетъ стыдно, и ему вобью самому меня попятить, и взять на мнѣ за пяченіе что указано будетъ, и на то колода людей. Въ томъ Савостьянка Севрюковъ руку приложилъ. Лѣта 7090—1582-го.

Сообщ. **А. С. М—чъ.**

---

[1]) Петръ Петровичъ Чебышевъ, бригадиръ, былъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода съ 24-го октября 1768 года по 7-е мая 1774 года; къ этому періоду времени относится и сообщаемое письмо императрицы Екатерины II. Оригиналъ письма былъ нѣсколько лѣтъ назадъ пріобрѣтенъ мною въ Одессѣ и въ настоящее время пожертвованъ Новороссійскому университету, въ библіотекѣ котораго и находится.

МУРАВІАДА.

(Сатирическіе стихи на бывшаго нижегородскаго губернатора А. Н. Муравьева).

Какъ извѣстно, бывшій Нижегородскій военный губернаторъ—генералъ-лейтенантъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ 4-й участвовалъ въ заговорѣ 1825 года противъ правительства.

Будучи сужденъ въ числѣ прочихъ государственныхъ преступниковъ, Муравьевъ, по высочайшему приказу 10-го іюля 1826 года, былъ сосланъ на жительство въ Сибирь, «не лишая чиновъ и дворянства». Въ январѣ 1828 года онъ былъ прощенъ и «всемилостивѣйше повелѣно было опредѣлить его городничимъ или земскимъ исправникомъ въ Восточной Сибири» [1]).

Подвигаясь все дальше по ступенямъ служебной іерархіи, онъ, наконецъ, достигъ званія Нижегородскаго губернатора, которымъ и былъ съ 1856 г. по 1861 г. Къ сожалѣнію, А. Н. Муравьевъ за время управленія губерніею не заслужилъ признательность населенія, но, напротивъ, все общее къ себѣ нерасположеніе. На него написана была масса стиховъ. Изъ нихъ нижеприводимые даютъ характеристику его дѣятельности.

Составленіе этихъ стиховъ приписываютъ одному изъ нижегородскихъ Демидовыхъ (только не потомку Санъ-Донато), должно быть маіору Деонисію Васильевичу, который состоялъ при Муравьевѣ, какъ военномъ губернаторѣ, для особыхъ порученій и которому вся дѣятельность Муравьева была видна, какъ на ладони.

Подлинная рукопись стиховъ этихъ хранится въ архивѣ Нижегород-

---

[1]) Свѣдѣнія эти взяты изъ его послужнаго списка.

ской ученой архивной коммиссіи и въ ней существуетъ помѣтка карандашемъ рукой бывшаго предсѣдателя коммиссіи А. С. Гацисскаго, (современника Муравьева), что стихи написаны «по наущенію Стремоухова [1]) и Лермона, какъ только прошелъ слухъ объ отозваніи Муравьева изъ Нижняго. Когда показали ихъ Муравьеву, онъ только посмѣялся [2]).

П. Юдинъ.

Чечеточки, трещеточки,
Что разболтались вы,
Какія лѣзутъ новости
Изъ вашей головы?
Вотъ новость первоклассная,
Вотъ новость на расхватъ,
Газетная, прекрасная—
И кто же ей не радъ?
Конецъ долготерпѣнію:
Нашъ префектъ, нашъ тиранъ
По царскому велѣнію
Переведенъ въ Рязань.
—Да это вы, трещеточки,
Плетете невпопадъ
То-Вятскій, то-племянничекъ,
А нашъ не тронутъ хватъ.
Быть можетъ... Но по крайности
Нельзя-жъ за сплетню счесть,
Что отъ холеры въ августѣ [3])
Нашъ могъ и помереть.
Напутствованъ, соборованъ,
Едва, едва дышалъ;
Къ Ланскому [4]) объ опасности
Чрезъ телеграфъ писалъ.—

---

[1]) Петръ Дмитріевичъ Стремоуховъ былъ нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства (съ 1861 г.)

[2]) Дѣятельность А. Н. Муравьева въ Нижнемъ-Новгородѣ подлежитъ еще серьезной оцѣнкѣ, основанной на фактахъ, и, конечно, никто не опредѣлитъ ее по ниже приведенному стихотворенію. Послѣднее характеризуетъ только взглядъ нѣкоторой части общества на дѣятельность губернатора и, конечно, взглядъ этотъ долженъ быть принятъ во вниманіе какъ изслѣдователемъ исторіи края, такъ и біографомъ А. Н. Муравьева. Ред.

[3]) Въ 1857 или въ 1858 г.

[4]) Министру внутреннихъ дѣлъ.

— Охота вамъ, чечеточки,
Всѣмъ слухамъ довѣрять!
Префекту просто вздумалось
Больнаго разыграть.
Какъ будто вы не знаете,
Что чуть не умеръ онъ?
Вы фактъ не отвергаете,
Хоть онъ для васъ смѣшонъ;
А между тѣмъ встревожились
На ярмаркѣ всѣ такъ,
Что до-сыта наплакались
И умный и дуракъ.
— Э! полноте, трещеточки!
Никто не горевалъ,
Напротивъ съ нетерпѣніемъ
Развязки всякій ждалъ.
Брюшное воспаленіе
Обкладывали льдомъ;
Къ болѣзни огорченіе
Прибавилося въ немъ:
Племянничекъ съ купечества
Ужъ что-то слишкомъ дралъ,
Купцы явились съ жалобой,
Старикъ ажъ застоналъ [1])
— Стоналъ-то онъ, чечеточки,
Чтобъ ролю разыграть:
Личиной безкорыстія
Онъ мастеръ надувать.
Да, пользуясь директорствомъ
А—въ не зѣвалъ,
Подъ дядинымъ протекторствомъ
Составилъ капиталъ.
Тыщенокъ слышно за тридцать
Хватилъ серебрецомъ....
Не даромъ въ людяхъ кажется
Такимъ онъ гордецомъ....
— Причину тутъ, трещеточки,
Понять не мудрено:
Въ приданое за Лизанькой
Директорство дано.

[1]) Муравьеву въ 1860 году было 68 лѣтъ

Подачки, впрочемъ, не дано
Отъ дядиньки ему,—
И представленье сдѣлано
Министру самому,
Съ сознаньемъ очень искреннимъ,
Что маху-де я далъ,
Что малый,—легкомысленный,
Себя не оправдалъ.
— Пускай и такъ, чечеточки;
Но ясно всѣмъ, какъ день,
Что ловокъ и хитеръ старикъ,
Что онъ второй Родёнъ.
Не тужитъ о послѣдствіяхъ
Нашъ камеръ-юнкеръ фатъ;
Пойдетъ все въ его дѣйствіяхъ
Опять на прежній ладъ.
За взятки, если-жъ спросится,
То развѣ съ бѣдняковъ;
За ярмарку поплатятся
Иль Спасскій, иль Смольковъ.
— Да вѣдь Смольковъ, чечеточки,
Ужъ вылетѣлъ въ трубу,
И Спасскому такую же
Готовитъ дѣдъ судьбу.
Ахъ! это просто ужасти,
Какъ все у насъ идетъ!
Дождался Нижній участи,
И вотъ четвертый годъ
Насъ душитъ самовластіе,
Какъ дымомъ ѣстъ глаза.
Примѣрное несчастіе!
Ну, словомъ жить нельзя!..
— И будетъ ѣсть, чечеточки;
За дѣло это вамъ,—
За то, что вразсыпную всѣ
Вы жметесь по угламъ.
Да развѣ мы причиною,
Что съ нѣкоторыхъ поръ
Идетъ здѣсь подъ сурдиною
Всѣмъ людямъ переборъ?
Помѣщиковъ, сановниковъ
Всѣхъ гонитъ нашъ кащей,

И душитъ онъ чиновниковъ,
Какъ жирный котъ мышей.
— И вѣрно-ли, трещеточки,
Всему ведете счетъ?
Интригъ, подкоповъ, подлостей
Извѣстенъ вамъ весь ходъ?
Ну, гдѣ же знать до точности
И все вамъ разсказать?
Примѣровъ есть до пропасти,
Достаточно назвать
Того, другаго, третьяго
Изъ здѣшнихъ, изъ своихъ
П—ко [1]), Ш—ева
И множество другихъ...
— Лѣпите же, трещеточки,
Всю правду на отрѣзъ:
Въ болтаньи вашемъ видится
Отчасти интересъ.
Когда на губернаторство
Къ намъ прибылъ Муравьевъ,
Скрывалъ свое онъ варварство
Покуда здѣсь былъ новъ.
Но послѣ по всѣмъ вѣдомствамъ
Верхушки сталъ ломать
И комуфлеты ловкіе
Сюрпризомъ задавать.
—Такъ стало быть, трещеточки,
Кащей не безъ связей,
Поддержку долженъ сильную
Имѣть онъ отъ друзей.
Еще бы!.. вѣдь масонскую
Онъ ложу основалъ
И за собой гросмейстерство
До сихъ поръ удержалъ.
Понятно, что масоны всѣ,
И въ томъ числѣ Ланской,

---

[1]) П—ко былъ управляющимъ Нижегородской казенной палаты и замѣченъ въ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ по продажѣ казенной соли, отъ которой, какъ разсказываютъ, нажилъ милліонъ. Однако, онъ не попался, заблаговременно успѣлъ удрать изъ Нижняго и впослѣдствіи былъ гдѣ то губернаторомъ. Пріемникъ же его былъ отданъ подъ судъ и сосланъ въ Сибирь.

Всѣ подъ его владычествомъ,
Всѣ подъ его рукой.
—Ну, какъ-же тутъ, чечеточки,
Во всемъ не успѣвать,
Коль можетъ онъ что вздумаетъ
Ланскому диктовать.
Министру трехбунчужному
Родѣнъ нашъ старшій братъ—
Какъ человѣку нужному,
Услуживать всякъ радъ.
То диво-ль, что полицію,
Имущество, удѣлъ,
Финансы и юстицію
Дѣдъ все къ себѣ поддѣлъ?
— И въ сущности, трещеточки,
Къ несчастью, это такъ.
Давно ужъ всю губернію
Зажалъ онъ въ свой кулакъ.
Преслѣдовать виновное
Куда-бы ужъ ни шло.
Въ томъ право есть законное.
Но истинное зло
И цѣль безчеловѣчная
Всѣхъ лучшихъ мѣстъ лишать—
Есть то, что въ эти должности
Своихъ лишь насаждать!
— Да не вездѣ-ль, чечеточки,
Манера то одна?
Такимъ грѣхомъ начальничьимъ
Вселенная полна.
Полна иль нѣтъ—не знаемъ мы,
Но только деспотизмъ
Во всемъ употребителенъ,
А съ нимъ и népotisme [1])
Тяжелъ и отвратителенъ
И безна въ немъ вреда.
Для службы онъ губителенъ,
Для общества—бѣда.
— Вы, кажется, трещоточки,
Пустились разсуждать?

---

[1]) Népotisme—покровительство своимъ родственникамъ.—

Къ лицу-ль вамъ философія,
Не лучше-ль продолжать?
Въ займы дѣдъ суммы страшныя
Когда-то нахваталъ,
Но какъ нельзя удачнѣе
Долги свои сквиталъ:
Раздачею доходныхъ мѣстъ
За векселя платилъ,
И сверхъ того порядочно
Карманъ себѣ набилъ.
— Признайте-же, чечеточки,
Что это чистый вздоръ?
Такъ только можетъ дѣйствовать
Первостатейный.....
Толкуйте! Да, одинъ ли онъ?
Съ нимъ вмѣстѣ вся семья—
Берутъ, дерутъ со всѣхъ сторонъ.
Ужъ Богъ имъ всѣмъ судья!..
Лакеи, камердинеры
Хапаютъ въ свой чередъ
И правда, что гдѣ попъ каковъ,
Таковъ тамъ и приходъ.
— Однако же, трещеточки,
Чтобъ это доказать,
Не худо бы для вѣрности
На факты указать
И факты есть богатые!
Вотъ случай былъ какой:
Лакей взялъ роль ходатая,
Знать, малый продувной...
Слупилъ съ крестьянъ полсотенки,
Ручался за успѣхъ,
И ими-жъ во дворцѣ самомъ [1])
Изобличенъ на грѣхъ.
— Сомнѣнья нѣтъ, чечеточки,
Взбѣшонъ былъ Муравьевъ
И шельму камердинера
Прогналъ безъ дальнихъ словъ?

---

[1]) Т. е. въ губернаторскомъ домѣ (въ кремлѣ), который въ Нижнемъ называютъ дворцомъ

Да, какъ же?.. угадали вы!
Лакей то не глупецъ;
Плутъ заперся догадливый
И розыскамъ конецъ.
На этомъ основаніи
Мошенникъ былъ прощенъ,
Избавленъ наказанія
И случай тотъ рѣшенъ.
—Уймитесь врать трещеточки!
У всѣхъ въ ушахъ звенитъ
Отъ вашихъ вздорныхъ росказней
И въ головѣ трещитъ.
Не вѣрите?.. не нравится?..
Вы думаете—времъ?..
А это какъ покажется—
За истину умремъ.
Для бѣдныхъ представленія,
Концерты, вечера—
Такое разореніе,
Но умолчать нельзя!
—Шалите вы, чечеточки!
Не кстати-ль замолчать,
Когда лишь только начали
Ходъ дѣлъ разоблачать.
Когда здѣсь затѣвается
Для бѣдныхъ что-нибудь,
Билеты разсылаются,
Тутъ трудно улизнуть.
Цѣна хоть и безбожная,
Но денежки подай.
Отказъ—вещь невозможная,
Не то ужъ не пеняй!
—Дурнаго въ томъ, трещеточки,
Ни сколько не видать.
Всякъ отъ избытка ближнему,
Что можетъ воленъ дать.
Да, если-бъ приношенія
На бѣдныхъ круглый годъ
Сбирались безъ стѣсненія
И былъ бы въ нихъ отчетъ,
Ни кто-бъ по справедливости
На способъ не роптатъ,

Не видѣлъ бы въ немъ лживости
И рта не разѣвалъ...
— А способъ-то, чечеточки,
Извѣстенъ вамъ, иль нѣтъ?
Не желчно ли вы смотрите
На этотъ то предметъ?
Какъ пустятся квартальные
Билетики втирать
Бываютъ сцены сальные
Кто смѣетъ отказать?
Съ иныхъ безъ церемоніи
И подать то возьмутъ,
И въ видѣ экономіи
Билетовъ не дадутъ.
— Разсказъ-то вашъ трещеточки,
На дѣло не похожъ;
А впрочемъ, будь по вашему!
Но далѣе то что-жъ?..
Три заведенія въ ярмаркѣ
Имѣлъ нашъ пивоваръ,
За каждое по красненькой
Принесъ онъ бѣднымъ въ даръ.
Но вмѣсто трехъ билетиковъ,
Лишь кукишь получилъ,—
А жаловаться некому...
Языкъ онъ прикусилъ.
— Не самъ ли онъ, чечеточки,
Вамъ это разсказалъ.
Иль, можетъ быть, вы видѣли,
Какъ онъ языкъ кусалъ?
Купцы иногородніе
Роптали въ слухъ вездѣ,
Что сборовъ беззаконнѣе
Не сходитъ съ нихъ ни гдѣ;
Что силой и неправдою
Теребятъ съ богачей
За кресло театральное
По сотенкѣ рублей.
— Стѣсняются, трещеточки,
Не этимъ богачи,
Безстыдствомъ одолѣли ихъ
Попы и трубачи.

Когда всѣмъ представленіямъ
Окончился сезонъ,
Внезапнымъ объявленіемъ
Префектъ издалъ законъ:
«Не смѣли бъ полицейскіе
«Билетовъ раздавать»;
Кто жъ будетъ поздней осенью
Малину собирать!..
— Нельзя жъ ему, чечеточки,
Себя не ограждать,—
Вездѣ себѣ лазеечки
Онъ мастеръ оставлять.
А суммы, слышно, крупныя
На бѣдныхъ собраны,
Но имъ онѣ доступны-ли,
Иль всѣ истреблены?..
Кассиры филантропіи
Скрываютъ свой бюджетъ,
И тонетъ въ мракъ утопіи
Общественный предметъ.
— Скажите же, трещеточки,
Кто злу всему виной?
Чья воля и чья выгода
Дать дѣлу ходъ иной?
Дѣвица есть дебелая,
Собой не хороша,
Лѣтами перезрѣлая,
А въ обществѣ—душа.
Для бѣдныхъ распинается,
И пляшетъ и поетъ
Во всѣ дѣла мѣшается,
Вездѣ вотъ такъ и льнетъ.
— Затѣяли, чечеточки,
Портреты вы писать,
Да хватитъ ли умѣнія
Натурѣ потрафлять.
Охотница посплетничать,
Вездѣ первенствовать,
Не прочь и пококетничать
И тоны задавать.
Просители являются
Къ ней съ задняго крыльца,

Дѣлишки тутъ рѣшаются
Безъ главнаго лица!..
— Все для того, трещеточки,
Чтобъ дядѣ помогать,
Да и себя отъ праздности,
Хоть чѣмъ нибудь занять.
Берется протежировать
Дворцовыхъ отставныхъ
И любитъ дирижировать
Мѣстами становыхъ.
Всѣ клеветы, всѣ ябеды
Сбираетъ отъ людей...
Ну, подлинно ужъ ягода, —
Сидитъ самъ дьяволъ въ ней!..
— Не даромъ же, чечеточки,
Всѣ видятъ въ томъ бѣду,
Что юбки государствуютъ
Здѣсь къ общему стыду.
Франтитъ какъ и какъ рядится
Богиней въ сорокъ лѣтъ.
Въ ней плохо что-то ладится
Изящный туалетъ.
Гирляндами опутана
Отъ головы до ногъ,
Вся газами закутана,
А за спиной пирогъ.
— И въ Нижній-то, трещеточки,
Пріѣхала ни съ чѣмъ,
Но гардеробъ свой въ скорости
Обогатила всѣмъ.
Наряды хоть роскошные,
Все ярко, все пестро,
И жесты грандіозные,
Но рожество старо.
И на плечѣ придворный знакъ
Красы не придаетъ:
Онъ важенъ для однихъ зѣвакъ,
И вовсе къ ней нейдетъ.
— Не про нее ль, чечеточки,
Сказалъ одинъ острякъ:
«Нельзя-де даму въ фрейлину
Преобразить никакъ».

Разъ какъ-то къ одной барынѣ
Подсыпалась она:
«Сынокъ-де вашъ, сударыня,
«Сказать я вамъ должна,
«Неопытную дѣвушку
«Невинности лишилъ,
«Такъ пусть на ней онъ женится,—
«Такъ дядя мой рѣшилъ».
— И сватовство, трещеточки,
Окончилось вѣнцомъ?
Старушка перетрусила,—
Увѣрены мы въ томъ.
Нѣтъ! свахѣ поучительный
Отпоръ она дала:
«Входить-де соблазнительно
«Въ такія вамъ дѣла.
«Про связи про любовныя
«Дѣвицѣ стыдно знать...
«Интригу эту темную
«Мнѣ нужно доказать!..»
— Вотъ этакъ бы, чечеточки,
Всѣмъ должно поступать,
Такъ носъ она не стала бы
Высоко поднимать.
А въ церкви разъ средь публики,—
Вотъ такъ ужъ былъ скандалъ
Какъ М... въ «губоньки»
Ее расцѣловалъ.
Впился, вцѣпился, врѣзался,—
Насилу развели...
Проказникъ не отдѣлался:
Въ безумный домъ свели.
— Всѣ говорятъ, трещеточки,
Онъ былъ въ нее влюбленъ.
Но странно инымъ кажется—
Во что влюбился онъ?!
На цѣлые два мѣсяца
Скрывалась разъ мамзель.
Шли толки, разумѣется:
«Куда? гдѣ? что за цѣль!»
Покудова отъ времени
Развязки городъ ждалъ,

У нѣмца, у кондитера
Подкидышъ запищалъ...
— Чего-то вамъ, чечеточки,
На умъ ужъ не придетъ?
Даете вы злословію
Широкій слишкомъ ходъ!
Вы помните навѣрное
Въ собраніи тотъ балъ,
Какъ ловкій Лаппа съ фрелиной
Мазурку танцовалъ,
Какъ зрители захлопали,
Пришли въ большой экстазъ
И фрейлину отхлопали,
Конечно, изъ проказъ...
— За шалость ту, трещеточки,
Одинъ и пострадалъ,
Былъ изъ собранья выведенъ
И въ будкѣ ночевалъ.
Да мало-ль было случаевъ—
Ихъ всѣхъ не перечесть;
Концерты, балы, пиршества
Давались въ ея честь.
Пикники съ кавалькадами,
Катанья на водѣ
Съ сюрпизами, съ подарками
И съ музыкой вездѣ.
— Подслуживать, чечеточки,
Для многихъ ремесло;
Племянницѣ начальника
Везло все и несло.
Въ дни табельные выходы
И здѣсь заведены.
Въ нихъ никому нѣтъ выгоды,
Но быть тамъ всѣ должны.
Съ подпискою жидъ будочникъ [1])
Снуетъ по всѣмъ домамъ
И на поклонъ ко фрейлинѣ
Сзываетъ даже дамъ.
— Вольно же вамъ, трещеточки,
Себя такъ унижать.

---

[1]) Нижегородскій полиціймейстеръ.

Не въ запуски-ль стремились вы
Ей льстить и угождать.
Хоть съ цѣлью благодѣтельной
Ей данъ авторитетъ,
Но странно, что владѣтельный
Введенъ здѣсь этикетъ:
Пріюты и тюремные
И женскій институтъ—
Всѣ фрейлину надменную
Чуть не принцессой чтутъ.
— Поэтому, чечеточки,
Ужъ какъ ни хлопочи,
Отъ кассы вспомогательной
У ней одной ключи.
Вотъ видите!..Напрасно ль мы?...
Какой же тутъ прогрессъ,
Когда ужъ даже дамами
Владѣетъ интересъ?
Не трудно будетъ фрейлинѣ
Деньжонокъ накопить,
Контроля, кстати, нѣтъ надъ ней...
Такъ какъ тутъ не скопить?...
— Все въ мирѣ семъ, трещеточки,
Пройдетъ своей чредой...
Ничто, какъ прежде сказано,
Не прочно подъ луной.
Когда рѣчь о непрочности
Теперь у насъ зашла,
Позвольте, хоть не въ точности,
Сказать намъ слова два
О новомъ странномъ зданіи,
Что Нижній пріобрѣлъ,
Затѣялъ какъ профектъ его
И какъ онъ дѣло велъ. [1]).

---

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о громадной каменной башнѣ, выстроенной Муравьевымъ на крутомъ берегу р. Оки, противъ ярмарочныхъ помѣщеній, съ цѣлью, чтобы поставленные на этой башнѣ часы могли указывать время всѣмъ пріѣзжающимъ на ярмарку и были бы видны съ противоположной стороны. Сколько она поглотила денегъ—неизвѣстно, но уже во время управленія Муравьевымъ дала трещину и стала приходить въ разрушеніе, такъ что въ 80-хъ годахъ ее пришлось ломать, и на одну сломку было затрачено 7.000 р. Теперь остался только одинъ остовъ, который народъ называетъ попрежнему «Муравьевской дылдой.

— Про это все, чечеточки,
Прелюбопытно знать.
И такъ мы всѣ васъ слушаемъ
И просимъ разсказать.
Лелѣялъ мысль сердечную
Давно нашъ Муравей—
Себѣ на память вѣчную
Воздвигнуть мавзолей,
Чтобъ ближе лазить на небо
Безъ лѣстницъ, безъ хлопотъ,
Построилъ онъ всѣмъ на диво
Свой вавилонскій столбъ.
— Надъ башней той, трещеточки,
Народъ умно острилъ
И «Дылдой Муравьевскою»
На вѣки окрестилъ.
Постройка неуклюжая,
Съ часами съ трехъ сторонъ,
Какъ бабелина дюжая,
Пристанище воронъ.
Красы и пользы городу
Нисколько не даетъ.
Надѣются, что подъ гору
Со временемъ сползетъ.
— Смѣшнѣй всего, чечеточки,
Верхушки странный видъ:
Фигура непристойная,
Какъ гречневикъ стоитъ.
Ужъ трещину огромную
Стѣна одна дала.
Постройку незаконную
Земля не приняла.
И сбудется сказаніе
Въ урокъ гордынѣ, въ страхъ,
Что всякое созданіе
Неправедное — прахъ.
— Порадуйтесь, трещеточки,
Примѣта не дурна!
Быть можетъ, избавленіе
Пророчитъ намъ она.
Хотъ виденъ съ того берега
Огромный циферблатъ;

«Не стоитъ онъ ни шилинга»,
Купцы всѣ говорятъ:
«Что стрѣлки чуть виднѣются
«Изъ-за Оки вдали,
«Къ тому жъ, дескать, имѣются
«У всѣхъ часы свои».
— О пользѣ-то, чечеточки,
Префектъ не хлопоталъ.
Часы тутъ былъ предлогъ одинъ,
Въ предметѣ жъ капиталъ.
Да, онъ до денегъ лакомка!
Для выдумки своей
Взялъ съ каждой лавки въ ярмаркѣ
По десяти рублей.
Бугрову [1]) часть лишь пятую
На стройку отдѣлилъ,
Зато себѣ богатую
Наживу зацѣпилъ.
— Не промахъ онъ, трещеточки,
Во всѣхъ такихъ дѣлахъ:
Хоть корчитъ безкорыстнаго,
А деньгу любитъ страхъ!
Окончить давъ строеніе
Чевкинъ его спросилъ:
«Съ чьего онъ разрѣшенія
«Свой столбъ соорудилъ?
«Гдѣ смѣта? гдѣ фасадъ? гдѣ планъ?
«И деньги гдѣ взяты?
«И на предметъ какой созданъ
«Образчикъ суеты?»
— Въ запросѣ томъ, чечеточки,
Не видимъ мы бѣды:
Извѣстно, префектъ вынырнетъ
Сухимъ и изъ воды.
Градскаго, какъ-то, голову
Призвалъ онъ въ одинъ день.

---

[1]) Бугровъ былъ простой мужикъ, но благодаря выгоднымъ подрядамъ и затѣмъ поддѣлкѣ и сбыту фальшивыхъ ассигнацій во времена Муравьева сдѣлался такимъ милліонеромъ, что въ его рукахъ сосредоточилась почти вся поволжская хлѣбная торговля. Потомъ чрезъ посредство его управляющіе нижегородской казенной палатой сбывали казенную соль.

«Жду исполненья скораго»,
Сказалъ ему Родéнъ.
«Нуждаюся я въ малости,
«Въ двухъ тысячахъ рубляхъ.
«Такъ деньги тѣ пожалуйста
«Доставьте мнѣ на дняхъ».
— Двѣ тысячи, трещеточки,
Не малый капиталъ!
Ну-съ, голова сконфуженный
Какой-же отзывъ далъ?
«Изъ суммъ какихъ-де именно,
«Осмѣлюся узнать,
«Расходъ сей непредвидѣнный
«Должонъ я показать?»
Безсребренникъ прославленный,
Осѣкся, замолчалъ.
А тотъ, въ тупикъ поставленный,
Рѣшенья робко ждалъ.
— Ужъ подлинно чечеточки,
Не префектъ, а отецъ
Родной; администраціи
Вотъ вѣрный образецъ.
Вдругъ изъ-за ширмъ племянница
Откуда ни взялась,
Юркнула, какъ пѣвица,
И въ «г о л о в у» впилась.
«Такъ эдакъ-то вы дядинькѣ
«Готовы помогать!?
«Въ такой услугѣ маленькой,
«Какъ смѣть намъ отказать?»...
— Да это ужъ, трещеточки,
Не хуже грабежа!
Прижали они голову,
Какъ вилами ужа.
Прислуга-ль нанимается
Къ префекту во дворецъ,
Такъ Дума отдувается
И на этотъ конецъ.
Особенный расходъ идетъ
На полотеровъ въ ней.
Онъ въ мѣсяцъ только рубль даетъ,
А Дума семь рублей.

— Какой пустякъ, чечеточки,
Вамъ въ голову плыветъ!
Ну, станетъ ли префектъ вести
Столь мелочной расходъ?
Въ Губернское правленіе
Ланской прислалъ ему жъ
За службу въ награжденіе
Изрядный такп кушъ. [1])
Другому бы изъ денегъ тѣхъ
Не увидать ни зги;
Пошли бы на уплату всѣ
За старые долги...
— Кому печаль, трещеточки,
А Муравьеву смѣхъ:
Пятнадцать тысячъ рубликовъ
Вѣдь это не орѣхъ.
На выручку Г—ая
Тотчасъ въ протестъ вошла,
Съ сохранною роспискою
Прошенье подала.
И гдѣ же это видано,
Стыдъ, срамъ, какъ поглядишь...
Тѣ деньги ей всѣ выданы,
А кредиторамъ шишь...
— И шутка то, чечеточка,
Придумана хитро.
Росписка, вишь, лѣтъ за двадцать...
Хоть лживо, да старо!
А—нъ нѣкто въ должности
Проситься лично сталъ.
«На это нѣтъ возможности»,
Префектъ ему сказалъ:
«Нельзя мнѣ тѣмъ мѣста давать,
«Въ острогѣ кто сидѣлъ;
«И вамъ ли въ службу носъ совать,—
«За вами столько дѣлъ!..»
— И что жъ на то, трещеточки,
Проситель замочалъ?

---

[1]) Дѣйствительно, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ Муравьеву было выдано сначала пять тысячъ руб. (28 декабря 1858 г.) и затѣмъ, въ поощреніе успѣшнаго окончанія дѣла объ истребленіи лѣсовъ (?) въ Макарьевскомъ уѣздѣ еще 10 тыс. руб. (12 января 1859 г.).

— Ему ль было резониться,
Ужъ вѣрно хвостъ поджалъ?
Вы судите по Нижнему!
Нѣтъ, этотъ отхваталъ.
«Ужъ какъ вы строги къ ближнему
«Дивлюсь я, генералъ.
«Покойнымъ императоромъ
«Бывъ сосланы въ Сибирь,
«Теперь вы губернаторомъ
«И въ Нижнемъ, какъ вазирь».
— Поморщился, чечеточки,
Конечно, Муравьевъ,
Такихъ ему приходится
Не часто слышать словъ?
Подумаешь, всѣ пакости
Ему сходили съ рукъ!
Не выдохся и въ старости
Въ немъ якобинскій духъ.
Отъ самаго младенчества
Въ немъ коренилось зло
И ко вреду отечества
Съ нимъ вмѣстѣ возросло.
— Вы подняли, трещеточки,
Дѣла минувшихъ лѣтъ,
Преданья старины такой,
Что ужъ простылъ и слѣдъ.
Нѣтъ, не простылъ! Не бойтеся
Концы то мы найдемъ
Есть книжечки,—порэйтеся,—
Въ нихъ сказано о немъ.
Докажемъ вамъ фактически
Тогдашній ходъ вещей,
Что онъ есть историческій,
А не простой.....
— А помните, чечеточки,
Что говорилъ пророкъ?
«Грѣхъ юности, не зрѣлости,
«Не будетъ намъ въ упрекъ!»
За грѣхъ того нельзя признать,
Творилъ что Муравьевъ,
Его дѣламъ названья дать
На языкѣ нѣтъ словъ!

Ядромъ онъ, сердцевиною,
Всѣхъ заговоровъ былъ
И тайнымъ у насъ обществамъ
Начало положилъ.
— Свободы духъ, трещеточки,
Тогда всѣхъ обуялъ,
Умы пришли въ броженіе,
Прогрессъ всѣхъ соблазнялъ.
Врагомъ своей онъ націи
Въ пятнадцатомъ году
На родину изъ Франціи
Вернулся на бѣду.
Уставы либеральные
Сталъ первый сочинять,
Чтобъ въ цѣпи соціальныя
Россію заковать.
— Увлекся онъ, чечеточки,
Кто, что ни говори,
Тогда махнули бъ многіе
Изъ мичмановъ въ цари.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Однако же.....
Какъ всѣ, былъ осужденъ.
Верховный уголовный судъ
Вотъ какъ рѣшилъ о немъ:
«Отнявъ чины и званіе,
«Въ шестой разрядъ вписать,
«Лишить правъ состоянія
« И въ каторгу сослать». [1])
— Но государь, чечеточки,
Сентенцію смягчилъ
И въ видѣ наказанія,
Въ Камчатку удалилъ.
Лѣтъ тридцать пять промчалося
Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ Родѣнъ
Измѣнникомъ ославился
И всѣми былъ презрѣнъ.

---

[1]) По 6-му разряду—ссылка въ каторжныя работы на 6-ть лѣтъ и на поселеніе („Русская Старина“, 1897, III, 484).

Съ тѣхъ поръ все измѣнилося:
За что онъ погибалъ,
За то теперь возвысился,
Въ чести и въ силѣ сталъ!..
— Къ несчастію, трещеточки,
Теперь—его взяла [1]).
Ему фортуна въ старости
Отлично повезла!

---

[1]) Т. е., что онъ выигралъ.

Записка что исхарчено на рекрута.

13-го сентября 1770 г.

В Коротояке дано подъячему за росписку . .	— р. 15 к.
Солдатамъ за вылазное (?) дано	— » 20 »
В Воронеже лекарю сахару на	2 » 20 »
Повытчику сахару голова, цена	— » 85 »
Деньгами ему жъ, повытчику	— » 60 »
За жалованья отдано	3 » 10 »
За провьянтъ	1 » 80 »
За брейку лоба дано	— » 5 »
За присягу дано	— » 5 »
На команду в губернской солдатамъ	— » 20 »
За даношеніе	— » 30 »
Овса 3 мешка, цена	— » 38 »
Еще овса 1 четверикъ, цена	— » 9 »
Сена на	— » 35 »
Маору дано вскладку	— » 5 »
За удовольствіе дано сержанту да капралу . .	1 » — »
Рекруту на отправку дано	9 » — »
За постоялое	— » 12 »
А того . .	20 р. 49 к.

Сообщ. **Л. М. Савеловъ.**

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ III [1]).

ГЛАВА I.

Мое прибытіе въ Тифлисъ.—Лучшій нумеръ лучшей гостиницы.—Тифлисскіе бани.—Приготовленная для меня квартира.—Дурныя предзнаменованія.—Мое отчаяніе.—Представленіе князю Барятинскому.—Перемѣна князя въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ.—Свиданіе съ С—цкимъ и его неудачи на Кавказѣ.—Обѣдъ у намѣстника.—Знакомство мое съ знаменитыми плѣнницами Шамиля: княгинею Чавчавадзе и княгинею Орбеліани.

Первое, что встрѣтило насъ при приближеніи къ городу, были толпы маленькихъ муловъ или, по-туземному, «ешаковъ» съ вьюками и безъ вьюковъ, сопровождаемыя оборванными погонщиками, и скрыпучія грузинскія арбы, влекомыя шагъ за шагомъ лѣнивыми и какъ бы сонными буйволами. Все это страшно мѣсило грязь и издавало многоразличные звуки, непривычные для русскаго уха. На вопросъ ямщиковъ: гдѣ я остановлюсь? я, разумѣется, приказалъ вести меня въ лучшую гостиницу.

Я съ удовольствіемъ представлялъ себѣ, что страшно-усталые и прозябшіе, мы выберемся наконецъ на сухую мостовую и въ хорошей гостиницѣ предадимся всевозможному комфорту. Къ несказанному моему удивленію, едва протащившись нѣсколько саженъ по той же, если не

[1]) См. «Русскую Старину» 1895 г. № 9, сентябрь.

бо́льшей, грязи, между неказистыми и безпорядочными постройками, мы остановились: оказалось, что мы на Головинскомъ проспектѣ, лучшей улицѣ въ Тифлисѣ и предъ «Парижемъ», лучшей гостиницей Тифлиса. Все это были такіе сюрпризы, которые въ состояніи были ошеломить и не такого господина, который пріѣхалъ изъ Почтамтской улицы Петербурга. Я, разумѣется, потребовалъ лучшій нумеръ, и когда вошелъ въ него, «ужасъ объялъ меня». Это была большая, холодная, сырая и страшно грязная комната. Я тотчасъ обратился къ изслѣдованіямъ, нѣтъ ли въ городѣ гостиницъ получше и почище, но изслѣдованія эти дали результатъ совершенно отрицательный. Тогда, пожалѣвъ искренно о моей уютной, покойной, чистой каретѣ, которую только что оставилъ, я рѣшился вступить «въ борьбу съ дѣйствительностью». Прежде всего я приказалъ мыть и топить комнату. Явились два грязнѣйшіе-грузина, одно присутствіе которыхъ уничтожало всякую идею о возможности какой-либо чистоты, такъ что убранство комнаты я тотчасъ отмѣнилъ, не ожидая отъ участія этихъ милыхъ туземцевъ ничего хорошаго, и ограничился настояніемъ вытопить комнату. Одинъ изъ этихъ грузиновъ принесъ вязанку дровъ и комья грязи на босыхъ ногахъ. Огонь дѣйствительно явился, но увы! онъ веселилъ только взоръ, но не давалъ прочнаго тепла, потому что дѣйствовалъ не въ русской капитальной печи, а въ огромномъ грузинскомъ каминѣ, въ которомъ вмѣстѣ съ огнемъ все исчезало. Сырость, грязь, въ связи съ дурными моральными впечатлѣніями, дурно подѣйствовали на меня; я почувствовалъ лихорадочную дрожь и приготовился войти въ ближайшее знакомство съ кавказскою лихорадкою, которою еще въ Петербургѣ пугали меня мои пріятели.

Русскій человѣкъ, въ подобныхъ случаяхъ, всегда разсчитываетъ на баню; въ баню я и отправился вмѣстѣ съ Анатоліемъ. Тифлисскія бани имѣютъ свое, совершенно отличное отъ русскихъ, устройство. Прислоненныя къ горѣ, богатой минеральными источниками, горячими и холодными, они не отапливаются, а нагрѣваются этими же источниками и дѣйствуютъ безпрерывно. Въ каждой банѣ есть непремѣнно двѣ, а въ нѣкоторыхъ и три ванны, въ которыя, посредствомъ особыхъ проводниковъ, подобно нашимъ газовымъ проводникамъ, постоянно льется прямо изъ горъ минеральная вода различныхъ температуръ. Само собою разумѣется, главнѣйшая изъ этихъ ваннъ — самая горячая, которая быстро и сильнѣйшимъ образомъ распариваетъ человѣка. Во всѣ эти ванны входятъ посѣтители одинъ за другимъ, безъ всякаго освѣженія воды, такъ что вамъ предстоитъ идти въ ту же воду, въ которой быть можетъ были уже сотни другихъ грязныхъ и больныхъ людей. Спускъ и наполненіе ванны требуютъ очень продолжительнаго времени, и этою роскошью могутъ пользоваться только очень зажиточныя или

очень значительныя лица, откупающія баню на нѣсколько извѣстныхъ часовъ. Впослѣдствіи я такъ и дѣлалъ, хотя никогда не былъ увѣренъ, что вхожу въ свѣжую ванну, потому что всегда находилъ уже ее наполненною. На первыхъ порахъ все это мнѣ было неизвѣстно, и понятно то омерзеніе, съ которымъ я долженъ былъ лѣзть въ ванну, въ которой, какъ мнѣ очень равнодушно подтвердили, было уже множество другихъ.

Въ то время, какъ я ѣздилъ въ баню, мой распорядительный слуга обѣщалъ убрать мою комнату на свой ладъ, и вполнѣ сдержалъ слово. Возвратившись домой, я тотчасъ сѣлъ писать письмо женѣ и передавать ей первоначальныя мои впечатлѣнія. Во время этого занятія мнѣ доложили, что пришелъ частный приставъ полиціи. Я тотчасъ принялъ его. Это оказался какой-то баронъ-де-Монфоръ, неисповѣдимыми судьбами занесенный въ Грузію, да еще въ составъ туземной полиціи. Впослѣдствіи и скоро я узналъ, что хотя онъ и баронъ, но весьма дряиная личность. Его скоро выгнали даже и изъ полиціи, и онъ постоянно надоѣдалъ мнѣ различными просьбами на томъ только основаніи, что первый сдѣлался мнѣ извѣстнымъ въ Тифлисѣ. Баронъ явился ко мнѣ доложить, что по приказанію намѣстника для меня давно уже нанята и приготовлена квартира. Признаюсь, что это заявленіе сильно меня порадовало; тѣмъ не менѣе я замѣтилъ, что за неимѣніемъ у меня никакихъ хозяйственныхъ принадлежностей я не могу тотчасъ воспользоваться ею. Баронъ-де-Монфоръ бойко отвѣчалъ: «квартира меблирована!» Эти извѣстія до такой степени были отрадны, что я мгновенно забылъ всѣ непріятныя и тревожныя впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ находился, и вообразилъ уже себя самымъ счастливымъ человѣкомъ. Я зналъ роскошь и удобства, съ которыми князь жилъ въ Петербургѣ; я зналъ, что даже камердинеры его, англичане и т. п. обставлены были такъ комфортабельно, что имъ могъ позавидовать каждый порядочный человѣкъ. Основываясь на этомъ знаніи, я и минуты не сомнѣвался, что и моя квартира прелесть прелестей. Я упустилъ только изъ виду, во-первыхъ, что Тифлисъ не Петербургъ, во-вторыхъ, что князь, въ новомъ его высокомъ положеніи, не только не могъ самъ лично заниматься отдѣлкою и приготовленіемъ для меня квартиры, но даже и мимоходомъ взглянуть на нее, и что все это дѣло, вѣроятно, было поручено кому-нибудь, а отъ этого кого-нибудь перешло въ руки полиціи, представители которой, большею частію туземцы, могли находить хорошимъ то, что въ дѣйствительности, и особенно для петербуржца, весьма скверно.

Какъ бы то ни было, я заснулъ съ розовыми мечтами, а на другой день рано утромъ приказалъ моему человѣку распорядиться переѣздомъ. Когда экипажи и другія вещи были передвинуты туда—вслѣдъ за ними

явился и я на новую квартиру. Я истинно затрудняюсь передать рядъ впечатлѣній, которыя снова погрузили меня въ пучину горестей. Прежде всего мнѣ представилась погребальная церемонія, наполнявшая весь дворъ, съ котораго былъ входъ въ мою квартиру. Толпы поповъ и всякаго сброда собрались на похороны хозяйки этого дома, какого-то армянина Агамжанова, богатаго скряги. Я былъ далекъ отъ того, чтобы придавать какой-либо роковой и зловѣщій смыслъ этому обстоятельству, тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, на порогѣ новаго моего жилища, не могло быть пріятно. Затѣмъ, при входѣ въ квартиру, меня обдало какимъ-то затхлымъ воздухомъ, которымъ были наполнены комнаты. Впрочемъ, ихъ и комнатами назвать нельзя; это были смрадные, нежилые сараи, холодные и сырые. Оказалось, что здѣсь помѣщался года два тому назадъ приказъ общественнаго призрѣнія, и съ тѣхъ поръ никто уже не жилъ. Грязь, оставленная приказомъ, умноженная пылью и сыростью, превосходила всякое вѣроятіе. Наконецъ, во всѣхъ этихъ сараяхъ разбросано было нѣсколько стульевъ съ черновой обивкой—и это называлось меблировкою квартиры.

Я просто не зналъ, что дѣлать, до такой степени положеніе, въ какомъ я находился, казалось мнѣ отвратительнымъ. Способный лично переносить всевозможныя лишенія, я ужасался за мое семейство, которое должно прибыть, и въ особенности за жену, въ которой стремленіе къ чистотѣ развито было до сумасшествія. Я припоминалъ, какъ во время нашихъ путешествій она съ приближеніемъ къ какому-нибудь городу начинала плакать отъ необходимости ночевать въ грязной гостиницѣ. Случалось такъ, что она нагромоздитъ ящики, взятые изъ кареты, и расположится на нихъ, никакъ не рѣшаясь прикоснуться къ стульямъ, кресламъ, а наипаче кроватямъ, украшающимъ гостиницу. Нравственное мое состояніе, въ эти моменты, было таково, что я съ радостью отдалъ бы десять лѣтъ жизни, если бы какой-нибудь благодѣтельный волшебникъ перенесъ меня изъ этого грязнаго міра въ мою уютную квартиру въ прекрасной Почтамтской улицѣ. Эту мысль впослѣдствіи, когда укрѣпился я на Кавказѣ, я повторялъ много разъ въ кругу пріятелей; но въ тотъ моментъ я хорошо понималъ, что какъ ни тяжело мое положеніе, я долженъ былъ сдерживать выраженіе моихъ сѣтованій, чтобъ не нажить на первыхъ же порахъ чего-нибудь худшаго. Изъ десяти огромныхъ сараевъ, составлявшихъ эту ужасную квартиру, мы отдѣлили двѣ маленькія комнаты и старались привести ихъ въ возможный порядокъ съ помощью нѣкоторыхъ хозяйственныхъ вещей, привезенныхъ изъ Петербурга. Думать о будущемъ прочномъ устройствѣ моего хозяйственнаго, семейнаго быта было некогда; надобно было думать о представленіи моемъ придержащимъ властямъ, которыя, конечно, тотчасъ узнали уже о моемъ прибытіи.

На другой день я вырядился въ форменное платье, разумѣется изготовленное въ Петербургѣ съ особеннымъ шикомъ, у знаменитаго Сарра. Сравнивая свой столичный нарядъ съ грязью, которая меня ожидала на улицѣ, и отвратительными дрожками, въ которыхъ я долженъ былъ прорѣзывать эту грязь, я думалъ, какъ бы изумились мои петербургскіе пріятели, если бы видѣли меня въ этомъ оригинальномъ положеніи. Объ извозчичьихъ каретахъ тогда и помину не было. Дѣлать было, однако же, нечего и, соблюдая оффиціальный порядокъ, я направился прежде всего къ Крузенштерну, директору канцеляріи намѣстника, слѣдовательно главному центру всего гражданскаго міра. Въ Крузенштернѣ я нашелъ самую милую, симпатичную личность, совершенно чуждую всякой оффиціальности и формальности. Онъ встрѣтилъ меня милѣйшимъ образомъ, и хотя я предполагалъ мое представленіе князю отложить до слѣдующаго дня, но онъ тутъ же уговорилъ меня ѣхать къ нему вмѣстѣ съ нимъ, утверждая, что князь знаетъ уже о моемъ пріѣздѣ и желаетъ меня видѣть.

Когда мы приблизились къ дому намѣстника, величаемому дворцомъ, я снова былъ изумленъ бѣдностью этого зданія и простотою его обстановки. Простыя досчатыя ступени, вытоптанныя и загрязненныя, вели отъ подъѣзда вверхъ. О внутреннемъ расположеніи и убранствѣ этого «дворца» я буду имѣть случай говорить впослѣдствіи. Когда мы поднялись наверхъ, Крузенштернъ повелъ меня чрезъ рядъ комнатъ, уставленныхъ старѣйшею, дрянною мебелью, къ кабинету князя. Мы тотчасъ были приняты. При первомъ взглядѣ на князя, я тотчасъ замѣтилъ въ немъ значительную внѣшнюю перемѣну, тѣмъ болѣе меня поразившую, что она произошла въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отъ октября 1856 г., когда онъ уѣхалъ изъ Москвы, до марта 1857 года, когда я пріѣхалъ въ Тифлисъ. До тѣхъ поръ я постоянно видѣлъ въ немъ великаго красавца, совершенно свѣжаго, какъ ни старался князь напустить на себя искусственную старость заслуженнаго, раненаго генерала, вслѣдствіе чего онъ и ходилъ почти всегда съ палкой, постоянно прихрамывая. Тутъ же я видѣлъ, что князь тотъ же, да не тотъ. Черта какой-то обрюзглости, дѣйствительной старости, черта, почти неуловимая, замѣтная единственно для моего опытнаго и привычнаго глаза, явилась въ немъ. Принялъ онъ меня чрезвычайно ласково и внимательно, но уже съ оттѣнкомъ властителя. Когда я сказалъ ему, что отъ многихъ изъ Петербурга имѣлъ порученіе передать ему почтеніе, онъ замѣтилъ:

— Ну объ этомъ, любезный Василій Антоновичъ, мы поговоримъ послѣ... Приходите завтра ко мнѣ обѣдать.

Такъ долго находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ княземъ, я, конечно, не могъ не изучить его. Самою собою разумѣется, что тотъ же

инструментъ, при содѣйствіи котораго я умѣлъ схватывать идеи князя, помогалъ мнѣ понимать и собственную его личность. Такимъ образомъ мнѣ не трудно было сообразить, что, при первомъ моемъ представленіи, князь желалъ уже внушить мнѣ: «не смѣшивай, дескать, любезный, прежняго Барятинскаго съ кавказскимъ намѣстникомъ». Справедливость этого соображенія оправдывалась и послѣдующими обстоятельствами...

Здѣсь надо сказать, что въ то время, когда князь, предъ назначеніемъ его намѣстникомъ, командовалъ резервнымъ гвардейскимъ корпусомъ, къ нему приблизился дежурный штабъ-офицеръ этого корпуса полковникъ С—цкій. Занимаясь обработываніемъ разныхъ кавказскихъ вопросовъ, князь употреблялъ иногда для этихъ занятій и С—цкаго. Часто передавая мнѣ какое-нибудь произведеніе совершенно неизвѣстнаго автора, князь спрашивалъ моего мнѣнія о достоинствѣ этого произведенія. Я, по своему обычаю, всегда подхваливалъ, и эти ли похвалы или невозможность въ короткій срокъ командованія князя корпусомъ изучить ближе эту личность, были тому причиною—я не знаю; только князь, можно сказать, сдѣлалъ большую неосторожность, пригласивъ С—цкаго на службу на Кавказъ. Назначивъ его въ должность директора походной канцеляріи, должность, уничтоженную суровымъ Муравьевымъ, а княземъ вновь возстановленную, князь имѣлъ вящшую неосторожность прибавить, вѣроятно подъ вліяніемъ первыхъ ощущеній своего могущества, что на Кавказѣ мѣстъ много и что отъ него зависитъ назначеніе на нихъ. С—цкій понялъ это такъ, что должность директора походной канцеляріи ему дана на первый только разъ и что ему стоитъ только выбрать какое угодно мѣсто, чтобъ тотчасъ его получить. Послѣдствія скоро доказали, что онъ глубоко ошибался и что князь любилъ обольщать людей неопредѣленными обѣщаніями, о которыхъ скоро забывалъ.

Какъ бы то ни было, С—цкій скоро собрался и вслѣдъ за княземъ улетѣлъ на Кавказъ съ розовыми мечтами, разоривъ окончательно свое петербургское гнѣздо. Случилось такъ, что при моемъ прибытіи въ Тифлисъ, я какъ-то тотчасъ встрѣтилъ С—цкаго и обѣщался быть у него, чтобъ потолковать о различныхъ явленіяхъ новаго міра, въ который мы попали. Поэтому, кончивъ свое оффиціальное представленіе князю, я въ тотъ же вечеръ отправился къ С—цкому. Увы! разсказы его были вовсе неутѣшительны и дышали величайшею раздражительностью. На Тифлисъ онъ смотрѣлъ точно такъ же, какимъ онъ представлялся мнѣ въ первые моменты, хотя онъ имѣлъ уже возможность подробнѣе познакомиться съ нимъ. Въ то же время замѣтно было, что и розовыя мечты начинали разлетаться, и что князь въ Тифлисѣ вовсе не то, что князь въ Петербургѣ.

И дѣйствительно, для С—цкаго Тифлисъ не представилъ ничего пріятнаго и выгоднаго. Натура обыкновенная и въ то же время пропитанная насквозь петербургскими формализмами, онъ не могъ ни проявить на дѣлѣ замѣчательныхъ способностей, ни образовать въ частномъ быту хорошихъ отношеній, въ особенности съ свитой намѣстника, которая въ цѣлой массѣ имѣла на князя значительное вліяніе. Да оно и не могло быть иначе: кто хорошъ и друженъ съ этою пустою, но блестящею толпою, тотъ и князю пріятенъ; на того, съ кѣмъ она враждуетъ или надъ кѣмъ смѣется, и князь смотритъ другими глазами. Шалуны эти, сильные своими аристократическими именами, тотчасъ подняли на смѣхъ бѣднаго С—цкаго и навсегда запечатлѣли его названіемъ № 3-го. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Князь, еще до моего прибытія, предпринялъ какую-то поѣздку. Часть свиты слѣдовала съ нимъ. С—цкій возымѣлъ несчастную мысль тутъ же проявить свою важность и требовать, чтобы это путешествіе подчинено было всѣмъ правиламъ высочайшихъ путешествій и, главное, чтобы экипажи слѣдовали одинъ за другимъ въ извѣстномъ порядкѣ. Шалуны, замѣтивъ эту несчастную претензію, стали постоянно нарушать установленный порядокъ и, главное, объѣзжать на каждой станціи самого С — цкаго, слѣдовавшаго подъ № 3-мъ. Возникли столкновенія, споры, и послѣдствіемъ ихъ было то, что этотъ роковой нумеръ перешелъ съ экипажа С—цкаго на личность его, такъ что его уже не называли С—цкимъ, а большею частью нумеромъ третьимъ. Затѣмъ все шло дальше и хуже. С—цкій постоянно ныль и жаловался. Князь постоянно охладѣвалъ къ нему болѣе и болѣе. Дошло наконецъ до того, что С—цкій не могъ безъ слезъ говорить ни о своемъ положеніи, ни о вѣроломствѣ князя, обѣщавшаго ему золотыя горы, а теперь не обращавшаго на него вниманія. Князь видимо тяготился имъ и, какъ самъ говорилъ мнѣ, придумывалъ, какъ безобидно сбыть его съ рукъ. Черезъ нѣкоторое время С—цкій сдѣланъ былъ инспекторомъ линейныхъ баталіоновъ, но этимъ, кажется, остался еще болѣе недоволенъ. Впослѣдствіи онъ отправился съ рекомендательнымъ письмомъ князя въ Петербургъ и получилъ мѣсто окружнаго генерала внутренней стражи. Наконецъ ему удалось примкнуть къ толпѣ генераловъ, состоящихъ при командующемъ войсками Московскаго округа, и въ этомъ положеніи, чрезъ много лѣтъ, я встрѣтилъ его въ Москвѣ.

У этого-то С—цкаго я провелъ первый мой тифлисскій вечеръ и жадно прислушивался къ многоразличнымъ разсказамъ какъ его лично, такъ и нѣкоторыхъ его знакомыхъ, у него бывшихъ, о Тифлисѣ и о всевозможныхъ отношеніяхъ какъ частныхъ, такъ и служебныхъ, въ немъ существующихъ. Предварительныя эти свѣдѣнія были для меня въ высшей степени полезны и необходимы, давая путеводную нить, кото-

рой я долженъ держаться при первыхъ моихъ шагахъ по новой и совершенно мнѣ неизвѣстной почвѣ.

Запахъ интригъ и козней кавказскихъ, о которыхъ я слышалъ еще въ Петербургѣ самые рѣзкіе отзывы, замѣтно проявлялись во всѣхъ этихъ свѣдѣніяхъ. Живо помнилъ разговоръ, который я имѣлъ предъ отъѣздомъ изъ Петербурга съ Бутурлинымъ, бывшимъ тогда адъютантомъ главноуправляющаго путями сообщеній, человѣкомъ умнымъ и серьезнаго направленія. Онъ рѣзко спросилъ меня:

— Что вамъ за охота ѣхать на Кавказъ?

— Отчего же не ѣхать,— возразилъ я, — при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ я нахожусь къ намѣстнику?

— Да вѣдь это омутъ грязныхъ интригъ, — сказалъ Бутурлинъ,— а для васъ, не думаю, чтобы было пріятно купаться въ этомъ омутѣ.

Но мнѣ уже ничего не оставалось, какъ слушать, смекать и ждать, что дальше будетъ...

На другой день я обѣдалъ у намѣстника. Чуждый всякаго знакомства съ туземными обычаями и церемоніями, я держалъ себя такъ свободно, что скоро сдѣлался предметомъ толковъ. Недолго, впрочемъ, я оставался въ этомъ невѣдѣніи. Оказалось, что обѣдать у намѣстника составляетъ величайшую честь для каждаго, и кто удостоится этой чести, дѣлается счастливымъ на нѣсколько недѣль, и что весь Тифлисъ постоянно слѣдитъ, кто приглашенъ сегодня, кто завтра, и сообразно тому опредѣляетъ политическіе фонды каждаго. Я этого ничего не зналъ, и первый обѣдъ мой у намѣстника замѣчателенъ былъ для меня только знакомствомъ съ знаменитыми плѣнницами Шамиля: княгинею Варварою Орбеліани и княгинею Анною Чавчавадзе, между которыми я былъ помѣщенъ за обѣдомъ. Я не могъ опомниться отъ удивленія, что нахожусь подлѣ дамъ, замѣчательная участь которыхъ возбуждала живѣйшее сочувствіе всей Россіи. Участь эта представлялась особенно поразительною при личномъ взглядѣ на этихъ прелестныхъ женщинъ, дышащихъ красотою и истинно женственною нѣжностью. Увлеченный этими впечатлѣніями, я проговорилъ съ ними весь обѣдъ, тогда какъ по церемоніальнымъ уставамъ слѣдовало молчать, смотрѣть на намѣстника и съ благоговѣніемъ внимать, что благоугодно будетъ ему изречь. Впрочемъ, какъ объ этихъ обѣдахъ, такъ и вообще объ обстановкѣ намѣстника на Кавказѣ и преимущественно о благоговѣніи, какое личность его внушаетъ всему окружающему, я буду имѣть много случаевъ говорить впослѣдствіи, а теперь постараюсь обрисовать, прежде всего, мое вступленіе въ кавказскій міръ и выдвинуть впередъ личности, которыя считались тамъ главными дѣятелями. Само собою разумѣется, что я не замедлилъ отдать всѣмъ этимъ личностямъ визиты и положить начало личному моему съ ними знакомству.

ГЛАВА II.

Главные дѣятели гражданскаго міра.—Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, начальникъ гражданскаго управленія и предсѣдатель совѣта намѣстника.—Дюкруаси, членъ совѣта и завѣдующій таможенною частію на Кавказѣ.—Баронъ Николаи, членъ совѣта, завѣдующій учебною частію.—К—бу, членъ совѣта, завѣдующій почтовою частію.—Фадѣевъ, членъ совѣта, завѣдующій государственными имуществами.—Витте его помощникъ.—Замѣчательный сынъ Фадѣева, авторъ многихъ военныхъ сочиненій.—Князь Георгій Багратіонъ Мухранскій, членъ совѣта, вліяющій на судебную часть края.—Правитель дѣлъ совѣта Киніани.—Тифлисскіе губернаторы.

Первое мѣсто въ ряду этихъ личностей безспорно принадлежало князю Василію Осиповичу Бебутову, имя котораго, столь громкое на Кавказѣ, имѣетъ значительную извѣстность и въ Россіи. Я не имѣю достаточныхъ данныхъ о первоначальной его карьерѣ, да это и не совсѣмъ входитъ въ рамки моихъ записокъ, изображающихъ только то, что я самъ видѣлъ и слышалъ. Предъ наступленіемъ Восточной войны онъ былъ вызванъ въ Петербургъ именно съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать его, въ случаѣ надобности, главнымъ дѣятелемъ по защитѣ нашихъ кавказскихъ владѣній. Полагали, что ему, какъ туземцу и туземцу умному, ближе извѣстны и духъ народа и мѣстныя условія обороны. Было ли въ этомъ планѣ какое либо участіе самого князя Воронцова, бывшаго тогда намѣстникомъ и главнокомандующимъ, я не знаю, извѣстно только, что въ это время князь Воронцовъ, подъ вліяніемъ лѣтъ и болѣзней, видимо уже слабѣлъ и не имѣлъ силъ къ большимъ подвигамъ, которыя могла потребовать предстоящая война; кромѣ того, вѣроятно подъ тѣмъ же вліяніямъ, князь Воронцовъ, никакъ не хотѣлъ и вѣрить, чтобъ самая война открылась. Какъ бы то ни было, князь Бебутовъ былъ осыпанъ въ Петербургѣ величайшими любезностями и, какъ князь Александръ Ивановичъ говорилъ мнѣ потомъ, произвелъ тамъ прекрасное впечатлѣніе своимъ умомъ, любезностью и особенно тѣми немножко устарѣвшими манерами, которыхъ онъ держался, не зная, быть можетъ, что они уже устарѣли. Такъ, напримѣръ, когда онъ игралъ въ одной партіи съ государемъ въ вистъ, онъ при первоначальной сдачѣ картъ, каждому кланялся и говорилъ: «желаю веселиться» или «желаю счастья» и дѣлалъ это такъ хорошо, что всѣмъ нравилось. Когда, вопреки убѣжденію князя Воронцова, война загорѣлась, онъ, какъ разсказывали мнѣ кавказцы, совершенно растерялся, и князь Бебутовъ, ставъ во главѣ дѣйствовавшаго на кавказско-турецкой границѣ корпуса, совершилъ великія дѣла, которыя возвысили его славу.

По окончаніи войны онъ обратился къ мирнымъ своимъ занятіямъ, по званію начальника гражданскаго управленія на Кавказѣ и предсѣ-

дателя совѣта намѣстника. По закону, значеніе и предѣлы власти начальника гражданскаго управленія были довольно значительны, но на самомъ дѣлѣ они были очень урѣзаны. Начало этому ограниченію положено было, кажется, еще княземъ Воронцовымъ; князь Барятинскій довершилъ его, сосредоточивъ рѣшительно всѣ дѣла въ своей канцеляріи, такъ что въ моментъ моего пріѣзда князь Бебутовъ, хотя носилъ еще это званіе, но не исполнялъ уже никакихъ обязанностей, съ нимъ связанныхъ, и удерживалъ за собою единственно почетную должность предсѣдателя совѣта намѣстника.

Князь Бебутовъ въ личныхъ отношеніяхъ былъ человѣкъ истинно обольстительный—умный, любезный, добрый, ласковый, онъ рѣшительно очаровывалъ всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло и знакомство. Меня принялъ онъ самымъ плѣнительнымъ образомъ и при первомъ же знакомствѣ со мною, не оставилъ пустить нѣсколько самыхъ тончайшихъ булавочекъ въ князя Александра Ивановича по поводу вступленія его на кавказскіе берега въ сопровожденіи прекраснаго пола, и пальбы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исключительно въ честь или для потѣхи этого пола производимой.—Чуть-чуть замѣтно было, что онъ не совсѣмъ принадлежитъ въ восторженнымъ почитателямъ князя. Послѣдующее мое знакомство съ Бебутовымъ исполнено было самыхъ пріятнѣйшихъ для меня впечатлѣній, и я искренно полюбилъ его, какъ человѣка умнаго въ дѣловомъ значеніи и пріятнѣйшаго въ частномъ быту.

На Кавказѣ существовало, такъ называемое, особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе, образуемое изъ нѣсколькихъ высшихъ лицъ гражданскаго управленія подъ вѣдѣніемъ предсѣдателя совѣта. Вице-директоръ канцеляріи намѣстника, по уставу, имѣлъ обязанность быть членомъ этого присутствія и имѣть высшій надзоръ за его дѣлопроизводствомъ. Понятно, что въ этомъ положеніи я имѣлъ постоянныя дѣловыя сношенія съ княземъ Бебутовымъ, которыя и дали мнѣ полную возможность видѣть и его свѣтлый умъ, и его гражданскую опытность. Въ частномъ быту сближеніе это было еще сильнѣе: въ то же лѣто 1857 года случилось такъ, что мы поселились въ Каджорахъ (12 верстъ отъ Тифлиса) на одной дачѣ; онъ занималъ большой домъ, а я жилъ въ одномъ изъ флигелей, такъ что свиданія наши были ежедневны, и большую часть вечеровъ я проводилъ у него. У князя была манера: съ людьми, которыхъ онъ любилъ, переходить на дружеское «ты». Точно такъ и мнѣ онъ говорилъ «ты», хотя само собою разумѣется, что я изъ уваженія къ его лѣтамъ, славѣ и заслугамъ, держался на почтительномъ «вы». На разныхъ пирахъ, которыми было богато лѣто 1857 г. и которыя, разумѣется, отличались кавказскою простотою, князь Бебутовъ любилъ становиться подлѣ меня, когда затѣвался хоръ и слабымъ голосомъ тянулъ какую нибудь русскую пѣсню.

Надобно замѣтить, что у князя была жена—женщина, истинно замѣчательная въ своемъ родѣ. По разсказамъ она была когда-то очень хороша, но я засталъ уже ее въ довольно преклонныхъ лѣтахъ, значительно пополнѣвшею; прекрасныя черныя глаза, какъ у большей части туземокъ, говорили впрочемъ, что страсть еще не совсѣмъ затихла въ ней.

Къ сожалѣнію дни князя Бебутова были уже сочтены, хотя ни для кого это не было замѣтно. На одномъ изъ обѣдовъ у князя намѣстника на Каджорахъ съ Бебутовымъ сдѣлалась рвота и какое-то стѣсненіе въ горлѣ. Припадокъ этотъ впрочемъ не обратилъ на себя никакого вниманія, потому что князь на другой день выходилъ, какъ ни въ чемъ не бывало и не чувствовалъ ничего особеннаго. Скоро послѣ этого я уѣхалъ изъ Каджоръ въ Тифлисъ, а потомъ въ Баку для встрѣчи моего семейства, а когда возвратился въ Тифлисъ, то нашелъ уже князя Бебутова очень больнымъ. Мнѣ разсказали, что припадки съ горломъ повторяются съ большей силой и что на выздоровленіе его почти нѣтъ никакой надежды. Болѣзнь его длилась, впрочемъ, довольно долго, и между тѣмъ князь Александръ Ивановичъ, погруженный въ различныя гражданскія преобразованія, имѣлъ большую надобность для своихъ видовъ очистить мѣсто предсѣдателя совѣта, и, всегда нетерпѣливый въ своихъ намѣреніяхъ, не могъ дождаться кончины князя Бебутова, поѣхалъ къ нему, объяснилъ свои виды и предложилъ ему званіе члена Государственнаго Совѣта. Полуживой князь Бебутовъ, разумѣется, на все согласился и моимъ перомъ написано было представленіе о зачисленіи его въ Государственный Совѣтъ съ сохраненіемъ того содержанія, какое онъ дотолѣ получалъ.

Князь положительно требовалъ, чтобы, для отвращенія всякихъ возраженій въ этомъ отношеніи, было выражено, что князь Бебутовъ никакъ не можетъ прожить болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и что правительство поэтому не будетъ обременено его содержаніемъ. Какъ я ни доказывалъ, что такое изъясненіе вообще не удобно, что за достовѣрность его ручаться нельзя и что, наконецъ, сдѣлавшись какъ нибудь извѣстнымъ самому князю Бебутову, оно дѣйствительно можетъ, прежде срока, отправить его въ могилу,—князь остался при своемъ, и представленіе пошло съ этимъ оригинальнымъ объясненіемъ.

Но я не знаю, когда бы подобная странная увѣренность князя обманывала его. Я привелъ уже выше, какъ онъ, отправляясь въ походъ противъ Шамиля, разсказывалъ государю, что онъ пришлетъ этого Шамиля въ Петербургъ съ Трамповскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же выпросилъ Трамповскому награду за это доставленіе. Такъ точно было и здѣсь: когда получено было высочайшее согласіе на это представленіе, князь Бебутовъ мучительно переживалъ послѣдніе дни. Мнѣ пріі-

ятно вспомнить, что почти предъ самой кончиной онъ потребовалъ меня къ себѣ и съ трудомъ, прерывающимся голосомъ, передалъ мнѣ нѣкоторыя предсмертныя просьбы относительно его семейства, для представленія князю. Получивъ согласіе на нихъ князя, я имѣлъ еще утѣшеніе лично передать умирающему князю Бебутову это извѣстіе. Онъ обнялъ меня холодѣющими руками и сказалъ: «теперь умру спокойно». Дѣйствительно, скоро послѣ того онъ скончался.

Въ то время, за отсутствіемъ Крузенштерна, я управлялъ канцеляріею намѣстника и слѣдовательно былъ центромъ, куда стекались всѣ извѣстія, подлежащія свѣдѣнію намѣстника. Помню, однажды вечеромъ пріѣзжаетъ ко мнѣ правитель дѣлъ совѣта Кипіани, съ кѣмъ-то изъ приближенныхъ къ князю Бебутову, и увѣдомивъ о кончинѣ его, они испрашивали высшихъ распоряженій относительно его погребенія. Набросавъ церемоніалъ этого погребенія, я тотчасъ отправился къ князю-намѣстнику. Къ удивленію моему извѣстіе о кончинѣ этого замѣчательнаго человѣка князь принялъ совершенно равнодушно, а относительно погребенія его сказалъ, что тутъ никакого особаго церемоніала не нужно, и что оно должно быть исполнено по воинскому уставу. Этотъ отзывъ, разумѣется, я передалъ по принадлежности, а князь Александръ Ивановичъ на другой день углубился со мною въ соображенія: какъ онъ долженъ поступить лично при этомъ погребеніи, т. е. пріѣхать-ли въ церковь или въ домъ Бебутова? Подобные вопросы, какъ ни странно это, всегда сильно занимали князя, и къ настоящему вопросу мы обращались нѣсколько разъ и съ различныхъ сторонъ. Я доказывалъ, что князю слѣдуетъ пріѣхать въ домъ, потомъ проводить покойнаго нѣкоторое разстояніе и затѣмъ при одномъ изъ поворотовъ сѣсть въ карету и уѣхать. Это мнѣніе я основывалъ на томъ, что такимъ образомъ князь окажетъ большое вниманіе не только семейству и родству покойнаго, но и всему народу, который такъ высоко ставилъ Бебутова и вѣроятно наполнитъ всѣ улицы, а въ то же время и для князя будетъ покойнѣе пройти за гробомъ нѣкоторое разстояніе, нежели стоять продолжительное время въ душной армянской церкви. Мнѣніе это, хотя не съ разу, восторжествовало.

Похороны князя Бебутова были великолѣпны, по-туземному. День былъ восхитительный, даже нѣсколько жаркій; волны народа запрудили улицы; всѣ крыши были также покрыты ими. Всѣ чины, гражданскіе и военные, въ парадной формѣ, присутствовали тутъ; ихъ золотыя мундиры перемѣшивались съ торжественнымъ одѣяніемъ многочисленнаго духовенства. Когда гробъ вынесли изъ дома, то народъ не допустилъ поставить его на приготовленную колесницу и несъ его на рукахъ до церкви, а потомъ оттуда до кладбища. Странно было видѣть огромныя массы народа, отбивающія другъ у друга честь нести гробъ,

и поверхъ этихъ массъ—качающійся гробъ, а въ немъ открытое умное лицо покойника, освѣщенное яркимъ солнцемъ и какъ бы смотрящее на небо...

Князь Бебутовъ оставилъ жену, дочь въ замужествѣ, кажется, за княземъ Гуріели, Кутаисскимъ помѣщикомъ, и сына въ Пажескомъ корпусѣ. Дочь хотя я видѣлъ много разъ, но былъ мало съ нею знакомъ, съ сыномъ же, сдѣланнымъ потомъ адъютантомъ намѣстника, я долженъ былъ сблизиться, находясь всегда въ дружбѣ со всею свитою.

Смерть князя Бебутова обнаружила неожиданное обстоятельство: никакого особеннаго богатства не оказалось, и пенсія, кажется, въ 5.000 руб. сер., выпрошенная княземъ, составила основной и главный источникъ какъ для вдовы покойнаго князя, такъ и для его сына.

Теперь предстоитъ перейти къ обозрѣнію личностей, составлявшихъ совѣтъ намѣстника, на томъ основаніи, что этотъ совѣтъ, до крайности малополезный, какъ и всѣ совѣты, считался все-таки высшимъ и почетнымъ учрежденіемъ въ краѣ. По прежнему порядку нѣкоторые изъ этихъ членовъ завѣдывали отдѣльными частями: учебною, таможенною, почтовою, государственныхъ имуществъ и проч. Само собою разумѣется, эти члены, имѣющіе положительную власть въ рукахъ и множество различныхъ мѣстъ въ своемъ распоряженіи, были самыми знатными господами и пользовались дѣйствительнымъ вліяніемъ. Остальные составляли нѣчто въ родѣ балласта, проводя дни старости въ покоѣ и на хорошемъ жалованьи.

Начну съ Дюкруаси, члена совѣта и управляющаго таможенною частію на Кавказѣ. Еще въ Петербургѣ, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ княземъ, я слышалъ уже, мелькомъ, весьма выгодные отзывы о Дюкруаси, хотя не зналъ, кто онъ и какое его положеніе на Кавказѣ. Въ Москвѣ, во время коронаціи, когда я рѣшился перейти на Кавказъ, я счелъ полезнымъ сблизиться съ Гулькевичемъ, который служилъ тамъ и зналъ всѣ тамошнія личности, и который поэтому могъ снабдить меня драгоцѣнными свѣдѣніями. Изъ отзывовъ его я тоже узналъ, что Дюкруаси считается на Кавказѣ звѣздою первой величины и что по соглашенію князя съ Бутковымъ, онъ будто уже предназначенъ на позицію будущаго начальника гражданскаго управленія. По прибытіи на Кавказъ я тоже слышалъ отъ мѣстныхъ лицъ, что это самая капитальная личность.

При личномъ свиданіи съ нимъ я нашелъ въ немъ благовоспитаннаго господина съ весьма почтенною и представительною наружностью. Мнѣ разказывали, что отецъ его былъ французскимъ актеромъ на Петербургской сценѣ; самъ Дюкруаси первоначально жилъ гувернеромъ въ нѣкоторыхъ знатныхъ домахъ, потомъ служилъ въ департаментѣ внѣшней торговли, и наконецъ перешелъ на Кавказъ. Непредвидѣн-

ныя совершенно обстоятельства подвергли скоро дѣловитость Дюкруаси сильному испытанію.

Въ теченіе того же лѣта 1857 года, когда я пріѣхалъ на Кавказъ, въ Мингреліи вспыхнуло возмущеніе. Надобно замѣтить, что Мингрелія оставалась, подобно Абхазіи, Сванетіи, на своихъ исключительныхъ правахъ и съ своимъ отдѣльнымъ владѣтелемъ, который хотя считался въ подчиненіи русскому правительству, но внутри своей страны дѣйствовалъ безконтрольно и непосредственно располагалъ имуществомъ, правами и чуть ли не самою жизнію своихъ подвластныхъ. Послѣднимъ владѣтелемъ былъ князь Дадьянъ. По смерти его остался малолѣтній наслѣдникъ, который не могъ вступить самъ въ управленіе, и потому, на время его малолѣтства, еще при князѣ Воронцовѣ, образованъ былъ особый совѣтъ изъ матери наслѣдника, княгини Екатерины Дадьянъ, урожденной княжны Чавчавадзе, мингрельскаго архіерея и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Управленіе, разумѣется, было дикое, направленное преимущественно къ тому, чтобы выжимать какъ можно больше соковъ изъ подвластнаго народа. Мингрельцы, видя въ сосѣдствѣ русское спокойное, справедливое управленіе, взбунтовались противъ Дадьяновой власти и требовали, чтобы ихъ взяли тоже подъ общее русское управленіе. Мятежъ, подавленный введенными войсками, скоро потухъ; но прозорливый князь Александръ Ивановичъ рѣшился воспользоваться этимъ событіемъ, чтобъ подчинить Мингрелію общему русскому управленію. Какими путями и средствами достигалъ онъ этой цѣли, я разкажу въ своемъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что Мингрельское дѣло, своими колебаніями и личными интригами, имъ возбужденными, пріобрѣло особенное значеніе въ періодъ управленія князя Кавказомъ. Здѣсь же, обращаясь собственно къ изображенію доблестей Дюкруаси, должно сказать, что такъ какъ въ задуманномъ переворотѣ управленія играла значительную роль политическая часть, то часть эта ввѣрена была мудрости и опытности Дюкруаси.

Онъ долженъ былъ вести тончайшіе дипломатическіе переговоры съ матерью владѣтеля княгинею Дадьянъ, умною и упрямою женщиною, войти въ соглашеніе съ мингрельскими князьями и дворянами, воспользоваться партіями, враждебными владѣтельному дому, однимъ словомъ ловко, мирно и прочно осуществить замысловатыя цѣли князя. Увы! дѣло это оказалось не по силамъ Дюкруаси и оно совершенно погубило его репутацію. Онъ началъ писать какія-то дикія воззванія къ самой Дадьяншѣ, мингрельскому дворянству и вообще народу и рѣшительно провалился, озлобивъ высшихъ и низшихъ представителей народа. Князь Александръ Ивановичъ былъ въ величайшемъ негодованіи и сначала, чрезъ Крузенштерна посылалъ ему строгія внушенія, а по-

томъ и совершенно отозвалъ его, какъ не понявшаго рѣшительно данной ему задачи.

Съ тѣхъ поръ всякое значеніе его въ глазахъ князя было утрачено. Когда, скоро послѣ того предстояло преобразовать высшее гражданское управленіе и прежде всего поставить во главѣ его довѣренную личность съ званіемъ «начальника главнаго гражданскаго управленія намѣстника», князь Александръ Ивановичъ, въ одно прекрасное утро, предложилъ мнѣ вопросъ: кого именно я полагаю поставить на это мѣсто изъ тифлисскихъ господъ? Въ то время Крузенштернъ былъ въ отпуску, и я исправлялъ должность директора канцеляріи. Руководствуясь петербургскими свѣдѣніями о сильной репутаціи Дюкруаси и думая угадать мысли князя, я сказалъ: «сколько мнѣ извѣстно ваше сіятельство имѣли предположеніе назначить на это мѣсто Дюкруаси». Князь быстро и съ неудовольствіемъ прервалъ меня: «что вы это? Развѣ вы не видѣли, какъ онъ напуталъ въ Мингреліи? Нѣтъ. Я думаю назначить Крузенштерна. Какъ вы полагаете?

Объ этомъ назначеніи, равно какъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ преобразованіе главнаго управленія, я поведу рѣчь впослѣдствіи, а здѣсь скажу только, что назначеніе Крузенштерна, бывшаго едва-ли не самымъ младшимъ въ числѣ лицъ этого управленія, ни для кого однако не представляло такого позора, какъ для Дюкруаси, такъ какъ не только онъ самъ, но и общее мнѣніе приписывали ему неотъемлемыя права на это мѣсто. Вслѣдъ затѣмъ онъ отправился за границу, гдѣ и жилъ, кажется, около года; потомъ искалъ мѣсто въ Петербургѣ, потомъ желалъ выйти въ отставку, однимъ словомъ, колебался, не имѣя уже твердой почвы. Наконецъ, въ 1861 году, когда князь, больной, отправился изъ Тифлиса, намѣреваясь посѣтить прежде Петербургъ, а потомъ уже ѣхать за границу лѣчиться, Дюкруаси просилъ устроить его какъ нибудь въ Петербургѣ, указывая преимущественно на мѣсто члена совѣта министерства финансовъ. Князь въ Петербургъ не попалъ, а засѣлъ въ Дрезденѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ засѣли и ходатайства различныхъ личностей, въ томъ числѣ и просьба Дюкруаси.

Когда въ томъ же году я былъ вытребованъ княземъ въ Дрезденъ, мнѣ поручено было разобрать всѣ эти просьбы и направить ихъ по принадлежности къ Буткову или Д. А. Милютину, который въ то время управлялъ уже военнымъ министерствомъ. Въ заготовленномъ мною письмѣ Буткову просьба Дюкруаси изложена была самымъ краснорѣчивымъ образомъ, однако осталась совершенно безъ послѣдствій. Въ этотъ періодъ могущество князя, какъ и здоровье его, было въ разслабленномъ состояніи. Его считали умирающимъ и на представленія его мало обращали вниманія. Потомъ Дюкруаси дѣйствительно вышелъ въ от-

ставку и большею частью жилъ за границею, изрѣдка пріѣзжая въ Тифлисъ, гдѣ мать покойной жены его, вдова генерала Книперъ, была начальницей закавказскаго дѣвичьяго института.

По степени личнаго значенія, вслѣдъ за Дюкруаси, надобно поставить барона Николаи, который независимо отъ званія члена совѣта, управлялъ учебною частію на Кавказѣ, на правахъ попечителя. Онъ, какъ мнѣ говорили, появился на Кавказѣ вмѣстѣ съ княземъ Воронцовымъ и считался однимъ изъ близкихъ къ нему людей. Баронъ Николаи былъ олицетвореніемъ порядочности. Всегда ровный, онъ имѣлъ видъ весьма умнаго человѣка. Князь зналъ, что на предпринимаемыя имъ преобразованія всѣ смотрятъ недовѣрчиво, недоброжелательно и что назначеніе Крузенштерна, считавшагося добрымъ человѣкомъ, принято просто съ насмѣшками... Независимо отъ этого, преобразованіе главнаго управленія тѣмъ болѣе раздражало многихъ, что съ учрежденіемъ спеціальныхъ департаментовъ, которые должны имѣть ближайшее наблюденіе за своими частями, отдѣльные округа: таможенный, учебный и почтовый, предназначались къ уничтоженію и слѣдовательно у этихъ господъ отнималось самое существенное ихъ значеніе, связанное съ положительною властью. Мысль эта, встрѣченная воплями, хотя была пріостановлена, но князь признавалъ ее дѣльною и рѣшился непремѣнно осуществить при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

И дѣйствительно, въ то время, когда баронъ Николаи продолжалъ вводить разныя учебныя программы, князь Александръ Ивановичъ, въ бытность въ Петербургѣ въ 1859 году, послѣ покоренія Восточнаго Кавказа, испросилъ соизволенія государя на уничтоженіе округовъ. Когда мы возвратились на Кавказъ, князь-намѣстникъ возложилъ на меня приготовить всѣ нужныя распоряженія къ уничтоженію учебнаго округа и къ установленію учебной части на новыхъ основаніяхъ.

Князь А. И. Барятинскій былъ безспорно хитрѣйшій человѣкъ. Въ подобномъ щекотливомъ дѣлѣ онъ долго затруднялся, но наконецъ рѣшился предупредить барона Николаи, что государь желаетъ уничтоженія округовъ, и что эту высочайшую волю надо исполнить. Князь вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ барону принять управленіе сельскимъ хозяйствомъ края и сдѣлать этимъ, не только ему лично, но и всему государству одолженіе, такъ какъ только при его сельско-хозяйственной опытности, и просвѣщенномъ взглядѣ можно вызвать и развить матеріальныя богатства края. Баронъ Николаи согласился временно принять это предложеніе, но въ дѣйствительности рѣшился распроститься съ Кавказомъ. Въ одно прекрасное утро, вскрывая сотни пакетовъ, поступившихъ въ наше управленіе (тогда я былъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ), я былъ удивленъ письмомъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго, въ которомъ онъ спраши-

валъ князя-намѣстника: можетъ ли онъ разсчитывать на пріобрѣтеніе для службы по ввѣренному ему министерству барона Николаи, какъ человѣка, спеціально знакомаго уже съ этою службою? Письмо это я тотчасъ послалъ князю и получилъ приказаніе отвѣчать, что препятствій нѣтъ. Скоро послѣ того послѣдовало уже оффиціальнее сношеніе о назначеніи барона Николаи попечителемъ кіевскаго учебнаго округа.

Между тѣмъ Крузенштернъ довно уже отказывался отъ должности начальника гражданскаго управленія, и князю Александру Ивановичу предстояло пріискать на мѣсто его другую личность. Во время послѣдняго пребыванія его въ Петербургѣ, въ 1862 году, онъ вошелъ въ ближайшія сношенія съ барономъ Николаи и убѣдилъ его принять званіе начальника главнаго управленія.

Третій изъ членовъ совѣта, имѣвшихъ отдѣльныя вѣдомства, былъ завѣдующій почтовою частію К—бу. Онъ появился на Кавказѣ съ учрежденіемъ тамъ особаго управленія государственными имуществами и первоначально былъ, если не ошибаюсь, управляющимъ шемахинскою палатою государственныхъ имуществъ. Съ уничтоженіемъ этихъ палатъ, онъ попалъ въ совѣтъ. Какимъ образомъ онъ завладѣлъ почтовою частію, мнѣ неизвѣстно; извѣстно только, что часть эта, при моемъ прибытіи, находилось въ незавидномъ положеніи, и особенно военно-грузинскій трактъ, который князь и поручилъ обревизовать состоявшему при немъ полковнику Коханову. Огромное донесеніе Коханова князь прислалъ ко мнѣ на мое разсмотрѣніе, вѣроятно въ томъ вниманіи, что я служитъ по почтовой части. Это было скоро послѣ моего пріѣзда, когда я, отъ непріятныхъ впечатлѣній, грязи и сырости моей квартиры, лежалъ больной. Мнѣ было не до дѣлъ и я, едва пробѣжавъ донесенія Коханова, написалъ на нихъ: «отлично» и отослалъ ихъ Крузенштерну.

Въ слѣдъ за тѣмъ, князь, пригласивъ К—бу обѣдать, взялъ его послѣ обѣда подъ руку, отвелъ въ сторону и равнодушно объявилъ ему, что такъ какъ почтовая часть сопряжена съ различными хлопотами, которыя безъ сомнѣнія его отягощаютъ, то онъ освобождаетъ его отъ этой обузы и передаетъ ее Коханову. Смущенному такою неожиданностію К — бу ничего не оставалось, какъ кланяться и благодаритъ. Лишившись почтовой власти, онъ сохранилъ однако огромное вліяніе въ совѣтѣ, не уступавшее вліянію Дюкруаси. Съ несомнѣннымъ природнымъ умомъ, съ живымъ и бойкимъ даромъ слова, онъ былъ грозою всѣхъ и вообще имѣлъ сильную репутацію говоруна и дѣльца. Увы! и это репутація разбилась скоро въ пухъ и прахъ.

При вступленіи въ управленіе краемъ князь имѣлъ великолѣпную мысль составитъ, какъ тогда выражались, «картину края», которая должна была изобразить настоящее его положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ обличить всѣ неустройства и недостатки, которыя надо было исправить.

О томъ, какъ подступали къ этому дѣлу, я скажу впослѣдствіи; теперь же достаточно упомянуть, что «составленіе картины» предназначалось возложить на членовъ совѣта. Взяли знаменитаго изъ нихъ К — бу, снабдили его инструкціями, чиновниками и деньгами и отправили въ Эривань. Болѣе полугода онъ жилъ тамъ, и всѣ ожидали отъ него чего нибудь необычайнаго и образцоваго. Наконецъ толстѣйшія произведенія его представлены были въ главное управленіе. Это было въ 1858 г., когда я управлялъ канцеляріею намѣстника.

Отчетъ К—бу поразилъ меня безсодержательностію, и я отправилъ его тотчасъ Кругенштерну для дальнѣйшихъ съ его стороны распоряженій.

Отчетъ этотъ лежалъ безъ движенія, хотя князю тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ истинное положеніе дѣла. Но съ одной стороны, непостоянный въ своихъ стремленіяхъ, а съ другой—занятый приготовленіями къ знаменитому походу 1859 года противъ Шамиля, князь охладѣлъ къ этой блестящей идеѣ, такъ что во все время дальнѣйшаго его властвованія на Кавказѣ не было уже ничего сдѣлано для ея осуществленія.

Всю эту исторію, съ такимъ шумомъ начавшуюся и такимъ образомъ кончившуюся, я много разъ и во всеуслышаніе приводилъ въ примѣръ и доказательство, какъ самыя великолѣпныя предначертанія погибаютъ отъ дурнаго исполненія.

Прежняя репутація К—бу какъ умнаго и дѣловаго человѣка страшно поколебалась. Вскорѣ послѣ того онъ вышелъ въ отставку, выпросилъ у князя участокъ земли въ Кубанскомъ уѣздѣ, славившимся производствомъ марены, куда и самъ переселился.

Четвертый членъ совѣта, имѣвшій отдѣльную часть, былъ Фадѣевъ. Послѣ упраздненій въ Закавказскомъ краѣ палатъ государственныхъ имуществъ, которыя открыты были тамъ вслѣдъ за учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, образована была въ Тифлисѣ особая экспедиція для завѣдыванія этою частію, нѣчто въ родѣ департамента, отдѣльнаго и независимаго отъ общей канцеляріи намѣстника. Этою-то экспедиціею, а черезъ нее всѣми государственными имуществами въ Закавказкомъ краѣ, и завѣдывалъ Фадѣевъ.

Фадѣевъ былъ очень умный и чрезвычайно опытный старикъ. Я его помнилъ съ 1837 года, когда, предъ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, находился въ V отдѣленіи «Собственной его величества канцеляріи». Въ числѣ различныхъ и многихъ личностей, толкавшихся тогда въ V отдѣленіи, его сухая фигура съ поднятыми вверхъ волосами обращала на себя особенное наше вниманіе. Въ то время онъ былъ попечителемъ калмыцкаго народа въ Астрахани и въ этой должности, кажется, успѣлъ уже пріобрѣсть отличную репутацію, вслѣдствіе которой онъ скоро былъ назначенъ управляющимъ саратовскою палатою государственныхъ имуществъ. Когда же въ этой губерніи

новалилось, одинъ за другимъ, нѣсколько губернаторовъ, неспособныхъ или неблагонадежныхъ, и когда министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ Киселева указать ему кого нибудь изъ своихъ чиновниковъ на эту должность, Киселевъ указалъ на Фадѣева, который, нежданно-негаданно, безъ всякаго съ своей стороны искательства и ходатайства, въ одно прекрасное утро и назначенъ былъ саратовскимъ губернаторомъ. Дурно ли, хорошо ли онъ губернаторствовалъ—я не знаю; извѣстно только, что съ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Бибиковымъ пошли у него сильные нелады, вслѣдствіе которыхъ онъ долженъ былъ оставить мѣсто. Тогда онъ обратился къ князю Воронцову, знавшему его по прежней службѣ въ Новороссійскомъ краѣ, съ просьбою пріютить его на Кавказѣ, вслѣдствіе чего и былъ сдѣланъ членомъ совѣта и управляющимъ экспедиціею государственныхъ имуществъ.

Когда я пріѣхалъ къ нему съ обычнымъ визитомъ, меня встрѣтилъ толстый господинъ, тотчасъ атаковавшій меня укорами, что я не узнаю въ немъ стараго знакомаго. При всемъ усиліи моей памяти, я никакъ не могъ разрѣшить вопроса: кто бы могъ это быть? Надобно сказать, что еще въ сороковыхъ годахъ, когда я былъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ, при мнѣ возвратились изъ заграницы нѣсколько молодыхъ людей, отправленныхъ туда для спеціальнаго образованія по части сельскаго хозяйства. Въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ нѣкто Витте, очень умный, добрый и милый малый. Такъ какъ еще до прибытія этихъ господъ вся Русская земля раздѣлена уже была на агрономическія полосы съ предположеніемъ учредить въ каждой полосѣ образцовую ферму, то и на долю Витте досталось устройство такъ называемой Юго-восточной фермы, въ предѣлахъ Саратовской губерніи. Въ этихъ именно предѣлахъ и послѣдовало сближеніе Витте съ семействомъ Фадѣева, самымъ существеннымъ проявленіемъ котораго было женитьба Витте на одной изъ дочерей Фадѣева. Когда самъ Фадѣевъ вынужденъ былъ переселиться на Кавказъ, за нимъ послѣдовалъ и Витте, тѣмъ болѣе, что устройство и управленіе Юго-восточною фермою сопряжено было съ величайшими для него непріятностями. Получивъ въ управленіе экспедицію государственныхъ имуществъ, Фадѣевъ устроилъ въ ней Витте начальникомъ отдѣленія. Этотъ-то именно Витте, жившій въ одной семьѣ съ Фадѣевымъ, и встрѣтилъ меня.

Я истинно радъ былъ найти въ совершенно новомъ для меня мірѣ Кавказа какую нибудь точку; Витте же былъ по прежнему милый, добрый и умный малый и тотчасъ свелъ меня на самую короткую ногу со всею своею семьею, такъ что она, радушная, привѣтливая, хлѣбосольная, сдѣлалась и моей семьей, въ которой я проводилъ всѣ дни и съ которой даже и въ сію минуту нахожусь въ самыхъ друже-

скихъ отношеніяхъ; но прежде, нежели говорить о частномъ бытѣ этой дорогой для меня семьи, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ оффиціальномъ положеніи какъ самого Фадѣева, такъ и зяти его Витте.

Надобно, прежде всего, замѣтить, что старикъ Фадѣевъ, при всемъ своемъ умѣ и опытности, былъ уже крайне «вѣтхъ деньми» и не имѣлъ физической возможности заниматься лично столько, сколько долженъ заниматься директоръ департамента. Поэтому Витте скоро былъ облеченъ званіемъ помощника управляющаго экспедиціею государственныхъ имуществъ. Вслѣдъ за тѣмъ, когда преобразовано было все главное управленіе намѣстника, то департаментъ государственныхъ имуществъ отданъ былъ, вмѣстѣ съ званіемъ директора, Витте, согласно собственному желанію Фадѣева; а самъ Фадѣевъ остался членомъ совѣта, состоящимъ сверхъ того при намѣстникѣ.

Что касается до семейнаго положенія Фадѣева, то въ немъ было очень много весьма оригинальныхъ явленій. Начать съ того, что жена Фадѣева, урожденная княжна Долгорукова, которую я засталъ ужъ при концѣ жизни, обремененную годами и болѣзнями, славилась обширнымъ многостороннимъ образованіемъ. Вѣроятно отъ нея по наслѣдству перешла и къ дѣтямъ неодолимая страсть къ знаніямъ.

Сынъ ихъ, впослѣдствіи генералъ, извѣстный многими сочиненіями о Кавказѣ, былъ человѣкъ истинно замѣчательный по своимъ обширнымъ знаніямъ; казалось не было предмета, котораго бы онъ не зналъ болѣе или менѣе спеціально. Князь Александръ Ивановичъ, при которомъ онъ состоялъ, весьма цѣнилъ его и съ пользою употреблялъ во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ требовались напр. историческія или какія либо другія спеціальныя знанія. Къ сожалѣнію, личный его характеръ далеко не соотвѣтствовалъ его даровитости и значительно препятствовалъ его служебнымъ успѣхамъ. Безпорядочный, взбалмошный, онъ былъ рѣшительно неспособенъ управлять какою либо частью, въ то же время до крайности рѣзкій, даже грубый въ своихъ манерахъ говорить и дѣйствовать, онъ естественно не возбуждалъ къ себѣ большой симпатіи. Самъ князь не имѣлъ къ нему личнаго расположенія и держалъ его при себѣ, какъ полезнаго въ извѣстныхъ случаяхъ человѣка.

Забавно было видѣть взаимныя отношенія этого мудреца съ княземъ. Самолюбивый, заносчивый Фадѣевъ имѣлъ претензію думать и вѣрить, что его отношенія къ князю совершенно исключительныя и вовсе не похожи на тѣ, въ которыхъ князь находится къ остальной свитѣ. Надобно было видѣть, какъ превосходно князь умѣлъ играть на этомъ инструментѣ. Когда Фадѣевъ дѣлался нуженъ князю для какой нибудь работы, тогда онъ обращался къ нему съ словами: «мы давно не обѣдали съ вами, Фадѣевъ; приходите завтра. Какое шампанское приготовить?» Счастливый и восхищенный Фадѣевъ начиналъ поднимать носъ, носиться

пѣтухомъ и гордо всѣмъ объявлять, что завтра онъ обѣдаетъ у князя. Не менѣе восторженное состояніе продолжается долго и послѣ этого обѣда и во всякомъ случаѣ въ теченіе всего того времени, какое продолжается заданная ему работа. По окончаніи этой работы князь начинаетъ вдвигать его въ обыкновенные и многочисленные ряды свиты, постепенно доводитъ до того, что гордый Фадѣевъ остается рѣшительно незамѣчаемымъ въ этихъ рядахъ. Понятно, что такое перехожденіе изъ одного состоянія въ другое, совершенно противоположное, не можетъ не тревожить Фадѣева. Онъ начинаетъ волноваться, поругивать князя, угрожать даже всѣмъ и каждому, что онъ рѣшается оставить Кавказъ, и когда гнѣвное расположеніе его достигаетъ крайней степени, на него упадаютъ вдругъ привѣтливыя слова князя: «что васъ невидать Фадѣевъ? Приходите обѣдать», и Фадѣевъ, снова счастливый и довольный, возрождается и опять важничаетъ.

Старшая изъ дочерей Фадѣева, Елена, бывшая замужемъ за Ганомъ, имѣетъ значительную извѣстность въ нашей литературѣ, и потому говорить о ней я не буду, тѣмъ болѣе, что лично ее не зналъ. Напротивъ, двухъ оставшихся послѣ нея дочерей, воспитывавшихся въ дѣтствѣ въ домѣ Фадѣевыхъ, я зналъ очень хорошо. Съ меньшею изъ нихъ «Вѣрою» я познакомился прежде, во время моего пребыванія въ Каджорахъ, въ первый годъ моего прибытія на Кавказѣ. Она была отдана замужъ за псковскаго помѣщика Яхонтова и въ это лѣто посѣтила, вмѣстѣ съ нимъ, стариковъ Фадѣевыхъ, которые также жили на Каджорахъ.

Что касается до старшей дочери, покойной Елены Ганъ, тоже Елены, то это уже было просто какое то чудовище. Во время моего пріѣзда въ Тифлисъ и долго послѣ того никто изъ ея родныхъ не зналъ, на какой точкѣ земнаго шара она находилась. Много-различныя же разсказы о ней казались просто навѣроятными.

По словамъ ея родныхъ, таланты ея, остроуміе, начитанность и даровитость во всѣхъ видахъ были изумительны. Когда она достигла того возраста, когда выходятъ замужъ, то не стала, какъ другія ожидать различныхъ предложеній, но чтобъ скорѣе избавиться отъ надзора и укоровъ за ея эксцентричности, однимъ словомъ, чтобъ скорѣе вырваться на свободу и развернуться во всю ширину своей оригинальной натуры, она сама предложила одному изъ окружающихъ взять ее замужъ. Нѣкто Блаватскій согласился и обвѣнчался съ нею. Въ одинъ прекрасный день она вовсе исчезла не только изъ дома, но изъ края. Долго не знали, куда она направила свой путь, но впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ по газетнымъ свѣдѣніямъ стало извѣстнымъ, что она колесила по всему земному шару и, придерживаясь сначала Парижа и Лондона, уѣхала потомъ въ Америку. Наконецъ мнѣ

суждено было узрѣть эту достопримѣчательную женщину въ оригиналѣ: она возвратилась въ Россію и пріѣхала въ Тифлисъ.

По разсказамъ я представлялъ себѣ личность эту довольно интересною, чѣмъ то въ родѣ знаменитой Лолы Монтесъ; но при взглядѣ на ея подлинникъ разочарованіе было полнѣйшее. Чтобъ придать себѣ какой нибудь интересъ, она, по возвращеніи своемъ, старалась изобразить изъ себя спиритку и на первый разъ, къ удивленію, имѣла нѣкоторый успѣхъ въ своихъ продѣлкахъ; но мнѣ суждено было разбить и уничтожить грубую искусственность и поддѣльность этихъ продѣлокъ.

Въ составѣ совѣта былъ еще одинъ членъ, хотя не завѣдующій отдѣльною частью, но имѣвшій на нее сильное вліяніе. Еще при князѣ Воронцовѣ въ составѣ главнаго его управленія былъ чиновникъ, спеціально приставленный, такъ сказать, къ судебной части. Чиновникъ этотъ былъ—князь Георгій Багратіонъ-Мухранскій, получившій образованіе въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія, потомъ служившій въ Сенатѣ, и затѣмъ перешедшій на службу на свою родину. Впослѣдствіи онъ сдѣланъ былъ членомъ совѣта намѣстника, оставаясь спеціальнымъ юристомъ и потому имѣя громадный авторитетъ во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ Кавказа. Князь Мухранскій принадлежалъ къ древнѣйшей изъ грузинскихъ фамилій, которая считала свое происхожденіе прямо отъ царь Давида и потому имѣла въ своемъ гербѣ пращу, которою былъ побитъ Голіафъ. Мои личныя отношенія къ князю Мухранскому представляли много оригинальнаго; но какъ они преимущественно относятся къ дѣловому міру, то подробное ихъ разъясненіе сдѣлано будетъ въ своемъ мѣстѣ, когда дойдетъ дѣло до моихъ дѣйствій въ правительственномъ мірѣ Кавказа; здѣсь достаточно сказать, что первыя наши ошибки въ этомъ мірѣ отличались крайнею непріязненностью, такъ что весьма естественно было ожидать, что я наживу себѣ въ немъ самаго ожесточеннаго врага. Между тѣмъ можно сказать положительно, что никто такъ хорошо не понялъ и не оцѣнилъ моего характера и моихъ правилъ, какъ мудрый и благородный князь Мухранскій, такъ что и въ настоящую минуту, когда пишу эти строки, я истинно горжусь его дружбою.

Въ совѣтѣ было еще нѣсколько членовъ, но не имѣвшихъ уже ровно никакого значенія. Былъ нѣкто Десимонъ, замѣчательный тѣмъ только, что онъ едва-ли не первый появился изъ гражданскихъ чиновниковъ на Кавказѣ; былъ графъ Штейнбокъ, который скоро послѣ моего пріѣзда поѣхалъ за границу лѣчиться и тамъ умеръ. Былъ еще кто то; но все это были уже личности, совершенно незначительныя, которыхъ я плохо помню и о которыхъ говорить не стоитъ.

Напротивъ, о правителѣ дѣлъ совѣта необходимо сказать нѣсколько словъ. Этимъ правителемъ былъ тотъ самый Кипіани, котораго, какъ я

выше сказалъ, Муравьевъ хотѣлъ сдѣлать правителемъ своей канцеляріи, Кипіани былъ завзятый грузинъ отъ головы до пятокъ. Въ Тифлисѣ когда-то былъ какой-то заговоръ объ отложеніи Грузіи отъ Россіи, и въ этомъ заговорѣ Кипіани игралъ очень видную роль, за что и выжилъ потомъ нѣсколько лѣтъ въ одной изъ внутреннихъ нашихъ губерній. Развившись значительно вслѣдствіе знакомства съ русскою жизнью, нахватавшись пріемовъ нашей администраціи, Кипіани, между грузинами, былъ звѣздою первой величины. И дѣйствительно, съ одной стороны знакомый съ мѣстными обстоятельствами края, а съ другой—съ нашими законами, онъ вообще былъ личностью, весьма необходимою въ гражданскомъ мірѣ Кавказа. Къ тѣмъ свойствамъ, о которыхъ я упомянулъ выше, онъ присоединялъ даръ слова и несомнѣнное искусство владѣть, какъ говорится, перомъ, искусство, въ которомъ былъ одинъ только недостатокъ: стремленіе къ трескучимъ фразамъ. Въ силу всѣхъ этихъ достоинствъ онъ и былъ предназначенъ Муравьевымъ, какъ я выше говорилъ, на должность правителя или директора канцеляріи намѣстника, должность, имѣвшую въ то время необъятное значеніе. Князь Александръ Ивановичъ, оттершій, такъ сказать, съ Бутковымъ, Кипіани отъ этого мѣста, какъ только пріѣхалъ на Кавказъ, старался, по обычаю своему, вознаградить его за это лишеніе. Онъ тотчасъ сдѣлалъ его членомъ совѣта и далъ ему звѣзду Станислава, тогда какъ изъ членовъ совѣта одинъ только старикъ Фадѣевъ имѣлъ ту же звѣзду, а всѣ другіе ходили съ Владимірами и Аннами на шеѣ. Затѣмъ, во все время пребыванія князя на Кавказѣ, Кипіани пользовался съ его стороны значительнымъ почетомъ и вниманіемъ, и только Мингрельское дѣло разрушило это видное положеніе и даже лишило Кипіани мѣста. Какъ это случилось—изложено будетъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ Мингрельскимъ дѣломъ, которое производило въ свое время большой шумъ и вообще въ гражданской дѣятельности князя занимало большое мѣсто.

Чтобъ обрисовать подробнѣе гражданскій міръ Кавказа, надобно сказать кое-что о губернаторахъ. При моемъ прибытіи на Кавказъ губернаторомъ въ Тифлисѣ былъ старикъ Лу—ашъ, какой-то старый пріятель Муравьева, которымъ онъ и замѣстилъ знаменитаго героя Ивана Малхазовича Андроникова. Онъ былъ сколько храбръ, столько же и ограниченъ. Относительно его гражданской администраціи ходили тысячи самыхъ уморительныхъ анекдотовъ, которыхъ конечно повторять не буду. Рельефнѣйшимъ изъ нихъ, однако, считался тотъ, гдѣ онъ, при какомъ то случаѣ, исчисливъ пространство, на которое простирается его начальственное вліяніе, заключилъ: «власть моя дѣйствуетъ отсюда и до туда и обратно».

Лу—ашъ быстро составилъ себѣ самую плохую репутацію: взяточничество при немъ приняло самыя громаднѣйшіе размѣры; защитники

его, не отвергая собственно взяточничества, говорили только, что взяточникъ не самъ онъ, а жена его. Разсказывались подробности, неподлежавшія никакому сомнѣнію. Меня удивляло только то, что всѣ выражали справедливое негодованіе, а между тѣмъ никто не рѣшался довести сущность дѣла до свѣдѣнія намѣстника. Подбиваемый энергическою семьею Фадѣевыхъ, я принялъ это на себя. Помню, какъ теперь, однажды въ Каджорахъ, послѣ обѣда, когда князь вмѣстѣ со мною, вышелъ на площадку, устроенную за его домомъ, куда приносили кофе, я сказалъ князю.

— Извѣстны-ли вашему сіятельству дурные слухи, которые ходятъ насчетъ губернатора.

— Да, я слышалъ кое-что, отвѣчалъ князь.

— Не изволите-ли признать нужнымъ приказать повѣрить эти слухи, потому что все дурное и хорошее въ управленіи относится къ намѣстнику.

— Это правда, сказалъ князь, надо этимъ заняться, хотя мнѣ очень непріятно было бы удалить этого старика, если бы оказалось нужнымъ. Подумаютъ, особенно въ Петербургѣ, что я мщу Муравьеву.

Вслѣдъ затѣмъ стали разноситься слухи, что Лу—ашъ непроченъ, а къ осени промелькнулъ слухъ, что генералъ Ка—ръ, какой-то начальникъ штаба въ Ставрополѣ, будетъ назначенъ Тифлисскимъ губернаторомъ на мѣсто Лу—аша. Все это скоро оправдалось на самомъ дѣлѣ. Лу—ашъ отправился въ Петербургѣ и тамъ какими-то средствами, вѣроятно тоже Муравьевскими, пробился впослѣдствіи въ сенаторы. Ка—ръ водворился въ Тифлисѣ губернаторомъ и предался не столько заботамъ о благоустройствѣ ввѣренной ему губерніи, сколько удовольствіямъ.

Все это тоже продолжалось недолго; Ка—ръ былъ милый человѣкъ, но плохой губернаторъ; къ тому же имѣлъ неосторожность закуривать папиросу въ присутствіи князя, садиться съ нимъ на одинъ диванъ и т. п. Само собою разумѣется, что такой губернаторъ не могъ быть терпимъ и потому также сданъ въ общій сенаторскій архивъ.

Пока все это происходило, къ губернаторскому мѣсту въ Тифлисѣ подползалъ змѣею тончайшій изъ поляковъ, Ор—скій. О прошедшемъ его ходили разные слухи. Переселившись на Кавказъ, онъ очутился управляющимъ дѣлами какого то закавказскаго общества шелководства и торговли, составленнаго изъ богатыхъ петербургскихъ баръ, разумѣется ничего непонимающихъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ службу. При назначеніи князя Воронцова Кавказскимъ намѣстникомъ его предупредили что Ор—скій не надеженъ. И дѣйствительно, князь Воронцовъ давилъ его всѣми мѣрами. Ор—скій, съ которымъ я очень со-

шелся, какъ съ человѣкомъ, истинно замѣчательнымъ по уму и дарованіямъ, самъ разсказывалъ мнѣ свое прошедшее. По его словамъ, однажды князь Воронцовъ сказалъ ему:

— Напрасно вы остаетесь въ краѣ; пока я здѣсь, вы ничего не получите.

— Я буду ожидать... ваше сіятельство, отвѣчалъ Ор—скій.

При моемъ прибытіи въ край онъ былъ предсѣдателемъ Эриванскаго губернскаго суда—мѣсто, довольно солидное, но далеко неудовлетворявшее его честолюбивымъ замысламъ. Съ назначеніемъ Барятинскаго намѣстникомъ, а спустя немного Крузенштерна начальникомъ главнаго управленія, Ор—скій понялъ, что замыслы его могутъ осуществиться. Надо замѣтить, что къ Крузенштерну, когда онъ еще былъ незначительнымъ чиновникомъ, прилѣпился другой полякъ, Хри—ничъ по прозванію, бывшій чиновникомъ государственнаго контроля, такъ что они и жили вмѣстѣ, и это сожительство продолжалось и въ то время, когда Крузенштернъ, волею Барятинскаго, быстро поднялся въ гору. Сожительство представляло этимъ господамъ обоюдную выгоду: Хри—ничъ понемногу тащился за Крузенштерномъ и вытянулъ имъ наконецъ въ директоры департамента, нарочно для него сочиненнаго, подъ названіемъ контрольнаго и учрежденнаго послѣ всѣхъ другихъ департаментовъ, что̀ и самъ Барятинскій хорошо зналъ и понималъ. Однажды, послѣ учрежденія этого департамента, князь спросилъ меня:

— Скажите, нуженъ былъ этотъ департаментъ?

— Не полагаю, отвѣчалъ я...

— Это Крузенштернъ сочинилъ для своего пріятеля Хри—нича, прибавилъ князь.

Для лѣниваго Крузенштерна, Хри—ничъ, въ сущности пустѣйшій господинъ, но надѣленный присущимъ каждому поляку даромъ влѣзать въ душу и дѣлаться необходимымъ, тоже сдѣлался необходимымъ, завѣдуя общимъ хозяйствомъ, покупая провизію, фуражъ и т. п. и ведя счетоводство. Но Хри—ничъ былъ ничтожество предъ Ор—скимъ, который, подъ видомъ дружбы, общей національности, единовѣрія и т. п., тотчасъ обратилъ его въ мостъ, для того, чтобы подойти чрезъ него къ Крузенштерну и въ свою очередь тоже влѣзть къ нему въ душу, но уже не въ смыслѣ овса и сѣна, но въ смыслѣ дѣловомъ, административномъ.

Слабый характеромъ, Крузенштернъ радъ былъ найти въ Ор—скомъ дѣловаго совѣтника, точно также, какъ радъ былъ видѣть въ Хри—ничѣ опытнаго эконома. Все это выразилось тѣмъ, что Ор—скій скоро переведенъ былъ въ Тифлисъ вице-губернаторомъ, гдѣ бездѣятельность Ка—ра выдвинула его на первый планъ, а когда затѣмъ явилась мысль спустить Ка—ра, то Ор—скій занялъ его мѣсто.

Справедливость требуетъ сказать, что, устраняя его сомнительную репутацію, это—человѣкъ, въ высшей степени замѣчательный и даровитый. Такого дѣльнаго и распорядительнаго губернатора, безспорно, никогда не было въ Тифлисѣ, а быть можетъ, и во всѣхъ другихъ губерніяхъ. Съ безпримѣрною опытностью въ дѣлахъ, съ самымъ точнымъ знаніемъ края во всѣхъ его отношеніяхъ, онъ соединялъ обольстительное, какое-то чарующее обращеніе. За глаза его можно бранить сколько хотите; но когда онъ говоритъ съ вами, нѣтъ возможности не поддаться его вліянію, не стать на его сторону и въ этомъ безспорно заключается сила, которою онъ разбивалъ всѣ интриги, всѣ навѣты, направленныя противъ него, и кончалъ всегда тѣмъ, что самаго предубѣжденнаго человѣка поворачивалъ въ свою пользу.

ГЛАВА III.

Главные дѣятели военнаго міра.—Д. А. Милютинъ, начальникъ главнаго штаба.—Ольшевскій, дежурный генералъ. М—ръ, начальникъ артиллеріи и начальники инженеровъ: Г—нъ и К—ръ.—Кол—скій, генералъ-интендантъ. М—ицъ, начальникъ жандармскаго округа.—Тифлисскіе коменданты: Ротъ и Опочининъ.

Понятно само собою, что, не принадлежа къ военному міру, я не могу относительно личностей этого міра представить такія же положительныя данныя, какъ о личностяхъ гражданскихъ. Тѣмъ не менѣе считаю небезполезнымъ сказать, что знаю.

Разумѣется, на первомъ планѣ, въ ряду военныхъ дѣятелей, стоялъ Д. А. Милютинъ. Его семейство держалось патріархальной простоты, которой оно не измѣнило и впослѣдствіи въ другомъ, несравненно высшемъ, положеніи. Можно безъ преувеличенія сказать, что изъ всѣхъ страстей человѣческихъ Д. А. Милютинъ имѣлъ одну страсть—трудиться. Такъ точно и на Кавказѣ онъ вѣчно былъ занятъ дѣлами и велъ трудовую жизнь. Всѣмъ извѣстно, что такую же жизнь онъ велъ и въ должности военнаго министра, устраняя всякія наслажденія, тщеславія, честолюбія и т. п.

Относительно дѣйствій и значенія его на Кавказѣ мнѣ, вѣроятно, придется много говорить; но и здѣсь неизлишне заявить тотъ несомнѣнный и замѣчательный фактъ, что князь Барятинскій высоко цѣнилъ его спеціальныя знанія.

Дежурнымъ генераломъ кавказской арміи былъ генералъ Ольшевскій, съ которымъ я былъ также въ дружескихъ отношеніяхъ, но о

которомъ рѣшительно не знаю, что сказать. Человѣкъ добрый, но проникнутый формами и пріемами предшествовавшаго царствованія. Отъ этого происходило много странныхъ столкновеній. Онъ хотѣлъ напр., чтобы блестящая свита намѣстника, составленная изъ чистѣйшихъ аристократовъ, находилась въ отношеніи къ нему, какъ дежурному генералу, въ должномъ чинопочитаніи. Свита, разумѣется, дѣлала все возможное, чтобъ приводить его въ раздраженіе. Такъ, напримѣръ, когда намѣстника не было въ театрѣ, свита его наполнитъ ближайшія къ сценѣ ложи театра, натаскаетъ туда возы букетовъ и начнетъ ими перекрестный огонь съ неистовыми рукоплесканіями и криками. Весь театръ весело смотрѣлъ на эти затѣи молодежи, зная существенную цѣль ихъ. Ольшевскій, видя въ этомъ неуваженіе къ нему и другимъ старымъ генераламъ, возсѣдавшимъ въ первыхъ рядахъ креселъ, волновался страшно, и когда раздраженіе его достигало сильнѣйшей степени, торжественно удалялся изъ театра съ угрозами завтра объяснитъ намѣстнику все неприличіе поведенія его свиты. Мнѣ, находившемуся въ дружескихъ отношеніяхъ съ обѣими сторонами, съ трудомъ удавалось отклонять болѣе серьезныя ихъ столкновенія.

Начальникомъ артиллеріи былъ старый нѣмецъ генералъ М—еръ, котораго постоянно старались сбыть, но который съ нѣмецкимъ искусствомъ держался на своемъ мѣстѣ. Начальникомъ инженеровъ былъ другой нѣмецъ Г—нъ, который, однако-же, въ слѣдъ за моимъ пріѣздомъ въ Тифлисъ, былъ переведенъ куда то, такъ что мнѣ пришлось купить у него нѣкоторую часть мебели. Онъ былъ до такой степени нѣмецъ, что даже говорить по-русски не умѣлъ, и по этой части ходило много уморительныхъ анекдотовъ: такъ, напр., во время Восточной войны онъ утверждалъ, что всѣ мы должны «положить животъ свой на отечество» и т. д.

Этотъ нѣмецъ при мнѣ уже замѣненъ былъ другимъ нѣмцемъ генераломъ К—ромъ, который говорилъ по-русски немного лучше Г—на, но ничего замѣчательнаго, сколько мнѣ извѣстно, не произвелъ. Подъ Гунибомъ представился было ему случай показать свои таланты и знанія, и увѣривъ князя, что правильная осада сей высокой горы потребуетъ по крайней мѣрѣ два мѣсяца времени, онъ хотѣлъ было открыть свои ученo-нѣмецкія работы, но коварные и ловкіе кавказскіе солдатики на другой или третій день втихомолку влѣзли на сію, гору и взяли ее вмѣстѣ съ Шамилемъ и его отчаянными мюридами. Такимъ образомъ К—ръ лишенъ былъ инженерной славы, которая могла бы спорить со славою Тотлебена.

Генералъ интендантомъ кавказской арміи былъ знаменитый Кол—скій. Знаменитъ онъ потому, что былъ безспорно даровитый человѣкъ.

Кол—скій былъ, такъ сказать, мѣстнымъ произведеніемъ. Съ юнкер-

ства онъ началъ кавказскую службу, шелъ, шелъ потихоньку и дошелъ до положенія генералъ-интенданта. Особенное счастіе его заключалось въ томъ, что при назначеніи князя Барятинскаго начальникомъ главнаго штаба онъ былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, что соотвѣтствовало нынѣшнему дежурному генералу. Лѣнивый и неопытный въ письменныхъ дѣлахъ князь не могъ не оцѣнить опытности, письменности и вообще даровитости Кол—скаго. Тутъ именно положены были прочныя основанія для будущности его. Я помню, когда князь, предъ назначеніемъ его намѣстникомъ, жилъ въ Петербургѣ и часто просилъ меня разобрать и привести въ порядокъ его бумаги. я постоянно видѣлъ въ нихъ множество полновѣсныхъ писемъ Кол—скаго, въ то время, конечно, мнѣ неизвѣстнаго. Изъ этихъ писемъ видно было. что послѣ отъѣзда князя съ Кавказа, Кол—скому при Муравьевѣ приходилось очень плохо и онъ пространно излагалъ и свои сѣтованія, и свои надежды на возвращеніе князя.

Понятно, что, надѣясь на извѣданное благоволеніе князя, Кол—скій въ должности генералъ-интенданта далъ поводъ къ неблагопріятнымъ для него слухамъ, такъ что даже самъ князь встревожился. Я помню однажды князь лежалъ больной въ своемъ кабинетѣ; я сидѣлъ предъ нимъ. Послѣ различныхъ разговоровъ, князь вдругъ спросилъ меня:

— Слышали, что говорятъ о Кол—скомъ?

Я отвѣчалъ, что слышалъ.

— Жаль,— продолжалъ князь,— если правда; онъ очень способный человѣкъ. Впрочемъ, я думаю преувеличиваютъ изъ зависти. Кажется, при поставкахъ есть какой-то процентъ, который считается почти законнымъ.

— Я не знаю, ваше сіятельство;— отвѣчалъ я,—но думаю, что размѣръ этого процента зависитъ отъ произвола каждаго.

— И это правда,—замѣтилъ князь,—однако надо что нибудь сдѣлать.

— Ваше сіятельство такъ много сдѣлали для Кол—скаго,— сказалъ я,—что мнѣ кажется самымъ лучшимъ средствамъ спросить его самого, существуютъ ли какія либо побочныя благопріобрѣтенія и какими размѣрами онъ довольствуется?

Князь сильно усмѣхнулся моему наивному предложенію и прекратилъ этотъ разговоръ. Однако же впослѣдствіи оказалось, что онъ примѣнилъ этотъ способъ къ дѣлу. Князь дѣйствительно сдѣлалъ Кол—скому этотъ роковой вопросъ и такъ внезапно, что произошла сцена. Кол—скій, ошеломленный врасплохъ этимъ вопросомъ, сконфузился, смѣшался и не зналъ, что отвѣчать и сослался на дурноту, которая мѣшаетъ ему собрать мысли. Впрочемъ для князя, владѣвшаго особеннымъ искусствомъ читать по лицамъ, этого было

достаточно; воспользовавшись ссылкою Кол—скаго на дурноту, князь тотчасъ его отпустилъ. Кол—скій, вѣроятно образумившись дома и составивъ планъ защиты, прислалъ вслѣдъ затѣмъ князю письмо, которымъ просилъ дать ему особую аудіенцію для представленія подробныхъ объясненій. Князь нашелъ это ненужнымъ и отказалъ, считая, вѣроятно, достаточнымъ нравственное впечатлѣніе, произведенное имъ на Кол—скаго, который, кажется, представилъ потомъ свои объясненія письменно; но никакихъ фактическихъ послѣдствій изъ этого не вышло. Стали только говорить, что Кол—скій вдругъ сократилъ размѣры своей роскошной жизни, распродалъ рысаковъ, ищетъ другой, болѣе скромной, квартиры и т. п., и едва ли не мы только трое: князь, Крузенштернъ и я знали истинныя причины этихъ скромныхъ стремленій. Но стремленія эти и остались одними стремленіями и даже продолжались весьма недолго, потомъ все пошло попрежнему, попрежнему стали кричать о роскоши въ его жизни, о брильянтахъ его жены и т. п.

Чтобы быть уже совершенно отчетливымъ, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о начальникѣ жандармскаго округа и комендантахъ, имѣющихъ въ Тифлисѣ весьма видное значеніе.

Начальникомъ жандармовъ въ мое время былъ М—ицъ, вообще, въ смыслѣ дѣловомъ, весьма ограниченный нѣмецъ, но въ частномъ быту милѣйшій господинъ, съ замѣтною наклонностью при случаѣ хорошо выпить и вообще кутнуть на русскій ладъ. Смѣшно было смотрѣть, на нашихъ пирахъ, какъ эта наклонность постоянно боролась въ немъ съ страхомъ, который онъ чувствовалъ къ отношеніи своей жены, всегда зорко слѣдящей за нимъ въ подобныхъ случаяхъ, высокой, сухой барыни изъ рода бароновъ Мей—въ, чѣмъ какъ самъ М—ицъ, такъ и жена его замѣтно гордились. Несмотря на то, что онъ плохо говорилъ по-русски, онъ на подобныхъ пирахъ большею частію выбирался «толумбашемъ», обязанность котораго, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы руководить пиромъ, произносить тосты и вообще поддерживать веселье, для чего и надѣлялся онъ неограниченною властью. Одаренный величайшимъ остроуміемъ, М—ицъ просто сыпалъ остротами, которымъ нѣмецкое коверканіе русскихъ словъ придавало какую-то особую прелесть.

Въ обыкновенное время, М—ицъ былъ благовоспитанный и чопорный генералъ, какъ и подобаетъ нѣмцу, чопорный тѣмъ болѣе, что онъ, ужъ не знаю почему и для чего, пріобрѣлъ громаднѣйшія геральдическія знанія и въ этомъ отношеніи имѣлъ большое значеніе въ глазахъ князя, тоже сильно хромавшаго, какъ говорится, на эту ногу. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовались эти знанія, М—ицъ считался авторитетомъ и признавалъ великимъ преступленіемъ малѣйшее отступленіе отъ правилъ, существующихъ или принятыхъ по этой части.

Какъ теперь помню, однажды, при входѣ моемъ въ кабинетъ князя я былъ встрѣченъ словами:

— Представьте, что случилось? Ахъ! какая досада! Этотъ глупый Поп—пуло ничего не понимаетъ, а я самъ не досмотрѣлъ. Согласитесь, однако, что когда у меня обѣдаютъ по пятидесяти человѣкъ, мнѣ простительно и допустить ошибку. Надобно, чтобы мнѣ помогали. Нѣтъ! мнѣ надобно надежнаго помощника. Поп—пуло вѣтренъ. Съ нимъ надѣлаешь непростительныхъ промаховъ.

Само ссбою разумѣется, что я никакъ не могъ изъ этихъ словъ понять истинной причины волненія и отчаянія князя. И что же оказалось? На вчерашнемъ обѣдѣ, для котораго, по обычаю, составлено было совокупными трудами князя и состоявшаго при немъ собственно по гофмаршальской части Поп—пуло, чиновника изъ грековъ, подробное росписаніе, кто кого долженъ вести къ столу, кто за кѣмъ долженъ былъ идти и наконецъ кто гдѣ долженъ сидѣть. И вдругъ, жена М—ица шла и сидѣла ниже другой барыни, слабѣйшей по рангу, по чину и чортъ знаетъ по чему! М—ицъ не только обратилъ вниманіе, но на другой день пріѣхалъ во дворецъ намѣстника, вступилъ съ Поп—пуло въ жаркія пренія, и когда тотъ, подъ ударами, наносимыми ему ученымъ и самолюбивымъ М—ицемъ, старался укрыться именемъ князя, тотъ настоятельно требовалъ, чтобы объ этомъ скандалѣ доложено было самому князю. Само собою разумѣется, что все это могло происходить только между такими чудаками, какъ М—ицъ и князь. Одинъ считаетъ необходимымъ такой вздоръ доводить до свѣдѣнія намѣстника, а другой принимаетъ этотъ вздоръ къ сердцу и волнуется такъ, какъ будто бы десять его отрядовъ были разбиты горцами.

Другая замѣчательная черта М—ица состояла въ постоянномъ стремленіи получить баронское достоинство.

Мѣстныя власти горячо содѣйствовали исполненію этого завѣтнаго желанія М—ица; я въ особенности усердно хлопоталъ и не только по своей должности директора общихъ дѣлъ краснорѣчиво доказывалъ, въ различныхъ бумагахъ, справедливость этой претензіи, но при своихъ поѣздкахъ въ Петербургъ, лично просилъ всѣхъ кого нужно было объ ея удовлетвореніи. Результатъ вышелъ, однако, плачевный и М—ицъ баронства не получилъ.

Что касается до тифлисскихъ комендантовъ, то въ этомъ званіи, по пріѣздѣ моемъ въ край, я засталъ знаменитаго защитника Ахты генерала Рота. Онъ считалъ себя, и быть можетъ справедливо, отличнымъ садоводомъ и отличнымъ кавалеристомъ и слѣдовательно знатокомъ лошадей. Изъ этихъ свойствъ сего генерала возникла у князя мысль назначить его начальникомъ управленія сельскаго хозяйства.

На мѣсто его тифлисскимъ комендантомъ назначенъ былъ Опочи-

нинъ, женатый на одной изъ дочерей кн. Орбеліяни, которую звали Варварою, а по туземному Бабаля.

Надобно замѣтить, однако, что Бабаля вообще была доброе, милое и потому всѣми любимое существо. Она отлично танцовала лезгинку, любила окружать себя толпами молодежи и вообще была, какъ говорится, веселая барыня. Отъ этого ея салоны, если только можно назвать салонами невзрачныя комнаты казеннаго дома, уставленныя плохою мебелью,—были самымъ привлекательнымъ мѣстомъ въ Тифлисѣ и постоянно были набиты народомъ.

Сестра «Бабали», кажется старшая, жила также въ Тифлисѣ, имѣя мужемъ какого-то стараго и болѣзненнаго генерала Санковскаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Запрещеніе азартной карточной игры.

Указъ императора Александра I с.-петербургскому военному губернатору генералъ-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову.

11-го іюля 1801 г.

Съ крайнимъ неудовольствіемъ доходитъ до свѣдѣнія моего, что карточная азартная игра, многими законами запрещенная и никакимъ благоучрежденнымъ правительствомъ нетерпимая, производится въ здѣшней столицѣ безъ зазору и безъ страха. Признавая зло сіе вреднѣйшимъ въ своихъ послѣдствіяхъ, нежели самое открытое грабительство, коего оно есть благовидная отрасль, и зная сколько глубоко, при малѣйшемъ попущеніи, можетъ оно пустить свои корни въ сихъ скопищахъ разврата, гдѣ толпа безчестныхъ хищниковъ, съ хладнокровіемъ обдумавъ разореніе цѣлыхъ фамилій, изъ рукъ неопытнаго юношества, или неразсчетливой алчности, однимъ ударомъ исторгаютъ достояніе предковъ, вѣками службы и трудовъ уготованное, и ниспровергая всѣ законы чести и человѣчества, безъ угрызенія совѣсти и съ челомъ безстыднымъ, нерѣдко поглощаютъ даже до послѣдняго пропитанія семействъ невинныхъ. Я признаю справедливымъ обратить всю строгость закона на сіе преступленіе и, дабы остановить въ самомъ началѣ гибельныя его (зла) дѣйствія,—повелѣваю вамъ неослабное имѣть бдѣніе и наблюденіе, дабы запрещенныя игры отнюдь и нигдѣ не были производимы и чтобъ вы, принявъ всѣ мѣры къ открытію таковаго дѣйствія, гдѣ бы оно ни таилось, виновныхъ въ ономъ безъ всякаго различія мѣстъ и лицъ приказали брать подъ стражу и отсылать къ суду, донося мнѣ въ то же время о именахъ ихъ и всѣхъ ихъ сообщниковъ.

Сообщ. **Л. М—чъ.**

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

X [1]).

Учитель музыки Мадвейсъ.—Красавица англичанка и ея мнимый кузенъ.—Праздники въ Огаревѣ. — Святки, капитанъ Тетеревъ. — Гаданія, елка. — Пасха. — Чуркина барыня.

Метель въ полномъ разгарѣ, вѣтеръ такъ и завываетъ свою грустную пѣсню... Но намъ, дѣтямъ, не холодно, не скучно и мы сидимъ у камина въ четырехъ-аршинной комнаткѣ, около любящей насъ матери! Слышимъ шумъ въ передней и незнакомый голосъ... входитъ человѣкъ и докладываетъ, что пріѣхалъ какой-то господинъ и ужасно бранится. Мама идетъ сама узнать, въ чемъ дѣло, мы также за ней побѣжали и, остановившись въ дверяхъ, услышали ломанный французскій языкъ и объясненіе, что онъ Madveiss: «perdu, retrouvé et envoyé par le prince Goerges». За чаемъ, онъ разсказалъ намъ исторію своего исчезновенія изъ кареты. Отецъ, заснувши крѣпко, такъ придавилъ его, что ему очень неудобно было сидѣть, и когда ѣхали лѣсомъ, шагомъ, онъ выскочилъ изъ кареты, расправить свои уставшіе члены, но кучеръ, не замѣтивъ этого, погналъ лошадей и онъ остался въ лѣсу; не зная, куда ему идти дальше, онъ рѣшилъ возвратиться назадъ. Уставши идти пѣшкомъ по песку, онъ радъ былъ увидѣть обозъ, приближающійся къ нему, и желая сказать мужикамъ нѣсколько любезныхъ словъ, онъ началъ гово-

[1]) См. «Рус. Стар.», 1897 г., май, стр. 357.

рить имъ: «Эта рѣка широка, какъ Ока; какъ, какъ Ока? такъ, какъ Ока!» Мужики расхохотались, принимая его вѣроятно за дурачка, а онъ, видя ихъ веселое расположеніе духа, пустился съ ними въ разговоръ и умильнымъ тономъ заговорилъ по-русски, думая, что одна изъ фразъ его русскаго репертуара, попадетъ на просьбу довезти его. Но, о ужасъ! Оказалось, что репертуаръ его состоялъ изъ однихъ бранныхъ словъ! Мужики, прежде хохотавшіе, разсердились и чуть не прибили его.

Его преподаватель русскаго языка былъ мой отецъ; онъ не забылъ свои шалости юности и потѣшался надъ нѣмцемъ, заставляя его говорить на разные нѣжные тоны—бранныя слова!

Услыхавъ разсказъ Madveiss'a, мама конечно догадалась, почему онъ, войдя къ намъ, встрѣтилъ лакея такими комплиментами. Но Madveiss хотѣлъ увѣрить мама, что теперь князь перемѣнилъ ему репертуаръ русскихъ словъ и онъ можетъ безъ страха говорить что нибудь любезное. Мама же, изъ страха услышать его репертуаръ, поспѣшила его разочаровать и увѣрить, что проказникъ ея мужъ, любившій посмѣяться, повторилъ съ нимъ ту же шутку, и что въ Огаревѣ онъ долженъ забыть свой русскій языкъ. Madveiss оказался милѣйшимъ человѣкомъ, серьезнымъ и великолѣпнымъ музыкантомъ. Онъ исключительно игралъ классическую музыку: Баха, Моцарта, Бетховена, Генделя и т. п. Съ ранняго дѣтства слушая классиковъ, я полюбила эту музыку и только она можетъ на меня сдѣлать сильное впечатлѣніе. Самъ Madveiss очень не дурно сочинялъ. Таня, тогда еще не начинала учиться, но когда онъ игралъ, она часто приходила его пугать, изображая изъ себя «волка» крадучись къ нему она завывала: «у-у-у!» Онъ написалъ для нея пьеску подъ заглавіемъ: «Tanischka est loup». Madveiss побылъ у насъ не долго, кажется съ годъ. Впослѣдствіи я часто жалѣла о краткомъ его пребываніи; такъ какъ мы всѣ имѣли хорошія способности къ музыкѣ, онъ могъ бы сдѣлать изъ насъ пьянистокъ. Мама познакомилась съ однимъ изъ своихъ родственниковъ А. Я. Потемкинымъ, который воспитывалъ у себя двухъ племянницъ. Пріѣхавъ разъ къ намъ, онъ пришелъ въ такой восторгъ отъ Madveiss'a, приставъ къ мама, чтобы она ему уступила его, увѣрилъ, что мы еще малы для такого учителя, а племянницы очень нуждаются въ хорошемъ преподавателѣ музыки; обѣщался ему прибавить 200 р., и мама по своему великодушію уступила Madveiss'a.

Съ отъѣздомъ его у насъ никого не было, кто игралъ бы на фортепіано, а залъ манилъ насъ танцовать, тогда мама съ m-me de Laveau играли намъ на гребешкахъ и подъ эту музыку мы танцовали. Большое удовольствіе для насъ было, когда пріѣзжалъ настройщикъ, тогда балъ бывалъ въ полномъ разгарѣ и по тогдашнимъ нашимъ понятіямъ съ настоящей музыкой. Впрочемъ, не долго оставались мы безъ преподава-

тельницы музыки. Мама пригласила къ намъ 18-ти лѣтнюю очень красивую англичанку (по матери русскую) хорошую музыкантшу съ спокойнымъ и симпатичнымъ характеромъ. Но гувернантки съ романами насъ не покидали. Проживши нѣсколько мѣсяцевъ, miss J*** попросила позволенія у мама принять своего двоюроднаго брата, на что, конечно, получила разрѣшеніе. Разъ, за урокомъ, дѣвушка подаетъ ей записочку, прочитавъ ее, miss вся измѣнилась въ лицѣ и выскочила изъ классной; мы за нею. Оказалось, что ея кузенъ пріѣхалъ и проситъ позволенія явиться въ домъ. За нимъ послали, и она представила его: «мой кузенъ Н. Н. Чернопятовъ». Уроки шли своимъ порядкомъ, несмотря на то, что мама предлагала ей оставить ихъ на время визита кузена, но она, какъ очень исполнительная, не захотѣла этого. Когда она бывала занята съ нами, онъ громко читалъ мама «Чужое имя» романъ соч. Ахшарумова, который печатался въ «Русскомъ Вѣстникѣ». M-me de Laveau не вѣрила, что Чернопятовъ—кузенъ miss J*** и хотѣла увѣрить въ томъ же и мама, но она, по своей душевной чистотѣ, даже сердилась на m-me de Laveau за подобное подозрѣніе. Послѣ отъѣзда кузена, недолго и miss оставалась у насъ. M-me de Laveau была права. Оказалось, что г. Чернопятовъ былъ мнимый кузенъ и былъ никто другой, какъ женихъ нашей красивой англичанки, и подъ чужимъ именемъ—настоящее его имя было Д—въ. Странное стеченіе обстоятельствъ! Читать романъ «Чужое имя» въ томъ домѣ, гдѣ самъ былъ подъ чужимъ именемъ. Разъиграли они этотъ романъ у насъ, потому что родные его, не позволяли жениться на ней, и онъ скрывалъ, что ѣздилъ ее навѣщать.

Наканунѣ именинъ мама мы праздновали и проводили весь день у нашего законоучителя, отца Александра; это былъ день его ангела.

Мы очень любили и уважали нашего батюшку, онъ былъ прекрасный священникъ и отличной души человѣкъ. Въ годъ нашего пріѣзда въ Огарево, онъ овдовѣлъ и у него остались на рукахъ двѣ маленькія дѣвочки и сынъ. Мама приняла большое участіе въ его горѣ. Дѣвочки его приходили къ намъ учиться и праздники проводили съ нами, играя въ «волки» съ такимъ же увлеченіемъ какъ и мы. Въ гостяхъ у батюшки, мы играли въ разныя игры, весь день грызли орѣхи, кушали карамели и пряники, которыми насъ угощали, и какъ все это казалось тогда вкуснымъ! Въ семь часовъ мама присылала наши любимыя санирозвальни и мы всей компаніей ѣхали домой. Тамъ насъ ждалъ освѣщенный домъ, убранный къ празднику, накрытый столъ съ образами, зажженныя лампадки, и мама, одѣтая по праздничному. Всѣ становились по мѣстамъ, и всенощная начиналась. Какое-то радостное чувство охватывало меня при мысли, что завтра—день ангела дорогой мама, а въ особенности радостно бывало на душѣ, когда былъ приготовленъ какой

нибудь хорошій сюрпризъ; Катенька была мастерица ихъ дѣлать. Батюшка служилъ очень торжественно и хорошо.

Обыкновенно бывало, что во время всенощной въ передней слышался шумъ, Евграфъ пробѣгалъ черезъ зало, и мы ужъ знали навѣрное, что кто нибудь пріѣхалъ изъ нашихъ друзей. И вслѣдъ за этимъ изъ дверей или выглядывала красивая бѣлокурая головка Вѣры Юрловой, или съ нею вмѣстѣ потихоньку входили въ зало кузины наши Потемкины, и мы всѣ, привѣтствуя другъ друга взглядами, не сходили съ своихъ мѣстъ, а продолжали молиться! Послѣ всенощной, всѣ подходили къ мамà поздравить ее съ наступающимъ праздникомъ, а потомъ уже раздавались наши поцѣлуи съ друзьями.

Святки мы проводили очень весело; несмотря на то, что у насъ ни гостей, ни кавалеровъ не было, но мы умѣли веселиться однѣ. Всю недѣлю наряжались и плясали. Я была мастерица придумывать и устраивать разные костюмы, и всѣ отплясывали подъ звуки гармоніи до упада.

Одно время у насъ была гувернантка очень высокая и любившая наряжаться мужчиною, но мужскаго костюма по ея росту не оказалось, и мамà взялась скроить ей его по ея мѣркѣ; разложила выкройки на столѣ въ залѣ и занялась кройкой. Вдругъ, дверь отворилась и появился на порогѣ какой-то господинъ въ военномъ мундирѣ. Мама испугалась при видѣ мужчины (отъ нихъ огаревскія жительницы отвыкли), застающаго ее за такой нескромной работой, и не узнавши незваннаго гостя, замахала руками и закричала: «уходите, уходите!» Господинъ этотъ былъ становой Несмѣловъ, носящій удачно свою фамилію. Онъ такъ испугался и сконфузился, что, закрывъ за собою поспѣшно дверь, хотѣлъ ретироваться, но наши барышни, увидя кавалера, хотя и жалкаго, но все же кавалера, упавшаго какъ съ неба, поспѣшили убрать со стола нескромныя принадлежности туалета и попросили войдти г. Несмѣлова.

Любили мы наряжаться въ героинь Гоголевскихъ, Фонвизина и т. п. и являясь къ мамà, представляли разныя сцены, изображая Коробочку, Пульхерію Ивановну, Матрофанушку и т. п. Иногда наряжали горничныхъ и предварительно учили ихъ тѣмъ ролямъ, въ которыхъ онѣ должны были явиться къ княгинѣ. Только пріѣхалъ разъ вечеромъ какой-то капитанъ Тетеревъ съ женой. Евграфъ пришелъ доложить. Мамà, привыкшая къ нашимъ шуткамъ, была въ полной увѣренности, что это кто-нибудь изъ ряженыхъ. Входитъ капитанъ съ супругою и подходя къ мамà, говоритъ: «Позвольте, ваше сіятельство, представиться, я—капитанъ Тетеревъ, человѣкъ бѣдный, слышавъ такъ много о вашей добротѣ» и т. д... Мамà, увѣренная, что это ряженые, смотритъ во всѣ глаза, и не вставая съ дивана, разсматриваетъ капитана кругомъ, стараясь въ немъ узнать кого нибудь изъ своихъ, и говоритъ: «Да кто же это? Матреша? Агаша?» Мы, въ ужасѣ дѣлаемъ мамà знаки, но

она ихъ не замѣчаетъ и продолжаетъ стараться кого нибудь узнать, говоря: «Нѣтъ не узнаю!» Капитанъ Тетеревъ въ недоумѣніи отвѣчаетъ: «Я—капитанъ Тетеревъ, человѣкъ больной»... Мы продолжаемъ дѣлать знаки, а мама продолжаетъ разговоръ какъ съ ряженными: «Какъ мнѣ васъ жаль! Что же у васъ болитъ? И какая у васъ странная фамилія... Да кто же это наконецъ? Груша?» Хохотъ душилъ насъ, и мы уже закричали: «mais, maman, ce sont de vrais personnages c'est un vrai capitaine!» [1]).

Есть ли одна русская деревенская барышня, которая не гадала бы!?.. Я думаю, такой не найдется. Да и какъ не увлечься русскими преданіями, не вспомнить, какъ въ старину боярышни гадали. Все располагаетъ и манитъ въ тихій, свѣтлый, морозный зимній вечеръ выйдти на дворъ, пробѣжать по скрипучему снѣгу къ воротамъ, бросить башмачекъ, лечь на бѣлый снѣгъ, взять его въ руку и бѣжать опять въ домъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли волоса въ растаенномъ снѣгѣ и какого онъ цвѣта? Такъ и мы, когда сдѣлались дѣвицами, и когда въ голову стали закрадываться мысли о невѣдомомъ суженомъ, то всѣ эти гаданья заинтересовали насъ. Приносили также пѣтуха, пѣвали подблюдныя пѣсни; тогда еще оставшіяся изъ крѣпостныхъ горничныя все это знали до тонкости; пѣли намъ пѣсни; каждая своей любимой княжнѣ мостила мостики и клала королей подъ подушку, а на другой день, улыбаясь, освѣдомлялась, что видѣла княжна, кто черезъ мостикъ ее переводилъ?

Когда къ намъ во время святокъ съѣзжались нѣсколько барышень и молодыхъ людей, намъ подавали нѣсколько розвальней (онѣ остались наши любимые сани), и усѣвшись въ нихъ, отправлялись въ село подслушивать подъ окна и спрашивать имена прохожихъ, которые бывали рѣдки, такъ какъ деревенскій людъ рано отправлялся на отдыхъ, и однѣ собаки, перепуганныя и недовольныя нашимъ появленіемъ не въ урочный часъ, лаяли, бросаясь издали на насъ... Конечно, не вѣра въ гаданье увлекала насъ, а увлекала молодость, жаждущая веселья и хватающаяся за все, лишь бы повеселиться и оживленнѣе провести время. Чѣмъ молодость не тѣшится!

При словѣ е л к а, возвращаюсь къ дѣтству и къ маленькому домику съ соломенной крышей.

Въ день, когда должна быть елка, насъ всегда отправляли къ батюшкѣ, чтобы мы не видѣли всѣ заготовленные сюрпризы. Какая радость охватывала насъ, когда за нами присылали! Мы знали, что все готово, все горитъ огнями, и подарки насъ ждутъ! Подъѣзжая къ дому въ окна уже видны были мелькающіе огоньки... Мама насъ встрѣчала сіяющая, и мы не знали куда намъ бѣжать, когда растворялись

---

[1]) «Мама! Это настоящій капитанъ».

двери—цѣловать-ли дорогую мамочку, бѣжать ли искать подарки или остановиться, любоваться на чудную елку?!... Увидя три домика для куколъ, нашему восторгу не было конца! они такъ-же были освѣщены какъ и нашъ домикъ, тамъ была не только разная мебель, но и фортепіано, и люстра, зажженая разноцвѣтными свѣчами и даже клѣтки съ птицами, а куклы преважно сидѣли разодѣтыя на диванѣ, ожидая своихъ маленькихъ хозяекъ. Когда куклы перестали насъ занимать, мать намъ дарила много хорошихъ книгъ, и у насъ составилась очень хорошая библіотека, дарила намъ также свои вещи, напримѣръ: въ 13 лѣтъ я получила часы съ брильянтами, и m-me de Laveau приходила въ ужасъ, говоря:

— Mais, chère princesse qu' allez-vous donc donner à vos filles, quand elles auront 17 ans?

— Eh! M-me de Laveau,—отвѣчала мама, si j'aurai quelque chose de mieux, je le leur donnerai, si non, elles s'en passeront [1]).

Она такъ любила дѣлать удовольствія, что ей хотѣлось все отдать поскорѣе, что имѣла. Передъ рожденіемъ или именинами которой-нибудь изъ насъ, готовились столики съ подарками и ставились самой мамѣ, когда виновница праздника спала, около ея кровати. И чего, чего не было на этомъ столикѣ, который отнималъ у меня сонъ и какъ магнитъ притягивалъ къ себѣ. Проснешься бывало, темно еще, и начнешь рукой потихоньку щупать всѣ вещи и разгадывать, что бы это такое было?

Какъ рождественскіе праздники ни радовали насъ, какъ ни веселились мы на святкахъ, а приближеніе Великаго, Свѣтлаго праздника—нельзя было сравнить ни съ какой радостью, ни съ какимъ весельемъ; что-то небесное, святое—ощущала душа въ ночь Свѣтло-Христова Воскресенія!.. Весь великій постъ, въ свободное отъ уроковъ время, мы работали на бѣдныхъ, на церковь и готовили подарки матери; а въ это время Катенька читала намъ евангеліе. Это были счастливѣйшіе минуты нашей жизни, когда мы около дорогой матери, въ ея маленькомъ кабинетѣ слушали слово Божіе. Начиная съ пятницы Страстной недѣли мы готовились къ свѣтлому празднику и съ нетерпѣніемъ ожидали его.—Передъ заутренею мы одѣвались во все бѣлое, шли въ церковь и съ особеннымъ благоговѣніемъ ожидали пѣнія «Христосъ Воскресе». Похристосовавшись съ священникомъ и матерью, мы радостные и веселые возвращались домой. Тамъ, первый встрѣчалъ насъ Евграфъ, въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ; такъ было весело, что и Евграфъ, казался не такимъ, какъ обыкновенно, и съ нимъ христосовались, съ

---

[1]) „Но, дорогая княгиня, что же вы подарите своимъ дочерямъ, когда имъ будетъ по 17-ти лѣтъ?"

— „Если у меня будетъ что нибудь лучшее, я то имъ подарю, а если нѣтъ то онѣ обойдутся и безъ подарка".

особеннымъ чувствомъ. Потомъ бѣжали въ столовую, гдѣ громадный столъ былъ уставленъ разными блюдами, и по прибытіи священника разговлялись.

Въ этотъ день всегда пріѣзжала къ намъ одна бѣдная дама, извѣстная надъ именемъ «Чуркиной барыни». Она бѣдненькая, на одной лошадкѣ, подъѣзжала къ дѣвичьему крыльцу; поднималась въ дѣвичью, усиживалась и, кушала съ аппетитомъ все, что ей приносили, и получивъ отъ мама́ помощь, уѣзжала. Похожа она была на сову, въ своемъ бѣломъ чепчикѣ съ оборками, и страшные глаза ея на выкатѣ пугали насъ. Она была дворянка и интересна только тѣмъ, что имѣла лишь одного крѣпостнаго мужика, Чуркина, который служилъ ей во всемъ и даже своимъ именемъ, такъ какъ ея фамилію мало кто зналъ, а всѣ знали ее подъ именемъ «Чуркина барыня».

Разсказываютъ, что она въ молодости вышла замужъ, противъ желанія родныхъ, которые ей ничего не дали, исключая одного только Чуркина, и похоронивъ мужа, она стала окончательно бѣдствовать и даже съ горя стала попивать. Крѣпостной ея человѣкъ остался ей вѣрнымъ слугой и кормилъ ее до конца ея жизни. Онъ развозилъ свою барыню по сосѣднимъ помѣщикамъ, которые ей помогали.

XI.

Жизнь наша въ Огаревѣ.—Пріѣздъ брата и его характеристика. — Отъѣздъ отца заграницу.—Возвращеніе его въ Россію и пріѣздъ въ Огарево. Отъѣздъ въ Москву.—Бабуша А. М. Павлова. — Пріѣздъ отца въ Петербургъ и жизнь въ Гостилицахъ.—Вторичный отъѣздъ заграницу. - Свиданіе съ А. И. Герценомъ.—Послѣдствія этого свиданія и изданіе брошюры дѣда.—Опала и жизнь отца въ Козловѣ.

Жизнь наша въ Огаревѣ, которую мать сравнивала съ жизнью женскаго монастыря, текла мирно, тихо, и казалось всѣ были довольны, всѣ счастливы; но сердце нашей матери не могло быть покойно, и часто я замѣчала въ глазахъ ея слезы. Тогда я робко подходила къ ней, желая приласкаться; она обнимала меня, и мы обѣ плакали. А когда бывало, сидя у окна въ своемъ крошечномъ кабинетѣ, мама потихоньку напѣвала:

Тяжело, не стало силы
Ноетъ грудь моя,
Злое горе до могилы
Дотащу ли я?..

мое маленькое сердечко тогда такъ больно сжималось, и я или убѣгала въ дѣтскую и тамъ, уткнувшись въ подушку, горько плакала, или подхо-

дила къ кіоту, брала образъ Спасителя, крѣпко прижимала его къ груди и просила спасти маму и папу.

Самою большою радостью для Огарева былъ пріѣздъ брата Евгенія изъ Морскаго корпуса. Евгеній, получилъ спартанское воспитаніе. Пяти лѣтъ отецъ посадилъ его безъ сѣдла на лошадь и гоняя на кордѣ, выучилъ мальчика держаться, а вскорѣ и ѣздить самостоятельно верхомъ. Очень рано онъ выучилъ его плавать, приказывая бросаться съ tremplin, и самъ, плавая великолѣпно, подхватывалъ сына, когда видѣлъ, что онъ выбивался изъ силъ. Съ семи лѣтъ, онъ отданъ былъ въ Тамбовскій кадетскій корпусъ. Вотъ случай изъ того времени, когда онъ былъ кадетомъ. Мать какъ-то взяла его съ собою въ Петербургъ. Тамъ, гуляя съ нею каждый день въ Лѣтнемъ саду, маленькій кадетъ просилъ одѣть его по формѣ.

— Вотъ увидите. мамаша, говорилъ онъ, что я получу выговоръ отъ начальства и меня посадятъ въ карцеръ.

— Ну кто замѣтитъ такого маленькаго человѣчка, какъ ты?—отвѣчала мать.

Однако выговоръ не замедлилъ послѣдовать, хотя добрый и кроткій. Однажды Женя, отдалившись отъ матери, прибѣжалъ весь красный и запинаясь сказалъ:

— Вотъ видите мамаша, я говорилъ вамъ, что въ Петербургѣ нельзя быть кадету не по формѣ! Мнѣ самъ наслѣдникъ замѣтилъ это. Онъ спрашивалъ меня, съ кѣмъ я здѣсь? я отвѣтилъ—съ мамà. Такъ скажи твоей мамà, сказалъ онъ, что я прошу ее обмундировать тебя какъ слѣдуетъ, а то государь увидитъ тебя и будетъ очень недоволенъ.

— Зачѣмъ же ты побѣжалъ показываться наслѣднику, замѣтила мать,—я тебѣ говорила, чтобъ ты не смѣлъ уходить далеко отъ меня.

— Я увидѣлъ отвѣчалъ мальчикъ наслѣдника съ дѣтьми, съ которыми я игралъ у принца Ольденбургскаго, и мнѣ захотѣлось поздороваться съ ними.

Черезъ нѣсколько дней мамà утѣшила своего маленькаго кадета, обмундировала его по всѣмъ правиламъ и пошла съ нимъ опять въ Лѣтній садъ. Когда Женя увидѣлъ наслѣдника, онъ не вытерпѣлъ, забылъ приказаніе матери не удаляться отъ нее, опрометью бросился къ нему на встрѣчу и, ставъ во фронтъ, отдалъ ему честь. Наслѣдникъ, потрепавъ его по плечу, сказалъ: «Ну, теперь ты молодецъ».

Обращаясь къ отцу я должна сказать, что послѣ разлуки съ семьей онъ не могъ долго остаться въ Салтыкахъ и, поручивъ дѣло и хозяйство своему другу Р—ву, уѣхалъ заграницу. Передъ выѣздомъ изъ имѣнія онъ 3-го марта 1856 г. писалъ ему:

«Посылаю тебѣ, любезный другъ, образъ Святителя Николая, съ которымъ я еще никогда не разставался; прошу тебя его принять отъ

меня, какъ доказательство неподдѣльной моей къ тебѣ любви и какъ залогъ вѣчной моей признательности! Быть можетъ, что наше вчерашнее прости—было послѣднее! Итакъ прости—прими этотъ образъ отъ друга твоего и моли Угодника подкрѣпить душу раба Юрія».

При этомъ письмѣ отецъ прислалъ въ Знаменскую церковь 200 руб. Въ письмѣ изъ Берлина онъ писалъ 29-го мая: «Я счастливъ, дорогой другъ, что могу доказать вамъ этимъ письмомъ, что ни разстоянія, ни ваши предположенія, никогда не измѣнятъ преданной любви Юрія Голицина къ семейству Р—выхъ.

«Сегодня, завтра и будущее воскресенье—знаменательные дни для Знаменскаго. Думаю, что сегодня пріѣхала мой другъ Юлія [1]) ваша дорогая дочь, и такъ примите мои искреннія поздравленія. Мое путешествіе очень интересно, но между тѣмъ и очень грустно.

«Я съ большимъ вниманіемъ все осматриваю, и нѣмцы народъ весьма дѣльный, и главное практичный; здѣсь даже собаки съ намордниками бѣгаютъ—Редутъ [2]) здѣсь не разгулялся-бы!

«Передайте Аркадію, что Мейерберъ, узнавъ о моемъ присутствіи въ Берлинѣ и о томъ, что я справлялся о немъ, пришелъ самъ ко мнѣ и цѣлый день мы пробыли вмѣстѣ. Онъ написалъ новую оперу и отправляется ее ставить въ Парижъ, гдѣ конечно мы будемъ часто съ нимъ бесѣдовать. Сегодня я выѣзжаю въ Дрезденъ. Сѣровъ со мною не поѣхалъ, обѣщалъ меня догнать. Журналъ я свой веду подробно [3]), Въ Штетинѣ пробылъ день и ѣздилъ за городъ осматривать поля. Конечно въ Россіи, въ самый урожайный годъ ни у кого я не видѣлъ такой ржи и пшеницы, какіе растутъ у нѣмцевъ на песчаномъ грунтѣ и на буграхъ. Лошади, на которыхъ пашутъ—не стыдно въ Питерѣ по Невскому проѣхать! свиней моютъ ежедневно съ мыломъ, чуть не завиваютъ!

«Андрей потерялъ мои часы; для начала не дурно, что дальше будетъ! Надѣюсь, что путешествіе для ума будетъ полезно, но для сердца—пусто! Прощайте, друзья мои; не забывайте искренняго вашего друга Юрія Голицина».

Эта поѣздка князя послѣ разлуки съ семьей не была продолжительна, такъ какъ въ августѣ того-же года онъ былъ на коронаціи, о чемъ я уже говорила выше, въ своихъ воспоминаніяхъ. Послѣ коронаціонныхъ торжествъ онъ поѣхалъ въ Огарево съ цѣлью просить жену вернуться къ нему въ Салтыки, но не засталъ ея. Мать моя, также соскучившись по мужѣ, поѣхала сама къ нему и на пути у друзей своихъ Р—выхъ узнала,

---

[1]) Юлія Ар. Р—ва была тогда замужемъ и возвращалась изъ-за границы послѣ voyage de noce. Вышла замужъ она за З—та.

[2]) Собака-водолазъ.

[3]) Къ сожалѣнію журналъ этотъ не найденъ.

что князь только что поѣхалъ къ ней. Она, переночевавъ у Р—выхъ, спѣшила вернуться назадъ, надѣясь застать его у себя.

Въ Огаревѣ-же отецъ остался очень не долго—все ему тамъ было не по вкусу и онъ постоянно восклицалъ: «Здѣсь настоящая Сибирь! какъ можно тутъ жить?» Въ особенности чувствовалъ онъ себя далеко не на просторѣ въ маленькомъ кабинетѣ жены своей: вошедши туда—онъ занялъ своей особой всю комнату и, задѣвъ плечомъ этажерку, поронялъ разныя фарфоровыя вещицы. Желая поддержать то, что падало—онъ взмахомъ руки уронилъ круглый столикъ, и все что было на немъ разбилось. Впослѣдствіи помѣщеніе наше было постепенно увеличено и каждый годъ къ дому что нибудь да пристраивалось: то спальни, то большое зало съ резонатомъ, однимъ словомъ, въ короткое время домъ въ Огаревѣ, имѣвшій 8 комнатъ, постепенно увеличился до 30, и соломенная крыша превратилась въ желѣзную.

Я обожала отца и радовалась, что вижу его, но все-таки испытывала невольный страхъ въ его присутствіи и какое-то чувство отчужденія, которое меня мучило. На другой день его пріѣзда мы нѣсколько попривыкли и даже рискнули спѣть ему хоромъ солдатскую пѣсню: «Солдатушки ребятушки!» Не умѣя правильно дѣлать удареніе, мы пѣли: «солдатушки-ребятушки!»... Отецъ сейчасъ-же насъ остановилъ: поставилъ насъ передъ собою въ рядъ и велѣлъ пѣть за нимъ произнося, «солдатушки-ребятушки!»... и т. д. Потомъ пошли мы съ нимъ гулять, но прогулка ему еще менѣе понравилась, чѣмъ все остальное и даже разсердила его. На немъ былъ надѣтъ какой-то большой широкій плащъ; когда онъ вышелъ на улицу и подбоченясь сталъ оглядывать окрестности Огарева, то фигура его и безъ того большая, показалась еще больше, и ребятишки, высыпавшіе на улицу, такъ испугались внушительнаго вида отца, что моментально всѣ исчезли и попрятались за ворота. Привыкшій, что въ Салтыкахъ весь народъ, отъ мала до велика, встрѣчаетъ своего князя съ поклонами и привѣтами, онъ остался недоволенъ, что старшіе не внушаютъ дѣтямъ почтенія къ своимъ господамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дѣти не считали его пугаломъ, онъ послалъ за лакомствомъ, велѣлъ собрать всѣхъ ребятъ, и мы бросали имъ пряники.

На обратномъ пути въ Салтыки, онъ встрѣтилъ мама на почтовой станціи; но почему каждый изъ нихъ поѣхалъ своей дорогой—все это осталось тайной... Отецъ пріѣзжалъ въ Огарево осенью, а зиму того-же 1856 года мать моя со мною провела въ Петербургѣ, у бабушки Т. Б. Потемкиной, гдѣ я была больна безнадежно тифомъ, отецъ же въ то время находился въ Москвѣ, съ своимъ хоромъ, гдѣ давалъ концерты, серьезно занимался музыкой и предался окончательно музыкальному дѣлу. Онъ пріѣхалъ навѣстить насъ въ Петербургъ и привозилъ своихъ

пѣвчихъ, которые пѣли въ большой залѣ дома Потемкиныхъ. Воодушевляясь музыкой, которая часто благотворно дѣйствуетъ и смягчаетъ душу человѣка, отецъ писалъ 13-го марта 1857 г. своему другу Р—ву, что онъ уѣзжалъ изъ Москвы на нѣсколько дней въ Петербургъ, чтобы «проводить свою жену, и очаровательную Лелю, которую Богъ милосердіемъ Своимъ возвратилъ къ жизни.

«Я такъ здѣсь (въ Москвѣ) занятъ, прибавлялъ онъ, музыкой и такъ работаю усердно и добросовѣстно, что рѣшительно могу сказать, что не имѣю четверти часа свободнаго. На 400 р. сер. выписалъ партитуръ изъ Германіи: всего Гайдна, Марчелло, Керубини, Палестрино и учусь оркестровкѣ Je voue décidément à présent toute mon existence à la musique; je renonce à tout et je me fais artiste [1]), Пока тебѣ пишу, Елагинъ съ Мальковымъ [2]) играютъ мнѣ увертюру Гайдна: «Judas Maccabée», c 'est sublime! Какое блаженство! Обнимаю тебя, моего искренняго друга; передай твоей женѣ, что на свѣтѣ я признаю и люблю свято только музыку, жену съ дѣтьми (мою) и всѣхъ васъ—Знаменскихъ друзей.

«Никогда, никогда васъ не забуду, до послѣдняго издыханія. Я надѣюсь, что жена твоя, а въ особенности моя добрая «Бабуша» me rendront justice (отдадутъ мнѣ справедливость). Пишу, а слезъ удержать не могу, вспомня всѣхъ васъ!.. Прощай!.. Другъ вашъ Юрій.

P. S. Ожидаю Катю [3]) для концерта въ воскресенье».

Посылая при этомъ свой портретъ А. А. Р—ву, князь написалъ на немъ:

Портретъ ты мой хотѣлъ имѣть,
Спѣшу тебѣ его представить!
А то, боюсь такъ растолстѣть,
Что на листѣ ужь не уставить!

А «Бабушѣ»—Аннѣ Михайловнѣ Павловой, отецъ прислалъ красивый футляръ для картъ, на крышкѣ котораго были эмалированныя карты, означающія въ гаданіи: исполненіе желанія, любовь, дружбу, и выбито слѣдующее стихотвореніе:

---

[1]) Я положительно посвящаю себя музыкѣ, отказываюсь отъ всего и дѣлаюсь артистомъ.

[2]) Мальковъ былъ взятъ отцомъ моимъ маленькимъ мальчикомъ изъ крестьянской семьи села Салтыковъ въ пѣвчіе; потомъ сдѣлался регентомъ и помощникомъ отца, выучился играть на фортепіано и впослѣдствіи давалъ уроки музыки.

[3]) Т. е. жену свою; а ей онъ написалъ слѣдующую телеграмму: „Концертъ въ пятницу, въ часъ; признаюсь, что твое отсутствіе меня огорчитъ. Отвѣть сейчасъ. Твой другъ Юрій“; и другую: „Выѣзжалъ тебя встрѣчать въ Тверь и съ грустью по ошибкѣ ночью поцѣловалъ какую-то рожу. Твой мужъ Голицинъ“. Безъ шутокъ отецъ не могъ жить.

Бабуша! Вы въ памяти моей живете!
И карты мысль мою вамъ изъяснятъ.
Въ нихъ исполненіе желаній вы найдете,
Съ эмблемой вѣчной—васъ любить!

Анна Михайловна Павлова, рожденная Соковнина (Бабуша—какъ всѣ ее зва́ли), была большимъ другомъ нашего поэта Жуковскаго, который въ молодости былъ ея поклонникомъ; она любила поэзію, много знала наизусть стихотвореній и сама часто, обращаясь къ своимъ друзьямъ, говорила и писала стихами. Вотъ одно изъ ея стихотвореній, сказанное экспромптомъ, въ которомъ она рисуетъ такъ откровенно свой милый портретъ:

Все тотъ же капоръ обветшалый,
Все тотъ же чепчикъ на боку!
Все то же платье—„цвѣтъ увялый!"
Но въ томъ увѣрить васъ могу:
Все то же сердце неизмѣнно...

Въ 1856 году ей было 72 года, и она написала тогда слѣдующее стихотвореніе:

А мнѣ все не спится,
Куда какъ тяжело!
Въ умѣ все вертится
Одно, да одно!
Есть что-то такое,
Что спать не даетъ!
То горе лихое
Такъ сердце и жметъ.
Ужь это мнѣ горе!
Куда жь его сбыть?
Какъ бурное море,
Кипитъ и крутитъ.
И нѣтъ мнѣ покоя
Ни ночью, ни днемъ...
Всегда насъ съ нимъ двое,
Вдвоемъ и умремъ!

Лѣтомъ, въ 1857 году, отецъ продолжалъ усердно заниматься музыкой и готовилъ пѣвчихъ къ концертамъ, пріискивая возможность продать свой хоръ. Въ періодъ этого времени онъ хлопоталъ также о мѣстѣ директора пѣвческой капеллы или директора императорскихъ театровъ; были у него также дѣла и по имѣнію. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ онъ долженъ былъ побывать въ Петербургѣ. Мать моя, оставивъ насъ въ Огаревѣ съ m-me de Laveau, поѣхала также въ Петербургъ къ мужу, но большую часть времени гостила у Т. Б. Потемкиной, въ «Гостилицахъ», близъ Петергофа, куда и отецъ переѣхалъ со своимъ хоромъ. Передъ переѣздомъ туда, онъ писалъ женѣ:

«Дорогой ангелъ! Издержки на содержаніе пѣвчихъ, которые необходимо должны остаться до 1-го августа, становятся слишкомъ велики, и я рѣшаюсь переселиться на лѣто въ «Гостилицы». Для исполненія этого намѣренія я посылаю Степана въ «Гостилицы», чтобъ найдти въ селѣ четыре избы для дѣтей (пѣвчихъ) и одну для меня, и сдѣлать заготовленіе провизіи. Прошу тебя поговорить объ этомъ съ тетушкой Потемкиной и особенно дать ей понять, что все это будетъ на мой счетъ, потому что я не хочу, чтобъ предположили во мнѣ желаніе «жить на хлѣбахъ» со всѣми пѣвчими; и потомъ, такъ какъ въ продолженіе лѣта я долженъ буду нѣсколько разъ бывать въ Петербургѣ съ моими пѣвчими, то удобнѣе въ одинъ разъ переселиться, чѣмъ дѣлать эти издержки. 15-го числа будущаго мѣсяца мы будемъ въ «Гостилицахъ» и въ продолженіе всего лѣта будемъ пѣть маленькимъ хоромъ всенощныя и обѣдни въ церкви «Гостилицы»; я надѣюсь этимъ сдѣлать удовольствіе тетушкѣ и дидѣ. Для себя я ничего не прошу: ни комнаты даже, въ виду того, что предстоитъ большая работа, и слѣдовательно, я буду жить на селѣ съ пѣвчими. Ко мнѣ придираются въ Салтыкахъ; я уѣзжаю завтра, чтобъ къ 10-му быть назадъ. О томъ, что касается нашихъ дѣлъ — помолись и пошли письмо къ государю. Цѣлую тебя съ безграничной любовью, которую къ тебѣ питаю. Твой другъ Юрій».

Мать, соскучившись по насъ, вернулась въ Огарево, отецъ оставался до осени въ Гостилицахъ; хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ: продажа хора не состоялась, мѣсто директора капеллы или театровъ онъ не получилъ, хоръ распустилъ, и разстроенный и недовольный уѣхалъ опять за границу.

Тамъ, какъ я уже говорила [1]), онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Герценомъ и завелъ съ нимъ переписку, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе правительства. Почти одновременно съ этимъ дѣдушка мой, князь Николай Борисовичъ Голицинъ, воспитанный іезуитами, былъ въ душѣ католикъ и написалъ статью противъ православія. Онъ прочиталъ ее Андрею Николаевичу Муравьеву, который, возмущенный ею, сказалъ дѣдушкѣ:

— Писать вамъ, князь, никто запретить не можетъ, но знайте, что если вы напечатаете эту статью—я васъ выдамъ.

Когда отецъ мой уѣзжалъ въ Лейпцигъ, дѣдушка далъ ему свою статью, прося отдать тамъ ее напечатать. Будучи человѣкомъ очень религіознымъ, князь Юрій Николаевичъ никогда бы не напечаталъ подобной статьи, но, не поинтересовавшись ея содержаніемъ, онъ исполнилъ просьбу своего отца. Когда статья эта появилась и произвела боль-

[1]) См. «Рус. Стар.» 1897 г., № 4, стр. 177.

шое впечатлѣніе въ Петербургѣ, Андрей Николаевичъ Муравьевъ исполнилъ свое слово и выдалъ автора! Вслѣдъ за тѣмъ узнали, что виновникомъ ея появленія былъ князь Юрій Голицинъ, и императрица Марія Александровна приказала уволить его отъ службы по своему вѣдомству. Съ увольненіемъ въ отставку, отецъ мой лишился званія камергера, поселился въ г. Козловѣ, Тамбовской губерніи, и былъ отданъ подъ присмотръ полиціи. Въ Козловѣ онъ жилъ исключительно музыкою.

Воспользовавшись разлукой князя съ семьей и его опальнымъ положеніемъ, нашлись люди, которые, подъ личиной любви и преданности, вошли въ дружбу къ отцу моему и овладѣли его сердцемъ. Онъ же не умѣлъ любить тихо—буря поднялась снова, и угасшія увлеченія съ новой силой забушевали!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

«
хор

ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ

отъ

Москвы до Красной Пахры.

IV [1]).

Значеніе лица въ общественной жизни народа, въ среду котораго еще поверхностно проникло образованіе, и который привыкъ къ правительственной опеки, — опредѣляется не столько его личными достоинствами и даже заслугами, сколько служебнымъ положеніемъ. Такое положеніе Барклая и Бенигсена естественно не оставляло ихъ одинокими соперниками и недоброжелателями князя Кутузова; но около нихъ пріютились еще многіе и тѣмъ содѣйствовали ихъ вліянію только на войска, потому именно, что Россія и не знала объ этихъ козняхъ. Одни связывались съ нимъ только личными отношеніями и, съ удаленіемъ своихъ покровителей изъ арміи, сами удалились вмѣстѣ съ ними, какъ Вольцогенъ и Закревскій; другіе, не соединявшіе личныхъ отношеній съ общимъ дѣломъ спасенія отечества, конечно, не оставили арміи, несмотря на двусмысленное положеніе, въ которое были поставлены своимъ служебнымъ значеніемъ. Самымъ виднымъ лицомъ, изъ числа послѣднихъ, былъ начальникъ штаба первой арміи генералъ Ермоловъ.

Онъ пользовался особымъ расположеніемъ и даже довѣріемъ государя, дружбою великаго князя Константина и уваженіемъ войскъ за свои военныя дарованія, храбрость и распорядительность. Онъ былъ

---

[1]) См. «Русскую Старину», августъ 1897 г.

самолюбивъ, что весьма естественно, и это самолюбіе, при его благородствѣ, возвышенныхъ понятіяхъ, побуждали его къ блистательнымъ подвигамъ; но то двусмысленное положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ, вводило его въ искушеніе.

Такое положеніе, начавшееся съ самаго назначенія его начальникомъ штаба при Барклаѣ и поставившее его въ странное положеніе къ князю Багратіону, не только не измѣнилось къ лучшему, съ назначеніемъ главнокомандующимъ всѣми войсками князя Кутузова, но еще ухудшилось. Соединеніе армій въ одну, послѣдовавшее во время отступленія отъ Москвы на Калужскую дорогу, было только послѣднимъ выраженіемъ давно уже совершившагося почти на самомъ дѣлѣ предначертанія, и, конечно, лишило прежняго значенія, какъ главнокомандующаго первою арміею, такъ и его начальника штаба.

А. П. Ермоловъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять своего положенія, и нѣсколько разъ просилъ его уволить отъ занимаемой должности. Но уволить отъ должности, къ исполненію которой онъ былъ назначенъ самимъ императоромъ, князь Кутузовъ не считалъ возможнымъ своею властію и, конечно, желалъ воспользоваться его дарованіями. Онъ постоянно обходился съ нимъ съ особенною ласкою; но эта ласка представлялась только хитростію недовольному своимъ положеніемъ Ермолову. Съ желаніемъ устранить вліяніе Беннигсена, обязанности начальника штаба, силою обстоятельствъ, сосредоточивались, въ собственномъ смыслѣ, у дежурнаго генерала Коновницына, и Ермоловъ превращался въ его сотрудника и даже помощника. «Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, говоритъ Ермоловъ [1]), въ новой своей должности встрѣтившись съ дѣлами, совершенно ему незнакомыми, затрудняющими его, нашелъ облегченіе въ томъ, что препровождалъ ихъ ко мнѣ огромными кучами, чтобы подъ ними подписывалъ я приличествующія разрѣшенія. Нѣкоторое время я это исполнялъ изъ уваженія къ нему, не взирая на чрезмѣрную ограниченность его способностей. Никогда самолюбіе его не воспрещало ему раздѣлить его труды со мною, и онъ думалъ продолжать мои занятія, для него весьма выгодныя; я объяснилъ ему, что не нахожу удовольствія изыскивать зависимости, когда могу ея избавиться. Не скрывалъ въ то же время сожаленія, что должности его обширной и многосложной онъ исправлять не въ состояніи». Уваженіе Ермолова къ Коновницину превратилось въ недоброжелательство къ нему, лишь только онъ по своему новому положенію долженъ былъ исполнять почти тѣ же обязанности, какъ и Ермоловъ. Говоря про Коновницына, что—«онъ справедливо пріобрѣлъ

---

[1]) Записки о 1812 г. Ермолова, ч. I, стр. 223.

извѣстность отлично храбраго и твердаго въ опасности офицера», что онъ «человѣкъ очень умный», онъ почти вслѣдъ за тѣмъ называетъ его «съ чрезмѣрно ограниченными способностями». Такое противорѣчіе, сохранившееся въ запискахъ Ермолова, которыя такъ долго и такъ много разъ онъ передѣлывалъ и переписывалъ, невольно обличаетъ то неправильное положеніе, въ которое былъ поставленъ Ермоловъ. Всѣ современники отдаютъ справедливость какъ благородному характеру, такъ и военнымъ доблестямъ Коновницына, соединеннымъ съ замѣчательною скромностію. «Этотъ человѣкъ великихъ заслугъ, характера достойнаго уваженія и замѣчательный, по неустрашимой храбрости, и хладнокровію», писалъ о немъ графъ Воронцовъ въ частномъ письмѣ къ своему отцу въ Лондонъ [1]). Между тѣмъ Ермоловъ усматриваетъ въ немъ только хитрость, какъ и въ князѣ Кутузовѣ.«До сего времени, говоритъ онъ, дѣлалъ я доклады фельдмаршалу и приказанія его отдаваемы были мною; но при новомъ порядкѣ вещей, одни только чрезвычайные случаи объяснялъ я лично ему и замѣтилъ, на сколько много перемѣнилось его прежнее особенно благосклонное ко мнѣ расположеніе. Пронырствомъ не искалъ я обратить его къ себѣ милости и воспользовался возможностію переѣхать жить въ маленькую деревню, ближайшую отъ главной квартиры; къ фельдмаршалу являлся не иначе, какъ по приказанію, съ Коновницынымъ видался не рѣдко, но чаще переписывался, отталкивая его порученія, которыя я не имѣлъ обязанности исполнять, и въ перепискѣ со мною онъ, конечно, не выигрывалъ. Безъ ошибки могу предположить, что онъ вредилъ мнѣ втайнѣ». Едва ли однако же, не ошибался въ этомъ случаѣ Ермоловъ, но онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Коновницынъ возстановилъ противъ него князя Кутузова и поссорилъ его съ Толемъ, «въ дружбѣ котораго до того времени онъ не имѣлъ причины сомнѣваться». «Природа мало создаетъ людей, прибавляетъ Ермоловъ, у которыхъ наружность всегда спокойная, неразгадываемая. Коновницынъ имѣетъ лицо ко всякаго рода впечатлѣнія одинаково составленное, на которомъ является равнодушіе, улыбка уловляющей простоты, располагающая къ откровенности. Одного не можетъ онъ покорить—чувства завистливости: оно обнаруживается блѣдностію, покрывающее лицо его!» [2]).

Это нелестное для Коновницына описаніе не оправдывается ни сказаніями современниковъ, ни обстоятельствами того времени. Изъ разсказовъ самого Ермолова ясно, что онъ не хотѣлъ заниматься дѣлами

---

[1]) Письмо 9-го января 1813 г. Помѣчено рукою Аркачеева: Калишъ 16-го марта. – Ср. Левенштерна Denkwürdigkeiten etc. Часть I, стр. 259-я.

[2]) Записки Ермолова, ч. 1-я, страницы 224 и 225-я.

совокупно съ Коновницынымъ, отталкивая ихъ отъ себя, переѣхалъ нарочно за нѣсколько верстъ отъ главной квартиры и насмѣхался надъ нимъ какъ въ разговорахъ, такъ на письмѣ. Могло ли это быть пріятно Коновницыну и могъ ли онъ равнодушно относиться къ подобному поведенію съ нимъ? По отъѣздѣ Барклая изъ арміи фельдмаршалъ объявилъ въ приказѣ, что его обязанности, какъ главнокомандующаго первою армію, принимаетъ на себя. Въ чьемъ непосредственномъ распоряженіи оставался начальникъ штаба этой арміи? Безъ сомнѣнія Коновницынъ не могъ лично по своей волѣ пересылать дѣла и сноситься съ Ермоловымъ, какъ начальникомъ штаба первой арміи, но дѣлалъ это по приказанію фельдмаршала, какъ состоявшій при немъ дежурный генералъ,— что очень ясно видѣлъ изъ переписки съ нимъ и самъ Ермоловъ. Если къ Ермолову нѣсколько перемѣнилось прежнее благосклонное отношеніе фельдмаршала, то потому, что онъ постоянно отклонялъ отъ себя участіе въ дѣлахъ, котораго очевидно желалъ князь Кутузовъ. Беннигсенъ еще находился при арміи и былъ начальникомъ его штаба; поэтому не удаливъ его нельзя было прямо возложить его обязанности на Ермолова. Между тѣмъ послѣ удаленія изъ арміи Барклая и принятія фельдмаршаломъ его обязанностей на себя, онъ очень могъ упразднить должность начальника штаба первой арміи и дать другое Ермолову назначеніе, какъ далъ онъ графу Сенъ-При, бывшему начальнику штаба второй арміи. Не давая-же ему другаго назначенія, едва ли онъ не имѣлъ въ виду замѣнить имъ со-временемъ Беннигсена.

Но дѣйствительное положеніе дѣлъ ускользнуло отъ вниманія лицъ, поставленныхъ въ ложное и неловкое положеніе, къ числу которыхъ принадлежалъ Ермоловъ. Онъ сталъ на сторону недоброжелателей князя Кутузова, началъ хвалить Барклая и Беннигсена въ ущербъ фельдмаршалу и приписывалъ имъ всѣ успѣхи, какія были одержаны въ это время. Ермоловъ не упоминаетъ однако-же въ своихъ запискахъ объ одномъ обстоятельствѣ, довольно важномъ, которое было прямымъ послѣдствіемъ его враждебныхъ отношеній къ генералу Коновницыну.

4-го октября Ермоловъ пріѣхалъ въ главную квартиру, гдѣ увидалъ его Коновницынъ и предупредилъ, что на другой день фельдмаршалъ предполагаетъ сдѣлать нападеніе на авангарды Мюрата, что дислокація составлена и онъ немедленно ее получитъ для приведенія въ дѣйствіе. Отталкивая отъ себя дѣла, сообщаемыя ему Коновницынымъ, Ермоловъ отвѣчалъ, что ему некогда дожидаться, что онъ долженъ ѣхать къ Кикину, который устраиваетъ сегодня обѣдъ, и дѣйствительно—немедленно уѣхалъ изъ главной квартиры. Въ слѣдъ почти за нимъ посланъ былъ къ нему съ дислокаціею офицеръ кирасирскаго полка Павловъ; но ни его, ни Кикина онъ отыскать не могъ и передалъ пакетъ его правителю канцеляріи полковнику Эйхену, который не счелъ себя вправѣ его рас-

печатать. Поэтому части войскъ, предназначенныя къ наступательнымъ дѣйствіямъ, не получили предписаній [1]).

Вечеромъ въ 8-мъ часу самъ фельдмаршалъ пріѣхалъ изъ Леташевки въ Тарутино, чтобы распорядиться наступательными дѣйствіями. «Но къ удивленію моему, говоритъ онъ, узналъ отъ корпусныхъ гг. начальниковъ тамъ собравшихся, что никто изъ нихъ приказа даже и въ 8-мь часовъ вечера не получалъ, кромѣ тѣхъ войскъ, къ коимъ самъ баронъ Беннигсенъ прибылъ, и имъ его объявилъ, а именно второму и четвертому корпусамъ. Къ тому же начальствующіе кавалеріею генералъ-лейтенанты Уваровъ и князь Голицынъ объявили, что, не получая заранѣе приказанія, много кавалеріи послали за фуражемъ, что и съ артиллеріею было, и я, ѣхавши въ Тарутино, повстрѣчалъ артиллерійскихъ лошадей, веденныхъ на водопой».—Это обстоятельство привело фельдмаршала въ такое раздраженіе, въ какомъ, говоритъ состоявшій безсмѣннымъ ординарцемъ князь Голицынъ, «никогда его не видѣлъ. Все оборвалось на бѣдномъ Эйхенѣ, который безъ вины сдѣлался виноватъ» [2]). Но безъ сомнѣнія князь Кутузовъ скоро узналъ, кто былъ дѣйствительно виноватъ. Мы привели выше начало изъ приказа генералу Ермолову, подписаннаго въ самый день Тарутинскаго сраженія. Этотъ приказъ заключался такъ: «сіи причины къ прискорбію моему понудили отложить намѣреніе наше атаковать сего числа непріятеля, что должно было быть произведено на разсвѣтѣ, и все сіе произошло отъ того, что приказъ весьма поздно доставленъ къ войскамъ. Ваше превосходительство раздѣляете со мною всю важность такого случая, и я не могу оставить безъ разслѣдованія причины сего. Каковое упущеніе вамъ изслѣдовать предписываю и буду ожидать немедленно вашего о семъ донесенія» [3]).

Удачный, хотя и не въ той мѣрѣ какъ могъ ожидать фельдмаршалъ, исходъ Тарутинскаго сраженія, нѣсколько его успокоилъ, но тѣмъ не

---

[1]) Bernhardi Denkwürdigkeiten aus dem Leben gr. Toll ч. II. стр. 216 и 217. Онъ говоритъ, что Павловъ отыскалъ его въ одной изъ деревень за лѣвымъ крыломъ лагеря, поздно вечеромъ, когда уже не было возможности сдѣлать необходимыя распоряженія. Но князь Голицынъ говоритъ, что Ермоловъ обѣдалъ у Шепелева, который съ первой бригадой гвардейскихъ кирасиръ стоялъ на правомъ флангѣ, и не отыскавъ его Павловъ передалъ пакетъ Эйхену (Записки князя А. Б. Голицына); точно также Бернарди говоритъ, что въ Тарутино пріѣхалъ фельдмаршалъ рано утромъ 5-го (17-го) октября, (стр. 217) князь же Голицынъ пишетъ, что вечеромъ 4-го, и это подтверждаетъ и приказъ самого князя Кутузова Ермолову. (Записки т. I, прилож. стр. 255-я). Всѣ эти разнорѣчія въ подробностяхъ не измѣняютъ главнаго обстоятельства, что приказъ не былъ полученъ войсками во-время. Левенштернъ Denwürdigkeiten etc. ч. 1-я, стр. 253-я.

[2]) Записки князя Голицына о войнѣ въ 1812 году.

[3]) Приказъ князя Кутузова октября 5-го дня 1812 г. № 22.

менѣе не дозволилъ преслѣдовать отступающаго Мюрата. Несмотря на усиленныя просьбы окружавшихъ его генераловъ, онъ сказалъ: «коль скоро мы не успѣли вчера живымъ схватить и сегодня придти во-время (ибо нѣкоторые корпуса опоздали, дѣлая переходъ ночью), на тѣ мѣста, которыя были назначены, то преслѣдованіе не принесетъ пользы, и потому ненужно: это только отдалитъ насъ отъ позиціи и отъ операціонной нашей линіи» [1]).

Къ какимъ послѣдствіямъ привело порученное фельдмаршаломъ Ермолову изслѣдованіе? Безъ сомнѣнія, фельдмаршалъ узналъ настоящаго виновника! Нѣкоторые изъ современниковъ говорятъ, что онъ извинился передъ Эйхеномъ и хотѣлъ немедленно удалить Ермолова; но что именно Коновницынъ успѣлъ смягчить его справедливое раздраженіе противъ человѣка, къ которому прежде онъ питалъ особое расположеніе. Тѣмъ не менѣе Кутузовъ обходился съ Ермоловымъ по-прежнему ласково, но не употреблялъ его по штабу.

Штабы армій составляютъ интеллигенцію войска, какъ-бы цвѣтъ военной образованности: къ нимъ примыкаютъ всѣ вліятельныя лица, въ войскахъ, они даютъ направленіе взглядамъ и сужденіямъ о ходѣ дѣлъ. Но мало того, что штабные руководятъ современными мнѣніями, они имѣютъ вліяніе на взгляды послѣдующихъ поколѣній. Кто же какъ не болѣе образованныя лица войскъ, записывая событія, оставляютъ потомкамъ свои воспоминанія, которыя и служатъ имъ, какъ показанія очевидцевъ и участниковъ, лучшими источниками для науки, исторіи. Характеръ штабовъ тѣхъ войскъ, которыми долженъ былъ предводительствовать князь Кутузовъ, кажется съ достаточною ясностію выступаетъ изъ тѣхъ условій, которыя мы изложили и объясняетъ цѣлый рядъ противорѣчащихъ мнѣній и сужденій объ однихъ и тѣхъ же происшествіяхъ, и о всей вообще кампаніи 1812 года. Наибольшая часть изъ нихъ сходятся въ одномъ—въ желаніи порицать всѣ дѣйствія князя Кутузова. Къ этой части штаба присоединился графъ Растопчинъ. При выѣздѣ изъ оставленной Москвы и послѣ неловкаго для обоихъ свиданія съ княземъ Кутузовымъ у Яузскаго моста 2-го сентября вечеромъ, графъ Растопчинъ присоединился къ свитѣ Барклая-де-Толли. Какъ ни тяжело ему было находиться въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ къ князю Кутузову, котораго онъ возненавидѣлъ съ этого времени, но онъ считалъ своею обязанностію какъ генералъ-губернаторъ Москвы, быть при войскахъ, пока они будутъ находиться въ предѣлахъ Московской губерніи.

«Графъ Растопчинъ, говоритъ Вольцогенъ, присоединился къ намъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Коломенской дороги мы замѣтили боль-

---

[1]) Bernhardi тамъ-же стр. 217 и 218; Записки кн. Голицына о войнѣ 1812.

шой обозъ подводъ, сопровождаемыхъ солдатами, а когда они приблизились къ намъ, я замѣтилъ, что это были московскія пожарныя трубы. Удивленный, я спросилъ графа, съ какою цѣлію онъ велѣлъ вывезть ихъ.

— Я имѣлъ на это очень основательныя причины, отвѣчалъ онъ и поспѣшилъ прибавить: но что касается до меня лично, то я вывезъ изъ Москвы только лошадь, на которой сижу, и платье, въ которомъ одѣтъ.

Писатель-иностранецъ насмѣшливо замѣчаетъ, что, отъѣхавъ въ дурномъ расположеніи духа отъ князя Кутузова и присоединившись къ Барклаю, графъ Растопчинъ повидимому уже не считалъ его н ѣ м ц е м ъ или иностранцемъ, къ которому долженъ относиться съ недовѣріемъ истинный русскій сынъ православной церкви [1]).

Неудачная насмѣшка; не ко всякому нѣмцу или иностранцу, особенно русскому подданному, даже и въ это время, относится съ недовѣріемъ и русскій народъ, а тѣмъ болѣе графъ Растопчинъ; онъ дѣйствительно относился прежде съ недовѣріемъ къ воинскимъ дарованіямъ Барклая и не считалъ его способнымъ быть главнокомандующимъ русскими войсками, но не поддавался вліянію молвы, обвинявшей его въ измѣнѣ. Въ этомъ случаѣ онъ дѣйствительно относился нѣсколько недовѣрчиво къ Вольцогену, въ обществѣ котораго ему пришлось теперь находиться однако довольно долго. У него былъ поводъ присоединиться къ свитѣ Барклая, такъ какъ его сынъ находился при немъ въ качествѣ адъютанта. Но, конечно, другая причина привела его именно къ этому сопернику Кутузова. Возненавидѣвъ фельдмаршала, графъ Растопчинъ какъ истинно преданный человѣкъ императору Павлу, питалъ глубокое отвращеніе и къ Беннигсену; къ тому же кромѣ Барклая, котораго честность и благородство никогда не подвергались сомнѣнію, онъ въ то время къ другому и не могъ примкнуть. Этотъ поступокъ былъ только продолженіемъ тѣхъ откровенныхъ бесѣдъ, которыя онъ велъ съ нимъ на Поклонной горѣ, передъ военнымъ совѣтомъ въ Филяхъ, и которыя его сблизили съ нимъ въ общемъ нерасположеніи къ князю Кутузову. Это сближеніе не прекратилось и впослѣдствіи, когда, оставивъ главную квартиру, графъ Растопчинъ жилъ во Владимірѣ, и Барклай-де-Толли, удаляясь отъ арміи, посѣтилъ его тамъ. Онъ намѣревался пробыть у него не болѣе часу, но, увлеченный его бесѣдой, говоритъ А. Булгаковъ, пробылъ у него отъ 8 часовъ утра до 9 по полудни. Оба сіи знаменитые мужа имѣли свои доли заботъ, свои доли огорченій, своихъ недоброжелателей, и эти обстоятельства не мало способствовали къ сближенію ихъ и къ утвержденію между ними искренней пріязни. Растопчинъ всегда отдавалъ должную справедливость достоинствамъ Барклая-де-Толли, и въ то время, когда почти вся Россія единогласно

---

[1]) Шнитцлеръ Rostopchine et Kortousof. Т. III. стр. 172—173.

обвиняла его за отступленіе отъ границы имперіи до Можайска, безъ боя.

Въ то время, какъ въ огорченномъ отечествѣ нашемъ многіе даже осмѣливались подозрѣвать преданность его къ Россіи, Растопчинъ всегда защищалъ его [1]). Дѣйствительно, графъ Растопчинъ постоянно защищалъ Барклая какъ человѣка, но съ этого времени началъ защищать его и какъ главнокомандующаго, хотя и не безусловно, какъ это доказываютъ письма его къ императору, писанныя послѣ оставленія имъ Москвы и до пріѣзда его во Владиміръ. Эти письма составляютъ дополненіе и поясненіе тѣхъ извѣстій, которыя сообщаемы были государю Барклаемъ, Беннигсеномъ и Вильсономъ и которыя мы привели. Они сходны съ ними по направленію и содержанію и отличаются лишь еще большею жизнью и рѣзкостію и еще отчетливѣе изображаютъ общій характеръ главной квартиры дѣйствующихъ войскъ.

«Оставленіе Москвы поразило всѣхъ. писалъ Растопчинъ государю, черезъ нѣсколько дней послѣ выѣзда изъ Москвы.—Солдаты упали духомъ и потеряли надежду. Дѣйствительно странно, что послѣ такого постыднаго отступленія въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, непріятель, доведенный до крайности и потерпѣвшій пораженіе во всѣхъ сраженіяхъ, которыя ему давали, сдѣлался обладателемъ вашей столицы. Надо опасаться двухъ слуховъ, распространенныхъ въ войскахъ. Одинъ, что Кутузовъ, оставляя Москву непріятелю, исполнялъ только ваши повелѣнія; другой, что вы съ намѣреніемъ попускаете Бонапарта проникать въ ваши владѣнія, чтобы провозгласить въ нихъ свободу отъ вашего имени. Генералы ожесточены, офицеры громко говорятъ, что стыдно носить мундиръ, солдаты не составляютъ болѣе арміи, но шайку разбойниковъ и грабятъ въ виду своихъ начальниковъ. Въ это самое время, въ 50-ти верстахъ отсюда страна разорена совершенно и гвардія одинаково дѣйствуетъ съ другими. Разстрѣливать невозможно, потому что нельзя предавать смерти по нѣскольку тысячъ въ день. Все превратилось въ интригу. Беннигсенъ желаетъ быть главнокомандующимъ, онъ увѣряетъ, что только одинъ противился оставленію Москвы, и хочетъ написать объ этомъ сочиненіе. Онъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Панинымъ, который ѣздилъ повидаться съ нимъ въ армію, и съ Зубовымъ въ Петербургъ. Пообдумайте, государь, еще есть время. Эти три человѣка никогда вамъ не простятъ обманутой надежды—управлять имперіею и вами. Барклай настаивалъ, чтобы оставили Москву на жертву непріятелю, и тѣмъ хотѣлъ, можетъ быть, заставить забыть потерю Смоленска. Князь Кутузовъ не существуетъ болѣе, его никто не видитъ, онъ все

[1]) Разговоръ Неаполитанскаго короля Мюрата съ графомъ Милорадовичемъ. Статья А. Булгакова. «Москвитянинъ» 1843 г. т. I-й стр. 511-я.

лежитъ, много спитъ, солдаты его презираютъ и ненавидятъ. Онъ ни на что не рѣшается. Его весьма занимаетъ молоденькая дѣвушка, переодѣтая казачкомъ. Оставивъ Москву, онъ направился по Коломенской дорогѣ, затѣмъ перешелъ на Тульскую и теперь не можетъ рѣшиться двинуть войска на Калужскую, чтобы перерѣзать сообщенія непріятеля съ Смоленскомъ и воспользоваться продовольствіемъ, заготовленнымъ въ Калугѣ и Орлѣ. Онъ даже разсчитываетъ дать сраженіе, на что никогда не рѣшится. Онъ оправдываетъ это тѣмъ, что надо сохранить армію. Но если она должна отступать постоянно, то онъ потеряетъ ее очень скоро. Я убѣжденъ, что Бонапартъ ускользнетъ отъ него въ то самое время, когда онъ наименѣе будетъ того ожидать; двинувшись на Тверь, гдѣ есть магазины, онъ произведетъ тревогу въ Петербургѣ, двинувшись на Порѣчье онъ достигнетъ Бѣлоруссіи, не встрѣтивъ никакого препятствія. Онъ можетъ остановиться тамъ на зимнія квартиры, возвратиться въ Парижъ, овладѣвъ Смоленскомъ и разрушивъ Москву, приготовиться къ новой кампаніи на будущій годъ. Безпорядокъ, господствующій въ вашихъ войскахъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Они загромождены багажемъ, есть даже солдаты, у которыхъ имѣются подводы съ проводниками крестьянами для добычи, награбленной въ своемъ же отечествѣ. Не знаютъ, гдѣ находятся генералы; однажды по диспозиціи князю Дмитрію Голицыну назначено было вести колонну кавалеріи и только на другой день замѣтили, что онъ находится въ 40 верстахъ въ аріергардѣ съ Милорадовичемъ. Кайсаровъ и Кудашевъ дѣлаютъ все и отъ нихъ зависитъ ваша судьба и вашей имперіи. Такъ какъ господствуетъ мнѣніе, что Кутузовъ дѣйствуетъ по вашимъ предписаніямъ, и взятіе Москвы безъ боя поразило всѣхъ ужасомъ, то необходимо для предупрежденія возстанія, чтобы этотъ старый, выжившій изъ ума и пошлый куртизанъ былъ отозванъ и наказанъ, или послѣдуютъ неисчислимыя несчастія. Вчера даже въ имѣніи Мамонова, недалеко отсюда, явились мародеры; ихъ выгнали, а двое крестьянъ проповѣдывали бунтъ, говоря, что они теперь принадлежатъ не графу Мамонову, не вамъ, потому что Бонапартъ въ Москвѣ, и слѣдовательно онъ государь. Ради Бога, не лишайте меня вашей довѣренности; я довольно сдѣлалъ, чтобы ее заслужить, и я вамъ вѣрный слуга. Назначьте немедленно людей съ именемъ, извѣстныхъ, дайте имъ полномочіе сообразно съ чрезвычайными обстоятельствами и пошлите ихъ по всѣмъ губерніямъ для наблюденія за спокойствіемъ и для поддержанія порядка. Бонапартъ нашелъ только развалины и пепелъ, онъ захочетъ отомстить за это и употребитъ все, чтобы этого достигнуть. Какъ бы ни окончилась война, вамъ придется кормить до трехъ милліоновъ человѣкъ, у которыхъ ничего нѣтъ и которые не успѣли произвесть озимые посѣвы. Бросьте вы эти несчастныя финансовыя системы, внушенныя вашимъ

врагомъ, и прикажите сдѣлать выпускъ ассигнацій. Это единственное средство выйти изъ затрудненій. Я нахожусь при арміи, нося смерть въ душѣ, вижу ее въ разстройствѣ, крестьянъ разоренными, сообщенія прерванными, нѣтъ предводителя и некѣмъ его замѣнить. Вотъ уже въ другой разъ общественное мнѣніе обманулось въ своемъ выборѣ. Каменскій—сумасшедшій, а Кутузовъ—старая баба сплетница, потерявшій голову и воображающій сдѣлать что-нибудь, ничего не дѣлая» [1]).

Графъ Растопчинъ, пріѣхавъ въ главную квартиру, сразу понялъ, что въ ней интрига широко свила свое гнѣздо и всѣхъ запутываетъ своими сѣтями; но какъ эта интрига главнѣйшимъ образомъ была направлена на князя Кутузова, противъ котораго онъ былъ раздраженъ, то онъ безотчетно подчинился не только ея вліянію, но сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ ея орудій. Оставленіе Москвы, съ которою, по его воззрѣнію, неразрывно соединялось существованіе Россіи и его личное значеніе, до такой степени потрясло его, что все представлялось ему въ мрачномъ видѣ и только предвѣщало бѣдствія. Каждый частный случай, иногда ничтожный безпорядокъ, онъ возводилъ въ общее правило и рисовалъ картину гораздо мрачнѣе даже той, которую начертило опечаленное воображеніе Барклая. Не считая нужнымъ опровергать подробно показанія графа Растопчина о разстройствѣ арміи и упадкѣ ея духа, потому что они исключительно принадлежатъ ему и ничѣмъ не подтверждаются, мы считаемъ однако нужнымъ привести нѣсколько выдержекъ изъ писемъ его поклонника, человѣка находившагося въ одномъ съ нимъ обществѣ въ это время,—сира Роберта Вильсона.

Прибывъ въ армію въ то время, когда она совершала фланговое движеніе съ Рязанской дороги на Калужскую, онъ писалъ государю: «Занявшись отправленіемъ депешъ къ англійскому послу въ Константинополь, съ цѣлью предупредить дѣйствіе ложныхъ разглашеній непріятеля, я не могъ обозрѣть, какъ бы мнѣ хотѣлось, состояніе арміи вашего величества; но съ особеннымъ удовольствіемъ могу васъ увѣрить, что духъ, ее оживляющій, и ежедневное приращеніе силъ дѣлаютъ ее способною ко всякому сраженію съ непріятелемъ, между тѣмъ какъ непріятельская переписка и разговоры съ плѣнными, почти ежедневно приводимыми, служатъ для меня неоспоримымъ доказательствомъ, какъ обмануты ихъ надежды по занятіи Москвы и до какой степени увеличилось ихъ затруднительное положеніе, чрезъ ослабленіе силъ отъ потери въ сраженіяхъ, болѣзней и дѣятельности нашихъ отдѣльныхъ отрядовъ, нынѣ окружающихъ городъ и совершенно перервавшихъ ихъ сообщенія

[1]) Письмо графа Растопчина 8-го сентября 1812 г., изъ деревни Кутузовой, по Тульской дорогѣ, въ 34 верстахъ отъ Москвы.

съ Польшею... Теперь нѣтъ ни одного офицера, ни солдата, которые бы не радовались тому, что непріятель занялъ Москву, будучи увѣрены въ томъ, что пожертвованіе этимъ городомъ будетъ имѣть послѣдствіемъ избавленіе вселенной отъ тиранской власти, столь долго продолжавшейся... По коммисаріату порядокъ чрезвычайный и пища солдатская какъ нельзя быть лучше. Памятуя, что было прежде (т. е. когда командовалъ арміею въ 1807 году Г. Беннигсенъ), нынѣ не могу довольно похвалить артельныхъ котловъ... Сдѣланное мною объявленіе о твердой рѣшимости вашего величества продолжать войну дотолѣ, пока хоть одинъ вооруженный непріятель останется въ вашихъ владѣніяхъ, принято было въ арміи съ такимъ удовольствіемъ, что одержанная побѣда, безъ потери друга или товарища, не произвела бы такого общаго удовольствія. Самые изгнанники изъ Москвы, несмотря на свои бѣдствія и горести, проливали слезы радости, услышавши о постоянномъ попеченіи вашимъ о славѣ Россійской имперіи» [1]).

Нѣсколько дней спустя, когда еще продолжалось фланговое движеніе, и Вильсонъ могъ больше ознакомиться съ состояніемъ войскъ, онъ писалъ императору: «Съ особеннымъ удовольствіемъ могу увѣрить ваше величество, что армія неослабно оживлена воинскимъ духомъ въ высочайшей степени, что подкрѣпленія къ ней подходятъ въ большомъ количествѣ, что она изобилуетъ хлѣбомъ, мясомъ и водкою» [2]). Тоже самое писалъ сиръ Р. Вильсонъ и къ лорду Каткарту. «Духъ арміи весьма хорошъ, всѣ съ нетерпѣніемъ желаютъ дѣйствовать наступательно» [3])

Сравнивая эти показанія съ тѣми, которыя изложены въ письмѣ къ императору графа Растопчина, могло бы невольно возникнуть сомнѣніе, относятся ли они къ одной и той же арміи и къ одному ли и тому же времени. Но подобное сомнѣніе невозможно и потому остается только пожалѣть о болѣзненномъ состояніи графа Растопчина, въ которомъ онъ дѣйствительно находился въ это время. Въ письмахъ Р. Вильсона не находится даже помину о дезертирахъ изъ русской арміи, а между тѣмъ они дѣйствительно были. Дезертирство началось въ довольно значительныхъ размѣрахъ, особенно послѣ отступленія нашихъ войскъ отъ Смоленска. Оно было прекращено мѣрами, принятыми княземъ Кутузовымъ, по прибытіи его къ войскамъ, и особенно тѣмъ новымъ духомъ, который оживилъ армію съ этого времени. Но послѣ оставленія Москвы, хотя признаки побѣговъ обнаружились снова, но очевидно въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ и такъ скоро прекратились, что даже сиръ Робертъ Вильсонъ, находившійся постоянно въ той сферѣ, куда стекались

---

[1]) Письмо с. Р. Вильсона императору 13-го (25-го) сентября 1812 г. Красная Пахра.

[2]) Его письмо императору 15-го (27-го) сентября.

[3]) Письмо с. Р. Вильсона лорду Каткарту 16-го (28-го) сентября.

и гдѣ повторялись всѣ слухи, которые хотя сколько-нибудь могли быть употреблены ко вреду фельдмаршала, не говорить о нихъ ни слова ни въ донесеніяхъ императору, ни въ письмахъ къ лорду Каткарту, ни въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ.

Между тѣмъ Вильсонъ указываетъ въ письмахъ императору на другія замѣченныя имъ безпорядки въ войскахъ. «Съ грустью я считаю долгомъ сообщить вашему величеству, что то же нерадѣніе, которое отъ Смоленска подвергало вашу армію опасности, продолжается и до сихъ поръ. Когда я смотрю на это собранное ополченіе, построенное въ ордеръ баталіи, то не сомнѣваюсь въ побѣдѣ, но когда вижу его на походѣ, то смущаюсь духомъ и трепещу о его безопасности. Необходимо нужно, чтобы вы изволили предписать и строго подтвердить, чтобы при каждомъ предпринимаемомъ движеніи войскъ, составлялись бы особые отряды піонеровъ, которые должны находиться при каждомъ мосту. Такіе отряды могли бы составляться изъ піонеровъ разныхъ корпусовъ, по мѣрѣ того какъ они подходятъ; но необходимо, чтобы было сдѣлано объ этомъ распоряженіе и строго исполнялось».

Приведенная выписка изъ писемъ с. Р. Вильсона, писанныхъ одно черезъ шесть дней послѣ другого, уже показываетъ, до какой степени безпорядокъ, на который онъ указываетъ, былъ случайнымъ и кратковременнымъ. Указывая императору на такой безпорядокъ, могъ ли онъ умолчать о дезертирахъ, если бы они были въ значительномъ числѣ и притомъ грабили свою страну. Не знать объ этомъ обстоятельствѣ онъ не могъ: онъ получалъ свѣдѣнія изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и графъ Растопчинъ. Всѣ эти свѣдѣнія сосредоточивались въ кружкахъ барона Беннигсена и Барклай-де-Толли, въ которыхъ вращались и Р. Вильсонъ и графъ Растопчинъ. Есть извѣстія, весьма, впрочемъ, вѣроятныя, что при переходѣ войскъ черезъ Москву, въ ней затерялось нѣкоторое количество солдатъ. Можетъ быть побудительная причина заключалась и въ желаніи схватить на ходу что-нибудь изъ имущества, оставленнаго на жертву непріятеля, то и въ этомъ явленіи не было ничего особеннаго, а тѣмъ болѣе ужаснаго. Но если при этомъ обратить вниманіе на то, что многіе лавочники и торговцы сами зазывали солдатъ, предлагали имъ свои товары, чтобы только они не доставались непріятелю—то это явленіе представляется весьма естественнымъ и не можетъ быть названо гребежомъ. Притомъ же за нашими войсками по-пятамъ шелъ непріятель, а потому очень вѣроятно показаніе нѣкоторыхъ изъ современниковъ, что довольно значительное число солдатъ осталось въ Москвѣ въ то время, когда она была занята непріятелемъ. Безъ сомнѣнія, большая часть изъ нихъ, въ первые же дни занятія Москвы, вышла изъ столицы, какъ выходили многіе изъ ея обывателей.

Графъ Растопчинъ съ болѣзненно настроеннымъ воображеніемъ, придавалъ огромные размѣры этимъ частнымъ и неважнымъ явленіямъ, предусматривалъ возможность междоусобной войны и политическаго возмущенія и совѣтовалъ императору принять чрезвычайныя мѣры «для наблюденія повсюду за спокойствіемъ и для наблюденія за порядкомъ». Какъ бы болѣзненно ни отозвалось на душѣ графа Растопчина оставленіе Москвы, онъ не могъ бы придти къ подобнымъ мнѣніямъ и подозрѣніямъ, если бы и прежде, когда былъ здоровъ и душой и тѣломъ, онъ не питалъ такихъ же подозрѣній. Во время своего начальства въ Москвѣ, онъ не только постоянно опасался, что Наполеонъ можетъ возбудить народъ къ возстанію, объявивъ его свободнымъ отъ крѣпостной зависимости, но и преслѣдовалъ лицъ совершенно невинныхъ, воображаемый имъ заговоръ мартинистовъ. Не открывъ, конечно, несуществовавшаго заговора и принеся за эти неудачи кровавую жертву въ лицѣ Верещагина, онъ вообразилъ новый заговоръ, безъ сомнѣнія такъ же несуществовавшій, какъ и первый. Не временное и случайное настроеніе духа, вслѣдствіе чрезвычайнаго происшествія, какъ оставленіе Москвы на жертву непріятелю, послужило поводомъ къ тому, что онъ рѣшился сообщить императору подобныя извѣстія, но таково было постоянное направленіе мыслей у графа Растопчина, а въ это время только усиленное и раздраженное еще болѣе современными обстоятельствами. Какъ въ Москвѣ онъ безпрестанно наблюдалъ за направленіемъ умовъ, собиралъ даже выходки и слова какихъ-нибудь бродягъ въ отдаленныхъ харчевняхъ, сказанныхъ подъ пьяную руку, принималъ ихъ за признаки напередъ составленныхъ имъ понятій о настроеніи народа, такъ и въ это время разговоръ двухъ крестьянъ изъ деревни графа Мамонова можетъ быть и дѣйствительно происходилъ, но не имѣлъ ровно никакого значенія, а Растопчинъ возвелъ его въ признакъ возможнаго и вѣроятнаго бунта. На такомъ болѣзненномъ явленіи, конечно, не должно бы и останавливаться исторіи, если бы это не была хроническая болѣзнь нашей администраціи; если бы это писалъ не московскій генералъ-губернаторъ и не къ императору.

Что такое настроеніе духа графа Растопчина было не временнымъ и случайнымъ, подтверждаютъ это и послѣдующія его письма къ государю. Нѣсколько дней спустя изъ Красной Пахры онъ писалъ ему: «Послѣ моего послѣдняго донесенія ничего не случилось новаго. Та же нерѣшительность и ничтожность главнаго начальника войскъ. Вчера хотѣли сдѣлать нападеніе на корпусъ въ 600 человѣкъ непріятелей, находившійся въ 13-ти верстахъ отсюда. Были въ тотъ же день даны приказанія, а въ 6 часовъ вечера отмѣнены. Около трехъ дней у войскъ почти нѣтъ продовольствія, потому что запасы,

собранные въ Калугѣ, были направлены безъ вѣдома Ланскаго сначала на Владиміръ, потомъ на Рязань, а затѣмъ опять на Калугу. Эти распоряженія были сдѣланы 29-го, что служитъ доказательствомъ, что князь Кутузовъ тогда уже рѣшился оставить Москву. Я въ отчаяніи отъ того, что онъ такъ предательски дѣйствовалъ въ отношеніи меня; потому что, будучи лишенъ возможности сохранить городъ, я бы сжегъ его, чтобы не дать повода Бонапарту хвастаться, что онъ его взялъ, ограбилъ, а потомъ сжегъ. Я бы отнялъ у нихъ добычу всей ихъ кампаніи, а пепелъ столицы показалъ бы имъ, что всѣ сокровища міра были для нихъ потеряны; я заставилъ бы ихъ понять, съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло». Если бы князь Кутузовъ и дѣйствительно съ нимъ поступилъ предательски, какъ выражается графъ Растопчинъ, и скрылъ отъ него свое рѣшеніе оставить Москву безъ боя, то приведенныя строки совершенно оправдываютъ его образъ дѣйствій. Предупреди онъ его объ этомъ рѣшеніи—и русскія войска очутились бы между наступающею непріятельскою арміею и пылающею столицею. Могъ ли бы тогда такъ удачно совершить князь Кутузовъ отступленіе на Калужскую дорогу? Не преслѣдовалъ ли бы его непріятель со всѣми силами? Успѣли ли бы русскія войска преобразоваться и устроиться такъ, какъ они устроились въ продолжительную стоянку въ тарутинскомъ лагерѣ? Могъ ли бы тогда Наполеонъ питать надежду, что война окончена, что онъ заключитъ миръ и въ этомъ ожиданіи могъ ли бы онъ оставаться въ бездѣйствіи такъ долго? Трудно, конечно, предположить, какой оборотъ могла принять война въ этомъ случаѣ; но несомнѣнно то, что всѣ предположенія фельдмаршала и императора были бы совершенно разрушены. Такой образъ дѣйствій могъ доказать только глубокую способность князя Кутузова понимать людей, незнакомыхъ ему лично, какъ графъ Растопчинъ, но немногимъ ихъ словамъ и дѣйствіямъ. Конечно, поползновеніе сжечь Москву со стороны графа Растопчина было ему извѣстно изъ письма его къ князю Багратіону, о которомъ слухъ прошелъ по войскамъ; и онъ понялъ, что московскій главнокомандующій способенъ рѣшиться на эту мѣру, вовсе не принимая въ соображеніе, какое она можетъ оказать вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ какой мѣрѣ князь Кутузовъ желалъ предупредить возможность сожженія Москвы, пока еще ея не занялъ непріятель, въ такой же онъ радовался и гордился впослѣдствіи, когда ея пламя объяло Наполеона съ его войсками и лишило ихъ той добычи и удобной стоянки, которыхъ они съ нетерпѣніемъ ожидали.

Это обстоятельство подтверждаетъ и самъ графъ Растопчинъ въ томъ же самомъ письмѣ, говоря далѣе: «Перехваченныя письма съ однимъ французскимъ курьеромъ на Можайской дорогѣ доказываютъ, что непріятель потерялъ 30 тысячъ при Бородинѣ и 300 офицеровъ и гене-

раловъ, выбывшихъ изъ строя; они жалуются, что найденная ими добыча въ Москвѣ была незначительна, что у нихъ только и есть продовольствія на десять дней, что они никакой уже не имѣютъ надежды на миръ, что русскіе хуже готтовъ и тому подобныхъ ихъ знаменитыхъ предковъ, что съ ними ничего не подѣлаешь, если они будутъ повиноваться своимъ сумасбродамъ и поджигателямъ, какъ Растопчинъ и ему подобные.

«Вотъ уже дня четыре Кайсаровъ подписываетъ всѣ бумаги, поддѣлывая подпись Кутузова, чтобы съ нимъ никто не могъ видѣться. Онъ только ѣстъ и спитъ цѣлый день. Беннигсенъ относится о немъ презрительно. Барклая онъ не принимаетъ; что касается до меня, то я видѣлъ его только одинъ разъ, въ день оставленія Москвы. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что 31 (августа) велѣлъ помѣстить въ дневномъ приказѣ, что 2-го (сентября) онъ будетъ въ Москвѣ, и назначилъ полки, которые должны составлять его гвардію Здѣсь все разглашается, что бы ни дѣлалось, такъ что самому неважному шпіону очень легко узнать все. Демидовъ, который находится при Беннигсенѣ и его кормитъ, выпросилъ у французовъ охранную стражу для своего дома въ Москвѣ, который не былъ ни ограбленъ, ни сожженъ, и онъ обѣщалъ даже свое покровительство другимъ и получаетъ изъ Москвы письма; но какъ здѣсь ни на что не обращаютъ вниманія, то и оставляютъ въ покоѣ эту переписку.

«Ушаковъ привелъ изъ Калуги 6.000 прекраснаго войска и 1.200 конницы. Лобановъ прибудетъ сюда черезъ шесть дней съ восмью полками. Ополченіе шести губерній восходитъ до 80.000 человѣкъ. Въ Тульскомъ ополченіи находятся два великолѣпныхъ конныхъ полка, по 1.200 человѣкъ каждый, составленныхъ генералъ-майоромъ княземъ Щербатовымъ, и сверхъ того тульское дворянство для поддержанія этой конницы, по желанію князя Кутузова, пожертвовало еще 1.500 лошадей.

«Непріятель долженъ здѣсь погибнуть, но не Кутузовъ выроетъ ему могилу. Надѣйтесь, государь, на Бога, ваше дѣло правое, это дѣло отечества, но чтобы не было мира, это было бы смертельный приговоръ для насъ, и для васъ».

Ближе присмотрѣвшись къ тому состоянію войскъ, въ какомъ они находились въ это время, Растопчинъ не говоритъ уже болѣе о безпорядкахъ, угрожающихъ гибелью Россіи; но усматриваетъ возможность погибели французовъ, и, оставаясь вѣрнымъ въ своей ненависти къ Кутузову, полагаетъ, что не ему суждено вырыть имъ могилу. Полученное Растопчинымъ въ это время письмо отъ императора успокоило его еще болѣе. Не задолго до полученія отъ него извѣстія о сдачѣ Москвы, онъ писалъ ему: «Я вѣрно получилъ всѣ ваши письма, включительно съ письмомъ отъ 29 августа. Я не могу вамъ достаточно выразить мое удовольствіе къ тому способу, какъ вы исполняете ваши обязанности, я радуюсь болѣе, нежели когда нибудь, что мой выборъ палъ на васъ при

назначеніи главнокомандующаго въ Москву. Вы оказываете мнѣ существенныя заслуги, которыя никогда забыты не будутъ. Вы можете себѣ представить, что я испытываю; но моя вѣра въ Божественное Провидѣніе, храбрость моихъ войскъ и мирное направленіе нашего достойнаго уваженія народа меня подкрѣпляютъ.—Съ непреклонной рѣшимостію и съ Божіею помощію, мы побѣдимъ это чудовище, которое приводитъ въ отчаяніе всю Европу. Сообщайте мнѣ обо всемъ, что дѣлается» [1]).

Одобреніе вообще его образа дѣйствій императоромъ, который впрочемъ не зналъ еще въ это время о многомъ случившемся въ послѣдніе дни, передъ оставленіемъ Москвы, напримѣръ объ участи Верещагина, конечно успокоило Растопчина и убѣдило еще болѣе, что онъ дѣйствовалъ какъ слѣдовало при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Но это убѣжденіе, которое впрочемъ никогда его не покидало, еще болѣе укрѣпило его ненависть къ Кутузову, котораго онъ считалъ главною причиною, воспрепятствовавшею ему блистательно завершить свой подвигъ служенія отечеству въ это время, т. е. сжечь Москву, прежде нежели прошли черезъ нее наши войска. На письмо императора графъ Растопчинъ отвѣчалъ: «Государь! я имѣлъ счастіе получить письмо вашего императорскаго величества отъ 5 числа этого мѣсяца. Чувство грусти, угнетающее меня въ виду несчастій, которыми наказываетъ насъ Провидѣніе, не препятствуетъ мнѣ однако же ощущать радость, убѣдившись, что моя служба заслужила ваше одобреніе. Признательность монарха составляетъ самую лучшую награду для вѣрноподданнаго, преданнаго своему государю. Князь Кутузовъ продолжаетъ ничего не дѣлать и мѣшаетъ другимъ дѣлать что нибудь. Войско вашего величества, состоящее изъ 100 тысячъ человѣкъ, продолжаетъ позорно отступать передъ небольшимъ отрядомъ фуражировъ. Вчера Милорадовичу данъ былъ приказъ атаковать, такъ называемую, непріятельскую армію, которая едва состоитъ изъ 8.000 человѣкъ, большею частію конницы и съ 5 пушками. Этотъ корпусъ отбросили, и Милорадовичъ, подвинувшись на 6 верстъ, расположилъ свои передовые ведеты на другомъ берегу Пахры. Взяли нѣсколько плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ Потоцкаго, адъютанта Понятовскаго, сына сенатора Ивана. Сегодня утромъ приказано было корпусу Остермана напасть на Мюрата, который находится противъ него съ ничтожными силами. Я не знаю, чѣмъ это кончится, но уже дано приказаніе обозамъ отойти къ Нарѣ, за 26 верстъ отсюда, куда мы двинемся вѣроятно завтра.

«Непріятель посылаетъ отряды во всѣ стороны, чтобы достать продовольствіе, и производитъ тревогу. Они говорятъ и пишутъ, что имъ нечего ѣсть, что они страдаютъ уже отъ холода и приходятъ въ ужасъ

---

[1]) Письмо императора графу Растопчину 5-го сентября 1812 года.

отъ мысли о томъ, чего они должны ожидать еще въ будущемъ? Они разчитывали на миръ, и сердятся, что ихъ ожиданіе не сбылось.

«Духъ народа продолжаетъ быть очень хорошъ; мои здѣшніе крестьяне переловили и привели сюда до 50 мародеровъ, а перебили еще болѣе. Небогатый купецъ, котораго непріятели хотѣли употребить какъ шпіона и оставили въ залогѣ его жену и дѣтей въ Москвѣ, самъ явился въ нашу главную квартиру, разсказалъ все, что зналъ, и отдалъ деньги, которые дали ему французы, обѣщавъ еще 1.000 золотыхъ дукатовъ, если онъ хорошо исполнитъ ихъ порученіе. Двое изъ ополченцевъ, взятые въ плѣнъ французами и черезъ три дня отпущенные на свободу, также явились къ своему генералу и отдали по 50 рублей, которые получены ими отъ французовъ. Но съ другой стороны, я опасаюсь, чтобы эти добрые люди не пришли въ отчаяніе отъ разбойничества нашихъ войскъ, которыя грабятъ все и употребляютъ всякіе для того способы. Мнѣ уже донесли, что жители двухъ деревень, занятыхъ французами, возвратились въ свои дома. Злоупотребленія, допускаемыя въ нашихъ войскахъ, доходятъ до такой степени, что здѣшній священникъ не хотѣлъ служить обѣдню 15 числа потому, что два дня тому назадъ въ то время, когда онъ отправлялъ богослуженіе, до 20 солдатъ явились грабить церковь. Если дойдетъ до того, а я этого ожидаю, что наши крестьяне начнутъ драться съ солдатами, то надо будетъ ожидать возмущенія, которое неминуемо распространится по сосѣднимъ губерніямъ, гдѣ раненые, бѣглецы и вновь образуемые полки непремѣнно примутъ участіе.

«Беннигсенъ все грозитъ оставить армію и употребляетъ всѣ способы, чтобы добиться главнаго начальства. Онъ ежедневно требуетъ, чтобы дѣйствовали наступательно, и постоянно находитъ препятствіе въ томъ, что не оказывается хорошей позиціи. Онъ спитъ также очень много и впадаетъ въ дѣтство.

«Барклай очень нездоровъ, онъ простудился, кашляетъ, страдаетъ грудью и горломъ, которое у него опухло. Онъ не знаетъ, гдѣ находится какой корпусъ войскъ. Беннигсенъ, Кайсаровъ, Кудашевъ распоряжаются по своему усмотрѣнію, и Милорадовичъ и Остерманъ находятся впереди, чтобы останавливать предполагаемыя 15 тысячъ непріятельскихъ войскъ. Ничего не знаютъ, ни о движеніяхъ французовъ, ни о ихъ числѣ, но страхъ заставляетъ видѣть повсюду всю ихъ армію и распоряженіе о послѣднемъ отступленіи сдѣлано для того, чтобы избѣжать столкновенія съ 2.000 человѣкъ, которые будто бы обходили правое крыло.

«15-го, Милорадовичъ съ шестью другими генералами могъ быть взятъ въ плѣнъ непріятелемъ въ то время, когда онъ пилъ чай въ домѣ фельдмаршала Салтыкова. Едва они имѣли время, сломя го-

лову, добраться до отряда войскъ, расположеннаго въ верстѣ оттуда, по берегу глубокаго оврага, гдѣ нѣкоторые чуть не завязли въ грязи. Это неожиданное происшествіе едва не удалось одному непріятельскому офицеру, начальнику двухъ эскадроновъ. Онъ отрядилъ 30 человѣкъ, которые вошли въ садъ и надѣялись захватить нашихъ генераловъ такъ, что этого никто бы и не замѣтилъ.

«Я весьма опасаюсь, что медленность въ военныхъ дѣйствіяхъ и преступное равнодушіе князя Кутузова къ тому, что можетъ послѣдовать, дастъ возможность Наполеону оставаться въ Москвѣ и размѣстить свои войска въ ея окрестностяхъ, которыя, конечно, перейдутъ въ его распоряженіе, если мы все будемъ отступать. Тогда онъ попробуетъ возмутить народъ, пораженный оставленіемъ Москвы, которую онъ считалъ недоступною. Онъ не можетъ очнуться отъ изумленія, какъ можно было оставить непріятелю столицу безъ сопротивленія большими силами. Это происшествіе составляетъ предметъ распри между генералами, изъ которыхъ только двое говорили, какъ слѣдовало хорошимъ русскимъ, тогда какъ другіе, или по глупости, или по равнодушію, или по трусости, всѣ считали этотъ городъ не имѣющимъ большой важности и подкрѣпляли свое мнѣніе идеями новой философіи. Если, по несчастію вашему, жестокому врагу удастся поколебать вѣрность вашихъ подданныхъ, вы увидите, государь, что мартинисты тогда обнаружатъ свои замыслы, которые послужатъ хорошимъ пособіемъ къ осуществленію замысловъ Бонапарта, и если у васъ недостанетъ рѣшимости, то русскій престолъ будетъ отнятъ у васъ и вашего рода. Награждайте и наказывайте; тѣ, которые вамъ преданы, не имѣютъ нужды въ платѣ за ихъ службу, но другіе должны бояться—розги, а виновные—эшафота.

«Здѣсь есть должность, которую желаетъ занять Паленъ, но этотъ человѣкъ очень опасенъ. Его ненависть предпочтетъ вашу погибель спасенію отечества. Мнѣ не нравится покровительство, которое Бенингсенъ оказываетъ полякамъ, а злодѣй подобно Бонапарту нуждается въ измѣнникахъ.

«Князь Волконскій пріѣхалъ сюда вчера и, какъ я понимаю, чтобы глупо польстить князю Кутузову, сказалъ ему, что оставленіе Москвы не очень приняли къ сердцу. Пустые люди, которые окружаютъ фельдмаршала, повторяютъ эти слова, и такимъ образомъ все падаетъ на васъ и подтверждаетъ тѣ предположенія, что будто бы вы дали приказаніе не защищать столицы. Этотъ князь Волконскій, сколько мнѣ кажется, не можетъ сообщить вамъ вѣрнаго понятія о томъ ужасномъ состояніи, въ какомъ находятся войска. У него есть свой довѣренный человѣкъ—полковникъ Толь, имѣющій здѣсь важное значеніе и преданный фельдмаршалу, который уже его представилъ вамъ къ награжденію чиномъ генералъ-маіора.

«Такъ какъ по всему видно, что мы еще будемъ отступать, а граница Московской губерніи находится уже въ 17-ти верстахъ отсюда, то я оставлю армію и отправлюсь въ Ярославль, гдѣ находится моя жена, и тамъ буду ожидать вашихъ приказаній, всегда готовый служить вамъ въ какомъ бы назначеніи ни было.

«У меня 109.600 рублей изъ особенной суммы, которая была въ моемъ непосредственномъ распоряженіи и которая осталась. Пріѣхавъ въ Ярославль, я ее отправлю къ Калинину [1]), который испроситъ вашихъ повелѣній о ея назначеніи» [2]).

Въ то время, когда писалъ это письмо графъ Растопчинъ, наши войска совершали отступательное движеніе, и въ тотъ день (19-го сентября) главная квартира достигла села Спасъ-Купли, а на другой день подошла къ Тарутину, которое уже находилось въ предѣлахъ Калужской губерніи. Графъ Растопчинъ, остававшійся въ это время въ Вороновѣ, догналъ армію, но съ тѣмъ, чтобы немедленно ее оставить. Покидая войска, онъ написалъ еще слѣдующее письмо къ императору:

«Послѣ отправленія моего послѣдняго письма, мы сдѣлали еще два перехода по направленію къ Калугѣ, и теперь находимся въ 77 верстахъ отъ Москвы. Постоянно преслѣдуемые корпусомъ французскихъ войскъ, о которомъ то говорятъ, что онъ состоитъ изъ 8.000 человѣкъ, то изъ 15.000, а иногда превращаютъ его и въ цѣлую французскую армію. Я почти увѣренъ, что Кутузовъ оставитъ и Калугу и расположится на другомъ берегу Оки, будто бы на томъ основаніи, что тамъ онъ устроитъ войска, дастъ имъ отдохнуть, а потомъ можно будетъ дѣйствовать наступательно. По общему мнѣнію непріятель только потѣшается надъ нами и подвигается въ это время къ Боровску, оттуда уже никто не воспрепятствуетъ ему идти далѣе, соединиться съ войсками, которыя дѣйствуютъ противъ Чичагова, и расположиться на зимнія квартиры въ Волыни и Подоліи.

«Наши войска состоятъ изъ 30.000 пѣхоты, 8.000 конницы, 7.000 казаковъ и около 25.000 ополченія. Солдаты истомлены движеніями, отступленіями и особенно голодомъ. Число больныхъ ежедневно доходитъ до 400 человѣкъ, которые пѣшкомъ волочатся за войсками.

«Жители, сначала испуганные приближеніемъ непріятеля, покинули свои жилища, но видя, что и свои ихъ грабятъ и обольщаютъ коварными внушеніями ратниковъ, которыхъ большая часть уже возвратилась въ свои дома, они послѣдовали ихъ примѣру и говорятъ, что они свободны, а другіе даже, что они уже подданные Наполеона. Сегодня утромъ, въ одну изъ моихъ деревень, собралось до 50 ратниковъ, и застрѣлили офицера.

[1]) Петербургскій почтъ директоръ.

[2]) Письмо графа Растопчина императору 19-го сентября 1812 г.

«Одинъ егерскій офицеръ, дезертировавшій еще до Можайска, собралъ ратниковъ и мародеровъ, и съ своею дружиною, состоящею отъ 60 до 70 человѣкъ, проникъ до Касимова, разграбляя всѣ деревни. Генералъ Левицкій, который съ своимъ отрядомъ находился невдалекѣ, послалъ туда двухъ офицеровъ съ командою въ 70 человѣкъ. Офицеръ-дезертиръ, Томченко, вступилъ съ ними въ бой и, потерявъ 13 человѣкъ, съ остальными былъ взятъ. Въ Калужской губерніи шайка мародеровъ, французовъ, русскихъ и крестьянъ ограбили двѣ деревни и убили помѣщиковъ. Кавелинъ донесъ объ этомъ князю Кутузову, но два дня прошло безъ отвѣта, и князь выслалъ отъ себя Фукса, говоря, что хочетъ спать.

«Мнѣ хотѣлось узнать образъ мыслей Платова; я стоялъ рядомъ съ нимъ, а какъ онъ тщеславенъ, болтунъ и немного пьянюга,— то я убѣдился, что это человѣкъ опасный, и не слѣдуетъ раздражать его при настоящихъ обстоятельствахъ. По злобѣ Кутузовъ его преслѣдуетъ, а у него бродятъ дурные замыслы въ головѣ; говоритъ о томъ, что хотѣлъ Наполеонъ предложить ему и казакамъ, что если для русскихъ дѣло кончится плохо, то онъ знаетъ, что̀ дѣлать, что казаки пойдутъ за нимъ, и тому подобное.

«Когда въ прошломъ мѣсяцѣ ваше величество сдѣлали мнѣ честь, сообщивъ ваше намѣреніе вновь посѣтить Москву, я осмѣливался вамъ представить причины, по которымъ слѣдовало отсрочить эту поѣздку. Теперь, когда Москва оставлена, разорена и ограблена; когда вся Московская губернія во власти Бонапарта; когда эти событія произвели такое впечатлѣніе на губерніи, что Курская прислала депутатовъ къ Кутузову узнать, находится ли она въ безопасности; когда крестьяне колеблются и не знаютъ, оставаться или возвратиться въ свои жилища, занятыя французами; когда войска уменьшаются съ каждымъ днемъ; когда всѣ поражены ужасомъ и пришли въ отчаяніе; когда ваша власть находится въ рукахъ такихъ пустыхъ людей, какъ Кайсаровъ и Кудашевъ; когда нужна сила, быстрота, рѣшительныя средства и насильственныя мѣры; когда нуженъ глазъ, голосъ и воля господина,—то необходимо, государь, чтобы вы рѣшились прибыть въ армію, возстановить порядокъ и возбудить мужество. Всѣ успѣхи будутъ вамъ принадлежать, и вы потрудитесь для спасенія отечества и вашей собственной славы. Но если судьба обрекла вашу имперію на паденіе, вы должны погибнуть съ нею и сражаться въ средѣ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ, рѣшившихся умереть на вашихъ глазахъ, на полѣ чести, на которомъ и вы сами должны побѣдить или погибнуть вмѣстѣ съ ними» [1]).

[1]) Письмо графа Растопчина императору Александру 21-го сентября 1812 года.

Приведенныя донесенія государю—Барклая, Беннигсена, Вильсона и графа Растопчина, отличаются какъ общими всѣмъ имъ свойствами, такъ и особенными, принадлежащими каждому изъ нихъ. Общія свойства выражаютъ настроеніе, взгляды и мнѣнія, существовавшія въ это время въ самой вліятельной средѣ главной квартиры; особенныя принадлежатъ каждому изъ этихъ лицъ, согласно личныхъ ихъ свойствъ. Хотя они согласовались въ нѣкоторыхъ общихъ чувствахъ и воззрѣніяхъ, но это было случайное соединеніе, вслѣдствіе событій того времени. Въ сущности же между ними ничего не было общаго. Барклай презиралъ Беннигсена, и только случайно сблизился съ Растопчинымъ, съ которымъ до того времени не былъ ни въ какихъ отношеніяхъ. Графъ Растопчинъ, не признававшій въ немъ способностей полководца, примкнулъ къ нему въ это время только потому, что не къ кому было присоединиться и кромѣ того при Барклаѣ состоялъ его сынъ адъютантомъ. Беннигсена онъ ненавидѣлъ; англичанъ тоже не долюбливалъ, и сойтись искренно не могъ съ сэромъ Вильсономъ, а въ отношеніи къ остальнымъ постояннымъ членамъ главной квартиры онъ считалъ себя слишкомъ высокопоставленнымъ, чтобы сблизиться съ кѣмъ-либо изъ нихъ. А между тѣмъ среди этихъ высокопоставленныхъ лицъ существовала въ сущности глубокая рознь, несмотря на ихъ сближеніе для общей цѣли и общей ненависти къ князю Кутузову. Беннигсенъ ненавидѣлъ его за то, что онъ занялъ мѣсто, которое онъ одинъ считалъ себя въ правѣ занимать, какъ человѣкъ, который, помѣрившись уже на дѣлѣ силами съ Наполеономъ подъ Пултускомъ, Прейсиш-Эйлау, направлялъ всю свою дѣятельность только къ тому, чтобы поправить эту случайную несправедливость, выжить изъ арміи Кутузова и занять его мѣсто. Барклай, облеченный верховною властью званіемъ главнокомандующаго первою арміею, а потомъ подготовившій себѣ много обстоятельствъ и для главнаго начальства надъ второю, никакъ не могъ понять, что съ назначеніемъ князя Кутузова его положеніе должно измѣниться, хотя объ этомъ измѣненіи и не было объявлено особымъ указомъ. Онъ признавалъ, конечно, Кутузова главнокомандующимъ всѣми русскими арміями въ это время, сознавая правильнымъ общее теоретическое понятіе о необходимости единства въ военныхъ дѣйствіяхъ, но главное начальство надъ первою арміею и слившуюся съ ней второю хотѣлъ удержать за собою, т. е., не оспаривая главнаго начальства князя Кутузова надъ тѣми арміями, которыя находились въ тысячахъ верстъ отъ него, онъ самъ желалъ начальствовать надъ войсками, которыя были на лицо. Конечно, подобное отношеніе къ дѣлу, при тогдашнихъ грозныхъ для Россіи обстоятельствахъ, присутствіе этихъ лицъ въ главной квартирѣ дѣлалось совершенно невозможнымъ. Сила вещей должна была удалить ихъ изъ арміи—и удалила!..

*

Пребываніе въ главной квартирѣ графа Растопчина было совершенно случайнымъ. Онъ могъ бы находиться при ней единственно по распоряженію князя Кутузова. На основаніи постановленій о дѣйствующей арміи, главнокомандующему подчиняются всѣ власти не только тѣхъ губерній, въ которыя переносятся военныя дѣйствія, но и смежныхъ съ ними. Подобнаго распоряженія со стороны фельдмаршала не было, и графъ Растопчинъ самъ считалъ нужнымъ сопутствовать главной квартирѣ, пока она не миновала границъ Московской губерніи. Князь Кутузовъ не принималъ его къ себѣ и какъ бы не признавалъ его присутствія въ главной квартирѣ. Подобное отношеніе къ нему фельдмаршала, отличавшагося вообще вѣжливымъ и ласковымъ обращеніемъ, дѣйствительно возбуждаетъ вопросъ: какія были тому причины? и приводитъ насъ къ тому же заключенію, которое мы уже высказали, что онъ сердился на графа Растопчина, обѣщавшаго ему приготовить, сверхъ ополченія, вольную Московскую дружину изъ жителей города, а можетъ быть и окрестныхъ селеній, въ 80 тысячъ человѣкъ. Если это было такъ, и князь Кутузовъ разсчитывалъ на эту дружину, то, безъ сомнѣнія, подойдя къ Москвѣ и убѣдившись, что подобной дружины вовсе не существуетъ, онъ долженъ былъ измѣнить свои соображенія и дать иное направленіе своимъ дѣйствіямъ. Такое обстоятельство могло вывесть престарѣлаго вождя изъ обычнаго ему способа относиться къ людямъ и выказать прямо презрѣніе къ человѣку, которому удалось обмануть того, кого и «Рибасъ не обманетъ», по свидѣтельству Суворова, и который надѣялся, что и Наполеону обмануть его не удастся, какъ гласитъ преданіе. Если же не принять въ соображеніе такого предположенія, то способъ отношеній князя Кутузова къ графу Растопчину представится совершенно непонятнымъ какъ во время оставленія Москвы, такъ и въ бытность его при главной квартирѣ. Присоединившись къ ней, графъ Растопчинъ вошелъ въ среду лицъ, враждебно расположенныхъ къ фельдмаршалу и, конечно, не щадилъ его въ своихъ разговорахъ. Князя Кутузова это бы не удивило и не заставило бы нарушить такъ рѣзко обычный свой образъ отношеній къ своимъ порицателямъ. Подобныя рѣчи велись постоянно въ кружкахъ людей, соединявшихся вокругъ Барклая и Беннигсена. Но, безъ сомнѣнія, подобное положеніе было невыносимо для такого гордаго и самоувѣреннаго человѣка, какимъ былъ графъ Растопчинъ. Еще менѣе можетъ быть сомнѣнія, что обладавшій такимъ ловкимъ умомъ, какъ онъ, могъ бы выдти изъ него съ нѣкоторымъ достоинствомъ, если-бъ не чувствовалъ вины за собою, хотя, безъ сомнѣнія, не сознавалъ ея даже передъ самимъ собою. Онъ дѣйствительно пытался выйти изъ этого положенія и вышелъ, но—крайне неловко и даже грубо.

Не удовольствовавшись своими отзывами о князѣ Кутузовѣ и о его

дѣйствіяхъ, онъ въ своихъ донесеніяхъ къ императору и лично обращался къ нему, пытаясь перервать то отчужденіе, въ которое фельдмаршалъ поставилъ его къ себѣ.

Черезъ два дня послѣ оставленія Москвы, когда войска находились еще на Рязанской дорогѣ, а главная квартира фельдмаршала была въ селѣ Куликовѣ, графъ Растопчинъ писалъ ему: «Бывшему Московскому гарнизонному полку приказано было всѣхъ арестантовъ, находившихся въ разныхъ мѣстахъ, присланныхъ въ Москву изъ губернскихъ и прочихъ городовъ, выпроводить изъ бывшей столицы; которые онымъ полкомъ и выпровождены; почему и прошу покорнѣйше вашу свѣтлость приказать кому слѣдуетъ тѣхъ арестантовъ принять отъ бывшаго Московскаго гарнизоннаго полка, тѣмъ болѣе, что какъ эти арестанты, такъ равно и бывшій Московскій гарнизонный полкъ, стоятъ третій день безъ провіанта» [1]).

Это письмо получилъ фельдмаршалъ въ то время, когда дѣлалъ распоряженіе о фланговомъ движеніи на Калужскую дорогу и, безъ сомнѣнія, долженъ былъ заботиться объ обезпеченіи продовольствіемъ всѣхъ войскъ во все время этого движенія, пока не войдетъ въ прямое сообщеніе съ Тулою и Калугою, гдѣ было сосредоточено продовольствіе. Объ арестантахъ, конвоируемыхъ Московскою гарнизонною командою, и объ ихъ положеніи онъ, вѣроятно, и не зналъ. Арестанты были выпровождены изъ Москвы по распоряженію графа Растопчина.

Кто же долженъ былъ позаботиться объ обезпеченіи ихъ продовольствіемъ, какъ не онъ или исполнители его распоряженій? Если подобная неосмотрительность съ ихъ стороны и могла быть оправдана обстоятельствами того времени, быстро слѣдовавшими одно за другимъ, сильно поражавшими всѣхъ и каждаго, то возможно ли оправдать, что это обстоятельство самъ же графъ Растопчинъ въ видѣ укора представляетъ князю Кутузову? Только разстроеннымъ до болѣзни состояніемъ духа московскаго генералъ-губернатора можетъ быть объяснено подобное обращеніе къ фельдмаршалу. Но оно не было одинокимъ. Спустя нѣсколько дней, онъ повторилъ то же самое въ болѣе рѣзкомъ тонѣ.

Движеніе русскихъ войскъ изъ Москвы по Рязанской дорогѣ, сопровождаемое многочисленными жителями, оставлявшими столицу, и ранеными, конечно привело въ страхъ и волненіе всѣ города и селенія, находившіеся на ней, до самой Рязани. Всѣ ожидали, что вслѣдъ за выходцами изъ Москвы нагрянетъ и непріятель. «Сентября 6-го, говоритъ одинъ изъ современниковъ, пріѣхавъ въ Коломну, я увидѣлъ, что весь городъ былъ въ тревогѣ отъ молвы, будто-бы къ нему прибли-

[1]) Письмо графа Растопчина князю Кутузову 4-го сентября 1812 г. Записки А. П. Ермолова, ч. I приложенія, стр. 224.

жается непріятель. Казалось, что и камни улицъ собирались бѣжать. Обгоняли, толкали другъ друга. Спрашиваемъ, гдѣ такая-то артиллерійская рота? никто не останавливается, никто не слушаетъ. У всѣхъ одна мысль: спасаться и спасать жизнь. Печально скитаясь изъ улицы въ улицу, знаю, что мое семейство здѣсь, и не знаю, какъ найти» [1]).

Вмѣстѣ съ большею частію жителей удалились изъ Коломны и всѣ городскія власти. Извѣстившись объ этомъ въ то время, когда уже наша армія перешла на Калужскую дорогу, и предполагая, что Коломнѣ уже не угрожаетъ особенная опасность, князь Кутузовъ предложилъ графу Растопчину позаботиться возстановленіемъ порядка, суда и управленія. На это предложеніе графъ Растопчинъ отвѣчалъ: «Отношеніе вашей свѣтлости отъ 13-го сего сентября, за № 30, о возвращеніи коломенскихъ чиновниковъ къ ихъ должностямъ, получилъ я 16-го сентября того же мѣсяца, на которое спѣшу увѣдомить васъ, милостивый государь, что какъ Московская губернія находится теперь въ самовольномъ военномъ положеніи и жители оной такъ, какъ и должностные чиновники, болѣе нежели на 50 верстъ въ окрестностяхъ Москвы, опасаясь быть ограбленными отъ непріятеля, а болѣе того и отъ своихъ, раненыхъ, больныхъ, и низшихъ воинскихъ чиновъ—всюду шатающихся единственно для разоренія соотечественниковъ, которые, оставивъ свои жилища, разбѣжались въ неизвѣстныя мѣста; а потому къ удовлетворенію требованія вашей свѣтлости я не могу приступить, тѣмъ болѣе, что высочайше ввѣренная мнѣ столица скоропостижно отдана вами злодѣю, а Московская губернія, находясь нынѣ въ военномъ положеніи, состоитъ въ непосредственномъ вашемъ распоряженіи, что̀ видно изъ сего: по повелѣнію вашему разосланные отъ главнаго дежурства коммисіонеры по Московской губерніи собрали съ каждой души печенымъ хлѣбомъ по два пуда; сѣно все безъ остатка забрано, а скотъ весь описанъ на продовольствіе арміи, о чемъ я только вчерашняго числа узналъ посторонним образомъ, хотя болѣе полумѣсяца нахожусь при главной квартирѣ, гдѣ наравнѣ съ арміею лишенъ чести видѣть лицо вашей свѣтлости. Но пребываніе мое при оной я имѣю не по собственной волѣ, а по возложеннымъ на меня его императорскаго величества разнымъ порученіямъ; а какъ скоро исполню оныя, то поѣду въ мѣстопребываніе государя императора, удаляясь отъ тѣхъ несчастныхъ мѣстъ, гдѣ спасеніе войскъ и отечества зависитъ отъ подписи вашей» [2]).

Какъ бы опасаясь, чтобы это отношеніе не было скрыто самимъ кня-

---

[1]) С. Н. Глинка. Записки о 1812 годѣ, стр. 82 и 93. Ѳ. Н. Глинка. Письма русскаго офицера, изд. 1870 г., стр. 28 и 29.

[2]) Отношеніе Растопчина къ князю Кутузову отъ 17-го сентября 1812 г. за № 547.

земъ Кутузовымъ, или не затерялось въ бумагахъ его канцеляріи и не осталось бы неизвѣстнымъ правительству, Растопчинъ списалъ съ него копію и послалъ самъ при особомъ письмѣ къ министру полиціи. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ: «Изъ приложенной при семъ копіи съ письма моего къ главнокомандующему арміями вы усмотрите, что я въ настоящемъ положеніи малыхъ остатковъ Московской губерніи ни въ какія распоряженія болѣе входить не могу и остаюсь зрителемъ престрашныхъ безпорядковъ, продолженіе коихъ можетъ произвесть погибель Россіи.

«Серпуховъ занятъ непріятелями, и если онъ разошлетъ отряды на Калужскую дорогу для наведенія еще далѣе страха, то войска наши останутся вовсе безъ продовольствія, въ коемъ отъ замѣшательства въ распоряженіяхъ крайне нуждаются. Ополченія, надзоръ коихъ ввѣренъ мнѣ, давно готовы, и съ московскимъ простираются до 110.000 человѣкъ, вооруженныхъ и съ трехмѣсячнымъ провіантомъ. Его свѣтлость имѣетъ объ ономъ свѣдѣнія и прямо дѣлаетъ свои распоряженія.

«Московская губернія въ то время, когда четыре ея уѣзда заняты или разогнаны были непріятелемъ, доставила по наряду для отправленія въ армію и отвоза въ безопасныя мѣста казенныхъ вещей до 63.000 подводъ, изъ коихъ 12.300 не возвращались изъ арміи обратно» [1]).

Такимъ образомъ графъ Растопчинъ уклонился отъ всякаго содѣйствія фельдмаршалу въ управленіи даже тѣхъ частей Московской губерніи, которыя не были еще заняты непріятелемъ, и оставался при главной квартирѣ простымъ, по его словамъ, «зрителемъ происшествій». Но въ такое-то именно время и не слѣдовало бы ему оставаться простымъ зрителемъ, тѣмъ болѣе, что и самый законъ обязывалъ его повиноваться главнокомандующему войсками, а не давать ему наставленія и не уклоняться отъ исполненія его предписаній!.. Но этотъ законъ, которому повиновались всѣ начальники губерній, какъ тѣхъ, въ которыхъ происходили военныя дѣйствія, такъ и смежныхъ съ ними, графъ Растопчинъ считалъ писаннымъ не для себя. Въ своихъ запискахъ онъ не безъ намѣренія указываетъ на названіе московскихъ генералъ-губернаторовъ главнокомандующими, вслѣдствіе чего онъ считалъ себя въ правѣ не подчиняться князю Кутузову, вопреки прямому смыслу закона. Написавъ предварительно приведенное нами письмо къ князю Кутузову, графъ Растопчинъ удалился во Владиміръ.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ **П. Цуриковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Письмо графа Растопчина министру полиціи отъ 17-го сентября 1812 г., № 546.

Эпиграмма на сочиненіе И. И. Дибича «О воинской наукѣ» [1]).

Минерва росская [2]) велѣла въ наказанье
Телемахиды [3]) листъ виновному прочесть.
О, вѣчно славное Великой подражанье!
О, духу кроткому монарховъ росскихъ честь!
Взоръ отвращая свой отъ казней уголовныхъ,
Се нынѣ Александръ на мѣсто жертвъ ихъ кровныхъ,
Умѣя и безъ нихъ пороки исправлять,
Двѣ части Дибича «воинскія науки»
Стращая ужасами скуки
Заставилъ насъ читать.
Исправьтесь, воины, симъ средствомъ кроткой власти,
Или страшитесь третьей части.

С. Н. Маринъ.

Сообщ. **Л. М—чъ.**

---

[1]) Эпиграмма эта была написана, когда двѣ части „Воинской науки“ были разосланы по полкамъ, а третья не была еще окончена.

[2]) Императрица Екатерина II.

[3]) Сочиненія Третьяковскаго.

Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка.

(Воспоминанія Феликса Яковлевича Лучинскаго).

I.

Дѣтство и отрочество.—Жизнь въ м. Мошнахъ и въ селѣ Бѣлозерьѣ.—Пребываніе въ Городищенской школѣ.—Рекрутскій наборъ прежняго времени.—Поступленіе на службу въ Черкасскій уѣздный судъ.—Порядки, тогда существовавшіе.—Служба въ городской полиціи.—Городничій Щербцовъ и его самоуправство.

ъ то время, когда я началъ помнить себя, отца моего уже не было въ живыхъ; онъ умеръ въ ночь на первое января 1830 года, а я родился въ 1827 г. Мать моя съ тремя сыновьями и дочерью жила вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, дворяниномъ Игнатіемъ Середницкимъ, служившимъ лѣсничимъ въ имѣніи свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова, въ мѣстечкѣ Мошнахъ Черкасскаго уѣзда Кіевской губерніи.

Имущества послѣ отца никакого не осталось, а дѣдъ, принявшій насъ на свое содержаніе, былъ тоже человѣкъ очень бѣдный. Средства его для жизни состояли изъ 300 руб. ассигнаціями и разной провизіи, достаточной не только для продовольствія, но и для содержанія рабочаго и гулеваго скота.

Такъ какъ для помѣщенія насъ въ какое-либо учебное заведеніе не было средствъ, то для обученія нанимались учителя, изъ польскихъ шляхтичей, часто мѣнявшіеся, сами мало что знавшіе и учившіе безъ всякой системы и толку. Помню, что когда мнѣ было 5—6 лѣтъ, то меня

учили грамотѣ одновременно на трехъ языкахъ: польскомъ, русскомъ и латинскомъ. Когда я выучился кое-какъ читать по складамъ, то задавали уроки для вызубриванія наизустъ, при чемъ никакихъ объясненій учитель не дѣлалъ

Въ концѣ 1836 года умеръ мой дѣдъ. Воспоминанія о немъ всегда возбуждаютъ во мнѣ самыя теплыя чувства благодарности. Онъ насъ любилъ, былъ нашимъ покровителемъ и защитникомъ. Помню какъ бывало, защищая насъ отъ наказаній, которымъ нерѣдко подвергались отъ матери, отъ бабки и отъ учителя ременною плеткой, для того сдѣланной, заберетъ насъ къ себѣ, велитъ запречь лошадей и везетъ насъ въ монастырь, находящійся въ мошногорскомъ лѣсу, гдѣ монахи насъ ласкали, угощали медомъ, фруктами, водили гулять въ монастырскій садъ, очень обширный. Когда затѣмъ мы возвращались домой, то наказанія или уже совсѣмъ не было или слабое, ограничивавшееся постановкою на колѣни или въ уголъ.

Послѣ смерти дѣда обстоятельства измѣнились къ худшему. Мы переправились на жительство въ с. Бѣлозерье, гдѣ, за заслуги дѣда, прослужившаго болѣе 20 лѣтъ, былъ назначенъ отъ князя домъ и на содержаніе пенсія и всякая провизія въ половинномъ противъ прежняго размѣрѣ и двѣ прислуги, мужчина и женщина, которые мѣнялись по недѣльно, очередуясь изъ семействъ, для того назначенныхъ. Домъ, отведенный для нашего жительства въ с. Бѣлозерьѣ, былъ небольшой и состоялъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Помѣстить учителя было негдѣ, платить ему не изъ чего, а другихъ такихъ жителей, которымъ бы былъ нуженъ учитель и могли бы принять участіе въ содержаніи, не было, и потому мы остались безъ учителя, а вызубривали уроки, задаваемые матерью по старымъ книжкамъ. Такъ прошелъ весь 1837 годъ. Въ 1838 году меня съ другимъ братомъ близнецомъ отдали въ ланкастерскую школу въ м. Городище, [1]) которая предназначалась собственно для приготовленія писарей изъ крестьянъ въ конторы и экономіи графа, находящіеся въ Кіевской, Херсонской и Таврической губерніяхъ; но въ оную съ разрѣшенія главноуправляющаго всѣми имѣніями полковника Ягницкаго, принимали и дѣтей бѣдныхъ офиціалистовъ. Учителемъ былъ молодой человѣкъ изъ семинаристовъ Гулакъ-Артемовскій. При немъ жила мать, вдова священника, и сестра дѣвушка лѣтъ шестнадцати, очень красивая. Мы были помѣщены у него на квартирѣ, гдѣ было еще три ученика изъ дѣтей офиціалистовъ. Учитель этотъ зналъ свое дѣло хорошо; учась у него я только началъ понимать изучаемое, ибо преподавались предметы, доступные пониманію въ такомъ возрастѣ, въ какомъ находился, и при томъ толково, съ объясненіями. Онъ былъ до-

[1]) Имѣніе графа Воронцова.

вольно строгъ, но справедливъ, наблюдалъ, чтобы не баловались, въ праздничные дни самъ водилъ насъ на гулянье за мѣстечко, указывалъ разныя игры, а иногда принималъ въ нихъ участіе.

Хозяйка, мать его, была очень добра и внимательна къ намъ какъ къ дѣтямъ.

Къ несчастію пребываніе мое въ городищенской школѣ продолжалось годъ съ небольшимъ и прервалось съ удаленіемъ изъ школы Гулакъ-Артемовскаго.

По возвращеніи домой мое ученіе продолжалось по тѣмъ книжкамъ, которыя были пріобрѣтены по указаніямъ прежнихъ учителей; но для этого удѣлялось времени весьма немного, большая же часть онаго употреблялась по разнымъ хозяйственнымъ надобностямъ: то присутствованіемъ при раздачѣ лошадямъ и скоту корма, то поѣздкою на мельницу, когда возили для перемола хлѣбъ, и проживаніе тамъ по цѣлымъ днямъ, а иногда и ночью для наблюденія, чтобы не было сдѣлано мельникомъ или служителемъ похищенія.

Въ это время произошло обстоятельство, произведшее чрезвычайную тревогу въ нашемъ семействѣ, да и не только въ нашемъ, но и во всѣхъ семействахъ польской шляхты, именовавшейся дворянами и пользовавшейся правами сего сословія. Причиною тому было послѣдовавшее распоряженіе о томъ, чтобы права шляхты на дворянское достоинство въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской были разсмотрѣны въ учрежденной для того въ Кіевѣ особой комиссіи, для представленія въ которую документовъ назначенъ срокъ. Всѣ лица, не представившія надлежащихъ документовъ, подлежали обращенію въ податное состояніе.

Податное сословіе того времени заключалось въ томъ, что обязано было платить подушную подать, и лишеное было почти всякаго человѣческаго достоинства, должно было терпѣть унизительное обхожденіе отъ лицъ привилегированнаго сословія, а отъ лицъ, власть имѣющихъ, не только унизительное обхожденіе, но и подвергаться безъ суда побоямъ и истязаніямъ, а самое тягчайшее было—это отбытіе рекрутской повинности.

Люди теперешняго времени привыкли видѣть солдата молодаго, красиваго, здороваго, веселаго и о которомъ постоянно заботятся, чтобы дышалъ чистымъ воздухомъ, питался хорошею пищею, одѣтъ и обутъ былъ красиво, удобно и прочно, вооруженіе и амуниція были не обременительны,—люди эти не могутъ представить себѣ тѣхъ оскорбленій, униженій, истязаній, коимъ подвергался солдатъ прежняго времени. Истязанія эти начинались еще до поступленія въ солдаты, какъ только предназначеный въ оные взятъ въ рекруты, и продолжались во всю его 25-лѣтнюю службу.

Постараюсь изобразить, что мнѣ объ этомъ извѣстно и чему былъ личнымъ свидѣтелемъ.

Манифестъ о наборѣ присылался обыкновенно съ эстафетой и въ пакетѣ, заадресованномъ «секретно». По полученіи его, также секретно, дѣлались соотвѣтственныя распоряженія, и тогда по всему уѣзду производилась страшная тревога—собирали рекрутъ; на одного, подлежащаго сдачѣ, брали троихъ, на случай бракованія. Взятыхъ въ рекруты сводили въ одну избу, для нихъ приготовленную, забивали въ колодки, часто по два человѣка вмѣстѣ и въ такомъ видѣ оставляли ихъ до представленія въ рекрутское присутствіе.

Принимать такія мѣры было необходимо, ибо безъ того всѣ рекруты убѣжали. Перспектива будущаго побуждала бѣжать даже и такихъ рекрутъ изъ крестьянъ, которые у своего помѣщика подвергались неменьшимъ истязаніямъ, какія предстояли имъ по поступленіи въ солдаты, но тутъ они были по крайней мѣрѣ въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ, которые, въ случаѣ бѣды, если не въ силахъ были помочь, то могли хоть пожалѣть обиженнаго. Плачъ и причитанія, которыя обыкновенно слышались въ Малороссіи при провожаніи покойниковъ, сопровождали рекрутъ въ присутствіе. Но вотъ, среди общаго уныніи, происходящаго на улицахъ, вдругъ гдѣ либо среди базара встрѣчали иное зрѣлище: впереди идетъ музыкантъ, наигрывая на скрипкѣ казачка, за нимъ парень, одѣтый въ новый темносиняго сукна кафтанъ, въ новой ситцевой рубахѣ, въ новыхъ, китайчатыхъ штанахъ, новыхъ сапогахъ и барашковой шапкѣ. Онъ обвязанъ тремя новыми поясами по поясницѣ и черезъ оба плеча, обвѣшанъ лентами разныхъ цвѣтовъ, прицѣпленными къ поясамъ, къ шапкѣ, къ пуговицамъ, всюду гдѣ только можно прицѣпить. Пьяный, онъ выбиваетъ трепака и заигрываетъ съ толпою мальчишекъ его окружающихъ. Это гуляетъ н а е м щ и к ъ, который завтра или послѣ-завтра поступаетъ въ рекруты, взамѣнъ сына того старика, который ходитъ за нимъ слѣдомъ и расплачивается за все имъ съѣденное, выпитое и испорченное.

Какъ только сдаваемый по освидѣтельствованіи въ рекрутскомъ присутствіи признанъ годнымъ, унтеръ-офицеръ громко провозглашаетъ «лобъ», и онъ поступаетъ уже въ вѣдомство воинской команды.

Принятому въ солдаты лобъ выбривается такъ, чтобы вся передняя часть головы была оголена, а забракованному выбривали затылокъ по желанію цирюльника, больше или меньше, смотря по тому, какое вознагражденіе онъ получилъ отъ оперируемаго.

Наиболѣе тяжело было отбывать рекрутскую повинность евреямъ: прежде ихъ вовсе не брали въ военную службу, лишь въ царствованіе императора Николая I на нихъ распространилась эта повинность. Вначалѣ брали съ нихъ рекрута такъ-же какъ и съ другихъ, но потомъ,

когда вслѣдствіе различныхъ злоупотребленій и укрывательствъ завелись большія недоимки, послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы рекрута брать изъ евреевъ въ возрастѣ отъ 8 до 35 лѣтъ.

Вопли, плачъ и страданія бѣдныхъ матерей евреекъ, когда брали у нихъ въ рекруты малыхъ дѣтей, были ужасны. Въ г. Чигринѣ, когда я тамъ находился на службѣ, былъ такой случай. Въ числѣ еврейскихъ рекрутъ, привезенъ былъ мальчикъ лѣтъ 9 или 10, полненькій, розовый, очень красивый. Когда мать узнала, что онъ принятъ, то опрометью побѣжала къ рѣкѣ и бросилась въ прорубь.

Дѣтей, взятыхъ изъ еврейскихъ семействъ, до совершеннолѣтія помѣщали для обученія въ баталіоны военныхъ кантонистовъ,—тоже всегда въ города отдаленные.

Срокъ ихъ службы считался не съ того времени, когда ихъ взяли, а съ достиженія совершеннолѣтія.

Поступившій разъ въ солдаты, былъ уже вѣчнымъ и потомственнымъ солдатомъ, ибо хотя прослуживши 25 лѣтъ онъ увольнялся въ отставку, но не къ какому другому сословію причислиться не могъ, и дѣти его по рожденіи зачислялись въ военное вѣдомство, и сыновья, по достиженіи 9 лѣтъ, отсылались въ батальоны военныхъ кантонистовъ.

Возвращаюсь къ прерванному описанію моей жизни и скажу, что лишь въ 1845 году послѣ продолжительныхъ хлопотъ матери намъ выданы были свидѣтельства на право поступленія въ государственную службу, а черезъ два года послѣдовало и утвержденіе въ дворянствѣ.

Но мы, т. е. я и мой братъ близнецъ, еще раньше, въ 1841 году, были помѣщены частно на службу въ черкасскій уѣздный судъ и были помѣщены на квартирѣ у вдовы дворянки.

За квартиру со столомъ и мытьемъ бѣлья мать платила за обоихъ 50 руб. въ годъ ассигнаціями или 14 р. 78 к. серебромъ. Сверхъ того, доставлялось ей условленное количество муки, крупы, масла, сала и проч. Мы явились на службу въ тотъ день, когда объявлялся манифестъ императора Николая I, послѣдовавшій 16 апрѣля 1841 года по случаю бракосочетанія наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, впослѣдствіи императора Александра II. Всѣ были въ мундирахъ; манифестъ читалъ судья, а всѣ присутствовавшіе слушали его стоя. Потомъ были разговоры о томъ, что манифестъ очень милостивъ для всѣхъ, и только о политическихъ преступникахъ ничего не упоминается, а ихъ было тогда много въ Сибири.

Судьи и засѣдатели тогда еще были изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, служили по выборамъ дворянства, жили въ своихъ имѣніяхъ, пріѣзжали въ уѣздный городъ разъ въ двѣ недѣли на одинъ или два дня для подписи заготовленныхъ журналовъ и бумагъ. Если случалось что нуж-

ное, то секретарь или самъ ѣздилъ, или посылалъ заготовленныя бумаги къ судьѣ для подписи. Такимъ образомъ вся сила уѣзднаго суда заключалась въ одномъ секретарѣ. Впослѣдствіи этотъ порядокъ нѣсколько измѣнился, когда по иниціативѣ генералъ-губернатора Бибикова выборныя должности засѣдателей въ Западныхъ губерніяхъ замѣщены были коронными чиновниками, назначаемыми въ началѣ изъ лицъ православнаго исповѣданія, преимущественно изъ отставныхъ военныхъ офицеровъ; судья же оставался по прежнему выборнымъ.

Измѣненіе это было однакоже не особенно важно, оно состояло только въ томъ, что засѣдатели жили въ уѣздномъ городѣ, и нѣкоторые, не довольствуясь жалованьемъ, требовали и получали за свои подписи вознагражденія отъ просителей; сила же секретаря отъ этого не уменьшилась, ибо и коронныя засѣдатели о дѣлахъ и законахъ не имѣли никакого понятія и потому не могли мѣшать секретарю въ направленіи какого либо дѣла. Я зналъ одного такого засѣдателя, отставнаго подполковника, который никогда не подписывалъ опредѣленія, не получивши за свою подпись отъ 1 до 3 руб. Такое опредѣленіе, положенное для подписи, онъ откладывалъ въ сторону, уносилъ къ себѣ домой будто-бы для прочтенія, а затѣмъ, когда являлся проситель, то, принявъ глубокомысленный видъ и указывая на кипы губернскихъ и сенатскихъ вѣдомостей, разложенныя на столѣ, говорилъ, что не одно его дѣло, а вотъ сколько; и что всѣ ихъ надо прочитать и сообразить правильно ли написаны рѣшенія.

Проситель зналъ уже въ чемъ дѣло, просилъ дать его дѣлу преимущество передъ другими, за что предлагалъ 1 р. Засѣдатель обыкновенно упорствовалъ, но за сдѣланной надбавкою, а при упрямствѣ просителя и безъ надбавки подписывалъ опредѣленіе и давалъ ему на руки.

Главнымъ начальникомъ по канцеляріи былъ секретарь: его всѣ боялись, съ приходомъ его водворялась тишина, и каждый занимался своимъ дѣломъ; до того же шумѣли, спорили, разговаривали, шутили, иногда устраивали общую закуску въ складчину, или на счетъ просителя, если таковой былъ.

За службу свою я, конечно, не только не получалъ никакого вознагражденія, но за то, что меня держали въ судѣ, мать привозила къ Рождеству и Пасхѣ подарки секретарю или кадушку масла, или ветчину, или что иное изъ домашняго хозяйства.

Въ 1842 году я перешелъ на службу въ городскую полицію и за первый мѣсяцъ получилъ отъ городничаго жалованья 75 коп. Тогда была такая серебрянная монета, въ верхней части ея вычеканено русскими буквами 75 коп. серебромъ, а въ нижней польскими 5 Zlotych. Такія монеты я получалъ ежемѣсячно довольно долго, потомъ тоже

долго получалъ по 3 руб. сер. въ мѣсяцъ и наконецъ по 7 руб. въ мѣсяцъ,—это былъ уже полный штатный окладъ.

Въ началѣ предметами моихъ занятій было писаніе отмѣтокъ въ особыхъ розыскныхъ статьяхъ, прилагаемыхъ при губернскихъ вѣдомостяхъ. Статей этихъ было очень много, при каждомъ № прилагалось ихъ нѣсколько десятковъ, а то и сотни, ибо тогда розыски лицъ и имѣній производились по самымъ ничтожнымъ поводамъ, напримѣръ для объявленія резолюціи на прошеніе или для взысканія съ имѣнія даннаго лица какой либо незначительной суммы, хотя бы извѣстно было, что имѣнія, принадлежащаго тому лицу, нигдѣ нѣтъ и быть не можетъ. Такіе розыски производились по всей Россіи. Розыскныя статьи присылались въ двухъ экземплярахъ, ихъ никто не читалъ, а на оставленныхъ поляхъ приписывалось на обоихъ экземплярахъ, что такихъ-то лицъ или имѣній, принадлежащихъ такимъ-то лицамъ, за розыскомъ не оказалось. Одинъ экземпляръ отсылался въ губернское правленіе, которое строго слѣдило за исполненіемъ этого, а иногда при замедленіи въ отсылкѣ присылало эстафету на счетъ виновнаго, а другіе экземпляры вшивались въ особую книгу.

Къ моей обязанности также принадлежало разбирать исполненныя или не требующія исполненія бумаги, подшивать ихъ къ дѣламъ или нарядамъ и писать имъ частныя описи. Потомъ, когда я поумнѣлъ, то составлялъ и писалъ уже рапорты въ губернское правленіе и уголовную палату объ исполненіи приговоровъ; затѣмъ я сдѣлался уже чиновникомъ необходимымъ. Я любилъ читать законы, и обладалъ хорошею памятью. Составляя какую либо бумагу, ссылался на статьи закона, что городничему чрезвычайно нравилось, хотя въ сущности онъ законовъ терпѣть не могъ, и если кто, объясняясь передъ нимъ, упоминалъ ихъ, то это приводило его въ бѣшенство.

Городничій Щербцовъ принадлежалъ къ типу тѣхъ полицейскихъ чиновниковъ, которые тогда нравились начальству и считались отличными дѣятелями, почему я нахожу нелишнимъ нѣсколько остановиться на немъ и описать его дѣятельность. Прежде онъ служилъ въ Кіевѣ частнымъ приставомъ въ то время, когда тамъ былъ старшимъ полиціймейстеромъ Голяткинъ, памятный старымъ кіевлянамъ и прославившійся на всю губернію. Онъ объѣзжалъ городъ на тройкѣ пожарныхъ лошадей съ четырьмя казаками, изъ которыхъ одинъ скакалъ впереди, два сзади и одинъ сидѣлъ на козлахъ съ кучеромъ. Когда полиціймейстеръ что либо замѣчалъ, то тотчасъ же производилъ и расправу; кучеръ останавливалъ экипажъ, казаки спрыгивали съ своихъ лошадей, хватали указанную жертву, растягивали ее на землѣ, одинъ садился на голову, другой на ноги, третій отсчитывалъ удары нагайкою по обнаженному тѣлу, а четвертый державъ верховыхъ лошадей. Когда Щербцовъ вы-

былъ изъ должности, то за нимъ, какъ говорили, оказалось девяносто съ лишнимъ уголовныхъ дѣлъ, которымъ не давали хода. Нужно знать, что тогда лица, которымъ ввѣрена была какая-либо власть, имѣли право по своему усмотрѣнію наказывать тѣлесно своихъ подчиненныхъ, если они не принадлежали къ числу изъятыхъ отъ такого наказанія по закону,—слѣдовательно городничій привлекался къ суду не за такія наказанія.

Въ Черкасахъ не было ни пожарныхъ лошадей, ни казаковъ, и хотя Щербцовъ имѣлъ красивую лошадь, новенькія дрожки и франтовато одѣтаго кучера, но не объѣзжалъ города, и хотя квартировалъ очень близко отъ присутственныхъ мѣстъ, но никогда пѣшкомъ не ходилъ, а всегда пріѣзжалъ въ дрожкахъ, которыя стояли у крыльца все время нахожденія его на службѣ.

Ежедневная служебная дѣятельность его происходила въ такомъ порядкѣ: въ 9 часовъ утра квартальный надзиратель въ полной формѣ, т. е. въ мундирѣ, при шпагѣ и въ треугольной шляпѣ, велъ къ городничему полицейскую и пожарную команды, состоявшія изъ 14 человѣкъ военныхъ нижнихъ чиновъ, считавшихся на дѣйствительной военной службѣ, одѣтыхъ въ шинели съ красными воротниками, но безъ вооруженія, котораго въ тѣ времена не полагалось. Выстроивъ ихъ на дворѣ городничаго въ шеренгу, квартальный становился впереди и ожидалъ выхода.

Городничій выходилъ въ шелковомъ халатѣ съ трубкою на длинномъ чубукѣ; хотя онъ никогда въ военной службѣ не былъ, но любилъ поступать по военному. Принявъ отъ квартальнаго рапортъ о благополучіи, распушивъ его, къ чему всегда находился какой либо поводъ, подходилъ къ командѣ и произносилъ обычное «здорово, ребята!» а они отвѣчали «здравія желаемъ, ваше скородіе». Затѣмъ онъ проходилъ по фронту и, если замѣчалъ въ одеждѣ или въ чемъ либо неисправность или слышалъ запахъ водки, то тутъ же и награждалъ виновнаго собственноручно пощечинами, а квартальнаго вторично распекалъ и затѣмъ отпускалъ. Команда перестраивалась по два въ рядъ и уходила.

Въ 11 часовъ городничій пріѣзжалъ къ присутственнымъ мѣстамъ, очень ловко соскакивалъ съ дрожекъ и почти взбѣгалъ по ступенькамъ на крыльцо, стремительно направляясь въ полицію, дверь въ которую находилась прямо со входа, и если находящійся у двери десятскій не успѣвалъ скоро и ловко ее отворить, то получалъ пощечину. Съ другой стороны двери, уже въ канцеляріи, находился другой десятскій, безсмѣнный дежурный, который обязанъ былъ схватить почти на лету шинель, повѣсить на особую вѣшалку и отворить дверь въ присутствіе. Все это онъ долженъ былъ сдѣлать, пока городничій поставитъ въ уголъ

шпагу, которую держалъ въ рукѣ. Если же десятскій не успѣвалъ, или сдѣлалъ неловко, то тоже получалъ пощечину, и къ сожалѣнію ему приходилось получать таковыя очень часто. По входѣ городничаго въ присутствіе немедленно раздавался звонокъ, а затѣмъ зычнымъ, раздѣльнымъ голосомъ онъ произносилъ: «позвать квартальнаго офицера». Квартальный надзиратель, немилосердно распекаемый, котораго для приданія себѣ большей важности городничій именовалъ квартальнымъ офицеромъ, ожидавшій сего зова, являлся и докладывалъ обо всѣхъ арестованныхъ. Арестовывались не только за пьянство, буйство, драки и другія нарушенія правилъ благоустройства и благочинія, но даже по дѣламъ гражданскимъ. Если должникъ не платилъ долга по обязательству или другому какому взысканію, о которыхъ дѣла производились тогда полиціей, то и его сажали въ холодную и держали пока не разсчитается; если же кто жаловался на обиду, то согласно разъ отданному для постояннаго исполненія приказанію, квартальный долженъ былъ какъ обвиняемаго, такъ и жалобщика посадить въ холодную для того, чтобы они тамъ помирились. Послѣ доклада, тѣхъ изъ арестованныхъ, объясненія которыхъ городничій находилъ нужнымъ выслушать и произвести личную расправу, вызывали поочередно. Въ рѣдкихъ случаяхъ арестованный послѣ объясненія и распеканціи былъ отпускаемъ на волю, большею же частью возвращался на прежнее мѣсто для дальнѣйшихъ распоряженій; а нерѣдко случалось, что распекаемый вылеталъ изъ присутствія, а въ слѣдъ за нимъ выскакивалъ городничій съ побагровѣвшимъ лицомъ, съ пѣной у рта и производилъ кулачную расправу, которую онъ считалъ неприличнымъ производить въ присутствіи предъ зерцаломъ и портретомъ государя. Въ особенности это производилось всегда съ тѣмъ, кто при своихъ объясненіяхъ, рѣшался упомянуть слово «законъ». Тогда городничій немедленно вылеталъ изъ присутствія, произнося «вотъ я тебѣ покажу законъ!» При этомъ раздавалась громкая пощечина; «вотъ тебѣ законъ» (другая пощечина). «Городъ высочайше мнѣ ввѣренъ, а ты мнѣ смѣешь говорить про законъ, понимаешь-ли, городъ высочайше мнѣ ввѣренъ—я, тебѣ законъ, вотъ я пропишу тебѣ законъ, взять его!» и его уводили, а вслѣдъ за тѣмъ уходилъ быстрыми шагами и городничій. Накинувъ на него шинель безсмѣнный дежурный десятскій спѣшилъ за нимъ и за нимъ же бѣгомъ слѣдовали квартальный съ нѣсколькими десятскими. Всѣ они направлялись въ тюремный дворъ для окончательной расправы съ тѣми, которымъ городничій находилъ нужнымъ прописать законъ.

Послѣ произведенныхъ операцій городничій преображался въ другаго человѣка: возвращался онъ медленнымъ шагомъ, лицо принимало довольный, даже улыбающійся видъ; онъ самъ заговаривалъ съ сопровождавшимъ его квартальнымъ, а въ присутствіи спокойно принимался

за разсмотрѣніе полученныхъ и приготовленныхъ къ подписи бумагъ. Такой, почти неизмѣнный порядокъ, продолжался во все время его городничества съ 1841 по 1846 годъ, а въ семъ послѣднемъ году дѣятельность его неожиданно прекратилась самымъ непріятнымъ образомъ.

Въ канцелярію городской полиціи былъ принятъ на службу дворянинъ Рогозинскій, молодой человѣкъ, порядочно по тому времени образованный (онъ кончилъ курсъ въ Житомірской гимназіи) и при томъ какъ замѣтно, былъ хорошо воспитанный въ родительскомъ домѣ. Отецъ его имѣлъ небольшое имѣніе гдѣ-то въ Волынской губерніи, но вѣроятно обѣднѣлъ и никакого пособія сыну не давалъ.

Онъ очутился въ Черкасахъ какъ-то случайно, не имѣя средствъ къ жизни, искалъ какой нибудь службы и былъ принятъ городничимъ въ канцелярію за 5 руб. въ мѣсяцъ. Въ тѣ времена образованный встрѣчалъ больше затрудненій въ пріисканіи себѣ службы, нежели необразованный. Ученыхъ считали неудобными на службѣ, потому что они могутъ умничать и не исполнять безъ разсужденія начальническихъ приказаній.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ службы онъ, предполагая ѣхать на Рождественскіе праздники къ знакомымъ въ Звенигородскій уѣздъ, не испросивъ прежде у городничаго отпуска, написалъ отъ его имени отношеніе въ казначейство о неимѣніи препятствій на выдачу ему подорожной и положилъ для подписи въ числѣ другихъ бумагъ. Въ то время былъ такой порядокъ, что если кто хотѣлъ ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ, то для полученія изъ казначейства подорожной долженъ былъ представить увѣдомленіе городничаго о неимѣніи препятствій на выѣздъ изъ города. Такой поступокъ Рогозинскаго городничій счелъ нахальнымъ, позвалъ его въ присутствіе, распушилъ въ пухъ и прахъ, разорвалъ бумагу и бросилъ ему.

— Мнѣ необходимо уѣхать на праздники, сказалъ Рогозинскій,—и если не разрѣшаете отпуска, то я долженъ отказаться отъ службы.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ вышелъ, нанялъ лошадей и уѣхалъ.

Прошли праздники. Рогозинскій не возвратился, дерзость его волновала городничаго. Между тѣмъ онъ узналъ отъ письмоводителя, что не задолго передъ тѣмъ Рогозинскій получилъ письмо изъ-за границы, и хвалясь тѣмъ, что состоитъ въ перепискѣ съ членомъ какой-то ученой или училищной коммисіи, командированнымъ за границу, показывалъ это письмо. Фактъ полученія письма изъ-за границы былъ уже достаточнымъ поводомъ къ возбужденію подозрѣнія о политической неблагонадежности; а тутъ подвернулся еще и другой случай. Рогозинскій выпросилъ въ займы у одного изъ своихъ знакомыхъ енотовую шубу, который, встревожась тѣмъ, что не получилъ ее къ назначенному сроку, подалъ о семъ заявленіе въ полицію. Городничій приказалъ кварталь-

ному совмѣстно съ письмоводителемъ произвести обыскъ въ квартирѣ и сейчасъ же написалъ въ земскій судъ о розыскѣ его, какъ заподозрѣннаго въ политической неблагонадежности и въ похищеніи шубы, взятой подъ видомъ займа.

Я жилъ съ Рогозинскимъ на одной квартирѣ.

Уѣзжая онъ взялъ съ собою почти всѣ вещи, которыхъ было не много. Оставалась только небольшая запертая шкатулка съ письмами и сундучекъ незапертый, наполненный рукописными стихами, и пѣснями польскими и русскими разныхъ авторовъ, Мицкевича, Пушкина, Жуковскаго и другихъ.

Въ тѣ времена стихотворенія распространялись больше въ рукописяхъ, даже и тѣ, которые пропущены цензурой и напечатаны.

Я зналъ, что въ письмахъ не найдутъ ничего, за что можно было бы привлечь Рогозинскаго къ отвѣтственности, но между стихами были одни, за которые навѣрно его потянули бы къ отвѣту. Стихи эти сочиненія Полежаева подъ заглавіемъ: «Характеристика націй»; въ нихъ все сказанное о Россіи было настолько нецензурно, что и теперь ихъ нельзя печатать, и въ изданномъ нынѣ полномъ собраніи сочиненій Полежаева характеристика эта пропущена. Пользуясь тѣмъ, что обыскъ въ квартирѣ отложенъ былъ на послѣобѣда, я отыскалъ опасные стихи, уничтожилъ ихъ и послѣ перебрался на другую квартиру.

При обыскѣ ничего подозрительнаго не было найдено; но квартиру однако же запечатали. Черезъ день или два пріѣхалъ Рогозинскій и, найдя свою квартиру опечатанною, написалъ жалобу г.г. генералъ-губернатору и гражданскому губернатору. Получившій его шубу подалъ заявленіе, что никакой претензіи къ Рогозинскому не имѣетъ, ибо находитъ уважительнымъ объясненіе его, что причиною невозвращенія таковой къ сроку была потеря имъ службы въ полиціи и необходимость искать другой, хотя безуспѣшно, въ тѣхъ мѣстахъ, куда онъ ѣздилъ, почему проситъ прекратить всякое производство по прежде сдѣланному имъ заявленію.

Возвращеніе Рогозинскаго, конечно, сдѣлалось извѣстнымъ городничему, но его въ полицію не звали и арестованныхъ вещей не возвращали, ожидая, что онъ попроситъ возвратить таковыя, а онъ не просилъ. Между тѣмъ пріѣхалъ въ городъ уѣздный предводитель дворянства, и Рогозинскій явился къ нему, разсказалъ обо всемъ случившемся и просилъ принять его на службу въ свою канцелярію. Предводитель охотно исполнилъ его просьбу. Тогда Рогозинскій написалъ и подалъ лично городничему заявленіе о томъ, что въ бывшей его квартирѣ, неизвѣстно по какому случаю запечатанной, находится шкатулка, а въ ней денегъ 180 руб. Отъѣзжая изъ Черкасъ въ имѣніе предводителя дворянства, въ канцелярію котораго поступилъ на службу, онъ проситъ

озаботиться, чтобы деньги тѣ до распоряженія о возвратѣ ему его имущества не пропали. Заявленіе это, въ дѣйствительности ложное, привело городничаго въ бѣшенство, онъ приказалъ взять Рогозинскаго, посадить подъ арестъ, но не въ «холодной», а въ помѣщеніи для десятскихъ. Письмоводителю приказалъ заготовить вопросные пункты, въ которыхъ потребовать объясненія за каждый день и часъ, гдѣ онъ находился во время отлучки изъ Черкасъ. Заготовленные вопросные пункты вручены были Рогозинскому, и онъ написалъ короткій отвѣтъ: «О томъ гдѣ я находился во время отсутствія изъ Черкасъ подробно объяснено въ жалобахъ, поданныхъ мною гг. кіевскимъ военному генералъ-губернатору и гражданскому губернатору, въ удостовѣреніе чего прилагаю росписки почтовой конторы». Городничій велѣлъ письмоводителю сочинить рапортъ губернатору. Рапортъ былъ сочиненъ, въ которомъ Рогозинскій обрисованъ самыми черными красками: тутъ было и то, что онъ ведетъ подозрительную корреспонденцію съ поляками, находящимися въ разныхъ мѣстахъ и даже за границею, что ѣздитъ къ разнымъ неизвѣстнымъ полякамъ, скрывая къ кому и по какой надобности, что такимъ образомъ разъѣзжалъ онъ въ продолженіе двухъ недѣль, просясь въ отпускъ только на нѣсколько дней, будто бы въ г. Звенигородку, гдѣ у него никакихъ родственниковъ нѣтъ и, несмотря на отказъ въ разрѣшеніи отпуска, уѣхалъ самовольно, и что вообще онъ крайне подозрителенъ, такъ какъ въ немъ замѣчается польскій мятежный духъ. Въ виду всего этого въ квартирѣ его и былъ произведенъ обыскъ, найдено много польскихъ писемъ, стиховъ и пѣсенъ польскихъ и русскихъ, которые и опечатаны; онъ же подалъ еще и ложное заявленіе, что будто бы между этими бумагими были деньги 180 руб., вслѣдствіе всего этого арестованъ и содержится при полиціи впредь до разрѣшенія.

Рогозинскій, понятно, тоже обжаловалъ послѣднія дѣйствія надъ нимъ. Послѣдствіемъ сего было полученное отъ губернатора предписаніе извѣщавшее, что донесеніе городничаго и всѣ жалобы Рогозинскаго переданы въ губернское правленіе на разрѣшеніе, и, не усматривая достаточныхъ основаній къ содержанію Рогозинскаго подъ арестомъ до разрѣшенія дѣла, предписывалось немедленно освободить его. Онъ былъ освобожденъ и уѣхалъ на службу къ предводителю, канцелярія котораго находилась въ его имѣніи.

Губернское правленіе разрѣшило дѣло тѣмъ, что, найдя дѣйствія городничаго Щербцова неправильными, сдѣлало ему выговоръ и велѣло объявить объ этомъ Рогозинскому и возвратить арестованное имущество.

Имущество возвратили, но рѣшенія губернскаго правленія не объявили. Тогда онъ подалъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ, который

по вытребованіи объясненія нашелъ рѣшеніе губернскаго правленія не правильнымъ, такъ какъ въ дѣйствіяхъ Щербцова заключаются проступки, влекущіе за собою наказанія, которые могутъ быть назначены только судомъ и что потому его слѣдуетъ предать суду. Затѣмъ послѣдовало распоряженіе губернскаго правленія о преданіи его суду съ устраненіемъ отъ должности. Чѣмъ кончено это дѣло не знаю, но лѣтъ черезъ семь я видѣлъ Щербцова въ Кіевѣ опять на должности частнаго пристава, но только въ немъ не было уже прежней прыти, постарѣлъ онъ и какъ-то опустился.

II.

Земская полиція.—Кругъ ея обязанностей.—Исправникъ Боснинъ.—Губернаторъ Фундуклей.—Женитьба.—Переходъ на службу въ губернское правленіе.—Существовавшіе въ немъ порядки.—Служба въ Херсонской уголовной палатѣ и судебнымъ слѣдователемъ.—Администрація въ губерніяхъ.—Интриги чиновниковъ противъ губернатора.

Въ 1847 году я перешелъ на должность столоначальника чигиринскаго земскаго суда. Главный мой начальникъ, земскій исправникъ Иванъ Аѳанасьевичъ Боснинъ, былъ совершенная противуположность прежнему моему начальнику Щербцову. Этотъ былъ добрѣйшій человѣкъ; я не припомню даже, видѣлъ ли я его когда-либо сердитымъ; всѣ его любили и уважали; онъ былъ на хорошемъ счету у начальства, въ особенности у бывшаго тогда гражданскимъ губернаторомъ Фундуклея, знавшаго его прежде поступленія своего на должность губернатора. Боснинъ былъ исправникомъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ около 30 лѣтъ. Въ томъ уѣздѣ находились большія имѣнія Фундуклея, куда онъ пріѣзжалъ лѣтомъ на нѣсколько мѣсяцевъ и тогда, не будучи еще губернаторомъ, узналъ Боснина, а впослѣдствіи на службѣ отличалъ его отъ другихъ чиновниковъ.

Здѣсь я нахожу не лишнимъ разсказать, что такое была земская полиція того времени вообще, а въ районѣ Кіевскаго генералъ-губернаторства т. е. въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской въ особенности.

Въ то время не было ни земскихъ учрежденій, ни судебныхъ слѣдователей, ни мировыхъ судей, ни судебныхъ приставовъ. Всѣ обязанности, которыя исполняютъ нынѣ эти лица, исполняла полиція, независимо отъ обязанностей и нынѣ на ней лежащихъ, даже нѣкоторыя гражданскія дѣла по суммѣ исковъ превышали предоставленные нынѣ разбору мировыхъ судей. Такъ, напримѣръ, дѣла объ исполненіи дого-

воровъ и обязательствъ не ограничивались какою либо суммою, а разбирались полиціею и могли переходить въ судебныя учрежденія лишь въ случаѣ предъявленія спора, указаннаго въ законѣ, дающаго дѣлу свойство спорнаго; иски объ ущербахъ и убыткахъ тоже не ограничивались какою-либо суммою, а переходили въ судъ лишь по просьбѣ, поданной въ назначенный срокъ стороною, оставшейся недовольною опредѣленіемъ полиціи; по дѣламъ уголовнымъ слѣдствія и притомъ формальныя производились не только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ нынѣ предварительныя слѣдствія производятся судебнымъ слѣдователемъ, но и по такимъ, которыя нынѣ разбираются мировыми судьями (городскими судьями или земскими начальниками). Такихъ дѣлъ полиція сама не рѣшала, а произведенныя ею слѣдствія отсылала о купцахъ и мѣщанахъ въ магистратъ, а о лицахъ другаго сословія, за исключеніемъ крестьянъ, судимыхъ или помѣщикомъ или казенными волостными судами—въ уѣздный судъ.

Исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей лежало въ городѣ на городской полиціи, а въ уѣздѣ на земскомъ судѣ, состоящемъ изъ исправника, непремѣннаго засѣдателя, трехъ участковыхъ засѣдателей, впослѣдствіи переименованныхъ въ становыхъ приставовъ, и канцеляріи.

Исправникъ получалъ жалованья 287 руб. с., старшій непремѣнный засѣдатель 228 руб. с., становой приставъ 200 руб. с. и еще на наемъ письмоводителя и на канцелярскія расходы 87 руб. с.

Это штатное жалованье далеко не соотвѣтствовало насущнымъ потребностямъ.

На означенныя должности губернскимъ начальствомъ назначались большею частью по протекціи лица совсѣмъ не свѣдущіе въ дѣлопроизводствѣ и въ законахъ, чаще изъ отставныхъ офицеровъ; лишь при назначеніи на должность непремѣннаго засѣдателя назначались преимущественно знающіе письменное производство, такъ какъ обязанность засѣдателя заключалась исключительно въ письменныхъ занятіяхъ по земскому суду. Становые пристава, главные дѣятели по исполненію всѣхъ лежавшихъ на полиціи обязанностей, не были даже снабжены законами, а частныхъ руководствъ, какія издаются теперь во множествѣ по разнымъ вѣдомствамъ, тогда не было.

При столькихъ обязанностяхъ, лежавшихъ на полиціи, при такомъ ея составѣ и средствахъ могла-ли она исполнять свои обязанности удовлетворительно, согласно съ требованіями закона и существовать безъ злоупотребленій т. е. безъ посторонихъ подачекъ, когда становой приставъ издерживалъ на свою канцелярію много больше, нежели получалъ самъ на свое содержаніе и на расходы по должности. Въ Кіевской губерніи или вообще въ предѣлахъ кіевскаго генералъ-губернаторства злоупотребленія эти нѣсколько ослаблялись не по суммамъ

получаемыхъ чиновниками взятокъ, а по источникамъ, изъ которыхъ оные получались.

Во всѣхъ большихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ были назначены годовые оклады для чиновниковъ изъ разной провизіи: муки, крупъ, масла, сыру, сала или битаго кабана, а сверхъ того исправнику, приставу и стряпчему, ѣздившимъ по службѣ на своихъ лошадяхъ—овса и сѣна; отъ сахарныхъ заводовъ и питейнаго откупщика посылались сахаръ, водка и деньги; небогатые помѣщики тоже присылали къ празднику кое-что изъ живности. Изъ имѣній гражданскаго губернатора Фундуклея до поступленія его губернаторомъ тоже былъ назначенъ годовой окладъ, съ занятіемъ же имъ этой должности управляющій его имѣніями прекратилъ выдачу, да и чиновники отказывались отъ полученія, но Фундуклей замѣтилъ въ отчетахъ управляющаго отсутствіе этого расхода, предписалъ выдать все за прошлое время и производить выдачу на будущее время, при чемъ выразился, что если богатые помѣщики не будутъ пособлять средствами на содержаніе чиновниковъ полиціи, то средства эти они будутъ получать отъ воровъ.

Престижъ полицейскихъ чиновниковъ особенно поддерживалъ генералъ-губернаторъ Бибиковъ. Разскажу одинъ случай, характеризующій дѣятельность его въ этомъ направленіи. Въ Чигиринскомъ уѣздѣ былъ небогатый помѣщикъ Михайловскій. Однажды ночью онъ былъ встревоженъ звономъ колокольчика подъѣхавшей къ самому крыльцу почтовой телѣги, а за тѣмъ стукомъ въ дверь и требованіями отворить ее.— Когда отворили дверь, то представился жандармъ, сопровождаемый чинами мѣстной полиціи, и предъявилъ открытое предписаніе генералъ-губернатора, которымъ поручалось ему отправиться въ имѣніе Михайловскаго, Чигиринскаго уѣзда, взять его, доставить въ г. Кіевъ и сдать въ управленіе старшаго полиціймейстера, а всѣмъ мѣстамъ и лицамъ оказывать ему въ томъ содѣйствіе. По требованію жандарма онъ долженъ былъ при страшномъ переполохѣ жены и всѣхъ домашнихъ сейчасъ же кое-какъ одѣться, сѣсть въ ожидавшую у крыльца почтовую телѣгу, запряженную тройкою курьерскихъ лошадей, и его увезли страшно перепуганнаго, хотя и не чувствовавшаго за собой никакой вины. Везли день и ночь безъ отдыха. По пріѣздѣ въ Кіевъ, на другой день онъ былъ потребованъ къ генералъ-губернатору, который встрѣтилъ его такими словами.

— Знаешь-ли ты, какое значеніе имѣетъ становой приставъ? Становой приставъ есть мой представитель на мѣстѣ, а я представитель государя императора, какъ же ты смѣлъ ослушаться становаго пристава да еще написать ему дерзкій отвѣтъ.

Объяснивъ помѣщику, въ чемъ состояло его ослушаніе и дерзость, Бибиковъ отпустилъ его домой.

Дѣло, повлекшее за собою такія послѣдствія, состояло въ слѣдующемъ: становой приставъ, проѣзжая ночью черезъ землю Михайловскаго по проселочной дорогѣ, заѣхалъ въ промоину отъ бывшаго недавно проливнаго дождя, опрокинулся и ушибся. По пріѣздѣ домой онъ послалъ помѣщику письменное требованіе, чтобы дорога была исправлена въ теченіе трехъ дней.

На требованіе это Михайловскій отвѣтилъ, что въ горячее время года, когда сыплется неубранный хлѣбъ, дорогъ не исправляютъ и потому требованія его онъ исполнить не можетъ, а если онъ опрокинулся и ушибся, то самъ же виноватъ, ибо вольно ему ѣхать ночью по проселочной дорогѣ, когда не вдалекѣ есть большая проѣзжая дорога по тому же направленію.—Полиція имѣла строгое предписаніе генералъ-губернатора доносить ему о всякомъ происшествіи и о всякомъ неповиновеніи и ослушаніи или сопротивленіи власти полиціи, не входя въ разсужденіе стоитъ или, по малозначительности, не стоитъ, чтобы объ этомъ доносить. На этомъ основаніи становой обязанъ былъ представить отзывъ Михайловскаго въ земскій судъ, а сей отослалъ оный генералъ-губернатору, по личному почину котораго и приказано было привезти Михайловскаго въ Кіевъ.

Исправникъ Боснинъ довольствовался только тѣми окладами, какіе получалъ, и никакихъ взятокъ не бралъ. Хотя онъ никогда ни одной бумаги самъ не составилъ и законовъ не читалъ, но судилъ очень здраво.—Онъ говорилъ, что если сдѣлаешь по совѣсти, то выйдетъ и по закону, а если нарушилъ совѣсть, то нарушилъ и законъ. Онъ зналъ, что главное вниманіе губернаторомъ обращается на то, чтобы не было недоимокъ податныхъ и рекрутскихъ, и не было бы жалобъ. Въ этомъ отношеніи у Боснина было всегда исправно.

Вообще онъ былъ очень популяренъ и любимъ всѣми, служилъ на должности исправника такъ долго, что когда въ 1863 году, при введеніи новаго преобразованія полиціи, я былъ назначенъ на должность уѣзднаго исправника въ Херсонскую губернію, то и тогда еще онъ оставался на прежней свой должности.

Старшимъ непремѣннымъ засѣдателемъ былъ Войнаровскій, чиновникъ дѣловой, но какой-то угрюмый и нелюдимый. Въ присутствіи онъ обыкновенно занимался тѣмъ, что прочитывалъ, помѣчалъ и размѣчалъ по столамъ полученныя бумаги и дѣла, прочитывалъ и подписывалъ изготовленныя бумаги, а какъ однихъ, такъ и другихъ было очень много, то эти занятія и поглощали все дообѣденное его время. Уходя на обѣдъ онъ бралъ съ собою уголовный настольный реестръ съ записанными въ оный бумагами и дѣлами, писалъ резолюціи, всегда очень обстоятельныя, и на другой день приносилъ ихъ.

Для охарактеризованія служебной дѣятельности секретаря доста-

точно будетъ, если я повторю слова, сказанныя ему засѣдателемъ Войнаровскимъ.

— Знаетэ що Константинъ Ивановичъ, якъ бы до насъ пріихавъ такій нимець, що робить всякі машины, то мы бъ ему заказалі таку машину що писала-бъ. Секретарь Ноджевскій поставилибъ ін тутъ на столі, тай обійшлись бы безъ васъ.

Секретарь этотъ, имѣвшій сильную протекцію въ губернскомъ городѣ, не только служилъ на должности, требующей знанія и труда исключительно по письменному производству, но и былъ вскорѣ повышенъ назначеніемъ на должность становаго пристава въ другой уѣздъ.

Я поступилъ на должность столоначальника гражданскаго стола. Кромѣ занятій, относящихся къ моимъ обязанностямъ, мнѣ часто приходилось работать и за секретаря, который обязанъ былъ писать резолюціи по настольному реестру гражданскаго стола, но всегда дѣлалъ запущенія. Вскорѣ заслужилъ я довѣріе исправника, такъ что онъ поручалъ мнѣ просматривать черновыя опредѣленія и по уголовнымъ дѣламъ, а потомъ велѣлъ совсѣмъ передать въ мой столъ тѣ уголовныя дѣла, которыя разрѣшались въ судебно-полицейскомъ порядкѣ.

Въ 1848 году пріѣхалъ къ намъ губернаторъ Фундуклей. Во время ревизіи въ земскомъ судѣ онъ требовалъ объясненій по нѣсколькимъ предметамъ, которые относились къ моему столу; для объясненій позвали меня. Онъ, обращаясь уже непосредственно ко мнѣ, задалъ нѣсколько вопросовъ; отвѣты провѣрилъ—оказались вѣрны. По окончаніи ревизіи ушелъ со своими чиновниками въ городскую полицію. Вскорѣ оттуда прибѣжалъ стряпчій и потребовалъ меня къ губернатору, который, когда я явился, спросилъ меня, согласенъ-ли я перейти на должность письмоводителя городской полиціи, на которую онъ предполагаетъ назначить меня для приведенія въ порядокъ дѣлопроизводства, найденнаго имъ въ безпорядкѣ. Я не могъ не согласиться, такъ какъ обращеніе губернаторомъ вниманія на мою службу льстило мнѣ, да притомъ предлагаемая должность была классомъ выше мною занимаемой и съ бо̀льшимъ жалованьемъ.

Губернаторъ приказалъ своему чиновнику сейчасъ же написать предложеніе губернскому правленію объ увольненіи письмоводителя и о переводѣ меня на его мѣсто, а мнѣ сказалъ, что въ должность вступить могу немедленно.

Когда, возвратившись въ земскій судъ, я объявилъ объ этомъ исправнику, то это его такъ обезкуражило, что, встрѣтивъ губернатора, онъ не могъ скрыть этого.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ, вы обижаете меня, берете у меня лучшаго чиновника; я имѣлъ въ виду просить васъ назначить

его непремѣннымъ засѣдателемъ, но теперь еще нельзя, такъ какъ онъ не имѣетъ чина.

— Ну вотъ и хорошо, отвѣчалъ губернаторъ; онъ приведетъ въ порядокъ дѣла полиціи, между тѣмъ получитъ чинъ, и я его назначу опять къ вамъ.

Новая моя служба въ городской полиціи была непріятна. Городничій Тереховичъ принадлежалъ къ типу тѣхъ старинныхъ чиновниковъ, носившихъ названіе «сутяги», которые имѣли особенную способность заводить кляузныя дѣла, вводя въ нихъ разные придирки, придавая таковымъ видъ преступныхъ намѣреній или дѣйствій, впутывая и запутывая разныхъ лицъ для того, чтобы обирать ихъ. Онъ почти не выходилъ изъ дому, въ полиціи бывалъ разъ или два въ недѣлю, почты полученную и отправляемую для подписи носили къ нему на домъ. Большую часть дѣлъ, о которыхъ въ полиціи и свѣдѣній не было никакихъ, онъ велъ отъ своего имени.

Послѣ увольненія Тереховича мнѣ пришлось служить въ той-же полиціи нѣсколько лѣтъ подъ начальствомъ нѣсколькихъ городничихъ, назначаемыхъ уже изъ военныхъ. Они отличались отъ гражданскихъ чиновниковъ тѣмъ, что считали позволительными для себя всякія дѣйствія, а брать взятки—непредосудительнымъ и брали ихъ открыто; иногда для вымогательства употребляли оригинальные способы.

Надежда, основанная на обѣщаніи губернатора Фундуклея, назначить меня на должность непремѣннаго засѣдателя, когда получу чинъ, не осуществилась. Когда я получилъ чинъ, Фундуклей былъ уже сенаторомъ, и когда я обратился къ новому губернатору съ просьбой о назначеніи меня на высшую должность, то получилъ отказъ.

Съ перемѣной губернатора управленіе въ губерніи значительно измѣнилось. Фундуклей былъ человѣкъ добрый, справедливый, магнатъ и притомъ одинокій. Все свое жалованье онъ отдавалъ на канцелярію, нѣсколькимъ давалъ безплатныя квартиры въ своихъ домахъ; были и такіе, что имѣли у него постоянный столъ. Въ западныхъ губерніяхъ штаты канцелярій губернаторовъ тогда были неограничены, для привлеченія на службу молодыхъ людей изъ польскихъ помѣщиковъ, въ видахъ обрусенія ихъ, почему въ ихъ канцеляріяхъ считалось много богатыхъ чиновниковъ. Вообще всѣ чиновники канцеляріи во время губернаторства Фундуклея считались въ Кіевѣ золотою молодежью. При новомъ губернаторѣ инженеръ-генералъ-маіорѣ Кривцовѣ все измѣнилось. Прежняя канцелярія разбрелась, а новая была не та. Носились слухи, что правитель канцеляріи беретъ взятки. Это кажется такъ и было, ибо, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова, этотъ правитель канцеляріи былъ уволенъ и высланъ изъ Кіева, а вскорѣ былъ уволенъ въ отставку и губернаторъ.

Въ 1853 году я женился. Средства, получаемыя по должности письмоводителя городской полиціи весьма скудные и при холостой жизни, были тѣмъ болѣе недостаточны для семейнаго, а между тѣмъ, при началѣ Крымской войны, послѣдовало распоряженіе, чтобы лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія ни на какія самостоятельныя должности не назначать.

Лишившись такимъ образомъ всякой надежды на полученіе лучшей должности въ Чигиринскомъ уѣздѣ, я подалъ прошеніе о перемѣщеніи на службу въ штатъ губернскаго правленія, предполагая, что службой въ виду губернскаго начальства могу заслужить вниманіе и получить ходъ хотя бы и не на самостоятельной должности.

Мнѣ и теперь, несмотря на прошедшіе сорокъ слишкомъ лѣтъ, непріятно вспоминать тѣ тяжелые дни и годы, которые пришлось тогда переживать.

Въ губернскомъ правленіи столоначальникъ того стола, въ который меня назначили, давалъ мнѣ иногда переписывать бумаги, а когда я попросилъ его дать мнѣ болѣе самостоятельную работу, то онъ далъ объемистую переписку для изготовленія доклада. Прочитавъ ее я написалъ докладъ съ изложеніемъ въ немъ вкратцѣ всего нужнаго и съ соотвѣтственнымъ заключеніемъ. Когда я отдалъ ему докладъ, то онъ удивился, что бумага написана на одномъ листѣ, и не читая сказалъ:

— Что это такое? у насъ такъ не пишутъ; въ докладѣ нужно прописать всю переписку отъ слова до слова.

На возраженіе мое, что включеніемъ всей переписки только запутывается и затемняется сущность дѣла, и затрачиваемый на это трудъ превышаетъ стоимость тѣхъ 60 коп., о взысканіи которыхъ идетъ дѣло, онъ сказалъ:

— Да ужъ мнѣ эти сочинители надоѣли,—разорвалъ написанную мною бумагу, а переписку отдалъ другому.

Слова эти были отнесены не ко мнѣ одному, а и къ сидѣвшему рядомъ со мной студенту Кіевскаго университета, тоже поступившему было на службу въ губернское правленіе, который наканунѣ также сочинилъ бумагу, не понравившуюся столоначальнику и имъ уничтоженную. Студента того въ началѣ семидесятыхъ годовъ я нашелъ учителемъ Кіевской второй гимназіи.

Въ губернскомъ правленіи не рѣдко бывали такіе доклады: листовъ десять исписано какою то ни для кого непонятною ахинеею, а въ заключеніи «приказали: о вышеизложенномъ дать знать земскому суду или городской полиціи, для надлежащаго въ чемъ слѣдуетъ исполненія», а въ чемъ слѣдовало исполненіе, ни писавшій, ни исполнявшій—понять не могъ.

Средства мои были очень скудны и улучшить ихъ не было надежды,

потому что тогдашнія должности оплачивались на столько скудно, что было бы хорошо, если-бъ получаемаго жалованья доставало на жизнь самую скромную. Къ пріобрѣтеніямъ при помощи злоупотребленій я всегда питалъ отвращеніе, а между тѣмъ служба, какъ казенная такъ и частная въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, была выгодна лишь тогда, когда сопровождалась взятками. Къ веденію хозяйства или какой-либо спекуляціи я чувствовалъ себя неспособнымъ. Словомъ я видѣлъ себя безпомощнымъ. Иногда, смотря на простыхъ рабочихъ, возвращающихся вечеромъ съ работъ веселыми, здоровыми, поющими, я завидовалъ имъ; они находили себѣ работу слѣдовательно были людьми полезными, а я не находилъ себѣ занятія, былъ лишнимъ, ненужнымъ. Размышленія надъ этимъ иногда приводили меня въ отчаяніе, оставалась одна надежда на Бога и его благость, въ которую я вѣрилъ и не ошибся. Будучи слабаго здоровья, я задумалъ себя застраховать, чтобы хотя послѣ смерти жена могла получить растраченное, но и тутъ встрѣтилъ неудачу. Бывшій въ Кіевѣ единственный агентъ страховаго общества отказалъ принять меня на страхъ, потому что свидѣтельствовавшій меня врачъ нашелъ предрасположеніе къ чахоткѣ. Это было въ 1854 году. Грудь у меня дѣйствительно была очень слаба, и по совѣту врача я ежедневно по утрамъ пилъ рыбій жиръ.

Въ губернскомъ правленіи я считался на службѣ до 1857 года, но въ дѣйствительности не служилъ: пріѣзжалъ на мѣсяцъ или два и уѣзжалъ въ отпускъ, въ которомъ никогда не отказывали, за просрочки не спрашивали, а потомъ пересталъ вовсе ѣздить въ Кіевъ, не находя въ немъ себѣ дѣла.

Въ 1857 году, я по ходатайству и рекомендаціи помѣщика Касинова былъ назначенъ секретаремъ Херсонской уголовной палаты.

Первые опыты новой моей службы были очень неудачны: изготовленныя мною черновыя рѣшенія по двумъ дѣламъ, послѣ просмотра ихъ предсѣдательствующимъ, оказались испещренными поправками, помарками, приписками, такъ что я, узрѣвъ ихъ, ожидалъ, что вотъ, вотъ предсѣдатель скажетъ, что я могу искать другой службы, болѣе подходящей къ моимъ способностямъ, но этого не случилось. Слѣдующіе опыты, при которыхъ принимались въ соображеніе сдѣланныя поправки и передѣлки, были уже болѣе удачными и наконецъ, когда къ концу мѣсяца полученъ изъ Кіевскаго губернскаго правленія мой формулярный списокъ и свѣдѣнія о неимѣніи препятствій на перемѣщеніе, то предсѣдатель велѣлъ написать журналъ о допущеніи меня къ исправленію должности секретаря.

Такимъ образомъ я перешелъ на службу и переселился на жительство въ Херсонъ. Къ новой службѣ я скоро привыкъ и она мнѣ очень

понравилась. Къ обязанностямъ секретаря принадлежало разсмотрѣніе дѣлъ и изготовленіе по нимъ проектовъ рѣшенія.

Такое занятіе, требующее участія головы и сердца, при разнообразіи особенностей каждаго дѣла, не казалось для меня утомительнымъ, несмотря на то, что работалъ ежедневно, до трехъ часовъ ночи.

Но меня очень тяготила жизнь въ Херсонѣ. Жалованья получалъ я 28 р. въ мѣсяцъ т. е. 336 р. въ годъ. Хотя мы до крайности ограничили свои расходы, имѣли даровую прислугу,мужчину и женщину изъ имѣнія братьевъ жены, и отъ нихъ же получали проценты на оставленный капиталъ 3000 р. но все-таки при новомъ обзаведеніи въ продолженіе перваго года пришлось израсходовать изъ того капитала 1000 рублей.

Въ мартѣ 1858 года полученъ указъ сената, который, усмотрѣвъ изъ представленной отчетной вѣдомости за 1857 г., что по 110 дѣламъ, находящимся въ палатѣ болѣе года, не было никакого дѣйствія и что въ числѣ ихъ есть дѣла, поступившія въ палату болѣе 10 лѣтъ, предписалъ доставить по каждому дѣлу объясненіе и списокъ членамъ и секретарямъ, бывшимъ въ продолженіе 10 лѣтъ для привлеченія ихъ къ отвѣтственности.

Указъ этотъ произвелъ большое смущеніе въ палатѣ и, въ особенности, испугалъ предсѣдателя и засѣдателя.

Они постоянно совѣщались, что̀ писать въ объясненіе, и приходили къ заключенію, что суда имъ не миновать. Взялъ было указъ для написанія объясненія предсѣдатель, потомъ передалъ его засѣдателю, чтобы тотъ набросалъ свое мнѣніе, но онъ, продержавъ нѣсколько дней и отъѣзжая на наступившіе праздники Свѣтлаго Христова Воскресенія, принесъ и оставилъ его въ палатѣ.

Пользуясь полуторанедѣльнымъ свободнымъ временемъ я написалъ объясненіе. Предсѣдатель, которому въ первый послѣ праздниковъ присутственный день я отнесъ, удивился, что я написалъ объясненіе безъ его порученія, взялъ таковое съ мрачнымъ видомъ и, уходя послѣ занятій, унесъ съ собою для просмотра. На другой день явился на службу и засѣдатель. Предсѣдатель принесъ просмотрѣнное объясненіе, въ редекціи нѣсколько исправленное, передалъ его засѣдателю, а когда тотъ прочиталъ, спросилъ: «Ну что, будемъ преданы суду?» и получилъ отвѣтъ «Нѣтъ, не будемъ».

Не прошло и мѣсяца послѣ отсылки объясненія, какъ полученъ былъ указъ сената о томъ, что объясненіе это признано уважительнымъ, и такъ какъ накопленіе дѣлъ въ палатѣ произошло не по винѣ членовъ и секретарей ея, а вслѣдствіе недостаточности матеріальныхъ средствъ палаты, не соотвѣтствующихъ потребности, и оставленіемъ министерствомъ юстиціи безъ послѣдствій ходатайствъ ея объ улучшеніи таковаго, то

объ этомъ сообщено господину министру на соотвѣтствующее съ его стороны распоряженіе.

Къ счастью, министромъ юстиціи былъ уже не Панинъ, а Замятинъ, почему сообщеніе сената и не осталось безъ послѣдствій. Недѣли черезъ двѣ получилось предписаніе министра съ извѣщеніемъ о томъ, что имъ разрѣшено производство секретарямъ столовыхъ денегъ, даже и по той вакансіи, которая еще не занята, и что предоставлено губернатору утвердить секретаремъ палаты того кандидата, котораго она представитъ, не стѣсняясь требованіями закона о представленіи трехъ кандидатовъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того я былъ утвержденъ въ должности секретаря и разрѣшена выдача столовыхъ. Прошло еще нѣсколько недѣль, какъ послѣдовало высочайшее повелѣніе, испрошенное черезъ комитетъ министровъ, объ общей прибавкѣ чинамъ судебнаго вѣдомства 57% къ получаемому штатному содержанію.

Такимъ образомъ я былъ опредѣленъ секретаремъ названной палаты, съ содержаніемъ болѣе 700 р. серебромъ.

Служба моя въ уголовной палатѣ требовала огромнѣйшаго труда, но вспоминаю я о ней съ удовольствіемъ. Начальники, предсѣдатель и товарищъ предсѣдателя были люди очень хорошіе, отличались отъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ на прежней службѣ мнѣ приходилось сталкиваться, превосходнымъ образованіемъ, деликатностью въ обращеніи и особеннымъ ко мнѣ пріязненнымъ отношеніемъ, отличавшимъ меня отъ другихъ сослуживцевъ.

Въ концѣ 1860 г. я былъ назначенъ на должность судебнаго слѣдователя 2-го участка Александрійскаго уѣзда и выѣхалъ изъ Херсона въ началѣ декабря 1860 года.

Прощаясь съ Херсономъ, который мнѣ впрочемъ еще не разъ пришлось посѣщать, считаю нужнымъ упомянуть о томъ административномъ устройствѣ и управленіи, въ какомъ находилась тогда Херсонская губернія. Описаніе это нахожу нужнымъ, потому что оно имѣетъ связь съ будущимъ переустройствомъ, въ которомъ мнѣ, помимо воли, пришлось, перемѣнивъ родъ службы, быть однимъ изъ звеньевъ новаго административнаго управленія.

Въ то время когда я переселился на службу въ Херсонъ, губернаторомъ тамъ былъ Панкратьевъ, человѣкъ старый, часто болѣвшій и къ обязанностямъ своимъ относившійся апатично; вице-губернаторомъ—Канатовъ, тоже человѣкъ старый, нерѣшительный и собственнаго мнѣнія не имѣющій. Для характеристики ихъ разскажу одинъ эпизодъ, части котораго я былъ свидѣтелемъ: я сидѣлъ на Потемкинскомъ бульварѣ рядомъ съ Херсонскимъ уѣзднымъ стряпчимъ Склифасовскимъ (роднымъ братомъ извѣстнаго профессора-хирурга), мимо насъ по аллеѣ проходилъ

губернаторъ; увидѣвъ Склифасовскаго, подозвалъ его къ себѣ и между ними завелся слѣдующій разговоръ:

— Вы только и знаете, сказалъ губернаторъ, что по бульварамъ гулять, а о томъ, какія у васъ происходятъ злоупотребленія, того не знаете!..

— Не знаю, въ чемъ дѣло, ваше превосходительство, отвѣчалъ стряпчій.

— Вы не знаете какъ изъ опекаемаго имѣнія, съ разрѣшенія опеки, продаютъ водку за безцѣнокъ?

— Слышалъ, но это случилось во время моего отсутствія, и журналъ дворянской опеки пропустилъ исправлявшій мою должностью секретарь уѣзднаго суда.

— Сейчасъ-же напишите, по личному моему приказанію, чтобы членовъ дворянской опеки, подписавшихъ этотъ журналъ, предать суду и удалить отъ должностей, и завтра мнѣ доложите объ исполненіи.

Когда губернаторъ ушелъ и Склифасовскій снова сѣлъ подлѣ меня, то отъ него я узналъ, что суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ: при чрезвычайно возвышенной тогда цѣнѣ водки, вслѣдствіе ея недостатка, оставались не проданными въ одномъ сиротскомъ имѣніи что-то болѣе 10 тысячъ ведеръ; водку эту опекунъ продалъ съ разрѣшенія дворянской опеки по 50 коп. ведро, а купилъ ее уѣздный предводитель дворянства и сейчасъ же перепродалъ Херсонскому откупщику по 2 р. за ведро. На вопросъ мой, какъ же онъ исполнитъ приказаніе губернатора, которое мнѣ кажется нелѣпымъ при неимѣніи губернаторомъ права увольнять и предавать суду членовъ судебнаго мѣста [1]) и по личному приказанію, отданному уѣздному стряпчему на бульварѣ, Склифасовскій отвѣтилъ:

— Исполню какъ приказано, напишу въ опеку, ничего изъ этого, конечно, не выйдетъ, ибо дѣлается это только для острастки, и тѣмъ дѣло кончится.

На другой день я узналъ, что когда утромъ стряпчій, явившись къ губернатору, доложилъ объ исполненіи его приказанія, то услышалъ отвѣтъ:

— Если-бы я приказалъ вамъ исполнить что либо хорошее, то вы не спѣшили бы такъ съ исполненіемъ приказанія, а тутъ вы очень поторопились; идите, возмите назадъ вашу бумагу, Богъ съ ними.

При такомъ начальникѣ губерніи злоупотребленія были развиты до крайности, и всѣ чиновники жили роскошно, строили и покупали дома

---

[1]) Тогда дворянскія опеки были при уѣздныхъ судахъ, и члены уѣзднаго суда были такъ же членами опеки, только предсѣдателемъ былъ уѣздный предводитель дворянства.

и даже имѣнія. Въ уѣздѣ земская полиція была совершенно отличной отъ той, какую мы видѣли въ Кіевской губерніи, гдѣ всѣ чины полиціи были по назначенію отъ правительства и дѣйствіями генералъ-губернатора Бибикова поставлены въ выгодное для себя положеніе: здѣсь же земскій исправникъ и старшій непремѣнный засѣдатель земскаго суда избирались дворянствомъ, а становые пристава хотя назначались губернаторомъ, но дворяне имѣли право во время выборовъ составлять списки кандидатовъ на эту должность и представлять губернатору. Исправниковъ и непремѣнныхъ засѣдателей выбирали обыкновенно изъ разорившихся помѣщиковъ въ видахъ поправленія изъ обстоятельствъ. Становые пристава были чрезвычайно принижены. Проѣзжая мимо усадьбы помѣщика даже средней руки приставъ долженъ былъ подвязывать колокольчикъ, чтобы не обезпокоить барина. Имѣя дѣло къ помѣщику онъ не смѣлъ явиться къ нему лично, а долженъ былъ вести переговоры черезъ управляющаго или приказчика; только у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ онъ былъ своимъ человѣкомъ, пользовался гостепріимствомъ и за то дѣлалъ имъ кое-какія услуги. Если же помѣщику-барину приставъ чѣмъ либо не угодилъ, то могъ ожидать потери должности, такъ какъ губернаторъ Панкратьевъ всегда уважалъ жалобы помѣщиковъ, въ особенности если онѣ доходили черезъ предводителя дворянства. Для того чтобы въ подобныхъ случаяхъ была защита, приставъ долженъ былъ задабривать губернскихъ чиновниковъ или подарками или какими либо другими услугами. При такомъ положеніи приставъ могъ существовать только взяточничествомъ. Шайки воровъ и разбойниковъ формировались, жили завѣдомо и дѣйствовали безпрепятственно, какъ процвѣтали и всякія злоупотребленія и нарушенія закона, лишь бы только они могли быть оплачиваемы.

Въ концѣ 1858-го или въ началѣ 1859-го года умеръ губернаторъ Панкратьевъ и вмѣсто него былъ назначенъ исправляющимъ должность губернатора камеръ-юнкеръ Башмаковъ, человѣкъ молодой и очень дѣятельный. Онъ со всею энергіею принялся искоренять безпорядки, но не былъ достаточно опытенъ, чтобы преодолѣть всѣ препятствія. Бывшіе дѣльцы присмирѣли и дѣйствовали, повидимому, согласно его желанія, а между тѣмъ втихомолку воздвигали разныя препятствія. Старшій совѣтникъ губернскаго правленія на первыхъ порахъ выразился такъ:

— Нашъ новый губернаторъ очень быстрый, да ничего! мы его укоськаемъ [1]).

Съ этою цѣлью онъ велѣлъ приготовить побольше «крутыхъ» до-

---

[1]) Укоськать, значитъ по-малороссійски усмирить, обласкать быстраго коня.

кладовъ т. е. такихъ, которые нарочно писались безтолково на нѣсколькихъ листахъ, гдѣ факты спутывались, затемняли сущность дѣла и тѣмъ затрудняли его разрѣшеніе. Такими докладами предполагалось довести губернатора до того, что онъ будетъ утверждать журналы губернскаго правленія безъ прочтенія. Такъ дѣйствовали и по другимъ вѣдомствамъ, ему подчиненнымъ, съ цѣлью утомить его.

Планъ этотъ однакоже не имѣлъ тѣхъ результатовъ, какихъ ожидали, ибо Башмаковъ былъ молодъ, дѣятеленъ, не досыпалъ ночей, но прочитывалъ все подлежащее его утвержденію и прежняго произвола и неправильностей не допускалъ. Тогда недовольные его управленіемъ принялись его просто выживать, начали появляться пасквили, карикатуры на него и наконецъ произошло слѣдующее.

Въ Херсонѣ жилъ тогда отставной чиновникъ Аппель, занимавшійся адвокатурой, великій мастеръ всякихъ темныхъ дѣлъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ губернскими заправилами. Будучи стряпчимъ палаты государственныхъ имуществъ, онъ продалъ херсонскимъ купцамъ соль, высочайше пожалованную государственнымъ крестьянамъ вслѣдствіе неурожая, но ими не полученную; снабдилъ покупщиковъ фальшивыми свидѣтельствами отъ палаты государственныхъ имуществъ, по которымъ они получили соль, чѣмъ причинилъ казнѣ убытка болѣе 40 тысячъ одной пошлины. Этотъ же дѣлецъ былъ причастенъ къ дѣлу о составленіи фальшиваго духовнаго завѣщанія отъ имени умершаго помѣщика N. Слѣдствіемъ было обнаружено, что подлогъ совершенъ поручикомъ Эсауловымъ подъ руководствомъ Аппеля. Слѣдователь до рѣшенія дѣла заключилъ подъ стражу Эсаулова и Аппеля, но послѣдній былъ освобожденъ на поруки уѣзднымъ судомъ. Между тѣмъ Аппель подговорилъ Эсаулова побить губернатора, при чемъ увѣрилъ, что поступокъ этотъ прославитъ его, не подвергая никакой отвѣтственности, ибо то наказаніе, какое можетъ быть назначено за побитіе губернатора слабѣе того, какому онъ подлежитъ за подложное составленіе духовнаго завѣщанія, и въ такомъ случаѣ по правиламъ о совокупности преступленія первое вовсе не будетъ приведено въ исполненіе.

Подговоръ подѣйствовалъ на Эсаулова.—Когда губернаторъ по обыкновенію посѣтилъ тюрьму въ сопровожденіи губернскаго прокурора, полиціймейстера и караульнаго офицера, то въ камерѣ, гдѣ находился Эсауловъ, послѣдній заявилъ, что имѣетъ жалобу, и когда губернаторъ приблизился къ нему, то онъ внезапно нанесъ ему нѣсколько ударовъ по лицу. Объ этомъ происшествіи сейчасъ же стало извѣстно въ городѣ, Башмаковъ сдалъ должность вице-губернатору и о случившемся донесъ государю императору. Вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе судить Эсаулова военнымъ судомъ въ 24 часа. Башмакову присланъ чрезвычайно милостивый рескриптъ и послѣдовало производство его въ дѣй-

ствительные статскіе совѣтники, утвержденіе губернаторомъ и награжденіе придворнымъ званіемъ камергера; тогда онъ вновь вступилъ въ должность губернатора. Для сужденія Эсаулова была учреждена военная судная коммиссія; въ назначенный высочайшимъ повелѣніемъ срокъ, былъ постановленъ приговоръ, но такъ какъ не было указано, чтобы судить его по полевымъ законамъ, то назначенное по обыкновеннымъ законамъ наказаніе дѣйствительно было слабѣе того, какое ему слѣдовало за подлогъ, а потому исполненіе приговора отложено до рѣшенія дѣла о подлогѣ для постановленія приговора по правиламъ о совокупности преступленій. Между тѣмъ подпольныя преслѣдованія губернатора возобновились и чрезвычайно усилились.

Не было дня, чтобы онъ самъ и другія лица не получали каррикатуръ и пасквилей на него самаго оскорбительнаго свойства. Прежде онъ не обращалъ на это вниманія, но настойчивое преслѣдованіе раздражило его, онъ велѣлъ полиціи открыть виновнаго, и таковыми оказался зять Аппеля, артиллерійскій офицеръ, который былъ переведенъ въ другое мѣсто на службу, но появленіе пасквилей и каррикатуръ все-таки продолжалось.

Башмаковъ принужденъ былъ отказаться отъ губернаторства и выѣхалъ изъ Херсона.

Но чаявшіе съ удаленіемъ его возвращенія прежняго положенія, при которомъ они могли властвовать и продолжать свои злоупотребленія, сильно ошиблись; губернаторомъ былъ назначенъ Клушинъ, человѣкъ опытный, служившій передъ тѣмъ губернаторомъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Онъ съумѣлъ со всѣми справиться и передѣлать губернію до неузнаваемости.

Ф. Лучинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго.

(Переписка его съ разными лицами [1]).

32.

А. Д. Комовскій—кн. Меншикову.

29-го января (10-го февраля) 1858 г., среда. Парижъ.

Ваша свѣтлость воистину порадовали насъ благосклонно собственноручною вѣсточкою, отъ 21-го января (2-го февраля), которую мы получили и съ искренною благодарностью прочитали вчера. Говорю: м ы и н а с ъ, потому что жена моя, составляя со мною, по евангельскому изреченію: «плоть едину и духъ единый», раздѣляетъ всѣ тѣ чувства, которыя внушаются мнѣ вниманіемъ и обязательнымъ расположеніемъ вашимъ.

О толкахъ и разной болтовнѣ по случаю громадныхъ вопросовъ въ Россіи и мы здѣсь слышимъ кое-что, да и сами, хотя и удаленные отъ картины, разсуждаемъ иногда о ней и также, можетъ быть, вкривь и вкось, разбирая ее по-своему со всѣхъ сторонъ. Мои размышленія, большею частію анахоретскія, я повѣряю, по обычаю 27 лѣтъ, моему дневнику и изрѣдка, выписками или выдержками, представляю ихъ многотерпѣливому вниманію его высочества, о которомъ не могу иначе, какъ съ самою теплою благодарностью сказать, что онъ продолжаетъ рыцарски великодушно заботиться и обо мнѣ отсутствующемъ какъ-бы въ опроверженіе пословицы: que les absents ont tort. Прибавлю здѣсь мимоходомъ: давно бы пора и право хочется на родину, но признаюсь тяжело пускаться на неизвѣстность: ни гнѣздышка, ни жер-

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1897 г.

дочки впереди! Кое-какія попытки великаго князя объ устройствѣ моей гражданской судьбы не увѣнчались еще успѣхомъ. Между тѣмъ слышу, что князь Голицынъ замѣстилъ Тучкова въ предсѣдательствѣ Коммиссіи прошеній. Но лучше по-прежнему и по-всегдашнему, — ждать терпѣливо и уповать на милость Божію.

Здѣсь, чтобы не заплесневѣть въ синекюрствѣ и чтобы не заслужить замѣчанія зоиловъ: «женился и измѣнился, никуда теперь не годенъ»,—здѣсь я посвящаю каждое утро слушанію разныхъ лекцій въ Сорбоннѣ и Collège de France и хожу въ Palais de justice примѣриваться къ разнаго рода судопроизводству. Изъ пристовъ Лабулѐ въ Коллегіи и Франкъ въ Сорбоннѣ привлекаютъ общее вниманіе: первый и дамское даже—краснобайствомъ своимъ и колоритомъ нѣкотораго либерализма; а послѣдній только мужчинъ—серьезностью и примѣсью нѣмецкой учености въ своихъ чтеніяхъ объ исторіи естественнаго и народнаго права въ XVIII и XIX ст. Остальныя затѣмъ знаменитости, съ которыми я познакомился какъ: Philarete Chasles, S. M. Girardin, Lomenie и пр., потому только видятъ толпы въ своихъ аудиторіяхъ, что французамъ нуженъ вездѣ и во всемъ спектакль. А эти господа всѣ болѣе или менѣе актеры, фигуранты и даже, по-моему; не первой еще руки! Въ этомъ отношеніи проповѣдники въ церквахъ гораздо выше профессоровъ. Они, по крайней мѣрѣ въ сценическомъ искусствѣ, точно могутъ поспорить съ любымъ актеромъ du Gymnase.

Поэтому-то Palais de justice гораздо занимательнѣе и поучительнѣе для меня. Я съ удовольствіемъ, хотя и не безъ усталости, высиживаю тамъ по нѣскольку часовъ. Гласность, адвокатство и жюри вотъ примѣняемость или непримѣняемость чего можетъ быть предметомъ разныхъ у насъ вопросовъ и споровъ.

Ввести гласность—дѣло нехитрое. Оно во всѣхъ отношеніяхъ полезное, благодѣтельное даже и для такаго правительства вовсе не вредное, которое не имѣетъ повода бояться за бездарность своихъ чиновниковъ и судей. Дѣйствительно при гласности судопроизводства судъ не можетъ состоять изъ глупыхъ и неспособныхъ къ своему дѣлу людей. Обману, пристрастію и лихоимству гласностью также преграждены пути... Но вотъ вопросъ: всѣ ли правительства въ состояніи наполнить свои судилища истинно даровитыми людьми, къ дѣлу гласнаго судопроизводства уже подготовленными? Вводя гласность мало-помалу, хоть съ инстанцій высшихъ напримѣръ, можно со-временемъ чиновниками этихъ инстанцій наполнить и низшія.

Адвокатство въ смыслѣ и значеніи, въ какихъ оно здѣсь играетъ роль, составляя защиту обвиняемаго или спорящаго въ тяжебномъ дѣлѣ лица, адвокатство не можетъ быть введено иначе, какъ вслѣдствіе подготовленія адвокатовъ воспитаніемъ, почти спеціальнымъ для этой

карьеры. Наши стряпчіе и ходатаи по дѣламъ—далеко не то, что здѣшніе адвокаты, юристы и ораторы. Я увѣренъ, если ввести у насъ сейчасъ гласность въ судопроизводствѣ съ адвокатствомъ, то $^{9}/_{10}$ изъ нашихъ стряпчихъ окажутся къ этому дѣлу не пригодными. Слѣдовательно нужно, чтобы и общее образованіе у насъ шло рука-объ-руку съ юридическимъ перевоспитаніемъ, которое въ свою очередь востребоваться можетъ нынѣ предпринятыми измѣненіями въ народномъ бытѣ. Эти реформы гражданскихъ отношеній и вообще гражданской жизни обнаружатъ не только надобность, но и возможность выборовъ, пригодныхъ къ дѣлу жюри.

Всѣ кратко набросанныя соображенія ведутъ меня къ тому заключенію, что реформы по министерству внутреннихъ дѣлъ вызовутъ реформы и по министерству юстиціи. И тѣ и другія будутъ указываться степенью нашего современнаго народнаго просвѣщенія. А потому эти три министерства дѣйствовать безъ связи, изолированно не могутъ, а должны подвигаться въ уровень съ развитіемъ предметовъ своей заботливости, такъ чтобы не было разладицы въ трехъ элементахъ государственной и народной жизни, а именно: 1) просвѣщеніе, 2) согласованный съ нимъ бытъ и 3) приноровленное къ тому и другому и такъ сказать изъятое изъ нихъ судопроизводство съ законами. Иначе случится, что успѣхи одного будутъ не по плечу другому.

Что русскому мужику въ порядкѣ французскаго, положимъ, судопроизводства, когда этотъ порядокъ и превосходный самъ по себѣ, да противорѣчитъ устройству нашего народнаго быта?.. Или устройте этотъ бытъ такъ, чтобы тотъ порядокъ былъ пригоденъ, или дайте такой порядокъ, который бы соотвѣтствовалъ требованіямъ современнаго народнаго быта. А то и другое непремѣнно должно быть основано на степени народнаго образованія. Не ясно ли послѣ этого, что нравственная связь трехъ министерствъ существуетъ и указываетъ на необходимость развитія ихъ заботливости — вести и держать на (одномъ?) уровнѣ. Объ этомъ-то я и предъявилъ, въ іюлѣ еще, особую выписку великому князю.

Собираніе министровъ у государя—уже мѣра превосходная, чтобы устранить нѣкоторыя разладицы въ распоряженіяхъ, общихъ по государству.—Но я замѣчаю, что мое письмо принимаетъ тонъ диссертаціи для полученія какой-нибудь степени юриста,—перейду къ содержанію вашей вѣсточки.

Ваша свѣтлость говорите, что вы и теперь въ томъ же во всѣхъ отношеніяхъ положеніи, какъ были предъ моимъ выѣздомъ изъ Россіи. Радуюсь по отношенію къ здоровью, которое тогда было, благодаря Бога, хорошо. Въ отношеніи же другихъ не могу не сказать, что искренно жаль. Впрочемъ утѣшаюсь мыслію, основанною на 20-ти лѣтнемъ опы-

тѣ, что половину вашей дѣятельности вы признаете не дѣятельностью, а застоемъ. Конечно административныхъ занятій и хлопотъ у васъ нѣтъ, да и слава Богу. Эта обуза не думаю, чтобы была еще въ вашихъ желаніяхъ. А всѣ живые, современные, важные, громадные вопросы, конечно, не идутъ и не рѣшаются помимо васъ.

Нѣсколько словъ позвольте о себѣ:

Ведя жизнь пустынника въ Парижѣ,—что также особая задача,—я въ общества не выѣзжаю. У посла нашего обѣдалъ только два раза по приглашенію и то въ казенные, т. е. пріемные для путешественниковъ, дни Слѣдовательно не составилъ себѣ никакого понятія о графѣ Павлѣ Дмитріевичѣ (Киселевѣ) передъ Европою, или представителями ея; за любезность и гостепріимство его наша братья—перелетныя птицы—должны быть благодарны ему. Онъ какъ-то жаловался мнѣ на усталость, дряхлость и притупленіе. На это я могъ только возразить, что присущностью этихъ недуговъ обыкновенно любятъ кокетничать старики...

Всего два раза былъ въ театрѣ и собираюсь въ третій—посмотрѣть знаменитую пьесу Dumas—fils, подъ нескромнымъ заглавіемъ «Le fils naturel».

Владыки здѣшняго не видѣлъ, не сознавая, по многимъ уваженіямъ, возможности представиться ему.

Не взыщите, ваша свѣтлость, за скучную длинноту этого письма. Рѣдки случаи, когда я думаю себя въ нѣкоторомъ правѣ побезпокоить васъ моею болтовнею.

Господь да хранитъ вашу свѣтлость своею благодатію. Жена проситъ, при выраженіи благодарности ея вашей свѣтлости за ласковое слово къ ней въ вашемъ письмѣ, засвидѣтельствовать вамъ и ея глубочайшее уваженіе, котораго отказать во мнѣ, смѣю надѣяться, не требуетъ опредѣленія.

33.

А. В. Головнинъ—А. Д. Комовскому.

20-го февраля (4-го марта), 1859 г. Палермо.

Почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ! Ваше письмо отъ 12-го (24-го) января я получилъ здѣсь только 1-го марта (17-го февраля) по причинѣ замедленія въ отправленіи къ намъ фельдъегеря. Великій князь былъ въ это время въ морѣ и потому вашему письму къ его высочеству пришлось еще долго ждать того, кому оно адресовано. Отъ всего сердца

поздравляю васъ съ прибавленіемъ семейства. Вы ведете себя исправно, и въ награду за это желаю вамъ выдать замужъ вашихъ дочекъ и нянчить внуковъ.

Усерднѣйше благодарю васъ за то, что посѣщаете иногда матушку мою. Она васъ очень уважаетъ, а я глубоко признателенъ тѣмъ, что доставляете ей удовольствіе. Сдѣлайте одолженіе, передайте почтенной супругѣ вашей мое усердное поздравленіе и поклонъ.

Всю осень я проѣздилъ по германскимъ дворамъ, былъ два раза въ Туринѣ, провелъ двѣ недѣли въ Ниццѣ и теперь два мѣсяца живу въ столь знакомомъ вамъ Палермо. Описывать Палермо для васъ конечно не нужно. Скажу только, что вы были здѣсь до революціи и потому видѣли городъ болѣе счастливымъ, богатымъ; общество веселое, единодушное. Теперь бѣдность большая, налоги огромные, на каждомъ шагу замѣтна опала королевская, общество разъединилось, и весьма многіе въ изгнаніи, другіе дурно или вовсе не приняты правительственными лицами, многіе подъ надзоромъ полиціи. Цензура самая строгая: вездѣ и во всемъ гнетъ и стѣсненіе. Небо, климатъ, море, растительность остались тѣ же, такъ же прекрасны, такъ же привлекательны. Едва покажется солнце—и здѣсь вѣчная весна, но этой весной мало кто пріѣзжаетъ наслаждаться, опасаясь стѣсненій и привязокъ со стороны правительственныхъ мѣстъ и лицъ. То ли дѣло Ницца. Тамъ другое правительство, и Ницца богатѣетъ отъ огромнаго съѣзда иностранцевъ.

Еще поздравляю васъ и благодарю за письмо.

34.

П. Витовтовъ—А. Д. Комовскому.

г. Воронежъ, 1 мая 1859 г. Пятница.

Не нахожу словъ, какъ благодарить васъ, дорогой другъ Александръ Дмитріевичъ, за милое письмо ваше отъ 19-го апрѣля; оно такъ полно новостями, родными, праздничными и такими важными событіями, которыя вы мнѣ, провинціалу, передаете. Ваши заключенія о всѣхъ настоящихъ событіяхъ такъ вѣрны, что нельзя не согласиться съ оными. Дѣйствительно, въ отношеніи Англіи что то есть темное и кого-то она надуваетъ. При министерствѣ Дерби она будетъ хоть втихомолку на сторонѣ Австріи,—но со вступленіемъ Пальмерстона все кончится, и Австрія едва ли не должна будетъ уступить Ломбардію. Хорошо еще если этимъ покончится. Наполеонъ только и твердитъ: если въ Вѣнѣ, въ 1815 г., имѣлись въ виду одни династическія права госу-

д а р е й, то настало время принять во вниманіе, при раздѣлѣ Европы (вотъ что онъ толкуетъ), н а р о д н о с т и, и предупреждаетъ Германію, что ежели ей угодно, чтобы война кончилась скоро и ограничилась одною Италіею—чтобъ н е м ѣ ш а л а с ь. При этомъ взглядѣ, многое приходитъ въ наружу!..

Какъ я радъ, что милая Анна Мартыновна представилась ихъ величествамъ—это порядочная должна была быть для нея продѣлка; прошу за меня поцѣловать ручку и поблагодарить за память; Аделуша присоединяетъ и свое привѣтствіе Аннѣ Мартыновнѣ и вамъ. Мое здоровье поустановилось; но погода у насъ непостоянная, въ продолженіе сутокъ нѣсколько перемѣнъ и далеко еще не лѣто.

По случаю 25-ти-лѣтія со времени назначенія государя флигель-адъютантомъ, говорятъ, что свита осыпана милостями и даны большія праздники. Искренно за всѣхъ радуюсь. Не получивъ о семъ никакого предварительнаго извѣщенія, я рѣшительно о семъ только узналъ изъ вашего, мой другъ, письма и затѣмъ изъ газетъ, а потому и не могъ безъ приглашенія пріѣхать. Графъ Закревскій смѣненъ, по-дѣломъ: видно, что изъ ума вышелъ, что пустился на такія продѣлки. Не знаю каковъ графъ Строгоновъ будетъ. Онъ человѣкъ умный,—но больной и до чрезвычайности гордый,—не знаю, угодитъ ли онъ Бѣлокаменной, вѣдь она очень взыскательна и капризна. Кто это у васъ такія комическія лица изъ Гоголя Ревизоръ,—которыхъ назвали: Добчинскій и Бобчинскій?.. Въ Воронежѣ общій слухъ, что государь изволитъ ѣхать въ Варшаву и что принцъ-регентъ туда пріѣдетъ.—Кто же у насъ будутъ главнокомандующіе и гдѣ будутъ главныя квартиры? Съ нетерпѣніемъ ожидаю сегодняшней почты. Начались ли военныя дѣйствія? Дѣйствительно французы молодцы, имъ только однимъ былс возможнымъ одновременно съ австрійцами исполнить: тѣ переходятъ Т е с с и н ъ, а они въ то же время являются в ъ Т у р и н ѣ и успѣваютъ высадить десантъ в ъ Г е н у ѣ. Если же это справедливо, что у нихъ будутъ еще десанты въ В е н е ц і и и в ъ Т р і э с т ѣ, то они совершатъ геніальное предпріятіе, ибо будутъ дѣйствовать съ фронта, во флангъ Гіулаю и изъ Венеціи и Трієста будутъ угрожать отрѣзать отъ Вѣны и возмущеніемъ Ломбардіи поставятъ австрійцевъ въ самое фальшивое положеніе.—Дѣйствительно намъ надо выходить изъ дѣтства, пора.—Прощайте, мой неоцѣненный другъ,—время на почту; мысленно крѣпко обнимаю. Господь да хранитъ васъ. Истинно много васъ любящій и какъ всегда вѣрный другъ П. Витовтовъ.

У васъ, вѣроятно, сегодня гулянье въ Екатерингофѣ, а мы при дождѣ и вѣтрѣ сидимъ дома.

35.

П. Витовтовъ—А. Д. Комовскому.

г. Воронежъ, 15 мая 1859 года. Пятница.

Благодарю васъ, мой милый и дорогой другъ Александръ Дмитріевичъ, за письмо отъ 5 и 6 мая и за всѣ сообщенныя въ немъ извѣстія. Аделуша очень рада была узнать, какъ любезная Анна Мартыновна представлялась и была одѣта. Она премного вамъ и Аннѣ Мартыновнѣ кланяется и благодаритъ за память. При представленіяхъ у дамъ всегда оказываются недоумѣнія,—я это очень хорошо знаю, а потому и ни сколько не удивляюсь и нахожу, что графиня Баранова правильно передала быть «въ robe montante et chapeau». Я сказалъ Аделушѣ, что она получитъ экземпляръ «Переписка старика съ свѣтскою дѣвушкою и его медовые досуги». Она очень помнитъ, въ память кого и чего книга издана и очень благодаритъ за намѣреніе и будетъ ожидать полученіе при первомъ свиданіи.

Какъ много я посмѣялся о письмѣ къ Озерову, въ которомъ совершенно правильно приспособлена русская поговорка.

Итакъ дѣло рѣшено, что монументъ императору Николаю I-му будетъ открытъ парадно, 25-го іюня, но вопросъ, будутъ-ли на эту церемонію вызваны генералъ-адъютанты покойнаго государя.—Если просить дозволенія пріѣхать,—нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣдуетъ; но въ послѣднемъ случаѣ придется ѣхать на свой счетъ, а мнѣ это разсчетъ. Затѣмъ еще остается рѣшить, когда лучше: 25-го іюня, или 8-го сентября?—Мнѣ бы хотѣлось при обоихъ случаяхъ быть. Не правда-ли, мой сердечный другъ?—А вотъ бы еще не дурно было,—при послѣднемъ пріѣздѣ, остаться навсегда съ вами, мой другъ. Между нами будь сказано, мнѣ все обѣщаютъ, что мѣсто Плаутина неотъемлемо мое. Но это не скоро; надо предварительно, чтобъ графъ Барановъ получилъ новое назначеніе, а пока послѣдній на настоящемъ мѣстѣ,—то и первый будетъ удерживаться, ибо это—кладъ, не скоро такого покладливаго найдешь.—Графу хочется быть товарищемъ военнаго министра. Н. Сухозанетъ неосторожно высказалъ Плаутину, что онъ Баранова терпѣть и видѣть не можетъ. Не понимаю за что?—Поле на эту минуту остается за Герштенцвейгомъ. На долго-ли?—Правда-ли, что причина вооруженія нашего на югѣ объяснилась. Ежели бы англичане вздумали, пользуясь войною, занять Сицилію или другіе пункты Средиземнаго моря, мы (съ согласія, говорятъ даже по совѣту Наполеона) займемъ Дунай и т. д. Въ такомъ только случаѣ и флотъ нашъ будетъ дѣйствовать.—Точно, вѣка пройдутъ—и разгадается загадка!.. Повышеніе нашего Макіа-

велля!!. Очень интересный вашъ разсказъ о Валуевѣ: qu'on le nomme: le père de la demoiselle.—Почему это такъ, рѣшительно въ первый разъ слышу. Видѣнный вами князь Гагаринъ, съ Владиміромъ на шеѣ, есть бывшій воронежскій губернскій предводитель дворянства.—Отъ милаго Александра Павловича я также получилъ работу Полтавскаго комитета.—Умно, дѣльно, хорошо составлена, — но точно напрасно, ибо Іаковъ (Ростовцевъ) все передѣлаетъ.—Изъ послѣдняго письма вижу, что можетъ быть мои строки не застанутъ Анну Мартыновну въ столицѣ, при свиданіи прошу поцѣловать за меня ручку и не забыть меня увѣдомить: съ переѣздомъ вашего превосходительства на дачу—куда мнѣ адресовать письма, чтобы скорѣе доходили? О какомъ вице-губернаторѣ вы пишете, что давалъ блестящій балъ, и просите извѣстить, по какому это случаю и для кого?—Въ первый разъ слышу, чтобъ вице-губернаторъ давалъ балъ: онъ человѣкъ безъ всякаго состоянія, живетъ очень скромно, никого не принимаетъ и тѣмъ еще болѣе, что жена при послѣднихъ дняхъ своей беременности. Воспитывался онъ въ Правовѣдѣніи,—по фамиліи Оголинъ. Итакъ тутъ нѣтъ никакой ознобушки. Прощайте, мой безцѣнный другъ Александръ Дмитріевичъ! да хранитъ васъ Господь. Мысленно крѣпко обнимаю. Вѣрный какъ всегда другъ П. Витовтовъ.

Не пріѣхалъ-ли А. М. Волковъ? — прошу ему кланяться и поцѣловать. Что за исторія была на обѣдѣ, который давали въ Пажескомъ корпусѣ отставному генералу Жирардоту бывшіе воспитанники сего корпуса?.. Вчера посѣтилъ меня изъ Харьковской губерніи, пріѣхавшій помолиться св. Митрофанію; онъ перваго выпуска изъ лицея, Иванъ Васильевичъ Малиновскій, старый знакомый, очень много меня порадовалъ и о многомъ переговорили.

36.

П. Витовтовъ—А. Д. Комовскому.

Воронежъ, 25 сентября 1859 г. Пятница.

Какъ летитъ время, вотъ уже и семнадцать дней, что мы съ вами, мой безцѣнный и дорогой другъ Александръ Дмитріевичъ, видѣлись, но въ бывшей суматохѣ и не простились. Мнѣ весьма прискорбно, что не имѣлъ удовольствія видѣть и поцѣловать ручку у милой и любезной Анны Мартыновны. Прошу передать ея превосходительству мой искренній поклонъ. Какъ ее и дѣтокъ вашихъ здоровье? Мое дѣло въ ходу,—пожалуйста до времени, будетъ это между нами сказано. Имѣвъ

счастіе, 12-го числа въ Тулѣ, откланяться его величеству, я отдалъ графу Александру Адлербергу письмо государю и просилъ увѣдомить о резолюціи, какая послѣдуетъ. На дняхъ, получилъ изъ Курска отъ 14-го числа отвѣтъ, въ коемъ между прочимъ сказано: «Государь императоръ душевно сожалѣетъ о намѣреніи вашемъ оставить командованіе корпусомъ, но во вниманіе къ причинамъ, васъ на это побуждаемымъ, разрѣшаетъ вамъ, хотя съ сожалѣніемъ, представить объ этомъ оффиціально, чрезъ военнаго министра.

«Я же съ своей стороны прошу васъ предупредить меня частнымъ образомъ, когда вы это исполните, дабы я могъ одновременно напомнить государю о второмъ пунктѣ содержанія письма вашего къ его величеству».

Второй пунктъ просьбы: увеличить аренду по настоящему чину въ теченіе остальныхъ двухъ лѣтъ и на продолженіе оной вновь, въ той мѣрѣ, какъ сіе высочайше будетъ повелѣно всемилостивѣйше мнѣ назначить.

Сегодня отправляю рапортъ и прошу министра письмомъ исходатайствовать мнѣ увольненіе отъ настоящей должности. Итакъ, мой другъ, вы видите, что я держу свое слово и разъ на что рѣшившись — дѣйствую положительно, хотя нѣсколько позамедливъ. Въ концѣ октября надѣюсь васъ обнять и, если Богу будетъ угодно, то долго съ вами не разставаться, развѣ вздумаю проситься сенаторомъ въ Москву. О вышеписанномъ сохраните до времени въ секретѣ. Почтенный Владиміръ Андреевичъ знаетъ только о моемъ намѣреніи проситься, и даже я ему читалъ письмо, но полученъ ли отвѣтъ и на чемъ остановилось дѣло,—я долженъ отъ дорогаго роднаго сохранить въ нѣкоторой тайнѣ, ибо я замѣтилъ, что онъ по разсѣянности иногда выскажетъ. Въ настоящее время, кромѣ васъ и Аделуши, никто не знаетъ о послѣдовавшемъ высочайшемъ благоизволеніи. Я нѣсколько позамедлилъ отправить рапортъ въ Петербургъ, ибо разсчитывалъ, чтобы письмо къ графу Адлербергу пришло въ Варшаву, къ пріѣзду его величества туда 5-го октября, и къ этому времени можетъ быть изъ Петербурга прислано мое прошеніе; оно, надѣюсь, будетъ сколько возможно, какъ графъ проситъ, одновременно. Ну что вы, мой дорогой другъ, скажете, хорошо ли я дѣйствовалъ и дѣйствую.

Благодарю за ласки Анны Мартыновны къ моей Аделушѣ, прошу и впредь не оставлять ее сиротинку.

Возвратилась ли Екатерина Владиміровна съ двумя внучатами? Я ничего еще не знаю.

Прощайте, Господь да хранитъ и милуетъ васъ. Вѣрьте искренней дружбѣ, истинно и много любящаго васъ и мысленно крѣпко обнимающаго и цѣлующаго васъ. Душевно и сердечно преданный Павелъ Витовтовъ.

37.

П. Витовтовъ—А. Д. Комовскому.

Воронежъ, 30 октября 1859 г. Пятница.

Не сѣтуйте на меня, дражайшій и дорогой мой другъ Александръ Дмитріевичъ, что я на два ваши письма отвѣчаю одновременно. Не буду оправдываться, а скажу напрямикъ, что на первое письмо собирался писать,—какъ получаю второе. Впрочемъ и дѣла было много, надо было укладываться, продавать, отправлять и все персонально одному, безъ всякаго помощника.—Тяжеленько мнѣ старику было. Какъ бы скорѣе хотѣлось къ вамъ, мой другъ, но ума не приберу, почему дѣло такъ позатянулось. Вотъ и государь двѣ недѣли какъ возвратился. Дай Богъ, чтобы скорѣе покончилось. А то это одиночество невыносимо. Благодарю васъ, мой другъ, и милую Анну Мартыновну за ласки къ моей Аделушѣ. Поцѣлуйте за меня ручку у жены и передайте ей мой душевно-дружескій привѣтъ.

Какъ-то отдѣлается братъ Николай,—видно что неладно, если посылаютъ сенатора разобрать. Вы совершенно справедливо замѣчаете, что все горячность, все самонадѣянность и отсутствіе всякой такты!..

Нечего сказать о дѣйствіяхъ Муравьева,—да это надо быть о двухъ головахъ. Какъ это можетъ съ рукъ сходить!.. Когда всѣ толкуютъ и есть Третье отдѣленіе!.. непостижимо. Изволь же какой нибудь N. N. сдѣлать что нибудь подобное,—да его сошлютъ въ тартарары. Скоро, надѣюсь что скоро бесѣды наши письменныя прекратятся, и мы попрежнему будемъ въ своемъ небольшомъ кружкѣ бесѣдовать нараспашку.

Какъ бы желательно было, чтобъ эти строки были послѣднія изъ Воронежа.

Если на мое счастіе, сегодняшняя почта привезетъ высочайшій приказъ о моемъ увольненіи, и при этомъ не встрѣчу никакого препятствія отъѣхать, то конечно надѣюсь черезъ двѣ недѣли обнять васъ, мой сердечный другъ. Аделушѣ будетъ извѣстно о днѣ моего пріѣзда. Меня задержатъ три обѣда, которые, по дошедшимъ до меня слухамъ, предполагаютъ мнѣ дать мои бывшіе подчиненные. Первый въ Воронежѣ; затѣмъ по тракту слѣдованія, второй въ Ельцѣ, а третій въ Тулѣ. Согласитесь, мой другъ, что отказаться нельзя, да и нейдетъ,—не правда-ли?—хотя, сознаюсь чистосердечно, что большой неохотникъ до подобныхъ продѣлокъ, ибо не можетъ быть, чтобъ всѣ участвующіе единодушно и съ сердечнымъ желаніемъ принимали участіе.

Обнимаю васъ мысленно отъ всей души, добрый мой другъ, да

хранитъ васъ Господь во всемъ и всегда!—Преданнѣйшій вамъ всей душею и сердцемъ. Павелъ Витовтовъ.

P. S. Вѣдь мы не далеко будемъ жить одинъ отъ другаго и почти на прямой линіи изъ Большой Конюшенной чрезъ Царицынъ лугъ, т. е. Марсово поле, Цѣпной мостъ къ Спасу Преображенія, оттуда въ Знаменскую улицу, въ угловой домъ Галле... Съ небольшимъ верста или 20 минутъ ходу.

38.

А. Д. Комовскій—С. П. Шипову.

22 августа 1861 г. Вторникъ. С.-Петербургъ.

Получивъ съ искреннѣйшею признательностію статью вашу, многоуважаемый Сергѣй Павловичъ,—о необходимости развитія внутренней производительности въ Россіи, нечего вамъ и говорить, что я прочиталъ ее съ большимъ вниманіемъ и съ большимъ сочувствіемъ къ занимающимъ васъ мыслямъ. Да и какъ же не сочувствовать имъ, когда въ самомъ дѣлѣ затруднительное наше положеніе по финансовой части невольно въ ужасъ приводитъ?! Чѣмъ это все разыграется; чѣмъ это все кончится?. Мы у пропасти. Мѣры къ спасенію необходимы, но какія—вотъ вопросъ. И на этотъ вопросъ всякій отвѣчаетъ по своему. Отъ этого и тысячи разныхъ предложеній. Которое принять? Только истинно финансовая голова можетъ сдѣлать удачный выборъ, ежели сама не придумаетъ чего лучше. А гдѣ эта голова? У насъ головы, которые хватаются за все, бросаются на все—безъ системы, безъ оглядки, какъ утопающій за соломинку и думаютъ, что изъ лоскутковъ, кое-какъ подобранныхъ и кое-какъ сшитыхъ, можно составить прочное и удобное платье, въ которомъ будетъ и тепло и ловко. Что жъ выходитъ? Голь все проглядываетъ! Трудятся много и усиленно, а толку—мало!.. Конечно la critique est aisée, l'art est difficile. Вы поступили иначе: вы ужаснулись положенію и предложили средство исправить его!.. Съ дѣйствительностью вашихъ мѣръ, въ общемъ ихъ очеркѣ, нельзя не согласиться. Но мысль за мысль; позвольте мнѣ высказать коротенько мой посильный взглядъ на эти мѣры.—Онѣ полезны—нѣтъ сомнѣнія; ихъ результатъ—очевиденъ; но этой пользы, этихъ результатовъ когда мы дождемся? Переустроить таможни, передѣлать тарифъ, образовать техниковъ, завести свои фабрики, заводы, переманить иностранныя, учредить кредитныя установленія, ввести гипотекарныя книги, возвысить

нравственность чиновниковъ, усовершенствовать устройство полицейскаго и хозяйскаго управленій, установить систему взаимныхъ застрахованій, улучшить въ государствѣ пути сообщенія особенно проселочные, измѣнить многое въ нашихъ законахъ и наконецъ найти средства къ обузданію стремленія за границу,—все это раціонально, все это можетъ повести къ достиженію той цѣли, которая должна быть у насъ впереди, но въ настоящее-то время—какъ помочь горю? Вѣдь пропасть подъ ногами, и мы уже скользимъ!.. Удержите насъ теперь отъ паденія. Мы нищаемъ; денегъ нѣтъ; финансы въ разстройствѣ; все вздорожало, все дорожаетъ; кредита нѣтъ; курсъ падаетъ; предпріятія—лопаютъ; акціонерныя общества—разоряются; желѣзныя дороги не строются, земля—безъ рабочихъ рукъ; рукамъ замѣны нѣтъ въ машинахъ; государственные сундуки пусты; золото и серебро исчезли; бумажкамъ мало повѣрятъ; урожаи плохи, неурядица и запутанность вездѣ и во всемъ; финансисты потеряли голову и найти ея нигдѣ не могутъ! Все кричитъ караулъ! а и караульныхъ нигдѣ не отыщутъ!.. Вотъ положеніе,—изъ котораго Господь да поможетъ намъ выйти по-добру по-здорову!.. Всякій ломаетъ себѣ голову—какъ-бы? И думаютъ и придумываютъ! Очевидно кажется, что, дабы поскорѣе поправиться, нужно свое домашнее хозяйство привести въ порядокъ. Сначала и прежде всего—карманъ починить, а то продыравился! потомъ приняться за экономію; не строить пышныхъ и громадныхъ хоромъ, на которые уходятъ милліоны за заморскую бронзу, карарскій мраморъ и т. п., уменьшить почувствительнѣе число марширующихъ игрушекъ; не размножать по предложенію каждаго штаты; не баловать любимыхъ тунеядцевъ; не... и т. д. Вы сами знаете, сколько «не» можно къ этимъ еще прибавить! Вотъ сразу на первое время финансы и поправятся. Затѣмъ на эту ужь немаловажную экономію и подымайте свою внутреннюю производительность: стройте дороги, учреждайте, ободряйте фабрики, заводы, заводите техническія школы—словомъ: распорядитесь разумно съ вашею экономіею, и все пойдетъ ладно, одно вызывая другое, это поддерживаемое тѣмъ! Можетъ быть не придется и тарифъ измѣнять и безпутныхъ мотыгъ удерживать насильно дома!

Я заболтался, пожалуй мнѣ скажутъ и заврался!.. Примусь лучше за возложенную на меня работу—за ревизію морскаго министерства, по которой три отчета — о трехъ учрежденіяхъ уже представилъ. Остается еще 9-ть. Дай Богъ имъ въ этомъ пользу принести.

Господь да хранитъ и милуетъ васъ! У Анны Евграфовны цѣлую ручку.—Прошу о сохраненіи того же добраго расположенія, которымъ пользовался и которое цѣнилъ и цѣнитъ вашъ душевно преданный А. Комовскій.

39.

С. П. Шиповъ—А. Д. Комовскому.

19 сентября 1861 г. Москва.

Предъ выѣздомъ моимъ изъ деревни, я имѣлъ удовольствіе получить любезное письмо ваше отъ 22-го августа, почтеннѣйшій и достойнѣйшій Александръ Дмитріевичъ; пріѣхавъ теперь въ Москву, спѣшу отвѣчать вамъ.—Затруднительное наше финансовое положеніе приводитъ васъ въ невольный ужасъ: чѣмъ это все кончится, спрашиваете вы, мы у пропасти; мѣры къ спасенію необходимы. Вы соглашаетесь съ дѣйствительностью предлагаемыхъ мною средствъ; но полагаете, что достиженіе такимъ образомъ цѣли далеко впереди. Но въ настояще-то время, какъ помочь горю, пишете вы,—вѣдь пропасть подъ ногами, удержите теперь насъ отъ паденія. На такія ваши замѣчанія и вопросы, я буду отвѣчать вамъ нѣсколькими словами. Россія, благодаря Бога, находится еще не въ такомъ отчаянномъ положеніи, чтобы уже невозможно было отвратить ее отъ того пути погибели, по которому слѣдуетъ, но для сего нужно дѣйствовать безотлагательно, измѣнивъ тѣ начала, по которымъ дѣйствовали наши финансовые люди. Затруднительное финансовое наше положеніе не произошло отъ какихъ либо несчастныхъ, непредвидѣнныхъ и неотвратимыхъ обстоятельствъ,—оно создано правительствомъ, было слѣдствіемъ тѣхъ ложныхъ мѣръ, которыя были придуманы нашими идеологами и приняты правительствомъ. Бѣдствія, насъ постигшія, произошли отъ двухъ главныхъ причинъ: 1) отъ несвоевременнаго, неблагоразумнаго пониженія пошлинъ на привозные товары и 2) отъ прекращенія дѣйствія всѣхъ кредитныхъ установленій, около столѣтія существовавшихъ и государству необходимыхъ. Потому теперь надо приступить къ такимъ мѣрамъ, которыя бы исправили эту ошибку: 1-е) должно безотлагательно достаточно возвысить привозныя пошлины на всѣ предметы роскоши. Это вдругъ доставитъ правительству большое возвышеніе доходовъ отъ таможенныхъ сборовъ, которые заплатятъ люди богатые, разовьетъ внутреннюю производительность, возвыситъ благосостояніе низшаго класса народа и увеличитъ государственные доходы отъ многихъ внутреннихъ источниковъ. Возвышеніе таможенныхъ пошлинъ есть самое надежное и необходимое средство къ поправленію нашихъ финансовъ; безъ него нѣтъ спасенія; 2-е) наши идеологи изъ ложнаго страха какой-то опасности прекратили принятіе вкладовъ и выдачи ссудъ изъ всѣхъ нашихъ кредитныхъ установленій и такимъ образомъ ихъ почти уничтожили. Вотъ существенная причина безденежья, безпрерывныхъ бан-

кротствъ, разрушенія или упадка большой части промышленныхъ заведеній. Кредитныя установленія наши нужно было преобразовать, а не уничтожать. Для учрежденія земскихъ банковъ или частныхъ банкирскихъ конторъ, предложенныхъ нашими идеологами, потребны многіе десятки лѣтъ; намъ теперь необходимо создать безотлагательно попеченіемъ правительства полную систему кредитныхъ установленій и всего лучше учредить оную тѣми способами и порядкомъ, какъ я предложилъ въ запискѣ, представленной мною государю и потомъ напечатанной въ № 9-мъ «Вѣстника промышленности» 1861 года въ видѣ статьи подъ наименованіемъ: «Объ устройствѣ кредитныхъ установленій въ Россіи». Если бы это дѣло было въ хорошихъ рукахъ, оно могло бы совершено быть успѣшно въ непродолжительное время. Полезныя послѣдствія учрежденія такихъ кредитныхъ установленій для государства были бы неисчислимы. Прочія указанныя въ статьѣ моей средства могли бы приведены быть въ дѣйствіе безъ затрудненія. Это не новыя мысли, въ голову мнѣ пришедшія: я обдумывалъ ихъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ, изучалъ предметы эти теоретически и мысленно прилагалъ къ дѣлу во время службы моей въ Варшавѣ, гдѣ я былъ министромъ, а подчасъ и намѣстникомъ, и въ Казани, гдѣ я былъ военнымъ губернаторомъ и гражданскимъ правителемъ. Вамъ извѣстно, что я преданъ наукѣ и немало имѣю административной практики, а потому могъ бы сказать что-либо доброе нашимъ верховнымъ правителямъ, если бы къ тому былъ призванъ; но этого не будетъ.

Отъ всей души желаю вамъ успѣховъ во всѣхъ общеполезныхъ трудахъ вашихъ.

40.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Бельфонтенъ, 11 (23) ноября 1861 года.

Душевно благодарю васъ, любезный Александръ Дмитріевичъ, за милое и интересное письмо ваше. Жду съ нетерпѣніемъ «Жизни Сперанскаго», которой отрывки читалъ у барона Корфа, лѣтъ за 10 тому назадъ. Сперанскій головою выше стоялъ всѣхъ современниковъ. Однако было бы интересно прочесть и біографію Трощинскаго, Кампенгаузена и другихъ дѣятелей начала царствованія Александра. Въ примѣрѣ того времени можно найти много поучительнаго и много примѣнимаго къ намъ. Что если бы вы занялись подобнымъ трудомъ. Внутренняя сторона правленія Александра I весьма важна во всѣхъ отношеніяхъ и

до сихъ поръ никѣмъ еще не разработана. Вы бы оказали важную заслугу заняться подобнымъ трудомъ. Всѣ теперь глядятъ въ будущее. Не худо иногда бываетъ и оглядываться, тогда и окажется, что многія нынѣ разыгрываемыя комедіи и драмы уже бывали на русской сценѣ, но разыгрывались лучшими актерами. —Новостей не могу вамъ сообщить. Европа пока покойна. Наполеонъ поступилъ весьма искусно, написавъ письмо Фульду. Это урокъ для всѣхъ и въ особенности для царей. Я подалъ вторую записку объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Не знаю какъ разрѣшится это важное дѣло. Еще разъ благодарю васъ за дружеское расположеніе ваше и жму сердечно вашу руку. Вашъ отъ души Н. Орловъ.

P. S. Напишите мнѣ вашъ адресъ. Письмо это адресую въ морское министерство.

41.

А. Д. Комовскій—князю Н. Орлову.

С.-Петербургъ, 23-го ноября (5-го декабря) 1861 г. Четвергъ.

Письмо ваше отъ 11-го (23-го) ноября изъ Бельфонтена, любезный князь, добѣжало до меня только 18-го числа. Съ окончаніемъ желѣзной дороги почта будетъ идти, конечно, быстрѣе. Я получилъ ваши обязательныя строки въ то утро, когда у меня сидѣлъ А. В. Головнинъ. Мы и прочитали вмѣстѣ. Третьяго дня, какъ я знаю, и онъ получилъ отъ васъ вѣсточку.

Понятно мнѣ желаніе ваше, чтобы многіе дѣятели царствованія Александра I нашли своихъ біографовъ и историковъ, какъ нашелъ Сперанскій своего только біографа въ баронѣ Корфѣ. Говорю — только біографа потому, что со стороны историческаго взгляда на личность, значеніе и мѣру заслугъ дѣятельности Сперанскаго, по связи съ требованіями эпохи и по сравненію его съ другими дѣятелями, книга барона—далеко неудовлетворительна, не теряя, впрочемъ, нисколько достоинствъ дѣльно, отлично и увлекательно написанной біографіи. Вѣдь отъ автора болѣе того, что онъ обѣщалъ, и требовать нельзя. Баронъ хотѣлъ представить подробно и изолированно выбранную имъ личность громаднаго размѣра и выполнилъ свою задачу превосходно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, темныхъ въ жизни этой личности, которыя все-таки остались непоясненными. Это произошло, кажется, не оттого, чтобы къ разъясненію ихъ не было достаточныхъ историческихъ данныхъ, а вслѣдствіе, вѣроятно, уступокъ

ловкаго біографа нѣкоторымъ общественнымъ современнымъ приличіямъ, чтобы не сказать сильнѣе, чего историку не простили бы! Какъ субъектъ, Сперанскій вылился довольно рельефно въ книгѣ барона — можно статую лѣпить, можно нѣсколько весьма поучительныхъ картинъ изъ его жизни нарисовать, но какую мысль, какое понятіе выноситъ читатель объ эпохѣ, въ которую Сперанскій жилъ и дѣйствовалъ? Какое было нравственное и умственное состояніе страны, въ которой онъ жилъ и явился такимъ разностороннимъ реформаторомъ? На какой точкѣ просвѣщенія стояло само правительство? Какого направленія были правительствующіе современники его; что̀ побуждало его идти имъ всѣмъ наперекоръ. Опережалъ ли онъ ихъ умомъ и способностями, угадывая и, такъ сказать, предощущая стремленія живаго организма государства, народа,—стремленія еще не выражавшагося требованіями, но уже для чуткаго его ума ясныя. Или же онъ былъ умомъ и способностями не выше уровня и другихъ, но только смѣлѣе, шире ихъ и разомъ затронулъ вопросы, къ разрѣшенію которыхъ другіе хотѣли идти и шли путемъ раціональной постепенности безъ ломки. Обо всемъ этомъ, историкъ какъ живописецъ, рисуя картину личности и окружающей его эпохи, сказалъ бы, выяснилъ, а біографъ, какъ скульпторъ, обработывая рѣзцомъ только одну свою статую, можетъ и умолчать. Такъ поступилъ, мнѣ кажется, и Корфъ. Люди александровой эпохи, какъ и самъ Александръ, не только еще ждутъ своей исторіи, но они и біографовъ настоящихъ еще не имѣютъ. Одному Сперанскому посчастливилось. Впрочемъ, есть у меня товарищъ по лицею, который давно уже готовитъ громадный академическій трудъ о Державинѣ [1]). Это, надѣюсь, будетъ трудъ историческій. Я же не чувствую себя въ силахъ предпринять и исполнить, какъ понимаю, подобную работу, хоть бы о Трощинскомъ или Кампенгаузенѣ, какъ вы любезно предлагаете. Кропотливая работа и нѣсколько лѣтъ усидчиваго труда съ изысканіями, изслѣдованіями и изученіями, можетъ было у меня... (не разобрано) или сознанной необходимости насущной, такъ сказать, потребности, или возложенною на меня обязанностью, въ результатахъ которой я долженъ несомнѣнно сознать и успѣхъ, и пользу. Такъ, напр., что̀ можетъ быть кропотливѣе работы ревизіи, а я весь въ ней – съ головы до пятокъ. Работаю и утѣшаюсь надеждою на посильную пользу тому вѣдомству, которому слишкомъ 20 лѣтъ прослужилъ. Чтобы не очерстѣть совершенно въ этой прозѣ входящихъ съ исходящими,— разноображу иногда свои занятія въ уютномъ углу моей конурки размышленіями о современныхъ вопросахъ, затронутыхъ на родной почвѣ. Эти размышленія, по 30-ти-лѣтней привычкѣ, повѣряются моему днев-

[1]) Яковъ Карловичъ Гротъ.

нику, который самолюбиво хранитъ обсуждаемое свое сокровище въ безвѣстности завѣтныхъ листковъ. Не думайте, однако, чтобы это было постоянно такъ. Иногда другаго рода самолюбіе вызывало отшельниковъ и на свѣтъ Божій. Какъ вы объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, такъ и я подавалъ иногда нѣкоторыя изъ моего дневника выдержки въ видѣ записокъ по предметамъ брошенныхъ въ послѣднее время коренныхъ общихъ у насъ переобразованій и реформъ. Кое-что косвенно и намекаетъ мнѣ теперь, что не все было брошено подъ сукно. Напримѣръ, объ устраненіи по возможности личныхъ отдѣльныхъ докладовъ по предметамъ, которые связуютъ министерства между собою, я послалъ еще въ 1856 году изъ Киссингена записку также какъ выдержку изъ своего дневника. Были и другія разныя фантазіи, но о нихъ ни слуху ни духу. Въ печать отдавался я только два раза. Разъ—по желанію моихъ добрыхъ знакомыхъ Семянниковыхъ (?), а другой—по требованію собственнаго долга въ защиту К. М. (кн. Меншикова) по дѣйствіямъ его въ Крыму. Посылаю вамъ и то и другое черезъ канцелярію Вестмана, моего однокашника по университетскому пансіону, гдѣ я былъ до лицея. Прочитайте книжонку, если достанетъ терпѣнья; вы увидите, что она и по цѣли и содержанію и во вкусахъ современныхъ читателей, а потому въ продажѣ быть не могла; прочитавъ же статейку убѣдитесь, что ею могли минутно интересоваться немногіе. Вотъ какого рода трудная и разнообразная моя служебная дѣятельность, рамки которой весьма не обширны: если бы даже она и чувствовалась,—негдѣ разгуляться. Но всякому свое дѣло, свое поле!.. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ—говоритъ мудрая русская пословица.

Вы пишете, что въ Европѣ новостей мало. А я скажу — у насъ новостей много, но я вѣрю только печатнымъ, слухи же нерѣдко обращаются въ eggaia, а потому о нихъ и молчу. Достовѣренъ, кажется, слухъ о скоромъ назначеніи барона Корфа вмѣсто графа Блудова — главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ. Дай-то ему Богъ силы и въ добрый часъ начать переработку нашихъ многосложныхъ, разнорѣчивыхъ и въ нескончаемомъ числѣ томовъ растасованныхъ законовъ, невѣдѣніемъ которыхъ все еще продолжаютъ требовать въ I-мъ томѣ: «отговариваться нельзя». Пренаивное требованіе! Будь мы всѣ Меццофанти, который зналъ 62 языка, такъ все-таки статьи изъ регламента Петра I-го теперь не исполнимы! Я объ этомъ подавалъ когда-то записку... [1]). А судебная-то наша часть! Въ какомъ страшномъ хаосѣ и какимъ критическимъ застоемъ отличается. Вѣдь есть же какая-нибудь перекладная, которая стала поперекъ дороги и мѣшаетъ этой части идти впередъ! А потребность насущная! Дайте ей толчокъ хоть вы изъ

[1]) Нѣсколькихъ словъ разобрать нельзя.

Европа. Когда все теперь движется впередъ, впередъ—она у насъ in statu quo. Право грустно, досадно.

Однако, довольно! На свое горе, князь, вы завели себѣ корреспондента. Примите искреннее русское спасибо за скорый и дружественный вашъ отвѣтъ, доброе расположеніе и сердечно пожатую руку.

Мой адресъ: на углу Знаменской и Саперной, домъ № 20.

42.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель, 27-го декабря 1861 г. 8-го января 1862 г.).

Едва получилъ я, добрѣйшій Александръ Дмитріевичъ, письмо ваше отъ 18-го (30-го) декабря, какъ телеграмма отъ великаго князя увѣдомила меня о назначеніи Головнина на мѣсто Путятина Это фактъ такой важности, что о немъ только и буду говорить сегодня. Головнинъ будетъ министромъ не дюжиннымъ. У него есть и спокойствіе, и твердость, и глубокія убѣжденія. Просвѣщеніе наше, носившееся съ Путятинымъ по океану, взойдетъ въ гавань съ Головнинымъ. Это большое счастье. Не думаю, чтобы А. В. (Александръ Васильевичъ Головнинъ) сталъ все ломать. Онъ съумѣетъ сдѣлать нужное не торопясь и главное съумѣетъ сохранить силу власти и сдѣлать ее предметомъ не любви (въ наше время оно врядъ ли возможно), но уваженія. Дай-то Богъ ему силъ на это. Вашъ подарокъ—въ Парижѣ и на-дняхъ привезутъ сюда. Благодарю заранѣе и обнимаю душевно.

Преданный вамъ Н. Орловъ.

43.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель, 16-го (28-го) февраля 1862 г.

Благодарю душевно за письмо отъ 9-го (21-го) числа. Гѣбова я хорошо знаю. Онъ былъ въ одно время со мною въ Булони въ 1859 году. Свѣдѣнія его обширны, добросовѣстенъ замѣчательно; но есть ли въ немъ достаточно энергіи и характера—этого не знаю. Мнѣ всегда говорили о Философовѣ, генералъ-аудиторѣ военнаго министерства, какъ о юристѣ, стоящемъ выше и Гѣбова и Оболенскаго. Я его мало знаю,

Оболенскаго также, но Глѣбова весьма хорошо. О Рейтернѣ мнѣ трудно высказать мнѣніе даже вамъ. Покойный батюшка его высоко цѣнилъ, и я его душевно люблю и уважаю. Но созданъ ли онъ, чтобы быть новымъ Колберомъ? Это вопросъ, на который не берусь отвѣтить. Все будетъ зависѣть отъ людей, коими Рейтернъ окружится, — это главное. Характера для борьбы за экономію у него станетъ. Онъ даже будетъ суровъ. Но откроетъ ли онъ новые источники богатства, вотъ вопросъ. Дай Богъ ему и силы, и разума. Дѣло не легкое. Не слыхали ли вы, скоро ли внесутъ въ Государственный Совѣтъ дѣло объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній. Первое и, думаю, послѣднее дѣло мое на поприщѣ государственномъ. Обнимаю душевно, вашъ другъ Н. Орловъ.

44.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель, 11-го (23-го) апрѣля 1862 г.

Ваше письмо, добрѣйшій другъ Александръ Дмитріевичъ, пришло въ самый день Свѣтлаго праздника. Мы встрѣтили его въ нашей маленькой церкви, въ которой собралось болѣе 40 русскихъ. Жена устраиваетъ хоръ пѣвчихъ, и уже нѣкоторыя молитвы поются порядочно. Съ Божіею помощью выучимъ пѣть и всю обѣдню; но русское «л» съ трудомъ будетъ произноситься бельгійскими устами. Священникъ нашъ, отецъ Владиміръ Ладинскій, еще довольно молодъ, но исполненъ истиннымъ, сердечнымъ благочестіемъ. Онъ прошелъ тяжелое испытаніе: три года жилъ онъ въ Амстердамѣ, служилъ обѣдню для жены и для псаломщика. Здѣсь будутъ по крайней мѣрѣ всегда прихожане. С. Ю. Фьюсонъ отъ васъ легко не отстанетъ. Между нами, я подозрѣваю, что она не совсѣмъ въ здравомъ умѣ. Онъ же снѣдаемъ честолюбіемъ, и званія, и чины, и кресты еще сохранили всю свою прелесть для него. Притомъ же онъ возведенъ, тому нѣсколько лѣтъ, въ дворянское достоинство принцемъ Шаумбургъ-Липпскимъ, по столицѣ—Бюксбургскимъ. Я не шучу, это точная правда, и дипломъ существуетъ, и оттого Фьюсонъ написалъ на своей двери фонъ-Фьюсонъ. А впрочемъ и онъ можетъ быть полезенъ. По крайней мѣрѣ, онъ безкорыстенъ, не глупъ и приличенъ. Дѣло тѣлесныхъ наказаній далеко подвинулось. Indépendance вчерашняя первая принесла мнѣ о томъ вѣсточку сейчасъ.

45.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель, 5-го (17-го) мая 1862 г.

Я нѣсколько дней не отвѣчалъ на письмо ваше отъ 25-го апрѣля стараго стиля, добрѣйшій другъ Александръ Дмитріевичъ, потому что былъ заваленъ разными, если хотите, пустяками, но которые отнимаютъ много времени. Кромѣ того, король Леопольдъ былъ опасно боленъ и даже ожидали его кончины. Выздоровленіе его—настоящій феноменъ. Ему 71 годъ, у него каменная болѣзнь. Семь разъ его оперировали посредствомъ литатритіи. Къ этому присоединилось воспаленіе легкихъ. Несмотря на то, онъ только въ теченіе сутокъ не читалъ газетъ и не подписывалъ бумагъ. Теперь онъ на ногахъ и ожидаетъ восьмой операціи. Признаюсь, опасаюсь для (за) него. Что слышно у васъ объ Амурскомъ пароходствѣ? Правда ли, что оно упадаетъ, и что того и гляди, Амуръ опять сдѣлается дикою рѣкою. Одному пріятелю моему пишутъ это изъ Сибири. Совершенно раздѣляю ваше впечатлѣніе, вынесенное отъ брачной церемоніи Трубецкаго. Приличный въ свѣтскомъ отношеніи, бракъ этотъ, по лѣтамъ и наклонностямъ жениха, приведетъ, боюсь, къ грустнымъ результатамъ. Дай Богъ, чтобы я ошибся. Обнимаю душевно.

P. S. Скажите, каковы денежныя дѣла въ Петербургѣ?

46.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель, 9-го (21-го) іюля 1862 г.

Благодарю васъ, добрѣйшій другъ Александръ Дмитріевичъ, за письмо ваше отъ 4-го (16-го) іюля. Случай вашъ въ Черномъ морѣ необыкновенно интересенъ. Господь видимо сохранилъ васъ. Отъ великаго князя я имѣю самыя свѣжія вѣсти. Я посылалъ къ нему состоящаго при мнѣ офицера, князя Мещерскаго. Великій князь совершенно спокоенъ, выстрѣлъ и рана не измѣнили его твердой рѣшимости дѣйствовать умѣренно и твердо. Если онъ успѣетъ въ своемъ предпріятіи, примирить Польшу съ Россіею, велика будетъ его заслуга. Я не ѣду въ Англію. Болѣзнь короля задержала меня здѣсь слишкомъ долго. 24-го іюля (5-го августа) мы ѣдемъ въ Біарицъ на морскія ку-

панья, а тамъ, черезъ три или четыре недѣли, отправляюсь въ Италію, гдѣ пробуду до ноября. Жена увидитъ этотъ дивный край, и я самъ съ радостью подышу его благодѣтельнымъ и наконецъ-то свободнымъ воздухомъ. Мы побываемъ и въ Римѣ, и въ Неаполѣ, и во Флоренціи. Боюсь, чтобы Головнинъ и васъ, и себя не замучилъ бы излишнею работою. Вамъ нуженъ отдыхъ, а васъ все заставляютъ ревизовать. Поклонитесь неутомимо-дѣятельному и душевно-любимому министру. Обнимаю отъ всего сердца.

47.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Біарицъ 10 (22) августа 1862 г.

Благодарю васъ, добрѣйшій другъ, Александръ Дмитріевичъ, за письмо ваше отъ 31 іюля (12 августа). Дай Богъ, чтобы государь не согласился съ нашими мудрецами, которые въ плети и шпицрутенѣ видятъ способъ къ примиренію между собою вовсе невраждующихъ сословій. Записку Филарета я прочелъ въ «Колоколѣ» и тамъ же былъ на нее отвѣтъ, который приписываютъ Николаю Ивановичу Тургеневу. Напрасно спрашивали Филарета и весьма жаль, что его записка попала въ «Колоколъ». Его тамъ (не въ статьѣ Тургенева) а въ «Будущности» разбранили самымъ непристойнымъ образомъ. Жду съ нетерпѣніемъ окончанія дѣла о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Въ Варшавѣ повторяются попытки убійствъ. Говорятъ объ обществѣ убійцъ. Хорошіе же они прогрессисты!

Морскія ванны мнѣ много помогли. 1-го сентября новаго стиля отправимся по Пиренейскимъ горамъ, а оттуда въ Женеву, куда и прошу васъ писать poste restante. Погода чудная, море голубое и почти теплое. Давно я такъ не наслаждался природою. Не признакъ ли это старости? Видъ скалъ, моря, теплый воздухъ далеко заглушаютъ во мнѣ честолюбіе и славолюбіе. Какъ бы то ни было, но оно такъ. Не видя ни депешъ, ни телеграммъ, я какъ то оживаю и чуть ли не молодѣю, а 76-ой (?) годъ жизни уже почти на половину прошелъ. Обнимаю васъ душевно.

48.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Парижъ 29 ноября (11 декабря) 1862 г.

Письмо ваше, мой добрый другъ, не застало меня въ Варшавѣ и переслано мнѣ въ Парижъ. Слава Богу, великій князь здоровъ, твердъ и спокоенъ. Онъ убѣжденъ, что съ терпѣніемъ и справедливостью можно примирить Польшу съ Россіею и изъ врага сдѣлать намъ брата и союзника. Дѣло въ томъ, что теперь малое количество злоумышленниковъ держитъ въ страхѣ цѣлый польскій народъ.—Терроризмъ убійцъ нужно непремѣнно искоренить и тогда явится въ Польшѣ консервативная партія, которая будетъ служить подпорою великому князю.—Да поможетъ ему Богъ въ его начинаніяхъ! Дѣло святое и великое. Вообще, я доволенъ Варшавою. Спокойствіе внѣшнее много значитъ, а его достигли.—Въ Варшавѣ въ день моего отъѣзда было 14 градусовъ мороза. Здѣсь я засталъ 10 градусовъ тепла и пишу вамъ при открытомъ окнѣ. Обнимаю васъ тысячу разъ. Вашъ другъ Н. Орловъ.

Пишите въ Брюссель: ѣду туда 3 (15) декабря на всю зиму.

49.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель 27 декабря 1862 г. (8 января 1863 г.).

Благодарю, добрый другъ, за письмо № 23, и желаю вамъ и вашимъ всего лучшаго въ наступившемъ году. Слѣдовало бы побраниться съ вами. За что вы такъ громите нашу литературу. Конечно есть и вредные писатели у насъ, но это есть слѣдствіе тяготѣвшаго столь долго надъ литературою ига. Вспомните секретное предписаніе, вспомните комитетъ Бутурлина, Корфа и Дегая.

Я помню, что хотѣли запретить Лексиконъ, и государь покойный долженъ былъ удерживать ярыхъ преслѣдователей слова и мысли.—А Шихматовъ, а Пушкинъ и т. д. Все это чувствовалось, ощущалось—и послѣдовалъ взрывъ. Но не цензурою, а полемикою можно удержать безпокойные умы. Вотъ почему бы я желалъ, чтобы въ 1863 г. умерла цензура, это гибельное и безполезное орудіе. Обнимаю душевно. Вашъ другъ Н. Орловъ.

50.

Князь Н. Орловъ—А. Д. Комовскому.

Брюссель 18 (30) января 1863 г.

Меня крайне пугаетъ, добрѣйшій другъ Александръ Дмитріевичъ, то, что вы пишете мнѣ о здоровьѣ вашемъ въ письмѣ отъ 11 (23) января.—Ради Бога берегите себя и поѣзжайте непремѣнно въ Киссингенъ. Онъ вамъ навѣрное поможетъ.

Мы здѣсь зимы не видали. Совершенная весна. Кобургская кандидатура надѣлала много хлопотъ; но герцогъ уѣхалъ, и театръ войны (дипломатической) перешелъ въ Лондонъ.

Мы готовимся дать 2 (14) февраля балъ, а на душѣ не до танцевъ. Какъ грустны польскія дѣла! Дай Богъ великому князю силъ вынести трудное и горькое положеніе. Какая несчастная мысль была этотъ наборъ. Онъ не намъ, а врагамъ нашимъ доставилъ рекрутъ. Дай Богъ, чтобы мятежъ былъ укрощенъ скоро и энергически. Полумѣры тутъ только вредятъ. Обнимаю васъ душевно. Вашъ другъ Н. Орловъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1897 г.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. 1817 годъ. Гл I—V. Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.	69—102; 333—356
II.	Мировой судъ въ Подоліи (Изъ записокъ и воспоминаній мироваго судьи). (Окончаніе) Ив. Н. Захарьина (Якунина).	165—188
III.	Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга. Гл. I—III. А. А. Гирса.	291—308; 517—537
IV.	Записки Василія Антоновича Инсарскаго. Часть III. Гл. I—III	561—591
V.	Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской (Рожд. княжны Голицыной). Гл. X—XI.	593—606
VI.	Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка. (Воспоминанія Феликса Яковлевича Лучинскаго)	633—658

Портреты.

I. Портретъ адмирала Егора Ивановича Колтовскаго. Грав. К. Адтъ.
(При 7-ой книгѣ).

II. Портретъ Василія Григорьевича Рубана. Грав. К. Адтъ.
(При 8-ой книгѣ).

III. Портретъ княгини Екатерины Николаевны Голицыной (рожденной Бахметевой). Грав. К. Адтъ.
(При 9-ой книгѣ).

Исторія русской литературы.

1. Стихотвореніе Аполлона Николаевича Марина. 50
2. Видѣнія артиста: I. „Во снѣ". II. „На яву". Стихотворенія. Г Сабинина 254
3. Муравіада. (Сатирическіе стихи на бывшаго нижегородскаго губернатора А. Н. Муравьева. П). Юдина . . . . 539—559
4. Эпиграмма на сочиненіе И. И. Дмбича „О воинской наукѣ" С. Н. Марина. Сообщ. Л. С. М—чъ. 632

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

I. Маркизъ Паулуччи въ погонѣ за тайными обществами въ Остзейскихъ губерніяхъ. . . . . 5—32
II. Герцогъ Ришелье въ Россіи. П. М. Майкова. 33—49
III. Александръ I и Наполеонъ въ Эрфуртѣ. Гл. VI. Сообщ. В. П. Лачиновъ . . . . . 51—68

СТРАН.

IV. Къ біографіи П. А. Полеваго Сообщ. И. Шляпкинъ. . . . . 103—107
V. Рескриптъ Екатерины II князю А. А. Вяземскому о формѣ одежды въ губерніяхъ для чиновниковъ и дворянства.—Объявленіе объ одеждѣ придворныхъ дамъ отъ 24-го октября 1782 г. . . 108
VI. Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры. Гл. II—IV. А. Н. Поповъ. Сообщ. П. Н. Цуриковъ. . . 109—124; 357—373; 607—631
VII. Адмиралъ Егоръ Ивановичъ Колтовской (Краткій біографическій очеркъ). П. Голубовскаго. 125—138
VIII. Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго (Переписка его съ разными лицами). Сообщила княгиня А. А. Голицына-графиня Остерманъ. . . . . 139—163; 417—440; 659—681
IX. Желаніе Сената принести моленіе въ Казанскомъ соборѣ по случаю изгнанія непріятеля изъ Россіи. Сообщ. А. В. Безродный. 164
X. Историческія замѣтки. Г. М. . . . . 189—195
XI. Блюститель нравственности. (Рапортъ Казанскаго губ. прокурора Овцына министру юстиціи отъ 17-го марта 1813 г.). Сообщ. А. В. Безродный. 196
XII. Русскій путешественникъ прошлаго вѣка за границей (Собственноручн. письма А. С. Шишкова 1776 и 1777 гг.). . . . . 197—224
XIII. Княжна Марія Кантемирова. (Окончаніе). Л. Н. Майкова. . . . . 225—253
XIV. Къ исторіи театральной цензуры. (Всеподданнѣйшее письмо Нестора Кукольника въ ноябрѣ 1864 г.), Сообщ. П. К. Работинъ . . . . 255—256
XV. Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII в. Гл. I—III. Сообщ. В. В. . . . . 257—289; 449—479
XVI. Къ біографіи Ѳеодосія, архіепископа Новгородскаго. (Письмо ген. Ушакова—архимандриту Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря отъ 7 марта 1732 г.). Сообщ. Н. П. Успенскій. . . . 290
XVII. Жертва терроризма (Казнь княгини Розаліи Любомирской). Ф. В. Домбровскаго. . . . . 309—332
XVIII. Всеподданнѣйшее поздравленіе императора Александра I княгинею Суворовой-Рымникской отъ

21-го марта 1801 г. и рескриптъ импер. Александра I княгинѣ Суворовой-Рымникской отъ 26-го марта. 374
XIX. Якутскій розыскъ о розни боярскихъ дѣтей и казаковъ. Н. Оглоблина. . . . . 375—392
XX. Василій Григорьевичъ Рубанъ. Б. Л. Модзалевскаго. . . . . 393—415
XXI. Два письма имп. Александра I князю Платону Зубову отъ 24-го дек. 1801 г. и 1 іюля 1802 г. 416
XXII. Еще къ вопросу о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ. Вл. Шенрока и В. Авенаріуса . . . . . 441—448
XXIII. Назначеніе князя А. В. Суворова въ дѣйствующую армію въ 1760 г. Сообщ. А. В. Безродный 480
XXIV. Французы въ Вавшавѣ въ войну 1806—1807 гг. Н. К. Шильдера. . . . . 481—511
XXV. Секретный указъ имп. Елисаветы о пріѣздѣ въ Ригу принцессы Цербской 23 дек. 1743 г. и собственноручный указъ имп. Екатерины II о высылкѣ «шарлатана» Каліостро изъ Россіи отъ 11 авг. 1787 г. Сообщ. А. З. Мышлаевскій. 512
XXVI. Политика на почтовомъ листѣ бумаги. Сообщ. М. А. Веневитиновъ . . . . . 513—516
XXVII. Собственноручное письмо императрицы Екатерины II къ П. П. Чебышеву. Сообщ. Ал. Маркевичъ. и Старинная свадебная запись. Сообщ. Л. С. М—чъ 538
XXVIII. Записка что исхарчено на рекрута 13-го сентября 1770 г. Сообщ. Л. М. Савеловъ. . . 560
XXIX. Запрещеніе азартной карточной игры. Указъ императора Александра I С.-Петербургскому военному губернатору генералъ-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову. 11-го іюля 1801 г. Сообщ. Л. С. М—чъ 592
XXX. Секретное письмо князя Кутузова-Смоленскаго А. М. Римскому-Корсакову отъ 29 марта 1813 г. 682—683

Библіографическій листокъ.

1. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ девяносто восьмой. — Н. И. Кашкадамова. (на оберткѣ іюльской книги).
2. Maisonette du czar Pierre le Grand à Zaandam. Домикъ Петра Великаго въ Заандамѣ. 1697—1896 гг. Г. А. Воробьева (На оберткѣ іюльской книги).
3. Н. Н. Ѳирсовъ. „Русскія торгово-промышленныя компаніи въ 1-ую половину XVIII столѣтія". Очерки изъ исторіи торгово-промышленной политики и соотвѣтствующихъ общественныхъ отношеній. Казань. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ августовской книги).
4. В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибари и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Guide à travers la Sibérie et les territoires en Asie centrale. Томскъ 1897. Н. И. Кашкадамовъ. (На оберткѣ сентябрьской книги).
5. Записки пріамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. I, вып. II.—Матеріалы для изученія шаманства у гольдовъ, П. П. Шимкевича. Подъ редакціею М. Я. Сибирцева. Съ рисунками. Н. И. Кашкадамова (На оберткѣ сентябрьской книги).

Приложеніе.

Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ.—Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны 1745—1748 гг. Сообщилъ Л. В. Евдокимовъ. (при VII и VIII книгахъ) . . . . . 161—192

редникомъ между человѣчествомъ и верховными существами; онъ же – исцѣлитель отъ недуговъ, предсказатель счастья или несчастья, плохаго или хорошаго промысла; отъ его сношенія со всѣми духами, шаманъ призываетъ на помощь добрыхъ духовъ. Послѣ смерти, душа покойника, при помощи шамана, переносится въ „буни“ (загробный міръ), путь къ которому, со всѣми подробностями предстоящаго сопутствованія, извѣстенъ только шаману. Описавъ костюмъ гольдскаго шамана и разсказавъ находящуюся въ тѣсной связи съ описаніемъ костюма легенду о происхожденіи перваго шамана, г. Шимкевичъ рисуетъ картину загробнаго міра; тутъ же авторъ описываетъ путь, по которому душа слѣдуетъ въ „буни“, и препятствія, которыя она претерпѣваетъ на этомъ пути. Интересно описаніе видѣнныхъ авторомъ похоронъ и первыхъ поминокъ у гольдовъ средняго Амура. Умершаго гольда, тотчасъ послѣ смерти, кладутъ на доски подлѣ нары, параллельно имъ и непремѣнно по лѣвую сторону входа. Женщины зачесываютъ умершему волосы и переодѣваютъ въ новое платье, а старое платье и принадлежности обыденной жизни покойнаго кладутъ рядомъ съ нимъ; на лицо кладутъ платки или шкуры, звѣриныя и рыбьи, чтобы предохранить лицо отъ вѣтра; въ эти платки и шкуры завиваютъ разныя вещи, чтобы по нимъ шаманъ могъ розыскать покойнаго и доставить его душу въ загробный міръ („буни“). Жена покойнаго ложится съ трупомъ мужа подъ одно одѣяло; если у покойника жены не было, то рядомъ съ нимъ кладутъ носовую часть оморочки (лодки). Лампада изъ рыбьяго жира горитъ день и ночь, пока покойникъ лежитъ въ фанзѣ. На другой день послѣ смерти покойника дѣлаютъ гробъ (преимущественно изъ кедра); въ гробъ укладываютъ покойника не въ фанзѣ, а выносятъ его, чрезъ окно, на доскахъ, съ которыми и кладутъ покойника въ гробъ; ночью подъ пятки кладутъ простой камень, съ пожеланіями спокойной жизни въ буни; если камень подъ пятки не положенъ, то родные и шаманъ не узнаютъ, куда уйдетъ покойный. Когда гробъ заколотятъ, мужчины на рукахъ несутъ его къ заранѣе приготовленной могилѣ. По дорогѣ къ могилѣ процессія трижды останавливается для отдыха; при чемъ, каждый разъ, въ захваченную съ собою чашку наливаютъ ханшинъ и, угощая покойнаго (выливаютъ напитокъ около гроба), приговариваютъ: „пей, хорошаго тебѣ пути въ буни; пожалуйста не возвращайся обратно; дѣтей съ собой не бери“. Придя къ могилѣ, гробъ ставятъ рядомъ съ ней, разводятъ костеръ и обращаются къ покойному: „мы тебѣ выстроили новый домъ; живи въ немъ хорошо; не бери съ собой жену и дѣтей, если они тебя будутъ навѣщать“. Когда гробъ опустятъ въ могилу и засыпятъ землей, то жена приводитъ любимую собаку покойнаго, убиваетъ ее на могилѣ и подвѣшиваетъ на палкѣ. Когда церемонія эта кончилась,—на могилу втыкаютъ небольшой флагъ и возвращаются въ фанзу умершаго; всѣ моютъ руки и лицо, убираютъ фанзу, зажигаютъ курительный корень и открываютъ амбары; родные покойнаго варятъ мясо, бузу и проч. и угощаютъ присутствующихъ.

Первыя или малыя поминки, на которыхъ обязательны четыре рода печенія, происходятъ черезъ два мѣсяца послѣ похоронъ. Онѣ заключаются въ томъ, что шаманъ, при посредствѣ добрыхъ духовъ, разыскиваетъ душу умершаго, витающую во вселенной, а нашедши душу, кладетъ ее въ фаню [1]), гдѣ душа и остается до большихъ поминокъ, когда шаманъ сопровождаетъ ее въ загробный міръ. На большихъ поминкахъ, которыя происходятъ иногда черезъ нѣсколько лѣтъ, смотря по желанію и матеріальному достатку родныхъ, фаня разрывается и сжигается; разсчеты родныхъ съ покойникомъ считаются оконченными, и вдова, считая себя свободною, выходитъ замужъ. Немаловажный интересъ представляетъ описаніе большихъ поминокъ, на которыхъ автору довелось присутствовать.

Во второй главѣ, состоящей всего изъ пяти страницъ, г. Шимкевичъ описываетъ похоронные обряды у гиляковъ, орочонъ и гольдовъ средняго теченія Уссури.

Третья глава посвящена авторомъ подробному описанію бурхановъ. Бурханы у гольдовъ состоятъ изъ изображеній людей, звѣрей, птицъ, рыбъ и гадовъ; иногда, кромѣ того, дѣлаются амулеты въ видѣ сустава, кисти руки, ступни ноги, сердца и проч. Бурханы изготовляются изъ дерева, металловъ, рыбьихъ шкуръ, бумаги, матерій, травы и болотныхъ кочекъ. Бурханы дѣлятся на семь основныхъ группъ, при чемъ главный бурханъ, аями, участвуетъ въ каждой изъ нихъ. Въ приложеніяхъ помѣщено нѣсколько рисунковъ бурхановъ.

Въ послѣдней, четвертой, главѣ своего труда П. П. Шимкевичъ приводитъ гольдскія сказанія и легенды, связанныя съ бурханами и иными обрядами шаманскаго культа.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе интересной работы г. Шимкевича, которой нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія. Приложенные въ концѣ книги рисунки, изображающіе шамановъ, въ полномъ ихъ одѣяніи, и принадлежности шаманскаго культа, придаютъ еще большую цѣнность труду П. П. Шимкевича. Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Фаня изображаетъ отсутствующаго покойника и дѣлается на другой день послѣ похоронъ. Она состоитъ изъ четырехугольной подушки, положенной на небольшой коврикъ; на подушку кладутъ аккуратно сложенное платье покойнаго, которое покрываютъ платкомъ, а впереди подушки ставится бурханъ аями-фанялко, покровитель умершихъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

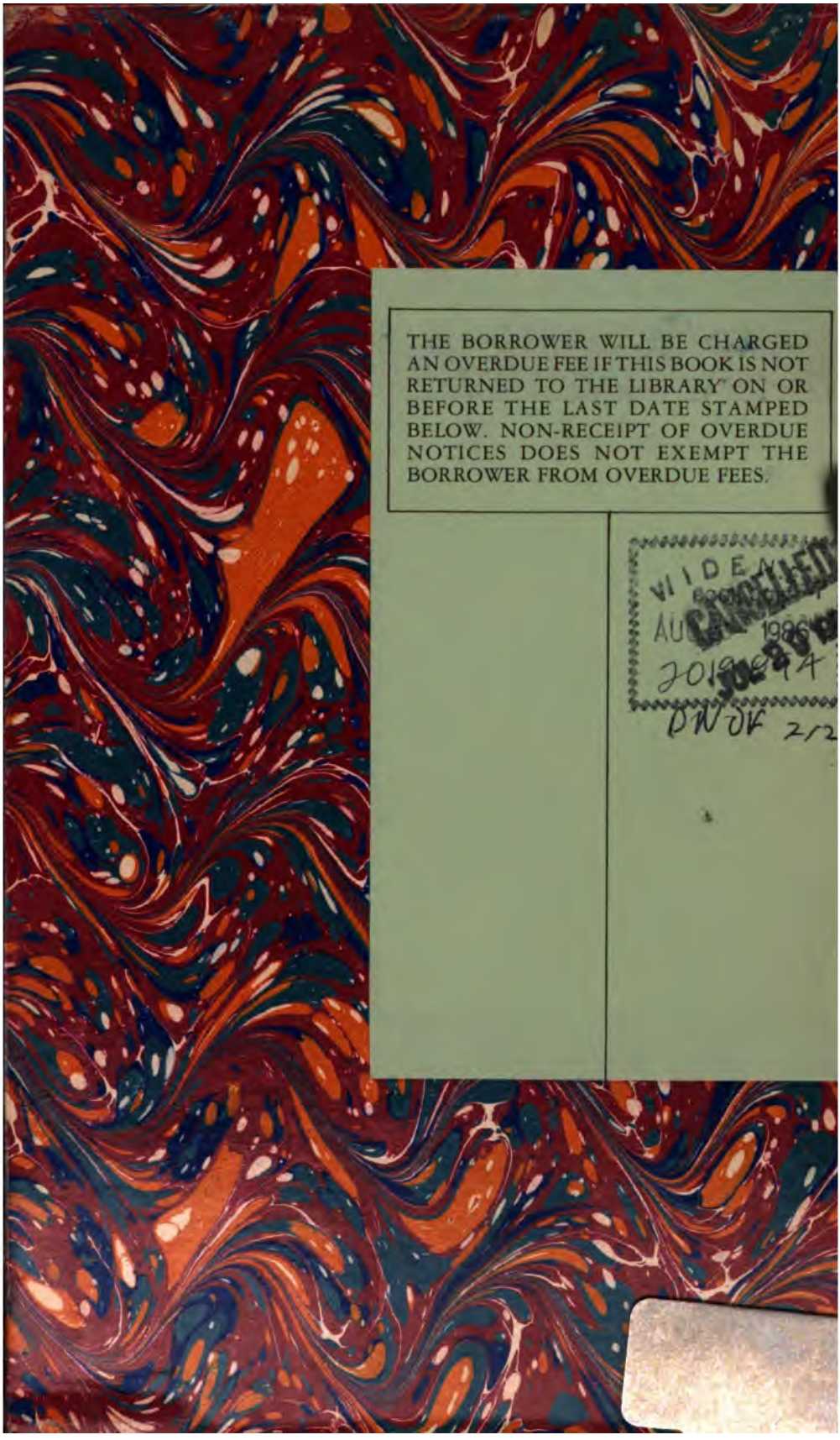
Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1896 по **9** рублей.

Издатель С. Зыковъ. **Редакторъ Н. Дубровинъ.**



THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
CANCELLED
AUG 1986
2019994
DNJK 2/2